Журнал отечественной словесности

«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус и осведомленной о высоком предназначении печатного слова, призванного быть словом правды, добра и любви

№11 издан на меценатский взнос частного лица, пожелавшего остаться неизвестным

Журнал делается на общественных началах и печатается за счет меценатской поддержки в размере типографского счета. Это около 70 тысяч рублей на печать одного номера

Редакция ВЛ выражает глубокую признательность Халову Александру Сергеевичу за то, что он нашел меценатов на выпуск №№4, 5, 7 и 10 ВЛ, но просит его покинуть состав учредителей ВЛ и не мешать выпускать журнал

Журнал «Вологодская литература». Учредители и издатели Николаев А.В., Халов А.С.
Главный редактор Николаев А.В. Редколлегия: Ломковский А.В., Николаев А.В., Толстиков Н.А.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ35-0031 от 1.07.2009, выдано управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области.
Тел. редакции: 931-500-88-44; e-mail: vl_classik@mail.ru; эл. версия ВЛ: www.vollit.narod.ru
Адрес редакции и издателя: 160013, Вологда, ул.Мишкольцская, 11а-19.
Тираж 400 экз. Формат 70х100/16. Цена свободная. Периодичность - 1 раз в полгода.
Подписано в печать 2.12.2011. Выход в свет 20.12.2011
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», Вологда, Челюскинцев, 3. Заказ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Философская проза

Алексей Николаев
ПИР 3 стр.

Художественная проза

Владимир Пенчуков
ПОДРАНОК, роман 12 стр.

Александр Ломковский
ОБНЕСЕННЫЕ БОГОМ, роман. Часть II 128 стр.

Нина Кромина
ПОВЕСТЬ О ЗИНЕ 169 стр.

Александра Мартьянова
АХ, ПОД СОСНОЮ ПОД ЗЕЛЕНОЮ, рассказ 183 стр.

Виктор Зайков
ДУШЕГУБ, рассказ 191 стр.

Психологическая проза

Элина Столова
ЧЕРНОВИК, рассказ 194 стр.

Сатира

Александр Рулёв-Хачатрян
ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ 218 стр.

Юрий Лифшиц
ВЕНОК СОНЕТОВ ИОСИФУ БРОДСКОМУ 238 стр.

Журналистика

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТЕР
Журнал в журнале 240 стр.

Публицистика

Алексей Николаев
УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА
Сказание о пренеприятнейшем происшествии
с касательством до теории и практики журналистики
купно с тезисами к реформе провинциальной прессы,
антитезисами и выстраданными сентенциями 348 стр.

Откуда авторы: Владимир Пенчуков - Харьков, Александр Ломковский - Вологда, Нина Кромина - Москва, Александра Мартьянова - Вологда, Виктор Зайков - Вологда, Элина Столова - Москва, Александр Рулёв-Хачатрян - Череповец, Юрий Лифшиц - Орск, Алексей Николаев - Вологда, авторы Провинциального репортера - Вологда

Алексей НИКОЛАЕВ

ПИР

У ч а с т н и к и

Кравчий
Халявщик
Журналист
Правдолюбец
Фаталист
Психоаналитик
Счастливчик
Юморист
Новый русский
Типичный совок
Мафиози
Мечтатель
Моралист

К р а в ч и й. Господа, выпьем за то, за что действительно стоит выпить. На правах кравчего, объявляю пир открытым.

Х а л я в щ и к. Имеет смысл выпить за халяву, господа. Ведь жизнь — это дар.

К р а в ч и й. А вам не приходит в голову, что она еще и долг?

Х а л я в щ и к. Когда мне впервые пришло это в голову, господин кравчий, тогда-то я и почувствовал себя халявщиком.

Ж у р н а л и с т. Скажите, господин халявщик, халявщиком рождаются или становятся? Быть может, это призвание?

Х а л я в щ и к. Вы, не иначе, журналист?

Ж у р н а л и с т. Как вы догадались?

Х а л я в щ и к. По вопросам. Если уж говорить по существу о существе, известном как человек, надо выявлять сущность человека, не переходя на личности, господин журналист. Это значит, что на примерах отдельных личностей, в частности на примере моей скромной персоны, нужно говорить о человеке вообще — о том, что он такое.

Ж у р н а л и с т. Полноте, господин халявщик, человек вообще — абстракция. Интересна только конкретная личность.

Х а л я в щ и к. Экий интересный. Господин журналист, весь интерес в человеке представляет устройство человека, а конструкция-то у всех у нас одна и та же. Я представляю собой какую-то индивидуальность ровно в той мере, в какой моя личность отражает мою же человеческую сущность, а она такая же моя, как и ваша, только по-разному проявлена: индивидуализирована. Парадоксальным образом, личность уникальна в силу своей универсальности. Личность — это то, что человек представляет собой как человек. По достоинству оценить мою личность — значит оценить меня как человека, и эту оценку должен дать прежде всего я сам.

Ж у р н а л и с т. На мнение окружающих о вас, господин халявщик, вам, стало быть, плевать?

Х а л я в щ и к. Вы, господин журналист, по роду своей, простите, интересной профессии, видимо, много сталкиваетесь с так называемыми уважаемыми людьми, отчего могли возомнить, будто бы оценка окружающих что-нибудь значит в отношении качества чьей бы то ни было личности. Сами-то эти окружающие не должны ли быть личностями, чтобы оценить меня как личность? Не каждый в общей массе тянет на личность, не так ли? Ну, а если не окружающие, то кто же еще, кроме меня самого, оценит меня

как личность и окажет мне подобающее уважение? Самоуважение — вот с чего начинается личность.

Ж у р н а л и с т. Да кто же себя не уважает, господин халявщик?

Х а л я в щ и к. Господин журналист, уважать себя — значит уважать в себе человека: того самого, коего с фонарем искал один грек и коего вы принимаете за абстракцию. Человека-то надобно отыскать, дабы было что уважать. Если я не нашел в себе человека, то и уважать мне в себе нечего, остается только выпендриваться и пускать пыль в глаза. Вот так и получается, господин журналист, что много уважаемых людей — мало людей.

П р а в д о л ю б е ц. Случается так, что сущую истину проповедуешь вдалеке от нее.

Х а л я в щ и к. Вы действительно неравнодушны к истине? Бедный Петрарка! Штука ведь не столько в том, господин правдолюбец, как мы относимся к истине, сколько в том, как она к нам.

П р а в д о л ю б е ц. Уж, конечно, не так, что жизнь — халява.

Х а л я в щ и к. Дело не в халяве, а в халявщиках. Халявы может и не быть, а халявщики всегда в наличии. Халявщик может и не проявиться, если жизнь так сложится, но он все равно халявщик, хотя по нему не скажешь, такой он страдалец. Господин правдолюбец, я просто-напросто толкнул благодарный тост за жизнь как дар. А чего вы, собственно, еще от меня хотите? Разве я что-то вам должен? Только халявщики с чего-то мнят, будто бы кто-то что-то им должен. Вы же не халявщик.

П р а в д о л ю б е ц. Да и вы никакой не халявщик, а чисто юродствуете. Скоморошничаете.

Х а л я в щ и к. Главное, не скоморошничать в правдолюбии и правдоискании. Заметьте, господин правдолюбец, это все тут пока только слова, похожие на правду. Ведь истина — пустой звук без любви к ней, которая проверяется на каком-нибудь костре, как патриотизм — в окопах.

П р а в д о л ю б е ц. Этак надо всякого, говорящего правду, подвергать пытке и смотреть, будет ли он и дальше утверждать то же самое.

Х а л я в щ и к. Как быть? Само слово истина, будучи произнесенным, к чему-то обязывает? Негоже всуе поминать правду, не правда ли? Ну, и что же мы с вами должны делать, дабы попусту не трепать ее доброе имя?

П р а в д о л ю б е ц. Следовать ей. Что же еще?

Х а л я в щ и к. А если у нас нет такой возможности или у нас не хватает такой решимости? Или есть и хватает, но мы не уверены в самой правде-то? Так лучше молчали бы в тряпочку, не так ли?

П р а в д о л ю б е ц. Ну, не знаю.

Х а л я в щ и к. Вот не знаете, а говорите. А можно что-то знать и поэтому молчать. Можно сказать то, что твердо знаешь, а сказав, увидеть, что не знаешь, что говоришь. Можно говорить одно, думать другое, делать третье, а знать только то, что для тебя первое. Можно от неправды жить по правде и можно по правде творить неправду. От любви к правде происходят сомнения в правде, а любить ее можно по-разному: как то, что зачем-нибудь нужно, и как то, без чего нельзя. Обычная ситуация правдолюбца такова: любить-то ты любишь ее, правду, да вот она как бы замужем — не твоя она, и получается Петрарка. А если она твоя, то она одновременно и общая, и любить ее надо как общее достояние. А чтобы полюбиться, правда должна нам понравиться, приглянуться, обратить на себя внимание, что от нас не зависит, это зависит от нее: от того, какая она есть, правда. Она такова, что ее частенько предпочитают выискивать там, где ее заведомо нет, а где же нет ничего похожего? Было бы похоже на правду. Отношения с истиной небезопасны, из-за чего они трансформируются в приспособление к истине. Если она норовит огорчить и ударить — чем на это ответить? Правда глаза колет и печалит дух. Комфортное состояние души — самообман: витание в иллюзиях. А состояние познания — это душевная работа, обязательно мучительная и необязательно спасительная.

К р а в ч и й. Господа, попрошу не брать в голову вольную ремарку господина халявщика к вопросу, что есть истина, иначе нам придется свернуть пир, едва начав.

Ф а т а л и с т. Напрасно беспокоитесь, господин кравчий. Пир не стоит мехов под свое вино, если он не есть нечто, чего не миновать.

К р а в ч и й. Вы рассудили, как заправский фаталист.

Ф а т а л и с т. А перед вами фаталист. Как фаталист рационалистской закваски замечу, что было бы неразумно не выпить за то, что делает неотвратимым ход вещей, а это есть логика вещей, она же сущность вещей, она же истина. Истина, господа, есть квинтэссенция судьбы, ибо составляет тот самый смысл, который человек ищет в жиз-

ни, идя при этом навстречу судьбе.

П с и х о а н а л и т и к. Составлять-то составляет, но определяет жизнь истина в паре с ложью, господа, добавлю как психоаналитик, имея в виду судьбоносность самообманов.

Ф а т а л и с т. Это не так уж фатально, господин психоаналитик. Уж в чем человек свободен, так это лгать или не лгать самому себе, а с тем и кому-то еще, кроме себя.

П с и х о а н а л и т и к. И это говорит фаталист?

Ф а т а л и с т. Больше скажу. Фатум эквивалентен свободе, ибо свобода — это мысль, а мысль фатальна, ибо закономерна. Я мыслю — я свободен.

П с и х о а н а л и т и к. Да где же свободен? Ведь только в голове.

Ф а т а л и с т. И это говорит психоаналитик? Не вы ли внушаете своим пациентам, что они освободятся от душевных заморочек, выразумев, с чего это их заклинило, то бишь познав себя, по дельфийскому рецепту.

П с и х о а н а л и т и к. Именно так, господин фаталист, потому что наши мысли вертятся вокруг наших влечений, что больше напоминает рабство, чем свободу.

П р а в д о л ю б е ц. Если только это низкие влечения, господин психоаналитик, не имеющие ничего общего, к вашему сведению, с истинной природой человека, представленной высокими стремлениями духа, свободного в своих стремлениях и несвободного под ярмом всего того, что порабощает наш свободный дух, будь то внешнее насилие вроде политической тирании и будь то внутреннее насилие вроде порочных страстишек.

С ч а с т л и в ч и к. Господа, я из счастливчиков, которые могут сказать: я свободен. А знаете, почему? Потому, что я дружу с судьбой. Мне везет, как дураку. Это не так, чтоб я сыром в масле катался, без усилий мне ничего не достается, но им до того сопутствует удача, что я стал над этим задумываться и перестал считать, что каждый сам причина своего счастья и несчастья. Я не занимаюсь ничем таким, чего не смог бы любой другой. Я не отличаюсь качествами типа пробивных способностей. Я плохо себе представляю, что такое борьба за жизнь. Серьезные проблемы меня просто раздавят, но они проходят стороной. Прямо чудеса, ведь это же все равно как на улице дождь, а ты сухой без зонтика. Господа, свобода — факт при наличии чувства свободы, а чувство свободы — это ощущение счастья. Я свободен, ибо я счастливчик и хорошо чувствую это. Теперь смотрите, что делает мысль. Во-первых, дело портят шкурные мыслишки, связанные с боязнью, как бы вдруг не переменились счастливые обстоятельства жизни. Страх за свое счастьице подрывает счастье и свободу. То же самое делает стыд, происходящий от моральных мыслей, порождаемых созерцанием чужих несчастий. Стыдно быть счастливым-то, когда кругом несчастные, кусок не лезет в горло в окружении голодных ртов. Чувство свободы перекувыркивается в ощущение несвободы от чувства вины перед обиженными судьбой. Моральные мысли — это прямо эринии какие-то, господа.

П с и х о а н а л и т и к. Подобный комплекс вины формируется у всех порядочных людей.

С ч а с т л и в ч и к. У вас, господин психоаналитик, поди, и сострадание формируется как комплекс.

П с и х о а н а л и т и к. Не комплексуйте, господин счастливчик, это так естественно — сострадать. Не заполняя место, отведенное в душе под альтруистический объект, будь это хоть ваш домашний пес, вы создаете психологический минимум вины.

С ч а с т л и в ч и к. Вот по этой собачьей логике душевных подмен, господин психоаналитик, мы обычно сочувствуем лишь для приличия, потому что стыдно не сочувствовать. Суть-то не меняется, состоящая в безразличии субъекта к субъекту. Что нас не касается, то и не трогает, а что не трогает, то и не касается. В результате душа бегает по кругу жалких психических церемоний, если она не простимулирована чем-то еще, кроме стыдливости с виноватостью.

П с и х о а н а л и т и к. Чем же?

С ч а с т л и в ч и к. Да состраданием, которое либо присутствует в человеке, либо отсутствует.

П с и х о а н а л и т и к. Все, что есть в человеке, есть в каждом человеке. Господин халявщик подтвердит.

С ч а с т л и в ч и к. Конструкция-то одна, да сплошь и рядом недоразвита, извращена и покорежена обстоятельствами жизни, дрянным воспитанием и чепухой, господствующей в людских представлениях о жизни и о самих себе. Да и от рождения имеется множество различий в индивидуальных проявлениях нашей общей человеческой природы. Надо родиться сострадательным, чтобы маяться в классической манере мировой скор-

би. Я бы даже сказал, что сострадание — род призвания. Такова феноменальность сердобольных людей, у них аж в глазах доброта светится. А если ты равнодушный отродясь, то самое искреннее, во что выльется твое сострадание, — это понимающая физиономия и неловкость, да по возможности филантропия в самооправдание. Но оправдываться — последнее дело. По мне, коли уж не сострадается, прямо так и скажи, ну, не во всеуслышание, конечно, а себе самому. Это, по крайней мере, честно. Что вы, господин правдолюбец, надо мною буквально нависли?

П р а в д о л ю б е ц. Честно, говорите? Говорите, оправдываться — последнее дело? Но человек есть нечто, что должно оправдаться. Это первое дело, а не последнее, господин счастливчик, ибо это дело совести. Грош цена бессовестному счастью, это не свобода, а иллюзия свободы: обман чувств и душевная ловушка потребительского толка. Свободен тот, чья совесть чиста. Поэтому все мы только и делаем втихаря, что оправдываемся пред ней или заключаем сделку с ней, уходя от суда. Ты оправдан — ты свободен.

С ч а с т л и в ч и к. Да что вы на меня все набросились. Невезучие, что ли, и завидуете? Я могу и зубы показать. Мое оправдание — я сам, счастливый человек, полноценный член общества, добропорядочный и трудолюбивый. Я один социально полезней целой толпы иных несчастных. Да я само добро в экземпляре. А что до сострадания — природа привносит его в мир, сколько требуется для ее целей, глядя вперед уж подальше какого-то правдолюбца. По-вашему, человек без сострадания — как без оправдания? Приплюсуйте-ка мою истину к своей.

П р а в д о л ю б е ц. С позволения господина кравчего, я ее вычту.

С ч а с т л и в ч и к. Ладно. Вопрос: все ли люди заслуживают сострадания-то? Я спрашиваю: всем ли несчастным, без разбора, должен я сочувствовать или только незаслуженно обиженным судьбой?

П р а в д о л ю б е ц. Да для начала хотя бы этим последним.

С ч а с т л и в ч и к. Значит, сострадать допустимо выборочно: рассудив, кто достоин сострадания, а кто — нет? Те несчастные, которые не заслуживают сострадания, всякие там убийцы с насильниками, пускай горят в геенне огненной? Их скрежет зубовный пусть никого не трогает?

П р а в д о л ю б е ц. Ну, зачем же доводить несчастных до скрежета зубов.

С ч а с т л и в ч и к. Нет, вы мне ответьте без экивоков: следует ли сострадать душегубам?

П р а в д о л ю б е ц. Отвечаю: истинное сострадание слепо, спонтанно и тотально, ибо это есть любовь.

С ч а с т л и в ч и к. Золотые слова, не правда ли, господа? В отличие от фальшивого, попахивающего геенной, истинное сострадание распространяется на все живое, включая убийц с насильниками. Теперь скажите-ка по правде, господин правдолюбец, разве эти несчастные лишены сострадания? Они имеют его в деятельности правозащитных и конфессиональных систем, да в лице всей современной гуманистической цивилизации, весьма милостивой к злодеям, не сажая их на кол. Хорошее государство — это все, что нужно, чтобы никто не был обделен состраданием. Не требуйте от меня сострадания, а требуйте быть хорошим гражданином.

П р а в д о л ю б е ц. Да я от вас ничего не требую. Я просто сомневаюсь, что это честно — не сострадать. Сомневаюсь потому, что не платить по долгам — бесчестно, а человечность есть сострадательность и долг, она обязательна, иначе нечего называться людьми.

С ч а с т л и в ч и к. По-вашему, я должен терять покой и не находить себе места от теленовостей? На третий день я сойду с ума, а вы?

П р а в д о л ю б е ц. Положим, я — тоже, но сказав «а», скажем и «б», чтоб было уж вполне честно. Положим, ваша социальная формула сострадания, по которой оно заключено в самой организации развитого гражданского общества, вполне уместна, но человек, как говорится, больше, чем гражданин. Положим, природа хочет человека, пребывающего с ней в гармонии, а это счастливый человек, но честный ли это человек, если он никак не соотносит свое счастье с несчастьями мира? Положим, наконец, есть заслуженное несчастье и незаслуженное счастье, но это звучит как судебный вердикт и прозвучит справедливо лишь по отношению к себе самому. Заслуженным может быть только собственное несчастье, господа, и только собственное счастье бывает незаслуженным. Справедливость — весьма интимная вещь. Ее не вычислишь, разглядывая с пристрастием чужую душу, не заглянув в свою собственную и не помыслив себя в ближнем и ближнего в себе. Суждение человека о человеке должно начинаться с себя, иначе оно

запрещено и равнозначно пересудам о чьей-то частной жизни. Это чистая сплетня — сказать, будто бы кто-то не заслуживает счастья, а с тем и сострадания. Ты как будто это в замочную скважину подсмотрел, а не подсмотрел бы, так и посочувствовал бы.

Ю м о р и с т. Полно, господа, ломать трагедию, как будто все так уж серьезно и вовсе не смешно. Я напомню о вопиющей бессмыслице бытия, превращающей жизнь в шутку и правду жизни в юмор жизни. Главный каламбур существования заключен в равенстве смысла жизни и абсурда жизни. Шутка сказать, но бессмыслица жизни небессмысленна, ибо нет ничего естественнее желания просто жить, без всякого смысла, убивать время и плыть по течению, в конце концов — послать подальше всю эту трагикомедию. Отшутиться. Юмор жизни в том, что смысл ее не имеет смысла, а бессмыслица имеет. Верх остроумия, не находите, господа? Понимаете ли, что происходит, господа? Искомый лучшими умами человечества смысл жизни, в чем бы он ни состоял, если он вообще есть, — это только полсмысла, и эти полсмысла не имеют смысла, в чем надо разуметь еще полсмысла. Полсмысла плюс полсмысла — получаем полный смысл. Смысл бытия включает в себя тщету жизни на правах своей законной половины. Суета равноценна великим делам, господа. Суета сует — положительная вещь, вещь стоящая, ибо по своей житейской значимости тянет на сущность всех вещей. Жизнь — абсурд с глубоким смыслом. Привет от Экклезиаста, господа! Как вам этот каламбур, господа, одновременно добрый, злой и никакой? Что хорошего в том, что смысл жизни перечеркнут ее бессмыслицей? Но и плохого ничего, даже наоборот, если учесть, что с абсурдизации бытия начинается духовный поиск в бытии. Правдоискание. Богоискание. Ловко придумано, а? Что доброго в трагедии, шутя разыгрываемой жизнью, словно комедия? Но и злого что? Такова жизнь, такие уж у нее шуточки, имеющие свободную транскрипцию, позволяя прочитать их как угодно. Понимай, как знаешь, это твоя проблема — как понять шутку, которую с тобой сыграла жизнь. Жизнь — розыгрыш. Жизнь есть нечто, что надо перехохмить. Человек появляется на свет в результате папиной шутки, понравившейся маме. Лучше всех чувствует себя в жизни тот, кто никогда не теряет чувства юмора, и расстается с ней легче тот, кто смеется в лицо смерти. Свободен тот, кто смеется. Свобода — это шутка, господа, из арсенала юмора жизни, за что и предлагаю выпить, а то бы совсем тоска.

Н о в ы й р у с с к и й. Господин юморист, меня порадовал ваш спич. Вы сказали, прямо как я ощущаю. Жизнь — большая шутница, и надо ей ответить тем же, классно покуролесить и что-нибудь отчебучить. Пусть думают, что ты клоун. Как будто кто-то не клоун в этой клоунаде и не кукла в этом спектакле.

К р а в ч и й. И в какой же роли заявлена ваша кукла?

Н о в ы й р у с с к и й. Я, пардон, из новых русских. Можете показывать на меня пальцем, господа.

К р а в ч и й. Не превращайте пир в фарс и цирк, господин новый русский. И вы, господин юморист, тоже. Обойдемся без эстрадных номеров. Если имеете сказать нечто, за что стоит выпить, — говорите.

Н о в ы й р у с с к и й. Да, господин кравчий, у меня есть тост. Начну с того, господа, что меня весьма веселит напускная и раздражает наивная важность хозяев жизни, к коим сам принадлежу. Преуспевание в жизни — вещь вполне юмористическая. Занимаясь делами, я ловлю себя на мысли, что нет ничего смешней серьезной мины, с какой я ими занимаюсь, как будто смысл жизни в кармане нашел. Поистине, господин юморист, свобода — это юмор и его чувство, эквивалентное чувству свободы, господин счастливчик. И вы, господин фаталист, не соврали, да, свобода — это мысль, типа гори оно все огнем. А вы, господин правдолюбец, и того метче выразились: свободен тот, чья совесть чиста. Я бы это на долларах написал красным по зеленому, кровью мздоимного сердца, да и на рублях тоже. От себя добавлю, что свобода — это щедрость. Да-да, щедрость, господа, что вы так вытаращились. Ибо она вызволяет из рабства у мамоны и поднимает настроение лучше водки и оправдательного заключения. Как-то один типичный совок пожаловался мне, мол, я могу себе позволить широкий жест, а он вот не может, как будто в этом вся его беда. Беда, господа, когда мы не можем позволить себе щедрость. Которая не есть широкий жест. Жизнь заставляет нас раскрывать душу не шире, чем нужно для дела, но каждый из нас, господа, лелеет парадоксальное желание: отдать все, что он имеет, первому встречному. В благотворительных порывах я б иной раз и себя самого отдал, останавливает понимание, что сам-то я никому не нужен, но щедрость — это я, а не мои спонсорские деньги. И так как не от сердца она отрывает свои дары, но к сердцу прикладывает, то щедроты суть обогащение души. Это хороший бизнес. Тост, господа: за обо-

рот капитала души!

К р а в ч и й. Ай да новый русский — совсем не новый русский: широкая, как говорится, душа.

Т и п и ч н ы й с о в о к. К вашему сведению, господин новый русский, здесь присутствуют типичные совки, но кого вы, собственно, называете совками?

Н о в ы й р у с с к и й. Хотите определение совка?

Т и п и ч н ы й с о в о к. Будьте так щедры, одарите таким определением.

Н о в ы й р у с с к и й. Ну, если вы настаиваете. С совками, господа, дело обстоит так. Начнем с совка совка. Совок у совка — поистине совок, но сей физиогномический признак совка способен вводить в заблуждение. Происходит это так: ты надеешься, что это уже не такой уж и совок, а это совок совком, ну типичный, что выясняется по психологическому признаку совка: по совковости. Квинтэссенцию совковости составляет совковая подлость — мать совковой религии, громоздившей совковое счастье на костях убиенных и замученных. Свою жестоковыйную мораль, возведенную прежде в ранг имперского права и состоящую в плебейском толковании добра и зла, совок извиняет своими бесноватыми убеждениями. Совковые убеждения — это самая большая пена, когда-либо пузырившаяся у человеческого рта, и самая большая в мире хохма, но совок задвигал ее на всем серьезе и вовсе не хохмил. Отсюда совковый комплекс, состоящий в том, что совок, однажды почувствовав себя раздетым и выставленным на посмешище в своей подлой срамоте, так и живет с чувством своего открывшегося неприличия, что не следует путать с чувством исторической вины, оно неведомо совку, во всяком случае типичному. По-человечески совок достоин жалости, но сам он жалостлив не по-человечески, а по-товарищески. Резюме: совок должен вымереть, господа.

Т и п и ч н ы й с о в о к. Господа, господин новый русский, очевидно, думает, что попал в точку, — пальцем в небо он попал. Сам он совок, выросший на всем совковом и вскормленный совковым молоком совковой матери.

Н о в ы й р у с с к и й. Что ты сказал, совковая морда?

К р а в ч и й. Господин новый русский, драки не заказано. Я прослежу.

Т и п и ч н ы й с о в о к. Допустим, господа, это совок не состоявшийся, но уж не собирались ли вы, господин новый русский, жить среди совков и не быть совком, только прикидываясь совком, дабы не быть сожранным? Речь идет как-никак о целой жизни. У вас никогда не возникало и не пугало вас ощущение ее бесконечности, при всей ее скоротечности? Все, что вы, господин новый русский, вешаете на соотечественников советской эпохи, не составит труда спроецировать на все народы и континенты, исключая Антарктиду. Да впрочем, и пингвины, если приглядеться, типичные совки. Начать вам следовало с того, что все люди — совки, а закончить тем, что воистину совки. Полноте выпендриваться. Копни на полштыка — желтым-желто: глина божья. Универсальный душевный субстрат. Да ведь, господин халявщик? Пластилин судьбы. С чего вы вдруг взяли, господин новый русский, что вы лучше тех, кому вы пришли на смену под солнцем? Я первый вас поздравлю при встрече на Страшном суде, если вы и впрямь лучше своих же отца и матери, но сами-то вы с чего это взяли? Это надобно еще доказать жизнью и проверить временем, чьи герои приходят и уходят вместе с ним.

М а ф и о з и. Кажется, мой выход.

К р а в ч и й. Как объявить?

М а ф и о з и. Право, не знаю, господин кравчий, такое рафинированное общество — и вдруг мафиози.

К р а в ч и й. Экая невидаль меж интеллектуалами — гангстер. Стало быть, господин мафиози, вы считаете себя героем нашего времени? И на каких же основаниях?

М а ф и о з и. Посудите сами, господин кравчий. Традиционно такой герой сочетает в себе нечто романтическое и демоническое, типическое и экстравагантное. Отличается умом, эгоцентризмом и запустелостью души. Горазд рисково дефилировать по ту сторону добра и зла. В социальном контексте он лишний как тип недужный и опасный. Он манкирует общественной моралью и готов продырявить лоб обидчику, что и ныне, как встарь, отвечает некоторым понятиям чести. Таков классический типаж, расписанный лучшими перьями. Он никого вам не напоминает, господа? Не хватает одного характерного штриха, модифицирующего первообраз.

К р а в ч и й. Что же это за новенький штришок, господин мафиози?

М а ф и о з и. Низкое происхождение, господин кравчий. Поэты, изобразив чайльд-гарольдов людьми из хорошего общества, будто бы постольку лишь и благородных, допустили узурпацию по отношению к претендентам из плебса. Байроническим духом осе-

нен известный душевный склад, который не есть кастово-клановая принадлежность, а сам себе каста и клан — психология, объединяющая души, а не социальные элементы. И почему бы нашему современнику, мятущемуся на хрестоматийный романтический манер, не оказаться вне закона? В окружении подонков, норовящих всадить нож в спину, правила чести соответственно скорректированы. Вы скажете, зачем же водиться с подонками? А это, господа, лечит от онегинской скуки и печоринской тоже. Да и какая вам разница, кто с кем якшается? Вам ведь нужны только гарантии, что я вам не враг и могу быть полезен. Гарантий, господа, никаких, но вы можете меня уличить, если я мухлюю. Смотрите, однако же, чтобы и я не уличил вас в том же. Мы за карточным столом, где наша провокационная современность ехидно мечет карты судеб и где каждый под подозрением в шулерстве.

Ж у р н а л и с т. Нельзя ли поконкретней насчет сплина, господин мафиози? По хрестоматии, герою нашего времени полагается хандрить. Но может быть, его хандра уже носит чистый пенитенциарный характер?

М а ф и о з и. По хрестоматии, господин журналист, романтический сплин возникает в разреженной атмосфере духовных высокогорий, отличающих самосознание героя.

Ж у р н а л и с т. Есть у меня каверзный вопросик, господин мафиози. По-вашему, герой нашего времени наделен от природы этаким байроническим благородством духа, но, в отличие от предтеч, он за обыкновение плебей, выходец из народной гущи. Манифестированная исключительность вашего благородия, господин мафиози, должна быть приведена в соответствие с положением в обществе, не так ли? Какой же это герой, если его пинают? Чтоб выскочить из грязи в князи, надобно продраться к игральному столу, где делаются крупные ставки, и удачно сблефовать: сорвать банк. Стало быть, героя нашего времени делают блеф и случай (расклад). Выходит, это случайный и пустой герой, возникающий из пустышки блефа, как карта ляжет?

М а ф и о з и. Это и есть ваш каверзный вопросик?

Ж у р н а л и с т. Он самый.

М а ф и о з и. Вы передернули, господин журналист. Герой — это герой еще до игры, в которой он выигрывает или проигрывает самого себя. Блеф есть способ самореализации героя. В случае проигрыша герой долженствует просто пропасть. Все или ничего — такова ставка героя, равная цене жизни и мира.

М е ч т а т е л ь. Есть неигральные вещи, господин мафиози. Мир поставлен на карту и разыгрывается, как карта, но он не карта.

М а ф и о з и. Это не имеет никакого значения. В мире нет ничего, включая сам мир, что люди не сделали бы предметом азартной игры. Чтоб оно все провалилось — хоть потоп в случае проигрыша и ядерный апокалипсис. Смысл такой.

М е ч т а т е л ь. Этот-то смысл и должен быть исключен. И будет исключен.

М а ф и о з и. Да вы мечтатель. Всякий выигрыш есть некоторая победа в жизни, а проигрыш — поражение, с чем человеческая душа, сколько-нибудь отчаянная, никогда не смирится, будет вечно подстрекать: пан или пропал. Победа или пропади все пропадом — весь мир. Но что вы так всполошились? Это ведь только в уме придают такой смысл вероятному фиаско.

М е ч т а т е л ь. Как раз в умах мир и черпает качество бардака.

М а ф и о з и. Да ладно. Да что же миру сделается, господин мечтатель, если я мысленно отправлю его в тартарары?

М е ч т а т е л ь. Вот туда-то он засим и катится время от времени. В большой игре мир не в счет: сброшен со счетов. Как же не в счет, возразите вы, он-то и стоит на карте. Стоять-то стоит, но мир не монета, кочующая из кармана в карман. Проигранный, он может и рухнуть, как рухнул дореволюционный русский мир. Поставить мир на карту — значит создать угрозу, что он не достанется никому. Это проделывает тот, для кого мир не имеет никакой ценности, кроме картежной. Следовательно, и на карте-то мир для игрока вовсе не стоит, хотя представляет для него разыгрываемую карту. Это только в уме игрока, но этого достаточно, чтобы мир натурально, а не только в чьем-то умишке, оказался поставленным на карту. Пошла игра, делаются ставки.

М а ф и о з и. Что ж, горе проигравшему. Мир принадлежит герою по праву смелого.

М е ч т а т е л ь. Вы проворачиваете духовную аферу, господин мафиози, вы мухлюете, я поймал вас за руку.

М а ф и о з и. Аргументы, аргументы, господин мечтатель.

М е ч т а т е л ь. Вы будете смеяться, господин мафиози. Мой главный аргумент — мечта.

М а ф и о з и. Чего ж еще ждать от мечтателя. Но я не буду смеяться, ибо я романтик, как всякий игрок, хотя игрок, как не всякий романтик. Открывайте свои козыри, посмотрим, что у вас за мечта.

М е ч т а т е л ь. Мечта о человеке.

М а ф и о з и. О каком там еще человеке?

М е ч т а т е л ь. Да просто о человеке, которым надо просто быть. Что вы так снисходительно улыбаетесь, господин мафиози?

М а ф и о з и. Да ведь вы только мечтаете, господин мечтатель. Вы очарованы человеком, сущим в вашей мечте, а человек, сущий в мире, есть нечто разочаровывающее, будучи испытуемым, и такое вот очарованное, будучи используемым. Человек — это одно из разочарований героя, разочарованного во всем. Все классическое очарование героя — в разочаровании.

М е ч т а т е л ь. Это антигерой и ложный герой. Истинный герой нашего и всякого времени — человек.

М а ф и о з и. Господин мечтатель, человека не существует, он ваша мечта. Существует двуногая тварь. Зловонная биомасса. Потребительская прорва. Зомбированное стадо. Пушечное мясо. Лопоухий муравейник. Амбициозная пыль и похотливый прах.

М е ч т а т е л ь. Э, да вы мизантроп, господин мафиози.

М а ф и о з и. Для этого я слишком равнодушен к сброду, зовущемуся человечеством. Одна видимость людей. Люди только выглядят людьми. Они ненастоящие. Настоящих людей нет — есть субъекты, более или менее похожие на людей. Ваша мечта сводится к проблеме приличий, требующих от людей походить на людей. Человек не хочет быть человеком, предпочитая быть тварью божьей, а не сыном божьим. Для него милей лишь прикинуться человеком, а еще лучше — выдумать себя, создать себе выпендрежный и доходный имидж в чужих глазах и собственных. Посмотрите на этот индюшатник, на это шоу мыльных пузырей. Заметьте, господствующие между людьми критерии оценки друг друга и самооценки, а это успех, доход и статус, никак не связываются ими с тем, что они люди, вот просто люди, которыми надо просто быть, как декларируете вы, господин мечтатель. Да какие же это люди, если сами для себя они лишь приложение к своему положению и кошельку? Людьми они лишь считаются как маленькая формальность, а на деле они в своих же собственных глазах суть нечто, занимающее место под солнцем, экологическую нишу. Без места они сами для себя пустое место, а с местом будто бы люди. С утратой какого-то кресла человек перестает считать себя человеком, ибо человеком-то человек считает не человека, а вид, какой он принимает, и эффект, коего добивается. Заметьте, никто не запрещает людям быть людьми, зато строго-настрого им запрещено быть зверьми, иначе кишки друг дружке выпустят бессмысленно и беспощадно. Что же это за люди, которые, дай им волю, превращаются в зверей? Господа, здесь затрагивалась проблема свободы или мне послышалось? Позвольте полюбопытствовать, а чья это, собственно, проблема? У рабов нет такой проблемы, господа, ибо у рабов нет чести, а свобода — это дело чести. Свободен тот, кто держит на высоте свое достоинство, не роняя его ни перед кем, будь перед тобой хоть Бонапарт, не говоря уж о всякой сволочи, напялившей порфиру не по плечу. За вычетом чести в образе человеческом остается корыстолюбивая и наглая тварь с рабской психологией. Посмотрите, господа, как эти свободные граждане свободной страны лизоблюдствуют перед начальством и норовят держать за челядь нижний чин, преследуя свою шкурную корысть и ничего, кроме корысти. Что же это за человек, господин мечтатель, который не сознает человеческого достоинства ни в себе самом, ни в себе подобных? Человека вашей мечты, господин мечтатель, насилу сыщешь и в мыслях человека, каков он есть.

М е ч т а т е л ь. А сами-то вы кто, господин мафиози? Человек или двуногая тварь с неким собственным понятием чести, на ницшеанский манер? Имеет честь и сознает свое человеческое достоинство тот, кто имеет совесть, а она вещает в каждом из нас совсем не так, как вещаете вы, господин мафиози. Ваша судная тирада чего-то стоила бы, кабы судья там был подсудимым, стоящим перед судом в душе своей вперед прочих обвиняемых. Суд человека над человеком, не эквивалентный суду совести, есть неправый суд и самосуд. Да вы линчеватель, господин мафиози, если только вы не сам Христос, устроивший здесь маскарад. Лишь тот, кто идет на Голгофу, вправе судить человечество.

М о р а л и с т. Правильно, господин мечтатель, надо выводить на чистую воду всех этих обличителей человека, каков он есть, как будто сами они из другого теста и как будто человек обречен быть таким, каков он есть, во веки вечные. Со своей стороны (как, извините, моралист, разгадывающий ребусы из области этики), я имею парадоксальное

замечание в развитие мысли господина мечтателя. Здесь собрались господа интеллигентного вида, но не позволите ли вы мне маленькое кощунство, господа, в отношении прав человека, сей интеллигентской святыни? У человека, господа, пожалуй, нет никаких прав.

К р а в ч и й. А как же, господин моралист, ну, например, мои права кравчего?

М о р а л и с т. Ваши права кравчего, господин кравчий, незыблемы, будьте покойны, точно так же как незыблемы права гражданина, но не человека. У гражданина — права плюс к обязанностям, у человека же — одни обязанности. Так называемые естественные права человека — это же нонсенс, господа. Ну что у нас могут быть за права от природы, господа? Что-то не припомню, чтобы меня спросили, а хочу ли я на свет-то родиться. Без моего ведома и согласия я вброшен в мир и принужден жить, повязанный житейскими необходимостями. Во исполнение всего того, чем я обременен в бытии, я наделен моральными правами и больше никакими, а те заключены в обязанностях, словно в должностной инструкции, имея смысл оправдательной санкции. Душа устроена так, что на все в жизни надобно иметь моральное право, которое содержится в велении долга и дано во исполнение долга, вместе с чем необходимость просто жить преобразована в обязанность жить по совести. Господа, я ничего не имею против гуманистической апологии прав человека де-юре, но зачем же носиться с ними, как с торбой, в которой предметы культа? Роняя человека до уровня священного животного, правовой тотемизм и вытекающий из него правозащитный экстремизм чреваты де-факто закланием тотемато. Гуманизм не измеришь на правовой аршин. Гуманизм есть любовь к человеку, а любовь не знает других прав, кроме права на любовь, двоякого как право любить и быть любимым. Любовь говорит: люби — мораль и право приложатся. Они содержатся в любви. Но что, собственно, значит, господа, любить ближнего, как самого себя? Себя-то подчас и презираешь, и ненавидишь, и в жертву приносишь по требованию любви ради предмета любви, который должен заслуживать любви. При малейшем намеке, что тот ее недостоин, любовь как будто входит в противоречие с самое собою. Нельзя любить ближнего, не воспринимая его пороки как личную обиду. Я спрашиваю, господа, а как это — любить ближнего, как самого себя? На ближнего моего распространяются все те требования, какие я как честный человек предъявляю к себе самому. Душа — зал суда, где совесть — прокурор, выносящий приговор. Возлюбив ближнего, я приемлю его в душу свою и привожу на судилище, где тщетно он будет предъявлять какие-то другие права, кроме моральных, а те предъявляются как оправдание. И не было бы прощения ближнему моему ни в чем том мерзопакостном, что принес он с собой в душу мою, если б я не умел прощать самого себя, делая это из любви к себе. Но любовь к себе — это только начало любви к человеку. Тут прозвучало, что человек должен быть человеком, для чего человек должен найти в себе человека, а я добавлю, что человек должен возлюбить в себе человека. Отсюда и в ближнем я должен возлюбить человека, но не двуногую тварь господина мафиози с ее тварными правами и с ее тварной моралью. Любовь преследует благие цели, но в чем заключается благо ближнего, в коем я должен возлюбить человека, меж тем как тот, может, не хочет человеком-то быть, предпочитая быть двуногой тварью господина мафиози? Откуда я знаю, что будет для него добром и что злом? Дай бог для себя-то их не попутать. Вопрос о добре и зле — самый проклятый вопрос, господа. Все проклятые вопросы завязаны на вопрос о боге: о высшем законодателе, доводящем свою волю до нас голосом совести. Если бога нет, то у человека есть протестное право не согласиться ни с чем, к чему он принужден в бытии, и вообще отвергнуть жизнь, сочтя ее худым даром и кабальным долгом, вмененным обманным путем. Если бога нет, то человек сам себе высший законодатель, и не указчики ему ни совесть, ни уголовный кодекс. Если бога нет, то человек неподсуден, господа, и все позволено, как говорил один персонаж. Аргументы, аргументы, скажет нам господин мафиози, вскарабкавшись на самый верх социальной лестницы и решив сжечь планету в приступе мизантропии. Чем будем крыть, господа? В этой связи извольте тост: аллилуйя, господа!

Немая сцена. Некоторые хотели было что-то сказать в ответ господину моралисту, но по знаку кравчего замерли с открытыми ртами, из которых синхронно вылетело одно недоговоренное слово: «Господи...» Взоры устремлены на кравчего.

К р а в ч и й. Аминь, господа, произнесен высший тост. Объявляю пир закрытым, оставляя пир открытым, ибо остаются открытыми вопросы пира.

Владимир ПЕНЧУКОВ

ПОДРАНОК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Уже давно отгорланили петухи и отмычали коровы. Уже воробьиный гам умолк. Еще немного и... солнце в зените. Полдень.

На улице тихо и пусто. И во дворе - никого. Только рыжий пес в репьях в свалявшейся шерсти спит на своем посту, удобно положив голову на передние лапы, да черная курица лениво купается в пыли у плетня. В закуте спросонья хрюкнула свинья. Хрюкнула, и тут же затихла.

Взвизгнули дверные петли. Дробненький мужичок с трехдневной щетиной на испитом лице, пошатываясь, сошел с крыльца. На нем - заношенная исподняя рубаха, серые хлопчатобумажные штаны с пузырями на коленях и старые галоши на босу ногу. Мужичок потянулся, хрустнув суставами, зевнул и зашагал через двор.

- Трезор! - сердито позвал он, поравнявшись с конурой.

Собака подняла голову и заискивающе оскалилась. Хозяин пнул ее ногой. Собака тихонько взвизгнула и поджала хвост.

- Чтоб ты сдох, - пробурчал хозяин. После чего он громко икнул, отошел прочь и открыл скрипучую дверь перекособоченного сортира.

Собака проводила хозяина испуганным взглядом и, звякнув цепью, шмыгнула в будку. Но не спряталась совсем - выставила наружу обиженную морду. Широко раскрыв беззубую пасть, она зевнула, облизнулась и прикрыла один глаз. Второй - начеку.

Ко двору, мягко поскрипывая рессорами, подкатилась бричка.

- Петро! - донеслось из-за плетня. И еще раз, но уже погромче: - Петро, ты дома?! - через минуту опять: нетерпеливо и с раздражением: - Петро, будь ты неладный, да отзовись хоть! Тебя председатель в контору кличет.

Со двора - ни звука в ответ. Через минуту голос за плетнем разразился добротным, разухабистым матом, потом звонко хлястнул кнут, потом злое «но!» с присвистом, и... рессорный скрип понесся по улице.

- Как же, уважаемый, - послышалось из сортира тихое бурчание. - Спешу и падаю.

Застегивая на ходу ширинку, хозяин вышел из сортира, подкрался к плетню, выглянул на улицу - никого... и повернулся к будке. Собака выползла на брюхе и лизнула носок его галоши.

- Правильно, Трезорка. Еще... - довольно усмехнулся хозяин. Собака лизнула вторую галошу. - Хорошо. Молодец. А ну еще...

Собака, виляя хвостом и повизгивая, начала было пятиться назад, но хозяин цыкнул на нее... и язык еще раз слизнул пыль с галоши. Потом еще и еще... Галоши заблестели.

- То-то. Дело говорят: не бей собаку, так и хозяина укусит... Ну ладно, ладно... Будет тебе, - хозяин еще раз, просто так, от нечего делать пнул ее и опять зыркнул через плетень. Довольный усмехнулся чему-то и вошел в сени. Собака ринулась вслед и, натянув цепь, встала на задние лапы.

Через минуту хозяин вышел на крыльцо и бросил кусок хлеба. Трезор на лету поймал его.

* * *

- Не перестревай меня, Сеня. Не надо, - тихо попросила дородная, простоволосая женщина в цветастом, уже вылинявшем платье. - И без того, почитай, вся улица знает, - стыдливо добавила она и, будто уцепившись за соломинку, торопливо обхватила за плечики сына.

Голопузый крепыш в широченных сатиновых трусах энергично ковыряет пальчиком в носу и совершенно не задумывается, о чем разговаривают его мать и этот здоровенный, рыжий и чуть косоглазый дядька с кнутом за голенищем. Ему не до того: скорей бы мамка ушла, и тогда он сможет, наверное, прокатиться на телеге, и даже сам замахнется кнутом, и вожжи возьмет в свои руки, и сам крикнет - ну, поехали! - и сам причмокнет губами. Скорей бы только мамка оставила их.

- Нюра.

- Нет, Сеня. Люди засмеют.

- Да ну-у их. Выходи вечером за огороды. Я буду ждать, - пробормотал Семен, бестолково разглядывая носки своих растоптанных кирзачей. - Видел твоего возле «Чайной». Уже лыка не вяжет.

- Ох, не надо: дознается Петр - со свету сживет. Чтоб его лихоманка взяла.

- Ты только скажи, Нюр... Я его враз...

Семен схватил пригоршней воздух, будто нюркиного обидчика за горло.

- Нет! Что ты! Господь с тобой, - испугалась Нюрка. - Ох, пойду я - люди смотрят.

Она отвернулась и, взяв сына за руку, пошла. Малыш неохотно, как теленок на поводу, загребая босыми ногами дорожную пыль, покатился следом. «Ну вот,- злится он на мамку, - теперь уже не покатаюсь».

Семен долго и жадно смотрит на ее прыгающие ягодицы прищуренным глазом. Мозгляк, думает он о Петре, - и сам не ам, и другому не дам. Проводив Нюрку взглядом, он достал из кармана вылинявшей гимнастерки пачку «Прибоя», закурил и грузно сел на телегу с бидонами. И почто она так?.. Может, обидел тогда чем?.. Так нет же... не помню... Семен пожал плечами, легонько ударил лошадь кнутом, и телега медленно покатилась по улице. Когда ж это было, дай Бог памяти, продолжал думать он о Нюрке. Кажется, на праздник какой-то. Уже и тепло... и трава по колено... И главное - сама ж. Ну ладно, если б снасильничал или уламывал там... Так нет же, сама... Все сама. А теперь глаза воротит. Одна она такая смурная в Мироновке. Все бабы как бабы, особенно вдовы, только намекни им... А эта... Забыла она тот день, что ли?

Помнит Нюрка тот день - не забыла. Такое и захочешь, так не выгонишь из памяти. Не получится. И не надо. И хорошо, что так все случилось. На то Божья воля - ему одному решать, что грешно, а что праведно.

...выскочила за порог и - сломя голову со двора подальше... Только босые пятки засверкали. И не думала, куда, а ноги сами вынесли к Сейму. И - вдоль берега к дальнему плесу, где молодой березнячок, подстелив травяной ковер под ноги, хороводом русалок выходил из воды. Убежала, чтоб не видеть пьяную рожу Петра, не слышать матюков и позорных обвинений в ее бесплодии. «Будто в бочку бездонную, и хоть бы хны», - орал он на нее.

Уже б давно пора... ну когда же, Господи! - сокрушалась Нюрка, но каждый месяц, точно в срок, будто в насмешку - одни и те же недомогания и бабьи хлопоты. Может, и вправду одна я виновата... он все же, какой-никакой, а мужик... И все на месте... И нет-нет, да вспомнит об этом. И окончательно убедившись в своей вине, Нюрка стала безропотно переносить мужнины оскорбления и побои. Раз уж я пустая, то и честь по мне... Все сносила, но в тот раз, после двухдневных побоев, не вытерпела.

...Утро. Только-только развиднелось. Под боком храпит пьяный муж - не до сна. Нюрка осторожно вылезла из-под одеяла, стянула с себя заспанную сорочку. Оглянулась: Петр спросонок заворочался, замычал, зачмокал губами. Скорее... Торопливо, прямо на голое тело - далеко до сундука за новой сорочкой, да и кто узнает, что там на ней, - надела юбку, кофту, косынку на шею, и босиком шмыгнула за порог. Проснется, догонит, опять рукам волю даст... Вихрем - через двор и огород, и, не чуя под собой ног, - куда глаза глядят. Бежала, пока не упала. Еще роса, еще прохладно, а она обнялась с землей, запустила пальцы в густую траву, будто в кудри суженого, того, кто первый увидел ее белое тело, и - в рев. Господи, защити и помилуй, только и думала она, слизывая с губ соленую печаль.

Проснулась то ли от солнца, уже высоко над верхушками березок, и припекает, и бьет в глаза - во сне перевернулась навзничь и не заметила; то ли от щебета малиновки; то ли от того, что кто-то совсем рядом кашлянул. А как не хотелось просыпаться... разомлела, и хорошо так, легко... И сон... Какой-то чудной сон: кто-то стоит в розовой дымке и играет на дудочке. Самого музыканта не видно, будто и нет его, только чуть-чуть борода проглядывается, а вот дудочка даже сейчас перед глазами. Большая такая дудочка, красивая, розовая... все время хотелось ее потрогать руками. И мелодия из нее лилась, вроде как и громкая и в то же время нежная, приятная. Так бы слушала, слушала... и еще смотрела

бы на нее... И все время хотелось взять ее в рот, и самой, в любой момент, когда захочется, поиграть. Но уже проснулась. Открыла глаза, подняла голову, убрала с губ прилипнувшую прядь волос, присмотрелась - против солнца плохо видно: в десяти шагах стоит крупный мужик в кепке и в кирзовых сапогах. В одной руке - удочка, в другой - низка окуней. Стоит, смотрит на нее и не то улыбается, не то недоумевает. Нюрка - глаза на себя: подол юбки задран так, что видно, где ляжки сходятся. Молоковоз, Сенька-молоковоз, узнала она нелюдимого битюга. Узнала и села, но юбку так и не одернула - не до нее.

Семен что-то пробурчал и шагнул назад. Нюрка медленно поднялась с земли и... свои глаза - в его глаза. Хоть день, да мой, подумала она и шагнула навстречу. Семен - ни с места. Нюрка расстегнула верхнюю пуговицу на кофте. Потом еще одну. Семен зажмурился: что с ней, не падучая ли? Хотел сделать еще шаг назад... и не смог. Открыл глаза: уже все пуговицы расстегнуты и кофта нараспашку. Уже вот они, прямо в глаза - две большие, тяжелые... так бы и схватил руками. Еще ближе: уже кофта упала на траву. Семен - шаг назад. Нюрка - к нему. Уже ее пальцы развязали шнурок на юбке. Уже ее белые-белые, словно молоком вымытые ноги, перешагнули через цветастый сатин... Уже вот она - вся под солнцем.

С ветки сорвалась малиновка и шуганула в сторону. Семен - еще шаг назад. Нюрка - за ним. И не моргает. И ближе, и ближе. Уже видна крохотная, не больше спичечной головки родинка на правой груди, чуть выше розового соска. У Семена вспотели ладони, ягодицы свело судорогой. Удочка и низка окуней упали в траву. А Нюрка все ближе и ближе меленькими шажками, даже не отрывая белых ног от молодой зеленой травы. Уже капельки пота видны на ее шее и на верхней губе. Уже ее горячее дыхание - в лицо Семену. Уже вот он - запах ее тела. Вкусно пахнет, подумал Семен. И уже ему в ухо: хоть день, да мой. Тоже мне, испугался голой бабы, а еще герой, пристыдил себя Семен и скрестил руки на ее горячей спине. И еще раз: хоть день, да мой, выдохнула Нюрка и жадно принялась целовать его в губы, в небритые щеки, в шею. «Ну, что же ты стоишь, как истукан? Ну!» - Нюрка плотнее прижалась к нему сдобным, истомившимся по мужской силе телом, высмыкнула его рубашку, расстегнула ремень, пуговицы на штанах и повалила в траву... густую, высокую и сочную. Семен рухнул на нее, и... будто ночь упала на землю.

Рядом, возле самого берега громко крякнул селезень. Нюрка вскочила, суетливыми движениями надела юбку, кофту, перекинула через плечо белый в синий горошек батистовый платок и побежала, на ходу застегивая пуговицы. Выкурив папиросу, Семен встал, натянул штаны, надел кепку, подобрал удочку, низку окуней (ничего не забыл) и неторопливо пошагал в село.

Один только раз для них пропела малиновка. Лишь раз, и жизнь, словно расхлябанная телега, злым роком пущенная под гору, с грохотом понесла их. И понесла... и понесла. И Нюрка закрыла глаза на свое благополучие - чего уж теперь: сгорела хата, гори сарай. Судьба. Так нет же, накось выкуси, дороже и желаннее майских соловьев был для нее неумолкаемый звонкий голосок нежданного колокольчика. Подставляя сыну налитую грудь, она с трепетом ожидала того щекочущего и нервного шока, когда с первыми каплями молока вбрызнет в крохотное, сморщенное, совсем еще беззащитное тельце свои волю и силу. И малыш хватал розовенькими десенками твердый и щедрый сосок матери... и Нюрка чувствовала, как с молоком вся она, молодая, красивая и сильная, переливается в сына. А Семен - да что тот Семен... не кует, не мелет - жил себе, как и раньше жил, и ничем не забивал себе голову. Он знал и понимал, что именно толкнуло женщину под него, и не особенно рассчитывал еще разок помять ее крутые бока. Он мирился с этим, как мирятся люди с плохой погодой или своей уродливой внешностью. Бог дал, Бог и взял... и каждый раз, встретившись с Нюркой, только громко сопел и глазами раздевал ее догола. Петра он вовсе не замечал, словно того и не было на белом свете. Нет Петра, и все тут. А если и сталкивался нос к носу, думал о нем, как о черве, проникшем в мякоть сочной, спелой груши. И все... ни тебе привета, ни ответа. Казалось бы, дело за небольшим: уж коли глянулись друг дружке, так и сошлись бы, - ну и что с того, что замужем... сплошь и рядом такое - но не тут-то было... вот же Господи! Будто вода и масло в одной посудине, хоть кипяти, хоть взбалтывай, никак не соединить: а что скажут люди!

Сколько уже?.. Много?.. Да столько же, сколько и лет сыночку Ванечке, Нюрка, будто ее в спину кто гонит, каждый раз на второй день Троицы умывается росой с травы в том самом березнячке. Подождет, когда припечет, послушает малиновку, но - ни сна, ни дудочки. Перевернется на спину, и - только яркое солнце в глаза. Не приходит. А она - каждый год... И опять Нюрка изо дня в день, словно хорошо объезженная лошадь входит

в оглобли тяжелого воза, мирится с несладкой участью и влачит свою недолю до следующего раза, надеясь, что хоть теперь - откроет глаза: и вот он, с удочкой и низкой окуней. Даже те самые юбку и кофту надевала. И каждый раз, как тогда, - ничего под низ... и босиком... И опять назад лишь с охапкой травы... Ну, что трава, думала она, разбрасывая ее на полу в комнатах, пытаясь вспомнить запах семенового тела. Значит, не судьба. Любил бы, помнил бы и день и место, догадался бы, что жду его. А может, самой, как тогда?.. если он не мычит, не телится. Ну да, как же, что я - сучка какая, что ли... Пусть другие бегают к нему... Ох, я б им побегала!.. Я б им... Но и на следующий год, чуть только солнце взойдет, она, сбивая росу с травы, несется к молодому березнячку. «Ну, хоть сегодня приди...»

Бабьи пересуды и мужицкие ухмылки уже давно не пробирают Нюрку морозом по коже - пообвыклась: не затыкать же им рот. Хотя иной раз, нет-нет, да и кольнет под ребром. Кольнет - и отпустит, кольнет - и отпустит. «Ну кто ты такой, откуда ты взялся? Горе ты мое. Камень ты у меня на шее».

Хоть с какого края села ни иди, все равно, хочешь, не хочешь, с каждым встретишься - сколько той Мироновки. И свернула бы с дороги, стороной обошла, да куда там!.. ноги сами спешат навстречу, едва вынырнет из-за поворота громыхающая на ухабинах молоковозка. Отзвонил, да и с колокольни, думала она каждый раз, молча проводив глазами Семена. А однажды не выдержала.

- И откуда ты взялся на мою голову, - чуть слышно прошептала Нюрка прямо в лицо Семену и, не чуя под собой ног, побежала.

Не одна пара глаз видела, как неслась по улице, не один язык зачешется. Нюрка знала это. Ну и пусть, думала она, пробегая вдоль изб с любопытными окнами. Пусть, хуже не будет... куда ж еще. Все одно жизни нет. Ишь, вылупились! За собой бы лучше поглядывали. Видела, и не раз, как шастали по ночам к нему. Своего срама так не замечаете, а мне чуть что - хоть удавись? Вскочив в прохладную избу, она стянула с головы батистовую косынку, упала на кровать, застеленную пестрым лоскутовым одеялом, и - в слезы: «На кого ж ты меня кинул, Сереженька, а!.. Ну что мне теперь делать, а, родненький ты мой! - в голос запричитала она, вспомнив своего первого мужа, даже не задумываясь, что Петр может войти и услышать. - Как жил ты буйно, весело, так и ушел. Даже следа не оставил».

На десятый день свадьбы, как раз на выборы, выпив с дружками, Сергей похвастался, что перебежит по льдинам Сейм. Никто не поверил. Тогда он побился об заклад, скинул фуфайку и побежал...

Не каждый престольный и календарный праздник мог сравниться торжеством и весельем с выборами. Гуляли все: и те, кто ходил на избирательный участок в школу, и те, кто еще годами не вышел, - детвора радовалась, что взрослым сегодня не до них. С девяти часов утра счетная комиссия уже принялась за работу - Мироновка отголосовала дружно. Еще чуть свет, отложив домашние хлопоты и даже не позавтракав, народ уже там - на избирательном участке. Каждый боялся оказаться последним, а то как бы ночью не постучали в дверь: уже был такой случай в Мироновке. И отголосовали... и будто гора с плеч. Одетые во все праздничное, мироновцы гуляли напропалую. То тут, то там раздавалось пиликанье простуженных гармошек. На одном краю гармонист старательно перебирал кнопочки «тальянки» и умиленно пел: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» На другом, остервенело растягивая меха, с тоской и лагерной обреченностью кто-то драл глотку: «А я остаюся с тобою, родная моя сторона. Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

...Прыгая с льдины на льдину, Сергей легко добрался до середины реки, остановился, весело махнул рукой, мол, вот я, готовьте поллитровку, и, под задорное улюлюкание собутыльников, поскакал дальше. И перебежал-таки, даже ног не промочив. Назад можно было и по мосту, но удаль так и плескала через край - Сергей спрыгнул с берега. Льдина треснула, разошлась, обнажив холодную черную пасть реки, и вновь сомкнулась. Но уже над головой Сергея. Все, кто стоял на берегу, видели, как он тонул, и только кричали да руками размахивали, а помочь...

Так и не похоронили Сергея Никанорова на кладбище - Сейм забрал его. Пока шел лед, и думать было нечего о поисках, а когда вода открылась, баграми обшарили все кусты и излучины, надеялись: утопленник зацепился за какую-нибудь корягу, но не нашли. Приезжал водолаз из Курска - и тоже впустую: река большая, всю не облазишь.

Нюрка осталась жить в доме покойного мужа. Куда ей деваться? Отец еще до войны пропал. Ночью явились двое с черными пистолетами, вывели на улицу... и только дверца машины хлопнула. Где он? Что с ним?.. Ни слуху, ни духу. И соседи косо поглядывают и не хотят здороваться: ну и что ж, что председатель сельсовета... значит, заслужил... а то ишь, умнее всех казаться хотел... вот и получил свое, умник... у нас зря никого не забирают. И мальчишки в школе «бякают» и языки показывают: «У, вражина!» Неделя прошла - ничего не слышно. Только вьюга за окном свирепствует. Вторая прошла, и опять - ни гугу. Да что же это за дело в конце-то концов! И снова стук в дверь. Но уже осторожный. Мать вздрогнула, сжалась, с надеждой посмотрела на дочь. Стук повторился. «Может, вернулся?.. Разобрались, что не виноват, и отпустили. Да и в чем он может виноватым быть, если от темна до темна на советскую власть спину гнул?» Мать - к двери. Открыла. Крадучись, поглядывая на окна, вошел новый председатель сельсовета и с опаской - на окна. Мать понимающе кивнула головой, метнулась через горницу и плотнее задернула занавески. Только после этого незваный гость прошел в комнату, сел на табурет, положил на стол пачку денег и, тупо глядя себе под ноги, сказал, чтоб не ждали отца. Совсем не ждали. Долго не стал засиживаться, ушел и папиросу не докурил. Тогда маленькая Нюра впервые услышала колючие и страшные слова - «враг народа» и «расстрел». А на следующее утро, уже собираясь в школу, она еще больше испугалась, когда мать сняла со стены портрет вождя, плюнула в усатое лицо, вынула из рамки, разорвала пополам, потом еще пополам - медленно, без истерики, как хорошо знакомую работу выполнила, - и бросила в печь. Такое ли видеть юной пионерке! Подскочила к матери, оттолкнула, сердцем из горла - «не надо, мамочка!» - и, обжигая маленькие ладошки, стала выхватывать уже занявшиеся огнем клочки плотной мелованной бумаги. Мать, и глазом не моргнув, будто ожидала того, схватила дочь за косы и отшвырнула к двери.

- Цыц... я сказала. Убью.

Нюра заплакала. Обхватив ручонками узел пионерского галстука, она душила в себе рыдания и с откровенной злобой смотрела на мать. И та не выдержала: подбежала к дочери, обняла ее, прижала к себе и принялась целовать детскую, еще несмышленую, но очень правильную головку. Нюра вырвалась из материных рук.

- Мама, ну зачем ты так? - давясь слезами, тихо прошептала пионерка. - Как ты могла? Он же не виноват. Он не виноват, - и до крика, до истерики: - Не виноват! Не виноват! Не виноват, ты слышишь! Это же не он нашего папку, это те двое с пистолетами... Если б он знал, он обязательно приехал бы и наказал тех дядек с пистолетами. Он же далеко... откуда ему знать, что они тут делают. А ты...

- Он все знает, - вздохнула мать и поднялась с пола - горе горем, а кто ж по хозяйству будет пораться. Она вытерла фартуком глаза, подобралась и повторила. - Он там все знает.

На следующий день Нюра вставила в рамку новый портрет: вырвала из старого учебника «Родная речь». Убитая горем женщина смирилась с несгибаемым упрямством дочери, а вечером достала из чулана икону, сдула с нее пыль и повесила в угол, под самым потолком. Сразу, как войдешь в горницу - «Святая Троица» перед глазами. С тех пор Нюра уже сама каждое утро перед школой гладила на горячем стекле керосиновой лампы алый пионерский галстук.

Через месяц в доме у них нечего было есть, хоть зубы на полку. Через полгода мать привела нового мужа, чтоб вдовство не мыкать, да и как по хозяйству без мужицких рук. А через год вышла из дома и не вернулась. Совсем не вернулась. Ушла в чем была, в стиранном-перестиранном платье из темно-синего сатина. Другого не было. Новый муж все до копейки относил бабке-шинкарке, торговавшей буряковым самогоном. Зачем ушла?.. куда?.. Как в воду канула. Соседи поговаривали, что видели ее в разное время и в разных местах, но сама она никого не узнавала. Или не хотела того... А может, уже и не могла узнать. А потом - на долгие годы сплошная зима: холодная, голодная, лютая. И вот оно, солнышко: Сергей-Сереженька. Но ненадолго. И обогреть как следует не успел - только показался, и опять его туча скрыла.

Куда теперь Нюрке?.. Знала б, где упасть, соломку подстелила бы. Свою маленькую усадьбу продала, как только они с Сергеем решили пожениться: нужны были деньги на свадьбу. Продала - как ярмо с шеи скинула. Один отчим, будь он трижды проклят, чего стоил. До последней минуты Нюре казалось: каждый закуток, каждая щель ее холодного жилища наполнены им. А сколько страха натерпелась, когда новый председатель сельсовета, которого поставили вместо отца, силой выселял отчима из ее мазанки!.. А потом... Лучше б он не делал этого, перетерпела бы как-нибудь, смирилась, зато сам пред-

седатель, как когда-то отец, не исчез бы из села, и его жена не грозилась бы спалить ее ночью, как дочку врага народа, думая, что именно из-за нее арестовали ее мужа. Дальше - больше, все хуже и хуже: всего боялась. Худенькая четырнадцатилетняя Нюра долго еще просыпалась по ночам от малейшего шороха за окном. Чуть звук какой - и сна как не бывало. Кто там?.. Мама?.. Ну, слава тебе Господи, пришла, наконец... долго же ты пропадала. Нет?.. не мама?.. тогда кто же?.. Те двое с пистолетами, как тогда, но теперь уже за ней пришли?.. или это крадется пьяный отчим, чтоб задушить ее или выгнать на улицу, хочет сам поселиться под ее крышей и спать на ее теплой лежанке?.. И даже после смерти отчима ей казалось: конца и края не будет этому страху. Одна, совсем одна, никому не нужная. Ну, где же он?! Нюра наугад открывала толстую книжку и по одной фразе могла на память пересказать весь роман, почти слово в слово. Эту книгу привез отец из Москвы. Нюра еще не понимала, что такое съезд победителей и зачем он нужен - не до того: холодное и голодное тянулось время, но очень гордилась за отца - он один из всей деревни ездил туда. Провожали его шумно. Много народу собралось в доме - накурено, хоть топор вешай, и на столе все как в праздник: холодец, соления, котлеты и бутылка водки. Отец что-то обещал друзьям, а те его о чем-то предупреждали, от чего-то отговаривали. Вернулся злой и хмурый, как зима на дворе. Но про подарок дочке не забыл. И что за книга!.. Не надо ни конфет, ни пряников. Нюра даже на имя свое не всегда откликалась: грезила, что она - Констанс Бонасье и что рядом с ней на взмыленном скакуне и со шпагой наголо ее д'Артаньян. Но стоило закрыть книгу, и - вот оно, все, что за окном и в доме: пустые закрома, холодная печь и косые взгляды соседей. А потом - война, будь она трижды проклята. И если б не товарищ Сталин, дай Бог ему здоровья, жить бы нам, страшно и подумать, у Гитлера в кабале... не приведи Господь. Как только и выжили, не переставала Нюрка благодарить Бога. И только когда из соседнего района приехали молодые здоровые парни, чтобы помочь колхозу в уборке хлеба, она перестала пугаться темных углов своего жилища. Стыдно признаться, но и мать свою ждать перестала. Каждый день только и думала о ней, а тут... словно кто порчу напустил, взяла да и забыла. Напрочь. И ей уже казалось: вот он, в широченной шляпе с пером и в ботфортах... уже слышен цокот копыт. Тогда она впервые по-настоящему была счастлива. Еще не знала, откуда оно, ее счастье придет, но уже с первыми петухами, как только оторвала голову от подушки, почувствовала: сердце часто-часто застучало, а ноги, будто и не она им хозяйка, сами порываются бежать к правлению колхоза. И совсем не потому, что боялась попасть на Соловки за опоздание на работу... нет, тут что-то другое... В то утро Нюра долго вертелась перед зеркалом - прихорашивалась, будто знала: сейчас откроется дверь, и войдет дерзкий и прекрасный гасконец. И сердце не обмануло: озорной, кудрявый, синеглазый Сережа Никаноров с папиросой в зубах и красным орденом на промасленной гимнастерке штурмом взял порог ее дома. Там и заночевал. А наутро, когда проснулись в одной кровати и улыбнулись друг другу, Нюрка даже удивилась себе: почему он так долго не появлялся. И шепнула на ухо:

- И где ты раньше был? Я так ждала тебя, так ждала... уже много-много лет, ей-богу, а ты где-то там шлялся.

- Ну да, ждала она... так я и поверил, - Сергей подмигнул подбитым глазом. - Вон у меня все плечо покусано и спина щемит. Царапаться-то зачем было.

- Так то ж не я, глупенький, - Нюра улыбнулась. Лукаво и нежно. - То страсть моя тебя измордовала.

- А губа? - Сергей дотронулся до своей распухшей губы. - Ох, и кулак же у тебя... кувалда. Ну как мне теперь с такой губой на улице показаться, а? Срам, да и только. Засмеют ведь мужики. Скажут, в поворот не вписался или по габаритам не прошел.

- И глаз, кажись, немножко заплыл, - хихикнула Нюра.

- Ну вот, еще и глаз, - укоризненно протянул Сергей, - поглаживая под одеялом нюрины живот и бедра. - Может, больным притвориться, а? Бугор покроет. Гришка - мужик что надо. А мы еще поспим, ага? Можешь и второе плечо мне покусать. Я не против.

- А не забоишься? - Нюра весело оскалила свои ровные белые зубки.

- Не забоюсь, - засмеялся Сергей и накрыл ее одеялом.

В первое же утро после свадьбы, когда она счастливая, в одной сорочке и босая, не чувствуя холода земляного пола, проплыла в чулан, чтобы принести «больному» мужу огуречного рассолу, наткнулась на колючие глаза мужниного брата, - Петр лежал на лавке и, затаившись, подглядывал из-под одеяла. Испугалась. Вздрогнула... даже мороз по коже, но... - что, и тебе нравлюсь! - перескочила через страх, как через кустик крапивы.

Да что там деверь, сам черт с рогами не испугал бы ее: за столько лет первая радость. Но неприятный холодок на спине запомнила. А через неделю уже не на шутку стала побаиваться деверя.

- Не обращай внимания, - усмехнулся Сергей, когда она пожаловалась: куда ни повернется, всюду петровы глаза. - Учила басню «Лиса и виноград»? Вот и он так же. Ты, Нюрок, как-нибудь покрути перед ним своим карданом, да так, чтоб из стороны в сторону, чтоб аж дух захватило - вообще зарычит, будто голодный кобель на цепи.

- И девчата ваши не любят меня. Да... я заметила. А одна, такая худущая, как щепка, чахоточная, наверное, так та даже плюнула мне под ноги.

- Ну и пусть себе... Ты ж не сладкий пряник, чтобы нравиться всем. А если кто еще раз плюнет - мне скажи: ноги повыдергиваю, а спички повставляю.

- Все равно будут волком смотреть, потому что ты мне достался, а не им.

- А, ну их всех! Они у нас какие-то тощие, и ухватиться не за что. Видел таких, это когда уже по Европе гнали немца - тьфу!.. И пробовать не хотелось: ни сиськи, ни письки, и жопа с кулак. Не то, что ты... Ух-х!

- Да ну тебя, охальник! - попыталась рассердиться Нюрка, но не успела: Сергей игриво шлепнул ее по ягодице, обнял и крепко прижал к себе.

- Ух, сколько - и все мое. И чего я, дурак, ждал полгода? Надо было еще с осени забрать тебя.

- Отстань. Пусти, вурдалак. Петр может зайти.

- Да что он мне? У нас справка из сельсовета есть.

- А он и на тебя плохо смотрит, да, Сережа. Не так, как на меня...

- Ну, понятно.

- Но все равно недобро. Я заметила.

- Он давно на меня лютует. Ему мамашка до семнадцати лет подстилала клеенку на ночь. Уже парубковать пора, девок щупать, а от него вонь на версту. Наверное, с того и пить начал, шут его знает. Я как-то спер у папашки денег, купил в автолавке пузырек одеколону и отдал ему. Что было!.. Схватил топор в сенях и - за мной. И смех и грех. Пришлось аж на макушку дуба деру давать. А знаешь, Нюрок, этот дуб особенный для меня. Вроде как отец он мне родной. Помню, пришли немцы в Мироновку и в первый же день - в драбодан... Один длинный такой, худущий, как сопля в обмороке, да еще и заблеванный весь, схватил меня за чуб, нагнул к земле и знаками, значит, - ни хрена по-русски, - показывает, чтоб я слизал блевотину с его сапога. А сам, гад ползучий, смеется, аж закатывается. Я вырвался и - наутек. А куда бежать: у него автомат. Пуля хошь кого догонит. Я раз - на дуб... и в самую гущу веток. Он за автомат - и ну пулять. Все патроны истратил - не попал. Метнулся во двор, схватил топор и давай рубить. Помахал, помахал топором и спекся, сломал себе зубы, харя немытая. Я - ни живой, ни мертвый. Все, думаю, хана. Гляжу: эсэсовец сел передохнуть и закимарил. Аж захрапел, сучье отродье. А тут и завечерело. Дождался я темноты, слез осторожненько на землю, а самого лихорадка так и бьет, чуть в штаны себе не напустил: не дай бог проснется, и - огородами, через Сейм - к нашим. Вот так я и попал на войну. На целый год раньше срока.

Нюрка испуганно смотрит на мужа и с ужасом представляет, как немец стрелял по нему.

- Ну, да то ладно, - усмехнулся Сергей, - а вот с Петром хохма вышла. Я тогда от смеху чуть на землю не свалился.

- И не стыдно было охальничать?.. больной ведь.

- Больной-то больной, но уж слишком рано почуял выгоду от своей убогости. Что ни скажут папашка или мамашка - сразу: не могу, упудорюсь ночью. Не помню дня, чтобы воды из колодца принес или дров нарубил. Да он и сейчас в работе не переломится, если там самогонкой не запахнет. Хотя и мастеровитый. Вот же чем Бог не обидел его, так это руками. Не руки - золото. Таких плотников поискать и поискать... не сыщешь. Ладно, шут с ним. Что это мы, в самом деле, все о нем, да о нем, будто заняться больше нечем, - озорно проговорил Сергей и вновь притянул Нюрку к себе. - Ну, и горячая ж ты, хоть пироги на тебе выпекай. Пойдем в светелку.

- А Петр? Чай, день на дворе.

- Мы двери табуреткой подопрем.

- А в окно глянет?

- Пусть подглядывает.

- Пусть, - весело согласилась Нюрка и словно выбежала на большой, залитый солнцем зеленый луг, перестала замечать Петра. И день, и ночь ей были в радость.

«Ну куда я теперь пойду, к кому? Кому я нужна тут, чужая?.. еще дознаются, что дочка врага народа или что мать портрет вождя порвала и спалила... Как только у нее руки поднялись на такое? Ох, мама-мама, ну где ты сейчас... живая ли?.. Хоть бы весточку какую... хоть бы знак какой подала. Весточку... знак... а куда? Да что же я наделала!.. И как только можно свой дом продавать!.. Теперь и самой нигде места нет, везде чужая. Если б еще не пришла сюда, как воровка, куда б ни шло, можно было б попроситься к кому-нибудь месяц-другой переждать, а так... Хоть бы не прогнал до лета, а там завербуюсь, куда глаза глядят, и будь они трижды прокляты, и Мироновка, и Сейм-живоглот... Ага! - всполошилась Нюрка, - а вдруг мать объявится... Ох, дура я, дура, ну зачем было дом продавать?»

Хорошо ли, плохо ли было Нюрке до замужества, но тогда у нее была своя крыша над головой - кому хотела, тому и открывала дверь. А сейчас... Жила, словно батрачка, тихомирно, все ждала - Петр выгонит. И не надеялась на чудо: кто она ему? Пытаясь хоть как-то оправдать себя под крышей покойного мужа, Нюрка с утра до вечера не разгибала спину - взвалила на себя и бабьи, и мужицкие работы. До радости ли тут!.. День прошел, и слава Богу. Даже не попыталась оттолкнуть Петра, когда тот под утро залез к ней под одеяло и, сопя и хихикая, начал больно тискать грудь, живот и щипать волоски на лобке. Стерпела. Не обронила словечка и вечером, когда уже на правах полного хозяина положения он в одних кальсонах вошел в ее комнатушку и молча лег рядом. Вот так-то. А через неделю они узаконили сожительство - не хватило у Нюрки духа отказаться. И теперь, куда б ни шла, что бы ни делала, одно на уме: как была Никанорихой, так и осталась, только теперь не с озорным весельчаком Сережей радоваться днями и ночами, а с его братом-пьяницей безрадостно доживать свои дни.

Нюрка вышла из конторы и, наискосок через колхозную усадьбу - домой: пора готовить ужин Петру. Возле конюшни, как раз на пути - колхозники: стоят и о чем-то толкуют. Нет уж, подумала Нюрка, не буду вам глаза мозолить, и свернула с дороги. Но за конюшней остановилась. Прислушалась: о чем они там, уж не мои ли кости опять перемывают... и не обрыдло им...

- Не успела вдовьи слезы вытереть, а уже под другого мужика подлезла. Ничего себе, штучка в Мироновке завелась! То Манюня всем подряд открывала свои створки, теперь эта... Все у нас не слава Богу...

«Кто это?» - не угадала Нюрка глухой голос: еще никого не знает в сережиной деревне. Все они для нее чужие.

- Во-во... все они, бабы, такие... Передок их подводит. Глаз да глаз за ними нужен. А может, и себе попробовать?.. А... Чем черт не шутит. Я бы не против. Она баба ядреная, так бы и укусил пару раз на коровьем реву. А что, надо пособить сердешной, раз не может без мужика. Все равно Петра ей мало будет. Тому дунь в задницу - голова отвалится. Только с виду что мужик, теоретически.

- Вот-вот: теоретически - конь, а фактически - не тянет. А Нюрка только дай да дай...

- Она и дает всем, кому ни попадя...

- Ты, японский бог, на нее не очень-то, - пробурчал Гришка Кудинов. - Посмотри на нее...

Нюрка осторожно, в полглаза выглянула из-за угла. И улыбнулась: спасибо тебе, Гриша... хороший ты... Сережа знал, кого «дружкой» на свадьбу брать... спасибо тебе на добром слове.

- А что на нее смотреть, - вспыхнула жена председателя, худая и длинная, как жердь, баба... Нюрка торопливо спряталась: не приведи господь, заметят. - Вчера встретились, как раз после дождичка... тьфу, срамота!.. мокрое платье облепило ее и спереди, и сзади, грудя насквозь просвечиваются, а ей хоть бы хны. Даже не поздоровалась. Идет себе спокойненько, будто и не она третьего месяца овдовела. Стыдоба-то какая! Э-эх... Бесстыжих глаз и чад неймет.

- Да будет вам, Егоровна. Который день за ней поглядываю: ходит, как в воду опущенная... света белого не видит. Разве до того ей, кто встретился, просто баба или председательская жена.

- Что-то уж больно досужий ты стал, Гришка! - Егоровна прищурила глаза. - Смотри, как бы не пожалел. Во всех газетах только и пишут: религия - опиум для народа, а ты вздумал заступаться за нее.

- Тьфу ты, японский бог!.. Я ей про Фому, а она мне про Ерему. Да при чем тут это?

- Как при чем? - не сдавалась Егоровна. - Мало того, что за три месяца под двумя мужиками успела побывать, так еще и колхоз опозорила на весь район. Это ж надо придумать - у попа расписаться.

- У попа не расписываются, а венчаются, - усмехнулся Гришка.

- Ну, венчаются... какая разница, - согласилась Егоровна, но тут же позеленела от злости и, не в силах справиться с собой, закричала: - Венчаются!.. расписываются!.. Кто ты такой, чтобы учить меня!.. Еще и насмехаешься... Сам дурак. Ну, погоди, ты еще попляшешь у меня.

Григорий махнул рукой и отошел в сторонку. Он знал, за что Егоровна невзлюбила Нюрку с первого дня, как только та появилась в Мироновке. Половину мироновских девок пропустил Сергей через свой сеновал, такой уж он был, а вот Егоровну и близко не подпустил к себе, как та ни напрашивалась. С бутылкой приходила... и на бутылку не позарился. И не только Егоровна, все девки невзлюбили тогда Нюрку, а парни - руками ни-ни: побаивались Сережку Никанорова, за тем не заржавеет и по зубам кому надо съездить... а глазами, ну, тут уж каждый давал себе волю, да так, что аж штаны на мотне пузырились.

Мироновка - прямая и длинная-предлинная улица. По одну ее сторону: избы с палисадниками, огороды, луг с копанями и редкими кустиками ивняка, за лугом - река Сейм, и опять луг, луг, луг... насколько глаз хватает. И по другую сторону улицы: палисадники, избы, огороды и поле. Огромное поле, обхватившее Мироновку с трех сторон и по краям вплотную подступающее к Сейму. И еще проулки. Проулки, будто зубья на огромном гребешке. Проулки без официальных названий. Чей двор крайний, именем того хозяина или другой какой-либо его особенностью и назван проулок. Манюнин проулок - крайняя изба Манюни, неутомимой сплетницы, Кривой проулок - хозяин крайней усадьбы хромой инвалид еще с гражданской войны, Школьный - на краю школа семилетка. И еще есть слепые проулки: окна в домах этих улочек всегда черные, даже в ясную погоду. Когда ни глянешь на них, все черные. И всегда с выбитыми или вынутыми стеклами. Одним словом: слепые окна в слепых домах, в слепых переулках. Это совсем нежилые проулки: усадьбы брошены, в садах и огородах хозяйничает бурьян, во дворах - крапива в человеческий рост, соломенные крыши почернели, прогнили, кирпичные трубы пообсыпались, пообвалились, о побелке и вспоминать не стоит, глина облупилась и стены смотрят на жизнь голыми бревнами, в косую клетку схваченными клинцовкой. А сами хозяева этих «памятников» административно-территориальных реорганизаций по укреплению районов где-то далеко, в электрифицированных райцентрах, а то и дальше, в городах с трамваями и магазинами.

Хиреет Мироновка, на глазах хиреет. А со стороны поля, если стать спиной к Сейму, в лопухах и чертополохе, уже и домов-то как таковых нет. Так, еле-еле угадываются следы - по бревнышку растащили мироновцы осиротевшие жилища себе на дрова. Это уже вехи последствий тотальной индустриализации. О хозяевах этих домов-призраков и вовсе забыли. Церковь и та не устояла под напором социалистической реорганизации - только фундамент и остался. Безо всякого там атеистического просветительства благочестивые мироновцы по кирпичику разобрали Божий храм на строительство своих сараев, хлевов и погребов. Пусть Господь простит им это. Но и разум вселит - в «чайной» с водкой можно забыться от будней тяжких, но не очиститься. Уже давно никто не приезжает на житье в Мироновку. Ныне здравствующие мироновцы не помнят такого на своем веку, наоборот: все из нее, да из нее... бегут, как от какой-то нечисти или проказы. И теперь деревня Мироновка и не деревня вовсе. И даже не хутор. Так, недоразумение, медвежий угол. А если точнее - лишь придаток к соседнему, еще уцелевшему селу, у которого и название другое, и люди другие. Как же... у них и станция под боком... у них и милиция, и промтоварный магазин, и парикмахерская, и даже клуб с кинозалом. А что Мироновка - полторы сотни домов, силосная яма, пожарная каланча без пожарников, хлебный ларек без хлеба, «чайная», где можно выпить без закуски, да еще огромный дуб в огороде у Никаноровых... Вот и вся Мироновка. Даже почтового отделения нет. Всю почту отвозит и привозит Сенька-молоковоз. И начальства у мироновцев всего-ничего: председатель колхоза, да еще партийный секретарь. Секретарь партии даже поначальственнее будет. А если кому понадобится власть повыше или пожаловаться на кого в милицию, тому надо затратить ни много, ни мало полдня. Вот и чешут затылки мироновцы - сбивать обувку по дороге туда и обратно или перетерпеть, смириться, забыть - в оба конца двадцать километров. А если снег по колено, грязь, распутица, жара нещадная... а если дома дел не-

впроворот - без особой нужды и не ходили. А по мелочам что понадобится - Сенька доставит из сельмага или в автолавке можно купить.

Каждую первую и третью субботу месяца к правлению колхоза подъезжает «полуторка» с железным фургоном, и водитель-продавец выставляет товар, залежавшийся на прилавках районных магазинов. В Мироновке все купят. В Мироновке люди простые, без претензий.

Петр равнодушно выслушал нюркину блажь: у попа обвенчаться.

- Как хочешь, уважаемая. Мне без разницы, - он зевнул и отвернулся к стенке. - Только сама иди к председателю за подводой. Пешком не пойду: десять верст - не ближний свет.

И Нюрка пошла. Повязала платок, напустив козырьком тонкий батист на лоб, собрала в комочек остатки сил и воли и спозаранку, еще по росе, окольными путями-огородами и задворками - к председателю. Не должен отказать-отвернуться, понадеялась она на Шелехова. Упаду в ноги, расскажу все как есть, поймет. Тройку с бубенцами дал, когда с Сережей в сельсовете расписывались, даст и кобылку с повозкой. Он мужик умный, может понять чужое горе. Да и Петр в Мироновке - не обсевок в поле, почитай, первый плотник. Господи, только бы в конторе помене народу колготилось. Вечно там мужики тыняются без дела, да папиросы смалят во всю губу - попривыкали лодыря гонять; да оглашенные огородницы глотку дерут за трудодни - сколько ни начислят, все думают, что охмуряет их счетовод. Скоро и сами себе верить перестанут. Во, собрались! И чего вылупились?.. Интересно?.. Ну, смотрите, слушайте - радуйтесь.

Шелихов не стал вникать, почему она надумала у попа, а не в сельсовете, как все нормальные люди, - значит так надо, решил он. И даже от «спасибо» отмахнулся: ну, что мы, не люди вовсе... Надо тебе?.. бери - едь.

Вечером Петр и Нюрка вернулись домой. Оба глядели в разные стороны. Петр в белой рубахе и новой черной паре, словно удалой молодец, болтал ногами и вольготно покоился на боку рессорного председательского тарантаса. Он правил конем и старательно горланил «Хазбулат удалой» - с попом выпил, да еще заскочил по пути в сельмаг, прихватил чекушку в дорогу. Нюрка, в том же платье, в котором выходила замуж за Сергея (другого не было), поджав под себя ноги, сиротливо устроилась на задку. Сидела понуро: стыдно было встречаться с насмешливыми глазами мироновских молодух. Стыдно было и вспоминать, как за пять целковых и пол-литра самогонки, даже не спросив, согласна ли стать женой Петра, красноносый поп в мятой, затасканной рясе с жирными пятнами решил ее судьбу без свидетелей и паспортов... и сразу.

В церкви Нюрке не понравилось: как-то уж очень неуютно - темно и сыро. Хоть бы петли смазали, думала она, вздрагивая каждый раз, когда во время проповеди раздавался противный металлический визг дверей. А батюшка и вовсе плохим показался: поминутно икал и сильно вздрагивал при этом. Наверное, объелся чем-то или петрова самогонка стала ему поперек горла.

Теперь ни головы не поднять, ни засмеяться во весь рот. Будто помылась в кишащей пиявками и лягушачьей икрой копанке, а потом по бедности напялила заношенную, пропотевшую, давно не стиранную сорочку - вышла замуж называется. Вляпалась: и теперь ни радости ей, ни бодрости ей, ни свежести ей... Только и считается, что выкупалась - тьфу! - даже сама себе противна.

С мужем - нужа, без мужа - и того хуже, а вдовой да сиротой - хоть волком вой, насильно успокаивала себя Нюрка и скоро свыклась с хилым «аппетитом» Петра. «Обойдусь и без этой радости. Хватит. Напробовалась с Сережей, и ладно: не все ж хорошо да хорошо». А по ночам, дождавшись, когда Петр уснет, она, немного поплакав в подушку, тихо вздыхала и отворачивалась к краю, на другой бок: не могла и не хотела дышать сивушным перегаром, который со свистом вырывался из открытого рта храпящего мужа. Свыклась, заставила себя свыкнуться, но... И грабли раз в год стреляют. «Скоро и сама забуду, что баба я», - уже в полудреме самой себе жаловалась Нюрка.

2

Просыпаясь ни свет, ни заря, Ванька продирал грязными кулачонками глаза - Нюрке не хватало ни рук, ни времени выкупать или хотя бы умыть сына - и, перевернувшись на животик, сползал с лежанки. Протопав босыми ножками по земляному полу, он выбегал во двор, за сарай: в малиннике - его персональный нужничок. Сильно прогнувшись вперед, он пускал фонтанчик, стараясь попасть на сонную муху или гусеницу, и глядь... по

сторонам - никого?.. Ну, и слава богу. Оросив листву, он натягивал сатиновые трусы, укрывавшие его замурзанное тельце от колен почти до подмышек и, зябко поеживаясь от утренней прохлады, убегал с огорода. Так начинался ванькин день.

...Сделав свое дело, он с опаской оглядывался - не схватить бы подзатыльник от скорой руки Петра, - подходил к собачьей конуре, поиграться с облезлой, трусливой дворнягой, и, не заглядывая в дом, крадучись нырял в погреб, где стояли кринки с холодным вершковым молоком. Нюрка знала его повадку и всегда подкладывала ломоть пшеничного хлеба, щедро намазанный вареньем из черной или мичуринской смородины. Здесь тоже, как и в малиннике, он оборачивался - не стоит ли в дверном проеме Петр?.. Никого... и, став на колени, припадал к кувшину. Напившись от пуза, Ванька выползал из погреба и направлялся к кадушке с водой. Зажмурившись, он совал в бочку голову, фыркал, пускал пузыри и только после этого забегал в дом.

И там Ванька не задерживался: надевал сатиновые шаровары, кепку-восьмиклинку, через кепку - фланелевую рубашку, совал за пазуху хлеб, кусок сала с чесноком, яйцо - все, что попадет под руку, - и выкатывался за порог. За все утро ни слова, ни полслова, будто один в доме. Лишь иногда подходил к матери, хлопотавшей у плиты, дергал ее за подол и, как бы между прочим, сообщал: «Я пошел». «Иди, иди, родненький, - улыбаясь, тихо шептала Нюрка: не дай бог разбудить Петра, и шлепала сына по попке. - Обедать-то хоть явишься?» Подражая Петру, кривоногий бутуз хмурил белые, едва заметные брови-ниточки и отмахивался: «Не твоя забота».

Целыми днями Нюрка пропадала в колхозе на прополке свеклы, на посадке капусты, а когда поспеет что - на уборке. Куда пошлют, там и работает: какая разница - где, все равно трудодни пустые. День в день, от темна до темна: нельзя без работы. Сына не брала с собой: боялась косых взглядов и насмешек огородниц, а когда Ваньки нет рядом, они будто забывали о ее позоре. Ничего, пусть побегает, хватит на помочах водить его, - наконец успокоилась Нюрка, хотя первые дни места себе не находила: как он там один? На речку, кажись, не ходит, там Шурка Кудинов с мальчишками целыми днями озорует. Нет моего с ними, и не надо... и хорошо, что так, а то горя не оберешься. Пусть сам бегает, пусть. Не пропадет. Сколько той Мироновки! Если что - найду: не на лугу, так у кузни или на таборе возле тракторов. Проголодается - домой явится. Уже большой, скоро в школу - сам найдет, что съесть. Скорей бы только уже, Господи. В школе оно лучшей будет ему: подальше от петровых рук. Совсем осатанел уже, почем зря лупцует и лупцует. Вконец замордовал... ни пропасти на него, ни погибели. Вот только как с мальчишками моему? А там их, почитай, со всей Мироновки... все в куче. Не гуляется ему с ними, вот беда - все сам да сам... Дурачку и с самим собой весело, вспомнила она ехидную усмешку Манюни, когда похвасталась, что Ванька уже самостоятельный, никто ему не нужен. И горько вздохнула. Ох, горе мне, горе!.. Даже с соседской девочкой Валей Стародубцевой, и то не водится. Хорошая девочка. А скромница!.. как есть - ангелочек: мухи не тронет. Сидит себе тихонько-смирненько возле двора на солнышке или в тенечке под тыном и веночки из цветков плетет, или калачики собирает, или поймает «божью коровку», посадит на ладошку и поет: божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают конфетки... Так нет же, и с ней ни в какую. Может, потому, что девочка?.. Мальчишку бы ему какого, чтоб потоварищевался. Сколько их по улице носится, а для моего - хоть бы один какой.

Запуганный дебошами Петра, Ванька сторонился людей: как бы не получить подзатыльник или пинок под зад. Но пуще всего он боялся детей, своих однолеток. Еще не сознавая что к чему, они жадно ловили каждое слово о Ваньке Никанорове, запоминали и строили в своем воображении какие-то необъяснимые, но обязательно забавные фантазии. Особенно на «бабьи сельсоветы» настраивали ушки-ловушки. И не только прислушивались - подмечали, с какими ухмылками те говорили о Нюрке, о Петре и о рыжем косоглазом великане дядьке Семене. О Семене женщины говорили как-то особенно, даже с каким-то непонятным для ребят блеском в глазах. И это больше всего сбивало их с толку. «Ванька, а, Ванька, ты какого тятьку больше любишь: Петра или Семена? - гурьбой наваливались сорванцы на Ваньку. - Ванька, ты кто: Семенович или Петрович?.. А какой папка тебя больше любит: Сенька или Петька? Или они через день тебя любят?»

Не зная, что ответить, Ванька вырывался из плотного кольца обидчиков и спешил прочь. Детское чутье подсказывало: за насмешками кроется какая-то страшная, обидная и позорная истина, но какая?.. понять не мог.

А однажды: весь в слезах Ванька прибежал к матери и прямо с порога (у Нюрки даже

губы затряслись) спросил, кто его отец: худущий, с синим носом злюка Петр или огромный, как белый медведь на картинке, дядька Семен... и если дядька Семен ему тоже отец, то почему не живет с ними, а в отдельной хате.

- Не слушай их, родненький. Дураки они, вот и мелют что попало. Ну их к бесу. И к дядьке Семену не подходи.

- А я и так не подхожу, - размазывая по щекам слезы и сопли, всхлипнул Ванька. - И к ребятам... Они сами пристают ко мне. И дядя Семен сам подходит и дает пряников и конфет. Только они невкусные, мам, к ним табак прилип.

- А ты не бери.

- Да-а... - не согласился Ванька. - Папка же не дает мне пряников и конфетов. Он плохой. Он даже не дает мне с Трезоркой поиграться.

Нюрка погладила сына по соломенной головке и тяжело вздохнула.

- Горюшко ты мое.

- И никакое я не горюшко. Я - Ванька. Иван. А когда ты будешь давать мне конфетов и пряников?

«Купила бы, сыночек, самых что ни на есть дорогих, но... А ну как Петр дознается! Беда. Такой гвалт подымет!.. хоть святых выноси. Да и не шибко-то разгонишься с покупками на пустой трудодень. Вон, за прошлую зиму по семь копеек на «палочку» вышло... и как только концы с концами сводить?» Помимо работы в колхозе, Нюрка нанималась еще и по дворам: кому огород прополет, кому избу побелит... водилась все же копейка в ее руках. Было за что. Но...

- И зачем тебе это надо? - удивилась как-то Марьяна, соседка по двору. - Вот хомут, вот дуга, я те больше не слуга. За работой света белого не видишь, а все коту под хвост: все тому шалоброду на пропой отдашь. И впрямь: медведь пляшет - цыган деньги берет.

- Пусть пьет. Упехтается - не так больно дерется.

- Ох, ох, страшнее кошки зверя нет.

- ...да и спит потом подолгу. А то и вовсе домой не заявится. Пусть пьет.

- Э-эх, дура ты дура! Да я бы такого: на одну ногу наступила, за другую дернула... и квакнуть бы не успел. Я б ему показала, как шалыхвостить! Посмотри на себя: гладкая, статная, с лица хоть воду пей. И не шалаболка какая... Шла бы лучше к Семену жить.

- Как же пойду?.. Люди засмеют... и белый свет не мил станет.

- Тю!.. и впрямь дура. На кажин роток не накинешь платок.

- Да и в церкви мы с тем аспидом венчаны.

- Ты что же, в Бога веруешь?!

Нюрка пожала плечами.

- А ты?

- Да на кой он мне.

- Брешешь.

- Вот те крест, - перекрестилась Марьяна. - Ты бы зашла к нему вечером, будто за солью или письмо в район передать, или еще за чем-нибудь, а там, глядишь, и поладили бы.

Нюрка подозрительно покосилась на Марьяну: чего это она вдруг запереживала за них? Ей-то какая радость с того, пойду я к нему или не пойду? И уже хотела было ответить грубостью, но стушевалась, виновато опустила глаза.

- Нет, не стану я, как сучка, бегать по дворам. Из-за него, почитай, все вдовы перегрызлись: на каждую успел, кобелина, слазить. Куда уж мне теперь. Да и Ванечке седьмой годок пошел - соображает уже. Как-то обидела его ни за что, ни про что... уже, почитай, два года тому, а теперь... Может, он и забыл, да я себе места не нахожу.

Слушая их разговор, Ванька не понимал, за что эта злая тетка обзывает мамку дурой и почему с мамкиного лица можно воду пить... и как это? Непонятно и почему мамка не хочет пойти к дядьке Семену. Может, он зовет ее, чтобы передать гостинцев: банку разноцветных леденцов или кулек маслянистой халвы. Хитренькая, надул он губы, тебе хорошо, ты большая, тебе не надо конфет.

Ванька родился здоровенным бутузом - четыре семьсот. Такого в Мироновке не помнят.

- Знай наших, уважаемые! - похвалялся Петр. - Я ежли захочу, еще двоих таких же придумаю.

Мужики слушали и пожимали плечами.

- Вот чертов заморыш! Худущий, будто с креста снятый, а ишь какого богатыря при-

думал. И как он смог?

- И впрямь, корявое дерево в корень растет.

- Может, Нюрке ветром занесло?

- Так уж и ветром, - не соглашались мироновские бабы: для них главный показатель - свершившийся факт.

- Мал золотник, а дорог, - посмеивались они над своими мужьями. - Плохо запрягал, зато как проехался, а! Вишь, сияет теперь, будто новая копейка. И ветер тут ни при чем.

Пока мироновцы судили да рядили, Петр, еще больше вызывая их недоумение, отчебучивал одно коленце за другим. Вот вам... что, схватили, подавились?.. то-то, уважаемые, еще не то будет... И его словно подменили: перекрыл избу свежим очеретом, поставил новый плетень, а старый - худой и перекособоченный - порубил на растопку, перебрал доски на крыльце - выбросил гнилые. На будущий год сварганю тесовый забор. А потом и новый пятистенок в три окна по улице... Бревнышки так уложу, что зимой будет тепло, а летом прохладно. Знаю, уважаемые, такой секрет. Сто лет простоит. Еще и мы с Нюрой похозяйничаем, и Ванюшке нашему на всю жизнь хватит... и внучатам не придется думать о новой избе. Вот увидите. Год прошел, а новая изба, как обещал Петр, не появилась - духу не хватило. Но лиха беда начало, а там... Едва сошел снег, к их завалюшке подкатила машина с прицепом, доверху нагруженная ровными длинными лесинами, а еще через неделю - подвода с досками.

- На шалевки-то зачем тратился? Никак пол удумал стелить! - удивились мужики, привыкшие топтаться по земляному полу. Летом, начиная с Троицы, женщины покрывали его свежей травой, отчего в комнате стоял приятный луговой запах, а осенью и зимой мазали глиной.

- А вы как думали! - занесся Петр. - Нюра моя и зимой будет ходить босиком по хате. И кобеля нового на рыскалку посажу. Такого «полкана», что и курица чужая через двор не прошмыгнет. А этого кабыздоха со двора сгоню. Все равно никакого толку с него. И заживем мы с Нюрой, как в городе, тепло и чисто.

- Смотри, как бы она потом тебя коленом под зад не наладила.

- Не посмеет. Я и новую избу на одного себя запишу.

- Ушлый ты мужик, Петро, себя не обкромсаешь. Когда-нибудь осточертеют ей твои выбрыки, и поминай как звали. Диву даюсь, чего до сих пор не ушла.

- Поздно, уважаемые, тю-тю. Теперь куда ей с короедом на руках. Теперь по гроб ее место возле меня. Да и зачем ей уходить - живи да радуйся. Вот только отстроиться побыстрей бы.

- На входины хоть позовешь, а?

- Бог подаст, уважаемые. Все вы на дурыку пить и жрать горазды.

- Ну и жмот же ты.

- Помогли бы лучше лес отшкурить.

- Мы что... мы зараз.

- Даже струги прихватим свои.

- Как не помочь, свои ж люди. Может, и нам от тебя что понадобится.

- Петь, заглянул бы вечерком. По стопке фабричной хлобыстнем, покурим, покалякаем, а заодно и поможешь на сарай дверную коробку поставить. Что-то у меня не получается, а тебе, я думаю, раз плюнуть, - попросил его Григорий Кудинов и сунул в рот папиросу.

- Не получается? - усмехнулся Петр. - И не получится. Уметь надо, уважаемый. Думаешь, тяп-ляп и готово? Держи карман шире... Ладно, загляну. А водку сам выпей. Я тебе, уважаемый, без магарыча коробку поставлю. И двери помогу навесить.

- Ну, так я буду ждать, - Григорий достал спички, тряхнул коробком и прикурил.

- Жди, жди, уважаемый. Только в другой раз не смали кабана в сарае. Нечего государство дурить.

- Да не смалил я, ей-богу. Чего ты, в самом-то деле. Сдал я свою шкуру. Все чин-чинарем, у кого хошь спроси. А сарай от окурка занялся. Кто-то шел мимо, кинул окурок в застреху, и готово дело.

Петр хитренько подмигнул.

- От свиньи - да, а с борова? Заныкал? - и погрозил пальцем. - Что-то частенько в Мироновке падают окурки на крыши сараев... Да не трясись ты, как овечий хвост, не заявлю. Это я так, пошутил только. Мне-то что, хоть совсем не сдавай свои шкуры. Да я и не знаю ничего.

- А чего ж болтаешь.

- Ох, ох, с тобой и пошутковать уже нельзя.

- Будто не знаешь, как может обернуться такая шутка. Ну, да ладно... Ты вот что, Петро, надо будет - шумни. Мы рук не пожалеем: поможем сруб поставить.

- Э, нет, уважаемые, без сопливых... Потом пои и корми вас. Ну, разве что матицы поднять-уложить... Приходите. А остальное - сам: по бревнышку... на блочках... Раз! - и готово. И Нюра поможет. Она у меня баба ядреная. Мы с ней такие хоромы выстроим, все вы, - Петр ткнул пальцем в мужиков, - от зависти обделаетесь. За неделю бабы штаны не поотстируют. Хе-хе-хе.

- Смотри, «уважаемый», как бы твои подштаники не пришлось в речке полоскать.

- Ладно, ладно... Некогда мне с вами тары-бары растабаривать. Надо в сельмаг поспеть - корыта цинковые завезли.

- Еще и крышу под железо захотел?!

- А что. За версту будет видна моя хата.

Мужики в изумлении покачали головами.

- Надолго ли?

- Что надолго?

- Прыти хватит.

- А это, уважаемые, не вашего ума дело.

Петр надвинул кепку на лоб, перебросил через плетень последнюю доску, стеганул хворостиной лошадь, гикнул-свистнул и отъехал от кучки мужиков, собравшихся потолковать о том о сем, а если повезет, то и сообразить по стаканчику тайком от жен. Дела делами, а и про душу не следует забывать. В жизни оно всякое бывает, рассуждали они. Вон Нюрка... маялась-маялась со своим, а тот вишь, какие кренделя отчебучивает.

На Нюрку и впрямь любо-дорого смотреть. А чего ей тужить-горевать. Петр не пьет, с утра до вечера в делах, каждую копейку с шабашки - в дом. И Ванька рос, как на дрожжах... И сама она - барыня, да и только. Муженек покуда и воду из колодца не дает ей носить - сам с вечера натаскает целую бочку. Нюрка только выйдет на крылечко, зачерпнет ковшиком водички и опять в сенцы скроется. И если б не одна пустяковина, которую ну никак не утаить от всевидящего соседского ока, завидовать не перезавидовать нюркиному счастью мироновским бабам. Хоть из кожи лезь - не поможет. Ишь, что надумала: чтоб тебе, да слаще нашего!.. дулю тебе с маком!.. и сыта она, и одета, и ухожена... и в будни - праздник. Еще мало ей?.. Гляди ты, как губу-то она раскатала!.. Ну, погоди ж, не все коту масленица... Не слепые - видим... Знаем, где собака зарыта.

- Ой, бабоньки, что-то тут неладно, - первая огласила свою догадку раздосужая вековуха Манюня, председатель «бабьего сельсовета».

- А чего тут ладнять, - охотно подхватила чернявая толстушка Евдокия, соседка Никаноровых. И она усмотрела нюркины вздохи. И даже раньше других: через дорогу живут, их окна день и ночь наблюдают друг за дружкой. - На миру - что на пиру, всего хватает.

На лавочке, возле палисадника манюниной хатки, на солнцепеке, разомлев от жары, сидят и судачат сама Манюня, ее закадычная товарка Евдокия Стародубцева и маленькая, тихая с целомудренным миловидным личиком женщина Лиза Општейн, известная в Мироновке тем, что после отхода немцев из села, в срок, ни у кого не вызывающий сомнений, родила симпатичного ребеночка, девочку Люсю. Манюня и Евдокия без устали точат лясы. И жара им не помеха. Лиза в разговор не встревает: сидит - молчит. Все трое самоотверженно грызут семечки. У каждой на коленях лежит по кругляку подсолнечника. Женщины лихо, даже не приноравливаясь, будто только этим и занимались всю жизнь, забрасывают бубинки в рот и, раскусив, с шумом, подальше от себя, выплевывают скорлупки. Сидят давно: много шелухи возле них, и подсолнухи больше чем наполовину пустые.

- И куда только «уважаемый» глядел? - удивилась Манюня и выплюнула подсолнечную скорлупу.

- Куда ж еще! В бутылку, - хохотнула, колыхнув своим тучным телом Евдокия, и бросила семечку в рот.

- Почаще бы заглядывал Нюрке за пазуху, там есть на что поглядеть, - позавидовала Манюня. - Да будь я мужиком, кажин день топтала бы такую бабу.

- Сдается мне, Господи, прости мою душу грешную, - перекрестилась Евдокия, - он не знает, что у нее под юбкой, а не то что за пазухой.

- Ох, бабоньки, чует мое сердце беду. Мужнин грех за порогом остается, а жена все в дом несет.

- А ить верно, шила в мешке не утаишь.

- Тише, бабы, - зашептала молчаливая Лиза.

Незаметно, будто подкрался, подошел Петр. Женщины за разговором не углядели его появление - как из-под земли вырос: стоит и ухмыляется во весь рот. И держит за руку Ваньку, одетого в чистые сатиновые шаровары и клетчатую фабричную рубашку. Рубашку Петр сам купил в районе, куда ездил за проводом-гуппером. На току, возле кузницы, наладили мощный дизель, а по селу уже начали вкапывать столбы и натягивать провода. Скоро мироновцы попрячут в чулан керосиновые лампы, каганцы и свечи. Петр тоже не хотел отставать от соседей, но в старый дом не собирался проводить электричество, решил: пока и так обойдемся, уже недолго. Зато для нового купил все: и провод, и выключатели, и розетки, и даже люстру трехрожковую. И какую люстру!.. получше, чем в кабинете партийного секретаря колхоза. Вот так-то...

Петр поздоровался с женщинами.

- Здравствуй, здравствуй, «уважаемый», - дружно ответили те.

- Все кудахчете?

- А что нам. Поговорим, поговорим, да и разойдемся.

- Ну-ну, опять чьи-то кости перебираете.

- Да что ты, Петя.

- Пришел бы наличнички мне поправить, - попросила Манюня. - Обещался ить. А я для тебя половинку припасла. Чистая!.. как слеза. Посидели бы, да по чарочке... а то б и еще чего надумали бы...

- Что, уважаемая, соскучилась? Снова засвербило? - Петр хитренько ухмыльнулся. - Мало тебя, кошку драную, хайдокали...

Чем отличается девка от бабы, Манюня узнала еще в тринадцать лет, когда гостила у тетки в соседнем селе, в Коренево. Сочная, ядреная, рано овдовевшая тетка каждый праздник зазывала к себе племянницу: пусть отдохнет от слепой и глухой мамаши. И не уследила тетка за племянницей: Манюня тоже втихаря хватанула стакан самогонки: как же, все пьют и радуются, а я... Ей всегда хотелось все попробовать. Как-то давно, когда еще совсем девчушкой была, Манюня увидела, как петух похлопал крыльями и, слетев с плетня, махнул через дорогу - захотела так же. Залезла на крышу сарая, чтобы дальше пролететь и... больно упала и разбила себе нос. Но от привычки все пропускать через себя не отказалась - такая уж она уродилась, хоть кол у нее на голове теши.

Когда и как она очутилась на печи, Манюня не помнит. Наверное, тетка ее туда спровадила. А когда очнулась-протрезвела и осторожно выглянула из-за ширмы - глядь: гостей - никого, а тетка голая, только крестик на шее болтается, стоит над тазиком и обмывается теплой водой из чайника. Манюня - глаза в кучу: как тут оторваться от теткиных титек!.. Пошарила у себя за пазухой... там ничего, только прыщики чуть обозначились. Вымыв живот и тяжелые груди, тетка присела и куском мыла начала медленно натирать себя между ног. Намылила - встала: черные волоски, будто мочалка, покрылись мыльной пеной. Манюня заметила, что купание тетке в охотку: и глаза под лоб, и язык... будто конфетку, облизывает губы. Манюня дальше глазами по комнате - в светелке видно, лампа вовсю горит: на кровати лежит и курит мужик. И тоже голый.

Что было потом!.. Мужик своими волосатыми руками схватил тетку за титьки, помял немного, посопел, подмял ее под себя и давай дергаться вверх-вниз, вверх-вниз, будто хотел раздавить ее, а та лишь хихикает и постанывает от удовольствия. Наблюдая за их возней, - сверху, с печи хорошо видно, как на ладони, - Манюня вдруг почувствовала, как у нее сначала что-то сжалось внизу живота, а потом по всему телу расползлось приятное тепло. Манюня перевернулась на спину, прикрыла глаза, и ей вдруг захотелось мурлыкнуть. А когда вновь выглянула из-за ширмы: тетка, раскинув руки и ноги, лежит навзничь, а голый мужик стоит возле стола и наливает в стопку мутную самогонку. Манюня так и зашарила своими глазенками по голому телу мужика, а когда тот поднял голову, и глаза их встретились... и будто кто кого переглядит, Манюне уже самой, как только что это делала тетка, хотелось хихикать и стонать от удовольствия. Мужик испугался ее еще детских глаз, суетливо выпил, задул лампу и лег в кровать.

Как Манюня оказалась голая, она не помнит, - такого насмотрелась! Не помнит и как начала ласкать себя: сначала соски на грудках-прыщиках, потом живот, потом рука все ниже и ниже, пока не добралась до реденьких шелковистых волосков на лобке. Изнывая от приятной истомы, Манюня довела себя до того, что сильно надавила пальчиком и... будто что-то проткнула: сначала больно, а потом ничего, и чем глубже детский пальчик, тем приятнее дрожь внизу живота и в ягодицах. Да так приятно, что - раз! - и с печки... и на четвереньках - к теткиной кровати... и осторожно - руку под одеяло, и... вот оно, то,

что так хотелось потрогать. И только взяла в ладошку то, что видела мягким и маленьким, как вдруг оно стало большим и твердым, и словно живым - начало вздрагивать.

Тетка во сне что-то пробурчала, зачмокала губами и повернулась к стенке. Манюня от страха отдернула было руку, но... попалась! Мужик скатился с кровати, зажал ей рот ладонью и своими коленями раздвинул ей ноги. Манюня с любопытством - а что дальше будет? - впустила его в себя, и будто шаровая молния лопнула в голове. А когда мужик слез с нее, то ей даже и мало показалось.

С той ночи Манюня будто с цепи сорвалась - понравилось. Попробовав неопытных, еще не обросших пухом кореневских сверстников, она плюнула на них и взялась за парней постарше, а потом и за женатых мужиков. Тетка диву давалась: что это племянница зачастила в гости?.. А умничка!.. и в хате подметет, и в магазин сбегает... А та, выследив кого-нибудь в укромном месте, задирала подол и... аж пыль столбом. Вскоре молва о лоханке-разбойнице густым туманом расползлась по всей округе, и тетка показала племяннице на порог: чтоб ноги твоей тут не было. Ну, и не надо, ничуть не расстроилась Манюня и взялась за мироновских мужиков. А те и рады такой отдушине от повседневных забот и унылого однообразия. Бабы схватились, да поздно - редко какой мужик не побывал в лопухах с маленькой шалуньей. Поодиночке, пряча свой позор, бабы задавали своим мужьям выволочку, но, сообразив, что не только мужики виноваты, сплотились в своем горе и, поймав проказницу в бурьяне на «горячем», враз отбили у нее охоту юбками трепать: скрутили, завязали подол на голове и... ну отводить душу выступками: вот тебе, сука! Били, пока из сил не выбились, но с умом, метили в живот и промеж ног. Вечером опять наведались в заросли бурьяна, испугались - жива ли? - но той уже и след простыл. Под утро, дома, у нее случился выкидыш. А когда отлежалась, зализала ушибы, очухалась и снова появилась на улице, ее словно бабки отшептали: на мироновских мужиков и глаз не поднимала. Ну, а кто чужой появится в селе... Все, будь то командировочный фининспектор, инструктор райкома партии, заезжий милиционер или еще кто другой... бабоньки, это уже не вашего ума дело. А сезонные работники с торфоразработок даже по двое сразу ночевали в ее завалюшке. Благо, что матка ничего не видит и не слышит. А уж мастерица была!.. рассказывали мужики наперебой и взахлеб: и спереди, и сзади, и сверху, и снизу.

И соседские бабы смирились: куда от нее денешься, своя, мироновская... да и наших мужиков оставила в покое. А скоро и жалеть начали: мы тоже хороши, будто озверели, дитя ведь еще совсем, а мы ее чуть до смерти не забили. Теперь и родить, поди, не сможет. Выкидыш...

- Тю!.. вспомнила баба, как девкой была, - ничуть не смутилась Манюня.

- Ну и ненасытный же вы народ, бабы. Чуть рот открыл, зазевался - сразу подол кверху. Пороть да пороть вас надо. Хе-хе-хе... Ну ладно, ладно, это я так, пошутил только. Приду. Я тебе за так наличники сработаю.

- Вот спасибо тебе.

- Жди. Не сегодня - завтра загляну.

- А ко мне зайдешь? - робко обмолвилась Лиза и опустила глаза. - Дверь совсем не притуляется. Щели. Зимой снег в сенцы задувает. Люсенька в прошлом году из простуды не вылазила. Дует в двери.

- Не надо было их перед немецким офицерьем распахивать. Ладно, ладно, чего ты скуксилась... это я так. Приду, - весело пообещал Петр и пошагал дальше.

И на скамеечке опять: шу-шу-шу...

- Чей бы бычок ни прыгал, а телятко наше, - усмехнулась Манюня, проводив взглядом Петра и Ваньку. - Вон и малец с таким же раздвоенным подбородком, как у Семена. Ей-богу, - и Манюня перекрестилась.

- И тоже, как у того: один глаз на Кавказ, а другой на Север - оба на одну колодку.

А Ванька - ему и горя мало, что там про него болтают злые языки - с криком и гиком носился по улице, загребая пыль босыми ногами, и щурился, будто соринка попала ему в глаза. Жил и радовался и счастливый «папаша», как радуется человек хорошей погоде после долгого ненастья: молодая ядреная жена, здоровый розовощекий бутуз, в доме покой и уют, - что еще надо хозяину. Но когда тайна появления «сыночка» на белый свет открылась и ему - косматое шушуканье сделало свое «доброе дело», - благополучие в никаноровом дворе словно корова языком слизала: было - и нет. И уже на следующее лето к их дому одна за другой подъехали две подводы. Сначала забрали цинковые корыта для крыши, потом и обрезные доски на пол. Недолго залежался и лес: к осени бревна

погрузили на машину с прицепом и увезли.

Петр пустился во все тяжкие. И Мироновка успокоилась: почудил народ - и будет... каждый сверчок знай свой шесток. Вот только за одно стервецу руки поотбивать бы: както под вечер кинулись мироновцы - глядь! - а в огороде его двора уже нет высоченного дуба. Один он такой был на всю Мироновку: вымахал на приволье. Еще издали, когда ни крыш домов, ни пожарной каланчи не видно, верхушка дуба укажет путь к деревне. Теперь нет его. Жалко, да что поделаешь: воля хозяина. Глаза он ему мозолил, что ли? А утихомирившись, мироновцы даже диву дались - как еще простоял до сих пор. Ни у кого не поднялась рука сторговать его, хотя Петр и предлагал не раз, так на тебе! - заявился какой-то пришлый и, даже глазом не моргнув, за четверть самогона прибрал к рукам себе на подвалину. И что тому Петру, недоумевали соседи, у него и без того выпивки хоть залейся: ни в каком дворе не откажут - как же, лучший плотник в селе, в любой момент может понадобиться.

Отлютовал февраль - крутой и вьюжный. И - март: туманный, солнечный... и уже ледоходом запахло. С крыш - капель, по Мироновке - ручьи вовсю. И уже грачи, будто черные комочки теплой грязи, облепили голые ветки деревьев. И парок поднимается с соломенных крыш домов. Оттепель. Но еще не совсем весна: будут и морозы пыжиться, будут и метели загонять людей в воротники и шарфы, так что только глаза наружу. Да куда им!.. Детвора, вот уж кого не обманут метаморфозы природы, радостно встречает грядущее потепление веселыми конопушками на вздернутых носах и впалых щеках.

Ванька, мокрый по уши и радостный - соскучился по теплу, - вбежал в дом. Сегодня, он это точно знает, мамка напечет ему пирогов. Сегодня у него день рождения. Нюрка стоит перед зеркалом и тихонько всхлипывает. Ванька дернул ее за подол.

- Мамка, чего ты... тебя папка побил?

Пьяный в стельку, в подмоченных на мотне штанах Петр валяется в углу на лавке. Под лавкой - широкое мокрое пятно и еще лужа густой блевотины.

- Тише, сынок, товарищ Сталин умер, - Нюрка притянула сына к себе. - Как же мы теперь будем жить без него?!

- Вот этот дядька с усами, да? - Ванька высвободился из материных рук и показал пальчиком на газетный портрет, вставленный в нижний угол рамки зеркала. - Так он же чужой нам, не плачь.

- Цыц, антихрист! - Нюрка больно стукнула его по затылку. - Смотри на улице не ляпни такое, а то... Он не чужой нам, запомни. Он всех врагов народа извел. Он войну победил. Поплачь и ты, сынок. Он роднее всех нам, запомни. Он, как отец нам, как Бог. Поплачь, сынок, - и Нюрка погладила сына по головке.

- Не буду, - Ванька отстранился от матери. - Ну его.

Нюрка схватила сына за шею.

- Ах ты, нехристь!.. Я тебе покажу - ну его. Я тебе... - она нагнула Ваньку и трижды изо всей силы, раз за разом ударила его по маленькой попке. - Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Я тебе дам - ну его! Я тебе... А ну в угол...

Разъяренная женщина метнулась в чулан, схватила сито с гречкой, содрала с перепуганного сына штанишки и взашей толкнула его в угол.

- Постоишь - узнаешь: чужой он нам или нет.

- Мам, - захныкал Ванька. - Я больше не буду.

Гречка больно въелась в мокрые детские коленки.

- Стой. Нет тебе пощады.

- Ну, мам, я на двор сильно хочу - уписяюсь.

- Я тебе покажу - чужой! - не унималась Нюрка. Она прерывисто дышала и беспомощно озиралась по сторонам, пытаясь придумать, как бы еще покарать сына. - Я тебе покажу - на двор! Теперь стой и терпи... уписяется он!.. Ишь, что придумал - ну его!

А с застрех уже радостно звенит капель. Скоро придет настоящая весна. Надо только потерпеть, переждать. Уже совсем скоро. Уже вот-вот.

3

Ванька облизал ложку и нахмурил брови.

- Хреновая у меня жизнь, мамка, - совсем не по-детски сказал он и сполз с табуретки: миска пустая - за столом больше нечего делать.

- Да ты что, сыночек! - перепугалась Нюрка. - Ты где взял это слово? Забудь. Оно поганое. Тебе осенью в школу. Учительница в класс не пустит, если еще раз скажешь такое.

- Ну, и не надо. Я сам не хочу туда, - Ванька выковырнул из носа огромную козюлину и принялся внимательно разглядывать ее. - А моя жизнь все равно хреновая. Все дяди так говорят мне. Они меня больше, чем папка, жалеют. А шуркин папка вчера на тракторе меня покатал. И сегодня обещался. Его трактор сильнее всех дырчит.

- Ну, иди, иди, катайся, - смирилась Нюрка.

Ванька надел кепку и пошел к двери. Нюрка смотрит ему вслед и тяжело вздыхает: уехать бы на край света, где ни одна душа не знает про нас. Да хоть бы ту самую целину поднимать - там люди нужны, - и то лучше будет. А мужичок крепенький выйдет, думает она о сыне, весь в батьку. И семи годков нет, а уже полное ведро от колодца доносит. С остановками, с передышками, а все же... Не то что гришкин сын Шурка. Того и палкой не заставишь - сразу в нюни. Избалованный он... и игрушки у него настоящие, фабричные. А у моего?.. Сам трактора и машинки себе мастерит. Нижняя губа у Нюрки затряслась, из глаз покатились слезы - вспомнила, как Петр разбил у нее на голове игрушечный, из магазина самосвал. Ванька и поиграться не успел с ним.

Заложив руки за спину, ни дать, ни взять мужичок, Ванька деловито прохаживается вдоль пристани. Аж до вечера буду кататься, размышляет он. Может, дядька Гришка даст и за рычаги подержаться. Шурка хвастался: газовал, а один раз даже мотор заглушил... Ну и что? И я сумею. Подумаешь! - продолжает рассуждать он, не обращая внимания на ватагу ребят. Те дразнят щенка: прыгают вокруг него, ползают на четвереньках, улюлюкают и дергают за хвостик. Ванька всех их знает, но не подходит. И не потому, что они могут прогнать, - он с нетерпением поглядывает на пшеничное поле, по которому, поднимая густое облако пыли, медленно ползет трактор. За ним - огромный, как слон на картинке, комбайн.

- Ванька, айда к нам. Поучись у кабыздоха, как надо плавать.

Ванька повернулся к ребятам: Шурка Кудинов подскочил к реке и швырнул щенка, завернутого в мешковину. Тряпка на лету размоталась и упала рядом с берегом. Щенок отлетел дальше.

- Бомбите его! - крикнул Шурка.

В воду полетели земляные комья.

- А может, не надо? Жалко, - кто-то робко заикнулся в защиту щенка, но его урезонили железной логикой.

- Жалко у пчелки под хвостом. Все равно хозяин утопит или председательша стибрит его на котлеты себе... от чахотки.

Вокруг щенка один за другим начали вздыматься безобидные фонтанчики: недолет!.. перелет!.. бомбите его!.. огонь, пли!.. - зазвенели над Сеймом радостные детские голоса. Одна «бомбочка» упала совсем рядом. Маленький живой комочек, беспомощно перебирая лапками, качнулся на волне и... скрылся. Ванька зажмурился: комья полетели в него, - страшно. Открыл глаза: щенок всплыл. И опять земляные снарядики зашлепали по воде.

- Гоните на стремнину, - командовал Шурка. - Там его утянет на дно. Огонь!.. Пли!..

Ваньку никто не толкал в воду. Все произошло вдруг, будто и не с ним, но едва пришел в себя - испугался: берег далеко, а рубашка и штаны прилипли к телу и сковывают движения рук и ног. Ошалев от ужаса: еще немного и пойдет ко дну, - он забыл про щенка, спасать которого прыгнул в реку, забыл и о тракторе, на котором собирался кататься до вечера. Молча барахтаясь в холодной воде, он отчаянно цепляется за жизнь.

Ребята испугались и убежали. Чего это они, японский бог, так улепетывают? - подумал Григорий Кудинов, подъезжая к краю пшеничного поля. Пятки скипидаром намазали, что ли... Ишь, как чешут. Уж не мой ли натворил чего? Ну, я ему... Сбросив обороты двигателя, он выключил скорость, выпрыгнул из кабины и крикнул комбайнерам, чтобы и они бежали следом. Те в недоумении повели плечами, но тоже сошли со своего мостика.

- Ты чего, Григорий?

Григорий не ответил - уже далеко был. Предчувствуя неладное, он скоро шуршал кирзовыми сапогами по жесткой, упругой стерне, боясь опоздать, не предотвратить что-то страшное и непоправимое. Но когда подбежал к кустикам ивняка и увидел притихшего Шурку, успокоился.

- Чего спрятался? В жмурки играетесь? - улыбнулся Григсрий и тут же, заметив остекленевшие глаза сына, схватил его за шиворот.

- Признавайся, чего натворил, шалоброд?!

- Я... я... Я ничего-о, - Шурка часто-часто заморгал и заревел. - И-и-и... мы с собачкой

игрались.

- С какой собачкой? Где она? Да перестань ты рюмсать, мужик называется.

- Утону-ул соба-ачка, - размазывая по щекам слезы, продолжает реветь Шурка. - И Ваанька... Я больше не буду... Я не винова-ат, па-апка-а...

Григорий метнулся к реке - никого: спокойная, ровная гладь воды. И тут на поверхности показалась детская ручонка. Она слабо шевельнулась, шлепнула ладошкой по воде... а в следующий миг вынырнула и ванькина головка. Всплыла тихо, словно нехотя, и так же медленно исчезла.

- Какой Ванька, Косой, что ли? - спросил подошедший комбайнер, еще не разобравшись что к чему, но тут же от удивления выпучил глаза - Григорий, как был, в кепке, сапогах и комбинезоне, сиганул в воду.

Сейм, как ни в чем не бывало, равнодушно облизывает свои берега. Будто ничего и не случилось. Механизаторы поснимали мокрые спецовки и, помогая друг другу, принялись отжимать и выкручивать их. Никто не может разговаривать - язык не поворачивается. Все слова канули в воду, в темные и холодные тартарары. Ванька лежит на животе и плачет. Григорий покрутил в руках сапог и с досадой швырнул его в реку: нырять за вторым утонувшим - себе дороже.

- Я собачку спасал... Папке не говорите, а то он мамку забьет.

Григорий хотел было забросить вслед за сапогом и мокрую пачку «Беломора», но услышав ванькину просьбу, обомлел.

- Тебя самого, японский бог, выдрать бы как следует, - сердито отозвался он, но тут же осекся - пацану и без его выволочки несладко.

- Оставь ты его, Иваныч, - вступился за Ваньку комбайнер. - Видишь, и без того ни живой, ни мертвый: как цуценя дрожит.

Григорий исподлобья глянул на комбайнера.

- Заступничек выискался... Пожалел... Слыхал байку про воробья? - комбайнер помотал головой. - Тогда помалкивай. Сидит на дороге окоченевший воробей - ни крылышками, ни ножками пошевелить не может. Еще чуть-чуть, и все, хана ему, совсем замерзнет. Кто ни проходит мимо - жалеют, даже слезы пускают. А ему все хуже и хуже. Уже и глаза прикрыл. И тут корова проходит мимо. Глянула - пропадает воробей. Остановилась, задрала хвост и - шлеп на него своим горячим караваем. С головы до ног облепила. Воробей притих, согрелся, окреп, выкарабкался из лепешки, чивнул и, будто не замерзал вовсе, полетел. Вот так-то, японский бог.

Тупо посмотрев на пачку «Беломора», он раскрыл ее и принялся рядком выкладывать на траву мокрые папиросы.

- Ты что, Гришка, сушить их вздумал? - усмехнулся Мишка Гапонов, штурвальный, молодой парень с круглым и наглым лицом. - Не просохнут - солнца нет.

- А?.. Да-да, - спохватился Кудинов, зачем-то растоптал босой пяткой папиросы... и встал. - Кончай сидеть. До обеда еще один загон надо пройти. Ну и погодка, японский бог... будь она неладна. В календаре август, а на дворе будто конец сентября. Того и гляди, брызнет.

Григорий посмотрел вверх: небо застлано серой пеленой. Лишь далеко за селом, на горизонте виднелась светлая полоска. Лето на излете. Возле комбайна стоит машина - приехала за зерном. Шофер, высунувшись из кабины, беспрестанно сигналит и размахивает кепкой - подзывает комбайнеров. Солнце - к закату. Дождик брызнул разок-другой и перестал. Теперь до темна не уйдешь с поля - день год кормит. Словно затравленный волчонок, Ванька сидит в кабине и думает о собачке и о мальчишках, утопивших ее: «А если б вас так?» Трактор Ваньку уже не радует: во рту горчит от рвоты, живот сводит судорогами, руки-ноги ватные, голова болит, будто поспал на солнцепеке. Еще и знобит. Вздрагивая и поеживаясь, он с опаской поглядывает не Григория.

- Что притих, герой? - первый заговорил тот. - Испугался? И правильно - больше не сунешься туда.

Ванька молчит - боится, да и что ответить? - Ты хоть знаешь, что там водовороты от бомб? (Ванька кивнул головой). То-то. А ты из-за щенка... Даже взрослые на пристани не купаются. Разве что кому жить надоело.

- Папке не говорите - мамку бить будет. Или как Трезорку нашего: камень на шею - и в речку. Трезор укусил его за лодыжку, а он взял и утопил его. Уже грозился и с мамкой так.

Экой ты! - пожалел его Григорий. Сам чуть на дно не ушел, а уже журишься: матери

бы не досталось на орехи. И Трезора вспомнил. Добрая душа у тебя, парень, вот как бы только Петр не искорепал ее - зубристый топор всегда дорожку чертит. Григорий улыбнулся и подмигнул Ваньке. Ванька тоже улыбнулся, но слабо и робко: что потом еще он скажет, может, опять заругается?

- Я больше никогда не буду подходить к пацанам. Ну их. Я теперь сам все время буду, - едва дыша от страха, пообещал Ванька.

Григорий сбавил обороты двигателя - в кабине стало тихо.

- Ну, сам, так сам. Тебе виднее. Одно время и я хотел в одиночку... да не тут-то было, японский бог: невмоготу стало. Хоть криком кричи. Человек завсегда большим колхозом живет. А тебе и подавно не с руки одному будет. Тебе, брат, еще жить да жить.

Ванька ничего не ответил. Григорий сдвинул кепку на затылок и озорно подмигнул.

- Ну-ка, герой, давай сюда, - он остановил трактор и посадил Ваньку на колени. - Чего без толку кататься... помогай... - Ванька ухватился за рычаги. - Взялся?

- Ага, - ванькины глаза заблестели.

- Ну, и молодец. Держи покрепче. А про то, не волнуйся, никто не узнает, - пообещал Григорий и сам же себе не поверил.

Григорий дал полные обороты двигателю. Трактор зарокотал, выстрелил из трубы кольцами синего дыма, дернулся, словно конь, освободившийся от пут, и резво побежал по пшеничному полю, подминая гусеницами щетинистую стерню. Как же, заругается Петр, держи карман шире, с досадой думает Кудинов: ванькины слова о матери взяли его за душу. Он скорее на меня окрысится, что тебя спас. Нелегко вам с маткой... Да-а, житье ваше - хуже не придумаешь: все б ему колобродить да лежачих бить. Дай ему волю, он бы вас быстро под корень... Не говорить ему... Да кто ж ему, козьей морде, скажет. Сам узнает - утаишь такое!.. знала б наседка, узнает и соседка. В Мироновке, не в Москве живем. Тут, японский бог, на свою бабу залезешь, а утром уже вся деревня знает.

Проболтался Мишка Гапонов. Подвыпив, он начал бахвалиться перед девчатами, что в одежде нырял с пристани за Ванькой Никаноровым. Девчата посмеивались, не верили - звонкий бубен за горами, но когда Мишка сослался на Григория, и тот подтвердил, хотя и погрозил Мишке кулаком, притихли: Кудинов не сбрешет. Петр, узнав о случившемся, с досадой сплюнул и ничего не сказал. Но молчал недолго.

- Передовикам все можно, растуды их в душу, в бога мать!.. Работал, не работал, а грамоты и премии подавай им. Стахановцы... в бога, в душу мать вас всех!

Уборочная позади. Уложились в срок. Можно и расслабиться под мокрый шелест сентября. В «чайной» дым коромыслом... пиво... разговоры... Тепло, уютно и благостно. За окном - порывистый ветер и пьяный дождь. На Петра никто не обратил внимания. Для многих он уже давно пьяньчужка, шут гороховый. И только буфетчица засуетилась - убрала с прилавка початую бутылку «перцовки», мерную стопку и блюдце с мелочью.

- А ну, проваливай отселя, пьянь несусветная! - выкрикнула она. - Вишь дверь?.. ступай. В долг больше ни грамма...

Петр на нее - ноль внимания.

- Вам все можно, уважаемые, а я чуть что, так сразу - пьянь. Язви вашу душу.

- Ты, я вижу, уже оскоромился. И когда только, японский бог, успеваешь?

- Тебе-то что? У меня, хочешь знать, что ни день, то праздник. Вот он я - весь на виду. И на доску почета не лезу, как некоторые. Задницу бы ты лучше вставил свою в рамку, передовик засранный. Что морду воротишь, а... Гришка? Привык на чужом горбу в рай въезжать.

- Послушай, «уважаемый», не трави душу - дай отдохнуть спокойно. А то дак пивка с нами... И ступай себе.

- Да не занимай ты его, ради бога.

- Знаю, знаю, как вы работали, уважаемые. Передовички, мать вашу за ногу. В Сейме купались, да водку жрали на бережку. Знаю я, знаю... И не поотсохнут у тебя руки, когда будешь премию заграбастывать, а?.. Чего молчишь... я тебе... тебе... Гришка...

Григорий смекнул, откуда туча, подошел к Петру и, схватив его за лацканы пиджака, сильно тряхнул.

- Уймись, дурак. Еще слово - душу выну. Пьянь.

- Пусти, оглобля. Хреново слушать правду-матку?.. Пьянь... Сам-то что тут делаешь... чаи гоняешь?!..

- Ну... мать тебя!.. - Григорий тряхнул его еще раз.

- Пусти... пусти... Кому говорят, пусти... Чего ты, чего ты взбесился... Пусти, а то Соло-

губу скажу... Он тебе задаст, - залепетал Петр, но, поняв, что этим уже не спастись, зло прищурился и зашипел. - Гляди мне, передовик, давно тебя не вызывали куда следует... забыли там про тебя... так я напомню. Пусть хорошенько подумают, чем ты в окружении занимался: на чердаке прятался или немцам сапоги лизал. Я бы на твоем месте тише воды, ниже травы был. Надо еще разобраться, как ты потом в плен попал... Может, по доброй воле?.. Что, схватил, уважаемый? А ну пусти. Ишь, взял моду честных людей за грудки хватать... Мелко плаваешь, уважаемый.

- Смотри мне, вражина, пикнешь - придушу. С того света вернусь, а достану.

- Да врежь ты ему про меж глаз, Григорий Иванович.

- Чего ты панькаешься с ним? - поддержал Григория второй.

- Будто не смекаешь, чего эта гнида беснуется.

Кудинов посмотрел по сторонам, затем перевел взгляд на Петра Никанорова.

- Еще зашибу ненароком, а потом отвечай, как за хорошего, - усмехнулся он и расслабил пальцы.

4

Ванька открыл дверь и робко шагнул через порог.

- Здравствуйте всем, - тихо поздоровался он и снял кепку.

В классе захихикали. Учительница торопливо постучала карандашом по столу и строго посмотрела на ребят. Те притихли.

- Здравствуй. Почему опоздал?

- А он, Галина Петровна, учиться не хочет, - выкрикнул Шурка Кудинов и показал Ваньке язык.

- Правда?! - удивилась старенькая женщина за учительским столом. Ванька много раз видел ее на улице и даже здоровался, как с самой обыкновенной мироновской теткой.

- Чего там не хочу, я нечаянно опоздал: чужих гусей выгонял с огорода - всю ботву потолкли, - промямлил Ванька и исподлобья глянул на ребят: чего они зубы скалят, будто по кульку пряников получили.

- Вот и хорошо, - ласково улыбнулась Галина Петровна и посмотрела на Ваньку добрыми глазами. - Тебя Ваней зовут?

- Ага.

- Садись, Ваня, но больше не опаздывай. Ладно?

Ванька кивнул и прошел к своей парте.

Первая четверть прошла для Ваньки без сучка, без задоринки. И во второй, казалось, все будет чин-чинарем. Звонок. Уроки закончились. Учительница взяла со стола журнал, указку, сказала - до свиданья, дети, не забудьте на завтра уроки выучить, - и вышла. Ванька неторопливо сложил в холщевую сумку тетради, книжки, аккуратно спрятал в мешочек чернильницу-невыливашку. На выход не торопится. Подожду, решил он. И чего всем сразу переться, будто спокойно выйти нельзя.

Класс опустел. Тихо. Только пыль мельтешит-серебрится в столбе солнечного луча. Ванька снял с вешалки пальто, неторопливо оделся и вышел на улицу, - ядреный мороз выдавил слезу. У ворот школьного двора - три одноклассника: стоят - разговаривают. Парок курится изо ртов. Делать нечего, приуныл Ванька, надо шагать в их сторону - ни свернуть с тропинки, ни разминуться: по бокам сугробы выше пояса. Еще подумают, что испугался.

- Ванька, а, Ванька, айда на «шибельницу».

- Ага, пойду я с вами: опять заставите крутить колесо. Дырку вам от бублика.

- Ну, чего ты, сегодня и мы будем катать тебя.

- Ладно. Только сначала вы меня.

«Шибельница» - любимое развлечение мироновской детворы. В лед вбивают лом, на него насаживают старое колесо от телеги, к колесу привязывают оглоблю с санками на конце. Затем в спицы вставляют вторую оглоблю покороче, которой разгоняют санки, и - удовольствие на всю зиму. Никто не оставался равнодушным к бешеной скорости. Даже взрослые мужики вечерком любят побаловаться, проверить свои силу и удаль. Попробуй удержаться: центробежная сила так и норовит сбросить саночника в сугроб, под ноги и дружный хохот ждущих свою очередь.

- Ну, держись. Сейчас мы тебя...

Ребята дружно навалились на оглоблю. И засвистело в ушах, и замелькало в глазах,

и... не удержался Ванька. Сначала ноги сползли на лед, потом живот, а когда и пальцам стало невмочь, он как-то неуклюже развернулся... и не отлетел в сугроб... Железные санки с холодным грохотом пробежали по кругу и догнали Ваньку. Шапка смягчила удар. Но разве что самую малость. В глазах вспыхнуло и тут же потемнело: ни солнца, ни снега, ни ребят - ничего... и не холодно, и не жарко. Даже горячая кровь из носа не посолонила губы. И совсем-совсем не больно. Только время, будто скользнув по льду, выкинуло из памяти маленький кусочек жизни.

Зимние каникулы Ванька молча и терпеливо боролся с тошнотой, слабостью и головной болью. Не хотелось ни спать, ни есть, ни пить, ни гулять. Попробовал читать рассказ про Ваньку Жукова (книжку подарил ему Семен), но уже через минуту кривые строчки расползлись по странице, и он засунул сборник Чехова под подушку. Нюрка прикладывает на лоб ему холодный мокрый компресс и через силу улыбается.

- Вот так, родненький. Хорошо. Высохнет платочек, мы опять его намочим. Скоро тебе полегчает. Скоро ты в школу пойдешь... на улицу выбежишь. Знаешь, сколько снега на дворе?.. Видано-невидано! Сугробы - аж до самой крыши. Выйдешь на улицу - мы с тобой снежную бабу скатаем. Большую-пребольшую. Выше меня. Только ты, сыночек, поправляйся скорее. Ну, улыбнись, родненький.

- Не хочу улыбаться. И снежную бабу не хочу. И в школу не хочу больше.

- Ну, не хочешь - и не надо. И так обойдемся.

Нюрка украдкой смахнула слезу. «Не поглумнел бы только... вон как головка болит - весь морщится. В нашей деревне один стал дурачковатый, тоже, говорят, после сотрясения мозга. Ходит теперь по улице, мычит или беспричинно улыбается и кривой гвоздик пальчиками крутит. Не свалилась бы и на моего такая напасть.

День и ночь - только Ванька в голове: отдай свою боль, сыночек, я уже пожила на свете, хватит с меня, а тебе еще жить да жить, блажила про себя перепуганная мать. Напрочь забыв о своих личных невзгодах, Нюрка вывернулась наизнанку, а сына без докторов выходила. И не удивилась, когда тот встал с лежанки, в охотку поел сала с луком и картошкой, оделся и вышел во двор. Нюрка - к окну: не упал? Нет, стоит. Она улыбнулась, накинула шаль и тоже - за порог. Ванька щурится на свежий серебристый пуховик, заботливо укутавший двор и крышу сарая, - всю ночь не переставая шел снег. Куда ни глянь: белым-бело, и солнце во всю мочь - даже глазам больно.

- Ну как, родненький, хорошо на улице?

- Ага. Только голова кружится.

- А ты не стой на месте, походи по двору - полегчает.

Ванька посмотрел на небо, прищурился и сошел с крыльца.

- Мамка, постой тут, я за сарай схожу.

Ну, слава тебе, Господи, поднялся-таки, обрадовалась Нюрка и повернулась к двери: пора готовить обед - скоро Петр явится.

- Ну что, оклемался твой герой?

Нюрка оглянулась - Григорий Кудинов: стоит за плетнем и виновато улыбается.

- Ага. Уже поел хорошо. Сам попросил.

- Ты, Нюр, не серчай на меня. Я своего выпорол тогда. И «шибельницу» разобрал к чертям собачьим. - Григорий махнул рукой. - Да разве за ними уследишь, японский бог!.. Опять новую построили. Так, говоришь, хорошо поел...

Нюрка кивнула головой.

- Ну ладно, пойду я, - и, потарахтев спичечным коробком, прикурил.

- Ладно, иди...

Григорий пыхнул папиросой, выпустив клуб рыжего дыма, и отошел от плетня.

- Гришка! - Григорий обернулся. - Ты бы сказал своему, чтоб не обижал моего. Слабый он еще. Ладно?

- Ладно. Пусть только тронет - шкуру спущу.

На дворе тихо, морозно и солнечно - хорошо. Даже не хочется в дом входить. Подтягивая на ходу штаны, из-за сарая вышел Ванька.

- Мамка, - позвал он. Нюрка оглянулась. - Купи мне косу-литовку, я летом сено косить пойду. Ладно? А то вон сколько корма осталось нашей Райке, мало, - и кивнул на низенький стожок, укутанный толстой шапкой снега.

- Рано тебе косой махать, сынок: маленький еще, а коса большая, тяжелая - не потянешь ее в траве.

- А ты мне маленькую, «пятиручку», такую, как дядька Гришка купил своему Шурке.

Ладно? - он застегнул пуговицы на телогрейке, подошел к крыльцу и глянул в глаза матери. До срока повзрослевший, рассудительный взгляд сына испугал ее, - что это с ним. Ванька, не мигая, продолжает смотреть на мать. - Скажи дяде Семену, чтоб он в сельмаг съездил и купил. Он добрый - купит. А я попрошу, чтоб косье выстрогал. А то чего Шурка задается. Я тоже хочу косить.

Жизнь в Мироновке - день прожить бы, да ночь переночевать. Взрослые с утра до вечера спину гнут, детвора - лишь бы уроков поменьше задавали на дом, да родители не загружали работой по дому.

- Способный у вас мальчик растет, - Галина Петровна подняла глаза на Нюрку.

Родительское собрание закончилось. Класс опустел. И только Нюрка не торопится домой, отдыхает, даже как будто чуть-чуть задремала: намаялась за день. Она тихо сидит на задней парте и наблюдает, как учительница укладывает в хозяйственную сумку стопки тетрадей.

- Да ничего. Вы только не ругайте нас. Уже, почитай, год проучился мой, а я только-только заявилась. Все некогда.

- За что же ругать? Он у меня лучший в классе...

Галина Петровна осторожно глянула на Нюрку - хотела поговорить с ней о жизни, но так ничего и не сказала: зачем теребить душу.

- Вот только робкий уж очень. Все мальчишки на переменках прыгают, носятся по школе сломя голову, орут, как оглашенные, а твой все в сторонке стоит. Даже в футбол не играет. Крупнее всех в классе, а терпит насмешки, будто не замечает своего роста. Пыталась как-то заговорить с ним, подсказать, как поступить с обидчиками, да ему, как с гуся вода. Не годится так для мальчика... Он много занимается дома?

Нюрка покачала головой. Галина Петровна не спросила, каково ему дома. И без того знала - в Мироновке живет: у кого что на плите варится, и то к вечеру будет известно всей деревне.

- Пойду я, - тихо сказала Нюрка и поднялась.

- Торопитесь?

- Да. Уже пырей полез в огороде. И помидоры надо полить. Слава Богу, летом темнеет не скоро.

- Помогает Ваня?

- Помогает.

- Молодец он у тебя.

- Да чего уж там, - виновато согласилась Нюрка и быстро вышла из класса.

Выйдя за ворота школьного двора, Нюрка направилась было прямиком, так короче, но спохватилась: лучше подальше от глаз - и свернула в первый попавшийся проулок. Шла-шла и не заметила, как очутилась на краю села возле старого, давно заброшенного коровника.

- Ух ты!.. какой вымахал, - удивилась она. - Не рано ли?

На забытой, поросшей калачиками куче навоза, словно жених на смотринах, возвышается огромный цветок ромашки. Подбоченясь, он стоит фертом на самой верхушке навозной кучи и удало покачивает головой, - дует слабый ветерок. Скорей бы уже вырастал, вздохнула Нюрка, переключившись с цветка на сына. Может, уедет куда подальше, да и меня не бросит. Не откажется от матери: не сможет, не схочет. Учительница сказала - способный... да, Ваня такой. Он все сможет. Умный он у меня. Вот кому-то счастье достанется. Не попалась бы только стерва какая, вроде нашей председательши: сядет на шею - заездит. Да нет, нельзя, чтобы все плохо да плохо. Нюрка глянула на цветок. Ишь, какой богатырь скороспелый! Возьму-ка его домой, пусть в баночке постоит перед Ваней, когда тот за уроки сядет... Нюрка шагнула к ромашке, нагнулась - хотела сорвать, но тут же выпрямилась: неожиданно налетел сильный порыв ветра и цветок качнулся - живой. И Нюрка убрала руку: «Пусть живет».

Звонок. Ребята с криками - ура! каникулы! - выбежали на улицу. Словно цыганский табор, школьный двор зацвел разноцветными платьицами и рубашечками, загалдел тонкими звонкими голосами. Каникулы!.. Каникулы!.. - радостно выкрикивает ребятня. Будто смешливые козлята, они прыгают, толкают друг дружку, валяются на траве; мальчишки таскают девочек за косы, а те весело повизгивают и гоняются за обидчиками, замахиваются на них надоевшими за год портфелями. Ручки, карандаши, резинки летят во все стороны. Ну и что!.. Каникулы!.. Все лето можно не думать про уроки... Житуха!

И только ванькина серая рубашка не цветет на этой пестрой клумбе, только его голосок не дополняет многозвучный шум и гам. Ванька Никаноров спешит домой, к матери. Весело помахивая холщовой сумкой, он бежит по улице, напевает - каникулы, каникулы! - и пощелкивает ивовым прутиком по кувшинам, горшкам и чугункам, сохнущим на кольях плетней. Бум... бим... дзынь, динь, би-им - весело откликалается кухонная утварь. Хорошо! Ванька улыбнулся, посмотрел вверх: в майском набело выстиранном небе - ни облачка.

«Вот оно, счастье мое!» - всхлипнула Нюрка, разглядывая табель и похвальный лист сына. Впервые за много лет она заплакала от радости. Одна слезинка капнула на табель - пятерка по арифметике набухла, взлохматилась, стала походить на свернувшегося в клубок ежика.

- Ох ты ж, Господи! - всполошилась Нюрка и осторожно посмотрела на сына.

- Не беда, мам. Я на тот год такой же принесу...

И тут, как снег на голову, - Петр. Тихо появился, неожиданно, словно коршун над стайкой цыплят. Мать и сын даже испугаться не успели. Петр подскочил к ним и выхватил табель.

- Вот вам!.. вот вам!.. - брызгал он слюной и с остервенением рвал плотную бумагу.

Вслед за табелем и похвальный лист превратился в мелкие клочки. Петр подбросил их. Подлетев к потолку, те, будто живые мотыльки, кружась и мельтеша, начали тихо опускаться на пол. Петр стал топтаться по ним.

- Думаешь, стерва, я не знаю, чему вы тут ухмыляетесь?! Надо мной смеетесь. Ну, погодите, уважаемые, я вас всех на кишках поперевешаю.

- Только тронь, - Нюрка шагнула к мужу.

Петр вздрогнул - впервые увидел ее лицо таким: в глазах - черти, желваки - ходуном. Взбесилась, что ли?

- Чего ты, чего ты? - залепетал он. - Белены объелась?

Нюрка брезгливо скривилась: вот так-то лучше. Ишь, взял моду глотку драть да руки распускать. В распахнутую дверь сеней впорхнула ласточка. Суетливо хлопая крыльями, она метнулась из угла в угол, громко «чивнула» и - вон. Нюрка проводила ее взглядом и улыбнулась, будто птичка принесла в их дом покой и мир.

- Успокойся, Петя. Ну, зачем ты так?..

Словно цепной пес, учуяв слабинку хозяина, Петр снова набросился на жену.

- Я тебе дам «успокойся», сука! - взвизгнул он и, что было сил, ударил ее по лицу.

Нюрка подняла руки, чтобы прикрыться от второго удара, но тут же согнулась: кулак Петра глухо бухнул ее в живот. Потом еще... еще... и еще раз - по голове, по шее, по спине. Нюрка упала.

- Мамка!.. Мамка!.. Вставай, родненькая! - истошно завопил перепуганный Ванька. - Ну вставай, мамка. Мне страшно. Я боюсь.

Ванька нагнулся, обхватил ручонками мягкие круглые плечи матери, поднатужился... и не поднял: не хватило силенок... и беспомощно ткнулся лицом в ее широкую спину.

- Вставай, мамка... Ну пожалуйста.

Петр свирепо глянул на пасынка, но бить не стал - выдохся. Нагнувшись, он схватил его за ворот рубашки и вышвырнул в сени.

Во дворе, под застрехой без умолку щебечут ласточки: лепят гнездо для будущих ласточат.

5

Ванька сидит за столом и с аппетитом наворачивает пустую ячневую кашу. Нюрка жалостно смотрит на него, вздыхает... и еще подкладывает в тарелку: пусть наедается, убежит - дотемна не объявится.

- Хватит, мамка, себе оставь.

- Ешь, ешь, сыночек. День большой. Выбегаешься - проголодаешься.

- Надоело мне, мамка, бегать просто так. И зачем только эти каникулы придумали.

- Не рад каникулам?

- Ты ж работаешь без каникул, а мне зачем они?

- Я, сынок, трудодни зарабатываю.

Ванька доел кашу, облизал ложку и положил ее на стол.

- Зачем ты отдаешь тетке Кудинихе утят из-под рябой квочки?

Нюрка махнула рукой:

- Во их сколько у нас, тьма-тьмущая, а кормить нечем. В чулане зерна кот наплакал.

- Я их в копанях выпасу. Там ряски хоть завались.

- А коршуны?.. Ребята постарше и то не доглядывают.

- Я уже не маленький, не боюсь коршунов. Я ружье из доски выстругаю, такое, как помнишь, папка мне делал... Они прилетят, подумают - настоящее. Испугаются и - деру. Я еще банку от сапожного крема приделаю, будет, как взаправдашний автомат.

Коршуны всегда появлялись неожиданно. Сначала высоко в небе появится еле заметная точка... Потом все ниже и ниже... вот уже и крылья, и хвост, и голову с хищным клювом можно рассмотреть - и все кругами да кругами: ищут, что бы схватить. Высмотрят, немного повисят неподвижно, будто их приклеили к небу, и - камнем вниз. Через секунду - опять ввысь, но уже с добычей. Кричи не кричи - поздно.

- Ладно, сынок, больше не буду отдавать. Паси.

- Я их всех до одного выпасу, мам, - повеселел Ванька. - Вот увидишь.

- Ладно, ладно, - улыбнулась Нюрка. - Смотри только, чтоб квочки тебя не защипали.

- Я им как дам! - Ванька замахнулся кулачком, показывая, как он будет отбиваться от квочек. - А чего они такие злые, мам? Чего они кидаются на людей?

- Ну, а как же. Они своих деток защищают, - и будто саму себя ударила Нюрка: выходит, я хуже глупой квочки...

Ванька не обманул мать, выпас утят, всех до единого. Даже заморыша сберег. В картузе носил его на луг и с луга, ловил для него кузнечиков и мух, подкармливал хлебными крошками.

В углу, на табуретке, сердито гудит колченогий примус. Нюрка суетливо хлопочет над ним: разбила одно яйцо - сковородка испуганно зашипела... второе... взболтала их вилкой, посолила. Из-за ширмы вышел Петр: глаза заспанные, мутные. Штаны не застегнуты, концы ремня болтаются. На ногах - старые галоши. Вырвал из «Родной речи» два листа, скомкал и сунул в карман.

- Собирай на стол. Я сейчас... Да смотри, поджарь как следует, а то опять не глазунья, а дрысня получится.

- Ладно, - кивнула Нюрка, не отрываясь от примуса. И пожалела: из крапивы бы делали школьные учебники.

Едва Петр ступил за порог, она метнулась к столу, убрала тетрадки и книжки. Из-за перегородки выглянул заспанный Ванька.

- Мамка, уже скоро в школу?

Нюрка глянула на ходики.

- Нет еще. Поспи немножко... пока Петр не уйдет со двора.

- Я уже выспался.

- Ну, просто так полежи. Сейчас провожу его, тогда и встанешь.

- А я вчера не успел примеры в тетрадку переписать.

В сенях послышалось шарканье. Нюрка сердито глянула на Ваньку. Тот быстренько скрылся.

- Вечером поздно буду. Не жди,- вытирая руки о подол рубашки, заявил хозяин.

- Не к Григорию ли собрался? Вчера спрашивал, когда стропила на летнюю кухню доделаешь.

- Не твоего ума дело, уважаемая.

- Да я ничего, я так только.

- То-то. Без сопливых обойдусь. Накажи своему, чтоб воду в кадушке поменял. Уже протухла. А то привык жрать да спать, да целыми днями по улице лындать. Никакого от него проку. Да смотри, чтоб опять «гуляй-ногу» не прозевал - придушу.

- Могли б и подружиться. Кажись, есть с чего - что тот «не-пролей-стакан», что ты. Зато с хлебушком всегда были бы.

- Цыц, дура. Гусь свинье не товарищ. Он вор, у народа хапает, моментом пользуется, а я - мастер. Я своими руками на водку себе зарабатываю. И дружить мне с ним, даже ради куска хлеба, - вот!.. - Петр скрутил кукиш. - Накось-выкуси. И откуда он, этот шкутыльга хренов навязался на нашу голову?.. Будто в Мироновке своих кого нет, чтоб хлеб привозить. Да вот хоть твой Сенька. Все равно кажин день порожняком из района вертается. Так у него хоть ума не хватит воровать: дураку ничего лишнего не надо.

Петр без охоты поковырял вилкой в сковороде, выпил стакан холодного вершкового молока и, даже не глянув на жену, вышел. Наконец-то выбрался, облегченно вздохнула Нюрка и позвала сына завтракать. Ванька поел с аппетитом.

- Мамка, чего он шкодничает?.. Играть не дает, кричит, уроки делать мешает.

- Свинье только рыло просунуть - вся пролезет. Потерпи, сынок.

- А сколько терпеть? - наивно спросил Ванька.

Мать пожала плечами - не знала, сколько, да и будет ли этому конец когда-нибудь.

- А давай его в милицию посадим. Пусть дядя милиционер придет и скажет, чтоб не обижал нас, или пусть заберет его к себе.

- Ты что, белены объелся! Мы в его доме живем, а ты... в милицию... Ишь, герой выискался.

- А чего ж он?

- А ничего. Бог терпел и нам велел. Смирись, я же смирилась. После школы сразу - за хлебом. Смотри, чтоб не получилось, как вчера, а то Петр... - Нюрка не договорила. Зачем?.. и так все ясно.

Ночами дежурили мироновцы возле правления колхоза - не прозевать бы, когда подъедет возок с зеленым фургончиком, и «гуляй-нога», подпрыгивая на своей деревяшке, начнет продавать кирпичики чернушки. Воровал «гуляй-нога» или нет, никто за руку его не ловил, но стали замечать на нем то рубаху новую, то фуражку, а в последнее время стал приезжать с блестящими часами «Победа» на руке. Хочешь жить - умей вертеться, заносчиво отнекивался он, когда спрашивали, на какие средства такая роскошь. Спрашивали зря: догадывались откуда - сегодня не хватило хлеба, а завтра в фургончике - несколько лишних буханочек. Продаст за двойную, а в праздничные дни и за тройную цену.

Вчера Никаноровы остались без хлеба. Ванька ждал-ждал, да и задремал, а когда подкатил фургончик, и все ринулись к нему, он со всего маху - лицом в землю. Шурка Кудинов постарался: привязал его ногу бечевкой к столбу. Пока Ванька возился с тугим узлом, «гуляй-нога» продал весь хлеб.

- Здравствуйте, Галина Петровна.

- А, Нюра... вот хорошо, что увидела тебя, - учительница взяла Нюрку под руку. - Скупилась?

Нюрка достала из сумки новые ботинки, сатиновые шаровары и синюю вельветовую «толстовку» с молниями на карманах.

- Вот, для Вани. Обносился уже. Хотела и фуражку новую справить, да не подрасчитала, денег не хватило. Ну, да ничего, в следующий раз возьму. А вы чем отоварились?

- Да ничем. Постояла, глазами поторговала, да и отошла - некому покупать, а мне много не надо.

Галина Петровна взяла у Нюрки ботинки, погладила их рукой, вздохнула и отдала. Нюрка не поняла ее грусти.

- Хорошо вам: ни забот, ни затрат. Сами для себя живете.

- Не знаю. Иной раз придешь домой, а там лишь пожелтевшая фотография мужа на стене, - и немного помолчав: - Постой тут, я сейчас.

Галина Петровна подошла к автолавке и скоро вернулась с новенькой темно-синей фуражкой в руках.

- Вот. Пусть носит на здоровье. Думаю, в самый раз будет, - и засмущалась. - Может, не такую надо? Я первый раз покупаю детские вещи.

- Да что вы, - заупрямилась было Нюрка и вдруг догадалась, для кого эта обновка... и пожалела одинокую женщину: бабье сердце угадало чужую боль.

Деловито осмотрев покупку, Нюрка спокойно, будто так и надо, обнадежила: думаю, будет как раз.

- Спасибо тебе, Нюра. Пойдем?

Нюрка кивнула, и они пошли. Шли медленно. Нюрке хотелось подольше побыть рядом с учительницей, и Галина Петровна не торопилась в свое пустое, до звона тихое жилище.

- Надо было и вашего оставить на осень. Грамматика у него хромает. Так нет, пожалела... и как обворовала...

Нюрка удивленно глянула на учительницу, но промолчала.

- Горе мне с ними. Не столько учатся, сколько в окно поглядывают - ждут, когда отпущу их. Глупенькие, думают, мне охота возиться с ними, - соврала Галина Петровна. - Учились бы лучше.

- А что ж мой, совсем плох? - Нюрка стыдливо опустила голову. - Это я все виновата. Не смогла уберечь.

- Я тоже хороша - вовремя не одернула. Видела, что от рук отбился, а жалела. Ставила

пятерки, думала: опомнится. Но каждую четверть все хуже и хуже. Трудно ему будет в пятом классе.

Мимо них с криком и гиком пронеслась ватага мальчишек. Впереди, толкая прутиком пустой велосипедный обод, как угорелый, несся Шурка Кудинов. За ним - остальная детвора... и только пыль столбом, да черные пятки мелькают. Нюрка проводила глазами ребят и... в двух шагах увидела Семена.

- Здравствуйте всем, - поздоровался тот и чуть притронулся рукой к фуражке.

- Здравствуй, - ответила Галина Петровна и понимающе глянула на Нюрку. - Ну, я пошла. Заговорилась с тобой, а дома дел невпроворот.

Семен улыбнулся Нюрке, остановился, но та, будто вспомнив о чем-то важном и очень срочном, тоже заспешила.

- Нюра, постой, - попросил вдогонку Семен.

Но Нюрка - все быстрее и быстрее... «Господи, да что же это такое!.. Уже и людей не срамится, - и с покупками в руках - как на пожар, через всю улицу и луг, к Сейму. Добежала... устало опустилась на траву. - Ну, что же ты, изверг, молчишь?» Сейм - ни слова. Будто и не течет вовсе. Будто устав-ший от жизни старик сидит себе в тенечке на завалинке, глаза прикрыты, худые узловатые руки на коленях, и ничто ему ни в радость, ни в горе. Даже жук-водомер не беспокоит его гладь. Нюрка концами платка вытерла сухие глаза. «Как неживой стоишь, антихрист, ни волны на тебе, ни зыби, - она пошарила у себя за спиной, нащупала камень. - Вот я тебе...» - и задержала руку на замахе: справа от нее что-то тревожно зашуршало, потом - сильный всплеск. Наверное, щука ударила хвостом по воде. И тут же, Нюрка и глазом не успела моргнуть, из камышей, громко и призывно крякая, выскочила дикая утка. За ней - суматошная стайка утят... и с отчаянным писком понеслась на стрежень. Пушистые комочки: лапками, лапками - из последних сил... да куда там! Тот, что немного поотстал, громко пискнул в последний раз... и навсегда исчез под водой.

И опять на воде тишь и гладь - спокоен Сейм. «Ах, ты ж тихоня! - насупила Нюрка брови. - Мало тебе одного Сергея!.. Еще кого поджидаешь? Не на Ваньку ли моего облизываешься, а? Уже примерялся раз, забыл?.. Смотри мне!.. Знаю, знаю тебя... Сначала околдуешь, а потом - хап! - камень полетел в воду. - Будь ты проклят! - Нюрка схватила второй, уже побольше, земляной ком. - Вот тебе!» Еще в воздухе от него отделились множество мелких комочков, и вслед за первым сильным всплеском ударил, сыпанул, прошелестел град мелкой шрапнели. На противоположном крутом берегу возле норок-пещерок по-домашнему суетятся стрижи. И в небе их тьма-тьмущая: папаши учат летать молодняк - скоро в дальнюю дорогу. Нюрка встала, отряхнула юбку и виновато глянула на воду: «Прости меня, дуру безмозглую. Сама не знаю, что делаю». Она в пояс поклонилась реке и медленно пошла в село.

Ванька скоро привык к новым отметкам в дневнике и задумываться, почему они стали такими, не собирался. Время лечит, время и калечит. К тому ж забот по хозяйству добавилось - подрос, надо матери помогать. Отвечая у доски, он переминался с ноги на ногу и молчал. «Как партизан на допросе», - смеялся над ним Шурка Кудинов.

- Да на кой мне грамота, мамка. Вон дядька Гришка еще в первом классе букварь скурил, а сейчас лучший тракторист в колхозе. И на доске почета он, и все с ним первые здоровкаются. И я буду, как он. Вот увидишь. А школа... ну ее.

Нюрка погладила сына по спине и тихо вздохнула - не согласилась, но и не нашла правильных и нужных слов, чтобы переубедить его.

- Чего ты меня, как теленка, гладишь? Я уже не маленький - своим умом могу жить. Я больше не пойду в школу.

- Что ты, сынок, - переполошилась Нюрка, - потерпи чуток.

6

Переминаясь с ноги на ногу, Ванька стоит перед огромным обшарпанным письменным столом. За столом - лысый толстый мужчина в белом льняном пиджаке. На столе - стопки картонных папок, груды бумаг, счеты, пресс-папье, мраморный чернильный прибор. В одной руке мужчины - карандаш, в другой - надкушенное яблоко. Ванька опасливо поглядывает на мужчину и с тревогой ждет, что тот скажет.

- Не могу, - мужчина покачал головой. - На следующий год приходи. А пока - не дорос.

- Я уже не маленький. Я уже два лета в колхоз пастухом нанимался. И на току работал. Я уже не маленький. Ну возьмите меня, дяденька.

- А я говорю - мал. И не канючь, - начал сердиться инспектор по кадрам. - Одна морока с вами, - он вытер платком вспотевшую лысину и по-доброму улыбнулся. - У нас, сынок, работа тяжелая. Ребята постарше тебя сбегают.

- Я не сбегу.

Скрипнула дверь.

- Вот, полюбуйтесь, Сан Саныч... Еще один работник. Скоро куры с нас будут смеяться.

Ванька повернулся: прислонившись к дверному косяку, стоит и устало улыбается коренастый мужчина в соломенной шляпе, сером в темную полоску костюме и в синих диагоналевых галифе. В такую одежду в Мироновке только Шелехов и Сологуб одеваются. А у этого еще и галстук на шее... и кожаный портфель в руках.

- Что ж, попробуем. Оформляй, Никитич, - вздохнул Сан Саныч и открыл дверь с табличкой «директор».

- Так сбежит ведь, только голову нам поморочит.

Ванька сердито глянул на Никитича: работы тебе жалко, что ли?

- Сбежит, так сбежит. Оформляй...

Никитич досадливо махнул рукой. Сан Саныч - сердито:

- Чего размахался? Торф сам, что ли, будешь сушить?

Никитич опять махнул рукой.

- Ладно. Мое дело маленькое.

- То-то, - директор повернулся к Ваньке. - Так сбежишь или нет?

- Я уже сказал, - обрадовался Ванька. Глаза его заблестели: теперь примут, обязательно примут, разве тот лысый посмеет ослушаться своего начальника.

- Ну, и хорошо. А звать-то как тебя?

- Иван.

- Ванька, - Сан Саныч пристально посмотрел на него. - Ты пока еще Ванька. Иваном стать надо. Понял?

- Какая разница? - Ванька засопел от обиды.

- Еще какая. А не знаешь, спроси у тех, кто у нас на Курской дуге в штаны наложил, - Сан Саныч улыбнулся: дружелюбно, но с хитрецой. - Вот тебе испытание: отработаешь месяц, ты - Иван...

Никитич с укором посмотрел на директора, но тот отмахнулся, не встревай, мол, не твоего ума дело.

- ...Сбежишь - никто ругать не станет, но сбежишь ты просто Ванькой. Так вот. Отработаешь месяц - мы тебе начислим зарплату на имя Ивана... Фамилия-то как будет твоя?

- Никаноров.

- Ну вот, я и говорю: на имя Ивана Никанорова. Все. Завтра в бой.

Каждое утро, до слез жалея себя, Ванька отчаянно боролся с подушкой: спина, ноги, плечи, ладони болели так, будто его самого зачерпнули из карьера жадным, зубастым ковшом, прокрутили в барабане, отжали, спрессовали в ровную плитку и по ленте транспортера выстелили на траву сушиться. По нескольку раз в день Ванька порывался бежать с работы. Пусть думают что хотят, пусть ругают, а я не могу больше. Но... выпрямится Ванька, сотрет пот с лица, посмотрит на спины ребят и - опять за работу. Иногда уходил с делянки: все! - домой, на речку... каникулы... Но, попив из бочки нагретой на солнце водички, возвращался. А по вечерам, тихо радуясь, что все позади, падал на лежанку и тотчас засыпал. Уже б и втянуться пора, - сердито упрекал он себя, с завистью поглядывая на ребят.- Они тоже спину гнут, и ничего, работают себе, будто так и надо. Один я расхныкался.

- Все. Перекур с дремотой,- скомандовал Толик.

С первого дня, как только пришли на торфяную делянку, слово Толика для всех - закон. Ребята разогнулись и молча друг за дружкой пошли обедать. Впереди - белокурый, высокий бригадир Толик. За ним - остальные. Идут медленно, будто и не на перерыв. Ванька позади всех, еле-еле передвигает ноги.

- Фу! - с шумом выдохнул Толик и кинул фуражку на землю. Он первый подошел к старой ольхе и спрятался в ее тени.

- А может, искупнемся, а? - предложил кто-то.

- Нет, - сказал Толик. - Потом совсем неохота будет работать.

Все развернули узелки с едой. Ванька тоже открыл свою сумку, но достал лишь бутылку молока: есть ему не хочется. Подсел Толик.

- И охота тебе сюда черт-те откуда таскаться? Тут рядом, и то... Посмотришь на пацанов - слюнки текут: целыми днями на речке пропадают с удочками или просто купаются, загорают, в подкидного режутся... Был бы отец жив...

- А они чего тут? - спросил Ванька и кивнул на ребят.

- Они-то?.. Дурью маются, - усмехнулся Толик. - А может, и нет. Федька и Митяха, братья-погодки, хотят себе велики купить. Колян - на гармонь старается. Знаешь, как он частушки наяривает? Закачаешься. Алеха тоже на костюм зарабатывает: через год восьмилетку кончает, мы с ним в одном классе учимся. Выпускной вечер... а как в старом пойдешь. Думаем бостоновые взять. В сельмаге уже примеряли - понравились, не на один год хватит. Рукава и штаны, правда, длинноваты, ну, да ничего, подрастем, будут в самый раз. А ты чего это одно молоко лудишь? Давай-давай, все подряд наворачивай, а то ноги протянешь от такой работенки.

Солнце высоко в зените. На небе - ни облачка. Жара. Над лугом мельтешит марево. Сиротливый жаворонок, забравшись в бездонное поднебесье, монотонно плетет кружева своей нескончаемой песни. Ребята, раздевшись до трусов, лежат на траве. С едой покончено - можно и поваляться, подремать полчасика. Ванька и Толик сидят чуть поодаль. Они еще не закончили обедать. Ванька давится сваренными вкрутую яйцами.

- Ты сейчас в каком классе? - спрашивает Толик.

- В шестой перешел, - отвечает Ванька.

- Ну, ты даешь! - удивляется Толик.

- А что?.. ростом я не меньше тебя буду.

- Да при чем тут рост, тюха-матюха! Зачем тебе деньги? Сирота, что ли?

- Нет.

- Тю-у! Тогда совсем сдурел.

Толик закурил, опрокинулся на спину и, подложив руки под голову, принялся попыхивать сигаретой. Клубы сизого дыма плавают тут же, над лицом. Тихо - ни малейшего ветерка.

- Если надумаешь десятилетку кончать, шуруй к нам, - неожиданно предложил Толик. - Моя мамка всегда квартирантов пускает. Она недорого берет. Будешь с моим братухой в один класс ходить. На, потяни разок...

Ванька взял окурок.

- Э-э, разве так курят. Ты набери полный рот дыма и скажи, будто испугался: а!.. мамка увидела.

- Ну, и что, что увидела?

- Тогда - батька... И его не боишься? Ну, ты герой!

Ванька сделал как надо и закашлялся.

- Ну тебя к бесу, - обиделся он и выбросил сигарету.

Ребята дружно повернулись к нему.

- Дерни еще разок, - забыв про усталость, развеселились они.

- Все мужики курят, а ты...

- Ну-у!.. А мы-то думали...

Ванька подобрал окурок, с опаской посмотрел на него и, задыхаясь и кашляя, докурил до конца: не хотел, чтобы и тут над ним смеялись. Через несколько минут у Ваньки закружилась голова, а еще немного погодя его стошнило.

- Ты чего?! - испугался Толик.

- Ничего, - всхлипнул Ванька.

- Если плохо, иди домой. Мы твой рядок доделаем.

- Я сам.

- Ну, хочешь, мы тебя на велике научим кататься?

Ванька поднял голову: конечно же, он хочет научиться кататься на велосипеде. Никогда не думал об этом, но знает - хочет.

Держать равновесие Ванька научился быстро и уже на второй день, скоренько и с аппетитом проглотив все, что мать собрала в сумку, нажимал на педали - катался по хорошо укатанной дороге от карьеров к конторе и обратно. И все вокруг ожило, заулыбалось, будто после ненастья прошелестел грибной дождик и доброе солнышко обогрело измученную холодами землю. И дорога на работу стала не такой долгой, и торфяные плиты перестали обдирать руки... и меньше их стало. И жара будто спала. Еще бы: награда за все мучения - новенький велосипед. Свой, собственный. Ванька уже видит его, не надо и глаза зажмуривать - вот он. Видны даже блестящие заклепки на коричневом сидении. Ванька улыбнулся.

- Чего это ты разулыбался? - обрадовалась Нюрка. - Может, не пойдешь сегодня на работу, а? Родимец ее забери. На речку сходи, покупайся... Ну, чего ты молчишь? - склонив голову набок, мать радостно смотрит на сына: не каждый день он улыбается.

Ванька заканчивал ужинать. На материн вопрос не ответил, ему недосуг: представляет, как он, словно взрослый мужчина, запрыгнет на мягкое пружинистое сидение и поедет, куда ему надо: на работу, в школу, за хлебом, встречать корову из стада. И канистра с керосином уже не будет оттягивать ему руки. Ну, теперь, кровь из носа, отработаю месяц, твердо решил Ванька. А то и два, чтоб хватило...

Всю ночь не спали Ванька с матерью: Райка не пришла из стада. Обшарили все кусты и канавы, сады и огороды, до боли в глазах вглядывались в темноту, до хрипоты кричали «Райка, Райка», но привычного, сипловатого «му-у» так и не услышали. Нашли под утро. В кустах лозняка. Лежала тихо. Спину, бока и шею облепили комары. Хвост беспомощно откинут в сторону и тоже захвачен ненасытными кровососами. Почуяв своих, Райка открыла мутные глаза, подняла голову и виновато посмотрела на них. «Му-у-у», - тихо, будто моля о помощи, выдохнула она. У Ваньки отлегло от сердца - нашлась корова. Но Нюрка еще пуще испугалась.

- Пропала наша кормилица. Пора ее в заготконтору.

- Она выздоровеет, мам, - испугался Ванька. - Не надо ее сдавать.

Нюрка тихо вздохнула.

- Надо... Придется... Молока дает - кот наплакал.

- Ну, и ладно, и без коровы обойдемся. В Мироновке уже во-он сколько дворов без коров... и ничего, живут люди. Вот и мы... А захочется молока - у соседей купим. Все бескоровные так делают, и ничего - живут, не тужат. Еще и как! Ни тебе сено косить, ни тебе вставать чуть свет: сидят себе на завалинках да семечки лузгают.

Нюрка покачала головой - не согласна.

- А если все коров порешат?.. Нет, нельзя нам без коровки: и молочко, и сметанка, и маслице, и творожок - все коровка. Давай, сынок, эту сдадим, добавим из тех денег, что ты получишь на торфоразработке, и купим молодую коровку.

У Ваньки заблестели слезы на глазах.

- А сколько денег надо добавить?

- Не знаю. Наверное, много.

Третьего сентября, в день зарплаты, Ванька не пошел в школу. Учеба подождет, решил он еще с вечера и утром, чуть свет, неторопливо отшагав пять километров по привычной дороге, уже стоял в очереди к кассе, получить все, что ему причитается за полные три месяца работы. Зеленые трехрублевые бумажки мотыльками выпорхнули из рук пожилой кассирши и пухлой стопкой опустились на мозолистую ладонь парня. Сзади торопили - побыстрее, малец, не задерживай очередь, но Иван не отошел, пока не пересчитал все деньги.

- Много заработал? Ого! Доволен?

Иван поднял голову - Никитич.

- Мало.

- Мало?! А подоходный налог... а бездетные?..

- Какие у меня дети... сами подумайте... - и рассердился, и смутился Ванька, и с недоверием глянул на Никитича. - Надо было в блокнот записывать, сколько когда сделал, тогда б не обдурили. Даже с вашими налогами должно быть больше. Надули вы меня. На следующие каникулы запишите меня в бригаду к взрослым шабашникам.

Никитич досадливо скривился: давно уже бухгалтер поперек горла у него стоит, да ничего не попишешь: тот знает, с кем делиться.

- А ты знаешь, как они работают?

- Знаю. Я сдюжаю. Зато с ними лучше будет. Они за рубль кому хошь глотку порвут. А мне надо на велик заработать.

- Этих не хватит?

- Хватило бы, но... У нас корова упала на ноги. Мамка отвела ее на заготскот. Приняли по «тощаку». Там тоже, как и у вас, все хотят побольше урвать для себя. Эти деньги, - Иван тяжело вздохнул и спрятал пачку в карман вельветовой толстовки, - пойдут на корову. Мамка хочет уже стельную взять, чтобы сразу молоко давала. Да и сена надо подкупить. Так что тютелька в тютельку. А вы не забудьте меня к мужикам на тот год, ладно?

- Да-а, - о чем-то своем подумал Никитич и промокнул лысину носовым платком. - А

вот мой сюда ни-ни... и слышать не желает. Целыми днями на речке пропадает, да по чужим садам шастает...

- Разбаловали вы его, - позавидовал Ванька сыну кадровика.

- Хм, а ты не балованный?

- Я - нет. Некогда мне баловаться. Да и не с кем было. Я - Ванька Никаноров.

- Ну и что, что Никаноров? - Никитич положил руку Ваньке на плечо. - Не детские заботы у тебя, Иван. Слишком рано ты мужиком становишься.

- В самый раз.

Иван насупился, сердито сбросил руку с плеча и, не оглядываясь, вышел из конторы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

- Это ж кому расскажи, ни в жисть не поверят. Скажут, брешет баба, не те времена, чтобы жить в такой недоле, - впервые с тех пор, как поселилась в Мироновке, разоткровенничалась Нюрка и осторожно глянула на попутчиц: круглолицую и румяную, как спелое яблоко, Марфу Кудинову и худую, как стиральная доска, Елизавету Егоровну Шелехову, жену председателя.

Марфа и Елизавета Егоровна идут налегке. Нюрка сгибается под тяжестью: несет на коромысле домотканые половики.

- Ей-богу, сама удивляюсь, как только руки на себя не наложила!

Женщины с удивлением посмотрели друг на дружку, но ничего не сказали. Нюрка тоже замолчала. Она и не рассчитывала на участие. Сорвалась жалоба с языка - и дело с концом. Никому от этого ни холодно, ни жарко, а ей, хоть чуть, да легче. Будто уставшая ветка сосны сбросила тяжелый лапоть снега.

- Что это ты, соседушка, плохо половики отжала? - наконец отозвалась Елизавета Егоровна. - Смотри, вода бежит-то как с них. Тяжело чай... Не девка... должна знать, что мокрое тяжелое.

Нюрка вздохнула и, пониже склонив голову, перебросила коромысло на другое плечо.

- Расстелила бы на бережку, да просушила бы, - посоветовала Марфа. - Оно б легчей было.

- Нет. Что ты!.. Домой надо. Скоро Ваня придет с работы... ужин приготовить не успею...

- Вырос он у тебя. Смирный. Работящий. Не то что мой ветрогон. Все из-под палки... Всыпать бы ему как следует, да поздно уже.

Елизавета Егоровна ехидно усмехнулась, но промолчала. Нюрка повернулась к Марфе и улыбнулась.

- Да, вырос. Большой уже. Теперь я за ним, как у Христа за пазухой: и дров наколет, и в хлеву управится, и воды из колодца наносит. Если б не тот аспид...

- Потерпи. Может, еще и угомонится.

- Что ты!.. скорей в лесу кто-нибудь сдохнет. Нет, видно, такая уж моя доля - из кулька в рогожку. Ни сна, ни отдыха из-за того нехристя.

- А ты как думала! - возмутилась Елизавета Егоровна. - Хочешь палец о палец не ударить, да еще шашни разводить с мужиками?! Сама испекла пирожок, сама и ешь его. Нечего нам тут баки забивать.

Нюрка опустила голову. Марфа, словно извиняясь за чужую грубость, тихо улыбнулась ей и повернулась к председательше.

- Напрасно ты так.

- Гляньте на нее! - взвилась та, как ужаленная. - Да что такого я сказала?!

- Да уж, что сказала, то сказала. Это я так, просто.

- А если так - помолчи... Сыта, обута, на голову не капает... Какого рожна еще ей надо... говна на лопате?.. - и вдруг еще сильнее расходилась, словно кто наступил ей на мозоль. - Да сколько же ей надо денег! - и повернулась к Нюрке. - Твой, слыхала я, опять на торфу деньгу зашибает? (Нюрка кивнула). Во дает! Его одногодки в соседнее село на танцы ходят, с девками шурымурничают, а он - в шабашники... Глядишь, и разбогатеешь ни с того, ни с сего.

- Как же, ни с того, ни с сего, - пожалела Марфа Ивана. - Не так роса с неба, как пот с лица. Золотой мужик из него получится.

- Конечно, золотой... с такими-то деньжищами, да не золотой... Не удивлюсь если и в

школу не пойдет. Тоже мне, мать называется! Небось, сама надоумила. Так бы и любой мог жить - не тужить. Нарожал детей и - в батраки. Смотри, вызовут на правление да прочехвостят как следует за такие штучки. У нас в стране труд малолетних запрещен... газеты надо читать, радио слушать. А Петру каково: не бывал женат, а корми ребят... Ты подумала, каково ему теперь?

Нюрка сжала плечи и прибавила шаг. Марфа и Елизавета Егоровна отстали. Все, решила она, не пущу. Лягу на порог - не переступит. Золотой мужик... Рано ему мужиковать. Пусть и он погуляет, девок пощупает. И уже не шла - бежала. И ноши не чувствовала. Уже по стежке пронеслась, сбивая пыль с картофельной ботвы; уже рука потянулась к петле на калитке; уже во двор ступила - вляпалась в утиное и не заметила; уже коромысло опустила на кадушку - пусть вода сбежит с половиков; уже и крыльцо скрипнуло под босыми ногами... Фу, чего это я, как на пожар... Перевела дух, огляделась по двору. Будь ты неладна! - подумала Нюрка о председательше. И тут же: а и хорошо, что бежала: успею и передохнуть, и на стол собрать, пока Ваня явится.

Она неторопливо спустилась с крыльца, сняла ведро с плетня, зачерпнула воды из кадушки и с оглядкой - на огород. «Ну, как ты тут, герой?» Рядом с широченным, в три обхвата пнем, тянется к солнцу молодой дубок. Никто не заметил, когда он вылез на свет: не было, не было, и - вот он... растет себе и улыбается кудрявыми листочками. И как только не попал под тяпку - вокруг картошка: Нюрка как раз окучивала ее. С недоумением глянула - это еще что?! - а потом обрадовалась, как доброму знаку. С того дня за деревцем, как за малым дитятей, ходила: сорную траву вырывала, чтоб соки не тянула, и картошку на метр вокруг не садила, и поливала, когда дождей долго не было... И вот уже до плеча вымахал. Нюрка осторожно, чтоб не повредить, потрогала гладкие листики дубка, постояла минуту-другую, улыбнулась и медленно пошла с огорода.

Надо бы подмести, пока Ванька не пришел, а то опять сам за метлу схватится, подумала она, оглядывая засиженный утками двор, поднялась на крыльцо, взялась за щеколду, потянула дверь, вошла в прохладную, пахнущую луговой травой избу... и замерла от неожиданности.

- Дома!.. Так рано!.. Вот хорошо!.. И правильно, сынок, хватит спину гнуть. А я как раз бежала домой и гадала себе: не пущу боле.

Ванька сидит за столом, щурится от папиросного дыма и прикладывает листик алоэ к изодранным ладоням. Услыхав голос матери, он медленно повернулся к ней и бросил цветок в ведро с помоями. Туда же выплюнул и окурок.

- Я больше не пойду на торфоразработки.

- Молодец, сынок. Погуляй. Силов наберись. Все-таки в восьмой класс тебе... А там - экзамены. Отдохнуть надо, окрепнуть маленько, - взахлеб протараторила Нюрка.

- Силы у меня на троих хватит.

- Хватит, сынок... ага... и на троих хватит... Вон какой ты...

- Ты, мам, не тарахти, как трактор на холостых оборотах. С понедельника начнут озимые убирать... Я уже был в конторе. Договорился. Буду на комбайне работать... Штурвальным.

Нюрка опустилась на табуретку и часто-часто заморгала. Ванька и бровью не повел.

- Оно, конечно, денег там помене... пока, зато пшеницу дадут на трудодни. Да и на комбайнера можно выучиться. А они после уборки, знаешь, сколько получают?.. лопатой деньги гребут. Хватит нам с куска на кусок перебиваться. Новый дом тебе построю. Сама будешь в нем хозяйничать... а этого придурка, - Ванька кивнул на пожелтевшую фотографию отчима, - и на поросячий визг не подпустим ко двору.

- Ванечка! - тихо попросила Нюрка.

- Ну, чего еще? Сам знаю, что делать.

И сжалась, и растерялась... и обиделась Нюрка. Будто ее, еще совсем маленькую девочку, отшлепали на глазах у дорогих гостей.

- Погуляй чуток, успеешь в хомут влезть. Погляди на своих одногодков, - все еще на что-то надеясь, едва выговорила Нюрка.

- Да что они мне.

- Ну, хоть на девчат глянь... Вон Валя Стародубцева на день по сто раз прибегала к нам: то спички спросит, то соли, то еще чего... Думаешь, у них своих спичек и соли нет?.. Чует мое сердце - неспроста шастала в наш двор. Да и сейчас еще, нет-нет, да и заглянет. Зыркнет глазами по углам - нет тебя, и шасть на улицу.

- Скажи, пусть не бегает.

- Аль дивчина негожа? Вон какая ядреная! Получше той, что на плакате в коридоре

правления висит. Королева, да и только.

- Может, и королева, только зачем Шурка к ней за пазуху лазит? А она еще и хихикает, будто щекотки боится.

Глупенький, улыбнулась Нюрка. А вслух сказала:

- А ты сам подошел бы к ней и поговорил о чем-нибудь, а не смотрел, как Шурка лапает.

- Да ну ее!.. Еще обсмеет.

И то верно, вздохнула Нюрка, но не удержалась, чтоб хоть как-то не приободрить сына.

- Ничего, когда-нибудь и на твоей улице будет праздник.

- Один уже был, - сердито пробурчал Ванька и протянул руку к пачке папирос, лежавшей рядом на столе.

Нюрке не нравится, что сын курит, но запретить или хотя бы попросить, чтоб не травил себя этой гадостью, не смеет. Знает: не послушается, а с таким настроением, как сейчас, и нагрубить может.

- Ты уж прости меня, сынок, за тот «праздник».

Ванька лишь рукой махнул: чего уж теперь, после драки кулаками не машут.

- Вот и на твоей улице праздничек. Ишь, какой ты ладный при погонах! Только не снимай, так иди, а то в сумке все помнется, - Нюрка подтолкнула сына к зеркалу, висевшему в простенке между окнами. - Ты только глянь на себя!.. Герой!

Ванька посмотрел и остался доволен: ни складочки, ни морщиночки на гимнастерке.

- А мне, Ваня, можно посмотреть, как ты будешь выступать?

- Нечего тебе там делать.

- Ну ладно, ладно... Я не приду.

- Я не то хотел сказать, мам... Если хочешь... приходи. Я думал, ты уморилась, и тебе надо посидеть дома, отдохнуть, - виновато заоправдывался Ванька. - Ну, чего ты?..

- Ничего... ничего, сынок... Ступай. Это я так, просто... Соринка в глаз попала, вот и накатилась слеза. Ступай, сынок... ступай. Удачи тебе...

...Седьмому классу доверили встречу с Героем Советского Союза. Его взвод автоматчиков первый ворвался в село, закрепился на территории школы и сдерживал атаки фрицев, пока не подоспела подмога. «Так что, - предупредили в районо директора школы, - с твоими ребятами он обязательно пожелает встретиться. Готовься. Именно за тот бой его и наградили золотой звездой».

Класс зашумел, заходил ходуном, будто пчелиный улей перед дождем. Оплошать перед таким человеком - позор, решили ребята и принялись терзать свою фантазию. Но мнения, как оказалось, разошлись. Предлагали и живую пирамиду построить, и пьесу сыграть, и устроить на сцене рукопашный бой... и еще бог весть что... И только Ванька Никаноров оставался безучастным. Он сидел на своей «камчатке» и равнодушно поглядывал на ребят. И чего они выпендриваются, думал он, рассказали бы какое-нибудь хорошее стихотворение про войну, да и дело с концом. Наконец, когда все уже охрипли от крика и страсти поутихли, решили прочитать отрывок из поэмы Твардовского «Василий Теркин». Причем, условились ребята, выступающий оденется в солдатское. Кто на такое решился - за криком не разобрали, но удивились: как просто и хорошо придумано. Военную форму принес валин брат Иван Стародубцев. Он сам заявился в класс и, словно с барского плеча, бросил на учительский стол солдатский вещмешок.

- Дарю, нежалко. ЧШ - чисто шерстяное... На дембель купил у «макаронника». Теперь ни к чему оно мне... Не те времена, чтобы фраериться в нем.

У ребят - гора с плеч: обмундирование есть. Но когда примерили - сникли. Галифе куда ни шло, можно подвязать под мышками, а вот с гимнастеркой - хоть плачь: беда. Кто ни наденет, болтается, как на огородном пугале.

- А может, пусть Ванька примерит. Он покрупнее будет, - тихо и несмело посоветовала Валя Стародубцева, но в классе поднялся такой смех, что и она поддалась общему психозу и принялась хохотать вместе со всеми.

Словно в спину толкнули Ваньку. Он подошел к столу, отстранил ребят, взял одежду и, спрятавшись за шкафом, начал переодеваться. Ошарашенные ванькиной наглостью, ученики все еще продолжали смеяться и крутить у виска пальцем, но когда он вновь предстал перед ними - хоть языки прикусывай.

- Ух ты... настоящий солдат!

- Вот это да-а!

- А что же без сапог? - улыбнулась Марта Яновна.

- Не налазят. Мне сорок третий надо.

Нашлись и сапоги нужного размера. Катя Сологуб сбегала домой и принесла красивые с высокими голенищами хромовые офицерские сапоги.

- Смотри, в хлеву в них не порайся. Папка надевает их только на День Победы и октябрьские.

Какое-то время в зале стояла тишина. Но недолго. Минуту... Может, и того меньше. Затем, как мелкие трусливые воришки, кольнули тихие, робкие смешки, а еще через минуту, словно за первыми нечастыми дождинками, лупанул ливень с градом и ветром, - ударил хохот. Даже воздух всколыхнулся. Половинки занавеса вздрогнули и судорожными рывками двинулись навстречу друг другу. Сзади кто-то дернул за рукав гимнастерки, но Ванька отмахнулся: не мешайте, сейчас я стихи про Василия Теркина читать буду. Он ждал, когда вновь откроют сцену... занавес должен раздвинуться... как же иначе... Но почему так долго не дают выступать... и отчего они так громко смеются?..

...Солнце уже - с горы. Дело к вечеру, но воздух еще хранит дневную жару. Запах молодой листвы приятно щекочет ноздри. Ванька легко перескакивает через лужи: с утра прошел дождь. В обход главной улицы: через выгон, мимо ставка, мимо заброшенной силосной ямы, заросшей матерым, выше человеческого роста бурьяном - не ближний свет... зато подальше от досужих глаз мироновцев: «Ишь, с чего бы это он так вырядился!»

Ванька осторожно подлез под ограду-балясину и направился через скотный двор. Так короче. В дальнем углу загона, в грязи, под перевернутой бестаркой, стонал Семен. Надо же, никогда не напивался, а тут... - удивился Ванька и уже хотел было пройти мимо, но...

- Ваня! - окликнул его Семен.

- Чего тебе? - с досадой отозвался Ванька: тебя только не хватало.

Конь прянул ушами и повернул голову. Семен приподнялся на локте.

- Помоги... ноги придавило... Больно... Спасу нет, как больно...

Ванька ни секунды не раздумывал: глянцевые секретарские хромачи уверенно ступили в грязь.

- Ну, чего же ты, сынок!..

Словно кто шепнул Ваньке на ухо... потянул за руку: перед ним, упираясь за спиной руками в грязь, корчится от боли человек... его отец. Родной. Оббежав вокруг телеги, Ванька ухватился руками за колесо и, задержав на вдохе воздух, потянул. Телега качнулась, приподнялась, но тут же, как бы передумав, опять завалилась на бок. Семен заскрежетал зубами. Конь вздрогнул, всхрапнул, ударил копытами в грязь.

- Сейчас я, сейчас, - с болью и жалостью прошептал Ванька и еще раз, но уже изо всех сил рванул.

Медленно, будто нехотя, бестарка выравнялась одной стороной и замерла на критической точке. Еще рывок... - даже в глазах потемнело. Еще один рывок - из последних сил... Жирная, обильно сдобренная свежими коровьими лепешками грязь смягчила падение.

- Черт! - выругался Ванька и быстро вскочил на ноги.

- Ну, надо же, а!.. Хотел бабам помочь, чтобы цыбарками жом не таскали, а он, сатанюка, - на дыбки, да как лыганет в сторону.

Семен попытался встать... и скорчился от боли... и рухнул в грязь. И застонал. Ванька испуганно глянул на него.

- Ноги, будь они неладны... Ступить не могу.

- Не надо было Рябчика запрягать - неук еще. Будто сам не знаешь.

- Кому-то ж надо приучать его к оглоблям, - заоправдывался Семен. - Делать-то что теперь будем?.. Сам не дойду.

Ванька осмотрелся - ни души. Нагнулся и, надсадно крякнув, оторвал от земли грузное тело отца. Сологубовские парадно-выходные хромачи тяжело зачавкали по жирной грязи.

- Куда, Ваня, домой?

- К Манюне. Некогда мне через все село тащиться.

- Ну, все равно спасибо. Сынок.

- Не зуди: сынок-сынок...

Хоть бы никто не встретился... засмеют. Ванька зашагал быстрее.

- Ваня...

- Да не крутись ты, и так тяжело.

Кто-то сильно дернул за локоть. Ванька обернулся, посмотрел на перекошенное от ужаса лицо Кати Сологуб.

- Са-по-ги-и!.. - зашипела девочка. - Что ты сделал с ними, уродина ты косоглазая!.. Нарочно, да?!. Дубина ты стоеросовая!..

Ванька глянул на сапоги: в таких не то что на сцене стоять - по улице стыдно пройти. Будто у конюха одолжил их, надел и даже навоз не удосужился вытереть. И не только сапоги - весь по уши в грязи и жирном коровьем навозе.

- Ничего не нарочно, - начал оправдываться он.

- А ну снимай... навозник вонючий!

Ванька послушно разулся.

- На, - протянул он грязные сапоги. - А может, я сам помою.

- Без сопливых обойдусь, - Катя схватила отцовскую реликвию и метнулась к двери.

Через минуту мокрый, грязный и босой Ванька стоял в кругу одноклассников и, виновато разводя руками, пытался убедить ребят, что он вовсе не нарочно подвел их. А тут еще и мать... Ну зачем она здесь!.. Идет по коридору и, спрятав лицо в ладони, плачет.

- Пойдем домой, - сердито буркнул Ванька.

- Пойдем, сыночек. Пойдем.

- Сказал, чтобы дома сидела. Какого ты... приперлась?

- Да вот, - пожала плечами Нюрка, - и не думала идти, а ноги сами...

Ворочайся, не ворочайся, а сна - ни в одном глазу. Уснешь тут. Уже и форму выстирала, и ужин приготовила, уже и улеглась - нет сына. Вышел покурить и - нет и нет. Уже и Петр явился, уже давно заполночь. Пора бы. «И правда, ну чего приперлась! Хоть бы передо мной не совестно было ему». Нюрка тихо встала, оделась и не цыпочках - во двор. Ванька сидит на дубовом пне и молча курит.

- Сыночек, - Нюрка тронула его за плечо.

Иван недовольно оглянулся.

- Чего ты босая выскочила? Простудишься. Ступай в избу, я скоро.

2

Ванька облегченно вздохнул и сунул в карман свидетельство с «журавлями в небе». Экзамены позади, за спиной - восьмилетка. Хватит... грамотный. Осталось отработать месяц в колхозе, и - хоть на все четыре стороны.

Заиграла музыка. Тополиным пухом закружились платья выпускниц. Ванька грузно прошел в угол спортзала, сел на скамейку и прищурился на одноклассников. Танцевать он не умеет, да и не хочет... «А может, домой пойти, - подумал он. - Чего мне тут с ними...»

- Никаноров, почему не танцуешь?

Худенькая девушка-невеличка с большими глазами и беленькими кудряшками на маленькой головке стоит перед ним и смущенно улыбается. Она не выпускница и не мироновская. Она из большого города.

- А зачем мне это? Топчутся, как гусаки в луже.

- Следующий танец будет медленный. Пойдем?

- Не-е, Зинаида Ивановна. Пригласите лучше Шурку Кудинова. Он всю дорогу на вас зенки пялит.

Кудинов стоит в кругу ребят и украдкой поглядывает на Зинаиду Ивановну. На Шурке красная с желтыми попугаями рубашка, черные брюки-дудочки и коричневые туфли на толстой каучуковой подошве - подарки от тетки из Одессы. «Как петух», - усмехнулся Ванька.

- Ну вот, хоть раз улыбнулся. Пойдем танцевать.

- Не-е, баловство это. Да я и не умею, - Ванька искоса глянул на Зинаиду Ивановну: чего она пристала?.. Может, хочет поиздеваться в отместку за тот первый урок?

В тот день в ванькином классе будто потолок обвалился. Всего могли ожидать ученики, но чтоб такого!..

- Ребята, давайте знакомиться. Я - Зинаида Ивановна, ваша новая учительница по языку и литературе. А теперь вставайте по одному, называйте свою фамилию и рассказывайте, за что вы любите литературу. Вот ты, например, - она кивнула на Ваньку. Тот встал.

- Ты любишь литературу?

- А на кой она мне? - нехотя выдавил он.

- Не любишь? - растерялась Зинаида Ивановна. - Какой стыд! Такой большой, а глупый.

Что, и ты насмехаешься!.. насупил брови Иван.

- А ты пигалица малокровная.

Ребята притихли. Кто-то робко хихикнул. Ванька медленно, будто разгибая тугую пружину в шее, поднял голову. Съежившись, как синичка на холоде, «новенькая» тихо сидит за столом и оторопелыми угольками смотрит в класс. Через минуту она всхлипнула, шмыгнула носиком, торопливо вынула из-под браслета часиков крохотный розовый платочек, высморкалась и выскочила в коридор.

- Правильно, Ванюха, герой! Теперь она не очень-то будет хорохориться. Теперь она вот где будет у нас! - Шурка поднял кулак. - Ты ей на следующем уроке еще что-нибудь такое же зазвездячь. Главное - не дать опомниться.

Никто в классе не поддержал Шурку. Наоборот - зацыкали, а на Ваньку и не глянули, будто он пустое место. Ну зачем я так с ней! - Ванька боялся даже глянуть на ребят. Что плохого она мне сделала? Такое уже было с Ванькой. Было... он вспомнил. И испугался. Будто кто-то большой и сильный схватил его за ухо и подвел к искалеченному птенцу. Даже тихий и жалобный писк услышал. Давно это случилось: он подстрелил соседского гусенка. Перебил лапку. Зачем? Хотел попробовать новую рогатку. Сначала обрадовался - попал! Потом сник. Попытался успокоить себя: да что там гусенок, все равно осенью голову на колодку... но не тут-то было... и заплакал. И испугался: а ну как дознается сосед - шкуру спустит. И заступиться некому будет. Никто не узнал про то, можно жить не тужить, а у Ваньки, наблюдавшего за мучениями желтого комочка, слезы на колку. Но подранок не знал своего обидчика. Подранок лишь жалобно попискивал, призывая товарищей подождать его, не бежать так быстро и, выбиваясь из сил, старался не отставать.

«...Ну, лапоть деревенский, я тебе покажу пигалицу! - Зинаида Ивановна вошла в класс, раскрыла журнал и поставила точку напротив ванькиной фамилии. - Ты у меня попляшешь, ты у меня до конца года из двоек не будешь вылезать».

- Никаноров, к доске!

Ванька встал, подошел к учительнице. Зинаида Ивановна повернулась к нему.

- Итак, образ Печорина как лишнего человека своего времени. Слушаю тебя.

В классе зашептали. Ванька виновато посмотрел на учительницу.

- Не серчайте на меня за вчерашнее. Я не хотел вас обидеть. Правда, не хотел. Оно само как-то...

- Отвечай! Не знаешь? - Ванька кивнул головой. - Так бы и сказал.

Взгляд девушки скользнул по неприхотливой одежде парня, под которой угадывалось сильное, кряжистое тело. Нашим пижонам такие плечи и не снились... и руки уже волосатые... совсем мужчина, отметила она про себя и забыла о вчерашней обиде. Странно, но совсем забыла, будто ничего и не было. А было только желание потрогать ладошкой ванькино волосатое предплечье.

- Садитесь, Никаноров, - растерянно вымолвила Зинаида Ивановна и смущенно посмотрела на ребят: испугалась, что те подсмотрели, подслушали в ней что-то порочное и недозволенное. - Двойку я вам не поставлю.

Ванька кивнул головой и молча направился к своей парте.

- Мне все равно, - равнодушно буркнул он и, споткнувшись в проходе между партами о чей-то портфель, грохнулся на четвереньки.

По классу прошелестел легкий смешок, но тут же стих: не разозлить бы этого бугая, не случилось бы, как на прошлогодних соревнованиях по легкой атлетике. Тогда Ванька заметил: два восьмиклассника, судившие толкание ядра, неправильно замерили его результат. Во второй попытке снаряд пролетел еще дальше... и опять судьи обманули его. Ванька ничего не сказал и отказался от третьего броска, а встретив заговорщиков после уроков, схватил их за шкирки, как котят, и стукнул лбами. Посмотрел на одного, на второго, стукнул еще раз, посильнее, и обоих швырнул в ров, густо заросший крапивой.

- Я же сказал, что не умею танцевать.

- Не беда. Пошли, я научу.

Ванька нехотя встал. Зинаида Ивановна шагнула к нему.

- Ты только следи за мной и повторяй.

Ванька кивнул головой - согласился, робко обхватил девушку за талию и, сделав несколько шагов, вдруг понял, что может танцевать, как все... и удивился этому... и обрадо-

вался. А когда музыка стихла, растерянно улыбнулся, посмотрел сначала на радиолу, потом на партнершу.

- Все-о?! - разочарованно спросил он.

- Все, - весело улыбнулась Зинаида Ивановна.

Ванька огляделся по сторонам: никто не танцует. Он один в центре зала, и еще Зина рядом.

- Пошли сядем, - шепнула она ему, - а то неудобно как-то.

«Белый танец», - громко объявили по залу. Шипение, легкий треск, щелчок - игла попала в бороздку пластинки, и через несколько секунд приятный женский голос поведал о том, как мадьярка вышла на берег Дуная и бросила в воду цветок. Шурка Кудинов, быстрыми страусиными шагами промерив зал, подошел к Зинаиде Ивановне.

- Можно?

Ванька удивленно посмотрел на него. Зинаида Ивановна улыбнулась.

- Извини, Шурик, но сейчас приглашают дамы.

Игриво щелкнув язычком, она вспорхнула и, легонько присев, протянула руку Ивану Никанорову. Получил, петух общипанный! - усмехнулся Ванька и глянул на Кудинова. И тут же пожалел его, заметив, как в зале захихикали: как же, первый пижон на селе, и вдруг от ворот поворот.

- Зачем вы так с ним? - с укоризной пробормотал Ванька, но Зина уже положила руки ему не плечи.

Впереди, сзади, слева и справа весело кружились одноклассники. Ванька хотел последовать их движениям, но споткнулся и наступил Зине на ногу.

- Кружиться не обязательно. Танцуй сам по себе, а я буду подстраиваться.

Ванька отвел взгляд. «Дунай, Дунай, а ну, узнай, где чей подарок», - надрывно просила певица. Ванька затаил дыхание: острые бугорки под тоненьким шелком платья прикоснулись к нему. Первый раз он так близко к девичьей груди... и захотел быть еще ближе... и шагнул навстречу чуть больше положенного... и еще раз туфелька девушки очутилась под подошвой его растоптанного башмака.

- Я нечаянно, - извинился Ванька.

- Успокойся, - чуть улыбнулась Зина: ей было и больно, и в то же время страшно, как бы Ванька вконец не засмущался и не оставил ее одну посреди зала. - Ты не такой уж и увалень, - прошептала Зина ему прямо в ухо и легонько царапнула ноготком по его ладони. - Пригласи меня еще раз.

Ванька пригласил. Потом еще и еще... Они уже не отходили друг от друга. Вокруг начали шушукаться, но им и дела мало. Они никого не видели и не слышали - им хорошо.

- Фу-у, жарко. Устала. Пойдем на улицу.

Ванька встал, и тут... как из-под земли - Петр Петрович, учитель математики.

- Зинаида Ивановна, голубушка, не откажите старику.

Зинаида Ивановна встала и задорно глянула на Ваньку: видишь, какая я, всем нравлюсь. Через секунду лысый кавалер закружил ее в вальсе. Ванька сердито засопел и сел на скамейку. Ему не понравилась выходка математика. Окажись на его месте Шурка, он бы враз ему бубну выбил. Эдита Пьеха уже в который раз за вечер упрашивала Дунай узнать, где чей подарок, но Ванька не слышал ее слов. Ему казалось, что радиола слишком долго не замолкает: хоть бы сломалась она, что ли. А математику и дела мало до ванькиных страданий. Он добродушно, по-отечески улыбался, что-то говорил, и Зинаида Ивановна, как ни в чем не бывало, кивала головкой и весело поглядывала то на него, то на Ваньку. Потом они перестали улыбаться. Лицо девушки сделалось испуганным, а вскоре и сердитым. Они уже не кружилась. Певица еще взывала к бездушному Дунаю, а Зина уже бежала к выходу. Она не дождалась конца танца. Она выскользнула из сухих рук старого кавалера и спешила из зала. Ванька встал: чего это она? Но, встретившись с твердым и колючим взглядом математика, покорно сел. Петр Петрович самодовольно ухмыльнулся, одобрительно кивнул головой и, погрозив пальцем, словно шаловливому ребенку, направился к группе учителей и родителей. Свою педагогическую и, как ему казалось, гуманную миссию он выполнил блестяще.

Радиола грюкнула, взвизгнула, рявкнула. Рок-н-рол мьюзик, истошно завопил какой-то иностранец, будто ему прищемили пальцы в дверях. Взвыл саксофон, бухнули барабаны, лязгнула гитара, по клавишам рояля хватили кулаком, и... вдоль стен пронесся смерч - скамейки опустели. В зале, поднимая пыль, забегали, запрыгали, задергались. Рокот музыки и скрип половиц слились в единый гвалт. Кто с кем танцует - не разобрать. Каждый старался выделиться. Стыдно и противно смотреть на танцующих: никто не умеет,

но все пытаются. Учителя отвели глаза - пусть бесятся, они уже не наши. Родители брезгливо отвернулись - и чему они в школе выучились!!! А зал гремел и содрогался. И никому не было дела до ванькиных страданий. Будто в пустоте витала его мрачная физиономия. Может, вернется, с надеждой думал он. Зина не появилась.

- Никаноров, пойдем танцевать...

Ванька вздрогнул, поднял голову: Валя Стародубцева. Звучит уже совсем иная мелодия, тихая и печальная. Ванька и не заметил, когда сменили пластинку.

- Чего уставился, вставай: дамы приглашают кавалеров.

Валя, улыбаясь, стоит перед ним и легонько, в такт музыке покачивает головой.

- Не-е, - промычал Ванька и неожиданно, словно бык, сорвавшись с привязи, натыкаясь на танцующих, выскочил на улицу. Метнулся к беседке - пусто... к скверику - и там нет Зины. Домой ушла, догадался он и, решительно въедаясь в темноту, выбежал за ворота школьного двора.

- Ваня, - услышал он впереди себя. - И ты ушел?

Из-за кустов сирени вышла Зина. Легонько всхлипнув, она подошла к нему.

- До чего же глупые люди!.. Такое подумать... а еще педагог со стажем.

- А че он тебе?

- Да так, ничего, - она взяла Ивана под руку. - Ты ушел, чтобы проводить меня?

- Угу.

- Спасибо. Жуть, как страшно идти мимо кладбища.

- А чего бояться?

И они пошли. Идут молча. Ванька не знает, о чем говорить, а Зина, размазывая по щекам тушь с ресниц, легонько всхлипывает и тоже молчит. Ей нравится этот деревенский парень, чего греха таить - сила всегда притягивает. За таким можно укрыться: он надежный, не то что Борис. Зина поежилась: опять тот кошмарный вечер, - зачем же вспоминать?.. Но... «Боже, какое ничтожество! Красавец, балагур, спортсмен, любимец всего двора, и вдруг такое...» Кто-то опять начал душить ее, хлестать потными ладонями по щекам, валить на траву и задирать подол платья... в лицо дохнул смрад винного перегара, и еще: хруст сломанных веток - то убегал Борис. Как стыдно!.. и страшно. И еще боль: пронзительная и унизительная. «Никаноров бы ни за что не убежал, не испугался бы. Да и расправился бы с теми насильниками в два счета». Встряхнув кудряшками, Зина отогнала наваждение... и не пришлось бы стыдливо опускать глаза в комнате следователя, куда ее много-много раз приглашали на опознание.

Зина сдавила ванькин локоть. Ей показалось, что сейчас из-за могильных холмиков выскочат призраки или бандиты.

- Ваня.

- Чего?

- Почему ты все время молчишь? Вот возьму сейчас и убегу, - и сделала два быстрых шага вперед. Ванька тоже ускорил шаг. - Что молчишь? Тебе все равно, убегу я или нет?

- А что я... сама ведь хочешь.

Зина грустно вздохнула.

- Эх, Ваня-Ваня... книжки тебе надо читать, строить планы, мечтать-фантазировать...

- На кой мне?

- Как это зачем! Не любишь мечтать? - Ванька пожал плечами: некогда ему заниматься такими глупостями. - Ну, а кем бы ты хотел стать? - не сдавалась Зина.

- Комбайнером или трактористом, как дядька Гришка, Шурки Кудинова отец.

- Фи!.. Другие ребята космонавтами видят себя, артистами или знаменитыми футболистами, а ты... трактористом... Никакой фантазии.

- На кой мне твоя фантазия... выходи лучше завтра за огороды. А то дак сейчас пойдем.

- Зачем? - удивилась Зина.

Ванька не ответил.

- Ни к чему тебе это. Я скоро уеду в город. Поработаю летом в стройотряде, а с третьего курса - на дневной... Декан пообещал. А ты думаешь учиться дальше?

Про учебу она просто так спросила. Знала: он не поедет в интернат. Ванькина история известна ей так, как если бы родилась и всю жизнь прожила в Мироновке. Еще бы!.. у Манюни квартирует.

- Не-е, мне работать надо: мамка хворать начала.

Из-за облаков выплыла луна: яркая и круглая, как спелая дыня. Зинаида Ивановна и Ванька Никаноров медленно идут вдоль кладбищенской ограды. Тихо. Тепло. Густо пах-

нет сиренью.

- Слышишь?!

- Чего?

- Соловей.

- А... пусть себе.

- Тише, давай послушаем. У нас в городе тоже поют, но совсем не так. А тут... Ты слышишь, они будто переговариваются свистом. Слышишь, это он - голос густой, раскатистый. А там, в глубине кладбища, совсем иная трель - звонкая, как ручеек. То - самка.

- Не-е... Самки не поют, - задыхаясь выдавил Ванька и обнял учительницу.

Зинаида Ивановна повела плечами.

- Ты что? - Ванька промолчал. - Ты что, Никаноров! - повторила она и сбросила его руку.

Зашелестела листва - дунул ветерок. С луга потянуло сыростью. В чьем-то дворе звякнула цепь и заголосила собака; грюкнуло пустое ведро, кто-то сковырнул его с крыльца; громко всколготились куры на насесте, наверное, хорь вспугнул. В манюниной завалюшке проснулось окно. Ванька покосился на спутницу: «И чего я цацкаюсь с ней! Может, она просто ломается, как сдобный бублик, а я и руки опустил?» Уже по всей Мироновке брехали собаки. Манюнино окно потухло. Наверное, хозяйка глянула на часы и опять улеглась - ждет квартирантку. Зина ускорила шаг. Ванька - тоже. Цену себе набивает - уже ни капельки не сомневался Ванька, припомнив лихие байки парней ночами на полевом стане, и, словно коршун на цыпленка, сзади набросился на девушку.

- Вы что, Никаноров?! Сейчас же прекратите!..

Грубая, мозолистая, потная рука скользнула в вырез платья и больно сдавила маленькую твердую грудь.

- Убир-райся, подонок!..

Ванька громко засопел, но не отпустил.

- Убир-р-райся!

Затрещал шелк.

- Ну во-от... Сама виновата... зачем вырывалась.

Девушка посмотрела по сторонам - никого... ни далеко, ни близко. На небе полная луна: появись кто на улице - заметила бы... и еще сильнее испугалась. Посмотрела на Ваньку: его глаза жадно мусолят розовый лоскуток бюстгальтера в разрыве платья. Она робко подняла руку и прикрылась ладошкой. Ей хотелось развернуться и побежать, но лакированные туфельки на шпильках приросли к земле... пустили корни. Страшно. Точь-в-точь как в парке с Борисом. Даже подташнивать начало, и даже как тогда - откуда бы! - противный скрежет трамвая на повороте... и она заплакала. Ванька протянул руку, хотел успокоить, но Зинаида Ивановна отскочила.

- Убери руки, дурак!

Ванька отступил на шаг.

- Ну, чего ты, зашить нельзя, что ли? Пойдем, мамка починит.

Зинаида Ивановна перестала плакать... и даже улыбнулась.

- Боже, а ты и впрямь дурак!

- У дурака яйца на горбу, - огрызнулся Ванька. - Сама липла, а теперь дураком обзываешь.

- Кто?!. Я... к тебе... липла?!

- Ага, кто ж еще приставал с танцами.

- Ну и что ж... Какой ты смешной... Да если б я знала, что ты такой дурень...

- Сама дура. Все вы, москвички, такие... вертихвостки. Зачем прижималась, когда танцевали? У меня вон чуть пуговицы на штанах не поотлетали. Думаешь, я олух, ничего не соображаю? Эвон какое платье на тебе тоненькое, будто и нет его вовсе. Сама прыгала на меня, как сучка, а теперь...

Ванька не успел договорить: маленькая ладошка обожгла щеку. Ой! - испугалась Зинаида Ивановна, но собралась с духом и, как в пропасть сиганула, еще раз ударила. Наотмашь.

- Вот тебе!

Иван поморщился - больно.

- Ах ты, сука! - он потянулся к ее горлу. - Задушу! Шмакодявка! Пигалица!

- Убери руки, деревенщина... - сказала, словно хлыстом перетянула. Она уже не боялась его. Теперь она выше и сильнее... и не удивилась, когда его пальцы разжались. - Иди спать, мальчик. Тебя уже папа и мама заждались.

- Никто меня не ждет.

- Все равно иди спать, дурачок, - и она скривила губы.

Ванька заметил ее усмешку - луна: видно, как днем. Он развернулся и побежал. «Пигалица... Шмакодявка... Вертихвостка...» - бормотал он, унося ноги от своей обидчицы - маленькой хрупкой девушки. Бух... бух... бух - ботинки по пыльной дороге. Какой я тебе мальчик!.. и еще скорее, будто уже от самого себя... Еще и «дурачком» обзывается... Улица-калитка-двор - на одном дыхании... И остановился, перевел дух. Закурил. Не дай бог Манюня дознается... и по селу не пройдешь... Прислонился к дверному косяку. Одна жадная затяжка за другой... и закислило во рту. Отщелкнул окурок. Красная точка, описав дугу, перелетела двор. Возле плетня всполошились утки... и затихли. Дверь открылась легко, без скрипа. В комнате - свет: мать еще не спит. Ванька разделся и рухнул на диван. Нюрка заворочалась на своей кровати.

- Что с тобой, Ваня?

- Ничего. Спи.

- Может, стряслось что? Не таи. Выговорись - легче станет.

- Ничего не стряслось. Туши лампу. Хватит керосин палить.

- Петька явится, тогда и задую, - Ванька ни слова. - Ты уже взрослый... уезжай. Не будет тебе в Мироновке талана. Ты слышишь?..

Ванька не отозвался. Даже захрапел потихоньку. Мать права, думал он, отработаю месяц в колхозе и уеду. Хорошо бы в ремеслуху устроиться, выучиться на токаря или каменщика и работать в городе. Там меня никто не знает. Буду ходить в чистых ботинках по чистым улицам и смотреть на высокие дома. И после армии не вернусь.

Ванька не услышал, когда вернулся Петр. Выспавшись и протрезвев где-нибудь под забором, тот всегда приходил заполночь и тихонько, уже побаивался Ваньку, ложился. На этот раз он вошел хозяином; опрокинул с лавки ведро с водой, пнул его ногой и смачно выматюкался. Во дворе крякнул разбуженный селезень. Петр еще раз матюкнулся.

- Нюрка, дрыхнешь? Вставай, паскудина! Суши сухари своему ублюдку косоглазому.

Нюрка вскочила, добавила фитиля в лампе и, как была - в одной рубашке, метнулась в дверь.

- Тише, тише, - зашептала она. - Чего расходился... пьяный?.. так ложись и спи. Чего расходился?

- Кто пьяный, я?.. Я трезвый.

- Тогда чего ж?

- А ничего. А вот твоего гаденыша - в кутузку... Будет знать, как девок насиловать, - Нюрка всплеснула руками. Ванька насторожился. - Там из него быстро выбьют сенькины замашки.

- Чего ты мелешь языком своим поганым? Ляг, проспись.

- Не лягу. Уйди от меня, паскудина, - за перегородкой послышалась возня. - Уй-йди... кому говорят... Ну, пус-сти...

- Петенька, родненький, ну чего ты мелешь. Тебе, наверное, почудилось с пьяных-то глаз. Может, сбрехал кто?

- Убери руки, паскудина. Твой звереныш хотел учительку снасильничать. Сам видел.

- Брешешь, пес! Залил буркалы самогоном, вот и померещилось.

Послышался глухой стук.

- О-ой! - жалобно простонал Петр: Нюрка в сердцах толкнула его, и он больно ударился затылком об стену.

Шум возни прекратился.

- Ничего мне не померещилось, - будто обиженный ребенок, захныкал Петр. - Ты что, осатанела? Так и убить можно. С утра мы положили матицу на срубе сологубовой хаты... ох, и хоромы же он себе забабахал!.. секретарь!.. Ну, он и поставил «четверть» на артель, - голос Петра с каждым словом крепчал. - Ну, это не твоего сучьего ума дело... Просыпаюсь, значит... я нонче на кладбище спал... а твой выродок напротив моего куста на учительке, на той малявке, что у Манюни квартирует, платье, значит, рвет. Оно хоть и ночь, да я все разглядел - луна светила. Вот так-то вот.

Ванька затаил дыхание - ловит каждое слово. Даже стук собственного сердца кажется ему грохотом - мешает прислушиваться. По стене размазались причудливые дырявые тени от занавесок и тут же поползли от одного угла комнаты к другому. Мимо дома, ослепив фарами немые окна, надсадно урча и простуженно чихая неисправным двигателем, проползла машина. И опять тихо, слышно каждое слово за перегородкой.

- Так что завтра утром учителька заявит в милицию, а к обеду они уже на своем «воронке» - тут как тут. Суши сухари. Загребут твоего косоглазого. Загребут, как пить дать... я свидетелем буду. Теперь, уважаемая, берегись... Я тебе...

Договорить Петр не успел: в дверном проеме появился Иван. Он молча подошел к кровати, сграбастал Петра в охапку и вышвырнул его в окно. Затрещала рама, зазвенели битые стекла. Иван повернулся к матери.

- Иди спи...

- Сыночек, скажи мне - он брешет?

Нюрка стоит посреди комнаты и плачет. На ее лице кровоточат царапины - на большее Петр уже не способен.

- Брешет. Иди спать. И прикройся, - в разрыве рубашки видны были крепкие, как у молодухи, нюркины груди.

Ванька задул лампу и наощупь добрался до своего дивана.

- Ну и ладно, что брешет, - саму себя уговорив, облегченно вздохнула Нюрке и опустилась на табуретку.

Через разбитое окно в комнату вливается луговая прохлада. Нюрка расслабилась, улыбнулась, и вдруг... будто кто-то по затылку стукнул... А если правда?.. Поди разбери, что у него на уме... Что-то все-таки было, а то б чего он так расходился... А... Господи!.. да ведь было же, - Нюрка зажала рот ладонью, чтоб не закричать в голос. И тот от своих слов не отступился, и этот, как спичка, так и вспыхнул. Никогда еще за ним такого не замечала. Боже, спаси и помилуй... Что же теперь-то, а? Нюрка затаила дыхание - прислушалась к шороху в соседней комнате, куда вошел сын.

Ванька натянул штаны, рубашку. Обулся. Нащупал под подушкой папиросы и спички, тряхнул коробком и, выставив вперед руки, чтобы в потемках не наткнуться на что-нибудь, вышел из комнаты и шагнул в сени. От дверей кто-то испуганно шарахнулся. Петр, догадался Иван, и усмехнулся: битому псу только плеть покажи. Под ногами заскрипели ступеньки крыльца.

На кладбище, будто в насмешку, закатывая одну руладу за другой, во всю мочь заливаются соловьи. В майском, буйно вызвезденном небе добросовестно светит луна. И тоже будто насмехается: ишь, что придумал, с учителькой женихаться... руки распускать... Иван постоял немного и - на огород, к молодому дубку, уже догнавшему его в росте; потрогал ствол деревца и - по меже через огород на луг. К Сейму.

Серебристый лунный мостик, словно сорвавшись с поднебесья, упал поперек реки. Ветерок едва шевелит ивовые веточки. От воды густо тянет сыростью. Прохладно. Где-то за рекой, на дальнем лугу, надоедливо плачет коростель. Что за чудная птичка, сколько раз уже слышал ее, а хоть бы раз увидеть, подумал Иван. Он сунул в рот папиросу и, громыхнув спичками на манер Григория Кудинова, прикурил. Прицелился было отщелкнуть обгорелую спичку в воду, но спохватился, сунул ее обратно в коробок с тыльной стороны. За спиной послышались торопливые шаги и частое дыхание. Мать, с досадой подумал Иван и встал. Шаги стихли. Иван оглянулся. Нюрка постояла немного, развернулась и, так и не подойдя к сыну, медленно побрела в село. Через четверть часа в манюниной хатке вспыхнуло окно: проснулось от робкого нюркиного стука. Низко, почти над самой головой, прошелестела крыльями ночная птица.

Иван устало опустился на траву. «Слава Богу, - вздохнул он, - кончился этот дурацкий день. Надо было свидетельство в руки - и домой. Танцор задрипанный... жених... А если и вправду она, как тот недоделанный пугал, заявит в милицию?.. Ну и ну. Может, смотаться из Мироновки, пока не поздно? Да нет, чего там, подумаешь, одну ее лапают, что ли. У нас всех девок прижимают в кустах да тискают, что ж теперь, всех ребят за решетку? А платье порвал... Попробуй теперь отвертеться... Сколько же дадут?.. Лет пять?.. Восемь?.. Восемь лет... ого!.. и жить потом некогда будет. Мамка, наверное, не перенесет этого. И чего я поперся на этот дурацкий вечер! Будто нельзя завтра получить свидетельство. Да и зачем оно мне нужно: быкам хвосты крутить и без него можно». Долго в темноте то ярко вспыхивал, то притухал огонек иванового «Беломора».

3

Иван стоит в дверях и не решается пройти в глубь кабинета - как бы не натоптать грязи. Он только-только вылез из-под комбайна, даже руки впопыхах не помыл, вытер об штаны и на попутке - скорее в контору. К чему такая спешка, недоумевал он, и без того полдня коту под хвост - полетела жатка.

- Здравствуйте всем, - поздоровался Ванька и снял картуз.

Накурено - не продохнуть. За председательским столом сидит партийный секретарь Сологуб, уверенный в себе высокий породистый мужчина с густой копной черных волос на голове. В толпе народа он всегда выделяется, как гусак в стаде: на голову выше всех. И всегда доволен этим, будто на трибуне стоит и принимает парад, - взгляд сверху вниз. Всегда. Он офицер-кадровик, уволен в запас по «хрущевскому» тридцатипроцентному сокращению. В любую жару на нем пиджак с орденом Красной Звезды на лацкане и офицерские галифе. За его спиной мироновские бабы поговаривают: с таким кобелем жить - слезами умоешься. Рядом - председатель колхоза Шелехов: ни лицом, ни ростом не взял, не всегда выбрит, жиденький чубчик под бокс, одет - лишь бы не голый и не холодно, и на язык не боек, - сразу и не разберешь, председатель он или простой колхозник. У кого ни спроси, любой скажет: бывшая голь перекатная. И тут же добавят, чтоб не подумали чего плохого, - понимает чужую беду: и войну прошел, и до войны не знал радости. До сих пор мироновцы помнят, как его отца задушили кулаки в амбаре: охранял реквизированную семенную пшеницу. Кому ж, как не его сыну, отдать колхозную печать: фронтовик, сержант... грамотный, значит.

За вторым столом, буквой «Т» приставленным к председательскому, сидят члены партактива. Они же и правление колхоза. Ванька всех их знает.

- Проходи, садись, Иван Петр... ович, - Сологуб указал на стул. На ванькином отчестве он запнулся, словно поскользнулся, ступив в лужу машинного масла.

В кабинете затихли. Ванька первый оправился от конфуза и, забыв о грязной одежде, подошел к столу и сел. На оконном стекле назойливо бьется муха.

- Тут такое дело... - нарушил молчание Шелехов. - Учиться тебе надо. Поедешь в город?

- Поеду. Мне уже механик сказал. Он помогал нам жатку налаживать. В ремеслуху направляете меня. Это хорошо, - быстро проговорил Ванька, ничуть не скрывая своей радости.

- Сейчас это не ремеслуха, а профессиональное техническое училище. ПТУ. Улавливаешь разницу? - спросил Сологуб красивым, хорошо поставленным командирским голосом и, тряхнув головой, убрал прядь волос с высокого лба. - Почти МГУ, - «почти МГУ» Сологуб подчеркнул указательным пальцем, дважды секанув им воздух перед собой. - Если захочешь, заодно и десятилетку можешь в городе кончить. А там, глядишь, и до инженера дорога не заказана. Улавливаешь перспективу? - Ванька кивнул. - Там будут не только учить, но и кормить, и одевать. Почти как в военном училище. Смекаешь, какое доверие оказывают тебе коммунисты Мироновки. Такое ценить надо.

- Ага, - со всем сразу согласился Иван.

- А не сбежишь, не останешься в городе?

Иван промолчал. Глянул на членов правления и партактива. Те тоже - ни слова, а на лицах удивление: к чему такое спрашивать?.. он и тут-то живет, как квартирант, а в городе... ну кому он такой нужен. В городе надо пошустрее быть. Сологуб смекнул, что дал маху, и, перегнувшись через стол, протянул руку. Иван пожал ее.

- Итак, товарищи, - Сологуб выпрямился, принял торжественную осанку, будто на строевом смотре, и мельком глянул на Шелехова. - Михалыч, ты мне разрешишь?

Шелехов устало махнул рукой, мол, валяй, какая разница, кто будет языком молоть, выпроваживая парня из родной деревни. Сологуб кивнул.

- Ну что ж, товарищи, я думаю, двух мнений быть не может, направление в МГУ...

- В ПТУ, - усмехнулся Шелехов.

- Ну да, я ж и говорю: в профессионально-техническое училище отдаем нашему уважаемому Ивану Петр... овичу Никанорову. Будем голосовать? - и сам первый поднял руку.

Члены партактива задвигали стульями: назаседались, пора расходиться.

- Не стоит. К чему голосование...

- Этот не сбежит в город; он наш. Все нутро у него наше.

- Знамо дело - мироновский мужик.

- И я ж так думаю, держи, - Сологуб протянул Ивану два листа бумаги: один - направление в ПТУ, второй - характеристика. Оба с печатями и подписями.

Ванька деловито спрятал документы в картуз, поблагодарил и уже хотел было выйти из кабинета, но мягкий голос Шелехова остановил его.

- Учись, Ваня, - голос предательски дрогнул. - Только не возомни, что мы избавляемся от тебя. Ей-богу, я так не думаю. Да смотри только, чтоб какая-нибудь городская вертихвостка не соблазнила тебя коротенькой юбочкой. Держись от тамошних девчат подальше, а то украдут.

- Я не червонец, чего меня красть, - недовольно пробурчал Ванька, вышел из председательского кабинета и зашагал по коридору. «Манюня, наверное, про учительку растрезвонила, разнесла на хвосте. Не утерпела. Еще бы!.. такое утаить. А Шелехов тоже: наслушался ее трескотни, и туда же... подъелдыкивать. А может, Петр? Вот же гадина! Хоть исподтишка, а укусит. Лучше бы вообще не пошел на выпускной... не хотел же. Все. Не вернусь сюда. Пропади она пропадом, Мироновка, вместе с Петром и Манюней. Выучусь на тракториста, и тю-тю... поминай, как звали. А что, не в городе останусь, так на целину подамся. Сейчас это запросто, много ума не надо. Все бегут из села, а я чем хуже. Да и вряд ли тут кто обо мне пожалеет. Что я слепой, не вижу... даже обрадуются, что избавились от меня».

- Ваня...

Иван поднял голову: Семен.

- Слыхал, в дорогу собираешься. Вот, возьми. Зимой кабана заколол... Сберег, - и протянул увесистый кусок сала, завернутый в белую холстину.

Семен смотрит на сына с мольбой и надеждой, Иван - растерянно, не знает, как ему поступить: взять шматок сала или отказаться.

- Возьми, сынок, - попросил Семен.

«Сынок?!» - Иван встрепенулся... но, как тогда, давно-давно, из рогатки в гусенка... - плачь потом, да поздно.

- Сам жри свою кабанину, хоть подавись, - и толкнул Семена плечом... и переступил порог конторы.

Семен с болью посмотрел ему в спину и горько вздохнул.

Проводница в стоптанных тапочках и в синей форменной рубашке торопливо подметает в проходе вагона. Шуруя веником по узлам, сумкам и ногам пассажиров, лениво ворчит: насвинячили тут, а мне убирай... совести нет у вас... и чего вечно в мой вагон лезете?.. Ругалась без злости, просто так, лишь бы не молчать - каждый день одно и то же. Привыкла.

- Тебе что, Кузьминична, работа не нравится? Переходи в экспресс, там почище. Будешь в белом фартучке по вагону порхать, чай с лимоном в купе носить, да пустые бутылки из-под коньяка собирать.

- Вот-вот, и спохватываться среди ночи на каждой остановке, - добавил другой.

- И перейду. Все ж лучше, чем ваши плевки и окурки выгребать.

- Ну-ну, валяй. Что-то долго собираешься, - усмехнулся молодой парень в черной форменной фуражке с молоточком и разводным ключиком на кокарде. Рядом с ним - еще двое в таких же фуражках, и напротив - трое. Все шестеро играют в «подкидного дурака». Играют вяло, без азарта, лишь бы время убить, - устали. На скамейках и на полу у ног - полевые кирзовые сумки, из которых выглядывают отполированные до блеска мозолистыми ладонями длинные рукоятки молотков и свернутые в трубочки замызганные флажки красного цвета. Железнодорожники.

- А может, в стюардессы махнешь, а? До Парыжу летать будешь, зятька себе какого-нибудь завалящего присмотришь там. Хватит твоей Гальке на Муриновке потаскушничать... Сдавай, Тимоха, раз не умеешь головой работать.

- Ага, кто ее возьмет, оторвилу такую? Скорее в лесу дуб свалится, - Кузьминична разогнулась, кривясь от боли в пояснице, убрала прядь волос с глаз и заправила ее под берет. - Разве что в Парыжу найдется какой малохольный.

- Задрала бы ей подол, да ремня всыпала... Э-эй, Павло, не мухлюй... у нас «пики» козыри.

- Она сама его кажин вечер задирает. Не слушается матку, хоть ты кол у нее на голове теши...

Ванька совестливо отвел глаза в сторону.

- Ну, ты, Тимоха, куда окурок выплюнул! Не видишь - подмела? Аль повылазило?

- До чего же ты вредная тетка! Недаром тебя родной брат на порог не пускает. Я про твою дочку заслушался, вот и уронил окурок. Хоть бы разок взглянуть на нее.

- Смотри, чтоб не окосел... Тоже мне, кобелек выискался... Сопли подотри... А ты, супостат, чего семечки опять достаешь! Ну-ка, спрячь, а то счас как звездарахну веником!..

- И чего ты с ней цацкаешься?.. Заявила бы в милицию, и горя нет.

Проводница укоризненно покачала головой.

- Ну и пустая же башка у тебя, я погляжу... Как же свою-то дочку, да в тюрьму?.. Да и не заберут: не урка. Девка как девка, шалая только. Кофту вот недавно новую справила

мне...

- Ты, Кузьминична, потерпи. Не век же ей, ядрена вошь, на спине мозоли натирать. Уймется. Выйдет замуж, приведет тебе кучу внучат, и будет как все, а то и получше: бабе, ей самой природой наказано рожать, да квохтать над своим выводком.

- Ага, мы про это в школе читали, - подхватил молодой парень, тот, что просил Кузьминичну познакомить с дочкой. - У Чернышевского, кажется. Там тоже один женился на проститутке, захотел ее человеком сделать. А что, проститутки, они тоже люди.

- Что ты сказал, а ну повтори! - взвилась Кузьминична. - Я тебе покажу, ирод ты недоделанный, какая она проститутка! Ишь, что надумал! Шалая она у меня, да, но чтоб проституткой ее обзывать!.. А ну выметайся из моего вагона, а то я тебя сейчас сама... - Кузьминична замахнулась веником.

- Ты чего, тетка?! - совсем не испугавшись ни веника, ни рассерженной проводницы, засмеялся парень. - Я ж и говорю: выйдет замуж и будет баба как баба. Об этом вон у самого классика написано. А ты... Ну чего ты взбесилась? - и хихикнув: - Проститутки - не воры, не убийцы и не спекулянты... Своим добром торгуют... Никакого вреда от них. Они ж, старая ты тетка, ничего не понимаешь, радость и удовольствие приносят людям. Поняла теперь, кто твоя дочка?

- Э-э... И сам ты дурак малохольный, - успокоилась Кузьминична, - поняла, что парень просто балабонит, - и твой... как его... классик не лучше, раз Гальку мою проституткой обзывает. Вот будет у тебя у самого дочка, тогда и...

- Правильно, Кузьминична, так его! В нашей стране, скажи ему, проституток нет, и быть их тут не может - не положено. Не для того у нас, ядрена вошь, революцию совершили. Да и делать им у нас нечего. Наши бабы не такие. Это где-то там... у них. У них там ихним бабам не дают работы, вот они и подставляют свою кунку всем кому ни попадя, чтоб на кусок хлеба себе заработать, а у нас, ядрена вошь, всем работы по горло. Не до того нашим бабам. Так ухайдокаются возле станка да на конвеере, что под своих мужиков нет мочи лечь. А про дочку не беспокойся. Про нее, мне кажется, больше брешут, чем на самом деле. Так, шалит немного девка, но чтоб такое про нее подумать... Нет. Я же ее вот такую помню, еще когда под стол пешком ходила. Так, больше трепа про нее. Повзрослеет, поумнеет, будет не хуже, а то и получше, чем тихони там всякие, да те, что нос задирают. Видел я таких и среди баб, и среди мужиков. А на что это он намекал... что, у тебя брат есть?.. Не дружите?

- Слушай ты его больше, Павлуша. Мы с Николаем на кажен праздник друг к дружке в гости ходим. А как же, родные, небось, - брат и сестра. Жалко, что младшенького, Никитки, нет, царствие ему небесное, - Кузьминична перекрестилась. - На фронте погиб. Ахвицером был. А остался бы живым, совсем хорошо было бы. Мы всегда дружно жили... горой друг за дружку... последним куском делились. Вот как. А Галька моя, так и сейчас целыми днями у них пропадает, книжки читает да радиолу слушает. Он у меня ученый, доктор. Когда схоронил своего сыночка, так я цельный месяц у него жила. У него большая квартира, аж три комнаты на одного.

- Ох, и брешешь же ты, Кузьминична! Тебя даже на похоронах-то не было. Нужна ты ему!.. И дочки твоей я не видел, а то б давно уже знал ее: мы с доктором дверь в дверь живем. Да и какие вы родные!.. Доктор видный из себя, а ты... И сын его покойный летчик, не чета твоей халяве.

- Я тебе счас как дам - «халява»!

Иван осторожно покосился на проводницу. Хорошо ее дочке: сама клянет ее по чем зря, а чтоб кто другой... ни-ни... глаза повыцарапает. За мамку бы кто так вступился. И сама б жила горя не знала, и мне бы из дому не пришлось бежать.

- Спасибо, Павлуша, на добром слове, - вздохнула Кузьминична.- Дай Бог тебе здоровья, но не приведи Господь в твой дом мою невесткой... Меня ж твоя Орина со свету сживет.

- Ее хоть не поминай, ради Бога! - досадливо скривился Павел, мужчина лет под пятьдесят.

Пол под ногами дернулся, заходил ходуном - вагон прошел стрелку. За окнами уже огни большого города. Суматошный перестук колес утихомирился. Еще тише... Еще... Состав вздрогнул, лязгнул буферами... и остановился.

- Курск. Вылезай - приехали, - Кузьминична бросила веник в свой купе-чуланчик и вышла в тамбур.

Железнодорожники убрали карты и, перекинув через плечо лямки сумок, заспешили к выходу, - наконец-то!.. - и мысли их уже где-то там, за порогом дома, где горячая

вода в кране и шкворчащая глазунья на сковородке, где радостные лица детей и недовольное бурчание сварливых жен. Засуетились и пассажиры с узлами и баулами. Ванька тоже подхватил свой тощий фанерный чемодан - как же, в город и с пустыми руками...

В серых, не по росту коротких брюках с лоснящими пузырями на коленях, в новой белой рубашке и в новой темно-синей кепке Ванька последним вышел из прокуренного вагона «рабочего поезда» и осмотрелся - ни единого знакомого лица! Постоял немного, подумал и торопливо оглянулся - поздно: будто бабка-повитуха отхватила пуповину, Кузьминична уже закрыла дверь на ключ. Пар от паровозных котлов низко стелется по бетонке. Вдоль перрона суетливо пропыхкал красненький колесный тракторок, буксируя громыхающий хвост тележек с посылками, тюками и чемоданами.

Ванька потянул массивную дверь: впереди, справа, слева, на диванах, на подоконниках, даже на полу - узлы, чемоданы, баулы, корзины и люди... люди... люди. Ванька никогда еще не видел столько людей. Он съежился, ступил было назад, но послышалось: давай-давай, паря, не задерживай, - и в спину толкнули чем-то острым, наверное, углом чемодана. Иван отскочил.

Возле справочного бюро длиннющий хвост, но ничего не поделаешь, кто ж еще растолкует, куда пойти. Город - не Мироновка, где всем все ясно и понятно.

...За всю дорогу от дома до станции, три версты пешком и семь на попутке, мать и сын не сказали ни слова. Молча вошли в маленький вокзал, молча подошли к кассе. Каждый думал о чем-то своем. Нюрка вынула из кирзовой сумки носовой платок, развязала его, достала деньги и купила билет. Она ждала, что сын поговорит с ней, но тот упорно молчал, - первой заговорить не решалась.

- Ну ладно, мам, - наконец обмолвился Ванька. - Ступай домой: корову подоить не успеешь...

Нюрка с мольбой посмотрела на сына.

- Я сам дождусь поезда, - продолжал Ванька. - Ступай. Выйди на «армянку» и проголосуй. Больше рубля не давай шоферу. Им, сколько ни сунь, все мало. Совсем пообнаглели.

Нюрка закивала головой и всхлипнула.

- Пиши хоть мне, Ваня.

- Ладно, буду.

- Береги себя там, в городе. Один ты у меня...

Ванька промолчал.

- Ну, до свиданья, сынок, - Нюрка обняла сына. Одна за другой из глаз покатились слезы. - Как я теперь одна тут буду?..

Вокзал шумел и галдел, как базар в предпраздничные дни. Народу!.. тьма-тьмущая. И всем куда-то надо.

- Следующий...

Иван нагнулся к окошку.

- Ты что, уснул? Вишь, сколько за тобой выстроились! - женщина лет сорока неприветливо посмотрела на Ивана, вздохнула и неохотно, будто от себя что оторвала, объяснила, где найти городскую справку, там он может узнать, как добраться до училища. Иван шагнул в зал ожидания: не ехать же в город на ночь глядя. Пошарил глазами по сторонам - ну и ну! - и дважды обошел длинные ряды диванов с высокими спинками и непонятными ему вензелями МПС, - ни одного свободного места. Как селедок в бочке, удивился он и присел на чемодан возле колонны. Твердый мрамор неприветливо давил в голову. Иван сдвинул фуражку на затылок, расстегнул ворот рубашки, подобрал ноги, чтоб никто не споткнулся, и закрыл глаза - устроился на ночлег. Но сон не шел - куда там! - паровозные гудки, запахи паленого угля, туалетов, пота и кислой капусты из буфета; громко храпели мужики, беспричинно плакали дети, и злобно шипели на них сонные мамаши. «На сеновал бы сейчас!» - заскучал Ванька.

Утро. Ванька зевнул и потянулся. Ноги затекли, шею не повернуть, спину не разогнуть - ломота... и песок в глазах. Скорее на улицу, на свежий воздух. На привокзальной площади - ни души. Лишь заспанный дворник лениво шелестит березовым охвостьем по асфальту. Утренняя сентябрьская прохлада заползла под рубашку и зябко щекотнула кожу, даже пупырышки пошли. Во рту горько и противно, будто кошка там переночевала. Ванька поежился, закурил натощак и двинулся к остановке.

Первый трамвай, проскрежетав разболтанными дверями, виляя из стороны в сторону, ходко покатил деревенского парня. Город оживал. Двадцать минут беспорядочной

болтанки в переполненном салоне, и толпа спешащих на работу пассажиров вытолкнула незадачливого селянина в грохот, в скрежет, в бензиновый перегар. Все перевернулось с ног на голову: будто пугливого жеребенка прямо с луга и - на мокрые булыжники суматошного проспекта. Мечется стригунок, прядет ушами, даже цокания собственных копыт пугается, а вокруг: трамвайный грохот и трезвон, автомобильный шум... и еще что-то огромное, железное и уродливое рявкнуло над самым ухом. Шарахается бедняжка из стороны в сторону, хвост метелкой, весь в мыле... Устал. Забежал в парк... Фр-р-р... Живой. Косанул глазом по сторонам: газоны с травой... деревья... Отдышался. Успокоился. Пощипал травки. И здесь жить можно. И даже лучше, чем в деревне, - ни грязи по колено, ни мух, ни комаров, ни оводов... Осторожно шагнул на мостовую, и цок... цок... цок... - потихоньку в шумную городскую круговерть.

Как пролетел год, Ванька не заметил. А когда на его глазах деревья облысели во второй раз, он и вовсе растворился в трамвайно-асфальтовой суете, как кусочек рафинада в чае.

- Молодой человек, пробейте, пожалуйста...

Иван взял у девушки талончик и закомпостировал.

- Спасибо, - поблагодарила она и отвернулась.

Иван улыбнулся: хорошо тут в городе.

- Сыночек, у тебя не будет лишнего билетика?

Кто-то дернул Ивана за рукав. Он оглянулся: маленькая старушка смотрит на него добрыми глазами и протягивает четыре копейки. Троллейбус резко затормозил. По салону прокатилась волна ропота.

- Он что, дрова везет?!

- Да чего вы... там пацан дорогу перебегал, - кто-то робко вступился в защиту водителя.

- А я вот жалобу накатаю его начальству. Будет знать...

- Ох уж мне эти «писатели»!

- Ишь, защитничек выискался! Тоже, небось, такой...

- То б сидело да молчало, будто дело не твое...

Ванька съежился. Даже под ложечкой засосало. Всего минуту назад эти люди казались такими добрыми, милыми, и вдруг на тебе - целый ушат помоев выплеснули на водителя и друг на друга... И будто на него, на Ваньку, попали брызги вонючей жижи - и на ладони, и в лицо... тьфу! - всего с ног до головы...

«Остановка - «Кинотеатр», - прохрипел динамик. - Выход через переднюю дверь. Приготовьте билеты на контроль». В салоне предательски громко заклацали компостеры.

- Ша, бабка, немцы в городе. Вишь, Ванюха опять куда-то намыливается. Уж не к «марухе» ли? - к Ивану подошел Сашка Самбур, высокий стройный сокурсник, и обнял его за плечи.

- Ясное дело, у них - любовь, - едва сдерживая смех, подхватил Жора, худенький, вертлявый паренек.

- Ванек, а и впрямь, куда ты лыжи навострил? - оскалил зубы Мишка, крепыш с металлической фиксой во рту. - Смотри, не спускни только. Забрюхатит - пиши пропал. Знаю я баб. Уж лучше по ляжкам разбрызгай.

- Бог не фраер, все простит, - с уверенностью знатока опять вставил слово Жора. - Наше дело не рожать: сунул-вынул и бежать.

- Вань, а ты, ели-пали, черный костюм, случаем, не для свадьбы приобрел, а?.. Ты не забыл табачком его протрусить?.. а то, не ровен час, моль побьет.

- Он его на смерть припас.

Все дружно захохотали. Еще на первом курсе Иван купил себе дорогой костюм, но так ни разу и не надел. Берег?.. Может быть. Есть у него добротная одежда - хорошо. Сильный он - тоже хорошо. Кому до этого какое дело.

- А может, сегодня с нами в «Голубой Дунай» пойдешь, а, Вань? Трахнем по кружечке пивка - и на танцульки.

Ни для кого не секрет, где Ванька пропадает вечерами. В кино.

- Он пиво не пьет. Ему папка с мамкой дали наказ: не пить и с плохими мальчиками и девочками не водиться. Правда, Вань? - Сашка не смеялся, как остальные ребята, был серьезный, но Ванька знал - он противнее и злее всех. - А может, все-таки пойдешь с нами, с живой «телкой» поприжимаешься?

Ванька набрал в рот воды, прыснул на тряпку и еще раз прошелся утюгом по форменным брюкам. Мели, Емеля, твоя неделя, подумал он.

- Зачем же вы так, ребята? Человек хочет своим умом жить... пусть даже обособленно, а вы ему свои сентенции навязываете...

Иван мельком глянул на опрятно одетого юношу, скромно сидевшего за столом. Эдиком его зовут. Он не учится в училище. Он местный... говорит, что студент пединститута, а на следующий год переведется в московский университет на философский факультет. Как он подружился с ребятами - непонятно, но уже не первый раз приходит к ним в общежитие. Ребята тоже повернулись к Эдику. Тот смущенно улыбнулся и машинально дотронулся холеными пальчиками до узелка галстука.

- У каждого своя концепция, а вы пытаетесь его, - Эдик кивнул на Ивана, - координировать на свой лад. Это нетактично, по меньшей мере. Если бы все давили на личность, как вы, то не было бы ни великого Леонардо, ни Моцарта, ни Поль Гогена, ни Эйзенштейна. Прочитайте Фрейда, у него кое-что есть про индивидуальность: силен старик. Это куда полезнее, чем слушать форшлаги в пивном баре и драться с пэтэушниками из других училищ, - Эдик глянул на часы. - Кто со мной? Сегодня в нашей драме Валентина Овечкина ставят. В нашем городе жил. Слыхали про такого? Аншлаг ожидается.

Самбур стрельнул в Эдика наглыми «васильками», мол, да пошел бы ты, умник какой выискался, сами с усами. И усмехнулся. Но тут же сделал понимающую мину.

- Эдик прав, отстаньте от него. Видите, ели-пали, Эйзенштейну не до нас. Он там... - Самбур покрутил рукой в воздухе. Ребята захихикали. - Ты, Вань, плюй на все и береги здоровье. Они дураки. Слушай Эдика. Он не то, что мы, шалопаи... - Ванька поднял голову. - Ты гладь, гладь... Ну их, - Сашка махнул рукой на ребят. Ванька усмехнулся, покачал головой и отключил утюг. - Что, готово? Ну, молодец! Ну, король! Ловко у тебя это получается, - и подмигнул ребятам. - Ванюк, ты вот что скажи: неужели тебе интереснее сидеть в душной кинушке и пялиться на экран, чем пойти с нами? Неужели тебе не хочется, ели-пали, какой-нибудь биксе пистон поставить?

- Дураки вы, - снисходительно улыбнулся Иван и, надраив щеткой ботинки, вышел из комнаты.

- Ваня, подожди, я с тобой.

Эдик начал прощаться с ребятами, но Иван не стал дожидаться его - торопится на дневной сеанс. Следующий - уже по вечернему тарифу: вдвое дороже.

4

Фонарь скрипит и покачивается на ветру. По стенам и потолку комнаты туда-сюда маячит рваная тень голого тополя. Никто не спит: только-только погасили свет. Оранжевые огоньки сигарет в полумраке, будто светлячки в поле, то ярко вспыхнут, то притухнут. Можно покурить в кровати: воспитатель и замполит ушли домой. Лениво поскрипывают панцирные сетки.

- Жорик, дай рогатку. Сейчас я его...

Самбур, угадал по голосу Ванька. Неймется ему. Сашка встал, открыл форточку, напустив холода в комнату, натянул резину и выстрелил. Гайка сухо щелкнула о промороженную жесть абажура, и свет погас.

- Так-то лучше будет.

- Дохлый номер. Завтра новую лампочку вкрутят, - усмехнулся Жора. - И не жалко им менять одну за другой?

- То завтра, а сегодня, ели-пали, без этого притыренного фонаря поспим. Дай прикурить.

Вспыхнула спичка.

- Ну, как, пойдешь со мной? - опять заговорил Сашка.

- А не попрут в шею?

- Слабо? Ну, как знаешь, тебе с бугра виднее.

- А кто еще с тобой?

- Тебе-то что. Не хочешь, не надо. За уши не тяну. Нравится в своей дыре грязь месить - валяй.

- Еще чего... А если «бурса» не отдаст документы?

- Мы не зэки, чтоб мантулить там, где укажут.

- Эт точно. А ты узнавал, запрос трудно выхлопотать?

- Запрос?.. Раз плюнуть. По всему городу орут объявления: требуются... требуются. Была бы шея, хомут всегда найдется. Надо только местечко подобрать, чтоб тепло, свет-

ло и мухи не кусали. Мишке с пятой комнаты уже в двух конторах обещали. Не поленился побегать - поспрашивать, и все чин-чинарем. На худой конец и рудник сгодится. Все ж лучше, чем в колхозе. Эх, и дадим же мы тут копоти!.. Чертям тошно станет.

- Эт точно. Скорей бы только «корочки» в зубы...

Корочки вам... А черта лысого не хотели?.. Ванька сердито заерзал на кровати. Горожане задрипанные! А кто кормить вас будет?.. Я?.. Подавитесь. Понятно, в городе получше: чисто, сухо, трамвай, пончики горячие, летом мороженое и газировка в автоматах, телевизор... Житуха! А дома что?.. Навоз, да языкастая Манюня. Вот заработаю побольше денег и куплю себе телевизор. У меня у первого будет он в Мироновке. А все равно, село - не город. Ванька вздохнул и вдруг, будто с лютого мороза и к теплой печке - благодать! - вспомнил мягкий запах сена в сарае и пьяный дух антоновских яблок в кладовке. Эх, сейчас бы молодой картошечки... да с укропчиком, да с маслицем!.. Вспомнил, и даже слюнки потекли. Хорошо. Ванька заулыбался. И вдруг - бац! - подножка, когда бежишь сломя голову и не смотришь под ноги: эх, если б еще не Петр и Семен... С ними-то как быть?

До изнеможения, до боли и свиста в висках доводил себя Ванька, пытаясь хоть чуть, хоть на самую малость, на маковое зерно представить, как разрешится проблема «двух отцов», но... в голове шарики за ролики, а как быть дальше - хоть убей: ни бум-бум. Давно кануло, и след простыл, то сопливое времечко, когда он все принимал как должное и не захламлял голову долгими обидами. Не смог спрятаться от быстрой руки Петра - поплакал, почесал ушибленное место, а когда боль утихла - забыл. Будто ничего и не было. Иван не помнит дня, когда убедился: Петр - чужой человек. Не помнит, и кто открыл ему глаза на горькую, обидную и постыдную правду. Но помнит - обрадовался: уж лучше никакого отца, чем такой, как Петр.

...Нашел чему радоваться, грустно усмехнулся Ванька. Без батьки жить. Даже не знать, что такое отец. Я бы сейчас ему сам помогал. Сам бы купил ему с получки новую рубаху и картуз, заступался бы за него... лишь бы можно было назвать его отцом. Надо же, так ни разу и не получил гостинца от «зайчика». Всех пацанов каждый день дурили отцы, когда с поля ворочались, - доставали из сумок кусок хлеба с салом или яйцо. Сами не доедали или забывали, а говорили, что им «зайчик» передал. Пацаны не верили, а все равно уминали за милую душу и хвастались потом на улице, что сухарь от «зайчика» в сто раз вкуснее, чем самый сладкий пряник.

Ванька сидит на прибранной кровати и медленно жует. На обшарпанной тумбочке перед ним раскрытый конспект и два беляша. За дверью в коридоре - возня ребят. Ваньке не до них. Рука потянулась к начатому беляшу, но так и не притронулась - до еды ли? Брови опустились, зубы плотно сжались. «Сколько хоть лет мне было тогда? Кажется, еще до школы? Или нет, ходил уже, во второй или в третий класс».

...В избе темно. В углу под иконой подрагивает слабый огонек лампадки - видно, что где стоит. Мать и Петр спят. На стене назойливо тикают ходики. В сонной тишине их стук кажется ударами молотка в пустое ведро. В печной трубе завывает вьюга. За окном - брех собак. Страшно. Ванька переворачивается на животик, сползает с теплой лежанки, подходит к шкафчику, открывает его, достает выпитую до половины бутылку самогона... и оттягивает резинку трусов: громко зажурчала струйка детской мочи. И уже не уснуть, сколько ни ворочайся с боку на бок.

Утро. Постанывая, кашляя и пошатываясь после вчерашней попойки, босой, в одном исподнем, Петр подошел к шкафчику. «Догадается?!» Горлышко бутылки лихорадочно зацокало о край пустого стакана. «Что сейчас будет!!!» Петр понюхал водку, скривился, зябко поежился - брр! - и, закрыв глаза, - хлабысть! - лупанул одним духом. «Ну, капут ему...» Куда там! Собрав в кучу лоб, нос, глаза и губы, будто только что разжевал горсть недоспелой калины, Петр замотал головой, шумнул носом и, громко икнув, грюкнул пустым стаканом по столу. Ванька прижался к остывшим кирпичам лежанки: «Ну, скоро же?» Шея занемела от напряжения, глаза слезились от долгого прищура. А Петр, как ни в чем не бывало, запрокинул сизое худое лицо к потолку, отправил в рот щепоть квашеной капусты, пожевал-проглотил и, уже повеселевший, принялся натягивать на себя теплую одежду и валенки. В избу, напустив холода, вошла мать. Она поставила два ведра воды у дверей и опять вышла пораться - утром дел невпроворот. Петр даже не глянул в ее сторону. Нахлобучив серую заячью шапку, он беспричинно матюкнулся, саданул в штаны трескучего петуха с горохом, громко рыгнул и шагнул через порог - клубы густого морозного пара новой волной поползли по земляному полу к загнетке плиты. Ванька быстренько с лежанки и шасть к шкафчику: из той ли бутылки пил? Из той самой, дру-

гой нет. Довольный собой он тихонько хихикнул и начал собираться в школу...

Ванька закрыл конспект - не до учебы: в пору головой об стенку, да поможет ли? Черта с два. С Петром и то не все ясно, а уж с Семеном... Как же его фамилия? Вспомнишь... дулю с маком, если никогда не знал и даже не слышал ее. Сенька-молоковоз, да Сенька-молоковоз. Все так его зовут. Мать-то хоть знает?.. или тоже... Ванька грустно усмехнулся. Накуролесили... и по чуланам... Мне-то что теперь делать?.. ноги в руки и аля-улю - подальше от Мироновки, или морду лопатой и: здрасьте, вы меня ждали?.. вот он - я. А что... Дорога домой не заказана. Не нахлебником приеду. Если б еще трактор, как свои пять пальцев... Чтоб не я, а ко мне все бегали за помощью, тогда б посмотрели, кто с кого смеяться будет. Вот бы и на «Доску почета» рядом с дядькой Гришкой Кудиновым... - загадал себе Иван.

Дотемна Иван засиживался в учебных классах и ремонтных мастерских. Только на зуб не пробовал каждую деталь трактора, а так... Пытался самостоятельно разобраться, что и как, зачем и отчего: понимал - в поле не будет ни учителей, ни мастера, а трактор не может долго стоять поломанным. Не для того он в колхозе. И еще знал: деньги просто так ему никто платить не станет. Разобравшись в каком-то механизме самостоятельно, Ванька радовался от души, как ребенок долгожданной конфете, купленной скупыми родителями. А если что не по зубам - записывал в блокнот: завтра мастер Юрий Игнатьевич Панкратов растолкует. Что-то тянуло парня к этому молчаливому, по-мужски красивому и ладному человеку. Будто сам Жан Марэ сошел с экрана и обосновался в ванькином ПТУ. Такому помочь, все равно что себе подарок сделать, неожиданно для себя решил Панкратов, усмотрев, с каким азартом Ванька тянется к технике. Давно уже мастер не встречал ученика, которого, хлебом не корми, дай поковыряться в моторе, дай хоть один круг проехаться по автодрому. Все: и сон, и пищу, и отдых, кажется, заменит парню трактор... будто на свете других утех не существует. Запустил мотор, сел в кабину и будто в самый большой и радостный праздник окунулся.

- Лишние знания на закорках не носить. Они тебя сами вынесут, когда надо и куда следует. Да и бывают ли знания лишними? Я о таких не слышал. А если надоело слушать все, что я тут толкую...

- Чего там, я слушаю. Только вот трудно мне, неспорый я какой-то, не все понятно.

- Кто тебе это сказал? - не согласился Панкратов. Иван пожал плечами и смущенно улыбнулся. - Хочешь изучить трактор как следует: облазь его весь, потрогай каждый болтик, чтоб наощупь знал, где какой находится, измажься по уши в мазуте, чтоб запах солярки и тавота казался тебе душистее меда. Нескладех и нерадивцев трактор не любит. Станет на пашне, заупрямится, как осел - ни тпру, ни ну, - вот тогда будет стыдно, что два года коту под хвост, а не сейчас: лишний раз в моторе поковыряться, когда те пижоны на танцы собираются, - мастер кивнул на ребят.

Юрий Игнатьевич и Ванька стоят у макета топливного насоса. Остальные ребята, смекнув: мастеру сейчас не до них, занимаются абы чем - воля.

- В моторе, как в оркестре. Там скрипки всякие, флейты, барабаны, а здесь поршни, клапаны, насосы. Каждый агрегат выполняет свою работу, имеет свой голос. Научишься их слушать - трактор будет твой помощник и друг, если хочешь. А иначе... - он снова посмотрел в сторону ребят. - Не будет с них толка: на уме лишь танцы-шманцы, да девки в коротких юбках, а в моторе - и конь не валялся. Даже не верится, что из деревни приехали.

- Да чего там, ребята как ребята. Дурачатся только.

- Может, и дурачатся, но заведется один такой проходимец... - мастер кивнул на Самбура.

Самбур, энергично размахивая руками и беспрерывно гримасничая, что-то рассказывает ребятам. Те, обступив его, внимательно слушают.

- Пусть балаболят, - снисходительно заметил Иван. - Когда-нибудь им надоест его болтовня.

- Как бы поздно не было... Как думаешь?..

- Да не-е, мастер. Ничего не случится. В каждом стаде есть паршивая овца, чего уж тут.

- Похоже, ты прав: в семье не без урода. Я ведь тоже начинал с общежития, - в раздумье заговорил мастер. - Как раз за год до войны. Помню, привели в милицию и не знают, что со мной делать: на базаре взяли, чужой колбаски захотелось. Судить? Вроде рано, годами не вышел. Отпустить? Опасно. Как бы окончательно не свихнулся на кривую

дорожку или не замерз. Как сейчас помню: вот-вот белые мухи полетят, а на мне одна рубаха, латанные-перелатанные штаны, и ботинки каши просят...

Иван недоверчиво посмотрел на Юрия Игнатьевича. Осторожно, опасаясь увидеть грязные, рваные ботинки, о которых только что услышал, опустил глаза.

- Что смотришь, не веришь? Думаешь, я родился мастером? Не-ет. Было столько всего, что и вспоминать не хочется. Когда-нибудь расскажу. А пока, дать совет?..

Иван промолчал - не услышал вопроса: пытался представить Юрия Игнатьевича грязным, худым и оборванным, и только когда тот переспросил, молча кивнул головой.

- Заведи друзей. И тебе будет веселее, и ребят отвадишь от Самбура. Сам говоришь: есть толковые ребята.

- Так-то оно так, но и они посмеиваются надо мной. Уже сколько раз то конспект спрячут, то мыло сапожным кремом уделают, то зубную пасту из тюбика выдавят. Вон Жора, был парень как парень, даже в кино со мной ходил, а сейчас и он заодно с Самбуром. Да и разговаривает, будто урка какой.

- Ну-у, тут ты перегнул маленько. Какие они урки! Так... Наслышались где-то о послевоенных фэзэушниках, вот и возомнили себя жиганами. В твои годы я с такими сталкивался, даже похуже встречались. Сплошь и рядом безотцовщина. Зубную щетку и в глаза не видели, а бляхи с напаянным свинцом и финки - у каждого. А этот... - Юрий Игнатьевич кивнул на Самбура и презрительно скривился, мол, так - шелуха, не больше, лезет в волки, а хвост овечий, но в следующую секунду лицо его как-то вдруг осунулось, будто от усталости: губы плотно сжались, брови низко повисли над глазами. - Впрочем, такие семеро на одного могут...

Юрий Игнатьевич замолчал. Долго, почти минуту он настороженно вглядывался в лица ребят.

- Ну, хватит. Чего доброго, беду накличем, - и протянул Ваньке руку. Тот поспешно схватил ее. Юрий Игнатьевич улыбнулся. - Так как насчет нашего уговора: отвадишь ребят от Самбура?

- А получится у меня?

- Что скуксился, гайка заслабила?

- Да не боюсь я их, мастер.

- Так какого же ты!.. В детстве тоже подзюзюкивали?.. Признайся, было такое?

- Было.

- И ты распускал нюни и бежал папочке жаловаться!

- Нет.

- ?

- Мне некому было жаловаться, - тихо проговорил Ванька и, как смог, сбивчиво, заскакивая вперед, а потом возвращаясь к пропущенному, рассказал Панкратову о своей матери, о Петре, о Семене и о своем детстве. Совсем безрадостном детстве.

Панкратов с трудом проглотил ком в горле - кто же виноват в твоем горе, парень?.. чья рука не дрогнула подранить тебя?.. с кого спросить за это? А ведь надо же с кого-то. У каждой беды есть ответчик. Может, сам виноват? Нет, не выходит. Чушь все это... собачья. Не такой он. Совсем не такой - подранил гусенка черт-те когда, и то по сей день корит себя, места не находит. Ну, ладно, послевоенная безотцовщина... там все ясно, как божий день, - Гитлер виноват. Но то ж война... Тогда не так обидно было: гремела память о подвигах павших отцов. Даже могилы неизвестных солдат, и те успокаивали. И не так сосало под ложечкой - не в одиночку горевали: куда ни глянь, везде то же самое. На людях и смерть не так страшна. Ну, а этого кто обкромсал... где тот Гитлер? Панкратов украдкой покосился на ученика. Он-то чем хуже остальных? Тем, что за него некому было заступиться? А комсомол, а школа... а сельсовет?.. Не в лесу же он жил! Или что, поважнее дела были?.. подумаешь, какой-то Ванька!.. за лесом деревьев не видно...

- Вы меня не слушаете? - Иван обиженно глянул на мастера.

- Нет-нет, слушаю. Говори, - спохватился Панкратов.

- Когда я уже стал ходить в школу, он часто останавливал меня на улице и расспрашивал о матери. Я тогда еще не понимал, чего он так, а оно вон какое дело, - и сердито: - Накуролесили и - в кусты. А мне теперь расхлебывай...

- Так ни разу и не назвал его отцом?

- Какой он мне отец...

Панкратов покачал головой.

- А я-то считал тебя добрым парнем.

- А чего он... Опозорил на всю Мироновку, а сам хоть бы хны.

- О-ох, парень, что тебе сказать... Семен воевал, говоришь?

- Ага, - почему-то обрадовался Ванька. - Разведчиком был, сам рассказывал. Бинокль и ремень мне подарил.

- Вот видишь. Другой бы, слушай меня внимательно, на второй день начал бы нос воротить от нее... а от тебя - тем паче, зачем ему такая обуза!.. а Семен, говоришь, бинокль и ремень подарил тебе?

- И без его подарков прожил бы, - опять насупился Ванька. - Все равно мамка заставила назад вернуть.

Юрий Игнатьевич будто не услышал последних слов.

- Может, это у него последнее, что осталось от войны. Отдал. Не пожалел. А ты так с ним... Нехорошо. Откуда ты знаешь, что у него с твоей матерью... Ты говорил с ней когда-нибудь о нем?

- Нет.

- Ну вот, а спешишь по полочкам их жизнь раскладывать. Не суди, да не судим будешь. Подумай об этом, парень. Хорошенько подумай. И мать не обижай. Может, у нее из-за тебя-то и не сложилась судьба. И на Семена не держи зла, что не нашел для тебя нужных слов...

Звонок. Словно будильник поутру, когда еще и спать охота, и сказка-сон на сладком месте, вероломный трезвон ворвался в сознание и оборвал разговор. Ванька даже вздрогнул от резкого, неприятного звука. Урок окончен. А так хотелось поговорить еще!.. Впервые деревенский парень почувствовал себя равным в беседе. Так бы и говорил... говорил... говорил... Мастер глянул на часы. Усмехнулся.

- Весь урок проболтали, - и взял со стола классный журнал.

Самбурята дружно направились к выходу.

- Пошли берлять, деревня, - Самбур походя хлопнул Ваньку по плечу. - Не забыл: масло и компот - мои.

- Помню. Давай и назавтра, - с готовностью отозвался Ванька.

- Заметано. Нам, татарам, все равно, что водка, что пулемет, лишь бы с ног косила, - пообещал Самбур и равнодушно, будто на пустое место, глянув на мастера, сунул руки в карманы своих сшитых на заказ откровенно расклешенных брюк, и пошагал вслед за ребятами.

Мастер удивленно глянул на Ваньку.

- Ты что, может, скоро весь обед будешь отдавать ему?

- Да нет, просто он мне уступил свое время по вождению трактора. А чего мне те компот и масло!

Будто под дых саданули мастера. Всяко было у него на веку, и куда больнее и хуже, однако всегда знал, как выкарабкаться, а если беда сильнее его - мужался, но никогда еще так: край, да и только. Хоть бы кто подсказал, что делать: сгоряча-то и дров наломать недолго. Он стрельнул в спину Самбура гневным прищуром, но ничего не сказал... не повернулся язык... все слова, что не умещались во рту, - проглотил. С трудом и болью, но проглотил, будто горсть сапожных гвоздиков... и торопливо спрятал кулаки в карманы брюк. Ишь, что выдумал, стервец! И в тракторе руки не вымажет, и сладкого вволю поест. Не будь я твоим педагогом, я б тебе!..

- Запишись в «Трудовые резервы», - наконец выдавил он. - Выбери что-нибудь для себя - борьбу или бокс. С твоими плечами и в чемпионы выйти можно. Вот увидишь, самым популярным в училище станешь. Самбур и в подметки не будет годиться тебе.

- Да не-е, ни к чему мне это, - ванькино лицо растянулось в доброй улыбке. - Да и некогда бегать по тренировкам - скоро в колхоз надо ехать, домой. Ждут меня там.

Ждут меня там, ехидно и с горечью повторил Ванька про себя, усмехнулся и отошел от мастера. Как же, ждут не дождуться... Нужен я им, как собаке пятая нога. Опять, наверное, станут усмехаться, да пальцем в спину тыкать. Хорошо хоть уже не в лицо, и то ладно. А чего им выщелкиваться? Я и родился, и вырос в Мироновке, как и они. Я - мироновский.

Быстро проглотив свою порцию за обедом, Иван поспешил в общежитие - надо как следует подготовиться к завтрашнему дню. Легко ему говорить: друзей заведи. Что это, часы купить или собачку приручить... Не с этими ж дружить. Хотя Жора парень вроде бы еще ничего, только шебутной немного, да без царя в голове. Иван огляделся по комнате: Самбур одетый и в ботинках лежит на кровати и лениво перебирает струны гитары. И поет. «Вдруг с шумом дверь в каюте отворилась, Глаза у Билла вылезли на лоб: В дверях

стояла маленькая Мери, А рядом с ней - огромный боцман Боб...» Гитара смолкла.

- Ну и скука!.. хоть удавись, ели-пали. После армии обязательно рвану в мореходку, и... Лондон, Марсель, Копенгаген, Сан-Франциско... только и видели меня в Курской губернии.

- А чего ж сразу не пошел туда? - спросил Жорик. Он тоже лежит на кровати одетый и в ботинках.

«А ну-ка, Боб, поговорим короче, - вновь запел Самбур. - Как подобает старым морякам. Я опоздал всего лишь на три ночи, Но эту ночь без боя не отдам...»

- Чего, говоришь, не сразу? - повернулся он к Жоре. - Хотел, но мать вовремя остудила. Армия на носу. Она это на раз просекла. После мореходки я куда попал бы? - Жора пожал плечами. - В морфлот. Сечешь? А там на целый год больше трубить. Сечешь? Тото. Слышь, а может, вместе двинем, а? Ты мне подходишь в кореша. Будем привозить разные шмотки, а потом всяким олухам втридорога толкать. Озолотимся. Ну, как, не слабо?

Тоже мне, моряк - с печки бряк, растянулся, как червяк, усмехнулся про себя Ванька. Жора сконфуженно помялся минуту-другую.

- Да нет, теперь с меня мамка скорее голову снимет, чем отпустит из дому: вчера получил письмо - батька хворать начал. Да и сестренки - мал мала меньше.

- Понятно. Кормилец, значит, ели-пали. Ну, как знаешь. Дай конспектик по эстетике. Хоть убей, ни слова не помню, что там Эльвира мурлыкала.

- Сам хотел у тебя спросить, да вспомнил, что ты весь урок друшлял. Эстетика!.. И на хрена попу наган, если он не хулиган?

- Ты у меня спрашиваешь! Мне тоже эта наука, как мертвому припарки, - Самбур достал сигарету и закурил. Затянувшись, он сложил губы трубочкой и выпустил к потолку серию ровных колец дыма. Он один умеет так курить: пять... восемь... десять колец... сколько угодно - нет проблем. Многие пробовали - не получается. - Ох, и надоело мне все это, Жорик, до чертиков. Думал, ну, приеду в город - дам копоти. А тут: солярка, мазут, сеялки-веялки, растуды их всех в квадратно-гнездовой способ! Да еще эта... эстетика.

- Вот-вот, нужна она мне, как петуху триппер, - в тон Сашке подхватил Жора. - Не выбрасывай, дай докурю.

Сашка выщелкнул окурок в форточку.

- А конспектик?

- Да не писал я... говорил же тебе. Я с Мишкой весь урок в морской бой играл.

- Ну, и как, выиграл?

- А то, - обрадовался Жора. - Три к одному в мою пользу. Дай закурить.

- С тобой не соскучишься, - усмехнулся Самбур. Он вытащил из-под подушки сигареты, но, подумав немного, опять спрятал. - Не могу я тебе дать: ты нехороший. Ты не любишь эстетику и плохо учишься. Вот так-то, - начал изгаляться он.

- Да будет тебе, Сахон. Дай, что тебе, жалко?

- Дай-дай в Китае родился. Свои надо иметь. Тебе старики на прошлой неделе стольник прислали? Прислали. Куда дел, в кубышку?

- Тю, вспомнил. Те финансы уже поют романсы. Я себе костюм заказал в «Элеганте».

- В «Элеганте»?! Поди ж ты, ели-пали.

- Спрашиваешь! Эдик обещал, будет, почти как у тебя. Это он познакомил меня с закройщиком.

- Ну, молодца-а... ну, король!.. Пропали девки, - пропел Сашке и тут же, словно отрубил. - Вот и кури свой костюм, пижон задрипанный.

- Да чего ты, Сахон? У тебя у самого два таких: и черный, и серый... а мне что, нельзя?

- Шей хоть десять.

- За какие шиши?

- Накатай старикам, пусти слезу или пригрози... Вышлют.

Будто и нет Ваньки в комнате: и Сашка, и Жора на него - ноль внимания, словно пустое место он для них. Сидит себе за столом, читает конспект по эстетике, ну, и пусть... им-то что за дело.

- Да что они у меня, рисуют деньги, что ли. На тот стольник полкабана старики на базар вынесли, а теперь, поди, сами последний хер без соли доедают.

- Ну, как знаешь, тебе с бугра виднее. А я своих не балую. У меня у первого в школе появились и часы, и велик. Произвели на свет - радуйтесь: и кормите, и одевайте, и в обиду не давайте. Чего это ради я должен чикаться с ними? Особенно когда разошлись. Вот житуха пошла!.. Мать, она у меня завклубом работает, не то скажет - махну на все

каникулы к отцу. Они сейчас в разных районах живут. Фатер заартачится - скажу, что к матери вернусь... сразу шелковым делается. Вот так-то, салага, учись, пока я жив. Этим летом опять к нему. На все каникулы. Обещал мотик купить, «Ковровец». Теперь придется малость поласковее быть с ним.

Иван покосился на Сашку, ухмыльнулся и покачал головой: ловкий гад... на обухе рожь молотит. Самбур перехватил его взгляд, но промолчал.

- Ну дай закурить, Сахон, - продолжает ныть Жора. - Чего ты жмешься?

- Не дам - не вырастешь.

- Ну дай... уши пухнут.

- А танцевать кто будет за тебя, Пушкин, что ли? Сбацаешь - покуришь.

- Чего! - опешил Жора.

- А чего хошь, ели-пали, - прикинулся валенком Самбур. - Хоть вальс, хоть твист, а хоть и «барыню».

- Ты че, опупел?.. Ну будь человеком, не жмись. Куплю - отдам.

- Танцуй, - Жора не шелохнулся. - Ну, как знаешь. Вольному воля.

Иван поднял голову: неужели станет танцевать?

- Вот, на мои. Только не здесь. Воспитатель заругается.

Жора протянул руку к «Беломору».

- Танцуй! - как из ружья Самбур.

Жора вздрогнул. Ванька улыбнулся.

- Ну, чего же ты, бери, кури.

Самбур резко повернул голову к Ивану.

- А тебя, пидор македонский, никто не просит совать свой нос куда не следует. Понял? То-то. А теперь катись колбасой, а то костей не соберешь, притырок недоделанный.

- А что такого я сказал? Предложил покурить, да и все. Чего не поделиться?

- Вот и кури сам, - и Жоре: - Танцуй.

Иван - к Жоре... и вытряхнул из пачки папиросы.

- Не слушай его.

- Я такие не курю... убери свою полову, - подавив совестливость, Жора принялся конвульсивно подергиваться и насвистывать мелодию твиста.

- Да будет тебе кривляться. Он же насмехается над тобой. И конспект мой возьми, а то Эльвира Леоноровна двойку поставит.

Самбур с любопытством наблюдает, чья возьмет, и помалкивает: пока все так, как ему надо. И Жора - будто сам собой доволен.

- Может, мне самому хочется танцевать. Уйди... мешаешь.

- Да не дури же ты.

Жора искоса глянул на Сашку. Тот рывком приподнялся на локти.

- Слыхал, ели-пали, что тебе сказали? И конспект свой не подсовывай... можешь подтереться им. Ну, чего ты, чего ты вылупился, как баран на новые ворота?

- Дело ваше, - пожал плечами Иван. - Я хотел как лучше.

- Послушай, ты, олух царя небесного, - прищурился Самбур, - если и впрямь хочешь как лучше, будь другом, перейди жить в пятую комнату. Там зануд, как ты, хоть пруд пруди, а Мишка к нам переберется. Сделаешь такое дело, а? Ну, чего ты лыбишься, как майская роза? Неужели досель не врубился, что не ко двору ты нам?.. Или ты и взаправду притыренный?

- Сам ты притыренный.

Самбур саданул в Ивана свирепым взглядом, провел глазами по его широким плечам и сильным рукам... и убрал гнев с лица.

- Ну, живи-живи, пока я добрый... На, Жорик, закуривай, - чиркнула спичка. - А ты, - Сашка опять повернулся к Ваньке, - чеши, чеши отсюда.

- Тоже мне, шишка на ровном месте.

- Что ты сказал, ели-пали?.. А ну повтори.

- Да ничего, - Ванька не хотел лезть на рожон.

- То-то. Еще раз скажешь...

- И что?..

- А то, герой... три дня поноса и - голодная смерть.

- Да ну тебя, - отмахнулся Иван и, заметив, на какой странице открыт конспект, вышел из комнаты.

Через пять минут вернулся. Конспект развернут на том же месте. Так и не заглянули, с досадой подумал он и спрятал тетрадь в тумбочку. Сашка и Жора мирно беседуют, буд-

то ничего и не произошло между ними: никто ни над кем не издевался, никто никому не потакал, короче - не разлей вода. Сидят - курят.

- В субботу пойдешь со мной? - спросил Самбур.

- Ага. А куда?

- К моей «маруське». Помнишь, та, что с Эдиком приходила? Теперь я ее шкворю. Умница, все умеет делать и аж мурлычет от удовольствия. У нее на маге клевые записи. Надо на свой переписать. Микк Джаггер, лидер «Ролингстоунов». Слыхал про таких, деревня? Не хуже «Битлов» рычат. Пойдешь?

- Спрашиваешь... - Жора сделал глубокую затяжку и от удовольствия закатил глаза. - Слушай, а она меня не попрет в шею?

- Не бери дурного в голову, а тяжелого на грудь... Погуляем на все сто. Сдается мне, эту «биксу» и в два смычка можно дрючить. Так что, ели-пали, глядишь, при клевом раскладе и тебе перепадет на пару палок. Только ты не сиди там, как пальцем деланный.

- Ну, здорово!.. Ну, клево!.. Да я... Да мы... С тобой не пропадешь, Сахон, - глаза у Жоры заблестели.

Самбур открыл пачку сигарет и присвистнул.

- Не хватит на вечер.

- Хватит. Мы пореже будем, - попытался успокоить его Жора. Он все еще был под впечатлением предстоящей субботней оргии.

- Ты, ели-пали, можешь и пореже, - с усмешкой заметил Самбур, - а я тут при чем. Слетаешь?

- А чего я? Пусть кто-нибудь из салажат. Есть тут один. Вчера проштрафился, не поклонился при встрече. Позвать?

- Жорик, а ты, ели-пали, меня не понял, - лицо Самбура растянулось в барской ухмылке. - Я тебя прошу. Я хочу, чтоб именно ты мне сделал приятно. Ведь мы кореша с тобой или как?

Жора нехотя, но встал - долг платежом красен. Да и суббота впереди.

- Тебе каких, Сахон, «БТ»? А если не будет таких?

- Ну ты, ели-пали, будто первый день замужем, - возмущенно и с удивлением протянул Самбур. - В Курске один гастроном, что ли? Сечешь? - Жора кивнул головой. - Ну, и молодец. Возьми деньги... там, в моем пальто должна быть мелочь, - Жора уже запустил руку в карман самбурового пальто. - Только живо, - поторопил его хозяин. - Одна нога здесь, другая - там.

Ванька достал папиросу, - да ну вас к черту! - и опять отправился в умывальник покурить. В дверях нос к носу столкнулся с Эдиком.

- Эдуард, заходи! - крикнул Самбур и ударил по струнам гитары:

«И в воздухе мелькнули два ножа, Пираты ждали, затаив дыханье. Все знали атамана как вождя И мастера по делу фехтованья...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

- Привет. А тебя какими ветрами?..

Иван оглянулся на знакомый голос и оторопел: Самбур - в черных очках, кедах, выцветших фирменных джинсах с заплатой на правой коленке и в потертой кожаной куртке нараспашку. Под курткой - тельняшка. На правом плече - спортивная сумка. Руки в карманах, в зубах - сигарета. Из-за спины, будто ствол автомата - гриф шестиструнки.

- Я здесь живу. А ты?..

Самбур не ответил - много чести. Отступив на два шага, он принялся задиристо разглядывать своего однокашника. Затем криво усмехнулся. Ванька сконфуженно поправил узел галстука: пожалел, что нацепил его, - одернул полы пиджака и спрятал в рукава белые манжеты нейлоновой рубашки. Пижон задрипанный, выругал он себя.

- Здесь, в райцентре? Ну даешь! - Самбур едко усмехнулся. - Что-то раньше я тебя не встречал в нашей гавани.

- Да нет, я живу в Мироновке. Знаешь такую?..

(Они ехали в разных вагонах и потому не видели друг друга.)

- Ну ты даешь, ели-пали, само собой знаю: глухомань несусветная... край географии.

- Да нет, чего там...

- Ну да, я и говорю: совсем рядом - три дня лесом, а там рукой подать.

- У нас там хорошо, - обиженно улыбнулся Ванька. - У нас там речка есть. Сейм.

- Ну и хохма! Целый год друг другу мозолили глаза, не думали, не гадали, и вот на тебе. Умора, да и только. Что ж раньше не травил?

- Никто не спрашивал.

- Ну и дела. Про всех все знаю, а про тебя ни гу-гу.

Иван пожал плечами.

- А ты что, тоже здесь живешь?

- Я? Нет. Раньше было дело. Теперь сюда лишь изредка пришвартовываюсь. Да и то на месячишко, не больше, - Сашка выплюнул окурок, ловко попав в урну, стоявшую в пяти метрах от него. - Попить молочка, поваляться на травке. Эх, ели-пали, хорошо в деревне летом с пистолетом и кастетом!.. Здесь мой предок остался. На торфоразработках работает, в отделе кадров.

- Никитич?!

- Точно. А чего ты обрадовался? Знаешь моего старика?

- Ага, знаю. Я у него работал.

- Ну, дела-а, ели-пали...

- Передай ему привет, - осторожно попросил Ванька. - Скажи, от Ивана Никанорова. Он должен помнить меня. Передашь привет, а?

- Обязательно. Думаю, фатер из клешей от радости выпрыгнет.

Все каникулы Иван добросовестно проработал в колхозе штурвальным. Днем - в поле на комбайне, ночью - на таборе в вагончике. Механизаторы приняли его как равного: он здесь - а как же иначе. Так же думал и Ванька: где ж еще ему летом быть.

- А к тебе товарищ приезжал на мотоцикле, - радостно встретила Нюрка сына. Пропахший пылью, потом и соляркой Ванька вернулся с поля: пора собираться в город на учебу. - Ладный такой, вежливый. Сашей назвался.

- Самбур! - оживился Иван.

- Ага. Кажись, так и сказал. Имя запомнила, а вот фамилию запамятовала: непривычная какая-то. Но, кажись, так. Я хотела сбегать за тобой на табор, но он сказал - не стоит: не надо отрывать тебя от дела. Вишь, какой он сознательный! А вот в дом позвать не решилась. Сам знаешь... - Нюрка виновато глянула на сына. - Ну, ничего, твой друг у Шурки Кудинова остановился, у него попросторней нашего. Два дня они гоняли по улице на мотоцикле - курей пугали. А вечером твой друг на гитаре бренчал да песни пел. Ладно у него получается. Я слов не разобрала, но голос у него хороший. Наши ребята и девчата прямо табуном за ним...

- Сдружились, значит.

- Ага, сдружились.

Иван опустился на табурет и принялся развязывать пояс промасленного комбинезона. Пальцы не слушались.

- Ты что, Ваня? - Нюрка заметила недобрую перемену в сыне и встревожилась. - Может, я что не так сделала?

- Да нет, чего там, все так.

- А вздыхаешь чего?

- Устал я, мам.

Нюрка засуетилась по комнате.

- Щас я тебе воду подогрею, умоешься. Щас... одну минутку... Посиди чуток, отдохни.

Ванька облокотился на спинку стула: устал. Теперь, думал он, и мироновские, и курские сплетни - в одну кучу. Ни у Самбура, ни у Кудинова не заржавеет расписать меня, как им вздумается, а потом выкаблучиваться кому сколько влезет. Что тот, что этот - одного поля ягодки. Надо же, степь широкая, да тропинка узкая. Не разминулись. Нюхом они чуют друг друга, что ли?

Посрывали и разметали по городу ноябрьские дни листву с деревьев, заволокли небо тяжелыми облаками, сыпанули нудными дождями. Будто и не было тихих вечеров и знойных полдней с длинными очередями за квасом и пивом. На дворе сыро и холодно. Парки и скверы, словно став с ног на голову, пялят в промокшее небо уродливые черные корневища, и каждый случайно уцелевший лист на веточке кажется чужаком, дерзким варягом. Но и он трепещет на ветру - дрожит от страха: еще чуть-чуть, и сорвется под слепые колеса автомашин и суетливые подошвы пешеходов. Осень громко трубит о себе в каждом закоулке города. И угомонилась наконец: уступила беговую дорожку зиме. А та, холодными гвоздями позаколачивав дачи, укутав людей в теплые одежды и позагоняв бездомных собак в подвалы домов к теплым отопительным трубам, - быстро, со свистом, как

под гору, понеслась по накатанной лыжне все ниже и ниже от нуля на градуснике. Задекабрило. На верхушке голого тополя покачивается побуревший листок. Один-одинешенек. Висит себе и качается, будто собирается прожить еще одну жизнь. И какая сила удерживает его?

Иван перелистывает тощий календарь и тихо улыбается - скоро каникулы. Две недели - не срок. Скоро он в новом драповом пальто с поясом, купленном на свои деньги, заработанные летом в колхозе, приедет в Мироновку, пройдет по заснеженной улице на виду у всех жителей, - вот я какой, посмотрите на меня! - смело войдет в дом и вручит матери подарки: шерстяной платок и отрез на платье. Вот обрадуется! Ну, прямо как в кино будет. Хорошо бы еще, если б много-много родственников набралось в избе, и все смотрели бы на подарки и ахали. И для них не мешало бы что-нибудь прикупить. Точь-в-точь как в кино, когда показывают деревенских парней, приехавших на побывку из города. Вот бы еще мимо дома туда-сюда ходила и нетерпеливо поглядывала бы на окна какая-нибудь девушка, для которой на дне чемодана припрятана цветастая шелковая косынка, а мать дергала бы за рукав и глазами намекала: выйди на улицу, чурбан ты этакий, не морозь дивчину, совсем уже в ледышку превратилась. Столько ждала, ночей не спала, а ты тут со стариками вошкаешься. Во всех фильмах такое показывают, а я что же... А что! - размечтался Ванька и вдруг вспомнил о Вале Стародубцевой. Столько времени не думал, даже забыл, что она есть на свете, а тут... Даже что-то теплое разлилось внутри у него. И хорошо-хорошо стало, будто на морозе стакан горячего чая выпил. А что, вот возьму и куплю ей что-нибудь этакое. И подарю. Удивится вот только: ни слухом, ни духом, и вдруг... А что, собственно... Сама ж когда-то бегала в наш двор. А хорошо бы мы с ней жили, я бы ее никогда не обижал...

Иван повесил календарь, сел на кровать и грустно усмехнулся - откуда они у меня, родственники: во всей Мироновке только я, да мамка. Так что с подарками ничего не получится... В комнате никого: тихо-тихо. Чем-то встревоженные, еще со вчерашнего вечера, самбурята целый день шептались, бегали из комнаты в комнату, а после ужина, понадевав на себя что похуже, высыпали из общежития. Сейчас они топчутся у подъезда. Иван видел их, когда выглядывал в окно, но тут же и забыл - что ему до их мышиной возни. Надо написать матери, что скоро приеду, решил Ванька. Пусть обрадуется. А может, и Вале?.. Может, тоже обрадуется?.. Иван опустился на подушку, закрыл глаза и заложил руки за голову. Лицо его расплылось в тихой и доброй улыбке. Скоро, очень скоро он увидит и мать, и Валю.

Скрипнула дверь. По комнате застрочили торопливые шаги. Жорик, догадался Иван по характерному стуку каблуков и усмехнулся про себя... но глаза не открыл. Чудак-человек. Думает, если набил каблуки с четверть, так и сам выше станет.

- Собирайся, Никанорушка. Все уже внизу. Меня за тобой прислали. На выходе будем ждать. Давай-давай... живее.

Будто вдруг, Иван уловил приглушенный гомон за окном.

- Чего-о?

- Чего-чего, - передразнил его Жора. - Уши бананами заткнул, что ли? Пойдем «кирпичей» громить. - («Кирпичи» - ребята из строительного профтехучилища). - Ну!.. - увидев, что Ванька никак не отреагировал на его слова, сердито напомнил о себе Жора и нагнулся к своей тумбочке, стал нетерпеливо рыться в ней. И не нашел, что искал... и чертыхнулся... и, что-то вспомнив, радостно хлопнул себя ладонью по лбу, и откатил матрас: а, вот ты где! Обрезок четырехгранного ременного привода упруго закачался в его руках. В глазах мелькнул воинственный бесенок. Но ненадолго: а ну как «кирпичи» отнимут нагайку - и по его худенькой спине... и даже выгнулся, будто от сильной боли.

Иван с усмешкой поглядывал на горе-вояку. Жора перехватил его взгляд, и вновь зрачки-бесенята показали рожки.

- Ну, ты че?.. Давай-давай... живее. Тебе русским языком сказано... или ты ни бельмеса?..

- Не пойду.

- Вольтанулся, что ли? Все кенты идут, а ты - нет? В штаны наложил?

- Мне строители ничего плохого не сделали. Да и тебе.

- Ты че, с луны свалился? А кто Мишку из пятой комнаты побил, а Кешку из нашей?.. А кто Сахону «пером» грозился?

- Сами первыми задрались. Знаю я их, так и лезут на рожон.

- Да ты че, фуцер, опупел? Этак они нам всем поодиночке красные сопли пустят. И до тебя доберутся.

- Если заслужу - с меня спрос, а драться зазря... очень нужно. Не хочу и не буду. Чего ради я должен бить кого-то ни за что, ни про что. Из-за того, что наших босяков проучили? Поделом им.

Жора удивленно посмотрел на Ваньку.

- Ты что, и в самом деле глумной? Ну ладно, кончай валенком прикидываться, собирайся.

Ванька отмахнулся.

- Да ну тебя.

- Значит, не пойдешь, да? Деловой, да? - Жора все еще надеялся, что Иван передумает. - Лучше скажи, поджилки затряслись.

- Не пойду.

- Смотри, деловой, лучше давай не будем, - нагловато пролепетал Жорик.

- Отстань, моська.

- Трус! - крикнул Жорик и оглянулся: в комнате никого.

- Чего озираешься?.. не боись - не трону.

- Кто, я боюсь?.. Тебя?!

Жора стыдливо убрал за спину обрезок ремня.

- Хорошо, хорошо... не боишься, - снисходительно согласился Иван и улыбнулся.

- Ты, фуцер, брось свои приколы. Говори, да не заговаривайся, - уже неуверенно пригрозил Жора и поспешил убраться из комнаты. - Вечером с тобой побазарим. Учти, кенты злые придут. Ты у нас и так, как бельмо в глазу.

- Нечего мне с вами толковать, - пробурчал Иван и достал из тумбочки хлеб, кусок сала и толстую тетрадь в коричневом коленкоровом переплете. - До одного места мне ваша драка с «кирпичами».

Немного перекусив, он открыл конспект по машиноведению. Учение в голову не пошло. Шум голосов за окном утих. Ушли, догадался Иван. Улыбнулся и вырвал из конспекта чистый двойной лист. Вытерев платочком сальные пальцы, он достал из кармана авторучку. «Здравствуй, Валя. Пишу тебе я, Никаноров Иван. Ты, наверное, не ожидала от меня письма, а я вот взял и написал. У нас тут все ребята пишут письма своим невестам, вот и я решился. Хоть ты мне и не невеста еще, но я все же подумал себе: ведь не зря ты бегала в наш дом. Мне мамка все рассказывала: то соли попросишь, то спичек... Я бы и раньше тебе написал, но не смел. Ты тогда на выпускном вечере все время на Шурку Кудинова глаза пялила. Вот я и подумал: чего уж мне... Ну, а теперь, когда Шурка уехал из села, я решил, что можно написать. Все равно он уже не вернется домой. Он в городе останется. Обязательно. Ну, и скатертью ему дорога. А теперь расскажу о своей жизни. Я жив и здоров, чего и тебе желаю. К Новому году опять приеду на каникулы. Жди. Уже совсем скоро. Здесь мне нравится. Только вот народ тут чудной. Целыми днями стоят в очередях, будто им больше делать нечего, или спешат куда-то. Даже читают газеты и жуют беляши на ходу. Беляши - это горячие пирожки с мясом. Очень вкусные. Я по пять штук за раз съедаю, а ребята из нашей общаги называют их «тошнотиками». Это неправильно...»

Дальше письмо не пошло. Ну ни в какую. Иван отложил авторучку, задумался и почесал затылок, - хоть убей, ничего не лезет в голову. Снял с шеи форменный из черного атласа галстук на резинке, расстегнул ворот рубашки... И тут же поежился - в комнате холодно. Самбурята поленились заклеить окна, а ему уже порядком надоело нянькой ходить за ними. Холод не тетка, решил он, надеясь, что самбурята зашевелятся, когда жареный петух клюнет, а то попривыкали на всем готовом, и хоть бы хны. Может, про погоду или учебу ей написать?.. или спросить: хочет ли она стать моей невестой?.. а может, про это и не спрашивают вовсе?.. Наблюдая, как Самбур за каких-то десять-пятнадцать минут сочиняет на два-три листа, Иван думал, что это просто, а тут... Раньше он писал только матери: жив-здоров, погода нормальная, пришли сала... Чего еще ей надо?.. Хватит. Хоть бы одним глазком взглянуть, что Сашка пишет своим невестам. Глаза упали на обшарпанную гитару, сиротливо валявшуюся на кровати

«...Вчера Сашка из нашей комнаты получил сразу два письма. От двух невест. Целый вечер хвастался - давал всем ребятам читать, а потом они смеялись. Это нехорошо, он их ни во что не ставит. Ты на этот счет не переживай, я никому не покажу. Пиши все, без обиняков, не стесняйся. Как ты ко мне относишься? И я буду тебе писать...» Иван распрямил спину, дважды перечитал свою писанину, кое-где добавил запятых. На первый раз хватит, решил он и... будто в чужой карман залез, подписался: «Целую, Никаноров Иван». Ванька улыбнулся: понравилась последняя фраза, вложил письмо в конверт, про-

вел языком по липким полоскам, заклеил, подписал, а на обратной стороне крест-накрест, так что буква «с» оказалась в центре, вывел: лети с приветом, вернись с ответом. Пальто, шапку - на себя, и - пулей из общежития, к трамвайной остановке, на главпочтамт. Опустить письмо в обычный ящик не решился: вдруг затеряется.

Бодро шагая по скрипучему снегу, Иван представлял, как Валя вскроет конверт, улыбнется и, прочитав, тут же примется писать ответ. А ложась спать, положит его весточку под подушку. Как в кино. И через неделю - Иван подсчитал: три дня - туда, три - обратно, - да, ровно через неделю получит нежный, ласковый ответ. Да, именно так оно и будет. Иван в этом не сомневается, как не сомневается и в том, что сейчас декабрь, вечер, тихо падают снежинки, поблескивая в свете уличных фонарей. Навстречу идут добрые и симпатичные люди. Хорошо: тепло и радостно - сам черт ему не брат.

Кто-то толкнул в плечо. Иван обернулся.

- Пардон, - не останавливаясь, извинился бородатый парень с квадратной сумкой через плечо и поспешил дальше.

«Вежливый какой. Надо и себе так попробовать». Иван догнал женщину с авоськой и хозяйственной сумкой в обеих руках и толкнул ее. Но не рассчитал - толкнул сильно.

- Пардон, - и будто только что сотворил что-то очень доброе и нужное, сбавил шаг и обернулся, посмотреть, как женщина кротко кивнет головой в ответ на его «пардон». И улыбнулся.

Женщина отпрянула.

- Смотреть надо, лапоть!.. - Иван испугался: что-то злое и страшное вылупилось на него. - Понаехали тут всякие!

Словно пригоршню снега бросили за воротник: надо же такому случиться! Иван съежился. К ним подошла маленькая старушка.

- Вчерась мою соседку вот так же толкнул один хулюган на улице, а пришла домой, ить - часиков нетути, - прошамкала она беззубым ртом. - Ты, милочка, посмотри, посмотри, может, и у тебя чегось пропало.

- Да не ношу я часов, иди себе...

- Ну, не часы, так еще чегось. Ты не грымай на меня, милочка, не грымай. Посмотри лучше.

- Ну-у, - протянул Иван и развел руками.

- Не нукай - не запрег. Вот я щас проверю.

Женщина бросила авоську с картошкой, поставила сумку на заснеженный тротуар и расстегнула молнию: начала рыться, неохотно и устало, перебирая загрубевшими, мозолистыми руками свои нехитрые и скудные покупки. Чего искать, удивился Ванька; видно же - хлеб, соль, кулек дешевых пряников да маленький кочанчик капусты. Если б что не так, сразу заметила бы. И заметила-таки:

- Батюшки!.. Нету!.. Пропали деньги!..

Женщина испуганно посмотрела на старушку: та кивнула головой, мол, видишь, а я тебе что говорила. Затем перевела взгляд на Ваньку и злобно прошипела:

- Ах ты, уродина сиволапая!

- Вот-вот, кабы не я, пропали бы денюшки. А много было, милочка?

Женщина отмахнулась от старушки и опять набросилась на Ивана.

- А ну, отдай сейчас же, ворюга!

- Я не брал, чего вы...

Сзади кто-то тронул Ивана за локоть. Он повернулся: милиционер.

- Я не брал... Чего она!..

- Он украл, он. Больше некому. Толкнул меня и слямзил кошелек, - выпучив глаза, наседала женщина.

- Он, он, касатик. Я сама видела. Шла сзади и думала, чегось он прижимается к ней, будто хахиль, - несла околесицу старушка.

- Сейчас разберемся, - милиционер повернулся к Ивану.

- Я не брал, - стоял на своем Ванька.

- Верните деньги, - стараясь привлечь внимание прохожих, громко и уверенно приказал милиционер и, довольный собою, как гусак, вытянул шею, чтобы его дальше было видно.

- Я не брал.

- А ты его в тюрьму отведи, касатик, в тюрьму, - старушка, еле дотянувшись, ткнула скрюченным пальцем Ваньке в грудь. - В кутузке он враз сознается. Обыщи его, гражданин милиционер.

Иван сам вывернул карманы: письмо, носовой платок, матерчатые перчатки, папиросы.

- Я не брал.

- А в шапке, в шапке посмотри, касатик...

Иван снял шапку.

- За пазуху спрятал, ворюга. Ить, до чего додумался! - не унималась старушка.

- Я не брал.

- Что ты заладил: не брал, не брал, - железным голосом одернул милиционер Ивана. - Пройдем в отделение, разберемся.

Иван расстегнул пальто, пиджак, рубашку, задрал майку.

- В снег выбросил, в снег, - продолжала наседать старушка. - Надоть поискать вокруг.

Иван повернул голову направо... налево, словно и впрямь ожидал увидеть пропажу. Но тщетно: и тут и там лишь кучки зевак. Они расспрашивали друг у друга, отчего сырбор, и с откровенным интересом ждали, чем все кончится. И еще: крупные, мягкие снежинки тихо ложатся на платки и шапки любопытных и на погоны милиционера.

- Всю получку украл, изверг! - в голос запричитала женщина, у которой пропали деньги. - Ну как теперь детей кормить буду?!

- Успокойтесь. Найдем ваши деньги, - твердо пообещал сержант и мягко улыбнулся женщине.

- В тюрьму его, шельмеца, в тюрьму! Ишь, нажрал морду на ворованные денюшки! - вошла в раж старушка.

- Уймитесь, - осадил ее милиционер. - Пройдемте с нами, расскажете все, что видели.

Милиционер говорил и с удовольствием слушал свой голос. Он уже представлял, как в отделении отметят его усердие и рвение к службе.

- А некогда мне, касатик, по участкам шастать. Сам разбирайся, на то и жалование тебе положено государством. Ко мне внук пришел, - старушка достала из сумки бутылку «Вермута». - И так, чай, заждался родимый. Некогдать мне. Внук серчать будет.

- Я не брал.

- Молчи, вор. Отдай деньги, - словно змея, зашипела женщина. - Я за них целый месяц в штамповке ишачила, а ты... Ишь, раскатал губу на чужое добро. Убить тебя, падлюгу сиворылую, мало за такие дела. Знаешь, что за такие дела бывало? Сразу к стенке или на двадцать пять лет в Сибирь к медведям. А то ишь, дали им волю.

Не дай бог потеряла - пропал, уже не на шутку испугался Иван.

- Как я теперь буду детей кормить, а, товарищ милиционер? Ну сделайте что-нибудь с ним.

- Успокойтесь, успокойтесь, гражданочка, - с видом победителя проговорил сержант. Ему уже мерещились старшинские погоны. Еще два-три таких задержания, думал он, и до лейтенанта недалеко.

- Ага, попробуй тут успокоиться, - шмыгнула носом женщина и полезла в карман... и вытащила носовой платок... и лицо ее вытянулось. Она испуганно посмотрела на Ивана, милиционера, старушку... еще раз на Ивана... И вновь сунула руку в карман... И осторожно, словно бомбочку, достала маленький потертый черный кошелек с двумя блестящими шариками. - Да что же это, Господи! - испугалась она.

Иван будто вдруг заметил, что на дворе зима, холодно, и поспешно застегнул пуговицы на рубашке, пиджаке и пальто. Тишина... будто все языки попроглатывали. Милиционер досадливо скривился: не видать ему старшинских погон, как своих ушей. Женщина держит на ладони кошелек и испуганно таращится на него. Иван успел разглядеть: кошелек с одной стороны неаккуратно зашит грязными суровыми нитками - гроша ломаного не стоит. Милиционер посмотрел на Ивана, Иван - на милиционера. Взгляды их встретились.

- Мне можно идти? - спросил Ванька.

Милиционер взял его за локоть.

- Минуточку. Ваш кошелек? - обратился он к женщине и второй свободной рукой потянулся было за находкой, но потерпевшая проворно отстранилась.

- Мой.

- Пересчитайте деньги, - все еще на что-то надеялся сержант.

- З-зачем? Он меня толкнул,- она схватила авоську и сумку, развернулась и побежала.

- Стойте!

- Пусть бежит, - Иван махнул рукой. - Это бабка ее науськала. Если б не она... - Иван повернулся в сторону, где стояла поборница справедливости. Резво перебирая кривы-

ми, тоненькими ножками в стеганых бурках, та метр за метром удалялась прочь. Сумка с бутылкой «Вермута» для внука сильно клонила ее вбок.

- Ну, что прикажешь делать, арестовать их? - милиционер виновато улыбнулся и кивнул по сторонам, куда поспешали крикливая женщина и добренькая бабулька с подарком для внучека.

- Ну их, пусть себе бегут.

- И то так. Их уже не переделаешь. Сами собой недовольны, вот и выискивают, на кого бы погавкать. Собака и хлеба не съест, не порычав. Вот же народ! Гадом буду, дай им волю - кусаться начнут.

Иван промолчал. Милиционер подмигнул ему, сильно прогнулся вперед и громко, наотмашь высморкался в снег. - Ну и ладно, нет и не надо.

- Чего не надо?

- Да так, ничего. Из деревни?

- Ага, из Мироновки, - сказал Ванька так, будто Мироновка - пуп земли.

Милиционер достал пачку сигарет.

- Ну, что, земеля, перекурим это дело? Бери...

- Я такие не курю, - и достал пачку «Беломора».

- Ого, «пшеничные», молодец. Дай-ка и я твоих... - он спрятал в карман шинели свой десятикопеечный «Памир» и решительно угостился чужим куревом.

- Берите еще, - на радостях, что все обошлось, предложил Ванька.

- Еще? Дело говоришь, - и взял вторую папиросу, и заложил ее за ухо под шапку. Подумав секунду-другую, взял еще и - за второе ухо. - Ага, и мине, и цыганенку моему, значит. В ПТУ учишься? - и, чиркнув спичкой, прикурил.

- Да, на тракториста. А как вы узнали?

- А по пальту. Все пэтэушники в таких пальтах ходят. Когда-то и я точь-в-точь в таком же пальте рассекал по городу.

Форменное пальто-шинель из черного сукна и в два ряда блестящие пуговицы с молотком и ключом - не надо и вывески, что пэтэушник. В таких пальто с осени и до весны ходят все первогодки, и местные жители без труда отличают их от своих парней. Ванька и на втором курсе продолжал носить его: зачем выбрасывать - теплая и добротная вещь, и еще не сносилась. Милиционер молча сделал несколько затяжек, плюнул на окурок и выбросил его в снег, рядом с урной.

- Ну, держи, земеля, - протянул он Ивану руку. - В городе надо хитрее быть.

- Да, трудно с городскими.

- Кто, ети-то городские! Да их тут больше половины деревенских, только не хотят признаваться. У нас в милиции почти весь отряд из деревни. Со всей области съехались. Гадом буду. В деревне надо вкалывать, а тут... Слыхал пословицу: Бог создал двух ударников - милиционеров и пожарников. А эти... тоже мне, горожане затруханные. Ну, покедова.

На главпочтамт Ивану расхотелось. Он достал из кармана письмо, покрутил его в руках, будто первый раз видит, и порвал, - еще посмеется, на всю Мироновку опозорит. Мелкие клочки бумаги полетели в сугроб. Через минуту их запорошило снегом.

2

Скорее домой. Скорее раздеться и - в кровать. Ивану хотелось уснуть и ни о чем не думать. «Я - вор, ну как так можно!» Пустота. За окном вечер. В общежитии - ни единого звука: ни шагов, ни голосов за дверью. Жутко. И в комнате никого, только сашкина гитара, но лучше б и ее не было. Яркий свет назойливо царапает опущенные веки, но встать и выключить - уже нет сил. «Вор, ворюга», - в один голос вопят старушка и женщина с авоськой. Иван прикрыл глаза руками и повернулся на другой бок. В Мироновке и то не додумались до такого. Лег на живот, сунул голову под подушку. И тут все через пень колоду. «Скорей бы уехать. Сколько еще, две недели? Долго. А потом еще полгода... Куда это я проваливаюсь?.. Веки приятно потяжелели, ноги налились свинцом, и - тепло по всему телу. «Уснул наконец-то», - обрадовался Иван, но тут же открыл глаза: не продохнуть. Сбросил подушку с головы. «И откуда взялась эта чертова старушка?.. А женщина... неужели она и вправду деревенская? Нехорошо как-то вышло. Шла себе, и пусть бы шла: не тронь - вонять не будет. Так нет же, толкнул, еще и «пардон» ляпнул. - Иван натянул одеяло на голову. - Вот бы обрадовались Петр и Шурка Кудинов, если б меня в тюрьму сграбастали! А эта... тоже... жадина, не могла кошелек себе новый купить... И самбурят что-то долго нет. Может, напрасно я так? Может, надо было помочь им? Конечно -

да. Они же рассчитывали на меня...»

В коридоре зашаркали ноги, заспорили приглушенные голоса. По мою душу, подумал Иван и хотел было повернуть голову к двери, но не смог: словно чугунная, она вдавилась в подушку и - ни-ни... даже не шевельнулась. Шаги и шепот пропали. Тихо-тихо... И тепло. И хорошо, как на солнышке. Легонько скрипнула дверь. «Мамка, наверное, приехала», - откуда-то сверху услышал Иван собственный голос и упал на что-то мягкое. «Ага, это я, твоя мамка...» - хихикнула зловредная старушка с кривыми ножками и сморщенным, словно печеное яблоко, лицом и показала язык. Она принялась тыкать Ивану в грудь скрюченным пальцем и без устали повторять: «Вор, ворюга, отдай кошелек. Ворюга, отдай кошелек. Я видела, как ты убил валиного гусенка и спрятал его под сидение трактора, - щелкнул выключатель. - Забери его в тюрьму, Григорий. Забери», - приказала она. Иван повернулся к Григорию. Тот оскалился, ругнулся: японский бог, - и превратился в милиционера. «Ты убил из рогатки, гадом буду. Я тоже видел», - лицо сержанта расплылось, посинело. Иван отшатнулся и посмотрел на старушку. Та исчезла. Опять повернулся к милиционеру - исчез и тот, оставив вместо себя чернильную кляксу. Иван вынул из сумки стиральную резинку и принялся энергично тереть по жирному пятну. «Ты что это, ублюдок косорылый, опять поставил кляксу на новой скатерти! Сейчас я тебе, уважаемый...» - Петр схватил его за вихры и больно стукнул лбом об стол. Затем набросил на него одеяло и принялся колотить. Удары сыпались один за другим и со всех сторон. Из-под стола выскочил хромой гусенок и, подпрыгнув, больно ущипнул Ивана за нос.

Иван открыл глаза - темно. Темно и душно... и больно: что это? Темную устроили, сообразил он и попытался сбросить одеяло. На голове и ногах кто-то сидит. Руки больно давят ребра кровати.

- Он еще и брыкается! - услышал Иван шепот, но чей, спросонья не смог определить.

Кто-то еще навалился на него, и удары посыпались с еще большим ожесточением: бум-бум-бум... словно град по железной крыше.

- Может, хватит?.. зашибем ненароком... что тогда?

Жорик, узнал Иван.

- Бог не фраер, все простит. Давай еще. Будет, ели-пали, знать, как от толпы откалываться.

Иван попытался сгруппироваться, прикрыться локтями и коленями, но куда там, не шевельнуть ни руками, ни ногами... и дышать очень трудно.

- Собаки! - прохрипел он и рванулся изо всех сил.

Отчаянно скрипнула панцирная сетка. Натыкаясь в темноте друг на друга, по комнате забегали-заметались темные силуэты и, опрокидывая стулья, устремились к двери. Иван сбросил одеяло. «А почему свет не горит?..» - и догадался: выключили, какая же «темная» при свете. Через минуту в комнате стало тихо. Из коридора доносилится шепот и приглушенный смех, с улицы - металлический скрежет: дежурные по общежитию лопатами счищают снег с тротуаров. Иван затаил дыхание, с тревогой прислушался к своему телу: живот, грудь, ребра болят так, словно по ним проехали трактором. Тихонько приподнялся, встал с кровати и, шатаясь, направился к двери.

Узкая полоска света в дверях исчезла. Иван тыльной стороной ладони вытер с губ что-то липкое и горячее и щелкнул выключателем. Свет больно ударил по глазам. Иван прищурился, посмотрел на испачканную руку, сплюнул на пол густую, тягучую красную слюну. Сплюнул еще раз, уже посильнее, и кашлянул. Острая боль электрическим током сквозанула по телу. Даже в глазах потемнело. Иван скорчился и... кашлянул еще раз. Затем еще и еще раз... и не удержался: пол выскользнул из-под ног и больно, со всего маху придавил его всей своей тяжестью дубовых досок. Шурх... шурх... шурх... - делают свое нужное дело металлические лопаты за окном.

Иван на четвереньках выполз в коридор. Темные, расплывчатые силуэты испуганно шарахнулись от двери и, окончательно потеряв реальные формы, с болью растворились в ярком электрическом свете. «Надо встать. Не видать им меня на карачках». Держась за стенку, он поднялся и, пачкая кровавыми пятнами побелку, побрел к умывальнику. «Надо умыться... поскорее... умоюсь, и все пройдет. За что они меня так... что я им сделал?.. Очень холодно ногам... простужусь, наверное. Неужели им не страшно было... И зачем такой яркий свет в коридоре?.. Наконец-то эта дверь... Только бы вода оказалась в кране...» Иван шагнул через порог и остановился: все силы остались там, на полу и на стене длинного пути. Сзади за спиной угадывалось чье-то дыхание. Щелкнул выключатель. Темно.

- Собаки! - проклекотал Иван окровавленным ртом, закашлялся и согнулся.

Кто-то подкрался сзади, пнул его ногой и проворно отскочил. Иван упал. Он лежал в темноте на мокром цементном полу и боялся шевельнуться. Малейшее движение - жгучая боль. Но встать надо... Поднялся, нащупал кран, пустил воду и сунул голову под холодную струю. Немного полегчало. Но ненадолго. «Семеро на одного, это они могут», - выплыло из темноты лицо Панкратова, так похожего на французского киноартиста. Вот и смогли... Хватит, наверное... холодно. Вода, разорвав тишину бетонной комнаты, сердито ударила в жестяную раковину. Нет, надо еще. Иван отдышался и снова подставил голову под кран. Набрал в рот воды, прополоскал горло. Снял майку, намочил, повязал на голову...

И опять... без стены - ни шагу. И опять больно смотреть на свет. Больно идти. Больно думать, что никто не заступится. Надо хоть изредка поднимать веки, чтоб не сбиться с пути. Малейшее движение - боль... нестерпимая и предательская, как из-за угла. Боль в голове. Боль в руках. Боль в ногах. Боль по всему телу, в каждой клетке. Шлеп... шлеп... шлеп - босые ноги по холодному керамическому полу. Сколько прошло: пять минут, десять, полчаса, час?.. Кажется, целая вечность. Шаг... Еще шаг... Никогда еще коридор не казался таким длинным и путь по нему таким долгим. Только бы добраться до комнаты и лечь на кровать. Только бы не упасть здесь, в коридоре... Не поднимут. Ногами забьют. А что плохого я им сделал? Собаки! Спиной, затылком, кончиками ушей Иван ловил чьи-то испуганные взгляды и ждал нового нападения. Побежать или повернуться уже не было сил. Сзади приглушенно шептались. Под ногами качнулся пол. Иван сделал два быстрых шага и ухватился за дверную ручку. В комнате темно и тихо.

- Ну, что, довольны?

На кроватях дружно засопели, захрапели. Кто-то даже простонал, будто во сне. Притворяются, решил Иван.

- А если б вас так?

И тут он кашлянул и упал. Яркая молния ударила по глазам. Вспыхнула и потухла. И - звон. Будто рядом, над самым ухом, хватили молотом по наковальне. Оглушил, а потом, словно колокольчик удаляющейся тройки, - все тише и тише. И - ни звука. Мрак. И пустота кругом. Все исчезло одним махом, провалилось в темную и сырую могилу. С грохотом распахнулась форточка: налетел сильный ветер. Осколки стекла, прозвенев, брызнули на пол. Зима дунула в брешь колючим и мертвящим холодом. Заскрипели сетки кроватей. Вспыхнула лампочка под потолком. Уже никто не притворялся спящим - ожила комната.

Медленно, как бы раздумывая, пошли стрелки гигантских часов - пробуждалось время. Но пока ни единого звука. И только свет, как от включенных фар неторопливо приближающейся машины. Потом: и звуки, и краски, и запахи... и тяжесть в ногах, руках, голове... и свинец на веках. Испуганные лица ребят, будто смазанные позитивные контуры в старом холодном проявителе, нехотя вползали в размягченное сознание, но ни страха, ни радости от них. Уже все равно. Пока все равно.

- Ну, как? - Жора нагнулся к Ивану. - Уже лучше? Может, надо чего? Мы - мигом.

Иван промычал что-то невнятное, съежился и показал глазами на одеяло.

- Ты чего, Вань, говори яснее. Ты, того, ты прости нас, честное слово, не хотели мы так.

Чего они не хотели? Чего они такие добрые и хорошие? Кто там стучится... надо открыть. А почему раздетые!.. холодно же. Босые, в одних трусах и майках, встревоженные самбурята обступили ванькину кровать: что ж теперь будет?! Они не решались смотреть в глаза друг другу. Каждый винил другого и самого себя. Они боялись за жизнь парня... они боялись возмездия за содеянное. В дверь стучали, требовали открыть, но самбурята будто не слышали. Они боялись - вместе с ребятами в комнату войдет воспитатель или наряд милиции, - Бог все видит.

- Кто пикнет - язык вырву, - пообещал Самбур.

Но не угроза... мольба и страх в его словах: интонация выдала. Он и сам знал, что не сделает этого. Просто не сможет. Знали и самбурята это. Они с тревогой и страхом смотрели на мокрое, перекошенное от боли лицо Ивана. Губы его дрожали. Глаза то открывались, то вновь уходили в глубокую темноту. В груди клекотало, хрипело, свистело. Руки и ноги плетьми лежали под одеялом. Голова откинута.

- Может, тебе, того... э-э... врача позвать? - склонился над ним Сашка и дыхнул винным перегаром.

Иван мотнул головой. Самбур повеселел.

- Правильно. Железный чувак. Сам оклемаешься. Сразу видно, ели-пали, кореш с

нашего океана... Чего ты опять глаза закрыл? Говори, че надо. Мы мигом... эй, Жорик...

- Холодно, - тихо вымолвил Иван: его сильно знобило.

И опустил веки, - длинная вереница желтеньких гусят живым потоком движется по стежке через огород на луг, в копани. Самый последний, хромой подранок, дождавшись, когда освободится лаз в изгороди, вскочил на лапки и, жалобно попискивая и размахивая голыми, еще не окрепшими крылышками, захромал вслед за остальными.

Декабрь бездушно зализывает языками поземки старания дворников. Долгая-предолгая ночь кажется без конца и без края. Самбурятам не до сна: а если умрет... посадят?.. на сколько?.. Уже и в окнах засерело, уже где-то далеко звякнул первый трамвай, а ночь-переночь все тянется, будто выспаться никак не может. Хоть бы все обошлось, - втискивались ребята в потрепанную надежду, но та не выдерживала, лопалась по швам, как рубашка, из которой давно уже выросли... Нет, не обойдется. Чем бы все кончилось, трудно сказать, если бы не Жора: не обращая внимания на угрозы Самбура, он спустился вниз, к будке телефона-автомата и вызвал «скорую помощь».

По больничному коридору взад-вперед, шурша стоптанными тапочками на кожемитовой подошве, прохаживаются выздоравливающие. Одни, кому уже скоро на выписку, ходят легко, энергично, будто случайно здесь оказались; другие, кому пока еще невмоготу, еле передвигают ноги. Все в одинаковых пижамах и халатах, как в инкубаторе. Дверь с табличкой «дежурный врач» чуть приоткрыта. В щель видны кушетка, стеклянный шкаф с медикаментами, белая фаянсовая раковина и стол. За столом - врач в белом халате и белой шапочке. Напротив него, на табуретке, - плечистый, с толстой короткой шеей парень в синей больничной пижаме. Под табуреткой сверкают голые пятки.

- Ну, зачем ты так, Никаноров? Я же не прокурор... Это ему скажешь: упал в лестничный пролет. Возможно, и поверит, но мне-то зачем врать, - пожилой хирург снял и бросил на стол очки в толстой роговой оправе. Иван понял: доктор сердится. - Ох, и упрямый же ты! Ну, чего улыбаешься?

Иван рассматривает огромную черную бородавку с тремя длинными седыми волосинками: уж очень забавно она торчит на правой щеке доктора, почти у самого носа, - и слегка прищурившись, улыбается. «И чего он не сбреет эти дурацкие волосины? - недоумевает Ванька. - Ну зачем они ему?.. Так, ни к селу, ни к городу».

Два месяца позади. По-разному было здесь, в больнице. Сначала - боль. Боль ненасытная. Будто иваново тело сжимали в огромных тисках, а потом безжалостные руки принимались разрывать на части раскаленными добела клещами. Боль в животе, боль в груди, боль в голове... Боль... боль... боль... головокружение, тошнота и безразличие к себе и всем. Потом обида, жгучая, ноющая, загоняла с головой под одеяло, еще и подушка сверху, чтобы не видеть и не слышать никого и ничего. «За что они меня так?.. Что я им сделал?.. Ну, чем они лучше меня?!.» Но ни единой жалобы... А дни тянулись долго-долго, и каждый начинался и кончался болью. И ночи не в отдых. Тик-так, тик-так, - черепахой плетется больное время.

Уколы, примочки, микстуры, белый потолок палаты, белые стены палаты, белые простыни... градусник утром и вечером, манная каша с чайной ложечки, и доброе-предоброе лицо доктора. Больница. «Сколько я уже тут?» И губы в кровь, и бред, и капли холодного пота на лбу. «Я же не мешал им жить!..» И снова уколы, без конца уколы, примочки, порошки-пилюли... мягкие руки нянечек, участливые глаза сестрички Тани и добрые слова сопалатников... А вот уже и что-то новое: белая тумбочка в коридоре, белые столы и табуретки в столовой, белый снег за окном, белый замызганный халат поверх фуфайки у больничного дворника... наконец: хруст белого снега под ногами. И отпустила боль: не сразу и без охоты, а огрызаясь, тявкая и извиваясь, как злая сука под кнутом... И угасла: ванькина улыбка доконала ее.

Хорошо Ваньке здесь, в больнице, и домой не надо. За окнами лютуют морозы, беснуют вьюги, а в палате тепло и уютно: тихо жужжат стартеры люминесцентных ламп, в наушниках мурлычет музыка, больные рассказывают смешные истории и анекдоты, по коридору туда-сюда снуют молоденькие сестрички в коротеньких халатиках. Вот только по ночам не все слава богу. Оставаясь один на один с темнотой, он с тоской прислушивался к своей боли. И та не заставляла себя долго ждать: соскучился, касатик?.. а вот и я. Ванька сцепил зубы, чтоб не застонать, - сдавило в груди: ни вдохнуть, ни выдохнуть... и теперь уже не уснуть. Все, баста... Кто сегодня дежурит, Таня?.. Хорошо, если б она... Он встал, накинул халат и, стараясь не шуметь, чтоб не разбудить спящих, на цыпочках вышел из палаты. На тумбочке, в самом конце коридора, тускло мерцает ночник. Спит боль-

ница. Шурх, шурх... ванькины тапочки по цементному полу. А вот и нужная дверь. Из-за нее - тихие голоса.

- Ни за что бы не поверила, что ему и семнадцати нет, - настоящий мужчина... что рост, что плечи...

- То-то я смотрю, подружка, тебя будто подменили, пока я в отпуске была. Уж не втюрилась ли?

- Ну-у... вы тоже скажете.

- Ай, ай, ай... а покраснела-то как! Будто с морозца прибежала: щечки, как зорькой умылась. А глазки-то, глазки... как угольки заблестели.

- Тише, больные спят.

- И халатик на тебе свеженький... и под халатиком почти ничего... Ну-ка, ну-ка, дай я гляну...

Послышалась легкая возня и хихиканье.

- Да при чем тут это! Тепло в отделении, зачем напяливать сто одежек. У вас тоже, я вижу, ничего под халатом.

- Ладно, ладно, вали кулем, после разберем. Но смотри, подружка, Бог шельму метит, в этом мальчике медведь прячется. Такого лучше не щекотать понапрасну - разорвет. Уж я-то знаю, - чиркнула спичка. - Еще один больничный роман?

- Почему еще один? Я пока ни с кем...

- Пока... Все мы когда-то «пока ни с кем»... пока не подпалим крылышки, - густой голос усмехнулся и на какое-то время затих. - Ладно, ладно, это я так... Закуривай, - снова чиркнула спичка. - А вообще-то была такая скромница, овечка, а тут...

Иван стоит у приоткрытой двери в процедурный кабинет и не решается войти: ждет, когда там наговорятся. Уже поздно, около полуночи. Он осторожно заглянул в щелочку. Сестричка Таня, та, которая больше всех нравится ему, маленькая, ладненькая, с остреньким носиком и голубыми глазками блондиночка, сидит за столом в полоборота к двери, а напротив, на клеенчатом топчане, закинув ногу за ногу, бесстыже выставив голые толстые ляжки, лежит пышная брюнетка Рита. Обе увлеченно разговаривают и курят. Таня кашляет и вздрагивает узенькими плечиками после каждой затяжки. Рите табак в охотку: от удовольствия она прикрывает глаза и пускает дым в открытую форточку.

- А что тут?.. Тут ничего, - вздохнула Таня. - Он еще мальчик.

- Ну ты прямо, хоть стой, хоть падай. Да я бы и сама поигралась с таким ребеночком. Еще и как! Хоть он и не герой моего романа, но для экзотики и с малолеткой можно... А что, запросто,

- Рита, перестаньте, прошу вас! - в голосе прозвучали и мольба, и страх, и тревога... И надежда.

- Не красавец... что правда, то правда, - продолжала издеваться Рита, - зато Аполлон... Бельведерский... или как там его еще? Он мне чем-то одного артиста напоминает: квадратный подбородок с раздвоинкой - характер ого-го! - низкий лоб, чуб, словно щетка... Смотрела кино «Чистое небо»? Нет? Сходи посмотри. Там одного летчика сначала долбали почем зря, а потом вызвали к начальству и вручили ему звезду Героя Советского Союза. Так вот он на того артиста похож. Правда, тот, кажется, брюнет, а этот твой - не разбери поймешь какой.

- Да будет вам...

- Перестань «выкать»! Что я тебе, совсем старуха, что ли! Я и старше тебя всего на каких-то десять лет.

- На тринадцать, - уточнила Таня.

- Да хоть и на тринадцать... подумаешь, разница...

- Он на меня даже не смотрит, - неожиданно вздохнула Таня и тут же испугалась своего откровения.

От неожиданности Рита поперхнулась: вот-те на!.. выдала себя скромница. Но очень быстро взяла себя в руки.

- А ты подойди и сама предложи... Ох, учить да учить тебя... зелень. Помяни мое слово - не устоит. Он деревенский?..

Иван увидел: Таня кивнула головой. Рита продолжает наседать.

- Тем более. Как сахарный растаит... знаю я этих лапотников. А хочешь, я попробую?.. Нет?.. Ну, тогда смелее. Может, он и есть твоя судьба... как знать. Хочешь, сосватаю? У меня на это дело рука легкая: раз-два и в дамках. Мы б тебе всей больницей приданое собрали. Сейчас модно комсомольские свадьбы справлять... Электрический самовар

подарили бы... вчера видела в ЦУМе... себе чуть не купила. Пусть профсоюз потрясет мошной. Нечего им деньги зажимать для курортов начальству, да для подарков старперам... куда они им, в могилу? А тебе только жить да жить. Что молчишь... думаешь?.. Нечего, нечего, девонька... Распускай перышки и - вперед. Зажилась ты, как я погляжу, на казенных простынях да на общепите. Ну, что хорошего ты видела на своем курином веку... детдом, да общежитие. Я бы и дня не прожила в твоем вонючем клоповнике, где и в клозет нельзя сходить по-людски: сплошная антисанитария. Или хлорка в нос так шибанет, что с унитаза свалишься, или другое: того и гляди, юбку задерешь, трусы спустишь... и короста какая-нибудь или сифилис прилипнет к заднице, никакой марганцовкой потом не отмоешься. Видела, как вы там мучаетесь... - Рита усмехнулась, - мочитесь. Тьфу!.. Да еще пьяное небритое мужичье до утра шастает по этажам. А у этого наверняка все свое и на свежем воздухе, как в малиннике.

Таня послюнявила пальчик, потушила окурок, завернула его в бумажку и спрятала в карман халатика.

- Нет. Я так не смогу... Ох, и надымили... - и, вскочив со стульчика, принялась руками выгонять дым в открытую форточку.

Иван досадливо скривился, на цыпочках отошел от процедурного кабинета и медленно побрел по коридору. «Обойдусь и без твоих таблеток, - сердито подумал он. - Попробовала бы покурить у нас в Мироновке, тебя б наши бабы камнями закидали. Срамота! А все эта... накрашенная... Сама дымит, как паровоз, и ее подбивает. Да и болтают черт знает о чем...» Ванька осторожно вошел в палату, нащупал в темноте свою кровать, лег и с головой укрылся одеялом.

- Что, не спится? - тихо спросил голос из темноты. Иван угадал - Сергей, строитель монтажник-высотник.

- Ага. Ни в одном глазу.

- Вот и мне так же. Лежу тут весь в гипсе, как египетская мумия, а со всей бригады премию снимут за технику безопасности, да и «бугра» могут под суд отдать... У нас в бригаде никто никогда не пользовался страховочным поясом, и вот на тебе... Теперь...

- Да тише вы!.. раскудахтались... поспать не даете, - сердито пробурчал иванов сосед по койке, романтик рубля и баранки, как окрестил его монтажник Сергей. - Мне тут такие самочки снились, а вы... - он зевнул, повернулся на другой бок и через секунду опять добросовестно засопел.

Ночью Ивану приснилась Таня... в шубке с длинным мягким ворсом, надетой прямо на голое тело. И будто она в трех шагах от него, совсем рядом, смотрит не мигая, укоризненно покачивает головой, слезы на глазах, и все старается потуже запахнуться полами своей шубки, а те при каждом ее движении и распахиваются, и распахиваются. И еще, будто ее подталкивает сзади точно такая же девушка, ну, прямо как две капли воды похожая на Таню. И та, что впереди, то сделает шаг вперед - поддастся, то опять заупрямится - и назад. А вторая... и толкает, и толкает. Что за чертовщина? - подумал Ванька, проснувшись. В палате еще темно, только-только начало сереть в окнах. Иван встал, поправил скомканную постель, поднял с пола одеяло, лег и опять уснул. Больше ему ничего не приснилось, а утром он отказался от укола.

- Ты что, Никаноров! - удивилась Таня и как-то неуверенно и даже растерянно улыбнулась - не ожидала такого, но тут же одернула себя. - А ну, живо переворачивайся!

- Обойдусь, - Ванька отвел глаза.

Таня опустила голову - совсем растерялась.

- Ну зачем так? - подраненным гусенком пискнула она.

Ванька виновато глянул на нее и пожалел: перевернулся на живот и откинул одеяло.

- А мне, сестричка, - проворковал голос с соседней койки. - Мне тоже укольчик в попку... Я не буду вредничать.

Этого больного, романтика рубля и баранки, Иван приметил первого. И не только потому, что койки рядом. Все лежали в обычных больничных пижамах, а этот, словно князь, валялся поверх одеяла в стеганном халате из черного атласа. Наверное, артист какой-нибудь или писатель, подумал о нем Иван, когда боли поутихли и он начал приглядываться к своим соседям, но очень скоро раскусил - трепло и хвастун. Таня приложила ватку, смоченную в спирте, к ивановой ягодице и поправила одеяло.

- Вот и все, - и повернулась к романтику рубля и баранки. - А вы уже и без уколов обойдетесь. Николай Кузьмич сказал: уже можно выписывать.

- Много он понимает, ваш Николай Кузьмич... коновал...

- Да как вы смеете! Да как вам не стыдно говорить такое о нашем Николае Кузьмиче!..

- Ох, ох, ох... Николай Кузьмич, Николай Кузьмич во имя мира пропил «Москвич»... уже и пошутить нельзя. А что это ты, ласточка, так вспыхнула, будто спичка?.. Ишь, даже порозовела... морковочка.

- А мы его любим, - как зажглась Таня, так и отошла - быстро. - Мы его все любим. Он у нас хороший. Лучше всех. И добрый.

Таня выпрямилась, заправила непослушную прядь волос под шапочку.

- Ну, до свидания. Выздоравливайте. У меня дежурство кончилось, - и вздохнула. - Пора домой.

Как же - домой! Так я и поверил, сердито подумал Иван. Знаю, куда торопишься. Дверь захлопнулась, тихо прозвенев стеклом.

- Порядок, земеля. Теперь не теряйся, жми на всю железку. Она на тебя глаз положила, - лукаво подмигнул сосед. - А цыпочка ничего. Так бы и проглотил ее всю, вместе с перышками: шапочкой, халатиком и что там у нее еще под халатиком...

И опять подмигнул.

- Нужна она мне, - буркнул Ванька в подушку.

Но с соседней кровати, словно пустая бочка под гору: бу-бу-бу...

- Уж я-то эти тихоньких знаю... Профессионал. От светофора до светофора угадываю. Опыт. Бывало... эх, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая! - отвезу своего «командира» домой с какого-нибудь совещания, покручусь часок-другой по городу, стригану пару червончиков детишкам на молочишко и - баста. Хватит. Все не загребешь... жадность фраера погубит... пора и о душе подумать, - лицо романтика рубля и баранки растянулось в улыбке, глаза прищурились, словно у кота перед миской сметаны. - Подрулю, бывало, к какому-нибудь кахве или ресторану, журнальчик к носу и... будто нет никакого дела до того, что за кабиной творится. Долго ждать не приходилось - клиенточки, как мухи на мед, слетались.

- А может, на кучу говна? - поправил Сергей.

Рассказчик не удосужился даже повернуться на голос.

- Бывало, приходилось еще и перебирать: эта не годится, эта так себе, на худой конец и она сойдет, а эта то, что надо. Такси они не очень привечают. Там все ясно наперед - надо платить по счетчику, а с нашим братом...

- С кучей дерьма.

- ...по наивняку думают: можно и позубоскалить, лясы поточить и на дурику прокатиться. Мол, спасибо, дядя, приехали...

Романтик рубля и баранки умолк и сердито глянул в угол, где лежит Сергей.

- Ты побазлай мне еще там... побазлай!.. Скажи спасибо, что в гипсе, а то б я тебе показал, кто из нас куча говна.

- Ох, ох, ох... напугал попа кадилом.

И вновь покатилась пустая бочка: бу... бу... бу...

- Но не тут-то было, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая. У меня дверцы с секретом. Не знаешь - не откроешь. Рыпнется, бывало, шустрячка, подергает за ручку - и в слезы. Все, думаю, приехали - попалась рыбка, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая. А то, бывало, так и милицией припугну... мертво срабатывало...

Наверное, тоже в детстве щенят в речке топил, тоскливо подумал Иван.

- Бывали и такие: сунут трояк или пятерик и глаз не повернут в мою сторону. Тоже мне, фифы, поди ты какие... они еще и с гонором. Да я сам мог бы их трояками и пятерами обклеить с ног до головы. Еще б и на задницу червонец, а то и четвертак прилепил бы. Бывало, стоим возле машины с хозяином, и попробуй угадай, кто чей шофер: я его или он мой. На нем кустюмчишко - барахло, а на мне лавсановый и по утюжку не соскучившийся, - он немного помолчал. - Да у меня и холодильник на кухне такой же, как и у него, финский...

- И ума столько же? - съязвил Сергей.

- ...только на евонный уже смотреть тошно, обшарпанный весь: его баба никудышная хозяйка, а мой... ни единой царапинки...

Романтик рубля и баранки умолк ненадолго, наверное, припомнил что-то нехорошее.

- У меня ведь как было попервах, в детстве... Бывало, старшему брату купят фуфайку, он год поносит - передает среднему. Тот год потаскает - и мне, уже, так сказать, все, что осталось. То же было и с валенками, и с сапогами. Погодки мы были. Так и проходил все детство в обносках...

Ну и что тут такого? - не понял Иван, почему его сосед возмущается.

- Теперь совсем другое дело, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая. Теперь у

меня кустюмов и пальтов в два раза больше, чем у них у всех. Теперь они и ездить ко мне осторожничают.

- Почуяли вонь от кучи? - не унимался Сергей.

- Кхы... Завидуют они мне, вот что. Еще бы. Теперь им до меня, как до Луны раком. Старший дома остался - агрономишко. Средний, правда, в городе живет, ничего не скажешь, сумел пристроиться... после института... и этой, как ее... аспирантуры. В одном городе живем, а ко мне ни-ни... Ну, и хрен с ним... Да ну их, сродственничков!.. Скучно о них и думать, не то что рассказывать. О девочках куда полезнее...

- Вы бы помолчали немного, - попросил больной лет пятидесяти. Этот больной не человек, а сплошная загадка - с умным и грустным лицом. Лежит себе в углу палаты, глаза в потолок и за весь день ни слова, ни полслова. Кто он и как вывалился из окна пятого этажа - тайна. Каждый день к нему приходит красивая, намного моложе его женщина, жена, наверное, но, посидев в виноватой позе минут пять на краю постели, уходит с заплаканными глазами. Он и с ней не разговаривает. Все молчит и в потолок смотрит, а если и скажет слово, то только для того, чтобы дать ей понять - пора уходить. К ее гостинцам тоже не притрагивается - все отдает старым нянечкам. - Когда-нибудь это боком выйдет для вас.

- Ты, командир, как в воду глянул, - усмехнулся шофер и удивленно глянул в угол: надо же, разговорился. - Было один раз. Обжегся. Подкатываю как-то к кахве-мороженое - от ресторана таксисты отогнали, - стою, журнальчик листаю. Никакой перспективы, думаю про себя, а в гараж рано еще. Но стою. Слышу, скребется кто-то в окошечко. Глядь: две куколки лет по шестнадцать, не больше. «Покатаешь?» - спрашивают. «Покатаю, - я им, - если будете дядю слушаться». Жду, что скажут... уж больно зеленые малолетки, можно и срок схлопотать... но так все при них, все, что природой положено. У одной даже пуговицы на кофточке расходятся - сиськи наружу вылазят. «Будем слушаться», - пообещали и - прыг на заднее сидение. Через секунду та, что с большими буферами, ко мне на переднее сидение перебралась. Я - по газам, олень на капоте копыта поджал, рога кверху, и аж в ушах засвистело. Моя «Волжанка» только-только с завода. Хихи да ха-ха, слово за слово... Не успел я выкатить за город, к Сейму-батюшке, а промеж нас уже все обговорено. Намеками, правда, но и так все ясно, как зеленый свет на перекрестке...

Лицо шофера засветилось, будто после долгого безденежья нежданно-негадано выиграл крупную сумму по «золотому займу».

- Ну, и ночка была, я вам доложу!.. Молоденькие, ядрененькие, беленькие, будто в молоке только что выкупались... и луна - видно, как днем. Не в каждом заграничном журнальчике такие картинки печатают... Лямур де труа. Да-а... А через пару дней, чувствую, что-то не то: попыскать - как на голый электропровод под напряжением. Аж глаза на лоб... Ага, думаю, приехали... сливай воду... Птичья болезнь: то ли три пера, то ли два пера. Отпросился у «командира», я тогда директора ликеро-водочного завода возил, и на своей «Волжанке», я на других машинах не ездил, для понта - в диспансер. На пенициллин. «От кого? - спрашивает доктор. - Приведи ее». - «А я откуда знаю». Смотался на завод и... три коньяка ему в зубы. Не жалко. У меня тогда этого добра было хоть залейся. Взял доктор у меня бухло и - на шприц. Так и не знаю, которая из тех цыпочек меня «венерой» наградила... А может, и та, и другая...

Так тебе и надо. Свинье в огороде одна честь - полено, подумал Иван.

- Еще в холостяках тогда ходил. Но теперь дураков нету. Перво-наперво закидываю удочку - где работает. Если в больничке, столовке, аптеке или детском садике - порядок. Там у них строго: регулярно кровишку на РВ сдают, мазки и прочие анализы... Ну, а если в другом каком месте... пардон, мадам, бензин на ноле.

- Кому скоромным куском подавиться - хоть век постись, комара проглотишь - подавишься, - как бы самому себе сказал загадочный больной.

- Слушай, кобель-перехватчик, а тебя, случайно, не за эти штучки-дрючки отхайдокали, а? - добавил Сергей.

- Нет. Не думаю. Просто перепутали с кем-то.

- Черта с два! Не верю, чтобы ни за что, ни про что могли так отрихтовать.

- От, Фома неверующий! Ну кто из-за каких-то профур себя под статью подводить станет. Ты подумай своим пустым гарбузом. То-то. Но особенно, братцы мои, скажу я вам, замужних баб уважаю дрючить: и безопасно - ничего не подцепишь, они на своих мужьях профилактику проходят, и опытные сучки - все умеют.

Фашист! Живодер! - Ванька сжал кулаки. Тебя еще в зыбке надо было задушить.

- Таких, как вы, милейший, надо кастрировать еще до мутации. Чтобы не производили себе подобных, - никогда еще больной из угла столько не разговаривал, а тут... даже с раздражением.

- Да идешь ты пляшешь, страдалец хренов. За своей бабой лучше поглядывал бы, а то вон какие рога выросли, поветвистее, чем у старого оленя, - и вздохнул с досадой. - Ох, и темный же вы народ, тундра не электрифицированная. Скучно мне с вами... вроде как с моими брательниками, ей-богу. Те такие же примитивные создания. Оба институты пооканчивали, а ума - ни на грош. Один - в навозе по колено, другой - в мазуте по уши, а туда же... поди, людьми себя считают...

Он немного помолчал, затем с ядовитой усмешкой выдал:

- Старшой у меня невесту отбил, пока я служил в армии... Ну и что? Забыл, будто и не было ее на свете. А через пяток лет встретил ее, когда приезжал стариков навестить - бог мой!.. и как я на нее мог когда-то позариться?.. Чучело!.. Убей меня бог!.. И коровником несет на три версты, и кожа на ладонях потрескалась: погладит - поцарапает, мажься потом зеленкой. А моя стоит рядом - королева! И платье на ней - шик модерн... и под платьем все в ажуре.

- Сейчас бы тебе тех девочек с «венерой»... Вот порадовалась бы твоя королева, - ухмыльнулся Сергей.

- Попадись они мне, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая, - раздеру пополам, как лягушек.

- Тебя ж никто насильно не затаскивал на них, - сердито заметил Сергей.

- Могли бы и сказать... хоть намекнуть.

- Значит, не посчитали, что ты лучше их. А может, и отомстили. Кто-то ж и их наделил гонореей.

Шофер пренебрежительно глянул на Сергея.

- Гонорея... - протянул он, усмехнулся и закатил глаза к потолку. - Надо же, какое благозвучное слово. Вроде как оратория или элегия... А потом от такий симфонии глаза на лоб вылазят, когда до ветру сходишь.... А вообще-то, мужики, я вам доложу: люблю я это дело... хлебом не корми. И давно люблю. Еще пацаном был, лет четырнадцати, когда первый раз попробовал. Помню, ходили по нашей деревне погорельцы... Тогда часто они ходили. И поодиночке, и толпами... по-всякому. Сгорит у кого хата - что делать? - суму через плечо и айда по деревням с протянутой рукой. Кто ж еще им поможет... сельсовет?.. держи карман шире. Там сами только и думают, как бы себе урвать кусок побольше... Знаю, что говорю, у самого дядька там работал. А бывало, что и целые улицы дотла выгорали. Загорелась крайняя изба, ветерок дунул в нужную сторону - и готово дело. Так вот, сижу как-то дома один, а они ко мне и заходят, просят помочь чем могу. А чем я могу помочь: пацан еще, да и сами с куска на кусок перебиваемся... только-только из голодовки начали выкарабкиваться. Тогда, еще помню, в чужих садах за одно яблоко могли и голову проломить. Запросто. И глазом не моргнут... Откуда вам городским знать про это!.. Ну, они, погорельцы те, значит, сразу поняли, что в моей хате им ничего не обломится, и вышли. А сзади всех - молодуха с ребеночком на руках. Идет, а под юбкой у нее все так и ходит из стороны в сторону... так и ходит... Ух!... Смотрю, значит, я ей в спину... и ниже... а самого аж судорогой сводит, и пистолет вот-вот сам выстрелит. И она будто что почувствовала - оглянулась. Подождала, когда все выйдут, и - ко мне. Я - шасть в чулан, там у нас бодня с салом стояла, мешками прикрыта. Батя тайком кабанчика заколол, а в сельсовете сказал, что тот сдох. За бутылку бормотухи поверили. Показываю, значит, ей шмат сала с пол-ладони, но не отдаю. Она - за сало и к себе, а я не отпускаю... попалась, которая кусалась. Одной рукой держу кусок, а другой - и под кофту, и под юбку... всю облапал... и уже никакой мочи: руки-ноги дрожат, зубы сцепил - слова сказать не могу и чуть не кончаю. Молодец баба, смекнула, значит, что к чему, сама дверь на крючок, ребенка на кровать и - плюх на спину. И юбку задрала. Меня - как обухом по голове: первый раз такое перед глазами, да еще так близко. Вот бы кто из пацанов увидел, от зависти бы слюной подавился. Не помню даже, как штаны с себя спустил и между ног у нее устроился. Но все чин-чинарем. Еле донес, правда, чуть по ляжкам не разбрызгал, но понял сразу, что вкусно. Вкусней даже, чем свежее яблоко зимой. Вот так прямо на полу и струганул в нее свой первый заряд.

- Ох, и паскудина же ты! - не выдержал Сергей.

- Да идешь ты пляшешь, отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая. Может, я спас от голодной смерти молодую женщину и ее ребенка: во дворах не больно-то разгонялись подавать нищим, а я... Может, тот ребенок скоро большим академиком станет, родине

пользу принесет, может, мне за то надо памятник при жизни поставить, а ты - «паскудина». Она тогда, помню, на радостях даже трусы забыла надеть, так и остались они у меня. Схватила кусок сала и дите, и - ходу. Да и что ей, убудет от того?.. не целка уже - ребенок. А хоть бы и целка, так что, делов-то... Она только до первого раза и - нет ее... и как все бабы - двустволка.

После ужина романтик рубля и баранки опять подмигнул Ивану.

- Не теряйся, земеля, газу до отказу, скоростя все сразу. С ней не опасно - медичка, чистая, как перевязочный бинт.

- Да ну ее! Вертихвостка она. Пусть летит к своему хахалю сигареты смалить.

- Дурак ты, как я погляжу, - усмехнулся сосед, махнул рукой и отвернулся от Ваньки.

3

- Не-е, доктор, я не обманываю. Я упал с лестницы.

- Опять ты за свое... Будто я не знаю, что там у вас в ФЗУ творится. Раньше много вашего брата у нас в отделении побывало.

- Я не в ФЗУ, я в ПТУ учусь.

Доктор посмотрел на Ивана, качнул головой и раскрыл историю болезни.

- Благодари матушку-природу. Иначе не жить тебе, мил человек: селезенка... печень... ребро... - доктор опять покачал головой. - Жив-то как остался?

Иван молча наблюдает за доктором.

- Чем били, кастетами?.. бляхами?.. - неожиданно спросил тот и быстренько глянул на Ивана.

- Ага, - согласился Иван, но тут же спохватился. - Не-е, доктор, я с лестницы упал.

Доктор улыбнулся.

- Вот теперь верю.

- Чего? Чему верите?

- Что упал... с лестницы...

Доктор что-то чиркнул на клочке бумаги и протянул Ивану.

- Поставь печать в регистратуре. На шесть месяцев освобождаешься от тяжелой работы.

Иван взял справку.

- До свидания.

- До свидания, Никаноров, - доктор встал и через стол протянул стерильно чистую ладонь. - Ну, и силища у тебя, мил человек! И как только ты свалился с лестницы! Одеялом, наверное, накрыли?..

Ванька кивнул головой.

- Выходит, боишься их?

- Нет.

- Жалеешь?

- ...

- Почему же покрываешь?

- Теперь я их сам... Поодиночке...

Иван сжал кулак. Хрустнули костяшки пальцев. Доктор улыбнулся и покачал головой. Ванька насупился.

- Что, опять не верите?

- Не верю.

- Чего? - спросил Иван, хотя и сам уже знал: никому мстить он не станет. Те нечастые и недолгие свидания с кем-нибудь из ребят забывались сразу же. Будто и не было встреч. Лишь пачки папирос и кульки конфет напоминали о посещениях. Не выйти к ребятам Иван не мог - не хотел обидеть их, но и видеться с ними не хотел - не знал, что говорить им: ругать... упрекать... извиняться?..

- Чего вы улыбаетесь?

- В тебе, мил человек, злости куда меньше, чем силы.

Ивана подкупила добрая улыбка старого хирурга. Переминаясь с ноги на ногу, он стоит перед ним и ищет предлог задержаться в кабинете еще хоть ненадолго. И не находит. Теплоту и внимание доктора Иван заметил давно. Ко всем тот относился ровно, со всеми шутил, всех одинаково журил, но каждый раз, когда появлялся в палате, Иван улавливал на себе его добрый пристальный взгляд.

- Можно я приду к вам еще? - не придумав ничего лучшего, попросил Ванька и залился краской.

- Приходи, - доктор снял очки и улыбнулся. - Но не сюда, а... - он вынул из кармана визитную карточку. - Вот по этому адресу.

Ванька и Николай Кузьмич посмотрели друг на друга: один - с радостью и благодарностью, другой - с пониманием и жалостью. Оба улыбнулись. Одновременно.

- Ты не торопишься?

- Нет. Куда мне торопиться? - немного помолчав, твердо ответил Ванька. В его глазах заблестела надежда.

- Вот и славно, - Николай Кузьмич принялся торопливо наводить порядок на столе. - Пойдем ко мне, чайку попьем. Появилась возможность вырваться на часок. Заодно и обрадуем кое-кого.

Из больничного корпуса вышли вместе. Под ногами похрустывает снег. Солнечные лучи заливают ярким светом белый снеговой пуховик, заботливо укутавший газоны и клумбы парка, и, отрикошетив, весело слепят глаза. Мороз, будто заигрывая, пощипывает кончик носа, мочки ушей, щеки. Покрытые искристым инеем провода электросети, ветви деревьев, скамейки кажутся нереальными, будто пришли из сна, стихов о зиме, сказок о добром Деде Морозе и румяной Снегурочке. Кажется, тронь веточку, и она зазвенит, запоет... Ее подхватит вторая... десятая... тысячная... и через миг парк, словно гигантский струнный оркестр, зазвучит: заиграет гимн зиме, доброте и солнцу.

- Люблю ходить через парк. Немного дальше, зато ни машин тебе, ни трамваев... Давай немного помедленнее...

Ванька кивнул головой: хорошо, можно и помедленнее.

- Ты что это все время молчишь, не рад, что выписался?

- Не рад, - быстро, ни секунды не раздумывая, ответил Ванька и легонько, не сбиваясь с шага, отфутболил полбуханки белого хлеба: как раз под ногу попалась - валялась на тропинке.

Ка-ар!.. - возмутилась огромная ворона и отскочила в сторону. Николай Кузьмич досадливо скривился. Ванька грустно вздохнул.

- Обидно мне...

Доктор нагнулся, подобрал хлеб.

- Неужели никто не видел и не слышал, как они меня били?

Николай Кузьмич вынул из кармана газету «Правда», завернул хлеб и сунул под мышку. Ворона еще раз каркнула: ка-ар! - выругалась или обиделась, что отняли обед, и, тяжело набирая высоту, улетела. Иван пожал плечами: зачем ему эта краюха?.. слава богу, всем хватает. Ну ладно у нас, можно кабану скормить, а ему-то на что она сдалась... Есть будет, что ли?.. Но не стал спрашивать. Согласился. Значит, так надо.

- А может, знали, да не захотели вмешиваться, а, Николай Кузьмич?

Хрум... хрум... хрум... - ворчит под ногами снег. Иван посмотрел на озабоченное лицо доктора. Тот, кажется, на что-то решился, но пока не знал, как ему быть.

- Однажды иду с работы вот по этому парку, - неторопливо и нерешительно начал он, - гляжу: дворничиха сжигает опавшие листья. Осенью было... Листья горят и подпаливают стебли кустарников. Я ей и говорю: зачем же так делаете, растение погубите, надо сгрести в кучу и - в сторонку... а уж потом... И что, думаешь, ответила? - Иван пожал плечами. - Не знаешь?.. Иди, говорит, своей дорогой. Шляются тут всякие антилигенты в очках и шляпах, работать не дают. Тоже мне, указчик выискался... И как понесла, как понесла!.. уши завяли. Стою, слушаю и не верю, что передо мной женщина. Хочу уйти - ноги не несут. Слышу, кто-то берет меня за рукав. Поворачиваюсь - коллега. Спрашивает, в чем дело. Да вот, отвечаю, губит парк эта, и показываю рукой на дворничиху, а когда сделал замечание - она в крик, - Николай Кузьмич посмотрел на Ивана. - Ну, и что, ты думаешь, сказал коллега?.. - Иван пожал плечами. - Плетью обуха не перешибешь... Вот как он ответил. У меня тогда даже в горле пересохло. Такой интеллигентный, всеми уважаемый в клинике человек, и вдруг...

- Это, наверное, Клименко?..

- Нет, - поторопился Николай Кузьмич.

Иван виновато опустил голову.

- А мне показалось, это он, - и подумал: да нет... конечно же, то Клименко был... только он может спросить что-то и, не дождавшись ответа, отойти. Просто доктор не хочет выдавать его.

- Ты прав: то был наш уважаемый доктор Клименко, - с сожалением признался доктор: ему не хотелось обманывать этого доверчивого сельского парня. - Когда-то он был у меня лучшим учеником. Чем-чем, а талантом Бог не обидел его. Сейчас уже кандидат

наук... в профессора метит... ночами пишет докторскую диссертацию. Молодец. Скоро будет гордостью нашей клиники...

Доктор поправил под мышкой сверток. Красногрудые снегири и вертлявые синички перелетают от одной кормушки к другой.

- Всю дорогу к дому (нам с Клименко по пути) я не знал, куда девать себя. Прибавлю шаг - куда вы спешите?.. Начну отставать - вы что, устали?.. - Доктор помолчал немного. - Слава Богу, не все такие равнодушные. Вот смотри, ягод на рябине вволю, хватит корма для птичек, а все равно кормушек понавесили. Хороших людей много, только мы не видим их. У нас замылились глаза на хороших людей. Мы привыкли к тому, что хорошие поступки - норма. А как же иначе. Но попадется на сотню хороших один подлец и тут же, словно чирей на шее, даст знать о себе... Да-а... к сожалению, не всех подобрали в свое время... позатаились враги... народа.

Доктор помолчал немного, будто вспоминая что-то, и пытливо посмотрел на Ваньку.

- Так, говоришь, ты из Мироновки?

- Ага, - Ванька кивнул головой.

- Ну и как там?

- Да все так же.

- Ну, а дуб стоит еще?

- Какой дуб? - Ванька удивленно посмотрел на доктора.

- Да такой огромный, в три обхвата. Он один у вас такой рос.

- А-а... этот, что у нас в огороде был... Нет. Уже давно... Его отчим по пьянке срубил и продал. А откуда вы знаете про этот дуб?

- Да уж знаю, - Николай Кузьмич торопливо отвел глаза.

Высоко в бесцветном, насквозь промороженном небе прогудел реактивный самолет. И - все выше и выше. Зачем ему туда?.. Прогудел, протянул за собой шлейф белого войлочного дыма, сверкнул на солнце серебристой точкой и затих... и с глаз долой. А след остался.

- Николай Кузьмич... вот здорово!..

Клименко. Легок на помине. Будто из-под земли вырос. Стоит перед ними и великодушно улыбается.

- А я как раз спешу в клинику поговорить с вами. Торопитесь?

Николай Кузьмич виновато посмотрел на Ваньку.

- Да мы... вот тут... батенька, с Ваней решили чайку спроворить. Может, составишь компанию? - осторожно предложил доктор.

Клименко не удосужился даже повернуть голову к Ивану, будто того и не было вовсе.

- С превеликим бы удовольствием, но... - он развел руками. - У меня и в клинике кой-какие дела сегодня. Я лучше подожду вас. Вы недолго?.. Что это у вас?.. Зачем?

Клименко ткнул пальцем в общипанную буханку хлеба.

- Ну, как знаешь, - повеселел Николай Кузьмич. - А жаль.

«А жаль» у доктора получилось до того искренне, что он и сам чуть не поверил в свое разочарование.

Клименко секунду помолчал: о чем-то раздумывал, затем махнул рукой - была не была.

- Где наша не пропадала, подождут дела ради такого случая. Считайте, что уговорили. Пойдемте. И чайком побалуемся, и поговорим. Ну и морозец же сегодня, а! - и прижал ладонь в шерстяной перчатке к уху.

- Ты про статью?.. - обескураженный своим необдуманным приглашением, рассеянно спросил Николай Кузьмич и, как бы умоляя, глянул на Ваньку. - А что, собственно, о ней говорить: у меня замечаний нет. Можешь смело посылать в столичный журнал. Пусть знают, что и в провинции не лаптем щи хлебают, - Пряхин смущенно улыбнулся. - А вот с соавторством ты пересуетился, я вычеркнул себя. Да ты и без меня управишься, сейчас твое имя для редакции куда громче моего. Так что в добрый час...

- Ну-у, так уж и громче! - самодовольно, будто только что очень плотно и вкусно пообедал, протянул Клименко. - Я об этом пока не думал. Я - о другом: меня не убудет, а вам... Когда в последний раз публиковались?

Николай Кузьмич будто кипятку хлебнул... прямо с огня.

- Какая щедрость!

Клименко съежился. На его губах размазалась виноватая улыбка провинившегося ученика-подмастерья, получившего подзатыльник от быстрой руки мэтра-наставника. Но ненадолго. Через миг он вновь обрел уверенность: лицо разгладилось, исчезло чувство вины.

- Ну, что вы так вдруг, дорогой Николай Кузьмич...
- Я вам не «дорогой»! - закричал доктор, переходя на «вы». - Зарубите себе это...
- Вы же меня совершенно не поняли, - перебил его Клименко.
- Понял, понял... Прекрасно я вас понял, - убедительно, будто вколачивая гвозди в доску, на одном дыхании прокричал Пряхин. Его добрые глаза вдруг стали злыми, холодными, колючими.

Клименко не отвел взгляд и не убрал улыбку с лица.

- Как знаете, дорогой. Хотя, честное слово, не о себе пекусь.
- О себе, о себе, доро... Еще и как о себе...

Красногрудые снегири вспорхнули с веток рябины: испугались громкого крика. Всполошились и улетели - осиротили дерево. Ванька проводил взглядом всполошенных птиц и тут же забыл о них: два взрослых образованных человека стоят перед ним и ругаются, будто простые мужики в Мироновке. Только матюков не слышно, да за грудки друг друга не хватают, а так... Он поглядывает то на одного, то на другого и ничего не понимает.

- Хорошо придумали, ничего не скажешь!.. Ловко вы это!.. Будет, чем прихвастнуть перед коллегами.
- Вы просто вздорный старик, - тихим, спокойным голосом начал издеваться Клименко. - Вам же хотел помочь, вытащить из застоя, а вы... Жаль мне вас, честное слово. Сами же когда-то учили - ученое звание надо подтверждать... регулярно.
- Вот-вот, это вы хорошо усвоили, вы всегда были моим лучшим учеником, но поймите же наконец, я ни от кого не принимаю милостыню: я - ученый... практик.
- Да бросьте вы это, дорогой Николай Кузьмич...
- Повторяю, я вам не «дорогой»! - взвизгнул Пряхин.

Клименко лишь усмехнулся.

- Ну, сами подумайте, какой из вас ученый!.. Так, одна видимость: очки... седина... Вам бы еще бородку... Я ведь из великодушия хотел помочь вам, дорогой вы мой Николай Кузьмич. Да и степень-то кандидатскую вы получили, так сказать, на безрыбье, после того как лучших врачей на Колыму да на Сахалин отправили по этапу. Того-то вы, наверное, и молитесь на своего генералиссимуса.
- А вам то что, мил человек, он сделал?
- Мне что он сделал?! - переспросил Клименко с явным возмущением: под кожей щек заходили желваки, глаза сузились. - Да хотя бы 33-й год. Украина - не Поволжье: съел вишню, выплюнул косточку - весной дерево выросло. Вот какая у нас земля, а мы насквозь светились да пухли от голода. Его бы самого и всю его шайку посадить на наш паек. И таких, как вы, бздунов - тоже. Может, сейчас и вони поменьше было бы. Все мои: и мать, и отец, и два старших брата... - Клименко показал пальцем себе под ноги, в землю. - Там у них даже могил нет... в канавах сгнили. Люди кору на деревьях грызли, собак и кошек ели, своих детей говном кормили, чтоб те не скулили от голода, а чужих воровали, раздирали на куски и жрали. Что, не знали про такое? Так знайте. А он, падлюка, зерно за границу продавал. Откуда знаю?.. Да уж не в вашей брехливой «Правде» вычитал. Напродавался, сука усатая!.. А мы - во всю глотку: «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!..» И это при вашей-то, при советской власти! Мы сами себя поедали, а такие, как вы, кровососы с наганами, с портфелями да с партбилетами в карманах, жили не тужили, персональными продпайками обжирались... Мать бы вас всех!.. Ух, как я вас всех, коммунистов, ненавижу! Поусаживалисъ, попригрелись, все под себя да под себя гребете, а отдачи от вас ни хрена, только шептунов в штаны пускаете, щеки надуваете да поучаете: вот в наше время... прошли бы вы через то... А зачем нам ваши кровавые дороги проходить? Мы свои выберем и пройдем... И не хуже вас... Будьте уверены. Но вы же всюду, - караул! - куда ни кинься. Сплошь и рядом верные ленинцы, аж в глазах рябит. И не просто так, а особого уважения, любви и привилегий требуете. Я бы дал вам привилегий... я бы дал вам... на красный свет дорогу переходить. Что, не нравится слушать, не привыкли ваши партийные уши к таким речам?.. А вы послушайте, послушайте... Вы пойдите на завод, на стройку и послушайте обыкновенных работяг... да не на собрании, а в курилке. Послушайте тех самых хозяев страны, которых вы же и искалечили, сделали их злыми, ленивыми и жадными... они только о том и думают, где бы что украсть, чтоб ноги не протянуть. Так-то, коммунист хренов. Вы насрали - не ступить, чтоб не вляпаться, а нам теперь ваши котяхи и лепешки выгребай... - глаза Клименко сузились, стали похожи на тонкие перья скальпелей. - Всех бы вас, как раковую опухоль... - он сжал кулак и уже поднес было его к лицу доктора, но спохватился - не ровесник перед ним... и разжал пальцы... и с досадой махнул рукой. - Все равно метастазы

останутся. Это уже навсегда. Конец света... А изведи вас, как «прусаков», - все, абзац... рухнет держава. Нам теперь и самим уже шагу не ступить, не помолившись картавому гению на броневике и с кепкой в руках и не почитав на сон грядущий его апрельских тезисов... Не страна, а сплошной дурдом с красивой вывеской... и каждый из нас - потенциальный псих... ждет своей очереди.

- Да я!.. Да вы!.. - позеленел Николай Кузьмич Пряхин.

Клименко злорадно усмехнулся.

- Что, языком подавились!.. А вы помолитесь, попросите совета у своих «божков», может, что и подскажут... Да ладно вам... знаю, что скажете, богохульничаю, мол... Ан нет, и рад бы ошибиться, да не тут-то было: мои глаза не только правильные лозунги читают, но и видят, что все у нас через пень колоду. Вон... фэээушников-пэтэушников позагоняли в общаги-казармы... отбой-подъем... все, как у солдат, даже увольнения в город выписывают... и в форме все... и должность замполита ввели... Еще б каждому автомат в руки... Мне бы раньше все это сказать, да куда там: учиться надо было... диссертация... а теперь... Изуродовали вы меня, сволочи! И сам понимаю, что не туда гну, сам себе противен, а уже ничего не могу поделать - скурвился: заставляю больного каждые три дня таскаться через весь город ко мне на прием, а тот на костылях... с переломом. Дурость... факт... а что я могу... Это ж такие вот, как вы, «гуманисты», от большого ума придумали это иезуитское правило. А другой раз и сам поверю, что так и надо. Придет какой-нибудь парень с вывихом или ушибом, а я вместо того, чтобы тут же помочь ему, стараюсь угадать, больно ему или он притворяется, симулирует, не хочет на работу ходить. Да еще и принюхиваюсь, не пахнет ли водкой, чтоб бюллетень не выписать. Гуманная профессия... Да кто я в конце-то концов, врач или жандарм с нагайкой... Ух, как я вас всех, партийных да правильных, ненавижу!.. Во, понаплодили кастратов, бессловесных уродов... - он кивнул на Ваньку. - Ему что хошь скажи, все за чистую монету примет. Чье слово последнее, того и правда. Подумать страшно, что будет через двадцать-тридцать лет...

Сам ты урод! - Ванька гневно косанул на Клименко. Набедовался бы вдосыть, как я, узнал бы, что по чем. Распетушился тут... ходок. Что он тебе, ровесник, что ты так разговариваешь с ним?.. Да я б тебя!.. А доктор... ну чего он молчит?.. Дал бы ему как следует. Доктор Пряхин перехватил ванькин взгляд.

- Да за такие слова... - брызги слюны яростно ударили в лицо Клименко. - В Сибирь!.. в кандалы!.. на хлеб и воду!.. к стенке!..

- Вот, вот, вот. Наконец-то, - откровенно издевался молодой коллега, усмехаясь во весь рот.

- Мы с его именем на смерть шли, а ты... Жаль, не то время на дворе... Ну, да ничего, и сейчас еще не поздно управу найти на вас. Ишь, притаились вражины!.. Вы же на самое святое, вы на партию посягнули!.. на вождя нашего!..

- О чем вы говорите, смешно даже, - Клименко презрительно махнул рукой. - Не путайте, Христа ради, божий дар с яичницей. А таких вот партийцев, как вы, давно пора сраной метлой...

Николай Кузьмич вытаращил глаза и широко открытым ртом стал жадно хватать воздух. И вдруг:

- Молча-а-ать!!!

Грянул бы гром, прямо сейчас, посреди зимы и над самым ухом, Ванька не так испугался бы. Он смотрит на перекошенное от ярости лицо доктора и боится, что еще немного, и глаза у того вылезут из орбит. А доктор все тянул и тянул свое «а-а-а-ать!» Клименко снисходительно и безжалостно улыбается. И даже с наслаждением. Николай Кузьмич толкнул его в грудь. Толкнул не по-мужски как-то, сразу двумя руками, по-бабьи... но сильно. У того даже шапка слетела с головы. Но не упал Клименко, устоял на ногах, лишь подался на несколько шагов назад. И освободил дорогу. Пряхин быстро зашагал прочь. Оглянется? - подумал Ванька, с испугом и недоумением глядя ему в спину... Ни разу не оглянулся... Через улицу - на красный свет... Взвизгнули тормоза... будто и не ему таксист показал кулак. И все быстрее, и быстрее. Ванька - за ним... не догнать... И тоже молча. Вот и подъезд. И опять не оглянулся. «А ведь сам позвал чаевничать!» Противно грюкнув, захлопнулась дверь. «Войти следом? - Ванька перевел дух - запыхался. - Не надо». И неторопливо побрел к общежитию. Оказывается - совсем рядом.

4

Первые тревожные взгляды самбурят холодком царапнули Ивана: и был, и есть, и всегда буду в этой комнате чужим... лишним. Даже тумбочки и кровати какие-то нерод-

ные, неприветливые, - совсем упал он духом и каждые шепоток и усмешку ребят болезненно принимал на свой счет. Смейтесь, смейтесь... нашли, с чего зубы скалить. Он достал из кармана справку-освобождение: на обратной стороне губной помадой - жирное пятизначное число. Рита...

Обшпарпанная телефонная будка с выбитыми стеклами холодно скрипнула промерзлой дверью. Три длинных гудка. Потом еще и еще один. Ну и хорошо, что нет дома, отлегло у Ваньки от сердца. Шестой гудок... Седьмой... И чего ждать с моря погоды? Восьмой гудок прервался на половине: «Алло!.. Алло!.. Я слушаю, - знакомый запыхавшийся голос в трубке. - Не надо так громко дышать... Кто это?.. говорите. Говорите же... Ну, как хотите». Ванька крепче сжал телефонную трубку и затаил дыхание. Ладони вспотели. Наконец ему удалось справиться с голосом.

- Это я, Иван Никаноров, что в больнице лежал...

Радостный голос в трубке: «Наконец-то!» - и потребовал немедленно садиться в трамвай и ехать в сторону вокзала. Дальше - точный адрес: остановка, улица, дом над гастрономом, подъезд, этаж... «Запомнил?.. Вход со двора. Сразу же, как поднимешься, дверь справа - моя квартира. Не звони - открыто. Не заблудишься? Повтори». Ванька слово в слово повторил координаты. «Молодец. Я жду», - на другом конце провода.

- Хорошо. Только переоденусь, - пообещал Ванька и пошел домой, в общежитие.

Руки еще держат больничный запах, даже розовое мыло и одеколон «Шипр» не смогли перебить его. Ванька понюхал ладони, закрыл глаза, склонился над раковиной умывальника... Может, не надо было звонить? - подумал он, но тут же отогнал сомнения. Чего там, не надо? Надо. Еще как надо. Уж лучше к ней пойти, чем на самбурят смотреть весь вечер. И куда как лучше будет! Ванька заулыбался - вспомнил, как все началось.

...Процедурный кабинет врывался в полумрак коридора ярким молочным квадратом света застекленной двери. «А может, завтра?.. нет, раз уж пришел...»

- Войдите, открыто, - заспанный голос из-за матовых стекол.

Не Таня, догадался по голосу Иван и приуныл.

- Я к... Я думал, сейчас... А где же эта... Таня?

- Таня? - Рита. Сидит на топчане и лукаво улыбается. - А зачем тебе она?

«Зачем-зачем, заладила!.. Тебе-то что? Надо, раз спрашиваю».

- Мне это... мне таблетку надо, - попросил Ванька. - Уснуть не могу, - и про себя: чего ты лыбишься... клоун я тебе, что ли?

- Ах, таблетку!.. Ну-ну... А Таня пошла в соседнее отделение с подружками поболтать.

«Знаю, с какими подружками! - ревность полосонула Ивана ножом по сердцу. - Размечтался!.. про меня говорили, про меня...»

- Мне... таблетку...

- А может, и не к подружке, - Рита лукаво прищурила глаза. - Кто ее знает... дело молодое. Так что не скоро будет твоя Таня.

«Ясное дело, не к подружке... Ну и дурак же я... Раскатал губу... жених засранный...»

- Мне все равно, куда она пошла, - продолжал Ванька упорно врать. - И не моя она вовсе. Мне таблетку надо.

Рита вздернула брови, усмехнулась и, что-то сообразив про себя, встала с кушетки и подплыла к застекленному шкафчику с медикаментами. Открыла створки, налила какое-то прозрачное лекарство в мензурку.

- Это лучше всего тебе поможет. Пей, - улыбнулась Рита. - Панацея... от всех болезней. Только надо одним глотком.

Лекарство белым пламенем вспыхнуло во рту, обожгло небо, ослепило глаза. С уголков губ потекла тоненькая струйка жидкой, как вода, слюны. Секунда... другая, и: во рту сухо-сухо и губы будто огнем опалило. Теплая, мягкая женская ладонь скользнула под куртку пижамы, стала бережно массировать грудь... живот.

- Глубже дыши... глубже... Ты что, первый раз чистый спирт пьешь?.. Ах, ты ж, Господи, даже слезки выступили, - зашептала Рита. - Ну-ну, от этого не умирают... Все?.. прошло?.. Ну вот, а ты испугался! О, даже заулыбался, миленький! - рука скользнула ниже, под резинку пижамных штанов... в трусы. - Ну, что ты такой пугливый, - пристыдила Рита, когда Ванька попытался отстраниться от нее. - Я же не сделаю тебе больно... наоборот... Ну, прямо как ребеночек, честное слово. Ну, чего ты...

«Я - ребеночек? Ну я ж тебе!..» Иван - к ней. Рита проворно отскочила и мягко плюхнулась на топчан. Халатик распахнулся - оторвалась нижняя пуговица, и будто молния - сверкнул лоскуток розового шелка.

- А тебе палец в рот не клади.

Иван шагнул к топчану и крепко сдавил ей плечи. Рита встала, освободилась от ванькиных рук.

- Погоди, закрыться надо.

Сказала просто, деловито и, подмигнув, подошла к двери. Мягко щелкнул язычок замка. Пальцы с ярко-красными ногтями неторопливо, одну за другой освободили пуговицы от петель. Привычно, без суеты, будто вымыла руки перед едой, распахнула халат, сняла его и, аккуратно сложив, чтоб не помялся, повесила на спинку стула. И снова: вспыхнуло, обожгло - лишь два крохотных лоскутка бледно-розового цвета... и ничего больше. Освободившись от плена шапочки, тяжелые черные волосы хлынули на голые плечи.

- Ну, что же ты стоишь! Ты же этого хочешь?..

...Насухо вытеревшись полотенцем, Иван пошел в комнату одеваться. Ну и ну, усмехнулся он. Ладно, в заграничных фильмах такое показывают... Пусть, на то они и капиталисты. Там у них во всем бардак. Но у нас-то... Как же так, в нашей стране и вдруг: баба сама перед чужим мужиком разделась. Если б кто рассказал - ни в жисть не поверил. Сказал бы: брешешь, у нас такого быть не может... потому что не может такого быть. И все тут. Но ведь было...

- Ну и медведь!.. ну и силища!.. Смотри, не надорвись. Хи-хи. Семьдесят кило... а как пушинку... Ой, щекотки боюсь... ой, не могу!.. Постой-постой... на пожар, что ли?.. Да не так же надо, не так... Погоди, я сама... горе мне с тобой: порвешь, а такие не купишь в наших магазинах - импортные, из Польши привезли. Хи-хи... а ты что ж, так и будешь в пижаме?

Мягкий щелчок выключателя настольной лампы, и - перед глазами пустота, только в руках: живое, теплое, мягкое. В черный квадрат окна заглянула круглолицая луна.

- А я так и знала, мой сладенький, что ты в первый раз с женщиной, - хихикнула Рита, когда Ванька слез с нее. - Давай скорее отсюда. Увидит кто, разговоров потом не оберешься.

И надо ж такому случиться: в дверях нос к носу - Таня. И опешил. И отвернулся от ее откровенно обрадованной улыбки. И трусливо припустил по коридору. «Что, и ты от своей «подружки»? Все вы такие».

Утром Таня молча и боязливо вошла в палату: брови насуплены, губы - в комочек, в глазах - обида. К Ваньке подошла последнему. Даже не спросив, как мы себя чувствуем, больно сделала укол и все так же молча вышла. И дверь не прикрыла за собой.

...В коридоре загудели голоса, застучали торопливые шаги. Дверь тихонько приоткрылась, кто-то заглянул в щель, - и тут же захлопнулась. Сейчас, потерпите немного, усмехнулся Ванька, надевая перед зеркалом черный галстук на резинке. Как же она догадалась, что там у нас с Ритой было?.. Наверное, та как раз надевала халат. Ну да, конечно, когда я выходил, она только-только взяла его со спинки стула... Не надо было дурехе сидеть нагишом и хихикать, пока я одевался. Вот же дура безмозглая! А Таня?.. А... пусть себе дуется... Она сама абы где шляется по ночам... А может, и правда, у подруги была?.. Ну да, конечно... а то б чего ей обижаться... А если б, не дай бог, чуть раньше вернулась, да своим ключом открыла дверь?.. Вот бы увидела!..

Трамвайная остановка - как раз возле дома Николая Кузьмича. Может, зайти? - подумал Ванька. Приглашал ведь, сказал: в любое время. Может, он сейчас дома, сидит, ждет меня? И достал непочатую пачку «Беломора». Медленно, раздумывая: зайти сейчас или в другой раз, он ногтем поддел край картонки на торце пачки, вынул папиросу, размял ее, дунул в бумажный мундштук... чиркнул спичкой и прикурил. К остановке подскочил новенький, только что с конвейера трамвай. Папироса полетела в снег. Дверные створки, прошипев пневматикой, сомкнулись. За окном - все быстрее и быстрее: дома, деревья, редкие прохожие. Плохо, конечно, что Таня узнала про нас с Риткой. Плохо, да чего уж теперь... после драки кулаками не машут. А к Николаю Кузьмичу я завтра поеду. Обязательно, решил про себя Иван и вздрогнул - трамвай резко вильнул в сторону: докторский дом исчез из виду.

Гастроном... Подъезд... Лестница, пивные пробки на ступеньках. Обшарпанная дверь. Синяя кнопка звонка, - дзы-инь!

- Я же предупредила - не звони: дома. Тс-с-с, соседка пришла, - Рита приложила палец к губам. Она стоит в дверях в длинном пестром халате без пуговиц, лишь схваченном

поясом, и радостно улыбается. - Ну, не стой же, проходи, - торопливо прошептала она и потянула Ивана за рукав пальто.

Иван ступил через порог.

- Вот, это тебе, - он подал ей кулек шоколадных конфет, вытащил из кармана пальто бутылку «Вермута». - Хорошо ты живешь, прямо над магазином.

- Надо же... полный джентльменский набор! А цветы?

- Зачем они, что с них толку! - удивился Ванька.

Рита сняла с него шапку, пальто.

- А я уже думала, не придешь... телефон потерял.

- Мог бы и потерять: додумалась, где написать, - на справке.

- Так спешил ведь. Хорошо, в кармане помада оказалась. И вообще, - она счастливо заулыбалась, - все хорошо, что хорошо кончается. Располагайся, вино пить будем.

Ванька повел глазами по сторонам: стол, стулья, сервант, шкаф, широченная кровать. Над кроватью - портреты Юрия Гагарина и артиста Олега Стриженова. Рита повернулась к зеркалу, поправила волосы и загадочно улыбнулась. Раздвинув пошире отворот халата, она провела рукой по шее: еще чуть-чуть, и кожа совсем дряблая станет, грустно вздохнула она, а ни семьи, ни радости в праздники. Ванька сел за стол.

- Чего сразу не подходила к телефону?

- Чего? - Рита села и кокетливо улыбнулась. - В душе была, купалась. Сегодня горячую воду дали. Еле услышала: вода шумела, - и погрозила пальчиком. - Застудил ты меня: пришлось мокрой выскакивать к телефону. Теперь не отпущу, пока не отогреешь. Вот так-то, - и шаловливо, как разыгравшаяся девочка, показала язык. - Схватил!

Ванька смущенно улыбнулся, отвел глаза и занялся бутылкой. И Рита - за дело: достала из серванта бокалы на длинных тонких ножках, сигареты... конфеты - в вазу, пепельницу - на стол. В коридоре прошуршали нетвердые шаги: кто-то прошел в валенках. Грюкнула дверь, клацнул замок.

- Слава богу, ушла старая ведьма. На обед домой приходила. Теперь раньше двенадцати ночи не явится: санитаркой у нас работает. Когда-то, еще давно, мать ее к нам устроила. Лучше б не делала этого. Ленивая!.. не приведи Господь. Ни в какую не хотела учиться. Как начала с ведром и тряпкой, так и по сей день. Да и на работе не переломится. Знает - не выгонят: партбилет в кармане, да и кто на такую ставку пойдет в санитарки. Все завидовала маминой зарплате... И это в знак благодарности. Между прочим, к моей маме ездили лечиться со всего Союза, даже из самих Ленинграда и Москвы. А эта дура... Боже, а свинюка была!.. сядет за стол с немытыми руками, как начнет чавкать... Тьфу!.. Вспомню - с души воротит. Она у нас жила. Сначала как приживалка, в этой моей маленькой комнатке спала (мать подобрала ее на улице, та пьяная с погорельцами ходила. Пожалела... пригрела змею на шее). И потом, когда в гинекологию санитаркой пошла, тоже осталась здесь жить, не выгонять же на улицу. И все чем-то недовольной была: и то ей не так, и то не этак... Посади свинью за стол, она и ноги на стол. Еще и в партию ее, дуру немытую, приняли. Поослепли они там, что ли? А потом, когда маму... - Рита махнула рукой. - В общем, прописалась она в этой комнатке на мою шею, и сразу - куда там!.. Пообтерлась в городе, приоделась - все мамины платья у меня за кусок хлеба выменяла, - принцессой стала... на козе не объедешь... Ладно, хватит о ней, наливай.

От выпитого вина тепло разлилось по телу, голова пошла кругом. За окном: автомобильные гудки, милицейские свистки, звонки трамваев. В комнате, как в кинозале перед фильмом, когда свет уже погас, а экран еще не засветился, - тишина. И только будильник на серванте: тик-так, тик-так.

- Жалко, никакой музыки у меня нет, проигрыватель сломался, - вздохнула Рита, - а то б потанцевали. Я в молодости страшно любила танцульки. Ох, и танцуристка была... жуть! А может, и так обойдемся, а? - и выставила вперед руки, как бы приглашая на танец. Иван, не вставая со стула, взял их и слегка притянул к себе. Нисколько не сопротивляясь, будто только того и ждала, Рита бочком села к нему на колени... и распустила поясок. Халат легко распахнулся. И будто молния сверкнула - большое, влажное, белое-белое, пахнущее земляничным мылом заполнило всю комнату. Аж дух захватило. И дрожь в руках... И дрожь в ногах... от пяток и выше. Тело сковала вожделенная судорога. И только большое и белое перед глазами - так бы смотрел и смотрел. Забыв, какие сегодня день, число и месяц, и где он, и даже имя свое, спроси - не вспомнит, Ванька, словно за первыми каплями жизни, жадно припал губами к твердому, набухшему от долгого ожидания коричневому соску.

- Не кусайся, больно, - еле слышно прошептала Рита и осторожно, словно опасаясь

потревожить своего долгожданного, горькими слезами выпрошенного у Бога и аиста первенца, погладила Ивана по голове. Жесткие волосы приятно щекотнули ее ладонь. Глаза часто-часто заморгали. - Господи, кажется, у меня сейчас молоко появится.

- Завтра я принесу тебе цветы, - выдохнул Ванька в душистое тело женщины.

Рита заплакала. Слезы одна за другой капали Ваньке на шею и горячими ручейками стекали за воротник под рубашку.

- И зачем ты позвонил, зачем приехал! Ведь так и не зашел больше ко мне... Думала, зачем я тебе такая старая... попробовал раз, и хватит. А может, и не понравилось. Господи, ну зачем мне такое наказание!.. Жила себе, радовалась всему, что под руку попадется, и вдруг - ты. И что меня тогда дернуло? - всхлипнула она. - Я же старуха для тебя.

- Ты не старуха. Ты - хорошая.

В коридоре, так некстати, - телефон. Рита вздрогнула, вскочила, подбежала к двери и, махнув рукой, вернулась к столу. И засмущалась, как девочка.

- Пусть себе звонит, меня нет дома. Давай еще выпьем... за нас с тобой. Ну, давай, ухаживай за барышней. Наливай.

- Я больше не хочу пить. И тебе не надо.

Рита и ухом не повела - налила в свой бокал, выпила, занюхала конфеткой, закурила и, будто ожидая что-то очень и очень для себя важное от строгого начальника, заискивающе улыбнулась и стыдливо скосила глаза на широкую, мягкую... и уже разобранную постель.

- Разденься, в комнате жарко, - словно собачонка, выпрашивая у хозяина сахарную косточку, Рита виновато и покорно, с предельной преданностью глянула на Ваньку. И опустила веки. И рукой дотронулась до его колена.

Чего она так?.. И заплакала... Тогда в больнице совсем другая была, даже посмеивалась надо мной, а тут... Руки не слушались: пуговицы застревали в петельках, брючной ремень выскальзывал из вспотевших ладоней, шнурки на ботинках затягивались в тугой узел. Может, ее кто обидел или думает, что я насмехаюсь?.. Жалкая она какая-то, завтра обязательно куплю ей цветы. Рита уже в постели. Ванька стоит возле кровати в черных, длинных до колен казенных сатиновых трусах. Что дальше?.. снять их или лучше так?.. он не знает. За окном уже давно стемнело. Только в домах напротив длинные ряды ярких квадратиков окон хвастливо скалятся в темноту разноцветными занавесками. Несколько раз в коридоре лихорадочным трезвоном занимался телефон, но каждый раз Рита лишь вздрагивала спросонья и прижималась к молодому сильному телу.

Ванька открыл глаза, посмотрел на спящую рядом женщину, на ее уже тронутое временем лицо, на седые волосы; осторожно, чтобы не разбудить, высвободил из-под ее щеки руку - совсем занемела, даже ладонь не чувствуется. Женщина отрывисто, взахлеб всхрапнула, зачмокала и, пробурчав что-то невнятное во сне, отвернулась к стене. И потянула на себя одеяло. Но тут же, испугавшись, что останется одна на широченной кровати, чудом вывернула свою гуттаперчевую руку и положила ее Ивану на живот, - мой!.. никуда не денешься. Но так и не проснулась.

В комнате полумрак. Накурено. Даже в горле першит и глаза щиплет. Маломощная лампочка «сороковка», хитро притаившаяся в пластмассовых лепестках базарной ширпотребовской розы величиной с детскую головку, неназойливо фильтрует темноту мягким, теплым, розовым светом. Мир и покой. Свежая хлопчатобумажная в темную клетку, с рубчиком крест-накрест после тщательной утюжки скатерть заботливо обволакивает стол: концы-углы свисают до самого пола. На столе - недопитая бутылка «Вермута» с грязной, безвкусно оформленной этикеткой, пустые бокалы на длинных тонких ножках с темными конусами остатков вина на донышке, стеклянная пепельница, полная окурков «Беломора» вперемешку с желтыми фильтрами сигарет «БТ», и еще ваза с конфетами «Ласточка». Возле бокала на салфетке - надкушенная конфетка без фантика. Рядом с кроватью, на тумбочке, - толстая книга. Ванька взял ее, поднес к глазам: Вальтер Скотт, «Айвенго», прочитал он. В середине книги, вместо закладки - мятая пачка от сигарет «Трезор». Ванька положил книгу на место. На полу, как попало, - шелковый в розах халат. Валяется за ненадобностью: отслужил свое на сегодня. При свете ночника халат, вызывающий вожделение, не казался пестрым и грозным, и крупные розы поблекли, будто их слегка ударило морозом, еле-еле напоминают о своей первозданной эротической силе. Такой он не опасен, пусть себе лежит бесформенной грудой ацетата, набирается сил до следующего раза.

Ванька повернулся на бок, осторожно, чуть дыша, обхватил круглое вспотевшее тело и тихонько сдавил мягкую грудь. Провел пальцем по дряблому соску. Женщина преры-

висто задышала и тоже повернулась на другой бок, закинула ногу на Ивана, больно придавив тяжелым коленом, и мирно засопела ему под мышку. Сосок под ванькиными пальцами затвердел. На серванте, словно кто разорвал плотную сухую материю, нервно застрекотал будильник. Десять. Ванька с досадой убрал руку от груди Риты и повернулся на звук. Рита открыла глаза.

- Пора на дежурство, - вздохнула она. - А так не хочется, - она сладко потянулась, но тут же откинула одеяло. - Ничего не поделаешь, надо.

Ванька, стыдясь своей наготы, перевернулся на живот.

- Можно я завтра еще приду к тебе?

Рита повернулась к нему: удивилась. И даже брови вскинула: кто ж о таком просит после всего, что было?.. Глупенький ты еще... большой, а глупенький.

- Завтра?.. А зачем? - притворилась она, будто ничего не понимает: можно и подразнить немножко, не помешает.

- Ну, - начал мямлить Ванька, - я тебе цветы принесу.

- Цветы?! - и в хохот: нервный и рваный... - Цветы оставь для девочек, - не удержалась Рита, чтобы еще хоть немножко, хоть чуть-чуть поиздеваться: когда еще подвернется такая возможность.

- Сама ж говорила... Даже заплакала, когда я пообещал тебе их. Даже слезы за воротник мне капали.

Рита усмехнулась, зло и неприятно: заплакала... тебе-то что до моих слез, молокосос!

- Чай будешь пить? - толстые розовые ноги опустились на пол, нашарили тапочки. Ванька покачал головой. Рита удивленно вскинула брови.

- Нет? Ну, как знаешь. А я буду: мне всю ночь бдить. С вами разве поспишь!.. одному - таблетку, другому - утку, третьему - клизму, - и добавила с ехидством: - Кстати, твою Таньку увижу: вместе дежурим. Как, передать ей привет от Ваньки, что в больнице лежал? Да?.. или нет? Ну и молчи, если говорить не хочешь.

Она встала с постели, включила верхний свет, задернула шторы и, даже не подумав чем-нибудь прикрыться, занялась делом: включила утюг, убрала со стола бокалы и бутылку. Вышла. Через минуту в открытую дверь ворвалось громкое сердитое ворчание унитаза, затем - шипящая струя из крана. Умывается, на работу торопится, догадался Ванька. А мне, он грустно вздохнул, опять в общежитие, к самбурятам. Иван потянулся к пачке папирос. Закурил. Пустил к потолку клубок рыжего дыма. Надо будет что-то делать: так дальше жить не годится.

- Куришь? - скривилась Рита. Она подошла к окну и, привстав на цыпочки, потянулась к форточке. - Дышать нечем.

Перехватив в зеркале жадные глаза Ивана, принялась откровенно разглядывать свое тело. Как же, кому-то еще нравится! Но не удержалась, пощупала живот, бока... и скривилась. Повернулась в профиль, втянулась, подобралась, - хороша! - большая грудь приподнялась, выступила вперед. Софи Лорен! - глаза заблестели. Мерилин Монро! - и уверенно заходила по комнате. И даже запела: «Ты разлюбил меня бы, что ли, не обивал бы мой порог...» Достала из шифоньера свежие трусики, продела в них одну ногу, вторую... пританцовывая, качнулась из стороны в сторону и звонко щелкнула резинкой. Затем второй, такой же розовый лоскуток: в него - руки. Подошла к кровати, повернулась спиной.

- Застегни...

Ванька не сразу справился с застежками: пальцы дрожали.

- Ну и долго же ты, - Рита повела плечами, удобнее втискиваясь в чашечки бюстгальтера. - Все вы, мужчины, такие: как снимать, так сразу, раз - и готово, а как одевать, так руки не оттуда выросли.

И опять, перехватив Ивана в зеркале, откровенно поддразнивая его своим неглиже, стала деловито собираться на работу: послюнявила пальчик и дотронулась до горячего утюга - тот зашипел, сняла с плечиков платье и больничный халат... погладила. Платье повесила на спинку стула, халат аккуратно сложила и спрятала в сумку. Туда же положила и «Айвенго». Сходила на кухню, принесла чайник, нарезала хлеб, колбасу. И все - будто одна в комнате. «Ты разлюбил меня бы, что ли, не обивал бы мой порог...» - выползало изо всех уголков ее жилища.

- Ну, так можно я завтра приду к тебе, а?

- Так уж и завтра! А не жирно будет? - Рита сделала глаза щелочкой, но спохватилась и прикусила язык - задумалась: какие-то переборчивые, торопливые мужики пошли - возьмут свое и тут же давай выкобениваться или засобираются домой к жене и детям.

Еще и рубль на такси затребуют. А этот... - и не удержалась, и с нежностью посмотрела на Ваньку. - Кажется, целый день и смотрел бы, и смотрел на меня. А что, нравлюсь? - пусть смотрит. Жалко, что ли? Но и не баловать же: чего доброго, тоже нос задерет. Неет... на Бога надейся, а сам не плошай. Припугнуть?.. Да. Но несильно, чтоб далеко не откатился.

- Там в гардеробе, на второй полке сверху - комбинация. Подай... какая тебе глянется.

На полке стопкой - с десяток разноцветных комбинаций. Какую?.. Эту... голубую, которая сверху? Рита с трудом втиснулась в нее.

- Нет, - в зеркало. - Кружева слишком мелкие, - и кокетливо покачиваясь, скинула рубашку. - Давай другую.

Белая в горошек?.. тоже не подошла. Красная нейлоновая?.. Желтая?.. Сиреневая?.. И эти не то.

- Давай, что там еще осталось, - Рита с усмешкой глянула на Ивана. «Не взбунтуется?.. кажется, нет... терпит. Хорошо. Еще немного и совсем приручу». - О... черная, моя любимая! Что ж сразу не подал ее, недотепа ты этакий. А эти, - она указала на разбросанное по всей комнате белье: на кровати, на столе, на спинке стула, - сложи и аккуратненько - на место...

Рита облилась блестящим черным трикотажем, провела руками по крутым бокам.

- И как, нравлюсь?! То-то. По глазам вижу - нравлюсь. Так что, хахилек мой ненагляденький, пользуйся, пока я добрая. А ты что... так и будешь голый ходить по комнате? Ишь, вижу, опять захотелось тебе.

- Ну зачем ты так! - и засмущался, и обиделся Ванька. И быстро вскочил в брюки. Сатиновые трусы запихнул в карман.

«А как еще с тобой? - Рита усмехнулась, прищурилась. - Найдешь кого помоложе и - прощай, тетя Рита, спасибо за науку. Нет уж, дудки! Пока я хозяйка, что хочу, то и делаю. Пока моя берет. И уж я-то все возьму... последнюю каплю выжму, - и вздохнула. - Ненадолго, правда. Сейчас, понятно, первый раз увидел голую бабу и готов хоть день и ночь... А поумнеет... Надо будет подарить ему что-нибудь, - решила она. - Майку или галстук. Будет, как собачка приплясывать возле меня. И не дуйся, Танечка... Не надо. Что ж мне, упускать свое, если оно, как манна с неба... Когда еще такой душка подвернется! Нет, миленькая, уж я постою за себя: подвернулся случай - извини, не пропущу. Будут у тебя свои иваны, хоть отбавляй».

- А приуныл чего? - опять заозорничала Рита, заметив, что на Ваньке лица нет. - Даже губки надул... Ай, ай, ай... отняли конфетку у ребеночка.

- Чего ты насмехаешься? - совсем разобиделся Ванька.

- Ну вот еще!.. На работе Танька дуется, будто я ей на мозоль наступила, здесь - ты.

- А она чего?

- Да так, - Рита с досадой махнула рукой. - Молодая-глупая. А ты не хочешь ее увидеть? Нет?.. Ну, и правильно. Что толку с малолеток - ничего не умеют... только целоваться взасос, да прижиматься в подъездах... парней сухостоем калечат. А пока научатся - глядишь: годков набрались, завяли.

- Ну, так можно мне завтра прийти?

Рита достала из шкатулки запасной ключ.

- Сам откроешь. Я после дежурства сплю, как убитая... хоть из пушки стреляй. Это - от входной двери в коридоре. Моя будет открыта, - и ласково улыбнулась. - Надо будет с получки купить тебе махровый халат. Будешь, как падишах у меня. Хочешь? - Ванька радостно кивнул и заулыбался. - А соседки и завтра не будет, смело входи. Старая сквалыга на двух работах ишачит: день - в больнице, день - вахтершей в пединституте. И куда ей, овчарке легавой, столько денег?! На кобелей разве что?.. Хотя... - Рита сморщила лоб, как бы прикидывая что-то в уме, - тут она права: кто ж на такую развалину без денег полезет... Умора, да и только. До сих пор губы красит. Риточка, мне подходит эта помада?.. Риточка, мне идет эта кофточка?.. Риточка, ты сегодня в ночь идешь?.. Тьфу, срамота! Помню, я еще пацанкой была, каждый день к ней мужики шастали. Не было ни одного мента в городе, который бы не переспал с ней, с кошкой драной. Даже сейчас, когда состарилась и поперек себя толще стала, поглядывает на мужиков. Хоть алкаша какого, да затащит на себя.

5

Неделю Иван не мог выбраться к человеку, к дружбе с которым тянулся, как голодный к горбушке хлеба. С утра до вечера думал об этой встрече и уже решался было, но,

будто кто порчу напускал, садился в трамвай и ехал в сторону вокзала, к Рите. «И какого черта тогда встретился этот Клименко, будь он неладен!» - досадовал Ванька, день в день разрывая себя между Николаем Кузьмичем Пряхиным и Ритой, и каждый раз вторая перетягивала. Ну, все, сегодня - обязательно к доктору, клялся он с утра, а после занятий забывал обо всем на свете - спешил к женщине. Природа брала свое. Одно только в голове: ведь ждет же, не приду - обидится, на порог больше не пустит.

И, наконец... как последняя капля в полный стакан - посылка из дома: жареные семечки, банка вишневого варенья и два куска сала. Ванька выбрал шмат побольше, завернул в холстину, сверху - газетой, чтоб не видно было, и - за порог. Зябко кутаясь в маленький воротник форменного пальто, руки глубоко в карманы, шапку на глаза, шарф до подбородка и, чуть подавшись вперед, - февраль не балует погодой, - скорее...

Дом Пряхина и новенький вагон трамвая в сторону ритиного дома. Куда?.. Ведь ждет же, сказала, сегодня опять горячую воду дадут, вместе купаться будем. А как же доктор?.. Пшикнув пневматикой, открылась дверь. Ванька отвернулся. Трамвай покатил дальше. Только бы опять не поругался с Клименко... И что тому вурдалаку надо было? Скрипнула заиндевелая дверь. Ванька постучал ногой об ногу, сбил снег с ботинок и - пулей на четвертый этаж. Махнул бы и выше, да некуда - чердак. Три двери. Которая? На лестнице темно. Ванька - в карман за визитной карточкой. Забыл в старых брюках. Надо же, а ритин ключ захватил... Ну как же теперь?.. Темно, ничего не видно... Какой же у него номер? Пошарил еще раз по карманам. Нащупал коробок спичек. Вспыхнул огонек. Посветлело. Ага! Повел глазами по табличкам. «Н.К.Пряхин» - тускло улыбнулась матовая планочка с черными, едва заметными после побелки буквами. Сюда, значит.

За дверью раз и еще раз прохрипел звонок. Ни шагов, ни «кто там?» Подождав немного, Иван позвонил еще раз. И опять никто не открыл дверь. На дежурстве, должно быть, решил он и уже хотел было уйти, но передумал, уселся на ступеньки. Куда спешить... может, скоро явится, может, за хлебом вышел в магазин и сейчас придет. Закурил. Задумался. И не заметил, как рядом кто-то тихо кашлянул.

- Кого ждем?

Иван поднял голову: мужчина в шубе, каких Ванька отродясь не видел - мех густой и длинный, и в такой же шапке. И тоже пожилой, как и Николай Кузьмич. Худой вот только очень. «Тоже, наверное, лечился у доктора, а теперь пришел поблагодарить». Ванька ревниво отвел взгляд.

- Да я... вот... - он встал и улыбнулся, - к доктору я, к Николаю Кузьмичу.

Старик вздохнул, достал из кармана ключ, подошел к двери.

- Не жди, в госпитале он. Уже неделю.

- Как?! - не сразу понял Иван, что значит «в госпитале». - Он же доктор.

Старик улыбнулся.

- По-твоему, врачи не болеют? - Иван пожал плечами. - Болеют, и даже очень болеют. Врачи тоже люди, - старик внимательно посмотрел на Ивана, отомкнул квартиру и сделал шаг в сторону: дал понять, что можно войти. - Лечился у Николки?

- Ага. У Николая Кузьмича. А отчего он заболел?

- Ты такое спрашиваешь... В нашем возрасте всего можно ждать. Наверное, что-то на работе стряслось. Неделя тому: пришел домой ни живой, ни мертвый... спрашиваю, что случилось?.. молчит. А как раз вчера, к вечеру, пришлось «неотложку» вызвать. Ты входи, входи, накануне болезни мне Николка каждый вечер талдычил про тебя.

Неделю... Надо же, с досадой подумал Иван. Это, наверное, из-за того, что с Клименко тогда поскандалил. А я... Если б пришел, поговорил с ним, может, ему и полегче бы стало, не попал бы в больницу. Ну, не скотина я! Он столько сделал для меня... с того света вытянул, а я, как последний... Даже на минутку не соизволил...

- Ну, что же ты стоишь? - улыбнулся старик. - Проходи, гостем будешь.

- Да не-е... я лучше потом. Я хотел к Николаю Кузьмичу.

Старик развел руками.

- Неделю назад и я того хотел. Прилетел из самого Заполярья. Слыхал про такой город - Норильск? Нет? Лучше б и я о нем ничего не знал, - и помолчал немного. - Только недельку и пообщались, да и то не как следует: все работа да работа. Мы с ним, дружочек, вместе два раза кровавой водой Днепра захлебывались, полвойны бок о бок протопали... Ну, входи же...

- А можно к нему в госпиталь?

- Нет, - отрезал старик, но тут же смягчил тон и добавил: - Нельзя сейчас. Да и врачи

не пустят. Кардиологи - народ строгий. Ну, что стоишь... Может, зайдешь все-таки? А то как-то не по-людски получается: пришел, а через порог не переступил. Николка узнает - обидится, - Иван нехотя вошел в квартиру. - Вот так-то лучше. А теперь давай знакомиться, - старик протянул руку, белую и худую. - Ян Янович Цириньш.

- А я Ванька.

- Давно догадался, тезками будем.

- Как тезки?!

- Очень просто. Я латыш. У нас - Ян, у вас - Иван. Понятно?

- А сказали, что с Севера прилетели.

- Это я сейчас на Севере: после войны много наших там очутилось.

- Чудно, - удивился Иван. - У нас в селе тоже есть одна латышка. И тоже - Яновна. Марта... Учительница. Может, сродственница ваша, а? Семенова ее фамилия.

Ян Янович грустно усмехнулся.

- Семенова, говоришь? Нет у меня родственниц. Никого. Были и мать, и сестра, а сейчас... война, дружочек.

Ян Янович встал, подошел к окну, раздвинул плюшевые занавески, открыл форточку. Струя свежего воздуха ворвалась в комнату. Иван повел глазами. Именно таким и представлялось ему жилище ученого человека. Комод, сервант, кресла, ковры - все добротное, красивое. И много, наверное, денег стоит. А вот и галстук черный в белый горошек висит на спинке стула, тот самый, в котором доктор ходил на работу. И очки на столе - его.

- Что, нравится? - Ян Янович пытливо сощурил глаза: заметил, что Иван, как зачарованный, озирается по квартире.

- Ага.

- Мне тоже. У Николки всегда был хороший вкус. Такой уж он человек: любит простор и уют. Большому кораблю большое плаванье. Понятно тебе? - Иван кивнул головой. - Ну, если понятно, посиди отдохни, а я - на кухню. Придумаю что-нибудь перекусить.

- А может, я пойду? - забеспокоился Ванька.

- Сиди, - просто сказал Ян Янович. - Что это у тебя, сало... Николке принес? - Ванька кивнул. - Давай сюда, тоже по адресу будет, - Иван торопливо и даже с радостью подал пакет. Ян Янович взвесил его на ладони. - Ого!.. Мы, латыши, знаем толк в сале. Сейчас мы его...

Он взял нож, отрезал четверть, остальное аккуратно завернул в холстину и газету и отдал Ивану.

- Зачем?.. я не возьму назад.

- Бери, бери... угостишь ребят в общежитии. А это, - он указал на отрезанный кусок, - сейчас в дело пустим, - и понюхал. - А-ах!.. детством запахло. Его бы немножко прокоптить, да чесночком прошпиговать, да перчиком... Я думаю, половину так съедим, а остальное... Яичницу с салом любишь? - Ванька кивнул. - Вот и бедово, дружочек. Ты пока сбегай в булочную... она тут за углом, совсем рядом, а я на кухне поколдую. Годится?

- Ага. Я сейчас, - обрадовался Иван и, вскочив с дивана, метнулся к двери.

- Оденься-то хоть, замерзнешь.

- Не... Я так. Я не застыну, - уже с порога отнекнулся Иван и второпях громко хлопнул дверью.

Куда там февральской стуже до молодого здорового организма. Камни с неба, и то нипочем. Рядом?.. За углом?.. Да хоть на краю земли!.. Мигом. Ноги в руки - и вперед... Квартал туда, квартал обратно... только пар из ноздрей... только шматки снега из-под ботинок, да удивление на лицах прохожих: куда же ты, антихрист, в такую непогоду с расхристанной душой!

- Быстро ты, дружочек. Молодец. И у меня все готово. Только-только с плиты.

На столе, застланном свежей скатертью, уже стоят надпитая бутылка коньяка, две маленькие рюмочки, чистые тарелки, вилки и ножи. Посреди стола задиристо шипит сковородка с яичницей и жареными ломтиками сала. Ян Янович подмигнул.

- А теперь, мой руки - и к делу.

- Они у меня чистые.

Иван сел за стол.

- Ну, коли чистые... - Ян Янович улыбнулся, - не буду настаивать. А я помою.

Иван посмотрел на его руки - чистые... украдкой глянул на свои... и на них не увидел грязи... но все же встал и пошел в ванную.

- Только недолго... Яичница остынет... Тебе посыпать перчиком?

Ванька дважды обильно намылил лицо и руки и, сморкаясь и фыркая, энергично смыл пену холодной водой. Он не спешит выходить из ванной. Надо как-то прийти в себя, сжиться с теплотой и вниманием, которым окружил его этот старик, привыкнуть к мысли, что сейчас он вытрется чистым полотенцем, причешется и, как равный, сядет за стол с другом ученого человека. Вот бы видели ребята из общаги!.. А еще лучше, если б кто-нибудь из мироновцев оказался тут, размечтался Ванька. «Не поверят ведь, если расскажу».

... - Марта Яновна, отсадите меня от Никанорова.

- Это почему же, Кудинов?! - изумилась старенькая учительница немецкого языка. - Столько времени просидел с ним, и вдруг на тебе!.. Не выдумывай.

- Ну, пусть он пересядет на другую парту. Я больше не могу - задыхаюсь. От него свинарником несет. Воняет.

- Кудинов, перестань.

- Вы на меня не кричите. Посидите с ним - узнаете, как воняет. Пусть теперь другой кто-нибудь понюхает.

Шурка назвал несколько фамилий...

(Иван нахмурился: попытался вспомнить, кого назвал его давний и постоянный обидчик, но... Запамятовал даже, когда это произошло: в шестом или еще в пятом классе.)

- А чего это со мной? - запротестовали те.

- И я не хочу.

- И я.

- Пусть сначала в баню сходит.

Ванька украдкой обнюхал свои руки... одежду. Заглянул под парту: на подошвах сапог предательски белели навозные соломинки. Утром, еще до школы, вычищал у поросенка, начисто выгреб навоз и потрусил в хлеву чистую, свежую подстилку. Забыв про осторожность, посильнее втянул носом воздух.

- Что, самому воняет? - Шурка смотрел на него и ехидно ухмылялся.

- На переменке вымою. Чего ты кричишь!

- Да тебя всего надо три дня в кипятке выпаривать... свинопас.

В классе дружно захихикали. Прозвенел звонок. Словно выпущенные из темного сарая воробьи, ребята сорвались с места и выпорхнули в коридор. Они уже забыли и о Кудинове, и о Никанорове - перемена! Ванька остался в классе.

- Никаноров, - Марта Яновна подсела к нему и дотронулась до локтя.

Ванька повернулся - на голубых узко посаженных глазах поблескивала предательская пленочка.

- Ты плачешь? - тихо спросила учительница.

- Вот еще, - шмыгнув носом, отнекнулся Ванька, но в следующую секунду по щеке покатилась слезинка... за ней вторая, третья, и через минуту, уже не в состоянии справиться с жалостью к самому себе, он принялся рукавом вельветовой толстовки утирать слезы.

- Не надо стыдиться слез, Ваня. Это хорошие слезы. Плохо, когда человек рюмсает по пустякам или от трусости...

Ванька осторожно посмотрел на учительницу. Какая же она старенькая, подумал он, впервые заметив густую паутину морщин на щеках и возле глаз... и перевел взгляд на руки, такие же худые и морщинистые... и улыбнулся. Улыбнулась и Марта Яновна.

- Как мама поживает?

- Ничего, помаленьку.

- Помогаешь ей?

Ванька кивнул головой:

- Сама все не сдюжает.

- Хороший ты, Ваня... А на ребят не обижайся, несмышленые они еще. Повзрослеют - умнее станут. А сейчас что им... на всем готовом... - Марта Яновна опять улыбнулась. - Ты на меня не обижайся, - Ванька насторожился, - но сапоги надо мыть перед школой... От них нехороший запах, - она посмотрела на ивановы пальцы. - И ногти надо стричь, - Ванька убрал руки с парты. - У вас дома есть ножницы?

- Есть.

За дверью пронесся грохот каблуков, смех: кто-то кого-то догонял. Догнал. Все стихло. Затем - хихикание, и через минуту - сердитый голос Вали Стародубцевой: «Убери лапы, дурак, кофту порвешь».

...Иван закрыл кран, снял с вешалки полотенце и вздохнул. Хорошо вздохнул, будто тяжелый груз сбросил с плеч... и улыбнулся в зеркало.

- Что так разглядываешь себя, давно не видел?

Иван вздрогнул: не заметил, когда в дверях появился Ян Янович. Краска ударила в лицо, губы растянулись в виноватой улыбке, будто шкоду надумал какую. Он смутился, зачем-то открыл кран и подставил уже чистые и сухие руки под струю горячей воды... и вспомнил, что сегодня и у Риты будет горячая вода и что ждет она его, чтобы вместе под душем искупаться.

- Хватит, хватит... а то девки украдут... - Ян Янович протиснулся к раковине, сполоснул руки и вслед за Иваном вышел из ванной. - А теперь к столу, пора за трапезу. Сало из дому?

- Ага. Ешьте, пожалуйста, - Иван кивнул на тарелочку: там лежали ровные тоненькие ломтики. - Свежее. Мамка к Рождеству кабана заколола.

Ян Янович улыбнулся.

- Скучаешь по матери?

- А чего скучать - на каждые каникулы, октябрьские и майские праздники приезжаю. Вот только на этот раз... А вообще-то скучать некогда - много учить приходится. Трактор - не телега.

- А когда отучишься - домой?

- Придется.

- Как это «придется»? Не хочешь ехать к родителям в деревню?

- Мне все равно где жить - везде работать надо. Конечно, лучше бы в Мироновке, если б не...

- Понравилось в городе? - перебил его Ян Янович и усмехнулся. Усмехнулся недобро.

- Нет, - коротко и сердито отрубил Иван.

- А ты не очень-то приветлив, дружочек.

- Один раз уже был приветливым. Хватит.

- Что так?

И словно прорвало Ивана:

- В детстве я любил сидеть на плетне и здороваться. Всем, кто проходил мимо, говорил: «Здрасьте». По нескольку раз на день здоровался с одним и тем же. Мне казалось, им это приятно. И мне было хорошо, когда они отвечали. А потом я заметил: они посмеиваются надо мной и крутят пальцем у виска - дурачок, мол, Шура веники вязала.

- Шура веники вязала? - вопросительно усмехнулся Ян Янович, но тут же смутился.

Иван достал из кармана пачку «Беломора», вынул папиросу и принялся разминать ее. Из мундштука посыпался табак.

- Можно? - кивнул он на папиросу.

- Кури, кури... А деревня-то твоя красивая? Я говорю, хорошо у тебя дома, есть там лес, речка или озеро?

Иван тряхнул коробком, чиркнул спичкой. Прищурившись, он склонил голову на бок и, на манер Григория Кудинова, языком перекинул папиросу из одного уголка рта в другой.

- А как же, есть лес. Даже два: Гапоновский и Колычевский. И речка есть широкая. Сейм называется, как и здесь в городе. Только она у нас и шире, и лучше. Эта и в подметки не годится нашей. Здесь вода грязная, вонючая... А у нас...

Иван не договорил, что-то помешало ему хвалить свой край.

- Что замолчал?

- Да так... Но когда-то, даже я помню, можно было пить воду из нашей речки... чистая-пречистая... на песочке дно было видно. А в ясную погоду, когда солнышко, - Ванька заулыбался, - так вообще, будто и нет воды. На трехметровой глубине можно было рыбок разглядеть. Много тогда водилось рыбы в нашем Сейме.

- А почему это «тогда»?

- Чего «тогда»? - совсем как взрослый, удрученно повторил Иван вопрос Яна Яновича и, будто в укор самому себе, ответил: - В Коренево, ну, в соседнем большом селе, построили маслозавод и консервный на берегу Крепны... есть там такая речушка. Так вот, эта самая Крепна в наш Сейм впадает, и вся гадость от тех заводов в Крепну стекает... а из Крепны - к нам, в Сейм. Вот чего. Сейчас иной раз, не то что пить, бабы белье не хотят в ней полоскать. И луга были раньше ого-го какие... что на нашем, левом берегу, что на том, правом, трава выше пояса. Запросто можно было спрятаться в ней. Раньше у нас и

коров в каждом дворе держали - сена всем хватало. И щук в речке было видано-невидано. Вот такие попадались, - Иван развел руки на сколько только мог. - И даже больше попадались.

- Не рыбак, случайно?

Ванька усмехнулся.

- Я?.. Нет. Думаете, брешу? Зачем мне это. Правда, сейчас уже... и луг не тот, - весь скотиной повытоптан, одни кочки... трава - так, смех один... И Сейм уже мельчать стал. Мужики говорят: скоро вообще будет - раку по сраку, воробью по колено. Нечего было овраги распахивать.

- Овраги?.. А при чем тут они?

- Как же, - удивился Ванька: что тут непонятного. - В половодье вся грязь из распаханных оврагов сползает в речку. Так все наши деды считают. Да тут и не надо много ума... ясно же.

- Ну, мало ли что придумают ваши старики... начальству виднее.

За дверью в коридоре послышались ругань, матюки. Ян Янович насторожился, замолчал, подобрался. И виновато заулыбался.

- Да что это мы с тобой, дружочек, расталдычились, а про яичницу совсем забыли... приступим?

Иван кивнул и притушил папиросу о спичечный коробок. Ян Янович взял бутылку.

- Армянский. Напиток богов, сам Черчилль его жаловал. Сейчас это редкость, дефицит. Полгода берег для Николки. Только по лафитничку и успели... теперь ему не до выпивки... Ты как, не против?..

Иван промолчал. Ян Янович налил в рюмки.

- Так за что же мы выпьем, дружочек... за Николку?

Иван кивнул, взял рюмку, выпил и тут же скривился. Жгучим и горьким показался ему «напиток богов».

- Что, не понравился коньяк?

- Нет, - признался Ванька.

- А ты часом не впервые выпиваешь?

Ванька мотнул головой: рот набит яичницей и хлебом. А когда прожевал и проглотил - пояснил.

- В сентябре один раз стакан самогонки выпил. Ребята в общаге налили, когда приехали с каникул. Та была мутная, вонючая... и тоже - гадость.

Про спирт, который дала ему Рита в процедурном кабинете, и про бокал вина, что выпил у нее на квартире, Иван промолчал.

- Я больше не буду, - отказался он, когда Ян Янович предложил ему еще рюмочку. - Баловство это, - и помолчав немного, спросил: - А жена Николая Кузьмича не будет ругаться, что мы, не спросясь, в ее доме выпиваем?

- Не будет... Нет у него жены. Умерла. Уже давно. В тот же год, когда сын погиб. Летчик... Только-только надел лейтенантские погоны - и на тебе!.. В небе что только не вытворял на своем истребителе, а на земле... Ехали на стареньком «Москвичике» вместе с другом на рыбалку... Николка рассказывал: в сильный дождь это случилось. И чуть-чуть... А ведь до того и на дух не переносил спиртного. Да... такие вот дела. Вроде тебя он был: здоровый, красивый и добрый. Да вот он, глянь.

Иван повернул голову. Над комодом - большой фотографический портрет под «палех». Простое открытое лицо, густой ежик русых волос. По серому в полоску пиджаку, белой рубашке и черному галстуку прошлось перо ретушера... если вообще не пририсовал новую одежду. Рядом - другой портрет. И тоже под «палех». Видать, работа того же кудесника. Молодая красивая женщина. И тоже с уловками фотографов-шабашников, которые пролазят везде, где можно и где нельзя, и надоедливо предлагают свои шедевры за мизерную, как они утверждают, цену - почти даром. В ванькином общежитии у каждого есть такой портрет. Многие даже щедро переплачивали, чтоб и рубашка, и прическа, особенно прическа (в училище беспощадно стригли, едва волосы отрастут больше спички, да и милиция в городе яростно следила, чтоб не было «волосатиков», хватала и беспощадно стригла под ноль) - как у Элвиса Пресли или у Битлов. Не устоял и Ванька, и тоже - Джон Леннон из Мироновки.

Уже начало смеркаться. Разговоры... разговоры... раз яичница с салом... потом еще раз, пока не наелись вволю. Папироску за папироской - Иван, Ян Янович - коньячок из лафитничка. Чаек. И опять разговоры. Время летит. Но пора и честь знать; сонные глаза Яна Яновича - четыре часа разницы во времени между Норильском и Курском: не фунт

изюму для старика. «До свидания». «Цвейки. Заходи еще». За спиной взвизгнули дверные петли. Ржавым голосом свое вечное «холодно» проворчала неугомонная пружина. Теперь - с небес на грешную землю: в общежитие. Иван достал пачку папирос, закурил и улыбнулся: перехитрил-таки Яна Яновича, оставил ему весь кусок сала.

- Во, еще один.

На скамейке, у самых дверей - три старушки.

- И этот с оклунком приходил, сама видела. Кажин день и прут, и прут пакеты... Хорошо дохторам: лечил, не лечил, а подарочек давай. Так бы и я смогла. И спирт хлещут, как воду, бесплатно.

- Уж эт точно. Намедни мой жять попросил: дай, дохтор, шпиртику, пояшницу потереть, шам ведь не попьешь вше... так тот как выкроил бульдожью морду, рашшкаживал жять, руки жятряшлишь, глажа на лоб, и как рявкнет!.. Вот ведь оно как. Анкаголик нешшаштный.

- Через то и сын его загинул. С виду так вежливый был - здрасте, бабуся, как поживаете, я в магазин, не купить ли и вам чего... а вишь... не успел в командиры выбиться, и уже все нипочем. Весь в папашу: все сабе, да сабе.

- Как же, как же, к нему еще един, такой же пьяндыга заявился. Тоже, видать, за чужой счет живет - видали, кака богата доха на нем? А ты хотела, чтоб они с твоим зятьком спиртиком поделились.

- Нивжель пожалели?!

- А ты как думала? Шами хотели вше вылакать.

- Вот и долакались, чуть вперед ногами не вынесли. Оклемается ли таперь?

- Не бешпокойшя, швоего они враж... Это ешли мы попадем туды...

- О-ох... и не говори, соседушка, так на столе у них и преставимся. А своего они отрятуют, как же.

Иван резко, так, что снег взвизгнул под ботинками, повернулся, подскочил к сплетницам и, ухватившись обеими руками за край скамейки, рванул изо всех сил. Словно три черные жабы, плюшевые, мутоновые и драповые злыдни взлетели вверх и, распластавшись, плюхнулись в снег. Не оглядываясь и не слушая испуганного и злобного кудахтанья, Иван зашагал прочь от дома, в котором живут такие разные люди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Зима еще в силе: и мороз, и ветер, и солнце светит, да не греет. Воротники подняты, руки глубоко в карманах. Холодно. И уже надоела стужа, скорей бы весна и лето.

Тах - тах - тах... - по укатанному, пожеванному гусеничными траками грязному снегу туда-сюда, будто старый мерин с шорами на глазах, тычется-тащится расхлябанный тракторок. Остановился. Затих. Вздохнул. Скосил фары-глаза на ватагу ребят: если б кто захотел выучиться на тракториста, смог бы это сделать и у себя дома, в кабине хорошего тракториста. Еще б и лучше получилось. И снова: рокот, кольца синего дыма в стылый воздух, рывок, цокот-лязг по кругу - «горки», «ворота», «змейка», задний ход... стоп... Следующий! Следующий! Следующий!

- Никаноров, после занятий - к директору.

- Зачем?

- Не знаю, - Панкратов отвел глаза. - Зайди, там скажут.

Иван сдвинул брови: опять, что да как, заладили... каждый день одно и то же.

- Ладно, зайду, - согласился он и полез в кабину.

- Не «ладно», а «слушаюсь»: ты в училище, а не в пивнушке, - оборвал его мастер и тут же пожалел о сказанном.

Дожидаясь очереди на вождение, самбурята прыгают, толкаются, постукивают ногой об ногу: в остроносых туфлях на тонкой подошве из кожзаменителя долго не выстоишь на морозе. «Пижоны!.. все из-за вас: заварили кашу, а мне расхлебывай... А ну, с дороги! - Иван прикинул на глаз: метров пять-шесть - можно успеть. - Замерзли?.. так погрейтесь». Он дал полный газ, резко отпустил сцепление и бросил машину вперед, прямо на ребят. Самбурята - в рассыпную. Сашка поскользнулся и упал. Иван - на тормоза: «А тебе что, жить надоело?.. а ну, вставай». Не отпуская педаль тормоза, он переключился на нейтральную скорость и еще раз газанул. Крупнокалиберный рокот саданул по ушам. Самбур, будто незадачливый клоун на манеже, подхватился, высоко подпрыгнул, сиганул в сторону и, словно заяц, петляя и не оглядываясь, задал стрекача. В кабину вско-

чил мастер.

- Ты что, спятил?! В тюрьму захотел?!..

Панкратов с трудом находил нужные слова. Он еле-еле сдерживал себя, чтоб не сорваться на крик, не пустить в ход кулаки.

- Я только попугал их, - и глазом не моргнул Ванька.

- Попугать ему захотелось, - начал отходить Панкратов. - Морды таким бить надо... Да и тебе заодно: нашел, чем играться! А если б тормоза отказали? Короче, прав директор - пора тебе на практику... подальше от греха.

- Чего это?.. я не согласен, - заартачился Ванька. Он знал, что на так называемую «практику» училище выталкивает самых отпетых, неугодных или до того тупых пэтэушников, что дальше некуда. - И учеба не кончилась... и никуда я не поеду: меня колхоз направил сюда. Чего они меня вздумали выпроводить?..

- А того: никто не верит, что ты упал и разбился. Скажу по секрету, - мастер кивнул на самбурят, - те сопляки сами проболтались.

- Чего ж тогда допытываются?

- А того, что не знают: пойдешь к прокурору или нет. Училищу ни к чему такой скандал.

- Но я же не думаю заявлять. Разве не видно?

- И это их пугает: опасаются - дров наломаешь.

- Поперва хотел, а теперь - нет.

- А сейчас?

- Я только попугал.

- Попугал... А дирекции что прикажешь - на ромашке гадать: любит - не любит? Короче, езжай на родину, - мастер положил ладонь Ивану на колено. - Трактор ты изучил... вождение классное - готовый тракторист. Вечерком загляни ко мне: еще разок проштудируем коробку скоростей... Кашу маслом не испортишь.

- Перед смертью не надышишься.

- Зайди, зайди, не помешает. Ну, чего ты набычился?! Думаешь, и я того хочу? Я против, да куда там... Сам нахлобучку получил из-за вас, - он достал пачку папирос. - Будешь? - Иван кивнул, чиркнул спичкой, дал прикурить мастеру и сам закурил. - А о ребятах плохо не думай, не держи камень за пазухой. Выброси: полегчает, - и перехватив недоумевающий взгляд Ивана: - Всяк человек со всячинкой. Иной такого накуролесит, - мать честная! - а встретишь его через пяток лет: человек как человек. И не скажешь, что за ним было что-то такое...

- А Самбур?

- А что Самбур?.. И он... С вывихом - да... если хочешь, но не бандит же... И он человеком станет.

Иван отмахнулся: не согласен.

- У кого на роду написано...

Мастер покачал головой.

- Не в лесу живем: мозги набекрень - поправим. Я же тебе говорил: у каждого за душой есть грешок. А если нет, то мог бы быть, но страх или совесть уберегли. Думаешь, я святой?.. А тот случай для них - прививка от большей заразы.

Иван ясно понял, о чем толкует мастер, но еще не до конца готов поверить, что так есть и так будет: волка сколько ни корми, все равно в лес смотрит.

- Ну, как, сказать ребятам, что не держишь зла?

- Ничего не говори, - не сразу и с трудом выдавил Иван. - Я сам.

- Вот и хорошо. Молодец, - Панкратов облегченно вздохнул. - А у тебя все будет хорошо. Вот увидишь. Настоящий товар сам себя молча хвалит. Заодно и мать обрадуешь. Смотри только, не обижай ее. Ты понял, о чем я?..

Иван кивнул... и попытался улыбнуться... и опять сник.

- Ладно, мастер... обидно только. Если б виноват в чем был, то... чего уж там, а так... из-за кого-то... А когда ехать?

- Завтра, - как топором отрубил Панкратов: резко и однозначно.

- Как завтра? - опешил Ванька.

- В канцелярии уже документы подготовили. До последнего не говорил тебе - надеялся: передумают.

Иван испуганно посмотрел на мастера. Тот выбросил окурок в снег, достал новую папиросу.

- Как завтра? - переспросил Ванька.

Мастер не ответил. Он долго-долго разминал папиросу, затем постучал мундштуком о ноготь.

- Дай спичку, - Иван подал коробок. Мастер прикурил. Затем вынул из кармана зажигалку. - На... Дарю.

- Да нет, не надо, - начал отказываться Иван.

- Бери, бери, не ломайся: хоть какая-то память будет.

Ванька взял зажигалку, высек пламя.

- Заправляй чистым бензином, без масла.

- Я знаю.

Панкратов сделал глубокую затяжку, потом еще одну и еще: что-то не давало ему покоя.

- Ты не давал деньги Эдику? Ну, тому брандахлысту, что в наше общежитие повадился.

- Нет, - удивился Ванька. - А что? Да он и не просил у меня.

- И у тех сцыкунов не просил, - Панкратов усмехнулся и кивнул на ребят. - Сами дали. Еще и уговаривали. Наверное, когда ты в больнице лежал, случилось это. В общем, я рад, что хоть ты не опростоволосился. Ну, чего так смотришь! Дураки набитые твои самбурята, вот кто они. Даже в голову не укладывается. Правда, Сашка не дал себя облапошить: ушлый парень, что и говорить. Теперь ходит гоголем и посмеивается. Зато остальные... Додумались же до такого!.. Короче, пришел как-то Эдуардик к нашим лопухам, угостил их американскими сигаретами и жевательной резинкой, похвастался: отец из Америки привез - был там на симпозиуме, и между делом сообщил, что опять собирается в загранку. На этот раз в Италию, в Рим. Покурили-пожевали, а потом кого-то из наших потянуло на заграничные шмотки. Эдуардик, конечно, - я рад бы, но не знаю, удастся ли уговорить папашу... мол, он только о науке и думает. А тут уже и все созрели: захотели прибарахлиться. Посулили даже с переплатой. Короче, Эдик ничего не пообещал и ушел - точно рассчитал: не стал торопить события. А через пару дней снова явился - не запылился. И опять с сигаретами «кэмэл» и жвачкой, и обрадовал: уломал старика. Короче, ваш друг...

- Какой он мне друг... так, сбоку припека.

- ...распрекрасный Эдик обул в лапти всех самбурят. Одним махом. Они ведь что учудили на радостях: позалазили в долги, из дома затребовали и отдали тому хмырю уйму денег. Каждый не меньше сотни выложил, а то и больше: кому плащ болоньевый, кому рубашку нейлоновую, кому и то и другое, а кому еще и джинсы. Честный оказался Эдик: не захотел, чтоб с переплатой... - Панкратов усмехнулся. - Всяких простаков видел, но чтоб таких!.. Еще и признаваться не хотели, дурачье. Слышу: шушукаются, а о чем - не пойму. Потом уже...

- Пусть бы пошли к нему.

- Куда? Ты знаешь, где он живет?

- Откуда мне...

- Вот и они... Не чиркай без толка: кремень сотрешь, - Ванька спрятал зажигалку в карман. Мастер опять: - Нашел я его, красавца: не иголка. Отец - и в самом деле, хоть и не профессор, но тоже фигура, ничего не скажешь - доцент. И тоже все, как положено: и очки, и бородка, и кабинет с книгами... Мне он даже понравился вначале, но ни в какие «америки» и «римы» не летал. Даже удивился, когда я спросил: как там поживают гнилые капиталисты. Еще и пожаловался: «зарубеж» только для московских ученых - все им да им. Я ему про сына... Опять удивился. А потом растерялся: не знал, что сказать. А тут и Эдик вошел в кабинет и, конечно же, отказался, что брал деньги.

- Вот гадина!.. культурный... в галстучке все время... Надо в милицию заявить.

- Все бы ничего, не выплыви к нам еще и мамаша: «Наш Эдуард, наш Эдуард!.. он умные книги читает, он в театры ходит, он философию любит, он Вивальди слушает, он вообще не водится с пэтэушниками и всякой там шпаной...» Гляжу, и доцент осмелел, да как набросятся вдвоем на меня!.. Сына они выпроводили. Я и не знал, что о нас думают в городе: и бандиты мы, и попрошайки, и воры, и пьяницы... - чего только не наслушался. Короче, тюрьма по нам плачет. Вот же люди! Начали требовать с меня расписку, а где я ее возьму: те умники и не подумали об этом. Только было хотел прокурором припугнуть - опередили, сказали: в суд подадут за шантаж. Умные - недаром: ученые. Вижу, дело дрянь. Не знаю, что меня дернуло за язык, но возьми и ляпни: до того, как пришел ваш сын, мои ребята настраивали магнитофон...

- Сашкин, наверное?

- Ты слушай, - мастер сделал глубокую затяжку. - И, будто желая проверить свою ра-

боту, записали весь тот разговор, слово в слово. А это похлеще любой расписки: вряд ли ваш сынуля сможет отвертеться от своего голоса. Мамаша тут же в истерику: не ожидала такого выхлопа. Да я и сам минуту назад не ожидал: голь на выдумку хитра. Доцент - и ее за дверь. Молодец: проявил характер. Давай сына к себе... Тот опять ни в какую: не брал деньги, и баста. Папаша кричит на него - все равно отказывается. Глаза б мои не видели все это: старый из кожи лезет, за сердце хватается, пилюли глотает, а молодой нюни распустил, клянется всем на свете, даже на колени упал... и не признается. Короче, как я понял, самбурята не первые, кого он надул: у папаши вырвалось «ты опять за старое взялся?» А вчера пришел-таки доцент. Явился - не запылился. Обещал вернуть все до копейки.

- Забоялся, значит.

- Ясное дело: репутация. Это с нас бы, как с гуся вода: напился, подрался - герой!.. свой в доску... обдурили?.. варежку не раскрывай, сам виноват. А ему, интеллигенту вшивому, каждый день надо доказывать, что он тоже человек, а не верблюд. Ему стоит хоть чуть-чуть замараться - все, хана! Вовек не отмоется: свои же с костями съедят. Они там, чертовы дармоеды, как пауки в банке. Так что наш доцентишко знает что почем: не дурак, понимает - куда ему с нами, с рабочим классом, тягаться. Кишка тонка. Вот так-то. Еще сам Ленин сказал про них, про интеллигентов всяких, что они не цвет нации, а говно на палочке. Вот так-то. Но хорошо хоть ты в стороне: до завтрего не успеет столько достать. Больше двух тысяч набралось.

- Новыми деньгами?!

- А то какими же.

- Ого!

- Вот тебе и ого. Уже шесть лет как новые деньги ввели, а ты все старые поминаешь.

- А ребятам сказали, где он живет?

- Ну да: такого натворят - никому мало не покажется.

Ванька осторожно и с надеждой глянул на мастера.

- А может, директор еще передумает?

Мастер поднял голову, мельком глянул на Ваньку и с чужого голоса, будто приговор зачитал, выдохнул:

- Нет. Завтра поедешь. Собирайся. Так всем будет спокойнее.

Иван прикусил губу: испугался, что еще немного - и заплачет. Заплачет от несправедливости, от жалости к себе. Ну, вот и все... Самбур скажет - недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Он глянул через лобовое стекло: сбившись в кучу, самбурята толкутся в стороне. Испуг прошел, но лица встревожены. К трактору не подходят: понимают - в кабине крупный разговор. Самбур, как никогда раньше, будто отставной козы барабанщик, одиноко стоит в стороне.

И комом в горле - обида... и не проглотить... и не выкашляться. Жалко, что мастер не отговорил директора... Не смог или не захотел? Не захотел. Ну, конечно же, ясное дело, и он заодно с ними. Того-то он и спрашивал про деньги, да про Эдика... А я тут перед ним чуть слезу, дурак, не пустил. Ванька мельком глянул на мастера, и что-то дрогнуло в нем, усомнился. А если нет... а если мастер тут ни при чем? Он мужик мировой: сам когда-то был в нашей шкуре. И опять подозрения, будто наваждение какое-то, встревожили парня. Ну, а если... чего это, собственно, ему распинаться, задницу свою подставлять из-за меня... Точно, уже ни капельки не сомневался Ванька, и он заодно с директором. Все они такие... И если так, тогда и я тебе! Ванька повернулся к мастеру и спросил. Спросил о том, о чем давно уже слышал от всезнающих самбурят, но чему упорно не хотел верить, а теперь... - вот тебе! Получай!

- Мастер, это правда, что ты виноват в гибели своего сына... а потом от тебя жена ушла?

Спросил и пожалел, но поздно: слово - не воробей.

- Правда. В кабине со мной катался, - виновато ответил Панкратов. - Трактор перевернулся. На косогоре. Овраг распахивал, будь он!.. - и немного помолчав: - Я, как видишь, ничего, а Ванюшки моего нет.

2

Тесно - ни прилечь, ни присесть. И холодно: по вокзалу, как у себя дома, гуляют сквозняки. Неуютно. Свет в грязных плафонах еле пробивается сквозь стекло. Заспанные, замученные неудобствами и долгим томлением в ожидании поездов, пассажиры зябко кутаются в воротники, шали, шапки-ушанки. Согнувшись в три погибели, люди, как бездомные бродяги, ютятся на жестких вокзальных диванах. Беспрестанно ворочаясь с боку

на бок, они вздыхают, что-то бормочут спросонья, проклинают все на свете и в то же время тихонько радуются, что хоть так да устроились. Другим и того не досталось: кто стоит, прислонившись к стене или колонне, кто неторопливыми шагами меряет зал ожидания из угла в угол, а кто и просто, махнув на всякие приличия и здоровье, свернулся калачиком на цементном полу где-нибудь в укромном месте возле заплеванной урны или под лестницей, - в ногах правды нет.

Ванька сидит на корточках в тамбуре возле самого выхода, отгороженного одной дверью от февральской стужи, второй - от запахов пота, мочи и еще чего-то тошнотно-кислого. Сидит и курит. И думает: надо было взять тогда у отца кусок сала. Он же не просто так, - на, возьми, у меня такого добра хоть завались... Да и где там - хоть завались: никогда поросенка не держал. Купил, наверное. А я - «сам жри!» По губам бы за такие слова. И кому сказал!.. Еще и толкнул. Он сколько раз пытался заговорить со мной, а я... Рассказывал такое, что будь я Павликом Морозовым...

- Подайте, Христа ради! - жалобно пропел тихий голос.

Ванька поднял глаза: нищенка в драных лохмотьях, в дырявых валенках стоит перед ним и протягивает руку. В грязной сморщенной ладони несколько тусклых медяков и один гривенник. Гривенник неприлично новый, блестит, будто живой огонек в остывшей золе. Что же ты купишь, бабушка, на эти медяки? - с жалостью подумал Ванька. Присмотрелся к нищенке и обомлел - мамка! Да нет, что это я, совсем уже... - начал успокаивать он себя. Не могла она так сразу постареть... чепуха все это. Но похожа-то как!.. и глаза, и брови, и рот такой же маленький, да и все лицо... Бывает же такое!..

Ванька встал и вынул из кармана рубль. Подумал немного и достал второй. Нищенка перекрестилась, торопливо спрятала деньги в карман своей замызганной кацавейки и, суетливо открыв дверь, удалилась - а ну как передумает этот малахольный, да назад деньги отберет.

И снова - никого в холодном вокзальном тамбуре. Ванька присел на корточки, опустил веки: лето - ночь - табор - крыльцо вагончика. В вагончике спят механизаторы: намаялись за день. Ванька не спит. Ванька сидит на ступеньках и курит. Кто-то выплыл из темноты, подошел ближе. Ванька узнал - Семен. В пору страды он всегда в поле: подвозит на телеге солярку к тракторам и комбайнам. Ванька подвинулся. Семен воспринял это как приглашение и сел рядом. Плечо к плечу. И тоже закурил. Разговор не клеился. Долго не клеился: не знали, с чего начать. А так много сказать друг другу надо. Но все же разговорились.

«...Почто, спрашиваешь, таюсь от людей, почто скрываюсь?.. А того, что не верю я никому. Тяжело так жить, знаю, а вот ничего не могу поделать с собой, - понесло Семена. Кажется, за всю свою жизнь так много он не говорил. - И те, что до 53-го года нами правили, тоже были свои советские и тоже с партбилетами... Больше, чем себе, им верили. На смерть посылали нас, и на смерть шли, как на обычную работу. Сейчас вроде потеплело малость, вроде уже и нечего бояться, но... А вдруг... Кто знает, что им завтра в голову взбредет? Что хотят, то и делают. У них там, - Семен показал пальцем вверх, - семь пятниц на неделю. Я сейчас высунусь - вот я ни за что ни про что пострадал, а завтра - раз и по шапке - опять старые времена вернулись. Кто герой, кто враг - пойди разбери. Нет, уж лучше я потихоньку, чтоб никто и не знал, что есть такой Семен из Мироновки. Хороша правда матка, да не перед людьми, а перед Богом. До сих пор боюсь милиционеров. Как от чумы, от них бегаю. Стоит какой-нибудь шибздик, плюнешь - и дух вон, а я дрожу перед ним, как овечий хвост. Не могу забыть, как еще пацаном от холода и голода чуть не окочурился по дороге в Сибирь, как потом с «конским» паспортом каждый месяц отмечался в милиции, что тут я, на месте, не сбежал; как с призывного пункта - сразу в штрафную роту вместе с ворами и мокрушниками. И так всю жизнь нараскарячку. Спасибо фрицу: стрельнул, ранил, а кровь - помилование. Вот ведь: свои - в кутузку да на выселки, а чужеземец, и не хотел того, а вернул свободу. Так-то. Бог правду любит. Сейчас и рад бы хорошо поработать, а не могу. Не могу, и все тут: один раз обжегся, на войне... и награде не рад был. Про награду как-нибудь потом, а вот что после нее... Как раз, помню, под Ржевом стояли, фронт держали. Сначала корреспондент приехал, то да се, сфотографировал, а через недельку пропечатали в армейской газетке мою фотокарточку и еще статейку под ней: какой я молодец. Потом, ровно через месяц, заявляется лейтенантик с бородавкой возле носа, в новом обмундировании, ремни и сапоги скрипят... и щеки красные, как у девки на выданье. Дождался, когда я один в блиндаже останусь, дал «казбечину» закурить и сразу - кто такой, откуда, кто родители?.. ну, и так далее. Я тогда сразу смекнул, что за субчик... «смершевец». «Смерть шпионам» называлась их служба. Мы

их посильнее бомбежки и артобстрела боялись. И вот он, передо мной. Молодой, а видать, из ранних, без мыла в жопу влез. Хотел было я прикинуться, что не пойму, о чем разговор, да он, сука, так свои вопросики вкручивал, что я на каждом слове спотыкаться начал. Дотошный попался лейтенантик - только дай порвать, в один день со мной управился, даже сам того не ожидал. Сказал: думал с месяц провозиться. Достал из сумки непочатую пачку «Казбека» и - мне. На, говорит, это тебе в благодарность за мое повышение. Я, говорит, за тебя наверняка еще один кубарик получу. И улыбается своими гнилыми зубами. Так и удавил бы гада. В тайге один на один с медведем сошелся, и ничего, а того сморчка испугался. Как, спрашиваешь, выпутался? Да очень просто, опять фриц постарался: миной накрыл. Конвоиров - наповал, телегу - набок, меня - в голову, ну, а лейтенантика Пряхина... Помирать буду, а его фамилию не забуду - в живот осколком: кишки вон. Никого не обделил фашист, только кобылку, божью тварь, не тронул: стоит в сторонке, как ни в чем не бывало, и молодую травку хрумкает. Как сейчас помню. Вот тогда-то я и понял, что живой вернусь с войны: зачем фашисту убивать меня, пулю тратить, если я и для своих не человек. Подлез к лейтенантику, вынул из сумки свои документы и награды... Документы - какие в карман, какие в клочья и по ветру, награды - на грудь... Сел - закурил. А голова гудит... спасу нет. Контузило меня тогда. Сижу, курю и не знаю, что делать: дождаться темноты и - к немцам, или назад к своим. Не знаю, что хуже. Вдруг слышу: «Помоги, Семен Миронович...» Ах, ты ж, думаю, курва скороспелая, то - враг народа, а теперь - Семен Миронович!.. сейчас я тебе... И помог: выплюнул душистую папироску, да и навалил на его краснощекую морду все свои восемь пудов. Помог... недолго мучился лейтенантик: два-три раза дернулся, посучил ножками в хромачах, да и затих. И сам я, того... сознание потерял. Очнулся: санитары надо мной колдуют. Потом - госпиталь. Через два месяца - снова на фронт. Но уже в другой полк: наш - фриц под ноль выстриг, даже знамя не уберегли. Прибыл, финку в зубы - и опять через линию фронта, в чужие окопы за «языками». Но уже воевал потихоньку, не выпячивался: хватит, научен. Из разведки в обоз перевели: не понравился я командиру-ухарю. Ну и, слава Богу».

Простужено скрипнула вокзальная дверь. Небритое лицо Семена исчезло.

- Чего эт ты тута раскорячился, будто беременная баба до ветру наладилась? - сердитый голос над головой. Ванька вздрогнул, поднял глаза: милиционер - маленький, щупленький, сморщенный, небритый.

- Я... - растерялся Ванька.

- Ты, ты... не я же. И вста-ать!.. вста-ать!.. когда с тобой старшие разговаривают, - милиционер носком ялового сапога толкнул ванькин ботинок.

Ванька поднялся. С трудом: спина занемела, и в поясницу вступило. «Темная», нет-нет, да и давала знать о себе: побаливало, покалывало. Милиционер довольно ухмыльнулся.

- Вот та-ак... А кривишься чего, с похмелья, что ли? Ясненько. Пэтэушник?.. Ясненько, ясненько... можешь и не признаваться, сам вижу, что не городской. У нас таких-та вота тута нету.

Милиционер для солидности и строгости надвинул на лоб старую затасканную, похожую на воронье гнездо шапку, широко расставил ноги, горделиво повел плечами с сержантскими погонами. Ванька шмыгнул носом.

- А я и не говорю, что городской. Зачем мне это. Да и ты тоже, - и кивнул на сержанта, - из деревни. Видно по разговору... да и по всему. Да и вообще... вы все тут деревенские. Работать не хотите, вот и поприехали сюда на казенные харчи.

- Кто это «вы»? - милиционер прищурил глаза, собрал губы в комочек. Его худое конопатое лицо стало еще меньше, с кулачок, и скорее смешным и жалким, чем строгим и грозным. - Ты мне поговори, поговори тут!.. Я те враз: стой там - иди сюда. А ну, выкладывай, чего тута ошиваешься?

- Я домой еду.

- Домой? Ясненько, ясненько... Все вы так говорите. А ну покаж билет. Домой он едет... а потом, глядь, и спер чемоданчик.

Сержант кольнул Ваньку «соколиным» взором и... не нашел, к чему бы еще придраться, чтоб уж до конца добить: волосы не длинные, брюки не расклешенные, туфли не остроносые, - и с досадой опустил глаза. И тут же, будто рубль нашел, обрадовался. Даже просиял весь.

- А это еще что такое?!

Ванька тоже глянул себе под ноги: вокруг все заплевано и... окурки, окурки, окурки всех сортов папирос и сигарет.

- Это не я, вон их сколько тут.

- А кто же, я, по-твоему? Ну, говори, я? - начал качать права милиционер.

- Нет, - ответил Ванька.

- То-то. Давай-ка, деревня, штраф платить будем. Так-то. Иначе вас, лаптей, не приучишь к культуре. Из-за таких-та вота и нам городским нельзя культурно отдохнуть.

- Нет у меня денег, - со стыдом и страхом признался Ванька: ну, все, пропал! Это, наверное, тот самый гад, что летом с Жорика крестик сорвал.

- Яс-сненько-о! - певуче протянул сержант и даже руки потер от удовольствия: поймал «рецидивиста». - И денег у него нету, и билета нету... Ясненько, ясненько. Придется нам с тобой в отделение...

- Чего там нет у меня билета, есть, - словно за спасительную соломинку ухватился Ванька и торопливо вынул из кармана плотный картонный билетик с дырочкой в центре. - Вот.

Сержант скривился, взял в руки билет и долго, пристально и бестолково разглядывал его. На зуб только не попробовал, да не понюхал.

- Ну и что же, - с досадой процедил он. - Если есть билет, то и свинячить тута можно? А убирать кто будет, я?

«А что, я?.. - про себя возмутился Иван. Возмутился и расправил плечи. - Ладно, хватит тебе выпендриваться, я тебе не Семен...» И уже вслух, глаза в глаза, чеканя каждое слово:

- А хоть и ты, мне-то что. Чего пристал, как банный лист к заднице? Не я тут работаю, не я намусорил, не мне и убирать. Тебе надо, ты и собирай окурки, если хочешь. Все равно без дела торчишь. Подумаешь - милиционер... шишка на ровном месте. Городской он!.. - и усмехнулся. - Давно на лампочку дуть перестал?

И сверху вниз глянул на сержанта. И еще раз усмехнулся. Сержант поежился, оглядел с опаской: глаза у парня злые, а в тамбуре - ни души.

- Тоже мне, вояка: набор костей и банка крови, - добавил Ванька.

И тут щелкнул динамик, и кто-то кашлянул в мембрану, и трескучий голос провещал на весь вокзал: «Младший сержант Иванченко, срочно подойдите к дежурному по вокзалу...» - и повторил: «Младший сержант Иванченко, срочно подойдите к дежурному по вокзалу». Репродуктор опять щелкнул, свистнул и затих. И будто сразу горчицу и мед положили на язык милиционеру: и обрадовался он, и с досадой покосился на свои погоны. Он повернулся к Ваньке спиной, толкнул массивную дверь и торопливо заковылял кривыми ногами в глубь вокзала. По керамическому полу громко и холодно зацокали подковы. «Вот так-то, буду я тут перед каждым шибздиком коленки гнуть! - Ванька достал из пачки папиросу, прикурил и нарочито бросил спичку на пол. - Накось выкуси!»

3

В вагоне темно и пусто. Тусклый свет плафона над входом еле-еле выхватывает спинки деревянных скамеек, скупо обозначает проход. Ванька стоит на пороге, раздумывает: входить или в другой вагон перейти... И остается. И там не лучше, думает он, да и в темноте оно как-то даже ловчее будет. Не дожидаясь, когда глаза привыкнут к полумраку, он делает осторожный шаг вперед и захлопывает за собой дверь. Все: большой город отрезанным ломтем остался за спиной. Теперь: два часа пути - и дома. А там что?.. даже засосало под ложечкой. Ванька сунул руку в карман: пальцы нащупали маленький плоский ключик от английского замка. Забыл отдать, с грустью подумал он. Мягкая, широкая, крестьянская длань бережно сжалась - окутала кусочек металла теплом и уютом. Тоска. И до слез за себя обидно.

Осторожно, чтобы не оступиться в темноте, ориентируясь на тусклое мерцание плафона в другом конце вагона, Ванька неуверенными шажками отошел от двери, нащупал рукой сидение скамьи и сел. Чемодан поставил рядом. Тихо, чтобы не потревожить полумрак, выдохнул и достал из кармана согретый своим теплом ключ от ритиной квартиры. Задумался:

«...Ты?! А чемодан зачем? - удивилась Рита. - Ну, проходи, раздевайся, а я в магазин: в доме - ни крошки хлеба. Приду - расскажешь, что стряслось...»

Ванька прилип носом к холодному стеклу вагона: на перроне тихо, безлюдно. Ночь. Свет из огромных, в два человеческих роста окон вокзала, плотно зашторенных морозной росписью, еле-еле пробивается на волю, в февральскую лютую стынь.

«...Дождался? Молодец. А я еле успела. Еще б минуту задержалась с тобой, и все, закрылся бы магазин. Ну, говори, что там у тебя стряслось?.. Ничего страшного?.. Ну и сла-

ва Богу!.. Раздевайся, чай пить будем... А вот у нас - ЧП. Помнишь, доктора Клименко?.. Так вот, забрали его... Что значит «так ему и надо»?.. Да нет, не в тюрьму, есть и похуже места... Три дня не появлялся на работе, думали - заболел, простудился, а вчера узнали - в дурдоме он, в психиатрической клинике. Ночью повязали и отвезли. Сканда-а-ал!.. Странно, умнейший человек, светлая голова, никаких симптомов, и вдруг... В больнице переполох, не знают, что и думать...»

Ванька поглубже спрятался в воротник, постучал ногой об ногу, пошевелил в ботинке пальцами ног: холодно.

«...Ты лучше вот что, завтра приходи. Только позвони загодя. Лады?.. Что ты говоришь... уезжаешь... сегодня... насовсем?.. Уже скоро поезд?.. Тогда вот тебе, на память... Ну и что ж, что библиотечная, - новую куплю и отдам. Слава богу, книжки - не женихи, в любом магазине навалом. Ну все, все... иди, а то я разревусь сейчас. Да нет, этого не надо: побаловались, и хватит... Тоже мне, что выдумал - жениться!.. я же намного старше тебя, сынок. Все, все, иди».

Дверь, коридор, лестница, усыпанная пивными пробками, подъезд. Улица: темно и морозно. «Счастливо тебе, Ромео...» Ванька прислушался - тихо. Огляделся - никого в вагоне. Вынул из чемодана томик Шекспира, подарок Риты, раскрыл наугад, поднес ближе к глазам. Не видно. Чиркнул зажигалкой - посветлело.

Джульетта: Побудь еще. Куда тебе спешить?
Ромео: Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна...

Ванька перелистал несколько страниц.

Джульетта: Чьи-то голоса.
Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.
(Схватывает кинжал Ромео.)
Сиди в чехле.
(Вонзает его в себя.)
Будь здесь, а я умру.
(Падает на труп Ромео и умирает.)

Чтение не пошло. Да и насколько хватит пламени зажигалки. Закрыл книгу, сунул обратно в чемодан. Вздохнул. Совсем не так ему представлялся отъезд из города. Ну, вот и все, еще раз грустно вздохнул Иван. В Мироновке узнают - на смех поднимут. Скажут: ни Богу свечка, ни черту кочерга - в ремеслухе и то не приглянулся. Уж лучше бы сквозь землю... Протяжно скрипнула входная дверь.

- Пассажиры, все обилечены?..

Ванька оглянулся: в полумраке, у самых дверей стоит проводница.

- Ты что, один у меня? - спросила она испуганно.

Иван не отозвался. Где-то на улице, впереди вагонов, тутукнул паровоз. Состав вздрогнул, лязгнул буферами и медленно тронулся с места. Вокзал нехотя, подергиваясь, отъехал назад. Ну, вот и все. Отчалил. Прощай, городская жизнь, с тоской подумал Иван и зажмурился: под потолком ярко вспыхнули круглые фонари - светло, хоть иголки собирай.

В вагон с шумом ввалилась компания железнодорожников - на ходу вскочили. Расположившись рядом с Ванькой, они без лишних слов принялись за карты.

- Кому сдавать?

- Кому, кому, тебе: забыл вальтов? Не умеешь головой - руками работай.

- Вальтов?.. Так, когда это было... Вспомнил прошлогодний снег. Давай, Тимоха, сначала.

- А ху-ху не хо-хо?.. Нам даму пик повесили за два дня?.. Сам же тогда из кожи лез. Теперь и мы не отступимся. Егор, пересядь, где прошлый раз сидел.

Молодой парень встал, поменялся местом с соседом. По кругу запорхали замусоленные карты. Из конца в конец вагона прошла молоденькая проводница. На ней - куцая, выше колен, черная шинелка с блестящими железнодорожными пуговицами, хромовые сапожки с короткими голенищами, плотно облегающими икры ног. На голове, поверх берета с блестящей кокардой - пуховой платок. На руках - шерстяные перчатки с обрезанными до половины напальниками. Через плечо - маленькая кирзовая сумочка. В сумочке при каждом шаге позвякивает мелочь. На ремне сумочки - катушки ленточных отрывных билетов. Через минуту она вышла из противоположного тамбура и, поравнявшись с Ванькой, с интересом глянула на него. Ванька опустил глаза. Картежники зашумели: кто-то смахлевал.

- Тише, тише, расшумелись, - повернулась к ним проводница. - Не одни тут.

- О!.. Галя-краля, привет. Че не здороваешься, своих не узнаешь? А когда-то такая приветливая была... всех привечала.

- Уж ты бы помолчал, а то как скажу мужикам... на край света забежишь.

- Ну че ты, че ты...

- То-то, - Галя брезгливо скривилась.

Ошарашенный говорун совсем сконфузился. Галя усмехнулась.

- Что, схватил, дятел безносый, - она повернулась к пожилому железнодорожнику, приветливо улыбнулась ему ровными белыми зубками. - Здравствуйте, дядя Паша.

- Здравствуй, Галчонок. Как жизнь молодая?

- А что мне: было бы счастье, а дни впереди.

- Ну, и правильно. А Кузьминична как поживает?

- Да как еще, неважно. Доконали ее эти вагоны. Совсем замучилась с радикулитом: ни лечь, ни встать... А до пенсии еще, как до Луны раком.

- Чего ж к брату своему не сходит - доктор все ж, вылечил бы.

- Да ну его, не ходим мы к нему. Да и он не жалует нас: все не может простить мамке, что в оккупации жила. Что ж ей, удавиться надо было, что ли? Мамка сказала: с голоду будет помирать, а к нему - ни шагу. Да и я не люблю его: правильный уж очень. Или дурак. Его послушать, так мамка обязательно должна была или немецкого генерала застрелить, или штаб ихний подпалить. Честное слово, взрослый мужик, а мелет черт-те что. Как в детских книжках про войну, ей-богу. В прошлом году ездил к брату на могилу под Ржев, на войне погиб он, а мамку не взял с собой. Даже не сказал, что едет туда... Ну ладно, пошла я. Вы тут поаккуратнее, не сорите, а то мне за вами не больно-то охота выметать. Кто намусорит, тому веник в зубы - и вперед. Я вам не Кузьминична, - она повернулась к Ваньке, улыбнулась и вошла в свой купе-чуланчик.

- Совсем не узнать девку, - пожилой железнодорожник, тот, которого Галя назвала дядей Пашей, кивнул в сторону, куда ушла проводница. - Была оторви и выбрось, блатата настоящая, а сейчас... вроде как бабки ее отшептали... Какие там у нас козыри, крести? Пересдай: у меня одна масть. Эх, ей бы в другой район переехать, там, где ни одна собака ее не знает, - цены б девке не было. Как она тебя отбрила, а, Тимоха!

- Ты, дядь Паш, слыхал звон, да не понял, откуда он.

- Хоть бы похвастался, что там у вас было, - подхватили остальные картежники.

- А что за «безносый дятел»... чего она тебя так?..

- Нашли, кого слушать, - попытался отшутиться Тимофей. - Тоже мне, целка - два кирпича и щелка.

Ванька встал: «Трепло, противно слушать... и рожа у тебя паскудная». И перешел в другой конец вагона, подальше от картежников. Игроки снова громко загомонили. Наверное, кто-то нарушил правила. И тут же стихли. Резко стихли, будто звук отключили у телевизора. Ванька поднял голову. Возле картежников стоят два парня в нейлоновых куртках, расклешенных, снизу отороченных металлической змейкой-молнией брюках и в остроносых туфлях на высоких каблуках. Один из них, крепыш, из-под шапки свисают длинные волосы, увидел Ваньку и - к нему. Вынул из кармана две маленькие, с ладонь величиной, книжечки из плотной фотобумаги. Книжечки-календарики: двенадцать листов - двенадцать месяцев. На каждом листе - дни недели, числа, месяц и... В одной книжечке - голые женщины. В другой - портреты Сталина: и в погонах, и без... И с трубкой, и без... А на самом первом листе, на том, что вместо обложки, перед январем - с маленькой чернявой девочкой на руках. И надпись... Ванька поднес календарик ближе к глазам (мелкий шрифт): «Спасибо товарищю (через «ю») Сталину за наше счастливое детство».

- Сколько?! - Ванька поднял восхищенные глаза на парня. - Сколько стоит?

Коммерсант беспристрастно дотронулся до календарика с голыми женщинами и показал один палец - один рубль. С портретами - два пальца.

- Ага, мне как раз этот нужен. Но - за рубль. Мне не надо этих, - Ванька отдал фотографии голых женщин. - Мне этот надо. Я бы и за два купил, и даже за три, не жалко, но у меня только рубль есть. Честное слово. Было пять: я за два рубля билет купил, вот он, - Ванька достал из кармана железнодорожный билет. - И два рубля нищенке отдал. Мне не для себя надо... я хочу своему доктору послать-подарить. Он меня вылечил, - и выгреб из кармана рубль мелочью.

Волосатый крепыш покачал головой, усмехнулся и молча протянул руку к календарику. Ванька сжал пальцы. Крепыш дернул посильнее, вырвал книжечку и пошел назад, к своему напарнику. Ярко-красная нейлоновая спина, покачиваясь на черных расклешенных ногах, зацокала металлическими подковами по вагонным доскам. Сказав что-то на

пальцах (глухонемые - догадался Ванька), крепыш кивнул в его сторону. Оглянулся и второй. Оглянулся, тоже что-то сказал пальцами и покачал головой. Ванька - к ним: а вдруг сжалятся и уступят за рубль. Уступят, сначала решил Ванька, сами ж инвалиды - должны понять чужое горе. А подойдя поближе, понял: не уступят. Куда там!.. У каждого железнодорожника в руках календарик. И у каждого по набору портретов. Забыли и про карты: бережно перелистывали странички и внимательно, с интересом и уважением всматривались в давно и всем знакомое усатое лицо. И только молодой Тимоха облизывался, пялясь на сочные телеса голых дамочек.

- Вот это да-а! - выдыхал он широко открытым ртом. - Вот это станочек!.. День и ночь бы «пахал» на таком.

- Только не с твоим разрядом, - усмехнулся кто-то из железнодорожников.

- Да ладно тебе! Ты глянь, ты только глянь... Ну и ляжки!.. Ну и сиськи!.. Вот бы с такой... или с такой... - Тимофей перелистывает книжечку. - Да и с этой: ишь, как выставила «гудочек»!.. так бы и запердолил ей по самые помидоры... Во, глянь, дядь Паш, эта ваще-е - экстра-класс. Ей-богу, получку бы отдал - не жалко.

- А ты их на ночь под подушку положи, - усмехнулся дядя Паша, пряча во внутренний карман телогрейки свой календарик с портретами генералиссимуса. Спрятал и аккуратно зашпилил карман булавкой, чтоб не потерялся за смену. - Может, и приснится... И тебе удовольствие, и получка целой останется.

Железнодорожники дружно захохотали, попрятали свои сувениры и снова по кругу замелькали потрепанные карты.

Жалко, рубля не хватило... вот бы обрадовался Николай Кузьмич. Ванька с досадой высыпал мелочь в карман, зябко поежился, поднял воротник (в вагоне хоть собак гоняй), сунул руки глубоко в карманы. И опять: в самом углу, в крошках табака и хлеба - ритин ключ. Теперь уже не смогу вернуть, обреченно вздохнул Ванька. И с обидой: даже попрощаться как следует не дала, выперла в шею, будто забулдыгу какого.

По проходу вагона торопливо, обгоняя перестук колес, простучала каблучками проводница Галя. Она подошла к глухонемым коммерсантам и что-то сказала им. Волосатый парень заулыбался, погладил ее по щеке и вынул из кармана новенькую, хрустящую трехрублевку. Ванька отвернулся, но тут же вздрогнул от резкого, нервного вопля.

- Засунь их в задницу себе, падла неумытая!.. И живо - отсюда! - кричала Галя и пальцем указывала в конец вагона.

Глухонемой коммерсант не слышит ее. И не видит. Будто и нет Гали рядом. Он смотрит на своего длинноволосого подельника, улыбается и что-то «говорит» ему на пальцах.

- Хватит, хватит тут лапшу на уши вешать, - не унималась Галя. - Нашли дурочку!.. Ишь, взяли моду прикидываться.

Второй коммерсант, долговязый и с фиксой во рту, перестал «говорить» и повернулся. Галя скомкала трешку, брезгливо скривилась и швырнула деньги в его улыбчивую физиономию. Тот вызверился, схватил левой рукой Галю за локоть, а правой, выставив два пальца, нацелился ей в глаза. Галя плюнула ему в лицо.

- Сука! - неожиданно для всех вырвалось из уст фиксатого.

У Ваньки даже челюсть отвисла: во дает! Глухонемой.

- Ага, попался, пидор недоделанный! - обрадовалась Галя.

Но недолго ей довелось ликовать: фиксатый наотмашь ударил ее по лицу. Сильно ударил. Галя не устояла на ногах и упала. Из сумочки посыпалась мелочь. Будто на своей щеке Иван ощутил удар фиксатого. Ну, я ж тебе!.. Словно разъяренный зверь, он сорвался с места и прыгнул на обидчика. Никто и глазом не успел моргнуть. Схватил долговязую, пеструю, тряпичную куклу поперек туловища и швырнул на картежников.

- Ах ты, гад! - зарычал он, но тут же получил мощный удар в челюсть. Но не упал. Лишь встряхнул головой и очумело уставился на длинноволосого крепыша - а ты откуда взялся? - и узнал того самого глухонемого спекулянта, который не уступил ему за один рубль календарик с портретами Иосифа Виссарионовича Сталина. Может, и ты умеешь разговаривать? - мысленно спросил Иван, но вместо ответа длинноволосый крепыш ловко саданул его с правой под дых и тут же еще раз - левой. Иван судорожно пытался восстановить дыхание - ни вдохнуть, ни выдохнуть. Согнулся. Словно во сне, безвольно наблюдал, как длинноволосый медленно отступил на шаг, выбрал удобную позицию, прикинул на глаз дистанцию, замахнулся правой ногой и четко и хладнокровно, будто по футбольному мячу в пенальти, исполнил хлесткий удар выступом по подбородку. У Ваньки клацнули зубы. От резкой боли голова откинулась назад... и тут же - новая боль: удар сзади. Фиксатый постарался, угодил по печени. И снова не упал Иван. Устоял. Лишь скособо-

чился. Устоял и от прямого удара в нос, которым наделил его длинноволосый... Четко, без сбоя работали ребята, будто боксеры на тренировке обрабатывали грушу. Спросил бы кто Ивана: ты-то тут при чем?.. тебя что, трогали?.. - он бы ничего не смог ответить. Точно так же, как когда-то не объяснил Григорию Кудинову свой прыжок в речку за щенком, участь которого была предрешена холодной логикой деревенского быта. Ванька такой. Ванька прыгнул в воду, и по-другому быть не могло. И не может. Как это объяснить?.. Да никак... принимайте как должное: он - Иван... и все тут.

Иван резко, сквозь боль, повернулся и уставился в глаза фиксатому.

- Живодер! - яростно захрипел он. - Еще раз тронешь ее, убью!

И уже нипочем кулаки длинноволосого в спину. Иван, словно танк, двинулся на фиксатого... и тот испугался: вытаращив глаза, попятился. Иван видел, как дерется Жан Марэ в кинофильме «Парижские тайны». Смотрел и любовался: лихо, красиво, профессионально. Сидя перед экраном, Ванька воспринимал подвиги своего героя не как грубое насилие, а как торжество добра над злом. Не больше. Но и не меньше. И потому не задумывался, что сам-то он не умеет драться. Он не любил боль и унижения, причиненные ему, и авансом не любил боль и унижение, которые мог бы сам причинить другому: не для того родился человек, думал он. И потому никогда не искал случая поднатореть в этом деле. Но сейчас совсем не то... сейчас ох как пригодились бы такие навыки: одного - левой, другого - правой... и зло наказано. Ведь не что-нибудь, добро попирают... слабых бьют. Сейчас он, низко пригнув голову и получая удары в спину и бока, упрямо тянется к шее главного обидчика, фиксатого. И дотянулся. Мертвой хваткой вцепился в кадык... и повалил на спину, на пол.

- Задушу, гнида, - шипел он, все сильнее и сильнее сжимая свои тиски. Но не судьба: пальцы его ослабли, разжались. Сами, помимо его воли, разжались. Но сначала в глазах вспыхнула яркая лампочка. Вспыхнула и перегорела. И - мрак.

Длинноволосый крепыш снял с руки кастет, сунул его в карман пестрой нейлоновой куртки и, перешагнув через Ивана, как ни в чем не бывало, направился к переходу в другой вагон. Фиксатый поднялся с пола и за ним. И оба - ни единого слова. Лишь у самой двери фиксатый оглянулся, показал Гале кулак и провел ребром ладони по горлу. В вагоне - хоть муха пролети. Лишь перестук колес под ногами. И только когда захлопнулась дверь, ожили картежники-железнодорожники, немые и трусливые свидетели драки: зашевелились, стали робко покашливать, будто прочищая горло от пыли, но чтоб заговорить или посмотреть в глаза друг другу - ни-ни... ничего не знаю, моя хата с краю.

- Надо бы поднять парня, - наконец вымолвил пожилой железнодорожник дядя Паша. - Тимоха, глянь, он хоть дышит?

- Сам погляди, - отозвался тот. - Нашел крайнего.

Но уже и незачем было прислушиваться к ванькиному дыханию: он шевельнулся, тихо простонал, оперся на локти, повел глазами по вагону и, кривясь от боли в боку и затылке, поднялся с пола.

- Ты как там, парень, в порядке? - спросил дядя Паша.

Иван ничего не ответил: он еще не до конца угадывал, что произошло. Не осознавал и свой поступок: прав он или не прав. Голова, словно чугун на плите, гудела и раскалывалась на части: удар кастетом - не подзатыльник от петровой руки.

- И чего ты сунулся к ним? - спросил все тот же дядя Паша. Остальные пока помалкивают: языки не поворачиваются. - Спекулируют помалеху, ну и пусть себе... Никому от этого ни холодно, ни жарко. Не воруют же.

- Тоже мне, умник выискался, - наконец вышел из оцепенения Тимофей. - Больше всех ему надо... Теперь берегись: попадешься им на глаза - не поздоровится.

Иван, пошатываясь и хватаясь за спинки диванов, поплелся к краю вагона и сел. О чем это они?.. Что они хотят от меня?.. И если «темную» устроили, то почему свет не выключили?.. - думает он, но вникать в их слова не было сил. Не было сил и поднять голову. Но все же поднял. Перед ним, присев на корточки, сидит Галя и со страхом снизу вверх смотрит ему в лицо - взгляд старается поймать.

- Больно? - тихо спросила она и робко улыбнулась. Красивая она, сквозь боль мелькнуло в сознании Ивана. Галя опять: - Тебе больно?

Иван не успел ответить.

- А ты как думала, прошмандовка мурiновская! - выкрикнул Тимофей. - Из-за тебя все... Вечно нам, мужикам, через вас достается: то морду набьют, то зимой в отпуск выпрут, то премию снимут.

К Тимофеевой реплике присоединились еще несколько голосов. И с радостью: мож-

но про свою трусость забыть. Даже дядя Паша, стыдливо пряча глаза, сказал Гале, что она не права. Галя растерянно переводила взгляд с одного на другого, а те будто сговорились: сыпали поток упреков на ее голову. И каждый старался ущипнуть побольнее - вот тебе, получи!..

- Тебе что, мало платили они, да? Больше захотелось?..

- Мне бы кто ни с того, ни с сего хоть полтинник на пиво дал...

- И не стыдно!.. Э-эх... Такая молодая, а уже все себе, да себе... Нашла, с кого деньги драть, с убогих. (Будто никто и не слышал, как «глухонемой» обозвал Галю «сукой»). Хоть бы Кузьминичну, мать свою, не позорила.

Галя вскочила: в глазах - слезы. «Неправда это!» - кричал ее перекошенный от обиды рот, но комок в горле не давал вырваться словам наружу. И, не чуя под собой ног, метнулась в конец вагона. И с грохотом захлопнула дверь своего купе.

- А ты, паря, не будь в каждой бочке затычкой, - переключились картежники-железнодорожники на Ивана: разговорились - осмелели. - Тебя не дерут, ты и не кашляй. У нее свои дела с ними: знаем - видим. Через день катаемся в этом вагоне. Она всегда с ними ладила: и водочку попивала с ними, и зубки скалила, и денежки от них принимала... и шуры-муры разводила... А теперь, вишь, мало ей показалось... давай еще. Вот и дали... и тебе заодно.

- Видал, как подскочила, будто кто шилом ее в задницу штыркнул: правда - штука горькая, - провещал Тимофей и сделал вывод: - Сука, она и есть сука, - и добавил: - Дурак, не сообразил вовремя, а то б еще и я приложился разок...

А вот это уже грубая ошибка. Иван подошел к говоруну и молча, не раздумывая ни секунды, будто всю жизнь готовился к этому, изо всей силы двинул его кулаком в челюсть. Будто кувалдой. Добавлять не пришлось: хватит - Тимофей обмяк, словно куль соломы, медленно сполз со скамьи и распластался на полу у ног своих товарищей по «дураку» и работе. Мужики и за Тимоху не вступились. Словно не было ничего поважнее, они начали доставать из карманов грязных спецовок папиросы, сигареты и молча прикуривать. Закурили - затянулись. И будто рядом: ни Ваньки с кулаком-кувалдой, ни Тимохи с выбитой челюстью... будто они сами в вагоне. Совсем одни. И будто не у них на глазах Ванька нагнулся и принялся собирать с пола галины медяки и серебро. Собрал, сколько смог, и - в купе проводника... Без стука открыл дверь и вошел.

Не купе, а скорее каморка на двоих. Третьему - разве что на колени кому-то усесться. Одна скамейка и один столик. Но купе все-таки: изолировано от всего вагона глухой дверью. На столике - фонарь, термос и пустой стакан без подстаканника. Под столиком - ведро с водой и веник. Иван прикрыл за собою дверь. Галя сидит, забившись в угол, и плачет. Тихо плачет, словно опасается, что ее всхлипывания могут услышать и неправильно истолковать.

- На, возьми, - Ванька протянул ей деньги. Целую горсть. - Пересчитай... Может, не все... Будешь подметать - остальные найдешь.

- Спасибо. Это вся дневная выручка, - Галя всхлипнула взахлеб. - Тебе больно? - Ванька кивнул головой: да, больно. Галя виновато сморщилась. - Спасибо тебе. Из-за меня еще никто не дрался.

- Ну да? - не поверил Ванька. - Вон ты какая красивая и ладная, - он скривился от боли, рука невольно потянулась к огромной шишке на голове: удар кастетом пришелся как раз по макушке, и если б не шапка, то неизвестно, разговаривал бы он сейчас с Галей или валялся на полу с проломленным черепом. - А чего они глухонемыми придуриваются?

- И ты раскусил? - удивилась Галя, но тут же: - Ах да, они же меня «сукой» назвали. Вслух. Я уже давно смекнула, что притворяются, да все не удавалось за язык поймать, - Галя вытерла слезы маленькими кулачками, села поровнее, одернула полы шинельки - прикрыла круглые коленки. Приосанилась. - А глухонемыми прикидываются того, чтоб менты не трогали. Видишь, какие брюки на них... клеша по полметра, и волосатые, как «битлы». Других парней мусора уже б давно отловили, остригли и клеша распороли по швам, а этим все можно - инвалиды. Вот они и приспособились на пальцах друг с другом разговаривать... Ты садись, чего стоять, - Галя показала рукой на скамейку рядом с собой. Ванька сел. И с радостью. - Да они и ментам «хабаря» кидают, чтоб те не совали нос в их дела. Всем так удобно и выгодно, - Галя украдкой глянула на Ваньку. - И ментам - каждый день живая копейка в карман, и спекулянтам - воля. И людям...

- А что людям? - удивился Ванька.

- Ну, как «что людям»? - в свою очередь удивилась Галя. - Они ж, «глухонемые» эти, не только календариками приторговывают... и образками, и молитвенниками для стару-

шек, особенно перед церковными праздниками, и глиняными зверюшками-копилками для детворы, и заграничным бельем и косметикой для девчат, и картами с голыми женщинами для мужиков, и ножами-выкидушками для шпаны... Чего только нет у них... Разве что атомной бомбы, - и немного помолчав: - Да мне-то что, пусть торгуют, я в чужой карман не заглядываю. Только вот наглеть стали, руки распускают... А я это - не люблю. Они ведь сегодня первый раз в ночной рейс вышли: обычно днем промышляют, когда пассажиров много. Чего это вдруг им вздумалось?.. Не пойму.

- Ты не думай, я не поверил мужикам, что ты деньги у них брала, - Ванька хотел сказать ей что-нибудь приятное, чтобы подбодрить ее. И еще ему хотелось понравиться ей. - Ведь ясно же, что брешут. Говорят и сами себе не верят. Потому как стыдно им. Заметила, как глаза в сторону воротят? Во-от... Не вступились за тебя, а теперь злость срывают. Ясно же, что брешут.

Галя виновато опустила глаза и съежилась, будто воробышек на ветру.

- Спасибо, что хорошо думаешь обо мне... - и помедлила в раздумье, - но они правду говорят.

Иван хотел возразить, но Галя испуганно глянула на него и прижала ладошку к его губам. И заметила: Ваньке понравилось это.

- Чего уж там... Раньше брала по рублю. Еще мать когда-то приучила их к этому: спекулируете в моем вагоне - платите дань. И я не стала корчить из себя святошу: на голую зарплату не шибко-то разжиреешь. Брала и деньгами, и товаром - все годилось. И дальше так было бы, но они наглеть стали: распродадут, сколько успеют, и снова в мой вагон, сюда ко мне. И уже как у себя дома: водка - рекой... сигареты - дым коромыслом... куда там, короли!.. Мне осточертело все это и показала им на дверь - вот Бог, а вот порог: не надо мне ни ваших шелковых трусов, ни губной помады, ни денег ваших вонючих... Да если б только водку пили... - Галя уже не плакала. - Стали еще и волю рукам давать: один сзади держит за локти, а другой лапает за все места. Сильные черти, не вырваться. А в прошлое воскресенье тот, которого ты чуть не придушил, пытался даже в рот мне сунуть... тьфу, гадость!.. да вот ему, - Галя скрутила кукиш. - Припугнула, что откушу и выплюну. Враз утихомирились. Оба. Я даже удивилась - неужели услышали? Ладно, тот фиксатый по губам мог прочитать, что я сказала, хоть и кривила тогда рот от гадливости, но здоровяк-то сзади стоял, не мог видеть моих губ. Но тут же, как только я сказала, отпустил мои локти. Значит, слышали, падлюки, - Галя стыдливо замялась. - Что, противно слушать? Извини...

- Так закричала бы, - удивился Ванька ее глупому терпению.

- Ну да, как же, так мне и поверили бы: слыхал, какая слава ходит обо мне? Сказали бы: сама заманила несчастных калек, напоила, а потом сама же и под суд их за попытку изнасилования... А я вовсе и не гулящая, честное комсомольское. Согрешила как-то, давно уже, еще в девятом классе: дала одному отличнику - как раз занимались у него дома по математике. Я тогда по самые уши втюрилась в него. Любила его так, что дальше некуда. Я всегда такая была, если что влезет мне в душу - все, хана. Сказал бы, спрыгни с мурановского моста - спрыгнула бы, и секунды б не раздумывала. А чего, собственно, думала я тогда, ломаться, раз самой хочется и раз уж суждено нам всю жизнь вместе быть... Ну, и вот, получила: легла под него, а он потом ославил меня, на всю округу растрезвонил... Да еще так прибрехал, что уши вяли. И уже на другой день в школе скандал, хоть в петлю лезь. Хотели даже из комсомола вытурить, да передумали: как же, позор на школьную комсомольскую организацию. Даже выговор не объявили - замяли. А вот из школы пришлось уйти. Только и слышала в спину то сука, то шалава. Даже мамка поверила, - Иван слушает Галю, вспоминает свое детство, улицу, мироновцев, мать... - А я и не стала ее переубеждать, - продолжала Галя. - Один раз попыталась... Не поверила: накричала и за косы отодрала, - Галя сделала долгую паузу. Она смотрела куда-то в пустоту и то ли прислушивалась к перестуку колес у себя под ногами, то ли думала: рассказывать дальше про свою шальную жизнь этому незнакомому парню (а почему бы и нет, все ж таки полез из-за меня в драку) или нет: хвастаться-то нечем. И решилась-таки. - А как я переживала первые дни - мама родная! - хотела даже в Сейме утопиться. А когда успокоилась - вот вам, получите! - втесалась в шоблу к мурановским босякам. Подстриглась под мальчишку, кепку - на лоб, грудь колесом... И уже ни один вечер не проходил без шухера: и дралась с ними район на район, и по чужим садам шастала, и в складе магазина пустые бутылки тырила, а потом туда же и сдавала... лихо, да!.. и у них же на выручку покупала вино и пряники... Чем шальнее дельце, тем круче по кайфу было. Короче, своя была, в доску.

- А тот, Тимоха... или как там его, он тоже был с тобой в одной компании?

- Он-то?.. Куда ему! Мы таких пидормонов и близко к себе не подпускали, - в Галином голосе чувствовались и пренебрежение к Тимохе, и ухарская гордость за свою компанию. - Он просто дурак. Заявился как-то к нам, будто к матери по делу, из самого центра города не поленился приехать, хотя и знал, что в рейсе она, ну, и... Рассказать?.. - Иван пожал плечами: как хочешь. - Ну, да ладно, слушай: выпили чаю, он покурил (я так и не научилась курить), анекдотики потравили, а потом он возьми и - шасть!.. свои потные лапы мне под халат. А вот этого я как раз и не люблю. Чтоб меня, да силой!.. Короче, говорю ему «отскеч» и врезала промеж глаз. Думала отстанет. Ан нет: повалил на кровать и давай тискать да трусы с меня сдирать. Но слабо ему: возился, возился, пока, как пацан слюнтявый, в штаны себе не кончил.

Галя прикусила язык. Но ненадолго. Подняла глаза на Ивана и с мольбой в голосе попросила.

- Только не думай, что я и в самом деле того... Я тогда, будто и не я была. Даже на имя свое не всегда отзывалась. А крикнут: шалава! - я и оборачивалась. Думала, что так и надо. Все делала назло: что, не нравится?.. так получи фашист гранату! А по ночам в подушку ревела, да губы себе обкусывала. Ты веришь мне?

Ванька кивнул.

- Верю. А сейчас ты водишься с той шпаной? - осторожно спросил он, боясь услышать «да».

- Нет. Уже давно. С тех пор, как на железку устроилась работать: мать заболела, а деньги в доме нужны.

- А шпана не донимает?

Галя мотнула головой.

- Враз отстали. Как ножом отрезала... Теперь уже навсегда. Сами поняли, что хватит: хорошего понемножку. Ты мне веришь?

Ванька уже знал на все сто процентов: не врет она, правду говорит. А если б кто спросил: почему веришь? - сказал бы: не знаю, верю, и все тут.

Галя прошептала «спасибо» и тут же, будто девственница, услышав сальность, залилась краской. И еще призналась, что хочет встретиться с ним когда-нибудь, но не в поезде. И побыстрее. И не просто встретиться. И Ванька подумал о том же. И тоже покраснел, как рак: испугался своих желаний - как бы не оскорбить ее намеком. А то еще хуже: на смех поднимет.

- А ты не боишься, что «немые» припомнят тебе это? - попытался отвлечься Ванька.

- Нет, не боюсь. Теперь они, как от чумы, будут шарахаться от моего вагона: будут думать, что найдется еще кто-нибудь припадочный.

- А что, найдется? - ревниво спросил Иван, пропустив мимо ушей слово «припадочный».

- Может, и не найдется, - сообразила Галя успокоить его. - Но лишь бы они так думали.

Ванька повеселел.

- Ну, да!

- Знаю, что говорю. Они же не драчуны, вроде наших урок с Муриновки или ребят с Казацкой улицы. Они совсем из другого теста - деловары. Им главное, деньги зашибать, а не кулаками размахивать.

Ни Ванька, ни Галя не заметили, как за разговором пролетело время. Поезд: медленнее... медленнее... и, наконец, совсем остановился. Ванька торопливо засобирался.

- Мне пора. Приехал.

Галя растерянно посмотрела на него.

- Послушай, а что это я первый раз тебя вижу в своем вагоне? Редко ездишь?

- Да, только на каникулах. Туда и обратно. Я в ПТУ учусь.

- А я - через день... по четным числам. Уже осточертело. Будешь назад ехать, заходи в мой вагон. Только запомни - я по четным числам в рейсе. А ты где, в Коренево живешь?

- Нет, я из Мироновки. Это еще десять верст по «армянке».

- По «армянке»?.. По какой такой «армянке»?

- У нас так дорогу называют. Из булыжников. Ее шабашники из Армении делали. А назад уже не придется ехать: меня выгнали из училища. Так что прощай.

Иван вышел из вагона и зашагал по перрону к зданию вокзала - переждать до утра. И оглянулся: Галя стоит в дверях вагона с флажком в руке и смотрит в его сторону. И улыбнулась, когда взгляды их встретились. Они оба разом улыбнулись.

- Тебе сколько лет-то будет? - крикнула Галя.

- Восемнадцать... Чуть больше.

- А мне девятнадцать. И тоже чуть больше. Это хорошо, правда?

Хорошо, согласился Иван и чему-то улыбнулся. Старенький «Ф.Д.» ударил колесами по рельсам, зашипел парами. Поезд лязгнул буферами, тутукнул и, набирая ход, покатил дальше. К утру мороз попустил. Снег крупными, рыхлыми хлопьями тихо ложится на рельсы, на заснеженный асфальт перрона.

4

Разбуженный грохотом кастрюль - Нюрка хлопотала у плиты, - Иван молча прошел к умывальнику, умылся, сел за стол. Перекусив на скорую руку, вышел во двор. Утренний морозец ударил в ноздри, обжег щеки, щипнул мочки ушей. На дворе еще не развиднелось, но уже угадываются знакомые предметы. Из дверей сарая едва заметно клубится теплый, уютный парок от коровы. Иван открыл калитку и заспешил по улице. Сегодня его день.

- Ну и выродок же! И в кого он такой удался: в тебя или в Сеньку?.. Хоть бы слово сказал.

Босой, в одних кальсонах Петр шатается по избе и почесывает костлявую грудь: его мутит после вчерашней попойки.

- Вот и заговорил бы. Аль языком закусил вчера!

- Цыц, дура! - замахнулся Петр, но тут же опустил руку. - Дай рассольцу.

Нюрка, как была, в валенках на босу ногу и в байковом халате, направилась к двери.

- Куда-а?! - простонал Петр.

- В чулан. Сам, кажись, рассол стребовал.

- Накинь кожух... Простудишься.

- Пожалел?!. Раньше бы так, - удивилась Нюрка.

- М-м-м-м...

Петр зажал рот рукой и - к помойному ведру. Нюрка гадливо скривилась.

- Тьфу...

- Да закрой же ты дверь, дура... Избу выстудишь.

- Что-то не пойму я, то жалеешь, то ругаешь. С чего бы?

- А нечего тебе понимать, лярва.

Новый приступ рвоты опять склонил Петра над ведром.

- Лярва! - вспыхнула Нюрка. - Кто, я лярва?

Она подскочила к мужу, схватила его за тощую шейку и, процедив - вот тебе! - макнула его в ведро.

Жирные помои плеснули на пол.

- Да будет этому конец когда-нибудь, ты, пустоцвет вонючий! Сколько говна и блевотины я смывала и вычищала после тебя, а ты: меня - лярвой...

Пытаясь освободиться, Петр извивается, словно налим в кулаке, фыркает, пускает пузыри.

- Что, не по нутру? А я, почитай, всю жись так. День в день. Как только и не рехнулась с тобой, аспид ты ненавистный... кровосос. И носит же земля такого!

Петр задрыгал ногами - попытался лягнуть Нюрку в живот. Та усмехнулась.

- Брыкаешься!

Злость прошла так же вдруг, как и нахлынула... и Нюрка отпустила мужа. Петр вскочил на ноги, отпрянул от ведра и принялся отплевываться, отхаркиваться, громко сморкаться. Говорить ничего не мог, лишь таращился и, словно пескарь на берегу, беззвучно открывал и закрывал рот.

- Что, язык в дулю свернулся?

Петр вздрогнул, втянул голову в плечи и - ни слова.

- Глаза б мои на тебя не глядели, - добавила Нюрка и, вытерев руки о подол халата, повернулась к плите.

- Ты что, осатанела?! - смахивая с лица картофельные очистки и яичную скорлупу, захныкал обиженный хозяин. - Я чуть было не захлебнулся.

- И хорошо бы...

- В помоях?

- А хоть бы и там: лучшего не заслужил.

Петр скривился, подошел к умывальнику, наскоро вымыл лицо и руки, вытерся чистым полотенцем и залез на холодную лежанку. Трясясь от страха и холода, он погляды-

вает на жену и тихо постанывает от злости и обиды.

Весело лязгая гусеницами, трактор дробит жидкий мартовский снег на причудливые кубики. В кабине - Иван Никаноров: в новых кирзовых сапогах, в новых стеганых штанах на вате, в новой телогрейке. В такой день он не мог надеть на себя что попало. Лицо Ивана серьезное, спокойное... в зубах - папироса... из-под сдвинутой на затылок новой кожаной шапки торчит соломенный чуб. В заднем окне кабины - мост через Сейм, село... в переднем - широкий луг. За лугом - поле. Такое же большое и ровное... без конца и края. Можно бросить рычаги, закрыть глаза и... ехать... ехать... ехать - ничто не помешает ровному ходу трактора. Через луг и поле - извилистая колея. Еще утром по морозцу Иван старался не гнать трактор прямиком - объезжал каждый кустик ивняка, даже самый маленький, в две-три лозинки. Иван выжал сцепление, переключил скорость, увеличил подачу топлива: мотор выстрелил короткой очередью синеватых колец дыма, весело затарахтел, и новенький Т-75 побежал резвее.

...В контору Иван вошел уверенным шагом: только что видел под навесом машинного двора новенький, по-жениховски нарядный трактор, - ясное дело, он ему достанется, кому ж еще.

- Говоришь, на практику приехал? - криво усмехнулся Сологуб и подмигнул председателю. - Вот и попрактикуйся на каком-нибудь списанном тракторе. Чего-чего, а хлама полно у Шелехова, а я посмотрю, чему тебя в городе научили. Можешь ремонтировать его хоть до самой... - Сологуб почесал в затылке. - Сколько хочешь... хоть до самой армии. Работай.

- А для кого новый трактор? - еле выдавил Ванька. Он понял: каким был для мироновцев до училища, таким и остался. Ничего не изменилось.

- Не твоя забота! - отмахнулся от Ваньки и Шелехов.

На дворе сыро и ветрено: марток - надевай пару порток. А в кабине тепло. В заднем окне: на санях застыли телятницы. Спрятав руки в рукава замызганных полушубков, укутавшись коричневыми платками-полушалками так, что только глаза видны, женщины, согнувшись в три погибели, сидят лицом к трактору - ветер дует им в спины. Полушалки, полушубки, валенки - у всех одинаковые. И не отличишь, кто из них кто, будто семейка грибов опят, и только один платок, тот, что посветлее и поновее, празднично и хвастливо выпячивается из выцветшей, вылинявшей, вытертой одежки колхозниц. Это валин платок.

- Вместе будем солому возить? - забыв поздороваться, ни к селу, ни к городу спросил Ванька - и так ясно: зачем бы Валя села в сани к нему.

Валя повернулась.

- Ага, - глаза ее весело поблескивали - только что шушукалась с Люськой, разбитной девахой, недавно приехавшей из Москвы, где прожила два года по «лимитной» прописке.

- Холодно будет. Не замерзнешь? Я говорю: ветренно на дворе, не садилась бы в сани.

- Ну, замерзну, так замерзну. Чем я лучше других баб. Они будут, как зюзики стынуть на ветру, а я в теплом коровнике греться?.. Что ж мне потом, у Серка очи позычать!.. Больно надо.

И весь разговор. Иван не нашел, что сказать и как намекнуть о кабине - там теплее, и от стыда не знал, куда глаза девать, а Валя - ей хоть трава не расти - уже и забыла, с кем разговаривала. Будто и не проучились они восемь лет в одном классе. Будто и не прожили они все свои годы на одной улице. А тут еще Люська дернула ее за локоть, что-то шепнула, и они весело захихикали, воровато поглядывая на незадачливого кавалера.

...Иван переключил скорость - трактор пошел медленнее: впереди, один за другим, несколько поворотов. «Лучше б ее вовсе не было, - пожалел Иван. - Подумаешь, цаца! Расфуфырилась тут в новом платке... И чего я расквохтался, будто квочка на яйцах... Она на меня ноль внимания, а я, как дурак... Да пошла она!..» В кабину ударился тугой снежный ком. Иван оглянулся: женщины на санях энергично замахали руками, мол, чего тянешь, быстрее... и так уже до костей продрогли - не лето на дворе. Он остановил трактор и высунулся из кабины.

- Что, бабоньки, скуксились? - но громко вышло только «что», на остальные слова не хватило духу, и они утонули в рокоте мотора, отлетели в сторону, по ветру. Женщины подняли головы, недоуменно переглянулись - не расслышали. - Я хотел спросить: может, холодно вам?

- А ты что, печку хочешь дать? - съехидничала Манюня.

С саней спрыгнула Валя. Махнув рукой на скотниц, она подбежала к трактору, уперлась ногой в гусеницу.

- Пособи, - весело приказала она и протянула руку.

Иван подал свою. Валя ухватилась.

- Ух, какая у тебя мягкая ладонь! Прямо, как у девушки, - она легко вскочила в кабину.

- А что, рука как рука, - смутился Иван и посмотрел на свою ладонь: насмехается, что ли?

Валя уселась поудобнее, развязала платок, игриво сдвинула брови и укоризненно покачала головой.

- Тоже мне, одноклассник!.. Сам в затишке сидишь... - она оглядела кабину: - Вон как у тебя хорошо, а мне хоть пропадай на стуже. И не стыдно? Или вон Люську позвал бы погреться: целый день тебе глазки строит, а ты ноль внимания... Нехорошо зазнаваться.

- Да я что, я в тракторе... Работа у меня такая.

Иван осторожно поглядывает на Валю, морщит лоб: пытается выдавить из себя что-нибудь остроумное, да не тут-то было - чурбан чурбаном.

- Ты и завтра будешь солому возить? - наконец осмелился он.

Валя удивленно посмотрела не него и даже рот скривила.

- Больно надо! Завтра не моя очередь.

И опять замолчали. Надолго. «Ну, если тебе «больно надо», - принял Ванька ее слова на свой счет, - то и мне все равно, с кем возить. Сами с усами... расселась тут!.. - он убрал ногу с педали, придавил крышку металлического ящика с инструментами - надоедливое дребезжание притихло. - Тоже мне, цаца». Валя достала маленькое кругленькое зеркальце, посмотрелась в него, заправила челку под платок, облизнула губки, отчего те еще сильнее запунцовели. И улыбнулась.

- Ну, ты, Ванька, прям как мужик всамделишный: все молчишь и молчишь, - и лукаво глянула ему в глаза. - Надо же, слова лишнего не скажет... Может, тебе неинтересно со мной?

- Да не-е... чего там... я мотор слушаю, - быстро нашелся Ванька. - Трактор новый, а клапана уже стучат. Надо будет повозиться.

- Сумеешь?

- А чего ж, проще пареной репы, - Ванька расправил плечи, выпрямил спину. - Промерить, подтянуть, отпустить, и дело с концом.

- Ишь, какой ты! К тебе теперь, поди, и на козе не подъедешь, - Иван повеселел: кажется, Валя сама хочет разговаривать с ним. - А я сижу и думаю: неужели и Шурка нос задерет, тоже заважничает, когда выучится на тракториста.

«Как же, Шурка - тракторист, - усмехнулся Иван. - Скорее мерин окобылится. Тракторист он!.. В носу у него еще не кругло. Будет нам морока с ним. Таких и там, в училище, было хоть отбавляй. Стиляги». С куста испуганно сорвалась стайка черных комочков-грачей и, чуть набрав высоту, полетела в сторону села. Ванька выглянул из кабины, проводил их взглядом. Весна на подходе. Уже вот-вот... Скоро растает снег, и все зацветет, зазеленеет. Скоро будет тепло. Уже совсем скоро.

- Ничего... не заважничает, - пожалел он Валю.

- А вдруг.

- Да не-ет, подумаешь, важность большая - тракторист...

- А Саша Самбур?

У Ваньки челюсть отвисла: вот те на! - это уже ни в какие ворота. Валя покраснела. Ванька торопливо отвел глаза: Шурка... Сашка... оба - два сапога пара. Откуда она знает Самбура?.. Ах да, он же был у нас: песни пел и на мотоцикле гонял по Мироновке. Валя опять за свое:

- Он часто получает письма от девушек?

- Почти каждый день, - «Вот тебе!.. получай, раз ты такая». И тут же, будто споткнулся на ровном месте, пожалел девушку. - Я не читал его письма, не знаю, от кого. Скорее всего, только от родителей.

- А как же мне быть?.. и Шурка пишет, и Саша. И я обоим отвечаю. Ух, как дознаются, да как соберутся вместе, да как намылят шею... и небо с овчинку покажется. Ну, скажут, красавица, знай край, да не падай. Ты как, заступишься за меня, а, Вань?

Ванька промолчал: ну что он ей может ответить? Да и спросила-то она, ясно же, просто так, лишь бы сказать что-нибудь. Или подразнить. «Нужно ей мое заступничество, как собаке пятая нога, - Ванька вздохнул и с завистью вспомнил Самбура: - Хвастался, что десять невест у него было, еще одна - и пальцев на руках не хватит, чтоб вспомнить-

пересчитать, придется разуваться. А у меня... и одного пальца загнуть не могу. Только думаю про них, а как до дела, то все что-нибудь, да не слава Богу. А как плохо одному... Хоть бы с какой подружиться, чтоб и каждый вечер вместе, и чтоб потом в армию письма мне писала, и чтоб знала, что я ее никому в обиду не дам». Валя поправила платок, уселась поудобнее.

- Вань, это правда, что ты нашел брата нашей немке?

- Какая она тебе немка, она - латышка.

- Не задавайся, сама знаю... Так правда?

- Нет. Он сам. Я только сказал, что живет такая у нас. Он даже ухом не повел тогда - фамилии-то разные, а оно вон что вышло.

- А сегодня тоже пойдешь к ним?

- Да. Они меня каждый вечер приглашают. Латыши - они такие: вежливые, культурные.

- Надо же! - и лукаво глянула на парня. - А вчера был у них?

- Нет. Вчера недосуг - работы по горло: новый трактор принимал у Шелехова. Мы с председателем решили, что не по-хозяйски простаивать новой технике, если в колхозе дел невпроворот.

- А я думала, ты и того знаешь. К ним гость приехал. Моя тетка божится, что знает его, а вот откуда знает, не может вспомнить. Запамятовала. А тот явно городской: видный такой старик - по морозу, а в шляпе.

- Седой?! - будто иголкой кольнули Ваньку.

- Не знаю, не присматривалась. Да и темно уже было.

- Большой... крупный?.. - Валя кивнула. - А голос мягкий?

- Откуда мне знать!.. не слышала я его голоса: он не здоровкался со мной.

- А возле носа есть бородавка?

- Я же сказала: темно было, не разглядела. Да и тебе-то что за радость: седой он или нет, с бородавкой или без... Кто он тебе, отец родной, что ты так расходился?.. Забодал ты меня своими распросами. Если б тетка моя не галдела: спроси, да спроси у Ванька, я б и не вспомнила о нем. Она всю ночь вздыхала за ширмой. Тяжко так вздыхала. Говорит, как бы не случилось беды какой в Мироновке. Говорит, а саму ее аж колотит, - Валя усмехнулась. - Совсем очумела старая: утром заявила, что сатана ей представился и будто, как две капли воды, похож на того в шляпе. Я ей: ты что, тетка, белены объелась, а она на меня как цыкнет!.. Смех, да и только: ночь промаялась, а теперь в санях куняет... умора!..

Иван не разобрал, о чем только что говорила Валя, - не до того ему: «Он... Николай Кузьмич... Кто ж еще... А чего же ко мне не зашел... забыл уже?»

- А ты что, и вправду его знаешь?

- Я? - удивленно спросил Иван: «Как же, я, да не знаю этого ученого человека. Как же так, приехал и не зашел... Обидно... Я же помог его другу. А может, заходил? Пришел, а у нас дома никого не было. А вдруг он уже собирается уезжать - только на денек и приехал: он же работает, - Иван схватился за рычаг скорости. Что-то толкнуло его к действию, пока неосознанному, но так необходимому. Как будто испугали его - громко крикнули над ухом, и он, не зная, что делать, пригнуться или побежать, инстинктивно прижал ладони к ушам. - Ну, конечно же, приходил... Обязательно приходил. Он не мог не прийти. Пришел, поцеловал замок и назад».

Ванькина рука сильнее сдавила набалдашник рычага - быстрее доехать, нагрузиться и... в село, к Николаю Кузьмичу... А может, сразу?.. Будто и не учился Ванька в ПТУ механизаторов широкого профиля: торопливо выжал сцепление и с позиции четвертой скорости дернул рычаг на себя - включил заднюю. Под ногами грохнуло, стукнуло, часто-часто затарахтело... и мотор заглох... и тихо-тихо.

- Да ну тебя, придурок! Насмерть перепугал, - Валя выскочила из кабины и побежала к саням.

«Все, приехали, сливай воду, - с грустью подумал Иван. - Не дай бог коробка скоростей накрылась... Да еще на новом тракторе. Лучше бы Шелехов послушался тогда партийного секретаря...»

... - Ну, смотри, председатель, ответишь. Мало тебе прошлогоднего выговоряки за кукурузу! - кричал Сологуб на Шелехова, ничуть не стесняясь Ваньки, стоящего рядом.

- Ладно, отвечу. Не привыкать. Все равно вы, секретари, всегда в стороне, когда что не так. А парню надо заработать девкам на конфеты. Да и сено надо кому-то с луга вывозить. День-два, и нечем будет скотину кормить. Пусть. Много ума для этого не надо. Это

ж была твоя задумка спровадить его из села... от греха подальше. Это ж ты ему выхлопотал направление в училище... да он вернулся. Вот и проверим, чему ты его там научил.

- Ты говори, да не заговаривайся, - Сологуб погрозил указательным пальцем. - И не думай, что промолчу на районном партбюро, если он трактор сломает: с него станется, - и уже не грозил, а ткнул пальцем Шелехову в грудь, будто стволом пистолета. - Учти, стрелки перевести на меня тебе не удастся: мне поверят, а не тебе. В общем, так, если что, ты свою жопу подставишь, а не я. Я тебя предупредил.

- Бог не выдаст, свинья не съест.

Сологуб сердито глянул на Шелехова, потом - на Ваньку.

- Ну-ка, парень, выдь отсюда, - и подтолкнул его к двери.

Иван шагнул за порог.

- Ты что это, бунтовать вздумал? - донесся из-за дверей шипящий голос колхозного парторга.

Ванька превратился в слух: ну и дела-а...

- Не понял, про что это ты? - голос председателя колхоза звучал уверенно, спокойно. Такого отродясь не помнят в мироновском колхозе: чтоб какой-то председатель да посмел перечить самому партийному секретарю.

Дверь чуть слышно скрипнула - приоткрылась: сквозняк.

- Не понял? - Сологуб нервно крутнул пальцами орден Красной Звезды на лацкане своего пиджака. - Власти тебе захотелось?.. Забыл, что бывало с такими умниками... память отшибло?

- Чего же, помню, - усмехнулся Шелехов. - Хорошо помню. Но прошло то времечко.

Какой-то миг Сологуб растерянно таращился на председателя: не знал, что ответить.

- А жаль... - наконец выдавил он из себя.

- Я думаю, - начал было Шелехов, но рокочущий голос Сологуба бесцеремонно оборвал его.

- Ты думал... Скажите, пожалуйста... Да тебе совсем не надо думать. Тебе сказала партия: под козырек, и - будет сделано. Ладно, хватит тут рассусоливать... там поговорим, - и секретарь показал пальцем вверх. - В райкоме лучше знают, кому на каком тракторе надо работать. И еще - заруби себе на носу: ты прежде всего рядовой коммунист, а уже потом председатель колхоза Шелехов. И как с коммуниста по первое число спрошу с тебя. И не забудь подмыться, когда тебя вызовет райком «на ковер».

5

На часах еще день, только пять пополудни. Еще собаки тихо скулят на привязи: вечером их спустят с цепи - брачная пора. Еще село живет дневными заботами, а грязное небо, словно закопченный потолок у нерадивой хозяйки, - все ниже и ниже. Вечереет.

Подогнав трактор к скирде, Иван заглушил мотор, снял шапку, тыльной стороной ладони вытер пот со лба и облегченно вздохнул, будто на крутую гору внес чувал с картошкой. И выглянул из кабины. Бабы, как пеньки на вырубке, - ни с места - раздумывали: впрягаться в работу или шут с ней... и ноги затекли, и поясницу ломит, и ветер слезу гонит... и сколько можно вилами руки рвать. Подумали-погоревали и - сиднем ничего не высидишь - зашевелились. Потуже затянулись кушаками и одна за другой, нехотя и покряхтывая - с саней: не возвращаться ж порожняком на ферму... да и холодно сложа руки... Встали, потянулись, высказались, помянув судьбу и черта, и взяли вилы. Через минуту-другую, каждая думая о чем-то своем, скотницы молча делали тяжелую женскую работу.

Ванька поежился от холода, закрыл дверцу кабины, нахлобучил шапку на лоб, закурил. Поискал глазами Валю. Нашел. Сразу нашел: новый платок. Та, нахохлившись, словно воробышек, локтем прижимает к себе длинный черенок вил и дышит на озябшие ладони. «Холодно, говоришь? Что ж тебе Шурка не погреет руки... где он сейчас?» - усмехнулся Ванька и тут же вздохнул: невеселые раздумья пришли в голову. «Как же так: при двух отцах - безотцовщина. Шурка хоть и вертопрах, а Кудинов. Настоящий Кудинов, да еще и Григорьевич. А я - ни Петрович, ни Семенович... Да никакой я не Никаноров. Так, сбоку припеку. Как хоть фамилия его? - Ванька попробовал вспомнить фамилию Семена... ни в какую - Ну чей я?.. Ни фамилии, ни отчества... Так... Ванька. Просто - Ванька. А для мироновцев так и вовсе Ванька-дурак».

Иван давно уже знал, чья кровь течет в его жилах, и потому не считал Петра своим отцом. Сеньку - тоже. Ну и ладно, подумаешь! Пора бы и свыкнуться: уже и пух на бороде, и на голову выше матери вымахал - и без батьки можно прожить. Голова есть на плечах, руки не боятся работы - чего еще надо. И «дурак» в штанах не дает покоя - скоро и

самому можно батькой стать. Ванька тоскливо вздохнул и - с головой в прошлое. «Ничего бы не случилось, если б и зашел к нему... не съел бы... Он тогда наизнанку выворачивался, в гости зазывал, а я, как баран: нет, и все тут... Эх, если б я тогда послушался его...» Ванька закрыл глаза и откинулся на спинку сидения. Погрузившись в воспоминание, он один за другим выхватывал из памяти свои нечастые, порой прерванные на полуслове, разговоры с Семеном. И каждый, как наяву... и будто со стороны все видел и слышал:

... - Ты вот что, больше не пяль свои зенки на мамку, а то худо будет, - пробурчал он, пиная ногой колесо семеновой молоковозки. И помолчав немного, добавил: - И ко мне не подходи: не о чем нам с тобой разговаривать.

- Почто так? Не чужие, однако.

- Раньше надо было думать, а теперь - чужие, - продолжал упрямиться Ванька, хотя тут же люто казнил себя за каждое слово.

- Ну, как же, кровь-то одна у нас.

Иван досадливо вздохнул.

- И чего ты сюда заявился?

- Ну, как зачем... Вон, глупая птичка, и та домой возвращается, - робко заметил Семен и виновато улыбнулся. - Я ведь и родился в этой хате.

- Ну да! - удивился Ванька. Удивился, но не поверил. - Надо же. Будто нарочно так вышло.

- Да, как будто,- опять виноватая улыбка мелькнула на семеновых губах. - Марьяна, спасибо ей, помогла сторговать мой дом у одной старушки. Та в город к дочке надумала.

- А вы что, с теткой Марьяной родичи, что ли?

- Ты лучше, знаешь что, ты приходи вечерком - расскажу. Все расскажу, - Семен загадочно улыбнулся, зачем-то вытащил кнут из левого голенища, бестолково покрутил его в руках и сунул в правый сапог. - Приходи, не бойся.

- А чего мне бояться, - возмутился Иван и еще раз, просто так, пнул ногой колесо телеги, и вконец озадаченный, отвернулся - не знал, что сказать: придет он вечером в дом к Семену или не придет. Иван молчал. Долго молчал.

- Ваня, - Иван повернул голову. - Сынок, - тихо позвал-попросил Семен.

Что-то дрогнуло, закричало, позвало в сознании парня, и уже откликнулся было, но... Из проулка, чуть не упав на повороте, вырулил велосипедист. Виляя рулем и неуверенно нажимая на педали, покатил дальше, к колхозным амбарам. Иван посмотрел в его сторону. Посмотрел и Семен. Оба узнали пьянчужку Петра Никанорова.

- Сынок... - прошептал Семен и осторожно глянул на Ивана; хотел еще что-то добавить, но не успел.

- Я же сказал - чужие мы.

Сказал, словно в дубовую доску гвоздь вогнал... с одного удара. И отошел в сторону.

И принесла ж его нелегкая, с досадой подумал Ванька о Петре. Отщелкнув окурок в снег, он вылез из кабины и - к женщинам, на скирду. Не мог он сложа руки сидеть и спокойно наблюдать, как те вилами надрывают себе животы, выдергивая из-под ног тяжелые охапки сена.

Манюня воткнула вилы в стог, прогнулась и скривилась.

- Ой, бабоньки, мочи нету: и рук не чую, и спина пополам.

Разогнулась и Люська, грудастая, широкая в корме деваха.

- И я вся вышла. Шабаш... а то назавтра меня ничуть не останется. Айда, родимые, вниз.

И - как с горы на санках. Все дружно - за ней. Спустились, отряхнулись... и повеселели. Ванька тоже бросил вилы, вытер пот со лба и улыбнулся. Женщины повернулись к нему.

- Да слезай же ты со скирды, ради бога - хватит. Все люди как люди: до обеда один рейс и после - один, а с тобой, ударничек, как на себя спину гнем - три рейса. Будто нам тут больше всех надо.

- Ох, и жадный же ты до работы!

Сани нагружены так, что и не влезть на них без посторонней помощи.

- Да, мы такие, - Люська обласкала парня томным взглядом и провела языком по губам. - Мы завтра вообще вдвоем будем возить. Правда, Вань. Ну их к бесу, старух этих, - и подскочила к Ваньке. - Подсади.

Бабы удивленно уставились на нее. Ванька снисходительно улыбнулся. Манюня, сменив гнев на милость, деланно хохотнула:

- Вот чертовка, кругом хороша! Кого хошь ума лишит. И чего я не мужик?

- Ну, так ка-ак, подсадишь девушку на воз? - Люська - вплотную к Ивану.

- Хоть сто порций, - равнодушно, будто разговор о пустяковом одолжении, пообещал он. - Только чуть позже... покурю вот.

- Подсади девчат, - подошла к нему Марфа Кудинова, шуркина мать, - а они нас потом втянут. Там покуришь, в кабине. Домой надо скорее.

Иван кивнул и - робко в валину сторону... Три шага, как три долгих версты... Вдруг отмахнется - без сопливых, мол, обойдусь.

- Подсадить, что ли? - еле выдавил он.

- А как же я? - опять к нему Люська. Под расстегнутым кожушком упруго колыхнулись огромные, как тыквы в огороде, груди.

Ванька с трудом отвел глаза.

- Тебя, так тебя. Живее только, - и косанул глазом на люськин «товар». - Еще и доехать, и разгрузиться...

- Ух, какой серьезный! - Люська подмигнула Манюне и пошире распахнула кожушок. Ванька сглотнул слюну. Люська - к нему... и улыбается... игриво так, будто с ребеночком хочет побаловаться. - А ну, что ты там прячешь от нас... Ну-ка, ну-ка... - она запустила руки Ивану под телогрейку и - ну щекотать.

- Так его, Люсяха, так!.. Ну и девка - огонь! И у мертвого подымет, - заверещала Манюня, наверное, вспомнила свою молодость.

Ванька - шаг назад. Люська - за ним... и все плотнее, и плотнее... а под тонкой кофтенкой - то вверх, то вниз... при каждом вдохе и выдохе... и языком по губам: туда-сюда, туда-сюда. Сразу и не поймешь, что ей надо: порезвиться с устатку, утолить свою бабью похоть или просто посмеяться над парнем.

- Что, весна?.. Щепка на щепку полезла?.. Приспичило?.. Смотри, деваха, дожируешься: еще одного в подоле принесешь.

- Не боись, тетка Марьяна, я теперь ученая, знаю средство, - и опять Ивану - глаза в глаза: - И что ты у нас такой несмелый, а? Ну прямо как барышня кисейная. А ну, покажи, что там у тебя, - и уже еле слышно: - в штанах.

Прижав Ивана к скирде, она ловко сделала подножку, повалила в снег и - в самое ухо:

- Приходи, как управишься, к Манюне. Ее дома не будет, а ключ мне оставит. Приходи, не пожалеешь.

Не сразу, но дошло до Ваньки... И щекотнуло - а что!.. И полыхнуло: забыл и про Николая Кузьмича. А руки уже сами по себе - ого!.. «дойки» побольше, чем у Ритки, будут... И насторожился Иван: «Тебе бы только посмеяться, а мне позор на всю Мироновку... Похуже, чем тогда с учителькой выйдет». И Ванька убрал руки с люсиной груди.

- Некогда мне сегодня. Да и ни к чему все это - разговоров потом не оберешься. Манюня, что радио без проводов.

- Дурак ты, как я погляжу! - Люська полосонула его злой усмешкой. - Да за рубль Манюня и фамилию свою забудет, не то что тебя, дурака, - и поддразнила: - А дружок твой, что летом приезжал к нам на мотоцикле, пошустрее был, сам с Манюней договаривался. И Манюня - ни гу-гу. Да и мироновские ребята не все дураки вроде тебя.

- То - они, а то - я. Пусти.

Ванька легко скинул с себя Люську, встал и отряхнул снег.

- Ладно, хватит дурака валять. Поехали.

- Ишь, досужий какой! - Манюня догадалась: не видать ей дармового рубля. - А скажи-ка, голубь, че эт ты раньше времени с учебы прикатил? Вытурили? Поди, сломал там чегось казенное?.. Ты у нас такой.

- Нам-то что за дело, - Марфа потуже затянула платок, приготовилась ехать. - Где родился, там и сгодился. И работы не чурается.

- Да чего там, - смутился Ванька: уже в который раз за сегодня слушал он похвалу от мироновцев, но еще как-то непривычно. - Мне тоже надо побыстрее домой. Ко мне гость из Курска приехал. Да и холодно просто так сидеть.

- Холодно, не холодно, - не согласилась Марьяна, - а наших мужиков и дрыном не выгонишь из кабины: папиросу в зубы, согнутся в три погибели и сидят. Еще и нас взашей толкают, быстрее, мол, чего там копаетесь, как неживые. И твой Гришка такой, ты уж не серчай на меня, Марфа. Ей-богу, не брешу.

Ванька совсем зарделся, не знал, что и сказать. Валя перевязала платок, посмотрелась в зеркальце, с досадой покосилась на баб.

- Ну, ладно, будет вам лясы точить. Поехали, - фыркнула она. - Больно надо потемну

возвращаться.

Манюня - к ней.

- А ты куда заторопилась? Гулять вроде не с кем: все кавалеры - тю-тю! - в город смотались. Вон уже и пианэры нос воротят. А может, ты с Ванькой, а?

- Фи!.. Больно надо.

Ванька торопливо спрятал глаза: «Могла бы и промолчать».

- А ты не крути, не крути носом! - разозлилась Марьяна. - Мужик - золото, смотри, проворонишь жениха. Выхлопочет паспорт - сейчас это запросто - и укатит в город: кусай потом локти. Ты как, Вань, после армии тоже в город наладишься, а?

Иван пожал плечами и усмехнулся.

- Не знаю.

- А ты подумай: чего ты тут забыл - с мужиками в «чайной» водку жрать? - и с запалом. - Ох, ей-богу, бабоньки, когда-нибудь раздухарюсь и спалю эту заразу к чертям собачьим. Чтоб и духу ее не осталось.

- Ха, нашла чем запугать!.. Не будет «чайной», они под забором или в кустах пить наладятся - места хватит. Пусть уж лучше в ганделике сидят, все ж на глазах наших. Знаем, где искать.

- Все равно, Вань, - продолжала наседать Марьяна, - едь отседа. А твой?.. - повернулась она к Марфе. Та с досадой махнула рукой.

- Прислал письмо: в Одессу просится, к тетке двоюродной. Не хочет в Рыльске на тракториста учиться, - и вздохнула. - Да пусть едет, дорога не заказана. Правда, не знаю, что сестре написать: может, на завод какой пристроит... А дома ни в какую не хочет, - она с опаской покосилась на Люську. - Да я и сама так думаю: ну чего ему тут с нами в навозе копаться. А там, глядишь, устроится, городским будет. Григорий, правда, ругается, сказал: уедешь - не возвращайся. А по мне, так пусть едет, все равно дома ни пахать, ни косить не выучился. Пусть едет.

И снова тайком зыркнула на Люську. Та перехватила ее взгляд и усмехнулась.

- А не заскучаешь по сыночку, теть Марф?

Марфа ничего не ответила, торопливо отвернулась.

- Сейчас все туда прут, - вздохнула Евдокия, чернявая, скуластая тетка с густыми бровями. - Вон и Валюха моя... Хоть и молчит пока, но я-то вижу: еще год-другой помается одна тут и - хвост трубой. Только и видели ее...

- А чего это она будет тут с вами два года коровам хвосты крутить, скажи, Валь. Извините, подвиньтесь. Вот Катька моя подрастет чуток, чтоб бабке легче было с ней, и...

- «Приданное», значит, дома оставляешь?

- ...в Москву рванем, теть Жень, в белокаменную. И не переживай, не на твоей шее Катька будет. А мы - вперед.

- Раздайся грязь...

- Мы им там еще покажем, ага, Валюха! Мы еще дадим стране угля.

- Вот-вот, один раз уже дала. Теперь за вторым хомутом для своей матки?..

- Как же, ждут, не дождутся вас... Сучек там, небось, и своих хватает.

- А чего ж мне тут, в вековухи, что ли, записываться? Извините, подвиньтесь. Я девушка еще ничего, а! - и кокетливо бедрами из стороны в сторону, из стороны в сторону. - Или вон Ваньку, что ли, охмурить на безрыбье.

- Тьфу! - в сердцах Марьяна. - На безрыбье... Ы-ы... Да он с тобой, если хочешь знать, на одном гектаре и срать не сядет. Мотай в город, если опять зачесалось...

- Будто у тебя там никогда не свербело, - огрызнулась Люська.

- Ладно тебе! - сердито вмешалась Евдокия. - Поживи с наше, да повкалывай в колхозе, как мы, посмотришь, засвербит у тебя или нет. Мотай сама в город, а Ваньку оставь. Москва тебя ждет... Мой уже четыре года там, а живет: ни кола, ни двора - все чужое. И чего дома не сиделось?.. Крыша есть, огород есть, сады уже, слава богу, стали подыматься. Корову бы опять завели - мясо, молоко... Как только ни уговаривала: останься, сынок, помру - все тебе достанется... Так нет, и слышать не хотел: не культурно, мол, у вас в Мироновке... грязно. У вас в Мироновке!.. Этак скоро и от матки открестится, - и махнула рукой. - Да чего там... Женился, а я ни сном, ни духом. Приехала к нему по новому адресу, а он будто и не рад, все следом ходил, да принюхивался, а потом заставил дикалоном надушиться. Рожала его окаянного с криком, чуть не околела, и теперь хоть на стенку лезь. Перед тещей на цирлах ходит, «мамой» ее называет, а мне все «ма», да «ма»... Тьфу!.. язык бы его отсох.

- Ты ж рассказывала, что хорошо устроился.

- Да вот же, Марфа, дохвасталась, теперь и в глаза людям не глянешь.

- Ничего, еще обживется. А там, глядишь, каюкнется теща, и сам хозяином станет. А чего им тут... - Манюня кивнула на девчат. - Мы всю жисть в коровьих лепешках топчемся, и им так?.. Пусть хоть они поживут, как люди.

- А мы, что ж, по-твоему, не люди? Вернулся бы домой со своей молодухой и жил бы тут хозяином. Все его будет. Вон по радио когда уже пообещали: скоро и в селах, как в городе, будет. В Калиновке, говорят, уже хоть боком катись - асфальт по улице. И у нас скоро...

- Вот-вот, держи карман шире, - сердито усмехнулась Марьяна. - Накормил соловья баснями «хомутовский босяк». В Мироновке уже пять коров по дворам осталось, и огороды - с гулькин нос... по самое крыльцо обкорнали. Подумал бы сперва своим лысым гарбузом... Где он теперь со своими байками?

- Ну, то не нашего ума дело, - осторожно заметила Марфа.

- Во, бабоньки, анекдот вам расскажу, в Москве слышала, - с шумом влезла Люська в разговор. - Значит, так: приезжает к нам самый главный американец Кеннеди, или кто там у них тогда был, поучиться уму-разуму - как же это мы смогли догнать их по молоку и мясу... И вот... ой, бабоньки, не могу, сейчас уписаюсь со смеху... Ванька, заткни уши... спрашивает он, американец этот недоделанный, у нашего Никиты: мистер, а, мистер, можно ли скрестить медведя с коровой? А наш ему как влупит: а как же, говорит, и не только можно, а и нужно, чтоб летом молоко давала, а зимой лапу сосала. Ой, не могу!.. Это ж надо отмочить такое, а!

- Ну, и что тут смешного? - не поняла юмора Марьяна. - Тебе бы только языком чесать. Ото лучше молчи и не встревай, раз ничего не соображаешь в нашем деле и душа не лежит к нему. Зимой лапу сосала... Где ж такое было, чтоб корова лапу сосала... да и нету у нее никакой лапы... копыта у нее... любой дурак тебе это скажет. И Кеннеди твой чумной, раз такое спрашивает, и наш не умнее... Скрестил... дохозяйничал... чтоб его приподняло да шлепнуло. Того-то его - раз! за ушко и на солнышко.

- Да будет вам на Никиту бочку катить, - вступилась Люська за Хрущева. - Если б не он, вот бы нам (скрутила она кукиш) довелось городской жизни попробовать.

- Уже раз попробовала. Теперь до мартовского заговенья будешь помнить, как пробовать. Ладно мой, так он хоть мужик, ему с пузом не ходить... если даже и не уживется в зятьях - собрал манатки и дал деру. А вы, вертихвостки... Или не напробовалась еще?

- Да что ты мне в глаза тычешь: попробовала, да попробовала... Сколько надо, столько и буду пробовать - мой чемодан, кому хочу, тому и дам, - гаркнула Люська, но тут же отошла... и улыбнулась: что с темнотой разговаривать. - Мы теперь ученые, скажи, Валь. Мы теперь сами кого хошь в лапти обуем. Так что, бабоньки, извините, подвиньтесь.

Манюня усмехнулась, но промолчала. И остальным женщинам нечем было крыть: а ведь права чертовка. И, наверное, подумали про себя - ну что хорошего мы видели на своем веку: война, голодовка, от темна до темна в работе, матюки пьяных мужей, а коекто и кулаки знает, обноски от родичей из города, грязь, распутицу, снежные заносы, неурожай, падеж скотины, болезни детей... И сколько помнят себя, недоедают-недосыпают. Появится сладкий кусок - только детям, да и то к празднику. Господи!.. изо дня в день, из года в год одно и то же... А жить-то когда!

- Ну, так что, Вань, - первая нарушила паузу Евдокия. - И ты вслед за нашими девками?..

- Да нет, теть Жень, кому-то ж надо их кормить... а то совсем отощают там без нас, - и кивнул на девчат.

Валя промолчала, но Люська...

- Кормилец выискался!.. Ну, и топчи дерьмо в своей «замухроновке», а я, извини, подвинься. Уж лучше я еще двоих киндеров нагуляю, зато поживу среди людей.

- Э-э-э... «киндеров» она нагуляет... Хоть бы постыдилась про маткин срам напоминать.

- Да какой там к черту срам! Может, он на нее пистолет наставил - война. Нам, евреям, тогда похуже вашего доставалось. А может, и глянулся ей тот фриц недобитый. Сами знаете: любовь зла, полюбишь и козла, - Люська отмахнулась и тут же озорно подмигнула женщинам. - Надо будет разыскать своего фатера, слетать к нему в гости. Заявлюсь и прямо с порога: «Гутен морген, гутен таг, дам по морде, будет так».

- У нас, где-нибудь под осиновым крестом, ищи своего фрица. Какой он тебе батька...

- Правильно, Ванька. И я ж про то самое... Сиди и не рыпайся: ты - наша, мироновская.

- Как же, «ваша», извините, подвиньтесь. Что мне тут делать? Мужиков нет, под жеребца бы подлезла, да где он, жеребец тот - сплошь и рядом трактора. А с трактором, бабоньки, сами знаете, не помилуешься, - Люська развела руками, - нет у него такого агрегата, еще не придумали ученые, что б и сиське, и писькe радость была.

Иван прикурил потухшую папиросу, затянулся разок-другой: «Совсем распадлючилась в городе».

- Поговорили и хватит, - он исподлобья глянул на Люську. - Распустила тут язык свой, - выплюнул окурок. - Пора. Поехали. Надо дотемна успеть.

- Где уж теперь, - вздохнула Марфа.

- Успеем. Должны успеть. Я тоже тороплюсь.

Круто развернувшись, так, что сани едва не перевернулись, Иван направил трактор к реке. Он не поехал, как раньше, к мосту, а, была не была - напрямик. И весна - еще не весна, и зима уже вся вышла - не разбери поймешь: то солнце и ветер - по улице ручьи вовсю, то заморозки к ночи - хруст под ногами, то молочные туманы по утрам, такие густые, что хоть набирай его в пригоршни и пей. Март.

Иван остановил трактор, вылез из кабины, подошел к реке, попробовал ногой лед. Выдержит, решил он.

- Смотри, не искупай нас, - зашумели бабы с саней.

- В марте щука лед хвостом колотит.

Ванька и ухом не повел: опять заспешил к Николаю Кузьмичу. Лед затрещал, когда берег - вот уже, рукой подать. Бабы с криком и визгом - с саней... и в разные стороны. Ванька не выскочил из кабины: не успел... не смог... не поверил до конца. «Да нет же, быть такого не может... мне же быстрее надо... меня доктор ждет...» И вместе с трактором ушел под воду: черную, холодную и жадную.

Но вынырнул... Судорожно хватаясь окоченевшими пальцами за обломки льда, Ванька выкарабкался на берег. И страх... и паника... и радость - жив-таки! И стыд - а трактор... а воз сена... И зубы: та-та-та... И досада: «Хвастун!.. Надо было опять к мосту. Все равно не успел бы по видному. Уже темно». Бабы - к нему, как в сельмаг за ситцем - скорее, а то расхватают! - и, торопливо срывая с себя кто кожушок, кто полушалок, журили на все голоса. Попробуй тут смолчать. «Горе ты наше луковое... и куда тебя родимец понес... и нас, и себя бы под лед... лучше б ты в городе остался...» И обступили... И заохали... И заахали... Чьи-то сердобольные пальцы уже расстегнули мокрую фуфайку, кто-то укутал голову платком, кто-то дышал на окоченевшие руки, кто-то жалел... кто-то ворчал. Иван - на дыбы. Вырвался из плотного кольца скотниц, зло косанул на тетку Евдокию: «Это ты беду накаркала», - отпрянул в сторону и, сорвав с головы чью-то шаль, побежал.

В селе уже светятся окна, на столбах горят фонари - колхозная динамо-машина дала ток; во дворах взахлеб брешут собаки; крикливые мамаши зазывают домой непослушную детвору - пора ужинать и спать. Уже вечер.

Иван взбежал на крыльцо, распахнул двери. Нюрка всплеснула руками и ахнула.

- Ваня!.. Сыночек!..

Из сеней повалил холод. Нюрка зябко поежилась, кинулась было причинить сени, но тут же забыла, что и как и зачем - все из головы вон. Забыла даже, что в одной сорочке стоит перед корытом потная и распатланная: весь день готовила, мыла, скоблила, а сейчас вот стиркой занялась - не успела причесаться и переодеться. Забыла, что собиралась вынести мешанину поросенку, как бы тот с голоду хлев не разнес; забыла, что ноги гудят и спину ломит - некогда было разогнуться, присесть, перевести дух, съесть тарелку супа, - все забыла, словно ветром выдуло.

- Мам, - тихо-тихо, но и того хватило, будто во всю мочь и над самым ухом.

- Счас, сыночек... Счас, - она метнулась к сыну и непослушными мыльными руками принялась срывать с него мокрую, тяжелую одежду. - Господи, да что ж это такое!

Сняла сапоги, размотала портянки... подставила чугун с горячей водой. Иван сунул окоченевшие ноги в уютную посудину.

6

И вновь заболело, заныло, закровоточило, будто соли посыпали на рану. И проснулось село: зашушукало, закачало головами, засуетилось... и пошла писать губерня.

- Да-а-а... учудил «косой»!

- Жив курилка.

- А Шелехов тоже хорош: нашел, кому дать новый трактор.
- Ему лопату, и ту доверить страшно.
- Вот-вот... того и гляди: сломает или ногу себе отрубит.
- Да-а уж, да-а уж...
- Теперь Сологуб с потрохами сожрет председателя: говорил же, чтоб и близко не подпускал Ивана к технике.

Стемнело. Возле «чайной» по шабашу стоят усталые механизаторы. Курят. Разговоры разговаривают. Домой не спешат - зачем? - там забот полон рот.

- Ох, Иван-Иван, богом прощенный.
- Скорее, забытый.
- Да чего вы прицепились к пацану, японской ваш бог, - вступился Григорий Кудинов. - Он хотел как лучше: три ходки - не фунт изюму.
- Надо голову на плечах иметь, а не задницу, - перебил его Мишка Гапонов. - Третьего дня такой туман стоял, а он поперся башку очертя, будто не знает, что туман лед жрет.
- Да что с его дурной башки возьмешь!
- Голова у него не хуже твоей шурупит, - не сдавался Григорий.- Три раза за день обернуться... у тебя на такое кишка тонка.
- Тю-у, нашел стахановца!.. Ты, случайно, не «подельником» Сеньке-молоковозу приходишься, а? То-то припоминаю: за «косым», как за родным сыном в воду сиганул... Что притих, вина голову клонит?
- Да ну тебя, пустобрех, - отмахнулся Григорий.
- Не-ет, ты постой, - распоясался Мишка на публике. - Лучше признайся, как на духу. А то за грех и кожу под застрех... Дознается Ванька, задаст тебе... Он хоть и дурак, а здоровый. Будешь тогда рылом хрен копать.

Мишка стоит в кругу и гримасничает: комолая корова хоть шишкой, а боднет.

- Интересно, кто из вас первый был?
- Да будет тебе плести кошели с лаптями!.. И трактор его вытащим. Вот потеплеет, лед сойдет... и вытащим. А Ванька еще покажет себя... Как пить дать, покажет.
- Пока солнце встанет, роса очи выест. Каким был, таким и остался: вахлак вахлаком.

Мишка хотел добавить еще что-то, но не успел: рухнул в снег, словно мешок с половой. Будто из-под земли появился Семен. Он уже занес было ногу, чтобы ударить во второй раз, но чей-то кулак остановил его - тупо бухнул по челюсти... даже шапка слетела... но не упал Семен... лишь покачнулся... и коршуном прыгнул на Мишку. Кто-то замахнулся выступком и - приложился как следует. Семен отпустил Мишку, встал, приложил снег к разбитой губе и, не глядя ни на кого, пошел прочь.

Что-то зловещее было в этой драке, совсем не похожей на те потасовки, где деревенские мужики орут во всю глотку, матюкаются и лишь изредка наносят друг другу удары. Здесь все иначе, будто каждый знал, кому что делать, и теперь добросовестно выполнил свою работу.

Разбитый и усталый от бесцельной ходьбы - весь день Иван слонялся за селом, подальше от глаз мироновцев и от материных тоже, - он пришел домой и, не поужинав - совсем не хотелось есть, - лег. Но сон не шел: папироса за папиросой, с боку на бок, - уснешь тут! «И какого черта он подошел к мужикам!» Ванька видел драку: как раз проходил мимо. Еще издали он заметил что-то неладное, даже засосало под ложечкой, и... насторожился. И испугался. Даже крикнуть хотел: оглянись, сзади ударят. И удивился: и своей злости к мужикам, и своей жалости к этому родному-чужому человеку... и почему тот оказался возле «чайной»... и раз уж так случилось, то почему дерется? И возмутился: как можно кучей на одного!.. хороши, ничего не скажешь.

Стрелки часов перевалили за полночь. На столбах трижды мигнули и погасли фонари - заглушили движок на току. Темно и тихо. Даже собак на дворе не слышно. Спит село. Иван сунул голову под подушку, перевернулся на живот, но сна нет, как нет: «Да что ж это я такой невдалый!.. за что ни возьмусь, все через пень колоду. И на улице вечно «дурачком» ходил, и в школе все насмехались, и в городе не прижился, в шею вытолкали... И с девчатами как-то все набекрень: какие-то шалавы сами на шею вешаются, будто я им бык на выгоне, а путная какая попадется, так сам такое отчебучу, что хоть стой, хоть падай - или платье на ней порву, или по-другому как-то отважу от себя». Ванька сильнее зарылся в подушку.

В избе прибрано: порядок - все на своих местах. Пол чисто подметен. Возле рукомой-

ника - свежее вафельное полотенце, под рукомойником, на табуретке - пустой таз. На краю чисто выскобленного стола - краюха хлеба, нож, тарелка, деревянная ложка с обкусанными краями. Ванькина любимая ложка. Посредине стола - керосиновая лампа семилинейка: стекло тщательно протерто, фитиль наполовину прикручен. В открытой дверце плиты чуть подрагивает голубой огонь - антрацит горит ровно. В доме уютно и покойно. Чуть слышен монотонный стрекот сверчка - уже сморился или еще не распелся. Но он не мешает, не утомляет слух. За ширмой тихо посапывает Петр. Нюрка, сложив руки на коленях, тихо сидит на табуретке и о чем-то печально думает. Встала, подошла к плите... опять вернулась к столу и села.

С улицы через открытую форточку тянет сыростью. За перегородкой протяжно и грустно вздохнули диванные пружины. Потом легкий шорох. Потом чиркнула спичка. «Не спится ему, маится, - Нюрка подняла голову и тяжело вздохнула. - Опять закурил. Лучше бы встал и поел - целый день голодный... все на столе стоит... И когда лихая година отступится от него?.. Господи, если ты есть, если тебя не выдумали, сделай так, чтобы напасти оставили его. Хватит одного мурыжить. Прости меня, грешницу, что не знаю ни одной молитвы, но если надо, выучу все, какие захочешь... или меня покарай... но заступись за него. Господи, ну хочешь, встану на колени, только не отвергайся от него». Нюрка подняла глаза к потолку, в угол. Там когда-то висела старая икона, еще от прабабки осталась - принесла вместе с приданым. Сейчас в углу пусто: Петр променял икону на бутылку водки какому-то бородатому и толстому, как боров, дачнику из города. Горожанин, добрая душа, дал в придачу еще и штапельный, почти новый платок, но Петр и его пропил.

Неумело, как могла, Нюрка перекрестилась на пустой угол и повернулась к двери в светелку. Оттуда слышалось тихое, мирное посапывание. «Кажись, уснул. Ну, и слава Богу». Она убрала с плиты борщ, вздохнула и присела на табурет. Задремала. На стене мерно тикают ходики: тик-так, тик-так...

Скрипнула калитка, и: шухх... шухх... шух - тяжелые шаги по снегу. Нюрка встала, попробовала рукой чугунок с борщем - теплый, подошла к плите, поворошила кочергой угли, подняла голову - глянула на часы. Те отстукивали второй час ночи. Грюкнула щеколда - раз, еще раз и еще... и стук в дверь. Кого там принесло так поздно, испуганно подумала она, вспомнив, как когда-то вот так же ночью пришли двое и увели ее отца. Насовсем увели. Она добавила фитиля в лампе, подошла к двери, открыла... И отпрянула - Семен.

- Почто испугалась? Я - к Ваньке...

- Зачем он тебе? Уходи... Петька может проснуться, - и замахала руками.

- Да будь он неладный твой Петька. Мне Ваньку...

- Тише. Спит твой Ванька.

«Твой Ванька»... Семен заулыбался.

- Разбуди. Дело к нему. Ну, скорее же, Нюра.

«Нюра...» - и Нюрка заулыбалась.

- Счас я... Счас...

Она метнулась было в комнату будить сына, но, глянув на одежду гостя, всплеснула руками и ахнула: штаны и телогрейка - хоть выкручивай. И уже лужа под ногами.

- Ну, почто стоишь? Буди скорее.

- Да-да, я счас, - но с места не сдвинулась - ноги не послушались. А что как опять беду в дом принес? По спине мышиными лапками пробежал холодок. Может, прогнать? Мало ли натерпелись из-за него! «Нюра...» «Я и забыла, когда меня так называли».

- Нюра, - тихо и с мольбой...

- Счас, - и к двери.

Иван вздрогнул, едва мать дотронулась до плеча... вскочил с постели.

- Ты че, ма?

- Не пужайся, сынок. Выдь в ту комнату. К тебе пришли.

- Кто?

Еще не совсем проснувшись и недовольный, он нехотя - кого там еще принесло! - в одних трусах и майке, прошлепал босыми ногами по земляному полу к двери, открыл... и зажмурился: свет семилинейки ударил по глазам.

- Ваня...

Иван открыл глаза - Семен.

- Ваня, - еще раз.

- Ну? - сон как рукой сняло.

- Ваня...

- Чего тебе? - и сердито зыркнул на Семена.

Отец и сын... друг против друга... как в зеркале: один - точная копия другого. Иван не выдержал долгого взгляда. Потом и Семен опустил голову.

- Быстрее одевайся. Пошли. Я уже трос прицепил.

- Куда пошли?.. Какой трос?..

Нюрка, часто-часто моргая, смотрела то на одного, то на другого и ничего не понимала.

- Я бы и сам, да не умею на тракторе, - заоправдывался Семен. - Ну... пошли быстрее, - и задом - к двери... - Ну, что стоишь, Ваня?..

- Сейчас. Я мигом, - смекнул Иван и заторопился.

Нюрка, как вкопанная - посреди комнаты. Стоит - дышать боится. «Батюшки, да он же в речку лазил!.. Ну да, так и есть... Он же сына своего хочет от позора избавить, - и с радостью поймала себя на слове «своего». - Это ж надо... в ледяную-то воду влезть! - и радость, и тревога в ее глазах. - Ну, наконец-то все вместе. Господи, неужели дошли до тебя мои молитвы? Спасибо тебе, Господи. А теперь сделай так, чтоб никуда больше не шли, пусть дома остаются. Пропади он пропадом этот трактор! Железяка. Господи, боюсь я за них. Останови их, Господи. Нам бы пообвыкнуться, а потом еще пусть чуть полегчает...»

- А может, не надо?.. Может, останетесь дома, а? - еле шевелились ее губы. - Ну его к бесу, трактор этот. Вон, - кивнула она на Семена, - нитки сухой на тебе нет. Заболеешь - не лето на дворе. И ты, сынок, упал с лица за этот день... - и безнадежно, со вздохом: - Ну куда же вы на ночь-то глядя!

За ширмой спросонья что-то пробурчал хмельной Петр. Ванька лихорадочно заметался по дому - забыл, где что лежит и что ему нужно. Нашел. С вещами в руках выбежал к Семену и Нюрке. Те упорно старались не встречаться глазами. Брюки - с трудом попадая в штанины: сапоги - проклятые узкие голенища не налазят. Иван вдоволь напрыгался по комнате на одной ноге, пока не обулся: свитер - впопыхах наизнанку, и не заметил даже. Оделся.

- Сейчас, сейчас. Я - мигом. Уже готов.

Шапку - на голову... поискал глазами шарф - нигде не видно, махнул рукой и - за порог. Фуфайку надел уже в сенях.

- Гони к тракторам. Любой бери, - уже в спину ему Семен. - Сторож еще с вечера напился. Я похлопотал. Спит. Ничего не услышит.

- Ага. Я - мигом. Гришкин возьму. Он не заругается, - на ходу отозвался Иван, но тут же метнулся назад, в дом.

Через минуту он выскочил и протянул Семену овчинный тулуп и сухие валенки.

7

На приборном щитке тускло мерцает лампочка. В кабине - двое: отец и сын. Мироновка уже позади. Теперь - луг и Сейм.

- Давай чуть правее, во-он туда, - Семен показал рукой.

- Ага, - кивнул Ванька и потянул рычаг. Пучок света вильнул вправо - из темноты выпрыгнули голые, тощие кустики ивняка.

- Кажись, тут.

Семен на ходу выскочил из кабины, быстро нашел конец троса, поднял его и сделал знак рукой: давай сюда. Иван развернул трактор на «пятаке» и задним ходом - к берегу.

- Готово, - кивнул головой Семен, вышел из света фар и пропал в темноте.

Полный газ, и - мощный «сталинец», надсадно урча и пробуксовывая, медленно, сантиметр за сантиметром пополз вперед. Иван заулыбался: «Порядок!.. с утра немного повожусь с ним, а завтра уже на ходу будет». Заулыбался Семен в темноте: «Готово дело!.. пусть теперь только попробуют сказать что-нибудь не так...»

В протяжный гул мотора нехотя вкрался рыхлый шорох. Из воды медленно, будто перископ подводной лодки, выползла выхлопная труба «утопленника». Огромная льдина вздыбилась и со вздохом рухнула в воду - разломилась пополам. И - на тебе! - трос предательски вжикнул и свился в спираль. Стосильная машина прыгнула вперед.

- Сто-о-ой! - Семен замахал руками.

Иван - по тормозам... и оглянулся: задняя фара залила ярким светом раздосадованную физиономию Семена. Иван убрал газ.

- У меня сорвалось? - высунулся он из кабины.

- Если бы. На том конце. Будь он неладный... холодно было, спешил, вот и не закрепил как следует, - заоправдывался Семен. - Ну надо же... Давай назад.

Иван спрыгнул на снег.

- А может, ну его?.. Лед сойдет, потеплеет, тогда и вырятуем.

- Да чего уж теперь, раз начали, - не согласился Семен. - Тут и делов-то... Да и не полюдски будет.

- Тогда - я. Ты уже нырял. Заболеешь еще...

Семен не согласился.

- Занимайся своим делом, а я... все равно уже намок. Сдай немного назад, - и подтолкнул сына к трактору.

Тоненький серп месяца выплыл из-за облака и тут же скрылся. На небе - ни единой звездочки. Шаг вправо, шаг влево от луча фары - и сплошная, холодная, черная стена. Хоть глаз выколи. «Ну, вот и все, - решился Иван. - Пусть теперь что угодно говорят, а я... И мамку заберем. Хватит и нам, и ему маяться. Сколько раз подходил, а я, как барон - ни в какую».

Тупоносый С-100 осторожно отъехал немного назад. Иван выпрыгнул из кабины, подошел к отцу.

- Ну, как, хватит?

- Да. В самый раз. Я быстро, - только и сказал Семен.

Он взял свободный конец троса, вошел в реку и нырнул. И даже не охнул, будто жаркое лето на дворе. Иван зябко поежился, словно не отец, а сам он окунулся в ледяную воду: бр-р-р! Обломки льда тихо покачиваются на воде в холодном свете фары. Вокруг густая темень и густая тишина. Тихо-тихо, ни звука. Даже страшно, как тихо. Хоть бы что-нибудь, пусть скрежет или ругань, но чтоб не тишина. Даже ушам больно.

Выхлопная труба «утопленника» тихо ушла под воду, и трос - в струнку... и суматошный всплеск под водой, будто щука забилась на блесне. Ванька сунул руку в карман телогрейки, там должны быть конфеты-подушечки. Те самые, розовые и липкие от сахара, которыми когда-то баловал его Семен. Ванька ни минуты не сомневался, что они при нем... как же, еще вчера и сегодня утром, и в обед их ел.

Нет конфет. Иван пошарил в другом кармане - пусто. И удивился: как же так, не съел же, ведь отец дал мне целую пригоршню... Куда столько съесть за раз - кишки слипнутся... А вкусные!.. Можно подолгу сосать их, сглатывая сладкую слюну, а потом, как в награду за терпение, взять и раскусить, а там - фруктовое повидло. Иван удивленно обшарил карманы брюк, потом еще раз проверил в фуфайке - нет конфет. А может, и не было их никогда... и самого отца тоже... - на секунду усомнился Ванька и тут же отогнал эту предательскую мыслишку. Да нет же, были. И сейчас есть, только где-то запропастились. А завтра он еще целый кулек принесет. И пряников тоже.

- Сынок, - Иван оглянулся - мать: без платка, без телогрейки, в старых кирзовых сапогах. - Где он?

Распатланная и испуганная, она стоит перед сыном и кривится от боли в боку... и прерывисто дышит, судорожно ловя ртом воздух - вконец запыхалась.

- Там. В речке.

- А ты чего не с ним, а! А ну, ступай, помоги ему, - Нюрка сердито подтолкнула сына. - Да не стой же ты, ирод окаянный! Быстрее... Ну!

Медленно, нехотя всплыла кожаная шапка Семена. «Чего он не снял ее? Вылез бы - сухую надел», - удивился Иван. Удивился и тому, что больше не видно над водой выхлопной трубы своего трактора. И всполошился... и в два прыжка подскочил к берегу... и, не раздумывая, сиганул в воду... И - как на острые вилы. Нюрка:

- А! - и зажала рот ладонями.

Разгребая обломки льда, Ванька добрался до чистой воды, нырнул, схватил Семена под мышки, потянул - ни в какую. Того словно держали за ноги. Крепко держали, мертвой хваткой... А жизнь еще не вся вышла - руки Семена крепко упираются в радиатор трактора, голова мелко вздрагивает от натуги и тянется вверх. Еще б чуть-чуть, и можно было бы дышать...

Иван нырнул глубже и сразу все понял. «Он что, умрет? - прошептал испуганный мозг. - Да нет же... нет». Ванька не хотел, не мог мириться с действительностью. «Он же только что стоял на берегу и разговаривал со мной...» Иван дернул еще раз. «Что же делать... Что?» И вдруг, как яркая вспышка в сознании - топор!.. топор нужен! Иван даже обрадовался своей находчивости и рванулся к берегу. «У мужиков всегда он при себе... Они даже шутят: трактор без топора и стакана, что мужик без елды. Только бы с одного раза

отхватить, чтоб не мучился... Потерпи, отец, я сейчас...» Иначе, как об отце, Ванька не думал о Семене. Отец он ему, самый настоящий... тот, которого Ванька ждал столько лет. И дождался. Наконец-то он сможет сказать теплое, сильное, круглое слово «отец». Мокрый с головы до пят Иван не чувствовал холода. «Только бы руки не дрогнули, чтоб с одного маху... Больно будет, но ты выдюжишь, отец, я знаю: ты на фронте был».

Нюрка метнулась к реке, но Иван перехватил ее и с силой толкнул. Та немного попятилась и, споткнувшись о туго натянутый трос, упала. Иван не заметил своей грубости.

- Беги в село, принеси побольше йода, чистых тряпок и сухую одежду для отца, - приказал он и ринулся к гришкиному трактору.

Тик-тик-тик-тик-тик - полетели секунды. И - как обухом по лбу: нет топора в кабине, ни под сидением, ни в ящике с инструментами. Нигде нет. У Ваньки от страха затряслись поджилки. «Ведь должен же быть... должен! Как же без топора?.. Топор мне нужен!» Тик-тик-тик-тик - бегут секунды к нулю. Ванька беспомощно опустил руки - все! - и виновато посмотрел на мать. И Нюрка учуяла его страх.

- Ну, сделай же что-нибудь для него, сынок, - жалобно взмолилось она, нутром угадывая беду. - Ты же умный... ты же в городе учился... Он еще живой, да?.. Живой?..

«Живой... Да. Пока живой». Никогда еще Иван не чувствовал себя таким беспомощным. Его душили слезы. «Он там меня зовет... Он не хочет умирать... Он хочет жить... Он хочет меня видеть каждый день... Он всегда этого хотел, а я...»

- Да не молчи ты, Христа ради, скажи - он живой! - завопила Нюрка. - Он должен жить!.. Он еще и не жил-то вовсе!

«Ты еще тут?» Ванька сердито зыркнул на мать и тут же забыл про нее... и тут же почувствовал легкий озноб под кожей. Сразу во всем теле. И в голове тоже. «Где же взять топор?» Поднес ко рту озябшие ладони, подышал на них. «Почему у дядьки Гришки нет топора под сидением?.. Он что, нарочно выкинул его? - Иван открыл бардачок, пошарил в нем рукой. - И стакана нет». Тик-тик-тик - улетают последние секунды.

- Ва-а-аня-а! - на весь луг истошно закричала Нюрка и, сорвавшись с места, понеслась в село.

Иван глянул ей в спину. «У Петра всегда острые топоры... как бритвы... Может, сбегать?.. Нет... уже не успею», - очень холодно и очень трезво вынес Иван приговор своему отцу. «Но что же надо делать?.. Что?..» Ванька - за молоток, как раз в руки попался, и - в реку. Нырнул... Руки Семена все еще цепляются за жизнь.

Тук-тук... тук-тук - послышались глухие, холодные удары под водой. Иван вынырнул... набрал воздуха в легкие... Опять нырнул... Тик - тихонечко стукнула последняя секунда. Тело Семена вздрогнуло в последний раз и обмякло. И - звонкая тишина над рекой, над лугом, над всей Мироновкой... И будто с того света: тук-тук... тук-тук - из-под воды.

Ледяная вода уже не холодит тело. Уже не до нее. Вынырнул - вдох... нырнул. Вынырнул - вдох... нырнул... И так без конца. «Ну, вот и все - шпилька срублена. Теперь - шплинт выбить». И опять, но уже глуше, тяжелее: бух-бух-бух... бух-бух-бух. И опять - вдохнул и под воду... вынырнул - вдохнул... и под воду. Сколько прошло: десять минут, двадцать, полчаса... Иван не смотрел на часы. Не до того ему. И когда вылез на берег, не чувствовал холода. Вокруг уже суетились мироновцы с факелами и тусклыми «летучими мышами»: кто-то лихорадочно сгибал и разгибал Семену безжизненные руки, кто-то старательно давил ему на тугой живот, кто-то робко давал советы, как еще можно помочь, - да куда там! Кто-то отвел Ивана в сторону, переодел во все сухое, вложил в руку стакан первача. Нюрка, как полоумная, стоит в толпе и, зажав ладонями рот, тупо глядит на Семена, лежащего на снегу.

- Папка, прости меня, - тихо заплакал Иван и опустился на колени рядом с трупом. И больше ни слова.

Далеко-далеко за рекой и лугом занимается новый день. Розовая полоска неба - к утру чуть подморозило - протянулась вдоль всего горизонта.

Ну почему в кабине трактора Григория Кудинова не оказалось острого топора!

Из распахнутых настежь ворот вынесли черный гроб. Молчаливая, бесслезная процессия медленно двинулась на кладбище. Вслед за гробом - Иван и Нюрка. Чуть сзади - Марьяна. За ними - длинная вереница мироновцев. Все село вышло на похороны. А весна уже вовсю распоясалась: и снег сошел с пригорков, и земля запаровала на припеке, и почки набухли на ветках сирени, - оживает природа.

Мироновцы обступили свежевырытую могилу. Подул бодрящий ветерок. Из репродуктора на столбе возле правления колхоза донеслись звуки давно знакомого мотива.

«Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», - пел густой, широкий бас: начиналась предвыборная кампания. А на кладбище буднично: ни слез, ни воплей. Оркестранты дунули в трубы, вспугнув черного ворона, сидевшего неподалеку на верхушке ольхи... гроб накрыли крышкой, заколотили, осторожно опустили в яму. Тихое горе холодком пробежало со спинам, царапнуло сердце, выдавило скупые слезы.

- Вот и все, сынок. Это мы его... Мы виноваты, - Нюрка нагнулась и взяла горсть земли.

- Знаю. Я - особенно...

Нюрка испуганно посмотрела на сына. Тот и глазом не моргнул.

- Я сам себе в кнут узлов навязал.

Копачи легонько оттеснили их от края могилы и приступили к холодной, обязательной работе. Мокрые комки талого чернозема глухо забухали по крышке гроба. Ни малому, ни старому не показалась чужой страшная гибель Сеньки-молоковоза. Вся Мироновка вышла проводить его. И проводила: старушки проголосили «Святый Боже», концами платков вытерли сухие, давно выплаканные глаза, мужики закурили, музыканты зачехлили трубы и первыми заспешили к поминальному столу - надо еще засветло успеть домой, в район.

А между тем народ не торопился - разговаривал вполголоса. Кто-то вспомнил добрым словом отца покойника, такого же здорового, мирного и всегда трезвого мужика, кажется, учителем истории был - очень уважаемый в Мироновке человек. Детвора - прямо табуном за ним. Потом он исчез куда-то. В одночасье исчез, и - никакого следа. Утром школьники пришли в класс - нет учителя. Побежали к нему домой, а там все в слезах... и молчат. Как это случилось и почему - никто толком не знает. Был - и нет. В народе тогда не особенно говорили об этом - осторожничали языки распускать. Время такое было, колючее. Тогда страх ежовыми рукавицами держал каждого за жабры, и - молчок. Правда, по селу пошел слух, что ночью к их дому подъезжала машина, но и это постарались скоренько забыть, - смирились: у нас зря не сажают. А потом и семья его поспешно убралась куда-то из Мироновки... и братья долго не задержались. Только дед его остался в Мироновке... так и не сдвинулся с места безногий инвалид еще с гражданской войны. Кто-то несмело заикнулся, что помнит старого Мирона Мироновича, тихого старика - мухи не обидит.

- А уж мудрый был!.. Кто что с кем не поделил - к нему шли: он разберется честь по чести.

- Да чего там, раньше много их было в Мироновке. Кто поймет: родня или так просто, но деды сказывали - жили душа в душу. Все в кучу, а потом каждому поровну, да по нужде. Да-а... Густо их было, а теперь вот и последнего закопали. Ну, ладно, пойдем помянем, пусть земля ему будет пухом. По всему видать, хороший был человек, хоть и жил не как все. И как только его угораздило?

- Да как: полез в воду цеплять трос, а трактор, будь он неладный, возьми, да и откатись на глубину, видать, на нейтралке стоял, и прихватил гусеницей ногу. Поскользнулся он там или валенком уперся в колесо - нам только гадать остается, - но так и остался Семен там, будто в капкане, пока Ванька не вырятовал его, да уже поздно - захлебнулся.

- А откуда хоть он появился у нас?

- Кто его знает. Наверное, тоже из тех мест, куда батьку его... Говорил как-то чудно, не по-нашенскому, окал... Да и говорил-то мало. Все молчком да молчком, будто опасался чего. Что-то, значит, давило его. Да мы и не расспрашивали. Живет себе рядом имярек, ну, и пусть живет, а в чем нужду имел - никому дела не было. Только и заговорили о нем, что вот сейчас, возле ямы. Что он за человек был? Разве что Марьяна расскажет. Кажись, родственница она ему.

- Так у нее ж другая фамилия.

- Потому-то, наверное, и осталась тогда в Мироновке. Притихла, переждала... И выжила.

- Хватит, хватит об этом, а то еще... Видел того, второго приезжего, что в шляпе, да вон он стоит, рядом с братом нашей учительки Марты...

- Ну и что?

- А то, что он сынок того легавого... помнишь, что на «воронке» частенько к нам наведывался.

- Да будет брехать-то.

- Думай как хочешь, а я его враз признал, хоть и столько времени прошло: такой бородавки возле носа не забудешь - сатаной меченый.

- Постой, постой, кажись, и я припоминаю... С ними, кажется, еще один, поменьше малец был. И тоже с такой же бородавкой возле носа. Помню, помню. Мы еще посмеивались с них, говорили, мол, чертом меченные. И еще девчушку будто припоминаю. Вот только не хочу брехать: у той была бородавка возле носа или нет. А пацанов точно помню. Оба, как на одну колодку: что один, что другой. Помню, у младшего еще зубы были гнилые. Точно. Мы так и дразнили его - «гнилозубый». Ну да, точно... так и есть. Выходит, пока старый кровосос свои черные дела тут ворочал, его сынки с нами, с детворой, крутились, да подслушивали, о чем мы болтаем друг с другом, да своему батьке рассказывали... Ну и дела... А мы-то думали тогда, из-за чего арестовали отца Семена. Выходит, это тот, что с бородавкой возле носа, постарался...

- Выходит, что так. Только похуже: и мы к этому руку приложили.

- Не руку, а языки свои поганые. А теперь вот и сына его закопали... и ничего о нем толком не знаем. Был - и нет его, будто и вовсе не было. Только вот разве что бугорок остался.

- Как же, бугорок... а Ванька?.. Видел?.. Сам, не стал дожидаться, пока мы прибежим... А расцепить гусеничные траки под водой, на ощупь... Это тебе не стакан самогонки на морозе хлабыстнуть. Тут просто на холоде... и то всех чертей помянешь... Я бы ни в какую, наверное, чтобы вот так... Ей-богу, не смог бы.

- И я бы не смог.

- И я бы...

- И я...

- Бр-р-р. Даже страшно подумать.

- А вот он смог.

- Да-а, весь в батьку.

- В какого? - съехидничал кто-то. И неудачно.

- В своего, в настоящего. В какого еще! Семен тоже, видать, мужик - будь здоров был, раз в ледяную воду полез. А мы о нем ни сном, ни духом. Все Сенька-молоковоз, да Сенька-молоковоз. Думаешь, от легкой жизни он полез в воду за трактором? То-то. Ну, да ладно. Главное, теперь уже ни у кого не повернется язык обзывать Ваньку подзаборником да байстрюком.

- За Петром не заржавеет. Ему ругаться, что с горы катиться.

- Ну и пусть. Зло само себя сожрет. Есть такие пауки, я по радио слышал, так они даже сами себя убивают от злости.

Мужики сбились в кучу: дело сделано, пора - с погоста.

- Памятник какой-нибудь, хоть плохонький, не мешало бы ему поставить, или хоть красную звезду из жести прибить к кресту. Все ж герой.

- Ясно, что герой... на такое решиться.

- Да не про то я... Он герой, самый настоящий, про каких по радио говорят, да в газетах пишут.

- Ну, да?! - сразу несколько человек в один голос...

Кто бы такое подумал, что в Мироновке свой Герой Советского Союза есть. Был... Да нет, брехня все это. Герои где-то там, в книжках, в кино да в газетах... А чтоб у нас... В Мироновке мироновцы живут, а не герои.

- Вот вам и «ну, да». Я когда помогал бабам к похоронам готовиться, полез в его сундук что получше из одежды подобрать, а там, на самом дне - гимнастерка с боевыми медалями и орденами, а в кармане гимнастерки, в особой коробочке - золотая звезда Героя и документы к ней. Все честь по чести: и черными чернилами его фамилия, и печать, и подпись Калинина.

- Чего ж молчал, дурья твоя голова?! Такое да не рассказать. Башку тебе оторвать мало.

- Замотался, совсем забыл. И думал сказать, да вот не вышло, напрочь вылетело из головы. Да и кто сейчас без орденов и медалей - все на фронте побывали.

- Да, но Герой Советского Союза он один у нас в Мироновке. И не высовывался напоказ. Не то что тот заезжий, что три года назад у нас в школе выступал, а потом неделю пьянствовал и обжирался за колхозный счет, да молодым бабам под юбку лазил.

- А ты что, свечку ему держал?

- Свечку, не свечку, а знаю, что говорю: день в день с ними тогда валандался - закуску и водку поставлял им с Сологубом. А ты думаешь, кто нашей Люське-москвачке целку сломал? Не знаешь?.. Так у меня спроси. А когда та очнулась, протрезвела... да в слезы. Перебздел наш герой, задрожал, как овечий хвост: несовершеннолетняя все ж, - быстренько смотался отсюда. Перетрухал «герой», а полкабана и мешок сахара все же при-

хватил с собой. Видел, знаю, я сам отвозил его в район к поезду. Ну ладно, шут с ним, с тем хреновым героем, а вот нашего жалко. Не уберегли.

- Да, теперь ничего не попишешь. А ты тоже, голова - два уха. Жил, жил, а ума-разума так и не нажил. Надо было сразу к Сологубу... Постой, - Григорий повернулся к Мишке Гапонову. - Да ты, поди, и Ваньке-то ничего не сказал?

- И Ваньке не сказал, забыл, будь оно неладно, - Мишка виновато опустил глаза. - Может, сейчас, а?.. Нет?.. Завтра?..

- Сегодня... Завтра... Глаза б мои на тебя не глядели. Тьфу! Ни речи не сказали, ни пионеров на могилу не позвали... так... закопали, как собаку, а теперь еще и звезду на крест хотим прихерачить... На задницу свою ты прилепи эту звезду.

- А может, скажем Ваньке, когда уже памятник поставим?

- Да заткнешься ты, наконец!.. Ему бы об этом узнать, когда еще батька живой был. Да и нам, дуракам, не мешало бы узнать об этом раньше...

Петр тоже пришел на кладбище: стоит в сторонке, помалкивает, виновато поглядывает на мироновцев и простужено кашляет в кулак. Иван подошел к нему.

- Подождешь с долгом?

- Ты про что? - не понял Петр.

- Ну... и гроб сколотил, и крест... Пока десятку могу дать. Больше нет - последние. Остальные потом отдам. Сколько надо?

Петр махнул рукой.

- Что ж я, и не человек вовсе?! - и кивнул на свежий холмик с крестом. - Пусть не гневается там на меня... царствие ему небесное.

Вытер глаза, торопливо отвернулся и показал рукой в сторону.

- Вон, к тебе приехала. Из города. Уже целый час тут стоит.

Иван повернул голову: Галя!.. Сиротливо стоит поодаль от всех и рукавичкой утирает слезы. Увидев, что Ванька наконец-то заметил ее, робко подошла.

- Здравствуй.

- Здравствуй! - удивленно поздоровался Ванька. - Ты чего тут? Как ты меня нашла?

- Ты же сам сказал, что в Мироновке живешь, десять километров по «армянке», - и помолчав немного, смущенно вымолвила: - Я все время о тебе думала... Я к тебе приехала, - и торопливо добавила: - Если прогонишь, я тебя не буду осуждать. Пойму.

Ванька все еще не верил своим глазам.

- А сегодня что, четное число? - ни к селу, ни к городу спросил он.

- Нет, - улыбнулась Галя, - не четное. Я отгулы взяла. Целую неделю свободна. Но могу и больше, - и с опаской глянула на Николая Кузьмича Пряхина - ванькиного доктора и своего родного дядю. Тот пристально и не по-доброму смотрит в их сторону.

Мироновцы друг за дружкой, кто тихонько переговариваясь между собой, а кто и молчком, гуськом потянулись к выходу: пора помянуть героя.

- Когда домой придете? - с надеждой спросил Петр Ивана.

- Не жди нас. Мы у отца останемся, - ответил Ванька, крепко прижимая локтем галину руку. - Насовсем. А за работу спасибо, - Иван шагнул было от Петра, но тут же опять повернулся к нему. - Да, вот что: там у тебя в огороде, за сараем дубок растет... Ты уж не пореши его. Он-то не виноват ни в чем. Пусть растет.

- Да знаю я... Видел... Не слепой же... Знаю, и что Нюра поливала его и окапывала, чтоб корням легко дышалось... Мне-то что. Пусть себе растет, не волнуйся про это, - и чуть помолчав, опять: - Так не вернетесь, стало быть?

- Нет, Петя, - подошла к ним Нюрка. - Ты уж прости меня ради бога, - и она поклонилась ему в пояс.

- И ты не гневайся на меня, Нюра, если сможешь. Летом я вам семенову избу починю, ладно? - с надеждой спросил Петр.

- Ладно, - чуть подумав, согласилась Нюрка.

- Ладно, - согласился и Ванька. - Если у нас денег хватит.

- Да при чем тут деньги, - скривился Петр Никаноров. - Я за так... без денег. Это для меня самого надо.

Нюрка пристально посмотрела на Галю. Глаза их встретились.

- Не прогоните? - спросила, будто спину подставила под удар.

- Нет, - улыбнулась Нюрка и погладила девушку по щеке. - Не прогоню, дочка.

Иван взял мать и Галю под руки и повел их домой, к осиротевшей усадьбе Семена Мироновича Миронова.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ОБНЕСЕННЫЕ БОГОМ

ЧАСТЬ II

Часть I опубликована в №10 ВЛ

Глава 1

Ботинок валялся на шконке и угрюмо размышлял над перипетиями прошедшего дня. То, что его кинули в наблюдалку, - нисколько не удивило. Да и не привыкать, в общем-то. Покантуется две-три недели - и за примерное поведение кум выведет обратно. А если и не захочет выводить - что ж! Долболобов на отделении хватает. Да и должников из чертей - целая куча. Только шепни Собаке или Быку - они такую бузу замастырят, что хоть все отделение в наблюдалку переводи! По оконцовке должникам скостится по пачке сигарет, а ему вновь будет светить любимая шконка в углу пятой палаты. А то, что бузотеров будут мослать аминазином и галоперидолом, его нисколько не волновало. Ботинок все просчитает. Ботинок - умный! Не чета этим шизанутым и олигофренам. Шизики «ловят голоса» и балдеют, а олигофренам везде хорошо. Он вспомнил Мору и усмехнулся. Как бывает хорошо - собрать кучу народа и подкалывать этого тупого цыгана. Спросишь - где живешь? Говорит, что в Череповце. А где Череповец? И тут Мору замыкает. Клинит по ходу. Сидит и думает. Не знает, что есть такая Вологодская область. Или же спросишь - кто такой Гитлер, например. Гитлер? Да, говорит, есть у нас один цыган - Мишка Гитлер. В красной рубахе ходит. А с кем война была? А с кем-то, говорит, была. Вроде... А давно? А, пожалуй, давно. Все, естественно, хохочут, да и Мора с ними заодно. Элементарных вещей понять не может. И читать совсем не умеет. Мокрушник чертов. Просил у матери чирик на водку, а та - ни в какую. Уперлась. Тогда он ей поленом по кумполу - и сапоги с нее снимать. Знал, где она бабки штырит. Полтинник надыбал и с дядькой всю ночь квасил, причем у дядьки же и водку покупал. А утром пришел - мать уже холодная. Другой бы закопал втихушную, а он, кусок кретина, скорую вызвал. Те - мусоров. И амба.

Да, мокрушников на отделении хватает. Один жену в припадке ревности пошинкует, другой - как, например, Леня Пучкис - троих соседей за обобранный куст смородины голыми руками придушит... А Ботинок не такой, нет... Он никогда не пойдет на «мокрое». А все почему? Да потому, что Ботинок умный. Таких, как он, на отделении всего двое - сам Ботинок, да еще этот Витька Гульков. Они не шизики и не френики. У них особая болезнь - эпилепсия. С такой болезнью люди до глубокой старости доживают. Даже среди «шишкарей» всяких эпилептиков хватает. Артисты там, политики... Это Ботинку его лечащий врач говорил. Еще на воле. И лекарства они с Витькой получают специальные: бромиды там всякие, люминал. Но, правда, по залету и галоперидол могут назначить, или же, как его обзывает Собака, - «галабабол». Но это, конечно, меры временные. Попринимает недельку - и баста. Засунет за щеку кусочек мыла, подергается пару минут на полу, пену пустит, и вот вам - классический припадок эпилепсии. И сразу же - ни галоперидола, ни аминазина... Умеючи все надо делать. А Ботинок все делает умеючи. О, только б вырваться побыстрее отсюда! И тогда он всем покажет! Все узнают - кто такой Ботинин...

Выйду - может, в «коммерсы» подамся. Башка вроде варит - вон, пол-отделения в должниках

ходит. Или снова к корешкам пойду. Правда, маманя опять на мозги будет капать - иди, мол, на завод устраивайся. Но матери можно объяснить, что в гробу он этот завод видел. За копейки на нем горбатиться. И так там три года проработал - хватит! И батька на том же заводе гробанулся. Нет, Ботинок найдет себе дело по душе. Да и в деньгах еще будет купаться. Только бы вырваться. Комиссия будет уже в марте, а там еще месяца четыре на «тихом» отделении - и домой. И так уже два с половиной года здесь кантуюсь. И все из-за какого-то вшивого телевизора. Люди вон миллионами хапают - и то меньше сидят. И на фиг мне этот телевизор сдался? И всего-то за четыре пузыря ушел. А шуму-то было... Не лабаз ведь на уши поставил и не кассу подломил, а вот - пожалуйста! Нет, на такую мелочевку больше в жизни не поведусь...

Да, не забыть корешкам письмецо отправить. Что с того, что письма здесь кум проверяет? Через кума я матери пишу. А нелегальные послания уходили с санитаром Женькой. Только вот косяков напорол он - пришлось увольняться. Кум достал. Но Ботинок быстро заделал брешь. Снюхался с новым санитаром из ольгиной смены - Андреем зовут. Тезка, значит. Вели на прогулках и вечерами душевные беседы - «за жизнь». Он тоже деловым хочет казаться, хотя на самом деле - валенок. К таким легче всего подход найти. Вот только эти старые санитары - Валера и Сергеич даже близко к себе Ботинка не подпускают. Презирают втихаря. Ну и пусть себе презирают. Тронуть-то все равно не могут. Да еще Иванов, пожалуй. Но тот - вообще себе на уме. Подойдешь, поговоришь - все вроде чин-чинарем. Все по-людски. Но в конце скажет что-нибудь такое, что потом дня два себя дураком чувствуешь. Тоже, видать, не уважает. Ну и черт с ним. Главное, что на ольгиной смене лопушок есть.

Кстати, об Ольге. Надо будет заняться ей, когда выйду отсюда. Клевая телка! Блин, пока сижу здесь, только она одна и мерещится ночами. Такая свежая девочка, красивая, умная... Все отделение на нее западает. Если б на кухне брому в компот не подмешивали - чтоб меньше хотелось - то не знаю, что и было бы. Но когда мужики по нескольку лет бабы не имеют, то и на бром по фиг. Конечно, плохо без бабы-то! Некоторые, правда, умудряются, время от времени немцев трахнуть - но очень редко. Санитары, мать их, следят. На спецу насчет этого не в пример лучше. Но на спец раскручиваться - нет уж, дудки! Хотя там и чифирку можно хапануть и с педиками за пачку курева договориться, но санитары у них такие... Мужики говорят, что чуть чего - и метелят по-черному. Слова поперек не скажи. И контингент там... Не то что здесь - черти все какие-то. Конечно, и тут есть своя верхушка: Мотогоров, Димка, Яшка с Генахой. Но с Ботинком не кентуются. Но и против тоже не идут. Позволяют жить так, как он того хочет. Есть еще Глушак - но он одинокий волчара. Самый здоровый на отделении. Против него никто не рыпается. Один Димка, пожалуй, и заломает его за счет приемчиков всяких. Да и то вряд ли. Глушак дикий какой-то. И кроме Иванова ни с кем не общается. Вообще ни с кем. И чем это Иванов купил его? Может, тем, что сильнее? Морпех, мать его... А Женька как раз таких и уважает. И вообще - многое сейчас на отделении в Иванова упирается. И возле Ольги он крутится постоянно, когда смены совпадают. А Ольга-то! Чуть не по полу от него растекается. Готов поспорить даже, что у нее после приколов с ним все штанишки мокрые. Да и то сказать - на своей смене хмурая ходит, а как с Ивановым, так и расцветает вся. И Галина с Леной, санитарки, обе молоденькие, но уже замужем, а все равно на него косятся. Хвостами подкручивают. На меня бы так косились - уж я бы ни за что не упустил! Нет, пора Иванова убирать отсюда, а то он все отделение к рукам прибирает. Незаметно так, втихаря. То с яшкиной компанией балдеет, то с чертями возится - и не поймешь его. Пора начать постукивать на него куму. Потихоньку так, без свидетелей. А кум пусть выводы делает. Глядишь, к весне Ивановым тут и пахнуть не будет. И тогда все перед Ботинком на задних лапках бегать начнут. Все. Все.

Глава 2

На дальняк зашел новенький. Обе скамейки были забиты курившими мужиками. Прищурив близорукие глаза, он попытался рассмотреть что-нибудь в густом дыму. Но с таким же успехом он мог бы пробовать ночью, в туманном лесу собирать рыжики, причем без очков.

- Не найдется ли у кого закурить? - наконец вежливо осведомился он. - А то у меня все кончилось.

Больные возмущенно загудели:

- Ну, дает, длинный. Мы и сами-то на подсосе сидим, хапчиками перебиваемся. А он, видишь ли, закурить просит! Это тебе, приятель, - не дома. Тут пачку на два дня дают. Да и то только тем, у кого есть. Так что иди себе, раб божий, и не зарывайся! - и больше не обращая на новенького никакого внимания, углубились в прерванные разговоры.

Но Юриков уходить не собирался. Виноватая, просящая улыбка на его лице постепенно сменилась на хищную усмешку. Он хотел курить. Он дико хотел курить. Заметив в самом углу, где было поменьше дыма, Яшку с Генахой и вспомнив недавний разговор с Киселем, который объяс-

нил ему, кто есть кто на отделении, он решил пойти ва-банк.

- А я вам, канальи долбанные, начну сейчас через одного головы откручивать, - проговорил он негромко, но убедительно.

В туалете тут же наступила полная тишина. С одной из скамеек поднялся Сашка Орлов, здоровенный сорокапятилетний мужик.

- Да я тебя, щенок, сейчас головой в очко засуну, да еще и полью сверху, чтоб еще длинше вырос, - и, поднеся к носу Юрикова кулак, размерами напоминающий небольшую дыньку, спросил: - Чуешь, гад, чем пахнет?

- Смертью, - не переставая улыбаться, ответил Юриков. - Но только твоей! - и быстро вытянув длинную ногу позади сашкиных ног, молниеносно толкнул его в грудь.

Орлов с оглушительным грохотом упал на спину, крепко приложившись затылком о порожек.

- Ну, гад!.. - прохрипел он, пытаясь подняться и держась одной рукой за затылок. Второй он лихорадочно лапал скользкий кафельный косяк, пытаясь отыскать точку опоры. - Ну все... Сейчас я тебя убью!

С одной из скамеек начали медленно подниматься сашкины кореша, решив, видимо, проучить новенького. Яшка с Генахой переглянулись.

- Ша, черти! - заорал Генаха. - Сели все на место! А ты, - он посмотрел на сидящего рядом Цветаева, - свинтил отсюда! Малыш сюда сядет.

Яшка подвинулся на место Цветаева, который уже стоял в углу, освобождая пространство между собой и Генкой. Орлов - как ничего и не было - уселся на противоположную скамейку. Юриков занял предложенное место.

- Говори, - потребовал Яшка, - зачем мужика обидел?

- Курить хочу.

- Ясно, - вздохнул Яшка. - Гена, выдели.

Генка, протягивая новенькому сигарету, не удержался и спросил:

- Зачем варенье лил бабе на г-голову?

Юриков усмехнулся - вот ведь, все уже знают! Не спеша, приткнулся к генкиной сигарете и с наслаждением затянулся.

- Да забухали мы с санитаром на судмеде - вот пьяный и был.

У Яшки с Генахой сразу же заблестели глаза.

- В-водку забухали? - спросил Генаха.

Слегка приоткрыв рот, он с нетерпением ждал ответа. Надо же - он сидит рядом с человеком, который всего три дня назад забухал!

- Не-а, - лениво потянулся новенький. - Спиртягу бодяжили.

- О-о!..

Авторитет длинного сразу же вырос на несколько пунктов.

- Н-ну, а с бабой-то, с бабой-то чего? - не отставал Мосейкин.

- А отлупил - да и все проблемы. Курева мало принесла - всего две пачки. Да варенья там со сгущенкой.

- Сгущенку-то не вылил хоть? - сразу же заинтересовался Яшка.

- Нет. Открыть не сумел. А то бы и вылил!

- Дак сюда подогнал?

- Естественно...

- Лафа! - зажмурился Яшка. - Сгущенки хоть поедим.

Юриков тонко усмехнулся. Вот и он уже почти принадлежит к сливкам местного общества. Как все просто! Тут он заметил, что на чинарик в его руке смотрит голодными глазами тот самый Сашка Орлов. Тогда он нахально посмотрел ему в глаза. Примерно догадывался, что будет дальше. Чинарик быстро дотлевал, и Юриков специально не затягивался - ждал. Наконец Орлов не выдержал, видя, как такой дефицит уходит на ветер. Он чуть привстал со скамейки и, ловя взгляд Юрикова, выдавил из себя:

- Покурить не оставите?

Новенький довольно усмехнулся - все сошлось.

- А какой сегодня день?

- Четверг, - слова давались Орлову с великим трудом.

- Ну, тогда кури. По четвергам я добрый, - и протянул окурок Орлову.

Тот проглотил и это и, схватив чинарик, плюхнулся на место. Сразу же раздалось несколько голосов:

- Александр, покурим?

Яшка с Генкой восхищенно посмотрели на новенького.

- Ловко ты, Малыш, вписался!

- О, кстати, - заинтересовался тот. - Откуда про Малыша знаете?
- А нам Граф сказал.
- Кто это?
- Да санитар, который сегодня на смене был.
- Это в очках? Тот, что наблюдалку пас?
- Да нет, наоборот - здоровый который.
- А-а, - протянул Юриков. - Этот мудак-то...
- А чего это мудак-то? - удивился Яшка. - Нормальный мужик. И поговорит с тобой, и научит чему. Приемчики разные показывает.
- А почему Граф? - «перевел стрелки» Юриков, видя, что мужики санитара уважают. - Потому что анахронизмами всякими выражается? Сударем меня на подъеме обозвал...
- К-какими еще... херизмами? - изумился Генаха.

Юриков засмеялся.

- Анахронизмы. Это словечки всякие старинные.
- А-а, - протянул Мосейкин. - Точно - любит он словечки разные. Иной раз т-такое загнет, что и язык-то сломается. К-как вот ты сейчас. Херизмы какие-то удумал.
- Так из-за этого? - не отставал Малыш.
- Да нет, совсем наоборот. С-сначала мы его Телеграфом звали - длинный потому что. Но это долго слишком. Вот и сократили.
- А он знает, что его Графом зовут?
- Вряд ли. А ты п-попробуй - назови. А мы посмотрим. Издалека только...
- Ну, уж нет! - усмехнулся Юриков. - Давай еще курнем?
- А кстати, - вспомнил Яшка, - варенье-то какое было?
- Клубничное...

Глава 3

- Привет, орлы!
- И ты, боярин, здрав будь! - Собака, Жир и Хорь, как обычно, встречали Иванова в дверях отделения.

Он достал сигарету.

- Исчезли...

Радостно толкаясь и топая, как стадо бенгальских слонят, больные скрылись в туалете. Иванов прошел дальше. В самом углу столовой, стоя так, чтобы в поле зрения находились и наблюдалка, и туалет, санитар Васька Светлов лениво играл с Усохиным в шахматы на подоконнике. Иванов уже больше года дружил со Светловым: с того момента, когда Васька впервые появился на отделении. Он был старше Иванова на три года, но это не мешало им иногда проводить вместе свободное время за пивом и шахматами.

- О, Володя, уже мастеров начинаешь бомбить? - спросил Иванов, похлопав Усохина по плечу и пожимая протянутую Светловым руку.

Усохин неопределенно хмыкнул, а Васька объяснил:

- Да вот, показал ему защиту Грюнфельда. А он двадцать минут уже думает над восьмым ходом.
- Рекорд! - похвалил Иванов обычно торопливого и неосмотрительного на ходы Усохина. - Пойдем, Васька, скажу чего.

Они подошли к банкетке у раздачи, сели и закурили.

- Санька Рябов вчера пиво звал пить. Наверняка у него чипсы еще остались. Я рыбки подгоню. Вывод?
- Сейчас я график притащу.

Через минуту Васька принес график, и они углубились в подсчеты.

- Ближайшее окно - двадцать третьего. Мы с Саней свободны, а у тебя ночь будет. Попьем пивка - и на работу почапаешь.
- У тебя же день, - удивился Иванов.
- Геннадьич мне смену должен - вот и отдежурит. Как специально - на двадцать третье договорились.
- Погоди, погоди, - Иванов почесал бровь. - Ведь двадцать третьего собрание будет. Объявление читал? Насчет усиления в Новый год.
- Только бы не затолкали, - расстроился Васька.
- А ты не боись - я сам к Валере на ночь проситься буду.
- Зачем это?

- Да все равно у меня первого - день. Так что весь праздник - псу под хвост. Да и опять же - с женой в разводе, она слиняет куда-нибудь, а мне с дочкой - лимонад хлебать. Так хоть здесь, с мужиками повеселюсь.

- Мудро, - одобрил Васька.

В это время Усохин наконец-то сделал ход и закричал от подоконника:

- Василий Васильевич, иди сюда - я пешкой походил!

- Которой? - поинтересовался Васька.

- Ферзевой!

- Ну, тогда передвинь моего коня с ф-6 на д-5, - и опять повернулся к Иванову, который в крайнем недоумении вертел головой.

- Бардак какой-то прямо, - пожаловался он Ваське. - Некому и чинарик отдать!

- А ты выбрось, - посоветовал Светлов.

- Увидят ежели - убьют ночью... Эй, Мора! - заметил он входящего в столовую Демидова. Курить будешь?

Мора со всех ног бросился к санитару.

- Ну, вот, - продолжал Васька. - На собрании отсидим, да и сбегаем на Стройку за пивом. Ведро у Рябова есть. Как раз до твоей смены и уделаем.

- А что? Мысль! - обрадовался Иванов.

- Зря ты на усиление полезешь. Лучше бы на первое с кем поменялся.

- Точно! - Иванов сделал вид, что задумался. - А давай с тобой маханем?

Васька посмотрел на Иванова таким диким взглядом, что оба они расхохотались.

- Ну, вот, - смеялся Иванов, - и все так же глядеть будут. Да еще посоветуют аминазин принимать на ночь!

Тут снова вмешался Усохин.

- Василий Васильевич!..

Васька самодовольно усмехнулся.

- Сдаваться решил. Ясен перец... Ну, чего там?

- Тебе шах, Василий Васильевич!

- Какой такой шах?! - взвился с места Светлов и рванул к подоконнику. - Не может там быть никакого шаха!..

Иванов, давясь от смеха, подошел посмотреть. Ваське, действительно, был шах. Причем положение было аховое.

- Ты смотри, - горячился Васька, - как дурят колхозники! Сходил королевской пешкой, а кричит, что ферзевой. Коня у меня слопал. Со скрытым шахом!

- Я попутал, - скромно опустил глаза Усохин. - Я их завсегда путаю - королевскую, что ли... да и другую тоже...

- Попутал!! - бушевал Васька. - Ложку, поди, мимо рта не проносишь! - ни к селу, ни к городу, добавил он. Но потом подумал и довел мысль до конца: - Рот-то с задницей не перепутаешь!

Иванова так и согнуло от хохота. Васька же, весь взлохмаченный и обидевшийся, смешал шахматы и сказал:

- Жулик ты, Усохин! Блефуешь потому что. Не буду я с тобой играть больше!

- Во-во, - продолжил Иванов, - не играй в мои игрушки, не садись на мой горшок...

Васька разобиделся и убежал с проверкой в наблюдалку.

- Молодец, Володя! - похвалил Усохина Иванов и, все еще похохатывая, пошел расписываться в журнале.

На отделении было людно, и Иванов, ловко лавируя между больными, стремительно шел вперед, кратко отвечая на приветствия. Не хотел задерживаться. Но у самых дверей сестринской остановиться все же пришлось. Его там перехватил Колобок, выскочивший из первой палаты.

- Александр Владимирович...

- Потом, потом, Валера.

- ... но я полночи уснуть не мог.

- Меньше днем спать надо, - резюмировал Иванов и взялся за ручку двери.

- Нет, вы скажите, ко мне действительно вчера сестра приезжала на свиданку?

Иванов вздохнул и отпустил ручку.

- Так есть у тебя сестра или нет?

- Нет... Но кто-то все же приезжал? - Колобка нисколько, по-видимому, не смущал тот факт, что несуществующая сестра так вот запросто явилась к нему в Кувшиново прямиком на третье отделение.

Осторожно подбирая выражения, чтобы вконец не обидеть больного, Иванов ответил:

- Знаешь ли, Валерий Федорович, я вчера просто пошутил. Неудачно пошутил. Ты уж не бери

в голову. И извини. Хорошо?

- А знаете, я еще в детстве мечтал все время, чтоб у меня сестренка была... Младшенькая.

- А зачем? - подозрительно спросил санитар. Он сразу же вспомнил, что Колобок и находится-то здесь за попытку изнасилования двух малолетних девчушек. Сестер близняшек. Вспомнил разговор с инструктором Валентином, который с болью в голосе говорил, что таких, как Колобок, сразу же к стенке ставить надо. У самого Валентина тоже росли две дочки, и поэтому его прекрасно можно было понять. Отпусти их погулять на улицу, а тут привяжется такой вот Колобок с кульком конфет... Да, об этом лучше не думать.

- ... Я бы ей косы заплетал, - продолжал Колобок, - защищал бы от хулиганов...

- Ладно, Валера, не расстраивайся. Может, мать на выходные приедет.

- Может, и приедет. Давненько не была что-то.

- Ну, иди, иди к мужикам. Не замыкайся. Все хорошо будет.

Колобок побрел в столовую, а Иванов прошел в сестринскую. Там сидели медсестра Нина Павловна, сорокалетняя полная женщина с усталыми добрыми глазами, и санитарка Марина, вертлявая хохотушка, успевшая отработать всего две недели.

- Здравствуйте, сударыни, - поприветствовал их Иванов. - Отстрелялись уже? Какие последуют директивы на предстоящую ночную баталию?

Марина, еще мало видевшая Иванова, не удержалась и прыснула. А он продолжал весело балагурить:

- Не пора ли ретироваться на зимние квартиры - куда-нибудь в район Бердичева или на Соловки? А то бедные жены заждались бравых зольдат, а симпатичные маркитантки, - тут санитар взглянул на Марину, - больше не в силах переносить суровые российские морозы и сопровождать лихих вояк в их опасном походе. О чем это я? Ах да, вспомнил! Я вообще-то смену принимать пришел. Давайте мне журнал, я быстро-быстро расписываюсь и убегаю.

Нина Павловна улыбнулась.

- А ты все такой же...

- Вот те на! - опешил Иванов. - Да неужели ж я за трое суток смогу измениться? Дудки-с! Позвольте журнал, сударыня!

- Иванов, а у тебя в роду «бывших» не было?

- Да как же не было-то? Изучайте историю, дамы, и там, в этой истории, вы отыщете целую династию конголезских королей Ивановых!

Женщины засмеялись. Нина Павловна протянула журнал Иванову и обратилась к Марине:

- И так вот - каждый раз! И все время что-нибудь новое... Иванов, переходи в мою смену?

- Никак нельзя, - подумав, ответил санитар. - Если в одной смене буду я и Васька, то это уже будет перебор. Двадцать два.

- Точно! - хихикнула Марина. - Этот Васька тоже с приветом. У меня, говорит, дома персидский ковер на полу. Какого-то шаха... Насира, что ли? Ворс, говорит, до колена. И гравюры пятнадцатого века. Смотреть звал.

- Не верь ему, - убежденно сказал Иванов. - У него там не гравюры, а автограф Пугачевой в рамочке и диплом какой-то хитрый. И ворс на ковре не до колена, а по пояс. Не ходи к нему - заблудишься в этом ковре! Ты лучше, девушка, ко мне приходи! У меня в прихожей висит настоящий зуб дракона Оспитале. Я на него шляпы вешаю. Очень удобно, между прочим. Вот на это стоит посмотреть!

- Да ну вас обоих! - засмеялась Марина.

- Нет, обоих не надо, - улыбнулся санитар. - Лучше одного кого-нибудь - Боливар не выдержит двоих! - и, лихо расписавшись в журнале, вышел на гудящее голосами отделение.

Отпустив домой васькиного напарника Алексея, Иванов, на всякий случай, прошелся по палатам. Все было спокойно, эксцессов нигде не назревало, и Иванов пошел в столовую посмотреть, чем там занимается Светлов. Навстречу ему попался спешащий Гусь.

- Привет, Серега! Чего опаздываешь?

- Да у Валентина засиделся - мотор у мопеда перебирали. Вон, до сих пор руки не отмыл!

- Возьми хлорочки у Марины, а я за серной кислотой пока сбегаю!

- Ага, - парировал Гусь, - мне два кармана, пожалуйста!

Иванов зашел в столовую. Здесь собралась большая часть отделения - смотрели телевизор. Васька с Усохиным стояли на прежнем месте. Васька, еще больше взлохмативший свои белокурые волосы, так яростно передвигал фигуры по доске, что казалось, будто она вот-вот задымится. Усохин стоял весь вспотевший и поминутно хватался за голову.

- Васька, заканчивай над мужиком издеваться, - посоветовал Иванов, посмотрев на доску. - Так и до инфаркта довести недолго!

- Шестую партию деру! - радостно сообщил Светлов. - Реванш за Грюнфельда!

У Усохина было ровно вдвое меньше фигур, и король находился в таком плачевном состоянии, что так и виделось, как он сейчас же рухнет, обессиленный, на клетчатое поле и растечется по нему маленькой белой лужицей.

- Перестань, Васька! - опять вмешался Иванов.

На Усохина было жалко смотреть, и смягчившийся Васька начал «зевать» фигуры одну за другой. Воспрянувший из анабиоза Усохин начал радостно потирать руки, а Васька притворно хвататься за голову. Наконец, на доске осталось лишь по королю и по пешке, причем Светлов опережал Усохина на два хода. Пешки двинулись к краям доски в противоположные стороны. Васька первым достиг вожделенного края и, улыбаясь, выставил ферзя. Усохин, все еще надеющийся на чудо, сделал ход. Но он был обречен, и Васька быстро доказал это, хищно слопав пешку. Усохин некоторое время недоумевающим взглядом пялился на невесть откуда взявшегося нахального ферзя и, аккуратно положив своего короля на доску, обреченно махнул рукой.

- Эх... не успел доскакать!

И столько в этом возгласе было неподдельной горечи и сожаления, что Иванов с Васькой даже заикали от смеха. Отсмеявшись, Васька сказал Усохину:

- Иди, Володя, потренируйся!

Усохин собрал фигуры, захлопнул доску и отправился в туалет мыть руки. Он вообще, после того как что-нибудь делал, неизменно мыл руки. Тщательным образом и обязательно с мылом. Взялся ли в столовой за ложку, получил ли таблетки от медсестры - тут же бежал в туалет смывать микробы под краном...

В это время в дверь отделения постучали.

- Ольга пришла! - обрадовался Иванов.

- Точно! - подтвердил Васька, и, отталкивая друг друга, они по-бежали открывать.

- О, появилась моя любимая медсестра! - закричал Светлов, распахивая дверь.

- Не ври давай, - «обиделся» Иванов. - Это моя любимая медсестра пришла!.. - и отвесил Ваське легкого подзатыльника.

Тот не остался в долгу и дал Иванову пинка. Ольга засмеялась и, сказав: «Здравствуйте!» - заторопилась к сестринской. Васька с Ивановым переглянулись, недоуменно пожали плечами и отошли к подоконнику.

- Гусь что-то долго не идет, - забеспокоился Светлов. - Мне ж домой пора. Заснул, что ли?

- Да нет, - успокоил его Иванов. - Он, поди, лапы отмывает.

- Верно! - вспомнил Васька. - Показывал.

В столовой показались Нина Павловна, Марина и Гусь.

- Ну, давай, что ли, Васька!

- Давай, Иванов! - и они стали пожимать друг другу руки и похлопывать один другого по плечам.

- Давай, давай, Светлов!

- Давай, давай, Сашка!

«Голливудские» улыбки санитаров становились все шире и напряженнее, а хлопки по плечам - все сильнее. Женщины и Гусь остановились и с интересом наблюдали за сценой прощания. Сюда же подошли и несколько больных, привлеченные возней санитаров, но в отличие от слишком близко подобравшегося Гуся, благоразумно держались подальше от беснующихся, шалящих «монстров».

- Ну, держал, что ли, Иванов! - сказал Васька и, поплевав на ладонь, так хлопнул коллегу по плечу, что тот даже закачался.

- Держал, приятель, и ты!..

Иванов тоже плюнул на ладонь, размахнулся и нанес Светлову сокрушительный удар. Но Васька в последнюю секунду присел, и вся мощь удара, предназначавшаяся для него, досталась бедному, ничего не подозревавшему, Гусю. Тот так и влип в стену и, сползая с нее, все силился что-то сказать Иванову, широко открывая и снова закрывая рот. Но сказать так ничего и сумел, а севши на пол, с укором в слезящихся глазах, уставился на напарника.

- Ну, блин, не тому досталось! - искренне огорчился Иванов.

Нина Павловна с Мариной так и повалились от смеха на банкетку у раздачи, а Васька корчился на подоконнике. Наблюдавшие больные, по достоинству оценив удар, поспешили убраться восвояси. Ничего не соображающий Гусь, встав на колени и хватаясь руками за подоконник, пытался подняться на ноги. Иванов, которому было явно не смеха, схватил его под мышки и, поднимая, пробормотал извиняющимся голосом:

- Ну-ну, ты, Серега, не очень-то... Слышь, Валентиныч, извини, ежели... - и подведя его к стоящему в углу стулу, осторожно усадил.

Гусь тут же схватился за ушибленную Ивановым грудь. Кое-как отдышавшись, прокричал фальцетом:

- Ну и шуточки у вас! Вать машу...

Васька присел на корточки напротив Гуся и серьезно сказал:

- Я виноват. А ты тоже - хорош гусь - так близко подошел...

- Что?! - взвыл Гусь. - Я тебе покажу гуся! Я тебе такого гуся сейчас покажу!

Васька со смехом отскочил.

- А вот и не покажешь! Я домой погреб. Пока, Иванов! Сами разберетесь тут, - и выскочил за двери.

Гусь встал и, прохаживаясь возле наблюдалки, забормотал:

- Я ему покажу гуся! Я ему такого гуся покажу... не обрадуется!

Иванов вместе с Ниной Павловной и Мариной вышел вслед за Светловым в подсобки. Санитарка Шура домывала пол, а Васька уже почти оделся.

- Кстати, Иванов, - спросила Марина. - А кто такая Боливар? Маркиза или графиня какая? Ты говорил, что ей не выдержать двоих.

Иванов собрался что-то ответить, но не успел. Светлов заржал на всю раздевалку.

- Лошадь!.. Боливар - это лошадь!!! Графиня!.. Маркиза! Ой, помру сейчас!

Марина переводила недоуменный взгляд с Васьки на Иванова и обратно. Иванов, решивший, что хохмить над простоватой санитаркой сейчас не время, начал спокойно объяснять:

- Да, Марина. Боливар, действительно, лошадь. А если точнее, то конь... «Тьфу ты, - мысленно чертыхнулся он про себя, - вторую смену подряд сплошные кони!..» В рассказе О.Генри «Дороги, которые мы выбираем», гангстер Акула Додсон убивает своего напарника - тоже грабителя. Потому что коню Боливару не увезти двоих от погони. Фраза - «Боливар не выдержит двоих» - стала исторической. Все.

- Ну, - разочарованно протянула Марина, - а я-то думала... Думала, что и за Боливар такая - всего двоих, а не выдержит...

Васька сидел у шкафа и, не в силах больше смеяться, только всхлипывал и утирал шапкой слезы. Иванов вполне серьезно поинтересовался:

- А ты выдержала бы?

- Я? Да мне так - хоть взвод. Только рада буду! - и, повернувшись, пошла одеваться.

Васька уже полностью залез в шкаф, закрыл одну дверцу и только гулко ухал оттуда, словно филин из своего дупла.

- Ну, что, Васька, домой-то идешь? - спросил Иванов.

- У-у! - ответил из шкафа Светлов. И немного погодя опять: - У-у!

Иванов подошел к шкафу и легко вытащил Светлова на свет божий.

- Э, парень! Ты так до морковкина заговенья ржать будешь! - и, схватив его, подвел к двери.

Васька наконец разогнулся и, напялив на голову мокрую от слез шапку, вышел в тамбур.

- Привет Гусю! - сказал он на прощанье.

- Во-во, он там ходит и месть тебе сочиняет!

Васька взялся одной рукой за живот и попросил:

- Иванов, будь человеком! Не смеши. Не могу я уже смеяться!

- Ну, давай, шлепай, - спровадил его Иванов.

Зашел в раздевалку, попрощался с Ниной Павловной и Мариной и прошел на отделение.

Глава 4

Гусь, уже успевший оправиться от удара, нанесенного ему Ивановым, в чем-то горячо убеждал Демидова. Тот лишь пожимал плечами и отрицательно кивал головой.

- Мора, - окликнул его Иванов, - пошли за мензурками!

- О чем толковали? - поинтересовался он по дороге к сестринской.

- Да хотел мне букварь принести. Будем учиться, говорит. А на хрена мне оно упало? Учили, учили меня, а все равно я ничего не помню уже - дырка в башке потому что, - он вздохнул. - А ведь знал несколько букв. Э, санитар, - без всякой паузы продолжил он вдруг, - на гитаре поиграем сегодня?

- Попробуем...

- Ты на сутки пришла? - спросил Иванов у Ольги, заходя в сестринскую. - Я за мензурками.

- Тащи их в столовую. Я сейчас.

Иванов открыл дверь на отделение и, подозвав Демидова, кивнул ему на кастрюлю с водой. Мора схватил ее и убежал.

- За мензурками приходи! - напутствовал его вслед санитар.

Походил немного по сестринской. Ольга, закончив что-то записывать, положила ручку в журнал, захлопнула его и кинула в ящик стола.

- Пошли, что ли... любимый санитар!

Но, как ни странно, Иванов на это никак не отреагировал. Даже ничего не ответил. Взял в одну руку чайник, в другую кастрюлю с мензурками и, насвистывая мелодию из «Крестного отца», вышел за дверь. Ольга недоуменно хмыкнула, пожала плечами и, захватив ящики с таблетками и карточками, поспешила в столовую. Иванов, встретив по пути Мору, передал тому чайник и мензурки:

- Разливайте пока, - а сам пошел открывать ванную комнату. Открыв ее, зашел в столовую. Гаркнул:

- Люди, моем ноги и идем пить лекарство!

Лютик, смотревший телевизор, вскочил и умчался в палату за списком - он был заместителем председателя совета больных Мотогорова по гигиене и фиксировал злостных уклонистов от водных процедур. Показалась санитарка Шура, несущая ведро и валявку.

- Александр Владимирович, я пока побуду в ванной, посмотрю.

- Хорошо...

Иванов подошел к столику, за которым Яшка с Генахой заполняли мензурки водой.

- О, Владимирыч! - обрадовались они. - Говорят, Гуся сегодня выхлестнул? Жалко, что мы не видели!

- Как это - «выхлестнул»? - удивилась перебирающая карточки Ольга. - Ну-ка, рассказывай!

- Потом, - отмахнулся Иванов и выловил из кастрюли с водой пластмассовый шпатель для проверки ртов. Постучал им о край кастрюли, сгоняя с него капли...

Через полчаса Иванов уже расположился в любимом кресле у сестринской. Рядом с ним околачивались Яшка с Генахой, Димка Щербицкий и Мора. Яшка взял из сестринской гитару и пытался ее настроить, дергая за струны и подворачивая колки.

- Не так настраиваешь, - заметил ему подошедший из наблюдалки Юриков.

- Ты кто, парень? - подозрительно спросил Димка. - Откуда умный такой?

- Димка, д-да это Малыш, - сказал Генаха. - Мы говорили тебе уже.

- А-а, - вспомнил Щербицкий. - Это тебе варенья не жалко?

- А нечего жалеть, - усмехнулся Юриков. - У матери дома целый подвал этим вареньем забит.

- О-о, - погладил себя по животу Яшка. - Чинно!

Иванов развернулся к Юрикову.

- А вы, молодой человек, что здесь делаете? Кто вас из наблюдалки выпустил?

- А я за бумагой к медсестре пошел. Письмо катануть надо.

- Ну, так идите и пишите... мистер Всезнайка!

Длинный засмеялся и пошел стучаться в дверь сестринской.

- Он вчера Орлова п-подкосил, - сказал Генаха. - На дальняке.

- Да? - заинтересовался санитар. - Говори!

Генаха с Яшкой, перебивая друг друга, начали рассказывать.

- Интересно, - пробормотал Иванов, когда рассказ был закончен. - Значит, курить хотел? Веселенького пионера к нам подсуетили!

- А кстати, где он? - закрутил головой Яшка. - Сквозанул уже?

- Уже. Минуту назад прошел.

Мимо проходил Колобок. Увидев Иванова, остановился, о чем-то подумал и спросил:

- А как ее зовут?

- Кого? - не понял Иванов.

- Ну, сестру, которая приезжала вчера.

- Наташа! - не подумав, ляпнул Иванов первое, что пришло ему в голову.

- Точно! - обрадовался Колобок. - А сколько ей лет?

- Тридцать два...

- Э, старуха!.. - поморщился Яшка.

Не обращая на реплику Яшки никакого внимания и весь погруженный в свои думы, Колобок зажмурился.

- Правильно! И как я мог забыть, что Наташке уже тридцать два? Она же на семь лет моложе...

Иванов не на шутку встревожился, а Генка с Яшкой заржали.

- Тихо! - шикнул на них санитар. - Валера, это ведь не твоя сестра приезжала. Это совершенно чужая женщина. Да, может, и не было ее вовсе... Ну, нет же у тебя сестры! Чего ты меня путаешь?!

- Нет, Александр. Раз вы сказали, что приезжала - значит, и приезжала. Вот ведь, - вдруг огорчился он, - а я даже и не видел ее. Надо было дать свиданку. Чего же это мне санитары свиданку-то не дали? - обратился он к мужикам, как бы ища у них поддержки и, расстроенный, побрел в палату.

- Мля... - вздохнул Иванов.

- Приезжий гусек! - подвел итог Яшка и легонько коснулся струн. Зазвучали первые ноты «Реквиема».

- Перестань, моро, - попросил санитар. - У пассажира период пошел.

- По фиг, - усмехнулся Генаха. - Здесь каждый день кто-нибудь с катушек соскакивает.

- Помолчите. Думать буду. Колобок на сестру повелся, которой у него отродясь не было...

- По фиг! - Генаха недобро оскалил зубы. - В зоне бы ему такую сестру показали... Над малолетками издеваться - это не хухры-мухры. Хрен бы он до конца срока дотянул.

- Все. Давай в палату сматывайтесь. Там репетировать будете.

Иванов встал и прошел в первую палату. Ничего не видящий Колобок яростно вышагивал между четырех кроватей - от окна к проему и обратно. Иванов подошел к нему и, надавив на плечи, усадил на кровать.

- Валера, так все-таки есть сестра?

- Есть, - убежденно ответил Колобок. - Вы же сами сказали. Наташа ее зовут. Я и сам помню же...

- Понятно, - вздохнул Иванов. - Ты пока посиди здесь, а я сейчас приду. Договорились?

Колобок ничего не ответил. Тупо смотрел в одну точку на стене. Иванов быстро прошел в сестринскую. Ольга с кем-то болтала по телефону.

- Чего? - спросила она, прикрывая трубку ладонью.

- Долго еще?

- Да нет. Я и быстро могу, - и, прижав трубку к уху, проговорила: - Ну, пока, Света. Послезавтра договоримся. Дела... - и, послушав еще немного, положила трубку на аппарат.

- Ну, рассказывай, - зачем Гуся выхлестнул?

- Да черт с ним, с Гусем. Тут у Колобка крыша съехала.

- А где и работаем...

- Я серьезно, Оля. Может, аминазином подлечим?

Ольга задумалась.

- В чем выражается? Буйствует?..

- Нет. Помнишь, я его вчера с кресла сгонил?

- Согнал, - автоматически поправила она. - Помню. Еще сказал, что сестра на свиданку приехала.

- Правильно. Теперь такой вопрос - есть у него сестра? Нет. То есть вчера еще не было, а сегодня уже - вот она! Причем зовут Наташа, и ей тридцать два года.

- А может, он забыл вчера про нее?

- Нет же. Никакой сестры у него нет. Один он у родителев. Я, когда личное дело читал, запомнил. А сегодня он на полном серьезе спрашивает - как, мол, звать, какой возраст? Я и повелся - похохмить решил...

- Ну, и...

- Что - ну? Ты старшая по смене. Решай.

Ольга задумалась.

- Как он?

Иванов поднялся со стула, на который он сел незадолго до этого, и, подойдя к застекленному шкафу, в котором стояли какие-то папки, начал рассматривать вырванную из какого-то глянцевого журнала репродукцию с картины Сальвадора Дали. Там из огромного граната выскакивала страшная рыбина. Из ее пасти выбирался здоровенный тигр, из открытого рта которого, в свою очередь, вылетал тигр поменьше, кидавший винтовку со штыком в руку обнаженной спящей девицы. На заднем плане нервно прохаживался белый слон на невообразимо длинных и тонких суставчатых ногах. Подпись под репродукцией гласила: «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения. 1944г.» Пристально всматриваясь в страшные, необъяснимо притягательные глаза тигра, бросающегося ружьями, Иванов невольно поежился.

- Колобок бегает по палате. Только что из тапочек не выпрыгивает, того и гляди, подметки отвалятся. Нервничает. Расстраивается, что свиданку зажилили... Почему, Ольга Викентьевна, вы не дали больному Колобову свиданку с несуществующей сестрой? Нехорошо это - топтаться на лучших, светлых чувствах пациентов. А кстати, кто Дали притащил? Раньше тут сидел Васнецов.

- Не знаю, - Ольга тоже встала и подошла поглазеть на картинку. - Бр-р, ужас какой! Неужели они такие глюки ловят?

- Кто? - не понял сначала Иванов, но потом сообразил. - Больные, что ли?

- А кто же еще? - удивилась Ольга. - Да и Дали этот, по всему видать, с заскоками был. Наш клиент!

- Да наоборот совсем, - засмеялся санитар. - Чудак и оригинал, каких мало. Как он Хачатуряна в своем замке разыграл! До того довел беднягу, что тот начал мочиться в старинную китайскую

вазу династии Мин.

- А как? - сразу же заинтересовалась Ольга.

- Потом... - махнул рукой Иванов. - С Колобком чего?

- Да ничего. Шефу позвоним - пусть решает. Надо же ему, хоть иногда, зарплату отрабатывать!

- Звони! А я за Колобком присмотрю пока.

Он вышел за дверь и сразу же заглянул в первую палату. Колобок, раскачиваясь, сидел на кровати. Иванов отошел к подоконнику - чтобы держать в поле зрения не только Колобова, но и весь коридор. Через пару минут появилась Ольга.

- Сейчас придет. Просил ничего не предпринимать.

- Как поговорили?

- Да так. Обрадовался вроде, засуетился.

- Ну-ну, подождем.

Минут через десять хлопнула входная дверь.

- Явление Христа народу. Картина моего тезки, - вздохнул Иванов. - Иди, мать, встречай!

- Если начнет копать, то говорить про тебя?

- А чего ж - и говори. Все равно докопается.

Ольга ушла в сестринскую, но пробыла там недолго. Выйдя, кивнула Иванову:

- Веди...

- Спрашивал чего?

- Пока нет.

Иванов подошел к Колобку и взял его за локоть.

- Пошли до начальства.

... На столе у шефа лежала раскрытая история болезни. На плитке уже закипал чайник.

- Добрый вечер, Андрей Андреевич!

- Здравствуйте, Александр Владимирович. Посадите Колобова, а сами присядьте сзади.

Иванов поставил стул напротив стола шефа и посадил на него Колобка. Стул для себя поставил чуть сбоку и сзади. Шеф отошел к столику в углу и начал заваривать чай в небольшом фарфоровом чайнике. Иванов сразу же сунулся в историю болезни. Отыскал взглядом заключение комиссии. Оно гласило: «Маниакально-депрессивный психоз на почве сексуальных извращений в прогрессирующей форме. Необходима изоляция от общества». Дальше шло несколько подписей. «Ни хрена себе - формулировочка!» - восхитился санитар и быстро сел на место. Губанов вернулся с чаем, сел на свой крутящийся стул и немного поерзал, устраиваясь поудобнее. Сегодня он был без халата, в каком-то нелепом, по мнению санитара, полосатом пиджаке. Отхлебнув глоток чая, он поставил стакан в тяжелом подстаканнике на стол.

- Ну-с, Валерий Федорович, рассказывайте. Валерий Федорович?..

Колобок был непробиваем. Как зачарованный, он смотрел на ажурный серебряный подстаканник. Чтобы привести его в чувство, Иванову пришлось ткнуть ему пальцем в бок. Колобок встрепенулся и завертел головой, видимо, пытаясь сообразить, где же это он очутился. Увидев шефа, он попытался подняться, но Иванов был начеку: быстро протянув руку, он положил ее на плечо Колобка, отчего тот сразу же плюхнулся на место. Глотая окончания слов и глядя на Губанова, Колобок быстро-быстро заговорил:

- Андрей Андреич, ко мне вчера Наташка приезжала - почему свиданку не дали? Сестренка младшая... ни разу в жизни не видел, а вы свиданку не даете. Не на тюрьме же! Другим так - сразу...

- С чего вы взяли, что к вам приезжала сестра? - перебил его шеф.

Колобок споткнулся, словно о невидимый барьер, и надолго задумался.

- Это я ему сказал, - нарушил молчание Иванов. - Расшевелить хотел...

Шеф поглядел на него и хмыкнул, как бы говоря: «Вот и расшевелил!»

- Правильно! - вспомнил вдруг Колобок. - Это мне Александр Владимирович сказал. А потом говорит, что не твоя сестра была - перепутал, мол... Но я-то сразу сообразил, что Наташа приходила. А вы свиданку замылили...

- А какой вчера был день? - опять перебил Губанов.

- ...почему на свидание не пустили? - продолжал Колобок. - Что за порядочки тут у вас? Издеваетесь, как хотите...

- Какой вчера был день недели? - словно не слыша его, переспросил шеф.

Колобок схватился рукой за нос и, немного подумав, осторожно предположил:

- Понедельник?..

- Нет, Валерий Федорович! - восторжествовал Губанов. - Вчера был четверг, - и быстро записал что-то на листке бумаги. - А свидания, если вам известно, даются у нас только по выходным дням, то есть по субботам и воскресеньям. Так что, даже если и допустить, что к вам кто-то приез-

жал, то свидание было не положено.

- Но ведь Наташа... ни разу в жизни... - потерянно забормотал Колобок.

- А почему вы решили, что ее зовут Наташа? - спросил шеф, деликатно обходя слово «сестра».

- Да как почему? Как это почему?! Она и есть Наташка. Тридцать два года, на семь лет моложе...

- Валерий Федорович, а вам сколько лет?

- Сорок три! - не задумываясь, выпалил Колобок.

Шеф снова начал что-то записывать. Иванов вздохнул.

- Это, опять же, я сказал.

- Что? - не понял Губанов.

- Что Наташа и что тридцать два...

Шеф даже ручку отложил. С интересом посмотрел на Иванова.

- Дошутились, Александр Владимирович. Я так и думал, что все эти ваши шуточки...

Иванов, уперев глаза в подстаканник, как это совсем недавно делал Колобок, сказал:

- Кто ж знал, Андрей Андреевич? Он спросил, а я и не понял сперва. Я ж люблю пошутить, сами знаете. А потом сообразил... Да это же один шанс из тысячи, что он о сестренке всю жизнь мечтал - я бы, толкует, ей косы заплетал, защищал бы ее... Я на такой вариант и ржавый пятак не поставил бы, а вот поди ж ты!

Губанов задумался.

- Действительно, все предусмотреть нельзя. Но в каждой шутке должна быть толика юмора, иначе это будет уже не шутка, а издевательство.

«Во дает!» - изумился Иванов.

- Вот видите, до чего могут довести такие непродуманные грубые шутки, - продолжал Губанов.

Иванов, наконец, оторвал глаза от подстаканника и взглянул на шефа.

- Виноват, Андрей Андреевич, - расстреливайте...

Шеф негромко засмеялся.

- Молодец, Александр Владимирович! Именно здоровый юмор и отличает психически больного от нормального человека.

- А если юмор нездоровый? - подколол Иванов, почувствовав, что гроза миновала.

Шеф опять засмеялся.

- Ладно, хватит острить. Пригласите Ольгу Викентьевну.

- А?.. - Иванов кивнул в сторону Колобка.

- Ничего. Он уже успокоился.

- А? Что? - снова завертел головой Колобов, вырываясь из плена своих дум.

Иванов встал и пошел звать Ольгу, а шеф снова принялся гонять Колобка:

- Какой сейчас месяц? Правильно, декабрь... Но у вас нет никакой сестры... Как зовут вашу мать?..

Ольга сидела в кресле и, улыбаясь, слушала Яшку, который играл что-то на гитаре. Вокруг расположились Мора, Генаха, Димка и еще несколько человек. Все они больше пялились на медсестру, чем внимали яшкиному пению.

- Сеанс окончен! - объявил, подходя, Иванов. - Ольга Викентьевна, к шефу.

- Ну, как? - спросила она, вставая.

- Да ничего вроде. Сидит, смеется...

Ольга быстро прошла в сестринскую, а ее место тут же занял Гонин и, повернувшись к Яшке, заканючил:

- Ян, а эту песню...

Генаха с изумлением посмотрел на него.

- Гонька, черт, т-ты чо - рамцы попутал? Обдубашился на дальняке, что ли?..

Гоньку как ветром сдуло.

- Правильно, - похвалил его Иванов, садясь в кресло, - и постарше тебя найдутся. Всегда уступайте место в городском транспорте пожилым и инвалидам.

Гонин заулыбался.

- Хороший мальчик! - продолжал Иванов. - Мы тебя завтра на дальняке в пионеры примем. Как там говорится? - он прищелкнул пальцами. - Пионэр - всем пример? А ну, брысь отсюда, - неожиданно закончил он.

Гоня засмеялся и отошел к подоконнику.

- Весело тут у вас! - вдруг сказал Барышев, только что вышедший из палаты.

- А ты думал! Тут у нас цирк сплошной... Чего, Десант, скажешь?

- Да вот, песни пришел послушать.

Яшка сразу же заинтересовался:

- А почему - Десант?

- А он с двадцать первого с крыши сигануть пытался, - улыбнулся санитар. - Как на парашюте. Только вот зонтик прихватить забыл...

Барышев засмеялся. Он, и действительно, пытался сбежать с отделения судмедэкспертизы, правда, не таким экстравагантным способом. Но по обложке его личного дела шла диагональная красная полоса - «Склонен к побегу».

- Да я в армии в десанте успел послужить. В Песочном торчали, - объяснил он Яшке.

- О-о! - все с уважением посмотрели на Барышева. Лютик даже уступил ему место на банкетке - садись, мол, Сергей! Барышев с удовольствием сел.

- Границы ключ переломлен пополам... - негромко запел Яшка. Мужики, замерев, слушали. Слова о «дедушке Ленине, который разложился на плесень и липовый мед», почему-то особенно взволновали Димку Щербицкого. Он яростно чесал голову и негромко даже ругался по-цыгански.

- Чинная песня! - похвалил Десант, закончившего петь Яшку. - Кто поет?

- Егор Летов из «Гражданской обороны».

- Хорошая песня! - наперебой заговорили больные, когда Яшка закончил играть. - По радио таких не поют.

Иванов посмотрел на часы.

- Так. Уже «Время» идет. Желающие смотрят телевизор, а по окончании - на горшок и спать!

- Во Александр дает! - заулыбались мужики. - Как воспитатель в детском садике. А кефир на ночь будет?

- Ага, будет. Но только пополам с галоперидолом! Есть желающие?

Желающих, естественно, не нашлось, и все разбежались, кто куда. Иванов забрал у Яшки гитару и отнес в сестринскую. Прислушался к голосам в кабинете шефа.

- У вас нет сестры... А кто приезжал?.. Это санитар пошутил... А почему не дали свиданку?.. Сколько будет шесть и пять?.. Правильно, но у вас нет сестры...

«Так он с ним и до ночи провозится, - подумал Иванов. - А и действительно - что ему дома торчать? Тут хоть с народом общение какое-то...»

Выйдя, он увидел Яшку с Генахой и подошедшего Глушака, у которого был свободный выход из наблюдалки.

- Саня, письмо вот написал. Почитаешь?

- А ну-ка, сквозанули, орлы, - кивнул санитар Яшке с Генахой. - В маляву женькину вникать стану.

Они переглянулись и ушли курить, а Иванов развернул письмо. После первых же строчек скривился, как от зубной боли. Прочитав чуть дальше, сплюнул, скомкал письмо и швырнул его на подоконник.

- Жалкая подделка под Иванова, - сказал он и постучал себя кулаком в грудь, что должно было означать, что подделка была не под какого-то там Иванова, а именно под него. - Ну, сам посуди, что ты здесь нагородил?

- А и хорошо написал, душевно вроде, - осторожно предположил Глушак.

- Душевно? - вскипел Иванов. - И это ты называешь - душевно?! - он схватил с подоконника письмо, расправил его и, отыскав нужную строчку, зачитал: «...Моя любовь трипеща крылами как белый голубь, несет тебе в клюве весточку о моем освобождение, подобно лучам заката освещающем путь без домному бродяге...»

- Ну, что это такое? - бушевал он.

- А что? - почесал затылок Глушак.

- Не говоря уж об орфографии... ты, поди, и слова-то такого не слыхивал?

- Не-а, - честно признался Женька.

- Ну, это ошибочки всякие - а у тебя, их, кстати, до фига... Ты так стилистически нелепо построил фразу... У тебя получается, что любовь несет в клюве весточку, а «подобно лучам заката» - вообще ни в какие ворота не лезет! И причем здесь бродяга?

- А к слову. Красиво показалось.

- Вот именно - и близко к слову тебя подпускать нельзя. Такого напортачишь! Принес?

- Ага! - Женька с готовностью достал из кармана чистый лист бумаги и ручку.

- Ну, пиши, тогда. «Здравствуй, Лена! Никак не могу понять, что в последнее время со мной происходит. Хожу - думаю о тебе, валяюсь на шконке - в мыслях ты, сплю - только ты и снишься. Наверное, это и есть любовь. Когда дня не можешь прожить, чтобы каждую минуту не думать о тебе: где ты?.. что ты?..

Никак не могу определить, где кончается та невидимая грань, за которой теряется привязанность и начинается любовь. Где же та пропасть, в которую нужно упасть и, качаясь на веревке, что

тоньше волоса, увидеть вдруг протянутую руку любимого человека? Увидеть в его глазах страх за тебя, мольбу, отчаяние...

Где та вершина, на которую нужно взобраться, чтобы прокричать на весь мир о том, как я тебя люблю? Хотя, нужно ли оповещать об этом Вселенную? Достаточно и того, что мы знаем о нашей любви...» - вдохновенно диктовал Иванов, а Женька, поминутно стряхивая со лба капельки пота, быстро строчил по бумаге.

«...Когда два сердца тянутся навстречу друг другу, когда две души переплетаются в медленном вальсе жизни, а время неумолимо отсчитывает такты, словно опытный дирижер...»

- Саня, подожди - сейчас рука отвалится! - взмолился Глушак и, бросив ручку, откинулся на спинку кресла. - Достал уже...

- Ничего-ничего, сейчас мысль закончу, - и, продиктовав еще несколько строк, он, наконец, сжалился над Глушаком.

- Кстати, на лодке катал ее?

- Катал...

- По Сухоне?

- По Пучкасу. Мы туда как-то из Сокола всей толпой рванули. Ну, я ее на тот берег на лодке и увез.

- Ну, и?..

- Чего - и? Я ее там того...

- В первый раз, что ли?

- Ее - в первый.

- Пиши! - обрадовался Иванов. - «А помнишь ту ночь на Пучкасе? Разлившуюся по воде лунную лестницу с перилами из хрустальных звезд, которые можно было собирать в ладони? Белоснежные лилии в подвенечных нарядах, ведущие свои бесконечные разговоры о любви и испуганно замолкавшие при нашем приближении? Мы отдали им это право - говорить о наших чувствах. Мы больше молчали. Да и к чему были слова, когда этой ночью в дело вмешалась сама Госпожа Любовь? Я ловил блеск звезд в твоих глазах, чувствовал биение твоего сердца, пил твою обнаженную душу, ощущал ток жизни, струящийся по твоим венам. Сводник соловей, притаившийся в ивняке, самозабвенно венчал нас той ночью. Лучшего священника и не придумать... Полевые ромашки были твоими свидетельницами в эту первую нашу ночь. Великий Космос затаил дыхание, пораженный нашей любовью. Ты шептала, словно в бреду...» Что она шептала?

- А ничего. Кричала, что больно ей, - Глушак, обрадовавшись неожиданной возможности передохнуть, отложил ручку в сторону. - Девочкой оказалась.

- Так... Так-так, - Иванов чуть подумал. - Пиши! «...Как больно и сладко ощущать себя впервые в жизни женщиной». С новой строки: «Я подарил тебе той ночью второе рождение. Из маленькой, неуклюжей Золушки ты стала настоящей принцессой... Когда я вернусь, то мы с тобой обязательно сходим на то место и посадим там березку - символ чистоты и святости. И пусть она каждую весну наливается любовным соком в память о нас...»

- А что? Идея! - сказал Глушак, не отрываясь от письма.

- А ты думал! У меня в башке целый сундук всяких идей и рацпредложений, - ухмыльнулся санитар. - Ну, закругляйся. Спать уже пора.

Через минуту письмо было дописано.

- Читай вслух! - потребовал Иванов. - Посмотрим, что получилось.

Женька начал читать, но тут же запнулся.

- Слушай, а может, вместо «шконки» написать - на кровати?

- Да ты чо, обалдел? Забыл, что ли, какие письма год назад писал? Матюги сплошные. А сейчас вдруг такой слог. Нет уж, давай и блатные словечки вставлять всякие.

Показались идущие из столовой больные. Иванов посмотрел на часы.

- «Время» кончилось. Через двадцать минут отбой.

Женька ушел за конвертом. Двери сестринской открылись, и оттуда вышли Колобок и Ольга. Колобок сразу же рванул к туалету.

- Ну, что, Оля?

- Иди за ключом - шеф уходит. Закроешь за ним.

Глава 5

Ровно в десять погасили верхний свет и зажгли ночное освещение. Иванов прошелся по палатам, проверяя, все ли легли спать. Сунулся было в столовую, но там уже шла уборка. Стулья стояли на столах, Красиков подметал пол, а Кисель, бодро шуруя валявкой, тут же мыл. Иванов стал прохаживаться по коридору, заглядывая в каждую палату и, гася, по мере возникновения, очаги пере-

шептываний - спать, так спать! Минут через пятнадцать половина больных уже храпела - сработал неулептил, выдаваемый на ночь. Столовая была уже вымыта, и пол, покрытый линолеумом, ярко блестел под светом многочисленных ламп. Погасив лишние и оставив гореть только две из них, Иванов подошел к раздаче, где уже тусовались уборщики, ждущие настоящего, крепко заваренного чая, который должна была принести санитарка. Шура не заставила себя долго ждать и вскоре вынесла две железные кружки с чаем. Поверх каждой лежало по куску белого хлеба.

Гусь, важно сидя у наблюдалки, неторопливо читал газету. Время от времени он строго поглядывал на Красикова и Киселева, как бы предлагая им побыстрее заканчивать чаепитие. Но те, не обращая никакого внимания на «грозные» взгляды, продолжали мирно чаевничать, толкуя о чем-то своем. Иванов еще раз проверил все палаты и прошел в сестринскую. Ольга с удовольствием читала только что написанное письмо - совместный плод творчества Глушака и Иванова.

- Опаньки! - удивился санитар. - Ольга Викентьевна, нехорошо читать чужие письма, неэтично как-то.

- По службе положено, - улыбнулась Ольга. - Прямая, между прочим, обязанность дежурной медсестры.

Дочитав, она протянула письмо Иванову.

- Почитай-ка, как пишет красиво. Не хуже Экзюпери. И откуда он только слова такие достает? Третье письмо уже такое читаю.

- Это вот, - Иванов потряс письмом, - это вот - не хуже Экзюпери? Величайшего из великих, Антуана де Сент-Экзюпери? Да ты что - это же сплошные литературные штампы, не за что глазу зацепиться!

- А ты-то почем знаешь? - подозрительно спросила Ольга.

- Я?! Да кто же, по-твоему, мог писать эту ерунду? Глушак год назад попросил помочь письмецо накатать - так с тех пор и пошло. Раз в месяц - регулярно по письму. Мне вообще нужно собрать все эти письма и выпустить сборник любовных посланий. Деньгов хоть на этом заработаю.

- Трудненько будет, - съязвила Ольга.

- Почему это? - не понял он.

- Я и то, когда эти письма читала, чуть не плакала... Можешь быть уверен - эта Лена до такой степени залила их слезами, что уже и не разобрать ничего.

- Ты думаешь?

- Уверена просто!

Иванов почесал голову.

- Ну, и черт с ними! На чем-нибудь другом заработаем.

- А тебе вообще как - санитарской зарплаты хватает? - поинтересовалась Ольга.

- Нет, конечно!

- А как тогда живешь?

- Ну, как-как? Помаленьку, понемножку. Вечером - ножи точим, утром - деньги считаем...

Ольга расхохоталась, навалившись грудью на стол.

- Ну, молодец! - наконец проговорила она. - Слушай, Иванов... я, пожалуй, к вам в смену перейду. Фаине-то все равно, а я посмеюсь хоть!

- Щас! Перешла уже! Шеф тебе всех коней с пятиминутки припомнит. И все эти «наши личные дела», как ты соизволила выразиться. И непонятно, что еще по этому поводу скажет Сергеич.

- А при чем здесь Сергеич?

- Да... - Иванов поднялся со стула и принялся расхаживать по сестринской. - Это мы с Васькой так прикалываемся: чуть чего, и сразу думаем - а что по этому поводу Сергеич скажет? Очень удобно - все потом можно на Сергеича свалить...

- А если серьезно?

- Ну, если серьезно, то попробуй. Попытка не пытка, как шутил небезызвестный Лаврентий Павлович. Мотивируй чем-нибудь эдаким... Ну, например, что смены с подружкой не совпадают, или еще чего...

Ольга с удовольствием потянулась, подняв руки кверху и зажмурив глаза.

- Да уж, придумаю чего-нибудь.

- Нет, Оля, ты действительно к нам хочешь? Ты серьезно?

- Вполне...

Иванов начал было размышлять о преимуществах совместной работы, но не додумал и махнул рукой.

- Дохлый номер! Ни черта не выгорит. А кстати, что там с Колобком?

- Да уговорили вроде, что нет никакой сестры. Но мне кажется - не больно-то он и поверил. Ну, так Губанов аминазина ему побольше назначил. Ну, и естественно, наблюдение повышенное, но в своей палате. Да, еще сказал, что дошутишься ты, Иванов!

- Ха! Ты знаешь, чего он сегодня вывез? В каждой шутке, говорит, должна быть толика юмора. Вот ведь - удивил! Без юмора - так что и за шутка? Просто правило из учебника. Да, а какой это Свете ты звонила? Симпатичная девушка?

- Очень, - сухо отозвалась Ольга.

- Ну, так познакомь! - не заметил изменившегося вдруг тона Иванов.

- Обязательно, - она достала журнал и принялась что-то записывать, намекая, видимо, на то, что разговор закончен.

- Люблю имя - Света, - мечтательно произнес Иванов. - Есть в нем что-то легкое, светлое...

Ольга молчала.

- Оля, а давно, к примеру, ты в театре не бывала? - неожиданно поинтересовался санитар.

- А что - пригласить хочешь?

- Ну, - замялся Иванов, - более или менее...

- Так более или менее? - ехидно спросила Ольга.

Иванов поднялся с кушетки, отвесил галантный поклон и, шаркнув ногой, словно заправский денди, сказал:

- Приглашаю...

- Ах, вот как мы еще умеем! - засмеялась Ольга. - Но учти: я со Светой приду. Познакомлю...

Часа в два ночи Ольга уже отчаянно зевала, непонимающим взглядом следя за передвижением фигурок на шахматной доске. Иванов с Гусем, не торопясь, играли в шахматы. После пятишести ходов кто-нибудь из них вставал и, пока соперник думал, пробегался по палатам. Время от времени кто-нибудь из больных, в трусах, майке и тапочках, шатаясь со сна, словно лунатик, проходил в туалет. Двери в это заведение, именуемым больными дальняком, были предусмотрительно распахнуты настежь: мало ли кого на суицид потянет. Так что санитары, выставившие столик на середину прохода, могли одновременно держать в поле зрения туалет с наблюдалкой, а также весь длинный коридор - вплоть до сестринской.

- Гарде! - важно объявил Гусь, сходив конем.

Иванов задумался, а Гусь пошел разминать кости в обходе. Проверив наблюдалку, он прошел мимо столика на другой конец отделения.

- Ну, что, мать, покурим? - спросил Иванов у Ольги, доставая сигареты. - Да и иди-ка подремли малость. На сутки же пришла.

Ольга похлопала глазами, отгоняя сон, и, доставая свой «Опал», спросила:

- Чего это ты, Иванов, меня все время зовешь матерью? Сирота, что ли?

- Да я как бы и всех так зову. Мне все равно, а вам приятно.

- Ничего себе - приятно! - хохотнула она. - Да, кстати... Когда в театр собираться?

- Послезавтра.

- В «Драм»?

- Да.

- Чего про театр толкуете? - спросил подошедший сзади Гусь.

- А тебе чего? Тоже собрался? Ну-ну, приходи - со Светой познакомлю. Но учти - у нее пятый размер бюстгальтера.

Гусь заоблизывался, а Иванов схватился за голову.

- Не пугай хоть!

- Ага! - торжествовала Ольга. - Не любишь таких?!

- Я люблю! - ляпнул Гусь. - Меня познакомить надо!

- Во-во, оставь ее для Сереги. А чего? Мужик холостой, видный, в шахматы играет - чего ж ей еще надо? А мне больше по вкусу что-нибудь этакое хрупкое, воздушное...

- Ага. Принцессу из сказочки!

- Серега, посмотри на мою любимую женщину, - завздыхал Иванов. - Афродита, наяда, фея - ну чем не принцесса? А вот ведь беда - издевается постоянно. Сходить, что ли, вздернуться на дальняке? Как думаешь?

- Нет уж, - запротестовал Гусь. - Только не на моей смене. Давай придем к консенсусу...

- Давай, давай, придем к нему, - перебил Иванов. - Придем к нему и спросим. А не ответит - будем пытать подлеца, руки-ноги выворачивать, пытать всякими образами...

Гусь почесал затылок, соображая, что к чему, понял шутку, заулыбался.

- И все же вешайся дома, а? - попросил он. - И тебе хорошо, и у нас проблем не будет...

- Ну, ладно, уболтал. Тебе тоже - гарде, - ответил Иванов и сходил пешкой, нападая на ферзя.

Гусь задумался о выгодности размена.

- На что это ты намекаешь? - спросила Ольга. - Любимая женщина, наяда, фея...

- А вот на то и намекаю. Чем ты не фея? К тому же я давно тебе в любви объяснился. Не по-

мнишь? Вчера еще, в раздевалке.

Мимо, пошатываясь, прошел Витька Переверзев. Потом остановился, развернулся и уставился на чинарик в руке Иванова. Стоял молча, переминаясь с ноги на ногу.

- Чего тебе?

- Покурить ба...

- Знаешь ведь - нельзя ночью курить. Приказ кума.

Витька покорно вздохнул и начал разворачиваться.

- Стой! Стрелять буду!

- Стою, - опять вздохнул Переверзев.

- Стреляю... - сообщил Иванов.

Ольга с Гусем засмеялись. «Чего это они - анекдота такого не слышали, что ли?» - удивился про себя он, а вслух сказал:

- Все равно на дальняк собрался, Витя. Так что выкинь, пожалуйста, чинарик. Но курить не смей!

- Ага, - ответил Переверзев и, жадно затягиваясь на ходу, поспешил к туалету.

- Вот они, дети хрущевской оттепели, - вздохнул Гусь, отодвигая ферзя в тыл своих фигур. - Никого не слушают.

- Точно! - подтвердил Иванов, смелым броском посылая своего ферзя вдогонку за Серегиным. - Вам шах, сударь!

Гусь начал грызть ногти, не отводя взгляда от доски. Ольга погасила свою сигарету в консервной банке, заменяющей пепельницу, и встала.

- Ну, так я пошла?

- Шлепай! - отозвался Гусь. - В половине шестого мы тебя, мать, поднимем.

- Еще один сыночек выискался! Поднимать-то по очереди станете, или как?

- Или как! - улыбнулся Иванов. - Уйди, Христа ради, сударыня, свет застишь!

Ольга быстренько убежала.

- Ишь ты, как сквозанула - чуть все пешки с доски не сдуло! - хмыкнул Иванов.

- Да-да, - рассеяно отозвался Гусь, думая, чем бы защититься от шаха - конем или слоном.

Из туалета возвращался повеселевший от курения Переверзев. Увидел в банке свежий окурок «Опала».

- Можно?

- Бери и отваливай.

- А огоньку? - спросил Витька, вылавливая негнущимися пальцами окурок из банки.

- Чего?! - возмутился Гусь. - Ты и так должен спасибо сказать, что покурил на халяву.

- Спасибо! - сказал Витька. - А огоньку?

- Ну, ты, блин, и наглец! - сверкнул очками Гусь.

- Иди, иди, Витя. Утром хоть покуришь, - поддержал его Иванов.

Переверзев вздохнул и, шаркая тапочками, поплелся в палату.

Часа в четыре Гусь начал клевать носом. «Пусть вздремнет», - решил Иванов и начал у стены «бой с тенью». Тень была хорошая, четкая и Иванову это нравилось. Минут через двадцать он скинул халат, рубашку и начал отжиматься. Потом попытался допрыгнуть до неработающих часов. Но часы висели высоко, и это ему не удалось. Подумав, он попытался достать до них с разбегу. Этот маневр тоже не удался, и тогда он, сильно раззадоренный, начал забегать на стенку ногами. Дело пошло лучше, и вскоре ему удалось выставить на часах точное время. «А хотя, на черта мне это нужно? Все равно не ходят!» - подумал он и, накинув халат, пошел по палатам. Все спали. «И то ладно!» - решил он и пошел отрабатывать растяжку и удары ногами. Потом вытащил из-за телевизора припрятанные с вечера нунчаки и долго занимался с ними, совершенствуя придуманные самим же «ката».

В пять тридцать, захватив полотенце Глушака, он открыл ванную и долго, с наслаждением умывался ледяной водой. Насухо обтеревшись, он оделся и, повесив полотенце на батарею возле женькиной кровати, разбудил Гуся.

- Вставай, Серега! Шура уже в кандейке шебуршится - наверняка чай заваривает. Сходи, проверь. А я Ольгу разбужу.

Легонько постучал в дверь сестринской и присел на стол. Из-за двери не доносилось ни звука. Постучал чуть громче. Результат оказался таким же нулевым. Тогда он открыл дверь своим ключом и заглянул в коридорчик. Ольга мирно посапывала на четырех мягких стульях, поставленных сиденьями к стене, по-детски подложив ладони под щеку. Иванов некоторое время с удовольствием полюбовался стройными ольгиными ножками под распахнувшимися полами коротенького халатика. Затем с явным сожалением вздохнул и легонько встряхнул ее за плечо.

- И здорова же ты, девка, спать!

- А? Что? - вскинулась она. - Уже, да?

- Уже, уже, - пробормотал Иванов и пошел к двери, чтобы не смущать медсестру.

Ольга, вставая, задвигала стуликами.

По очереди попив чаю, санитары стали дожидаться прихода смены.

- За ночь-то намело, поди, - закинул удочку Гусь. - Может, посмотришь?

Иванов понял, что Гусю страсть как не хочется вылезать из теплого отделения на мороз. Гусь вообще был лентяй изрядный и, видимо, считал подарком судьбы то, что напарник не претендует на дежурство у наблюдалки. Сам Иванов считал почему-то наоборот - что о таком напарнике, как Гусь, можно только мечтать, и за то, что тот неотрывно торчит у наблюдательной палаты, охотно брал на себя разные мелочи. Вот и сейчас, просто ответив:

- А что? И посмотрю даже! - пошел одеваться.

Снегу намело мало, но он все же решил его подмести. Взяв в тамбуре здоровенный голик, он сначала убрал снег с крыльца, а потом принялся разметать дорожку: от пятнадцатого отделения, где лежали туберкулезники, и до угла прогулочного дворика. Уже заканчивая, Иванов почти нос к носу столкнулся с вынырнувшим из-за угла сменщиком Геннадьичем - невысоким сухоньким мужичком с острыми чертами лица.

- О, Владимир Геннадиевич! Как почивалось? Вроде как бы и потеплело? Чего там на спиртометре - оборотов много ли? - встретил он его пространной тирадой.

- Девятнадцать, - ответил Геннадьич и, сняв с руки толстую шерстяную перчатку, пожал Иванову руку. - Привет, Саша. Как смена?

- Пойдем в раздевалку, расскажу. Колобок, понимаешь ли...

Пока Геннадьич переодевался и попутно вникал в обстановку, пришел Андрей - второй санитар с ольгиной смены. Следом за ним прибежала санитарка Галина. Иванов прошел на отделение. Возле Гуся уже вертелись Хорь с Собакой и потчевали его зоновскими байками.

- А где Славка?

- Встает уже...

Иванов встал у туалета и закурил. По отделению бродило несколько человек - из тех, кто рано встает. Словно привидения, они возникали из полумрака коридоров и снова скрывались в палатах. Иванов аккуратно потушил сигарету об косяк двери и отдал окурок подошедшему Шичигину. Затем прошел в сестринскую - попрощаться с Ольгой.

- Не завидую тебе - еще двенадцать часов торчать...

- А что делать? - улыбнулась Ольга. - Приходится.

- Ну, ладно, пошел я тогда.

В это время в сестринскую ввалились Геннадьич и Андрей с Галиной. Передал связку ключей Геннадьичу и пошел на выход. Посчитав измятые сигареты в пачке и выделив одну Собаке, прошел в раздевалку. Следом заскочил Гусь.

- Ну, пойдем, что ли?

- Пора, - зевнул во весь рот Иванов. - К матери будешь заходить?

- Не-а, - тоже зевнул Гусь.

Глава 6

Иванову надоело слушать ворчание бывшей жены, которая ходила по квартире, вытирала несуществующую пыль, передвигала с места на место какие-то безделушки и зудела, зудела себе под нос, распаляясь от этого все больше и больше. Чтобы не нарваться на очередной конфликт, он схватил книгу, сигареты, накинул полушубок и отправился в холодный подъезд, не забыв, однако, озадачить четырехлетнюю дочку недавно приобретенным кубиком Рубика. Та, немедленно оставив кукол, принялась немилосердно терзать странную игрушку. Поудобней устроившись на соседском ящике для картошки и закурив, Иванов погрузился в «Мир смерти» Гаррисона. Вскоре подъезд, холод в подъезде и все остальное перестало для него существовать. Вместе с межгалактическим авантюристом и каталой Язоном ди Альтом он лихо сшибал макеты представителей местной фауны в тренировочном лагере на какой-то особо хитрой планете и мечтал побыстрее оттуда смотаться. Пистолет на специальном шнуре сам прыгал ему в руку, и у Иванова даже захватывало дух от предстоящих перспектив. Но все хорошее почему-то слишком быстро кончается. Не успел он выкурить вторую сигарету, как из дверей высунула голову жена.

- Эй, папаша! Уложи дочку спать. Успеешь начитаться. А я к соседке наверх схожу.

- Щас! Все дела брошу и побегу к соседке наверх! Делать мне больше нечего, что ли?

Жена захлопала глазами.

- Это я к соседке...

- А-а, извини, перепутал. Я и забыл, что сегодня твоя очередь к ней идти! - и проскользнул мимо обалдевшей супруги в прихожую.

- «Спокойной ночи» уже кончилось? - спросил он у дочки, вертевшей кубик всяческими образами.

- М-м... Да... Не знаю... - пробормотала та, не отрываясь от странной игрушки.

- Эк тебя, милая, захватило. Давай-ка ноги помоем - и баиньки. Хорошо?

- М-м... Да... Нет...

- Ну-ка, Юля, перестань. Завтра поиграешь, - сказал он, отбирая кубик.

Когда ноги были помыты, верхний свет выключен и зажжен ночник, дочка спросила:

- Папа, а что ты делал сегодня ночью?

- Я работал.

- А расскажешь?

- У меня была сумасшедшая ночь, - ответил он, вспомнив, как выставлял на неработающих часах точное время. - Хотя тебе это вряд ли будет интересно.

- Почему? Мне интересно!

- Ну, ладно, - Иванов вздохнул, поняв, что от настырной и любознательной дочери он так легко не отделается. - Слушай. Я ловил на небе звезды и прятал их в бутылки с водой.

- Зачем?!

- Чтоб настоять звездное вино. Что может быть лучше звездного вина? Одна звезда - одна бутылка. Сегодня я их поймал шесть.

- А ты еще говорил, что всю ночь спасал шахматного короля от злой черной королевы. Ты кто на работе?

- Хм... Хороший вопрос... Ну, немного волшебник, немного спасатель...

- А зачем ты ложил в каждую бутылку по одной звездочке? - перебила его дочь. - Надо было, как чай делать - много сунешь, и чай крепче будет. Надо все звездочки в одну бутылочку положить. Вот.

- Нет, доча. Звезды - они словно маленькие смешные люди. Им хорошо, когда они вместе. Они начинают гоняться друг за дружкой, играют в жмурки. Они кружатся в маленьком сверкающем хороводе. Короче - поднимут такую кутерьму, что ни одна бутылка не выдержит. Только так: одна звезда - одна бутылка. В одиночестве звезды грустнеют и засыпают.

- Они умрут? Ты убиваешь звезды, как тот дядя?

Иванов даже пожалел, что недавно читал ей Гаррисона. Как, однако, ребенок развивается! Вслух же ответил:

- Нет, маленькая, они просто засыпают. Когда, немного погодя, вино будет готово и бутылку открываешь - звезда улетает обратно на небо. На свое прежнее место. А в бутылке остаются ее слезы, ее мысли.

- А это вино вкусное? Звездные слезки...

- Да, это самое лучшее вино на свете. От него нельзя стать пьяным, но оно разогревает кровь. Оно лечит больную душу.

- А мне нельзя еще пить такое вино? Оно как лимонад?

- Нет. Но когда ты вырастешь, то к твоей свадьбе я приготовлю несколько бутылок такого вина.

- А когда приготовишь?

- О, это будет нескоро! А хочешь - я оставлю эти шесть звездочек, которые поймал сегодня?

- Да. А потом, когда ты снова будешь ловить звездочки, то возьми меня. Ладно? - тут она ненадолго задумалась. - А как ты их ловишь? Сачком или удочкой, как в деревне?

- Знаешь, Юля, человек сам должен ловить свои звезды, без посторонней помощи. Когда-нибудь ты и сама этому научишься. А ловлю я их сказками, - вдохновенно фантазировал Иванов, не зная, куда же еще заведет его воображение.

- Как это - сказками? - даже при свете ночника Иванов увидел, как округлились глаза дочери.

- А вот так. Начинаешь рассказывать сказку. А звезды любопытны, как дети. Они маленькими светлячками слетаются поближе и застывают, открыв в восхищении рты. Тогда выбираешь те, что поярче, берешь бутылки и подставляешь под них. Когда они засыпают, то обязательно падают туда. И остается только заткнуть пробку.

- А ты тогда говорил, что звезды большие, как... - Юля задумалась, пытаясь подобрать сравнение. - ...Больше домов, да? Потому их и видно. А бутылки маленькие. А как ты...

Иванов почувствовал, что достаточно еще пару минут поговорить с дочуркой - и совершенно спокойно можно будет заказывать койку в своем отделении. А там вылечат.

- Юля, все. Пора спать. Видишь - уснул телевизор. Засыпает старый стул. И дети тоже должны спать. Спи, хорошая...

Юля вздохнула и, повернувшись на бок, закрыла глаза.

- Спи, - еще раз повторил Иванов и вышел из комнаты. Через некоторое время он вместе с Язоном уже выходил в город, кишащий смертоносными тварями.

- В театр!! - решил Иванов и подошел к шкафу. Жена с дочкой ушли в гости к бывшей теще, и он мог без особых помех, не спеша, одеться. «Итак, что мы оденем? - размышлял он. - Старый добрый прикид или же банальную цивильную тройку?» Достал «прикид»: потертые, видавшие виды джинсы, тельняшку и какую-то хламиду - то ли джемпер без рукавов, то ли мешок из-под картошки с дырами для рук. Но зато на ней были яркие полосы елочкой, нашитые в мексиканском стиле. Это произведение сампошива Иванов гордо называл пончо. Быстро натянув этот мешок и джинсы, а также повязав на голову бандану, он взглянул в зеркало. Оттуда на него смотрел и ухмылялся то ли участник фестиваля молодежи и студентов в Гаване, то ли индеец с Аппалачских гор, которому почему-то вздумалось вдруг посетить Вологду, вместо того чтобы мирно зимовать у подножия родной горы Митчел. Но к этому наряду были необходимы кеды, о чем Иванов сразу как-то не подумал. А в такой мороз в кедах идти не климатило, и поэтому, со вздохом повесив все обратно, он начал залезать в серую тройку.

- В театр, в театр, - напевал он себе под нос. - Да будь он неладен, если из-за него по полчаса одеваться приходится!

- А кстати, - самодовольно спросил он сам у себя, - в чем отличие чеховских сестер от Иванова? А в том, господа хорошие, что они твердили всю жизнь: «В Москву, в Москву...» - а сами так никуда и не уехали. А если Иванов сказал: «В театр!» - то он одевается и идет туда. Вот так-то, господа!

В театре оказалось многолюдно. Иванов поднялся на второй этаж с твердым намерением выпить чего-нибудь в баре. Очередь была средненькая, и он, не раздумывая, пристроился в конце. Симпатичная барменша быстро справлялась с работой, и очень скоро он добрался до вожделенной стойки.

- Вам? - улыбнулась барменша.

- Мне! - ответил Иванов и улыбнулся в ответ не хуже, чем Фернандель.

Девушка засмеялась.

- Что вам?

- Двести «Избушки»!

Подарив Иванову лукавый взгляд, от которого он ощутил дрожь даже в пятках, она повернулась, чтобы выполнить заказ. Получив вино, он присел за столик. Неожиданно сзади раздался голос:

- Иванов, наконец-то!

Он сразу узнал этот голос и обернулся. К нему подходила Ольга. Рядом с ней шла невысокая полненькая девушка. «Наверное, Света», - решил Иванов и улыбнулся.

Пьеса оказалась довольно смешной. По ходу действия режиссер, почему-то находившийся в зале, то и дело выбегал на сцену и давал какие-то указания актерам. Все суетились, кого-то встречали, чего-то ждали... А старый грабитель ходил по дому, воровал ручки от дверей и говорил, что «...в этакий промозглый осенний вечер нет ничего лучше баночки старых, добрых сардин!» Иванов сидел рядом с Ольгой и довольно посмеивался. Ненароком взглянув на часы, он увидел, что скоро будет антракт.

- Сухонькое пить будем? - шепотом спросил он у Ольги.

- Угощаешь?

- Естественно! Ну, я погреб столик занимать пока. Подходите.

Легкой тенью выскользнув из зала, он отправился в бар. Барменша, сидевшая за стойкой вполоборота, увлеченно читала какую-то книгу. При виде Иванова она дернула плечиком и продолжала читать. Иванов облокотился на стойку.

- А вы опять одна в такой чудесный вечер... И вновь передо мной волнующая грань - Пушистый синий плед, окутавший вам плечи, Открытое окно и белая герань...

Девушка даже книгу отложила.

- А дальше?

- А вот дальше, сударыня, забылось, к великому сожалению.

- Это Есенин? - как-то не очень уверенно спросила она.

- Нет, это мой друг Алекс. Но не нужно расстраиваться - не вы первая, их все время путают. Но, - тут он немного задумался, - если последует высочайшее соизволение, то в следующий раз я могу вас познакомить.

- Последует, - тут же сказала барменша.

- Вот и хорошо! - расцвел Иванов. - А мне, пожалуйста, три по двести. Того же.

- Чего - того же? - опять дернула плечиком девушка. - Я не обязана запоминать заказы всех клиентов.

- Всех и не надо. Но мой-то заказ, вы, возможно, запомнили?

- Нет, - отрезала она.

- Ну, хорошо. Тогда мне три «Избушки» и, - тут он заглянул в меню, лежащее на стойке, - пирожок с мисом и рясом.

- Че-его? - от удивления ее глаза стали похожи на юбилейные рубли.

Иванов обескуражено почесал затылок.

- Тьфу ты, пропасть - опять перепутал... С рясом и мисом!

Барменша заливалась смехом, схватившись за живот обеими руками. Когда приступ пошел на убыль, она попыталась что-то сказать, но, взглянув на Иванова, серьезно и даже с некоторой грустью взиравшего на нее, снова согнулась от хохота. Наконец, она все-таки смогла выговорить нечто неопределенное:

- Ты что - больной, да? Таких пирожков... у нас и не бывало!

- Я, я, фрау. Их бин кранк! - с готовностью согласился он. - Я же говорю - перепутал. Мне плитку шоколада с орехами.

В это время двери, ведущие в фойе, распахнулись, и зрители яркой сверкающей толпой устремились из зала: одни - на улицу покурить, другие, самые шустрые, - успеть перехватить чего-нибудь в баре, а третьи - просто походить по коридорам и поглазеть на фотографии артистов театра.

- Дас ист антракт! - констатировал Иванов.

- Ну, ладно, приводи своего поэта, - сказала барменша и быстро выполнила заказ Иванова.

Расплатившись, он подмигнул ей и, схватив стаканы, побежал занимать столик...

После спектакля, не принимая никаких возражений, он отправился провожать подружек. Обе жили в заречной части города. Сначала довели до дома Свету, которая хохотала над каждым словом Иванова, что, в конце концов, стало даже немного надоедать. Но зато, идя вдвоем с Ольгой, они больше молчали, лишь изредка перебрасываясь незначительными фразами. Иванов вел Ольгу по набережной вдоль реки, лед на которой был вовсю исчерчен тропинками. Деревья вдоль тротуара печально тянули голые ветви к холодным, негреющим фонарям. Редкий снежок, плавно кружась в вечернем небе, падал на красивые старинные особнячки, длинной вереницей протянувшиеся вдоль набережной. Все это: деревья, фонари, дома - было похоже на какую-то нереальную декорацию. И если бы взгляду не открывалась перспектива, то легко можно было бы вообразить, что идут павильонные съемки, и вот-вот из-за фанерного каркаса очередного дома раздастся вдруг усталый голос режиссера:

- Снято...

Иванов поделился соображениями по этому поводу с Ольгой.

- Ты что, бывал на съемках? - поинтересовалась она.

- Нет, но все равно похоже, - ответил он, и оба опять надолго замолчали, очарованные тихим, ласковым вечером.

Прощание вышло скомканным.

- Ну, я пошла, - сказала Ольга, когда они дошли до ее дома.

- Как, сударыня? Даже не предложив кофе?!

- Не стоит, Иванов. После кофе плохой сон, а тебе завтра на смену.

- А может, мне сегодня как раз и нужен плохой сон? - с надеждой спросил он.

- Иди, Саша. Тебя жена заждалась.

Иванову мучительно хотелось ее поцеловать. Покрепче прижать к себе это невесомое хрупкое тело, взглянуть в печальные серые глаза и - кто знает? - может быть, увидеть там свое отражение. Или прочесть ответ на вопрос о смысле жизни?

Но, как бы то ни было, но он решил не нарушать правил придуманной кем-то игры, не искушать судьбу. Зачем? Все должно идти своим чередом. Если признанный гениальный режиссер ставит спектакль, то начинающие актеры, как правило, с ним не спорят, а в точности выполняют все его требования. И глядишь, наутро после премьеры они просыпаются не безвестными исполнителями, а общепризнанными любимцами публики.

Так и здесь. Если какому-то небесному гению вздумалось вдруг подергать за ниточки, проверяя реакцию Иванова - то пусть его потешится! Не жалко! Жизнь впереди - а в это Иванов твердо верил - длинная, так почему бы немного и не подождать? Все успеется...

- Пока, Оля, - улыбнулся он, слегка дотронувшись до ее плеча. Развернулся и быстро зашагал к реке. Она некоторое время смотрела в спину уходившего Иванова, потом повернулась и медленно пошла к подъезду.

Глава 7

Барышев как-то на удивление быстро сдружился с Яшкой и Генкой, и теперь повсюду они ходили втроем. Барышев с Яшкой были помешаны на технике. Яшка рассказывал, как он «раздевал тачки» за считанные минуты, а Барышев смаковал историю о том, как удирал от ГАИ на краденой «Яве».

- Зверь-машина! - убеждал он, на что Ян пренебрежительно щурился.

- Я бы тебя на своей «семере»...

- Не скажи! - горячился Серега. - «Ява», если новая... Зверь-машина! - не находил он других слов.

Решили спросить у Иванова.

- Тю на вас! Сказились, чи шо? - смеялся санитар. - Нашли дуже гарну технику. От, «Запорижец» - усим машинам машина!.. Самая коханная. На нее стильки рокив копят! А бо велосипед - техника тож...

Они плевались и продолжали свой нескончаемый спор. По вечерам, взяв в свою компанию Димку и Юрикова, они просили у раздатчиц достать из холодильника общие припасы и объедались батонами с маслом и сгущенкой, вареньем и прочими лакомствами, которые им регулярно доставляли родители. Правда, и у других больных были кой-какие запасы, но поскромнее. Иванов обозвал как-то раз такую трапезу Лукулловым пиром, на что Юриков усмехнулся, а остальные не поняли.

- А по фигу - чей пир! - сказал Генаха, запихивая себе в рот бутерброд с ветчиной и запивая его концентрированным молоком прямо из банки. - Мне бы пожрать от пуза... Домой приду - буду две недели жрать, а потом две недели пить!

- Молодец! - похвалил Яшка вечно голодного друга.

...Дни летели быстрее пули, и отрывной календарь на стене раздевалки становился все тоньше и тоньше. Казалось, что до Нового года уже можно было дотянуться рукой. Все ходили в приподнятом настроении. Как ни удивительно, но перед праздниками даже «стучать» меньше стали, на что Иванов как-то сказал Гусю:

- И у стукачей, видно, бывают праздники!

Гусь подумал и пообещал притащить религиозный календарь, мотивируя это тем, что там на каждую неделю не по одному торжеству приходится.

- Может, и вовсе стучать перестанут? На завтраке объявлять, что сегодня, мол, такой-то праздник или именины того-то и того-то. Они и притихнут.

- Как бы не так! - съязвил Иванов и «вывез» Гусю тут же придуманную сентенцию: - Не пытайтесь обучить барана гоняться за утками. С него, бедолаги, достаточно и того, что он дает шерсть и мясо. А если и затопчет утку - то это явление неординарное, просто случайность... Не возводи исключение из правил в статус закона. Попробуй объявлять им, чьи сегодня именины, так они, из подлючести, только именинников ломить и начнут. То-то устроят праздничек!

- Ты, как Козьма Прутков! - позавидовал Гусь.

- Это в смысле: «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол» - не верь глазам своим»?

- Нет. Зришь в корень!

- Ну, это легко, - согласился Иванов. - Особенно если корень квадратный, а ты неплохо знаешь таблицу умножения!

На собрании Иванов напросился-таки на усиление в новогоднюю ночь. Все посмотрели на него, как на пациента из наблюдалки, однако шеф был доволен. После собрания, лениво потягивая пивко у Саньки Рябова и заедая его чипсами, Иванов ехидно ухмылялся.

- Вишь, как папик обрадовался! Он и так хотел меня пихануть - в наказание за Колобка. А я ему такой фортель!

- Мудро! - похвалил Рябов.

- Сальто-мортале! - поддержал Васька. - Нарезался - вот и молодец!

К пяти часам все пиво было выпито, а изрядно захмелевшие санитары резались в преферанс, расписывая «пульку» до двадцати. Рябов достал бутылку водки.

- Вздрогнем?

- Я - пас, - тут же отказался Иванов. - Смена...

- А я - вист! - захохотал Васька.

- Ну, вы тут бухайте, а я в сушилку спать пошел, - сказал Иванов и начал одеваться.

- Но у меня нет сушилки, - не понял Рябов. - На диван вон ложись. А к семи мы тебя растолкаем.

- У тебя нет, зато на отделении есть! А на диван я не лягу. Вы тут напьетесь и сами заснете. Нет

уж, пусть меня растолкает трезвый Гусь!

- Как санитар санитару, я тебе скажу... - начал было Васька, но Иванов, вытянув вперед руку, перебил его.

- Как санитар санитару, я скажу себе сам... - и приложил палец к губам, требуя тишины.

Почувствовавшие очередной прикол Васька и Рябов застыли в ожидании.

- Я скажу себе сам, - повторил Иванов и, посмотрев на застывших приятелей, твердо отчеканил: - Полная изоляция!! - после чего повернулся и выскочил за дверь, оставив коллег в величайшем недоумении.

- Заработался... - вздохнул Васька и поднял стопку. - Поехали...

Выпив, крякнул, посмотрел на Рябова и многозначительно кивнул на дверь:

- И непонятно еще, что по этому поводу скажет Сергеич?..

Удивленный столь ранним приходом Иванова Геннадьич все же проводил его в сушилку и закрыл на ключ. Набросав на горячие трубы фуфаек, Иванов тут же улегся. Перед глазами замелькали восьмерки, тузы, дамы... Ему снилось, что он «падает в мизер», а Васька с Рябовым цепляют ему «паровозище» из семи взяток.

На отделение пришел новенький - некто Федотов, с новгородского «спеца». Тощий, невысокий, с большой головой и себе на уме. Мужикам на дальняке хлестанул, что прежде чем довелось познакомиться с психиатрами, отсидел в общей сложности семнадцать лет. Пораскрывавшие рты мужики слушали о его похождениях.

- Гужуюсь как-то у Финбана, а мимо пассажир два угла прет в электричку. Я в тот же вагон. Доехали до Лемболова, и пока он в большой угол за хавкой ползал, я маленький-то и вертанул. Чемоданишко хоть и мелконький, но увесистый. Развел, короче, карася по полной. Подорвался из вагона - и к лесу, к прокурору зеленому. Там замочки вскрыл гвоздиком - мать честная: хрусты, рыжье... Помянул я того фраера добрым словом, денежки на карман, а чемоданишко с золотом под кочку на болоте притырил. Место запомнил. Ну, с такими деньжищами - как не гульнуть? Сажусь на встречную - и на Загородный в «Тройку». Снимаю шкуру, пою ее, кормлю, а она, задрыга, по концовке бомбанула меня - и ну на выход ломиться. Я по карманам. Хрен там - сплошной голяк! Я за ней, а за мной холуй - не заплатил, мол. Я кричу - шкуру цепляйте, у нее баблы! А они ласты мне клеят. Ну, тут я стул схватил и повеселился. Трешник «лесник» на суде накрутил. Ну, треху отмотал, откинулся по звонку от хозяина - и на болото. А там, мать бы их так, мелиорация полным ходом. Я до кочки. Хрен там, и следа нет - где эту кочку искать? Все перекопано! Вот тут-то крыша и потекла. Начал я гонять дрыном этих мелиораторов, будь они неладны! Но я-то один, а их восемь пассажиров, да еще проститутка эта, мастерица ихняя. Зачикировали по ходу и в мусарню сдали. А я там репой как начал стенки крошить... - тут он продемонстрировал всем желающим старые шрамы на лбу. Сашка Орлов даже уважительно провел по одному из них пальцем. - Ну, менты, конечно, «скорую» вызывать - я ведь в кровищи весь. Те от крови отмыли, зашили, что смогли, и на экспертизу. Под Новгородом на «спецу» три года отсидел, да сколько здесь еще прокантуюсь. Но выйду - все болото перекопаю, гадом буду!

- А золотишка-то много ли было? - осторожно поинтересовался Орлов.

- Да с килограмм где-то...

- Вот непруха! - посочувствовали мужики и дали ему сигарету.

Перед самым Новым годом пришла из отпуска Фаина Григорьевна, медсестра со смены Иванова, и сообщила, что переходит на второе отделение. Там освободилась должность старшей медсестры. Шеф тут же принялся искать замену, а Ольга, узнав об этом, попросила о переводе. Губанов, как ни странно, особо не возражал, захотев, видимо, побыть немного в роли доброго Санта Клауса. Но одно условие все же выдвинул: пока не придет новая медсестра, бывшая смена Фаины Григорьевны остается общей. Узнавший об этом Иванов только покачал головой и сказал Гусю:

- Нисколько не удивлюсь, если папик нацепит фальшивую бороду и красную шубу и придет поздравлять нашу смену. Шуре хрянцузскую хлорку и новое ведро, а тебе ключи от своего старого «Зарубежца».

- А тебе? - поинтересовался Гусь.

- А мне он подарок уже сделал!..

- А может, это мне подарок, а ключи тебе... а?

Иванов начал было засучивать рукава халата, но Гуся уже как ветром сдуло.

- Гусь - птица приезжая! - сказал Юриков Яшке. - Ишь, сквозанул от Графа, как черт от ладана. Чего и не поделили?

Они сидели в самом углу столовой и, не торопясь, толковали за жизнь.

- Когда тебя из наблюдалки-то выведут? - спросил Яшка.

- А пока очередного новенького не подгонят или из чертей кто-нибудь не залетит.

- Ну, это недолго устроить, - усмехнулся Яшка. - Сделаем скоро.

Когда на отделение пришел Пашка Федотов, из наблюдалки вывели Ботинка, а из второй палаты ушел домой больной, выписанный на последней осенней комиссии. Ботинок пожелал занять свою старую шконку в углу пятой палаты, и Барышев, усмехаясь и особо не споря, быстренько скатал свой матрац и умотал во вторую, где его с удовольствием встретил Димка Щербицкий.

- Вишь ты, - завистливо вздохнул он. - Люди годами ждут мест в первых трех палатах, а ты не успел из наблюдалки выйти, а уже здесь.

- Ну, так ведь... - заулыбался довольный Серега. - А ляпни чего-нибудь по-цыгански?

- Гэем ту... (пошел ты) - лениво отозвался Димка и завалился на шконку.

И еще одно событие произошло под Новый год. Губанов провел собрание совета больных. Председатель совета Мотогоров выступил даже с докладом по теме: «Результаты работы за текущий год». Лютик коротко осветил вопрос гигиены, а Димка Щербицкий закатил речь о физподготовке и необходимости приобретения нового спортинвентаря. Анна Николаевна начала было говорить что-то о реабилитации, но под конец так запуталась, что шефу пришлось договаривать за нее. Приглашенный на собрание в качестве «независимого наблюдателя» (а на самом деле - следить за порядком), Васька Светлов отчаянно скучал и зевал с похмелья. Наконец шеф завершил свою речь торжественным аккордом и перешел к обсуждению программы праздника. По организационным мероприятиям с ним никто не спорил, но когда дело дошло до отбоя, начались жаркие дебаты.

Губанов предлагал лечь спать в час ночи, а подъем устроить в полдевятого. На что больные категорично заявили, что раньше пяти спать не лягут. Шеф предложил промотивировать решение, и ему под нос сунули программу телепередач. Он внимательно все изучил и запретил включать какие бы то ни было программы, кроме первой, самой «прилизанной». Совет взвыл - они-то под шумок собирались смотреть эротическую комедию по питерскому каналу. Но шеф оставался неумолим. Споры разгорелись с новой силой. В конце концов, он пошел-таки на компромисс и разрешил общий отбой в два ночи. С двух до трех особо отличившиеся могли смотреть любой канал. Все были рады даже этому. Затем перешли к обсуждению текущих проблем. Как ни странно это могло показаться, но слова попросил Светлов. Удивленный шеф предоставил ему эту возможность. Васька затронул вопрос, давно уже волновавший весь персонал.

- Дело в том, - начал он, - что Серегину пришла посылка с папиросами. Вы, - обратился он к сидящим за столом, - видели, чтобы он курил сейчас свои?

Все дружно помотали головами.

- Вечно на подсосе, - немного подумав, осторожно выразил общее мнение Лютик.

- Правильно, - поддержал Васька. - Вопрос: куда же деваются папиросы после их получения?

- Да он вроде долги раздает, - неуверенно предположил Мотогоров.

- Не долги, а долг, если более конкретно. И причем исключительно Ботинину, который за две сигареты, данные в долг, забирает у него целую пачку. Мы видим перед собой новоявленного папашу Горио, - с пафосом разглагольствовал Светлов.

Шеф, обалдевший от такой информации, что-то быстро строчил в блокноте.

- Что вы предлагаете, Василий Васильевич? - спросил он, откладывая карандаш.

- А вот то и предлагаю - чтобы папиросы Серегина забирал санитар и выдавал ему строго по графику, одну штуку в два часа. Ему и пачки почти на неделю хватит, и он не будет зависеть от капризов Ботинка. То есть Ботинина, я хотел сказать. А то что получается? Мать по копейкам на пенсии экономит, чтобы посылку собрать, а Со... Серегину ничего и не достается. У меня все.

- Ну, как? - спросил шеф у притихшего совета.

- Давно пора, - ответил Мотогоров. - Молодец санитар. Мы этот вопрос как-то выпустили из виду.

- Я за, - поднял руку Лютик, сразу же учуявший немалую халяву.

- Я тоже, - согласился Димка.

На этом собрание и закончилось. После собрания Лютик сразу разыскал Собаку и, пока никто его не опередил, сообщил тому радостную новость, явно намекая на то, что тут не обошлось без его, Лютика, участия. Довольный сверх всякой меры Собака тут же пообещал через раз курить на двоих и долго тряс ему руку.

Глава 8

Наконец уходящий год, под сонные всхрапы больных и поскрипывание пружинных сеток на кроватях, разродился новым днем. Последним. Как бы желая показать, что и он еще на что-то спо-

собен, уходящий распахнул настежь ледяные ворота Арктики, и на древнюю периферийную Вологду обрушился мороз в тридцать три градуса. Правда, старушка Вологда видала морозы и покруче, когда ртутный столбик термометра опускался ниже сорока, но уходящий этого, видимо, не знал, и минус тридцать три оказалось всем, на что он был способен. А в Анадыре веселые чукчи уже готовили оленьи упряжки, чтобы с триумфом провезти юный, зарождающийся год по тундре и, словно эстафету, передать его дальше. Для них минус сорок шесть не являлось чем-то из ряда вон выходящим, а было обычным, однако, делом. И поэтому они разводили большие костры и плясали вокруг них, радуясь, словно дети и отсчитывая последние часы уходящего года.

- Мать честная, минус тридцать три! - ахнул Геннадьич, соскребя линейкой сквозь решетку морозные узоры на стекле и поглядев на недавно установленный термометр.

У него порядком подмерз бок, обращенный к окну, несмотря на то что под подоконником проходили трубы центрального отопления. Он даже отложил в сторону газету, чтобы узнать, какая на улице температура. Увиденное сильно его огорчило, так как они всей семьей собирались на Новый год к теще в деревню, а от автобуса до тещиного дома надо было топать восемь километров.

- Сколько-сколько? - не расслышала санитарка Галина.

Они с Андреем сидели за столиком и с увлечением вырезали из бумаги снежинки и фигурки различных зверей, чтобы повесить их на елку, срубленную рядом в роще, вместо игрушек. Стеклянные и пластмассовые игрушки шеф вешать запретил: не дай бог, кто из больных утащит, да проглотит - греха не оберешься! А елку установили только днем, на валериной смене. Она стояла посреди столовой и радовала больных крепким лесным запахом.

Когда Валентин поставил ель, то Рыжий и Ленька Мохов целых два часа не отходили от нее, останавливая всех проходящих мимо, и нечленораздельными возгласами предлагали полюбоваться на лесное чудо, неизвестно, как и почему поселившееся вдруг на отделении и нарушившее привычный, сложившийся уклад жизни.

Валентин, желая чуть-чуть похохмить, разжевал иголку и пощелкал себе ногтем по кадыку. Этот жест Рыжий, безоговорочно верящий инструктору и всюду таскающийся за ним, конечно же, знал. Не теряя времени, он набрал целую пригоршню иголок и показал себе на рот - мол, туда ли? Валентин подтвердил кивком головы. Тогда Маленький немец принялся усердно жевать, исходя зеленой слюной и строя невообразимые гримасы. Валентин опять прищелкнул себя по горлу и закачался. Рыжий выставил вперед большой палец - мол, все хорошо! - и продолжал героически двигать челюстями, ожидая обещанного кайфа. Но так и не дождался. Наконец заметив улыбки на лицах больных, он понял, что его провели и, покрутив пальцем у виска и продемонстрировав Валентину неприличный жест, ломанулся на дальняк избавляться от своей «жвачки». После этого он целый вечер обходил елку стороной и даже сумел нажаловаться на инструктора Татьяне Андреевне. Подойдя к ней, он показал пальцем на белый халат, что должно было обозначать кого-то из персонала, потом показал «очки», приставив указательные пальцы колечком к глазам.

- Валентин Олегович! - догадалась медсестра.

Рыжий согласно закивал.

- Ну, и что? - продолжала допытываться она.

Тогда он снова покрутил пальцем у виска и безнадежно махнул рукой в сторону своей кровати, явно намекая на то, что именно Валентин, а не он, Маленький немец, должен находиться на лечении и принимать галоперидол с аминазином. Татьяна Андреевна от души рассмеялась, а расстроенный Рыжий, сказав свое неизменное «ба-ба-ба!», ушел отпиваться водой из под крана.

Правда, потом, желая отыграться, он поймал на ту же удочку своего Большого собрата. Но тот, жадно сожрав одну порцию иголок, тут же запросил вторую, так что Валере пришлось прогонять его и охранять елку от полного уничтожения. А Большой, довольно похлопывая себя по животу и мотая круги по столовой, ждал момент, когда санитар отвернется, чтобы пополнить на халяву недостающий запас витаминов. Тут даже Рыжий призадумался - а правильно ли он поступил, так опрометчиво избавившись от «лакомства». Но вспомнив горький вкус хвои, он даже сплюнул и отправился искать каких-нибудь новых развлечений.

...- Сколько-сколько? - переспросила Галина, откладывая в сторону только что вырезанного зайца.

- Тридцать три, - ответил Геннадьич и пошел в обход по палатам.

Возле сестринской сидела Ольга Викентьевна. Развернув кресло, в котором так любил балдеть Иванов, и подставив его к самой батарее, она что-то вязала.

- Ну, как? - окликнула она Геннадьича.

- Все спят, - ответил он и отправился дочитывать газету.

Ольга взглянула на часы. Без пятнадцати четыре. Как говорил Иванов - самое поганое время, когда безумно хочется спать. На флоте этот промежуток времени имел даже свое собственное название - «вахта собака». Вспомнив Иванова, которому уже сегодня ночью придется справлять

праздник на отделении, Ольга усмехнулась и, скинув тапочки, с ногами забралась в кресло.

- Привет, гвардейцы!
- И ты, боярин, здрав будь!
- С наступающим, орелики!
- Пролетарии всех стран - соединяйтесь! - в пионерском салюте вскинул руку Хорь.

Собака и Жир с невольным восхищением посмотрели на сотоварища - ни хрена себе, какие слова знает!

- Молодец! - похвалил его Иванов и достал сигарету.
- А нам? - тут же заканючили Собака со Славкой. - За ради праздничка-то!..
- Ага... Заговор! - засмеялся санитар. - Статья пять восемь. Мера наказания до двадцати пяти лет, либо расстрел галоперидолом! - но сигареты все же дал. - Исчезли...
- Не рановато, Александр Владимирович? - поприветствовал его Сергеич, сидящий у наблюдалки. - Еще шести нет.
- Да нет, Александр Сергеевич, не рановато. Решил тебе подарочек к Новому году сообразить. Иди домой, празднуй.
- Ну, так ведь... - враз засуетился Сергеич. - Я тогда ухожу...
- Давай. Выпьешь там за нас.
- Обязательно! - уже на ходу прокричал тот.

Иванов зашел в наблюдалку.

- С наступающим, господа!
- И вас так же! - вразнобой ответили больные.

Усевшись около наблюдалки, он принялся ждать Валеру. По телевизору шел какой-то фильм, но больных в столовой было немного: в основном все бродили по проходам в ожидании праздничного ужина, который должен был начаться часов в десять. Из туалета вышел Костя Голубцов.

- О, Александра Владимирыч! Дай вам бог здоровья! С нами сегодня будете?
- Да, Константин Васильевич. На усиление пришел.
- Вот и ладно-хорошо. Хоть праздничек по-божески справите!

Костя стоял перед Ивановым и переминался с ноги на ногу. В тапках на босу ногу, курточка застегнута не на те пуговицы, отчего ее перекосило, а из-под нее выбился кончик белой нижней рубахи.

- Чего это ты такой расхристанный бегаешь? - спросил Иванов. - Ну-ка, приведи себя в порядок, да и расскажи чего-нибудь.

Костя быстро исправил погрешности туалета и сел рядом с санитаром.

- Я в пятьдесят четвертом годе ведмедя завалил. Вот: Мишка Копейкин не даст соврать, Кузнецов Константин Николаевич - шофер с МТС, Виталий Никтополеонович - покойничек, царство ему небесное... - начал перечислять он своих бывших соседей по деревне.
- Ну-ну, - заинтересовался Иванов. - Прохоров Алексей Гаврилович - инвалид фронтовой, Сережка племянник... Я уже всех твоих свидетелей, кто «не даст соврать», наизусть помню. Ты лучше про ведмедя толкуй.
- Я и говорю, - продолжал Костя. - Прохоров Алексей Гаврилович, Сережка племянник. Вот хрест святой - не дадут соврать! Посылают меня жены за лесиной...
- Какие на этот раз?
- Что - какие? - не понял Костя.
- Ну, жены... Какие?
- А-а, - облегченно вздохнул Голубцов и, загибая трясущиеся, с трудом гнущиеся пальцы, начал перечислять. - Голубцова Антонина Степановна, Хрущева Татьяна Никитовна, Суслова Анна Михайловна, Пельше Ядвига Арвидовна...
- А Косыгиной Светланы Андреевны не было? - невинно поинтересовался Иванов.
- А разве Светлана? - озабоченно спросил Костя.
- А леший ее знает, - чистосердечно признался санитар. - Ты про ведмедя давай.
- Ну, вот, - продолжал Костя. - Рассекаю я эдак-то с топором, а встречу пионеры шарашатся: Митьки Петрова сын...
- Дальше, - перебил его Иванов. - Без подробностей.
- Ну, кричат, значит, что ведмедь шлендает по оврагу. Я домой - за ружжом. А патронов-та и нет. Я к Ваське суседу, за жаканами. Он два дает, ну, я быстрей к оврагу. И пионеры за мной - Митьки Петрова сын...
- Дальше! - почти простонал Иванов.
- Ведмедя, значит, нет уже. Мы в лес. Вот он, батюшка! А и здоров же, ровно лешак! Я патрон заряжаю и в бошку ему - хрясь! А оттеда - дробь! Васька-от надул, сволочь. Пионеры, как горох -

врассыпную... А я думаю себе - помирать, так с музыкой! Вгоняю второй патрон - и по буркалам ему, по буркалам! А он бежит, орет, а остановиться-то не может. Но сразу видать - очумел. Я ружжо-то в сторону - и топор из-за кушака. А сам за березу мырнул. Он мимо проносится - морда в кровище, из роту пена... Я его пропустил чуть и сзади топором по-за уху - шварк ему! Он так-то и завертелся, голубок! Минут двадцать не мог отойти - все подпрыгивал и рычал чегой-то. Пионеры по нему из рогаток пуляют...

- Чем?!

- Ну, чем-чем, - смутился Костя, но все же выкрутился: - Шишками!

- Ай, молодца! - захохотал Иванов. - Ну и наплел! А и здоров же ты заливать, дед!

- Вот хрест святой... - забожился было Костя, но потом передумал. - А покурить оставите?

- Оставлю, оставлю, - смеялся санитар. - За такой рассказ и пачки не жалко. Вот тебе штука, иди покури - может, отравишься...

- Спасибо Александра Владимирыч! Вы богобоязненный человек. И крестик освященный носите, и соборы, церкви, синагоги и мечети не разрушаете. И за мир во всем мире боретесь. Дай вам бог счастья и здоровья. Вам, вашим деткам и женам, вашим уважаемым родителям. А за то, что вы циркачей и циркачек уважаете, не хулите их понапрасну, заборов у святых храмов не ломаете...

- Константин Васильевич! Сколько раз говорить, что не циркачей, а церковников, хотя бы... или - как и обозвать-то? - служителей культа, что ли... И вообще - надоел ты уже, дед. Иди кури!

Костя схватил высохшей рукой, похожей на куриную лапку, сигарету и, крестясь на ходу, умотал в туалет. Довольный Иванов сидел и улыбался, вспоминая костин рассказ.

- Шишками, говоришь? Сильно!!

- С наступающим, санитар! Здоровья тебе! Чего лыбишься? - к нему спешили Яшка с Генахой.

- Вам также! - ответил он и, вместо приветствия, легонько ударил обоих под дых.

Они отскочили, как резиновые мячики.

- Генаха! Санитар буреет. Мочканем? - боксируя, запрыгал вокруг Иванова Яшка.

- П-потом, - махнул рукой Мосейкин. - Чего смеешься?

- Да Костя толковал, как медведя топором вальнул. В курсах?

- Не-а. А где он?

- На дальняке курит.

- О, пошли, разведем на базар Циркача! - обрадовались кореша и поспешили в туалет, доставая на ходу сигареты.

Минут через пять оттуда раздался дружный взрыв хохота. Дверь распахнулась, и на отделение выскочил взъерошенный Костя. Вслед ему кто-то из больных крикнул:

- Канай отсюда, Циркач! Да не гони бутор больше!

- Не верят? - спросил Иванов.

- А они вообще ничему не верят. Антихристы! Храмы рушат, свя...

- Иди, Костя, иди. Мне подумать надо.

Голубцов ушел, и - свято место пусто не бывает! - его тут же занял Барышев.

- С наступающим, нептунова пехота!

- Привет, привет, Десант! Чем порадуешь?

Барышев заулыбался.

- Сегодня Витя на конвертах новый стишок задвинул.

- Помнишь?

- Не-а...

Барышев убежал, а Иванов решил навести порядок в туалете. Вышел в подсобки и включил вентиляцию. Потом прошел в туалет. Там сидели около пятнадцати человек. Курили от силы четверо.

- А ну-ка, орлы, на отделение. Пусть проветрится.

Больные дружной толпой повалили из туалета. Подождав, пока все выйдут, Иванов захлопнул дверь и уселся на прежнее место.

- Саня, вот он! - к наблюдалке подходили Барышев и местный поэт Витя Попов - маленький, кругленький пятидесятилетний мужичок.

- О, Виктор Викторович! - обрадовался санитар. - Говорят, новые перлы удумал? Почитаешь?

Витя встал в свою обычную позу: левую руку засунул за отворот курточки, а правую вытянул вперед и вверх. После чего скороговоркой начал читать.

- Хрущев досыта наигрался и банкротом стал,
В круги весь облажался, чего никак не ожидал.
У Хрущева две ошибки: субъективизм, волюнтаризм -
Не спасают коммунистов ни марксизм, ни ленинизм!

Хрущев досыта наигрался и банкротом стал,
Насадил он кукурузу, а я дрожжи продавал!
- Душевно! - захохотал Иванов. - Душевно! Молодец, Витя, порадовал!
- А мое любимое почитай? - попросил Попова Барышев.
Не меняя позы, Витя с пафосом произнес:
- Сгноить меня хотят на третьем отделеньи,
Сучат и грозят в волчьем озлобленьи!
Сумасшедшие фашисты по Кувшинову гуляют,
Суки, дикие бандиты - меня домой не отпускают!
Барышев засмеялся.
- Не отпускают, говоришь, домой - да?
- Восемнадцать лет уже. А у меня три тетради стихов в печати находились, когда забрали меня. Все кэгабэшники сожгли.
Педантичные шпионы шпионят много лет,
Московские драконы - разума нисколько нет!
Ничего, выйду отсюда - все президенту напишу!
- А зачем ждать? - удивился Барышев. - Вдруг да еще восемнадцать лет продержат? Пойдем и прямо сейчас напишем.
- А отсюда не доходят письма. Губанов тоже кэгабэшник. Он с них копии снимает и отсылает в Москву, а оригиналы в личное дело подшивает. Знаю я эту систему!
Барышев вопросительно поглядел на Иванова. Тот усмехнулся уголками губ. «Заливает!» - решил Барышев и приобнял Попова за плечи.
- Как там говоришь-то? Немцы-гады-паразиты по Кувшинову гуляют?.. Ну, пойдем покурим - я угощаю! - и, прикурив у Иванова сигарету, они пошли в туалет.
- Все гуляют и гуляют - меня домой не отпускают... Так, Витя?
- Нет, там по-другому. Сумасшедшие фашисты...

Вскоре подошли Валера с Санькой Рябовым, Татьяна Андреевна и санитарка Тоня.
- Ты бухло принес? - спросил Рябов у Иванова.
Тот вместо ответа схватил за шиворот спешащего по каким-то своим загадочным делам Левку Шпица.
- Лева, как ви думаете, - спросил он, автоматически переходя на одесский жаргон. - Могли мои старенькие родители замастырить для себя идиета?
Маленький, тщедушный Шпиц, взглянув на горой нависшего над ним Иванова твердо ответил:
- Нет. И никаких викрутасов!
- А куда дел? - продолжал допытываться Рябов.
- Лева, а учила ли вас ваша уважаемая бабушка класть все яйца в одну-таки корзинку, а потом подставить ее вместо стула местечковому раввину?
Шпиц немного подумал и ответил в том плане, что его уважаемая бабушка советовала для этой цели использовать тухлые продукты, после чего, благополучно отпущенный Ивановым, помчался дальше.
- Ты все понял? - спросил Иванов.
- Не все. Ты куда «яйца» распихал? Я так - в сугроб у входа.
- В который?
- В левый...
- А я - в правый, - засмеялся Иванов. - У санитаров мысли сходятся!
- А с собой притащил чего?
- Естественно! Ноль-пять пива - для отвода глаз. Если папик шмон в раздевалке устроит, то увидит только безобидное пиво.
- А какое пиво?
- «Жигулевское»...
- У нас не только мысли, но и пиво сошлось! - засмеялся Рябов. - Как думаешь - во сколько шеф умотает?
- Да уж никак не раньше одиннадцати. А то еще и ночью припрется.
- Это было бы печально, - сник Рябов. - Ты расписался уже?

В десять часов начали накрывать столы. Из окна раздачи Антонина выдавала клокочущие паром чайники, пироги, печенье, конфеты. Пока санитары бегали по столовой, разнося праздничный ужин, мимо, не торопясь, прошел Губанов.

- Шмон пошел наводить, - шепнул Иванов Валере.
- А и пусть себе наводит, - усмехнулся Валера. - У меня там только пиво.
- А остальное в сугробе! - продолжил Иванов.
- Откуда знаешь?! - оторопел тот.
Иванов с Рябовым переглянулись и захохотали.
- Валерий Александрович, ты - настоящий санитар!..
- Не понял...
- Хватай чайник, потом расскажем!
На ужине шеф закатил предновогоднюю речь. Поздравил, посочувствовал, сказал, что надеется, переживает. В ответ больные пообещали вникнуть, исправиться и больше не попадаться. После чего похлопали и дружно набросились на пироги. В одиннадцать, как и предсказывал Иванов, шеф поднялся и отправился домой, не забыв, конечно же, припугнуть санитаров тем, что придет с проверкой.
- Напугал ежа голой задницей! - прокомментировал Валера заявление шефа, и, едва за Губановым захлопнулась дверь отдельного выхода, они с Рябовым побежали на улицу.
- В моем сугробе покопайся, - попросил у Рябова Иванов.
Минут через пять, что-то дожевывая на ходу, пришел Валера.
- Иди, там Рябов тебя ждет.
Весь столик в кандейке был заставлен разнообразными закусками. Татьяна Андреевна с Антониной пили какое-то сухое вино, а Рябов протянул вошедшему Иванову водки в железной кружке.
- С наступающим!
Ровно в двенадцать послушали по телевизору поздравление подвыпившего уже президента, крикнули «Ура!» и заставили Собаку с Бычком плясать «русского», что они с удовольствием и сделали. После чего больные разделились на две группы: более пожилые остались в столовой смотреть телевизор, а молодежь, в том числе и оба глухонемых, пошла к сестринской - слушать принесенный Рябовым магнитофон. Кой черт занес немцев в эту компанию - не знал, наверное, и господь бог. Правда, минут через пять они оттуда удрали, не обнаружив в кассетнике ничего интересного. Время от времени санитары по очереди исчезали в кандейке и появлялись оттуда изрядно повеселевшими.
В половине второго позвонил шеф и предупредил, что отбой ровно в два часа. К этому времени половина больных уже завалилась спать, да и остальные начинали позевывать. Минут за пять до отбоя Иванов решил попить чаю. Не успел он отрезать кусок торта, как зазвонил телефон. С интересом взглянув на него - не шеф ли снова звонит? - он Иванов подошел к тумбочке и взял трубку.
- Санитар Иванов, находящийся на усилении смены, слушает вас внимательно!
Сначала в трубке раздавалось только сопенье и иканье - видимо, оппонент, находящийся на другом конце провода, пытался вникнуть в сказанное.
- Какое от... деление? - наконец раздался голос.
- Третье...
- Ага! - обрадовались в трубке. - Вы что... там, пьяные все, м-м? Полчаса трубку... не снимали!
Иванов почесал затылок - что за ерунда? Не звонил никто!
- Позвольте поинтересоваться - с кем имею честь?..
- Дежурный... врач Мякишев! - наконец разродилась трубка связным ответом.
- Пардон, господин Мякишев, не признал. На отделении все чередом. Больные смотрят новогоднюю программу и водят хоровод у елки. Ждут Бармалея...
- Какого... Бармалея? Я вот сейчас приду... наведу у вас порядки!
- Не спотыкнись! - хмыкнул Иванов в сторону, а в трубку сказал: - Извиняюсь великодушно, сударь. Я перепутал. Больные ждут дежурного доктора Айболита со шприцем серы, по совместительству подрабатывающего Дедом Морозом.
В трубке кряхтели, икали и, наконец, разразились нечленораздельной тирадой, из которой Иванов разобрал лишь одну фразу: «Наведаюсь в гости...»
- Ждем-с! - ответил он и кинул трубку на аппарат, отчего тот жалобно звякнул. - Тоже мне - умник! Сам ни строки, ни лыка - а туда же! Придет он, надо же... Ну, приходи, Айболит, спляшем тарантеллу! - после чего спокойно отправился доедать торт, напевая вполголоса: - В желтой жаркой Африке, в центральной ее части...
В это время опять зазвонил телефон, словно желая отомстить Иванову за хамское бросание трубок.
- А, черт бы вас всех! - заругался санитар. - Опять... Ну, я с тобой побазарю сейчас... Усиленный Иванов слушает!

- Привет, Иванов! - радостно взорвалась трубка ольгиным голосом.

Иванов даже в ухе почесал на всякий случай, проверяя - не застрял ли там этот «привет»?

- С Новым годом тебя!

- Меня, - довольно подтвердил он.

Ольга засмеялась.

- Иванов, какая лапушка!

- Как праздник? - бодро поинтересовался он. - Ладно ли отдыхается? А к нам сейчас дежурный врач придет, некто Бармалей Мякишев, - с Новым годом поздравлять. А в подарок пообещал галоперидол всей смене...

- Иванов, давай хоть сегодня-то о работе не будем...

- Давай не будем. А будем, так давай...

Ольга опять засмеялась. Потом сообщила:

- А мы уже пьяные все. Вот! И на елку собираемся.

- А интересно, что...

- А мне наплевать, что по этому поводу скажет Сергеич, - перебила она его. - Понял?

Иванов тоже засмеялся.

- Быстро сообразила! А я тоже завтра пьяный буду. А елка и у нас есть. Сейчас пойду и завалюсь под ней спать. А мужиков там у вас много?

- Да есть... - уклончиво ответила Ольга. - А чего это интересуешься-то?

- Да так. Счастливые... Водку пьянствуете, закусочки всяческие едите. А завтра что делаешь?

- Не знаю. А ты что-то предложить можешь?

- Конечно. Можно купить вина и забуриться к моему другу Виктору Иванычу в мастерскую. Картины всякие посмотреть. Художник он потому что.

- Вот еще! - хмыкнула она. - Но, вообще-то, подожди - сейчас у Светы спрошу.

Через некоторое время она поинтересовалась:

- Где и во сколько?

Иванов объяснил.

- А гравюры пятнадцатого века у твоего художника есть?

- Оба-на! - изумился Иванов, сразу же вспомнивший хихикающую санитарку Марину. - Это не Васька ли тебя, случаем, в гости звал?

- Васька... - в свою очередь изумилась Ольга. - А ты почем знаешь?

- И про ковер шаха Надира говорил?

- Говорил...

Иванов засмеялся.

- Вот ведь штемп! Но не верь ему - он так мою сестру обманул!

- Какую сестру? - не поняла она. - И как так - обманул?

- А вот сходишь к нему, так узнаешь...

- А что? Можно попробовать!

- Но-но! - загорячился Иванов. - Я же пошутил. И вообще - с праздником вас и все такое-прочее. И топайте на елку. А завтра - как договорились. Пока?

Из-за позднего отбоя больные полдня бродили, словно сонные мухи, и после обеда почти все завалились спать. Один Леня Пучкис был свеж и бодр, как огурчик. Он ночью лег в двенадцать и поэтому выспался на славу. Сейчас он бродил по отделению, исполняя «обязанности» санитара: от клюющего носом похмельного Гуся у наблюдалки до сестринской, где Иванов в своем любимом кресле героически боролся со сном. Борьба явно шла не в его пользу. Тамара Сергеевна, медсестра, пришедшая на сутки, уже два часа не вылезала из сестринской: видимо, тоже спала. Губанов приходил утром, но, недолго покрутившись на отделении, убрался восвояси, чем немало обрадовал персонал, а в особенности Гуся, который сквозь очки таращился на шефа от наблюдалки, как кролик на удава.

Леня мерно наматывал километраж, шляясь из угла в угол. Кроме него, бодрствующих больных не наблюдалось, и поэтому Иванов решил, что противиться сну - дело неблагодарное и к тому же совершенно бесполезное. Оставив в покое кресло, он по притихшему сонному отделению направился к наблюдалке.

- Слышь, Серега... ты спал сегодня?

- Да часика три успел перед сменой хватануть, а что? - ответил Гусь и широко зевнул.

- А вот и хорошо. Я тоже, пожалуй, пойду часика полтора вдарю. Лады?

Гусь ненадолго задумался.

- Ладно, иди. Ты ж тут со вчерашнего вечера пасешься. Я тебя толкану потом.

Через три минуты Иванов уже сладко спал, раскинувшись на трубах в сушилке.

Вечером после смены он, купив колбасу, хлеб и четыре бутылки «Изабеллы», дожидался подружек у главпочтамта. Они умудрились опоздать всего лишь на десять минут, что Иванова, рассчитывающего, по крайней мере, на полчаса, несколько обрадовало.

В мастерской Виктор Иванович, невысокий усатый художник, и Митя Флор, бородатый здоровяк, степенно и мрачно допивали последнюю бутылку водки без закуски.

- Привет, орлы! - сказал, входя, Иванов. - Я вам тут девушек привел. Девушки молодые, симпатичные - не вздумайте обидеть.

Как раз перед этим вторжением Митя Флор развивал теорию одиночества отдельно взятых художников в новогодние праздники: что никто к ним, дескать, не идет, и даже Иванов черт-те где шляется; и не взять ли им баян и не забуриться ли к кому-нито в гости, где хотя бы есть элементарная колбаса на закуску. И что где-то на далеком Западе изобрели новые портативные такие телефончики: их можно таскать в кармане и звонить, откуда угодно. Звонишь, например, тому же Иванову и говоришь, что нам скучно без колбасы и водки. Он тут же бросает все дела и, взяв необходимое, а также набрав полную охапку девушек, галопом мчится в мастерскую. На что Виктор Иванович, посоображав, ответил, что флорова голова, как обычно, забита всяким мусором из раздела научной фантастики. И в гости они не пойдут, пока к ним самим кто-нибудь не заявится. Тут как раз и пришел Иванов. Обалдевшие друзья посмотрели на него, как на Деда Мороза.

- Волшебник! - рокотал Флор, помогая снять пальто Ольге.

- Чисто волхв! - пританцовывал Иваныч около Светы.

- А что вы на это скажете? - засмеялся Иванов, доставая из пакета вино и закуску.

- Давид Копперфильд! - ахнул Флор. - Куды тому Акопяну!

- Нет слов... - развел руками Виктор Иванович и, смахнув со стола наброски и эскизы, объявил: - Па-апрашу к столу!

Митя Флор, обладавший фотографической памятью, пристально посмотрел на Свету.

- А не были ли вы, девочка, сегодня ночью на елочке?

Света пригляделась к Флору и ахнула:

- Ой, точно, вы там без пальто под гармошку плясали!

- Под баян, - солидно поправил Флор.

Глава 9

На этот раз Он появился в виде светящегося тумана, по которому, время от времени, пробегали сполохи светящихся искр. От Него, даже на расстоянии, исходило довольно ощутимое напряжение. Он явно был чем-то озабочен.

Появившись, Он долго молчал, пристально изучая меня. Через пять минут я уже чувствовал себя словно выжатая губка. Наконец Он заговорил. Сегодня Он говорил скупо и веско, роняя тяжелые слова, точно булыжники. Он сказал, что наконец-то выяснил тайну своего происхождения. Для этого Ему пришлось опросить десятки тысяч камней на том месте, где Он впервые начал осознавать свое «Я». Это было долго и утомительно, но, наконец, ниточка потянулась наверх, к более конкретным источникам информации.

Когда Он кое-что выяснил, то попытался войти в контакт с представителями своей цивилизации, некоторые из которых находились на Земле. Но они захотели схватить Его. Это им не удалось, потому что за время скитания Он многому научился, и даже сумел заполучить одного из них. С помощью вновь приобретенных знаний Он узнал от него все.

Оказывается, они были Великими Сторожами и сторожили, как это ни странно, - именно Его. О, он много ему поведал, один из этих Великих. Для той расы, из которой они оба происходили, не существовало понятия времени. Они жили вне его, по совершенно другим понятиям и измерениям. Они не были смертными в обычном понятии этого слова. Они зажигали Сверхновые, уничтожая в их огне все, что мешало спокойствию Вселенной. Они называли себя скромно - Санитары Космоса, поддерживая Великое равновесие в царящем кругом Хаосе. Иногда, после трудных заданий Совета, некоторые из них отдыхали на маленьких цветущих планетах, хотя это и было строго запрещено, так как там могли оказаться разумные аборигены, которые после таких посещений неизменно создавали себе богов. И вдруг, совершенно неожиданно, некоторым из них начинало нравиться это поклонение. Все чаще и чаще они посещали «свои» планеты, купаясь на них в ореоле почитания. Тогда Великий Совет Космоса вынужден был принять безапелляционное решение: изолировать таких особей во вневременном континууме и ставить для их охраны Великих Сторожей, которые, перевоплотившись в местные формы жизни, должны были нести неусыпную вахту, не позволяя амбициозным особям вырваться во внешний мир. Запреты, наложенные на них, в конце концов, должны были полностью уничтожить их память, и через определенный цикл вре-

мени их выпускали совершенно обновившимися, полноценными членами общества.

...Но тот, который ко мне приходит (бывший когда-то - ни много, ни мало - самим Зевсом!), не пробыл в своей темнице положенного срока. В результате слишком большой магической активности некоторых представителей планеты, живущих в других измерениях, и слишком часто переходящих из одной реальности в другую, Кокон Запретов оказался частично нарушенным. Вследствие этого пленник оказался на свободе - уже ничего не помнящий, но с необъяснимой жаждой мести.

И вот, после того как Он выпотрошил в смысле информации Великого Сторожа, Он пришел ко мне. Почему Он выбрал меня? Что Ему нужно?..

Глава 10

Собака бесцельно шлялся по отделению. Заложив руки в карманы штанов, он слонялся из угла в угол и даже пытался что-то насвистывать. Но при полном отсутствии зубов делать это было довольно трудно. Вместо свиста получался какой-то шип, но собака был доволен и этим.

- Эй, Барбос, чего губы тянешь - вафлю хочешь? - рассмеялся попавшийся навстречу Быков.

- А посел ты, Бысек! - отозвался Собака.

Ссориться с Бычком Собака не хотел, так как они вместе тянули лямку на спецу в Питере и считались корефанами. Наконец он забрел в столовую и уселся смотреть телевизор. Недалеко от него сидели Яшка с Генахой и Юриков.

- Четвертая палата подойдет? - спросил у Юрикова Яшка.

- А кто там? - поинтересовался тот.

- Да вон хотя бы и Собака. За сигарету устроит махач и залетит в наблюдалку. А ты на его место. Идет?

- Идет! - обрадовался Юриков, и они ударили по рукам.

- Эй, пес! - подозвал Собаку Генаха. - Курить хочешь?

Собака недоверчиво посмотрел на него.

- Сутис?

- Какие, к черту, шутки. В-вот тебе сигарета, а перед отбоем рубанешь кого-нибудь. П-понял?

- Понял. А кого?

- Д-да кого хочешь, - начал терять терпение Мосейкин. - Кто тебе не нравится?

Собака ненадолго задумался.

- О! - вспомнил он. - Усохин за завтлаком яйсо этому пидолу Паске Хабадулину одал. Хотя я пейвый пьесил.

- Ну вот, Абадуллина и рубанешь, - подытожил Яшка.

- Не-а, - заулыбался Собака. - Луссе Усохина... А засем?

- Гена, Собака курить не хочет. Может, с Киселем побазарить? - обратился Яшка к Мосейкину. - Он хоть вопросов не задает.

После этого все трое уставились на Серегина. Тот, не сообразив, что его самым наглым и простейшим способом «взяли на арапа», тут же схватил протянутую сигарету и пообещал все устроить в лучшем виде, не задавая никаких вопросов. Прихватив по дороге скучающего Хоря, он с довольным видом убежал в туалет.

Покурив и пройдясь пару раз по отделению, он зачем-то забрел в ванную комнату. Там несколько человек сосредоточенно мыли ноги. Санитарка Тоня, взяв ведро и тряпку, пошла мыть душевую. Открыв дверь, ведущую туда, она легкомысленно оставила связку ключей в замке, чем Собака тут же и поспешил воспользоваться. Сунув ключи в карман, он посмотрел на моющих ноги мужиков. Никто ничего не заметил, и тогда Собака быстро побежал в пятую палату. На своей шконке в углу сидел Ботинок и листал какой-то спортивный журнал, который дал ему Димка Щербицкий. Собака подошел к Ботинку.

- Слусай, - прошептал он. - У меня вон сего есть, - и, не вынимая руки из кармана, показал ему связку. - Сбезать мозно...

Ботинок задумался. Ключи, конечно, иметь хорошо. Но когда пропажа обнаружится, то на отделении непременно устроят шмон. Проверят каждую щель, но ключи все равно найдут. И опять же: если ключи понадобятся, то при таких полоротых санитарках достать их будет не проблема. А в том, что ключи Собака подрезал у санитарки, Ботинок нисколько не сомневался - с Валерой такой фортель ни за что бы не прошел. Поэтому, все трезво взвесив, Ботинок решил зарабатывать очки в счет предстоящей комиссии.

- Чего хочешь? - спросил он так же шепотом.

- Паську сигалет! - Собака от возбуждения даже начал пританцовывать.

- Пошли, - сказал Ботинок, залезая в тапочки. - На дальняке побазарим.

Ничего не подозревающий Собака устремился вслед за Ботинком, то и дело забегая вперед и

неся какую-то околесицу. И только он собрался прошмыгнуть на дальняк мимо сидящего у раздачи Валеры, как был остановлен за шиворот Ботинком.

- Валерий Александрович, у тебя ключи на месте?

- А что? - удивился санитар, хлопнув себя на всякий случай по карману.

- Да вот, Собака мне чьи-то ключи за пачку сигарет торгует.

Приставленный к стенке, Собака начал потихоньку бледнеть. Валера нащупал у него в кармане ключи, присвистнул от удивления и, поудобней ухватив за ворот, потащил в сестринскую.

Через десять минут удивленный и обрадованный Юриков скатал свой матрац и занял собакину койку в четвертой палате. А Ботинок, покуривая на дальняке, охотно рассказывал всем желающим, как он спас отделение от шмона.

- Веревки, - говорил он. - Из-за ключей они бы такой шмон устроили...

Шмона никому не хотелось, и поэтому поступок Ботинка как «западло» не рассматривался. Собака же, привязанный в наблюдалке к шконке, мрачно размышлял о том, что Усохина придется вырубить немного попозже.

Иванов в довольно неплохом настроении шел на смену. Иногда он даже улыбался, вспоминая, как недавно, провожая Ольгу поздно ночью из мастерской, умудрился даже несколько раз ее поцеловать. Правда, еще в провожатые набивался и Митя Флор. Он весь вечер ретиво ухаживал за Ольгой и был весьма удивлен, когда Иванов, отведя его в угол, просто приподнял и подвесил за отворот кожаной безрукавки на какой-то крепко вбитый крюк. А потом пообещал встретить его, Флора, где-нибудь ночью на узкой дорожке и потыкать мордой в сугроб. Флор посмеялся над своей недогадливостью, попросил отцепить с крюка и, хлопнув Иванова по плечу, пожелал удачи. Иванов кратко осветил ему теорию о том, что вино, женщины и песня есть суть радости человеческой, и что-то насвистывая, увел Ольгу.

Сейчас он пробирался по заснеженному полю. Узкая тропинка причудливо огибала редкие чахлые кустики. От Второй Вологды доносился лязг сцепляемых вагонов и резкие свистки локомотивов. Иногда в динамиках пробивался высокий женский голос, предлагающий четвертому или же седьмому отвести вагон с каким-то совершенно немыслимым номером то в один, то в другой тупик. Потом очень неожиданно в тех же динамиках прорезался простуженный мужской бас, чуть ли не кроющий матом какого-то неизвестного Полькина. Что бы там этот Полькин ни натворил, а оказаться на его месте у Иванова не было совершенно никакого желания. Между тем, голос, почти захлебнувшийся на каком-то очень сложном словообороте, вдруг, неожиданно спокойно, предложил незадачливому Полькину явиться в контору. После чего динамик всхлипнул, щелкнул и замолчал. Иванов даже тихонько засмеялся - таким неожиданным оказался этот переход. Порадовавшись в душе за бедолагу Полькина - видимо, у мужика остался еще шанс выкрутиться! - он ускорил шаг, но вдруг неожиданно наткнулся на нечто странное.

Прямо посреди тропинки был воткнут прут. Иванов только было начал размышлять о том, что бы это могло означать, как с левой стороны тропы увидел на снегу написанное слово «граф». Кроме Гуся сделать это никто не мог. Тогда он выдернул из тропы прутик и им же вывел рядом с этим «криком души» слово «Гусь». Но уже раза в три крупнее. «То-то Гусь вечером обрадуется! - решил он и поспешил дальше, раздумывая на ходу о ребяческой проделке напарника. - Мужику почти сорок, - думал он, пробираясь через многочисленные железнодорожные пути, - а все еще как пацан!»

- Привет, соколики!

- И ты, боярин, здрав будь!

- Не понял... - закрутил головой Иванов. - А где же Гомо Собакус?

Славка с Хорем переглянулись.

- В наблюдалке он...

- Вот-те раз! - опешил Иванов. - А я-то думаю: может, выписали его? То-то, думаю, на отделении скукота будет. Чего он залетел? Опять стекол наглотался или, как Бык, зеленку начал хлестать?

- Да нет. Он у Тони ключи подрезал. И торговал их Ботинку за сигареты.

- А Ботинок его ломанул? - попытался угадать он.

- Точно... - вздохнул Славка.

- Гомо гомини люпус эст, - вздохнул Иванов, доставая сигарету.

- Чего там про гомиков? - сразу насторожился Хорь.

- Это по-латыни. Человек человеку - волк...

Узнав от Валеры подробности, он надолго задумался. То, что Тоню подставили и она схлопочет строгача, было ясно даже кактусу. Но с другой стороны - нельзя же быть такой доверчивой. А

спустить на тормозах - тоже не вышло бы. Ботинок режется перед комиссией, и если дело замять, то он поднял бы хай на все Кувшиново. И тогда наказали бы всю смену. Всяко нехорошо. Куда ни кинь... Рыба ищет где глубже... Человек человеку... Тьфу ты, пропасть! А что еще скажет Сергеич?

- Пошел я расписываться, - прервал он свои размышления.

После обеда к Иванову подошел Сашка Орлов.

- Александр, можно с вами поговорить?

- Жалуйся! - отозвался санитар, поудобнее устраиваясь в кресле.

- Как вы думаете: выпишут меня?

- А когда комиссия у тебя будет?

- В марте...

- Которая? Первая?

- Да, первая комиссия, - вздохнул Орлов.

- Ну, это, брат, навряд... После первой никого не выписывают.

- Но когда меня сюда с пятнадцатого переводили, то врач сказал, что на пару месяцев всего. На исправление. А я уже здесь целых пять. Так что, я думаю, что меня все же должны выписать. Да и Губанов то же говорит.

- Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол»... - начал было Иванов, но вовремя осекся, вспомнив случай с Колобком.

В таких разговорах нужно быть предельно осторожным. Слишком буквально они все воспринимают. Как бы хуже не вышло. Пошлешь, например, такого в баню - он и будет всю неделю вторника ждать и тереться у ванной комнаты. Или же, как в данном случае, вообразит себя слоном и станет топать по отделению, задирая на всех несуществующий хобот. И стоит ли объяснять, что как раз на пятнадцатом-то отделении он и был временно, потому что у них на третьем в это время не было мест?

- ...не верь глазам своим? - вдруг неожиданно продолжил за Иванова Орлов.

Тот даже глаза вытаращил.

- Откудых знаешь?

- Козьма Прутков. Афоризм номер сто шесть.

- Ого! Даже номер помнишь?

- А как же! Я ведь эту книгу на тюрьме за полтора года почти наизусть выучил.

Иванов даже присвистнул.

- Полтора года под следствием?

- Точно! - хмыкнул Орлов. - Вы, Александр, должны, наверное, помнить «гэпэзовское дело»? Когда подшипники воровали. Вот житуха была! - тут он даже зажмурился. - В кабаках обедали. Бабок невпроворот было...

- А кем ты там был? - осторожно поинтересовался санитар.

- Инженер-плановик. Через меня много бумажек проходило.

- О, так у тебя верхнее образование? Молодец! - похвалил его Иванов, подвигая тем самым на дальнейшее продолжение разговора.

Орлов расцвел словно ребенок, получивший новую игрушку.

- Да я же закончил институт в Тольятти, а года через три меня занесло сюда, в Вологду.

- Интересно, интересно, - забормотал санитар. - А расскажи за Тольятти? Ты сам оттуда?

- Нет. Это же молодой город. Страсть неуютный: сплошняком новостройки. А назван, кстати, в честь одного итальянского коммуниста - Пальмиро Тольятти, - взахлеб начал говорить Орлов. - Он восстание против фашистов поднял. И победил даже. А сам я с Хабаровского края. Город Троицкое, прямо на Амуре.

- Добро. Про Троицкое в следующей серии расскажешь. А сам-то как? Настроение там, туда-сюда...

- Да все бы ничего, только курить хочется постоянно, - сник Орлов. - Ко мне ведь ходить некому: семью не успел завести, а родители в Тольятти живут. Старенькие уже. Вот после комиссии выйду на пятнадцатое - так покурю хоть вволю. Там тем, кто работает, курева не жалеют.

- Ну, ладно, - засмеялся Иванов, понявший, что весь разговор был затеян лишь с одной целью - чтобы «пробить на жалость». Старый, истасканный приемчик, но действующий довольно эффективно. - Сигарету я тебе не дам - мало осталось, но через полчаса подойдешь. Оставлю.

Орлов довольно заулыбался.

- Спасибо, Александр. Так я подойду через полчаса?

Иванов решил провести воспитательную беседу с Собакой. Подойдя к Гусю, торчащему у наблюдалки, он попросил его погулять по отделению.

- И то верно, - согласился Гусь. - Дай ключи, а то на дальняк что-то пробило.

Со скрипом поднялся и, позвякивая ключами, пошел к сестринской, где находился туалет для персонала.

- Смотри, ключи в дверях не оставь! - напутствовал его вслед Иванов.

- Будь спок! - отозвался Гусь и зачем-то щелкнул по морде большого бумажного зайца, висевшего на елке. - Повесили зайца! - непонятно почему, громко объявил он на всю столовую.

Больные, находящиеся в этот момент в столовой, с интересом уставились на Гуся - к чему это он? Может, и еще что-то скажет? Но Гусь не оправдал надежд: он просто ушел. Иванов хмыкнул, почесал затылок и прошел в наблюдалку.

Привязанный к шконке Собака вертел во все стороны круглой стриженой головой в поисках развлечений. Увидев входящего Иванова, он тут же прикинулся спящим. Санитар, разгадавший этот нехитрый маневр, остановился возле Собаки и, скрестив руки на груди, начал ожидать его «пробуждения». Собакиной выдержки, действительно, надолго не хватило: потихоньку-потихоньку он начал открывать один глаз. Увидел спокойно стоящего Иванова и чуть приободрился, но все же решил доиграть до конца. Зевнув во весь свой беззубый рот, он беспокойно заерзал по постели, словно пытаясь освободиться от вязок. Потом, открыв глаза, посмотрел на спокойно стоящего Иванова и попробовал осторожно улыбнуться. Санитар с невозмутимостью сфинкса наблюдал за этими ухищрениями.

- Ну, проснулся, солнышко? - наконец «ласково» поинтересовался он.

- Я не солныско, - почему-то вдруг обиделся тот. - Я - Собака, злая и кусасяя.

- Да какая же ты Собака? - удивился Иванов. - Ты далеко не Собака, ты - щенок еще, по сравнению с теми собаками, которых я знаю. Просто мелкий срущий пакостник.

Иванов зло вбивал слова в притихшее пространство палаты - крепко и точно, словно гвозди. После каждого слова Собака все больше съеживался, и если бы не вязки, стягивающие его руки и ноги, то к концу тирады он вовсе растаял бы под одеялом.

- Ты мудак, - продолжал гвоздить санитар. - Маленький вонючий хорек - вот ты кто. Тоня же тебе - то шмат хлеба подгонит, то чинариков из дома притащит, то чайку заварит. А ты (тут он столь искусно ввернул в свою обвинительную речь трехэтажный матюжище, что даже видавшие виды больные, внимательно прислушивающиеся к монологу, восхищенно зацокали языками, а Пашка Федотов, не удержавшись, шепнул Киселю: «Увесисто санитар по батюшке кроет!..») наклал ей в карман целую кучу дерьма. Она сегодня утром плакала в раздевалке. Вот до чего ты ее довел. Тут и получается, что ты сволочь редчайшая и таких, как ты, надо подвешивать к колоколу заместо била и лупить твоей лысой башкой по стенкам этого музыкального инструмента, чтоб другим неповадно было. И я еще не уверен - что будет звенеть громче: твоя пустая башка или колокол. Попробовал бы ты на моей смене такой фортель выкинуть! Я вбил бы тебе эти ключи в задницу и заставил всю ночь бегать по отделению...

- Мне нейзя кьюси обивать - у меня глыза, - наконец умудрился вставит слово Собака.

- Чего?! - вскипел Иванов. - Грыжа? Да я бы тебе твою грыжу на уши натянул! Погоди ужо. Вот вечером папка на смену придет и покажет тебе, где раки зимуют!

При упоминании о Сергеиче, Собака сжался еще больше, а Иванов, решив, что для первого раза достаточно, щелкнул Собаку по носу и вышел из наблюдалки.

«Папок» на отделении было двое, и причем оба персональные. У Собаки «папкой» являлся санитар Сергеич. Он постоянно воспитывал Серегина пинками и подзатыльниками, за что и был возведен в ранг «отца». Собака боялся его, как черт ладана, что давало повод для многочисленных шуток. При упоминании Ивановым о том, что вечером на смену придет Сергеич, Собака, наконец, начал немного понимать, что же он натворил. Он даже тихонько завыл, представив себе разъяренного санитара. Ему стало до боли жалко себя, едва он вспомнил свое детство в родной Сусловке и постоянно меняющихся «отцов», среди которых Сергеича и близко не было. «Черт побери, и навязался же этот лысый пень на мою голову... Что ему - других не хватает?» - грустно размышлял он и чуть не плакал.

Вторым «папой» был Витька Гульков, крепко сбитый, обстоятельный мужик. Он единственный на отделении выписывал кой-какую центральную прессу. А «сынком» у него был идиот Ленька Мохов. Ленька и двух слов связать не мог, но отдельные слова иногда говорил и даже понимал их значение. В основном он неприкаянно бродил по отделению, теребя в руках неизменный носовой платок и все и всех обнюхивая. То ли это вошло уже в многолетнюю привычку, то ли нюх у него был развит от природы, но делал он это весьма умело. Подойдет, бывало, к санитарке или же медсестре, нюхнет где-то у плеча и стоит, комкая платочек.

- Чего, Леня? - спросят его.

- Пахнет...

Польщенная женщина, думая, что он унюхал слабый запах духов, обязательно поинтересуется:

- Чем пахнет, Леня?

А Леня постоит, подумает, да и ляпнет:

- Бабой пахнет...

В зависимости от чувства юмора, женщины либо смеялись, либо плевались и уходили, поминая ленькиных родителей.

По ленькиным словам, от Валентина Олеговича всегда пахло «околоном», от Иванова почему-то - железом, а от Сергеича - бородой, хотя ни бороды, ни усов тот никогда и не нашивал, да к тому же был совершенно лыс, как лампочка. Запахи остальных варьировались, но в ограниченном спектре. Он мог, например, понюхав вечером Ваську Иванова, заявить, что тот пахнет шашками, а утром, повторив ту же процедуру, уверенно утверждать, что Васька стал пахнуть шубой или же деревом. Тех же, кого Ленька по каким-либо причинам не любил, например Киселя или шефа, он никогда не обнюхивал. Ну, а Витька Гульков для него всегда пах папой. Папой - и никаких вариантов! Гульков никому не давал Леньку в обиду и, когда не бывал занят, то благосклонно разрешал Мохову находиться рядом с ним. Сейчас Ленька ходил вокруг елки и обнюхивал ее со всех сторон.

- Чем пахнет, Леня? - крикнул Иванов, усаживаясь на стул.

Мохов повернул к нему маленькое усохшее личико.

- Елкой...

Глава 11

День рождения Иванова уже «висел на носу», а его самого терзали сомнения. Если справлять дома, то не получится никакой душевности, просто очередная вульгарная пьянка. Рябов с Флором опять будут весь вечер тягаться на руках, после чего спокойно уснут, один под столом, другой в салате. В прошлом году в салате дрых Флор, а в позапрошлом - Рябов. Алекс будет опять пить, совершенно не закусывая и мрачнея от каждой выпитой стопки все больше и больше, а потом будет всем надоедать, предлагая послушать свои стихи. И добро бы еще, если бы он читал их, как полагается, так нет же! Растопырив пальцы и все на свете переврав, будет перескакивать с пятого на десятое и выдаст такой винегрет, что даже чертям станет тошно. Забредшие, как обычно - на огонек (!) - две-три подруги жены засядут в кухне и, дружно закурив, начнут обсуждать всякие животрепещущие проблемы: от модных шмоток и рецептов зимних салатов до какой-нибудь Наташки, которая очень уж в последнее время зарывается. В общем, все будет, как обычно: обычный набор выпивки и закусок, обычный набор гостей, обычный мещанский день рождения. Все, как всегда. Рутина, болото...

«Что ж, переведем локомотив на новые рельсы - и пусть потом бывшая с ума сходит. А то, понимаешь ли, успела уже гостей наприглашать», - решил Иванов и пошел к Виктору Иванычу. Поговорив с ним ровно полторы минуты, он разрешил все свои проблемы. Выцепив из соседнего подвала Флора, где тот активно зарабатывал на выпивку, обучая подрастающее поколение игре в «преферанс» и «белот», они дружно принялись прибирать мастерскую, готовя ее к предстоящему дню рождения. В этот же вечер Иванов с Алексом рванули в театр и так запудрили мозги барменше, что бедная девочка вовсе очумела. После чего пригласить ее на день рождения не составило ровно никакого труда.

- Алекс, ты заметил, как она на тебя смотрела? - смеялся Иванов, садясь в автобус. - Хоть сейчас - под венец!

- Венец - делу конец! - смеялся и Алекс.

- Не делу, а - в деле! - подколол Иванов, и они долго хохотали на весь автобус, пугая косившихся на них бабушек.

Махнувшись сменами с Сергеичем, Иванов отдежурил на день раньше, а в день рождения, с утра, уже топил печь в мастерской и, обливаясь едкими слезами, вовсю чистил горы лука. Часа в два подошел Васька - тоже «кумекавший кое-что по кулинарии», и они принялись наводить последние штрихи на закуску. Через некоторое время начали собираться гости. Первым пожаловал Флор.

- О, в шахматишки режемся? А как насчет «префика»?

- Не успеть уже, - мрачно отозвался Иванов. Он уже минут десять пытался вырваться из васькиных «клещей», но из этого мало что получалось. - Тут и без «префика» Васька мне такой «Сталинград» устроил, что - будьте нате!

Флор, с места в карьер, ринулся было подсказывать, но тут же получил суровую отповедь от обоих игроков. Васька сказал, что подсказчиков и шулеров полагается бить канделябрами, а Иванов пошел еще дальше - поставил Флора в угол. Почти одновременно появились Рябов и Ольга со Светой.

- Ничего себе! - завозмущалась Ольга. - Сидят, в шахматы играют, а мы тут во все двери тычемся! И не стыдно? Хоть бы встретил кто-нибудь. Вот ты, чего тут стоишь? - напустилась она на

Флора.

- Наказан... - буркнул Иванов, пытаясь вывести ладью из хитросплетения васькиных фигур.

- Не имею я права вас встречать, - заухмылялся Флор. - Меня Иванов в угол поставил. Провинился я. Если он с друзьями так, то представляю, что он там над больными у вас вытворяет!

- Да он им как отец родной! - заржал Васька. - На его смене все отделение как шелковое ходит!

Ольга подошла и смешала фигуры на доске.

- Хватит, наигрались! Лучше помогите дамам раздеться.

- Ничья! - радостно заорал Иванов, тряся расстроившемуся Ваське руку.

- А это уже превышение служебных полномочий, - хихикал из угла Флор. - Когда подчиненные помогают раздеваться начальству.

- Ничего, - ответил Иванов. - Когда начальство такое молодое и симпатичное, то - можно. А ты, если стоишь в углу - то и стой, нечего здесь языком шлепать!

- А разве можно живого человека в угол ставить? - подала голос Света.

Все в величайшем недоумении уставились на автора этой реплики и принялись рассматривать ее, как редкое, экзотическое животное, неизвестно каким ветром занесенное в родные палестины.

- Мертвяка поставить гораздо сложней, - на полном серьезе ответил Иванов. - Привязывать, подлеца, придется!

Все так и согнулись от смеха. Флор, под шумок, попытался было выбраться из угла, но Иванов был начеку и тут же водворил его на место.

- Да я не то совсем хотела сказать! - начала оправдываться Света. - Я в том смысле, что взрослого человека... в угол... Бред какой-то!

- А мы так шутим, - объяснил Иванов. - Я у Флора на дне рождения сорок минут в углу простоял. Спросишь, за что? Отвечу. За то, что утащил у него горбушку на закусь. А тут провинность более серьезная. И к тому же Флор при свидетелях хлестался, что мой рекорд стояния в углу перекроет...

- Сколько? - перебил Флор.

- Двадцать минут, - ответил Иванов, посмотрев на часы.

Флор тяжело вздохнул и отвернулся лицом к стене. Ольга достала из сумочки фирменный одеколон.

- Это от нас со Светой подарок тебе, - сказала она, чмокнув Иванова в щеку. - Поздравляем. Расти большой и толстый и все такое прочее.

- О, йез! - засмеялся он, тут же побрызгавшись «подарком». - «Околон», как говорит Ленька Мохов. А я скажу больше: немного счастья в красивой упаковке.

- Не фига себе - подарочки! Девчонки, я вас тоже к себе на день рождения приглашу. Мне тоже «околон» подарите... - заныл из угла Флор. - Саня, будь человеком, дай побрызгаться?

- Когда из угла выйдешь, - ответил Иванов, ставя одеколон на какую-то полочку.

Рябов с Васькой, тоже на двоих, подарили резные шахматы. Все посмотрели на Флора.

- А я подарю, когда из угла выйду...

Подтянулись Алекс с барменшей. Ее тоже звали Ольгой. Познакомив спутницу с присутствующими, Алекс, смущаясь своей роли «кавалера», от которой он давненько отвык, пробрался в угол к Флору и стал с ним о чем-то загадочно перешептываться. Иванов озабоченно посмотрел на часы.

- Что-то Иваныч опаздывает...

- Как всегда, - пробормотал Флор. - Я подозреваю, что Иваныч и на собственное рождение умудрился опоздать. То-то, поди, акушеры удивились!

- Ну, ладно, придет. Никуда не денется. Начинаем без него.

Все, кроме Флора, уселись за стол.

- А?.. - повела на него глазами Ольга-барменша.

- Наказан! - с удовольствием объяснили ей.

Она похлопала ресницами и придвинулась поближе к Алексу - черт его знает, если таких здоровых мужиков наказывают...

Иванов налил стопку водки, положил на нее бутерброд с колбасой и отнес в угол к Флору.

- Двадцать семь минут! - объявил он.

Выпили по первой. Как всегда в таких случаях, разговор пока не клеился. Все дружно закусывали и вполголоса переговаривались между собой. Флор перетаптывался в своем углу, как медведь в клетке, и голодными глазами смотрел на закуску.

- Сколько? - простонал он.

- Тридцать пять...

В это время в коридоре раздался грохот. В мастерскую, энергично топая ногами в пол, вошел Иваныч.

- А чего это ты в углу делаешь? - подозрительно спросил он у Флора. - Наказан, что ли?

Флор выразительно кивнул на Иванова.

- Понятно...

Иваныч заглянул за шкаф и достал оттуда припрятанную картину.

- Подарок тебе, - буркнул он, подавая картину Иванову.

Там на фоне помойки сиротливо прижалась к земле церковь Варлаама Хутынского. От такого резкого контраста у Иванова даже дух перехватило.

- Мощно... - наконец проговорил он, не отрывая взгляд от полотна. - Мысль понятна. Спасибо, дружище.

Виктор Иванович специализировался на изображениях церквей и монастырей. И еще, почему-то, у него была навязчивая тяга к дому Гутмана, а если говорить проще, то к «Петровскому домику», где находился музей Петра I. Он рисовал его со всех, каких только можно, сторон. Однажды Иванов посоветовал нарисовать его с берега - очень уж неожиданный ракурс получался! - и Иваныч, на промозглом осеннем ветру, постоянно сморкаясь и фыркая, целых два часа изображал на полотне тот домик, задирая голову кверху так, что с нее чуть не падала кепка. А Иванов в это время лениво прохаживался по берегу, кидал камешки в воду и рассуждал о поэзии Су Ши и Цюй Юаня. В конце концов, он так задолбал его своими рассуждениями, что Иваныч не выдержал и огрызнулся:

- Сплясал бы лучше!..

- Сколько?! - заподпрыгивал в углу Флор.

- Сорок две, - сообщил Иванов, глянув на часы.

Сшибая по пути какие-то рейки, Флор бросился к столу.

- Ура, люди! Рекорд побит! А теперь пожрать, пожрать, пожра... м-м...

Засунув себе в рот изрядный кусок колбасы, он уже наваливал в тарелку огромную гору салатов, рыбы, картошки. Не дожевав толком колбасу, принялся уписывать все это за обе щеки.

- Изголодался в углу... м-м... понимаешь ли, - объяснял он сидевшему рядом Рябову.

- Да, брат, в углу - несладко! - поддержал тот. - У нас на отделении как? Залетел - и вперед, в наблюдалку. А здесь, он тебя просто в угол поставил. Но все равно обидно должно быть.

- М-м! - соглашаясь, промычал набитым ртом Флор.

- Угол как воспитательный фактор - великая вещь, - продолжал Рябов. - А ты пока мычи, брат, мычи... - и замахнул две стопки подряд - свою и Флора.

Тот попытался что-то сказать, но, кроме того же мычания, у него ничего не получилось. Прожевав, набросился на Рябова:

- Сволочь...

За столом в это время царило относительное спокойствие, и поэтому все удивленно посмотрели на Флора.

- Что это за крик души? - поинтересовался Иваныч. - Опять в угол захотел?

Флор все же выкрутился. Поменяв ударение, он затараторил:

- Сволочь, говорю, все закуски надо. И поближе, поближе... - и действительно, начал придвигать к себе разные тарелки с закусками.

- Но-но! - завозмущался Иваныч. - Мы так с голоду подохнем, - и поставил все назад.

Через два часа от первоначальной благопристойности не осталось и следа. Все были достаточно пьяны и веселы. Иваныч зажигал на баяне, Иванов пробовал подыгрывать ему на гитаре, а стоящий в углу кассетник вносил в эту какофонию звуков свою определенную лепту, извергая из себя какой-то модный танцевальный ритм. Алекс в углу, где совсем недавно томился Флор, попыхивая трубочкой, читал свои стихи восхищенной Ольге-барменше. Читал на этот раз по своей же книжке и потому умудрился ни разу не сбиться. Флор с Рябовым, как обычно, тягались на руках, а появившийся на халяву хромой старик сосед потчевал Ваську рассказом о том, что задолго до того, как эту комнату снял Виктор Иваныч, ее, тоже под мастерскую, арендовал один художник, к которому в гости запросто захаживал Рубцов. Виктор Иванович взял баян и объявил:

- А сейчас - танцы...

- «На сопках Манчжурии», - заказал Иванов и повел Ольгу на середину комнаты.

Ольга-барменша тут же повисла на Алексе, а Васька принялся галантнейшим образом расшаркиваться перед Светой, приглашая ее на тур. Иванов, танцуя, легонько прижимал Ольгу к себе.

- Чего не спрашиваешь про закусь? - наконец спросил он.

- О! - сразу же заинтересовалась Ольга. - Где ты так цыплят научился делать? Я чуть пальцы себе не съела вместе с крылышком...

- Секрет, - улыбнулся он.

Виктор Иванович доиграв «На сопках...», без перехода запел «Вальс-Бостон» Розенбаума. Пары,

словно зачарованные, кружились в медленном ритме. Всем было хорошо. Халявный дед втихаря замахнул стопочку и балдел, пуская дым самокрутки в потолок. Ему тоже было хорошо. В это время, совершенно окосевший Иваныч, ни к селу, ни к городу, вдруг заиграл «Семь сорок». Флор, уловивший знакомую мелодию, тут же пустился в пляс, высоко подкидывая ноги и засунув большие пальцы рук за отверстия от рукавов на жилетке. Иванов рванул вслед за Флором. Топая, как стадо бизонов, несущееся на водопой, они громко выкрикивали слова песни: «Семь сорок - он подъехал, Семь сорок - он подъехал, Наш старый, наш славный, Наш Аицын пар-ровоз!» К ним попытался, было присоединиться хромой халявщик, но плясунам и вдвоем-то было тесновато. Подпрыгнув, причем достаточно проворно, пару паз, он получил удар плечом от Флора, который его просто не заметил, и отлетел в аккурат к столу, где с горя, сразу же начал выпивать. «Везет с собой вагоны, Везет с собой вагоны, Набитые людями, словно сеном воз. Он выйдет из вагона И двинет вдоль пер-рона»... Стоявшие в стороне принялись выкрикивать что-то в такт мелодии. Флор, польщенный таким вниманием, не выдержал и пустился вприсядку, залихватски взмахивая руками. Иванов выкаблучивал нечто среднее между цыганочкой и лезгинкой. «На голове его Роскошный котелок. В больших глазах, открытых на восток, Горит одесский огонек»...

Через пол часа Иванов с Ольгой пошли на кухню покурить.

- Весело тут у вас, - сказала Ольга, выпуская струйку дыма и разглядывая сквозь нее Иванова.

- Еще бы! - улыбнулся он. - Но народу многовато. Вдвоем где-нибудь лучше было бы.

- Это тебе так хочется...

- Конечно, хочется! - он взял ее руку и приложил ладонью к своей щеке.

- Горячий какой... - прошептала она и погладила ему волосы.

- А знаешь, какой самый лучший подарок для меня сегодня?

Ольга призадумалась.

- Ну, не знаю. Картина, может?

- А вот и не угадала! - он выдержал небольшую паузу. - Ты!

- Я?! - изумилась она. - Тут ты не прав. Я вовсе не подарок!

- За словом в карман не лезешь! - засмеялся Иванов.

- А потому, что у меня карманов нет! - парировала она.

- Слушай, а не смотаться ли нам отсюда, прихватив бутылочку? Посидели бы вдвоем где-нибудь...

- Где? - сразу же насторожилась она.

- Да где угодно, лишь бы не здесь. Просто поговорить с тобой хочется...

- Ну, ладно, - согласилась она. - Смываемся!

Вечер был великолепен. Легкий морозец заставлял скрипеть снег под ногами. Звезды веселой гурьбой высыпали на небо и перемигивались в холодном воздухе. На улицах было еще довольно многолюдно.

- А я тебе уже нравлюсь, - вдруг сказал Иванов.

- С чего бы? - опешила Ольга.

- А ты меня сегодня два раза подряд Сашей, вместо Иванова, обозвала.

- А ты и считаешь все! Ну, так вот тебе - Иванов, Иванов, Иванов, Ива...

Он закрыл ей рот поцелуем. Шедшая навстречу пожилая женщина с сумками неодобрительно покосилась на них, но ничего не сказав, протопала мимо. Позади нее следовал дед, с грустным лицом и в шапке с распущенными ушами. Он вел на длинном поводке, егозящую во все стороны, левретку. Увидев целующихся Ольгу и Иванова, он, неожиданно просветлев лицом, засмеялся.

- Молодец, парень! Так ее! Если в такой мороз целуешь, то представляю, что вы вытворяете дома! Я тоже в молодости губ не жалел!

- О, батя, спасибо за поддержку! - оторвался от ольгиных губ Иванов. - Иванов моя фамилия. Запомни, дед, - Иванов! - и, захохотав, они рванули прочь от «не жалевшего в молодости» губ деда.

А он стоял и с грустной улыбкой смотрел им вслед. Потом не удержался и махнул рукой на прощанье. Левретка, воспользовавшись неожиданной остановкой, уже обнюхивалась с неизвестно откуда появившимся и драным, как старый сапог, пуделем.

- Ну, что - будем прощаться? - «закинул удочку» Иванов у ольгиного дома.

- Еще чего! Зря, что ли, с риском для жизни вино воровали? Пойдем уж, выпьем...

Поднявшись по старой скрипучей лестнице на второй этаж, Ольга открыла дверь и пропустила Иванова.

- Входи, кавалер!

Иванов почему-то сразу прошел в кухню. Сел на табуретку и закурил неизменную «Приму». Увидел стоящий на плите чайник, зажег газ и только тут, по-настоящему осознал, что находится у Ольги в гостях. Его даже в жар кинуло. Появилась Ольга - уже в домашнем халате и шлепанцах.

- А я весь на изменах сижу: думаю, куда и сквозанула? - как обычно, начал хохмить Иванов. - Не обратно ли убежала? Прямо расстроился весь...

Ольга улыбнулась.

- О, ты уже и чайник поставил? Хозяйственный мужичок!

В это время чайник вскипел и, сердито клокоча и отплевываясь паром, пронзительно заверещал. Ольга немедленно заткнула уши, а Иванов, еще немного послушав свист, повернул ручку плиты. Чайник, подергавшись еще немного, успокоился.

- Не фига себе - перепад! - восхищенно пробормотал Иванов. - Как только их и штампуют?

- Ты про что? - не поняла Ольга.

- Да про чайник говорю. У меня выдает ноту «фа», а у тебя - строго «до». Если, думаю, подобрать восемь штук на все ноты, - продолжал он развивать свою мысль, - то можно любую мелодию насвистеть - только чайники успевай менять!

- А почему восемь? Нот-то всего семь.

- А без си-бемоля не обойтись никак, - авторитетно заявил он.

Ольга представила себе Иванова в белом санитарском халате, всего в клубах пара, вдохновенно меняющего чайники на плите, и негромко засмеялась.

- Ну, ладно. Кофе будешь пить?

- Наконец-то сподобился. Удостоился, так-скать, чести, - заухмылялся он. - Буду, конечно! Два месяца такого кофе ждал!

- Какого - такого?

- Ну, в смысле - из твоих ручек.

Открыв бутылку «Изабеллы», он налил понемногу в пузатые рюмки, выставленные Ольгой.

- Ну, за день рождения...

Потом, пригубив вино, поставил рюмку на стол и принялся ломать шоколадку.

- Оля, - спросил он, - свеча есть?

- А что - запор? - невинно поинтересовалась она.

- Отличная шутка... - пробормотал он. - Я... в смысле романтики. Зажечь бы...

- А ты со всеми женщинами при свечах сидишь?

- Оля, не мотай душу. Ишь, ревнивая до чего...

- Больно надо, - дернула она плечом.

- Я дочке при свечах сказки рассказываю. Понятно?

- Так бы сразу и говорил. А то - романтика...

Она принесла свечу в железной кружке, зажгла ее и выключила свет. По кухне сразу запрыгали какие-то тени, неизвестно, где до того момента скрывавшиеся. Иванов даже заглянул под стол - не оттуда ли? В голове от выпитого приятно шумело, и ему стало глубоко плевать на всех на свете призраков.

- Ну, рассказывай, - прервала его поиски Ольга.

- Чего?

- Как чего? Сказку, конечно же. Не зря же я свечу притащила!

- Ну, ладно, - вздохнул Иванов. Налив по полной рюмке, он сделал добрый глоток и придвинулся поближе к Ольге. - Жила-была на свете принцесса...

- Что-то новенькое! Оригинальное, знаешь ли, начало. Но, ничего, ничего - продолжай.

- И была эта принцесса семи пядей во лбу, страшная, как грех, горбатая и к тому же хромала на обе ноги...

- Заплачу сейчас, - захныкала Ольга.

- И посватался к ней принц, прекрасный, как молодой месяц, храбрый, как сотня львов, богатый, как Крез, и к тому же исполнитель модных шлягеров.

- Уже лучше, - пробормотала Ольга, придвигаясь ближе.

- Но старый король, отец принцессы, наотрез отказался выдать дочь за принца.

- Идиот! - возмутилась Ольга. - Глупый, как тысяча ослов, и надменный, как стадо индюков! Ну, кто еще на такое сокровище позарится...

- Ты уже читала эту сказку? - подколол Иванов.

- Нет-нет, продолжай, пожалуйста.

Иванов допил остаток из рюмки и налил снова.

- Тогда принц объявил войну старому королю.

- Правильно, - прокомментировала Ольга. Поднеся рюмку к свече, она задумчиво рассматривала янтарные блики вина.

- И, конечно же, победил. Зарезал ножиком старого идиота короля и помчался на крыльях любви к возлюбленной, трепеща, как осенний листок на ветру.

- Молодец! Не то, что некоторые.

Тени продолжали бегать по кухне, вино играло загадочным цветом в рюмках, а Иванов, вплотную прижавшись к девушке, продолжал рассказывать.

- Но вот беда - пока он скакал лесами и полями, его любимая принцесса умерла от старости, ведь ей было девяносто четыре года...

- Интересно, сколько же было королю ослов?

- Он был долгожитель и прожил бы еще сто лет, если б я его не зарезал.

- Ты? - удивилась она. - Ах, да - это же сказка. И ты, естественно, принц. А кто же тогда я? Неужели принцесса? - тут она предприняла слабую попытку отодвинуться от «сказочника», но Иванов ее удержал.

- Дойдет очередь и до тебя... Найдя вместо любимой лишь хладный труп на постели...

- Бр-р, ужас какой! На ночь-то глядя... Слушай, налей еще, а то у меня кончилось.

Иванов разлил остатки и слизнул с горлышка последнюю каплю. Чокнувшись, они без всякого тоста допили «Изабеллу», и он продолжал рассказывать дальше.

- Пока он убивался над любимой, пришла ее служанка - изящная, как газель, грациозная, как музыка, прекрасней воды в ручье и невесомая, словно фея одуванчиков.

- Хорошо! - прошептала Ольга. - Это, наверное, я.

- Принц, естественно, тут же разлюбил мертвую принцессу, забыл все обеты верности и безбрачия, которые давал ей минуту назад, и приказал слугам готовиться к свадьбе...

На этом месте Иванов запнулся и облизал пересохшие губы. Выловив последнюю каплю из рюмки и, конечно же, этой каплей не напившись, он хватанул порядочный глоток уже подостывшего кофе.

- И мне кофе, - попросила Ольга, открывая глаза и потянувшись губами к чашке. Руки ее были заняты: ими она обнимала Иванова, а голова мирно покоилась на его плече. - Какая сказочка хорошая. Все? - спросила она, отпивая кофе из поднесенной Ивановым чашки.

- Это только начало, - успокоил ее Иванов. - Слушай дальше.

Он поставил чашку на стол и вообще задул свечу. Ольга не возражала. Тогда он положил ей руку на грудь и принялся ласково шептать на ухо:

- Той же ночью, когда ветер, как сумасшедший, бесновался на улице; когда филины, словно лешие, ухали в черных лесах; когда тоскливо запел козодой; когда древние ведьмы варили черные снадобья из змей и лягушек; когда ветер... а впрочем, про ветер уже было... так вот - в ту ночь, в седьмой башне старинного замка, он взял молодую служанку...

- А как взял? - прошептала Ольга, ища губами губы Иванова. Он впился долгим поцелуем в ее чуть приоткрытый рот. Подняв Ольгу, словно пушинку, он отнес ее на кровать, которую предусмотрительно приметил заранее в комнате и, снимая с нее халат, прошептал: - Он взял ее примерно так...

Ольга пылала и изнемогала под ним. Глухие горловые стоны срывались с ее губ и носились по комнате, отражаясь от деревянных стен. У Иванова от животного счастья, которого он не испытывал уже много месяцев, шла кругом голова, и он только повторял, словно в бреду:

- Любимая... фея... наяда...

Это было ни с чем не сравнимое чувство. Ни разу его бывшая жена не отдавалась ему так яростно и полно. С Ольгой он, пожалуй, впервые в жизни ощутил себя настоящим мужчиной. Его душа витала где-то в заоблачных эмпиреях, а он сам, крепко прижимая к себе любимую девушку, лежал и хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Ольга, вдруг уткнувшись ему в плечо, заплакала.

- Саша, Сашенька, где же ты был раньше?

Обретший способность говорить, Иванов, покрывая поцелуями ее залитое слезами лицо, исступленно повторял:

- Я здесь! Я теперь здесь и никуда, слышишь - никуда не уйду...

Окончание следует

Нина КРОМИНА

ПОВЕСТЬ О ЗИНЕ

Рассказ 1. Следующая станция Назаровка

Зина в городе задержалась. Сначала к отцу в больницу зашла, отнесла яблок своих, антоновских, они в этом году у них сочные, с желтыми бочками. Он раньше всегда их любил, а в этот раз только и сказал:

- Положи на тумбочку, сестричек угощу.

Зина все как надо сделала — судно вылила, отца одеколоном протерла, посидела рядом.

По дороге к вокзалу ей парень встретился, он раньше у них в классе учился, а потом школу бросил, в город перебрался. Они друг другу обрадовались.

- Пойдем, тут недалеко, - сказал парень, - я с друзьями на соседней улице комнату снимаю.

- Не могу, на электричку спешу, - ответила Зина.

- Так у тебя еще времени полно, успеешь.

На лестнице накурено было и ребята стояли. В комнате, на столе, пельмени холодные и остатки пива. Зина с утра не ела, поэтому ковырнула вилкой и пиво допила. А парень и говорит:

- Слушай, добавь пацанам на бутылку, им не хватает.

А Зина ему:

- У меня только на дорогу осталось.

- А ты что, того, билеты, что ли, покупаешь?

- Ну, вдруг высадят.

- Не боись, давай сюда деньги. Билет до Шилова купишь, а дальше — контролеры свои. Сама же с нами выпьешь и поедешь, а то ты какая-то замороженная.

- Да я же опоздаю.

- Сказал, не боись, еще и четырех нет. А после тебя ребята наши до вокзала на машине подбросят.

Зина тихая была, безотказная, ей кому-нибудь «нет» сказать - себе дороже. Отсчитала она на билет, сколько надо было до Шилова, а остальное отдала.

Пришли парни - себе разлили и ей плеснули, чуток. Зина повеселела и даже как будто опять обрадовалась, что парня этого встретила, только все волновалась, что на электричку опоздает.

- Ну, что, отвезете меня?

- Да ты что, мы с утра сидим, куда нам. А ты оставайся, завтра поедешь.

- Меня мама ждет, она болеет, она что не съест, у нее все обратно, и отец в больнице. Я не могу.

- Ну, тогда иди, а нам куда... Сама видишь, какие...

Зина надела пальтишко свое серенькое, шапочку вязанную, сапожки, еще почти новенькие (мать, как только за больничный получила, сразу на ярмарке купила), взяла сумку и отправилась на вокзал, одна.

Доехала на троллейбусе, даже билет успела купить, в электричку только села, двери сразу же и закрылись. Народу мало, ну, кто сейчас, в ноябре, в их глухомань поедет. Села она в уголок и будто бы уснула. Ее голова иногда стукалась об окно, иногда нелепо падала на грудь, тогда Зина вздрагивала и открывала глаза. Ее взгляд упирался в темноту вечера, который после перевода времени наступал на час раньше обычного. До Шилова контролеры проходили дважды — первый раз билет пробили компостером, второй — повертели и вернули. Теперь уже недолго, подумала Зина, когда электричка отъехала от Ушинского.

Тем временем на улице совсем темно стало, лес как будто приблизился и, казалось, бьет ветками по окнам. Зина опять задремала и проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Она открыла глаза и увидела над собой кондукторшу, ту, от которой еще летом так лихо сбежала с подружками. Казалось, та узнала ее и довольно улыбалась. Зина тоже улыбнулась ей и протянула свой билет.

- Так ведь у тебя до Шилова. Ты, кажется, до Нижнего Мальцева едешь, доплатить надо — пятьдесят рублей.

- У меня нет, - тихо сказала Зина, она всегда говорила тихо, ей учителя в школе за это всегда тройки ставили, даже если она правильно отвечала.

Кондукторша в свисток свистнула, к ней другая подошла, из соседнего вагона.

- Ссаживать надо, - сказала первая.

- Тебе куда? — спросила вторая.

- В Нижнее Мальцево.

- Вот, - опять сказала первая, - пусть пешком и топает, раз ни билета, ни денег нет.

Подошел милиционер, у него, так же как и у кондукторш, и у людей, которые сидели в вагоне, лицо было хмурое и безразличное. В это время поезд затормозил, появились тусклые станционные огни, один, два, три и редкие — в окнах. «Станция Назаровка», — прохрипело над дверью. Зина оглянулась на кондукторш, увидела смешок милиционера, он будто радовался чему-то.

- Ссаживать будем, - опять сказала первая, подталкивая Зину, - давай, давай, топай.

Зина сошла на темный, мокрый перрон, вернее, узкую асфальтовую полоску между двумя путями, и услышала: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Чучково». В это время по соседнему пути пронесся скорый, тронулась и электричка, все смешалось - свет в окнах, чернота бесконечного пространства, стук колес, ветер. Казалось, еще чуть-чуть, и слабое маленькое тело подхватит этот вихрь, утянет за собой... Но поезда разбежались, и только теперь Зина заметила, что дождь пошел уже вовсю, она хотела забежать в здание вокзала, но оно было заперто, кругом пусто, только вдали, у входа в кафе, тусовались какие-то тени — то ли мужики, то ли парни. Ей было ясно — от этих надо держаться подальше.

Она хорошо помнила, что по дороге на кладбище к ним недавно заходил дядя Толя. Он тогда рассказывал, а мама ойкала и все Господа поминала, а когда он замолчал и закурил, приказала: “Чтоб вечером дома сидела и, когда меня нет, двери на запоре держи, поняла». Зина тогда вполуха слушала, мало ли что старики бурчат, а сейчас вспомнила, все как есть слово в слово: «Пока я в ментовке сидел, много чего наслушался, такого, что и не удумаешь, а все — правда. Вот взять хотя бы вековых. Жили две бабульки, одна другой старше, 90 да 85. Жили тихо, в самом далеком углу, за речкой, где раньше мельница была, летом выползали из своей избушки да потихоньку вокруг бурьян скашивали, травки какой насобирают: зверобоя, мяты, а особенно, говорят, любили какую-то золотую розу, я и травы-то такой не знаю, вроде боль она снимает. Валентина им пенсию носила, а Марьпетровна, что из собеса, иногда то хлебушка принесет, то еще чего, но много-то им не надо, они как птицы были, нет, их не бросали, еще прошлой зимой, тоже Марьпетровна помогла, им дров привезли, они, правда, сырые были, но вековые - умелые, приноровились как-то. Дуняша, младшая, она летом и до родника иногда доходила, а так что — зимой снег топили, летом дождевую... Так бы бабки тихо и померли, как наши, Настя с Олюшкой, да, видать, не судьба. Принесла им как-то почтальонша наша, Валентина, пенсию, а когда Мария-то пришла, дня через два, сразу и поняла, случилось что-то, двери настежь, тряпки у крыльца валяются, чашки, ведро перевернутое, в дом вошла — все перевернуто, и бабки уж неживые... Или вот Славка. Чудной такой был. В очках смешных ходил круглых и на веревочке. Все песни пел. У нас, говорит, тихо очень, а это я ору, чтоб знали, что душа здесь живая обитает. Он и непьющий был, и не шатался где ни попадя, на станцию за пенсией да за продуктами только и ходил. И тоже вот — пошел за пенсией, да был таков. На рельсах потом нашли, а в карманах пусто... Хорошо-то я его не знал, а так — видел... А уж что с дачниками творят, не удумаешь. У нас теперь москвичей много селятся, там-то квартиру или сдают, или детям оставляют, а сами домок прикупят и обживаются. Около станции, двое, муж и жена, еще с прошлого лета живут. Нестарые еще. Да, только баба у него строптивая, чуть что, вещи в сумку побросает и в Москву. Так вот и в тот раз было, только на электричку последнюю опоздала. А характер какой, решила на станции утра дожидаться, и мужик ее за ней прибежал, уговаривал, все зря. Погорячилась, конечно, а пацаны наши что, телевизор там или дисков насмотрятся, их на подвиги и тянет. Вот они ее чуть не до утра меж поездов валтузили, сами знаете, как у нас поезда несутся, у нас тут объект, остановок не положено, земля гудит, ветром с ног сдувает, а им что, им удовольствие. Но жива осталась, это ей повезло... Они не только над дачниками, они и над своими куражатся. Так что вы в виду-то имейте, особенно без надобности не разгуливайте».

Вспомнив эти и другие слухи, которыми земля полнится, Зина решила идти, прячась за кустами вдоль железной дороги, а на шоссейку не выходить, может, к утру и дойдет. Всего-то километров двадцать, уговаривала она себя. Но ноги вязли в грязи, глаза с трудом различали за деревьями дома. Пройдя совсем немного, Зина заплакала. Она вышла на асфальтовую дорогу к переезду. Последний фонарь. За ним — тьма непроглядная.... По дороге, откуда-то из глубины поселка, шла девушка, одна. Походка у нее была уверенная, фигурка обтянута узкими брюками, курточкой — обычная такая девчонка. Она увидела Зину, подошла.

- Привет, ты чья?

- Я домой иду.

- А где твой дом? Я что-то тебя здесь никогда не видела.

- Я иду в Нижнее Мальцево.

- Ого, ничего себе, а почему пешком, ссадили, что ли? Вот гады. Ладно.

Она взяла Зину за руку и удивилась: какая рука холодная, мокрая, слабая.

- Ко мне пойдем. Ты не бойся.

Девочки, они почти одногодки были, спустились по тропинке к самому крайнему дому, неказистому такому, с покосившимся сараем, без забора, вошли в сени.

- Танька, ты, что ли?

- Да, я, с подружкой.

- Заходи. Раздевайся.

В избе было тепло. В крошечной кухоньке на полу сидел малыш и катал машинку. Женщина, еще молодая, но уже уставшая, мыла в небольшом тазике посуду.

- Мама, эта девочка у нас ночевать будет, ее с поезда ссадили.

Женщина посмотрела на Зину и сказала:

- Грей воду, быстрее, видишь, она вся дрожит, и вещи ей свои принеси, - достала из-за печки таз. - Ноги, ноги главное ей пропарь.

Подбросила в печку дров. Задернула шторку, что отделяла кухню от запечья. Принесла полотенце, новое, большое, неожиданно красивое и радостное, розовое, махровое; из маленького комодика, что под телевизором, вынула пакет с новыми, из козьего пуха носками.

- Вы тут сами, а я за молоком к деду сбегаю, ей горяченького надо...

Утром Татьяна с матерью проводили Зину на электричку, денег на билет ей дали, руками помахали. Пока стояли на платформе, девчонки чуть в стороне, Татьяна что-то говорила и иногда даже руками размахивала, а Зина смотрела на нее - то ли удивленно, то ли испуганно.

- Ты думаешь, я всегда такой была, уверенной? Нет, тоже вроде тебя маменькиной дочкой росла. Только в двенадцать лет произошел со мной один случай. У нас в школе готовились к новогоднему утреннику, сказали, чтоб пришли в карнавальных костюмах. Только сама понимаешь, откуда им тут у нас взяться. А мама и говорит: «Хочу, чтобы ты на празднике была принцессой». Я еще удивилась, какая такая принцесса. У нас сама видела — негусто. Но знаешь, моя мама — волшебница, она все может; три ночи от машинки не отходила, все шила, нет, сначала она какие-то старые шторы марганцовкой красила, каким-то чудным способом, цвет получился совершенно необыкновенный, розовый, нежный-нежный, с переходом тонов, сверху светлое, а книзу чуть потемнее. На голову она мне сделала крошечную корону, бусы свои старые разобрала и где жемчужинками, где гранатинками всю ее украсила, съездила на рынок, купила светлые туфельки, лодочки, и к ним тоже бусинки приклеила. Волосы мне накрутила на бигуди и по плечам распустила. Короче, я как вошла — все рты поразевали. А девчонка одна, Верка, за это на меня озлилась, но я об этом позже узнала, уже после каникул. Подошла она ко мне и говорит: «Пойдем вместе домой, - я обрадовалась, подумала, что она дружить со мной хочет, - только видишь, у меня сапоги новые, а на дороге — грязь, давай вдоль железки пойдем, там почище». Идем, разговариваем. Она мне все хвастает, какие у нее обновки, а мне и сказать нечего, мы тогда совсем плохо жили, маминого мужа в тюрьму посадили, а с отцом они давно развелись, я еще маленькой была. Тут товарняк рядом с нами застучал, слышно стало плохо, и вдруг она выхватила у меня портфель, открыла и стала из него прямо под колеса бросать мои тетрадки, книжки, кидает и кричит: «Вот, чтоб не выпендривалась, принцесса хренова!» Тут уж и на меня нашло. «Ах, так», - и стала я ее драть — и за волосы, и за куртку, еще немного — или задушила бы, или под поезд скинула. Она испугалась. Орать стала: «Прости, прости». Когда поезд прошел, говорю: «Иди, собирай». Она подобрала, только все грязное, рваное, в мазуте... Я об этом никому не рассказывала, тебе первой. С того случая совсем другой стала, теперь никого не боюсь и себя в обиду не дам. Поняла? Вот и ты тоже — не сдавайся, а то ты какая-то очень робкая, ну, пока, вон электричка твоя, ты приезжай, адрес теперь знаешь». Танька засмеялась, мать ее подошла, они Зину поцеловали:

- Приезжай!

После этого случая ни Тане, ни ее маме от соседей проходу не было: «Ну, вы совсем сдурели, девку какую-то себе в дом притащили, а если она наркоманка, ворюга али еще кто. О мальце бы подумали да о себе, а если бы проснулись, а она у вас побрала последнее или, не дай Бог, заразу какую занесла?» Один раз у колонки Петровна так ее обсмеяла, что какой-то холодок у таниной мамы вдоль спины прошел. Пришла она и прямо с порога говорит:

- Может, и правда — зря мы эту Зину к себе пустили. Кто ее знает?

- Мама, ну, всегда ты так. Бабкам варенье раздаешь, хорошей показаться хочешь, а как до дела, так у тебя сомнения. Успокойся. Это я ее привела. Я что, здесь не живу или что, права не имею? И вообще, я скоро замуж выйду.

- За кого это?

- За Владика.

- Но он же с Веркой дружит.

- Дружил, мама, дружил. А женится на мне. Он мне вчера предложение сделал. Знаешь, - добавила Танька мечтательно, - он, оказывается, в меня еще с пятого класса влюблен. Помнишь, ты мне на Новый год розовое платье сшила? Так вот, он говорит, что я только в нем в класс вошла, у него сердце сначала как будто выскочить захотело, все в груди застучало, а потом оно остановилось и только сейчас, когда он смог мне все это сказать, опять застучало. Поняла, матушка-голубушка? И вообще, он обещал, что я у него всегда принцессой буду.

И закружилась Танька по избе радостная и веселая.

- А ты-то его любишь?

- А вот это неважно... К свадьбе готовься, - уже с порога крикнула дочка и застучала каблучками, сначала по сеням, потом по крыльцу, а потом и по самой их центральной улице. Застучали, заплясали каблучки по ледяному насту, побежали по селу... весть разносить... Приоткрыв штору, ее мама посмотрела в окно, проводила дочку взглядом и тихо, то ли стенам, то ли сама себе, добавила:

- Не любишь... А Владика жалко — двадцать лет мать над ним в командирах ходила, теперь Танька чудить начнет. Лучше б на Верке женился, она его любит...

Рассказ 2. Завтра Новый год

Зинина мама умерла в конце декабря. Она изо всех сил старалась еще пожить, хотя бы до весны, а мечталось - до выпускного вечера. Не дай бог доченька из-за нее школу бросит. Учителя говорили — способная, в прошлом году даже в какой-то олимпиаде победила. А ЕГЭ - это как раз для Зины, она тихая, как говорить начнет, учителя сразу тройки ставят, а теперь ей проще будет, может, в институт поступит... Совсем от меня никакого толка, все лежу, думала она. Как только боли отпускали, женщина сползала на пол, потихонечку - в угол, где, сидя на низенькой скамеечке, еще Алексей делал, перебирала картошку. Та осень сырой была, все дожди, дожди, вот уж и лук подгнивать стал, и морковь, сколько подпол ни проветривали, а там все хлюпает. «Какая в этом году мелкая, что Зинка весной сажать будет...»

Когда мама умерла, Зина сначала не поверила, а потом — ну... сами знаете...

В день похорон получила телеграмму из больницы. Отца должны были выписать завтра. Она полы уж в какой раз помыла, картошку еще вчера убрала, непросушенную, кровать застелила светлым, а на диван плед новый накинула, клетчатый, мягкий-мягкий. А поплакать над матерью она толком и не смогла — будто сжался у нее внутри какой-то ком, да так и стоит, только на кладбище, когда опускать стали, крик из нее вырвался, будто пуповину перерезали.

Рано утром собралась на станцию, рада была, хоть отец теперь с ней будет. Только когда в палату вошла, поняла — совсем он плох.

- Как же я его повезу? — спросила она.

- Придется такси нанимать или частника, у нас перевозок нет, - сказала врач, - а выписку у сестры возьми, - и вышла.

Пока Зина за машиной бегала, вся вымокла и ноги промочила. Как только скажет, куда ехать, все сразу отказываются. Один только и согласился, пожилой и на вид сердитый. Он помог ей отца с каталки поднять и положить в машину, на заднее сидение, а она впереди села. Дорога у них долгая была. Встречные машины обдавали грязными комьями снега, будто какой-то невидимый великан специально забрасывал их, чтобы сбить с дороги, столкнуть куда-нибудь. Водитель всю дорогу молчал, только иногда, когда ему совсем ничего видно не было, сдержаться не мог, и тогда Зина слышала злые, привычные с детства слова. Зина тоже молчала. Она иногда проводила пальцем по стеклу, внутри оно было чуть влажным, а снаружи налипший снег таял от тепла машины и стекал грязными струйками. Зина двигала пальчиком, будто вела капли вниз, и ей казалось, что это она плачет, и на душе становилось легче.

Когда с трассы свернули, дорога только сначала ровной была, а чуть отъехали — пошли ямы, выбоины, местами асфальта вообще не было, и тогда машину то подбрасывало, то сносило в сторону. Зинин отец, Алексей, от которого всю дорогу никто звука не услышал, как только пошли эти колдобины, сначала стонать начал, а потом даже вскрикивать. Девочка удивилась. Врач сказала, что у отца теперь ничего болеть не может, потому что все вырезали.

- Пап, ты что? — спросила она.

- Тряско больно, все внутри будто разрывается.

- Потерпи маленько, теперь скоро.

А дорога становилась все хуже, как до переезда доехали, тут уж такие пошли ухабы, что шофер машину остановил.

- Как хочешь, девка, а дальше я не поеду. Ты посмотри, впереди какое месиво.

- А как же мы?

- Может, тракториста какого попросишь, вон деревня рядом. Ты беги, а я подожду пока. Да, еще матрас у кого-нибудь попроси, мы отца на него положим как-нибудь и довезешь.

Зина выскочила и бегом к домам, она здесь всех знала, только их улица была за оврагом, поэтому совсем уж своей ее не считали. Раньше в деревне тракторов полно было, на колхозный двор по зиме не гоняли, у домов держали, а теперь ни колхоза, ни тракторов, только если кто себе из металлолома собрал. Побежала к Петьке, но у него не на ходу, и матраса лишнего тоже не нашлось. Бегала Зина по деревне, бегала и у всех — не на ходу, и с матрасом — так же. Только Сашка согласился, правда, сказал, чтоб за бензин заплатила, потому что ему заливаться не на что. А матрас ей дали Гончары, у них семья большая, они привыкли друг другу помогать.

Когда она на тракторе подъехала к переезду, было уже совсем темно, как ночью. Водитель стоял у машины и смотрел на небо, которое прояснилось, и высыпали звезды, белела луна — неба было много-много, оно холодно смотрело на крохотную землю, на которой суетились крохотные люди. Он удивился сам себе, будто первый раз увидел, и оторваться не мог от этой великой бездны с мерцающим блеском чего-то неведомого и таинственного. Вдруг вспомнилось, как отец любил после бани лежать в звездные ночи на лавке у крыльца и иногда говорил тихо: «Посиди со мной, сынок»... Только давно это было...

Сашка и Васька Гончар вытащили Алексея из машины, переложили на матрас, затащили в тракторную тележку. Зина достала из кошелька деньги и отдала водителю, он пересчитал и половину отдал ей обратно. Она залезла в тележку, положила голову отца к себе на колени, и они поехали.

После этого Зинин отец прожил три дня. Когда ему стало совсем плохо, он попросил водки. Зина налила ему в маленькую стопку и подумала: «Наверно, теперь можно». В избе было тепло, сухо и уютно. Дров она не жалела. Подолгу сидела рядом с отцом и держала за руку. Она его любила.

На следующий день после похорон Зина собрала небольшую сумку с вещами, заперла дом и пошла на станцию. День был яркий, солнечный, снег притворился хрусталем, за оврагом оживали дымками некоторые избы. По дороге она вспомнила, что завтра - Новый год...

Рассказ 3. В никуда

Зина шла осторожно, стараясь ставить ноги в чьи-то следы, наверно, бабы манины, чтобы не проваливаться и не засыпать снег в сапоги. Рядом шла широкая лыжня, это из той деревни, где Зина жила с родителями (когда была еще маленькая, еще до школы), спешил отовариться до Нового года их бывший сосед. Раз в неделю он надевал рюкзак и, зимой ли, летом ли, отправлялся на станцию за продуктами для себя и для двух старушек, что жили одна в одном конце деревни, другая — в другом, а больше там никого не осталось, только летом приезжал из Рязани дачник, чудной такой, с косичкой.

До оврага она кое-как дошла, правда, после того как прошла дом бабы Клавы, идти стало труднее, здесь снега намело немерено, от дома Конурцовых шли следы — там уж нет ничего, а все рыскают. Зина кое-как спустилась к мосткам, а вот подняться вверх — было нелегко, уж очень круто, из снега не вылезти, о сухих ногах теперь мечтать не приходилось, выбраться бы как-нибудь.

Зина вспомнила, что несколько лет назад здесь завязла в снегу Наталья, мать Витьки, их дом от тропинки справа, нашли ее, когда уже поздно было, сказали - сердце не выдержало, а в прошлом году — и он сам, будто бы замерз по пьяни. Только, может быть, сначала умер, а уж потом замерз, кто знает, у него ведь туберкулез был. Странно, почему это у них в селе все умирают... Но только она — молодая, ей что — подумаешь, крутизна, в первый раз, что ли. Сейчас, еще чуть-чуть. Вот уже почти до верха добралась, интересно, а как же баба Маня здесь поднимается, в ее то годы.

Наконец — место натоптанное, как будто выступ, но только лучше бы его не было. Зина отвернулась. Здесь на небольшой площадке — следы крови, а сбоку — шкурка — белое с черным. Собачье кладбище. Здесь лишних собак местный охотник Кузин в расход пускает, загонит к краю оврага, и все. У него — ружье, он домовит. Вот и их Шустрика недавно, и Валькиного бедолагу...

Как только Зина выбралась из оврага, и дорожка стала твердой, натоптанной, она пошла быстро, надо было спешить, до электрички оставалось всего минут тридцать. Она шла по улице Ленина и все удивлялась, даже здесь жилых домов осталось совсем мало, почти все брошены, сгорели или развалились. Вот в этом недавно жил со своей семьей танкист дядя Саня. У него ни лица, ни глаз не было. А вместо лица - розовое с желтым, как тесто мятое. Но только он все мог — строить, сверлить, строгать. Молоко через марлю налить мог, достанет с полочки марлю, накинет на банку и наливает, ни капельки не прольет. Или, например, муху поймать. Зина зашла к ним как-то, мать за чем-то послала, а он и говорит: «Тише, не шуми, сейчас я ее, вот, сегодня уже десятая, - а потом добавил: - Посмотри-ка в окно, что-то я не пойму, что это Настя моя туда-сюда в палисаднике шастает, а чеснок никак убрать не может... Слышь, товарняк пошел». И даже когда дядя Саня совсем уже старым стал, он все знал. «Не пойму, что это все нефть куда-то везут и везут, никогда такого не было». А в прошлом году всем объявил: «Война скоро будет, составы с военной техникой гонят, как в сорок первом. Держитесь». А потом, и правда, с Грузией там что-то вышло.

Она вспомнила, что схоронили дядю Саню прошлой зимой, а потом перед Пасхой и его жену, а недавно и сына. Вспомнила, как на Красную горку у них все поля непаханые горели, как переметнулся огонь на кладбище. Взметнулся он чуть не посередине, факелом поднялся, а Абдула, он теперь в сельсовете один за всех, можно сказать, и говорит: «Это у вас Вечный огонь зажегся». А бабки, которые еще живы, запричитали и заголосили: «Знамение! Знамение!» А Нина, которая раньше на их порядке жила, а потом за овраг переселилась, сказала: «Это кому Вечный огонь, кому - знамение».

Шла так Зина и все вспоминала, кто в этом доме жил, кто в том. Конечно, никакой необходимо-

сти сегодня куда-то ехать у нее не было, но Зину как будто гнало что-то, нет, только не быть одной, это хуже смерти. Можно было бы отсидеться в Новый год у бабы Мани, они с ее отцом родней были, но у нее всегда холодно, лампочка тусклая — все экономит. У них во всей деревне теперь по вечерам, как в подземелье, — все фонари вывезли, чтоб не включали, а то ведь как — пользоваться светом хотят, а платить — нет. Говорят, почему это мы должны за освещение улицы платить, в городах, что ли, платят. Вот теперь и ползают в темноте, как кроты, за заборы цепляются.

А к кому ей еще пойти? К подружкам? Нет, конечно, примут, но не хочется — опять сочувствовать начнут, жалеть, а старики примутся ее родителей осуждать: мол, сами виноваты, что дочь сиротой осталась. Но только Зина никак не могла понять, что не так они сделали. Старались, жили, как умели, работали. Отец, когда переехали, весь дом и снаружи, и изнутри оштукатурил, котел притащил, в печь встроил, у них теперь вода всегда зимой горячая. Принесут из родника, нальют, она и булькает, а кран откроешь — течет, как в городе.

Зина шла быстро, но мысли, воспоминания обгоняли ноги, и как она ни отмахивалась от них, нашептывали ей свое. То о том, что в прошлом году у них промерзла картошка, и они с мамой, как раз перед Новым годом, перебирали ее и смотрели телевизор, папа уже в больнице лежал, а ведущая, у нее платье такое было красное с большим вырезом, говорит: в Новый год все желания исполняются, если кто дозвонится — получит подарок. Зина дозвонилась, это просто чудо какое-то, потому что у них сигнал очень слабый, она им о себе все рассказала и про папу, и про картошку, мама тогда еще не болела, и им прямо на следующий день от канала мешок картошки привезли, прямо из Москвы.

Но это все было уже неважно. Главное — уехать скорее, чтобы вернуться с покупателем, продать дом. Как только праздники кончатся, она даст объявление — продается дом в деревне, рядом — лес, озеро. Хотя это вранье — лес, конечно, есть, но настоящий - далеко, а тот, который за бывшим полем, — одно название; озеро же — никакое не озеро, а так, пруд старый. Но только продать обязательно надо, а самой снимать что-нибудь, хоть комнату какую-нибудь, хоть койку. Это они еще с отцом так решили, они много о чем за последние три дня переговорить успели. «Нечего тебе здесь делать, видишь — пусто кругом. Похоронишь меня и поезжай куда знаешь. У меня тут несколько адресов есть — возьми, кто-нибудь да поможет».

На станции народу было мало. Все уже сидели по домам, готовились к встрече Нового года. Кто пироги пек, кто салаты резал. Хорошо бы никого не встретить, а если кто спросит — куда, скажу — к тетке, подумала Зина. Вокзал, как всегда, был закрыт. Кассиршу сократили. Билеты теперь продают прямо в поезде — контролеры ли, ревизоры — не разберешь, кто они — ходят в форме, важничают. Уже электричку объявили, а тут, как назло, переходила через пути баба Маня.

- Ты куды это, девка, собралась? А ну вертайся. Новый год справлять будем. Смотри-ка, что я нам с тобой укупила: вот тушонка, хлеб, торт вафельный.

- Нет, я поеду.

- Куды? К парню свому? Не пущу. Пустой он. Да ты еще и девять дней по родителям не отметила. Нет, так не положено.

Подошла электричка. Зина бабку в щеку чмокнула — и уже в вагоне. Закрылись двери, только ее теперь и видели...

В вагоне, как и на станции, почти никого не было, выбирай любое место. Девушка села у окна, слева, хотелось посмотреть на тот домок, где она недавно ночевала. Вот ведь, думала Зина, какие люди хорошие. И Танька, и мать ее. Хорошо бы у них Новый год встретить, но неудобно. Вот, скажут, приперлась. Она вспомнила, как уютно было ей у этих, тогда еще совсем незнакомых людей, как отпаивали ее молоком с медом, замерзшую, потерявшуюся в ночи, испуганную, уставшую, как они сидели потом на кухне, и Танька спросила:

- А парень-то у тебя есть?

- Нет, - ответила Зина.

- Почему? Ты вроде симпатичная. А нравится тебе кто?

- Да, он раньше у нас в школе учился, а теперь в Рязани.

- Школу-то кончил?

- Нет, какая теперь школа, кому она нужна.

- Ну, это ты зря. Я вот так себе училась, а школу в прошлом году кончила. Теперь в Сасове учусь, на заочке.

Зина подумала: а я вроде бы и неплохо училась, а в школу больше не пойду, начнут опять выспрашивать, советовать.

Колеса все стучали, стучали, солнце разбрызгивало краски, небо голубело — погода была хороша. Вот и лес пошел — ели, сосны в снегу — красиво. Эти места почему-то Емором прозвали. Говорят, лес здесь — заговоренный, будто блудят по нему тени, спасаются от суда соловьи-разбойники. Отец рассказывал, как давно, еще в молодости, чуть не пропал в его зарослях, в лабиринтах оврагов, хорошо, собака с ним была — она и вывела. А Зина с мамой всегда в березняк ходила, за земляни-

кой. Она еще совсем маленькой была, а помнит, как мама ей игру придумала: ягодки эти — девочки в красных косыночках, чем больше соберешь, тем больше подружек у тебя будет.

Когда Зина подросла, отец тогда уже заболел, у них в деревне после дождика чернобыльского многие болеть стали, мама ей говорила: «Теперь нам на самих себя рассчитывать надо, отец теперь не работник, насобираем ягод, на рынке продам — обновку тебе какую-нибудь к школе купим, ты уж не ленись». А в этом году, вот уж совсем чудно, земляника к ним под самые окна сама пришла, там, где поля раньше были, теперь — то заросли, то деревца, а между ними — полянки земляничные, только, говорят, земля эта уже не их, а продана, и не русским, а еще кому-то.

Земляника у них в деревне всегда ценилась: кто хвастался друг перед другом банками с вареньем, кто смекнул, что ягоды эти — самая что ни есть ценная валюта. Валентина, например, их бывшая соседка, когда пришла пора ее сыну, Мишке, в армию идти, таскала ее в военкомат банками каждую неделю. Там нашлась какая-то душа добрая, которая обещала ей теплое местечко для сына. Тут уж не только спину сорвешь, ноги стопчешь, с себя последнее снимешь, чтоб уберечь, от «горячих точек» спасти. Вот и старалась. Вон какой красавец вымахал. Недавно приезжал с матерью из Рязани, на кладбище, идет, ключами играет, чтоб все видели. Он теперь какому-то боссу служит, на его машине и прикатил. А Сергею, это тот, что им придел новый ставил, ягоды не помогли. Уж сколько они их с женой судье перетаскали, а все пустое. Передали кому-то дело, и мыкает он теперь где-то свое горе.

Проехали мост. Прогрохотал он металлическим набатом, будто хотел отвлечь от этого старого, уже ненужного. Только прошлое все хватало, держало, будто за подол, не отпускало. Страшно ей стало: куда она, зачем...

Рассказ 4. Отмщение

Зина продолжала, не отрываясь, смотреть в окно. Она готова была выпрыгнуть на ходу, по шпалам бежать назад, а когда объявили Тырницу, поезд остановился и она посмотрела в окно, стало так тоскливо, так неприкаянно-грустно, так тяжело, что хоть реви на весь вагон. Здесь старое русло реки кружит, изгибаясь, меж песчаных отмелей, поросших редким ивняком, а над ним крутым холмом поднимается сосновый бор. Вот он — их «Борок» — летняя детская мечта — накупаться до посинения, чтоб зуб на зуб, а потом греться на солнце, зарываясь в горячий песок, а потом опять купаться, пока вода принимает. Зина вспомнила, как однажды она ездила сюда с парнями и девчонками после экзаменов, как сбежала от толстой контролерши, или как там ее, как все смеялись, а потом, уже осенью, попалась, и та ссадила ее на незнакомой станции, потому что у нее не было денег. Да, подумала девушка, хорошо бы с ней больше не встречаться, хотя что, деньги-то у меня пока есть. Она представила себе толстое самодовольное лицо с ехидной улыбкой, полные бесформенные губы, накрашенные яркой помадой, крошечные свинячьи глазки и, главное, руки — пухлые, жадные, - вспомнила, как эта тетка подталкивала ее к выходу и все повторяла: «Давай, давай, топай».

Зина раскисала все больше и больше, и чем больше пыталась она взять себя в руки, тем слабее становилась ее воля. Она пыталась представить себе спокойный и тихий мамин голос: «Ты, главное, никогда о плохом не думай, тогда и жить легче, и на душе будет веселее, и люди тебе добрые встретятся». Только что-то и это не помогало. Она знала, что ни мама, ни отец, ни соседи — никто не одобрил бы ее решения ехать встречать Новый год в Рязань, она и сама считала, что это ни к чему. Но решения своего менять не хотела. Будь, что будет. Конечно, парни, наверно, уже и сейчас хороши, но зато не будут расспрашивать, а обрадуются и повеселеют.

И вдруг, опять неожиданно, как и прошлый раз, та самая, то ли кондукторша, то ли ревизор, — и прямо к Зине:

- Ну, что, накувыркалась тогда? Надо же, и как будто тебе все нипочем. Жива-здорова.

Вот тут-то Зина и напряглась, всем телом своим, всеми жилками, всей обидой своей невысказанной. Вот она — эта тетка — из-за нее все, все ее несчастья из-за нее, убить, вцепиться в волосы, в морду ее жирную, харя чертова. Зина не спеша поднялась со скамейки, выпрямилась, шаг сделала, чтоб приблизиться к этой, как там ее, и прямо в ухо - тихо, медленно, спокойно и чуть ли не по слогам сказала:

- Сука, чтоб ты сдохла.

Та за свисток, тоже как в прошлый раз, и милиционер, тот же, из соседнего вагона уже дверь открыл. Хорошо, остановка была. Зина сумку схватила и побежала, выскочила на перрон, за вокзальной будкой спряталась, будто чувствовала, не отстанут они от нее. Точно. Только куда им, вон ноги скользят. Тетка упала, растянулась, а мильтон на нее. Вот умора! И вдруг Зина заметила, что контролерша эта стала с обледеневшего перрона скатываться в сторону электрички, которая уже тронулась. Милиционер встал и рот разинул, а женщина все сползала и сползала, ее грузное тело распласталось и будто плыло набухшим грязным мешком, вот ухватилась руками за край платформы, закричала, какие-то люди побежали к ней, но, подбежав, остановились, не зная, что делать. А

Зина выскочила, бросилась к ней, еле за ноги удержала.

- Тетенька, тетенька, - испуганно повторяла она.

А та, откинув голову, мотала ею из стороны в сторону. Зина опустилась на колени, обхватила женщину, прижала к себе. Электричка остановилась. Милиционер пихал Зину ногой и говорил:

- Все из-за тебя, гадина.

А она прижимала женщину к себе и повторяла:

- Тетенька, тетенька.

Когда приехала скорая и засуетились врачи, девушка не отходила, крутилась рядом, причитала.

- Твоя мать, что ли? — спросил кто-то.

- Нет, тетя, - тихо, как всегда, сказала Зина.

- Ну, садись тогда в машину, с нами поедешь.

- Куда с вами, ее в отделение надо, в обезьянник, под суд пойдешь, - заорал милиционер.

- Дурак, - сказала женщина в платке, - она ей жизнь спасла. Если надо, я в свидетели пойду, я видела.

В машине Зина вспомнила про сумку. Теперь у нее не было ни паспорта, ни денег, ни вещей.

Рассказ 5. В больнице

В районной больнице готовились к встрече Нового года. Многих больных выписали. В коридорах и палатах было почти пусто. Тускло горела лампочка, слабо освещая желтые с подтеками стены. В коридоре женщина в синей шерстяной кофте, под которой желтый халат с зелеными цветками, в безразмерных тапочках на распухших ногах, мыла пол. Она начинала от стены и медленно, скучным однообразным движением, вправо-влево, вправо-влево, тащила за собой палку с тряпкой, иногда опуская ее в ведро с водой. Дойдя до противоположной стены, она поворачивалась и продолжала все так же размеренно и безнадежно водить тряпкой, двигаясь теперь в обратную сторону. Она была счастлива. В больнице не надо было мерзнуть, как одной в избе, топить печь дровами, которые приходилось тянуть до весны, топить снег и варить из него похлебку...

Медсестры сидели в комнате напротив операционной и переговаривались. Фельдшер и врач в кабинете главного играли в шахматы. До Нового года оставалось несколько часов. Вдруг вызов. «Вот те на!» Звонили со станции. Что-то там случилось. «Пьяные, что ли?» Узнали подробности, когда вернулась скорая.

- Обледенело все. Ревизорша наша, Людмила Петровна, чуть под электричку не попала. Хорошо, девчонка успела удержать.

- Что с ней?

- Да ничего. Шок. Давай оформлять. Только вот с руками что делать, пока не знаем. Завтра главный дежурит, ему и решать. И девчонка с ней, племянница, пусть пока побудет, куда ей одной на ночь.

Зина сидела на кровати рядом с кроватью Людмилы Петровны, смотрела на нее и тихо, по-собачьи, как-то про себя, поскуливала. Иногда она вставала с кровати, подходила ближе, смотрела на безучастное лицо с закрытыми глазами и просила:

- Тетушка, тетушка, не умирайте, тетушка, я все для вас сделаю, я не хотела, я не виновата, откройте глаза, тетушка.

Вошла медсестра, поменяла капельницу.

- Пойдем к нам, мы сейчас Новый год встречать будем.

- Нет, я здесь, при ней лучше. Можно?

- Как хочешь. Только ведь как Новый год встретишь, так и проведешь.

И вышла. А Зина уже успела пожалеть, что не пошла с ней, Новый год все-таки.

Эта ночь для Зины прошла тяжело. Когда она закрывала глаза, в них начинала мелькать какая-то нечисть, какие-то голые крошечные существа строили ей рожи, присасывались к ней, на одном из них, на голове, были рожки, у другого на ногах — копытца. Стоило глаза открыть — они исчезали; когда засыпала — снились всполохи, стук колес поезда. Раза два ночью Людмиле Петровне делали укол, меняли капельницу. Она все так же неподвижно лежала, не открывая глаз, не реагируя на свет. Утром, рано, еще до главного, пришел священник, отец Владимир. Молодой, симпатичный, улыбчивый. Он принес с собой икону, свечку и сказал:

- Давай помолимся.

- Я не умею.

- Это ничего. Повторяй за мной.

Зина сначала не могла и рта открыть, а потом встала рядом с батюшкой на колени, и ей стало хорошо, и слова она уже как будто знала. Перед ней проплыла горница в их деревенском доме и чудотворная икона из порушенного храма, которую бабушка еще до нее, давно когда-то принесла, и свет от лампадки, отражающийся в темном окне.

- Ну, вот, а говоришь, не умеешь, - сказал батюшка, - видишь, как славно мы с тобой помолились. Теперь в храм ко мне приходи, исповедуешься, причастишься. А тетушка твоя скоро поправится. Я справлялся. Мне сказали — сегодня в себя придет, это у нее шок, испуг очень сильный. Ты не волнуйся.

И правда, через несколько дней Людмила Петровна не только глаза открыла, но и с постели встала. Все было хорошо, но руки ее по-прежнему были замотаны бинтами, и без зининой помощи обходиться она не могла. И хоть смотрела на нее недобро, была вынуждена открывать рот для приема пищи, ждать, пока девушка аккуратно постелит кровать и прочее, прочее, прочее, что Зина научилась делать, ухаживая за родителями.

На десятый день приехал сын Людмилы Петровны и забрал мать из больницы. Когда Зина расставалась с ней, в ее глазах были слезы, и она все просила прощения, а женщина отводила взгляд в сторону и оставалась по-прежнему вялой и безразличной. Правда, когда шла от больницы к жигуленку, обернулась, и Зине показалось, что она хотела что-то крикнуть ей на прощанье, но сын торопил, и она нескладно, тяжело, выставляя вперед руки, села в машину.

Некоторое время после этого Зина жила у отца Владимира, вот у кого она отогрелась душой и телом. И он, и его жена Аринушка, и его детишки стали Зине добрым домом. Батюшка много для нее хорошего сделал: несколько раз ездил с ней в ее село, в райцентр, выправил документы, через своего приятеля-москвича, отца Валентина, узнал, что девушка может устроиться на работу по распространению свидетельств на именные кирпичи в магазинах Москвы, только надо спешить, количество мест ограничено. Зина и поехала...

Отец Владимир, конечно, ей объяснил, что из кирпичиков, на которые будут жертвовать москвичи, сложатся стены новых храмов, они будут увенчаны крестами, с колоколен будет раздаваться звон, возродится тогда православная жизнь и в селах, и в городах, и в самых отдаленных деревнях, и на каждом кирпиче будет написано имя того, кто внес деньги. Зина размечталась - а вдруг и их храм - Спаса Нерукотворного - спасут. Только вышло совсем по-другому.

На какой-то станции, кажется, в Голутвине, вошла женщина, не молодая, не старая. Она подсела к Зине и, слово за слово, разговорилась, сначала про себя, потом Зину стала спрашивать, куда да зачем. Стала ей рассказывать про свою фабрику, шоколадную, и как там молодежи много, и как там интересно работать, и какие там цеха большие, просторные, и что многие из тех, которые раньше в учениках ходили, теперь стали мастерами, инженерами.

- А что ты будешь в супермаркете стоять, это разве работа? Нет, храмы, конечно, хорошо, но, понимаешь, ты еще молодая, тебе надо, чтоб работа была... с перспективой...

Рассказ 6. Сновидения

«С тех пор как я приехала в Москву и стала работать укладчицей, моя жизнь стала похожа на сон. Я ведь никогда дальше Рязани не ездила, и вдруг — Москва, Кремль. Когда впервые попала на большой мост и увидела перед собой, чуть справа, кремлевские башни, слева — Храм Христа Спасителя, а впереди - площадь со светлым зданием на холме, мне показалось, что тело мое исчезло, растворилось в московском небе и поплыло. Теперь я часто хожу по своему первому московскому маршруту, особенно после смены, и все не могу насмотреться.

Я снимаю кусочек комнаты в ближнем Подмосковье, до работы еду на автобусе, а потом на метро. В метро делаю пересадку или на Парке культуры, или на Лубянке. Моя смена начинается в 8 часов 30минут. Работа у меня нетрудная — сижу на высоком стуле рядом с такими же работницами, как и я, перед нами плывет лента конвейера с коробками шоколадных конфет, мы поправляем разложенные автоматом голенькие конфетки и добавляем те, которые завернуты в бумажки. Сверху кладем свои визитки — укладчица № (у меня, например, номер 1481) — и закрываем коробки крышкой. Иногда кажется, что руки сами знают, что им надо делать, а голова будто живет своей жизнью. Это очень обманчиво, потому что надо быть внимательной, права на ошибку мы не имеем, но как бы ни старались, все равно мысли, нет-нет, да уносятся куда-то. Взять хотя бы меня. Стоит прочитать какую-нибудь книжку, посмотреть фильм или сходить в театр, потом долго-долго не могу понять, кто я. Говорят, в детстве это бывает. Хотя я уже давно не ребенок, мне 18. К сожалению, школу я не окончила, потому что родители мои умерли, а без них оставаться в деревне я не захотела.

В тот день к нам на фабрику пришел парень, очень похожий на внука бабы Мани, которая раньше в нашей деревне жила, и предложил билеты в театр Луны на спектакль «Жаворонок». Мы с Варей, моей подругой, решили пойти, а что — все равно после смены делать нечего. Вот тут-то и началось. Ночью, после спектакля, мне приснился сон, будто я — это и есть та самая Жанна, которая пришла к будущему королю и спасла свою родную землю, потом вспомнила, что о ней нам в школе историк рассказывал, потом книжку купила.

К сожалению, библиотеки на нашей фабрике нет, говорят, была когда-то, а теперь все свободные помещения сдают под офисы. Главная по смене сказала, что не только библиотеку, а даже их

чудесный детский садик закрыли, и теперь, если у кого дети, все водят в районные, а вместо садика тоже какие-то офисы. Варя посоветовала мне пойти в интернет-клуб, она часто туда ходит, говорит, в интернете много интересного, там даже с парнями познакомиться можно. Только я о знакомствах почему-то не думаю. Правда, иногда вспоминаю кого-нибудь. Нет, не того парня, который раньше у нас в школе учился, теперь я даже не понимаю, почему тогда Тане сказала, что он мне нравится. Недавно вспоминала внука бабы Мани Мишку, как хорошо он играл на гитаре, пел. А заводить знакомство с кем-то я и не собираюсь. Вот узнать что-нибудь еще о Жанне мне бы очень хотелось.

Больше недели я ходила с Варей в этот ее клуб. Она свое искала, я — свое. В интернете я о Жанне такого начиталась, что в моей голове просто все перепуталось. Но мои сны, сначала короткие, какие-то обрывки, стали соединяться и иногда проплывали законченными сюжетами, но чаще это все-таки были какие-то картинки. К сожалению, в них я никогда не видела Жанну полководцем, в доспехах, с пылающим лицом, а только простой девушкой, будто она и не Жанна, а так — Манжетта... Не видела я ее ни в темнице, ни на костре. Правда, один раз, когда я в маршрутке подъезжала к Москве, мне приснилось, как две девчонки, лет десяти, играют во что-то около каменного дома, одна тряпочки на скамейке перекладывает, светленькая, а другая будто скачет на лошади. Эта вторая, черноволосая, привязала к палочке одну из этих тряпиц и размахивает ею в воздухе, как знаменем. «Ты похожа на принца», - сказала беленькая. А черненькая схватила ее за руку, засмеялась, и они побежали в поле.

Однажды, но уже не во сне, а наяву, когда шла по набережной с фабрики, перед этим еще с мастером схлестнулась, та заявила, будто я за стол без перчаток села, это чтобы премию с меня срезать, - вдруг впереди свет какой-то появился, будто облачко, в нем дрожали едва видимые полупрозрачные воздушные капли. Вдруг в этом сиянии я увидела маму - она умерла еще в начале прошлой зимы - у нее на плечах белел пуховой платок, мой любимый, мягкий, лицо было доброе, ласковое, с полуулыбкой: «Ну, что ж ты, доченька, так и будешь из-за всякой ерунды с людьми ссориться и огорчаться, пустяки это все. Ты лучше в храм сходи, смотри, как купола светятся», - и исчезла. Мне так хорошо от этого видения стало, так легко, и я поняла, что вот такие же видения и Жанне были, и голоса, и что это вполне естественно, и это такая же часть нашей жизни, как и то, что течет река или дрожат листья.

А весной, когда уже снег сошел, вспомнила, как земля пахнет, готовясь к пахоте, и как люди у нас в деревне раньше этому времени радовались и земельку эту в руках разминали, а то и пятерней в нее влезали, ожидая заветного момента, когда кто-нибудь скажет тихо: «Пора». Вроде недавно это было, а сколько воды утекло. Поля стоят непаханые, заросли кустарником, дикой травой, бурьяном, огороды заброшены, сады сгорели вместе с домами. Так же и в те времена было, когда сто лет война людей мучила, думаю я, жалко землю, жалко людей, тревожны их сны.

Вот и в замке, в королевских покоях — мальчик — вздрагивает во сне, шепчет побледневшими губами: «Мессир, дайте мне каску», - ему чудится, что из носа у него идет кровь, он запрокидывает голову, просыпается. Ему холодно, окно открыто, сырой воздух наполняет его постель, он свернулся калачиком, прижал колени к подбородку, дрожит... Днем, сбросив наваждения ночи, бежит к своим любимым занятиям — стрельба из лука, метание дротика. Он таким и останется — неровным, болезненным, безумным. Дети его, зачатые в холоде, родятся вялыми, безвольными; зачатые в горячке будут подобны натянутой тетиве, кто дрожать будет, кто огнем гореть...

Девочка спит неспокойно, ее ручки дрожат, тельце напряжено, иногда по ночам она вскакивает, плачет, отталкивает подбежавшую мать.

- Что, что, милая, - воркует женщина, - что приснилось тебе? Иди ко мне на ручки, иди, я буду тебя баюкать, как маленькую, носить по комнате, а хочешь, мы выйдем с тобой на улицу, будем любоваться звездами, я расскажу тебе про ангелов, Боженьку, Деву Марию, святых.

Но ребенок не слышит ни нежных слов, ни уговоров, он будто где-то далеко, будто тельце его здесь, а что-то другое, душа ли, дух ли, разум ли — в каком-то неведомом мире. Мать прижимает девочку к себе, шепчет слова молитвы. Нестарый мужчина, ее муж, с уставшим, недовольным лицом, с сильными, но какими-то опустившимися руками, смотрит мимо женщины и ребенка, он устал - устал жить, работать, терпеть, бояться.

- Опять? — спрашивает он.

- Тихо, тихо, не волнуйся, иди, ложись, я сама, - отвечает женщина.

И опять она шепчет что-то уставшей от слез малютке, и опять понять не может, что с ней, уж не порча ли, не проделки ли рыжей, что приходила вчера и подсунула какой-то странный предмет, не выбросить ли его подальше, но та пригрозила проклятьем, сказала, пусть всегда при ребенке будет.

- Это все война, она мучает нас, наших детей, - говорит она мужу.

- Что ты с ней все цацкаешься, пусть поорет, легкие здоровей будут.

- Зачем ты так, Жак? Она же еще маленькая. Неужели тебе не жалко ее? А как ты думаешь, что ей снится? Вчера она говорила, что ей снились какие-то люди в черном с зажженными факелами, отнимали ее у меня, и пальцы у них были холодные и какие-то колючие.

- Брось чушь молоть, иди ко мне.

- Подожди, я помолюсь сначала. «Добрая, нежная матерь, ты навеки наша любовь и наша надежда! Матерь божия, пошли нам святых ангелов, чтобы они нас защитили и отогнали бы от нас злого врага»...

Я теперь часто вспоминаю свою деревенскую жизнь и очень удивляюсь тому, что шестьсот лет назад какая-то девчушка, которая так же, как я, бегала по лугу, резвилась, помогала родителям — стала великим полководцем, лучше опытных мужчин разбиралась в сложных военных вопросах. Наверно, -думаю я, мне никогда этого не понять, мне только одно остается — смотреть сны... свои, ее.

Жанне, когда она еще была Жаннеттой, часто снился юноша, почти мальчик, он был грустным и слабым, а глаза его казались ей такими бесконечно-печальными, что она начинала плакать. Вот он во дворце, вот на мосту, где падают от ран люди, а он стоит, прижавшись к каким-то перилам, то с какими-то мужчинами в карете, которая мчится по темной дороге, то один — вздрагивает, плачет. Этот мальчик — как наваждение, стоит закрыть глаза, и он перед ней, дороже и ближе ее родных братьев, почему она все время думает о нем.

Однажды, ей тогда только двенадцать лет исполнилось, приснился Жаннетте сон — вокруг нее младенцы голенькие. Лежат они на большом покрывале и так их много... Вдруг слышится голос чей-то: «Среди них и тот, которого ты ищешь; если найдешь и увидишь, что на тельце, над сердцем, у него синеют жилки в виде крестика, знай - это король, и только от тебя зависит, жить ему в славе или умереть в сыром подземелье. Спасешь его — землю родную спасешь, мать, отца, близких, далеких...» Стала она этих младенцев осматривать - один, другой, а вот и тот, у которого крестик у сердца, а глаза на детском тельце — взрослые и печальные... Не забылся тот детский сон — часто вспоминался он Жанне, даже в темнице... Как и мне, который перед смертью Егорушки видела.

Наш Егорушка очень живым рос, его со мной оставлять не любили, боялись — не догляжу, взяла мама брата с собой на колхозный двор, так он там и остался, под ток попал... Только давно это было, я еще и в школу не ходила. В те годы тоже много несчастий людям выпало, конечно, не больше, чем потом. Потом, то есть сейчас, уже никогошеньки из наших в деревне не осталось, кто уехал, кто умер и все пожары, пожары... Я вот сейчас конфетки по ячейкам раскладываю, а моего дома, может быть, тоже уже нет, не дай Бог, конечно.

Жаннин дом как-то уцелел, не знаю, тот ли, или заново отстроили, под музей. Хорошо бы в эту Домреми как-нибудь съездить. А что? Я еще молодая, кто знает — вдруг повезет. Вот в Москву и не мечтала попасть, а живу, хожу, любуюсь, разве это не чудо... Разве не чудо, что до сих пор можно войти в ее дом, старинную церковь, постоять у статуи святой Маргариты, перед которой она молилась, услышать колокольный звон. Удивительно - шестьсот лет прошло, а от нашей деревни уже сейчас - один бурьян да полуразрушенный Казаковский храм Спаса Нерукотворного с расстрелянными фресками святых.

После того как я прочитала в интернете, сколько неразгаданных тайн в жанниной жизни, мне вспомнились слова мамы: «Если бы ты узнала, что не мы с отцом твои родители, любила бы нас так же, как сейчас?» Или: «Родители не те, которые родили, а те, которые вырастили». Стала я над этими словами раздумывать. После смены, как обычно, бродила по Москве, забрела в Нескучный сад, присела на скамеечку, около беседки, задремала, и снится мне Жанна. Будто пришла она на исповедь и призналась священнику, что слышала от своей матери такие странные речи, что усомнилась — родители ли ее Жак и Изабелла. И услышала в ответ: «Все мы дети Божьи. А родители, это лишь те, кому он вверяет нас». Тут я проснулась и почувствовала какой-то великий смысл этих слов, и уже не таким важным показался вопрос, который последнее время тревожил меня.

Однажды во время обеда забралась в подсобку, и не прошло каких-нибудь пяти минут, уснула. Вот тут-то мне и приснился самый главный жаннин сон. Идет она по своему любимому дубовому лесу (у нас тоже за оврагом такой был, мы называли его Заовражный, пока почти весь не вырубили), ловит лицом солнечные лучики; вдруг наклонилась, а у ее ног — птичка мертвая. Заплакала девочка, ямку вырыла, закопала птичку, из веточек крестик сложила, травинками переплела. Пошла дальше — вышла на поляну, где любимое дерево раскинулось, и видит, прямо к ней идет лосенок маленький, а за ним его мать. Детеныш подошел к Жанне и лег у самых ног, а лосиха носом подтолкнула и стала лизать, сначала его, а потом девочку, языком, как рукой по голове, погладила. В эти минуты на них как будто райская благодать спустилась, и отец небесный смотрел сверху и улыбался.

Но только это не минуты были, а всего лишь миг, потому что почти сразу после этого в кустах они услышали страшный топот, треск сучьев. На поляну выбежал молодой мужчина в охотничьих доспехах, одежда у него была разорвана, лицо в крови, а за ним, сметая все, поддевая рогами землю, несся громадный лось, казалось, это сама смерть настигла охотника. Жанна подбежала к мужчине, встала перед ним, руки распахнув, и вот уже на поляне — никого, только она и мужчина этот. Он упал лицом в землю, его плечи дрожали. Жанна села рядом, стала по голове гладить, а потом встала перед ним на колени и говорит:

- Мессир, все у вас хорошо будет, не печальтесь и не бойтесь никого — ни людей злых, ни молвы

недоброй, ни зверей, ни воды, ни огня. Вам скоро королевством править, вижу корону на вашей голове. Встаньте, дайте мне вашу руку, я из леса вас выведу.

Тропками незаметными вышли к деревне, а там уже охотничий кортеж в сборе. Перед тем как расстаться, Жанна сказала:

- Милый дофин, скоро я приду к вам. Помните мои слова. Вам скоро королем быть. Не возражайте, вы Его сын.

- Кто ты?

- Дочь божья. Мы все Его дети.

Перекрестила, прошептала:

- Да, хранит вас Бог.

Сказала и исчезла, легким облачком над землей поднялась, будто и не было. А мужчина только и успел запомнить темные волосы, глаза слезами наполненные, что в душу к нему заглянули, согрели, обнадежили, колечко металлическое на узком пальце и ладанку крошечную с изображением пресвятой Девы, точно такой же, как у него в ларце... А когда они в Шиноне встретились, то у Карла и сомнений не было, что это она. Посмотрели друг на друга, вспомнили лес, поляну, глаза.

- Вот я и пришла. Помнишь меня, узнаешь?

За Жанной шел невидимый никому кроме них ангел, в руках, над головой, он нес корону.

Когда я проснулась, то очень удивилась, потому что это был не мой, а их сон, Жанны и Карла, но то был и мой сон, и моя явь, потому что в нем явился мне наш лес Заовражный, и дерево мое любимое на поляне, и лоси, которых я часто у того дерева видела. Так мне грустно стало, так жалко свою деревню, вспомнила я кладбище у колодца, могилы родителей, брата, родственников, соседей, домок свой. Посмотрела на серые стены, наши одинаковые шкафы для переодевания, стол длинный, на трубы какие-то, что под потолком проходят, лампочки неяркие, надела резиновые перчатки, поправила волосы, чтоб не вылезали, и пошла в цех. Весь тот день настроение у меня было такое же унылое, как стены у нас в подсобке. Мне мечталось о свежей, отдохнувшей за зиму земле, подснежниках, которые уже, наверно, показались под заветным дубом, о небе, которого у нас в деревне больше, чем земли...

Я пишу эти слова в воскресенье. Весна, уже прилетели жаворонки, у нас в деревне в конце марта, кажется, двадцать второго, раньше всегда пекли птичек, а вместо глазок вставляли ягоды рябины, до апреля осталось всего три дня, а там и Пасха, и первомай, и жаннин праздник, и день Победы, и лето...

Завтра к нам на фабрику после смены придет тот парень, который приносит билеты в театр. У него голубые добрые глаза и необыкновенный голос. Мы пойдем с ним по набережной, по мосту, по моему первому московскому маршруту, и я расскажу ему про мою Жанну...

28 марта 2010г.»

Рассказ 7. Белый платочек

Знаете ли вы эдаких безбашенных француженок, которые по свету мотаются, помогая далеким и близким, своим и чужим? Вот Мари-Роз-Женевьева, ей к тридцати, на ней какая-то видавшая виды куртка, старые джинсы и такого же почтенного возраста кроссовки. Ее рюкзачок, тоже потрепанный, всегда чем-то набит. В нем — все, начиная с самого необходимого, - паспорт, кошелек, мобильник , ключи от чужих квартир, которые ей доверяют в разных странах и городах, адреса хостелов, кучи каких-то справок, одни на русском, другие на французском, английском, пакеты с какими-то вещами, обязательно несколько книжек и много всего другого. Она, как факир, извлекает из него что-нибудь самое необходимое в тот момент, когда именно это позарез кому-нибудь нужно. Например, однажды... Нет-нет, не так быстро, давайте по порядку.

За те годы, что мы знакомы, она мотается по России и Франции, как у нас теперь говорят, как электровеник. А началось с того, что заболел неизлечимой болезнью ее бывший муж — Жак-Пьер-Жан, с которым она прожила два месяца еще в то время, когда училась в университете, да-да, в Сорбонне, для нее это название так же обычно, как у нас какой-нибудь Кулек или МАМИ. О болезни Жака она узнала совершенно случайно, от подруги, с которой когда-то училась ее сестра от первого брака ее второго отчима. Как-то поздно вечером Мари тащилась в РЭРе, в этой такой неприглядной для туристов полупустой парижской подземке, с какой-то очередной подработки и вдруг увидела в конце вагона Анну и сразу же растолкала:

- Слушай, где ты пропадаешь, я о тебе уже черт-те сколько ничего не слышала.

А та ей:

- Помнишь Жака? Ты еще за ним замужем была. Вот. Он очень плох. Представляешь, такой красавчик, молодой, а помочь никто не может. Навестила бы.

Мари-Роз чуть ли не в этот же вечер помчалась в какую-то незнакомую ей клинику, нет, той бывшей любви, что когда-то сжигала их, уже не было, но, узнав эту печальную новость, сердце ее

застучало, какой-то вихрь понес ее к нему. Ворвалась в палату, увидела его зелено-белого с синими кругами вокруг глаз, неестественно желтую и худую руку на одеяле и поняла... зарылась в него, в его неестественно холодную плоть, проделывала руками все свои чудодейственные любовные пассы, но он лишь слабо прижимался к ней, почти безучастно и беззвучно. Тот же вихрь, что бросил ее к нему, теперь — от него. Врачи, вот кто должен помочь. Поднять на ноги всех, знакомых, чужих. На колени перед святыми. Сидеть ночами перед интернетом. Красный крест. Всемирная организация врачей. На машине. Пешком. Бегом, задыхаясь. Сама — спичкой тощей, выболевшей — только помочь. Нашла, узнала — есть, есть врач, который может помочь. Далеко. В России. Найти. Уговорить. Привезти. Достать деньги. Достать деньги. Достать деньги. Достать деньги... С миру по нитке, с миру по нитке, нет, не с протянутой рукой, работать...

И вот тогда-то я и познакомилась с ней. С этой странной француженкой, в старой куртке, облезлых джинсах, с растрепанными волосами, изгрызенными и изломанными ногтями на не очень чистых руках и каким-то смятенным и нервным лицом. А было это так.

На одной из парижских тряпичных выставок, именуемой Premiere Vision, она узнала, что есть в Москве дамы, любящие щегольнуть на приемах изысканными туалетами, сшитыми из причудливых тканей. С тех пор зачелночила парижанка туда-сюда, когда сама, когда с оказией передавала она эти невообразимой красоты ткани то самим дамам, то продавала через бутики или какие-нибудь другие магазины. Привозила она их и нам (я тогда в «Тканях» работала). Я принимала у нее эти, как раньше говорили наши бабушки, отрезы, выписывала накладные, а она мне все что-то трещала и трещала на плохом русском. Понимала я, конечно, не все и про себя думала, что уж не авантюристка ли она какая. Иногда она просила деньги вперед за куски, как она их называла, которых еще и в помине не было, объясняя это тем, что деньги ей позарез нужны, для Жака. Деньги ей почему-то выдавали, хоть и говорят, что Москва слезам не верит. Ткани она привозила позже сама или передавала с какой-нибудь оказией, так что зря я переживала, никакого подвоха не было.

Своего бывшего мужа Мари- Роза, можно сказать, с того света вытащила и передала с рук на руки его новой подружке. С тех пор и потянулся ручеек ее добрых дел. Она спасала тех, дела до которых никому не было, вытаскивала из больниц и домов ребенка брошенных детей, тех, которых никто не брал, с каким-нибудь синдромом или инфицированных ВИЧем, находила для них клиники, родителей, опекунов. Моей приятельнице, которая иногда вечерами подрабатывала в переходе, исполняя арии из опер, ей удалось пробить какой-то контракт в каком-то театре на своей родине, и все удивлялась: «Такой голос, а никому не нужна, ну вы, блин, даете». Так же получилось и с Зиной, девушкой, которая еще совсем недавно работала на кондитерской фабрике.

Узнав о теракте в московском метро, Мари тут же бросилась по больницам, ее, конечно, никуда не пускали, но она успела оббежать почти все, разыскивая тех, кому ее помощь была необходима. В одной из них она увидела девушку, почти девочку, с замотанной бинтами головой и очень грустными и какими-то растерянными глазами. Ринулась к ней. Познакомилась. Просиживала около нее часами. Сочувствовала ее несчастью — еще бы молодая, а вся правая щека — в ожогах. Узнала и про родителей, и брата, и заброшенный дом на далекой забытой Богом земле.

- Слушай, ты что, правда так деревню любишь?

- Люблю. Мне Москва тоже очень нравится, но только здесь как-то душно, здесь звезд почти не видно, они где-то так далеко. Только вернуться некуда, я ведь тебе говорила — у меня ни отца, ни матери.

- А у меня тетушка одинокая в Домреми, это деревушка такая во Франции, может, слышала. Там еще Жанна д'Арк родилась. В школе проходили? Она у нас теперь святой считается, в эту деревню много людей со всего света приезжает, на дом ее посмотреть, там и ваши бывают. Давай к нам. Как выпишешься, сразу и махнем, вот тетушка рада будет, а с документами я все улажу. Тебе понравится. У нас и щеку тебе восстановят. А пока вот, возьми, а то с этими бинтами ты как-то не очень.

Она полезла в свой небольшой, видавший виды рюкзак, который лежал у ее ног, рядом с зининой кроватью, и достала белый ситцевый платочек с тонким голубым узором по краям.

- Вот. Я на прошлой неделе в Девеево ездила, у вас там монастырь, святое место, и купила, на память. Ты не думай, он освящен. Давай повяжу. А тебе идет.

Она засмеялась добрым, хорошим, радостным смехом. Улыбнулась и Зина, уголком рта, потому что бинт сильно стягивал подбородок, и ей было больно.

Рассказ 8. У колонки

Не прошло и двух дней, как я, отмахав на старом русском джипе четыреста километров, начала вживаться в сельскую жизнь - вытрясать, убирать, собирать, полоть, а меня уж потянуло к моим читателям, вернее, читательницам, для которых эта повесть мной и была написана. Еще в прошлом году, однажды у колонки, набирая воду в свои разномастные баклажки, завела я с моими подружками спор о книжечках: пыталась их убедить, что чтение необходимо человеку, как вода, воздух, что

книги дают в жизни опору, делают людей лучше, справедливее, честнее. Они возражали мне и говорили, что им гораздо интереснее телевизор, общение по интернету, вечернее гуляние по округе. На мой вопрос, читают ли они, ответили:

- Я читаю, что в школе задают, - сказала Раечка.

- В книжках одно вранье, - утверждала Верка, - и вообще там пишут о чужом, о богатых, взял бы кто и написал вот про это, - она повела рукой, - про то, как мы здесь прозябаем.

И вот тогда-то я возьми да ляпни:

- Я хоть и не писательница, но могу попробовать.

- Правда, тетя Нина, - сказала Танька, - напишите, вы ведь нас уже сколько лет знаете. Только моего имени не меняйте: хочу, чтоб все знали, какая я классная и как у меня все здорово. А то писатели всегда все имена перепутают, а потом и не разберешь, кто у них кто.

С того самого разговора и началась моя неспокойная жизнь. Нет, конечно, можно было бы признать свое поражение или сказать, что, мол, пошутила, девоньки мои, сами пишите, а я лучше кого-нибудь из великих почитаю или на досуге в театр сбегаю. Но только получилось так, что весь год у меня из головы не выходило мое обещание. Не привыкла я слова на ветер бросать. Уже весной, перед самым отъездом в деревню, села за комп. Потом разместила свое, так сказать, сочинение в интернете, чтоб девчонки мои прочитали, и вот теперь пришло судное время. Если сказать честно, я трусила...

Первой выбежала с ведром круглолицая Верка. За ней с длинными, загибающимися кверху ресницами — Раечка. Последней, чуть улыбаясь, подошла Татьяна.

- А я замуж вышла, - сказала она.

- Поздравляю. За кого же?

- За Владика. И еще колледж закончила, с красным дипломом.

У нее был очень странный вид, она будто гордилась чем-то, будто подсмеивалась, дескать, это все хорошо, но есть еще что-то, более важное, самое главное, самое радостное.

- Ну, что ваша Зина, уехала во Францию? - вдруг спросила она.

В глазах других девушек я видела тот же вопрос. Меня осенило, что ради этого ответа они и вышли. Значит, вот что для них было самым главным: ведь если уехала Зина, то и для них это — шанс...

За избами прошипели тормоза электрички.

- Двухчасовая, - сказала Верка.

- Я, наверно, скоро в Москву уеду. Отцу работу обещали, и мы с матерью с ним, может, комнату снимем, - мечтательно глядя вдаль, сказала Раечка.

Вдруг из-за поворота, от станции, вышла одинокая фигура — короткие шорты, маечка, небольшой рюкзачок за спиной и... белый платочек на голове, завязанный по-старушечьи, узелком под подбородком.

- Зи-ина? - растянув «и», тихо, почти шепотом сказала Раечка.

- Какая тебе Зина, это же Наташка. Это у тети Нины она Зина.

Девушка шла легко, будто скользила, будто плыла над маревом изнемогающей от жары дороги. На ее лице была какая-то странная, блуждающая улыбка.

- Куда она? Она что, не знает, что ее дом сгорел? — сказала Таня испугано, и было слышно, как у нее застучало сердце.

Зина прошла мимо них, по другой стороне улицы, мимо домов, где уже давно никто не жил и где трава была высокая, сухая и колючая. Пройдя еще несколько метров, она остановилась, оглянулась, потом пошла дальше.

- Наташка! - громко крикнула Верка.

Но девушка больше не оглядывалась, она шла не спеша, едва касаясь земли, ее силуэт становился все менее отчетливым, потом засинел легким облачком.

- Все, все вы наврали, не было ничего: ни сновидений ваших дурацких, ни француженки, я знаю. Ее Васька Гончар в тубдиспансере в Рязани недавно видел. Когда его выписывали, он спросил у медсестры:

- Ее когда выпишут? Мы из одной деревни, вместе бы поехали.

А та ответила:

- Сазонову вряд ли выпишут.

Верка заплакала, швырнула ведро и убежала.

- Вчера, - тихо сказала Раечка, - мама слышала, что в сельсовет звонили из Рязани. Спрашивали, остались ли у нее родные и кто хоронить будет...

По тропинке от таниного дома шел еще очень молодой мужчина, высокий, красивый, с розовыми пухлыми щеками, и вез коляску. Он улыбался счастливо и нежно:

- Мамка, кормить пора.

- Ой, извините, до свидания, - радостно засуетилась Таня и почти побежала к своим.

Александра МАРТЬЯНОВА

АХ, ПОД СОСНОЮ ПОД ЗЕЛЕНОЮ...

«Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка... Шумит разноязычная толпа». Кажется, что-то из Лермонтова. Пока я одна-одинешенька как во всем белом свете. Восемь утра. Бесшумной тенью промелькнет туркменка в обязательном красном платье до пят, с длинными рукавами и пестрой, во всю грудь, замысловатой мелкострочной плотной вышивкой по китайскому шелку. Сейчас город оживет, откроются, заработают все службы.

Успеть до жары! Успеть до жары! Моя голова забита тайными, измусоленными за год, паническими, можно сказать, навязчивыми раздумьями. Сегодня плотина их оказалась прорвана. Дело в свои руки решительно взяли ноги и сами по себе понесли легкое девичье тело резво - напрямик к вожделенному трехэтажному зданию. От стремительности движения веющая прохлада бодрит, будоражит, предвещая желанный успех.

Бездонная голубизна неба равнодушно замерла, насторожилась. Нигде, до самых дальних уголков горизонта не приметишь даже обманно-призрачного кучерявого белого барашка - облачка. И так изо дня в день. Все в предчувствии пекла: беспощадное, раскаленное до бела туркменское солнце не любит шутить. Изнурительная жара губительно, злорадно накинется на все живое, готовая испепелить, выжечь дотла. Спасайся, кто как может! Животные зароются глубже в землю, замрут в тени зарослей, уползут к арыкам. Мы, белотелые, не привычные к жаре приезжие вологжанки, учителя русского языка, катнув ведро воды под кровать, раскинем телеса в чем мать родила на мокрой простыне и терпеливо ждем спада жары.

Суббота. Все службы работают спозаранок. В самое пекло все замирает - перерыв часа на три. Потом, погружаясь в вечернее блаженство, человеческое естество благодатно раскрепощается, будто распускается духмяный цветочный бутон, дышит глубоко и привольно. Приезжие училки растворяются в многоязычной толпе городских парков, танцплощадок. И даже ужасающий надрывно-скрипучий отвращающий рев ишака, нахально ворвавшийся издали в успокоительный сладостный покой, подпортит впечатление, но не испугает, как это случалось в первые недели пребывания на неведомой ранее азиатской земле.

Успеть до жары! Ноги в новеньких лакировочках несут меня знакомым путем. Не часто бывала в городе, но всякий раз примерялась зайти в этот храм. Дорога промеряна, привычна. Асфальт еще крепок, каблуки не прокалывают его, не вязнут, а четко и ритмично печатают шаг мимо какого-то общежития. В широком окне третьего этажа двигаются, мельтешат девчоночьи головки. Одна бойкая растолкала подруг: «Смотрите, смотрите! Локоны!» Слышу и устыжаюсь: мои белокурые локоны до плеч завиты по случаю важности предстоящего предприятия. Меня вроде бы уличили. В то же время обдало благодарственным теплом, несмотря на то, что комплимент прилетел от девчонок-подростков, незнакомок.

За ватную голову с гирляндами волос сегодня отвечают ноги. Это они шествуют бездумно-уверенно к зданию редакции газеты областного масштаба. Оно рядом, за парком. Рассматривала не раз. Какого же цвета? Светлое - да, всегда озарено, залито солнцем. А цвет? Розовое? Желтое? Кажется... кремовый! Не помню, не знаю - тупица! В сумке голубенькая ученическая тетрадь в клеточку. Стихи. Горячие, пламенные, поучительные, возмутительные, призывные - под стать энтузиазму передовой учительницы Советского Союза. По моему твердому понятию, стих должен быть кратким, как лозунг, разящим, как булат. Боль или торжество, радость следует преподнести неожиданно - как ложку меда или горького лекарства - к чужим неведомым равнодушным устам. Влить одним махом, дерзко, наверняка. Тогда - польза! А иначе, зачем писать, переживать, корпеть над словом, будоражить страданиями, томиться ожиданием сомнительной оценки.

Ответственные за тело ноги, как в сказочном сне (встань передо мной, как лист перед травой), перенесли меня через сыпучие пески и поставили перед нужной дверью. О,

если бы там за дверью встретила меня женщина! Стареющая, все понимающая с полуслова, с полувзгляда... Ладно уж, согласна и на молодую! Только бы не глупая и не писаная красавица! Эти куклы за начальственным столом самовлюбленны, беспощадны, резки. Боже, пусть будет хотя бы жалостливая...

Тут подскочил растрепанным желторотым воробьем нахальный нетерпеливый кругленький субъект в сером костюмчике. Беспардонно, без стеснения выдернул из кармашка малюсенькую розовую расчесочку, лихорадочно тщательно причесал набок челочку и, смотрясь в меня, аккуратно поправил несуществующие бачки у ушей. Постучал и юркнул внутрь... Ведь вот бывают же и «воробьи» раскованные, красиво-наглые, залюбуешься, ну «тигры», честное слово! А я что?! Я - форменный трус, а на спине только нет надписи «вора бей». Перед всеми вечно виновата, отступаю, уступаю, проходите, пожалуйста, а я - последняя! Я подожду! Не успела себя отчехвостить, как «серенький» уже с папочкой под мышкой, с сияющей физиономией выпорхнул, подмигнул мне и полетел к лестнице, а меня неведомая волна подхватила и внесла в кабинет.

Двое мужчин безразлично и простодушно вскинули веки. За столом сидел упитанный круглолицый крепыш славянского типа. Приятный бульдожка смахивал на Черчилля. Это уже что-то! Он торопливо и неотрывно строчил на листе. Рядом восклицательным знаком маячил, покачиваясь, сухопарый и стройный брюнет. «Толстый и тонкий»... Вроде у Чехова. Тонкий - точно узбек, если верить учителю истории Даззы из нашей десятилетки в ауле, который истово доказывал, что черепа ближайших соседей - туркмен и узбеков - отличны.

Как-то я неосторожно обмолвилась, что здесь, в Туркмении, такая масса наций, настолько все перемешались, что наверняка я смогу отличить только корейцев. Меня принимают за поволжскую татарку - мне все равно, хоть горшком называйте, лишь бы в печь не ставили. Новоиспеченный выпускник истфака сразу проникся ко мне неподдельной жалостью, братским сочувствием и счел необходимым назначить себя моим опекуном, защитником, помощником. Владея русским языком (мы туркменского не знали), помогал писать поурочные планы, угощал фруктами. Плотное шефство перешло в обожание с его стороны. Скоро он стал моей второй тенью. Теперь никто прочий не смел запросто со мной беседовать, хохотать, гулять...

- Что у вас? - спросил восклицательный знак.

- Стихи.

- Это к нему, - кивнул на крепыша и вышел.

Оставшийся с неменьшим энтузиазмом продолжал дописывать, перечитывать, исправлять. Мне, от нечего делать, представилась возможность неспешно изучать предполагаемо славянский череп. Минут через десять (исподтишка поглядывала на часы) заключила, что голова у Гусева (так было написано на двери) довольно приятной, без шишек, округлости, глаза серые, аккуратная низкая стрижка, короткая спортивная шея. Мой взгляд упал на более привлекательную вещь - ручку-гвоздь. Гвоздь в натуральную величину. Шиферный! Любопытной обезьянкой стала терпеливо и пристально разглядывать чудную ручку, прислушиваясь к царапанью острия по бумаге. Тщетно. Сколько этапов, скачков сделало пушкинское гусиное перо до этого автоматического гвоздя! Заграничная штучка, подарок, достойный мальчика, гордость хозяина, предмет зависти сослуживцев. С каждой минутой «гвоздь» раздражал все более и более, отталкивал своей откровенной натуральностью. Одновременно росло раздражение на летописца двадцатого века. Неожиданно я кашлянула. Он запнулся, не поднимая головы, не оставляя своих листов, попросил меня почитать. Я открыла тоненькую тетрадочку и, уставясь на красочный настенный календарь 1957 года, что висел на стене справа, начала:

Я стою в карауле
Пред тачанкой литой.
В шумном праздничном гуле
Бьет октябрьский прибой.
Звездопадом отважных
Озаряется даль.
В алом галстуке каждом
И любовь, и печаль.
Словно выстрел « Авроры»,
Звучно хлопает флаг.
Сердце клятвенно вторит:
Так, так, так! Только так!

- Тачанка... уместнее «лихая». Лихая тачанка, - умудрился слушатель уловить и поправить.

- Нет, - поспешила я, - «литая», так как это скульптура.

- Ладно... детские...

- Почему детские!

- Как вас зовут, откуда?

Я назвалась. Когда он узнал, что школа, где работаю, в 25 км от райцентра, а до города еще 20 км, он покачал головой и озорно присвистну.

- Как добираетесь?

- На попутках, с хлопком, на мотоциклах со знакомыми. Я лично велосипедом обзавелась. В городе редко бываем... Учим детей русскому языку. Ваше министерство пригласило нас.

- Я так и догадался. Меня зовут Александр Назарович.

- Гусев, - вспомнила я табличку на кабинете, но ошиблась.

- Руслан Мамедович в командировке. Я замещаю.

Взял мою тетрадь, прочитал вслух:

Добрый Север, снежный, чистый,
Светлой радости восторг.
Милый мой, зачем ты мчишься
На загадочный Восток?
Или ты чадру чужую
Мыслишь дерзко приподнять...

- Вы северянка, что ли?

- Вологжанка.

Он с беглым вниманием полистал, почитал про себя.

- Кажется, есть что-то, волжаночка... неплохо, неплохо, - его неопределенные слова сделали меня более смелой и разговорчивой.

- Вологжанка! Здесь почему-то, кому ни упомянешь о Вологде, предполагают Волгу. Конечно, она ближе к Туркмении, да и беспримерной битвой знаменита. Но Вологда тоже знатный старинный город. Между Ленинградом и Москвой. А вот ваш Ташауз, не преминула я «укусить», не обижайтесь, даже на карте железных дорог не был обозначен. Билеты пришлось покупать до Ташкента. Потом - до места назначения. Неделю до вас добирались.

Я весело куражилась, и он без обиды принял словесный диалог, естественно и широко демонстрируя ряд белоснежных зубов. Чистишь порошком, пастой, солью - все без толку. Здешний народ ничего особого не предпринимает, а зубы сверкают. Мой собеседник не мог расстаться со своим стальным профорудием: играл, бесцельно вертел-крутил, постукивал по столу, поглаживал холодную талию с узким кокетливым пояском посредине. Винтовая нарезка и изящная плоская шляпка венчали головку гвоздя. Чем дольше он забавлялся своей заграничной безделушкой, будто напрашиваясь на похвалу, тем больше острое оружие - гвоздь - раздражал, отталкивал, отвращал от себя, а через него и от самого хозяина: молотка тут только и не хватает. Садануть со всего маху, чтобы по шляпку ушел в столешницу, спрятался, исчез. Думаю одно, а вслух говорю:

- Забавная у вас ручка, Александр Назарович.

- Хотите - подарю.

- Нет, спасибо, что вы! Острого страшусь, признаться.

- Скучно там у вас, чем занимаетесь в свободное время?

- Заочница, изучаю Грецию... а при колхозе есть библиотека, все книги, правда, на туркменском. Восемь томов Джека Лондона на русском. Увлеклась, скоро последний том одолею. И еще толстенный том, документальный. Тяжелый и по весу и по содержанию. «Нюрнбергский процесс»... Стихи начала писать.

- Печатались?

- Нет. Посылала в Ашхабад. Ни слуху, ни духу.

- Машинка есть? Или от руки?

- От руки, конечно!

- Сколько вам лет?

- 19.

- Замужем?

- Не-ет, что вы!

- Значит, вы еще... - он оживился, глуповато заухмылялся, заметив мою неловкость,

тут же нашелся, - «пионэрка вы! Пионэрка еще! Шучу, шучу, северяночка - волжаночка.

- Во-лог-жа-ночка! - сдерживая раздражение, нажимала я на слоги, как на клавиши.

- Да-да, помню! На будущее, скажу вам по секрету, - наставительно ласково поведал, - написанное от руки никто не читает, не комментирует, сразу - в корзинку! А вы - в Ашхабад! К нам хотя бы для начала...

- Посылала, - прищурясь, вглядываюсь в самую глубину темного зрачка.

- Мне не... лично я не получал, я бы помнил. Когда? - он почесал шляпкой гвоздя правый «рог»... - Откровенно - в стихах что-то есть. Честное слово. Побеседовать бы поплотнее... Знаете что... - вмиг какая-то идея осенила моего знакомца. - Сегодня едем с друзьями на озера. Поедемте с нами. Поговорим без спешки. Стихи почитаете. Парочку для печати подберем... Места удивительные, острова, камыши, лодки, рыбалка. Точно - не пожалеете. Мы наезжаем туда с ночевкой, знакомый рыбак ждет на выходные... Так едем?

- Нет-нет, это невозможно: уроки в понедельник. Мне при всем желании не успеть, - отнекивалась по инерции, - такая даль...

Сама же видела, какой простой, прекраснодушный и добрейший человек передо мной, как можно не доверять такому открытому и прямому. Сказал же, «что-то есть в стихах...» Он ко мне со всей душой, а я раздражаюсь из-за какой-то дурацкой ручки. Я на минуту замешкалась, и он заметил колебание:

- На острове поджидает рыбак. Жена у него русская, познакомитесь, уверен, подружитесь. Соглашайтесь же. Я лично подброшу вас на своей машине, не волнуйтесь. Он уперся недвижным гипнотическим взглядом в меня.

- Нет! - обрела я дар речи. - Скажите честно, стоит ли мне заниматься стихами?

- Пожалуйста, если честно - среди женщин нет больших поэтов. Так я полагаю.

«Много на себя берешь!» - про себя съязвила я.

- Женщины по своей природе не могут мыслить глобально, они заземлены, им, увы, не дотянуться до... - он ткнул «гвоздем» в потолок. - Ахматова, Цветаева... - он подозрительно беспардонно захохотал, чем оскорбил меня до глубины души, хотя стихов их наизусть не помнила: попросту - запрещенное не дошло до масс. Я стыдливо опустила веки (куда я лезу).

- Есть у вас что-нибудь о хлопкоуборочной кампании? К октябрьским праздникам, о дружбе народов - еще лучше бы?!

- Нет, - я удручающе вздохнула и протянула руку за тетрадкой.

- И тетрадь тонковата. Общую заведите.

Сдерживая подступающую внутри клокочущую лаву, я как можно вежливее сквозь зубы произнесла:

- Спасибо, до свидания! - и бросилась вон из кабинета.

На улице суматошно теребя, сгребла ненавистные локоны в горсть, закрепила кое-как на затылке, сомкнула губы, загнула голову и позволила просочиться капле соленой влаги по щекам до самых губ.

Равнодушные ноги стремительно отстукивали ход назад.

- Девушка, девушка, почему вы убрали локоны? Было так красиво! - кричали мне сверху.

Я дружески помахала рукой этим милым наивным безмятежным созданиям в утреннем окне, заставила себя улыбнуться. В ближайшем тенистом парке я рухнула на длинную сосновую скамью, покрашенную в зеленый цвет. Легко (ничего мне больше этого не надо!) отшвырнула тоненькую тетрадь. Тетрадь растрепанной птицей, раскорячась, застряла в щели на другом конце скамьи.

Какое несчастье родиться женщиной! Как жить - женщиной! Всякому обладателю брюк позволительно мнить себя перед женщиной господином, наставником и никогда - на равных! Недавние обиды одна за другой ядовитыми змеями полезли из памяти, вгрызаясь, терзая душу. Тот же Даззы без моего ведома сам себя приставил, определился шефом ко мне. Ну, положим, умница, щеголяет знанием русского языка. Внимателен не в меру, закормил нас фруктами, вьется, объясняется. Назойливость стала нестерпимой. Хорошо, случай помог избавиться от любвеобильного ухажера.

Как-то вышла на большой перемене в сад. За мной увязался милый стеснительный обожатель - десятиклассник Мурад. Пошли посмотреть финиковые деревья. Они сплошь усыпаны плодами. Сад не охраняется. Ворота на распашку. Я удивляюсь, как финики сохраняются в целости. Мурад кое-как объяснил, что никто не коснется, пока не дозрели, пока директор не объявит сбор. Я про себя прикидываю, и мне совестно: наши дере-

венские сорванцы едва ли бы удержались. Неслышно по-кошачьи появляется Даззы. Мой приятный собеседник без слов испаряется. Мы идем аллеей, только завернули за виноградник, наглец молнией хвать меня и - чмок. Пощечины его только веселили. Тут я в бешенстве цап - зубами. Алая капля повисла на губе. Побрели в учительскую. Ухарь перед зеркалом пытался заклеить ранку бумажкой. Не получается. Вся учительская хохочет. Я чуть не плачу, надулась, молчу. Решила сегодня же зайти после уроков к директору, пусть пристрожит нахала... И состоялся такой разговор. Откровенный доверительный. «Что я могу! Можно ли запретить любить! Не раз я с ним беседовал серьезно: у тебя жена, дочь!..» - «Что вы говорите?!» - директора испугали мои сумасшедшие глаза. - «Не сказал, значит... Сразу после школы родители купили ему жену... Сильны еще, неистребимы в аулах предрассудки, калым заплатили... Закон...» - «Почему все молчали! Ненавижу вас всех! Ненавижу!» - выплеснула всю злость на неповинного добрейшего директора... Ну, слава богу: с этим позором покончено. Так нет! Из огня да в полымя. Влюбилась, дурра, в «грека». О, наив! Наплел целую «одиссею»... Мыльный пузырь! А вот этот последний удар со стихами - окончательно добил. Жить не хочется! Полностью, окончательно раздавлена. «Поедем, красотка, кататься...», «о хлопковой кампании, пожалуйста, можно сразу напечатать...» - о, какой конфуз, какое нахальство!.. Я погибла! Быстрее бы шло время, быстрее бы домой, в родную Вологду!

У скамьи еле слышно прошуршал песок. Наверное, собака подошла. Пусть понюхает и уйдет. Еды при мне нет.

- Не помешаю, извините? - послышался слабый, какой-то потусторонний старческий голос, который прервал мое наваждение. Я приоткрыла глаза:

- Пожалуйста.

Была неприятно удивлена, даже слегка испугана: совершенно иссушенный временем, изможденный до крайности старик в чесучовом пожелтевшем костюме и соломенной шляпе. Ручки - корявые ветки - сцеплены сзади. Замер бездыханной тенью у скамьи. Я поспешила со словами «садитесь, садитесь», мне показалось, что если помедлит, то на моих глазах рассыплется в прах. Он расцепил негибкие крючковатые пальцы цвета синеватых перевитых веток карагача, достал из накладного кармана сложенный серый платок, обтер скамью, опять сложил платок и спрятал. Довольно грациозно приземлился, правая рука легла на левую, сдерживая вибрацию. Несколько минут сидел не шелохнувшись. Вдруг потянулся, извлек из щели голубенькую тетрадь, негнущимися пальцами расправил:

- Ваша тетрадь?

- Нет, не моя! - смело и радостно выдернула я саднящую в груди занозу, открестилась легко и споро, чтобы навек забыть, напрочь отрезать никчемное, пустое, ненужное, как заразное, рожденное в особые минуты чреватых взлетов, глупых влюбленностей, никчемного обманного вдохновения, озарения. Но если это мертворожденные дети моего недужного лукавого воображения, пусть они сгинут, исчезнут, ничем не напоминают, а я обрету твердость, волю и стоически терпеливо буду стремиться к равновесию, покою. Меж тем мой сосед извлек очки из верхнего накладного кармана - белый, в синюю клетку сложенный платок, с тщанием протер очки, сложил платок точно по складкам, отправил на свое место, заинтересовался, листая помятую тетрадь.

- Девушки переписывают стихи друг у друга, из книг. В наше время это дело тоже в моде было. По почерку - аккуратно, округло - девушка писала. Эх, молодежь, переписывала, переписывала, да и все потеряла. Ужо прибежит, как хватится.

Как продуманны, экономны, несуетны стариковские движения. Нехитрые бережливые ухищрения продлить, растянуть проредившуюся, некрепкую ткань жизни. Прерывистое частое, еле уловимое дыхание, догадываешься о нем по трепещущим ноздрям и движению плеч. Старательно страдальчески выводились глухие фразы, точные укороченные предложения. Затем следовала долгая пауза-передышка. Казалось, замолчит - и навсегда. Становилось жутковато, и жалость подвигла меня на телепатическое безустое заклинание: молчи, ничего не говори. Краше в гроб кладут. Дыхание - в одной ноздре. Замри, не шевелись. Вскочишь сдуру, рассыплешься, резко повернешься, конец! Молчи уж лучше. Любуйся роскошью зеленых парковых кущ, чистейшим небом, радуйся благодати - до жары! Накатит, сомнет, сожрет, уничтожит...

Скамья тениста, мы не мешаем друг другу. Через год, через месяц, а может, завтра его не станет, исчезнет... Острая игла безнадежности прошила, прохватила безысходностью мое сознание. Черные угли потухающего костра еще теплятся, но серый пепельный тлен уже необратим. Ничто уже не распалит костер. Жара зверем докончит и раз-

веет по ветру.

Через минуту опамятовалась, кинулась на противоположную чашу весов: это я заклинаю молчать! О, я бессердечная тварь! Мое ли дело указывать, повелевать чужой душой! Созданное Богом, оберегаемое Богом священно, неприкасаемо. Это мое мелочное естество, мое «я», зацикленное на своих болячках, дало брешь. Я, пусть и мысленно, намерилась подчинить чужую волю, но хорошо, что вовремя одумалась, и вдруг нестерпимо пронзительно захотелось подать страждущему последнюю милостыню: перекинуть тонкую ниточку - сосуд с глотком кислорода, крови, силы. Я полна всем этим, у меня избыток.

Старик читал «переписанные откуда-то какой-то неведомой девушкой» стихи и неожиданно преобразился, повеселел, хохотнул с придыханием и произнес вычитанную занимательную для него фразу - «ни за понюшку табаку». Он прикрыл слабые веки, блаженно растянул скорбный рот.

- Ведь это, глядите, из какого еще лексикона! Вот вы, примерно, и не догадываетесь, что это за штука такая, «понюшка табаку»! Нюхали раньше табачок. Для здоровья. И помогало, знаете, с чихом вся зараза выскакивала. Табакерки особые, крошечные, натодельные, изукрашенные, с хитрыми замочками иные... Дамы и господа щеголяли друг перед другом, угощались... Передохну, устал...

Он замолкал минуты на три, они казались мне долгими, я с нетерпением ждала его голоса, не легкого, не порхающего, но старательно выверенного, краткого и отчетливого. Я уже простила его за вторжение в мой мир. Человек оказался более чем приличным, его прозрачная худоба не отталкивала, а заинтересовывала, влекла.

- Да вы наверняка и кисета не видали! Кисет, это уж для курительного табаку. Самосад, сечка там, махорка. Это мешочек такой с задергушкой, атласный ли, вышитой ли гладью там, крестиком русским. Любимой девушкой, невестой или женой. В 20-х годах, помню, выдавали табачку солдатам. До того, бывало, возрадуешься. Бережешь, будто золотой песок, крупинку боишься обронить. У иного и деньги - да поди купи... Стояли как-то в Москве... Расскажу... сейчас...

Забылся для очередной передышки. Мне не терпится:

- Вы участвовали в гражданской войне?

- Юнкером был. Потом красноармейцем. Как царя скинули...

- Вы скидывали царя? - я загоралась интересом.

- Нет, чего не было, того не было, и врать не стану.

После паузы заговорил:

- В нашем полку обошлось без большого кровопролития. Как сейчас вижу... Подполковник по доносу застал в полку красного агитатора. Зашел, в упор одним выстрелом уложил на месте... И самого тут же не стало! Сорвались вмиг несколько моих сослуживцев... Прикончили... всеми любимого... Передохну чуток.

Забылся, откинувшись на спинку скамьи, прикрыл веки, будто приходя в себя. Я притихла, замерла: только бы не спугнуть паузу, только бы заговорил снова. Воспрянул:

- Жуткие, друг мой, наступили времена. Кипящий котел. Кто кого смог, тот того и с ног. На обдумывание, осмысление не было времени. Ошибись, скажи не то, шлепнут враз. У кого маузер, те на коне, тот и прав! Лозунги на домах, что ни день, свежие. Партии, группы, банды торжествуют. Жизнь человека в копейку не ценится. Кто-то ринулся за спасительный кордон, кто-то решается, пока не поздно, спасать Россию, пусть ценой своей жизни. Мы с другом молодые, помозговали, жить охота. Как многие, скрепя сердце сорвали погоны и подались к неверующим и, честно сказать, ненавистным комсомольцам, красноармейцам. Прислушались, поверилось Ленину: заживем по-новому, главное, с гидрой революции расправиться. Смастерили лозунг: «Мир - хижинам, война - дворцам!» Приколотили на магазин - и в поход. Пошли строем, запели: «Красная армия, черный барон...» А на душе муторно: в кого дуло направили! В Бога целимся, предали его. За царя и отечество взялись решать лихие самозванцы. Куда ни сунься, везде свой «царь», свои деньги. Керенский, Махно, Юденич, Колчак - печатные станки работают на полную катушку. Попозднее по случаю завернул к тете. Друг мой, вся крестьянская изба заместо обоев керенками оклеена. А голод, разруха. Да я ведь совсем про другое говорю... Прости старика, отвлекся. На чем я кончил?

- О местных.

- Нет-нет.

- О купюрах.

- Не путайте вы меня!

- О Москве.

- Именно, да-да, о Москве. Вспомнил, вспомнил. Выдали, помнится по две осьмушки нюхательного. Одну я - за голенище, другую распечатал. Иду себе по Москве, глазею не спеша на афишки, объявления разные на тумбах. «Меняю пианино на муку или крупу», «Гадаю на кофейной гуще и по книге», «Бывшая гувернантка ищет место няни». И вижу, друг ты мой, Шаляпин! Сегодня! Дает единственный концерт в Большом! Бросило в дрожь. Бегу к Большому, ног не чуя под собой. Бог сцены! Кумир! Мой кумир, гений! Билеты, конечно, начисто проданы. Вижу, томятся подобные мне, надежды не теряют. Укрепился в мысли - не уйду, а вдруг повезет. Как прикину - не попаду, то в жар кидает, то в озноб. Брожу изнываю. Сам Шаляпин! Будет здесь! Увидеть, услышать - ведь это к вечности прикоснуться! Ох! Завтра, может, пуля-дура уж про меня припасена. Кумир, титан! Да ведь это счастье увидеть, услышать, а то - и спасение! И вся моя слабая надежда на осьмушку! Устал. Я вас не утомил?

- Пока не спешу, приезжала по делу... Успею до жары добежать до квартиры.

В его минутные передышки я все сказанное прокручивала заново, рисовала октябрьскую эпоху, обстановку, одежды, лица, поступки. Мне не терпелось скорее услышать его неторопливый, с придыханием рассказ. Пергамент кожи его рук, лица уже не отталкивал, в них я приметила некое слабое биение, порозовение, пульсацию. Тщедушное тело в старопрежней чесуче не вызывало жалости. От него веяло не тленом, а достоинством, благородством, юностью. Он незримо гипнотизировал мою волю, и я не противилась, а последовала за ним по Москве. Вместе с ним я страстно захотела во что бы то ни стало проникнуть в Большой театр, к самому Шаляпину. Хоть на миг прикоснуться к великому человеку, хоть на какую-то минуту замереть у верстового столба истории...

- Откуда-то появился с благообразным лицом в вытертом тонком меховом жилете пожилой мужчина, по стати - швейцар, ясно дело без ливреи. Окинул стоящих и удаляется по периметру театра. Сердце мое бьется, выскакивает: а если это служитель театра! Вижу, поднимает какую-то бумажку. Тут сам Бог подтолкнул меня, на всех парах - к нему. Так и так, не вхожи ли в театр? Дворником служит. Я захлебываясь обсказываю: стоим два дня, завтра - прямо на фронт, а тут - сам Шаляпин! Кумир наш... Завтра, может, пуля-дура... Всю жизнь мечтал увидеть, услышать. Вижу, проникается пониманием. Я сую осьмушку. Не берет. Поставил меня у одного подъезда в сторонке, велел ждать, мол, сможет - прибежит. Томлюсь, изнываю, круг за кругом топаю, дрожь выгоняю. Концерт давно начался. Взял бы осьмушку - надежнее, а так поди знай... И вдруг таки выскакивает, меня за рукав, в темноте под лестницами прихватил заготовленный табурет, усаживает впритык к солдатской роте и убегает. А он уж поет. И зал будто одно дыхание. Русские песни, украинские, «Дубинушку», конечно, знаменитую. От счастья не дышу, боюсь упустить мгновенье, замер. О голосе мне не высказать: это волшебство, мощь, сила, раздолье русское. За сердце берет, в горле ком. Шквал аплодисментов. И вот антракт. Свет дали. Осматриваюсь. Пестрота людская: красноармейцы, рабочие, женщины, краснокосыночницы. И дамы! В бархате, в кружевах, в перчатках, иные с веерами - на балконе. Вспомнилось мое былое, бал, встречи взглядами в церкви с Наденькой моей. Гордилась веером страусиным, еще ее бабушка из Парижа выписывала... Так и не довелось больше встретиться...

Уймитесь, волнения страсти,
Усни, безнадежное сердце,
Я плачу, я стражду,
Душа истомилась в разлуке...
Я плачу, я стражду.
Не выплакать горе слезами...

Могучий густой рыдающий бас проникал, доходил до всякого любящего сердца. Напряженное внимание держало чуткую тишину зала. Не было в зале ни одного человека, которого бы не коснулась беда, горечь потерь, зыбкая неизвестность, неопределенность в завтрашнем дне, грозящие новые страдания. Божественные звуки зачаровывали, приподнимали над бездной, переполняли сердца неуемной тоской. И так до конца. В шквале оваций вдруг раздались чьи-то неясные выкрики. Они визгливо повторялись, ясно прослушивались два слова: « Я... погибла! Я... погибла!» Захлебываясь рыданиями, вскрикивала какая-то полусумасшедшая женщина. По мере стихающих аплодисментов неразборчивые слова явственно обозначились, несмотря на истерические всхлипы. «Россия... погибла! Россия... погибла! Россия... погибла!» - кричала она, обезумев повторяя одну фразу. Наконец смятенная публика хлынула, понесла сомкнутыми телами тех, кто не

мог видеть выхода, закрывая скомканными в горсти платками заплаканные лица. Кричащую даму заподруки всполошно выводили друзья, или знакомые, а ее пронзительный крик «Россия погибла...» тяжело повис над многоликой обескураженной толпой. Я замер в забытье, пока не подбежал мой благодетель.

На нашей просторной тенистой скамье воцарилось долгое молчание. Старик упер потухший взгляд в утрамбованный песок. Я притихла, сжалась, прикрыв лицо рукой, стыдясь своей слабости. Он нечаянно заметил и обеспокоился:

- Что вы, друг мой? Я вас растрогал? Извините, - ласково сказал бывший юнкер и сконфуженно попытался успокоить меня. - Вы редкая слушательница... Представьте, моя первая жена не умела плакать. Коммунисты-де не плачут, - он запнулся, опять надолго задумался. - Приходите завтра... на эту же скамью. Когда жара спадет, к вечеру...

- Я уезжаю в аул завтра. Школа моя очень далеко отсюда. По делу в город приезжала.

- Как местные относятся?

- Очень хорошо.

- Притихли... Дали бы по башке басмачам... в свое время. Держит порядок государство. Ой, друг мой, что тут творилось! Дикость! Один пример: братья убили сестру, учтите, по приказу отца, только за то, что подружилась с председателем колхоза... Коммунизм строим, - он горько усмехнулся. - Бывает ли, чтобы младенец вдруг превратился в юношу... Я вам не надоел?

- Наоборот, - хотя тень угрожающе отодвигалась от скамьи.

- А вы бывали в Москве?

- Однажды ездили на экскурсию.

- Откуда?

- Из Вологды.

- Из Вологды! Знаю Вологду, стояли там двое суток, - весь преобразился, затрепетал он. - Боже мой, боже мой, так ведь мы земляки. Я родом из-под Троицка, это Подмосковье, рядом, считай... Вот это подарок судьбы! Нет на свете, друг мой, лучше наших мест! Иной раз мне приснится из детства синяя-синяя река и золотые сосны на взгорке, я весь тот день как не в себе, закрою глаза и дышу - дышу смолистым настоем и все твержу один напев, один напев.

Старик оживился, засуетился, задрожал от нетерпения, будто спешил куда-то, где его давно-давно ждут, а он уж запаздывает и не успеет ко времени.

- Боже мой, какой вы счастливый человек, вы можете поехать туда! Ни в коем случае не оставайтесь здесь, ни в коем! Райские кущи - эта наша срединная Россия. Поезжайте к нашим смолистым соснам. Ох, какое счастье! - и вдруг запел речитативом клятвенно и страстно: - Ах, под сосною под зеленою спать положите вы меня! Ай, люли-люли, ай, люли-люли, спать положите вы меня... - качал головой в такт. Ушел весь в себя и в глубокой скорби промолвил: - Как же невыносимо тяжело было умирать сыну России на чужбине... Великому сыну... на чужбине... Федору Ивановичу.

Взволнованная откровенным страстным желанием заснуть навеки только под сосною, всколыхнувшим во мне волну неподдельной жалости и участия, я порывисто встала, протянула руку для прощания:

- Спасибо вам! Я вас... - (хотелось сказать, люблю)... - никогда не забуду!

Он медленно и торжественно поднялся, выпрямился и, пока я с жаром сжимала ему руку, от волнения не нашелся, что сказать. Я побежала, а вдогонку прозвучало недослышанное мною полностью «благосло...» Надо было до жары пересечь этот чужой, не всегда гостеприимный город. В мозгу стучало: «Россия, Россия, милая родина! Тихая моя Вологда! Я - твой хилый росточек. Ты, как мать, вспоила, вскормила, научила любить, петь и плакать! Ты всегда ждешь нас. В тебе спасение и успокоение».

Виктор ЗАЙКОВ

ДУШЕГУБ

Рыбалка в то утро не заладилась. Мы с дедом моим Андрианом Кузьмичом, в опрятной деревеньке которого гостил я тем летом впервые, успели только разобрать снасти, как из-за ближних холмов натянуло тучи и холодный не по-летнему дождь зло вцепился в облюбованную нами для ловитвы низину. Рыбы, конечно, в этакую морось не жди. Не глядя друг на друга, мы быстро собрались и потащились через осиновый молодежник назад к поселению. Уже завиднелись частые силуэты окраинных сеновалов, когда спутник мой неожиданно свернул на еле приметную тропку. Скоро она вывела нас к обычной с виду поляне, пахнущей прелью и туманом, окруженной скрипом, свистом, прищелкиванием просыпающегося леса. Шедший впереди Андриан Кузьмич, остановился вдруг и согнулся в дольном поклоне. «С чего бы это?» - удивился я. Но тут заметил сначала крест, а потом и могильный холм, спекшимся суглинком буреющий под сильным телом вошедшей в лета плакучей березы.

- Это Серафима пожелала его тут положить, — выпрямился старик. — Подходи, поздоровайся с хорошим человеком.

- Дед, ты куда привел меня? Кто здесь похоронен?

Андриан Кузьмич перекрестился:

- Сашка покоится. Душегуб. Сорок уж с лихом годов пропечалило, как беда та случилась, а у меня вот здесь, - он ткнул пальцем себе под сердце, - Сосет все что-то, не унимается. Ведь чужой он мне вроде, а ноги почему-то сами несут сюда. Домой придем, расскажу, что не забылось, а пока давай, хоть и при дожде, чистоту тут сработаем.

Вечером старик накрыл белой скатертью стол у окна. Лампадку на божнице маслом подправил. Налил водки в три рюмки. Черным хлебцем одну из них прикрыл и начал вспоминать.

«Откуда и когда этот Сашка появился в деревне, спроси кого — пожмут плечами. Молве поверить, так бросили его еще в предвоенную замять мимоезжие литвины: подвесили куколь с посиневшим тельцем на изгородь поскотины и сгинули, окаянные, - ни слуху с тех пор, ни помину. Кто тогда мальца пожалел и сберег для жизни — тоже неведомо. Указывали на одинокую горбунью, жившую, если идти дорогой на Липеньки, как раз по первому отворотцу — налево, в земляном склепе у наливной русалочьей мельницы. Но как смогла неученая, промышлявшая едино лишь черным знахарством, дикая старуха вырастить ладного молодца, ох, и лихо отплясывавшего тогда на хмельных вечерках, — того вам никто не скажет.

Была еще Мотька Шляхова — безугомонного языка девица. Так та нашептывала интересующимся, будто Сашку того сам областной секретарь в колхоз прислал — тайно приглядывать за безмужицким хозяйством и демографию какую-то исправлять. Дуре, конечно, не верили. Но затылки чесали: больно уж чужачок на народец здешний не походил — был высок ростом и лицом тонок. А когда поднимал на девок глаза, те свои опускали обреченно — синий огонь обжигал их и не забывался уже. Внешности своей Сашка обязан и тем, что, хоть и слюнявилась по завалинкам, нестерпимая для угасшей старушечьей плоти, темная тайна его появленья, все же на легкий хлеб доносительства, многих в те поры упасший от голодной смертушки, никто из деревенских не польстился.

- А мы его, ясноглазенького, для себя побережем, - пресекла повышенное внимание к детинушке выдающийся человек в колхозе — агрономша Серафима Никитична.

И пристроила к себе в помощники — землемерную рейку носить. И стали они пропадать на озимях да пустошах откровенно подолгу. С того-то, говорят, и покатились их молодые жизни под унос. Неостановимо — к погибели.

Как-то в сумеречную непроглядь после одной из таких прогулок метнулась на Сашку из кустов у погоста тяжелая тень.

- Ты, сиротка, гуляешь? - спросили невежливо.

- Я, - не оробел Сашка. И от занесенного ножа не отшатнулся.

- Гляди, не боится! — удивились в темноте. — Тогда прощай с удовольствием!

Лезвие Сашка перехватить не сумел. Били умеючи, с показным шиком: молния ножа, сверкнув, скользнула из одной руки нападавшего в другую, и боль резанула низ живота, подкосила ноги. Еще один удар — сзади — опрокинул сознание. И треск ломаемых кус-

тов — последнее, что Сашка успел услышать.

Потом ему чудился горький запах волос Серафимы Никитичны. Потом в восковой неверной пелене выяснилась женщина с каменным лицом и остановившимися глазами. Пальцы ее рук безвольно тянули вышитых на переднике петухов к подрагивающим губам.

- Все, Серафима Никитична, - узнавая, прохрипел Сашка. — Кончились наши дни.

- Погоди помирать, касатик, - сухая ладонь агрономши коснулась его лба. — Жар как будто отполыхал, а раны твои я зашептала. Лежи покойно и ни о чем не тревожься.

Через несколько дней, когда бинты на раненом перестали мокреть от крови, она осторожно присела к нему на кровать. Затянута была почему-то в грязновато-серый, старящий ее платок. Сашка приподнял голову, глянул вопросительно.

- Ничего не случилось, так я, по-бабьи маюсь, — успокоила его Серафима. — Вспомни лучше ту ночь у кладбища: как все случилось? Может, признал кого? Гришку Свалова, например.

Сашка устало прикрыл веки: «Гришка... Гришка... - стал перебирать в памяти лица деревенских. — Не тот ли с медалькой, что на болота меня недавно сманивал? Пойдем, - смотрел не в глаза, а куда-то ниже, и губы в ухмылочку стягивал. — Кость у тебя неломаная, воловий груз выдержит. Пособишь фронтовику короба с ягодников вынести. Нынче, сиротка, за клюкву в сельпо хорошую цену положить обещали».

- Он это, Серафима, — прошептал Сашка. — Никто, кроме него, сироткой меня не кликал.

- Все правда, - резко поднялась агрономша. Качнулся бумажный колпак абажура, и на беленой стене закосматились тени. — Вот и Лукич, нашедший тебя у погоста бездыханным, тоже догадкой против Гришки злобится: лошади-то его уже который день в пастьбе нету. А не бывало такого. Значит, он напоганил. И спрятался.

Серафима походила по комнате, помолчала.

- Я тебя поостеречь хочу, - снова присела на кровать. - Мы ведь, милый, этому делу ширь не условили, скрыли от народа нападенье на тебя. Деревня думает, будто на учебе ты в городе и вернешься не скоро, — она украдкой сжала кулаки. — Надо так, понимаешь? Поправляйся и чужому слову не верь. Веди себя прежним. А Гришеньке, что ж, мы сами достойное будущее придумаем. На болота, говоришь, зазывал? Ну, так и сходишь вскорости.

Осенний тлен уже тяжело развалил проселки и мертвенно холодил недожатые овсы, когда в один из писанных аспидом вечеров припозднился Лукич с известием о гришкином появлении.

- Мотька вчера ко мне в ставенку зацарапалась, - слушал Сашка разговор за занавесью. — Ать-два, кумекаю, зря она не ходит. Плеснул ей наливочки, у печки табуреточку обтер. Дура эта и выложила, как женишок твой отвергнутый - чуешь, Серафима Никитична? - диспозицию колхозную у ней выведывал. Не случилось ли чего? Говорят об чем? Его, случайно, не ищет ли кто? А потом набрехал кучу навозную: мол, спьяну завеялся к какой-то вдовушке и пролюбовничал с нею в залесьях. Устыдился, очухавшись, что дом без призору оставил, и назад поспешал. Ежели бы, говорит, не дом, так бы в ее объятьях и помирал до кончины.

- Тьфу! — выругалась Серафима.

Лукич вздохнул понятливо, закурил.

- И ведь знал, подлец, перед кем душу гармошкой вытягивать — сорока эта обязательно разнесет по закоулкам о его запойной, простительной мужику отлучке. Посудачат весело, да забудут. А мы чего делать станем? Поджидать, пока головорез этот и тебя ножичком саданет?

- Да не стращай ты. Не осмелится он. А сделаем все по-честному. Помнишь, наверное, что разверстка у нас по ягоде недовыполненной на шее болтается? Вот и наряжай этого хлыста, пока болота под снег не ушли, за клюквой, — Серафима сделала знак. Они вышли в сени, где разговор и закончили секретно. — Сашеньку моего в заединщики к нему определишь, как он окрепнет. А в трясинах разное чего произойти может, понял?

Октябрьские болота встретили соперников унылым, пугающим безмолвием. Сашка, помня наказ Серафимы, близко к Григорию не подходил, плелся позади. Опасливо озирался по сторонам. «Что она удумала?» - гадал тоскливо. Часам к девяти вышли на Лешев Камень — место неприветливое, с дурной славою. Оставалось пройти метров двести до ягодных кочкарников. И тут Гришка, натолкнувшись на что-то незримое, охнув, повалился с тропы в стылую жижу, разом обозначившуюся под пленкой едко пахнущей зеле-

ни. Сашка и сообразить ничего не успел. Выхватил только слухом сухо треснувший вдалеке справа звук выстрела. И гришкину руку, тянувшуюся к нему из преисподней, загвоздил в память.

Бросив короб и дико завывая, он по-звериному — скачками — бросился к далекому лесу. И ведь добежал, не оскользнулся. В овражном затишье проколотился остаток дня. Ввечеру задворками выполз к подворью агрономши. Опрокинув забытые на крыльце ведра, страшный, распахнул двери. Хозяйка, хоть и обронила пяльцы, но ровным голосом спросила:

- Что-то случилось?

Потом подошла и, согнувшись, потащила с него грязные сапоги.

- Ты стреляла? — отстранил он ее. — Или пес твой верный Лукич? Как мне теперь перед деревней оправдываться, коли многие видели, как мы вдвоем уходили? Ты забыла, что Григорий в женихах у тебя значился, а народ помнит. И извернет это не в мою пользу.

- Прекрати бабскую истерику! Какой выстрел? Да тебе после ранений твоих и не такие страхи померещиться могут! Гриша! Что Гриша? Он с войны контуженный пришел, дерганый. И места наши, хоть родился тут, плохо знал. Оступился он! Так и отвечай всякому.

- Погубили фронтовика! — уже на следующий день блажил у магазина однорукий пьяный Тетерин. — Язве этой агрономше блудить мешал с сопляком пришлым! Судить Сашку! В Сибирь его, душегуба!

Серафима женщиной была покладистой, но хваткой. Калеку руганью обижать не стала. Поехала в район. Привезла милиционера в чинах. Тот осмотрелся, пошептался с председателем и... дело заводить не пожелал. Парился в баньке, на озерах зоревал — охотился с Лукичом на пошедшего в перелет гуся. Сашке же сказал, раздевающе глядя на Серафиму:

- Улик нет, живи, счастливчик, - и отбыл, прихватив с собой... Тетерина.

Деревня задохнулась в черном восхищении: «Ну, Серафима! Крепка! Сколь же сильна, стервозина! Человека, в правду их рылом ткнувшего, на расправу отправила!»

Сашке вслед плевались. Иначе, как душегубом, уже и не звали. Он перестал выходить за ворота. Плакал ночами на груди у благоверной:

- Отпусти ты меня, сними цепи. Счастье наше горем посеяно, татарник один и взойдет!

Серафима успокаивала увертливо:

- Горьки родины, да забывчивы. И немочь всех этих крикунов известна — зависть. Перемоги себя, как я сделала, и не оглядывайся назад.

Шли дни, но он не унимался:

- Покаяться надо перед людьми. Не могу я жизнь начинать с подлости!

- Ух, бух, бряк, грох! — беленилась женщина. — Тебе-то в чем каяться? За какие такие грехи людям в ноги валиться? Займи себя делом и гони шаль всякую из головы!

Однако видела, вернее, чуяла сердцем — уходит Сашка.

Праздник тогда очередной митинговали или юбилей чей-то отплясывали дружно - уже и забылось. Впорхнула Серафима в свою горенку сияющая:

- Саша, Сашенька, радость у нас! - и, пачкая спину о свежесть известки, стала обморочно оседать по стене, холодея. Оттуда, с высоты, от притолоки глядели на нее без жизни, далекие уже — не заглянешь — зацелованные ею когда-то родимые сашкины глаза.

...Хоронить его никто не пришел. Мотька Шляхова толкнулась было в прикалиток, да крикнули ей от дороги что-то злобное. Так и пошагала Серафима Никитична за телегой с гробом одна. Вызывающе краснел на ней крепдешин, желтели акации в палисадах. Бледный Лукич хворостиной сгонял с пути назойливую ребятню. В две лопаты они трудно закопали гроб в недалеком лесочке. Выпили на помин. И той же ночью на ближнем полустанке приметил кто-то, как суетливый дядька помог подняться в вагон проходящего здесь раз в неделю экспресса «Молотов — Новосибирск» статной даме, скрывшей свое лицо за мелкой сеткой искусно связанного платка. Сам провожающий молодо прыгнул потом в телегу, помедлил на межпутье и развернул изабелловой масти лошаденку к поросшей быльем колее, уводящей... а черт его знает, куда?

Вот, и принял я сиротскую могилку в свое хозяйство. И прожили мы с Сашкой в разговорах долгую жизнь. А недавно вижу: качается над холмиком простенькое ожерелье из сухой и черной, и редкой рябины. Зачем подвешенное на укосину креста неизвестным, но! - случайным ли, внучек, прохожим?»

Элина СТОЛОВА

ЧЕРНОВИК

Ян не замечал ни солнца, ни счастливых улыбок прохожих, пригретых долгожданными весенними лучами, - ничего этого. Его мысли крутились вокруг одного, точно рой мух над кучей мусора: «Не помогает». Он все гадал: что бы это могло значить? Не помогло, потому что ему нужно кое-что посильнее, или это все же выходит за пределы его головы и существует на самом деле? Герман говорит, что все сумасшедшие верят в то, что происходящее с ними - истинная реальность, а сознание способно на самые изобретательные сюжеты, лишь бы только оставить наши мысли крутиться на орбите своего бреда. Помешательство посильнее силы притяжения. Так что же: мысли о том, что он в своем уме, верный признак развивающегося безумия? Да вроде бы на пациента желтого дома Ян еще не смахивал: утром в зеркале на него смотрел хоть и поросший щетиной, помятый после долгого сна, но все же вполне нормальный человек.

Новая секретарша с густо накрашенными губами попросила его подождать минут десять: доктор вот-вот освободится.

- А где Роза? - спросил Ян красногубую.

- Уехала, - сухо ответил багряный рот, - а я вам что, не нравлюсь?

Ян мог бы и не задавать вопросов, он и без того знал, куда делать Роза: роман закончился, и ее место заняла новая претендентка на досуг его друга-мозговеда. Герман... уж сколько лет одно и то же?

Дверь скрипнула: в его голове вдруг пронесся какой-то странный, невесть откуда взявшийся образ, будто где-то он уже это видел: и эта дверь, и то, как она открывается порывистым движением, и как выходит из нее женщина в простом цветастом платье и со всей силы хлопает дверью за своей спиной. Мир вокруг чуточку замедлился, тело вдруг отяжелело, точно с каждой стороны на него давила толща воды.

Будто кто-то нажал на ту кнопку на пульте проигрывателя, что отматывает изображение назад: широким, решительным шагом из кабинета вышла женщина в простом цветастом платье. Не дожидаясь, пока она что есть мочи хлопнет дверью, Ян зажал уши ладонями. Красногубая успела кинуть на него удивленно-подозрительный взгляд.

«Специалист», - с презрительной усмешкой сказала женщина и со всей силы хлопнула дверью за своей спиной.

Опять... опять одно и то же. Хорошо, что секретарша, смутившись, смотрит на удаляющуюся цветастую спину - хоть на минутку прийти в себя... обычно в следующие несколько мгновений после таких дежавю накатывает ощущение, будто он и мир крутятся в разных временных измерениях, и совпасть шестеренки этих двух сложных механизмов никак не могут.

- Галина! - окликнула уходящую женщину озадаченная секретарша, но женщина и не подумала остановиться.

- Можно? - тихо спросил Ян, постучавшись.

Герман, маленький, сутулый мужчина тридцати восьми лет, сидел за своим внушительного вида деревянным столом, задумчиво постукивая ручкой о кожаный переплет книги по психиатрии.

- Это ты, Ян? - рассеянно спросил он, - проходи.

Герман встал, чтобы налить себе и другу воды, но сделал это, скорее, не из-за гостеприимства и хороших манер, а просто потому, что выдерживал паузу: он был чем-то озадачен и расстроен и тянул время, чтобы обрести свою привычную уверенность врача.

- Очередная пациентка? - спросил Ян.

- Да, вроде того, - ответил тот, повернувшись , - мать. Мать пациента.

Герман говорил отрывисто, будто бы нехотя. Но Ян знал, Ян чувствовал, что другу хотелось рассказать ему о том, что произошло здесь минуту назад. Ян хотел быстрее перейти к тому, что беспокоит его все утро, не отпуская от себя его мысли ни на минуту. Но он уступил.

- Расскажи.

- Ее восьмилетний сын страдает шизофренией. Классическая картина: слабость процессов обобщения, вычурность мышления, высокая степень аутизации, изобилие неологизмов...

- Герман, прошу тебя, я писатель, а не психиатр, выражайся на русском языке.

- Говоря русским языком, ребенок не желает ни с кем разговаривать, часами сидит в углу темной комнаты, залезает под стол всякий раз, когда в дом приходит новый человек, отказывается спать, заявляя, что уверен, будто умрет во сне. Не реже раза в неделю рыдает, причитая, что не хочет и не может жить. И это восьмилетний ребенок! Все это сопровождается проблемами с пищеварением: его выворачивает от всего, кроме вареной картошки без масла и каши на воде. Тощий бледный мальчишка, в свои восемь выглядящий в лучшем случае на шесть. Родители не обращались к врачу, пока од-

нажды ночью он не взял молоток и не принялся бить им спящую сестру. Благо, что каша и картошка не питает его тело достаточной силой, хотя десятилетняя девочка провела остатки ночи у врача, который вправлял ей сломанный нос. Как тебе картина?

Чем больше Герман говорил, тем сильнее распалялся. Темная складка меж бровей разделила его лоб на две ассиметричные части.

- Мда-а-а-а, - только и нашел, что сказать Ян. Ему было жаль мальчика, но что ему было волноваться: теперь малыш в надежных волосатых руках светила психиатрии. А вот его собственный вопрос волновал Яна куда сильнее.

- Вот тебе и «мда-а-а». Мать сначала запирала по ночам мальчишку в крохотной комнатке, потому что, хоть и не хотела в этом признаваться, боялись его всей семьей. Так бы она и держала его взаперти, если бы в один прекрасный день не посетила их гениальная мысль показать своего отпрыска психиатру. Этакая честь перепала мне.

Ян едва заметно усмехнулся: «этакая честь». Ему уже стало интересно, чем же закончится история, сумевшая так задеть его друга.

- Одним словом, я поставил ему диагноз, посоветовал клинику. Обливаясь слезами, но и вздыхая с явным облегчением, они отвезли пацаненка в больницу. Месяц мальчишку лечили, как подобает, он даже стал похож на человека: не вопил, не вжимался в углы, таблетки помогли наладить пищеварение. Потом семья решила уехать на следующий месяц в отпуск, и им приспичило взять мальчишку с собой: совесть родительская взыграла.

- И что же было дальше? - нетерпеливо подгонял друга Ян. Ситуация, что случилась в приемной Германа, все еще не отпускала его мысли, и они точно раздваивались: одни витали где-то там вокруг этой женщины в цветастом платье, а другие сгустились вокруг Германа и внимали его истории.

- А дальше каким-то чудом в доме, который они снимали, оказалось старое пианино. Мальчишка неделю отходил от таблеток, бараньим взглядом пялясь на инструмент, а потом три оставшиеся недели мамаша не могла отцепить его от клавиш, чтобы хотя бы засунуть в него вареную картофелину. И надо же такому случиться, за день до отъезда к ним в гости пришел приятель-пианист, который внушил мамаше, что их сын гениальный музыкант. Видите ли, он выучил ноты самостоятельно и наигрывал мелодии. Теперь эта взбалмошная мамаша явилась ко мне в кабинет со словами, что я никчемный психиатришка: не могу отличить больного от гения. И что якобы чуть было не загубил ее сына, отупляя таблетками для дебилов! Для дебилов: чтоб она в этом понимала! - закончил Герман, весь красный от возбуждения. Он нервно закурил, хотя делал это очень редко.

- Но, Герман, - начал было Ян. Он вдруг почувствовал каким-то необъяснимым чувством, что как-то косвенно, неявно, эта история касается и его, - может, он и вправду гениален? Гении, они ведь другие. Выучить ноты самостоятельно за три недели - шутка ли?! Ты сейчас считаешь, что мальчишке самое место на койке в палате психбольницы?

- Да, считаю! Если он выучил ноты, это еще не значит, что он больше не возьмет в руки молоток и не изобьет сестру до полусмерти! В большинстве случаев «гениальность» таких детей иссякает к подростковому возрасту, а социальная неадаптивность и агрессивность остаются навсегда! Мальчишка больной, а больных надо лечить! Порой такая ошибка: не лечить психически больного - обходится слишком дорого: однажды пациент с бредом изобретательства, возомнивший, что он недооцененный гений, добившись приема у известного академика, зарубил ученого топором, который незаметно пронес под одеждой. Как тебе?

- Но ведь многие гении были, мягко говоря, странными, а потом человечество получало бесценные картины, стихи, музыку. А взять библейских пророков? Мы, люди, почти поголовно знакомые с такими словами, как «шизофрения», «психические болезни» и так далее, и по сей день живем по Библии. Но что бы мы сказали, если б сегодня встретили человека типа того же Еноха, который вещал об ангелах, спустившихся на землю и совокуплявшихся с дочерьми человеческими?

- Я сказал бы о нем то же, что сказал бы и о самом Енохе, - впервые за все это время на губах Германа обозначилась усмешка. Ян пожалел, что привел другу этот пример; он понял, если Герман когда-либо и читал Библию, то только как иллюстрацию к справочнику по психиатрии.

- И все-таки самостоятельно ноты в восемь лет, за три недели... - Ян посмотрел на Германа, тот покраснел еще больше, насупился, надулся, будто детский резиновый шарик - пора было менять тему.
- Ладно, тут тебе виднее. Я чего пришел-то... в общем, мои эти странные сны не проходят, и эти ужасные дежавю тоже преследуют меня каждый день. Это очень меня изматывает: вечное ощущение, что я где-то уже все видел, знать наперед, какого цвета рубашка будет у человека, входящего в офис; знать наперед, что официант обольет кофе респектабельного джентльмена за столиком... И еще эти сны...

Ян запнулся. Мысли стали роиться, точно потревоженные мухи, - трудно было ухватить хотя бы одну. Наконец, он взял себя в руки:

- Я выпил уже половину бутылка, что ты мне дал. Думаю, стало хуже, рассеянность появилась, медлительность - в общем, весь спектр побочных эффектов, вот только главные эффекты все никак не наступают: ни сон этот не сменяется, точно пластинку заело, ни дежавю не перестают. Вот и сейчас, я видел эту женщину выходящей из твоего кабинета и хлопающей дверью до того, как она появилась в дверном проеме...

- Да брось, - только и сказал Герман, отмахнувшись привычным жестом. Было видно, что он еще весь там, в этой истории с мальчишкой-щизофреником, что «специалист», брошенный с ухмылкой, все еще не выходит из его головы... а еще, так казалось Яну, Герман немного дулся на друга за то, что тот посмел усомниться в его компетентности.

- Нет, правда, спроси... - Ян запнулся, - спроси эту свою красногубую секретаршу: она видела, как я зажал уши еще до того, как женщина даже руку завела, чтобы хлопнуть дверью! Спроси...

- Да брось, - снова отмахнулся Герман, перебив Яна, - ничего ты не видел дважды, это обман психики, это иллюзия. Знаешь, был эксперимент, когда спящего человека в тот период сна, когда он видел яркие образы, разбудили звуком случайно упавшего увесистого словаря. Человек тут же проснулся и по пробуждении рассказал, что видел сон, в котором была погоня, кто-то достал пистолет и выстрелил, и тогда он проснулся от выстрела. Но, понимаешь, пистолет не мог появиться до выстрела: откуда ему было там взяться? Ведь звук выстрела - это звук упавшей книги. Значит, не мог он сначала видеть погоню, появившийся пистолет, а потом услышать выстрел! Все это ему подсунуло его бессознательное за доли секунды после звука упавшего словаря, чтобы «объяснить» сознанию, откуда этот звук взялся. Так же и у тебя. У тебя навязчивые идеи! Ты переутомился на работе... давай-ка я выпишу тебе еще одни таблетки... если те не помогли, то помогут эти.

Герман договаривал, кряхтя, согнувшись над ящиками своего стола: он искал бланк для рецепта. Кажется, он снова обрел свою уверенность врача-светилы. Ян был в замешательстве: переутомился на работе... но он точно видел, и не раз... и еще этот сон...

- А сон... - начал было он робко.

- А что за сон?

- Каждую ночь я вижу одно и то же: я в темной комнате, спиной ко мне сидит человек с опущенной головой, а рядом лампа освещает его макушку, - Ян говорил, и странное дело, вроде бы и сон-то был вовсе не страшным, но почему-то мурашки холодной, упругой волной пробежали по его спине. Герман неприкрыто улыбнулся:

- Кто это был: мужчина или женщина? - спросил он Яна, игриво поднимая бровь.

- Герман! Опять ты со своими психоаналитическими штучками! - ответил Ян раздраженно.

- Я только спросил! - примирительно выставив перед собой ладони, сказал Герман. - Ты ведь и сам знаешь, у тебя давно не было женщины и всего с этим связанного.

- Перестань! Это не имеет никакого отношения ни к женщинам, ни ко всему, что с этим связано!

Ян почувствовал, что начинает злиться на друга, а это было ни к чему. Злость не добавит ему аргументов ни в споре с профессиональным, опытным психиатром, ни в споре с самим собой.

- Ладно, мне пора. И я уверен, что и твои новые лекарства мне не помогут. Вопрос вовсе не в этом! - выпалил Ян, взяв со стола листок с рецептом. Однако, в знак несогласия, он пренебрежительно смял листок во влажном кулаке.

Спустя некоторое время после того, как дверь за Яном закрылась, задумчивый Герман крикнул в сторону своей приемной:

- Аня, зайди-ка!

———

- Приходи... приходи! Мне очень нужно кое-что тебе показать... не спрашивай! Не спрашивай, просто приходи! - встревоженный голос Яна порывисто врывался в еще сонные уши Германа.

- Ян... сейчас... Бог ты мой, сейчас четыре утра... мне же на работу через...

- Приходи... мы можем пропустить, поэтому надо, чтобы ты встал и поехал прямо сейчас! - не унимался Ян.

- Да что ж такое. Я точно дал тебе вчера правильные таблетки?

- Герман, приходи... прошу. Придешь?

Пауза. Пластмассовая трубка не отвечала, только сонно пыхтела в раскрасневшееся лицо Яна.

- Хорошо, приду.

- Тогда записывай адрес!

Еще теплая, волосатая рука Германа нащупала в полутьме блокнот и карандаш, что вот уже десятилетия лежали на одном и том же месте, каждую ночь.

Спустя час двое мужчин стояли в пустой улочке, где свет фонаря бледнел, растворяясь в розовых тонах наступающего рассвета. Где-то позади, за их спинами с шумом проносились одинокие машины, такие же нелепые в этот час, как и сонная муха зимой.

- Ян, у меня просто нет слов! Зачем ты вытащил меня среди ночи сюда, в этот пустой переулок? Кого мы тут выжидаем, точно волки на охоте?

- Герман, не драматизируй. Никакие мы не волки, а если на кого и охотимся, то только на доказательство моей вменяемости.

- Да уж... лучшее доказательство стоит в пять утра посреди города. Ян, я бы все-таки настаивал, чтобы ты пропил полный курс табл... - психиатр не успел договорить, Ян перебил его.

Уже на каком-то инстинктивном уровне этот маленький сутулый человек, сам того не желая, отмечал про себя все черточки, все маленькие намеки на безумие, на помешательство, наконец, на психоз. Такова уж была его работа, что дрессировала его внимание, натаскивала на поиск признаков рас-

стройства самого тонкого музыкального инструмента на земле - души человеческой. Вот и сейчас, точно машина, где-то далеко, на подкорке, он отмечал: разрывы в речи, неуместные паузы, а после - точно по механическому кругу, возвраты к тому, что, казалось, уже давно должно было забыться; Ян не слышал психиатра, будто бы и не было его вовсе рядом, - синдром монолога; глаза бегают: скользят то вверх, то вниз, то в сторону - возможно, он говорит с кем-то еще или слышит кого-то еще; нарушение сна, бессонницы; губы шевелятся во время паузы - может, он и отвечает кому-то, кроме психиатра? Психоз...похоже, психоз. Герман тряхнул головой, чтобы скинуть с себя все эти навязчивые мысли, которые точно жили своей собственной, отдельной от него, Германа, жизнью.

- Что ты там бормочешь? - спросил он Яна.

- Так... ничего, - отмахнулся он.

Герман осунулся... может, и вправду, говорит с кем-то еще?

Ян бросил на друга быстрый взгляд - он сразу все понял, понял, о чем думает этот маленький сутулый человек, уж больно хорошо он изучил все выражения этого не слишком подвижного лица за годы их дружбы.

- Да брось, Герман, - заговорил Ян, - ты что же, решил...

- Ничего я не решил! - прервал его психиатр. Он уже начал замерзать в своей спортивной ветровке. Сон как рукой сняло, но легкое раздражение начинало становиться все ощутимее. - Но ты притащил меня сюда среди ночи, при этом даже не можешь объяснить мне, зачем сделал это!

- Герман, я притащил тебя, как ты изволил выразиться, чтобы убедить в том, что я не сумасшедший! Что есть что-то, кроме того, что вы называете нормой и безумием! Есть то, что происходит со мной! И я понятия не имею, почему, я только знаю, что...

- По-твоему, то, что сейчас происходит, это нормально?! Послушай меня, я уже столько раз слышал все эти речи слово в слово; столько раз люди самыми пронзительными словами убеждали меня в моем невежестве и узколобости и в том, что они говорят ночами с Иисусом и даже что сами они «есмъ Он»... - Герман уже потянулся было к локтю Яна, чтобы тихонечко, незаметно, под все эти неуместно для столь раннего часа эмоциональные разговоры, отвезти друга домой.

- Да послушай же меня! - выкрикнул Ян, дернув локтем, а потом, перейдя на шепот, добавил: - Послушай! Я видел это сегодня во сне: минута в минуту! Потому и поднял тебя в такую рань: сейчас появится девушка... я даже могу тебе ее описать: худенькая, в голубой курточке, с затянутыми в хвост волосами; заплаканная, расстроенная, всхлипывающая. Она пробежит мимо нас, будто ошпаренная, задев тебя плечом. А потом, когда она дойдет до того перекрестка, случайная, шальная иномарка завизжит старыми тормозами, чтобы пропустить невесть откуда взявшегося пешехода...

- Да что ты такое болтаешь? Какая девушка? Посмотри вокруг: ни единой души. Только мы с тобой, да и нам-то здесь делать нечего! Пойдем, ради Бога, пойдем отсюда. Все это, все, что происходит с тобой, поправимо, я знаю парочку...

Но Ян уже не слушал друга. Он знал: сейчас. Вот так же неуловимо, чуть заметно дрогнула ветка на дереве, вот так же дунул порыв ветра, шевельнув прядь редеющих волос на голове Германа, вот снова шестеренки разомкнулись, завертелись на разных скоростях, и мир раскололся надвое.

- Я запишу тебя на прием, - по-прежнему не умолкал Герман, но вдруг голос его оборвался, точно пленка порвалась на старой магнитофонной записи: кто-то больно ударил его по плечу, толкнув вперед.

Мимо пронеслось голубое пятно - девушка, ссутулившаяся, сжавшаяся, точно что-то тяжелое давило ей на плечи. Ошарашенный, сбитый с толку, Герман поправил свои съехавшие на бок очки. Девушка приблизилась к перекрестку. Краем глаза Ян заметил, что Герман хотел было крикнуть ей что-то, должно быть, остановить, он промолчал, поймав свои не успевшие обрести звук слова за самый хвост: дух ученого, экспериментатора победил. Ян сощурился в ожидании резкого звука: тормоза огласили еще не проснувшуюся улицу надрывным воплем. От резкого торможения черная машина толчком подалась назад и едва заметно зашаталась на своих круглых резиновых ногах. Девушка вся сжалась, будто окаменела на мгновение. Какая-то неразборчивая, запинающаяся брань послышалась из полуоткрытого окна машины, и девушка, ожив, кинулась прочь от этого места.

- Это... - осекся Герман. - Это... как ты узнал?

Ян не ответил ему. Ян лишь смотрел вслед удаляющейся девушке: в точности такая же: та же куртка, та же чуть прыгающая, немного детская походка - он видел ее всего лишь мгновение тогда, в своих снах, но запомнил все до мелочей. Единственное, что так и не оставило следа в его памяти - это ее лицо... должно быть, во сне ему его так и не показали... А сейчас он видел только обтянутую синей курткой слегка сутулую спину.

- Да ты... да ты все подстроил! Я знаю: ты все продумал заранее! - начал Герман, всплеснув руками так, будто бы только что узрел смысл мироздания. - Тоже мне, режиссер-постановщик!

- Знаешь, Герман, - прервал его Ян. Голос Яна звучал уверенно: теперь он точно знал: это не могло быть простым дежавю, не могло быть изощренным обманом его сознания: он описал эту девушку Германа в деталях, как она всхлипывает, как она, проносясь мимо, заденет его плечо, визг тормозов - деталь в деталь, и так оно и произошло через пару мгновений. Теперь, чтобы ни говорил этот маленький человек в профессорских очках, у Яна был свидетель... причем не просто свидетель, этим свиде-

телем был Герман! - Если просто представить, хоть на мгновение, что мы с тобой поменялись местами, и сейчас это я - доктор в белом халате, я бы сказал, что ты страдаешь бредом: ты готов придумать любые, даже самые нелепые версии того, как я мог все это подстроить, разыграть, угадать, в конце концов, но только не поверишь мне! Сколько еще таблеток тебе нужно скормить мне, чтобы ты просто прислушался к моим словам?! Прислушался не для того, чтобы, точно вшей, искать в них признаки безумия, а чтобы хоть раз усомниться в догмах твоих медицинских книг?

Герман нахмурился, он почти не моргал - слушал Яна, удивленный, сбитый с толку, лихорадочно ищущий объяснений: понятных и привычных. Но Ян видел: сомнение уже закралось в его голову. Это не слова убеждали его, нет, то была уверенность и самообладание, с которыми Ян говорил и которые он обрел благодаря этой маленькой девушке в голубой куртке и благодаря несшейся по полупустому городу, нарушающей все писаные и неписаные правила, черной машине.

- Ладно, приходи в бар, что рядом с моим кабинетом, сегодня в семь. Поговорим, - Герман посмотрел на часы, - мне пора работать.

Ему еще не было пора работать, но ему нужно было собрать свою разбившуюся вдребезги уверенность, ему нужно было, чтобы наступило хотя бы равновесие двух самообладаний: его и Яна.

- До вечера, Герман.

- До вечера, Ян.

Ян вовсе не хотел идти за ней. Не хотел, правда. Он и сам не знал, как так получилось. Сначала он просто брел по пустой, едва-едва просыпающейся улочке, раздумывая обо всем произошедшем. В кармане брюк он теребил не начатый бутылек лекарств, которые ему выписал психиатр. Потом его отвлек рассвет, поднимающийся над городом: холодные бетонные стены домов окрашивались в розовый цвет, вчерашние лужи блестели, ловя первые отсветы; заводили свою песню воробьи, чьи-то первые заспанные лица стали появляться то тут, то там. Утреннее солнце - иное солнце, и свет его другой: как будто более юный, как будто более чистый, как будто бы немного застенчивый.

И только пройдя два-три поворота, Ян снова увидел синюю куртку и худенькие ноги, что часто перебирали по мокрому асфальту.

- Кто ты такая? - тихо спросил он утренний воздух. - Почему я видел именно тебя?

Влажный воздух не ответил ему, зато синяя куртка, подойдя к дверям кафе, открытого круглые сутки, вдруг остановилась, была видна ее нерешительность: зайти или не зайти? Быстрый взгляд на часы: зайти. Она села за самый дальний столик, туда, куда сквозь широкие окна еще не проникали солнечные лучи. Она села спиной ко всему миру, так и не сняв свою куртку. Кафе было пустым, но Ян сел за соседний столик. Девушка нервно оглянулась: молчит, ничего не говорит.

- Чего желаете? - спросил его сонный, хмурый официант. Мешки под его глазами выдавали усталость и бессонную ночь.

- Кофе, - ответил Ян.

- Все? - буркнул официант.

- Все.

- А вы? спросил он девушку.

Та помолчала немного: она ничего не хотела - ни еды, ни воды. Она только хотела, чтобы никто не трогал ее, просто дал побыть одной в это раннее утро, перед тем как город проснется окончательно. Когда улицы заполнятся людьми, на ее щеках уже не должно быть слез.

- То же, - ответил девушка.

Официант тяжело и раздраженно вздохнул, уходя на кухню.

- А если бы я заказал бутылку водки? Вам бы пришлось придумать что-то другое, - заговорил Ян, злясь на себя за не самое удачное начало разговора.

Девушка едва заметно заерзала на месте: «Оставь меня в покое, уйди, исчезни вместе со своим кофе», - читалось в ее позе.

- Придумала бы, - тихо ответила она. - Вы что, преследуете меня?

- Это кто еще кого преследует, - усмехнувшись, ответил Ян. Это ведь она приснилась ему ночью, а потом, повторяя с великой точностью каждое свое движение, прошла мимо них, задев плечом его друга.

- Что вы имеете в виду? - девушка разговаривала, по-прежнему сидя к Яну спиной.

- Да так, не обращайте внимания: сонные бредни. Вот сейчас выпью чашечку кофе...

- Вам обязательно пить ее здесь? - вдруг неожиданно спросила она.

- Я вам мешаю?

Девушка молчала. Только еще сильнее подались вперед ее худые плечи: она будто уменьшилась в росте, превратилась совсем в ребенка.

- Я знаю, вы плачете, - снова заговорил Ян, - что случилось?

Девушка молчала. Официант принес им по кофе. Его помятая физиономия немного выправилась, но хмурость и отпечаток какого-то несмываемого недовольства все еще оставались. Горячий пар свежего кофе обдавал лицо. Пахнуло бодростью и уютом. Утренний озноб отступал, становилось жарко. Но девушка по-прежнему не снимала куртку.

- Возможно, я могу вам помочь. Просто скажите, что случилось. У меня есть друзья... - Ян не успел договорить.

Она прервала его, высунув из-за спины свою худую белую руку. Меж дрожащих пальцев был зажат смятый клочок бумаги. Ян аккуратно взял бумагу, и вдруг девушка содрогнулась всем телом, сжалась еще сильнее, и он заметил, как задергались ее плечи под синей материей. Она заплакала еще сильнее, не в силах задушить выдававшие ее всхлипывания. Официант недовольно причмокнул, глубоко вздохнул и отвернулся к стене, будто бы натирая тряпкой старые бокалы. Ян развернул бумажку: какая-то медицинская справка, то ли заключение. Неясные термины, множество строк.

- Черт возьми, я ничего здесь не понимаю, расскажите мне сами!

Где-то внутри себя он уже все понял, он догадался. Внутренне он уже сжался, понимая, что не знает, как ему отреагировать на те слова, что она произнесет спустя мгновение. Пока девушка всхлипывала и пыталась хоть немного овладеть своим дыханием, его разум лихорадочно подбирал подходящие слова.... но ни одни из тех, что приходили ему в голову, таковыми не оказывались.

- Они дают мне полгода, - наконец, поборов спазмы, проговорила девушка, - полгода, и это при удачном стечении обстоятельств.

- Кто? Кто дает вам полгода? - Ян тянул время.

- Врачи, - тихо прошептала она. Судорога, то и дело сжимавшая ее тело то в груди, то в животе, то в горле, казалось, чуть ослабла. Произнеся вслух то, что застряло где-то глубоко в ней, она вдруг вся как-то резко сникла и замолчала.

- Не самое лучшее начало дня, - едва слышно пробурчал Ян.

Он сказал это, скорее, самому себе, сказал, чтобы заполнить неловкую паузу. Девушка как-то приосанилась, согнувшийся было стержень внутри нее вмиг выпрямился:

- Извините, не хотела портить вам утро, - тихо сказала она.

Голос ее вдруг зазвучал холодно, будто морозным воздухом окатило. Ян покраснел. Он не то имел в виду! Нет, правда, совсем не то! Теперь он радовался тому, что так раздражало его все это время, тому, что она по-прежнему сидела к нему спиной.

- Я... я не то имел в виду... извините вы меня... я имел в виду, ведь сейчас раннее утро, для вас... вам - не самое лучшие начало дня.

Она промолчала. Повисла тяжелая, гнетущая тишина, такая тишина, которая красноречивее всяких слов, такая, которая не оставляет людям возможности провести друг с другом и минуты.

- Не самое лучшее начало жизни, - ее слова едва можно было разобрать. Яну даже показалось, что ему всего лишь послышалось.

- Вас рассчитать? - спросил официант, подойдя к столикам и недовольно глянув на почти не тронутый кофе.

Кофе остывал, клиенты сидят, а счет их не пополняется ни нулями, ни другими цифрами. Ему бы прикорнуть часок, пока оголтелая толпа людей в белых рубашках и туго затянутых галстуках не придет завтракать в его кафе. Вот тогда уж не отдохнуть, вот тогда уж только бегать и бегать от столика к кухне, от кухни к столикам. Одно хорошо - это момент, когда приносишь людям счет.

- Рассчитайте, - едва различимо промямлил Ян.

Девушка снова заерзала на своем стуле.

- Я... я только расплачусь и посижу еще немного, хорошо? - сказала она, теребя дрожащими пальцами салфетку.

Должно быть, пальцы ее все еще думали, что то был не клочок дешевой бумаги, а все то же медицинское заключение, мокрое то ли от пота, то ли от слез. Официант только лениво пожал плечами.

- Вы намерены отсиживаться здесь все следующие полгода? - спросил Ян, откладывая подальше от себя справку. От этой бумажки, казалось, тянуло запахом больницы, запахом болезни и страха, - Не самое лучшее место вы для этого выбрали.

Девушка молчала. Ее нетронутый кофе испускал свой кофейный дух, остывая, а она так и не притронулась к нему. Да и когда ей было: пальцы ее все время были заняты замусоленной, скомканной салфеткой. Ну и ладно, подумал про себя Ян. Он уже клял себя за то, что вошел сюда, в это злополучное кафе, пошел за этой странной девушкой. Привиделась и привиделась. Возможно, Герман отчасти и прав, и не стоит придавать всему этому столько внимания. Вся та тяжесть утренних слез, этого чужого диагноза, ставшего приговором для молодой девушки, - все это было ему ни к чему. Со своими бы странностями разобраться. Но все же густая, горячая краснота не сходила с его лица, и какое-то странное, гнетущее чувство не отпускало его и тяжелым грузом давило где-то в желудке.

- Просто мне некуда идти, - вдруг тихо ответила девушка, - мне нужно идти домой. Дома ничего не знают, все это время я им ничего не говорила... и теперь сказать все сразу - я просто не могу, у меня нет сил.

Плечи ее снова поникли. Ян думал, она опять вот-вот заплачет. Но она не заплакала - видимо, сил ее не хватало уже даже и на это.

- Вот, держите, - неожиданно для самого себя ответил ей Ян, достав из кармана своего плаща связку ключей, - это ключи от моей квартиры. Этот, длинный, от верхнего замка, нижний, с крестообразным концом, - от нижнего. Не перепутайте.

Он положил связку ключей прямо на столик девушки, рядом с ее чашкой кофе, черкнув свой адрес на единственной нетронутой салфетке. Она молча смотрела на ключи, а потом вдруг подняла голову и впервые посмотрела на Яна:

- Но... - начала было она.

Лицо ее было заплаканное, опухшие, воспаленные от слез веки, бледные щеки, от соли покрывшиеся красными пятнами, неровными, точно кляксы. Тушь размылась, дрожа мутными каплями на подбородке. Возможно, поэтому или из-за ее щуплости и по-детски испуганных глаз, ему показалось, что она совсем еще ребенок, совсем еще молода. Что-то внутри него сжалось.

- Не перепутайте: длинный - от верхнего, крестообразный - от нижнего. Меня целый день не будет дома, а если надумаете остаться на ночь, у меня есть свободная комната, можете расположиться на диване. Не предлагаю свою постель: нет чистого постельного белья, а я, как джентльмен, не могу уложить даму на грязных простынях. А диван вполне удобен.

Не дав девушке возможности возразить, Ян развернулся, поднял воротник своего плаща и вышел из кафе. Яркие солнечные лучи ударили ему в глаза, звуки проснувшейся улицы унесли с собой стоявшие в ушах всхлипывания «синей куртки». Ян достал из кармана смятый платок и протер им руки: теперь он уже не чувствовал запаха больницы, теперь он чувствовал запах проезжающих мимо машин и хотдогов, что продавались в ларьке здесь, за углом. Хорошо бы теперь по-настоящему выпить горячий кофе.

Ян смутно понимал, зачем дал этой малознакомой девушке ключи от своей квартиры и зачем он вообще ввязался во все это. Отмотать все назад - он бы ни за что не вошел в обшарпанные двери этой дешевой забегаловки. Но почему-то тяжесть в желудке Яна будто бы куда-то ушла... не совсем, но теперь как будто бы и не ощущалась, если только не обращать на нее внимания.

———

Они с Германом встретились в маленьком баре, в который редкими пятничными вечерами они любили наведываться вот уже несколько лет. Когда Ян зашел в накуренный бар, Герман уже ждал его за столиком в углу, напротив телевизора, попивая пиво. По здешнему телевизору вечно показывали футбольные матчи: последние и старые, даже такие старые, что Яну казалось, он еще и не родился, когда эти ребята и вправду бегали в своих смешных шортах по полю с проплешинами. Ему порой казалось, что даже Герман еще не родился, когда некоторые матчи впервые шли по черно-белым экранам чьих-то немногих телевизоров. Ян сел за столик, поставив перед Германом бутылек с лекарствами, которые психиатр прописал ему день назад.

- Что скажешь, доктор, мне все же нужно пить твои пилюли?

- Пилюли пить невредно доброй половине этого города, а то и каждому встречному, - хмуро ответил Герман, - закажи-ка себе пива, а то я чувствую, что мы с тобой в разных весовых категориях, а так разговаривать на серьезные темы не очень-то удобно.

Ян заказал им с Германом по кружке пива и какой-то малозначительной закуске: ему не терпелось перейти к разговору.

- Итак, что мы имеем, - начал Герман, старательно раздвигая края фисташки. Ядрышко никак не хотело отдаваться на волю психиатра, как, должно быть, не хотели и многие его пациенты. - Мы имеем угадывание сегодняшней сцены.

- Угадывание? - с недоумением переспросил Ян. - Да я все знал до минуты. Я описал тебе ее, эту синюю куртку, описал, как она заденет тебя плечом и как ее чуть не собьет черная иномарка.

- Ты не говорил, что иномарка будет черной, - тихо подметил Герман, неотрывно глядя на вторую не поддающуюся стараниям его коротких пальцев фисташку.

- Да брось! Может, мне еще нужно было описать каждую мелочь. Нам как раз стоило бы тогда прийти туда на часок пораньше! Ты что же, все еще думаешь, что я все это подстроил? Или, может, скажешь, что это случайное совпадение?

- А я не исключаю этот вариант. Я про совпадение.

- Герман, - Ян медленным движением вытащил раскуроченную фисташку из рук друга и внимательно посмотрел ему в глаза. - Я бы тоже не исключал такой вариант, если бы только подобные совпадения не случались со мной каждый день. Каждый день я встречаю старушку, обругавшую машину за то, что та, проехав мимо, обрызгала ее из лужи; вижу, как падает ребенок, пробегающий мимо; вижу, как официант случайно обливает соком мужчину в дорогом костюме. Все это я вижу каждый день... дважды. С точностью до деталей. Точно так же, как было сегодня утром. Просто раньше этому не было свидетелей, а теперь есть - и это ты, главный скептик всех времен и народов!

- Хорошо, - Герман пытался вести разговор в своей обычной докторской манере. Он старался управлять беседой, самостоятельно направляя ее то туда, то сюда. - Расскажи про того человека, которого ты видишь в своих снах.

Ян едва заметно нахмурился.

- Я помню, как это началось: однажды мне просто приснился человек... его тень, темная, в отдалении, и лампа, что сбоку освещала его затылок. И все, больше ничего: ни сцен, ни картин, ни дежавю. Тогда наутро я проснулся и записал в блокнот свой сон, подумал, может, рассказ какой когда-нибудь выйдет. А после в тот блокнот я уже просто записывал все, что стало происходить со мной дальше, все

эти сны и их копии, что воспроизводились среди дня чуть ли не каждый день.

- Я не понимаю, - начал Герман слегка раздраженным голосом, - что же все-таки делает этот человек в твоих снах?

- Он сидит ко мне спиной в темноте. Рядом светит лампа. Но я вижу только его спину и затылок. Больше мне нечего рассказать. Всегда, перед тем как увидеть какую-то новую сцену, прежде я вижу его.

Герман снова взял неподатливую фисташку, но, скорее, просто для того, чтобы чем-то занять руки. Обычно в таких случаях он крепко сжимает пальцами свою дорогую ручку. Сейчас же ее место занял соленый орешек.

- Подожди-ка, дай разобраться: так ты видишь копии событий во сне или наяву?

- И так, и так, - признался Ян, - порой я вижу их во сне, а порой они будто отодвигают настоящий мир в сторону, замедляя его, будто кино, и вклиниваются прямо между мной и им. Странное ощущение. Странное и неприятное.

Герман слегка прищурился. Это был тот самый скептический, недоверчивый прищур, которым он не раз испытывал своих пациентов, пытаясь расколоть их так же, как мгновение назад раскалывал фисташку.

- Хорошо, вернемся к тому человеку. И что же, всякий раз он просто сидит и не двигается? Ты не видел его лица?

- Нет, я никогда не видел его лица. Я понятия не имею, как он выглядит спереди. И он почти не двигается: лишь иногда немного шевелится его локоть.

- Каждый раз перед тем, как видеть сцену?.. Ну... он что, пишет или что? С какой стати ему двигать рукой?

- Не знаю... - Ян и сам не раз задавал себе тот же вопрос. - Может, и пишет... Настольная лампа светит под таким углом, будто бы должна что-то ему освещать... не пойму, какая во всем этом логика.

- Погоди-ка, - Герман едва заметно усмехнулся, - то есть он сначала что-то там пишет, а потом ты видишь какие-то сцены, что позже повторяются наяву? Следующим этапом твоего наваждения станет заявление, что сначала этот человек пишет эти сцены, а потом ты видишь их в своей жизни. Я уже сталкивался с подобным однажды: человеку казалось, что кто-то пишет его жизнь. Вдох - слово, выдох - слово, попал в психушку - а это уже абзац.

Ян слышал слова Германа, он даже хотел буркнуть ему что-то о том, что тот всегда пытался найти безумие в человеке, но только не поступиться мнимой нормальностью мира вокруг. Но он этого так и не сказал. Зрачки его вдруг расширились, пальцы невольно скрючились, оставив на столе едва заметные следы от ногтей: шестеренки снова разъединились, снова мир вокруг поблек, отошел в сторону, уступив место чему-то другому.

- Ты что? - спросил его Герман, но голос его слышался как-то приглушенно, будто издалека. Ухмылка слезала с его лица, точно краска, слезающая с забора после долгой, мокрой зимы. - Обиделся, что ли?.. Ян?

- Не пугайся, - едва шевеля губами, произнес вдруг Ян, - это всего лишь сбой электричества.

- Что? - недоуменно спросил Герман.

Внезапно мир вокруг погас. Погас не только для Яна. Но и для Германа. Погас он для всех, кто сидел в тот вечер в крошечном баре. Все погрузилось в темноту, точно бар залило черными чернилами; замолчал телевизор, оборвав рев болельщиков.

- Что за черт? - раздался чей-то голос в другом углу помещения.

Ян почувствовал, как дрогнул стол: это Герман схватился обеими руками за его края. Психиатр с фобиями: он боялся темноты с самого детства, и Ян знал это. Потому-то он и предупредил доктора заранее, едва заставив шевелиться свой онемевший язык.

- Не волнуйтесь, сохраняйте спокойствие, - заговорил бармен под звон ударявшихся друг о друга бутылок: должно быть, он на ощупь пытался выйти из-за стойки, - это всего лишь перебои с электричеством. У нас такое бывает.

- Быва-а-ает, - будто эхом отозвался чей-то хмельной голос.

- Еще минута, и вы снова сможете смотреть футбол, - пообещал бармен.

Но минутная стрелка, должно быть, не прошла и половины круга, когда что-то где-то щелкнуло, мигнула лампочка, и послышался истошный вопль комментатора, означавший забитый гол. Ян снова увидел перед собой Германа, его пальцы все еще белели от напряжения, сжимая края стола.

Ян отвел взгляд, будто бы и не заметил этой детской реакции друга:

- Всего лишь сбой электричества, - повторил он свои слова.

Герман наконец разжал пальцы, поправил давно уже свободно болтавший на шее галстук и каким-то заторможенным, медленным движением соскреб со стола бутылек с лекарством.

- Возможно, эти пилюли стоит выпить мне, - сказал он, сделав большой глоток пива.

———

Ян пришел домой поздно, должно быть, было уже далеко за полночь. Окончание вечера они с Германом просто молча сидели друг напротив друга, допивая свое пиво. У него немного кружилась голова, видимо, пиво было крепковато или, может, он просто забыл, что почти ничего не ел за весь

день. Тихо открыл входную дверь. Странно, ключи, которыми он сделал это, были лишены привычного зеленого брелка. Ах, да, вспомнил он, эти он взял сегодня из ящика в мастерской. Дальше ассоциации и воспоминания его уже никуда не повели. Отяжелев от хмеля, мысли его стали неповоротливыми и ленивыми. Тяжело дыша, Ян зашел в квартиру, неловкими движениями снял с себя влажный от моросящего дождя плащ и бросил ключи на этажерку. Те громко звякнули, ударившись обо что-то: немудрено, этажерка вся сплошь была завалена банками с краской для обуви, какими-то старыми, уже невесть что открывавшими связками ключей, перемешанными со скомканными нитками и содержимым карманов. И только тут Ян почувствовал что-то странное: как будто бы воздух изменился или, может, изменилось что-то в обстановке. Ян обернулся и включит в прихожей свет. Там впереди, сквозь открытую дверь, он увидел девушку. Она сидела за кухонным столом, обхватив колени, и смотрела ему в глаза. Перед ней одиноко стояла чашка с остывшим чаем. Ян не сразу вспомнил, кто она и что тут делает: на ней не было синей куртки, волосы не были стянуты в тугой детский хвост - вот ему и понадобилось немного времени, чтобы узнать в этом спрятанном в тенях лице то заплаканное, бледное личико.

- Я хотела что-нибудь приготовить вам на ужин, но не нашла здесь ничего съестного, - тихо начала она, не дожидаясь, пока Ян заговорит первым. Он промолчал. От выпитого у него немного кружилась голова, а оттого реакции и мысли сменяли друг друга, будто были гружены камнями. - Наверное, я зря пришла, - тихо сказала она, опуская ноги на пол, будто бы собиралась встать, - Вы, должно быть, и забыли, что дали ключи какой-то глупой девчонке из круглосуточного кафе. Я понимаю, порыв: молодая девушка, диагноз, слезы...

- Нет-нет, я не забыл, - наконец заговорил Ян, резким движением головы стряхнув с себя хмель, и, чтобы смягчить неловкую паузу, попытался отшутиться, - я уже привык к появлению малознакомых девушек на своей кухне.

Она деланно улыбнулась одним уголком рта, но было видно, что слова его немного напугали ее.

- Шучу. Это ты извини меня: позвал тебя к себе в дом, а сам и забыл, что здесь нечего есть. Небось, так и тянешь холодный пустой чай целый вечер.

Она промолчала, опустив глаза. Видимо, и вправду была голодной, но Яну нечего было ей предложить: он никогда не питался дома, всегда приходил сюда, только чтобы отоспаться после многочасовой работы в кабинете, где всегда писал, да отмокнуть в горячей ванне.

В тот вечер Ян сильно устал, он все еще был немного пьян, и его сильно тянуло в сон. Но не это было главным. Он действительно забыл про эту особу, да и тяжесть в желудке давно прошла, еще утром он заставил ее уйти горячим хотдогом - последним, что побывало его животе за целый день, но главное, он не хотел оставаться с этой девушкой наедине. Он не знал, о чем с ней говорить. Ее проблемы, конечно, были значительными, и в другой день он бы обязательно посочувствовал ей, но сегодня все его мысли крутились вокруг совсем иного: вокруг всего того, что час назад они обсуждали с Германом.

- Знаешь, я жутко устал, и если ты не возражаешь, отправляюсь спать. Сейчас оставлю на диване теплый плед для тебя. А где ванная и... прочие места, думаю, ты уже успела разобраться, я прав?

Девушка застенчиво кивнула головой и опустила вниз глаза. Ян вышел из кухни, услышав за спиной, как зашумела вода: должно быть, намывает после себя чашку. Давненько его кухня не издавал никаких звуков, разве что только редкое жужжание холодильника, будто тот переваривал все свое содержимое.

Ночью ему не спалось. Мысли все вертелись вокруг одного и того же, не желая отпускать его сознание в сон. Теперь он все чаще прислушивался к своим ощущения: не замедлились ли шестеренки, не сбились ли, дрогнув, со своего ритма; не раздвоился ли мир опять, так что не поймешь, каков настоящий: тот, что живет сейчас, или тот, что повторит сам себя в точности, но мгновение спустя. Ему было даже легче, когда события повторяли сновидения: здесь было понятно, где сон, а где явь. Труднее же было, когда мир вдруг обретал своего двойника прямо посреди дня, застигнув Яна за каким-нибудь самым не подходящим для этого занятием. Жить так становилось все труднее.

Во рту пересохло, да и хмель, гонимый тяжелыми мыслями, выходил из тела каплями пота на лбу и спине. Ян встал с постели и направился в кухню, чтобы выпить стакан холодной воды. Но он так и не дошел до кухни: проходя мимо комнаты, в которой он оставил спать девушку, он вдруг увидел, что диван пуст. Только простыни смяты и отодвинуты в сторону. Тело Яна напряглось: в конце концов, он впустил в дом совершенно незнакомую, постороннюю девчонку, мало ли что. Возможно, Герман и был в чем-то прав, во всяком случае, поступки Яна становились все более странными день ото дня. Но девушка не рылась по шкафам, не набивала сумки ценными вещами, которых, впрочем, было немного в этом доме. Она стояла у окна, плотно обхватив себя руками так, будто бы ей было очень холодно. Она стояла в одной его рубашке, которую Ян дал ей, чтобы было в чем спать. Рубашка доходила ей почти до колен.

- Тоже не спится? - спросил Ян. Он наблюдал за ней, прислонившись плечом к дверному косяку.

Девушка вздрогнула, но не обернулась. Только складка занавески чуть поменяла свое положение от участившегося дыхания.

- Не спится, - еле слышно ответила девушка.

- Тебе принести воды? - спросил Ян.

Но она не ответила. Ей нужна была не вода. Складка на занавеске по-прежнему колыхалась в такт с ее неровным дыханием.

- Полгода, - едва различимо говорила девушка. Казалось, она говорила сама с собой. - Всего полгода. Что можно сделать за полгода? Что можно успеть за какие-то несчастные шесть месяцев? Ничему даже не успеешь выучиться. Ни одного дела, что я мечтала совершить, не успеешь довести до конца.

Потом она замолчала на мгновение. Занавеска замерла.

- Даже полюбить никого не успеешь.

- Порой можно не успеть этого и за десять лет, а порой и за всю жизнь. А самое важное иногда происходит за миг, за самый неожиданный миг.

Ян сказал ей это в утешение, потому что думал, она плачет. Но ее плечи не дрожали, до него не доносилось ни единого всхлипывания. «Лучше было бы, если бы она плакала», - подумал тогда Ян; со слезами душа человека отдает в мир хотя бы частичку своей боли. Но девушка больше не плакала. Ян неожиданно тронулся с места, оттолкнувшись плечом от дверного косяка. И широкими шагами подошел вплотную к девушке. Он обнял ее сзади. Она едва заметно вздрогнула. Под широкой рубашкой его руки ощутили ее вовсе не детское тело, теплое и на ощупь здоровое. Девушка не стала отталкивать его. Делал ли он это из жалости или по какой-то другой причине - он не хотел размышлять об этом в тот момент, не хотела и она. Ян развернул ее к себе. Лицо, сухое и не заплаканное, теперь казалось совсем другим. Он избегал смотреть ей в глаза, он просто поцеловал ее, она не сопротивлялась, а потом, когда его руки заскользили вниз по ее телу, ответила на его поцелуй.

В ту ночь он хотел не только отвести ее мысли прочь от смятой медицинской справки; в ту ночь он хотел, чтобы она поверила, будто жизнь - это те самые мгновения, что текут сквозь нас прямо сейчас; хотел доказать это ей и самому себе. В ту ночь он хотел радовать эту девушку, столь странным, необъяснимым образом оказавшуюся в его объятьях. Он хотел ее удивлять, но это было нетрудно: с каждым часом он все больше понимал, как мало она успела узнать. Под утро, когда каждый из них силился заснуть, чтобы только не оставаться в тишине, он спросил ее:

- Как тебя зовут?

- Сара, - ответила она.

Он стоял в какой-то темной комнате. Казалось, она бесконечна. Он щурился: но глаза еще не привыкли к темноте и почти ничего не различали: только темные, пульсирующие сгустки теней. Он обернулся, вытянул впереди руки - ничего; он надеялся, что кончики пальцев упрутся во что-нибудь, но они лишь провалились в пустоту. Ян повернулся в другую сторону, весь, казалось, уйдя в самые пальцы: ничего, только легкие пылинки кружились в потревоженном пространстве. «Где я?» - еле слышно спросил он то ли себя, то ли кого-то, от кого ждал ответа. Темнота молчала, ухмыляясь ему прямо в лицо. И тут только Ян начал смутно осознавать, что уже бывал в этом месте. Когда? Зачем? Этого он не помнил. Ему только мутной картинкой представлялось какое-то странное, неразборчивое воспоминание: какой-то человек... даже не человек, а его спина и затылок... то ли женщина, то ли мужчина. Рядом зажженная электрическая лампа, освещающая кромку его волос на макушке. В тот момент Ян увидел мерцающий просвет: полоску света, что узким клинышком вошла в темноту.

Полоска света приблизилась: то была неприкрытая дверь. Ян осторожно прислонил лицо к дверному косяку в надежде разглядеть хоть что-то по ту сторону просвета одним глазом. Но глаз, успевший привыкнуть к темноте, не различал ничего, кроме яркого ореола. Он тихонечко потянул на себя дверь: та поддалась, ни скрипнув, ни издав ни единого звука. Ян сощурился, прикрыв лицо ладонью. Там впереди постепенно вырисовывался силуэт: уже знакомая спина, знакомый затылок, освещенный косыми лучами светильника.

И только в тот момент Ян окончательно вспомнил: он был здесь... был не так давно. Также всматривался сквозь щель в дверном проеме. Потом он, кажется, сделал попытку открыть дверь и войти. Ему хотелось заглянуть за плечо этого человека без лица; заглянуть, чтобы увидеть, кто это? Что он там делает? Пишет ли что-то? Но что? Что такого важного он может там писать, чтобы вдруг, сам не понимая, почему и как, Ян сейчас стоял здесь и наблюдал за ним. Но тогда вдруг что-то случилось. Будто что-то потянуло его со страшной силой назад, будто бы выключилась та электрическая лампа, погрузив все вокруг в темноту. Какой-то нудный, надрывный звук тащил его прочь, прочь из этой комнаты, прочь из темноты.

Но в этот раз нужно успеть, так решил Ян, и открыл дверь настежь. Осторожно ступая, он вошел внутрь. Странный пол был под ним: ни шороха, ни одного скрипа половицы. Он все ближе и ближе подходил к человеку. Казалось, еще шаг, и можно будет дотронуться до него рукой, положить ладонь на плечо и заговорить с этим странным истуканом. Но человек сидел, точно восковая кукла: бездвижно, тихо. В какой-то момент Ян даже хотел потрогать его шею, чтобы почувствовать: теплый ли он или прохладный, как кусок пластмассы или дерева. Но вдруг рука истукана пошевелилась, послышался звук перелистываемой страницы. Ян вздрогнул, но не отступил. Выждав мгновенье, он по-петушиному

вытянул шею и, наконец, перегнулся через плечо истукана.

Тот держал в руках книгу. Обычную книгу, ничего особенного. Ян усмехнулся: ерунда какая-то. Он пробежался взглядом по строчкам, и вдруг все внутри него похолодело: «Он все ближе и ближе подходил к человеку. Казалось, еще шаг, и можно будет дотронуться до него рукой, положить ладонь на плечо и заговорить с этим странным истуканом, - прочел он на испещренном черными строками теле страницы. - Ян вздрогнул, но не отступил. Выждав мгновенье, он по-петушиному вытянул шею... - снова увидели его глаза, скользнув ниже. И еще ниже: - Темнота снова поглотила все вокруг».

Глаза Яна расширились, в висках застучало. Он отшатнулся, под ноги попала какая-то банка и с грохотом покатилась по полу. В ужасе Ян обернулся, чтобы бежать... бежать туда, откуда пришел, чтобы кинуться к распахнутой настежь двери, но двери не оказалось. Тяжело дыша, Ян посмотрел назад, туда, где только что сидел истукан: истукана тоже больше не было. Свет погас, и темнота снова поглотила все вокруг. Где-то вдалеке Ян услышал пронзительный крик, от которого закладывало уши. Спрятаться! Быстрее спрятаться от этого раздирающего голову крика! Но куда? Крик был везде, и он приближался; он подползал к его ушам. Ян чувствовал, как крик, точно змея, вползает в его ушные раковины, и он больше ничего не мог с этим сделать.

Луна, полная, желтовая, светила сквозь окно, точно фонарь. Она была первым, что увидел Ян, проснувшись в ту ночь. Он проснулся, сидя на кровати, весь потный, с бешено колотящимся сердцем. Он проснулся от собственного крика. Женщина, что лежала с ним рядом, сонно положила свою теплую руку ему на колено и едва понятно произнесла:

- Что случилось?

- Все... все хорошо, - голос его все никак не хотел выходить наружу: горло совсем пересохло, - просто кошмар. Спи.

Он аккуратно взял руку девушки, снял со своих колен и положил на подушку, возле ее головы. Она уже и не заметила этого движения, спала, будто лучик сознания только что и не пробивался сквозь сон. Ян тихонько встал с постели и вышел из спальни, ему необходимо было что-нибудь выпить. Книга, выхваченная мигающим светом из темноты, не выходила из головы. Ему необходимо было рассказать все Герману, вот только как продержаться до утра? Ян с надеждой посмотрел в окно, туда, где кромка синих, тяжелых облаков касается линии горизонта: темно, и луна по-прежнему светит ему в лицо своим мертвенно-желтым светом.

Но наутро он не стал звонить Герману, не стал писать ему писем. Наутро они с Сарой отправились гулять по весеннему городу. Кое-где, на все еще тощих, голых ветках деревьев, уже пели птицы, и Сара улыбалась от их пения. Она говорила, что уже давно не замечала птичьих песен, а вот в детстве могла слушать их часами и даже специально вставала на заре в те дни, когда не нужно было идти в школу, чтобы послушать их. Некоторые птицы поют только на заре, уверяла она. Потом они позавтракали в маленьком кафе, а после отправились на какую-то выставку черно-белых фотографий. Яну она казалась скучной, но Сара с серьезным видом подолгу рассматривала каждую. Когда совсем стемнело, они вернулись в его квартиру, в его комнату, в его постель.

Так продолжалось неделю: неделю она отсиживалась у него дома, точно в убежище, оттягивая тот момент, когда придется все рассказать родным, впустив болезнь в свою жизнь окончательно и бесповоротно. Она была рада тому, что ночью, когда внутренний холод подбирался к самому ее горлу, она могла заснуть, уткнувшись в его теплое плечо; а он был рад тому, что за всю ту неделю шестеренки этого мира ни разу не сбились со своего синхронного хода. Ни разу, до последней ночи последнего седьмого дня их тайного уединения.

———

Прошла неделя. Прямые солнечные лучи, что стали закрадываться в комнату сквозь пыльное окно, возвестили о приходе нового утра: седьмого утра, когда Ян и Сара просыпались вместе. Оба они не спали, оба видели, как твердо и неминуемо наступает новый день. Еще ночью, перед тем как заснуть, Сара заговорила тихим, утомленным голосом: «Завтра я скажу им». Гладя в темноте ее влажные волосы, Ян прошептал: «Хорошо». С этим «хорошо» он поставил точку в этой странной семидневной истории, а что будет дальше, ему было неведомо. Увидятся ли они еще хоть раз, окажется ли она в его постели после того, как сядет в такси, которое увезет ее обратно, в ту жизнь, где его не было? Позволит ли он этой обреченной девчонке обрести в его жизни место большее, чем просто интрижка на неделю, вызванная не то жалостью, не то их обоюдным страхом, не то голодом до понимания и кусочка человечности в их не очень-то людных, не очень-то понятных и не очень-то стабильных жизнях? Но в ту ночь Ян засыпал с одной мыслью: каким бы ни был вкусным стейк, если есть его слишком долго, он остынет, затвердеет и превратится в безвкусную подошву. А если реанимировать остывший, потемневший кусок мяса слишком долго, он и вовсе загниет, а в желудке образуется пустота, которую нечем будет заполнить. То же и с некоторыми амурными историями, что порой случаются в наших жизнях. Нужно уметь отпускать то, что было призвано прийти в твою жизнь и почти тут же уйти, оставив лишь приятный след.

Снова моросил холодный дождь. Серое от пыли такси ждало, когда они попрощаются. Сара молча смотрела ему в глаза. Дождь покрыл ее лицо тысячью мелких капель, окрасив ресницы и брови в

чуть более темный цвет. Ян едва улыбнулся ей одним уголком губ:

- Звони мне иногда, девчонка из круглосуточного кафе, - сказал он, медленным движением руки приглаживая ее растрепавшуюся от ветра прядку волос.

Он едва заметно провел пальцем по ее щеке. Она опустила глаза, потом как-то растерянно порылась в глубоком кармане своей бесформенной синей куртки.

- Наверное, я должна отдать их тебе? - спросила она, не поднимая глаз. На ее мокрой ладони лежали его ключи. Те самые, с зеленым брелоком.

- Оставь себе, - слова как-то сами вырвались из его горла. Он еще не успел договорить, как пожалел о сказанном: теперь та точка, которую он так решительно хотел поставить ночью, превратилась в многоточие. Но сказать что-нибудь другое он уже не решился или, может, не захотел. Более того, он вдруг добавил: - Может быть, однажды дождливой ночью ты решишь навестить свое убежище.

Она улыбнулась, посмотрела ему прямо в глаза и, едва слышно прошептав:

- Спасибо за все, - села в такси и громко хлопнула дверцей.

Ян смотрел вслед увозящему ее такси, как вдруг другая машина прервала его мысли звонким гудком.

- Какого черт... - хотел было выругаться он. Звук испугал его, окатив волной внутреннего холода. Однако Ян так и не закончил своей фразы. - Герман? Ты что здесь делаешь?

За рулем маленькой синей машины сидел его друг, в очках и почему-то в шляпе. Он вальяжно развалился в автомобильном кресле, свесив свою широкую руку с руля, а на лице его блуждала ухмылка:

- Ну вот, а я-то, старый доктор, переживал из-за отсутствия в твоей жизни всякого интима. Что ж, возможно, теперь ты пойдешь на поправку, друг мой.

- Герман, какого черта? Что ты тут делаешь? Следишь, что ли, за мной? Решил, что я настолько болен и неуравновешен, что представляю опасность для общества?

- Брось, ты ж ведь меня знаешь: я не настолько люблю мир, чтобы ради его спасения вылезать из кровати в воскресное утро. Скажи лучше: это она? Та самая синяя куртка?

Спрашивая, он едва заметно сморщил нос, что в случае его нелепого лица означало что-то вроде подмигивания.

- Герман, я не хочу говорить об этом. Зачем ты приехал?

Психиатр снова сморщил нос и махнул своей широкой, короткопалой ладонью, приглашая друга сесть в машину. Ян раздумывал некоторое время. У него были запланированы кое-какие дела на это воскресенье. После самовольного изгнания из этого мира, которое они с Сарой устроили себе на целую неделю, дел у него и вправду накопилось много. Но также Ян знал, что ему есть что обсудить с Германом. Вчера ночью ему приснился дурной сон... не просто сон, ему снова снился тот человек, что вечно сидел к нему спиной, а потом - странные жуткие картинки. Где-то в четыре утра он встал, тихонько высвободил свою руку из-под Сары и отправился на кухню, чтобы выпить стакан воды. Там же, не слишком ясно соображая, покачиваясь после резкого ночного пробуждения, он написал Герману короткое письмо, которое отправил по электронной почте. В том письме было то, что заставило его проснуться; в том письме он описал свой сон.

- Ну что, - сказал Ян, сев в прогретую машину, - скажешь, что я еще больше спятил?

- Скажу, если это и вправду была та самая девчонка. Это ведь она, я прав? Я-то думал, куда это ты делся на целую неделю? И не стыдно тебе? Я ведь беспокоился, искал тебя в редакции. А мне ответили, что ты приболел. Я уж думал, не начал ли ты пить таблетки, что я прописал тебе, и не начались ли у тебя доселе неизвестные побочные эффекты... например, забывчивость к звонкам своего друга.

- Нет, я не пил твои таблетки, - ответил Ян, усмехнувшись всем тем глупостям, что вылил на него психиатр. Ян потянулся к печке и повернул колесико, что регулировало температуру: он весь продрог, хотя, казалось, на улице было не так уж и холодно.

- Ну ладно, - наконец успокоился Герман, - за все мои волнения, расскажи: что у вас было?

Герман повернулся к Яну всем телом, впился своими черепашьими глазами в его лицо, не желая упустить движения ни единого мускула, - профессиональная привычка. Улыбка чаширского кота под тяжелой оправой очков исказила его лицо, вовсе не добавляя ему привлекательности.

- Герман, не будем об этом. Я... Она больна, врачи дают ей от силы полгода - я видел какие-то анализы. Я сделал это из... - Ян вдруг запнулся. Он и сам до сих пор толком не понимал, почему он делал все то, что делал последние семь дней. - В общем, зачем ты приехал?

Слова Яна подействовали на Германа, как холодный душ. Он хотел услышать сальную историю, а не трагедию. Улыбка сползла с его лица, он отвернулся от Яна, устремив глаза на дорогу, и наконец тронулся с места. Машина медленно покатилась вдоль серой, полупустой улочки.

- Я получил твое вчерашнее письмо... еще ночью. Мой телефон имеет обыкновение будить меня мерзким звуком, когда приходит почта.

- Извини, - отозвался Ян. Но весь он уже напрягся, приготовившись выслушать вердикт, а вернее, диагноз.

- Ничего. Я сам выбрал самый мерзкий звук, который только возможен, чтобы важные письма вытаскивали мою ленивую задницу из сна. И твое письмо, как выяснилось час назад, оказалось важ-

ным.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Ян, силясь в деталях вспомнить вчерашний сон: множество людей в креслах, крики, слезы, перекошенные ужасом лица. Что-то странное свисает с трубок прямо с потолка, бешено трясет. Какая-то женщина в форме что-то кричит, размахивает руками, будто бы пытается успокоить, но только вид ее еще больше внушает панику. Маленькие круглые оконца вокруг. А потом Ян вдруг увидел спящую тихую деревеньку, влажное от дождя поле. Тишину и сумерки вдруг пронзила ужасная вспышка и взрыв.

- После твоего письма мне не спалось. Я все пытался найти рациональное объяснение. Меня бесило, что какая-то часть меня хотела верить в твои слова. Ясное дело: ты мой друг, и мне не хочется, чтобы из друга ты превратился в пациента. А потом, нередко случались нелицеприятные истории, когда пациентам удавалось втянуть своих психиатров, лишенных твердой рациональной опоры, в свое безумие. Я не из таких, ты знаешь: я не поверю ни во что, пока мне не предъявят доказательство, причем соблюдая все условия, чтобы доказательство это было правомерным.

- Знаю, - ответил Ян, напряженно слушая друга. Что тот хочет сказать? Что зря Ян не пил таблетки все эти дни? Множество мыслей проносилось в его голове, пока психиатр изъяснял причину своего приезда.

- Так вот: мне не спалось, и я все думал об этом, пока ты, наверное, развлекался со своей синей курткой, - сказал он то ли игриво, то ли обидчиво, пока вдруг не спохватился, вспомнил, что Ян рассказал ему об этой девушке. - В общем, часов в восемь утра, а если быть точным, в восемь пятнадцать, я включил радио, и вот что я там услышал.

Герман покрутил еще одно маленькое колесико возле руля, прибавив громкости радио, что, как теперь понял Ян, все это время вещало тихим голосом. Герман говорил все это, дожидаясь, пока там, в крошечном радиоприемнике, не заиграет мелодия, с которой вечно начинается выпуск новостей. Мужской мягкий голос вдруг залил все пространство в машине. Закончив приветствовать слушателей, он перешел на трагические нотки и возвестил о крушении самолета на поле возле одной из деревушек за чертой города. Самолет был всего в получасе лета от аэропорта, в котором ему уже не суждено было приземлиться. Голос продолжал говорить что-то о числе погибших, но Герман снова крутанул колесико, заставив приемник замолчать. Молчал и Ян, молчал и Герман.

- Ты написал мне в четыре утра. Трагедия случилась в шесть утра, - сказал Герман, снова замолчав.

Возможно, он ждал слов от Яна, но у Яна их не было.

- Я, - наконец заговорил Ян, - я должен рассказать тебе еще кое-что.

Герман нахмурился. Пальцы его крепче сжали руль.

- Тебе есть еще что рассказать мне, Ян?

- Да. Неделю назад мне приснился сон... я хотел позвонить тебе на следующее утро, я хотел позвонить тебе тут же, но решил, что это безумие, лишенное смысла, и что тебе лучше не знать про все странные мысли и сны своего психованного друга.

Герман молча снес этот укол. Только пальцы его по-прежнему с силой сжимали руль.

- Я снова видел того человека. Того, кто вечно сидит ко мне спиной. В этот раз... в этот раз мне удалось подойти почти вплотную к нему.

- Ты видел его лицо? - спросил Герман, не глядя на Яна. Он неотрывно смотрел на дорогу, хотя даже не заметил светофора, проехав на красный свет.

- Нет. Но я видел кое-что другое.

Ян замолчал на мгновение. Он еще не произносил этого вслух и только теперь понял, насколько странно будут звучать его слова.

- Что же? - притихшим голосом спросил Герман.

- Я видел, что он читает.

- Читает?

- Он читает меня, мою жизнь, - Ян замолчал, пытаясь подобрать слова, которые звучали бы менее странно.

- О чем ты говоришь, Ян? Теперь ты точно звучишь, как безумец!

- Я знаю! Я отлично понимаю, что говорю, как самый настоящий псих! Именно поэтому я не звонил тебе всю эту неделю. Я слишком испугался, что я и вправду схожу с ума! Впервые я по-настоящему испугался этого! - Ян снова потянулся к «печке» и поубавил жару: ему становилось душно, и теплый воротник натирал взмокшую шею. - Я стоял прямо за его спиной и видел слова, которые были написаны в книге... книге, которую он читает. Там в деталях описывалось все, что я делал до того, как заглянуть через его плечо. А потом я перевел взгляд на следующую страницу и прочитал строки, в которых было написано то, что еще не случилось, но должно случиться мгновение спустя. Прошло мгновение, и все произошло в точности, как было написано!

Оба они снова молчали. Теперь, в тишине, было слышно, как отдельные писклявые нотки доносились из радиоприемника. Теперь оттуда лилась какая-то заводная песня. Мимо проносились редкие машины; где-то сбоку что-то постукивало.

- У тебя что-то стучит в машине, - сказал Ян, чтобы хоть как-то прервать эту напряженную тишину.

Но Герман проигнорировал его слова.

- Но ведь это был сон... - заговорил психиатр. Голос его звучал неуверенно. Еще никогда Ян не слышал этих робких дрожащих ноток в голосе друга.

- Да, так же как и тот, в котором я увидел самолет.

Морщины напряжения расчертили лоб Германа густыми, темными линиями.

- Герман, - снова заговорил Ян, - помнишь, ты как-то рассказывал мне про того парня, что пытался убедить тебя, будто кто-то пишет его историю?

- Да, помню... но не думаешь же ты... - психиатр запнулся. Он посмотрел на Яна округлившимися глазами. Все это с трудом давалось его рациональному разуму. - Я поставил ему шизофрению с бредовыми расстройствами.

Ян медлил с ответом. Какое-то странное подозрение вдруг возникло в его голове. Оно возникло, как жар, который порой приливает к лицу, заставляя капельки пота выступать на лбу, а щеки - покрываться красными пятнами.

- А к какой категории больных ты отнесешь меня, если я скажу, что кто-то читает мою историю? - Ян говорил очень тихо. Слова его в тот момент обретали смысл не только для Германа, но и для него самого.

- Что значит «читает историю»? - переспросил его Герман каким-то странным голосом. - Это же ведь... это же ведь... - он обвел рукой мир, что был виден им сквозь прямоугольник лобового стекла. - Это ведь не история какая-нибудь.

- У него в руках была книга. Обычная книга, толстая. Сверху было что-то написано... я не разглядел, что. Знаешь, как иногда наверху страницы курсивом пишут название рассказа? Там было все: каждое мое движение, каждый выдох, каждая мысль.

- Ян, - перебил его Герман, до белизны в костяшках пальцев сжимавший руль. - Ян, это невозможно! Это был всего лишь сон!

- Да, - повторил Ян, - такой же, как и сон про самолет.

- Но... - кровь прилила к лицу Германа. - Но это вздор! Ты только вдумайся, что ты говоришь! Ты говоришь, что все это: этот мир, я, ты и эта твоя... синяя куртка, все это - рассказ, который читает какой-то странный человек, которого ты видишь во сне!

- Я... - Ян уже смутно соображал. Мысли его путались, весь он снова ушел в своих воспоминаниях в ту темную комнату, в те страницы книги, которые он читал через темное плечо. - Да, наверное, именно это я и говорю. А как еще... как еще объяснить все это?

Какой-то автомобиль подрезал машину Германа, и они чуть было не проехали друг другу по боку.

- Черт! - сорвался Герман, со всей силы нажав на гудок. Резкий звук пронесся по всей улице, испугав и заставив оглянуться нескольких прохожих. - Сейчас, подожди, дай мне остановиться и отдышаться, - сказал Герман, припарковавшись в первом попавшемся месте.

Оба они сидели, красные, разгоряченные, молчаливые, друг рядом с другом, глядя куда-то перед собой.

- Все, что ты говоришь, - бред! Бред, который легко вылечить подходящими таблетками. И все же, даже если мы станем настолько сумасшедшими, что предположим правдивость твоих слов, почему, по-твоему, если это рассказ, ты видишь то, что еще не случилось? Если он просто читает твою историю, откуда ты или он можете знать, что будет впереди? События должны появляться в момент прочтения, а не загодя. Где это слыхано? Я ни разу в жизни не читал такого рассказа, где бы герой знал заранее то, что я еще даже не прочел!

- Ну, ты вообще читал, в основном, только учебники по психиатрии, - сказал Ян. Он попытался отшутиться, но то больше походило на нервный смешок. В действительности, слова Германа поставили его в тупик: он еще не задумывался над этим. По правде сказать, он тоже не сталкивался с такими историями.

- Господи! Да такое понять можно, только если вжиться в шкуру какого-нибудь из моих психов! - говорил Герман, не выпуская руль из рук, будто бы все еще вел машину. - Они, наверное, сказали бы что-нибудь наподобие того, что рассказ этот либо читали так много, что ты помнишь, так как переживал одни и те же события уже множество раз... либо этот твой человек без лица перечитывает книгу второй раз, а потому какие-то воспоминания всплывают у него еще до того, как доходит до них... а значит, всплывают они и в твоей голове, так как сознания ваши в момент чтения разделить трудно.

Ян с удивлением посмотрел на друга: откуда у этого педантичного, рационального человека такие мысли? Ничего подобного ни на минуту не приходило в голову Яну, как он ни старался найти хоть какое-то объяснение всему происходящему. Но все же слова Германа накрепко засели в его голове. Было в них какое-то ужасающее безумие, которое уже начинало казаться правдоподобным. Можно ли мир, в котором происходят столь странные вещи, как эти предсказания Яна, пытаться объяснять старыми, такими нормальными схемами и словами? Чем версия Германа безумнее, чем то, что происходило с самим Яном?

- И какой же из этих двух вариантов правда, Герман? - спросил Ян.

- Не знаю, - Герман замолчал. Он молчал долго, по-прежнему не выпуская из рук руль. А потом он вдруг снова заговорил каким-то изменившимся, похолодевшим и отстраненным голосом. - Если предположить... только предположить, что весь тот бред, который мы наговорили здесь, в этой машине,

правда, то, судя по развитию сюжета, главным героем книжки являешься ты.

Ян опешил от этих слов. Главный герой? Да откуда ему знать?! Понять бы сейчас все прочее, что происходит в его жизни, осмыслить бы те слова, что они произнесли в последние несколько минут.

- Не знаю, Герман, откуда мне знать?

- Ну, - снова заговорил психиатр, в его голосе появилось что-то жесткое, металлическое, - мне не снятся все эти сны. Я не вижу ни девушек в синих куртках, ни самолетов, падающих с небес в тихое поле. Я не вижу этого человека, что, видать, от нечего делать, перелистывает страницы, на которых, как ты выразился, описан каждый твой выдох, каждое твое движение, каждая твоя мысль.

Говоря это, он делал особое ударение на слове «твое».

- Боже мой, Герман! Да что с тобой? При чем здесь это? Давай лучше выйдем из этой машины, зайдем куда-нибудь и выпьем кофе... а лучше чего-нибудь покрепче!

- Я не хочу ничего пить, - отрезал психиатр. Даже сквозь теплое пальто Ян видел, как часто вздымается его грудь.

- Тогда куда мы поедем? Будем сидеть здесь?

Герман помолчал какое-то время, а потом тихо сказал, отвернувшись в противоположную от Яна сторону:

- Я бы хотел посидеть в машине.

Ян понял, что, говоря «я», Герман не имел в виду «мы». В голосе психиатра слышалась доля раздражения. Весь он как-то сник, осунулся. Глаза его смотрели в сторону и - точно остекленевшие, подолгу не моргая. Лицо стало белым, точно вся кровь его ушла в ноги.

- Ладно. Я пойду пройдусь, - сказал Ян, ошеломленный и потерянный.

Он вылез из машины. Не успел он захлопнуть дверцу, как автомобиль сразу же, взвизгнув колесами, тронулся с места и унесся прочь. Дождь, что моросил, когда Ян сажал Сару в такси, теперь лил как из ведра. Ехали они хоть и медленно, но все же не меньше четверти часа. Ян поглубже закутался в куртку, повыше поднял воротник и с тоской посмотрел в сторону дома, крыша которого затерялась среди крыш всех прочих, так похожих на него, домов. Он двинулся назад, к тому месту, откуда начался его сегодняшний день. Мысли бурлили в голове, бросая Яна то в жар, то в холод. Он был и не против: эта круговерть, что творилась в его голове, помогала ему не замечать, что не прошло и минуты, а он уже промок до нитки.

———

Всю следующую ночь и два дня Ян не слышал от Германа ни слова: ни звонка, ни письма по электронной почте. Ян решил, что не станет звонить ему сам. Герман был потрясен, а душа его была куда нежнее, чем души его пациентов. Пусть остынет. Да и сам Ян нуждался в передышке. Все, что происходило с ним в последнее время, перевернуло его жизнь резко, одним движением, сверху вниз.

После его разговора с Германом, мысли в голове вертелись с бешеной скоростью, и, казалось, ни одна из них не была способна завладеть его разумом полностью хотя бы на несколько мгновений. Это бурление утомило его, казалось, высосало из него все силы. Под вечер лицо Яна было уже совсем бледным, пот выступил на лбу крупными холодными каплями, а в побаливающее горло не лез ни один кусочек еды. Должно быть, проливной дождь и холодное дыхание ранней весны сделали свое дело - озноб потихоньку проникал в его тело, заставляя кутаться во все более теплые свитера. Он уже собирался ложиться спать, когда в дверь позвонили. Тяжело шагая, Ян подошел к двери и, даже не глянув в глазок, открыл. На пороге стояла Сара. Все в той же синей куртке.

- Здравствуй, синяя куртка, девчонка из круглосуточного кафе, - сказал Ян, улыбнувшись в первый раз за прошедшие двое суток.

Она улыбнулась в ответ. Волосы ее больше не были затянуты в тугой хвостик на затылке, ресницы были чуть тронуты тушью, а на губах поблескивала помада. Она больше не была похожа на ребенка.

- А я уж думала, ты меня забыл.

- Тебя не так-то просто забыть. Почему звонишь? Разве ты уже потеряла ключи, которые я тебе дал?

- Нет, - игриво сказал она, - но я постеснялась воспользоваться ими. Ты ведь мог быть не один.

- Ну, это вряд ли, - ответил ей Ян, улыбаясь. - Но твой подход мне нравится. Надеюсь, ты не голодна, синяя куртка? Мой холодильник по-прежнему пуст.

Сара улыбнулась и, озорно приподняв бровь, взглядом указала на бумажный пакет, что сжимала в руке. Он был набит какой-то едой:

- Я и не сомневалась.

Четверть часа спустя они уже пили чай с какими-то булками и конфетами. Она сидела понурая и ссутулившаяся. Казалось, она целую вечность размешивала кусочек сахара в своей остывающей чашке.

- Если бы я не знала, что могу сбежать сюда, хоть на один час, хоть на одну ночь, - говорила она, - мне кажется, я бы свихнулась. Жизнь дома меня угнетает. Там я не живу, там я умираю, понимаешь? Я умираю, глядя в заплаканные глаза близких. Их лица пытаются мне улыбаться, но я вижу синие круги под их воспаленными от слез глазами.

Потом Сара помолчала, посмотрела Яну в глаза и сказала:

- Я вернулась в свое убежище. Вернулась хотя бы на эту ночь, - она потянулась и накрыла своей ладонью его руку, - ведь это все еще мое убежище?

Наверное, Ян медлил с ответом непростительно долго. Все это время она глядела на него, не моргая, влажными, внимательными глазами. А он смотрел на нее и думал: зачем ты здесь? По сюжету? Ты и не знаешь, что на самом деле привело тебя сюда, в эти четыре стены. Ты плачешь, но ты обречена не больше, чем я, или Герман, или весь мир, что только виден из твоего окна, хоть даже у нас и нет этой твоей справки. Если все это правда, все то, о чем они два дня назад говорили с Германом, то все кончится, все рухнет, как только этот темный человек дойдет до последней строчки и закроет книгу. Не у одной тебя, Сара, не будет тихой старости - ее не будет ни у кого из нас.

Все эти мысли снова утомили Яна, вызвав тошноту и головокружение. Он едва заметно покачнулся, и Сара сильнее сжала его руку, чтобы удержать в равновесии его ослабевшее тело. Это ее движение отвлекло Яна, отпугнув тяжелые, громоздкие мысли и заставив его вернуться в маленькую тихую кухню. Сара по-прежнему внимательно глядела в его глаза, и только тут он понял, как сильно, в действительности, рад ее появлению. Этой странной, одинокой ночью только она могла согреть его озябшее тело, и только она могла прогнать эту свору гнетущих его мыслей.

- Да, - тихо ответил он, - это все еще твое убежище. В следующий раз открой своим ключом.

Потом, когда, голые, они были уже в постели, Сара согрела его озябшее тело и прогнала тяжелые мысли. Где-то далеко, на задворках сознания, Ян понимал, что уже не вернет свои ключи с зеленым брелоком; теперь они останутся в кармане синей куртки, если и не на всегда, то хотя бы до последней строки... и он не возражал.

Маленькая и хрупкая, она спала, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в его грудь. Она всегда, будто бы специально, старалась коснуться его, старалась, в дреме, закинуть свою ногу поверх его лодыжки, коснуться плечом его плеча или вот так уткнуться носом в его тело, чтобы он чувствовал каждый ее выдох. Каждый выдох, написанный кем-то, каждый выдох, который и существует-то только потому, что кто-то читает эти строки прямо сейчас.

Он легонько гладил ее по голове, а она даже не чувствовала. Может, настоящая, и должна была бы проснуться от его прикосновений, но она, написанная, возможно, не самым умелым писателем или прочитанная, возможно, не самым внимательным читателем, не просыпалась. Она по-прежнему мирно и жарко дышала ему в грудь.

- Зачем ты встретилась мне? - шептал он едва различимо в ночной тишине. Где-то там, за окном, сквозь приоткрытую форточку, изредка раздавались звуки проносящихся мимо машин, чьи-то поздние, шаркающие, то ли пьяные, то ли просто одинокие шаги, - что за странный, извращенный умысел? А ты, читающий, почему ты все еще читаешь эту книгу? Тебе что, так хочется прочесть строки о ее похоронах?

Последние слова будто вылетели без его ведома. Ян и сам испугался им: зачем только он думает об этом, если ничего не изменить. Так написано... Так написано, Герман, подумал он, и ничего тут уже не попишешь, прости меня за каламбур. А потом подумал: каламбур, сумбур... сумбур, каламбур... сумбурный каламбур, который в одночасье лишил его нормальной жизни, а эту женщину мечты о любой жизни.

- Не переживай, Сара, - прошептал он, скользя шершавой ладонью по ее мягким, чуть шуршащим, точно воронье перо, волосам, - твоя смерть ничем не отличается от смерти всех нас; всех, кого ты видишь, когда оглядываешься вокруг себя... хотя видишь ли ты кого-нибудь на самом деле, когда оглядываешься без меня? И оглядываешься ли ты вообще, когда не рядом со мной? Страницы книги - это плоскость, и жизнь на них тоже плоскость, и вовсе она не многогранник, как, должно быть, жизнь настоящая, и не может быть здесь ни у кого никакой другой жизни, кроме той, которая описана крохотными черными завитушками, что составляют азбуку. Так что не бойся, Сара. Я последую за тобой всего лишь через страницу-другую.

- И ничего я с этим сделать не могу, - протянул он задумчиво.

А потом Ян тихонечко отодвинулся от нее. Тонкий волос, что прилип было к его ладони, упал ей на лицо, и она чуть поморщилась. Ее лицо, думал Ян; в его странной памяти, которая, вопреки всем чувствам, должно быть, создается прямо сейчас, есть воспоминание, как кто-то сказал ему: не бывает одной книги для всех читателей. Для каждого - это другая книга, для каждого герои обретают другие лица, и нет одинаковых лиц у одних и тех же героев. Должно быть, когда тебя читал кто-то другой, Сара, твое лицо выглядело иначе. Возможно, сейчас я вижу тебя такой: по-детски чуть вздернутый носик, круглый лоб, каштановые волосы, потому что ты напоминаешь чью-нибудь сестру или девушку, в которую тот, кто мусолит сейчас эти страницы, был влюблен когда-то давно, еще на первых курсах института. Возможно, в прошлый раз у тебя было другое лицо, и волосы твои были другими на ощупь... Но я этого не помню... я не могу этого помнить.

Что-то странное пронеслось в его голове, осветив его бессонные мысли, но, точно комета, так же быстро погасло; он так и не успел разглядеть то, что будто обожгло его мозг изнутри. Исчезло, потому что кое-что другое вытеснило его вон: от всех этих мыслей ему стало неприятно. Он больше не хотел смотреть на лицо Сары. Он отодвинулся от нее еще дальше и повернулся к ней спиной. Темная стена

перед его глазами почти сливалась с темнотой закрытых век, и чуть позже, сам того не замечая, спутав темноту стены с темнотой век, он заснул.

Влажная дорога окрасилась в багряный цвет, точно вся она, с севера на юг, была залита разбавленной, но уже сворачивающейся кровью. То было от того, что солнце по пояс село за горизонт, и лужи, что пленкой покрывали дорогу, отражали кроваво-красное небо. Оголтелые машины, визжа, проносились вдоль улицы в обе стороны - тонкая рябь пробегала по телу дороги после каждой из них. Невысокий человек шел куда-то, крепко сжав ручку своего кожаного портфеля. Было видно, что он торопился: шаги его были быстрыми и широкими настолько, насколько позволяла длина его коротких плотных ног. Моросило, а у него не было зонта. Должно быть, он пожалел, что не взял с вешалки шляпу: что бы кто ни говорил, может, шляпа на голове мужчины - это и пережиток прошлого, но вот только сейчас бы она ему не помешала. Но шляпы не было, а от того лицо его было мокрым, сплошь покрытым крохотными каплями. Очки в тяжелой темной оправе то и дело соскальзывали на кончик носа. Благо только, что нос был большим и мясистым, оттого человеку приходилось поправлять очки каждый десятый шаг, а не каждый третий.

Человек снова поднял руку широким движением, так чтобы рукав собрался в локте и оголил циферблат: опаздывает и сильно опаздывает. Уже без трех четыре. Мужчина подошел к дороге: полустертая «зебра» была метрах в пятидесяти от него. Там, по обе стороны улицы, суетливо перебегали туда-сюда люди. Но идти лишние пятьдесят метров было бы для него непростительно: слишком долго. Уже машинально он вновь глянул на часы: нет, непростительно. Светофор неумолимо горел красным светом, казалось, целую вечность. Вдруг мужчина увидел по ту сторону дороги, прямо напротив него, молодого парня в серой дутой куртке. Втянув голову в объемный воротник и спрятав руки в карманы, невзирая на красное око светофора, решительным шагом он направился к человеку. Человек сомневался несколько мгновений, тихонько переминаясь с ноги на ногу, а потом вдруг, будто бы неожиданно для самого себя, шагнул на дорогу.

Где-то посередине он и парень в дутой куртке встретились. Парень и не заметил, как, размашисто шагая, задел своим дутым плечом сутулое плечо человека. Человек оступился, очки, что совсем съехали на самый кончик его носа, соскользнули вниз и упали на мокрый асфальт. Человек оглянулся: дорога казалась пустой, только дрожащая точка где-то совсем далеко едва заметно приближалась к нему: успеет! Человек нагнулся за очками и, не разгибаясь, скорее машинально, погладил влажным пальцем забрызганное стекло: трещина... эх, как жалко! Человек выпрямился и вдруг услышал гул приближающегося автомобиля: из-за поворота вырвался синий джип. Он несся на него, точно противник на поле боя. «Не успею», - только и успели прошелестеть побелевшие губы. Машина бешено, точно раненый зверь, завизжала тормозами, но было уже поздно: тяжелый приглушенный удар и разбитые очки возле правого колеса.

- Герман! - выкрикнул Ян, проснувшись в поту.

Он сел на кровати, не понимая, где находится, не понимая, что это было: сон или явь. Сердце бешено колотилось в груди, в висках толчками пульсировала кровь. Он глянул на телефон и замер: набрать семь знакомых цифр: ответит ли ему сонный хриплый голос? Ответит ли еще? Мгновение спустя он понял, что то было сном, но сердце от этого не успокаивалось... Лучше бы ему никогда не снились эти сны... Герман... как же так, почему Герман? При чем здесь Герман? Но Ян не сомневался: тот человек в очках и с кожаным портфелем был Германом и не кем иным. Он слишком хорошо успел разглядеть лицо того человека, до боли, до каждой черточки знакомое лицо.

———

Солнце стояло высоко в небе: слишком высоко для такого раннего часа. Ян посмотрел на часы: девять утра. Ну где же он? Ян поглубже закутался в свое пальто: ему становилось зябко в это промозглое утро стоять вот уже четверть часа под окнами Германа. Он не хотел звонить ему, стучаться в дверь. Это слишком напугало бы психиатра, а здесь не это нужно. Не страх вперемешку с паникой, здесь нужно понимание, нужен расчет, здесь нужна трезвая, выспавшаяся и разбуженная хорошим кофе мысль.

Наконец подъездная дверь со скрипом распахнулась. За последние четверть часа она распахивалась слишком часто, а потому Ян уже устал подскакивать к ней всякий раз. Но в тот раз из железного рта многоэтажного дома вышел сутулый человек со шляпой и портфелем. Шляпа, подумал Ян, у него на голове шляпа - значит, хотя бы не сегодня.

- Ян? - удивленно подняв брови, Герман остановился в шаге от друга. Глубокие морщины избороздили лоб.

- Да, Герман, это я.

- Что ты здесь делаешь? - лицо Германа понемногу расправлялось, и маска удивления переплавлялась в мышцах улыбающихся губ. - Опять что-то привиделось? Брось устраивать мне утренние концерты, Ян, я уже и без того слишком близок к тому, чтобы тебе поверить.

- Привиделось, - хмуро ответил ему Ян, - сможешь отложить своего первого пациента... не знаю, может, на час-другой или, может, на завтра?

Лицо Германа вновь менялось; в ответ на озабоченный, грустный голос Яна оно резко посерьезнело и напряглось:

- Что-то случилось?

- Случилось... случится. Садись в машину, доедем до ближайшего кафе. Чашка свежесваренного кофе нам сейчас не помешает.

Кафе было битком набито людьми, каждый впопыхах вливал в себя бодрящий напиток, зажевывая сендвичем или булкой. Люди в штампованных серых, синих или черных костюмах, белых или голубых рубашках с туго затянутой на шее петлей галстука. Герман снял шляпу и положил на столик возле правой руки. Казалось, шляпа заняла полстола. Вид был у него хмурый, плечи подались вперед и повисли, точно из них выпустили воздух.

- Что опять ты видел? - спросил он тихо.

- У тебя на днях что-то есть в четыре часа? - избегая отвечать на прямой вопрос, начал Ян.

Герман удивился, едва заметно вытянув сплющенные друг о друга губы.

- У меня всегда что-то есть и в четыре, и в любой другой час до одиннадцати ночи, когда я сплю в своей кровати, в своей квартире возле своей жены. О чем ты?

Ян непроизвольно взял салфетку, начав мусолить ее и загибать края так, что получалось что-то наподобие самолетика. Салфетка была дешевой: на пальцах оставался тонкий слой бумажной пыли.

- Ну же, - сухо подгонял его Геман.

Ян не поднимал глаз. Почему-то какое-то странное, необъяснимое чувство вины не давало ему сделать это. Герман тоже молчал. Было только слышно его шумное такое, медленное дыхание. Руки его лежали спокойно на столе, возле шляпы, как вдруг он ритмично застучал указательным пальцем. Сам бы он, должно быть, сказал - верный признак внутреннего диалога, а теперь, кажется, мысль остановилась на чем-то и готова вырваться в мир, приняв обличие слова.

- Завтра... завтра в четыре день рождения Карины... моей дочки от второй жены, кажется, ты видел ее пару раз.

Ян молчал. Салфетка крошилась еще сильнее, потеряв всякую форму: самолетик из нее не вышел.

- Что должно произойти в четыре, Ян? - настороженно произнес Герман. - Ну же, ты ведь простоял под моим окнами не для того, чтобы угостить меня горячим кофе и поинтересоваться моими планами на ланч в ближайшую неделю? - продолжал настаивать он.

Пальцы Яна перестали теребить салфетку. Белые от бумажных ошметков, они брезгливо откинули влажную салфетку.

- Тебя собьет машина, - выпалил он так быстро, как только мог.

- Собьет маши... - Герман недоговорил, он осекся. Он не хотел повторять всю фразу целиком. - Это точно был я?

Ян только посмотрел ему в глаза. Психиатр поджал губы и отвернулся.

- Официант! - крикнул он неожиданно громко. - Принесите мне... посчитайте нас.

Несколько человек раздраженно оглянулись на них, впрочем, скоро они потеряли интерес: время поджимало, уже пора было бежать в офис, а ведь еще нужно успеть дожевать булку.

- Уже уходишь? - спросил Ян.

- Просто хочу оплатить, чтобы не ждать потом.

Герман вдруг усмехнулся: «чтобы не ждать».

- День рождения завтра... он в четыре, и он уже завтра, - сказал он.

- Не ходи! - быстрым, порывистым движением Ян накрыл его руку своей влажной ладонью и сжал ее, что было силы.

Герман снова молчал. Ян смотрел в его лицо, не моргая, но не мог поймать его взгляда.

- С того момента, как ты рассказал мне все, моя жизнь потеряла смысл. Я был психиатром, который лечит людей вот уже десять лет. Я был серьезным психиатром, я ездил на симпозиумы, мои статьи печатались, и студенты искали их в библиотеках для своих докладов. У меня были женщины, у меня был смысл. А теперь... теперь я даже не знаю, были ли те люди, которых я помню как своих пациентов, или вся моя прошлая жизнь - это лишь пара строк, которые по сюжету я сейчас должен сказать, и больше о ней нет ничего, ни строчки. Все, что было раньше, не имеет смысла... весь мой смысл - это, оказывается, погибнуть на пятой или, может, если повезет, на десятой странице? Весь смысл моей жизни? Если это не самый распоследний, не самый дилетантский рассказ, то, возможно, в моей смерти будет какой-то смысл... смысл для тебя, - Герман высвободил свою руку из-под ладони Яна. Рука Яна медленно отползла назад, на свою сторону столика. - Я даже не знаю, было ли мое сегодняшнее утро до того, как столкнулся с тобой у подъезда моего дома. Пил ли я свой апельсиновый сок и жевал ли, шурша газетой, пережаренную яичницу. Немыслимо... я ведь все это помню... и нет никакой уверенности, что это было. Для меня невыносимо жить в таком мире, Ян!

- Прости меня, Герман.

- Тебе не за что просить у меня прощения.

Официант бесшумно положил на стол папку со счетом. И Герман, и Ян проигнорировали ее, даже не заметив.

- Знаешь анекдот? - начал снова Герман. - Человек умер, смотрит - стоит у ворот в рай. Прежде чем войти, спрашивает: Господи, ответь мне только на один вопрос! Прошу тебя: только на один! Господь соглашается: что ты хочешь узнать? Только одно, говорит человек, - в чем было мое предназначение? Ну, отвечает ему Господь, помнишь как-то раз ты ехал в поезде? Помню, отвечает человек. А помнишь, ты зашел в вагон-ресторан, и там сидела девушка? Помню. А помнишь ли ты, как она попросила передать ей солонку, и ты передал? Помню, Господи. Ну, и вот, - отвечает Господь.

- Герман, это жестоко... Я не верю, что все так. Какой в этом смысл? Не может быть героев, смысл которых только умереть!

- Да? А детективы? Иные роли там достаются только паре-тройке героев из десятка.

- Но это не детектив!

- Откуда тебе знать? Разве ты уже дошел до того момента, когда в дверях появится следователь? Ах... прости, не ты, а этот твой безликий читатель, вечно сидящий к нам спиной.

- Герман, не говори так... прошу тебя. Это разрывает мне сердце. Ну что я могу сделать? Я говорю тебе: не ходи. Я говорю тебе, останься дома или в кабинете. Запрись на ключ!

Пальцы Германа сняли какие-то невидимые пылинки со шляпы, тихонько погладили чуть потертые края. Горячий кофе остывал перед их лицами, а они уже даже не замечали его густого запаха. Пенка опала, оставив бурые разводы на краях чашек.

- Прости ты меня, Ян. Я знаю, что ты не виноват. Не так-то просто все это принять. Хотя, пожалуй, теперь многое становится на свои места... многое. Я пойду, Ян. Я пойду, потому что так должно быть. Потому что не могу сидеть теперь в своем кабинете вечность. Ты же знаешь, я не буду жить в том кабинете, если там не будет тебя, если там не будет глаз того, кто сейчас сидит и тратит свое время попусту, читая эту, судя по всему, занудную книжку. Это то же самое, что и попасть под колеса автомобиля... только, должно быть, хуже. Трусливая жалкая смерть-обман.

Они сидели молча друг против друга.

- Ты никогда не думал, - вдруг снова начал Герман чуть изменившимся голосом, - что сама твоя возможность видеть наперед, что случится дальше, запланирована, дана изначально? Вспоминает он или нет, но, может, это твоя возможность... возможность все изменить. Вся моя Вселенная лишь в его воображении, а его воображение подвластно ему, Ян. Сейчас, в этот раз, пока он читает, лишь в его воображении ты можешь изменить все, свое будущее, мир, Вселенную вокруг тебя, Ян!

Ян ошарашено посмотрел на друга.

- О чем ты говоришь?! Все уже написано: черным по белому, в буквальном смысле. Я видел эти строки, я видел книгу в его руках. Как я могу повлиять? Возможно, я и главный герой, но я не тот, кто писал этот рассказ, я даже не тот, кто его читает. Я ничего не могу сделать отсюда, из этого убогого, однобокого, почти плоского, мира, что поместился на нескольких страницах!

- День рождения завтра... в четыре. К этому времени ты ничего не успеешь сделать, но подумай, вдруг это еще тебе пригодится. Да и потом, если бы я спасся, возможно, пропасть, образовавшаяся на месте моей гибели, втащила бы в себя кого-нибудь другого, и кто знает, кем бы стал этот другой? - Герман пристально посмотрел на Яна. - Пусть в моей жизни все-таки будет чуточку больше смысла, если ты не возражаешь?

Герман взял папку и, не глядя, сунул в нее тысячу рублей.

- Прощай, Ян.

«Герман», - беззвучно прошептали сухие губы Яна, но вслух, сглотнув душащий его комок в горле, он сказал только:

- Надень шляпу, хорошо? Завтра в четыре. Надень. Будет дождь.

Герман молча кивнул, улыбнувшись ему грустной, но какой-то обреченной улыбкой. Уходя, Герман задержал на мгновение свою большую теплую ладонь на поникшей спине Яна.

———

Часы: круглые, тикают, и звук движения их стрелок то исчезает, но снова появляется, но даже когда он исчезает, ты знаешь, что, тонкие и дрожащие, они отсчитывают каждую секунду. Ян стоял посреди комнаты и смотрел на белый циферблат. Без десяти четыре. Герман не брал трубку. И зачем только нужны эти чудеса технологий, если человек просто забыл их дома? Кусок пластмассы с железной начинкой - не больше! Без девяти четыре. Он мерил комнату лихорадочными шагами: от одной стенки к другой, и наоборот.

- Этого не должно быть... не должно быть... неужели он прав? Неужели таков принцип этого чертового рассказа? Наверное, это даже не роман... всего лишь рассказ, где человек родился, прожил всю жизнь и умер всего на паре десятков страниц... - Ян шептал сам себе под нос, даже не осознавая, что говорит вслух. - Ну что? Что я могу сделать? - говорит он, не замечая, как обхватывает голову ослабевшими руками. - Что я могу сделать, если все уже написано? Если все уже предрешено?

Вдруг Ян вскинул голову, поднял руки и закричал то ли потолку, то ли небесам, скрытым за штукатуркой:

- Как мне достучаться до тебя?! Слышишь ли ты меня?!

Ян выждал мгновение, словно веря в голос, который должен спуститься на него, как то описывается в Ветхом завете, но ни небеса, ни даже потолок не ответили ему. Ян снова посмотрел на часы: без

пяти четыре. Ощущение собственной беспомощности начало душить его. Он физически ощущал, как все внутри него сжимается от невозможности сделать хоть что-нибудь... как это возможно, если он главный герой? Неужели он не может сделать ровным счетом ничего?

- Что я могу сделать? - шепотом выговаривает он, зажимая рот взмокшей рукой.

В ту минуту он думал о том, смотрит ли Герман сейчас на часы. Вдруг Ян остановился и замер. Лицо его напряглось и точно вытянулось.

- Не читай! - прошептал он, вытаращив глаза. Он нервно посмотрел на часы: длинная минутная стрелка дрожит за деление до двенадцати. - Не читай! - кричал он во все горло, снова вскидывая руки к небу. - Не читай, прошу тебя! Закрой эту чертову книгу! Просто перелистни и начни другой рассказ, умоляю тебя! Оставь его в живых!

Минутная стрелка дрогнула, встав ровно посередине между единицей и двойкой: четыре. Ян задержал дыхание: ничего не произошло, мир не остановился, не исчез... тишина. Вдруг резкий звук прорвал тишину, точно камень, брошенный в гладь озера - звонил телефон. Похолодев, Ян медленно потянулся к трубке, нажал горящую кнопку и приложил телефон к уху.

- Алло, - хрипло прошептали пересохшие губы.

Глаза его застыли на месте, лицо на миг окаменело в ничего не выражающей гримасе. Вдруг Ян сжал трубку и со всей силы бросил ее в потолок, так что куски пластмассы и железа, перемешавшись с пылью штукатурки, окатили его спину колким дождем.

- Черт бы тебя побрал! - проревел он. - Черт бы тебя побрал! Подавись своими страницами! Подавись своей книгой! Черт бы тебя подрал!

— — —

Час спустя Ян шел по людной улице в самый час пик. Шум выстроившихся в неровные ряды машин и нетерпеливые гудки оглушали его, и он был рад этому. Он шел бесцельно, не зная, куда приведут его ноги; он просто отдался на милость толпе. Толпа тащила его куда-то вперед, лишь изредка замедляя свой ход на светофорах, и он безропотно подчинялся ходу ее движения. То и дело возникали какие-то лица, то и дело обрывки чьих-то нелепых разговоров долетали до его ушей: то были кусочки чьих-то только что родившихся жизней... жизней, что умирали, захлебываясь, сразу как только он переставал их слышать. Какой-то человек, проходя, случайно задел Яна плечом. Ян даже толком не успел разглядеть его лица: и теперь, пройдя мимо, тот человек уже никогда более не обретет своего лица. Подумать только: должно быть этот мужчина появился на свет мгновение назад, только для того, чтобы вот так, проходя мимо, случайно задеть Яна краем плеча! А эта женщина, что, шагая ему навстречу, вжав телефонную трубку в щеку, зачитывала сыну список покупок: «Сыр, бутылку молока... да нет же, ну сколько раз тебе повторять, купи обезжиренное!» Ее планам не суждено было осуществиться, не увидеть ей молока, а сын ее - всего лишь тихий писк в трубке мобильника. Мгновение: и вот уже нет ни женщины, ни писка, ни молока. В толпе, прямо перед глазами Яна, то рождались, то умирали чьи-то лица, и среди этих лиц он больше никогда не увидит лицо Германа, его крупный нос, улыбку чаширского кота и пристальный, внимательный взгляд.

Пот прошиб Яна, воротничок рубашки, казалось, сузился, точно бутылочное горлышко, заставив Яна задыхаться. Мир вокруг исказился, поплыв, растаяв в теплой соленой влаге, что набежала на глаза Яна. Он вдруг резко вырвался из толпы, точно сумел выбраться из горной речки. Всем телом оперся на первый попавшийся фонарный столб, согнувшись так, будто его рвало. Вновь закружилась голова. Мир по-прежнему отказывался обретать прежнюю форму: он качался, точно привязанный за нитку. Ян оглянулся: нет ли поблизости какого лотка, крохотной забегаловки, где можно было бы сесть отдышаться и выпить стакан холодной воды. Но поблизости ничего не было: сухие, безликие офисы и лучащиеся на солнце витрины магазинов одежды.

В тот миг он и увидел то, что заставило его забыть о Германе, забыть о слабости, разлившейся по всем частям его тела: шестеренки вдруг вновь разомкнулись и закрутились одна быстрее другой. Ян закрыл глаза, встряхнул головой, с силой сжав кулаки: лишь бы только все снова встало на свои места. С него хватит, думал Ян, он устал, он не хочет больше знать ничего из того, что написано о нем в этой странной книге. Но шестеренки не сомкнулись: как ни старался он сжать веки, красные круги перед глазами стали сменяться яркими отчетливыми картинками.

Перед ним стояла она, синяя куртка, Сара. Она была бледной, почти синюшной, сквозь кожу просвечивали пульсирующие жилки на лице и шее. Она едва заметно пошатнулась, ноги ее подкосились, и только тонкая дрожащая рука еле успела зацепиться за край стола... то был его стол, стол Яна. А на столе лежала его банка снотворного, которое на всякий случай он всегда держал в шкафчике в ванной. Он еще ни разу не притронулся к ней, но сейчас банка была пуста. Лишь несколько желтых гладких таблеток были раскиданы по полу, возле ее ног. Сара снова качнулась, и на этот раз ослабевшая рука не смогла удержать вес ее тела: Сара упала на пол. Отрешенное лицо смотрело куда-то в потолок, а тело согнулось так, будто бы то была не взрослая женщина, а замерзший напуганный младенец. Глаза ее закатывались, смотря на мир безжизненными белками.

Ян едва стоял на ногах, он хотел подбежать к ней, обнять, поднять с пола, потащить в туалет, засунуть два пальца в рот, чтобы только желудок ее изверг желтые таблетки. Но тело его не двигалось: тело его было медленным, как и мир, что отодвинулся в сторону, уступив место видению. «За-

чем же... зачем же ты сделала это?» - только и мог думать он.

Силясь двинуть хоть единым мускулом, он заставлял двигаться свои глаза, чтобы только оглядеть все вокруг, чтобы только зацепиться взглядом хоть за что-нибудь, что могло бы подсказать ему, когда это случится. Но на кухне его не было часов, не вещал телевизор, чтобы позже, по кусочку увиденной передачи, выяснить, что за час, что за день сулит ему отнять у него Сару. Он надеялся найти объяснение ее поступку, но все вокруг было точно глухо и немо: ни единой подсказки! Шестеренки начинали сближаться, краски бледнели: видение уходит. Ян до боли впился ногтями в фонарный столб, что все еще не давал ему упасть на тротуар. «Подожди! Подожди! Не так быстро! Еще минуту! Еще мгновение!» - шелестели его губы.

Когда краски совсем уже почти стерлись, когда уже трудно было различить черты лица Сары, взгляд Яна вдруг упал на узкую щель меж почти сомкнутых штор: там, за пыльным окном, алое, пылающее солнце по пояс ушло за край земли. И в то же мгновение все погасло. Шум гудящих машин, топот и голоса толпы ворвались в его уши. Он снова стоял на обочине дороги, вцепившись в фонарный столб.

- Сара, - только и смог прошептать он.

Пот прошиб его, ему вдруг стало невыносимо жарко. Ян огляделся: солнце все еще стояло высоко в небе, но уже краснело, и алые отсветы расползались по облакам вокруг. Ян знал: в это время года солнце садится быстро, не пройдет и получаса, а оно уже наполовину скроется за покатым боком земли. Ян посмотрел на часы: не успеет. Он не успеет добраться домой до того, как горизонт откусит половину солнечного диска. Ян уставился на небо, прямо над своей головой, и прошипел сквозь зубы:

- Да что же это такое? Не отнимай ее у меня! Ты решил отнять у меня все за каких-то несколько страниц? Всю мою жизнь? Сначала Герман. Я знал его столько лет, и пусть этих лет в действительности не было, мне все равно, они есть в моих воспоминаниях! А теперь ты решил отнять у меня еще и ее? Неужели тебе так нужен этот чертов рассказ, что ты не можешь просто перестать читать его и оставить меня... оставить всех нас в покое?!

В ответ ему какой-то водитель обругал непутевого пешехода чередой непристойных ругательств.

Ян горько усмехнулся:

- Сара... моя синяя куртка с детским хвостиком. Ты плакала из-за своей болезни, а я даже так и не понял, чем ты больна. Но это и неважно: твоей судьбой с самой первой страницы были таблетки из моего шкафчика. Ты выпила их, чтобы не умирать медленной смертью, но твоя смерть и была этими таблетками, а болезнь - это только строка на одной из страниц... Сара...

Но Ян не готов был так просто сдаться. В голове его вдруг возник безумный план... план, похожий на промелькнувшую, почти прозрачную мысль, и все же это было единственным, что он мог сделать в тот миг: солнце, казалось, садилось все ниже с каждым мигом, и ни метро, ни какая машина не смогли бы домчать его к Саре за то короткое время, что было дано ему. Наверное, так и было запланировано... так и было написано с самого начала. Но если герой - это он, значит, история развивается, пока он жив, пока он дышит и мыслит. Не может быть в одном маленьком рассказе три смерти, не могут на нескольких десятках страниц погибнуть все, кто жил на них все это время. Это просто лишено всякой логики? Ведь... ведь, что бы ни случись, они с Сарой будут вместе снова и снова, всякий раз, когда кто-то другой станет читать эту книгу. Может, у нее будет иное лицо, похожее на чью-то другую любимую или сестру, может, он будет одет иначе, но это неважно: они все равно будут вместе. Но только сейчас... сейчас он не сдастся.

«Ты никогда не думал, - вдруг вспомнились ему слова Германа, - что сама твоя возможность видеть наперед, что случится дальше, запланирована, предзадана изначально? Вспоминает он или нет, но, может, это твоя возможность... возможность все изменить».

-Ты думаешь, ты перехитрил меня? - спросил Ян безмолвное небо. - Ты думаешь, глядя на оставшиеся несколько станиц или, может, строк, что она умрет и с этим уже ничего не поделать? От тебя мне помощи ждать не приходится, это я уже понял: раз я стою здесь, посреди города, а не исчез в тот миг, когда я так умолял тебя закрыть эту чертову книгу, значит, так оно и есть. Ну, что ж, тогда читай! Читай!

Ян бросился к дороге, расталкивая на своем пути каких-то людей. Кто-то упал, кто-то обругал его вслед, но все это не волновало Яна. Все это было лишь сопротивлением уже написанной, уже готовой ткани рассказа, - по крайней мере, так казалось ему. «Сара, девочка моя, - шептал он еле слышно. - Подожди... подожди, только не бери в рот эти желтые таблетки... подожди... Я все изменю, вот увидишь! Герман... возможно, если бы я сделал это раньше, ты тоже остался бы жить...» И Ян шагнул... шагнул прямо под колеса несшейся мимо машины.

- Явно бездарный рассказ, - говорил себе Ян, чтобы только отвлечь свои мысли от предстоящей боли, чтобы только отвлечь их от страха, что сжал в кулак все его внутренности. - Что за навязчивый образ этой автомобильной катастрофы? - Ян с силой сомкнул веки, сжал кулаки так, что ногти впивались в ладони. - Сейчас, еще мгновение, и все кончится!

Визг тормозов... наверное, такой же, какой в последнее мгновение жизни услышал Герман... и тишина: ни боли, ни темноты, ни удара. Ян с трудом приоткрыл глаза: машина стояла в нескольких сантиметрах от него. Из окна высунулось чье-то перепуганное взмокшее лицо.

- Ты что, ненормальный? Тебе жить надоело? - закричал чей-то перекошенный незнакомый рот.

Не получилось... как же так? Почему? Перекошенный рот еще кричал что-то Яну, но он уже не слушал; он оглядывался в поисках другой, несущейся на полной скорости машины. Но машины, казалось, еле волочились: все больше толкались на узкой дороге, точно свиньи у кормушки с едой.

- Ну же! Читай! Читай, не переставая! Читай быстрее, умоляю тебя! - кричал Ян то ли машинам, то ли прохожим, что столпились на тротуаре и тыкали в него пальцами. А Ян только то и дело оборачивался, чтобы снова и снова посмотреть на солнце: один его бок уже коснулся самого края Земли, излив на него свою алую, горящую кровь.

- Быстрее! - крикнул Ян, кидаясь под новую машину, но водитель сумел вовремя выкрутить руль. Не дав себе опомниться, Ян бросился к другой, той, что, замешкавшись, перестраивалась из ряда в ряд: водитель смотрел в другую сторону, отвернувшись от дороги. - Ну же, стань моей судьбой, - прошептал ему Ян. Но она не стала его судьбой. - Да что же это?!

Машины, одна за другой, останавливались прямо перед его носом, сворачивали в сторону, едва не врезаясь в своих железных собратьев, что обреченно катились в стороне.

- Герман... Герман, похоже ты был не прав, - шептал Ян, глядя на солнце. - Все написано, я беспомощен! Все уже написано, и он читает то, что читал и раньше; то, что читали и до него, и мне ничего не дано сделать. Ни одна машина не собьет меня, потому что этого просто нет в этом безумном рассказе!

Ян снова, уже не задумываясь, кинулся под колеса какой-то очередной машины, но вдруг кто-то крепко схватил его за локти и потянул назад. Его тащили назад, на тротуар, прочь от машин. Какой-то здоровый мужчина решил изобразить героя. Ян оглянулся: сюжет принял вид розовощекого двухметрового парня, что со всей своей молодецкой силой тащил его прочь от дороги. Ян вырывался, упирался всем телом, отбивался, как мог.

- Не дури, мужик! - слышал он за спиной. - Что бы это ни было, оно того не стоит!

«Знал бы ты, что это «это» касается всех вас! - думал Ян. - Каждого! И тебя тоже, рожденного мгновение назад. Знал бы ты, что все, что ты знаешь о себе, все, что ты помнишь о себе и о своих близких, - фальшивка! Возможно, тогда ты бы сам кинул меня под колеса первой же попавшейся машины». Но он не знал и не мог знать. Он держал Яна крепко, будто бы и не замечая ударов. Потом чьи-то еще руки впились в предплечья Яна и с двойной силой потащили его прочь. Двое крепких мужчин вытащили его на тротуар, повалили навзничь и придавили весом собственных тел. Ян ударил одного по лицу, тогда другой скрутил ему руки за спиной:

- Не дури, парень!

- Да ему бы смирительную рубашку! - кричало чье-то фальшивое лицо в фальшивой толпе.

- Пустите! - кричал Ян им в ответ, обливаясь потом, но слова его тонули в гуле толпы. - Пустите меня! Вы не понимаете!

Ян посмотрел на небо: три четверти солнца растворилось в крепкой сутулой спине Земли. Три четверти истекающего кровью солнца ушло в небытие... ему больше не было суждено взойти на небосвод... никогда... Ян чувствовал: то были последние страницы его рассказа... рассказа, в котором уместилась вся его жизнь.

- Пустите, - уже еле слышно шептал он. Никто его не слышал, никто не собирался ослаблять хватку рук, что скрутили его и прижали к холодному асфальту. Он ничего не мог изменить... все было написано, все было прочитано, и уже не раз.

Солнце уже почти утонуло где-то там, в невидимых далях. Небо, лишившееся светила, кровоточило... но больно было не ему одному. Грязный, исцарапанный, в изодранном пальто, Ян подошел к своему дому. Он боялся заходить внутрь. Все это походило на кошмар или на самый нелепый бред самого больного пациента Германа. Ян не воспользовался лифтом, он поднимался по лестнице, считая ступеньку за ступенькой, чтобы только не думать о том, что ждет его там, за дверью его квартиры. Дрожащей рукой он открыл дверь: квартира молчала; ни единого шороха, ни единого звука.

- Сара? - тихонько позвал Ян.

Никто не ответил ему. Ян с шумом бросил ключи на этажерку: он надеялся, что неожиданный звон привлечет ее внимание, и она выйдет из комнаты, заспанная, чтобы обнять его и помочь снять порванное пальто. Она выйдет и скажет, что просто заснула и не слышала, как он вошел. Но она не вышла. Ян замер на месте: впереди была кухня: дверь открыта, но оттуда, где он стоял, ему почти ничего не было видно, только крохотный уголок, противоположный тому окну, в котором он мельком разглядел закат.

- Сара, - еще раз позвал он дрожащим голосом, но уже знал, что не услышит ответ.

Он стоял посреди коридора, не двигаясь и тяжело дыша. Он оттягивал последнюю сцену своего рассказа как можно дольше... Может, этому странному человеку, что мусолит финальную страничку, надоест, и он отложит книгу в сторону до лучших времен, так и не дав Яну зайти в эту чертову комнату. Но время шло, и ничего не происходило - никто не откладывал книгу до лучших времен.

- Герман... Герман, кажется, ты ошибся, кажется, все мои старания и все твои надежды никуда не годятся... кажется, твой старый друг бессилен против каких-то несчастных букв...

Вдруг все мысли Яна замерли, точно кто нажал на паузу. Но то были не шестеренки, что собрались

разойтись в последний раз, нет, все замерло в его голове, потому что разум его, точно в предсмертной агонии, изверг из себя нечто странное.

- Но... - прошептал было Ян сам себе, но тут же замолчал, покрепче спрятав слова в темноте своего рта: он ничего не произнесет, пока не сделает этого.

Глупо, наверное, странно и безумно, но это было последним, что он мог сделать для себя и для Сары. Не раздеваясь, как был, в грязном изодранном пальто, Ян кинулся в спальню, к своему письменному столу. Проносясь мимо кухни, он крепко зажмурил глаза, чтобы только не увидеть то, чего видеть не хотел, то, чего вроде бы как и не существовало, пока он не увидит этого. Если глазами того, кто читает эти строки, этот писанный кем-то мир вводится в бытие, то Ян не даст ему увидеть то, что скрыто там, в кухне, чтобы не впустить ту последнюю сцену, что перечеркнет жизнь Сары. Добравшись до стола, он стал быстро и нервно шарить трясущимися руками под стопками раскиданных бумаг, в заваленных всевозможным хламом ящиках.

- Вот они, - прошептал он, схватит ручку и блокнот, в который записывал все это время свои сны. - Сотворим вместе: Ты и я!

Ян распластал измятый лист на столе, прямо поверх неровных стопок документов, и начал что-то писать. Почерк его был размашистым, строки к правому краю сползали вниз - он торопился. Пот крупными горячими каплями лился по раскрасневшемуся от волнения лицу. Он все писал и писал, не останавливаясь. Лишь дважды рука замирала, он глядел куда-то далеко, будто бы не замечая стен, а потом снова простая шариковая ручка начинала свой забег по мятому полю листа.

- Ну, что ж, - сказал Ян, поставив последнюю точку. - А теперь читай! Читай, не пропусти ни слова! Если ты читаешь все, что написано в этом жалком рассказе, тогда ты прочтешь и то, что я сам вписал в него. Все это - буквы. Одни ничем не отличаются от других. Так что читай!

«Ян стоял на коленях в комнате, пот по-прежнему струился по его лицу. Весь он стал одними глазами и ушами. Весь он превратился в ожидание. Вдруг тихий шелест донесся до его слуха. Догадка больно кольнула его разум, но он отмел ее - только бы не спугнуть, шорох ведь такой тихий, что в любой момент может обратиться в иллюзию. Но шелест повторился и на этот раз немного громче, увереннее. Ян знал: он доносился из кухни, из того самого угла, который не был виден Яну при входе. Чуть погодя послышались медленные, шаркающие шаги, будто бы то шаркали о пол большие мужские тапки, надетые на маленькие женские ступни. Шаги приближались.

- Ян! - едва различимо послышался женский голос. Он казался каким-то чужим, но зато отчетливым. - Ян! - повторился зов.

- Я здесь, - едва выговорил Ян. Спазм сдавил его горло, и слова с трудом вылетали из его рта.

В дверном проеме спальни показалась женская фигура. -Сара? - тихо позвал ее Ян.

- Конечно. А ты хотел бы увидеть кого-то другого? - чуть громче произнесла фигура.

Она сделала шаг вперед, и теперь, когда солнечный свет упал на ее лицо и Ян смог разглядеть его, он увидел: это было она, Сара. Она стояла в той самой рубашке, в которой он видел ее в своем коротком видении там, на улице, возле фонарного столба.

- Сара, - повторил он, тяжело сглатывая.

- Боже мой! Что с тобой?! Тебя кто-то избил? - воскликнула она, бросившись к нему. Быстрыми движениями теплеющих пальцев она дотронулась сначала до ссадины на его лбу, потом до порванного воротника пальто. Ян слушал ее, вслушивался в голос: теперь, когда он видел ее так близко, голос казался таким знакомым, таким ее.

- Подожди, - сказал он ей, хватая Сару за запястья, чтобы только остановить ее лихорадочные движения, чтобы только заставить ее замереть на мгновение, - подожди, дай мне посмотреть на тебя.

Сара едва заметно нахмурилась, тело ее напряглось:

- Это зачем еще? - спросила она.

Он смотрел на нее, аккуратно взял в свои руки лицо Сары и повернул сначала одним боком, потом другим, заглянул в ее глаза, погладил по мягким волосам, а потом вдохнул ее запах: это была она... эта Сара, восставшая, выписанная его рукой, ничем не отличавшаяся от той Сара, что спала в его постели утром, когда он уходил из дома... это была она.

- Просто я соскучился по тебе, Сара, - ответил он, улыбаясь. - Почему... почему ты не отвечала, когда я звал тебя?

Ян знал ее ответ до каждого знака препинания, до каждого даже самого коротенького слова. Он знал его лучше, чем она сама. Но ему просто нужно было, чтобы она сама произнесла свою реплику... нужно было, чтобы поверить.

- Я заснула... странное дело, заснула на кухне... такое со мной впервые.

Сара вдруг посерьезнела. Лицо ее приняло озабоченный вид. Она пыталась что-то вспомнить, понять, найти логику в своих путанных, почти отсутствующих воспоминаниях.

- Неважно... неважно, синяя куртка, - прервал ее Ян. Он не хотел, чтобы она задумывалась, чтобы она пыталась что-то вспомнить. Он хотел отвлечь ее.

Ян крепко обнял Сару. Пальцы его незаметно слегка ощупали ее тонкое тело, будто бы все еще удостоверяясь, что это то самое тело. Взгляд его вдруг упал на исписанный блокнот. Тихим, аккурат-

ным движением он потянулся к нему и положил его в задний карман своих брюк, чтобы только Сара не заметила и не прочитала его.

- Знаешь что? - сказал он, гладя ее по волосам. - А пойдем-ка пройдемся. Сходим куда-нибудь, зайдем в кафешку, выпьем по глинтвейну, как тебе мысль?

Сара улыбнулась, по-детски обрадовавшись.

- Согласна?

Она утвердительно махнула головой:

- Сейчас, только дай мне немного времени, чтобы одеться. Тебе, кстати, тоже не помешало бы сменить свои лохмотья.

Уже почти поднявшись на ноги, она вдруг снова встала на колени рядом с ним, посмотрела ему в глаза и произнесла очень серьезным тоном:

- Знаешь, если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы покончила с собой. Я бы просто не смогла жить: в моей жизни не осталось бы ни грамма жизни. Только надвигающаяся темнота.

Не дав ему опомниться, она быстрым движением поцеловала его в щеку своими теплыми, такими настоящими губами, поднялась на ноги и засеменила прочь из спальни. Ян слышал ее удаляющиеся шаги. Странная, какая-то блуждающая полуулыбка обозначались на его лице. Он медленно, устало встал и подошел к окну. Там, за пыльным стеклом солнце уже совсем спряталось за широкой спиной Земли. Только алые лучи, что еще тлели на небе, точно угли, напоминали о его существовании.

- Если бы с тобой что-нибудь случилось, - повторил он ее слова. Они, словно кость в горле, застряли в его голове. Какая же все-таки странная логика у этого странного рассказа. - Знаешь, что, - заговорил он, глядя в небо, - спасибо, что ты читаешь эти строки... спасибо... Я знаю, ты, наверное, видишь тот последний абзац, которым должна была кончиться эта история... я бы попросил тебя не читать его, но, знаешь, мне все равно, прочтешь ты его или нет, потому что это уже ничего не изменит. Я знаю, что она не настоящая, моя синяя куртка, но и до этого мне нет никакого дела. Кем бы она ни была, в конечно итоге она не менее придумана, чем и я сам.

Ян прервался, там, за его спиной, в коридоре уже слышались приближающиеся шаги Сары:

- Возможно, когда-нибудь, когда ты решишь перечитать эти страницы еще раз, - зашептал он, - мои странные видения, эти обрывочные воспоминания, начнут посещать меня раньше, и даже, возможно, я быстрее смогу понять их, и тогда, даст Бог, возможно, я смогу спасти Германа... ведь это кажется не большим безумием, чем все то, что произошло с моей жизнью в этот раз.

Ян достал из кармана свой блокнот: надо было спрятать его куда-нибудь далеко... так далеко, чтобы он не смог напомнить Яну о двойственности его бытия. Прежде чем спрятать его в дальний ящик, Ян еще раз пролистнул страницы: вот наброски к роману, который он так и не сел писать, вот какие-то мысли для статей, и вдруг он увидел ту запись, о которой когда-то рассказывал Герману: маленький абзац, в котором он описал темную фигуру, слабоосвещенную лампой... фигуру, что сидит на столом, склонившись над чем-то невидимым. Тогда это было всего лишь простым сном, ничем не отличавшимся от всех прочих снов, но Ян описал его в своем блокноте, решив, что, может, однажды «истукан» станет началом нового рассказа. В тот день Ян впервые написал об этом «истукане». Тогда еще странные видения не являлись ему посреди дня, тогда еще его жизнь была прежней.

- Я написал тебя... я вписал тебя в этот рассказ... собственными руками, - еле слышно прошептал Ян, - я вписал тебя, и ты стал читать меня... день за днем... ты стал все равно что моим Богом, ввергающим мою жизнь в бытие, но это я поставил тебя Богом над собой... Я написал своего Бога, и он стал вершить мою судьбу.

Его губы твердили эти странные слова, от которых пот прошибал его похолодевшее тело.

- Ян? - позвала его Сара. Голос ее стал совсем таким же, как прежде. - Ты с кем-то говоришь?

- Нет, - ответил он ей, улыбаясь, - сам с собой... просто сам с собой.

- Ты так и не переоделся, - отметила она с укоризной.

- И правда, не переоделся, - он смотрел на нее, будто не мог поверить своим глазам. Губы сами расплывались в улыбке, они, казалось, не слушались его воли. - Пойдем как есть, хорошо?

Несколькими мгновениями спустя влажный вечер уже порывисто дышал им в лица. Сизые сумерки потихоньку наползали на город, избегая лишь тот еще теплящийся кусочек неба, где догорали последние алые лучи. У подъезда, как всегда, сидели старушки, что коротали свои тихие вечера сплетнями и пустыми разговорами о болячках и внуках. Ян не вслушивался в их разговоры, лишь одна только фраза, скрипучая, шепелявая, как и сама старуха, что произнесла ее, долетела до его ушей:

- А может, и не было никакого выбора? Может, все так и должно было случиться?

Ян замедлил шаг. Слова эти привлекли его внимание.

- Ты что? - удивленно оглянулась на него Сара, а потом потянула его руку на себя. - Пойдем же быстрее, кажется, скоро пойдет дождь. Чувствуешь, накрапывает?

По правде сказать, Ян этого не чувствовал, но подчинился ее движению и пошел вперед, ускорив шаг. Он смотрел в ее лицо, улыбаясь; единственное, чего ему хотелось в тот миг, так это ни о чем не думать: ни о том, в какой момент закончится этот рассказ, ни о последних строках, ни о фразах, случаем долетевших до его ушей.

- Чувствую, - ответил ей Ян, - поторопимся».

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

НА ТРОНЕ

«Не книги - запрещать надо события»
Германн Мэллвил

Государев дневник

1

«Жена велела брать пример с императоров, особенно всея Руси последнего. Этот Николя каждый день писал чего ни попадя, теперь и я буду заносить в тетрадку все такое, чего было и не было, про что думал, с кем говорил и как подписывал документы. Также велено вносить разные слова о государстве и человечестве в целом, не избегая и мелких происшествий.

День первый

Поехали в вагоне с женой, охраной, помощниками, врачом, советниками, машинисткой, поварами и разными министрами на отдых. Дорога хорошая. Железная. Мне где-то посередине России махал народ. Я ответил адекватно, но жена сказала: «Отойди от окна, видят же...» Плюнул и пересел в самолет. У генерального подручного по спортивной части случился день рождения. Чего было потом - помню не все. Кажется, догнал нас в дороге министр по труду. Ему строго наказал трудиться дальше и погнал на работу. Бабы испугались - расшибется, мол. Их успокоил шофер самолета: «Он всегда над Краснодаром вылезает».

Утром гляжу, а море-то синее, а не черное. Значит, врала учителка по географии... Утром вслух читал мой новый Указ о солении огурцов и налогах на банки. Все хвалили. Советник по финансам припер отпускные. Жена строжит: «Чего мало?» Срочно сбросили на парашюте второй сейф.

Принимал обеденную пищу. Ходил пешком до речки. Впадает в море. Вернулся с речки, которая впадает в море. Звонил президенту острова Пасхи, он посоветовал от похмелья пить отвар из корней забыл какой травы.

Охранник свалился в яму. Смеялись. Читал на ночь народную сказку про Ивана-дурака. Не понял морали. Куда зовет? Надо спросить у министра культуры, он большой специалист сказки рассказывать. Сделали укол в ж... хотя болит голова. Потребовал на ковер личного врача. Он дал таблетку красного цвета, французскую, уже от головы. Французы - любопытная нация. У них все почему-то красного цвета. Отгадывал кроссворд. Угадал четыре буквы в столбике слева, в целом же оказалось «кобыла». «Кобыла» - хорошее слово. В Египте, сообщило радио, наводнение. Жена успокоила: «Врут, поди, спи давай». Жалко египтосов. Вот интересно, с географической точки - куда они лишнюю воду девают. У них речки в куда впадают?

День второй

Прилетали сразу двое: по внутренним делам и по безопасности. Первый плачет - боится, что сниму. А второй смеется. «Чему радуешься?» - спросил. «Да вот, думаю, как здорово, что вы не в Красноярске отдыхаете!» Ишь ты, смешливый попался. Ты, говорю, мне еще в Магадане предложи отпуска догуливать. Ничего, отвечает, до Магадана пока далеко, но мы его про запас держим, на всякий. Тогда я рассердился, пить с ними не стал и в бассейн не пригласил. Первому приказал принять меры по внутренним делам и поймать Басаева. Совсем уж размахался бандюга. И куда это наша милиция смотрит? Не знаю. А второму дал секретное указание поменьше озвучивать насчет Магадана. Разве такими

вещами шутят? Скоком да ненароком, а там, глядишь, и накаркал: моргнуть не успеешь - вологодский конвой. Не до шуток, понимаешь. Спокойной ночи, понимаешь.

День третий

Отпуск продолжается в хорошем равновесии. Аппетит хороший. Помощники хорошие. Погода хорошая. Клизма хорошая. Международное положение хорошее. Жена хорошая. Туфли хорошие. Ракетка хорошая. Указы хорошие. Народ хороший. Посудомойку зовут Нюра. Нюра хорошая. Спал хорошо. Доброе утро, товарищи.

Прилетали еще не арестованные заместители из правительства. А надушены-то, тьфу! По прическам вижу - на мое место метят, а пока прикидываются деловыми патриотами. Долетаетесь, ужо!

Как раз к обеду прибыли Женщины России. У одной фингал под глазом. «Чего, - спрашиваю, - небось, мужик по пьянке залимонил?» - «Нет, - докладывает, - это меня в Думе отметелили». Ну, понятно. Учреждение такое. Туда ходить - один грех. Или морду начистят, или кошелек сопрут. Страшное место. Женщины спели «Давай пожмем друг другу руки». Жена дирижировала. После уехали в Абхазию, там, говорят, мандарины вкусные и мужики шустрые, хотя и мелконькие, ну прямо как блохи.

День четвертый

С утра отдыхал от приема пищи. Документов не подписывал. Обедали на веранде. Участвовали, кроме жены, три помощника, советник по арифметике, министр забыл чего и три президента местного розлива. Щи пересолены. Дал команду принять меры к повару. А гостей пока не трогать. В целом.

Работал с документами. Пишут много, а чего пишут - не понять. Но подписал, на всякий случай. Думал о Боге и всяких императорах, когда ловил рыбу посредством удочки и с помощью жены. На речку заявились коммунисты из Свердловска. Просят дать указание насчет задолженников по партвзносам. Ну, давошние привычки в них - хоть кол на головах теши. По любой мелочи к первому секретарю, боятся ответственность взять на себя, понимаешь... Ой, чего это я... Совсем забыл, что теперь я всенародный демократ антипартийного пошиба. А с коммунистами надо ухо держать востро. Настучат, моргнуть не успеешь. Знаю. Прогнал и продолжил процесс ловли рыбы. Министр, который насаживал червей, рассказал поучительный анекдот про мужа, который уехал в командировку, а жена, ну, евонная жена, мужика этого, который, ну, в командировку, значит, так во-от, его-то жена и осталась дома. В смысле, не поехала. Осталась, то есть... Все очень смеялись: он уехал, понимаешь, а она осталась... Помощник по театрам даже зашелся от хохота. Налили ему за шиворот портвейну, а в штаны засунули живого карпа. Отдыхаю телом и душой. Надо же, взял и уехал, а она дома, понимаешь.

Вечером пришмолял министр по внешним сношениям. Дал ему команду сношаться и дальше, но предупредить, если что. После международных указаний играл в бильярд. Потом думал о строении мировой природы в разрезе комаров. Куда их столько? По данному вопросу собрался внештатный Совет по культуре, пчеловодству и неяпонским островам. Стали гадать: комар с комарихой - они как, это самое, на лету, что ли, или сидя? Министр по научным прогнозам высказал глубокую мысль о том, что, быть может, комариха ложится лапками кверху, как Нюрка, например. Но ведь крылья мешать будут, так? Кто-то, кажись, директор института Америки и Канады в России, уточнил - комариха крылья складывает. Умница. Он еще при усатом советы давал.

Вечером семьей повторно смотрели запись кинофильма «Дикая Роза». Жена говорит, что ее надо бы пригласить в Кремль. Поглядеть поближе, как у них там на самом деле бывает. Ладно. Протер кнопку от ядерной катастрофы и пошел спать. Вот интересно: отчего бабы храпят? Утром спрошу у Лифшица.

День пятый

Проснулся утром. Солнце на месте. Безопасность - тоже. Доложили, что уже третьи сутки за пальмой прячется демократический поп рыжей масти. Просит у жены продать двенадцать стульев. Клянется, будто в одном из них крест зашит. Это, уверяет, бесноватый сюда секретно проник и запрятал чужой крест под обивку, но в какой стул - не указал. Попа остригли, стулья вскрыли - нет креста, хоть плачь. Все врут, все, даже попы. Ну как таким народом управлять прикажете? Рассердился на народ и документов не подписывал. Пускай живут как хотят и ходят без документов.

Решил отвлечься. Дошел пешим образом до скалы, написал на ней: «Здесь был я!» Вернулся к приезду бывшего секретаря АОН. Говорили с глазу на глаз. По-русски ни бельме-

са. Хорошо, что жена татарский знает. Договорились бороться за мир во всей Внезападной Европе. Пить не умеет, хотя говорит, будто у него два высших. Спросил, почему его зовут Бутрос-Бутрос? Он рассказал, но совсем неубедительно. Так, говорю ему, ведь и запутаться недолго. Это, отвечает, ничего, зови, говорит, просто Борей. С этим Борей-Борей ездили в город, где посетили оперу. Ему больше всего понравилось то место, когда в оркестре до открытия сцены настраивают дудки. Родным, говорит, повеяло. Содержание оперы положительное. Но жена не одобрила. Надо будет снять дурака - министра по операм, а заодно по телефонам и телевизорам - чего в трубку говорят, чего в экране показывают? Велю заменить на новых. Да и Думу пора б уж разгонять.

После проводин читал басню дедушки Крылова про Стрекозу и Муравья. Вспомнил про Нюрку. Пошел к ней во флигель, а у нее полковник из охраны. Тут война, понимаешь, в Чечении, а он к Нюрке за пазуху. Разжаловал в рядовые и послал на восстановление города Грозного.

День шестой

Видел сон... Будто иду мимо, а они все стоят. И вокруг лес, не очень чтобы густой, а так - средний. А Нюрка и грозит, что теперь будет прямое голосование. Я за дерево. А там на закукорках сидит главный приватизатор всей страны. Место нашел. «Много накряхтел?» - спрашиваю во сне, а он - шасть! и уже нету. Только большую кучу оставил. Астролог с женой и Нюркой в один голос объяснили, что такой сон - к богатству. Неплохо бы. А вот если увидишь черные ботинки, то - негра встретить. Но я ботинок не видел. Так что негры не приезжали, а навестил президент Таджикостанской Киргизии, друган мой по ремеслухе Кильдибаш. Мы его потом в партшколе (высшей) все дразнили Кильдей. Парень - башка, до сих пор держится. Подарил ковер и кило кишмишу. Я в ответном слове наградил его не помню каким высшим орденом. Потом обменялись мнениями по вопросам. Глядели в телевизоре постановку по одноименной пьесе. Автор - Чехов. В трех частях без продолжения. Артист с бородой играл очень весело, все плевался и крестился. Устал. Ничего подписывать не буду. Надоели. Пьем, по-нимаешь, французскую воду, а у самих Байкал. Вот интересно, а что если бы весь Байкал превратился в «Кремлевскую»? Это же сколько закуси надо? Задача.

Ночью звонил президент ШЫША. Чего это у них все день да день, когда у нас ночь? Спал бы. А он все про доллары тревожится. Спокойной ночи, американки да американцы. Спасибо.

День седьмой

Весь день искали дневник. Кто-то сп... сприватизировал...

День восьмой

Безопасность нашла тетрадку под кроватью у Нюрки. Наградил тремя крестами сразу. Продолжаю выражать мысли в письменном виде...

Погода шепчет: «Бери расчет». Скоро в службу, снова надо управлять державой. Пошел дождь. Дал указание вице-премьеру по самолетам разогнать тучи, к чертовой матери, вместе с Думой. Первый помощник пошел с ним разгонять облака. Чем будут разгонять - не знают. Надоели. Всех учить надо.

Нюрка пришла просить прощения на речку, где я думал мысли. В обед давали огурцы из Индии. Дожили. Велел закрыть границы и окна, дует, понимаешь. Возили на машине знакомиться с населением. Население хорошее, только одеты не по-нашему. Подарили жене козу от имени старейшин горских племен.

До обеда писал воспоминания о моей борьбе с нашим Белым Домом. Воспоминания глубокие. Машинистка печатала на машинке. Обещалась набить Нюрке морду при первой возможности. В обед слушал, как жена читает газету. Чего не понапишут эти полудурки. Дескать, в Приморье голодовка. Послал за глобусом и долго разглядывал - никакой голодовки. Спросил у советника по географии: «Чего это на глобусе так много синего? Другой краски, что ли, жалко?» Он разъяснил, что так положено по международным правилам. Любопытно, конечно, но не очень-то верится.

Погоду не разогнали. Спал, но очень плохо, ходил три раза в уборную, там нашел и прочел начало половины ученой статьи из научного журнала. Сообщают, что на планете размножаются тараканы. Согласен. Они вроде этих, ну, правозащитников.

Играл с женой и безопасностью в подкидного дурачка. Безопасность мухлюет. Получил лично от меня колодой по носу двадцать горячих. Нос малиновый. Любопытно с научной точки: почему, если нос малиновый, то все думают, будто человек выпил? Потребо-

вал сведений от президента Академии общих наук. Ученый растолковал всем, что у обезьяны даже зад малиновый, но она же не пьет - это наукой доказано. Молоток. Побольше бы таких академиков, Россия возродилась бы уже к середине ноября. Скоро ужин...

Бродяга Байка-ал пири-еха-ал!.. Их, навстречу-у радимая ма-а-ать! Мать вашу, никаких боле дневников, все! Замучила. Императора ей подавай... Иэх, зыдыравству-уй, ах, здравству-уй, мамаша-а-а...»

КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ

«Чужим речениям обыкоша - и нравы переняти».
Инок Евфимий

Повесть временных лет

2

Эту рукопись мне передал один из боковых потомков кухарки Авдотьи Силиной, служившей короткое время у Салтыкова (Щедрина). Судя по отрывкам, представляет независимое продолжение труда «О всех градоначальников благовидной наружности», помещенного среди оправдательных документов в «Истории одного города». Скорей всего листы Авдотья реквизировала для выпечных нужд. После двух замасленных страничек обнаруживаются пись-мена потомков кухарки, начиная, правда, не с той поры, как они уже стали управлять государством, а по овладении грамотой. Однако общий стиль и назначение документа сохраня-лись. Наиболее интересны выводы последнего потомка, некоего Белкина, с оторванным именем. Издателю оставалось разогнать по местам знаки препинания и, выполняя посмертную волю автора (Белкин умер 12 декабря 1993г. от белой горячки, но при странных обстоятельствах), пре-дать его мысли тиснению в надежде, что малая польза да проистечет из мудрых наставлений во благо отечеству и на радость редакторам.

Итак, вот последняя глава манускрипта под названием «Что должен знать, уметь, а также иметь в виду кандидат, мнящий себя уже избранным в президенты». Тексту предпослан эпиграф - «Нет на свете даже самой малой зловонной лужи, в коей не обнаружился бы гад, своим иройством других гадов превосходящий», и тут же на полях разборчивый вопрос: «Самодержавие или умодержавие?»

А затем:

«...зможно остано... то уже ничего не подела...» (Два чернильных пятна. По-видимому, надо читать: «Если невозможно остановить...» Полагаю, здесь перечисляются хитроумные меры, какие принимаются Белкиным, его пророческие речи, долженствующие остановить гражданина, решившего пойти по краю кандидатской пропасти, прежде чем свалиться в роковую бездну президентства. Но убедившись, что никто на свете не хочет знать чужого опыта, а наоборот, так и прет, зажмурившись, к любой власти, Белкин, горько вздохнув, переходит к примерам и назиданиям, согласуясь, конечно, со своим личным пониманием обстоятельств, за что публикатор ответственности не несет, потому что у него свой неповторимый опыт общения с людьми и вождями, как и собственные выводы из наблюдений за жизнью).

И далее Белкин пишет: «Личность, жаждущую сделаться президентом, следует подвергать интенсивному допросу с решительным воздействием сержанта Васи (видимо, приятель Белкина по казарме); если кандидат и после урока не отступится от своего дикого намерения, то с миром отпустить, чтобы шел сдавать анализы, а затем, вручив сей труд, оставить наедине с рукописью и женой. Если сам читать не умеет, то пусть прочтет вслух будущая президентша. А его дело слушать и мотать на ус.

1. Рост

Первый и наиважнейший пункт из многих требований, предъявляемых нацией к своему гаранту.

Его рост имеет право колебаться от 183-х по 191 сантиметр. Все, что ниже либо выше, - не годится в президенты и выбраковывается. Был случай, когда по недосмотру избрали вождя ростом в 171 см со шляпой. И что вышло? Теперь вспоминаем с огорчением и смехом. Но над кем смеемся? Над собой смеемся! (Патетически восклицает Белкин, укоряя нас, современников, за легкомысленное отношение к выборам).

Что же произойдет, если президент окажется ничтожного роста? А то, что он так и не сумеет вместить в себя все огорчения и приветствия великой, от моря до моря, страны. Удручающий недостаток. Мало того, при встрече с каким-нибудь президентом высокого роста, но малой державы, как он сможет глядеть на него свысока. Не табуретку же подставлять. Да и кто ее найдет в тронной зале, где обычно и встречаются вожди разного роста. Ну, и во-вторых, как наш хозяин будет перемещаться на табуретке из угла, где диван, к центру, где микрофоны с тумбами, на коих лежат бумажки, подлежащие повторению вслух?

С другого же конца, если посмотреть, то жизнь вождя очень высокого роста тоже будет весьма злокозненна. Представим, ему потребуется достать из холодильника бутылку водки с нижней полки. Что же, прикажете кланяться в три погибели перед чужим президентом, которому собираетесь отлить полстакана?

Вот почему рост всенародного должен строго соответствовать указанным пределам. Таким образом, согласно первого пункта, всех сегодняшних соискателей, тренирующихся в Думе перед броском в главное кресло, самое время направить в ближайший райвоенкомат - там, пора бы знать, возле стенки за шкафом стоит особое устройство, похожее на виселицу: если прямо встать и мирно протянуть руки, то по голове ударит скользящая поперечина - вот она-то и определит пригодность рекрута к исполнению обязанностей вождя. Остальные способы определения личной годности, как-то: предварительные соревнования у микрофонов, реклама, фотографии, скандалы и прочее, - без обиняков назову средствами подсобными и второстепенными.

Так что сами по известным фамилиям попробуйте счесть стада и стаи непригодных. Да, у них наличествует лихорадочная готовность - ну и что? Готовность есть - да роста нету: извини-подвинься. Такого же мнения придерживается и Коляныч из восьмой котельной. (Тоже, предположительно, друг или собутыльник Белкина).

2. Прическа

Сегодня мы просто обязаны нарушить вековой наш обычай - любить поочередно портреты вождей лысых и лохматых, временно объявляя волосатого гением всех народов, попутно поливая жидким дерьмом плешь усопшего. А не лысому ли совсем недавно лампады возжигали?

Отвечая требованиям европейской общественности и мировой кодификации, мы, дабы не краснея войти в семью развитых обывателей, должны хоть в лепешку расшибиться, но заиметь главаря с прической.

Что в первую очередь видим в телевизоре по праздникам, в дни после путчей и к Новому году? Прическу. Что зрят блуждающие делегации, взойдя по ступенькам в древний Кремль? Прическу. На что направлены усердные тщания самого? - спросим мы и ответим: на прическу. Она есть альфа внешней представительности (омега - итальянские туфли). Прическа - это корона главы государства, которой он и увенчан.

Какая же корона более приличествует его сану и росту? Высокая. Но без ухищрений и вызова. Ее уподоблю нарезке в стволе винтовки Мосина: слева-вверх-направо. Вот как должны перемещаться взгляды и равнодушных наблюдателей, и любящих избирателей.

Вы обратили внимание на продвижение и подъем прически у атамана думаков? Поначалу на глаза ниспадал лихой казацкий чуб. Но поэтапно, по мере понимания того, куда он попал, растительность поднималась выше, пока не достигла высоты, нужной государственному мыслителю. И это разумно. Вспомните куцый чубарик, ниспадающий на одно око, словно хвост, прикрывающий срамное отверстие у старой ослицы - он не годится, равно как и кудри с голым затылком, потому что все плохо закончилось исторически.

Далее: на том месте, которое склонные к юмору (и такие попадались) правители в шутку называют балдой, немаловажное значение имеет пробор - по нему-то и пробираются на державную высоту задумки да искринки, воплощаемые затем писарчуками в указы и законы. Символически, прямой пробор слева говорит о склонности к буйству и непробудному пьянству, пробор справа отражает неиссякающий интерес к многоженству и рукоприкладству, а прямой, посередине, выдает тайную страсть к карточной игре, массовому спорту и торговым операциям с уголовным уклоном. Вот почему прическа должна украшаться пробором «слева-вверх-направо», тем самым удачно маскируя дикий нрав и характер внутренней политики.

Личным парикмахером государственная Дума обязана утверждать женщину дебелую и в соку, достаточно глупую, чтобы не могла понять и запомнить государственную тайну, и обязательно веселую, способную бойко отвечать на шутки причесываемого. Кто не по-

мнит печальный случай с одним президентом в одной стране, когда, прежде чем сесть в кресло и начать себя с уважением разглядывать, правитель, будучи в духе, шлепнул парикмахершу по выдающемуся месту и сделал громкий вывод: «Ну, Томка,ептыть, и отклячь же у тя!» Ей бы радостно взвизгнуть: «Ну-дактъ, на ём и дёржимси!» - а она возьми да брякни: «Неча, мля, лапать, ишшо не заплочено!» - чем испортила настроение всей администрации, а глава государства, после такой огорчительной неожиданности, вместо подписания вечного мира, объявил войну порубежной державе, которая, как позже случайно выяснилось, была ни при чем и находилась совсем не там, куда повел полки верховный.

Чего хорошего?

3. Лицо

Не имеет определяющего значения, но если его рассматривать как предмет либо обстоятельство, наиболее приближенное к прическе, даже подпирающее оную, то несколько замечаний следует сделать.

Сначала: желательно иметь на лице выражение. Народ имеет право, хотя бы по выражению, если не зрит иных особых признаков, узнавать вождя и выделять его из окружающих двуногих. Узнав же, в меру обрадоваться, если он бодр, либо в меру огорчиться, если не тверд в поступи. Потом: лицо с выражением требуется и самому владельцу, тогда при некоторых обстоятельствах (в курилке у зеркала, например) он самостоятельно смог бы, хотя и с трудом, отличить самого себя от других.

Выражение в зависимости от погоды может колебаться от гневно-радостного до радостно-гневного. Не возбраняются и мудрые выражения, если они предсказаны астрологами. Иными словами, любые выражения допускаются, кроме снулого, потому что в таком разе на фотографиях получаются задумчивые покойники, а не бодрствующие деятели. А не такие ли портреты наводят обывателей на крамольную мысль, будто хозяин закрыл на все глаза и народное горе ему до фени.

На заседаниях парламента, как случай особый, нельзя допускать разнообразия и лучше запастись двумя выражениями: общим («Вы тут говорите, а нам все про вас известно») и личным («Давно все знаю, но помочь ничем не могу»). И последний, уже крайний случай - это когда президент на заседании Совета безопасности грозит: «А кто если, кроме меня, займется политической деятельностью, разрушающей государство, то будет немедленно арестован!» - здесь он должен оторваться от тетради и прямо прицелиться в незримых мятежников с неколебимым выражением отчаянной до безумия отваги на лице.

В остальном, лицо как лицо. Два глаза, между ними нос. И все остальное на природных местах, как и дал Бог разумному человекообразному.

4. Руки

Руки государь всегда имеет разные: десницу загребущую и в то же время угрожающую без последствий, шуйцу - разгребущую и отдаляющую с последствием. В спокойное для страны время их следует положить на стол рядом с чернильницей, подаренной заморскими коммунистами ко дню освобождения Африки от империалистического гнета.

На том же столе под стекло услужливый помощник должен поместить поминальник, на коем крупными печатными буквами написать, что ковырять клешней в носу и стряхивать пыль с ушей позволительно депутатам и сенаторам, скучающим за чтением вчерашних газет, но не главе государства. Во время обедов с королевами рукам воли не давать, не махать ими над борщом, а вставши с тостом в руке, свободной не чесать чесомые места, особливо расположенные с другой стороны лица.

Если печатной инструкции окажется мало, то под стекло надо поместить наглядные цветные картинки. Например: индивидуум сидит, прическа подперта десницей - и рядом пояснение: «Так думают мысль». И еще такая же картинка, но сидящий подперся левой рукой - здесь совсем иное толкование: «Так тоже думают, но другие». Диалектика в иллюстрациях. И это правильно, потому что диалектику еще отменить никто не успел.

В остальном руки могут быть свободными от правил, хотя совать их в карманы брюк не рекомендуется, а то, как известно, один такой до сих пор не закопан. В отношении же чужих рук достаточно выучить одну-единственную фразу: «Да за это мало руки отрубить!»

Левшей не избирать ни под каким видом - всех запутают к чертовой матери. Представьте себя на месте вице-премьера, привыкшего видеть правую руку только угрожающей, но без последствий, а тут, приехали, у этого бродяги она, как левая, отдаляет и навсегда от общей кормушки... Куды бечь?

5. Походка

Походка - самая непостоянная составляющая общей суммы тех замечательных достоинств, какими наделяется в головах обывателей любимый вождь. Зато ее разнообразие не только расцвечивает портрет, но и доказывает, какое великое множество обязанностей лежит на грешном смертном, который из-за одного лишнего или неверно заполненного бюллетеня превратился в безгрешного небожителя на теоретически установленный Конституцией срок.

Походки бывают: державная, военная, аграрная, рабочая, церковная, церемониальная, музейная, банковская, презентационная, отходящая, наступающая, боковая, огибающая, спортивная, новогодняя и т.д. и т.п., с охватом всей социально-экономической и общественно-политической жизни государя со двором. Кроме того, перед телекамерами во время хождения в народ применяются достаточно сложно-сочиненные походки, както: «аграрно-удивленно-одобрительная» - когда, накинув белый халат, в сопровождении таких же халатов, возглавляют шествие мимо кур-несушек, про себя удивляются, что все куры тоже белые, вслух же одобряют высшую администрацию за высокую яйценоскость.

По аналогии суть остальных походок должна быть вами угадана тоже по телевизионным сценам. Ну, в помощь вашим догадкам, еще объясним походки боковую и огибающую. Как и все ушлые администраторы, во время народных бунтов президент ходит боком-боком, огибая острые углы.

В свою очередь, почти любая походка состоит из шагов, из них выделяются: первые (делаются первые сто дней), решительные, определяющие, исторические, поворотные, определенные («определенный шаг вперед»), наступательные («наступил на что-то») и даже мимо-упаднические («сделал шаг мимо мосточков и упал в воду»), но такое случается вне служебного времени.

И, наконец, главный шаг: последний. Прощай, Томка, скоро будешь причесывать другого.

6. Костюм

Специальная униформа синего цвета с белой искрой и зашитыми карманами. В ней демонстрируют разные телодвижения, а именно: порываются вперед, когда радуются, назад - удивляются, все остальное - разводят руками в разные стороны.

В костюм помещаются руки и ноги, расстояние между которыми измеряется галстуком.

7. Галстук

Он так и называется: «Галстук Президента». С восклицательным знаком. Отдельно сам по себе - это просто рубиново-зеленый кусок материи в голубую полоску с зеленым попугаем на фоне золотистого круга. Повязывается супругой, для чего ее предварительно посылают в Париж на двухмесячные курсы за счет шести министерств и отдельно взятой коммерческой структуры. Раньше в сельпо стоил 3 р. 27 коп., теперь 540 новых франков. В комплект входит одеколон «Стратег» (бывший «Тройной» вперемешку с «Белой сиренью»). Запасной галстук бережется для музея личных вещей исторических деятелей.

Кроме прямого назначения - сдавливать шею и в целом портить жизнь - он служит запредельным и метафизическим целям: по сбитому на сторону галстуку астрологи, политологи и сексологи определяют, какой Венере противостоит звезда, куда дует ветер и дату очередного путча.

8. Собака

От прикосновения к ней снимается груз государственных забот и на время возвращается человеческий образ. Любой породы, окрас от рыжего до полво-пегого. По решению Конституционного суда первой суке государства дают клички Разборка, Дума, Ксива, а кобелей называют по именам наиболее ярких политических противников сами хозяева, хотя официально каждый кобель, особенно если он в авторитете, именуется более подходящей кликухой: Верняк, Предан, Личный, Беспредел. Так что у меньшого брата каждого президента имеется и кличка, и как бы псевдоним. На время визита в Испанию он Мухтар, а на подмосковной даче - Тимка.

Но по той причине, что многие политические деятели взяли привычку понедельно перебегать туда-сюда, то псевдоним часто меняется, а такое непостоянство доводит собаку до бешенства. Тогда ее окончательно дарят какому-нибудь губернатору на добрую память о посещении столицы.

Народ

«Мой народ» идет пунктом без номера и помещен, как некое вещество, в изделие, названное в честь изобретателя Сэндвича, - между собакой и женой. И в этой куче-мале не разбери-поймешь кто кого давит - все копошатся.

9. Жена

Предмет весьма таинственный, с трудом обозримый.

Если оставить в стороне «помощника и друга», про которую узнают через полвека из справочников и ставят в пример ученицам первых классов, то для рассмотрения останутся две основные категории спутниц.

Жена-баба. Добрейшая белобрысая гражданка, любит пряники, что фатально приводит к рыхлой полноте. За ней напрасно охотятся все газетчики, они-то понимают, что разговорись такая жена, ой, чего только не узнаешь о хозяине свеженького. Сидит и варит борщи.

Понуждаемая международными правилами, сопровождает мужа в обморочном состоянии. По возвращении отлеживается от самолетов и жалуется закадычной подружке Нюре на Мексику, где чуть не подохла от ихней жратвы. Была в городе Париже: «Одеты - страм!» Когда мужа кажут в экране, телевизер не выключает: «Господи, твоя воля! Куда моего балабола занесло... Да за это время, что он мелею мелет, можно бы пол-огорода вскопать!»

Заочно уважаема всеми фракциями и блоками. Заморские подарки складывает в сундучок, иногда перебирает с глубоким интересом, не постигая назначения многих, потом все отправляет с Нюркой в деревню соседкам. За обозреваемый исторический период только одна из них написала единственное письмо не в деревню, а в Париж этой лярве, премьер-министерше по имени Жульен, чтоб сучку эту подняло, перевернуло и брякнуло о колоду. Упомянутая французиха, чтоб ей в пруду утопнуть, когда показывала нашей мебель в Лувре, возьми да и пожалуйся на внутрифранцузские политические проблемы семейного свойства. Наша ей и посоветуй: «А ты, милая, нассы на них с кривой сосны, сразу легче станет». Через неделю широко-уполномоченный и чрезвычайно расшитый посол стучит в калитку и вручает грамоту от Жульенихи, где та сердечно спрашивает: «А почему с кривой?» Пришлось три вечера кряхтеть да жечь лампочку, сочиняя ответ: «Да потому, что так ловчей и не брызнешь мимо плеши, когда твой с полюбовницей присядет под сосной». Нюрка письмо очень даже одобрила, только велела в конце приписать: «Жду ответа, как чижик лета».

Если случаем какой-нибудь министр забегает на огонек, то кормит до отвала, но при слове «госпожа» вздрагивает и про себя обзывает гостя «полудурком». Государственных и политических деятелей всех стран, коих кормила борщом, взятых вместе ни в грош не ставит: и то верно, ну куда им до старшего сторожа и сантехника по совместительству Витюхи, уважаемого ею с трепетной нежностью. Сколько теплых вечеров они провели с Витюней под кривой сосной у речки, за бутылкой портвешка, распевая в два горла про отчаянного Хас-Булата!

(Образец жены следующей категории настолько впечатляющ, что ей даже посвящена антипоэма-интим Белкина, которую можно поместить лишь в сочинениях Баркова).

Эти жены из тех, кого зовут в народе «конь с яйцами». Они так умело руководят мужьями, что добиваются выдающихся результатов даже от самых что ни на есть телепеней. А уже если выбрала себе побойчей да меченого хитрована вдобавок, то все: сдавайся любая держава! Приберут к рукам и выскоблят на пару до лужоного донышка.

Биография у нее меняется каждую субботу. Едва историки в погонах секретно докопались, что президентша вовсе не Ирина Борисовна, а совсем наоборот - Идрисса Бурятовна, как тут же выясняется, что ее почтенный батюшка вовсе не машинист паровоза с Казанской ж.д., а пленный немец-лютеранин по фамилии Бумс. Одна попалась и совсем уж смутная: весной была Нина Антоновна Столярова, летом Нинель Ахмедовна Чебоксарян, к осени выкоптилась, как на фотобумаге, - Ниневия Нурсултанмухамедовна Чебоксарянидзева, хотя в свидетельстве о рождении указан отец Борух Мордехаевич Зенкель и мать Рахиль Соломоновна Шац.

Сделав супруга (у них мужей не бывает), наконец-то! президентом, она скоренько занимает официальную должность общегосударственной затычки. Имея к тому времени внешность перезрелой стюардессы и манеры провинциальной девы-учителки, вездесуйствует столь напористо и нагло, что вскоре же вызывает стойкое омерзение у женской половины отечества.

Трудно определить, что она больше любит: то ли с охранниками ходить по базарам,

где подставные торговцы из безопасности наваливают фрукты и заворачивают мясо, уверяя, будто стоит оно по двадцатке за кг; то ли шастать с министром финансов по магазинам Рима и Сток-гольма, ненасытно и настырно выклянчивая полюбившиеся драгоценности, туфли и шубы заодно с платьями; то ли предпочитает с другими президентшами ласкать сирот по телевизору; то ли писать книги, выжучивая немыслимые гонорары за свою мурью; то ли с утра до ночи перестав-лять министров - что больше?

Глаза у нее черные, мимоглядящие в горизонт, у мужа неуловимые, словно полет моли. Живут они душа в душу, в постели, не шевелясь, перебирают варианты политических аспектов, готовят резолюции, выводы, решения и так же углубленно и сердечно прорабатывают до носков список всего, что намечено хапануть на следующей неделе. Через год такой их ночной совместной жизни в государстве властвует полный хаос и наступает разорение.

Во время перманентных визитов она опережающе лезет в камеру, перебивает мужа, когда тот ведет беседу «один на один»: «Что ты, Михаил Селезневич, мы брали мясо по двадцати рублей!» Если ей преподносят национальные культурные ценности, то принимает отхлебятив мизинец и благодарит от имени «всего моего народа». К слову, о пальцах: часто теряет меценатствующую мысль, отвлекаемая теми внутренними усилиями, какие приходится ей прилагать, чтобы пальцы рук сложились, как у индийской танцовщицы, а жесты были неторопливо-плавными, какие применяют обученные журналистки. Остальное время учит, учит, учит всех. Заводит несколько десятков быстросменяемых секретарей, референтов, советников, их постоянно понуждает любить народ, страну и «моего Михаила Селезневича».

(Здесь я прерву отчаявшегося спасти Родину летописца и не потому, что не согласен с его наблюдениями, а затем, чтобы как раз в подтверждение его выводов, рассказать об одной такой президентше, которую я знал, когда она была еще студенткой, четко и безошибочно наметившей себе будущего напарника-подельника жизни из активистов-лицемеров первого курса. Она уже умела говорить слово «реагаж» и учила жениха произносить «активий» и «пассивий». Лгать умела вдохновенно и без причин. И при этом постоянно-одинаковые глаза: круглые глазенки Машки, руководящей районной культурой, когда она в трезвом виде проводит беседу с выражением строгости, доброжелательности, культурности, подражая партсекретарю среднего разбора. Да встречали вы эти губки бантиком, эти «мы состыкуемся в районе двух часов, если меня не задействуют». Или еще: как не помнить сосредоточенную мордашку, ее владелица только что в темпе развратничала на сталинском диване перед открытием партийного собрания, а через пять минут, округлив глазки, уже строго критикует тебя за промахи. Не моргнув. И все такими созданиями говорится на голубом глазу и голосом тихой юницы, что нет сил, чувствуешь, воскликнуть: «Курвятина из комсомола, ты что такое прешь тут об укреплении основной ячейки коммунистического общества?!»

Всякий раз, слушая сыплющую словами партнершу, я напряженно ждал, ну, сейчас вот расхохочется, мол, все изрекаемое шутка, дань обстоятельствам. Партийное собрание - да, это обстоятельство места и времени. Но в постели же обстоятельство образа действия, тут-то за-чем? Почему?

Почему в самый ответственный момент расширяются зрачки и озабоченная женщина, не прекращая мощной работы пламенным низом, говорит: «Как там сейчас мой?.. Говорила же... недоучил слова... недоучил... так и отправился недоподготовленный, с ударениями у нас неважно... на троечку... правда, твердую троечку...»

И все-таки тайный шифр, иероглифы вперемежку с клинописью, невероятный стиль письмен, которым и уподоблю эту женщину, был мной раскрыт и частично прочитан. За все годы хотя и редких, но плотных встреч два раза ее верх потерял контроль - и дикий гортанный крик разорвал небеса, потом он перешел в низкие тягучие стоны волчицы, затем она, скыркая зубами, вырвалась, бешено впилась плазменным взглядом в полную луну, и проклинала, и клялась, угрожала на языке неведомом, шипяще-горловые звуки вливались в слова, наводящие жуть. Пахло кровью изо рва со львами, от дыхания несло расплавленным оловом.

Понял я, что предо мной одна из тысяч вавилонских блудниц, они когда-то тайно сговорились разрушить не только великий город, но и весь мир. А быть может - вселенную.

Ну-с, а в наших теперешних обстоятельствах сие творение есть некий татаро-монгольский вариант гремучей смеси Иезавели с императрикс Фике. Скорей всего, ее так и понимал, купно с прочими женами, летописец Белкин, по каковой причине и завершил этот раздел заклинанием: «Чур меня! Чур нас! Чур! Чур!»).

10. Речь и речи!

«Речь родную изучи, коли думаешь речи!» - приступает с поговорки Белкин, и не с одной. Вторая: «А в печи и без речи калачи умей печи». Хорошо.

«Говорить же государю приходится так много, что это можно назвать его основной деятельностью». (Проще говоря, калачей не дождетесь).

И потом: речь внятная, глас высокий, слова правильные как по отдельности, так и соединенные одно с другим. Уподоблю речь государственного мужа каравану груженых верблюдов: одни несут жизненный опыт, другие книжное знание, третьи природный ум, четвертые живительную влагу вина и радости, пятые - хлеб насущный, шестые - соль для вкуса и аттическую соль юмора, возглавляет же всех вожак, несущий основную мысль, которая проходит через весь караван, подобно красной нити, она служит путеводителем в бесконечной пустыне проблем.

Погонщик, лениво бредущий вослед за последним верблюдом, суть правительство, карауановожатый с намотанным на руку концом красной нити - писарчук, сочинивший черновик очередного каравана; колокольцы на шеях - наши депутаты и общественники, разбойники за барханами - залегшие шакалы оппозиции. А сама Пустыня и есть тот самый бесконечный народ, для него любой, даже вопиющий, глас, как об стенку горох, а посему песок течет, караван плывет, ветер дует, шакалы воют, народ скрипит под ногами.

Так, можно сказать, образно воспевает летописец государя с идеальной речью.

«А кого мы зрим?» - тоскливо спрашивает он, и делается понятным, что переходит Белкин к нынешним государям, мало чего общего имеющим с вышеизложенным при помощи трудолюбивых верблюдов. Их речи он уподобляет стаду снулых ослов, либо ослов брыкливых, когда их больно жалят мухи из помойки, где жужжит четвертая власть.

Каждому кандидату на должность чиновника нужно сдавать экзамен по арифметическому счету и писать диктант из простых писателей. Четыре действия с цифрами и полстранички в линейку - все! Вы о человеке узнаете голую правду, весьма отличную от его собственных баек, анкет и нелепостей, сочиняемых присяжными лицами.

Если кандидат пишет «тоталитаризьм обалдал» (тоталитаризм обладал), а «реакционером» считает человека, быстро начинающего бег, то его, понятно, избирать в поселковые старосты нельзя, в Думу, пожалуй, и можно, потому что там его мрачное невежество никому, кроме соседа по кнопкам, навредить не может.

А уж президент... Если он косноязычен и шепеляв, но в меру... (Здесь большой пропуск. По всей вероятности, автор глубоко задумался, но так и не смог определить допустимую меру шепелявости и косноязычия. Дальше идет более твердое письмо). Он обязан помнить, что в русском шесть падежей, а не два. Что нельзя говорить на людях в микрофон: «Я встретился с Папой Римской». Или: «Я беседовал с Хирохитой».

Хирохито, извините за выражение - император, то есть сын, а не дочь своего папы, тоже императора, иначе говоря - особа мужеска полу, равно как и Папа, который не Мама же Римская. Если этого мало, то для большей ясности, во время очередного визита в Японию, надо поручить господину мининделу, чтобы он обязательно помог разглядеть императрицу, что косвенно подтвердит принадлежность ее мужа (императора) к сынам Аматерасу.

Папа Римский не имеет жены, это затрудняет определение пола, тем более он одет в балахон. Однако если посетитель обратит внимание на польские туфли сорок четвертого размера, то сам сделает правильный вывод, вспомнив, что даже у собственной жены размер ноги сорок второй.

Так уж лучше не рассказывать про беседы с Папой Римской и Хирохитой всему свету, а притаиться до дому, и если здесь очень припрет, поделиться новостями с Томкой-парикмахершей. Она любит про императоров.

Всю живопись сорных слов лучше собрать в кучу: «этсампыштаскать» («это самое, понимаешь ты, так сказать») - такой фокус очищает пространство для остальных трех слов, составляющих предложение.

Главное же, намастыриться толкать речугу «с поворотом». Что сей жанр означает... Перед носом на тумбе видимая с тылу бегущая строка, ее читаешь, а сам позыркиваешь в зал. Начинают ушкуйники шуметь. А ты: «И если отдельные члены кабинета в неправильную сторону поворачивают руль державного корабля...» Гудят, заразы, а ты моргаешь мужичку с пустым стаканом из-под президентской воды, тот жмет на кнопку, строка тормозит, и тогда выдаешь от себя: «Вот как думают наши противники!» Тишина, три ладошки похлопали. Жми на кнопку, буквы поехали, чеши дальше.

Между прочим, весьма увлекательное дело - стоишь, разбираешь помаленьку, и самому интересно: а чего там дальше будет, какие буквы и слова пойдут? Бывает, попадаются - подохнешь со смеху, ей-бо. Ну прямо как в кино. Хоть с женой приходи. И билетов не надо.

11. Интервью

Универсальный образец ответов на блиц-вопросы собственных телерадиогазетчиков. (Для иностранных - «экстервью», вопросы и ответы те же).

- Ваше любимое занятие?
- Думать. Но мешают дела.
- Любимое животное?
- Собака. В отдельных случаях.
- Ваш любимый цвет?
- Серо-буро-малиновый. Шутка!
- Любимый цветок?
- Спросите у супруги.
- Любимая еда?
- Отварная картошка с соленым огурцом. По праздникам пироги с капустой. Из напитков - квас.
- Где предпочитаете бывать - в цирке или в опере?
- В бане.
- Любимая песня?
- Русская водка! Где же ты, селедка?
- Любимые композиторы?
- Глинка и Моцарт.
- Поэты?
- Есенин, Тютичев...
- Самые уважаемые исторические деятели?
- Македонский и Гит-тетчер...

(Надо вовремя ущучить по рылам вопрошающих, что начались сбои, здесь лучше встать и пройтись, делая вид, будто мешают думать о мировой классике и судьбах русской интеллигенции).

- И на прощанье. Что вы читаете в последнее время. Спасибо.
- Хороший вопрос. Перечитываю...

(Тут положено пройтись вдоль книжной полки, любовно взять толстую книгу, она специально, со дня взятия Берлина, поставлена с краю, рядом с тремя красными, сама же синего цвета, на ней, запомните, две первые буквы - Лэ - Нэ).

- ...Толстого. С переду посмотришь - война, а с зада - мир, понимаете ли!

Пачкуны пятятся из кабинета. Государь откидывает обложку, слюнит палец, пробует понять. Позже строго делится удивительным открытием с Томкой-парикмахершей:

- Ты вот самого меня причесываешь, а хоть знаешь, что Толстой не по-русски писал?
- Выдурялся, поди, - стрижет мастерица.
- И то верно...

И правитель с горькой озлобленностью долго смотрит в зеркало. Позже гундосит со значением:

- Писатели, ученые...
- А в говне моченые! - подхватывает Томка.

От этой рифмы на сердце любителя поэзии ложится тень временного примирения.

12. Привычки

Пора менять привычки... Пора менять привычки, настает наутро после избрания. Из них привычки шмыргать носом и приблатненно подмигивать при саморекламе «я мужик ого-го» - не самые наипервейшие из подлежащих замене на державные.

Если кандидатом имел привычку обещать с пригорков стабильность, железный рубль, победу законной справедливости и расширение рыбных промыслов с углублением речного судоходства, то эту идиотскую привычку следует забыть первой, раз и на весь срок. По любым вопросам и делам имей теперь привычку говорить: «Мешают».

А в целях закрепления новой, оправдывающей внезапное беспамятство, привычки вплоть до такой степени, чтобы она перешла в черту характера, остро необходимо, как овощи, взращивать грядками и поливать мешающих. В постоянной героической борьбе с ними жизнь становится лучше, жизнь становится веселей.

Если когда-то вы, скорей всего, имели привычку отшивать фразой «у меня народ», а при рыночных обстоятельствах, в том же кабинете извинялись «у меня клиенты», то по утверждении всенародным сам Бог велел ссылаться уже на весь народ. Но упаси вас даже в бане по привычке ляпнуть «мы тут посоветовались», - все, в два дня размочалят и выкинут, как веник-опарыш, за приверженность к реакционным Советам.

Первую половину срока посвяти поступенчатому привыканию к новым привычкам. По прошествии ста дней добейся, чтобы вторую леди избрало Федеральное собрание мягким рейтинговым нажимом, а не то все партии, блоки, банки с мафией, фракции, профсоюзы, министерства и дви-жения сексуальных меньшинств начнут стихийно подсовывать свою лоббистку, пойдет свара, вздоры да которы, нарушающие хрупкое общественное согласие. А так думский комитет по социальному равноправию с центризбиркомом скоренько изучат объявления в газетках и поместят свое с просьбой к блоку ЖР оставить привычку напрасно беспокоиться. Личным же помощникам из администрации накажи присмотреть за нардепами, чтобы проголосовали за вторую леди без вредных привычек.

Параллельно заведи мудрую привычку после утренней стопки приказывать советникам изо всего сказанного на вчерашнем банкете оставлять для очередного заявления только первое слово и последнее предложение. Например, вмазав три стакана под парную лососину со спаржой, вы, ваше величество, изволили произнести исторический спич: «Мне, ептыть, с вашими гребаными Курилами (шахтами, Чечней, учителями, немцами), бляхамуха, валандаца нековды, у меня, понимаешь, народ, эт самое, голодает в лоск, дело во в шом, а вы лезете в душу с микрофонами, как эти вот самые, не говоря уж, таскать, про другое. И так и далее, че вырачились, как укандопленные, будто всем леща куда надо влындили, ась? Народу гласность нужна!» После обрезания остается - «Мне и народу гласность нужна».

И самому полегчало, и народ сыт по горло.

Вторую половину срока отдай поэтапному отвыканию от второй леди и новых привычек - это поможет пережить разлуку и позволит не брякнуться с высоты, а съехать на тормозах в первобытное состояние.

От привычки сочинять мемуары о том, сколько чего съедено и выпито на встречах с такими же будущими мемуаристами, еще никому не удавалось избавиться, так что лучше заранее копить в ящике взаимные письма, меню, согласованные протоколы бесед и стенограммы телефонных недоразумений по горячим линиям.

Анализы, квитанции из ломбарда, рентгеновские снимки...

13. Переписка

Пугаться нечего, все проще пареной репы. Идите по стопам отмерших, чьи письма изданы в трех томах на хорошей бумаге.

Читаешь по складам, шевелишь губами, таращишься и, помогая языком, скрипишь. Только имена не позабыть бы поменять и страны со столицами. Было «Великобритания, Черчиллю», а здесь «город Лондон, Англия».

«Ваше превосходительство!

Посылаю Вам свой цветной портрет и чернильный набор из уральского мрамора «Мишки в лесу».

Дружески жму руку.

Дата. Подпись Кремль».

Спецкурьер спецсамолетом везет портрет, письмо и пудовый подарок. Привозит ответ, подарок и шесть фотографий 12х24 лохнесского чудовища в разных позах на берегу озера.

«Ваше превосходительство!

Портрет 12х24 и чернильный набор из уральского мрамора «Мишки в лесу» будут храниться среди самых дорогих сердцу подарков.

Дата. Подпись. Даунинг-стрит».

Есть контакт! Снова пишешь, заворачиваешь гобелен «Шесть лебедей и две русалки в одном пруду». Опять же отвечают. Всего три тома.

14. Телеграммы

Раньше, кто спорит, все было проще: «Проезжая через Румынию в Болгарию, поезд 178, вагон 12, места 34 и 35, со своей супругой, посылаю ей и ее трудолюбивому народу самые сердечные поздравления и пожелания». Пока в Румынии разбираются, уже возвращаешься с пляжей Солнечного Берега: «Проезжая обратно, шлю...» Ну, и прочее. Ва-

гон. Место.

Теперь пошли другие тексты, сложнее жить при экономике, когда все можно, а нету, хотя и очень хочется: «Будучи до упора приверженным демократии и рынку, пролетаю...» И подробно - куда летишь, зачем летишь и полетишь ли назад. Цены, дескать, умеренные, ниже базарных на прошлой неделе.

Снизу отвечают, что согласны по три сорок за пучок мелким оптом.

15. Полувнешняя полуполитика

Она целиком и полностью состоит из полутонов и полунот, направляемых друг другу полуруководителями порубежных осколков империи.

«Коля, выражаем легкое удивление и серьезную озабоченность воровством нашего национального газа в дороге по пути в более развитые, чем вы, государства Европы. С 32-го марта переходим на режим еще более серьезной озабоченности».

«Гриша, мы-та настоящая Европа, это вы - Азиопа. Твои же хлопцы не тямят, бо я такий же едноpаль, як и ты. Да и газ вам девать некуда, бочки у вас кончились».

«Коля, у нас бочки не кончились. Еще две штуки есть под брезентом, вот их и не видать. А ветер подует правильно - выпустим газ куда надо. Теперь платить согласны? С вас десять штук».

«Рублями или ковбасой?»

«Согласны получерноморским полуфлотом, груженым полукопченой полуколбасой».

«Тогда ждите до тридцатого февраля. Будем нашу колбасу коптить на вашем газу».

«Для полуокончательного полурешения газоколбасного полувопроса отправляю полуминистра полуобороны в чине полумаршала на полурусский полуостров. Посылайте своего полуедноpаля. Лады?»

«Лады, при условии незалэжности и самостийности...»

И т.д., и т.п. до полного погружения.

А ноты короткие, потому что время - деньги.

16. Внешняя политика

На двух китах, колеблясь, зиждется внешняя политика. Кит поменьше - телефонные разговоры, большой кит - визиты.

Телефонный разговор

- Але-о, эт я куда попал?
- В белый дом.
- В наш или ваш?
- В наш.
- В наш... в ваш? Или в ваш наш?
- В наш-наш.
- Тэ-эк... Ваш в Ваш-ин-торге?

(Потом заокеанские газеты напишут, что абонент не оговорился, а представил тончайшее и лучшее доказательство преданности рынку, демократии и западным ценностям).

- Что вы спросили?
- Вашинторг на месте?
- Ес.
- Сла те, господи! Хозяин дома?
- Дома.
- Пускай трубку не кладет. Скажи - я беспокою.
- Господин президент слушает вас.
- Это я позвонил. А со мной кто разговаривает?
- Хелло!
- Вилли - это ты?! А это я! Ну, как погода?
- Господин президент думает, что с утра погода солнечная. А у вас?
- У нас темно, как у негра, хэ-хэ.
- Господин президент спрашивает - как дела?
- Переведи - как сажа бела.
- Что, у вас и сажа белая?
- Ес. Как мука.
- А мука?
- Черная... Але-але! Разъединили, черт. Але!
- Чего надо?

- Эт куда я попал?

- В прачечную при конном дворе шестой пожарной части, - отвечает замогильный голос старомосковского шутника.

Визит

Отсутствие государя в пределах своей страны создает гвалт и суматоху. А что, в конце концов, есть любая дипломатия, как не шум да веселуха, только надо, не теряя, «держать» умное лицо.

Нет ничего проще визита с букетом встреч, выступлений перед чужим парламентом, оваций и банкетов. Зато со стороны все кажется столь многотрудным, что покинутый обыватель поневоле начинает сочувствовать подвигам вождя и гордо празднует его решительный успех, когда он, посредством быстроты и натиска, добивается от противной стороны значительной уступки, то есть нарочно останавливает бронированный гроб в десяти метрах от обусловленного места, и там, вынутый из авто, лезет чмокаться со всеми случайными лицами неизвестного происхождения. Чем и завоевывает заморские сердца. «Он есть демократ, - разъясняет нам продавец живых попугаев, - меня не обнимал ни один президент». «Он дарлинг и шерри, - вторит жена продавца живых попугаев, - меня никто в жизни не целовал, кроме мужа, и то в медовый месяц».

«Счастлив народ, имеющий такого простого правителя!» - едиными устами твердят комментаторы.

И народ, видя издалека в телеящике крокодила в юбке, это чудо в перьях, подвергаемое лобзаниям, верит, что мымра, которую даже законный муж поцеловал всего полтора раза сорок лет назад, должна быть счастлива. И попугаи пойдут нарасхват, они тоже все видели и слышали.

На званых обедах главное не напиться до безобразия раньше хозяев. Скачи ноздря в ноздрю.

Разговоры с глазу на глаз ведут жены. Выступать в университете можно под фанеру. На задаваемые глупые вопросы ответит глупостями пресс-секретарь. «Правда ли, что ваше правительство наметило подходы к Марсу?» - «Да, в настоящее время мы определили на два с половиной подхода больше, чем в том же квартале прошлого года». Подпись под «корзиной» промокнет специальный промокашечник. Что еще? Посещение фермы либо автогиганта. Ходи, если можешь, слушай, если хочется, если интересно, то можешь спросить, тыча в элеватор: «Домна работает?» Потом в самолет посадят, минералки принесут. Все заранее расписано до запятых, для чего сорок раз встречались на Мальте разнокалиберные помощники, обучаясь друг у друга списывать старые слова.

И вот здесь уместно спросить: кто же на самом-то деле организует и проводит внешнеполитическую работу? Кто-то ведь должен загодя думать, чего-то предлагать, обсуждать в узком кругу, примерять «за» и «против» и выносить в итоге на рассмотрение государя для окончательного решения международных проблем.

Наивный обыватель! Потому ты и обыватель, что веришь в некую инстанцию, в особый синклит мудрецов, которые взвешенно и с прибылью для отечества прикидывают многие варианты и выбирают лучший. «Им, - говорит обыватель другому, - ой-ой, палец в рот не клади, они-то уж того, знают, куда кобылу заворачивать». - «Как же, - подхватывает второй, - пекутся о державе, а не то что чтобы как, не наобум же Лазаря».

Милые, любимые мои обыватели, если бы вы только знали, что нет ни мудрецов, ни комитета попечителей, ни радетелей за отечество, а есть такие же, как и ты, обыватели, принимающие жизнь бессознательно и на авось, только их отличие в том, что они у власти и уже знают о полном отсутствии разумного порядка в государственных делах. Знают, но делают вид, будто все не так. Правят бал сговорившиеся имитаторы, и ни одному правителю еще не удавалось победить собственное окружение. Они та самая тень, от которой никогда не избавиться, если ты сам так и лезешь под властные лучи солнца. Остается одно: примириться и пустить все на самотек.

Вы не верите? Вы испугались за себя и страну? Вы спрашиваете в ужасе: как можно пользоваться рутинными архивными мыслями в новейших обстоятельствах? Можно, да еще как. А что делать, если нет своих свежих мыслей. Слова новые есть, да и те лишь с виду да по звучанию, и чужие они, как правило.

Хотите я, как летописец, подскажу, где искать доказательство тому, что все стратеги внешней политики учатся друг у друга переписывать старые слова? Беру наикритические моменты в жизни государств и народов, рассматриваю шаги, приведшие их к полной катастрофе, короче, сравниваю ноты об объявлении войны: Германия - Японии, в про-

шлом веке Япония - России, Япония - Гер-мании, Германия - России, Россия - Германии и Японии, Англия - Германии, - семь нот слово в слово почти за сто лет.

Вот именно, сидит Акакий Акакиевич и переписывает, только раньше писали «бомбардировать», а позже вместо устарелого прижилось новое слово «бомбить». В итоге, любая внешняя политика имеет в основе бомбардировку, либо отсутствие оной. Третьего не дано.

Так что взаимные визиты дело пустячное. Знай себе, целуйся с продавцом живых попугаев. Авось, лет через триста, какой-нибудь старожил и расскажет о минувшем другому кокаду.

17. Внутренняя политика

Новейшая смутная история отличается от предшествующей тем, что внутренняя политика проистекает из внешней. Раньше было наоборот, и государи правили по сорок лет - от трупа до трупа.

Сегодня внутренняя политика называется по-блатному «движение» и выражается в парадах, возложениях, заявлениях, опровержениях, посещениях. Из разновидностей такой политики самая распространенная - «движение с оглядкой». Вот наглядный урок: если государь, непонятно зачем, забрел далеко от дома в неизвестную местность без дорог и столбов с проводами, то, испугав-шись, должен скоренько вернуться на знакомый бугорок, где остановились табором телекамеры. Отсутствие родной прически в ящике наводит панику в рядах брошенных подельников, а в народе поселяет уныние и умаляет веру в обещания, данные за три дня до фантастического путешествия.

Государь просто обязан ежеминутно подогревать с экрана веру обывателя на резкое улучшение жизни не только после дождичка в четверг (тактика), но и к морковному заговенью (стратегия). Народ - вечен, да память коротка, на пятый день забудут о тебе навеки.

Не менее опасно и «движение с оглядкой» на заморских советников, засевших, словно тараканы, во всех щелях. Их, паразитов, на мякине не проведешь - стрелянные воробьи, в отличие от своих, которые просто стрелянные, а значит состоят из теста, заквашенного на историческом страхе. В то же время, как ни удивительно, евроамериканские советники наивны и верят любым заявлениям, правда, до тех пор, пока слова не кончаются. Как отличаются от них китайцы, те вообще молча слушают и кивают, пока не иссякнет противник. И тогда в тишине произносят: «Мы не согласны».

Учитывая полувосточность державы, можно применять китайский принцип, половиня внутреннюю политику для ошеломления внешних надзирателей. «Мы не согласны, - кричите с балкона в автономном районе национального округа, - мы тоже великая держава и не позволим без нас управлять течением Гольфстрима!» Стрельба дуплетом: повышается национальная гордость, сбивается спесь с управляющих Гольфстримом.

С другой стороны, нельзя упускать и культурные запросы нации; как ни тяжело живется обывателю, однако и он желает утешиться. И чуткий правитель не оставит без внимания народных устремлений, он время от времени укажет писарю либо парикмахерше, чтобы те не забывали напомнить, что он еще и - посетитель. Сами же слышали: «Посетил чулочно-носочную фабрику». Слушали и веселились, с одной стороны, и чуть-чуть верили в существование работающей фабрики, с другой стороны, и больше того, отыскивались некоторые, кто начинал гадать о таинственной стороне: там носки пасутся в натуральном виде. Вот, оказывается, сколько сторон у внутренней политики.

И каждая сторона имеет свои ресурсы. Когда же ресурсы всех видов полностью исчерпаны, то переходишь к бомбардировке, иначе - к полному слиянию принципов внешней и внутренней политик. Не суть, из-за чего бомбить, куда важнее поминутно помнить о постоянной возможности бомбардировки - она тебе и запасной выход, и свет в конце туннеля. Пальба выборочная либо наугад, а не то с применением ограниченного контингента - тут и причина, и следствие, основа и конечный результат любой политики.

Парады же и возложения столь привычны и до мелочей знакомы, что распространяться о них не стану. Мое дело маленькое (скромничает Белкин) - запечатлеть одну правду, соблюдая чистописание и не обольщаясь упованиями на признательность потомков.

И награды не надо...»

Послесловие издателя

На такой смиренной ноте обрываются беспокойные записки.

Строчки бегут наклонными косяками, среди них и волнообразные имеют место, тем выдавая нетерпение и забывчивость, словно автор не был уверен как в понятливости будущих историков, так и в точности собственных расшифровок. К чему-то на полях восьмой

странички растолковывается всем теперь понятное «держава» - «это не разные предметы, - настаивает он, - за которые поочередно держатся, пробираясь вдоль пиршественного стола в комнату с ванной, это - пустое, круглое, ее держат в руке, когда отдыхают на заседании Государственного Совета. А чуть ниже сам неизвестно у кого спрашивает: «Задумчивый самодержец - что ли, он горой стоит за Думу, или за Думу прячется?»

В рукописи попадаются разноцветные закладки: фантик от карамели «Снежок», пробитый чек на 2 р. 86 коп. со смазанным фиолетовым текстом «спасибо за покупку» и краткий список нужных для тюрьмы вещей. Можно верить, Белкин не сомневался в фатальной взаимосвязи политики с застенком, однако не поместил список в основной текст, справедливо полагая, что у любого правителя свежи в памяти секретные отчеты надзирателей об его предшественниках.

Исторически гораздо значимей работа Летописца над редким словом «прузы». Эти «прузы» чаще всего подытоживают отдельные картинки, служат обобщающей характеристикой. «Прузы» - однословный вывод из многих наблюдений за повадками государей, такая же им оценка, как, например: «Ни в городе Иван, ни на деревне Селифан», либо то же сбоку на двадцатом листке - «ни рыба - ни мясо».

Окончательное решение мы находим на обороте последней страницы: «Ни рыба, ни мясо - это прузы». И с автором нельзя не согласиться, ибо на старорусском «прузами» назывались самые для всех народов страшные и прожорливые существа - САРАНЧА!

ИЗБРАЛИ НОВОГО

«Нужно тысячу умных, чтобы достать камень, брошенный в колодец дураком».
Народная мудрость

С утра и до забора

3

(Вести от Коляныча весом в полкубометра, триста грамм и шесть сантиметров)

В тронную залу со скоростью сто двадцать шагов в минуту чеканят сапоги. Царь пытается встать по стойке «смирно».

- Здравия желаю, товарищ верховный главноцеломкомандующий!

- Неча орать. И так знаю. Садись куда покажу, докладывай положение. Худо кругом?

- Не так чтобы очень, а всё-таки.

- А в Шыша, выходит, лучше?

- По-всякому, по крайней мере.

- Смотался бы, что ли, подсмотрел, как там у них бывает. Сколько воруют, зачем, где, кто, у кого. Меры какие по борьбе со злостными...

- Дак у них, государь, совсем не воруют.

- Никто?

- Так, по мелочам, негры.

- Сла Богу, негров у нас нет. А енти, ну, чиновники там, инспекции всякие, фонды, генералы?

- Не берут-с. Не то что наш АлиБАБ, ентот тырит все что ни попадя. Козел.

- На что же ж они живут и удовлетворяют свои потребности?

- Да у них даже министр, извините за выражение, финансов честно работает.

- Странная страна, я удивляюсь, эта Шыша. Неужли жены с дочерьми, зятья очередные... (Задумывается, бормочет: «Зеть - не хрен взеть».) А! Так ведь они должны с голоду подыхать. Хотя говорил мне разъяснитель по газетам, дескать, процветают и хоб хны.

- Жиреют сволочи.

- Никак не возьму в толк - может у них народ какой особый, не битый... Ну, ладно. Слободен. Лампас поправь. Иди принимай меры по всемерному подъему в разрезе улучшения борьбы с проявлениями. Да! Слушай, а проявления у них есть?

- Имеются в наличии.

- Хоть что-то... Зови, кто там в колидоре ошивается. Да накажи попервоначалу секлетарю доложиться и в двёрку постучать. Не то прут, как дуроломы. Ну вот никаких манер.

Поеживаясь, втискивается пиджак, долго стучит по внутренней стороне двери, наконец, семенит, стараясь поиметь остатки достоинства в жестах. Государь шарашится, чего-

то пытается вспомнить. Затем боком-боком по-крабьи перемещается навстречу. Поручкались. Сели.

- Ты кто?

- Иванов.

- Та-ак. Ты хучь в зерьгало гляделся?

- Ну-у.

- Гну. Погляди на свой мордоворот, вон за комодом висит специально между императорами всея. Какой же ты, скажи на милость, Иванов с таким шнопселем. У самонастоящего Иванова нос должен быть картошкой, если он не из Ярославля родом, конечно. А знаешь, зачем? Не перебивай, я сейчас шутить буду. Так во-от. Чтобы, значится, стакан легче кулдыхать. Хе-хе. Чего не смеешься? Вот летал я в Грузинию. У них, между прочим, столица называется Тифлис, а по-местному, то Тбилисо. Я сначала даже не поверил, а потом оказалось - правда. А в Армении и того хуже. Спрашиваю: «Откеля будити?» Отвечают: «Сериваня». А ихний первый царь, в Грузинии, вино пьет, жидель, можно сказать, а тянет медленно и башку запрокидывает. Спроси - почему? Спрашивай-спрашивай, не стесняйся.

- Почему?

- А румпель мешает. У него носопырка на полкила потянет, а если в граммах, то еще больше. Такой народ, со своими, понимаете ли, горными особенностями... Ну - ладушки. Ты у нас по какой линии пущен?

- По международной.

- Это хорошо. Фактически. Докладывай, раз пришел. Кто, где, когда, чего там между народами? Не тяни, ради Бога.

- Наблюдается частичное ухудшение с перспективой на дальнейшее улучшение.

- Пириспиктива - это хорошо. Главное - линию гнуть. Ты линию гнешь?

- А как же!

- Молоток. Иди и продолжай... Нюрка! Слышь чё грю те, Нюрк!

- Аиньки, - раздается из приемной.

- Подь суды. А ты, Иванов, топай и действуй, как я тебе указал. Вали давай. Нюрк, кто там еще, или никого больше на сёння?

- Из министрации, батюшка.

- Длинный?

- Не-а, короткий, батюшка.

- Запускай.

Забегают брючки. Владелец чмокает государя в плечико, с поклончиками приноравливается на уголочке стульчика обок державного стола.

- Чего ты не броишьси? Архиедрит твою мать, молиться собрался, что ли?

- Да не так чтобы очень, но верую.

- Пока не запрещено. Ты хоть по какому направлению у нас?

- По всем понемножку. Присматриваю и бдю.

- А коли так, то знай: вот у меня кто сейчас побывал? Угадай.

- Иванов.

- Правильно. Ну, и бди за ним. А то он про тебя такого наговорил тут, слова всякие, мол, бородищу сбрить бы. Усек? Сам знаешь, эти Ивановы, уй-юй.

- Как же!

- Вот именно. Иди действуй. Понял?

- Еще бы!

Брючки уже в проходе, когда раздается грозный оклик:

- Ты чем сённи завтракал?

- Два яйца в мешочек. А чего?

- Да так, мало ли. Намедни военный докладал о готовности самолетов, а сам гороху наелся, паразит. Никаких понятий о приличиях...

Вперекаточку вплывает барышня.

- Гутен морген, папаша.

- Шо-о?

- Обратно же сколько говорено, чтобы в здании вы по-французски разговаривали.

- Я-та?

- Вы-та! Мне прямо стыдно за вас, если кто бывает. Трех слов не можете запомнить.

- Не ори, дура. Ты по делу или так?

- Папаша, позвоните сейчас же императору тоджокостанской Киргизии! Пущай деньги

возвертает. Уж месяц как взял у меня пятерик и линяет. Звоните! Нюра! Соедините батяню с Ахмедшахбаем по линии.

После разных пререканий и матюков с телефонистками раздается международный звонок. Дочка врубает звук, злится, готовая вмешаться в разговор.

- Але-о! Ахмед на проводе.

- Я тоже. Здорово, Ахмедка. Вот чё скажу: ты, я не забыл, еще в партшколе как возьмешь трешку, так и не вернешь. Привычка у тебя такая, что ли?

- Какая у вас погода?

- Погода? Атмосферная с переменным. А у вас?

- Папаша, дайте трубку. Он же зубы вам ртутным столбом заговаривает. Ахмедшахбай Султангиреич, прямо даже нехорошо поступаете! Когда у меня пятерик стрельнули? Помните? Ну, в Давосе, на синпозиуме. Пива захотелось. А я, дура, и поверила.

- Дорогая, я сейчас сижу на свадьбе сына и говорю тост. Слушай: всякий мышка хочит стать каркадилм, каждый каракадиль желает сделаться птичкм, а ты кем хочис стать, маладой чалавэк?! Хорошо сказал?

- Повторите. Я запишу...

- Пиши. Всякий мишка...

- А деньги?

- В четверг, дорогая, в четверг... Каждый каркадил...

Заваливается пресса с шумом, но без треска.

- Кто звал? - государь набычивается.

- Это я, папаша. Записывать вас будут, снимать в камеру. Сделайте лицо.

Владелец лица долго сопит, в упор расстреливает журналистов исподлобья, медленно подымает руку с растопыренными пальцами, тычет в объективы:

- Чё вырачились, полудурки продажные? На мине узоров нет.

- Батяня, да вы шо? Совсем уж сбрендили?

- А чё? Вот я им чичас леща влыньдю куда след, тут же присмиреют.

- Ну вечно вы все напутаете! Они же из-за рубежа, иностранные представители разной прессы. Гутен морген, дамы и господа! Задавайте.

- Газета «Де ла Серра» - Италия.

- Это где?

- Что где?

- Ну, Италия ваша? По глобусу если, с географической точки. О-о! Вспомнил! Память, как у хорошего жеребца. Я ж там с папой римской встречался. Тихонькой такой, в балахоне и пилотке, все шепчет чего-то. Жив ли хоть?

- Папа - это другое государство, Ватикан, а мы - Итальянская республика, но папа тоже наш. Он в Риме.

- Ишь ты. Выходит, у вас две римских папы... Или два Рима?

- Рим - один.

- А Москва - третий Рим, так мне наш патриарх рассказывал. Вот и получается, два у вас, а у нас еще один.

- Второй Рим, государь, - это Константинополь, по-теперешнему - Стамбул.

- Знаю-знаю. Мне оттуда знакомый турок кило кишмишу привозил в подарок и тапки с гнутыми носами... Кто еще откуда?

- Испания. Телеви...

- Ну-у, там же мой друган! Он в какой палате? В десятой. Ты ему поклон передавай, скажи, Коляныч из шестой машет ручкой. Чего еще?

- Папаша, высказаться просют по международным пранблемам. Ну.

- Как же, как же, господа хорошие, мы тут гнем, возврата нет, привержены полностью, если что, понятное дело. До свиданья и гутен морген.

Дочка всех выпроваживает, укоризненно потряхивая прической. Возвращается к трону, готовая поскандалить, но государь опережает:

- Где хоть мамаша твоя заполошная? Все по баням с колдуньями шавряется?

- Не-а, и не угадали. В Лондон умахала. Вам наказывала поменьше пить.

- Отлезьте, умучили.

- Она ихнюю королеву учит борщ варить. Звонила, говорит, что английская свёкла неправильная. Ну, и не знает - брать или не брать.

- Вот в шом вопрос!

- Пошла я. У меня сённи с алигарханами совещанье, бензины-керосины на утруску зазваны, Абрам Абрамыч Абрамович, Кирсан-сан, штуки три черно...

- Мырдин-то возвернулся?
- Разговаривает. Наш дом!
- Дурдом! Слободна. Платье хоть поправь, висит криво, как загогулина.
- Это у вас глаза кривые...

Никого. В тягостной тишине государь крадучись трюхает к зеркалу. Долго усаживается. Смотрится. Поправляет прическу. Откидывается удовлетворенный.

- Нюрк!
- Аи!

Искоса в аппетит разглядывает плывущую дебелую секретаршу.

- Плесни.
- Они ругаться будут.
- Лей, говорят!

Устаканивает пятнадцать сантиметров. Хрупает огурчиком. Шлепает Нюрку по выдающемуся месту.

- Ну,ептыть, и откляч же у тя!
- Неча лапать, мля, ишшо не заплочено!
- Тада брысь. Стервь... Нет постой, - подает, вначале убедившись, что она пустая, пачку из-под сигарет «Прима», - держи мой новый Указ. Здесь вот напишешь всех, кого в отставку, а с другой стороны - кого назначаю. Да смотри не перепутай, как в прошлый раз.
- Кого вписывать-то?
- А какая разница. Всех пиши, кто на глаза попадется... А не то послезавтра уже три дня будет, как я никого не назначал-отставлял. Так ведь можно совсем разучиться державой управлять. Утром соберешь всех по списку, я вручать буду и беседовать о будущем...

В полном уже одиночестве тоскует вслух: «Ну чё и за страна мне попалась, ай, ей-бо. У всех народы-страны как нормальные, у меня одного черт знает чего...» Пожалев себя, веселеет и поет на мотив «Две гитары за окном»:

Сидю в зерьгало глядю!
Сам себе отрада-а,
Ни косой и ни кривой,
А такой, как нада-а-а-их!
Раз! Ишшо раз!
Ишшо многа, многа-многа ра-аз!..

Дежурный санитар выключает последнюю лампочку. В дурдом приходит тишина. Тьма наваливается на шестую часть суши, за исключением дальнего Желтого моря, где над проливом имени товарища Лаперуза уже щурится спросонья японское солнце. Аминь.

Деревня Костяевка

Оправдательные документы

Подпольный обком действует

(Вести от Колянyча)

«Слушай и не таращь зенки: у нас в пятницу мимопроходящий мужичок упал за Спасскими воротами. Сам понимаешь, случается, шел-шел и брякнулся, задев лаптем за бревно, брошенное со времен первого ленинского субботника. Не донесли тогда, ну, и валяется по сю пору. Такушки. Он, мужик значит, лежит неподалеку от вождя и не соображает, что с ним такое произошло: то ли пирожными из ананасов объелся, то ли аванс получил за январь прошлого года без компенсации за вред? А вполне возможно просто с похмелюги завалило бедолагу. Но исторический факт - растянулся и помаленьку шевелит ушами. Может, он таким способом мысли выражает про себя. Откуда знать. А его уши, что знаменательно, при шевелении щелкают. Забавно.

А государева секретарша Нюрка и выйди в это время за ворота ненарочно. Потом всей администрации и любым желающим рассказывала, я, дескать, безо всякой мысли, просто так вышла поссать в лебеде, у нас во дворе у Царь-пушки народ всякий ошивается, а под стеной, где таблички с именами, и того хуже, там крапива растет.

И только, оказывается, хотела Нюрка присесть, как смотрит: растянулся гражданин независимой России, шевелит ушами. Она тогда и подумала: «Если человек умеет шевелить ушами, значит, он ушлый и очень даже умственно развитый экземпляр». А подумав

эту глубокую мысль, берет его за нос и произносит речь:

- Слышь, чмурик, ты чё тут развалился? Из ворот ведь дует, под государеву машину с мигалками попасть можешь. Вставай, касатик, айда к нам, там за стеной особо выдающихся людей в правительство набирают. Нам в среднем по району такие мужики нужны, а не то эти гребаные умники с поплавками совсем надоели, разные слова говорят, а про что - непонятно. Министром будешь?

- Чего министром? - интересуется и еще громче щелкает ушами.

- А чего-нибудь. Какая тебе разница? Соглашайся.

- А делать что надо? К примеру.

- Ничего делать не надо. Только знай, давай обещания.

- И сколько ж их надо давать?

- По три штуки в день. Собирайся.

Мужик еще пощелкал ушами, потом поднялся и дал принципиальное согласие при условии, что бить не станут. Все-таки дурдом, как ни говори.

Нюрка его успокоила, обтерла морду и привела в центральную палату, где заседали советники во главе с государевой дочкой, специалисткой по завязыванию галстуков. Здесь Нюрка представила найденыша так: «Вот, господа, полюбуйтесь на кандидата почти в новые министры. Он теперь нам всего наобещает, так что заживем лучше прежнего». Народ интересуется:

- Где взяла?

- На площади валялся, за воротами. Я поглядела и вижу, что подходящий субъект - он умеет ушами шевелить.

- Такие нам подходят, - уточнил старший по кадрам. Потом начались расспросы.

- В тюряге сидел?

- Пока нет.

- Жаль. Нам сейчас министр финансов требуется, общак по закону делить некому.

- Языками владеете? - интеллигентно до удивления спрашивает дочка.

- Смотря какими, - уклончиво сообщает допрашиваемый.

- Надо подумать, - рассуждает она, - мы тут решили во все места, которые бухгалтерша помнит, послов назначить... Хотя сразу видно, что администратор из тебя получится выдающийся сверх меры.

Речь столь глубокого содержания была, само собой, встречена бурными хлопками в ладошки со стороны присутствующих. Далее принялись допытывать у мужика фамилию, чтобы, значит, записать в нужную номенклатурную строчку. Только он, оказывается, не то что фамилию, а даже имени своего не помнит. Видно, когда падал, последнюю память отшибло. Но с другой стороны, решили, это и неплохо, потому что он и сам не будет помнить своих обещаний по той веской причине, что упал через бревно. Однако, как ни крути, а решение принимать надо. Думали-гадали и постановили разбудить самого царя-батюшку, а уж он как положит. Пусть с кандидатом покалякает и сам определит его пригодность и государственное предназначение. Может быть, поставит министром по граблям и производству самопальной водки «Кремлевская крематорная», или бросит на культурный фронт, командовать, например, композиторами и режиссерами трагедий.

Но царь, приняв на грудь стакашек, рассудил глубже и взял повыше. Вызвал шесть писарчуков от усатого до лысого и велел сочинить указ: «А быть господину Непомнящему моим преемником в ранге и.о. до тех пор, пока не передумаю. Москва. Кремль». А в доверительной беседе с глазу на глаз все же поинтересовался: «Справишься?» Преемник в ответ преданно похлопал ушами - мол, об чем речь? Я раньше даже райсоюзовской баней руководил, а не то чтобы что... И приступил к своим новым временным обязанностям.

На следующий день, после обеда конечно, государь вызвал самого бородатого из академиков с мешком орденов и велел подобрать подходящий для Нюрки за ретивость в подборе кадров. Тот порылся в мешке и нашарил достойную награду согласно регламента и геральдических традиций. И царь в торжественной обстановке нацепил Нюрке на левую грудь медаль от ордена равноапостольного Балды пятой степени без ленты. Трижды расцеловал и наказал так:

- Нюрк, сходи за ворота, погляди - может, еще кто валяется...

С тех пор Нюрка так за воротами в лебеде и сидит - преемников подбирает. Ленточек, дурочке, красивых захотелось».

Коляныч, бывший подписчик «Правды»
8 марта 1999 года, деревня Костяевка

Юрий ЛИФШИЦ

ВЕНОК СОНЕТОВ ИОСИФУ БРОДСКОМУ

На Васильевский Иосиф
Не приедет умирать...
Геннадий Григорьев

1

Иосиф Александрович, меня
снедает факт, верней - фактура факта.
Признать автодидакт автодидакта
не может не. Но мы Вам неровня.
Мы не рождались в Питере, и нас
не гладил по головке век бонтонный,
наш соплеменный профиль и анфас
не реял, тунеядством заклейменный,
чтобы (вернемся к факту) сквозь кордон,
как артефакт (не путать с контрафактом),
продраться за антрактом и контрактом,
в желе разделав железобетон.
И Вам отрадно верить, что кого-то
не напрягают Ваши навороты.

2

Не напрягают Ваши навороты
(а может, напрягают, как сказать)
мордоворотов, прущих в готтентоты
(а я - другой), и ситцевую знать.
Вы знали их, но не желали знать,
готовых за лирические шпроты,
а пуще - за буклёвые банкноты
продать свою неправильную мать.
Зато у нас в заначке небосвод.
И млечных тварей авиазавод.
И монитор. И Муза, что по блату
стоит на стреме. И шматок огня.
И жито, что осталось недожато.
И прочая, сказали б Вы, херня.

3

И прочая, сказали б Вы, херня
была Вам откровенно до лампады.
Когда Вас посылали хороня,
то Вам, казалось, этого и надо.
Любое лыко подходило Вам,
чтоб заплести его в любую строку,
и Вы за то обязаны словам,
что каждое из них являлось к сроку.
Да что слова! Слова что дважды два:
соитье ведовства и баловства,
запойные заботы и зевоты.
Словам отныне схима не нужна:
крути их на манер веретена!..
А я скажу: фигня. Нема охоты.

4

А я скажу: фигня. Нема охоты
выдаивать Кастальские стада.
(Тут было б к месту слово «никогда»,
но пусть оно побудет без работы.)
А Вы - всегда. Вы - Крым и рым, и Рим.
Все - Ваше, до последнего абзаца.
А если был он непереводим,
Вы, к счастью, обошлись без пастерзаца.
Что в переводе надобно? Кураж.
Гранитность автора. Километраж
съедобных строчек. Же не манж поэта,
точней - полуфилософа-эстета,
кому плевать права дает анкета
на шнобель Ваш (сиречь на Нобель Ваш).

5

На шнобель Ваш (сиречь на Нобель Ваш)
глазеть не стоит: ни уму, ни сердцу,
как это подобает иноверцу.
Хотя Ваш не квасной ажиотаж
по отношенью к Рождеству чужому
мыслишку мог навеять Всеблагому
вселить Вас в бельэтаж, а не в шалаш
царя Давида, отказав от дому.
Должно быть, иудейска страха ради
Вы умолчали и про этот страх,
и про ветхозаветные тетради,
и про Элоха (Он для Вас Аллах).
Наверно, было скучно до икоты
вводить квазиэпические квоты.

6

Вводить квазиэпические квоты
немногим лучше, чем вводить в обман.
Фигуры умолчания, длинноты,
шпаклевка стиля, вбитого в пустоты,
голимой филологии фонтан,
у коего отсутствует стоп-кран,
плюс разночинец, падкий на экзоты
поэта, почитателя дворян.
Поэт читаем? Значит - почитаем!
Хоть и не гоним, знаем, что гоним.
Отпаиваем водкою и чаем
и отпеваем песню вместе с ним.
С поэтом. Но зачем словцу «тюбаш»
брать на зарубку рифмы типа «аж»?

7

Брать на зарубку рифмы типа «аш»
(из «аш-два-о») не более чем блажь;
«со» с «колесо» - на выпендреж похоже.
Совсем не в том беда, что наугад
нам бросил кость поэт-лауреат;
речь не о том, но вылезти из кожи
спешит толпа (чье имя - эпигон),
чтоб возвести эксперимент в закон.
(А мне, вчитаться если, не резон
придаточные клеить обороты.)
Но так меня мутит от «терракоты»,
и так от «чоколатта», что уже
и «мандраже», в натуре, проханже,
и «раскардаш» - изящные до рвоты.

8

...и «раскардаш» - изящные до рвоты
слова, словечки, словеса, словца
глядят на нас, не отводя лица:
всегда в работе даже без работы.
Они молчат, впопад и невпопад,
они кричат и все-таки молчат,
и молча отзываются на зов
озвученных молчаньем голосов.
И если вдруг безмолвия сераль
изволит вас признать своим султаном,
вы в этом виде, более чем странном,
предстанете, как с ними ни скандаль,
но при диване или без дивана -
буквально не о том моя печаль.

9

Буквально не о том моя печаль,
что вдаль идет поэт, а не в медаль;
что делает поэзию дурак,
а кто ее не делает - зануда;
что прозу может сделать только чудо:
зануды с дураком ареопаг.
Я о другом. Покоя тоже нет.
И счастья нет. И воли. Есть неволя -
вслед за куплетом складывать куплет,
одно и то же Слово канифоля,
в котором нет национальных черт.
А Вы, Иосиф, будучи забриты
в поэты, обнаружили в ответ,
что запаяли Вас в космополиты,

10

Что запаяли Вас в космополиты, -
отнюдь не Ваша фирменная боль:
так славит черносотенная голь
поэта, прародителя элиты.
Но бедным русопетам знать отколь,
что он к породе подобрал пароль.
Бог ведает, с Кем водится пиит,
и потому к нему благоволит:
по-Своему, зато - без канители;
по-Божески, зато - не помня зла;
не по-людски, зато - не мимо цели:
порой - до тлена, а порой - дотла.
Вот почему и Вас: сперва - в хрусталь,
потом - в оплоты, а спустя - в скрижаль.

11

Потом - в оплоты, а спустя - в скрижаль
поставить Вас пытаются без спроса, -
подстава, краше плана «Барбаросса»:
взломать горизонталью вертикаль.
Но нет поляны для пересеченья,
помимо точки, где вступает в стык
исчадие потомственных заик
с интеллигентом в первом поколенье.
И вечный понт! Каурка против пони,
иван-да-марья против орхидей...
(А прежде - с пармазаном макарони
с яишницей встречались без затей.)
Теперь Вы не отвертитесь от свиты
(мне жаль Вас), даже будучи сердиты.

12

Мне жаль Вас: даже будучи сердиты,
Вы не могли расслабиться подчас,
хотя игра родного алфавита
порою так затягивала Вас,
что выраженья для пищеваренья,
уместные на фронте и в тылу,
могли забраться и в стихотворенье,
раскинувшись там, словно в санузлу.
Но время, сочиняющее нас,
не уважает нашего пространства
и режет правду-матку в бровь и в глаз,
и лезет в душу не без постоянства.
Поэтому растить желтофиоли
Вы не могли - ни в колледже, ни в школе.

13

Вы не могли - ни в колледже, ни в школе -
сыграть Вам предназначенные роли.
Счастливый всхлип (учитель - ученик)
умильно просвещенного накала,
общенья тип из кино-сериала, -
в просодию к Вам так и не проник.
Вы отказались от учителей,
что учат, по незнанью своему,
делить весь белый свет на шесть частей,
в итоге получая полутьму.
Что вам не снилось здесь, приснилось там,
недоля стала там утратой доли,
и не случайно не случилось Вам
сказать по-свойски: что я, рыжий, что ли!

14

Сказать по-свойски: что я, рыжий, что ли, -
Вам было не дано: Вы были рыж.
Но даже рыжим хочется в Париж:
версали, этуали, антресоли...
Куда как стремно грезить о Париже
среди каналов питерских и книжек,
среди каналий выборгских и выжиг,
ведь Ленинград - это Париж для рыжих...
Но если (Чья - известно) пятерня
вас на своей придерживает нити,
все наши измерения дразня, -
вы явно победите в этом гите.
(За этот образ Вы-таки простите,
Иосиф Александрович, меня.)

15

Иосиф Александрович, меня
не напрягают Ваши навороты
и прочая (сказали б Вы - херня),
а я скажу - фигня. Нема охоты
на шнобель Ваш (сиречь на Нобель Ваш)
вводить квазиэпические квоты,
брать на зарубку рифмы типа «аж»
и «раскардаш» - изящные до рвоты.
Буквально не о том моя печаль,
что запаяли Вас в космополиты,
потом - в оплоты, а спустя - в скрижаль.
Мне жаль Вас: даже будучи сердиты,
Вы не могли - ни в колледже, ни в школе -
сказать по-свойски: что я, рыжий, что ли...

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТЕР

Журнал в журнале

№1

Вместо презентации ПР, или ГЛОТОК ВОЗДУХА

Кто представляет себе, что такое журналистика в точном смысле слова, тот согласится, услышав, что вологодский рынок СМИ пребывает в удручающем и трагикомичном состоянии. Не будет изрядной гиперболой охарактеризовать ситуацию, если уж не как царство профессионального убожества, то как ситуацию, в которой чистая журналистика подавляется, извращается и профанируется диктатом чуждых ей и пагубных для нее императивов и стимулов, хозяйски довлеющих в профессиональной среде, словно в зоне оккупации, и калечащих профессиональное сознание, словно сетевые черви незащищенную операционку на слабеньком компе. Кто пытался что-то сделать, не мирясь с трагифарсом, тот знает, о какую стену надо расшибить лоб, чтобы наметить в ней мало-мальскую брешь и ни в чем не перепачкаться. Отложим до другого раза анализ причин, показывающий, почему в отдельно взятой провинции имеем, что имеем. Заметим лишь, что в этой профессии есть два основных и тесно взаимосвязанных фактора, детерминирующих положение дел в ней: творческий и финансовый. Главным в тандеме, разумеется, является творческий фактор (чистый профессиональный), а он довольно тонок и норовит вступать в противоречия с теорией и практикой журналистики даже в ее талантливых образцах, не говоря уж о бездарных. Журналистика - это творчество. Я не знаю, что делают в этой профессии и около нее люди, считающие ее чем угодно, кроме творчества. Это сюжет для Гоголя, если приглядеться к цеху изнутри, но в другой раз об этом. Журналистика - родная сестра литературы, журналистика - это зеркало. Укладываясь в эту формулу, жанровый спектр журналистики пестр, соответственно многообразию искусства слова. Можно и в небольшой провинции, невзирая на ее ограниченный кадровый потенциал, сделать неплохое издание в любом жанре, задавшись такой целью и сосредоточив усилия на выполнении чистой творческой задачи. Ума не приложу, с чего вдруг и откуда набились в штурвальную рубку этой профессии люди, ставящие перед собой и редакцией какие угодно задачи и цели, кроме творческих. Ах, да, второй фактор. Проклятые деньги, как говорил Достоевский. А еще он, помнится, говорил: человеку нужен глоток воздуха. В журналистике глоток воздуха - она сама, а сама она есть слово. Журнал и газета - это не торговая лавка, а творческое предприятие, призванное производить духовный продукт - слово. Слово не предмет купли-продажи, иначе это не слово (аргументацию тезиса см. в №7 ВЛ, стр.157-178, и, бог даст, в №12). Для Вологды было бы чудом, кабы изыскался финансовый источник под иллюстрированный журнал с названием «Провинциальный репортер», сигнальный номер которого был сверстан, но представлен ниже в неиллюстрированной (зато расширенной) версии. Проклятых денег не нашлось. Что ж, дабы труды творческого коллектива не пропали втуне, пусть ПР выйдет в свет как журнал в журнале. От имени авторов ПР имею честь представить творческую попытку, предпринятую в условиях, не располагающих к творчеству и придавших прессе облик унтер-офицерской вдовы в отдельно взятой провинции в эпоху свободы слова, в чем и юмор: она сама себя высекла, приняв прискорбный вид на добровольных началах.

Алексей Николаев, редактор ПР

Оглавление

Тетрадь I. НАЧАЛО НАЧАЛ

Татьяна Почтеннова. МАЛЫШ ИДЕТ, репортаж с места рождения в трех частях:
I. МАМОЧКИ СВЕТЫ; II. АКУШЕРЫ; III. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Тетрадь II. СКРЫТАЯ КАМЕРА

Лариса Шабалова. К БАБКЕ НЕ ХОДИ, сеанс магии с разоблачением
Наталья Усанова. ДУШЕВНЫЙ ПРИЕМ, как я лечилась от депрессии по заданию редакции
Ирина Деркач. ХРИСТИАНЕ БЕЗ КРЕСТА, репортаж с сектантского богослужения

Тетрадь III. РОДИНА
Блокнот 1. Хождение в народ

Ирина Деркач, Наталья Усанова. ДЕРЕВНЯ, портрет сельского поселения,
панорамный снимок в пяти ракурсах: I. МЕСТНОСТЬ; II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ УСАДЬБА;
III. СУДЬБА; IV. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ; V. КОРНИ
Екатерина Старостина. ВАЛЯЙ, ГАРМОНЬ! Как я ходила в катку
Ирина Деркач. МАСТЕРСКАЯ РАБОТА, как я тряхнула стариной
Юрий Подгаецкий. КОРОВИЙ ПОЦЕЛУЙ, как я доил Зорьку
Андрей Котов. Репортажи от станка: РИСУНОК ШВА; КАРЕТКУ МНЕ, КАРЕТКУ!
Юрий Подгаецкий. БРИЛЬЯНТОВАЯ РУКА, как я держал пробу
Наталья Усанова. ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ, записки натуралиста

Блокнот 2. Война и мир

Очерки в Книгу памяти
Наталья Усанова. 584 КИЛОМЕТР; ПИСЬМА ПОГИБШЕМУ; ЖДИ МЕНЯ;
КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЛЕМЯ; КЛОЧОК ОБОЕВ;
ОГОНЬ, ВОДА И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ
Андрей Котов. ВОЙНА, ПЕРЛОВКА И ЛЮБОВЬ; ЧУРИЛОВКА
Екатерина Старостина. ИВАН ДА МАРЬЯ
Юрий Подгаецкий. АЭРОСТАТ; МИННЫЙ ПОСОХ; НЕБО ШИЛОВСКОГО

Тетрадь IV. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Наталья Усанова. УРОК, как я была учителем; ГАГАРИН ОЧЕНЬ ЗАНЯТ, размышления
у стенда школьного музея; УСТОИ, о воспитательном эффекте этнографии;
ПРАВИЛО ПАРАМОНОВА И МЕТОДИКА ВАХРАМЕЕВА, заметки с мастер-класса;
ТЕТЯ В ФОРМЕ, один день инспектора по делам несовершеннолетних
Очерки и зарисовки:
Екатерина Старостина. САДОВНИЦА
Ирина Деркач. ВНУТРЕННИЙ ВЗОР; ОБУЧЕНИЕ ШЛЕПКОМ
Екатерина Старостина. ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ
Наталья Усанова. КЛАСС ЗОЛОТЫХ РУК; ШКОЛЬНАЯ МАМА;
ДОСТОЕВСКИЙ БОЛЬШЕ 20 МИНУТ

Тетрадь V. БЕДНЫЕ ЛЮДИ
Блокнот 1. Наклонная плоскость

Ирина Деркач. ПОДШИВОЧКА ПОД ЛОПАТОЧКУ, диптих в рубрику «На дне»:
I. ЗАПОЙ, исповедь алкоголика; II. ЗАВЯЗКА, репортаж из кабинета нарколога;
ПЕТЛЯ, триптих в рубрику «Memento mori»: I. БОЛЬ; II. ДУРЬ; III. ШАНТАЖ
Наталья Усанова. СЧАСТЬЕ БЕЗГРАНИЧНО, контрастный снимок;
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ, один день социального работника
Ирина Деркач. САНИТАРОЧКИ, репортаж из богоугодного заведения

Блокнот 2. Квартирный вопрос

Александр Ильичев. ЗАПИСКИ УПРАВДОМА,
кадры из жилищно-коммунального сериала
Екатерина Старостина. СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ДОМА, стенограммы с жалобных мест
Ирина Деркач. КОММУНАЛКА, записки жильца; репортажи из трущоб:
ЖИВОЙ УКОР; ДОМ БУРГОМИСТРА; ПЛЕН ОБСТОЯТЕЛЬСТВ;
РУХНУВШЕЕ СЕРДЦЕ; УНИЗИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
Алексей Николаев. АПОЛОГИЯ КОММУНАЛЬНЫХ БЛАГ,
к слову о квартирном вопросе

- Как! В Вологде появился еще какой-то журнал на кой-то ляд? Не понимаю, зачем столько изданий в малонаселенной провинции? - сказал читатель репортеру, а в ответ:

- И правда, хватило бы и одного.

- Ну, так надо оставить одно, а остальные закрыть.

- И какое же оставить, по вашему мнению?

- Да какая разница!

- Большая. Дело, знаете ли, не в количестве, а в качестве печатного слова.

- Полноте! Печатное слово убил в России еще Дантес.

- С этим не соглашусь, слово не убьешь, хоть убейте.

- Помилуйте, ну зачем столько газет и журналов? А у этого нового и аббревиатура-то - ПР.

- Надо же, и впрямь: «Провинциальный репортер». Но что вы, собственно, имеете в виду под ПР?

- Известно что - пиар. Уши вянут!

- А вы затыкать их пробовали?

- Пробовал и глаза зажмуривать, не помогает, любезнейший. Стоит их открыть, а перед носом - газета или журнал. Журнал или газета.

- Не все то журнал и газета, что блестит и так называется, а пиар пиару рознь, ибо пропагандировать (бишь, пиарить) следует только то, что этого достойно. Вот если я напишу о вас и хорошо напишу, это тоже будет пиаром.

- Нет уж, увольте, я не из этих, которые, ну, вы поняли, и не из тех, кто, ну, вы сами знаете.

- Да уж как не знать. А давайте-ка я все-таки напишу о вас, дабы внести недостающий штрих в картину. Сделаю репортаж о том, как вы живете, чем, так сказать, дышите.

- Да кому это интересно, господь с вами, я обычный человек, каких миллионы.

- Репортерство состоит в том, чтобы в самом обычном приметить самое интересное. К примеру, если вы любите свою профессию, она-то и представляет интерес, да такой, что вы будете говорить о ней часами, встретив благодарного слушателя. Так говорите же и не сомневайтесь в том, что вы его встретили. Покажите мне место событий.

- Каких событий?

- Главных.

- Так ведь они происходят где-то там наверху.

- Они происходят везде и с каждым, поэтому отовсюду можно сделать репортаж, и его героем может стать любой. Приступим?

Тетрадь I. НАЧАЛО НАЧАЛ

МАЛЫШ ИДЕТ

Репортаж с места рождения в трех частях

Часть I. МАМОЧКИ СВЕТЫ

Вторник. Роддом №1 на Пирогова. В приемном покое беременных встречает акушерка Светлана Репина. К дежурству она приступила в девять утра, смена закончится через сутки.

Хозяйка покоя

9.15. Светлана Владимировна принимает первую роженицу. «Не стой голыми ногами на полу, он ведь холодный», - пожурила акушерка молодую женщину. «Халат надеть?» — «Надень. А то одни стесняются, другие голышом готовы ходить. Ну, пойдем с богом, давай сумочки помогу донести». Вернувшись минут через пять: «Проходите, девушка. Пакетики на пол ставьте, а сами сюда присаживайтесь. Ножки отекают, - осматривает ноги роженицы. - Зовут как?» Та - с робостью: «Ира». - «Можно без отчества?» Девушка кивнула. Акушерка ознакомила ее с режимом дородового отделения. Разрешается гу-

лять с 17 до 19, передачки родные могут приносить до 14, а потом с 16 часов. Настал черед измерить температуру. Акушерка подшучивает, по своему обыкновению. Ирина улыбается. Заметно, что она чувствует себя уже увереннее. В это время в приемный покой приводят молодую женщину, которую срочно надо подготовить к операции. Светлана Владимировна, попросив прощения, взялась за новенькую. Проводив ее в операционную, снова садится за бумаги.

«Температура - 37. Со страху, что ли, подскочила? Не бойся, я не кусаюсь». Затем Ирине пришлось вспомнить болезни, какими она переболела. Последовал такой же вопрос о муже. «Вот пристала, скажи! Но что делать, такие правила», - закончила допрос акушерка. Тут куда-то ее вызвали. Я спросила Ирину: «Не страшно?» - «Да так. Вот поправляюсь быстро: в неделю по 2 кг набираю». Еще я узнала, что ждут они с мужем мальчика и что муж на родах жены присутствовать не собирается. Вернувшись, Светлана Репина измерила давление и прослушала сердцебиение ребенка. В процессе оформления Ирины в предродовое отделение на нее заведено целое дело. «Сколько нужно бумаг заполнять», - прочла мои мысли беременная. «И не говори, - откликнулась акушерка, - бумажной работы у нас много, но все по делу. Ну, вот мы с тобой и закончили. Давай сумки, пошли».

10.25. В возникшей паузе под допрос попала сама акушерка. Выяснилось, что в первом роддоме она работает 24 года. Правильно ее должность называется акушерка смотровой родильного блока. В обязанности входит: принимать женщин, поступающих по направлению из женской консультации и доставляемых «скорой», оценивать их состояние и решать, куда их - в палату патологии, в палату интенсивной терапии (если высокое давление) или в обычную палату. В приемном покое акушерки дежурят сутки через трое. За смену поступает разное количество беременных. Бывает - одна (обычно в праздники и в выходные), бывает - двадцать одна (это когда другой роддом на месяц закрывается), а в среднем за сутки - десять новеньких. Никому нельзя отказывать, принимаются все, независимо от того, есть документы или нет.

По замечанию Светланы, важно найти подход к беременной. «Они все разные, с одной перебросишься шуткой, другая сидит букой. Ты к ней и так, и этак - никакой реакции. Только зашла, а уже всем недовольна. Задашь простой вопрос, а в ответ: откуда, дескать, нам знать, мы же в первый, а не в десятый раз рожаем». Когда в приемном покое образуется очередь, кто-то принимает это с пониманием, а кто-то (особенно мужья) закатывает скандал. «В прошлое дежурство ночью одновременно троих привезли. Первыми оформляем тех, у кого схваточки более сильные и частые. А мужья ждать не хотят, начинают ругаться, иногда и матом. Я их понимаю, они же думают, что их жены вот-вот родят. Но все равно обидно. Мы ведь за них всех переживаем. Побольше бы им всем терпения». Получает моя собеседница меньше 10 тысяч рублей в месяц. Охотников из молодых идти сюда нет.

Повторочка

12.20. Заходит женщина лет 45-50, по виду явно не беременная. Объясняет, что сейчас приедет жена ее сына, которая вот-вот родит, она же будет рядом с невесткой во время родов. Спустя несколько минут появляется девушка, о которой речь. Акушерка отправила поступившую переодеваться. Вскоре та появилась, облаченная в коротенький халатик. Это Ольга, 26 лет. Пришла, как говорят, за вторым ребенком. «Ну, всех мужчин у нас завлечешь, - глядя на легкомысленный наряд, заметила хозяйка приемного покоя». - «Я думала, здесь мужского пола нет, - немного оробев, ответила девушка, но, набравшись храбрости, добавила: - Когда рожу, живота не будет и халат станет длиннее. Нам говорили, что можно надевать то, в чем удобно». - «Тебе в этом удобно? Все-таки для роддома надо что-нибудь подлиннее».

Срок у Ольги уже за 40 недель. «Перехаживаешь?» - «Уже все заждались. Звонят и спрашивают: еще не родила?» - залпом выпалила девушка. «Какие нетерпеливые, сами бы попробовали». - «А почему так долго?» - «У всех по-разному. По шаблону никто не рожает. Ну, пойдем, посмотрим тебя». Из комнаты, куда они удалились, стали раздаваться непонятные звуки. «Оля, ты никак кашляешь?» - «Нет, это я реву». - «Вот плакса попалась, чего плачешь-то?» - «Так боюсь». - «Так ведь ты уже за вторым пришла». - «Первого не знала как, так не боялась, а второго уже знаешь как, так страшновато. Быстрей бы уж...»

Потом Светлана позвонила в родблок: «Надо бы повторочку посмотреть, у нее схваточки слабенькие». Пока ждали врача, зазвонил телефон. Выслушав вопрос, акушерка

ответила, что мужа на роды пускают и что для этого требуется «флюорография» и чистая одежда, в которую надо переодеться в роддоме. Для ребенка можно приносить носочки, распашонку, для рожениц - зеленые яблоки, бананы, яблочный сок. В приемный покой зашла врач-акушер, молодая девушка, и пригласила Ольгу в соседнюю комнату. Донеслись всхлипы. В ответ: «Давайте успокаивайтесь, и будем рожать потихоньку».

Раньше женщины были здоровее

13.30. Снова в приемном покое звонит телефон. Мамочка спрашивает, что делать, у нее швы после родов не сняты. Акушерка подробно выясняет, что это за швы, велел ли врач приходить в роддом, потому что есть швы, которые не надо снимать, они сами рассасываются. Но чтобы девушка чувствовала себя спокойнее, приглашает ее прийти в приемный покой и получить консультацию врача. Звонящий телефон - дело тут обычное. Спрашивают обо всем. Почему там и там болит? Как кормить ребенка? Чаще интересуются, родила или нет.

14.00. К этому времени с начала суток в первом роддоме появились 10 новорожденных, из них семь мальчиков. В приемном покое пусто, записи в журнал все сделаны. У меня вновь появилась возможность помучить вопросами Светлану Репину. «Изменились ли роженицы на вашей памяти?» - «Да, и очень. Раньше женщины были здоровее. Сейчас смотришь, еще девчонка, а у нее уже куча болячек. И не удивительно. Вы посмотрите, в чем они осенью и зимой ходят. Курят. Такое впечатление, что поголовно все курят. Выгляни во двор роддома, когда беременные гуляют, - это же ужас, что творится: практически все с сигаретами. Бывает, даже во время схваток курят. Впрочем, если она всю беременность курила, то резко бросать нельзя. Иначе ребенок потом спать не будет, ведь он родится уже с зависимостью. Женщины стали неженками. Наблюдается такая тенденция: поступают без схваток - раз кольнет, а им кажется, они рожать начинают. Раньше такого не было. Может, их учат, что как кольнет, так надо сразу в родильный дом? Что еще? Такое ощущение, что они в роддом идут, как в санаторий, полагая, что здесь за них все сделают. Но ведь роды - это работа, это боль. И боятся они больше, чем наше поколение».

«Случаются ли нестандартные ситуации?» - «Почему-то на ум одни негативные примеры приходят. Вот было, правда, не в мою смену, принес нетрезвый мужчина передачку. Ее у него не взяли, потому что там были продукты, которые не положены беременным. Так он этой сумкой женщину, принимающую передачки, по лицу ударил. Матом обложить - так это обычное явление». - «Приходится ли вам удивляться и чему?» - «Дивлюсь, сколько вещей берет иная женщина в роддом. Одна с тостером рожать пришла». - «Больше или меньше стали рожать?» - «Больше. В год у нас где-то две тысячи малышей. Что интересно, основной поток рожениц - под 30 лет. Много третьих родов стало. Часто двойни бывают».

14.30. Стук в дверь, заглядывает женщина. «Здравствуйте, вы знаете, меня в субботу выписали, я так спешила, что вещи забыла». - «Что, не понравилось, раз так быстро убежала?» - «Да нет, очень понравилось», - смех в ответ. «Так торопятся, что вещи забывают. Не первый раз такое».

15.00. Мое дежурство в приемном покое закончилось. За эти сутки в вологодском роддоме №1 появились на свет 16 малышей, в том числе 2 двойни, мальчики.

Часть II. АКУШЕРЫ

«Ну, все, я в роддом»,- сказала я коллегам, выключив компьютер. «Когда вернешься?» - «Думаю, к пяти управлюсь».

В ординаторской меня встретила заведующая родильным отделением Ольга Алексеевна Соколова. Мы прошли в родблок, где состоялось знакомство с врачом-акушером Игорем Владимировичем Деминым. То, что моим «гидом» будет мужчина, вначале меня некоторым образом смутило (все-таки не на заводе), но справившись с волнением (не рожать ведь, в конце концов, я сюда пришла), занялась своим обычным делом, то есть вопросами. Игорь Демин работает в первом роддоме несколько лет, пришел сюда сразу после окончания ярославского мединститута. Женат. Супруга тоже врач, работает в детской областной больнице. График тяжелый и включает ночные дежурства. Как женщины относятся к известию, что роды у них будет принимать мужчина? Медсестра, работающая с ним в паре, Ольга Голодова, говорит, что вначале женщин это пугает, а потом, узнав его, не хотят никого другого. Любят женщины Игоря Владимировича за его внима-

тельность и доброжелательность. Сама Ольга тоже очень рада, что работает именно с этим доктором, с ним ей всегда спокойно.

Рожайте вовремя

В день моего визита Демин дежурил сутки, с 8 до 8 утра. Пока из пяти находящихся в его зоне ответственности родзалов занят только один. Всего в родильном блоке десять родзалов, за остальные пять отвечает другой врач. «Как проходит мой рабочий день? Пришел, переоделся в ординаторской, поднялся в родильный блок, дежурный врач вводит меня в курс дела, то есть рассказывает, сколько в родблоке женщин, когда они поступили и в каком состоянии. Изучаю истории родов. Потом осмотры. Женщину, находящуюся в родах, надо осматривать каждые 2 часа. Сегодня утро спокойное: занят лишь один из пяти моих родзалов. Случаются (слава богу, очень редко) форс-мажорные ситуации, когда в каждом по женщине. Такое бывает во время закрытия на профилактику областного роддома. Вот тогда приходится побегать! При этом надо заполнять огромное количество бумаг (медицинской документации). Буквально каждое движение нужно запротоколировать. Знаете, какой главный наш инструмент?» - «Какой?» - «Авторучка».

«В среднем сколько родов в день?» - «8-10». - «Женщина в первой палате скоро родит?» - «Она уже рожает. Ведь что такое роды? Это длительный процесс. Женщины прибывают к нам со схватками и спрашивают: скоро мы рожать будем? В их понимании роды - это когда ребенок непосредственно рождается, но когда роженица тужится - это уже финал родов. И рождением ребенка роды не заканчиваются, еще и послед нужно родить. А начинаются они с момента, когда наблюдаются регулярные схватки, то есть две за 10 минут. Длятся роды в среднем 14 часов. Если они, по причине слабости, затягиваются, мы обязаны вмешаться. Даем стимулирующие препараты. В первом родзале повторно родящая женщина. Рожать мы будем где-то в районе 12 часов. Но может все и быстрее произойти, повторно рожающие в этом плане непредсказуемы. Так что точное время не скажу, этого никто не знает».

«В каком возрасте лучше рожать?» - «Вовремя». - «Для некоторых вовремя наступает после сорока, когда есть квартира, машина, хорошая работа». - «Ну, конечно, до сорока тянуть не стоит, велик риск осложнений. Да и в 16-17 лет в роддоме делать нечего, рано еще». - «А бывает, что вы приходите на работу в плохом расположении духа и кричите на женщин?» - «Что вы! Такого здесь себе никто не позволяет». - «Роддом вчера и сегодня. В чем отличие?» - «Условия работы заметно улучшились. К примеру, раньше первый родзал был общей предродовой палатой. Там стояло 4 или 5 кроватей. Женщины, поступавшие со схватками, все там размещались. Одна охает, другая кряхтит, третья еще чего-нибудь. Одна на другую смотрит, и им еще тяжелее становится. И врачи там же их осматривали. Сейчас красота: каждая рожает в отдельной палате, санузел с душем отдельно, во время схваток муж может находиться рядом».

Игорь Владимирович провел меня по родильному блоку. Родзал №1, где находилась женщина в родах, - помещение небольшое, в голове не укладывается, как там стояли 5 кроватей. Интересуюсь настроением у рожающей женщины. «Прекрасное», - ответила та. Другой родзал немного больше первого, там, помимо кровати и детского столика, вижу большой мяч, шведскую стенку. «Это типовой родзал, - просвещает меня Игорь Демин. - Видите детский стол с обогревательным оборудованием? Здесь источник лучистого тепла, чтобы ребенок не охладился. Вот стенка, мячи. Это для женщин, чтобы им во время схваток легче было. Правда, стенку женщины как-то не очень любят, а вот мячи наоборот. Говорят, помогает. Сейчас считается, что активное поведение во время родов предпочтительней». Я заметила, что кровать какая-то необычная. «Кровать новая, такая на отделении одна. В этом родзале все предусмотрено, включая то, как женщине удобней рожать, и то, как врачу лучше выполнять свою работу, к примеру, зашивать. Одно дело, когда нагнувшись что-то делаешь, и другое, когда присесть можно и без напряжения все сделать». Кровать, между прочим, стоит около миллиона рублей.

С женщиной нужно разговаривать, и неважно, о чем

Акушерка Ольга Голодова работает в 1-м роддоме около 10 лет. В свое время мама, отдавшая роддому не один десяток лет, брала маленькую Олю с собой на работу. Когда девочке исполнилось 12 лет, она стала помогать матери в роли санитарки. После школы девушка пошла в медицинское училище. У Ольги есть сын. Навещая ее на работе, просит вынести ему девочку-сестренку. В 2007 году, если помните, проводился конкурс: народ выбирал лучших врачей и медсестер. Ольга Голодова стала одной из тех, за кого во-

логжане отдали большее количество голосов в номинации «Народный акушер». Ольга общается с рожающими женщинами ласково, негромко, прямо как с маленькими детьми.

«Не всякий нынче пойдет работать акушеркой», - сказала я и услышала в ответ: «Так к нам никто и не идет. Молодых акушерок в родильном блоке всего две, остальным в среднем по 50 лет». - «Часто ли попадаются капризные женщины, заставляющие вас побегать?» - «Бывает». - «Ругаются?» - «И это бывает. Говорят, мы над ними издеваемся. Мы понимаем, что они не со зла, просто им больно. Женщинам потом стыдно, и они извиняются». - «Просят обезболивающие уколы сделать?» - «Постоянно. Кесарево просит сделать чуть ли не каждая». - «Чтобы не мучиться?» - «Да. Было, и в суд на нас грозились подать за то, что не делали кесарево. А его ведь только по показаниям делают. Если роды идут хорошо, то зачем резать? Со всеми разговариваем, успокаиваем. С женщиной нужно всегда разговаривать, и неважно, о чем. Просто заглянуть в родблок, послушать сердцебиение, давление измерить - это тоже успокаивает». - «Бывают моменты, когда нужно прикрикнуть?» - «Только тогда, когда женщина начинает себя неадекватно вести. Приходится немного повысить голос, чтобы она послушала нас. Но это очень редко случается». - «Есть ли неписаные правила, соблюдаемые вами неукоснительно?» - «Никогда и ничего их этих стен не выносить».

Какая польза от отца

В родильном отделении царит тишина. Спрашиваю у Ольги, всегда ли так тихо. Отвечает, что еще утро и что весь процесс обычно к ночи начинается, ведь, как говорится, когда зачатие произошло, тогда и роды происходят. «Криков как таковых вообще нет, женщины очень редко кричат. Ведь большинство рожают с «партнерами», что очень помогает». Я удивилась такому аргументу. Со мной рядом во время родов мужа не было (тогда это было невозможно), и кричала я так, что акушерка прибегала ко мне с просьбой дать ей дожить до пенсии. Интересуюсь, как ведет себя сильный пол, выдерживает ли испытание. «В обморок, конечно, не падают, но чересчур чувствительные папы попадались - нашатырь приходилось давать. А один папочка так переживал за жену, что после родов как ее увидел, так и упал. Мужья ведут себя по-разному. Кто-то молча сидит, держит за руку, кто-то массаж делает. Ведь даже просто прикосновение руки «партнера» отвлекает женщину от схваточки».

«На непосредственное появление ребенка отцы остаются?» - «Мы спрашиваем, хотят ли они остаться на процесс потуг. Некоторые отказываются. Пойдут, погуляют, заходят, когда все уже позади. Многие остаются, держат жен за руку, помогают тужиться, если ходили в школу подготовки к совместным родам». - «А под окнами новоиспеченные папаши не кричат?» - «Под окнами не кричат, а вот телефоны разрываются. Есть такие беспокойные! Приглашаем их сюда, хотя бы просто в коридоре на диванчике посидеть. Раньше, конечно, это было как-то дико для нас, но опыт показал, какая это помощь и женщине, и нам. Спокойнее, если рядом родственник».

Песня жить и рожать помогает

Разобравшись с папочками, перехожу к капризам беременных. Им то одно подай, то другое. Интересно, в родах бывает, что хочется чего-то этакого. «Ну, каких-то необычных просьб что-то не припомню. Чаще всего просят музыку включить во время родов. Сейчас у всех на мобильных телефонах есть любимые мелодии. Мы не запрещаем, главное, чтобы женщинам было хорошо. У нас и с аромосвечами рожали. А так в основном просят быть рядом». - «В родах обычно не до веселья. Исключений не бывает?» - «Попадаются и веселые». - «Песни поют?» - вроде бы невпопад спросила я. «Кстати, сейчас поют и очень часто, - огорошила меня Ольга. - Особенно любят это дело те, которые ходили на подготовку к родам. Им там советуют не кричать, а петь во время схваток. Одна женщина, пока с мужем в джакузи была, все «калинку-малинку» пела. Как у нее схватка, она начинает: «Калинка-малинка, калинка моя». А схватки ведь постоянно. Так после какого-то раза муж ей и говорит: «Дорогая, давай сменим репертуар». Я не удержалась от смеха, представив, как это все было. А джакузи, как я выяснила, в родблоке не роскошь, а средство для облегчения боли во время схваток. В ванной женщины могут расслабиться, им эта процедура очень нравится.

Иду на роды

Такое ощущение, что я уже здесь работаю. Интересуюсь, как там дела у Оксаны Николаевны. «С Оксаной мы сейчас будем тужиться. Вы будете присутствовать на родах?»

Я не верю своему счастью и отвечаю, что если женщина не против, то, конечно, хотелось бы. Оказалось, женщина ничего не имеет против того, чтобы репортер присутствовал на ее родах. А пока наш разговор с акушеркой продолжается. «В роддоме уже почти 10 лет работаете. Это ж сколько детей вы приняли?» - «Точно не скажу, но в среднем на акушерку приходится по 200 новорожденных в год».

Ольга вновь отправилась посмотреть женщину в родах. Поблизости на диванчике расположилась девушка, рядом стоит аппарат, с чьей помощью у малыша прослушивается сердцебиение. В роддоме она в первый раз. Ждут с мужем девочку - Дашу. На родах ее супруг будет присутствовать обязательно. Кормят хорошо. «Хотелось бы передать привет повару Галине Евгеньевне. Очень добрая женщина, всегда нам приятного аппетита пожелает, расспросит, узнает, как у нас дела, новеньким поможет освоиться. Вообще персонал добрый, приветливый. Мне здесь все нравится». Вижу, акушерка вышла из первой палаты. Как там Оксана? «Пока еще терпит». Первый малыш за время моего пребывания в родильном отделении должен вот-вот появиться на свет.

Часть III. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Акушерка заходит в первый родблок. Игорь Демин зовет меня последовать туда, где через несколько минут свершится великое таинство - рождение человека. Волнуясь, следую за ним.

На часах начало первого. Войдя в палату, останавливаюсь, как вкопанная, у двери. Из ступора меня выводит врач, приглашая подойти ближе к кровати. Сделав несколько шагов, становлюсь по левую руку от него, рядом со столиком для новорожденных. Стою, смотрю и слушаю.

«Тужишься сама, я только помогаю. Моя хорошая, вдох, а ты выдохнула. И потужиться до-о-лго, до-о-лго. Еще раз. Снова вдох делай, - Ольга Владимировна ласково, негромко, точно с маленькой, разговаривает с рожающей женщиной. Та повинуется подсказкам акушерки. Вздохи становятся громче и сильнее. - Давай снова, не бойся», - говорит Оксане акушерка. - «Ой, не могу». - «Все сможем. Ну вот, не дотужилась. Малыш хочет выйти, а ты не пускаешь его». - «Больно», - слышится в ответ. - «Так выпусти боль из себя. Ты зажимаешься, поэтому ее и чувствуешь. Если будешь тужиться во время потуги, то никакой боли не почувствуешь. Осталось совсем немного, волосики уже начинают показываться. Ведь и малышу долго стоять нельзя, так что давай, помогай ему». Снова потуги. «Пожалуйста, Оксаночка, глубокий вдох, снова вдох. Ты почувствуешь, как малыш идет. Начинается схватка, не тужься. Дыши, дыши», - руководит процессом акушерка.

Подбадривать страдалицу принимается и Игорь Владимирович. «У вас, Оксана Николаевна, все хорошо идет. Вы только будьте посмелее, тужиться надо посильнее». «Пока ты боишься, потуги не получатся, - добавляет Ольга. - Забудь о себе, подумай о малыше. Когда все закончится, будете лежать, отдыхать». Женщина устало глядит на окружающих ее людей. «Конечно, больно, - раздаются спокойные слова акушерки. - Малышу в такую-то дырочку надо выбраться». Снова стоны. «Малыш тебе помогает, и ты ему помоги». - «Ноги дорожат», - вроде как извиняясь, чуть слышно произносит женщина. «Ничего страшного, - подбадривает врач. - Физических сил на схватки много расходуется. Всегда к концу родов бывает такая мышечная дрожь».

«Давай, Оксана, не жалей себя, сейчас будет больно, потому что головка с каждым моментом вытягивается. Тужься. Ты можешь все в 10 минут закончить». Пока акушерка, в который уже раз, рассказывает, как надо дышать и тужиться, Игорь Владимирович объясняет мне, что за оборудование находится рядом со мной. Это то самое лучистое тепло, о котором я слышала во время экскурсии по родильному отделению. Я киваю. Наверно, внешне я выгляжу спокойной и несколько заторможенной, но внутри меня бушует ураган эмоций. Сердце бьется с удвоенной силой. Такое чувство, что не Оксана, а я готовлюсь стать матерью во второй раз. Собрав волю в кулак, заставляю себя задать несколько вопросов. «А что бы вы делали, если б в другом родзале еще одна женщина рожала?» - «Ну, совсем одномоментных родов не бывает, но если что, будут задействованы другие акушеры. По большому счету, если роды проходят нормально, то Ольге Владимировне никто и не нужен в помощь.

«Головка уже стоит, - раздаются слова акушерки. - Наберись сил для следующей схватки. Не надо без схваток тужиться. Подыши спокойно. Отдыхай. Еще немного осталось».

В это время в родильный зал заходит детский врач и начинает свою работу по подготовке к приему новорожденного. О ужас, или о счастье, не знаю, в общем, я вижу, как показывается головка малыша, еще секунда - и ребеночек на руках Ольги Владимировны. «13.00, родилась девочка, - объявляет акушерка. - Ну, мама, придумала имя?» - «Марьяна», - отвечает измученная, но счастливая женщина. Молчавший некоторое время малыш издает первые звуки, они еще не требовательные, а вроде как изучающие, словно новорожденный оценивает обстановку, в которую попал. Игорь Владимирович предупреждает Оксану, что роды не закончились, потому как надо родить еще послед. Девочка на руках детского врача, издававшая вначале негромкие звуки, начинает плакать громче и громче. После необходимых манипуляций малышку кладут маме на грудь. «Покачай дитя на животике», - советует акушерка. Женщина так и делает, новый человек замолкает на время, но потом снова заявляет о себе.

Раздается звонок мобильного телефона, звучит мелодия, что-то итальянское, очень лиричное. Наверное, кто-то из родных спешит узнать, как прошли роды. Но женщина не отвечает, ей пока не до телефонных разговоров: врач ее зашивает. Ольга берет Марьяну и идет к столику для новорожденных. Спрашиваю, что сейчас будут делать. «Взвешивать, измерять, обрабатывать пуповинку. Потом оденем малышку и отдадим маме». Озвученный план тут же приводится в исполнение. Вес девочки - 4 кг, рост - 57 см. Акушерка облачает ребенка в розовые шапочку, распашонку и носочки. Проделывает это она так ловко, но вместе с тем и так бережно, что Марьяна не издает ни звука. Куколку передают маме, та прикладывает ее к груди. Затем следуют наставления, что кормить дочку надо по требованию. Я вспоминаю о своей задаче и прошу разрешения сфотографировать маму с дочкой. Но Оксана Николаевна против, и почему - мне понятно: большинство новоиспеченных мам очень мнительные и страсть как боятся сглаза либо чего еще. Зато Ольга Владимировна охотно согласилась позировать у столика новорожденных. Без фото с родов я все-таки не ушла.

В коридоре долго не могу прийти в себя. Впечатления очень сильные. Врач садится заполнять бумаги: все, что происходило, надо записать в историю родов. На посту звонит телефон. Беспокоятся родные, спрашивают, все ли на месте у девочки. Минут через 20-30 заведующая родильным отделением Ольга Алексеевна предлагает мне проследовать в 8-й родзал, где идет на свет божий еще один малыш. Я вежливо отказалась: нет сил.

Тетрадь II. СКРЫТАЯ КАМЕРА

ПАН ИЛИ ШАРЛАТАН

К БАБКЕ НЕ ХОДИ

Сеанс магии с разоблачением

Двухэтажный дом почти в самом центре Вологды. У входа таблички: рекламное агентство, строительная фирма... И еще одна, предельно лаконичного содержания: «Раиса Тимофеевна. Каб. 2». Надо же, как откровенно! И куда смотрит «Ночной Дозор»?..

Дверь была открыта. «Здравствуйте! Раиса Тимофеевна?» Полноватая очкастая дама преклонных лет широко заулыбалась мне навстречу: «Я Раиса Тимофеевна. Заходи! Чего хотела?»

Впервые я столкнулась с экстрасенсами в Москве, что, впрочем, неудивительно, ибо вся скверна идет из столицы: смуты, путчи, туфли на платформе... Случай свел меня за одним столом с неким Вадимом, гуру всех ногинских любителей сверхъестественного. Разговор вертелся вокруг его талантов, а я всегда была настроена скептически ко всякой чертовщине. Вадиму быстро надоела моя кривая физиономия, и он решил на практике доказать реальность своих сверхвозможностей. Повертел руками, поглядел на всех странным взглядом и... превратил водку в воду! Ей-богу, не вру!.. Не скажу, что я сразу же прониклась к нему уважением, скорее наоборот, поскольку дело было в самом начале девяностых, магазинные полки пустовали, а алкоголь (по крайней мере, в Вологде) продавался по талонам и в страшных очередях. Больше непонятного в моей жизни ничего, кажется, не случалось. Все было логично, закономерно, а в последнее время - и вовсе тоскливо... Кризис в экономике пошел синхронно с кризисом в личной жизни. Сил, как и денег, не хватало, руки опускались, настроение падало с каждым днем, и я уже склонна

была признать правоту заботливой подруги, предположившей, а не сглазили ли меня часом? Та же подруга-всезнайка посоветовала: чем мучиться сомнениями, сходи-ка ты к знающим людям. Вот есть некая Раиса Тимофеевна, про нее много в газетах писали, вдруг поможет...

«Заходи! Чего хотела?» - «Мне сказали, что вы гадать умеете, - залепетала я. - Только я не знаю, сколько это стоит, у меня денег мало...» - «Триста рублей это стоит. Садись, дверь прикрой». Триста рублей у меня были. Я села, украдкой оглядела маленький офис: письменный стол, на нем бумаги, пепельница с окурками, колода карт, банки с какими-то ягодами, початая бутылка «Застолья», на шкафчике работал небольшой телевизор, на стенах висели выцветшие репродукции религиозного содержания и вырезки из газет с портретами самой Раисы Тимофеевны. Вот этой самой тетушки, которая широко улыбалась и внимательно смотрела на меня сквозь толстые очки.

«Как зовут?» - «Валентина Георгиевна...» - «Валя, значит?» Я чуть было не задергала возмущенно бровями - не люблю безосновательной фамильярности. И Раиса Тимофеевна, конечно, постарше меня будет, но я ведь тоже не сопля зеленая! Но кто их знает, гадалок, может, у них не принято на «вы». К тому же я вовремя вспомнила, как я несчастна, и быстренько сделала выражение «брови домиком»...

«Да, можно просто Валя... Мне сказали, что вы гадаете хорошо...» - «Гадать я могу, только я не гадалка, - в голосе Раисы Тимофеевны зазвучала законная гордость: - Цыганки - гадалки, а они ко мне в очередь стоят! Я ворожея!» Я почувствовала, что начинаю стремительно краснеть: «Простите, я не знаю, как это называется... Я ведь в первый раз...»

Странно, а в словаре гадалка и ворожея - синонимы...

Раиса Тимофеевна милостиво покивала, прощая мою неловкость, и велела выкладывать, что там у меня случилось. Я горестно завздыхала: «Всё плохо... На работе непонятно что... И дети...» - «Двое детей? - уточнила Раиса Тимофеевна. - Мальчик и девочка? Девочка старшая?» Я восторженно подтвердила, удивленная ее прозорливостью. Значит, все же есть ОНО! Не врет народная молва! «Ну, давай фотографии, посмотрим, что там у тебя...» Я порылась в сумке: «Вот. Мне ребята-компьютерщики на работе напечатали... Я-то в этих компьютерах не очень... А ничего, что на компьютере сделано?» - «А мне какая разница, я и так все вижу». Раиса Тимофеевна глянула на моих детей: «Ну, хорошие ребята! Все у них хорошо, и будет все хорошо!»

Краткость резюме меня несколько разочаровала: «Дочка вон институт бросила... Сын хуже учиться стал...» - «Хорошие у тебя дети, - убежденно повторила Раиса Тимофеевна. - Вернется она в институт! И у сына все хорошо будет. Школу закончит, тоже в институт поступит. Это ладно, давай о тебе лучше. Как, говоришь, тебя зовут?» - «Валя...» - я начала подозревать, что «Застолье» было ополовинено совсем недавно. «Хорошее имя! И тебе очень подходит! Это редко бывает, чтоб вот так имя человеку подходило. А у тебя - как припечатано... Так что у тебя-то?» - «Раиса Тимофеевна, - прибавив слезы в голосе, запричитала я, - одни проблемы...» - «Да нет у тебя проблем! Ой, если б все ко мне с таким приходили! А то ведь такого у людей наворочено бывает... А ты, вижу, честный, чистый человек...» Я опять начала краснеть - уже от гордости.

«Покажи-ка руку. Так... - Раиса Тимофеевна изучила мою левую ладонь и засияла еще ярче, словно увидела на ней свое имя в списке выигравших миллион долларов: - Я же говорила, все у тебя хорошо! И жизнь, и здоровье! И вот, видишь, пальцы у тебя одинаковые, - она подергала мои указательный и безымянный пальцы: - Это редко бывает, обычно один длиннее другого. А у тебя как надо! Так что какие у тебя могут быть проблемы!» В этот момент на столе затрещал мобильник. Раиса Тимофеевна глянула на номер и отключила звонок. Я, остро переживая собственную заурядность, привстала со стула: «Я вас отвлекаю... Я пойду...» - «Сиди, куда торопишься? И ничего ты меня не отвлекаешь. Ты вообще мне сразу понравилась, а у меня редко так бывает, чтобы люди сразу нравились. Давай посидим, поговорим, я тебе все расскажу. Куришь? Давай покурим».

Я полезла за сигаретами и заметила, что Раиса Тимофеевна метнула взгляд в сторону бутылки. Я быстро затарахтела, стараясь пресечь вероятное предложение еще и выпить за компанию: «Раиса Тимофеевна, у меня дочка выпивать стала... Не знаю, что делать...» Раиса Тимофеевна передумала предлагать мне составить ей компанию: «Да ерунда! Скажи ей, чтобы ко мне пришла. Я вот так сделаю, - она небрежно помахала рукой, - дочка твоя и думать забудет, как пьют. Я это легко сделаю. Я вообще много чего могу. Про меня многие знают, вон и в газетах сколько писали... - Раиса Тимофеевна показала на газетные вырезки на стене. - Только мне это все не нужно. И вообще, давай лучше просто

поговорим. Как, говоришь, тебя зовут?»

Я слегка оторопела. Даже если б меня звали Вирсавия Сигизмундовна, и то с двух раз можно было запомнить! «Валентина...» - «Валя, значит. У меня подруга была в Устюжне, тоже Валя. Ты на нее похожа, кстати. Я ее, правда, уже двадцать пять лет не видела, как из Устюжны уехала... Ну, что тебя еще интересует? Здоровье?» Я с готовностью закивала, но пришлось признаться: «Вообще-то я редко болею... Иногда простужаюсь только». - «Предынсультное состояние у тебя». Рот у меня открылся самопроизвольно. И это называется «нет проблем»?! «Да не переживай, сейчас все снимем». Раиса Тимофеевна сделала рукой какие-то пассы. «Вот и все! Тяжело тебе, конечно, много тащить на себе приходится». Я опять загордилась: хоть кто-то признал мои заслуги! «Тяжело, но тащить надо. Много перенесешь - твоим детям потом легче жить будет... Еще что?»

Я покосилась на колоду потрепанных карт. Как-то странно мне казалось, что меня вот так видят насквозь, не прибегая к подручным средствам. Раиса Тимофеевна мой взгляд заметила и засмеялась, попутно смахнув в ящик стола мои триста рублей: «Да мне карты с тобой не нужны, все у тебя и так видно...» - «А без работы я не останусь, Раиса Тимофеевна?» - «Дай-ка руку еще... Да нормально все! - отмахнулась она от антикризисного интереса. Потом глянула на мою правую руку: - Живешь с кем сейчас? Ну, с мужчиной с каким?» Я засмущалась: «В разводе...» - «Вот что я тебе скажу, запоминай: скоро встретится тебе человек, ты его не отталкивай. Это твой человек. Волосы русые, глаза серые. Вот в самые эти дни ты его встретишь, он уже прямо висит над тобой... Спонсором твоим будет, хорошим спонсором». Видимо, Раиса Тимофеевна правильно поняла мой вопрос о потере работы... Я счастливо заулыбалась: «Ваши бы слова...» - «...да богу в уши? - договорила она за меня. - А боженька всегда надо мной, он меня всегда слышит. Ты в церкви-то часто бываешь?»

Вообще-то я считаю себя атеисткой в третьем поколении. Не хватает моему практическому сознанию одержимости, чтобы поверить в некую высшую сущность, руководящую всеми моими мыслями и поступками. Даже наш директор при всем моем глубочайшем уважении мало подходит на эту роль... А если серьезно, то один литературный герой сказал: «Шесть миллионов закопанных в землю евреев - самое главное доказательство, что нет никакого бога». Но категоричное отрицание - тоже признак ограниченности, и чем выше интеллект, тем сложнее понятие веры. А религиозный примитив и церковная назидательность всегда вызывали у меня скуку и отторжение... Так что в церкви я не бываю вовсе.

Похоже, я заболеваю краснухой - теперь уже от стыда: «Не часто, к сожалению...» - «Надо, надо ходить. И молиться надо хорошенько. Ну да боженька со мной, а я теперь с тобой, так что... - Раиса Тимофеевна опять завела свою волынку: - Все у тебя будет хорошо! А что ты вскакиваешь? Не хочешь со мной посидеть? Ну смотри. В общем, дочку ко мне присылай, я ее сразу узнаю, - она еще раз взглянула на фотографию и отдала ее мне. - Все сделаю, помогу. И сама захаживай, когда захочешь. Я тебе рада буду. Знаешь теперь, куда идти!» Приседая от переполняющей меня благодарности, я распрощалась, успокоенная и довольная.

Выйдя из ворожеиного офиса, я еще некоторое время по инерции шла сутулясь и с жалобным выражением на лице. Потом опомнилась, глянула на свое отражение в ближайшей магазинной витрине, расправила плечи и достала из кармана предусмотрительно снятое обручальное кольцо.

Миша, дорогой! Я не собираюсь с тобой разводиться! И у тебя, надеюсь, нет таких мыслей?..

Прости меня, незнакомая веснушчатая девушка, чью фотку я вытащила из интернета, почти наугад щелкнув мышкой! Кстати, с компьютером я хоть и уважительно, но на «ты»! И зовут меня Лариса Владимировна!

Мой единственный сын уже отслужил в армии!.. Сокращений у нас на работе нет и не предвидится! Указательный и безымянный пальцы почти у всех одинаковой длины, я проверила руки у всех коллег!

Подошел мой автобус. Поработав локтями, я плюхнулась на свободное место и полезла в сумку за кошельком. Ну вот, кто-то весь свет мне заслонил, не могу еще рубль найти... Я посмотрела вверх. Прямо надо мной нависал, держась за поручень, высокий мужчина. Тьфу ты, брюнет!..

МОЛЧИ, ГРУСТЬ!

ДУШЕВНЫЙ ПРИЕМ

Как я лечилась от депрессии по заданию редакции

«Консультации опытного психолога» - гласило объявление в рекламной газете. Я позвонила по указанному номеру, дабы претворить в жизнь редакционное задание, состоявшее в том, чтобы впасть в депрессию и выйти из нее при помощи практикующих в Вологде психологов.

На звонок ответила некая Елена. Она охотно назначила мне встречу в удобное для меня время и пригласила меня к себе на квартиру на окраине города. Меня ждали, дверь открылась быстро. В облике Елены меня поразили две детали. Во-первых, «опытный психолог» оказалась довольно юной. На вид не больше тридцати. Во-вторых, она была одета во все черное. Подумалось, а не в депрессии ли случаем она сама? Вслед за хозяйкой я прошла в одну из комнат квартиры. Помещение достаточно уютное, чистое, но на кабинет ничуть не похожее. Диван, трюмо, письменный стол, магнитофон на тумбочке, мягкие игрушки на полке. Впрочем, типичная домашняя обстановка скорее порадовала меня, чем насторожила. Надо признать, что к задушевному разговору она располагала.

«На что жалуетесь?» - «У меня депрессия. Отвратительное настроение. Сама себе противна». - «И давно?» - «Не очень... Несколько дней. Но такое у меня в последнее время бывает частенько». Психолог согласно покивала, сожалея о моем периодическом духовном кризисе: «Чем вызвано ваше подавленное настроение?» - «Ой, такое чувство, что у меня вообще все плохо, что неправильно живу...» Я начала излагать. Излагала честно и старательно. Поделилась раздумьями о бессмысленности любви, о невозможности найти творческую и одновременно денежную работу, об однообразии повседневного быта. Чтобы помочь психологу разобраться, я старалась припоминать мельчайшие детали. Я немножко разбираюсь в теориях Фрейда, Хорни, Юнга и Адлера, потому добросовестно вспомнила все свои детские страхи, рассказала об отношениях с матерью и отцом, попыталась заинтересовать Елену темой бессознательного.

Елена невозмутимо внимала, смущая меня неотрывным и немигающим взглядом. Наконец я завершила свой эмоциональный рассказ и стала ждать. Однажды мне довелось наблюдать за работой квалифицированного психолога одной из вологодских больниц. Он начинал общение с клиентом с нескольких тестов, помогающих выявить некоторые общие сведения о темпераменте, характере, психотипе. Я была уверена, что Елена предложит мне нечто подобное. Как же можно давать советы, не зная основных установок? Всецело полагаться на исповедь расстроенного человека, который запутался в себе, нельзя, он априори оценивает себя необъективно. Я ошиблась: психолог решила не тратить время на подробное знакомство с моей многострадальной сущностью и перешла непосредственно к лечению. Она посадила меня около трюмо и велела внимательно смотреть в глаза отражению. Полутемная комната и зеркало, в которое нужно пристально смотреть, напомнили мне о святочных гаданиях. Атмосферу дополнял вкрадчивый, приглушенный голос Елены:

«Симпатичен ли вам тот человек, которого вы видите? Что в нем вам не нравится? Что должен сделать человек в зеркале, чтобы подружиться с вами?» Я внимательно рассматривала себя. Пожалуй, прическа порастрепалась. Остальное вроде все в порядке. Ну, еще физиономия кислая. «Мое отражение слишком грустное. Стало бы лучше, если бы оно повеселело». - «Вот, вы же все сами понимаете! - обрадовалась Елена. - Теперь осталось только осознать это как следует и действовать. Улыбнитесь тому человеку, которого вы видите в зеркале. Представьте, что в вашем сердце возникает зернышко. Оно медленно превращается в шар... какой цвет вы любите? - красный? - в шар красного цвета. Из красного шара вырывается яркий луч. И он попадает прямо в сердце вашего отражения. Чувствуете, как вам стало тепло?» Меня и правда слегка бросило в жар от малоприятной мысли, как у меня из сердца что-то вырывается. «Ну вот, повторяйте это упражнение - чем чаще, тем лучше. Поможет. Не забывайте делать его по утрам. Теперь садитесь на диван и возьмите на руки мишку».

Елена протянула мне мягкого игрушечного медвежонка. «Представьте, что он - это вы маленькая. Будем бороться с вашими детскими страхами. У вас есть уникальная возможность поговорить с собой, предупредить себя о всех возможных трудностях и дать мудрые советы. Не стесняйтесь, вы можете погладить мишку, обнять его». Психолог деликатно замолчала, не мешая мне общаться с собой. Я тупо держала в руках медведя,

потом из вежливости обняла его. Надо так надо. Через несколько минут Елена напомнила о своем присутствии: «Это упражнение тоже желательно многократно повторять. Результат появится не сразу, ждите. Постарайтесь понять, что изучение себя - дело длительное, оно требует терпения».

«Неужели нет таких упражнений, которые помогут мне почувствовать себя бодрой и уверенной в короткий срок, скажем, перед каким-нибудь важным мероприятием, свиданием?» - испугалась я. «Да, могу посоветовать и такое. Встаньте посреди комнаты, ноги на ширине плеч. Представьте какого-нибудь уверенного человека». Да простит меня Российская Федерация, мне представился Владимир Путин. «Идентифицируйте себя с этим образом». - «А что, если мне представился мужчина?» - «Неважно. Он - это вы. Теперь громко скажите одну из фраз, которая вам больше подходит: «Я есть», «Я хочу», «Я могу», «Я имею право».

«Я есть». - «Громче». - «Я есть!!!» - «Еще громче!» Громче я постеснялась. Как-никак жилой дом, соседи за стенкой. «А теперь крепко возьмите себя за горло, - дружелюбно сказала психолог, - и слушайте, как слова скользят у вас в гортани. Потом опустите руки на грудь, на солнечное сплетение и на живот. Если вы сможете услышать слово у себя в животе, вы выпустите наружу подавленную энергию. Все ваши проблемы из-за того, что энергия не расходуется. Когда она копится, она откладывается на мышцы, а это уже грозит остеохондрозами и простудами». На остеохондроз и простуду я, слава богу, пока не жаловалась. Я жаловалась на депрессию. Видимо, совет был дан в профилактических целях, как бонус. Елена внимательно посмотрела на меня. Я взглянула на часы. Прошел ровно час с начала сеанса. Как я поняла, мое время истекло. Как, уже все? Только три упражнения? А где объяснения, где диагноз, где, наконец, советы?!

Пришло время оплачивать резко завершившийся сеанс исцеления. Если бы я не пребывала в пучине депрессии, стоимость психологической помощи наверняка бы повергла меня туда. Часовая беседа обошлась в триста рублей. Вот же удобная работа! Я с запоздалым сожалением подумала, что следовало поинтересоваться документом, подтверждающим квалификацию Елены. Эх, почему же я в свое время не пошла учиться на психолога? А может, можно практиковать и без образования? Почитать специальную литературу, выбрать арсенал из нескольких универсальных упражнений... Я поинтересовалась: «Книги каких психологов вы посоветовали бы мне почитать?» - «Полистайте Курпатова». С шоуменом современной психологии доктором Курпатовым я была немного знакома. Я слышала, что это очень плодовитый автор, за относительно недолгий период карьеры он выпустил около 100 книжек, в том числе бестселлеры в стиле «Деньги большого города», «Измена и расставание», «4 страшные тайны. Паническая атака и невроз сердца».

Расплачиваясь, я с некоторой завистью спросила Елену: «И много у вас клиентов?» - «Не жалуюсь, - с гордостью ответила она. - Я уже несколько лет так работаю». К чувству возвышенной духовной грусти добавилось чувство приземленной меркантильной досады. Подобное ощущение у меня было, когда однажды уличная цыганка-гадалка обхитрила меня на энную сумму, наобещав взамен всяких абстрактных благ.

Я вышла на улицу и поплелась домой. Зазвонил мой телефон. Это была подруга. Она спрашивала, как у меня дела. И я вдруг поймала себя на мысли, что искренняя беседа с ней помогла бы мне гораздо больше, чем манипуляции Елены. «Знаешь, дела не очень... - начала рассказывать я. - Вот позавчера...» - «Что-то случилось?» - с искренней тревогой спросила она. Через несколько минут мне уже не нужен был никакой психолог. Светило замечательное солнце, стояла красивейшая осень, впереди были выходные и долгая счастливая жизнь.

ВАШИМИ МОЛИТВАМИ

ХРИСТИАНЕ БЕЗ КРЕСТА

Репортаж с сектантского богослужения

На крыльце было многолюдно. Разговоры улыбающихся молодых мам перемежались детскими голосами. Как из-под земли, передо мной вырос молодой человек. «Служба порядка» - гласила табличка на его груди. «Это церковь христиан. Сейчас состоится проповедь, проходите в зал», - услышала я.

Совсем не похоже на храм. В зале в несколько рядов откидные деревянные кресла. На сцене - микрофон, синтезатор, барабанная установка. В углу - цифровой экран. Вок-

руг сбившиеся стайками подростки, молодые пары с детьми и без, женщины и мужчины зрелого возраста. У всех улыбающиеся лица. Передо мной возникло одно из них. «Привет, вы пришли по приглашению? - миловидная женщина в очках участливо улыбнулась. - Давайте познакомимся. Марина. Вы в бога верите? Замечательно. Мы тоже. Если есть какие-нибудь вопросы, я отвечу». Растерявшись от такой активности незнакомой собеседницы, задаю вопрос в лоб: «Уж не секта ли здесь?» - «Нет. У нас все по библии. Молимся, прославляем бога», - сославшись на неотложные дела, Марина познакомила меня с Наташей и убежала.

«Привет, ты здесь по приглашению? - те же вопросы. - А в бога веришь? Классно. А ты знаешь, что бог любит тебя? Классно. Спросишь, почему я здесь? 12 лет назад пришла сюда, точно так же, как ты. Послушала проповедь и поняла, что бог меня любит». - «Разве ты этого не знала раньше?» - «Ну, знала, конечно. Но думала, что он любит всех как-то абстрактно, а здесь поняла, что он любит конкретно меня». - «Уж не секта ли здесь?» - «Нет, у нас все законно». - «А чем тогда от обычной церкви отличаетесь?» - «Ну, у нас икон нет, и крестиков не носим. А так, тоже библию изучаем. Не убегай после проповеди, поговорим», - тронув меня за плечо, Наталья поспешила занять место в зале.

Из истории одного обращения. *«Моя история примерно так и начиналась, - рассказывает Маргарита, которой стоило больших усилий выбраться из одной секты. - По приглашению знакомой мы с подругой пришли на собрание некоего религиозного общества. Первое впечатление - восторг. В зале много людей - все смеются, общаются, как добрые знакомые. Вместе пели песни. Потом там что-то рассказывали по библии. Вернувшись домой, все обсудили с подругой и решили ходить на занятия. Постепенно, потихонечку стали вливаться. Каковы особенности той общины? Они представляются чем-то типа Ноева ковчега. Кто знает имя бога, тот спасется, когда наступит конец света. А наступит он скоро. Тот, кому удастся спастись после Армагеддона, будет благоденствовать на земле. Начали ходить на занятия по изучению библии. Я стала задавать много вопросов. Мои дотошные расспросы не сильно нравились. Поначалу старейшины пытались объяснять, тыча пальцем в библию, а потом прямо дали понять: помолчи ты, у тебя еще мало веры, поэтому ты и вопросы такие задаешь.*

Что запрещали? Например, переливание крови. Пускай чья-то жизнь висит на волоске, нельзя этого делать. Запрещено брать в руки оружие, нельзя идти в армию, лучше попасть под трибунал. Агрессии со стороны «учителей» я не наблюдала. Просто с трудом входила туда. Я человек такой: разложи мне все по полочкам, и я поверю. Иначе начинаю сомневаться. А вот моя подруга сразу же безоговорочно все приняла на веру.

Надо сказать, что эти люди действительно оказывали некоторую помощь. Отлетела набойка на туфлях - а ты принеси обувь сюда, у нас мастера на все руки, починят. И впрямь ремонтировали. Но больше вспоминаются другие моменты. Чтобы ездить на собрания, нужны деньги. Какой-то входной билет был. Ну нет у меня денег. «А ты продай что-нибудь», - говорили новые товарищи. Подруга так и поступила: продала фотоаппарат, мотоцикл, еще что-то из дома. Я ей: «Зачем?» Она: «Мне деньги нужны - к богу ехать».

Шоу с оргмоментами

На электронном экране замелькали строчки песен. Музыканты заиграли быструю мелодию, и весь зал, воздев руки к небу, запел ритмичную песню, прославляющую бога, который «за любовь страдал своим сердцем, разумом, всей душой своей». Большинство людей пели по памяти, упоенно размахивая руками. Песня сменилась другой, более протяжной. На сцене менялись солисты. Группа верующих исполняла вторые партии. Живой звук и многоголосие, атмосфера праздника, рукоплескание - все это напоминало шоу и неплохо поставленное. Распевка продолжалась минут десять, после чего на сцене остался один солист, как оказалось, он же пастор.

«Давайте прославим бога, - обратился он к пришедшим, и все дружно захлопали в ладоши. - Добро пожаловать в церковь, где бог изменяет жизни. Так радостно видеть людей, славящих бога, в середине недели. Тех, кто не поехал на дачу, не остался на диване, а пришел в дом божий. И мы имеем нужды, за которые попросим». Перебирая поступившие записки, человек в пиджаке продолжал: «Мы попросим господа за покаяние сына Виталия и за его семью. Просит Галина. За полное исцеление Ольги Александровны, также за Ульяну, у нее рак, просит Елена. За исцеление Димы молитвами от варикоза просит Ольга Мы доверим эти нужды господу и попросим его, чтобы он присутствовал на этой службе духом своим святым». (Фамилии опущены).

Происходящее напоминало праздник, и вдруг все резко изменилось. Радость на ли-

цах сменилась сосредоточенностью. В едином порыве вокруг началось массовое бормотание, доносились громогласные реплики пастора: «Отец, мы молим тебя об исцелении... Мы молим о покаянии, отец... Аминь. А теперь повернитесь друг к другу и пожелайте хорошей службы». Ко мне подскочила Наталья, с чувством тряся мою руку: «Хорошей службы!» Снова запели песни, ритмично хлопая в ладоши.

Последовали несколько оргмоментов: насчет грядущего приезда братьев и сестер из другого города, насчет евангелизации (еженедельные выступления для непосвященных под открытым небом) и насчет расписания, по которому сестры во время важных проповедей будут находиться рядом с детьми пришедших. Затем наступил момент приношений. «Господь благословит наши приношения, поможет нам», - возвестил пастырь. Под музыку люди из рук в руки передают пластмассовые цветочные горшки для пожертвований. За передвижением горшков по залу следят несколько братьев. Заглянув внутрь горшка, я увидела там свернутые купюры достоинством 10, 50, 100 рублей и обернутую целлофаном пачку. Процедура приношения заняла минуты две. Потом была проповедь.

Проповедь

Сегодня проповедь посвящена библейской истории Рааф-блудницы. «Пристегните ваши ремни, что называется. Господь будет говорить», - начинается учение. Сидящие в зале раскрыли библии. Ко мне подсела Марина, подставив мне книгу книг в поле зрения. Пастор с чувством и по ролям рассказывает о Рааф, которую и женщиной-то поначалу нельзя было назвать. Словарный запас верующих пополняется синонимами слова «проститутка»: «иерихонская шалава», например. Проповедник сгущает краски, описывая пра-пра-прабабку царя Давида, чтобы подчеркнуть, как она чудесным образом перешла из дома позора в зал славы. «Она была трансформирована, спасена. Эта язычница, эта ужасная грешница. Если этого мало, то подумайте, что она не просто спасается, но еще и выходит замуж за израильского принца. Можете это уложить в своей голове? Она не вернулась обратно к своим наркотикам, своему блуду, своему греху».

Учитель предлагает рассмотреть всю главу, чтобы понять, как такое могло случиться. «Что делает бог в сердце грешника? Он начинает говорить с ним, и он действует в его сердце таким образом, чтобы подготовить человека к моменту, когда ему будут свидетельствовать. Вторая группа, с которой бог работает, - христиане. Чтобы те начали свидетельствовать грешникам. Если грешник встречается с послушным христианином, и тот откроет свои уста, случится чудо. Как Рааф встретилась с двумя этими шпионами, и произошло чудо». Пастор дает прозрачную установку: «церковь», представленная присутствующими, должна расти, а для этого нужно идти в народ. «Если бог не сталкивает нас лицом к лицу с теми, кто нуждается в евангелии, мы должны задать себе вопрос: почему? Мы должны сказать: господи, почему в моей жизни нет таких случаев? Начните слушать голос духа святого, позвольте ему направлять вас. И будет встреча, организованная духом святым».

Затем пастырь взялся за противопоставление общины и остального мира, словно главные действующие лица на земле - члены этой религиозной группы, называемые проповедником христианами, как будто все остальные, исповедующие христианство, не христиане, а нехристи. Почему-то в этом месте слово пастырское стало таким витиеватым, сумбурным и невнятным, что цитировать нет смысла.

Из истории одного обращения. *«Ко всему нас постепенно приучали. Сначала было достаточно знать имя божье, мол, тогда спасешься. Потом оказалось, что для спасения нужно знать библию, а затем потребовалось и в люди нести новую веру. Мало-помалу входишь в эту колею и начинаешь во все это верить. Начали нас привлекать: к бабушкам иди проповедуй. Когда, мол, пойдешь людям говорить о боге, тогда еще больше поверишь. Это была обязаловка. Иначе, дескать, ты не будешь духовно расти. Помню, ходили к одной бабушке старенькой. Та рада гостям, есть с кем словом перемолвиться. У нее все иконами увешано было. Поговорили с ней, мол, зачем столько икон, бог вещал: не сотвори себе кумира, крестиков на теле не должно быть никаких. Потом еще несколько раз к ней заходили. В другой раз зашли, а у нее икон нет. И мне так плохо стало: она всю жизнь в это верила, а мы враз в ней переменили веру. И я вдруг понимаю, что я сама во все это еще не верю, но заставила другого человека поверить. Мне так не по себе стало...»*

Креста на них нет

На обороте листовки-приглашения изложена леденящая душу история: сколько ни бился с этим жестоким миром некий Е., познавший самое дно жизни, он так и не смог

разорвать «цепи рабства», пока не встретил этих христиан. В зале были такие же спасенные. «Твое тело, брат, тоже было домом позора, даже вспоминать боишься, в чем ты принимал участие. Но слава господу, благодаря его любви и усилию, дом позора становится домом спасения, - пастор обращается к бывшему наркоману. - Только кровь обладает свойством очищать. Христиане в этом зале, вы должны быть готовы постичь святого духа, чтобы наши жизни были доказательством евангелия, которое мы проповедуем. Склоним головы».

После проповеди последовала молитва, в ходе которой под негромкую музыку учитель предложил попросить у бога прощения, покаяться: «Бог любит вас, хочет вам помочь. Я прошу поднять руку там, где вы сидите, и мы помолимся с вами вместе. Скажите: да, мне нужно покаяние, я хочу знать бога. Те, кто поднял свои руки, посмотрите на меня. Это серьезное решение. Не стесняйтесь. С вами попросят бога о прощении люди здесь». Желающие покаяться присели на корточки около сцены. К ним подошли братья и сестры, пожелавшие поддержать. И снова массовое бормотание под негромкую музыку. Мелодия нарастает, и вот уже весь зал снова распевает песни, прославляющие бога на сектантский лад. После предложения восславить бога собравшиеся дружно и долго аплодируют.

То, что происходило дальше, показалось мне сценами из спектакля. Чтоб доказать присутствие духа святого в зале, пастырь обратился к братьям и сестрам: «Чувствую, что у кого-то болела голова, господь унес боль духом святым. Марина, болела голова?» - «Давило». - «А сейчас? Боли нет? Давайте прославим господа своего. (Аплодисменты в зале). Это место, где бог духом святым исцеляет людей. Возьмите исцеление для себя. Попросите бога, чтоб освободил вас от боли. Положите руку на больное место и помолитесь вместе со мной. Я приказываю этой боли властью Иисуса Христа. Я приказываю нечистому меня оставить. Я забираю у дьявола свое здоровье обратно. Я изгоняю тебя, сатана, из своего тела. Я закрываю двери для тебя и болезни. Если есть, кого простить, простите сейчас. Пока мы молились, господь действовал. Прославим бога. (Аплодисменты). У кого-то сзади справа болели ребра, слева - бок. Господь их исцелил. Восславим бога. (Аплодисменты). Человек, который справа, - за что помолимся?» - «Чтобы ломки не было», - юноша в сером тяжело вздыхает.

«Помолимся за брата. Он приехал к нам из Питера на реабилитацию, чтоб господь избавил от ломки, - учитель разговаривает с богом: - Освободи его от этой зависимости, очисти его организм, сделай чудо. Я разрушаю проклятие наркотиков. Исцели его кровь, господь, очисти духом Иисуса Христа. Яви свою славу, крести духом своим святым. Теперь ты крещен духом святым. О, что это? Я вижу крестик на твоей груди. Этот крест с тобой везде бывал, во всех нехороших делах. Знаешь, что лучше действует? Заячья лапка высушенная. Ха-ха! Она обладает лучшими свойствами. Я помолюсь за тебя, за излечение богом тебя, если ты снимешь этот крест. Это не святотатство, что я сейчас делаю. Мы верим в бога. В бога умершего и воскресшего на третий день. Крестик никакой силой не обладает. Христиане - самые гордые люди на земле. Мы ни перед кем не преклоняемся. Ни перед начальством, ни перед деньгами. У нас есть только один бог». Заставив Ивана прилюдно снять с себя нательный крест, провозвестник нового христианства молится вместе с ним: «Иисус Христос преображающей силой веры изменяет невозможных людей». После молитвы осталось время, чтобы присутствующие могли свободно пообщаться друг с другом. Все религиозное действо заняло чуть больше полутора часов.

На выходе меня догнала Наталья: «Ну как? У тебя есть вопросы? Давай поговорим, встретимся где-нибудь, может, в гости придешь? Я тебе за чашкой чая все-все расскажу. Ведь ты здесь не случайно оказалась. Бог направил тебя». Скорее, редактор. Хотя в своем деле, возможно, он бог, подумала я, усиленно мотая головой на предложения поделиться номером мобильного телефона. На помощь Наталье подоспела Марина. «Ну как? Тебе удалось покаяться?» - «Нет, я видела, она не покаялась», - ответила за меня улыбчивая Наташа. «И желания такого не возникло - покаяться? - недоумевает Марина. - Может, когда украла чего?» - «Да как-то бог миловал», - сказала я. «Может, подумала о ком плохо или еще какие грехи?»

«А кто основал вашу церковь здесь, в Вологде?» - вопросы начинаю задавать уже я. «Один канадец. Спал, бог во сне направил его в далекую Россию. Жил здесь. Времена были сложные, 90-е. Варил пельмени, в кастрюле плавали тараканы. Но он сумел здесь основать церковь. И нас теперь много. Вот расширяемся даже, скоро у нас будет еще одно помещение». - «А это здание в аренде?» - «Нет, в собственности. Оно было в полу-

разрушенном состоянии, привели в порядок». - «На какие средства община приобрела в собственность довольно большое здание в центре города?» - «На первых порах немного помогали канадские друзья, и мы усиленно молились. А второе помещение все вместе у бога вымолили. У нас здесь места не хватает уже. Триста человек церковь. Мы тут весело живем, приходи. И обязательно позвони на неделе».

«Зачем пастор призывает вас идти в народ? Ну, верите по-своему, и хорошо. Зачем других агитировать?» Марина недоуменно посмотрела на меня: «Если в человеке бог, он - как свечка. А свечу не ставят в темный угол или под кровать. Свеча должна светить всем. Вот так и мы ходим и рассказываем». - «А чем вы в жизни от обычных людей отличаетесь?» - «Я работаю в приличной фирме, - говорит Марина. - Мой начальник знает, что я христианка. Хорошо к этому относится: побольше бы таких работников. Христиане не уйдут с работы до конца рабочего дня, если начальник ушел пораньше. Никогда не прогуляют. Работаем мы честно». «А я в школе работаю», - после этих слов Натальи мне стало немного не по себе. Кто его знает, что может вложить в головы детям новоявленная христианка, на которой нет креста. Рука моя потянулась перекреститься, на всякий случай.

Тетрадь III. РОДИНА

Блокнот 1. ХОЖДЕНИЕ В НАРОД

ПАНОРАМНЫЙ СНИМОК

ДЕРЕВНЯ

Портрет сельского поселения

Ракурс I. МЕСТНОСТЬ

Среди лесов и болот, вдоль двух беспокойных рек - Двиницы и Шореги - расположилось сельское поселение Двиницкое. Оно раскинулось в трех направлениях - на Котлаксу, Коданово и Верховье.

Край, богатый грибами и ягодами, с отличными охотничьими угодьями. Однако грань между городом и деревней здесь тонка. Панельные трехэтажки и современные добротные домики соседствуют с типичными деревенскими домами. Двиницкое насчитывает около тысячи человек и тридцать деревень, включая центральную усадьбу деревню Чекшино. От центральной до самой отдаленной деревни - 21 километр. Большинство деревень разбросаны от Чекшино в радиусе трех километров. Не все из них жилые. Одни оживают к лету, когда туда приезжают дачники, от других осталось одно название: Окунево, Звегливец, Фалино...

В центральной усадьбе 620 человек. Здесь есть школа-девятилетка (около 70 учеников), детский сад (около 40 детей), амбулатория, дом культуры, почтовое отделение, несколько торговых точек. Треть коренных жителей живут в окрестных деревнях. Население Двиницкого довольно молодое: больше 400 человек - в возрасте до 35 лет. Выгодное расположение поселения на пересечении двух трасс, федеральной Москва-Архангельск и областной Чекшино-Тотьма-Никольск, делает его привлекательным во многих отношениях, в том числе и для дачников. Дома, выставляемые на продажу, недолго ждут покупателей.

Все деревни расположены по берегам упомянутых рек, вокруг богатые леса да болота, и это неподалеку от городов. До Сокола и Кадникова - рукой подать. До областного центра - 60 километров. Прекрасная диспозиция, согласитесь. Многие, проживающие в Чекшино и окрестностях, работают в Вологде, Соколе, Кадникове. Остальные трудятся в сельском хозяйстве (на племзаводе в Чекшино порядка 70 рабочих мест), на лесопромышленных предприятиях, автозаправочных станциях, в школе, в детском саду, в торговле.

Типичными деревнями повелось считать вымирающие и заброшенные населенные пункты, затерянные в глухомани, куда и на вездеходе не всегда проедешь, а Двиницкое совсем не таково. У него есть не только богатое прошлое, но и сносное настоящее, а главное - будущее, ведь надо верить в возрождение деревни. Вот почему мы выбрали Двиницкое как оптимальный объект для репортажа из деревни.

«В этом году у нас бум на земельные участки, - рассказывает глава поселения Татья-

на Орестовна Круглова. - В Котлаксе буквально все участки скупили. Причем новые дома строят не только заезжие дачники. Многие из местных берут участки под индивидуальную застройку. Молодые семьи строятся по программе развития села. Пять домов начинал строить племзавод, затем передавал дома участникам программы. Наши деревни не зарастают, а оживают».

Бюджет поселения складывается из двух источников: за счет дотаций, субсидий, субвенций областного бюджета и собственных доходов в виде налоговых поступлений от физических лиц и предприятий, зарегистрированных на территории поселения. Сюда же входят земельный и имущественные налоги, плюс арендная плата. Раз в год на совете сельского поселения семь народных депутатов делят бюджетный пирог, в течение года внося поправки. «В основном средства расходуются по статье «благоустройство». Это ремонт дорог внутри населенных пунктов, благоустройство их территорий, обустройство детских площадок, уличное освещение. Последнее - одна из самых затратных позиций», - говорит Татьяна Круглова.

Основные проблемы - те же, что и везде: дороги, колодцы, водоснабжение в целом. Чекшино получает воду из скважины. Из-за долгов населения энергетики то и дело грозят отключением электричества, а это значит, что большинство жителей рискуют остаться без воды. В деревнях же колодцы старые, многие требуют ремонта. Чтобы восстановить один колодец, поменять прохудившийся сруб на бетонные кольца, в среднем необходимо 70 тысяч рублей. Поэтому ремонт колодцев движется далеко не галопом. Что касается дорог, то центральная из них, ведущая от федеральной трассы к Чекшино, заасфальтирована. Остальные же - районного значения - грунтовые, в межсезонье пробираться по ним весело в кавычках.

СВЕЖО ПРЕДАНИЕ

Расцвет деревни пришелся на конец 18-го - начало 19-го века

В прошлом на территории Двиницкой волости располагалось 42 деревни. Самой крупной из них была (и осталась) деревня Чекшино. Первое упоминание о ней относится к середине 17 века.

Чекшино разрослось благодаря чрезвычайно выгодному географическому положению. Населенный пункт являлся узловой конно-почтовой станцией двух главных дорог северо-восточного направления - на Архангельск и на Тотьму. На этой станции проезжающие могли подковать или поменять лошадей, отремонтировать телегу в мастерской. В конце 18 - начале 19 века деревня процветала, здесь было довольно много зажиточных хозяев. В 1920-х годах в ней насчитывалось около 50 домов, действовало 3 магазина, существовала четырехлетняя начальная школа, библиотека, работал молокозавод, отправлявший продукцию на Сухонский комбинат.

В 1928 году в Чекшино открылась кружевная артель, объединявшая 12 сельсоветов. Мастерицы трудились на дому и дважды в месяц отвозили продукцию в Вологду. Местные кружева слыли гордостью всей Вологодчины, их качество отмечалось золотыми медалями даже на выставках за рубежом (в Париже, Брюсселе). Первые колхозы на территории Двиницкого сельсовета появились в 1930 году, в их числе - хозяйство «Чекшинец» (впоследствии его несколько раз переименовывали - в «Красную Звезду», в «Новую жизнь»). Оно было очень скромно обеспечено в техническом плане, имелись только конные сеялки и жнейка. Работники не получали зарплат как таковых. Оплата по трудодням выдавалась им пшеницей, льном, капустой.

В 1935 году деревня пережила трагедию - сильнейший пожар. Он случился, когда все находились на заготовке леса. Сгорела контора с документами, жилые дома, здания почты, школы. С 1936 году Чекшино потихоньку начало отстраиваться заново. В военную пору все здоровые мужчины ушли на фронт: около 600 человек; 365 погибли. Девушки и женщины трудились в колхозе. Некоторые выучились на трактористок в Кадниковской МТС. Колхозницы и их дети голодали, питались крапивой и клевером.

В 1961 году из нескольких колхозов создали хозяйство «Союз». Специализировалось оно преимущественно на производстве свинины. В это время деревня снова стала жить получше, в ней появились новый сельмаг, столовая. В 1975 году открылась восьмилетняя школа. В 1977 году приказало долго жить старейшее двиницкое предприятие - молокозавод. В последние годы существования Советского Союза сельсовет уже нельзя было назвать вполне благополучным. Крупное строительство в нем больше не велось. Начатое

было здание клуба так и осталось без крыши, потом его разобрали на кирпичи. Многие деревни окончательно перестали существовать. Этот процесс начался еще во время укрупнения колхозов и ускорился из-за отсутствия приличных дорог.

Ракурс II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ УСАДЬБА

ДЕТИ ЛЕГКО УСВАИВАЮТ, ЧТО ТАКОЕ СОВЕСТЬ И СТЫД

В Чекшино находится двиницкая основная школа. Сюда каждое утро спешат дети со всего поселения. Кто-то идет пешком, благо большинство окрестных деревенек располагаются довольно близко, кого-то привозят на машине родители.

Школу посещают более 70 ребят. Классы - маленькие: по 5-11 человек. В кабинетах уютно - много творчески оформленного наглядного материала, комнатных цветов. Директор Валентина Николаевна Герасичева призналась, что школа болезненно переживает оптимизацию. Ради сбережения лишней копейки приходится отказываться от услуг социального педагога и библиотекаря. В штате около двадцати учителей. В 2010 году закрыты продленные группы, к большому огорчению родителей. Было удобно оставлять детей под присмотром и знать, что их хорошо накормят - в столовой делают такие вкусные обеды, что мальчики и девочки иногда ставят повара в пример своим мамам.

К реформам, касающимся модернизации процесса преподавания, чекшинские учителя относятся без особой тревоги. Предмет с угрожающим названием ОРКСЭ, вызвавший бурные дискуссии в городских учительских кругах (мол, не будет ли он разжигать национальную рознь, ущемлять свободу вероисповедания и т.п.), в Двиницкой школе вошел в расписание вполне органично. Пять ребят, которым выпало право первыми осваивать своеобразную дисциплину, единогласно решили знакомиться со светской этикой. Они восприняли ее очень адекватно. Сельские дети легко усваивают такие понятия, как «совесть», «стыд», «ответственность». «Представляете, какие случаи бывают - один мальчик на переменке пнул кого-то, а потом сам пришел ко мне, признался, что поступил плохо, и извинился. Видно, светская этика на пользу пошла», - рассказывает директор.

На оплату сверхурочной деятельности средств не хватает, но коллектив продолжает заниматься ею. Скажем, муж Валентины Николаевны, физкультурник и трудовик Алексей Николаевич Герасичев, ведет для детей секцию по волейболу. Он же, не жалея личного времени, тренирует и взрослых односельчан. Многие педагоги участвуют в программах местного клуба и библиотеки. Например, Любовь Борисовну Расторопову земляки знают как поэта и активиста. Сельский учитель - уважаемый человек. Этому званию надо соответствовать. Бывает, сельские педагоги пробуют поискать счастья в другом деле, устав от обидных зарплат и большой нагрузки. Но через некоторое время они возвращаются в профессию. Супруги Герасичевы пытались поработать на заправке, но вернулись на круги своя. Душа за школу болела. «Теперь мы детей своих бывших учеников уже растим. Иногда посмотришь - ну копия папы или мамы! И отметки получает такие же», - смеется Алексей Николаевич.

ТИЛИ-БОМ

«Тили-бом, тили-бом, собираем все кругом», - по призыву воспитателя дошколята быстро собирают игрушки в группе и готовятся к занятиям. Через год-другой они пойдут в школу, а к ней надо основательно готовиться.

Занимаются ребята за партами. Воспитатель Светлана Петрова начинает занятие по развитию речи. Показывает картинки и предлагается назвать, что на них изображено. «Ребята, знаете, это кто?» - «Орел», - хором отвечают дети. «Давайте прохлопаем в ладоши, чтобы узнать, сколько частей в этом слове». - «А-рел, - дружно скандируют малыши. - Два». - «Чтобы убедится в этом, поднесем ладошку к подбородку, еще раз произнесем. Сколько раз подбородочек коснулся руки? А теперь попробуем попрыгать. Сколько раз подпрыгнули? Два. Значит, в слове два слога. А это что?» - «Свекла. Ой, нет, редиска». - «Это редис, некоторые называют его редиска. Так какое слово вначале разберем: редис или редиска?» Дети весело разбивают на слоги еще несколько слов, и педагог приглашает их на физкульт-минутку.

В день у самых старших воспитанников бывает по три занятия. Особенность сельс-

кого детсада в том, что группы в нем разновозрастные. Здесь три группы, посещаемые малышами от полутора до трех лет, от трех до пяти и от пяти до семи. В таком делении есть плюсы и минусы. Положительный момент - младшие тянутся за старшими, что помогает в развитии. Воспитателю ни на минуту не удается присесть. Поговорить удается урывками. «В числе игр детям по душе народные и подвижные - прятки, догонялки». В них играют во время прогулок. В группе воспитатель старается вовлечь детей в ролевые игры. «Я буду солдатом», - говорит один из мальчишек. «А кто, ребята, будет в больнице работать, вдруг солдата ранят?» Желающие оказать медпомощь бравому защитнику родины находятся моментально. «А я хочу на машине «скорой помощи» работать». - «А кто будет милиционером-регулировщиком? Кто хочет за порядком на дороге следить?» - в игру вовлекаются новые лица.

«Вся моя жизнь - работа, - говорит Светлана Валентиновна, более 20 лет отдавшая этому детсаду. - Работа интересная. Каждый день придумываешь что-то новое. Каждый день жду встречи с детьми, а они со мной». В прошлом году она участвовала в областном конкурсе методических пособий. На конкурс представила разработанный ею цикл бесед со старшими дошкольниками по вопросам пожарной безопасности. Воспитанники Петровой с помощью игр «Огонь», «Пожарные» изучают основы пожбезопасности. Она также ведет кружок «Светофорики», где изучаются правила дорожного движения. «Когда у ребенка светятся глаза, ты понимаешь, что твои усилия не напрасны».

«Все воспитатели имеют большой стаж и первую категорию. Коллектив стабильный, творческий», - рассказывает Ольга Павловна Макаровская, заведующая садом, 28 лет работающая здесь. В садик ходит около 50 детей. Ребятня постоянно участвует в различных конкурсах, как-то: «День здоровья», выставка «Дары осени», конкурс снежных фигур. В садике ведутся различные кружки, например, «Муравейник» (экологическое воспитание), «Цветные ладошки» (изобразительное искусство). Ребята охотно возятся на приусадебном участке, дополняя меню огурцами, морковью, свеклой, капустой, кабачками.

Каждый воспитатель вносит что-то свое в занятия с детьми. Марина Александровна Поздеева ставит с ребятами спектакли. Татьяна Васильевна Грахничева ведет экологию. Материалы по экологическому воспитанию детей, собранные Грахничевой, вошли в сборник, посвященный опыту работы сокольских детских садов. «Все педагоги артистичны, отлично справляются с любой ролью. Утренники в саду и представления всегда проходят на ура, - говорит заведующая. - Главное в воспитании - индивидуальный подход, любовь и потребность дарить тепло своего сердца. У всех наших педагогов это есть».

Оптимизация не прошла незаметно. Пришлось сократить ставки социального педагога, младшего воспитателя, в результате чего возросла нагрузка на остальных. «Очень хотелось бы, чтобы в штате был психолог, обязательно - логопед, потому что многие дети имеют нарушения речи, а не у каждого родителя есть возможность возить ребенка на занятия в Сокол», - говорят о наболевшем воспитатели. Родители охотно участвуют в жизни детсада. Местные предприниматели никогда не отказывают в помощи. Благодаря такой поддержке в саду появилась новая стиральная машина-автомат, стеклопакеты, построена новая веранда.

ЧИТАТЕЛИ ПРОСЯТ ПРАВДИВОГО

Елена Сергеевна Воробьева работает библиотекарем больше тридцати лет. Она очень трепетно относится к печатному слову и верит, что никакое электронное устройство не заменит книгу.

Фонд чекшинской библиотеки не скуден: всевозможные справочники, учебники, поэзия, проза, как классическая, так и современная. Ежегодно на стеллажах появляются новые тома. Гости в сокровищницу знаний заглядывают разные. Дети, к сожалению, обращаются сюда нечасто и спрашивают преимущественно то, что требуется для учебы. Студенческая молодежь обычно берет вузовские пособия - по психологии, экономике, праву. Основная категория любителей книг для души - женщины среднего и старшего возраста. Был период, когда в девяноста процентах случаев они интересовались детективами и сентиментальными любовными историями. «Постепенно, слава богу, стали от этой ерунды отходить, - рассказывает Елена Сергеевна. - Теперь многие хотят почитать что-нибудь жизненное, правдивое, причем желательно про наши дни».

Неизменной популярностью пользуется периодика. Знакомиться с нею удобно, по-

тому что любые издания свободно выдаются на дом. Хозяйки помоложе особенно охотно листают журналы по дизайну участка, домоводству и выращиванию цветов, а вот пенсионерки предпочитают из прессы «Православную беседу». Дабы расширить кругозор односельчан, библиотекарь совместно со своей коллегой Натальей Александровной Дементьевой постоянно оформляет оригинальные выставки - «Район в годы войны», «Вологодские просторы», «Автограф на память», «Пожелтевшие страницы».

Елена Воробьева обычно сама становится первым читателем поступающих книжек. Она стремится получить представление о всех приобретениях не только из природной любознательности, но и для того, чтобы давать желающим консультации по выбору произведений. Привлечению посетителей способствуют мероприятия, проводимые в просторном светлом зале. Например, малышам из детского сада надолго запомнилась беседа о земноводных, ребята узнали забавные факты из зоологии и полюбовались коллекцией игрушечных лягушек, которую ведущие предусмотрительно позаимствовали у одной соседки.

Школьников библиотекари стараются подключать к поисковой деятельности. Все собранные данные бережно сохраняются. Музея в деревне нет, профессионально изучать историю края пока некому, поэтому труд активистов по исследованию малой родины чрезвычайно ценен. Приезжие дачники могут ознакомиться с работами о прошлом поселения, о судьбе Троицкого Двиницкого храма. Любопытнейшие сведения содержатся в записях о творчестве местной частушечницы Валентины Павловны Ивановой из деревни Вязовое. Сельская интеллигенция любит литературные вечера, организуемые Еленой Сергеевной и Натальей Александровной. По их приглашению в Чекшино приезжают талантливые стихотворцы и барды из разных районов области. Давно замечено - после подобных неофициальных концертов зрители уходят из библиотеки с горячим желанием сделать что-то хорошее и бескорыстное.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ

Незадолго до перестройки в Двиницком сельсовете заложили фундамент нового ДК. Хорошее дело не удалось закончить. Дом культуры располагается в старом здании, сданном в эксплуатацию полвека назад.

Деревянная избушка, в которой тесно, а зимой вдобавок холодно, не особенно годится для массовых мероприятий, но сотрудники учреждения не унывают, ведь их услуги остаются востребованными несмотря ни на что. Клуб в деревне, как и почта, - организация многофункциональная. В главном зале проводятся концерты, дискотеки, киносеансы. Эта сцена хорошо знакома ансамблю ветеранов «Северяночка» и детскому танцевальному коллективу «Очарование». Оба объединения действуют при клубе, время от времени выезжая выступать в окрестные деревни, а также в Сокол.

По большим праздникам развлекательные программы проводятся на улице, в центре Чекшино. Встречать Новый год на детской площадке вместе с соседями и друзьями - добрая местная традиция. В роли артистов выступают самые активные. Директор дома культуры Светлана Денисова рассказала, что у ДК есть верные друзья-энтузиасты - Светлана Егорова, Марина Поздеева, Алексей Герасичев, Анжела Костромина, Анатолий Кузнецов, Любовь Расторопова. В селе устраиваются вечера для тех, кому за тридцать, дискотеки для юного поколения, правда, с дискотеками стало сложнее после введения «комендантского детского часа».

Возможность показывать в клубе кинокартины появилась после приобретения проектора. Светлана и ее коллеги получают DVD-диски из сокольского отдела культуры. Особенно востребованы документальные фильмы и экранизации классических литературных произведений, дополняющие школьную программу. Пользуются спросом и мультики, их очень любят малыши. Тот же проектор позволил изобрести своеобразный вид познавательного мероприятия - показ презентаций. Работники ДК находят материал по той или иной интересной теме, оформляют его на компьютере и представляют на суд публики. Пример - презентация о земляках-участниках войны. «Ой, а ведь это наш дедушка!», «А это - мой!» - растроганно комментировали зрители, узнав на слайдах своих родственников.

Самый уютный уголок клуба - комната отдыха. В ней репетируют выступающие, встречаются за чашкой чая гости. Рядом - уголок для любителей физкультуры. Здесь стоят велотренажер для женщин и тренажер со штангой для мужчин. Пока и тем, и другим

устройством почему-то пользуются только представительницы прекрасной половины человечества. Особенно охотно дамы начинают ухаживать за фигурой осенью, после завершения огородного сезона. В этом же помещении располагается и костюмерная. Часть костюмов хранится также в кабинете директора. Наряды для клуба шьет закройщица, приезжая в Чекшино раз в месяц. У сельского ДК есть одно бесспорное преимущество перед аналогичным городским учреждением - оно ближе к людям. Здесь можно собрать аудиторию, пригласив каждого индивидуально.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Заведующая амбулаторией Галина Ковалева пользуется в поселении непререкаемым авторитетом. В амбулатории было тихо. Около пяти вечера. Галина Борисовна оформляла какие-то бумаги. Пришлось ее отвлечь.

«Одна работаю. Моя коллега ушла на пенсию. И мне бы тоже пора, я тридцать восемь лет здесь уже, но не на кого оставить поселение. Молодежь сюда работать не идет, тяжело». - «Вы и по деревням на вызовы выезжаете?» - «Двадцать шесть населенных пунктов, радиус семнадцать километров. Слава богу, есть машина - хорошая, проходимая. Выиграли ее по областному конкурсу «Здоровье вологжан» в 2006 году за обслуживание сельского населения. Иначе бы пешком везде ходила». - «В каком режиме проходит ваш рабочий день?» - «С восьми я здесь, делаю процедуры, принимаю тех, кто обратится. Человек по двенадцать бывает. Прививки людям делаю, по вызовам выхожу, за школу отвечаю. Сегодня вот наведывалась в детский сад, делала проверку на гельминтов, потом в трех деревнях была». - «И совсем маленьких детей, грудничков, осматриваете?» - «Конечно. Малышей до года в поселении шестеро». - «Наверно, вам и по вечерам домой звонят?» - «Звонят». - «Как с лекарствами?» - «Лекарства привозят дважды в неделю по заявке населения. Она так и называется - «заявка населения», но составляю ее я. Я сама выписываю рецепты, делаю уколы и знаю, что нужно заказывать для людей». - «В каком состоянии оборудование?» - «Оборудование для физиопроцедур у нас рабочее. Есть ростомер и электронные весы. На конкурсе выиграли шкаф для стерилизации материала».

В кабинете висит множество дипломов и грамот. А на входе вдоль лестницы - множество познавательных плакатов, и печатных, и нарисованных от руки: «Депрессия - болезнь или слабость характера?», «Откажись от курения», «Планирование семьи», «Школа молодой мамы». «Плакаты своими руками делаете?» - «Приходится. Профилактика тоже на мне. Провожу учебы по оказанию первой медицинской помощи на предприятиях, беседы в школе о вреде алкоголя и курения». - «Как у вас в Двиницком с вредными привычками?» - «Пьют в России везде, и у нас пьющие есть. Мужчины курят многие. Женщины тоже курят, даже иногда во время беременности. Наркомании - тьфу-тьфу-тьфу - нет». - «Здоровый образ жизни не в моде?» - «Почему же? Весьма многие осознанно физкультурой увлекаются. Есть волейбольная секция, дети в футбол играют. Зимой - каток. Я сама даже иногда бегаю вокруг школы, чтобы быть в форме». Разговаривая, Галина Борисовна заполняла какой-то документ. «Бумажной работы очень много! - пояснила она. - Столько документации, что страшно. И дома с этими бумагами возиться придется, их на компьютере надо оформлять, а в амбулатории компьютера нет».

ПОЧТОВАЯ КАРАМЕЛЬ

Отделение почтовой связи Двиницкого поселения располагается в скромном, но ухоженном домике на улице Ветеранов. Изнутри помещение оформлено вполне современно, в евростиле. Из общего дизайна выбивается только печка.

Начальник отделения связи Надежда Евгеньевна Поздеева говорила по телефону: «Надя, карамель нужна. Сухари есть, печенье тоже. Супов пачек тридцать положи. Календарями вы и так нас завалили - хоть по пять штук в каждый дом предлагай. Полуторки спальное пять штучек возьмем, двуспалки три. Жакетов можно, да. Расцветки-то красивые? А платочков шерстяных нет? У нас платочки спрашивают». Почта активно выполняет функции дополнительной торговой точки. Здесь продаются не только конверты, газеты и журналы, но и прочие полезные в быту вещи - как продукты, так и кое-что из одежки. Возле печи стояло несколько мешков сахарного песка и муки, при каждом имелся ценник. «В последние годы нам приходится предоставлять населению очень много

услуг, изначально почте не свойственных, - пояснила начальник отделения. - Иначе не выжить. Еще мы выполняем все функции сберкассы, которую закрыли лет пять назад. Принимаем налоги, коммунальные платежи. Этой осенью начали брать платежи по линии судебных приставов».

«А вот у вас интересное объявление о фотоуслугах...» - «Да, это тоже есть. Печатаем фотографии». - «Сами, здесь?!» - «Слава богу, нет. Отправляем заказы через Сокол в Ярославль». - «И интернет у вас, должно быть, имеется?» - «Да. Но им не многие пользуются, чаще люди среднего возраста». - «Сколько у вас почтальонов?» - «Два. Молодая девушка и женщина предпенсионного возраста». - «Какой у них график работы?» - «Они три дня в неделю разносят корреспонденцию - письма, газеты, а также пенсии, денежные переводы». - «Пешком по деревням?» - «Да. Обход начинается с Чекшино, а там каждая идет по своему направлению. Своего почтальона в деревнях знают, ждут». - «С тяжелой сумкой по проселочным дорогам... Сколько, если не секрет, зарплата у них?» - «Две тысячи». - «Много ли народ выписывает периодических изданий?» - «Меньше, чем раньше. В основном - районную газету да областную. Кое-кто выписывает женские и детские журналы». - «Письма отправляют часто?» - «Когда двадцать пять лет назад я пришла сюда работать, письма пачками лежали. Сейчас такого нет. Дети родителям мобильники купили. Телеграммы тоже отходят, их посылают по две-три в месяц, в основном поздравительные». - «Вижу, вы и лотерейные билеты продаете... Бывали по ним выигрыши?» - «Случались. Помню, одна клиентка взяла последний билетик, а он призовым был - получила пять тысяч рублей».

ЕСТЬ КРОВАТЬ + МАТРАЦ

Было часов десять утра. Мы возвращались в центральную усадьбу. Посреди дороги в деревне Петровской стоял автофургон, возле него толпилось несколько человек. Оказалось, в деревню приехал магазин. Торговля шла резво.

«Так, держите кефир. «Снежка» сегодня не надо?» - «Нет пока. А килька есть? Давай, Лена, мне еще кильку». - «С вас двадцать шесть семьдесят шесть», - отщелкала продавщица на деревянных счетах. Внутри фургона в аккуратных картонных коробках были разложены нехитрые продукты - консервы, хлеб, молоко, конфеты, печенье. Елена работала умеючи. Сразу видно, она знает гастрономические пристрастия своих клиентов. Когда очередной покупатель начинал в глубоких раздумьях оглядывать коробки с продуктами, она заботливо предлагала как раз то, что ему было нужно: «Пирожка не надо?» - «А как же, надо! И тебе, Валя, наверно?» - оглянулась пожилая женщина на соседку. «И мне! Возите больше пирожков. В субботу обязательно привозите, у меня гости будут». - «Сами-то что ж не печете?» К очереди присоединилась молодая мама с коляской, в которой восседал круглощекий малыш. «Ой, Артемий-то у нас! Здравствуй-ка, Артемий!» - разулыбались бабушки.

Мы пошагали дальше. В центре Чекшино красуется вполне презентабельный магазинчик, который, судя по вывеске, принадлежит райпо. Просторный зал. С одной стороны на полках лежала всяческая снедь, с другой в витринах можно было увидеть разнородные полезные предметы от DVD-диска до пачки обойного клея. Неподалеку от входа стоял автомат для оплаты услуг мобильной связи. У промтоварного прилавка мы пообщались с заведующей. «Сколько в поселении постоянных мест торговли?» - «Три. Наш магазин и два - частных предпринимателей». - «Вы продаете и продукты питания, и бытовую химию, и канцтовары... А чего же у вас нельзя купить?» - «У нас нет одежды. Обуви нет». - «А где в поселении можно приобрести ту же обувь?» - «Нигде. Люди за ней в город ездят. В городе обычно покупают и какие-то серьезные вещи, например, телевизоры. Впрочем, некоторые виды бытовой техники мы привозим по заказу. Доставляем и мебель». Действительно - на дверях висело объявление: «Имеются в продаже: кровать + матрац, кровать с ящиками + матрац, кровать двухъярусная + два матраца».

«Какие товары наиболее популярны?» - «В сезон - удобрения, саженцы, семена. Стройматериалы хорошо расходятся - гвозди, рубероид». - «Записываете ли вы продукты в долг?» - «Бывает. Мы же всех знаем - кому можно верить, кому - рискованно». - «Сколько у вас продавцов?» - «У нас девять сотрудников». - «Зачем так много?» Выяснилось, что такой штат нужен, чтобы было кому торговать по деревням. Фургон, который нам довелось увидеть, принадлежал райпо. «Возим товар в трех направлениях - на Вязовое, на Мишуткино и на Глебово. За неделю в каждую деревню наведываемся дважды.

Мы меняемся. Кто-то работает в Чекшино, кто-то на машине, потом наоборот». - «Света у нас хорошая», - подошла покупательница, заслышав наш разговор. «Земляки вас ценят. А бывало, чтоб «Книгу жалоб» кто-нибудь требовал?» - «Однажды. Этим летом, в сильную жару, народ написал, что нужно в магазин кондиционер поставить».

Ракурс III. СУДЬБА

СТАРОСТЫ

Ключевой фигурой на деревне, к кому люди шли со всяческими проблемами, прежде был староста. Он поднимал злободневные вопросы на сельских сходах. В Двиницком такой обычай сохранился до сих пор.

«В каждой деревне есть человек, с которым мы держим связь. К сожалению, сейчас редко проводим сходы, в основном общаясь по телефону с представителями деревень», - рассказывала Татьяна Круглова, глава поселения, когда мы отправились в Вязовое, к председателю местного совета ветеранов Александре Михайловне Плутиковой, являющейся к тому же старостой деревни. Дорога в Вязовое лежит через Петровское. Между этими деревнями не больше километра. Раньше в Петровском был магазин, начальная школа. От нее осталось старое здание да небольшая аллея. В Вязовом располагалась животноводческая ферма, где трудились 170 человек. В основном там проживал люд, занятый в сельском хозяйстве.

Когда в 2006 году в Чекшино ликвидировали свиноводческий комплекс, коров из Вязового перевели в центральную усадьбу. В новом хозяйстве нашлась работа лишь для семи десятков человек. Поэтому люди в этой деревне до сих пор считают себя ущемленными. В свое время они заехали в новое жилье. Сейчас оно нуждается в капитальном ремонте. Все дома в Вязовом расположены вдоль грунтовой дороги. Здесь много муниципального жилого фонда. Вот, например, двухквартирные домики.

Как только фермы в Вязовом не стало, отпала необходимость в содержании скважины, и до сих пор проблема с водоснабжением здесь до конца не разрешена. «Мы отремонтировали один колодец, вырыли второй, но все равно люди, привыкшие к колонкам, не очень довольны. Содержать скважину очень дорого».

Общественная нагрузка

Проблемы родной деревни Александра Плутикова знает не понаслышке. «Проблем у нас хватает. Надо было колодец вырыть - решили этот вопрос. Потом требовалось пруды почистить - сделали, - перечисляет староста. - Площадку детскую просили, много детей бегает, а тут дорога рядом. Начали делать. Плот у нас есть на реке, это тоже больной вопрос. Весной вода быстро поднимается, уносит плот. У нас более 70 человек живет, в основном пожилые. Восемь школьников. Дачников практически нет. В квартиры, которые освобождаются, в основном внуки, родственники приезжают. Дачники больше предпочитают Козлово, Шадрино».

Окна дома Александры Михайловны выходят на новую детскую площадку. Когда-то здесь сгорел дом. Пожарище убрали, разровняли площадку, засыпали песком и начали обустраивать детский городок всем миром. Долго уговаривать никого не пришлось. В планах - волейбольная площадка. Александра Плутикова, как уже замечено, к тому же возглавляет совет ветеранов Двиницкого. Ей и присесть некогда. В ветеранской организации 162 человека. Тех, кто не выходит из дома, навещает на дому. Общественной нагрузкой называет она свои хлопоты.

Соберутся ветераны и давай прошлое ворошить. Не удержавшись, староста вспомнила юность: «Родилась я здесь, в Коданове, тут же училась в начальной школе. Потом в Чекшино восемь классов окончила, а потом в Кадников ходила пешком на учебу. Как в Чекшино учились, жили в общежитии - простой дом, разделен на три комнаты и коридор. Нас было там человек 30. Подростки все, класс пятый-шестой. Нас одних оставляли ночевать, и никаких происшествий не было. Поначалу даже воспитателей не было. Напихают нас, как в бочке сельдей. Сами картошки накрошим, у всех чугунки на два, на три человека. Печку нам Люся Белоусова поставит. Придем, поедим, и все чем-то занимались. А вот сейчас бы оставить молодежку 30 человек, да что бы и было, ужас! Спали по двое на одной кровати. Это было году в 55-м, 56-м. В Кадников ходила из Коданово. Коданово - самая дальняя местность, шесть человек там осталось. Восемь километров надо до Чекшино идти, потом до Кадникова еще 22. Итого тридцать. Там и оставались на

всю неделю. С Коданово я одна ходила. А отсюда человек еще 15-20 шло. Раньше было проще, потому что в Кадникове был интернат для учащихся, а сейчас ежедневно детям надо переезжать. Автобус ходит дважды в день на Сокол».

Ветераны собираются, однако, не только для того, чтобы ворошить прошлое. Они активизируют общественную жизнь поселения. Выходят на субботники, поют в местном хоре, участвуют в конкурсе «Ветеранское подворье». «Откуда, Александра Михайловна, силы берутся?» - «Вроде сходишь куда, поговоришь с людьми, и легче становится», - развела руками староста.

Котлаковский гармонист

В другом направлении - на Котлаксу - есть свой староста, Николай Васильевич Дементьев. Он зорко следит за тем, чтоб в деревне соблюдались испокон веков заведенные обычаи. В Котлаксе строятся новые дома, староста настоятельно рекомендует новоселам чтить традиции: «Смотрю, чтобы бани были на задворках. У нас принято, чтоб по переду дому вся красота была - палисадничек, чтоб красивая деревня была». Следит он и за соблюдением пожарной безопасности: «Обстановка какая? Лето жаркое - трава сухая. Зажгут - не успеешь охнуть, как загорит. Мы люди старые, всего остерегаемся».

К заглянувшей в его дом главе поселения сразу ворох вопросов: «Что, Татьяна Орестовна, насчет прудов-то?» - «Придется подождать. До сих пор еще трактор не отремонтирован». - «Не отремонтирован. Я Сережку-то уж спрашивал дня три». В поселении повсеместно начались работы по очистке прудов, до Котлаксы, по техническим причинам, рабочие не добрались. «Проблема сейчас - это дрова. Надо как-то просить деньги или делянку чтоб дали». - «Если будут заявления и желающие, вопрос можно с лесхозом порешать. Просто не все сейчас берутся за заготовку».

Николай Васильевич, всю жизнь проживший в этих краях, дрова заготавливает на зиму самостоятельно, при помощи своей техники. В этом ему помогают дети. Их у ветерана семеро. Все уже взрослые, у каждого своя семья. «Внуков у меня 14, у каждого свои дети, по двое. На каждого внука посадил по кусту смородины. Уж и правнуки у меня есть. Семья дружная, приезжают. Как не приезжать». У ветерана огромный добротный дом, рассчитанный на большую крестьянскую семью. Несмотря на преклонный возраст, староста огородничает, занимается пчеловодством. «Раньше пчел-от у меня много было. Да тут маленько засеяли поля, никто не знал, что их опрыскали. Пчелки мои и схватили. Ну, ничего, дело-то такое наживное. Ведь они роятся каждый год. Натычут в другой раз меня, дак что? Всякая работа нужна. Иной раз не больно завидная, но делать-то надо. Вообще же все сейчас есть, дак только живи. А умирать неохота».

А под настроение Николай Дементьев берет в руки гармонь. «Как не брать-то, еще и не одна гармонь у меня. Вот только клапан отлетел один, придется ремонтировать. Девять было мужиков нас таких, все другой раз и «бездельничали». У каждого была своя игра, в Котлаксе своя, котлаковская».

Раньше в Котлаксе был свой магазин, теперь дважды в неделю сюда приезжает автолавка. Сейчас здесь постоянно проживают 16 человек. В прежние времена, вспоминают старожилы, было 62 двора. А вокруг тишина. Слышен шум листвы, журчание Двиницы. Строящиеся дома в округе вселяют надежду на возрождение деревни.

ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ

Голубь по священному писанию - вестник новой жизни, символ кротости и неразрывной привязанности. Именно эта птица принесла в Ноев ковчег зеленую ветвь, тем самым сообщив скитальцам, что они опять могут ступить на твердую землю.

Владимир Ершов родился в городе Йошкар-Ола республики Марий-Эл. Вся молодость нашего героя прошла в командировках. Объехал полстраны, работал монтажником, водителем. Дома Владимира ждала семья, но счастливая совместная жизнь с первой женой не складывалась. Когда двое сыновей подросли, мужчина почувствовал, что, пожалуй, у него есть право поискать личную судьбу вдалеке от них. В 2002 году Ершов прибыл в Вологодскую область - в Двиницком поселении строилась автозаправка. В Чекшино ему довелось познакомиться с замечательным человеком, Маргаритой. Маргарита к тому времени тоже вырастила двух детей, дочерей, и была одинока. Последовали встречи, прогулки, потом - долгие телефонные диалоги... В конце концов Владимир купил билет и сообщил своей избраннице, что скоро вернется к ней - насовсем.

Божья птица

Жизнь шаг за шагом вошла в иную колею, новосел трудоустроился на лесопромышленное предприятие, освоился, перезнакомился с соседями. Однажды Владимир вспомнил о своей давней страсти: в детстве он разводил летных голубей, доставшихся от старшего брата. Несколько пернатых красавцев были привезены в Чекшино и устроены в гараже. При первой же возможности их хозяин поставил на огороде настоящую голубятню. «Меня в город сейчас танком не загонишь! Суматоха там. Как по делам в областной центр съезжу на день, так потом голова раскалывается. В деревне народ особенный. Сколько по стране покатался, нигде больше такого не видал: спокойные, открытые, поддержать всегда готовы. Например, когда голубятню делал, я попросил мастера Гурия Бараева помочь, человек не отказал. Сделал идеально, каждый миллиметр подгоняя».

О себе говорил с явным стеснением, но как только речь зашла о хобби, оживился. «У меня сейчас около восьмидесяти питомцев будет. Турманы, павлинчики. Разные. Голубей ведь много видов существует, более трехсот. Тут целая наука». Подошел к шкафу, достал несколько книг о голубях. Похвалил одну из них, самую старую и потрепанную. «Когда люди начали разводить этих птиц?» - «Да еще при египетских фараонах, а то и раньше. Сколько литературы читал - нигде точно не указывается, откуда голуби взялись». О ногу хозяина потерлась уютная кошечка. «Она не охотится на ваших любимцев?» - «Фрося-то? Нет. Раз шуганул - больше не совалась, понятливая. Но с чужими кошками воевать приходится. Есть у меня и кроме кошек враги - ястребы. В прошлую зиму они восемнадцать голубей погубили, в основном - молодых. Старые-то поумнее: едва хищника завидят - сразу людям в ноги падают, а молодежь вверх рвется, улететь пытается. Разве же от него, бандита, улетишь? Ух, если бы ястребов этих в Красную книгу не занесли, я бы их... Чучел бы из них наделал, вот что». - «Как отреагировала деревня на ваше увлечение?» - «Поначалу меня каждый второй спрашивал: «Ты чего голубей разводишь? Ешь их, что ли? Или на яйца?» До чего обидно было - не высказать. Это ж божья птица, неужели в голову может такое прийти - ее съесть!»

Суженые

Маргарита хлопотала на кухне. Потом тихонько вошла в комнату и присела рядышком на диван. «Молодец, - приобнял ее муж. - Ни разу не было, чтобы на меня из-за голубей фыркнула. Другая бы на ее месте обязательно ворчала. Я ведь денег на корм много трачу. Зерно подорожало. Раньше шесть мешков за восемьсот рублей покупал, теперь два за девятьсот. Стройматериалы опять же... У Риты в душе к птицам что-то есть, ей-богу. Когда уезжал на пару дней - ухаживала вместо меня, заботилась». - «Только неладно наделала - яичко на полу валялось упавшее, так я его выкинула. Надо прибрать было, - пристыжено вспомнила женщина и добавила, нежно глядя на супруга: - Вот уж Володе так точно душу отдать голубям не жалко. Все им готов снести. Как-то с вечера гороховый суп сварить собралась, утром смотрю - гороха дробленого нет. Утащил! Потом еще гречку упер...» - «Им ведь разнообразие надо. Ишь - гречка! Голуби, между прочим, гречку твою и есть не стали, - беззлобно отмахнулся Владимир. - Ладно, сама ведь и не сердишься вовсе. Знаете, однажды я у жены батон своровал. Взрослым голубям батон не полезно, я для птенцов взял. Она поняла, но ни слова не сказала. А потом смотрю - батоны по два, по три стала покупать. Купит - и на подоконник выложит, чтоб подсохли. Правильно: сухие крошить лучше».

Постороннему человеку не полагается заглядывать на голубятню, но Владимир Ершов сделал исключение. Мы вышли из квартиры и направились к огородам. Нижний этаж деревянного сооружения напоминал сарайчик. В нем оказалось темновато. Внутри тревожно захлопали сразу несколько пар крыльев - белых, рябых, коричневых. «Тихотихо... Ну что вы перепугались? - заворковал Владимир. Быстрым осторожным движением он подхватил в ладони пестрого голубя и улыбнулся: - Видите, какое чудо получилось несуразное? Нечистокровный. Я за породой следить перестал. В Вологде голубятники разводят птиц на продажу, поэтому малышей, появившихся от случайной пары, убирают. А у меня рука не поднимается. Жалостливый сделался под старость». В уголке сидел розовый сморщенный птенчик. «Крохотный какой... Выживет?» - «Постараюсь выходить. Некстати, конечно, родился - осенью и зимой им выжить трудно». - «Ой, у вас иконка в голубятне?!» - над окошечком висел маленький образок. - «Троица. Повесил по совету знакомого батюшки, когда в холода голуби болели». - «У голубей в стае присутствует какая-нибудь иерархия?» - «Есть хозяин голубятни - старейший. Они стариков очень уважают. Туда, куда бывалый голубь захочет сесть, юный ни за что не сунется, не

потеснит. Голубок они всех, будто своих, оберегают. Но пары - постоянные, как у лебедей».

Мы поднялись и на второй этаж, открытый. «Погонять голубей охота, - вздохнул Владимир. - Люблю, когда они летают». Он незаметно сделал какое-то движение, и вдруг пернатые взмыли вверх и закружились. «Часто их в небо поднимаете?» - «Летом и весной, когда ястребов поменьше, часто. Девятого мая выпускаю голубей над памятником погибшим солдатам - традиция у меня такая». Засмотревшись на голубей, Владимир чуть было не опоздал на работу. Он заспешил по делам, а мы еще долго сидели с Маргаритой за чаем. «Я в девках себе на суженого гадала на угольках, - рассказывала она. - Выпало мне имя «Вова». Первого мужа иначе звали. И вдруг спустя столько лет мой Владимир появился...»

ИЗ КОРЕННЫХ

«А места здесь тихие-тихие, заповедные. Летом и слышно разве что, как кузнечики стрекочут да птицы поют. Машины не ездят почти - дорога плохая. По этой причине и дачники не берут тут земельные участки. Как-то раз мы в Тохмарево приехали - журавли взлетели с поля. Ну где еще такое увидишь? Лес, два болота, до ягод да грибов рукой подать. И охотники эти места любят. Хотя до центральной усадьбы всего семь километров. Местность та называется Верховье, поскольку расположена на возвышении».

Татьяна Круглова с любовью рассказывает про малую родину: «Фалино, Звегливец - я уж этих деревень и не застала. Самая крайняя деревня в этом направлении - Желмино, сейчас не жилая. А в расположенных по пути к ней Берьково, Наумовском и Тохмарево из коренных жителей по 2-3 человека». В восьмидесятые годы все местное население хотели поселить в Чекшино. Для этого были построены благоустроенные квартиры, и многие селяне, побросав свои дома, обосновались в центральной усадьбе. Это стало началом конца ряда тамошних деревень.

Когда-то давно на угоре в Верховье была помещичья усадьба. Потом в ней размещалась обкомовская дача. Дачу перевезли в Чекшино и приспособили под пункт комплексного бытового обслуживания, а место, где раньше была усадьба, выделили под делянку. Вырубили вековые сосны и ели. Аллею не сберегли. От прежних времен осталось немного сосен и липы. Да еще огромный камень лежит.

Вид, открывающийся перед въездом в Верховье, со стороны Берьково, потрясает: золотые с красным отсветом леса, земля, изведенная тропками, да навесной мостик через журчащую Шорегу. Через этот мост проходит единственный путь, соединяющий Берьково, Наумовское и оставшееся без постоянного населения Желмино. В 2007 году навесную переправу отремонтировали. Три жителя Наумовского, перейдя через мостик, могут выбраться на развилку Берьково, чтобы запастись провиантом в автолавке. Двое из них - мать с сыном. Их соседке, вдове участника войны, труженице тыла, дали сертификат на покупку жилья. Ко времени нашего визита 80-летняя Александра Аполлоновна Строгалева еще хлопотала на огороде, а вскоре ей предстояло перебраться на новое место жительства, в Вологду.

Годики идут не туда

«Мне ведь охота попробовать еще и городской жизни, - улыбнулась тетя Шура, как ласково величают Александру Аполлоновну. - Я плакала от радости, когда дали квартиру в городе. Всех - и бога, и Путина, и Медведева - вспомнила. Вроде и жалко уезжать отсюда, но хочется. Я, бывало, и так на зиму к детям в город перебиралась. Это не то. Худо с нашим братом жить. Я и сама когда-то жила с двумя старухами, представляю это. Теперь себе хозяйка. Будет сила, на лето сюда вернусь. Все-таки годики-то идут не туда».

Тетя Шура наготовила с собой всякой всячины - насушила маслят, наварила варенья, закатала яблоки, упаковала собранный со своей пасеки мед. Новое жилье она покупала с тем расчетом, чтобы жить неподалеку от сыновей. «Дали сертификат. Мильон 27 тысяч 80 рублей. Остальное добавили дети. Хотелось ребятам, чтобы я была рядом. Супротив дома старшего накосик видно окна друг у дружки. Если на бойкое - то минут пять идти. От второго сына на машине, наверное, минут шесть ехать - а не засекали. Мне все детоньки отремонтировали, а то было чересчур безобразно в квартирке. Все сделали в ванной, в туалете, на кухне гарнитурчик поставили. Все распланировали. Вот и испробую городской жизни».

Тетя Шура из коренных жителей поселения. Сначала жила с родителями в Кодано-

во. Там и окончила четыре класса. Было голодно, поэтому мать не отпустила дочку продолжить обучение в Чекшино, за 17 километров. «Мама маленько шила, я умела петельки хорошо делать, шить рубашки, ушивать, хорошо штопать. Всему мама научила. Надо - стежками маленькими, аккуратными. Сначала распорем, на левую сторону перешьем, где подлатаем. Все в войну шили для населения. Ведь в Коданове было 7 деревень. Из разных деревень нас человек 12 было. Всем от мала до велика и шили».

В мастерской Александра и встретила Победу. «Нам привезли овчин полушубки шить длинные. Военные или какие. Вдруг Шура из сельсовета идет: «Девки, девки! Бегите скорей домой, ведь война кончилась!» Мы все выскочили, побежали кто куда домой сказывать. И я домой». Отец девушки не вернулся с фронта, пропал без вести. И было тогда Шуре 14 лет. Шить в мастерской после войны ее оставили, но вот в положенном пайке - 400 граммах хлеба - отказали. Девочка поехала к маме за советом. «Приезжай, Шурка, домой, сошьешь людям чего, кто-то хлеба принесет краюшку». Девушка стала ходить по домам и выполнять заказы. Шила все - и нижнее белье, и брюки, и костюмы, и шубы, и шапки.

Однажды мама отправила Александру в город с молоком, чтобы на вырученные от его продажи деньги купить хлеба. Ночевать Шура осталась у тети. «Местечка-то мало, положила она меня посередине комнаты. А у тетки, бывало, ночевал милиционер. Как раз приходит и говорит: «Ой, мое место-то занято». - «А это моя племянница Шурка Жбанова», - отвечает тетка. - «Как фамиль-то?» - «Да Жбанова». - «Кто такая?» - «Да вот работала в швейной мастерской. Вернулась домой. Дома исть нечего, молоко продала, хлеба купила, завтра утром назад поедет». - «Дак ведь я на нее заявление привез. На нее же дело заведено за самовольный уход из швейпрома». Молодая была, говорит тетя Шура, «порядков» не знала, заявления об уходе не написала, машинку на сани положила и домой. А тут вон как дело обернулось. «Божатка-то подошла и сдернула с меня одеяло. Я хоть и слышу все, а не признаюсь. Вся скорчилась, - со слезами на глазах вспоминает Александра Строгалева. - «Коленька, родимый, погляди, кого в тюрьму-то будешь садить. Это ведь червячок лежит». Я сухонькая была эдакая. «Не знаю, сейчас пока это дело не передам в прокуратуру, а если повторно напишут заявление, то придется судиться. А так, худо-бедно, год дадут». Господь миловал девочку. Все обошлось.

Потом Шура работала в колхозе в Желмино, а вечерами продолжала обшивать местное население. На вырученные деньги Шура и ее семья покупали продукты и одевались сами. Всего у мамы было четверо детей. Замуж Александра вышла в 18 лет за фронтовика, участника битвы на Курской дуге. Они прожили душа в душу 52 года. «Всякое бывало. Он у меня не пил, но ведь бывают свои неурядицы. Не спорили, хорошо жили. Со свекровью вместе прожила 27 годов. Мамой называла. Всю жизнь в труде, не по одной корове держали, и овец, и поросят. А пчелок знаю еще с детства, с семи годов. Меня, конечно, хорошо кусают, но я терплю. Руки и не опухают уже».

Поработав в колхозе, она устроилась поваром в детский сад. Больше тридцати лет прошло с тех пор, а кое-кто из воспитанников до сих пор вспоминает: «Ох, тетя Шура, поел бы я твоих морковных котлет». Строгалевы вырастили двух сыновей, построили добротный дом. Сейчас у Александры Аполлоновны пятеро внуков, подрастают три правнука. «Богата я вовсе стала, а теперь даже очень. Уж так я благодарна».

Сваты

«Вы мою бабушку не подбросите до автобусной остановки?» - увидев из окна машину, в гости заглянул сосед. Спустя несколько минут в дверях появилась бойкая старушка с пытливым взглядом - Нина Алексеевна Чечурина. Вместе с мужем она проживает в Соколе, на лето возвращаясь в родные места. «Нина, иди с нами за стол, садись». - «Спасибо, вот только боюсь, как не поспею на автобус-от. Седни у правнучки нашей день рождения». - «Вот давай за нашу с тобой правнучку, - у бабы Шуры откуда что и взялось на столе: малосольные огурчики, хлеб, сыр, мед, варенье да вишневая настойка домашнего приготовления, варит ее по собственному рецепту. - Давай, Нина, за все хорошее, почеканимся, почеканимся». - «Сладкое, как церковное, - отведав угощение, рассуждает Нина Алексеевна. - Хотя вроде в этот раз покрепче получилось, чем в прошлый. А два годика ведь сегодня правнучке нашей. Вишь, в какой денек народилась, - и поясняет для меня: - Мой внук да ее внучка еще маленькие друг с другом играли-бегали, а потом и поженились. Так что мы сваты».

Слово за слово, женщины успевают обсудить нынешний урожай грибов и ягод. «Я, помню, маленькая была, соберутся в деревне люди, им дают лошадь с повозкой, - гово-

рит Александра Аполлоновна. - Каждый хозяин ставит кузов. Это такая большая корзина сено носить. Со стол примерно, может, пониже, разной величины бывает. Кто-то из семьи носит волнухи, хозяйка сидит и чистит. Привезут, сразу солят». Однако долго рассиживать некогда - Нина Алексеевна торопится на рейсовый автобус. «Путь да дорога. Не обходите, девочки. Жива буду, дай бог, заходите», - напутствует тетя Шура.

РОМАНОВСКАЯ КАДРИЛЬ

Если в Княжеве случаются сходы или приезжает кто из важных гостей, собираются у Екатерины Александровны Романовой, отличающейся неуемной энергией и добрым нравом. Она одна из старейших жителей деревни, в которой постоянно проживают около десятка человек. Летом устремляются дачники в деревеньку, расположившуюся вдоль Двиницы.

«Только сейчас пришла от «хлебовозки», - встречает гостей Екатерина Александровна, маленькая беловолосая женщина, чья жизнь прошла в трудах и заботах о других. Она тут же начинает хлопотать по хозяйству, доставая из русской печки залитую яйцом рыбу, нарезая хлеб и купленные в автолавке лепешки. «Конечно, не из печи пироги-то. Я было хотела поставить тесто, да глянула - хлеба дома много, не пропадать же ему, - оправдывается хозяйка. Помяв в руках кусочек лепешки, добавляет: - Это все, конечно, не то. Пироги настоящие должны быть прохожённые. Тесту нужно минимум шесть часов ходить». Старушка рада гостям. За чашкой чая как не рассказать о своей жизни, о своей любви, пронесенной сквозь годы.

В школе только девочки

«Родилась я в этой деревне в 31-м году, - начинает рассказ Екатерина Александровна. - Десять лет путешествовали всей семьей по лесопунктам. Еще семи лет мне не было, отец в лесхозе работал. В Озерене жили, на Соре жили. Пока путешествовали, весь дом у нас разобрали. Из двух домов собирали потом по колышку...» Лето 1941 года не забыть. «Я тогда у тетки гостила в Вологде. Было открытие детского парка. Народу собралось! И вдруг эдакую весть по радио объявляют - началась война. Все забегали, засуетились. Уезжала я из города по чужим документам, свои-то дома остались...»

Вскоре Катерина вернулась в областной центр - тетя приютила племянницу у себя. Девочка стала учиться в школе на Чернышевского. «В школе одни девчонки были. Холодно, голодно, свету нет. Со свечками, в пальтушках, но не унывали. Тетради были дорогими, книг не хватало. Друг у дружки брали. Была карточка хлебная на 200 граммов, вместо масла дадут рыбьего жира, картошку мороженую - вместо муки». Семья в это время жила в лесопункте. Там остался и любимый брат Коля. «Не довелось ему доучиться, - сокрушается женщина. - Восьми годов парень. Лошадка Якутка была. Приходилось на ней сено возить. Я тоже на лето домой возвращалась. Работали как заведенные. Грибов-путников найдем - в магазин сдадим, выдадут за это пайку хлеба. Малины в лесу насобираем - на молоко обменяем. Всего насушим, а зимой мама на картошку обменивает. Сушили шиповник и отправляли на фронт. Летом, как приеду, с мамой и братом разносили по деревням для рабочих хлеб в котомках. За эту работу получали хлебные карточки».

Школьницы выступали в госпитале с концертами для раненых, собирали посылки для фронта. «Нам давали дополнительно хлеба по 50 граммов. Мы эти кусочки сушили, хранили и посылали на фронт. Помню, мне крестная как-то дала три огурчика. Я их в банке засолила и отнесла в общую посылочку». О том, что враг побежден, школьница узнала случайно, когда ее отправили сказать учителям, чтобы те переоделись в нарядную одежду ради праздника Победы. «Собрались все на улице. Довольные. Кто плачет, кто улыбается. Тогда я впервые салют в небе увидела».

После восьмилетки поступила в вечернюю школу, одновременно устроившись на работу в дом советов делопроизводителем. Стали возвращаться фронтовики, они искали рабочие места. На несовершеннолетнюю девчонку, все время отпрашивающуюся на час раньше с работы (начинались занятия в вечерней школе), стали посматривать косо и вскоре сократили. Почти одновременно в дом пришла беда. Тетя, у которой жила Катя, «домашняя пенсионерка, инвалидка», была арестована за спекуляцию. «Жить-то ей как-то надо было. Вот она шерсть купит здесь, в Ярославль отвезет, там валенки скатают. Потом продаст. Сейчас это бизнесом называется. А тогда нашли за что прихватить». Катерина вернулась в деревню. Там тоже жилось нелегко. «Гряды нам в капустнице дали - подаль-

ше к лесу была черная земля. Растили морковь, свеклу, табак. Табаку нарастим, насушим, в Сокол зимой везем сдавать на государство. А обратно хлеб присылали - зерно семенное, за лес».

Любашкаться было некогда, да и негде

С будущим мужем девушка познакомилась на посиделках. «Муж тоже тутошний был. Раньше все ходили на посиделки: кто плетет, кто вяжет, кто что. Как придут ребята с гармошкой, всё в сторону - начинается пляска. Самовар был ведряной. Мама согреет: «Ребята, только к чаю ничего нет. Давеча рыжиков насолила». - «Ничего, тетя Павла, и с рыжиками хорошо». Редьки натрем, картошки поставим, вот и все угощение. А парни из соседнего Глебова ходили». Катюшу знали многие. Вместе с молоком комсомолка в целях просвещения молодежи возила по деревням передвижную библиотеку. И котлаковские, и княжевские, и глебовские брали книжки читать. Девушка любила организовывать после работы «воскресники» (поскольку по субботам все работали). «Я со многими парнями дружила. Никто по душе не был. А тут, чего, любовь привязалась. И он меня полюбил, - улыбается воспоминаниям Екатерина Романова. - Он меня на посиделках высмотрел. Все-таки я в городе пожила, от деревенских девчонок отличалась - перёже научилась кадриль танцевать. И Александр в кадрили плясал хорошо. Четыре года дружили - не дотронулся до меня».

Поскольку избранник Катерины в детстве получил травму глаза, его не брали в армию, и на фронте он не был, из-за чего всю жизнь очень сильно переживал. «Ой, сколько рубах на себе изорвал. Горе свое рвал, что в армию не берут». В молодости Александр Романов был горяч. «Однажды мы вроде как расстались. Приехал другой Романов, Валентин, однофамилец, с которым начинали дружить. Он зараньше от меня отстал ходить. Пойдет провожать, доведет до своего дома - до свидания. До моего жилья приходилось идти самой. Не больно мне это нравилось. На одном из праздников Сашка вот плачет: «Валька приехал, жениться. А я-то как? Вдруг увезет Катю? А я же люблю». Или вот. Посиделки в доме. Сидим все в переднем углу. Приехал Сережка жениться. Статный, залетел в избу, меня на колени посадил. Романов, недолго думая, вскочил, лампу разбил. «Почто лампы-то бьешь?» - спрашиваю. «Хватит с Сережкой сидеть. Если ты мне изменишь, мне или тюрьма, или могила».

Замуж за Александра Романова девушка вышла в 25 лет. «Жили дружно. Сожалею вот о чем. Сейчас посмотришь, как молодые любашкаются. Нам же любашкаться было некогда, да и негде. Работа, сенокос, полный двор скотины, дома - ребятишки». Супруги вырастили четверых детей. Работали в колхозе, не щадя здоровья, не жалея сил. И косили, и молотили, и жали, никакого труда не боялись. Екатерине Александровне довелось поработать и счетоводом, и кладовщиком (17 лет трудилась она в этой должности), и в магазине. В промежутках между изнуряющей работой Романовы умудрились выстроить большой крестьянский дом. «А строиться, милые, и денег нету. Теленка подержать - только до осени. Сена сначала на колхоз накоси, а уж сколько тебе дадут, не хватает. Лес выписывали в счет трудодней. Фундамент своими силами осилили и конопатили сами. На строительство плотников нашли, шесть годов строились».

Сегодня Екатерину Александровну не забывают дети, внуки (их у нее девять) и правнук. «У меня все лета и свои, и чужие. Раньше летом все 9 внуков гостили сами и друзей приводили. Так что я многодетная бабушка, - улыбается старушка. - 10 кроватей в доме. Как уедут все с лета - бабушка и канителься». Когда одна из дочерей венчалась, со своим мужем повенчалась и Екатерина Александровна. Вместе супруги прожили не один десяток лет. Сейчас не проходит и дня, чтобы женщина не помянула любимого: «Я и сейчас все об нем думаю, об Романове».

В клуб она не пойдет - здоровье не то. Хотя все время участвовала в театрализациях, устраивала праздники. Она одна из немногих, кто знает фирменную двиницкую пляску. «Здоровьишко теперь не больно важнецкое, а душа-то молодая, еще петь и плясать хочется».

Ракурс IV. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

КРЕПКИЙ МАЛЫЙ

У деревенского хозяина порядок во всем. Работа спорится, дом - полная чаша, и авторитет имеется среди односельчан. А во главе угла - трудолюбие и целеустремленность.

На нижнем складе, так называется огромное поле, приспособленное для работы, пахнет деревом. Слышен рев пилы. «Раньше здесь была свалка, - хозяйским взглядом окинув производство, рассказывает чекшинский предприниматель Юрий Липатов. - Нижний склад - перевалочная база, откуда пиломатериалы, лес, готовые срубы отправляются по назначению. Сезон работы - от белых до белых мух. Прежде мы занимались еще и лесозаготовками, чтобы обеспечить круглогодичную занятость. Теперь все больше лес закупаем, поддерживая мелких лесозаготовителей. А зимой люди подвизаются на отделочных работах. Раньше производство функционировало по принципу: срубили - сдали - проели. Ныне люди имеют возможность многократно заработать. Срубы ставим прямо здесь. Замкнутый цикл».

Начиная с весны, каждый желающий может прийти на временные работы. С апреля местные школьники бегают на нижний склад корить, получая за это неплохие деньги. Новички проходят в трудовых бригадах школу жизни. «Если молодежь хочет зарабатывать трудом, надо дать ей такую возможность. Парни после армии трудоустраиваются у нас. С азов постигают разные профессии. В бригадах полная взаимозаменяемость - плотники, отделочники, лесозаготовители. Многие еще вчера и представления не имели, как что делается, а сегодня выполнят работу любой сложности. Кто-то уже стал бригадиром».

Топор в руки - и вперед

Все начиналось в 90-е. Юрий Липатов, выпускник Молочной сельскохозяйственной академии, работал в совхозе агрономом. В сельском хозяйстве была разруха. С деньгами стало совсем туго. «Хорош в совхозе убиваться, последние штаны донашивать», - сказал отец и предложил сыну работать вместе с ним в строительной бригаде. «Я стал простым рабочим. Забыл о том, что у меня высшее образование. Топор в руки - и вперед. Была единственная цель - прокормить свою семью». Три года бригада не вылезала из Москвы, бралась за любые халтуры. В основном занимались строительством. «Сначала была одна бригада, потом две, три... И пошло-поехало. Появилась своя лесопилка, необходимая техника, сейчас имеются даже гидроманипуляторы. Бригады начинают работать с голого поля. Конечный продукт - дома под ключ, включая благоустройство и ландшафтный дизайн придомовой территории, подведение коммуникаций». География работ не ограничивается Вологодской областью. Бригады Липатова трудятся по всей европейской части России. Доводилось сотрудничать с чехами, шведами. Один из последних заказов - крепостные ворота, главная достопримечательность города Дмитрова.

«Мы работаем с очень серьезной клиентурой, «подводов» никаких быть не должно. Поэтому идет постоянный отбор людей. Беда номер один, с которой поначалу пришлось бороться, - пьянство. Воспитывал, старался понять пьющих. Если не помогало - расставались. Выработалась определенная система. Каждый бригадир сам подбирает для себя работников и несет за них ответственность». На первых порах приходилось очень тяжело. «Сначала я работал на имя, потом имя работало на меня. Забыл про отдых. За 15 лет я ни разу не был в отпуске. И всегда рассчитывал только на свои силы и возможности. Никогда не взял ни одного кредита». Сумел и кризисной ситуацией воспользоваться для дела. «Постепенно всех хороших специалистов переманил к себе, - улыбается Липатов. - Производство не сокращал, расценок не снижал, зарплата у людей не падала».

Жена Светлана - верная спутница со студенческой скамьи - полностью взяла на себя домашние заботы. «Понимание в семье идеальное. Дома знают, что я работаю для них. Жена - человек творческий, умный и могла бы озаботиться собственной самореализацией, но кто-то же должен прикрывать тылы. Спасибо ей, она всегда меня понимала». Когда выдается свободная минутка, Юрий Александрович работает на приусадебном участке. От стрессов и трудовой усталости раньше спасался спортом, потом пристрастился к охоте. Это единственная слабость, которую он себе позволяет. «Я с детства воспитывался в труде. Родители - крестьяне, с младых лет внушали, что надо работать и работать. Так же я воспитывал и своих детей, и они не подвели, - гордится отец. - Сын и дочь учатся в Вологде, у каждого есть цель, ведут здоровый образ жизни. Сын серьезно занимается единоборствами, дочь - лыжным спортом».

В народе говорят: настоящий мужчина должен вырастить сына, посадить дерево, построить дом. Первое - самое главное, считает Липатов, а еще он считает: «Важно чувствовать, что ты нужен. Люди, работающие здесь, приобретают хорошую специальность, кормят семьи, покупают машины. Я говорю новичкам: «Вы получите профессию, с которой всегда заработаете себе на хлеб. Всегда!» Звали меня и за границу. А мне дома нравится. Когда в полпятого подъем - и пошла круговерть. Где родился, там и пригодился».

С ДОРОГИ ВИДНО ВСЕ

Когда супруги Липатовы решили поставить вокруг дома забор, односельчане говорили им: «Пожалуйста, делайте заборчик невысокий, чтобы с дороги всё-всё видно было!»

Муж и жена не удивлялись нескромной просьбе. Светлана Липатова выращивает на своем участке роскошные цветы. Прятать такую прелесть от соседей и впрямь нехорошо. По образованию Светлана агроном. Семена и рассаду она находит не только в специализированных городских торговых точках, но и прямо на улице. Например, чабрец, свободно прижившийся на одной из небольших гряд, родом из Верховажского района - он рос там у дороги. Интересные образцы флоры раздобыла в лесу, в двух шагах от Чекшино. Лесные находки подчас бывают ценнее магазинных. Дикий папоротник оказался куда пышнее, чем его декоративный собрат.

Светлана заразила оригинальным хобби полдеревни. Подруги частенько заглядывают к ней за семенами или полезным советом. Надо заметить, что дом и двор Липатовых служат прекрасным обрамлением для яркой цветочной картины. Дизайн продуман в тонкостях: дорожки выложены брусчаткой, свободное пространство заполнено беседкой и небольшим горбатым мостиком, трава ровно подстрижена. На достигнутом Светлана останавливаться не собирается, в планах - создание гравийного садика.

В поселении ее уважают еще и как специалиста по раскрытию дамской красоты. «Когда огородные дела закончатся, женщины капусту заквасят, мы начинаем встречаться раза два в неделю, по вечерам, в моей группе здоровья «Тростинка». Приходят и молоденькие, и пенсионерки. Выполняем различные комплексы физических упражнений для коррекции фигуры». Сама Светлана выглядит замечательно - лет на тридцать. Трудно поверить, что у нее уже двое взрослых детей.

КРЕПКИЙ МАЛЫЙ-2

На пилораме чекшинского предпринимателя Александра Соколова был обеденный перерыв. Работники пили чай в очень неофициально обставленном кабинете руководителя. На стене - несколько рядов дипломов и грамот, в том числе - «Вологодский предприниматель года-2008». Сам он был на месте и охотно ответил на вопросы.

«Каково наладить производство на селе?» - «Наверно, предпринимателем быть одинаково что в деревне, что в городе: везде крутиться надо, чтобы обеспечить людей работой и зарплатой». - «С чего вы начинали?» - «До перестройки работал в совхозе, был водителем, механиком. С девяносто третьего года стал возить срубы в Москву. Денег мало выручал, только так, чтоб штаны не упали. Потом, когда в стране произошел дефолт, москвичи стали вкладывать деньги в нашу область, купили сокольские деревообрабатывающие предприятия. Появилась возможность заготавливать лес для них. Вот и пошло помаленьку - с одного трелевочника».

«Сколько человек было в вашем коллективе тогда, в конце девяностых?» - «Не больше пяти. В основном из числа друзей - Витька, Лёнчик, Игоряха... Вообще я с подбором кадров строгий был, не брал бездельников, а если ошибался и брал, то увольнял». - «Когда начали получать ощутимую прибыль?» - «Самое забавное, что прибыль получили быстро. За один месяц девяносто восьмого сразу на весь девяносто девятый заработал. Тогда мы не перерабатывали лес, просто доставляли и продавали. Несколько лет спустя я взялся уже за переработку. Приобрели мы второй трелевочник, погрузчик, манипулятор, потом еще один. До десяти единиц грузовой техники завел... А сейчас плохо всё. В кризис тяжело стало. Крупные предприятия в Соколе, с которыми я сотрудничал, ухнули. Мы только местному предпринимателю, который у нас в поселении срубы делает, сырье продавали - ему кризис на руку сыграл, люди стали вкладываться в недвижимость. Нам же лес приходилось отдавать почти по себестоимости, только чтобы сбыть. Были задержки с зарплатой, много народа стоящего ушло. Было сорок пять человек, осталось двадцать. На содержание техники средств не хватало. В довершение ко всему цех сгорел».

«Не пробовали искать сбыт за пределами Вологодчины?» - «Пусть наша-то область развивается!» - «Что ж, кризис вроде как постепенно отходит...» - «Теперь у меня другая беда - с сырьем проблемы. Востребована хвойная порода древесины. Хвои в районе осталось мало. Ни для кого не секрет, что в Соколе появились проекты по программе раз-

вития моногородов. Под эти проекты все леса зарезервированы в аренду. В этом году только по договорам с кем-нибудь надо действовать или издалека сырье возить, например, с Тотьмы, с Сямжи». - «Что скажете о молодых кадрах?» - «Молодежь-то? Пустая вся. Работать не любит. Одно исключение - есть у меня паренек, золотые руки». - «Говорят, вы немало сделали для односельчан...» - «Выделял деньги для поселения, когда имелась такая возможность. Церковь у нас восстанавливают - я тоже участвовал. Жалко церкви - строилась двести лет назад, а теперь стоит заброшенная». - «Вы тоже трудитесь на своей пилораме, не только руководите?» - «Конечно. Я работаю и на манипуляторе, и на тракторе - на чем потребуется. Особенно после пяти часов дела продвигаются, когда телефон замолчит, люди за советами перестанут прибегать. Только что тоже у меня к пятидесяти годам силы ограничены. И к деньгам с возрастом отношение изменилось - чем дальше, тем их меньше надо. Жилье есть, два сына уже большие, слава богу; дочь растет, все сыты - чего ж еще? Эх, можно бы пораспродать все это, с долгами рассчитаться... Но как односельчан работы лишить?»

Александр предложил пройтись по территории предприятия. «Вот продукция наша - заготовки для вагонки. Вот лучший цех. У нас не очень-то чисто, не обращайте внимания. Металлолома куча лежит - мы собрали то, что накопилось за пятнадцать лет, хотим сдать - хоть какие-то деньги будут». - «А не было у вас мысли найти компаньонов? Может, стало бы легче?» - «Не подыскать мне подходящих партнеров. С вологодскими что-то организовывать - доверия нет. Своим мужикам я доверяю, знаю, что если, скажем, болгарку забуду прибрать - завтра она будет лежать на прежнем месте, никто не возьмет. Но сельские люди - преимущественно исполнители, а чтобы самим какое-то решение принять, на свой страх и риск, у них этого не хватает. Даром что опытные, полжизни прожили... Нет, я уж пока сам потяну».

За два дня нам не раз довелось услышать имя Александра Соколова. Добрые слова о нем сказали глава поселения и директор чекшинской школы. Его фамилия значилась на доске благодарностей в деревенском магазине - предпринимателю говорили спасибо за оказанную помощь детскому саду.

ДОЯРКИ, ДОЯР И ДЮАР

Коровник находится примерно в километре от центра деревни Чекшино. На ферме было сухо и чисто. Взвизгнув тормозами, остановился УАЗик, привезший доярок из Вязового.

Двери фермы открыты настежь. Но к буренкам так просто не попасть - распоряжение ветеринарного врача. «Не дай бог, какая бацилла к коровам привяжется, греха не оберешься, - поясняют работники фермы, - без специальной справки нельзя». Полдень. Время пересменка в хозяйстве. Как раз сейчас одна смена операторов машинного доения сменяет другую.

Татьяна Зайцева, приехавшая на служебном транспорте, вкратце рассказала о своем нелегком труде. Она работает дояркой 34 года с 18 лет, с декретным перерывом. «В молодости жила за 8 км отсюда - в Юшково. Сейчас там три дома осталось. Когда начинала, три месяца работала подменной дояркой, потом дали стадо в 56 голов. Раньше мы не работали по сменам, как сейчас, а ходили на дойку утром и вечером. Два раза доили в день, сейчас - три. Кто во вторую смену, тому достается две дойки. Нагрузка большая. Получаем с продукции: сколько надоим, столько и заработаем. И в зависимости от качества молока. А качество в первую очередь от доярки зависит. Как я корову подмыла, как сдоила - все влияет. Сначала здесь лаборант, а потом на молокозаводе проверяют молоко».

На ферме трудятся десять постоянных доярок и три подменные. Семеро из них добираются из Вязового. Доярки приезжают к четырем утра (первая смена) и к двенадцати дня (вторая смена). «Ночной скотник сдает дояркам с утра свою смену. Скажет: «Все нормально, все в порядке». Или какая корова отелилась, какая больная. И мы приступаем. Переодеваемся, идем на двор. Каждая группа коров на своем месте стоит. Доим аппаратами. Я тут уже не застала такого, чтоб вручную доить. Только молокопровод был стеклянный, а сейчас уже стальные трубы поставили. Работы между дойками хватает. Надо и силос ровнять, много чего делать. Коров подоим, потом раздаем корма. От кормления надои зависят. Кормим шесть раз в сутки - комбикорм раздаем, два раза даем сухим, а четыре раза запариваем. Есть у нас и скотники. В три смены работают, по восемь

часов. Они скребут навоз, опилки носят под коров. Теперь уж коров на пастбища не гоним, они круглогодично стоят во дворе, лишь выборочно выгоняем на прогулку. И то не всех, а лишь тех, которые должны пойти в охоту. Это когда у коровы время подходит для приплода».

Дояркам приходится выходить на работу и в праздники, и в выходные. «Ну кто нам даст выходной, например, в воскресенье, сразу тринадцати дояркам? На ключ ведь коровник не закрыть. Корова просит и есть, и пить каждый день, и доиться».

Как тогда и как сейчас

Помимо доярок и скотников, на ферме есть лаборант, ветеринарные врачи, зоотехник, механизаторы. Ветеринарный врач Любовь Савичева всю жизнь проработала в совхозе. Родом из Сямжи. Молодым специалистом попала в эти края на практику, да так здесь и осталась. Приходит к восьми утра и никогда не знает наверняка, когда закончится ее рабочий день. Случается, и ночами вызывают, если какой буренке плохо. День ветврач начинает с обхода поголовья. А это 900 с лишним голов: 420 коров и молодняк.

Как и многие опытные специалисты, Любовь Васильевна любит сравнивать, «как тогда было» и «как сейчас». «Тогда 2,5-3 тысячи килограммов молока доили в год. А сейчас - 5-6 тысяч. Раньше было меньше болезней у коров по производству, сейчас - побольше. Телятся так же - раз в год, но тяжелее идет процесс восстановления, больше лечения требуется. Почему? Скорее всего, потому, что корова все отдает с молоком. Раньше доили «бачками» с подвесками, потом на молокопровод перешли. Вручную нынче доярки только вымя вымоют. А вообще раньше по 70 голов в каждой деревне держало население. А сейчас всего-то шесть голов на селе. Невыгодно, видимо, стало. Нынче все в магазине можно купить». На ферме под руководством ветврача составляется план на лечение коров, витаминизацию, вакцинацию.

Бычков почти не держат

Вместе с Любовью Васильевной трудится молодой зоотехник Наталья Воронцова. Она составляет рацион для каждой буренки - сколько сена дать, сколько силоса. «Одна сухостойная корова (это когда месяца за два до отела корову не доят вообще), другая новотельная (только что отелилась). В зависимости от физического состояния животного и составляется меню. Один раз в месяц делаю расчеты, исходя из показаний контрольных доек, и раздаю дояркам», - рассказывает зоотехник. Коров кормят разнообразно. Основные составляющие рациона - силос, сено. Еще дают фуражную муку, собственные овес и ячмень. Но частенько злаковые приходится докупать. Также на ферме закупают различные добавки - соль, патоку, жмых, минеральные добавки.

На зоотехника возложены и задачи по воспроизводству, поскольку она совмещает обязанности техника искусственного осеменения. Наталья Николаевна составляет планы отелов, случек. «Сейчас бычков и не держат почти». За биологическим материалом зоотехник ездит на вологодское племпредприятие. На ферме на каждую корову заведена карточка с данными о родителях буренки. По такому же принципу выбирают отца для будущего потомства. Смотрят карточки быка-донора, обращая особое внимание на то, чтобы его дочери были высокопродуктивными и чтобы не было с потенциальной матерью близкого родства. Биоматериал перевозится с племпредприятия в дюарах - специальных сосудах. На два месяца зоотехник приобретает для хозяйства в среднем 180 доз. Каждая стоит 60 рублей. Если раньше дозы были в специальных гранулах, то теперь их покупают в пайетах в виде маленьких шариков.

«Если корова разгулялась, проявляет беспокойство, начинает напрыгивать, ее тщательно осматривает ветврач. Если она готова к воспроизводству, достаем из дюаров пайеты, размораживаем, вводим в шприц, осеменяем. В среднем для получения результата требуется две дозы. Но у животных, как и у людей, все индивидуально. Бывает, одной корове требуется меньше, на другую уходит больше материала. Потом корова вынашивает теленка. Последние два месяца беременности мы даем ей отдых - перестаем доить, она только кушает, спит, отдыхает. Через 30 дней после отела корова восстанавливается, приходит в норму. Ее смотрят врачи. Если не все в порядке, буренку пролечивают. Через 30 дней, а высокопродуктивных через 60, животное осеменяют снова. Летом отелов поменьше. Природу не проведешь, но для нас лучше, чтоб коровы телились зимой, ведь летом молоко дешевеет. Но почему-то чаще всего отелы приходятся на весну».

Чекшинский дояр

Он сменил Череповец на деревню. Неплохо оплачиваемую работу помощника ма-

шиниста - на труд оператора машинного доения. 17 лет Иван Камашов трудится дояром на ферме в Чекшино.

Ирга, Сага, Звездочка, Малышка и другие подопечные каждый день ждут его прихода. «Коровы у каждого оператора к его рукам приучены, - рассказывает Иван Панфилович. - Приходишь - они уже знают, что ты на работе. Они понимают, только сказать не могут - основной работник тут или кто на подмене». К каждой корове у дояра свой подход: кого-то нужно приласкать, кого-то пристрожить. Молодые коровы игривы, бывает, шлангами пытаются поиграть, другой раз и человека норовят задеть рогами или копытами. «В нашей профессии всякое случается. Недавно стал подставлять аппарат, корова улеглась - ни в какую, взяла и опрокинула меня, я через корову перелетел».

О своей работе он может говорить долго. «Корова «работает» 8-9 лет, до десяти. При нынешних временах до десяти лет не доживают - отправляем на мясокомбинат. Жалко. А что делать, животных в таком случае жалеть нельзя. Как правило, у буренки бывает 7-8 отелов, столько лет и доится. За смену надаиваешь примерно тонну триста литров молока от закрепленного стада. Самые хорошие удои случаются на пятый или шестой отел, потом идет снижение лактации. Как только корова принесла теленочка, помещаем в отдельную клетку и 21 день выпаиваем ему сначала молозиво, а потом молоко. Затем теленка передаем на телятник».

Любовь к животным передалась Ивану Панфиловичу от матери. Она работала дояркой в одной из деревень Харовского района, где прошло ванино детство. Мальчик во всем помогал ей. Закончив школу, а затем и железнодорожный техникум, Камашов обустроился в Череповце, где работал на промпредприятии. Но тяга к сельскому укладу жизни взяла свое. Переехал жить к матери, обосновавшейся в Чекшино. Работа нашлась рабочим на свинокомплексе. Позже наступили тяжелые времена, свинокомплекс ликвидировали, создав на его месте ферму. Так наш герой стал дояром. «Надо везде работать, особенно на селе». На работе он встретил свою вторую половину. Она трудится здесь же ветврачом. У пары подрастают две дочери.

На вопрос, не посмеиваются ли окружающие над ним, Камашов ответил: «Насмешек нет, у нас в коллективе дружеская обстановка. Это здесь я один мужчина в профессии, а судя по конкурсам операторов машинного доения, таких немало. Вот, например, на областные состязания из Великого Устюга приезжали операторы - из них половина ребята. Мне моя работа нравится. Кому чего дано. Надо с душой относиться к животным. Любить их. Других секретов в этой профессии нет».

Ракурс V. КОРНИ

ТЩАНИЕМ ПРИХОЖАН

На пригорке над деревней возвышается храм

Во имя Отца, Сына и Святого духа на Руси освящались, как правило, те храмы, которые были призваны стать центрами крупных приходов. Троицкий Двиницкий храм, стоящий над рекой Шорегой близ Чекшино, в начале двадцатого века посещали жители двадцати пяти деревень. Сейчас он служит приютом только для голубей. Птицы влетают внутрь через бывшую колокольню, оставшуюся без купола, и через зияющие окна обоих этажей некогда величественного здания.

В 1791 году дворянин Петр Иванович Челищев ехал из Тотьмы в Москву на почтовых лошадях. Он остановился в Двиницкой волости, чтобы отобедать у священника Якова Алексеева. Путешественник зафиксировал в своем дневнике: «В оном погосте одна старая деревянная церковь во имя из числа семидесяти апостолов Тимона, Никанора и Пармена. От подаяния ж тамошних крестьян строят двухэтажную каменную церковь». Это едва ли не единственное свидетельство, способное дать представление о дате возведения интересующего нас храма. В записях упоминается также, что храм будет четырехпрестольный - его освятят во имя пресвятой Троицы, Николая Чудотворца, преподобного Дионисия (Глушицкого) и первых диаконов христовых - Тимона, Никанора, Пармена, Прохора. Сведения дублируются клировой ведомостью за 1909 год.

Она же подтверждает, что строительство велось «тщанием прихожан». Как оно было начато - мы не знаем. Но некоторые предположения можно делать по аналогии. На Севере еще с конца пятнадцатого века возводились церкви на мирском иждивении. Вот как об этом рассказывает в своих научных работах вологодский историк Александр Кам-

кин: «Знающими и грамотными людьми сочинялось «мирское» прошение архиерею. Крестьяне обычно писали, что без храма душевно гибнут; «родительницы без молитвы бывают многое время, младенцы без крещения, больные и престарелые без покаяния и причащения Святых Тайн помирают». Затем сельский сход избирал специальных мирских посыльщиков, которые отправлялись в дальний путь - в кафедральный город. Там они испрашивали у архиерея благословенную (храмозданную) грамоту. Потом уже начинали подыскивать мастеров, заготавливать материалы, заботиться о приобретении утвари».

Некоторую информацию о жизни Троицкого Двиницкого храма незадолго до краха православной России мы узнаем все из той же подробной клировой ведомости. Тогда церковь посещали люди всех сословий - простой сельский люд (особенно много его приходило из Чекшино, Котлаксы, Шадрино), лица воинского сословия, несколько мещан, девять дворян (из Тохмарева). Лист «О бывших и не бывших на исповеди у Святого Причастия в 1909 году» наводит на очень интересные размышления: за год исповедались и причастились 2244 крестьянина, 14 статских, 280 военных, 22 представителя духовного ведомства. Указывалось, что небольшое количество жителей окрестных деревень не исповедовались по уважительным причинам - по малолетству, по отлучке. Из-за нерадения уклонились от таинства 7 военных и 29 крестьян. В графе «раскольники» значился уверенный прочерк.

Служителями церкви были священник Алексей Озерков, диакон Иларий Пустынский, псаломщик Авенир Колосов. Алексей Озерков закончил семинарию; в юности, до рукоположения в сан, числился законоучителем. Был «весьма хорошего» поведения, славился своими проповедями. Иларий Пустынский прекрасно знал чтение, пение, катехизис. Имел звание учителя и, возможно, преподавал - при церкви обучали детей. Диакон растил троих отпрысков - старший сын познавал грамоту в духовном училище, средняя дочь жила в приюте при женском монастыре, младшая посещала церковно-приходскую школу. Авенир Колосов происходил из большой семьи прежнего священника (один из девяти ребят), был на момент составления документа очень молод (ему не исполнилось и 20 лет), холост, жил с матерью.

Первое надругательство над храмом имело место в 1936 году при председателе сельсовета Иване Кабанове. Как это случилось, пытались узнать ребята из краеведческого кружка «Истоки» под руководством педагога Двиницкой школы Любови Растороповой. Дети беседовали со старожилами, которые могли помнить что-то про тридцатые годы. Свою лепту в восстановление страшной картины прошлого внесли и сотрудники кадниковского музея.

Утром над деревнями грянул взрыв. Местные активисты пытались уничтожить сброшенные колокола. Люди не были предупреждены о намеченной акции и сильно перепугались. От взрыва пострадал дом Малышевых. Священника Ивана Суворова, при котором разрушали храм, увезли на машине в неизвестном направлении. Вместе с ним забрали знакомых нам по предыдущим абзацам статьи 46-летнего Авенира Колосова и 60-летнего Иллария Пустынского. Их родные тоже пострадали.

Иконы разошлись по деревням. Один рачительный хозяин огородил свой двор в деревне Окуловское забором из образов. Некоторые оригиналы использовали большие иконы в качестве плотов. Удивительный факт - с храма не были сбиты кресты. Некоторые из них увенчивают церковь до сих пор.

По воспоминаниям Зинаиды Александровны Малышевой, которая с 1949 года до конца 60-х проживала в Окуловском, известно, что в 1949 году в церкви размещался зерновой склад. Зерно держали под замком, поэтому в святом месте никто не хулиганил. Изнутри храм оставался очень красивым. На втором этаже верхняя часть стен и купол были выкрашены в небесно-голубой цвет, по нему светились золотые звезды. Все деревянные ниши для икон оставались целыми.

В 1956-м к Зинаиде Александровне приезжали реставраторы из Москвы. Они интересовались зданием с точки зрения архитектуры. Церковь сфотографировали, внимательно осмотрели, и на этом дело закончилось. В 1966 году склад закрыли. Замки были сняты. Молодежь быстро испестрила стены немудреными надписями в стиле «Здесь был Вася», повредила фрески. До 1995 года женщины постарше из деревни Шадрино старались поддерживать храм в приличном состоянии, мыли его и даже пытались пригласить батюшку из Ильинской церкви, чтобы тот отслужил молебен по усопшим.

Еще в начале 90-х энтузиаст Евгений Соколов хотел было открыть счет для сбора денег на восстановление храма, но трагическая смерть оборвала его замыслы. Чуть поз-

же с инициативой по спасению погибающей церкви выступил уроженец Двиницкого сельсовета Анатолий Малышев. В 2007 году он отправил письмо на имя губернатора с просьбой о содействии. Ему пришел ответ: «Смеем надеяться, что с объединением предпринимателей, директоров лесопромышленных комплексов, прорабов, народных умельцев и других неравнодушных людей в инициативную группу все сдвинется в лучшую сторону».

В 2009-м созданная инициативная группа действительно смогла развернуть довольно интенсивную деятельность. Простые сельчане - бюджетники и рабочие - собрали не так уж много денег. Хватило только на гвозди да на цемент. Предприниматели могли жертвовать побольше и, что немаловажно, сами безвозмездно участвовали в ремонте, привлекая своим примером работников. В кровле были залатаны дыры, прорванные корнями выросших на высоте деревьев. Удалось сделать довольно надежную лестницу, позволяющую подниматься в верхний храм. Сбор средств продолжается, но гораздо медленнее, чем хотелось бы. Ящик для пожертвований стоит в местном магазине райпо, реквизиты счета, на который предлагается перевести посильную материальную помощь, вывешены у входа в церковь.

Далеко не все люди, проживающие на территории прежнего прихода, знают правильное название храма - его здесь иногда безосновательно именуют «церковью Николая Святоши». Многие местные мужчины и женщины никогда не читали библию и смутно представляют содержание заветов. Но если храм однажды удастся возродить, народ придет в него. В этом можно не сомневаться.

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

ВАЛЯЙ, ГАРМОНЬ!

Как я ходила в катку

Катальщиком он стал от большой нужды, быть плотником тоже жизнь заставила, а вот гармонь выбрал для души. На ногах аккуратные валенки - такие, что заглядишься, в руках - гармонь.

Гармонь

Сергей Александрович Коротеев родился в 1931 году. Окончил четыре класса, продолжить образование, как и многим его сверстникам, помешала война, а после нее тоже не до уроков было. «Наша большая семья жила здесь же, в деревне Прокопово (Сокольский район). Я был седьмым ребенком, нас четыре брата и четыре сестры. Ходил в школу в соседнюю деревню. В войну трудился в колхозе. На лошадях возил в другие населенные пункты продукты, на коровах - грузы на местную ферму. После войны так и остался в колхозе. 10 лет работал плотником. Возводили хозяйственные постройки: и телятник, и свинарник, и конюшню... Когда колхоз стал совхозом, меня поставили бригадиром фермы, потом бригадиром полеводства».

В военные годы он познакомился с гармонью. В минуты отдыха друг показал нашему герою несложный перебор и увлек своим умением так, что Коротеев влюбился в этот инструмент без памяти. И вскоре уже сам путешествовал по деревням с гармонью и был почетным гостем на торжествах. «Мы гуляли по всей окрестности - так просто или когда какой праздник или свадьба. И плясать умел», - улыбнулся гармонист.

Несмотря на то, что теперь Сергей Александрович живет один, он держится молодцом и не унывает. Держит хозяйство (огород, куры, коза была), не отстает от последних новостей (читает газеты и смотрит телевизор), ждет в гости детей, внуков и правнуков. У Коротеева три дочери. Одна из них живет в соседней деревне Василево и во всем помогает отцу. В доме и у дома наведен порядок. Отец тоже помогает дочери. Баню вот недавно ей помогал строить, валенки сделал. Эту удобную и лечебную обувь мастер изготавливает теперь только для себя и родственников, поскольку на нее уходит много сил и времени.

Валенки

Кстати, валяную обувь изобрели вовсе не русские, как многие считают, а степные кочевники, обитавшие по соседству. Тюркские народы с незапамятных времен валяли шерсть и обтягивали войлоком свои жилища. Изначально русские войлочные сапоги были короткими и имели суконные голенища. Только в XVIII веке валенки приобрели привычный для нас вид. Изготавливать их целиком с голенищем - «без начала, без конца, без

шва, без рубца» - придумали ярославские ремесленники.

Катальщик, каталь, катальник - как только не называют валяльщика обуви из овечьей шерсти у нас на Вологодчине. Технология уникального ремесла передается из поколения в поколение и нисколько не меняется, но при этом у всех умельцев есть свой секрет, и валенки у каждого из них получаются особыми. «Катать валенки меня научил младший брат, он был учеником у мастера и ходил с ним в катку», - говорит наш герой. «Идти в катку» означало отправиться на заработки по деревням, где не было своих катальщиков. Жилось после войны по-прежнему голодно, и наш рассказчик, тогда 15-летний подросток, тоже решил овладеть ремеслом, без которого на Севере никуда. Профессия валяльщика в наших местах всегда была одной из самых почетных и, надо добавить, одной из самых нелегких.

В середине 90-х, когда в стране царила разруха и безработица, валенки опять стали для него спасением. На деньги, вырученные от их продажи, он покупал продукты и одежду для своей семьи. У мастера Коротеева было два ученика, оба местные жители - Александр Савельев и Рауль Дуничев. «На обучение уходит целая зима». Рауль Дуничев снабжает своего учителя сырьем. Нашел людей, которые держат овец, и сам состригает с животных шерсть. Шерсть на валенки годится только с осенней стрижки, причем мыть состриженную шерсть нельзя, поэтому овец перед этой процедурой гоняют на какой-нибудь водоем.

Сергей Александрович ведет меня в собственноручно возведенную катавальню. Те, у кого нет катавальни, делают валенки в бане, у Коротеева же баня расположена отдельно, она тоже построена своими силами. Справа у окна - стол, обтянутый холстом, на холсте начерчены выгнутые в дугу линии. В углу - так называемая чесалка, напоминающая по конструкции рубанок. Посередине помещения - печь со специальным котлом, на ней стоит и большой чан. Слева - еще один стол. Рядом с ним, на полке, - целая армия деревянных колодок разных размеров (вернее, номеров): от малюсеньких до огромных. Катальщик достает из большого плетеного короба шерсть и начинает ее прочесывать. На столе появляется пушистое серое облачко. Что происходит дальше, постараюсь объяснить доступно.

Подготовленная шерсть раскладывается на холсте, смачивается горячей водой и раскатывается, как тесто скалкой, отчего ее волоски прочно сцепляются друг с другом. Так рождается шерстяное полотно - войлок, из которого по трафарету вырезается гигантская заготовка валенка, отдаленно похожая на букву «Т». Заготовка складывается пополам и обретает форму буквы «Г». Внутрь ее помещается специальная прокладка, чтобы полотно не слипалось, а его края сращиваются опять же при помощи горячей воды. Обнаруженные дыры или неплотные участки латаются уже известным нам с вами способом: добавленная шерсть спрыскивается водой и прирастает к основе намертво. Получается полувалок - огромный войлочный носок. Почему носок? Потому, что он очень мягкий, и прежде чем «задубеть» и превратиться в валенок, ему предстоит пройти огонь и воду.

Следующий, важнейший, этап изготовления уникальной обуви тяжел во всех смыслах этого слова. Полувалки замачиваются в слабый раствор серной кислоты на полдня - шерсть во время такой закваски обезжиривается и усаживается. После этого их стирают - окуная в крутой кипяток, крутят, мнут, укатывают, накручивают на металлический прут, и они уменьшаются буквально на глазах. Особых умений здесь не требуется, только сила. После нескольких часов «терзаний» - а на стирку требуется как минимум два часа - полувалки набивают на колодки специальным вальком. Остывать им нельзя. При температуре, такой как в хорошо натопленной бане, валяльщик должен довести свою работу до конца, не прерываясь.

До того как отправить валенки на сушку, с них необходимо согнать утолщения. Высушенные катаники обязательно зачищаются жесткой щеткой. Во-первых, для красоты, во-вторых, ради сухости. Ведь с гладких валенок, без торчащих волосков и шероховатостей, легче скатывается снег, и они дольше не промокают. Последний штрих - подрезать неровные голенища. Валенки готовы!

«Настоящие валенки - очень прочная и теплая обувь, которая еще и позволяет ногам дышать. Кроме того, овечья шерсть очень полезна для здоровья (а вот само ремесло, наоборот, сродни вредному производству). Правильные катаники должны быть очень плотными. Определить, бракованные они или нет, просто. Достаточно посмотреть их на свету. Если просвечивают, значит, мастер пожалел шерсти. Такие валенки, как намокнут, так садятся, становятся мягкими, быстро рвутся и даже разваливаются. Чтобы катаники

прослужили долго, нужно их не только правильно сделать, но и правильно носить. В сырую погоду одевать на них галоши и всегда хорошо просушивать. Если их не сушить, они греть перестанут».

Одна пара легких валенок с галошами - на нем, еще две пары красуются на печи. Вся валяная обувь у него натурального серого или коричневатого цвета. Некоторые мастера красят катаники в черный цвет или, наоборот, отбеливают. Кому как нравится.

МАСТЕРСКАЯ РАБОТА

Как я тряхнула стариной

Выставка-ярмарка «Сделал сам» в Вологде. Мастер-класс по традиционным народным ремеслам.

«Раз, и иголочка сама дорогу находит, - красным по белому ложится вышивка на полотно в ловких руках Тамары Миловой, мастера дома ремесел из Верховажского поселка Шелота. - Сколько помню себя - всегда с иголкой в руках. Теперь, если не поделюсь секретами, - заболею. Всех, кто желает, с превеликим удовольствием учу». Мастерица вышивает полотенце по северным образцам. «Ничего нового я не выдумываю. С вышивкой обращаться нужно очень серьезно и с любовью. Ведь иначе может получиться, что вместо свадебного да погребальное что-нибудь вышьешь. Я ни одной своей вещи не обругала, даже если нитка не туда пошла или узелок где-то завязался. И все свои изделия люблю, правда». Тамара Николаевна вышивает крестиком. Вышивка в проворных руках искусницы выглядит объемной: «Только ниточку прижала к ткани, и этого достаточно, чтобы рисунок получился, будто бы я его наложила. А если сильно тянуть, выйдет некрасиво - орнамент перекосит».

С изнанки рисунок на будущем полотенце такой же ровный и аккуратный, как и с лицевой стороны. «Настоящая мастерица узнается по изнанке», - одобрительно кивает подошедшая перенять опыт посетительница выставки. «Я привыкла бережно относиться и к лицевой, и к изнаночной стороне изделия, - вступает в диалог Тамара Милова. - Изнанка должна быть красивой. Поначалу я считала, что это всего лишь мое неприятие, если изнанка напутана. Но посудите сами. Это же все раньше было обереговое. По жизни, значит, все перепутанно пойдет. И только если изнанка ровная и аккуратная, полотенце будет играть роль оберега».

Неподалеку белым по белому ткет на станке полотенце Светлана Летовальцева. «Началось все с изготовления кукол. Для этого нужно много чего уметь: и ткать, и рисовать, и кружево плести, - рассказывает мастерица. - На станке очень интересно ткать. Сначала научилась ткачеству, затем - выбирать рисунок. Это бранное ткачество. В итоге получится на три метра полотенце». Галина Ойкина приехала поделиться мастерством из деревни Новое Вологодского района. Уже много лет в местном доме культуры она учит ребятишек росписи. «Вот вологодская наша роспись - глубоковская, вот шекснинская золоченка, еще городецкая роспись и под хохлому. Я люблю, чтоб изделия были яркие, красочные, нарядные».

Евфалия Мефодьевна Отопаева и Галина Агеевна Окуличева приехали из Сизьмы. Первая заведует отделом народных ремесел в местном центре традиционной культуры, где есть мастерские по изготовлению кукол, вышивке, ткачеству. На выставке-ярмарке Евфалия Отопаева учит желающих изготовлению тряпичных куколок. «Эти куклы несложны в исполнении. Их не нужно шить, просто связываешь. Вот вепская кукла. Такую дарили девушке на выданье, чтобы она удачно вышла замуж и нарожала побольше детишек. Поэтому куколка с большой грудью. А вот нянюшка с младенцем на руках. Сюда, в младенца, вкладываем свернутый листок с молитвой за детей. Получается кукла-оберег. А это платочница, тоже кукла-оберег, в платочек мы ладан прячем, ведь не зря говорится: боится, как черт ладана. А это ангел-хранитель. Блестящая тесемка вокруг головы - нимб».

В руках Галины Агеевны звонко побрякивают коклюшки. Мастерица плетет кружевную салфетку. «Стук коклюшек успокаивает. Вот традиционные элементы: плетешок, полотнянка, а это сетка со сканью. Скань рельеф создает». - «Плетешок - значит перевить-сплести?» - интересуюсь у мастерицы, вспоминая отработанные еще на школьных уроках труда элементы. «Точно. А вы попробуйте. Наверняка руки все вспомнят, - усаживает меня за пяльцы с подушкой Галина Агеевна. - Вот здесь полотнянку плетешь, потом вилюшечка пойдет».

«Сплести-перевить-сплести, затянуть. Сплести-перевить-сплести, затянуть», - проговаривая про себя движения, медленно-медленно перебираю коклюшки. Действую неуверенно (лет 15 коклюшки, булавки да крючок покоятся в дальнем ящике на антресолях), но нити все же складываются в витиеватый узор. Меня переполняет радость. Пока руки вспоминают нужные элементы, мастерица рассказывает, как причудливо сложилась ее судьба. «Я раньше бойкой была, неусидчивой, помогала брату мужские работы по дому выполнять, а стать мечтала трактористом. Окончив школу, поехала в Вологду поступать в строительный техникум, но полбалла не хватило. Вернулась домой, а тут подоспело приглашение из училища №15 (ныне колледж народных промыслов). Приехала я туда, посмотрела, что и как. Все очень понравилось. Привели меня в цех, где кружево плетут. Я - чемоданчик в руки, да домой. Подумала, что никогда мне так не научиться». В итоге училище Галина Окуличева закончила с отличием, а потом три года проработала в учебном учреждении мастером. Сегодня плетет кружево на дому и передает секреты мастерства.

Мужчинам на мастер-классах тоже было чему поучиться. На улице кузнец ковал подковы на счастье. В помещении гончар учил делать глиняную посуду. Около палатки Сергея из Вытегорского района люди останавливались надолго. Из привезенных заготовок мастер строил сеть. «Сеть не плетут, ее строят. Я умею вязать сеть, но правильно - построить ее из частей. На данном этапе я куклу перерезаю вдоль. Целиком сеть получится 7,5 метра высотой. Это на крупную рыбу - на леща, налима. Берется шнур. Одна сторона посажена дома. Сейчас вот отрежу, посажу другую сторону, потом начну рамить». Изготовлением сетей и неводов он зарабатывает на жизнь. «Я в 1980 году рыбаком устроился в рыбколхоз на Онежском озере в Вытегре. Там и научился. Умею делать все, чем рыбачат. Здесь всего не показать. Невод, например, может быть и десять метров высотой, и шесть. «Шестеркой» ловят корюшку. А «десятка» - на ряпушку. Вот в сказке «О рыбаке и рыбке» Пушкина маленький невод был. Зато какую рыбку им старик поймал. Если б не бабка, жил бы себе припеваючи».

МОЯ ДЕРЕВНЯ

КОРОВИЙ ПОЦЕЛУЙ

Как я доил Зорьку

Я никогда не наблюдал вживую, как получают от коровы молоко. Только по телевизору видел. И вдруг я возжелал сделать это сам. «Придется тебе идти к нашей соседке Людмиле Монаковой, - вздохнув, сказала мать моей жены, давно привыкшая к моим причудам. - Ты же знаешь, что во всей деревне корову держит только она».

Не особенно веря в успех, я стал просить тещу пойти со мной к соседке, чтобы уговорить ее взять меня в помощники. Дескать, скажем ей, что это задание редакции. «Да ее и уговаривать не надо, что она, тебя не знает разве? - возразила теща. - Ну, хорошо, хорошо, так и быть, пойду с тобой». Слегка удивившись столь необычному желанию городского жителя, Людмила Николаевна, тем не менее, охотно пошла навстречу. «Только на утреннюю дойку ты опоздал. Приходи на вечернюю, в половине шестого». Расставаясь до вечера, я повторил, что хочу быть самым непосредственным участником доения, а не сторонним наблюдателем. Чтобы все было по-настоящему. «А как же иначе, конечно, все будет по-настоящему, - заявила соседка с улыбкой и, победно посмотрев на мать моей жены, добавила: - Вот когда много лет назад корову держала твоя теща, она тебе не показала, как надо доить, зато у меня, может быть, научишься».

В порядке подготовки к дойке теща дала мне несколько советов. Я уяснил, что доить корову надо только с правой стороны, как принято испокон веков. Приходить на дойку надо в чистой одежде и с чистыми руками. Желательно быть абсолютно трезвым. К счастью, это мое обычное состояние. Перед тем как начать доить корову, необходимо помыть ей вымя, хотя, как пояснила мать моей жены, возможно, эту процедуру хозяйка проделает сама. И бояться коровы не надо, хотя осторожность не помешает. «Что ты имеешь в виду?» - насторожился я. «Ну, ведь это животное, и мало ли что ему взбредет в голову. К тому же корова тебя не знает. Если что-то не понравится, может запросто и лягнуть». - «Спасибо, ты здорово можешь в трудную минуту поднять боевой дух. Постараюсь заслужить уважение этой скотины. Как, кстати, ее зовут?» - «Зорька». Не поставит ли она мне зорьку под глаз или еще куда, невесело подумал я. Прочитав мои мысли, мать жены сказала: «Ладно, так и быть, схожу с тобой на твою новую работу».

Пару слов о доярке и ее корове. Сменив без сожаления работу нянечки в детском

саду на тяжелый труд доярки, Людмила Монакова добросовестно проработала на ферме 25 лет, о чем свидетельствуют неоднократные поощрения, и в 1999 году ушла на пенсию. Однако со своим ремеслом она не рассталась, так как и сейчас держит корову в своем подсобном хозяйстве, вот уже много лет оставаясь в деревне единственной добытчицей и поставщицей молока. Соседи, приходящие к ней за этим продуктом, называют ее не иначе, как «кормилица наша». Получается, что в общей сложности доит скотину женщина вот уже 35 лет, причем довольно долго Людмила Николаевна получала молоко со своей коровушки исключительно ручным способом: переходить на машинный способ доения не было особой необходимости. Однако ноющая боль в пальцах с каждым разом давала о себе знать все больше, и в один прекрасный день хозяйка поняла, что сберечь руки поможет только доильный аппарат. Чтобы его достать, пришлось приложить немало усилий, тогда он был еще в большом дефиците.

Однако Зорька от достижений научно-технического прогресса оказалась совсем не в восторге и «автоматически» доиться не захотела. Ее пугали звуки, издаваемые аппаратом, и непривычное «засасывающее» ощущение от его металлических присосок. Дня три-четыре хозяйка не могла добиться от коровы даже половины обычной нормы. Ей приходилось «додаивать» скотину вручную. Но потом женщина умышленно не сделала это разок-другой, и в конечном итоге та, обремененная лишним грузом, с облегчением сдалась на милость электромеханического победителя. Только первый раз количество полученного продукта оказалось ниже нормы, но уже на следующий день Зорька, видимо, распознав все плюсы и минусы аппаратного дояра, стала отдавать все свое молоко и во время дойки уже стояла, почти как вкопанная.

Когда мы вчетвером - я, теща, жена и соседка - подошли к скотному двору, мне стало не по себе, и я с особенным джентльменским удовольствием пропустил дам вперед. Войдя внутрь и впервые увидев Зорьку в непосредственной близости от себя, я поразился ее большим габаритам. Недаром говорится, у страха глаза велики. Теща посоветовала мне скотину погладить, но та сразу отдернула голову в сторону. «Да кто же корову по рогам гладит, - заворчала теща, - по голове надо или по телу». Удивленная визитом целой делегации, корова вертела своей темно-коричневой головой по сторонам, ловя каждое слово непрошенных гостей и заодно отмахиваясь от назойливых мух. Глядя на Зорьку, я подумал, что своей вертящейся рогатой башкой с белой звездой посередине она может запросто сбить меня с ног. В свою очередь Зорька на меня посматривала с недоверием, явно чувствуя, что я не из местных.

«Ты ее не бойся, держись уверенно, тогда она тебя, может быть, не лягнет», - вновь «успокоила» меня теща. «Да она вообще у меня не лягается, - решительно возразила хозяйка коровы. - Чего не дело говоришь-то?» Теща стала тихо доказывать ей, что меня Зорька не знает, и потому я должен быть начеку, а Людмила Николаевна в ответ негромко твердила о таких качествах своей подопечной, как смиренность и доброжелательность. Пока они спорили между собой, я неуклюже гладил Зорьку по вздрагивающему теплому боку и пытался убедить себя в том, что мне выпала большая честь подоить единственную в деревне корову и тем самым внести свою скромную лепту в решение продовольственной программы страны. «Ну, ладно, пора начинать. Садись, Юра, и ничего не бойся», - приказала доярка и поставила у ног коровы крохотную табуретку.

Сев на нее, я ощутил себя маленькой собачонкой рядом со слоном. Правда, постоянно вертящаяся в разные стороны большая голова Зорьки была уже далеко от меня, однако теперь я с опаской посматривал на ее крепкие задние ноги, чуть подрагивающие перед самым моим носом. Тем не менее, когда доярка, взяв ведро с теплой водой, начала мыть полотенцем коровье вымя, я мужественно вызвался помочь. В итоге мы пошли на такой компромисс: она вымыла вымя, а мне достались соски. Затем под чутким присмотром трех женщин я, немного осмелев, сухим полотенцем обтер все это коровье хозяйство, пока оно не стало полностью сухим, чем заслужил скупую похвалу своей наставницы. Я воспрянул духом и даже немного расслабился, как тут же поплатился за это, неожиданно получив хлесткий удар коровьим хвостом точно в левый глаз. К счастью, у меня хватило ума резко не дернуться, чтобы не испугать Зорьку, однако из-за стремительно набухшего слезами глаза в нашей работе произошла короткая заминка. «Что, в глаз получил? - рассмеялась доярка. - Ну, ничего, бывает». - «Это она специально, что ли? - утирая глаз, спросил я. - Ей что-то не понравилось?» - «Да нет, это она так от мух и оводов отбивается, - хохотала соседка. - Мне тоже несколько раз доставалось в глаз от хвоста».

Мое око быстро пришло в норму, и Людмила Николаевна коротко объяснила мне принцип действия доильного аппарата. Наконец, нажатием кнопки я привел его в дей-

ствие, и теперь мне предстояло выполнить самую сложную часть операции «Даешь молоко!» Необходимо было приложить к вымени металлические, со свистом засасывающие воздух, трубки таким образом, чтобы они поглотили в себя коровьи соски. Однако соски у меня никак не засасывались внутрь, и тогда опытная доярка пришла мне на помощь. Она быстро установила на вымени две металлические присоски, с двумя другими справился я сам. Потом соседка призналась, что давление в ее аппарате не очень сильное, поэтому с непривычки насадить трубки на соски действительно непросто.

Через короткое мгновение молоко порциями побежало по шлангу от коровы в доильный бак. Я чуть было не заорал от радости: «Ура!» - но сдержался, чтобы не напугать рогатую поставщицу молока. «А ну-ка, Юра, пожамкай ей вымя, чтобы лучше доилась, - скомандовала доярка. - Особенно вот эту четвертую титьку, с ней у нас проблемы были». - «В смысле помассировать, что ли?» - переспросил я. «Ну, да, помассировать». Я с усердием стал жамкать коровье вымя, мечтая получить молока как можно больше. Оно перестало поступать в доильный бак, не дотянув до самого верха несколько сантиметров. Наверное, это рекорд, подумал я с чувством выполненного долга и по указанию наставницы отключил аппарат. «Восемь литров мы с тобой надоили сегодня, - заявила та. - Это нормально, хотя Зорька у меня дает и по десять литров».

Все равно для меня это рекордный показатель, ведь раньше мне доить никогда не приходилось, мысленно похвалил я себя и уже собрался было выйти на свежий воздух, но, оказывается, нам предстояло еще вымыть доильный аппарат, что, впрочем, было уже совсем нетрудно. Мы опустили трубки в ведро с горячей водой, приготовленное хозяйкой заранее, я вновь нажал на кнопку, и, засасывая воду, аппарат промыл сам себя. (Два-три раза в месяц хозяйка также промывает его в щелочном растворе). Затем мы перелили молоко из бака в ведро, и, взяв его, я, ощущая себя героем дня, вышел на улицу. Теща, оставив меня, распираемого гордостью, сразу же поспешила домой, а ее дочь сделала по моей просьбе еще несколько кадров.

Когда я вернулся в дом тещи, мой чуткий шурин (брат жены), оказавшись рядом со мной, вдруг заявил: «Да от тебя навозом пахнет!» Я взглянул на него снисходительно и ответил: «Я, дорогой мой, между прочим, корову доил, а не читал газету на диване». Сняв халат и кепку, я вывесил их на улице, чтобы проветрились, и решил пройтись по деревне. Недалеко на лужайке у дома Людмилы Монаковой паслись Зорька и ее теленок Малышок. Рядом стояла их хозяйка. Подойдя к ним, я уже безо всякой робости погладил Зорьку по голове, и она не то что не отшатнулась, а даже посмотрела на меня, как на старого знакомого. «Ты смотри, Юра, а ведь она тебя признала, - сказала соседка. - Уже и гладить себя позволяет. Нет, ну точно она тебя признала». И тут, словно подтверждая слова хозяйки, корова вдруг быстро наклонила свою большую голову и смачно лизнула мое левое колено, оставив на штанине широкий мокрый след. «Ну, что я говорила!» - рассмеялась доярка.

ВАЖНЫЕ ДЕТАЛИ

РИСУНОК ШВА

На Вологодском машиностроительном заводе состязались электросварщики. «Меня завораживает, как горит дуга и стекают расплавленные капли металла. Чувствую себя художником, ведь я сам выбираю рисунок шва», - сказал один из них.

По условиям конкурса, каждый участник должен проварить на соединенных вместе металлических пластинах шов длиной 300 миллиметров. На разные типы сварок отведено от 1 минуты 50 секунд до 4 минут 22 секунд. Время, потраченное на подготовку пластин и замену электродов, в зачет не идет. Оценивается подготовка деталей к работе, их зачистка, умение пользоваться измерительными приборами и устанавливать оптимальный режим сварки. Если уже на контрольном шве участник меняет на сварочном аппарате токовую нагрузку, это наказывается снятием баллов. Сэкономленное от контрольного время идет в плюс - за секунду 0,2 балла. За «непровар» шва судьи снимут от 10 до 50 баллов в зависимости от длины.

Конкурсант под номером два обработал напильником и притупил края двух металлических пластин из углеродистой стали толщиной 6 миллиметров, зачистил кромки под 25 градусов. Установил образец в держатели и производит настройку электрических параметров аппарата, выставляет силу тока и напряжение, необходимые для создания сварочной дуги. Сначала он сварит пробный образец, затем основной. Другой сварщик при-

менял механизированный способ сварки плавящимся электродом в среде защитного газа. Сварил пробный образец, но пока не совсем качественно. Работает по специальности около двух лет, имеет четвертый разряд. При сварке шва на основном образце потерял баллы и в результате занял шестое место из семи в своей возрастной группе (до 30 лет).

Парни из профессиональных училищ, присутствовавшие в качестве зрителей, во все глаза следили за каждым движением мастеров. «Я уже сваривал металлические бочки. Больше люблю ручную дуговую сварку. После армии вернусь в Вологду, чтобы работать на этом заводе», - сказал Стас Карабицын, учащийся третьего курса из Кадникова. Сидевший рядом Володя Мазилин подхватил: «Сварщик - это настоящая мужская работа. Я проходил практику на предприятии «Транс-Альфа», и мне доверяли сварку кузовов автобусов. В училище мы получаем азы профессии. Для нас этот конкурс - наглядный урок мастерства».

На мастер-классе парни наблюдали, как пользоваться шаблоном сварщика, контролировать размеры шва, выставлять силу сварочного тока и давление на редукторе, чтобы подать газ в зону сварки. Судьи визуально проверяли высоту и ширину швов на изделиях. Образец с клеймом №8 был сварен способом ручной дуговой сварки. «Хорошая работа, корень проварен, после сварки деталь зачищена хорошо», - вынес оценку судья.

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА

КАРЕТКУ МНЕ, КАРЕТКУ!

На Вологодском подшипниковом заводе соревновались фрезеровщики.

Требуется изготовить деталь с набором различных элементов, таких как пазы, уступы, углы, призмы, для того чтобы в процессе использовались все элементы управления станком и различный инструмент. В отличие от токаря, обрабатывающего вращающуюся деталь неподвижным инструментом, фрезеровщик обрабатывает жестко закрепленную заготовку вращающимся инструментом.

К каждому участнику приставлен персональный судья. Ставя фрезы на станки, конкурсанты должны держать их на твердой подкладочке, чтобы не поранить руки. На работающем станке должен быть опущен защитный экран, сквозь стекло видно, как фреза протачивает закрепленную в тисках деталь. Фрезеровщик под номером два, Василий Баландин, представитель оптико-механического завода, внимательно изучал чертеж. Да, голову придется поломать, деталь уж больно сложная. Он знает, что станки марки 6Т12-29 обеспечивают высокую точность. Закрепил болванку в тисках и приступил к обработке. Для этого под рукой четыре типа фрез: торцевая для грубой обработки габаритов, две фрезы цилиндрические диаметром 14 и 20 мм и дисковая фреза диаметром 80 мм и шириной 2мм. Торцевая установлена - за дело!

Станки проверены на микрогеометрию. В обычные дни на этих станках в основном изготавливается режущий инструмент: резцы, фрезы, зенкера для всех механических производств завода. Деталь для конкурса задумана хитро, но возможности оборудования позволяют ее изготовить в установленное время. Она представляет собой каретку (часть от прибора) с направляющей призмой, то есть должна перемещаться по роликам. Размеры - 25 на 26 мм и длина 80 мм. Профессионал должен определить правильный маршрут ее обработки. За месяц участникам был выдан «слепой» эскиз детали - без размеров. Для ее изготовления используется обычная конструкционная сталь-45, считающаяся эталонной для обработки.

При проверке размеров детали применяется универсальный инструмент, заложенный в карте приемочного контроля. Микрометром измеряется глубина пазов вместе с роликами, ширина выступа. Штангенциркулем проверяется высота и длина направляющих, толщина перемычки. С помощью угольника и щупа оценивается перпендикулярность изделия. По таким дефектам детали, как «зарез» и «врезание», жюри сминусует баллы. Как правило, одинаковых ошибок не бывает. Самый сложный параметр, заложенный в каретке, - расстояние между призмами, он контролируется двумя цилиндрическими роликами, изготовленными с точностью до пяти микрон.

В теоретической части конкурсанты отвечали на 35 вопросов, касающихся дисциплин машиностроения. По пять вопросов было отведено на трудовое законодательство и охрану труда. Максимально они могли получить 22,5 балла. Участник под номером 7 набрал 19,5 балла. Это Виталий Фарутин, специалист ВПЗ. Он участвовал во всех областных конкурсах фрезеровщиков. Окончив технический вуз по специальности инженер-

механик, работал сначала мастером, но вот уже 20 лет трудится станочником. На вопрос, что его привлекает в профессии, ответил: «Это творческая работа, нужно головой думать, настраиваться на каждую деталь. Здесь нет предела совершенству. Вытачиваешь деталь - и вдруг тебя осенило, как лучше и быстрее ее сделать. На соревнованиях, когда выставляешь лимб на станке, чтобы точно установить размер снятия металла фрезой, волнуешься, рука дрогнет - и можно не уложиться в норму. Например, десятку миллиметров надо дать, крутанул лимб чуть больше - и получилось полтора. Сегодня на изделии многие размеры отсутствовали. У каждого своя технология, а я вычислял их по науке, у меня есть своя схемка. По формулам через синусы и тангенсы высчитал глубину фрезерования, а потом по этим размерам фрезеровал. И еще на детали есть параметры допусков - 0,05 и 0,07 мм. Постарался их соблюсти, но ОТК смотрит по-своему. У них инструментов больше».

У соседнего станка один из основных претендентов на победу Владимир Штундер закончил изготавливать деталь и передал ее на контрольное исследование. «В данной детали самый высокооцениваемый размер - размер призмы, за него можно получить 14 баллов, - прокомментировал он свои действия. - На призму потратил львиную долю времени, там самый неудобный для измерения размер. Он всем достанется трудно, его выводил концевой фрезой с большой осторожностью, постепенно. К нужным параметрам приближался потихоньку по долям миллиметра. Поторопишься, чуть не так сделаешь - и пролетел за размер, и не исправишь. Использовал все три плоскости станка: вертикальную, горизонтальную и продольную. Что получилось, объявит жюри». А жюри объявило Владимира лучшим фрезеровщиком области.

В числе зрителей присутствовали мастера производственного обучения и воспитанники профессиональных училищ №5 и №28. Учащаяся второго курса Валерия Епрева поколебала мое мнение, что станочник - мужская профессия: «Этой специальности из девушек я одна учусь, нравится. Пошла по совету мамы. Она работает на станке на шариковом производстве ПЗ. Но я и сама хотела получить мужскую профессию, возможно, у меня технический склад характера. А еще я выступаю в художественной самодеятельности училища, пою песни из кинофильмов. Когда работаю на станке, а у меня уже второй разряд, про себя повторяю любимые стихи, это придает мне спокойствие. Чьи стихи? Фета, Бунина, Лермонтова. Хочу получить две профессии - станочник широкого профиля и оператор станков с числовым программным управлением. Для закрепления знаний поработаю на оптико-механическом заводе и поступлю в институт».

Я было подумал, что Лера шутит, я не верил ушам, но слова своей ученицы подтвердила Нина Балаева, мастер производственного обучения 28-го ПУ: «Лера уже умеет обрабатывать поверхности деталей на токарном и фрезерном станках. Девушки по такой специальности у нас редкость, мы ее бережем». Другой ученик этого училища, Михаил Кузенок из Харовска, сообщил о себе следующее: «Пришел в училище после армии. Станочник - это мое. Сегодня работают настоящие мастера. Я подучусь и тоже так смогу!»

БРИЛЬЯНТОВАЯ РУКА

Как я держал пробу

Давно я присматривался к ювелирным лавкам. Я лелеял мысль напроситься в подмастерья к ювелирам, а вы что подумали? И вот сбылась мечта благодаря Юлии Серовой. Она известный в Вологде специалист по драгоценным камням: геммолог.

Появившись в ювелирном салоне загодя, я рассматривал витрину. «Девушка, это аквамарин?» - спросил я продавщицу, показывая на камень цвета морской волны. «Нет, это фианит». Промашка вышла. Мой алчный взор привлекло изящное золотое колечко с крохотными самоцветами ярко-зеленой окраски. Я уверенно предположил, что это изумруды. «Нет, это тоже фианиты. В этом зале продаются ювелирные изделия только с фианитом». Появилась Юлия и занялась моим просвещением, начав с пробирного клейма, или пробы, которая ставится на ювелирных украшениях из благородных металлов. Знаете ли вы, как выглядело пробирное клеймо в нашем отечестве с 1927 по 1958 годы? На нем была изображена голова рабочего и молот. Потом вместо профиля появилась пятиконечная звезда. Впрочем, это вам знать ни к чему. Слушайте дальше.

Клеймо

Слева от знака пробирного удостоверения, коим является, например, женский профиль или другое изображение, должна стоять печатная буква. Это шифр госинспекции

пробирного надзора. Справа же от знака ищите цифровое обозначение пробы драгоценного металла. Номер пробы свидетельствует о количестве золота в изделии. Остальную часть составляют легирующие добавки, придающие ему прочность. Кроме пробирного клейма, на драгоценностях отечественного производства ставится и так называемый именник (именное клеймо). Это шифр, по которому можно определить год изготовления изделия, инспекцию пробирного надзора, поставившую клеймо, изготовителя и так далее. Встречаются именники, представляющие собой клеймо конкретного мастера-ювелира.

Оценивая изделие, геммолог обращает внимание на его состояние, ювелирную работу мастера или завода-изготовителя и на наличие пробирного клейма и именника. Если они плохо сохранились, имеют следы деформации или полностью стерлись, это значительно снижает стоимость изделия. Лучше всего сохраняются клейма, нанесенные ударным способом, но у ювелиров он не в чести из-за некоторой деформации поверхности изделия вокруг клейма, хотя браком это не считается. Щадящей является технология электроискрового клейма, но тоже имеет недостаток: от действия электродов остаются темноватые пятна, которые, впрочем, легко удалить специальной салфеткой для полировки. Самым «гуманным» и самым дорогим методом остается нанесение пробы или именника с помощью лазера. Однако такие клейма стираются быстрее. В качестве примера Юлия рассказала, как один ценитель драгоценностей пытался убедить ее в том, что ему продали золотое кольцо без пробы. Геммолог быстро доказала, что клеймо, нанесенное лазером, просто быстро стерлось, причем из-за неаккуратного обращения.

Клейма бывают основными и дополнительными. Основное клеймо ставится на цельное изделие, дополнительное - на съемные детали, такие как замковая часть на сережках-гвоздиках, съемные замки на цепочках, браслетах и так далее. «А теперь, Юрий, давайте определим, какой пробы ваше золотое кольцо», - предложила Юлия. «Пятьсот восемьдесят третьей», - произнес я с достоинством. «Вы хотели сказать, пятьсот восемьдесят пятой?» - «Нет, именно пятьсот восемьдесят третьей. Моему кольцу больше тридцати лет». Взяв кольцо, Юлия легко потерла его на пробирном камне, представляющем собой небольшой черный брусок. Увидев на поверхности ясно различимый золотистый след, я насторожился: «Вы умыкнули часть моего золота!» - «Его тысячную долю, не переживайте. Глядите, что будет дальше». Она капнула на конфискованное богатство какой-то жидкостью, но с ним ничего не произошло. Это был соответствующий моему золоту химический раствор, который и не должен был вызвать никакой реакции. В таких случаях ювелиры произносят: «Пробу держит».

«А теперь смотрите, что будет, если я капну раствором, предназначенным для 750-й пробы». На моих глазах жидкость бесследно поглотила золотую пыльцу, о чем ювелиры говорят: «Пробу не держит» (то есть золото не той пробы). Потом мы с геммологом проверили два других колечка из моего скромного ювелирного арсенала. Как я и полагал, одно из них оказалось из серебра, другое - из мельхиора. Использовался реактив, универсальный для всех серебряных изделий. Если жидкость, капнутая на натир от металла, окрасится в красный цвет, значит, это серебро. Если же она не изменится, значит, это какой-то другой металл. Между прочим, выяснилось, что мое серебряное кольцо 925-й пробы, скорее всего, родом из-за границы. Под мощным микроскопом мы увидели на нем два клейма: незнакомое, заморское, и наше, российское, которое, как объяснила Юлия, ставится на зарубежных изделиях, когда они поступают к нам в страну в официальном порядке. Заостренной формы маленький самоцвет в кольце геммолог сразу же опознала: нефрит.

Стекляшки

На протяжении веков ювелиры выясняли, какая огранка алмаза лучше. От 1919 года ведет отсчет классическая огранка круглого алмаза, благодаря которой он предстал во всем блеске, сверкая 57 гранями. «Секрет гениален и прост: свет, падающий на бриллиант, полностью переотражается. Классически ограненный алмаз имеет форму круга, которая складывается из павильона, короны и рундиста, напоминающего поясок». Юлия показала мне малюсенький бриллиант-круг в вакуумной упаковке, создающей ощущение, будто камень парит в воздухе. В микроскоп я разглядел на рундисте бриллиантика номер сертификата, нанесенный лазером, и услышал, что нередко заказываются надписи на рундисте, служа своего рода защитой от подделки и подмены. Это бывает признание в любви. «Как можно написать признание в любви на такой крохотуле?» - удивился я. «В этой, как вы говорите, крохотуле полкарата!» - раздался возглас профессионала.

Войдя в роль подмастерья, я достал из сумки дешевые украшения, много лет мертвым грузом лежавшие в домашней шкатулке, и попросил Юлию проверить, самоцветы это или имитация. Девушка подключила небольшой прибор, оказавшийся ультрафиолетовой лампой, и занялась мельхиоровой серьгой, которую я нашел еще в детстве. «Этот дымчатый камень похож на раухтопаз, но я не уверена, - сказала она и, положив серьгу в футляр без крышки, навела на нее лампу. - Посмотрите, Юрий, происходят ли какие-нибудь перемены с вашим камнем?» Взглянув в прибор, я ахнул. В темноте камень излучал восхитительное светло-зеленое сияние. Выходит, зря я считал эту сережку дешевой безделушкой? Но геммолог спустила меня с небес на землю. «Огорчу вас. Эта люминесценция говорит о том, что перед нами всего лишь имитация раухтопаза, то есть стекляшка».

Другие новости были для меня более радостными: два брелока для ключей, что я когда-то купил за копейки, оказались действительно с чароитами - сиреневыми поделочными самоцветами, найденными только в одном месте земного шара - в верховьях реки Чары в Якутии (но и там их уже почти нет). Зеленый камень в мельхиоровом кольце, как я и предполагал, оказался имитацией авантюрина, а беловато-серый с разводами - агатом. Эти камушки не подавали никаких признаков свечения. На других примерах я убедился, что яркая люминесценция характерна не только для искусственных, но и для синтетических камней. Впрочем, люминесцируют в ультрафиолете и природные самоцветы, такие как бриллиант и рубин, только очень слабо.

Мы задействовали полярископ, снабженный двумя линзами. С его помощью определяются оптические свойства камней, в частности характер преломления. Особенно хорошо в полярископе диагностируются кварцы с «эффектом бычьего глаза». Так называется чудесное преломление, при котором в камне, если его пошевелить, появляется радужное пятнышко. Более основательно измеряет показатели преломления самоцветов рефрактометр, однако попрактиковаться на нем мне не удалось, так как для его работы нужен дорогостоящий и дефицитный раствор, который Юлия не может приобрести даже в Москве, где периодически посещает ювелирные выставки. Решили мы обойтись и без весов для измерения массы камня, так как они очень чувствительны, и отрегулировать их довольно непросто.

Очень интересно работать на клио-тестере, диагностирующем бриллианты. Достаточно прикоснуться к камню тончайшими наконечниками двух проводов (теплопроводного и электропроводного), как стрелка на приборе двинется в зеленую или красную зону с соответствующими надписями на английском языке: «диамант» (другое название бриллианта) и «симулянт». Геммолог принесла с витрины кольцо с бриллиантом, и едва я прикоснулся к нему проводами, стрелка шагнула в зеленую зону. Он настоящий! С помощью этого прибора можно диагностировать и муассаниты, используемые наряду с фианитами в ювелирных украшениях как дешевый аналог алмаза, причем благодаря высокому показателю преломления по игре света муассанит даже превосходит алмаз.

А еще я работал на измерителе Левериджа. Прибор похож на весы и служит для измерения величины камня в длину и ширину. Зная их, можно по специальной формуле определить количество каратов в камне. Но главное оружие геммолога - микроскоп. Однажды Юлию Серову попросили продиагностировать великолепные по насыщенной окраске рубины, привезенные из Индии. Под микроскопом девушка обратила внимание на опоясывающие каждый камень красивые белые хлопья, не свойственные рубинам. После всесторонней проверки выяснилось, что это рубеллиты - торговое название турмалина, редкого и очень похожего на рубин камня. Рубеллит дешевле рубина раз в десять.

Я не мог оторваться от микроскопа, рассматривая драгоценные камни. Красота неимоверная в 70-кратном увеличении. Напоследок я попросил геммолога устроить подмастерью экзамен у витрины магазина. Я угадал гранат, аметист, хризолит, малахит, жемчуг, коралл и даже цитрин. В числе неопознанных камней были голубой топаз, хризопраз и еще один красавец - аметрин, что-то среднее между аметистом и цитрином.

ЗАПИСКИ НАТУРАЛИСТА

ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ

Кукареканье, блеяние, утробный рык - каких только голосов здесь не услышишь! В каждом из многочисленных вольеров царит особый порядок. Основой его могут быть соперничество и союзничество, равнодушие и привязанность, непостоянство и верность.

Я иду по зоосаду Дедушки Мороза с директором Владимиром Карабановым и пресс-секретарем Леонидом Сурановым, которые способны часами рассказывать увлекательные истории о поступках мохнатых или пернатых проказников. Вот небольшой водоем, возле воды расхаживают птицы. Среди них несколько простых деревенских гусей и изысканная канадская казарка. Сравнительно мелкая казарка так и вьется вокруг гогочущей компании. Оказывается, она заискивает перед гусями, признает их лидерство. Любопытно, что раньше, пока лапчатые красавцы были малышами, заморская дама нещадно гоняла их.

А вот уютный уголок, в котором обитают рыси. Взрослая самка Пушинка дремлет. Рядом играет маленький рысенок. Его выкормила не мать, а обыкновенная кошка Красотка. Пушинка по неизвестной причине отказалась заботиться о собственном отпрыске. В отдельном загоне бродят два молодых оленя. У младшего братика грустный вид. Недавно он без приглашения полез в гости к ослам и был больно укушен за хвост. Беспардонное любопытство до добра не доводит. Все как у людей.

Каким образом пополняется живая коллекция зоосада? Не спешите делать скоропалительные выводы о безответных творениях природы, насильственно вырванных из естественной для них среды ради увеселения праздной публики. По словам Владимира Карабанова, случаи отлавливания зверей специально для содержания в клетках редки. Ряды питомцев пополняются преимущественно за счет взаимовыручки зоопарков. Животные благополучно размножаются в неволе; потомство требуется куда-то пристраивать. Специалисты организуют обмен: передают подросших детенышей коллегам из других городов, а сами получают молодых зверушек в соответствии с насущными потребностями.

Большим спросом пользуются волчата, выведенные на вотчине Деда Мороза. Однажды местный волчонок был отправлен даже за границу - на Тайвань. Новыми соседями сказочного волшебника в последнее время становятся представители экзотических для Вологодчины видов - пумы, верблюды. Зоосаду порой приходится принимать на довольствие нежданных жильцов. Интересна судьба орлана-белохвоста, редкой птицы, которая практически не встречается в наших краях. Слабый орлан был подобран котласскими спасателями во дворе школы. Несколько месяцев его выхаживали на станции МЧС, затем передали специалистам в Великий Устюг. В Устюге крылатого найденыша окончательно вылечили.

Владимир Александрович показал мне вольер лосей: «Замечаете, что им тесновато? Сначала тут предполагалось содержать одну особь. Потом нам привезли вторую - люди попытались приручить лосенка, но не справились. Годовалое животное весило втрое меньше, чем ему положено. Насилу спасли». Мало кто знает, что лося нужно кормить по строго определенной технологии. В сутки ему - хоть зимой, хоть летом - надо съедать 50 килограммов свежесорванных веточек, причем толщина каждой не должна превышать пять миллиметров. Сотрудники зоосада ежеутренне ездят в лес на лошадях, чтобы вручную собрать очередной центнер ивняка для гурманов.

Мне посчастливилось посетить святая святых великоустюгского дома для животных - кормокухню. Момент выдался подходящий: зверям разносили завтраки. Лакомые наборы были аккуратно расставлены вдоль стены, рядом лежали бумажки, указывающие, для кого заготовлен тот или иной паек: «Якам», «Лошади», «Кроликам», «Ежам». Меню оказалось завидное. Ежам предстояло угоститься яблоком, морковкой и творогом, курочкам - ракушками и зерном. Рядом в кладовой хранятся разнообразные припасы на долгосрочную перспективу - от мешков сухарей до банок меда. Скоропортящиеся продукты лежат на полках холодильника.

Далеко не все звери употребляют сырую пищу. В горячем цехе повара отваривали и пропускали через мясорубку рыбу для птиц. На плите бурлила какая-то аппетитная каша. «Наши животные всегда сыты. Посетители напрасно пытаются их подкармливать. От неумелого кормления вреда гораздо больше, чем пользы», - заметил Леонид Суранов. Как-то раз посетители зоосада предложили оленю пирожок. Олень проглотил пирожок вместе с целлофаном и вскоре умер.

Раздав завтраки, рабочие по уходу за животными принялись за уборку вольеров. Звери, похоже, не имели ничего против вторжения дяденек и тетенек с метлами. Мимо нас прошла ветврач. Она поздоровалась и заспешила дальше. За утро ей предстояло проверить состояние здоровья всех зверей. Трудом и терпением люди завоевывают доверие подопечных. Последние отлично запоминают, кто именно делает для них добро, радуются появлению знакомого человека. На ручки к «своим» людям идут даже отдельные хищники.

Мне пора, через несколько минут здесь ждут группу детей. Вопросов у ребят, как обычно, будет масса. Современные дети видят многих зверей лишь на картинках и по телевизору. Путают лосей с оленями, аистов - с цаплями. Ослики, кролики и овцы удивляют ребятишек ничуть не меньше, чем пумы. В зоосаде расширяют кругозор и взрослые, избавляясь от наивных стереотипов. А знаете ли вы, что ослы вовсе не упрямы, а зайцы - не трусливы?

Блокнот 2. ВОЙНА И МИР

В КНИГУ ПАМЯТИ

584 КИЛОМЕТР

Это было почти семьдесят лет назад. В будке «584 километр» на богом забытой станции Харовская жила маленькая семья Куликовых - переездный сторож Мария Иринарховна с восьмилетней дочерью Танчилой и одиннадцатилетним сыном Борисом. В 1941 году ребята остались без кормильца. Отец умер от туберкулеза, а старший брат ушел добровольцем на фронт.

В голод Мария Иринарховна пекла лепешки из подорожника и крапивы, угощая ими своих ребят и постояльцев. К Куликовым то и дело просились переночевать дети из деревень. Не хватало одежды. Для Бориса выменяли солдатские галифе и френчи, его сестра ходила в жакетке, перешитой из гимнастерки. Пальто кроили из старых ватных одеял. Тут не до красоты фасона, а Таня мечтала быть привлекательной и очень стыдилась огромных красных пуговиц на самодельной пальтушке. Темных, в тон, не нашлось. У детей были одни валенки на двоих. Танчила училась в первую смену, а Боря во вторую. Всю первую половину зимнего дня он терпеливо сидел дома. Ему часто доводилось получать от учительницы нагоняй за опоздание - сестренка возвращалась с уроков слишком долго. Валенки были велики, носить их получалось только с лыжами, иначе ноги выскальзывали при каждом шаге.

Настоящей спасительницей для Куликовых стала коза Миля. Ее в начале войны подарила детям их крестная, проживавшая в Вологде. Приобретение дойной козы, вопреки ожиданиям, поначалу принесло семье больше переживаний, чем радости. Животное нужно было перевезти в Харовскую из областного центра. Пристроить Милю в товарный вагон крестной не удалось. Пришлось Марии Иринарховне и Борису ехать в Вологду самим и пешком гнать дареную скотину. Путь был неблизкий. В наши дни такое расстояние можно преодолеть на скором поезде за два часа. Козу гнали три дня. На четвертый, где-то в районе Семигородней, она валилась с ног - копыта стерлись до мяса. Перед Аламбашем коза легла на землю и дала понять, что скорее умрет, чем сдвинется с места. Последние километры ее волокли на руках. К счастью, она отжилась, хотя ее еще не один месяц доили, не поднимая с подстилки. На следующий год в марте Миля родила двух козочек. Малышки медленно росли, потому что им доставалось мало молока. Таня и Боря жалели плачущих по ночам козлят, и когда Мария Иринарховна отправлялась на обход, брали их к себе в постели - утешали.

Когда на станцию прибывал санитарный состав, раненых временно выгружали на расстеленные по земле меховые одеяла. Дети радовались. Многие солдаты не могли есть, и комочки оставшейся армейской каши доставались ребятне. Кашу замораживали и долго берегли в ледяных кубиках, прежде чем съесть. Однажды Танчила ходила среди раненых и увидела, что одного совсем слабого человека вытолкали с одеял прямо на снег. Она сжалилась над ним и подтащила подстилку. Солдат сказал что-то на незнакомом языке и протянул девочке на ладони чудо - крохотную головку сахара. Таня еще не раз подходила укутать солдата, он бормотал по-своему непонятные благодарности, но угостить больше было нечем. Иногда раненые лежали на земле несколько дней подряд, прежде чем подъезжала полуторка и увозила их в один из харовских госпиталей. Многие умирали на койках из-за недостатка лекарств. Так в далекой от фронта Харовской появилось братское воинское кладбище. Одно из больших захоронений возникло прямо на том месте, где была еще свежая могилка отца Тани и Бори. Поминать Константина Куликова с тех пор ходили на третью братскую могилу слева.

Железная дорога являлась стратегическим объектом, поэтому станции не удалось избежать бомбежек. Вражеские самолеты наведывались сюда дважды. Во время первой бомбежки дети занимались в школе. Учителя погнали классы в бомбоубежище. Возле

входа случилась заминка - оказалось, что внутри грязно и дурно пахнет. Толкаться и раздумывать было некогда, Куликовы побежали к дому. Навстречу им уже торопилась мама. Она отвела Борю и Таню подальше от путей, к водокачке. Снаряды никого не убили и не ранили. Они разнесли в щепки два вагона - один с галетами, другой с изюмом. После налета люди толпой собирали на рельсах драгоценное съестное. Второй раз немцы объявились на самолетах с советской символикой. Ребятня, игравшая неподалеку от путей, разглядела красные звезды и весело помахала высунувшемуся из кабины пилоту. А пилот сбросил несколько бомб на железнодорожный мост. К счастью, неудачно. Все бомбы плюхнулись в болото рядом с путями. Харовчане много лет после войны ориентировались по воронкам на болоте, когда ходили собирать морошку.

Единственным способом заработка была торговля. Этим делом занимались по большей части мальчишки. Сестер они чаще отсылали в лес за ягодами. Борис был хорошим добытчиком. Он приносил не только деньги, но и кусочки хлеба, пирожков, мыла. Все эти богатства доставались нелегко. Боря то и дело оказывался на пороге смерти. Доходным товаром считалась бумага, которую дети пачками покупали на сокольском комбинате и перепродавали в вагонах. Спекуляция была запрещена, поэтому все время приходилось остерегаться милиции. Однажды Боря с друзьями убегал от милиционеров по крыше едущего поезда. Мальчик запнулся и упал в пролет, но сумел уцепиться за металлические крепления между вагонами. В другой раз он уцелел, сиганув в сугроб со ступеньки. Имел место еще один крайне неприятный случай. Борис торговал яйцами, стоя перед открытой дверцей пассажирского состава. Поезд тронулся, и незнакомец с подножки рванул корзинку Бори на себя, надеясь взять яйца задаром. Паренек цепко держал товар. Он не выпустил корзинку и упал вместе с ней прямо головой на рельсы. Ему отрезало белую пышную челку и чудом не повредило голову. Самая безопасная торговля имела место по ночам, когда можно было не бояться милиционеров. Лучшими покупателями были солдаты. Чего только не продавали дети на вокзале - соевое суфле с пищекомбината, землянику, молоко, водку.

Были у наших героев обидчики и заступники. Однажды у Куликовых прямо от будки кто-то утащил в наматраснике стог сена. Потеря была серьезной, ведь это сено доставляли на плечах с участка, находившегося в 4-х километрах от дома. А как-то раз Таню вытолкали из очереди. Она попыталась втиснуться обратно, начала размахивать рукой, в которой сжимала хлебные карточки, в суматохе кто-то ловко оторвал большую часть талонов. В другой день у девочки чуть не вырвали из рук только что полученную пайку. Выхватить все не сумели, оторвали только горбушку. А бывало и такое. Однажды у вокзала Таню обхитрила цыганка. Она начала нахваливать яйца, выложенные на продажу, и хитростью уволокла несколько штук под подол. Это увидел незнакомый военный. Он схватил воровку за шиворот и рявкнул: «А ну выложи! Все до одного!» Та отогнула резинку кофты и высыпала украденное.

В 1944 году с фронта вернулся старший брат Сергей. Он был едва жив - заталкивать его на печку приходилось всем миром. Он страдал не от ран (хотя ему довелось перенести ранение под Сталинградом), а от тяжелейшей язвы желудка. Последнее время он воевал не в качестве рядового, а в качестве строителя - как немощного его перевели в мостовую роту. Сергея отправили в Вологду на операцию. Потом он долго отлеживался дома и вылечился рыбьим жиром, который присылала из Вологды все та же заботливая крестная.

Когда в семье снова появился трудоспособный мужчина, жизнь пошла на лад. Сергей работал за троих, через несколько лет выстроил новый дом для матери, брата и сестры, а затем и дом для себя. Военное время постепенно отдалилось, но не ушло навсегда. Оно вернулось болезнями. Борис Куликов долгие годы страдал полиартритом, умер в пятьдесят лет от проблем с почками, вызванных слишком сильными обезболивающими. Сергей скончался от рака желудка. Сейчас из семьи Куликовых осталась в живых только Татьяна Константиновна, которая и рассказала эту историю.

ПИСЬМА ПОГИБШЕМУ

В архиве Вологодской картинной галереи в числе документов военной поры хранится переписка, выдержки из которой приведены ниже как свидетельство эпохи.

Ростислав Дьяконицын увлекался спортом, авиамоделированием, играл на скрипке и очень любил рисовать. Рисовал на холстах, в альбомах, даже в школьном дневнике. Наверно, мечтал стать художником. 30 мая 1942 года юноша был призван в армию и на-

правлен в военное училище на ускоренную подготовку. В течение учебы курсант Дьяконицын получал письма от друзей-ровесников. Кто-то из них был в тылу, кто-то на фронте.

26 августа 1942. Здравствуй, Слава! Получил твое письмо, за что благодарю. Спешу ответить. Жизнь наша течет по-старому. Происшествий нет. Слава, многие наши ребята целыми днями работают по 11 часов в сутки. Левка, брат твой, порисовывает. Я ему дал мягкий карандаш, и он принялся за работу. Вчера получил от Клары письмо, она спрашивает твой адрес. Твою просьбу я исполнил, т.е. передал «сердечный и горячий привет Вале Бугаевой». Слава, в клубе у нас на танцах ребят совсем нет, и девчата танцуют одни. Вот-то потеха! Я это узнал от Вали Ушаковой. Вова Борзоногов поступил в институт, где будет учиться на инженера-самолетостроителя. Вот так мы живем. Остаюсь твой друг Юра.

4 сентября 1942. Здравствуй, далекий друг Слава! Твое письмо было так неожиданно. Я думала, ты нас забыл. Я учусь на 2-м курсе железнодорожного техникума. Учиться три с половиной года. Слава, у нас большое в семье горе: папу убили в эту войну (2 мая 1942 года). О твоих друзьях что знаю, то напишу. Шура Земнов ранен, лежит в госпитале у партизан. Петя Сушенков на фронте, приезжал как-то на побывку. Мура Васильева работает (не знаю, где и кем). Люся Дормидонтова недавно вернулась из эвакуации. Леша Грошников в армии. Вовка Аверихин эвакуировался в Казань. Пиши, буду ждать. Катя Жибарева.

1*0 сентября 1942.* Друг Славка! Узнала твой адрес у Юры. Пишу тебе из детлагеря. Очень хотелось бы посмотреть на новоявленного бойца, форма тебе придала, наверное, более серьезный вид, а нос загнулся еще выше, неплохо бы получить фото. Обычно красноармейцы фотографируются стоя и с какой-нибудь «краличкой». Может, ты уже приобрел такую фотографию. Славушка, шучу, говоря о «краличке», а моську свою, если можешь, пошли. Пишет ли тебе Валичка Бугаева? Клава (помнишь косолапую-то воспитательницу) дает здесь жизни со стрелками, а сама, когда оденет шляпу (у нее она с пером от дохлой куры), то очень похожа на фрица, каких рисуют в «Крокодиле». Пишу тебе в мертвый час, все дети спят, и со всех сторон раздается оглушительный грохот канонады. Письмо от Юры я не получила, наверное, затерялось, потому что многие письма пропадают. Пиши все-все о себе. Здесь получить писульку - так это целое событие. Клара М.

4 октября 1942. Здравствуй, Ростислав! О твоем местонахождении я узнала из письма Кати Жибаревой. Я, конечно, очень обрадовалась. Нахожусь на трудовом фронте под Москвой на торфоразработках ст.Текстильщики Бауманского района и работаю здесь на должности секретаря начальника торфоразработок. Сюда я попала от предприятия, где я работала, а я работала на фабрике «Победа Октября» на должности статистика и опять не по специальности; моя специальность плановик-бухгалтер. Эту специальность я получила в 1940-41 годах. Как это ни жаль, но школу мне пришлось оставить в связи со сложившимися военными обстоятельствами. Последние войдут в жизнь как черное пятно. Живем мы здесь хорошо, работаем еще лучше. Район наш выполнил задание одним из первых, за что и получил переходящее знамя. Живем весело и следим за происходящими событиями на фронтах великой отечественной войны и славным героическим подвигом наших бойцов, мы отвечаем упорным трудом, и вместе с вами - защитниками нашей цветущей Родины - мы победим. На этом я кончаю писать. Крепко жму руку. Привет, привет, привет. Жду ответа. Катя Макарова.

13 ноября 1942. Славушка! Прости, дорогой, что так запоздала с ответом. Почти совсем не бываю дома. Взялась за общественную работу, дел по горло. Конечно, несколько минуток можно оторвать, чтоб черкнуть пару слов, но другой раз еле ноги домой приволокешь, и не до этого. Юрка болеет, а я, свинья, не могу собраться к нему зайти. А Люська еще тут приписывает, что я к нему неравнодушна, но это, конечно, выдумка ее фантазии, ведь ты знаешь ее, балаболку. Я из-за этого и идти не хочу. Это глупо, но все же я очень упрямая. Люся теперь учится в институте, и ты думаешь, в каком? В педагогическом на факультете английского языка. Ее уже провожает до дому какой-то Лева, забыла фамилию, но, Слава, это покрыто все мраком неизвестности, и тайну не разглашать! Ну, я, кажется, все новости тебе описала. И наверное, показалась кумушкой, которая любит почесать язычком. Да, ты, наверно, не знаешь - приехал Жорка Костюкевич, у него бездействует левая рука, ходит в черной перчатке, прострелены сухожилья. Ну, Слава, пока. Крепко жму лапу. Клара.

Дата не указана. Здорово, кореш! Слава, как видишь, письмо твое получил. Пишу

ответ о своей житухе. Начинается моя жизнь с подъема, потом физзарядка и т.д. Только выходной день отличается от других. В этот день мы спим больше, на зарядку не ходим, а вечером - на танцы, кино и др. 1 мая я был в театре оперы и балета, смотрел балерин. Да, сейчас мы перешли на практику, а именно началась настоящая летная жизнь. Я уже к воздуху привык и чувствую себя отлично. Советую посмотреть кино «Чкалов» - замечательное. Написал неразборчиво, пишу в блокноте, столы все заняты в ленкомнате, в другом месте не пишу потому, что сюда тянет радиола. С крепким рукопожатием твой друг Вася.

29 ноября 1942. Здравствуй, Ростислав! Сегодня я в Быкове по случаю сандня и читаю твое письмо, привезенное сюда сестрой из Москвы. Спасибо, Слава, за эти теплые строчки. Быково сейчас потонуло в снегах и кажется тихим и угрюмым. Только паровозные гудки да карканье галок нарушают его печальное спокойствие. Зима в полном расцвете - суровый ветер с яростью хватает снег и, высоко подняв его в воздух, кружит и разбрасывает по сторонам. В такой день невольно вспоминаешь «Метель» А.С.Пушкина, и сразу же страшно становится, стараешься все забыть. Но не так это просто забыть, когда звучат зенитные выстрелы. Но скоро, скоро приблизится час освобождения священной земли и родных народов от немецко-фашистского ига, и тогда народ заживет мирной и счастливой жизнью, не зная рабства и унижения. Так пусть же скорее приблизится тот светлый час!!! Я живу по-прежнему, без изменений. 25 ноября смотрела постановку «Трижды убитый», а 27-го - кино «Моя любовь», последнее я смотрела третий раз, но еще с удовольствием посмотрела бы. Читаю я сейчас «Последний из могикан» Купера, книга эта мне нравится. В письме от 20 ноября я тебе выслала фото 38-го года, но вышлю тебе фото 1942 года ноября месяца. Слава, если ты не выслал мне свое фото, то высылай, я жду с нетерпением. Крепко, крепко жму твою руку. Твоя подруга Катя.

12 декабря 1942. Привет с фронта! С новым наступающим годом. С новым счастьем, с новым званием поздравляю вас, курсанты училища, старые друзья-кореша. Прими мой фронтовой привет и пожелание быть лейтенантом. Я не думал, что ты решишься написать мне письмо, ибо остальные друзья пишут неохотно. Но это лишь потому, что никто из вас не хлебнул фронтовой жизни, т.к. вы все пока находитесь далеко от гула снарядов и пуль. Слава, ты просишь меня описать свою жизнь. Я согласен. Но опишу кратко. Взят был в сентябре 41-го, на фронт попал в декабре. Участвовали в боях. Был лыжником-минометчиком. Воевали неплохо. Был все время вместе со Степой и Сашкой Мистрюковым и Женькой Гусевым. Прошли на лыжах 130 км с боями. 16 января был убит Женя. Мы с Сашкой вытаскивали его, а я сам был ранен. Бой был жарким, и много моих друзей было убито и ранено. Раненный, я попал в госпиталь, в Муром. Рана была в правую ягодицу разрывной пулей, задело сустав. Зажила не быстро. В марте поехал на курсы средних ком. в Москву. Окончил их в мае и снова на фронт, где и нахожусь. Служу в минометном подразделении, мне присвоили звание старшего лейтенанта, а вот теперь пишут аттестацию на капитана. Слава, ты просишь фото. С большим удовольствием, но нет. Будет после войны. Крепко жму руку. С приветом Вас. Б.

18 января 1943. Привет с фронта! Здравствуй, дружище юности и школы, ныне курсант Ростислав! Живу хорошо. Питание хорошее. Времени свободного совсем не вижу. Сейчас остался за ком. роты, т.к. он уехал в дом отдыха. Ворочаю один все. По суткам пропадаю, спать приходится по 3-4 часа, не больше. А когда придешь с НП, начинаешь заниматься с солдатами да мл. командирами. Да дисциплинку жмешь. А это главное. Быть дисциплинированным - значит все знать и выстоять. Здесь дисциплина строгая. Пиши. Жду. Ваш друг Вас.

20 января 1943. Добрый день, мой дорогой друг Славик!!! Прими мой искренний привет и любящий поцелуй!!! Думала я за эти три года о многом, вспоминала наши годы, детство, свои увлечения, радости... Я не думала, что в тебе еще тлеется огонь любви и уважения, но я ошиблась, получив теплое письмо. Спасибо, родимый мой! Я помню те дни радостных экскурсий и поездок вместе. Эти пожатия рук перед отъездом домой. Все, все. Но дальнейшая жизнь моя пошла явно противоположно твоей. Была ли в тебе любовь? Трудно об этом судить сейчас, Славик. Трудно, но дружба была и очень хорошая. Тогда мы были еще дети. И я помню мое увлечение тобой. Да, это была любовь, чистая, верная. Я и сейчас часто вспоминаю тебя, юношу-мальчика, быстрого в движениях, ловкого, вдумчивого и обходительно культурного. Это все останется в моем сердце на десятки лет - и, Славик, первый мой младенец будет носить твое имя - имя друга (по секрету - еще не скоро). Да, братик, конечно, серьезного между нами быть не могло, слишком большая разница лет. Но друзьями я согласна быть навсегда. Что побудило меня по-

ступить учиться на синоптика-техника? Откровенно, Слава, любовь к страданиям, мытарствам, самостоятельности и, главное, желание не быть в стороне в такое время. 25 января будут распределять по местам. Что ожидает? Сказать трудно. Война, Слава, требует от каждого много и самоотверженного труда. И я должна, должна быть там. Конец во 2-м письме. Целую, Тосик.

20 января 1943. Продолжаю, Слава, дальше. Обстоятельства и жизнь от нас, молодежи, ждет не Обломовых, а Корчагиных Павок. Такими мы должны быть. А если кто не может идти в ногу с жизнью, ему нечего жить, есть зря хлеб, который другие заслужили своим благородным трудом. Поэтому я решила - и еду. А там, Слава, встретимся после победы над Гитлером и поднимем кубок за юность, молодежь и дружбу. Давайте после войны встретимся вместе, во что бы то ни стало и где бы мы ни были. Однажды я встретила тебя и - главное - твой взгляд обидчивый, стесненный и виноватый. И долгое время он был в моем сердце. Да, много можно писать о прошлом, но надо жить настоящим. Я думаю, ты пришлешь что-нибудь на память мне из своих работ. Да, совсем забыла, спасибо за фото. Свое вышлю 22 января. До свидания. Приезжай скорее, очень жду, а то я уеду. Крепко целую. Любящая тебя Тосик.

В мае 1943 года Ростислав Дьяконицын был отправлен на фронт в звании младшего лейтенанта. В сентябре того же года он, «верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит» под Смоленском. Война продолжалась для него 106 дней. Василий тоже не вернулся с фронта. О Юре ничего не известно. Девчат судьба раскидала по стране. Эти письма сохранил и передал в архив галереи брат Славика Левка, ныне - Лев Федорович Дьяконицын, известный московский художник и искусствовед.

ЖДИ МЕНЯ

Юность Валентины Гальпериной прошла на вологодском вокзале. Привокзальные казармы были ее местом жительства, штаб размещенного возле железной дороги военно-продовольственного пункта - местом службы, агитпункт для проезжих солдат - местом встречи с любимым.

Весной 1942 года более ста девчат из Великого Устюга были призваны в Красную Армию. Двадцатилетняя комсомолка Валя получила повестку, после того как прошла курсы по противовоздушной обороне при щетинно-щеточной фабрике. Девушка уезжала с тяжелым сердцем. В апреле ей, старшей дочери в семье, пришлось схоронить отца, он умер от тифа. Мать мучилась воспалением кишечника и не могла работать. Младшие дети оставались без кормильца.

Устюг проводил новобранцев песнями, танцами и речами. Теплоход доставил группу в Вологду, на пересыльный пункт. Оттуда всех повезли в Москву, но в солдаты взяли немногих. Работниц колхозов по большей части отослали обратно в деревни: на передовой можно обойтись без слабого пола, а вот на полях - никак. Валю хотели было направить в минометный полк, но посчитали, что не вышла ростом. Ее вернули в Вологду и приняли в воинскую часть №135, на военно-продовольственный пункт (ВПП) при железнодорожном вокзале. Ей поручили работу с документами и выдачу талонов на питание. ВПП обеспечивал эшелоны горячей пищей и сухими пайками. Валентине навсегда запомнился один эпизод. Несколько моряков требовали, чтобы она обеспечила их продуктами, а по документам им ничего не полагается. Получив твердый отказ, один из них выстрелил в окошечко кассы. Пуля просвистела рядом. Моряки оказались дезертирами, их вскоре задержали милиционеры.

Девушки жили в части как военнослужащие. Они носили форму и огромные неловкие ботинки, выходили за пределы казарм исключительно строем. В любое время суток девчат могли вызвать на разгрузку эшелона. «Кажется, только глаза закрыли, а уже командуют: «Подъем!» Подойдешь к вагону, на спину мешок положат - и шагай. А мешки были тяжелые - сахарный песок, крупа, мука». Правда, в положении военнослужащих был один плюс - полное довольствие. Валя очень жалела, что она не имеет права отправлять часть пайка родным.

Молодость брала свое. Многие девушки на станции влюблялись в солдат, скоропостижно выходили замуж, а потом оставались либо брошенными, либо вдовыми. Валентина, насмотревшись на участь товарок, решила, что до конца войны не будет думать о нежных чувствах.

В 1945 году неподалеку от Сокола была военная база. Воинские подразделения одно за другим ехали туда на расформирование. Однажды девчата узнали, что вечером в привокзальном агитпункте покажут фильм «Жди меня» для возвращающихся с фронта бойцов. Валя давно не видела кино и охотно составила компанию своей приятельнице, работнице столовой. Подруги пробрались через переполненный зал и пристроились у стены на большом бильярдном столе. На этот же стол присели двое солдат: «Куда едете, девочки?» Валя отшутилась: «В Киев!» - «Ой, ведь и я киевлянин, я там учился до войны», - обрадовался паренек, представившийся Борей. После киносеанса девушки убежали из зала. У них не было времени завязывать знакомство.

На следующий день Борис встретил Валентину в коридоре и проводил ее до палатки. Еще через день молодой человек постучался в палатку и галантно предложил Вале сходить в театр. Она отпросилась у начальства в город. Во время прогулки выяснилось, что новый знакомый - старший сержант минометного полка, в строю с финской кампании. Откуда едет? Из Кенигсберга. Куда? Точно не знает. Скорее всего, куда пошлют. Родителей Бориса убили немцы в самом начале войны, солдата никто не ждал. Не прошло и недели, как парень очутился в госпитале. На войне он был контужен, имел несколько ранений, однажды после боя без сознания долго пролежал на снегу, вот здоровье и подкачало в самый неуместный момент. Друг Бориса разыскал Валю и попросил ее навестить больного. Она не отказала. «У Бори близких в Вологде нет, и у меня тоже. У него ни крыши над головой, ни имущества - и у меня тоже. Он меня полюбил, и я его - тоже...» - рассуждает Валентина Федоровна о лучших мгновениях жизни.

Начальство Бориса с пониманием отнеслось к его желанию задержаться на станции. В том же 1945 году влюбленные поженились. Валентину перевели из военнослужащих в вольнонаемные, и пара стала снимать комнаты в городе у старушки. На съемной квартире родилась первая дочка, Людочка. Продовольственный пункт существовал до 1947 года. После его закрытия наша героиня сменила несколько профессий, поработала буфетчицей, кассиром в автохозяйстве, сотрудником управления связи. Ее муж устроился экспедитором в тюрьму. Свой угол семье удалось приобрести не сразу. Со временем смогли накопить только на квартиру в доме, который можно было назвать не иначе как «гнилушкой». Дыры в стенах зияли такие, что их приходилось затыкать старыми фуфайками. Веснами на полу разливались неизменные лужи, взрослые и дети прыгали по сухим островкам, как зайцы в половодье.

В «гнилушке» у пары родились еще четверо детей. Два ребенка Гальпериных умерли в детстве. Остальные - выросли. Семья жила в тесноте (Валентина в конце сороковых привезла к себе мать и младшего брата), но в обиде не был никто. Когда старое здание снесли, Гальперины получили квартиру. Сейчас Валентина Федоровна живет одна. На самом видном месте в квартире стоит большой фотопортрет Бориса Матвеевича Гальперина. Возле портрета - свежие цветы и открытки «С Днем Победы!» В шкафу рядышком висят два парадных пиджака супругов. На каждом сверкают медали.

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЛЕМЯ

«Мы не брали в руки винтовок, но кто скажет, что мы не знаем войны?» - произнес Сергей Николаевич Цветков. Война застала его в детстве.

Он засвидетельствовал следующее. Для подростков устанавливалась обязательная норма трудодней: пятьдесят в год. Школьники проводили летние каникулы на полях. Среди них были свои передовики производства. Отличившимся выдавали вознаграждение - карандаш, тетрадь или кусочек дефицитного мыла. Ребята собирали лекарственные травы, сдавали тоннами щавель, ландыш, березовые почки и шиповник. Девочки помогали медсестрам в госпиталях - ухаживали за ранеными, стирали и штопали для них одежду. Школы Вологодской области собрали для фронта 8,5 миллиона рублей. За это 13 школ удостоились благодарности Сталина. Учащиеся ремесленных училищ выполняли для фронта спецзаказы. В 1941-1942 годах они изготовили 10 тысяч финских ножей. Дети трудились в сапожных, швейных, столярных мастерских, изготовляли гвозди, гаечные ключи, молотки, скобы, вешалки, лопаты, ведра, ковши, подставки, грабли, дверки к печкам, чернильницы, ремонтировали самовары.

Трудовой подвиг свершался на голодный желудок. Поколение сороковых прозвали «картофельным племенем» - оно выжило благодаря картошке на своем огороде. В руках у Сергея Николаевича исторические документы - письма, написанные деревенскими

женщинами. Процитируем некоторые. «Скоро учебный год начнется, а ребята голые и босые, а Ладе нужно в школу ходить за четыре километра. Сама босая. Нужно, наверно, ликвидировать себя, может, детей и подберут куда». «Я не знаю, как жить. Детей у меня пятеро. Старший - шестнадцать лет, а младший - два года. Хлеба не дают. Муж погиб за родину, а детям придется с голоду умирать». «Дорогой муж! Посоветуй, куда с детьми деваться. Приходится их по белу свету распускать странствовать, просить, чтоб их взяли в детский дом. А то мне со своими цыплятками придется с голоду умирать». «Женька ходит босой. Надеть нечего, рваный. Придет из школы - плачет, что голова болит. Утром встает и просит кушать».

КЛОЧОК ОБОЕВ

В 1941 году Фаина Евгеньевна Потехина была шестиклассницей. Школу перепрофилировали в госпиталь.

В классах вместо парт расставили койки. Детей перевели в другую школу, она была переполнена, занятия велись в две-три смены. Мальчики и девочки ходили в госпиталь заботиться о раненых. Кто-то помогал на кухне, кто-то писал под диктовку солдатские письма. Бумагу для писем дети часто искали сами. Раздобыть клочок обоев - большая удача. А еще школьники давали в палатах концерты - читали стихи, пели. А однажды в госпитальной столовой выступала сама Русланова.

В августе 1941-го школьники ездили на несколько недель на сбор грибов. Это не лесная прогулка. Грибов требовалось много. Для тех же раненых. Дети жили в овощехранилище, спали на соломенных матрасах. Работали летом и в колхозах. «Распределят нас на капустное поле, и мы изо дня в день пропалываем, поливаем. Поливать было трудно. Привезут две бочки воды, и мы их по всему огромному полю вручную разносим. Уставали очень». За трудодни школьникам немножко платили. Как-то зимой дали немножко съестного в благодарность за летние труды. Фаина привезла домой на саночках кочан и чуть-чуть зерна. Мама расплакалась, увидев такое богатство. Она работала на заводе «Северный коммунар», где платили считанные копейки. Отец, которого не взяли на фронт из-за больной ноги, был занят на распределительном эвакопункте и числился военнослужащим. Получал только табак и скромное довольствие.

ОГОНЬ, ВОДА И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Уходя на фронт, отец Надежды Добровольской устроил 17-летнюю дочь телефонисткой в пожарную часть.

В 1942 году Надежда по направлению военкомата записалась на шоферские курсы и вскоре села за руль пожарной машины. Около трех лет девушка возила команду из шести ровесниц. «Катим мы по улице с шиком-брыком, а нам вслед кричат: «Бабы едут!» Девушкам навсегда запомнился пожар, который они не смогли потушить. Горела деревянная двухэтажка в Вологде, а они смотрели на пылающий дом и плакали: никак не получалось поставить обледеневший гидрант. А начальник караула утешал: «Не ревите, новых домов после войны настроим!»

Но молодость свое возьмет. В свободные вечера девушки бегали на танцы. Плясали не в платьицах и туфельках, а в брюках и сапогах. Кавалеров не хватало. Поглядеть на красавиц приходили старики и отвоевавшиеся солдаты-инвалиды. Надежда Александровна встретила свою любовь в пожарной части. Ее судьбой стал второй шофер, Александр. Он пришел в часть после фронтового ранения. Война кончилась, и пара справила свадьбу с нехитрым угощением - бочка пива и лепешки.

Добровольские жили душа в душу. Только одно омрачало их семейное счастье. За три года непосильной работы Надежда надорвалась, ей не суждено было стать матерью. В 1987 году муж умер, она осталась одна. У нее есть две драгоценные вещи - портрет мужа и маленькая металлическая иконка с ликом Николая Чудотворца. Образок сопровождает Надежду Александровну с детства. Она обращалась к любимому святому в молодости, когда ее изматывала пожарная служба, и в старости Чудотворец с ней. «Жизнь у меня хорошая получилась. Бывало тяжко, но и доброго много было. А что одна осталась, так не я первая, не я последняя. Вот только жаль, что иконку завещать некому».

ВОЙНА, ПЕРЛОВКА И ЛЮБОВЬ

«Мы, деревенские девчонки, были очень скромными и всего стеснялись. Это уж позже стали говорить об особенностях женского организма, о гигиене, а на войне об этом никто и не вспоминал. Грязь, холод, редкая возможность помыться», - вспоминает 80-летняя жительница деревни Смородинка Татьяна Порохова.

«Мне было 17 лет, когда началась война. Старших брата и сестру забрали в армию сразу, а меня весной 1943 года. Где-то за Москвой нас, девчонок, поучили месяца два на поваров и санитаров, а потом на фронт». С осени того же года повариха Таня в сержантском звании и с винтовкой на плече была на передовой на 2-м Белорусском фронте. «Солдатикам постоянно хотелось кушать, особенно после боя. Кухню, а это два огромных котла на колесах, цепляли за танк, самоходную установку, грузовую машину. В Польше при форсировании Вислы снаряд полностью ее разбил. Я поплакала, а наши пехотинцы подвели меня к немецкой кухне и говорят: «Вот, повариха, теперь в трофейной будешь варить». А она топилась соляркой, а не дровами. Вся измаралась, пока научилась. Часто варила перловую и пшенную каши, любили солдатики и наваристый суп из трофейного окорока. А когда были большие сражения, становилась санитаркой, ползала за ранеными. Бывало, осколками у некоторых внутренности выворачивало, мы их вправляли. В Германии я тоже не убереглась, пулей была ранена в правую ногу, но, слава богу, навылет, быстро зажило. Помню разрушенный Берлин. В бинокль Рейхстаг видела с крыши разрушенного дома. Помню немок, боявшихся, что мы их убьем, но, увидев доброе к ним отношение, они приносили нам еду, яблоки».

В 1944 году полюбила Таня «на всю жизнь» (как она сказала) летчика Сашу, парня из Свердловска, чуть постарше ее. Виделись нечасто. Мечтали о свадьбе, но не судьба. После взятия Берлина его отправили на войну с японцами, там он и погиб. «Я горько плакала. Он написал своей матери о моей беременности и хотел, чтобы я поехала жить к нему на родину. Потом его мать в письмах долго звала меня приехать, но я побоялась». У Тани родился сын, назвала Владимиром. В дальнейшем была семья, родились еще дочь и сын. До пенсии много лет проработала в лесу сучкорубом. Сейчас живет с дочкой, внуки и правнуки помогают бабушке по хозяйству.

ЧУРИЛОВКА

Сашке было пять лет, когда в 41-м осенью его отца Алексея Николаевича, как и других молодых мужиков, жителей лесного поселка Чуриловка под Тотьмой, забрали на фронт защищать Родину от фашиста.

Сашка помнил, что у папки были большие крепкие руки, густые русые волосы и любил он посидеть с ним и младшим братом Володей на крылечке у дома под кудрявой березой. Качает, бывало, обоих на коленях, как на качелях, гладит по головам, да прибаутки напевает, а их отец знал много.

Поселок был невелик - дворов пятьдесят частных, да с десяток щитовых «финских» бараков на четыре семьи. Почитай, почти из каждого дома кого-то из мужиков забрали на войну, и остались в Чуриловке больные, старики, да бабы с ребятней на руках. На них-то, на женщин, и свалилась основная работа по заготовке древесины. Строевой лес рос у самых домов, густой был - еловый, настоящая тайга. Подрастая, Сашка с братом и соседскими мальчишками Борькой Бильковым, Володей и Гошей Тереховыми не раз, особенно летом, бегали к матерям на делянки. Там женщины разных возрастов, как заправские мужики, пилили вручную деревья двухручными пилами. Потом топором обрубали сучки, а стволы распиливали на сортименты по четыре или шесть метров.

От места вырубки, посредине поселка, до берега реки Сухоны специально, еще до войны, была построена одноколейная навесная дорога, подпорками для которой служили обрубленные стволы деревьев. К ней с помощью лошадей подтаскивали бревна без сучков. Затем бабы «на ура» эти бревна вручную грузили на подвесные тележки, и мотовозы тащили этот состав с лесом из делянок на склад, ближе к воде. Пяти-семилетним мальчишкам было все интересно, особенно когда из этого обработанного леса с помощью багров, лебедок и тросов на реке формировались «ерши» - длинные ряды леса, аккуратно уложенные и накрепко связанные. Несмотря на запреты матерей, мальчишки любили понырять с этих сооружений и, конечно же, половить рыбу.

Машин и вообще техники не было, и поэтому мать, Анна Константиновна, брала сво-

их чад на заготовку дров, и они старались оправдать доверие. Самым простым было дотащить бревно на санях до дома, а вот дальше... Как старшему, Сашке доставалась самая тяжелая работа. Маленькие ручонки уставали тягать пилу туда-сюда, и казалось, что пропил специально не хочет продвигаться дальше. Слезы текли ручьем, но после короткого отдыха, уговоров и мамкиной ласки работа продолжалась. Потом небольшие чурочки приходилось колоть, и этим уже занималась только мать - боялась, что обрубятся дети, топор не доверяла. А Сашка с Володей, меж тем, таскали дрова в чулан и не обращали внимания на мороз. Знали, что без дров печь не натопишь. Приходили домой уставшие, садились поближе к плите и ждали, когда же мамка зажжет в ней огонь. Ждали тепла.

Весной 1943-го почтальонка принесла похоронку, в которой было указано, что Котов Алексей Николаевич «пал смертью храбрых» в боях под Сталинградом. Мать три дня проревела и не вставала с кровати. Братья, слушая ее рев и причитания, сидели в углу не шевелясь. Потом их забрала к себе соседка Лиза Терехова, женщина простоватая и добрая, у которой своих было два сорванца и муж на фронте. Вернувшись домой, ребята не узнали мать, она вся исхудала и поседела.

Обувка и теплая одежда были в большом дефиците, и бабы использовали любую ткань, мешковину, чтобы утеплить своих малышей. Когда Сашка с Володей ходили в садик, Анна Константиновна сшила им из козьих шкур онучи - типа валенок. Понятно, что в такой обуви в мороз не убежишь, и она поочередно на закукорках таскала сыновей в сад, а потом шла на работу. Военные и два послевоенных года были особенно голодными. В начальных классах детям от лесопункта еще давали суп, и то такой жидкий, что ложка не требовалась, мальчишки просто выпивали его залпом. Хлеб давали по карточкам и очень мало - по 200 грамм на день, поэтому в школу его никто не приносил. Мать делила хлеб на кусочки по семьдесят-сто граммов утром, а остальное - на вечер с супом. На большой перемене ребята бегали по домам, чтобы набрать в карманы сушеных очистков от картошки. Картошку люди берегли. Старались растянуть ее на долгие осень, зиму и весну. Когда убиралась картошка с общего лесопунктовского поля, все матери снаряжали своих парней и девчонок для повторного его перекапывания. Весной, когда припасы кончались, суп варили с кислицей, крапивой, а молодую лебеду мать использовала при выпечке пирожков. И это считалось лакомством.

Чтобы отмыть себя и детей, бабы готовили специальный щелок. Брали золу из печи и кипятили ее с водой, потом процеживали, и ведро темно-серой, густой массы несли в баню, а там делились ею друг с другом. Это трудно назвать настоящим мытьем, поэтому вши в волосах и нижнем белье никого не удивляли. Белье стирали тоже щелоком.

Линию электропередач протянули в Чуриловку только лет через тридцать после войны, а до этого строго по часам включали свою дизельную электростанцию. В годы войны и после нее чуриловцы пользовались керосиновыми лампами, от которых было чуть-чуть светло, и то только на столе. А так как достать горючее для ламп было проблематично, то детей заставляли делать уроки в светлое время суток. Писали карандашами на чистых местах газет, разных бланках, а потом, после проверки учителем выполненных заданий, все аккуратно стирали. У кого находился лист чистой бумаги, считался богачом.

В самом поселке учились три первых класса, а дальше местная ребятня перебиралась в Усть-Печеньгу, деревеньку дворов на сто. Главными ее достопримечательностями были сохранившаяся и, самое главное, действующая церковь и, конечно, семилетка школа. Ежедневно ватага из двадцати-тридцати девчушек и парней пешком преодолевала туда и обратно по шесть километров.

В 44-м в поселок на барже привезли семей тридцать приволжских немцев. Сразу их разместить было некуда, и они жили на улице посреди лесопункта. Примерно через неделю им выделили в поле, в десяти километрах от Чуриловки, место и разрешили строить бараки. Они меняли одежду, игрушки, губные гармошки на все съедобное. Некоторые из них опухли от голода и умерли. Местные бабы старались чем-то им помочь, особенно семьям с детьми, учили из обычной травы готовить на местный лад. Работать немцев заставляли вместе с чуриловцами на заготовке леса, и постепенно совместный быт и работа подружили хозяев и переселенцев. В сашкин класс определили мальчугана Степку Дезгемера. Он был очень худ и пуглив, но постепенно пообвыкся, сдружился со всеми и даже стал заводилой. В 53-м году немцам разрешили уехать, но некоторые остались, в том числе и семья Степки.

Осенью 45-го в Чуриловку впервые приехала автомашина. Для мальчишек, да и для повидавших жизнь баб, это было чудом, праздником. Каждый, кто мог ходить, пришел посмотреть на диво. Кабина и кузов огромной махины держались на десяти колесах. С

разрешения водителя кузов мгновенно был заполнен ребятней, и никто не вылез, пока не прокатился. Машина работала, как паровоз, на древесных чурках. По тому же принципу работали трелевочные трактора и лесовозные машины. Чурки для них распиливали вручную на маленькие колесики толщиной четыре-пять сантиметров, а затем их кололи на шесть-восемь частей. На эту работу брали мальчишек с десяти лет. Они шли с охотой, ведь за это немного платили и еще давали тарелку каши в столовой. Но Сашку с братом Анна Константиновна не отпустила на заработки, потому что бывали случаи, когда такой работник отрубал себе палец или два.

В пятом классе Сашка сдружился с Пашкой Калачевым. Его отец был начальником лесопункта, и их семья жила побогаче. Они купили первыми в поселке радиоприемник, и когда взрослые были на работе, мальчишки собирались у них и, затаив дыхание, слушали голос, вылетавший неизвестно каким образом из большого, обтянутого тканью ящика с блестящими ручками и серебристой стрелкой. В этот же год в поселок из Тотьмы стали привозить немые фильмы. В клубе, в средине зала, установили аппаратуру. Парни по очереди крутили тугую ручку динамо-машины, и денег с них за сеанс не брали. Большинство фильмов были документальные, и бабы вглядывались в экран, пытаясь узнать в солдатах своих мужей.

ИВАН ДА МАРЬЯ

Он гнал немцев, ее гнали немцы

К осени 1943 года в деревне Перевесье Вологодского района осталось восемь человек призывного возраста, восемь мальчишек 1926 года рождения, среди них - Ваня Андреев, сын председателя колхоза.

«Был октябрь. Мы пахали в поле. Пришел отец, сел в борозду и сказал: «Ну все, ребята, поехали!» Провожала вся деревня, родня плакала, старшая сестра Нюра бежала вслед и кричала: «Ванюшка, не ходи на войну, ведь тебя убьют!» В деревне осталось 250 жителей: старики, дети и женщины», - вспоминает Иван Кузьмич. Новобранцев повезли на Карельский фронт, в Мурманск. Город был разбит. Все «деревяшки» сожжены, осталась одна улица с каменными домами. Постоянно слышался гул немецких самолетов. В Заполярье дислоцировалась 150-тысячная германская армия, город подвергался атакам с суши и воздуха. По плотности бомбовых ударов Мурманск уступил только Сталинграду.

Через Мурманск шли грузы из стран-союзниц по ленд-лизу. Задача Ивана Андреева и его сослуживцев состояла в сопровождении таких составов. «Артиллерийские орудия ставили на платформы. Рядом, за высокой скалой, располагался немецкий аэродром. Первым делом фашисты старались разбомбить локомотив. Как-то появился предатель. Им стал начальник станции Лоухи в Карелии. Он передавал информацию о движении поездов противнику. Один раз на нас устремилось восемь самолетов. Эшелон разбили. Все вагоны перекувыркались; фасоль, консервы, шпик - все рассыпалось. В живых из 40 ребят осталось 19». Потом Андреев воевал под Ленинградом и Кенигсбергом.

Вологжанин Иван гнал немцев, а смолянку Марию гнали немцы. Встретились эти двое в 47-м в Калининградской области, в Черняховске, бывшем немецком Инстербурге. Супруга Ивана Кузьмича - уроженка города Дорогобуж, расположенного в верховьях Днепра на пути из Смоленска в Москву. «В 41-м мне было 11 лет. Городок наш в первый же день войны стали бомбить. Папа только с финской вернулся инвалидом, и опять забрали на фронт. Когда немцы пришли, досталось нам. Больше Вани насмотрелась. Их хоть кормили. В лагере была...» - дальше рассказывать Мария Васильевна смогла. Про ее мытарства я узнала от внучки Насти.

Из Дорогобужа семья маленькой Маши перебралась к деревенским родственникам, но задержалась там недолго - деревеньку Суетово сожгли фашисты. Смоляне бросились бежать в сторону Москвы и снова наткнулись на немцев, те погнали их обратно. Какое-то время они жили в землянках в Суетове, а потом - под городом Ярцево, где оккупанты организовали лагерь для пленных в палатках. В лагере марусина мама заразилась тифом, но выжила. Семья Маши должна была оказаться в Германии, но судьба улыбнулась. Когда состав с пленными и военной техникой прибыл в Оршу, на него налетела советская авиация. Местом спасения для наших героев стала картофельная яма. Это случилось в 43-м. Потом была деревенька Ломагино, чьи жители пустили к себе спасшихся смолян. После войны 15-летняя Маруся вместе с мамой вернулась на родную смоленскую землю, но жить было негде, и они решили переехать в Литву. В Каунас во время войны убе-

жала, спасаясь от фашистов, старшая сестра девушки. Она работала в воинской части, где у нее была комнатенка.

Мария окончила курсы при неманском речном пароходстве и получила распределение на работу в Черняховск, куда они отправились втроем. Маша получила квартиру и трудилась счетоводом в местном пароходстве. Напротив него и находилась воинская часть, где дослуживал ее будущий муж - ефрейтор Андреев. Свадьбу Иван да Марья сыграли в 48-м. «Повез он меня с сыном из Калининградской области в Вологодскую. Полутора лет Саше не было. До Перевесья от Норобова еще 12 километров лесом. Шла на каблуках, тащила два чемодана, а Ваня нес ребенка в полотенце, перевязанном через плечо. Прожили там меньше года. Оформил документы в Вологде, сняли в городе комнату. Потом переехали в Дудинское, построили свой дом. Ваня в колхозе трудился. Я на ферме, птичнике, в магазине, на кирпичном заводе. В 2009 году мы переехали в Майский. От государства получили жилищный сертификат и купили двухкомнатную благоустроенную квартиру. Внук обо всем позаботился: документы оформлял, ремонтом занимался, мебель и вещи перевозил. Всего у нас восемь внуков и пока девять правнуков...»

АЭРОСТАТ

Иван Васильевич Булдаков во время Великой Отечественной служил в полку аэростатов заграждения в системе ПВО Ленинграда.

Когда началась война, 16-летний Иван учился в железнодорожном техникуме. Рвался защищать Родину и в январе 1943-го, едва ему исполнилось 18, ушел добровольцем. Попал в 14-й полк аэростатов заграждения в системе противовоздушной обороны Ленинграда. Булдаков был мотористом в составе аэростатного расчета из 11 человек. Для защиты города от бомбежек воины 14-го полка запускали в небо внушительных размеров (22 метра длиной и 8 метров в диаметре) аэростаты на большую высоту. Они предназначались для повреждения самолетов противника при столкновении с тросами, оболочками и подвешенными на тросах минами. Аэростаты вынуждали вражеских летчиков летать на больших высотах и затрудняли прицельное бомбометание.

Сержант Булдаков лично отвечал и за состояние аэростата, и за его запуск на необходимую высоту, и за поведение в небе, и за натяжение троса, и за приземление аппарата. Аэростаты запускались по воздушной тревоге. Следовал приказ: сдать (то есть поднять) аэростат на такую-то высоту. Десять солдат мчались к аэростату, находившемуся в боевом положении на биваке, похожем на огромную кровать. Они отвязывали стропы от металлических штырей, ввинченных в землю, и летательный аппарат поднимался на высоту не выше человеческого роста, так как его удерживали подвешенные за стропы мешки с песком, каждый весом около 20 кг. Солдаты «подводили» аэростат к машине с лебедкой, которую сержант Булдаков к тому моменту ставил правым бортом против ветра, чтобы не вырвало трос из пазов кулисы.

Бойцы забивали в землю вокруг машины четыре больших железных штыря для отвода электрических разрядов, которые особенно давали о себе знать на высоте в тысячу и более метров. Также в целях безопасности моторист укладывал на землю напротив кабины резиновый коврик, хотя в спешке ступал на него далеко не всегда. Он соединял трос лебедки с тросом летательного аппарата, после чего расчет снимал с аэростата все десять мешков с песком, и тот поднимался метров на 20, натягивая трос, на который Иван Булдаков прицеплял первую мину. Потом он снова мчался в кабину, включал мотор, поднимал аэростат еще метров на 20 и вновь возвращался на лебедку, чтобы прицепить к тросу вторую мину. После этого сержант поднимал аэростат на окончательную высоту и переводил специальный рычаг (храповик) в фиксирующее положение, подъем аэростата считался законченным. Расчет уходил в землянку, кроме моториста, остававшегося на посту в кабине грузовика. Он должен был следить за приборами, «рассказывающими» о натяжении троса, поведении аэростата, силе ветра, и ждать отбоя тревоги. «Сидеть в кабине приходилось по два-три часа, порой даже до пяти часов, - рассказывает аэростатчик. - Зимой мерзли ноги, защищенные лишь обмотками в ботинках. Валенки выдали в 44-м». После налета звучала команда «выбрать аэростат», расчет спешил к машине, Булдаков заводил мотор, вал лебедки крутился в обратную сторону, и аэростат возвращался в исходное положение. Иван снимал мину, разъединял тросы, солдаты хватались за стропы, прицепляли к ним мешки с песком и крепили аппарат к биваку.

Каждый день защитники неба проверяли аэростат на прочность, и если требовалось, докачивали в него водород до 500 кубов. Раз в три месяца заправляли аппарат заново,

выкачивая газ, так как проникавший в аэростат воздух превращал его в настоящую бомбу. Бывало, солдаты по неосторожности насмерть отравлялись водородом. Для подкачки аэростата использовались специальный ворот и большие шланги. А закачивался газ в аэростат из газгольдера - специальной емкости объемом в 125 кубов. Завод по выработке водорода из каменного угля, доставляемого в Ленинград на военных самолетах, располагался на другом конце города рядом с Волковым кладбищем. Туда за водородом и ходили пешком бойцы 14-го полка аэростатов заграждения. Им давали сложенный газгольдер (изготовленный из перкаля - материала, напоминающего резину), который они раскладывали на земле и в специальное отверстие вставляли подсоединенный к крану шланг. Кран открывали, и в газгольдер устремлялся водород. Как только набухающая емкость начинала подниматься вверх, подачу газа приостанавливали, и на имеющиеся по ее бокам крючки навешивали десять мешков с песком. После этого снова открывали кран, и водород закачивался до предела. В итоге емкость поднималась на высоту с человеческий рост, и, толкая ее по воздуху, аэростатчики возвращались в расположение полка.

В октябре 43-го на глазах Булдакова произошел невероятный случай, когда он с товарищами тащили газгольдер на боевой пост. На мосту лейтенанта Шмидта толкал свою емкость женский аэростатный расчет. Вдруг налетел шквальный ветер, разметал расчет и сорвал с газгольдера несколько мешков с песком. Одна девушка мертвой хваткой вцепилась в газгольдер, в один миг унесший ее высоко в небо. «Скорее всего, она пыталась его удержать, не осознав, что это совершенно невозможно». Газгольдер пронес аэростатчицу над Невой, удалившись примерно на километр в сторону Финского залива. Ветер внезапно стих, и газгольдер плавно сел на воду. Девушку подобрали матросы и доставили в госпиталь. За отважный полет она была награждена медалью «За отвагу».

МИННЫЙ ПОСОХ

В доме боевого офицера Анатолия Андреева на стене висит длинный тонкий металлический предмет, отдаленно напоминающий посох. Хозяин исходил с этим «посохом» тысячи километров по горным тропам и дорогам Афганистана и спас тысячи жизней. Это минный щуп. На вопрос, сколько мин он обезвредил, полковник в отставке ответил: более 1800. Ему около 60 лет. Он офицер в третьем поколении.

1986 год. Место дислокации - Асадабад (провинция Кунар), отделенный от Пакистана рекой. Работой Андреева была минная война. Обезвреживал мины, уничтожал душманские склады и тайники и сам минировал дороги и горные тропы. Однажды в ущелье под Джелалабадом, в боях с духами, Анатолий Андреев со своими саперами проник в большую пещеру. На входе в нее перед этим подорвались несколько наших бойцов. Пещера оказалась крупным складом с оружием и боеприпасами иностранного производства, обмундированием, медикаментами и наркотиками. Минер сообщил командованию о находке, добавив, что душманы не оставляют попыток отбить арсенал. Последовал приказ немедленно уничтожить склад и отходить. Андреев с двумя минерами выполнил приказ и под огнем покинул плохое место, заметно убавив взрывом высоту горы, за что был представили к ордену Красной Звезды.

Анатолию Васильевичу довелось участвовать в штурме знаменитых пещер Торо-Боро, которые представляют собой подземный город. В плен к нашим попал раненный... негр. Все недоумевали: откуда он тут взялся? «Так это же наемник», - заметил Андреев. Тот злобно огрызнулся по-русски: «Сам ты наемник!» Пленный оказался выпускником МГУ.

За два года войны минер лишился многих боевых товарищей. Однажды на его глазах подорвался на мине молодой солдат, решивший пойти в целях безопасности через кладбище, потому что афганцы никогда не минировали свои кладбища и подступы к ним. Нутром почуяв неладное, Андреев закричал парню: «Стой!» - и тут же раздался взрыв. «Окликни я его на несколько секунд раньше, может быть, и обошлось бы».

О себе говорит, что родился в рубашке. Дважды подрывался на мине, когда ехал на броне БТРа. Один раз швырнуло взрывной волной, попал в госпиталь с переломом ребра и тяжелой контузией. Как-то в бою обратил внимание, что его ботинок почему-то хлюпает. Оказалось, он полон крови: пуля прошла чуть выше ступни, не задев кость. Не раз ему довелось быть в роли вернувшегося с того света. Впервые это случилось в Белоруссии, где при обезвреживании мин и снарядов, оставшихся с Великой Отечественной войны, подорвался некто Андреев. Жене Нине Александровне чуть было не сообщили о трагической смерти мужа, тоже находившегося на полигоне, но в последний момент выяснилось, что погиб однофамилец. «Приезжаю в часть, а комбат, уставившись на меня,

как на привидение, спрашивает: «Ты чего, живой, что ли?»

Два раза «хоронили» его в Афганистане. Однажды отряд напоролся на душманов. Взрыв вражеского снаряда отбросил в разные стороны Андреева и солдата по имени Аслан. Офицера только контузило, а паренька тяжело ранило, он потерял сознание, его срочно переправили в Кабул, а затем в Ташкент, где удалили почку. Там Аслан и рассказал, как между ним и командиром разорвался снаряд, но он, мол, в отличие от офицера, остался жив. Весть о собственной гибели опять дошла до Андреева раньше, чем до жены, и он успел написать ей во Фрунзе, чтобы не верила преувеличенным слухам. Письмо пришло вовремя.

Еще раз он «воскрес» после того, как в штабе КГБ с одним из офицеров сверял карту минных полей. Тот предложил чаю или чего-нибудь покрепче, но Андреев отказался. В холле, куда они вышли, офицеры смотрели по телевизору «Утреннюю почту» и пригласили гостя присоединиться. Но тот не стал задерживаться, и едва вышел наружу, как в крышу угодил снаряд, прилетевший со стороны Пакистана. Те, кто смотрел телевизор, были ранены или убиты. Тут же начался массированный обстрел военного городка, так что вернулся Андреев к своим не сразу. Товарищи, успевшие решить, что он погиб вместе с другими, налили ему полную кружку водки.

Особенно запомнилась минеру встреча с бывшим сослуживцем, замполитехом дивизии, подполковником Виктором Плещуком. Колонна, преследуемая духами, направлялась в Джелалабад. Андреев увидел замполитеха, суетившегося возле заглохшего ЗИЛа. Бросать машину тот не хотел ни в какую и стал просить подтолкнуть ее БТРом. Он предложил товарищу сесть в кабину ЗИЛа, чтобы пообщаться в пути. Но минер заявил, что уберет машину с дороги и никому не позволит садиться в кабину. Не успел БТР толкнуть ЗИЛ на пять метров, как раздался взрыв, расколовший автомобиль пополам. «Виктор Иванович, в Джелалабаде поставишь ящик коньяка!» - потребовал Андреев. «Толя, с меня два ящика, - ответил потрясенный Плещук. - Ведь я же чуть и себя, и тебя не угробил!»

Анатолий Андреев участвовал в переговорах по заключению временного перемирия между воюющими сторонами. Дважды в составе переговорной группы он встречался со знаменитым Ахмад Шах Масудом по прозвищу Панширский лев. «Это был сильный человек, отличный воин и командир, доставивший нам много проблем. Но и от нас ему не было покоя». Душманы считали подполковника Андреева заклятым врагом и обещали в листовках щедрое вознаграждение за его голову. Но в 1988-м минер благополучно вернулся на родину и до сих пор прекрасно поживает в Вологде. Ведь он родился в рубашке.

НЕБО ШИЛОВСКОГО

20 августа 1979 года эскадрилья из 16 вертолетов МИ-8 приземлилась в Баграме. Командование обещало летчикам, что командировка продлится три месяца, но вернулись они домой в июне 81-го. А в 1985-м Николай Шиловский был вновь командирован в Афганистан.

Экадрилья, которой командовал вологжанин, базировалась в Лашкаргахе, Шахджое, Кандагаре, Фарахруде и имела задачей прикрывать границу с Пакистаном (около 800 км), пресекать вылазки моджахедов и бороться с караванами, доставлявшими в Афганистан оружие и наркотики. Шиловский летал на боевой машине МИ-24. Вертолетчики брали на борт 20 спецназовцев и высаживали их в пустыне на караванных тропах, где те окапывались, маскировались и поджидали гостей. По сообщению о караване, летчики поднимали машины в небо и обеспечивали огневую поддержку с воздуха. Однажды поступило сообщение, что пакистано-афганскую границу пересек автокараван, но обнаружить его никак не удавалось. Экипаж Шиловского продолжал упрямо кружить над подозрительным местом. У моджахедов сдали нервы, они открыли огонь по вертолету и обнаружили себя. Такого «улова» Николай Шиловский еще не видел. Шесть большегрузных «Мерседесов» и восемь «Тойот» были напичканы оружием, боеприпасами и наркотиками.

Вертолет - летающая мишень. Под самый сильный огонь машина Шиловского попала в первую командировку на погранзаставе. По возвращении на базу механик, осмотревший машину, недоумевал: «Не понимаю, как никого не задело: на корпусе 129 дырок!» В свою вторую кампанию Николай Степанович угодил под перекрестный огонь, когда летел в паре с вертолетом замполита. Пуля повредила гидросистему второй машины, и она пошла на посадку. Следом приземлился и экипаж Шиловского. Выскочив из машин, спецназовцы заняли круговую оборону. «Вертолет Гончарова нуждался в сроч-

ной замене трубы гидросистемы, а у меня самого топливо на исходе. Связаться в глухом ущелье со своими не представлялось возможным. Ничего не оставалось, как лететь за подмогой». Под огнем душманов Шиловский вылетел из ущелья, связался по радиосвязи с авиаполком и затребовал вертолет с полными баками и ремонтную группу. Через 40 минут он вернулся в ущелье, где спецназовцы держали оборону. Прибывшие техники быстро заменили поврежденную деталь, и вертолеты под огнем ушли из ущелья.

В другой раз экипаж Шиловского перевозил семьи советских советников из Кушки в Шиндант. Вылетели, когда уже стало темнеть. По пути вертолет в полной темноте с 18-ю пассажирами попал в снежную бурю, залепило стекла напрочь. «Летим по приборам, внизу горы высотой 2500 метров. Я от греха подальше поднялся на 4500. Вдруг отказал один двигатель, машина стала терять высоту». Шиловский дал указание борттехнику попытаться завести двигатель. Тот, по инструкции, сделал две попытки. Безрезультатно. Высота 3000 метров. Командир требует возобновить попытки, наплевав на инструкции. Двигатель завелся с пятого или шестого раза, когда горы были под самой лопастью. Набрав высоту, вертолет миновал горы, однако сильная облачность и обильный снег не позволяли точно определить место посадки - Шиндант. И почему он молчит - не выходит на связь? «Связывайся, как хочешь и с кем хочешь, но машина должна сесть», - приказал Шиловский афганскому коллеге, отвечавшему за переговоры с землей. Шиндант хранил молчание. Тогда афганский летчик по дальней связи вышел на Кабул. Кабульские диспетчеры связались с Шиндантом и распорядились включить приводные радиостанции. Сели. На следующий день командир получил приказ срочно вылетать. Он заявил генералу, что один двигатель нуждается в ремонте. «Какой, к дьяволу, ремонт, заводи машину! - заорал тот. - Строители канала могут попасть в плен!» Шиловский полетел эвакуировать советских специалистов, окруженных душманами. Преодолев 250 км, взял на борт толпу пассажиров, так что они стояли впритирку. Вертолет еле-еле оторвался от земли и летел на высоте 10-15 метров. Как неисправный двигатель выдержал перегрузки, для летчиков осталось загадкой.

В самую памятную переделку командир эскадрильи попал не в небе, а на земле. В вертолет сели четыре сотрудника КГБ в штатском и столько же пленных моджахедов в наручниках. В Афганистане был схвачен сын пакистанского министра. Как раз в это время в плену у духов был Александр Руцкой, его наши власти и собирались обменять на министерского сынка. Этих четырех пленных, видимо, отдавали в придачу. Как только два вертолета приземлились на границе с Пакистаном в пустыне, с той стороны подкатил легковой автомобиль. Сотрудники госбезопасности, приказав оторопевшим летчикам следить за пленными, сели в него и уехали. Шестеро вертолетчиков не находили себе места. Вдруг вдали показалась открытая легковушка с вооруженными то ли афганцами, то ли пакистанцами. Следом за ней - два грузовика с людьми. Летчики заперли машины, залепили рты пленникам, взяли в руки автоматы и открыли ящики с гранатами, которые всегда возили с собой. К вертолету двинулись человек 60 с «калашами». Демонстрируя через окно кабины гранаты, экипаж дал гостям понять, что лучше близко не подходить. Те понарошку целились в летчиков и стреляли в воздух. По докладу о ситуации, из полка подоспели два штурмовика СУ-25. Самолеты шли на бреющем, но не возымели действия на вооруженную толпу. Прошло шесть часов в ожидании развязки. И вот вернулись чекисты. С обменом пленными ничего не вышло. Машины поднялись в воздух. По возвращении на базу взглянув в зеркало, Шиловский не поверил своим глазам: волосы были наполовину седы.

В 87-м афганская эпопея Шиловского закончилась. В 95-м отставной полковник, военный летчик 1-го класса, прибыл с семьей в Вологду и переквалифицировался в гражданского специалиста, а два года назад ушел на заслуженный отдых.

Тетрадь IV. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

НА СОБСТВЕННОЙ ШКУРЕ

УРОК

Как я была учителем

При поступлении в ВГПУ мне удалось набрать проходной балл и на отделение журналистики, и на филологический факультет. Тогда я решила стать корреспондентом. Не скажу, что впоследствии этот выбор жестоко обманул романтические ожидания. И все

же после окончания вуза в душу, нет-нет, да и закрадывалось воспоминание о второй, упущенной возможности.

И вот у меня возникла идея попробовать себя в роли учителя. А что - русский язык и литературу я знаю, соответствующие пометки в дипломе имею. Тесно общаться с детским коллективом, правда, не доводилось, но авось как-нибудь разберусь. Директор вологодской школы №33 Александр Волосков любезно предоставил мне возможность самостоятельно провести один урок. Я отправилась на Окружное шоссе, чтобы уточнить детали предстоящего мероприятия. Перед дверью с грозной надписью «Директор» мне, признаюсь, стало слегка тревожно. В милые сердцу детские годы я боялась аналогичного кабинета, как черт ладана.

«Вы будете замещать молодую учительницу, - сказал директор. - Вот, кстати, и она. Знакомьтесь: Лариса Витальевна Маракова. А это корреспондентка, хочет провести урок вместо вас». - «Сегодня?» - деловито осведомилась Лариса Витальевна. «Нет, что вы! Пусть сначала в теме разберется, конспекты подготовит. В общем, действуйте так, как вы обычно работаете с практикантками». Мы с Ларисой Витальевной обсудили варианты и определили, что я буду вести литературу в восьмом классе. Узнав дарованную судьбой тему, я не знала, то ли радоваться, то ли плакать - мне выпало изучение русской народной исторической песни. С одной стороны, представлять детям небольшие песни куда легче, чем открывать для них глубины неохватной «Войны и мира». С другой - уж лучше бы говорить об авторском произведении, чем прорубаться сквозь темный лес древнего фольклора. Я стала лихорадочно соображать, что могу навскидку рассказать о народной культуре, и уже не в первый раз за день усомнилась в личной педагогической профпригодности. В университете на ожуре (отделении журналистики) мне как-то больше доводилось знакомиться с поздней словесностью.

«Обязательные тексты найдете в этой хрестоматии. Можете брать тему и пошире - говорить о жанрах народного творчества в целом. Если есть желание - к вашим услугам мультимедиа. Презентации, музыка - детям все это нравится. Захотите - заранее дам ребятам сообщения». - «Что-нибудь еще посоветуете по ходу урока?» - я достала блокнот и ручку. «Задания в группах обычно неплохо удаются - допустим, предложите ученикам сравнить тексты. Подберите эпиграф, заключающий в себе самую суть, чтобы в финале вернуться к нему. Составьте игры, ассоциации. Успеете написать конспект до пятницы, чтобы я предварительно его посмотрела? Урок будет в понедельник, в 10.50». - «А как правильно писать конспект?» - растерялась я. «Возьмите вот для примера пару методичек, - предложила учительница. - Ну, ни пуха, ни пера!» Я с трудом затолкала книги в дамскую сумочку и тщетно попыталась закрыть ее молнию. Молния разошлась. Груз получился изрядный.

Ой ты, гой еси, Иван Васильевич

Вечером я открыла полученную хрестоматию. Песни назывались «Правеж» (в переводе с фольклорного - суд над преступником) и «Петра Первого узнают в шведском городе». Один текст описывал, как мудрый государь Иван Васильевич защитил добра молодца от негибкой формальной политики представителей местной власти. «Целовальнички» (чиновники) приговорили молодого человека к телесному наказанию за то, что он отнял у разбойников деньги и раздал все монеты бедным. Второе произведение содержало в себе следующий сюжет: Петр отправился в «Стеклянный город» (Стокгольм) под видом «купчины». Инкогнито было рассекречено, и шведская королевна велела схватить Петра, но тот с легкостью ушел от погони и невредимым вернулся в «Святую Русь». Поначалу я не представляла, как буду интерпретировать такие повествования. От Ивана Четвертого, которого явно неспроста нарекли Грозным, я совершенно не ожидала столь гуманного поступка. Сомнения внушало и другое обрисованное событие: конечно, есть сведения, что Петр посещал Европу под вымышленным именем во время Великого посольства, но чтобы царя рассекретили и постарались взять в плен?! Это же был бы огромный дипломатический скандал! Почему я о нем ничего не читала и не слышала? Никак не предполагала, что учитель литературы должен досконально знать историю. Я почесала в затылке и отправилась выяснять, что же на самом деле имел в виду народ, создавший сии памятники творчества.

Какие-то три-четыре часа в интернете - и мне открылась простая истина: неважно, спасал ли на самом деле суровый царь русского Робин Гуда; несущественно, стремились ли шведы заключить в темницу нашего великого реформатора. В исторической песне значимы не факты, а верно переданный дух эпохи. Процесс сдвинулся с мертвой точки.

Еще час прошел в поисках аудиозаписи какой-нибудь исторической песни. На осмысление и систематизацию добытого материала в этот вечер времени не хватило. Конспект я писала почти весь следующий день. Постепенно я по-настоящему увлеклась. Стоило копнуть чуть глубже, и фольклор обернулся ярчайшей иллюстрацией русского менталитета: тут вам и идеализм, и вера в справедливого государя-батюшку, который однажды приедет и всех рассудит, и сокрытая духовная мощь. Я уже знала, что линия урока у меня есть.

Выстроились и приемы: пусть сначала один ребенок выступит с сообщением по истории, затем другой прочитает песню. Удобно будет сравнить два истолкования и постепенно определить признаки жанра, средства выразительности. В финале можно будет перейти к веку двадцать первому и предложить ученикам письменно поразмышлять на тему: «Выражают ли современные люди каким-либо образом отношение к происходящим в стране событиям? Если да, то как? Если нет - почему?» В порыве вдохновения я сразу же нарезала пачку чистых листочков из старых тетрадей, чтобы раздать детям на уроке. Ночью накануне защиты конспекта я долго ворочалась в постели, пребывая в раздумьях о потаенном потенциале России. Когда наконец задремала, мне снились былинные богатыри - Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Мой конспект Лариса Витальевна оценила весьма мягко. Она отметила только, что мне не хватает презентации. Замечание было справедливым. На составление презентации ушло еще минут сорок. В общей сложности, по приблизительным подсчетам, я потратила на подготовку к одному уроку 10 часов. В моей папке с электронными черновиками и историческими справками набралось 962 мегабайта файлов.

Момент истины

Хотя мой урок значился вторым в расписании, я поехала в школу к самому началу занятий. Расчет был такой: немножко посидеть на задней парте и понаблюдать, как Лариса Витальевна ведет диалог с детьми. Прибыв на место в 7.30, я сразу же попыталась проверить, хорошо ли смотрится на широком экране моя презентация и чисто ли звучит в большом помещении с трудом найденная раритетная аудиопесня. Песня звучала великолепно. А вот презентация не открылась вовсе - не тот формат. К счастью, ситуация оказалась поправимой - моя наставница отвела меня в учительскую, где на компьютере имелась подходящая версия «Pover Point». Я схватилась срочно менять свойства файла.

Чуть позже я сунулась было в кабинет Ларисы Витальевны, но там не нашлось свободного места - за всеми партами сидели малыши. Пришлось несолоно хлебавши вернуться в пустую комнату педагогов. В ожидании своего выхода я за неимением более подходящего слушателя пересказывала конспект «Русская народная историческая песня» портрету Дмитрия Медведева. Чувствовала я себя так, будто через двадцать минут меня расстреляют. И вот - я стою возле доски, вцепившись в указку обеими руками. Лариса Витальевна поспешно дает мне последние здравые рекомендации: проследите, чтобы у ребят в тетради были записи; ставьте отметки; положите мобильный на стол, чтобы смотреть за временем... На меня с любопытством и некоторой долей скепсиса глядят семнадцать незнакомых ребят. Помню, больше всего в тот момент я боялась, что слишком быстро выдам весь материал, и мне будет нечего сказать дальше.

«Здравствуйте, ребята! Меня зовут Наталья Валериевна. Сегодня мы изучаем историческую песню. Вы уже имеете представление об устном народном творчестве...» После небольшого вступления пришел черед сообщений. Два мальчика, Даниил и Семен, докладывали замечательно. Я белой завистью позавидовала их правильной речи (сама я с перепугу начала через слово говорить «так» и «значит»). Началось обсуждение. Вопреки пессимистическим ожиданиям, ребята стали реагировать на мои реплики вполне грамотно, умно и вежливо. Для разжигания пущей активности я щедро посулила пятерки в конце урока всем, кто будет часто высказываться. Постепенно выяснилось, что работают одни и те же. Некоторые подростки молчали, как партизаны на допросе. Вот тут мне стало чрезвычайно досадно, что мое знакомство с педагогикой ограничивается давним прочтением «Педагогической поэмы» Макаренко. Надо было как-то вовлечь в беседу всех, но как? Я не решалась спросить кого-либо наугад. Вдруг окажется, что ученик не сможет ничего объяснить или ляпнет откровенную глупость? Поставить человеку тройку или двойку - да рука же не поднимется!

В самом пылу обсуждения я спохватилась, что забыла продиктовать число и тему урока под запись. «Друзья, а теперь давайте запишем тему, которую будем изучать сегодня», - бодро провозгласила я примерно на пятнадцатой минуте урока. Нацарапала тему

на доске. Получилось коряво. Журналистский почерк уступает в замысловатости только почерку врача. Урок продолжался. Я забрасывала класс вопросами, при этом то и дело металась к проектору, чтобы включить соответствующий слайд с картинкой. Учителя - святые люди, отмечала я краем сознания, мультимедиа - это дополнительная возня дома, риск потери всех данных по воле капризной техники, да еще и объект, на который нужно отвлекаться в ходе урока. Казалось бы, зачем все мучения? Отказаться бы от компьютеров, да работать по старинке. Так нет, педагоги просят, чтобы их школы оснастили цифровым оборудованием...

Казалось, все шло гладко. Но тут, как гром среди ясного неба, в мой адрес прозвучал вопрос: «Объясните, пожалуйста, а что такое «бел-горюч камень»? Здесь в песне упоминается». На меня смотрели любознательные мальчишеские глаза, взгляд которых было преступно проигнорировать. Я готовилась пояснять сведения из истории, но не из мифологии. Мне удалось вспомнить только, что бел-горюч камень - это Алатырь. «Ну, это такой мифологический образ, нечто изначальное, символ истины», - начала плести я лишь ради того, чтобы что-то сказать. Дополнительных вопросов не последовало. Урок опять продолжился в заданной колее. По замыслу далее следовала печальная песня о казни народного заступника Стеньки Разина. Я включила проигрыватель. «Сло-о-вно море в час прибоя, площадь Красная гудит. Что за рокот меж народа? Плаха черн-а-а-ая стоит», - скорбно взвыл хор «Русичи». Согласно моим планам, восьмиклассникам полагалось сделать сосредоточенные лица. Я снова ошиблась. По классу прокатился дружный деликатный хохоток. Примерно к третьему куплету ученики перестали шуметь. Дальше каждый слушал песню по-своему. Кто-то - с хитрым прищуром, кто-то - спокойно и с пониманием, кто-то - с покорным безразличием. Я смотрела на ребят и осознавала, что передо мною - семнадцать неизвестных вселенных и что я могу чуть-чуть прикоснуться к каждой из них. Никогда прежде я не ощущала такой ответственности за каждое произнесенное слово.

После прослушивания музыки был самый уместный миг для того, чтобы задать коронный вопрос - о самосознании современного русского народа. Значит, пора доставать листочки... И тут предательски прозвенел звонок. Как, уже?! Да мы же, кажется, только начали! У меня слегка кружилась голова, горели щеки. Я одновременно ощущала эйфорию и огромную усталость. Школьники умчались на перемену. Лариса Витальевна Маракова, которая присутствовала в классе весь урок, улыбнулась мне и предложила сходить к директору - поделиться впечатлениями.

После урока

«Что, тяжела ноша учителя?» - спросил Александр Яковлевич. «Тяжела... Вышло совсем не то, что намечала». «Она очень обстоятельно рассказывала и класс разговорила», - заступилась Лариса Витальевна. Директор кивнул и мудро заметил: «Надо заранее твердо знать, что главное, а что второстепенное. И - уметь импровизировать, конечно. Дети иногда такое выдадут... Оценки-то ставили?» - «Забыла! И еще без домашнего задания их оставила», - охнула я. «Ничего, у меня записано, кто заслужил пятерку. И от домашнего задания они никуда не денутся», - успокоила мою совесть учительница литературы. Опять послышалось дребезжание звонка. Педагоги заторопились: Лариса Витальевна - на русский язык, Александр Яковлевич - на физику. «Интересно, а какой урок сейчас будет у моих восьмиклассников? - подумала я и усмехнулась. - Разве же они мои? Нет, я для них - случайный эпизод. Сегодняшнее занятие мальчишки и девчонки едва ли будут помнить дольше, чем до завтрашнего вечера. И слава богу, что так. Учить детей вправе человек, готовый отдать себя школе без остатка».

НАСЛЕДИЕ

ГАГАРИН ОЧЕНЬ ЗАНЯТ

Размышления у стенда школьного музея

При юровской школе Грязовецкого района есть музей. В большом светлом зале размещены экспозиции, повествующие о прошлом - далеком и не очень.

На территории Юровского поселения в прошлом было множество помещичьих усадеб. В Минькино жили Левашовы, в Неверово - Куприянова, в Слезине - Матафтины. Сейчас едва ли не каждый вологжанин наслышан об усадьбе Брянчаниновых в Покровском, а вот о том, что дом Брянчаниновых (другой ветви этой семьи) был еще в Юрове,

мало кто знает. К сожалению, усадьба не сохранилась. В память о ней остались снимки, подробное словесное описание обстановки, а также кувшин и тарелка.

Интересно посмотреть на карту Грязовецкого района столетней давности. На территории муниципального образования Юровское тогда располагались Степуринская и Панфиловская волости. В них проживали 14514 человек. Сейчас население этого края - 3056 жителей. От 190 деревень осталось чуть более 90, да и то треть из них оживает только в дачный сезон. В начале минувшего века существовали церковно-приходские и земские школы. Основное место в программе отводилось, конечно же, закону божьему, церковнославянскому чтению и церковному пению, но также уделялось внимание письму, простейшей математике и, в факультативном порядке, географии, истории, природоведению. Занятия велись по прогрессивным для того времени учебникам Ушинского, Толстого, Корфа. В музее имеются фотографии выпускных классов земских школ. К середине двадцатого века на территории Юровского было несколько начальных школ и две семилетние (Гаревская и Заболотская). В пятидесятых годах построена первая средняя школа, деревянная, ее можно увидеть на снимке в музее. Сейчас на ее месте растет яблоневый сад, а дети учатся в большом кирпичном здании.

Украшают музей нарядные формы с красными галстуками, коллекция октябрятских и пионерских значков, методические рекомендации классным руководителям о подготовке семиклассников к вступлению в комсомол и комсомольская путевка с бравым лозунгом на обложке «Животноводство - ударное дело комсомола». О заботах школьников рассказывают фотографии с субботников, праздников, встреч с шефами. В витрине выложено несколько тетрадей учеников 60-х годов. Открыты они на страничках с сочинениями. Темы сочинений - характерные для эпохи. Цитата: «Мать отдала Ваню к сапожнику в город. Ваня ходил по грязному полу. Штаны у него были рваные, рубаха рваная, фартук грязный, рваный, длинный». Другая работа тоже о бедном мальчике, он хотел учиться, но вместо этого собирал подаяние. Мораль сочинений: до советской власти детям жилось плохо.

Дети верили, что их страна - самая лучшая. Шестидесятые годы - эпоха патриотического подъема. Началось освоение космоса. Мальчишки все как один мечтали стать летчиками. В ноябре 1964 года одной из пионерских дружин юровской школы было торжественно присвоено имя Юрия Гагарина. По-видимому, ребята даже написали своему кумиру письмо. Ответ они получили через «Пионерскую правду». Вместо героя к ним обращалась некая Багаева, литсотрудник. Она сообщала, что Гагарин очень занят: «Он часто встречается с разными делегациями, выступает на конференциях, на слетах. В нашей стране тысячи школ. Все ребята хотят видеть Гагарина. Но для того, чтобы встретиться с ребятами каждой дружины, не говоря уже об отрядах, Юрию Алексеевичу не хватило бы всей его жизни».

Дети не отчаялись и написали Терешковой. От нее ответ пришел. На сером листе печатным текстом набрано: «Ученикам 7б класса юровской средней школы. «Дорогие ребята! Большое спасибо за внимание. Вы просите рассказать вам что-нибудь интересное из моей жизни. Я могу сказать, что самым интересным эпизодом в ней был полет в космос и вид нашей Земли с большой высоты. Земля окружена ореолом нежно-голубого цвета. Я любовалась этим ореолом, видела, как он плавно темнеет, становится бирюзовым, темно-синим, фиолетовым и переходит в аспидно-черный цвет. Природа не поскупилась, окутав землю в одежду богатейших расцветок, отороченную голубой каймой. С космических высот видны города, особенно ночью, словно осыпанные золотистой пылью...»

Общительные юровские школьники обращались и к маршалу Коневу. От Конева им пришло поздравление с наступающим Днем Победы и пожелание успехов в учебе. Учителя не уступали ребятам и охотно писали приветственные письма. В письме 27-му съезду КПСС педагоги обещают «сосредоточить свои усилия на дальнейшем выполнении задач, определенных основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы и проектом новой редакции Программы КПСС» и уверяют, что «для успешного решения стратегической задачи партии - формирования всесторонне развитой, общественно активной личности - в школе имеются все необходимые условия». Как не вспомнить новые стандарты образования, манифестирующие ту же идею - воспитать общественно активную личность.

Отдельный стенд посвящен Великой Отечественной войне. 21 фотография ветеранов. В живых остались лишь шестеро. Под портретами - информационные справки. Вызывает гордость за земляка следующее сообщение: «Александр Михайлович Карагаев,

уроженец д.Анопино Степуринского сельского совета, являясь командиром одного из отделений сторожевого корабля Северного флота СКР-19 («Дежнев»), погиб в схватке с фашистским линкором «Адмирал Шеер» 27 августа 1942 года у острова Диксон. В память о нем один из островов Карского моря назван островом Карагаева». А вот надпись на стене Рейхстага: «Я Новожилов из Вологды».

Три года назад поисковая группа из Северодвинска обнаружила на территории Ленинградской области останки двух солдат, которых засыпало в воронке. По медальону было установлено, что один красноармеец - Петр Пластинин, уроженец Грязовецкого района. Солдата 22 июня 2007 года перезахоронили на родной земле. А вещи, найденные в воронке, переданы школьному музею. Экспозиция включает несколько предметов - саперную лопатку, каску, гребешок, крышку от котелка, ложку. На подставке возле стенда лежит «Книга памяти Грязовецкого района». Каждый может подойти и полистать ее.

Хозяйство Юровского поселения по сей день называется «50 лет СССР». Его не стали переименовывать. Наверно, в этом есть свой резон. Уж трудились-то советские люди на совесть - пример грядущим поколениям. Жители этого края неоднократно участвовали в ВДНХ, удостаивались наград. Так, в 1983 году колхоз стал победителем всероссийского социалистического соревнования и получил переходящее Красное знамя за успешное выполнение плана. Общий успех складывался благодаря стараниям каждого сельчанина. Пример тому - свидетельство, напечатанное на бланке с портретами Ленина и Сталина: «Смирнова Зоя Александровна, доярка совхоза «Коротыгино» Грязовецкого района Вологодской области, в 1938 году добилась удоя молока в среднем 2567 литров на фуражную корову остфризской и холмогорской пород, за что утверждена участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и занесена в почетную книгу».

За все время существования хозяйства у него были два руководителя. С обоими колхозу повезло. Леонид Николаевич Бурцев, первый председатель, был награжден Орденом Ленина, а его преемник Василий Иванович Жильцов занесен в книгу «Лучшие люди России». Материалы о современном сельском хозяйстве района размещены под цитатой-заголовком: «Настоящий успех - это найти дело своей жизни в работе, которую ты любишь. Дэвид Маккалоу». А вот Доска почета - портреты сельских тружеников и представителей трудовых династий Конановых, Кивитар, Курочкиных. Информация о производстве дана так подробно, что по ней школьники могли бы изучать экономику: наличествуют сведения и о партнерах, и о приобретенной технике, и об урожаях каждого года, и о надоях. Колхозу есть о чем сообщить подрастающей смене. Пока живет колхоз и сохраняются рабочие места, живет и поселение. Юровская школа трепетно бережет прошлое своего края, собирает его буквально по страничке. Учителя и дети искренне верят, что наша эпоха тоже оставит экспонаты, достойные хранения.

УСТОИ

О воспитательном эффекте этнографии

«Вологодский областной детско-юношеский центр традиционной народной культуры» открылся в 1990 году в здании Дома пионеров. Педагоги дополнительного образования начали знакомить детей с народной культурой, традиционными ремеслами, музыкальным фольклором.

Летом 1991 года центр организовал первую этнографическую экспедицию. Ее участники за 20 дней объехали большинство сельсоветов Никольского района, расспросили старожилов об устоях деревенской жизни. Результаты превзошли самые смелые ожидания: вологодская глубинка оказалась настоящим кладом для искателей фольклора. Впоследствии школьники-этнографы посетили десятки деревенек и опросили сотни людей. На сегодня методика сбора этнографических сведений отшлифована до тонкостей.

По словам начальника экспедиций Екатерины Мельниковой, дети отправляются в путь как следует подготовленными. На занятиях зимой, осенью и весной они знакомятся с технологией ведения беседы, составляют продуманные опросники, учатся вести дневник и фиксировать наблюдения на фотоаппарат, видеокамеру, диктофон. Экспедиций с нетерпением ждет и детвора, и педагогический коллектив. Участие в главном мероприятии года принимает весь небольшой штат центра - двенадцать педагогов во главе с директором Зинаидой Бакулиной. У каждого из них есть свои таланты и знания: например, Любовь Талицына владеет искусством росписи, Татьяна Селянина лучше других знает музыкальный фольклор, Наталья Шохина прекрасно умеет взять интервью.

Продумывается маршрут, заводится дружба с сельской школой. Учителя охотно содействуют коллегам, предупреждают население о визите следопытов. По прибытии на место команда из 20 этнографов делится на подгруппы и работает по списку старожилов. Прежде чем обходить дворы, дети проводят вечер знакомства с сельчанами. Беспроигрышный способ завоевать доверие - концерт с песнями, частушками, плясками, устроенный по договоренности с местным клубом. На следующий день исследователи стучатся в двери источников информации.

«Да мы-то не прежнешние, мы-то советские, мало чего помним», - разводят руками бабушки и дедушки в ответ на просьбу рассказать о давних деревенских обычаях. Но вскоре припоминают что-то ценное для науки, если не из собственной молодости, то из рассказов родителей. Разговор длится не меньше часа. О чем спрашивают следопыты? Об обрядах семейно-бытового цикла от крещения до похорон, о верованиях, о секретах русской кухни, о значении узоров на одежде... Участники экспедиций придерживаются очень емкого определения фольклора, подразумевая под ним систему народного мировоззрения. За день ребята успевают пообщаться с двумя-тремя информаторами. Полученные данные тщательно фиксируются и на цифровых носителях, и в полевых дневниках. Дети умеют записать даже танец, используя схемы. Особое внимание обращается на диалектные выражения. В конце дневников составляется словарик с указанием фонетических особенностей и толкования оригинальных языковых единиц. По вечерам этнографы из разных подгрупп собираются вместе и обсуждают собранный материал. Перед отъездом проводится экспресс-конференция для местных жителей.

Более обстоятельная работа с материалом начинается в сентябре и длится до следующего жаркого сезона. Производится полная расшифровка диктофонных записей. Венцом труда, как и во «взрослой» науке, становятся доклады и публикации. С докладами дети выступают на региональных и всероссийских чтениях: «Мир через культуру», «Шаг в будущее» и других. Книгоиздательской деятельностью центр занимается на средства грантов и департамента образования. В серии сборников «Древо жизни» выходят фольклорно-этнографические материалы об обрядах и обычаях определенных территорий; таких книг у центра уже семь. Некоторые дети добиваются завидных результатов. В последние годы более 20 детей стали лауреатами премии в поддержку талантливой молодежи. Летом 2011 года пятеро старшеклассников - Евгения Демина, Екатерина Каламаева, Анна Липатова, Мария Черняева, Данил Дианов - даже получили президентские премии как подающие надежды исследователи и мастера-умельцы.

«Такие экспедиции - окно в мир, - говорит Зинаида Бакулина. - Городские ребята ничего не знают про деревню, а она хранит устои народной жизни». Воспитательный эффект экспедиций очевиден. Подростки в деревне задумываются о понятии «родина» и проникаются уважением к старшему поколению, не говоря уж о том, что дети вдали от домашнего комфорта приобретают навыки самообслуживания. «Что вы с моим ребенком сделали? Как из района вернулся - перестал капризничать по мелочам, научился кашу есть и посуду за всей семьей мыть!» - благодарят педагогов родители юных этнографов.

МАСТЕР-КЛАСС

ПРАВИЛО ПАРАМОНОВА И МЕТОДИКА ВАХРАМЕЕВА

Признайтесь, смогли вы в десятом классе полностью одолеть «Войну и мир»? Мне, помнится, не хватило усердия. А вот если бы моим наставником был Олег Парамонов или Вячеслав Вахрамеев, я бы наверняка прочитала классическую эпопею от корки до корки, и не по обязанности, а взахлеб.

Мне довелось присутствовать на проведенных этими преподавателями в сельских школах открытых уроках для детей и мастер-классах для учителей литературы. Вячеслав Вячеславович провел урок по Толстому под названием «Ах... снимите эти... как их...», ловко раскрыв через одну-единственную деталь (очки) характер Пьера Безухова, а Олег Геннадьевич так тесно связал творчество Твардовского с современной жизнью, что буквально породнил ребят с Василием Теркиным. Дети были в восторге и напросились на взрослый мастер-класс. Учителя делились профессиональными наблюдениями.

У литературы как у школьного предмета огромный потенциал. Изучение изящной словесности предполагает знакомство с социально-историческим контекстом того или иного произведения, мировоззренческие дискуссии. Эта гуманитарная дисциплина может развивать у детей эстетический вкус, коммуникативные навыки, цепкую память,

образную речь и много чего еще, но - только при грамотной подаче. Когда двадцать человек один за другим выходят к доске и декламируют вызубренное «К Чаадаеву» ради пятерки, прекрасные порывы души хочется не посвящать отчизне, а глушить на корню.

Как заметил Парамонов, преподаватель литературы не имеет морального права превращать урок в формальное изучение программы и раздачу отметок. «Самое главное, чтобы присутствие ученика на уроке не стало его отсутствием». Если школьник замотивирован только оценкой, он с нетерпением ждет освободительного звонка. У Парамонова есть правило: три раза в четверть каждому разрешается прийти на урок неподготовленным и не объяснять причину. Обычно дети не злоупотребляют данной им свободой. Почему? Потому, что, однажды оказавшись «не в теме», они испытывают не страх, а скуку - обидно сидеть в стороне, когда одноклассники оживленно беседуют с учителем.

Полезно время от времени давать детям возможность самим встать на место педагога и провести урок. Практика показывает, что школьники в таком случае очень ответственно относятся к доверенной им миссии и самостоятельно открывают что-то новое в учебном материале. Заодно они понимают, каково это - удерживать внимание двадцати человек в течение сорока минут. Задача преподавателя литературы - увлечь ребят произведением. Как этого добиться? Один из ключевых законов педагогики вывел... полководец Суворов: «Удивил - значит победил». Этот прием, между прочим, очень хорошо помогает, когда нужно убедить ученика прочитать тот или иной художественный текст. Олег Геннадьевич достигает желаемого эффекта, анонсируя произведения. Одно дело - строго потребовать, чтобы все знали содержание «Преступления и наказания», и совсем другое - зачитать вслух волнительную сцену романа до кульминации и на вопрос класса: «Что же дальше?» - ответить: «А дальше - узнаете сами...»

Особые методики есть и у Вячеслава Вячеславовича. Одну из них он продемонстрировал на открытом уроке: вызвал сопереживание ребят к герою недочитанной книги и начал строить его «кардиограмму сердца» - цепочку душевных взлетов и падений. Достроил до середины, а продолжать не пришлось - ученики вызвались самостоятельно довести начатое до конца. Чтобы найти в каждой теме изюминку, учитель должен уметь глубоко разбираться в произведениях. На примере «Незнакомки» Блока Вахрамеев убедительно показал, что в классике не бывает ничего случайного. Мифологический подтекст фразы или этимология одного слова может стать ключиком к открытию сути всего текста. При подготовке урока преподавателю-филологу не следует всецело уповать на учебники и критические статьи, каким бы авторитетом последние ни пользовались, иначе можно попасть в плен стереотипов, губительных для живого искусства. Надо изучать Грибоедова по Грибоедову, а не по «Мильону терзаний», Островского - по Островскому, а не по «Лучу света в темном царстве».

КОНТРАСТНЫЙ СНИМОК

ТЕТЯ В ФОРМЕ

Один день инспектора

Инспектор по делам несовершеннолетних Анна Гусева диктовала мальчику, сидевшему возле ее стола: «Пиши: «Хотел попробовать алкоголь». В одиннадцать лет тебе подобная мысль в голову пришла... Стыдно хоть?» Тот удрученно кивнул, не поднимая глаз.

Подростка звали Ваней. Он был пойман на мелкой краже - пытался унести из маркета пиво и пакетик кальмаров. Вот Ваню и поставили на учет. В карточку вносились самые подробные данные, включая цвет глаз, рост и вес. «С кем дружишь?» - обратилась инспектор к мальчугану. «С одноклассниками только». - «Кличка в кругу приятелей есть?» - «Нет». - «Чем занимаешься после школы? На кружки, на секции ходишь?» - «Не-а. Гуляю по вечерам, в интернете сижу».

«Сын мне много по дому помогает, воду носит, прибирается, - вступилась за мальчика женщина, скромно стоявшая поодаль. - Первый раз такое случилось, никак не ожидала!» Мать тоже сообщила некоторые данные под запись. Выяснилось, что неудавшийся злоумышленник - из многодетной семьи. В семье недавно появился малыш. «Не переживайте так, - попыталась Анна успокоить расстроенную мамочку. А о тебе, Ваня, чтобы я больше не слышала, ладно?» - «Я больше так не буду!»

После описанной процедуры я спросила Анну: «Что обычно крадет детвора?» - «По мелочи. Конфетку, йогурт, мармелад, орешки...» - «За что еще дети попадают на учет? За драки?» - «Дерутся сейчас меньше. На моей памяти драк район на район не случалось.

Самые типичные нарушения - нахождение в состоянии алкогольного опьянения или нецензурная брань в общественном месте». - «Чем оборачивается для ребенка постановка на учет?» - «Семью периодически будет проверять инспектор и проводить профилактическую работу». - «Как реагируют дети на тетю в форме?» - «У некоторых сразу на лице написано, что никогда больше не оступятся. Другие спорят, отрицают свою вину, но потом раскрываются. Есть и такие, кому море по колено».

Мы отправились навестить одно неблагополучное семейство. Анна сама села за руль стареньких «Жигулей», и вскоре мы были на месте. Мать и дочь-подросток, обитающие в квартире, восприняли приход инспектора как что-то естественное. Анна тоже не особенно удивлялась, глядя на отвратительного вида апартаменты. На полу валялись тряпки, обертки, коробки. Мебель была отчасти переломанной, на ней горами лежала грязная одежда. В углу второй комнаты, вероятно, спальни, красовалось ведро, около которого стояли многочисленные бутылки из-под дешевого вина. На диване спал мертвым сном глава семьи. На столе лежали два початых каравая хлеба в горке яичной скорлупы и тающая пачка масла.

«Полина, курить бросила?» - поинтересовалась инспектор. «Не курю! Мне в воскресенье папа сигареты предлагал, но я отказалась!» - «А как поживает твоя младшая сестренка? На нее опять соседи жаловались. Говорят, матерится на всю улицу». - «Вы конкретно скажите, кто жалуется? - возмутилась мать девочек. - Если сережина родня, так не слушайте - те на Раю руки распускают, недавно в коридор ее за волосы выволокли». - «Это когда она с подружкой избила Сережу? У мальчика все лицо в кровоподтеках было!» - «Ну, так получилось...» - «А еще сестра сегодня у папы тоник выпрашивала!» - наябедничала Полина. Рая, которую по просьбе инспектора вызвали с прогулки, с видом оскорбленной невинности заявила, что за нею нет никаких грехов и вообще она целыми днями читает книжки. Ни одной книги среди бытового хлама заметно не было. Анна вздохнула. Хозяйка квартиры скорбно опустила голову. Затем мы посетили еще несколько адресов, напоследок проведав несовершеннолетних студентов, стоящих на учете за злоупотребление спиртным. Те были на месте и ни в одном глазу.

«Анна, а вы кто по образованию, если не секрет?» - спросила я, когда пришло время откланяться. Был девятый час вечера. «Педагог-психолог». - «С вашим образованием можно было найти дело поспокойнее». - «Именно это дело - мое. Сидеть часами в офисе я бы не смогла. Поначалу было тяжко. До сих пор помню, как изымала девятимесячного малыша из семьи. Он лежал на полу, голодный. Страшные ощущения: берешь его на руки, а от ребенка ребенком не пахнет. Я потом целую ночь проплакала, думала, что здесь работать не смогу. Но ничего, прошло». - «Как относятся ваши близкие к тому, что вы инспектор по делам несовершеннолетних?» - «Не очень довольны. Жених мой иногда обижается, что я все время занята. А я ему говорю: служба».

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

САДОВНИЦА

Свой первый рабочий день в детском саду она провела в роли сказочного персонажа. Это событие запечатлено на черно-белом снимке, сделанном в конце 60-х. На фотографии Снегурочка - вся в белом, с косами и челкой (косы ватные, челка натуральная, темно-русая).

Старалась, переживала, но все получилось. Ведь подвести маму, заведующую детским садом и Деда Мороза в одном лице, было никак нельзя. Девочке, успешно перевоплотившейся в Снегурочку, было восемь, и звали ее Лена. Лена, которая спустя годы обязательно станет воспитателем в детском саду. Как ее мама и старшая сестра.

Общий педагогический стаж в этой семье составляет 110 лет. Елена Николаевна Клюсова трудится в детском саду 33 года, ее мама Антонина Васильевна Копотцева воспитывала дошколят в течение 35 лет, ее старшая сестра Полина Николаевна Смирнова отработала в детском саду 42 года. С 1984 года Елена Клюсова, потомственный воспитатель, трудится в детском саду поселка Майский, что близ Вологды. Сначала была обычным воспитателем, а три года назад стала воспитателем по изодеятельности, после того как сад превратился в центр развития ребенка, которому по статусу положен такой специалист. Теперь у Елены Николаевны свой кабинет с мольбертами и специальными столами, где она и ее воспитанники ежедневно рисуют, лепят и делают аппликации. Дети постоянно участвуют в районных, городских, областных конкурсах рисунков.

«Вот уже 13 лет наш коллектив работает по программе «Детство» под девизом «Чувствовать, познавать, творить». Программа приобщает детей к изобразительному искусству, музыке, литературе, способствует развитию их познавательных, сенсорных, речевых, математических, творческих способностей. В рамках программы глубоко для себя я проработала раздел «Художественное развитие детей дошкольного возраста». Дополнением к нему служит программа «Цветные ладошки», - рассказывает Елена Николаевна, воспитатель высшей категории, и добавляет, что изодеятельность для дошкольников - вещь наитруднейшая. Почему? Прежде всего потому, что им очень сложно доводить начатое дело до конца. И только привлекательный для ребенка конечный результат вкупе с посильным процессом его достижения может сформировать положительную мотивацию трудовой деятельности у ребенка. А это уже фронт работ для педагога.

В арсенале моей собеседницы имеется много всего любопытного. Чесночные палочки, шишки и листья деревьев. Кусочки резины, катушки от ниток и огарки свечей. Печатки, вырезанные из овощей, различные трафареты и поролоновые губки. Тушь и зеленка. Для нас многое из этого мусор, для творческого педагога это инструменты и материалы для обучения детей. Испачкать руки не возбраняется. Оставленные ими отпечатки могут превратиться в совсем неожиданное изображение! «Мы наносим на ладошки или пальчики ребенка гуашевые краски поролоном и отпечатываем их на листе бумаги. Так, например, можно получить замечательного ежа. Делаем оттиски и комками мятой бумаги, и клубками ниток, и отдельными нитками. Они позволяют изобразить, например, крону деревьев». Любят дети и такие нетрадиционные приемы изобразительной деятельности, как кляксография, каплеграфия, монотипия, тестопластика, пластилинопластика. Что это такое, непосвященному человеку судить сложно, вкратце объясню.

Кляксография - это нанесение на внутренний сгиб листа кляксы из краски или туши и создание изображения путем прижатия бумаги. Каплеграфия - нанесение на лист бумаги пипеткой капли краски или туши и ее раскатывание или раздувание. Монотипия - нанесение акварели на зеркало, стекло или пластмассовую пластинку для последующего отпечатывания краски на бумагу, в результате чего получается оттиск в зеркальном отображении. Тестопластика - это лепка объемных и полуобъемных фигур, деталей из соленого теста, приготовленного из муки, соли, воды. Пластилинопластика - примазывание выпуклых деталей или объемных фигурок на картонную или пластиковую поверхность с пластилиновым фоном. Последнему приему в этом учебном году уделяется особенное внимание. Он выбран в качестве основного для ведения кружковой работы. Кружок назван «Пластилиновые фантазии» и знакомит детей со всем разнообразием лепки вплоть до пластилиновой живописи. Обучаясь лепке, малыши наравне с традиционными материалами - пластилином и глиной - знакомятся с нетрадиционными - папье-маше и соленым тестом.

Еще существуют батик и коллаж, позволяющие детям немного похулиганить. Вы только представьте эмоции ребенка, когда ему предлагают окунуть свой рисунок в таз с водой или наклеить яичную скорлупу на контур и разрисовать ее маркерами. «В коллаж я влюблена. Коллаж будит воображение и фантазию. На тканевый или бумажный фон мы наносим рисунок - красками, цветными карандашами, углем, восковыми мелками, прикрепляем поделки из картона, соленого теста, природного, бросового материала, приклеиваем фигурки оригами. Коллажи используются в работе с детьми с самого младшего возраста. На первом этапе это произведения сотворчества взрослых и детей. В дальнейшем - самостоятельные рисунки или аппликации. А в процессе создания детьми совместных работ в них воспитываются такие качества, как коллективизм, взаимовыручка и взаимопомощь», - увлеченно рассказывает воспитатель.

«В 2002 году я была слушателем курсов по региональному компоненту (это использование краеведческого материала в работе). Они были первыми, пробными и очень интересными. После курсов я предложила в своем коллективе разработать по всем возрастам перспективные планы по региональному компоненту в соответствии с программой «Детство». Коллеги поддержали мое предложение. Общая тема звучит так: «Люби и знай свой родной Вологодский край!» Она разделена на блоки: «Мой мир», «Мир природы», «Мир истории», «Мир красоты». Проводятся специально организованные занятия или беседы с детьми, целевые прогулки, экскурсии».

Для совмещения регионального компонента и изодеятельности Елена Клюсова взяла за основу вологодскую литературу. Дети стали читать и заучивать произведения вологодских авторов: Татьяны Петуховой, Капитолины Большаковой, Николая Рубцова, Василия Белова, а потом выкладывать свои впечатления на бумагу, причем нередко уже

известными нам нетрадиционными методами. Например, к встрече с детской поэтессой Татьяной Петуховой малыши подготовили целую серию рисунков по ее стихам. В январе в Майском саду проводится рубцовская неделя. Программа мероприятий очень насыщенная, включая посещение экспозиции, посвященной жизни и творчеству Рубцова, и совместный с родителями музыкально-литературный вечер. Воспитанники подготовительной группы создают серию рисунков углем по детским стихам поэта и удивляют своих родителей познаниями в творчестве поэта. Знакомятся дети и с творчеством местных талантов, жителей родного поселка - поэтами, музыкантами, художниками, посещают местный музей.

«Однажды рассматривая на осенней прогулке большой куст рябины, с разноцветными яркоокрашенными листьями и тяжелыми гроздьями ягод, дети вспомнили стихотворение Капитолины Большаковой «Рябиновые бусы». Подняли с земли сломанную ветку рябины и предложили поставить ее в группе в вазу. Вечером после занятий один из моих воспитанников пожелал изобразить ветку рябины на листе бумаги. Я предложила это сделать нетрадиционным способом. К нам присоединились десять желающих, и мы приступили к работе. Взяли гуашевые краски, кусочки поролона, а средством изображения стали наши руки. Оттиск ребра ладони - ветка, отпечатки пальчиков - листья, ладошка с широко расставленными пальцами - гроздь рябины, а макушки пальчиков - ягоды. Ну, а ваза - отпечаток сжатой ладони. Снова прозвучало стихотворение о рябиновых бусах».

Педагог - это творец, он принимает живейшее и неоценимое участие в сотворении человека как полноценной личности. Лучшей наградой за свои труды для Елены Клюсовой является изготовленный ребенком конвертик, в который вложено нарисованное признание в любви или просто слова, что он соскучился.

P.S. *27 сентября (День воспитателя) в 1863 году домашняя учительница Аделаида Симонович вместе с мужем открыла в Петербурге первый в России детский сад. Он был платным и предназначался для детей интеллигенции. Заведение принимало детей от трех до восьми лет. Также Симонович стала издавать журнал по дошкольному воспитанию «Детский сад». Само название детский сад (kindergarten) появилось гораздо раньше. Так немецкий педагог Фридрих Фребель, работавший в приюте у классика научной педагогики Иоганна Генриха Песталоцци, назвал дошкольные образовательные учреждения. В 1837 году Фребель открыл в Блакенбурге первое в мире учреждение «для детей младшего возраста». Будучи основоположником европейской дошкольной педагогики и педагогом-практиком, он считал детский сад моделью устройства мироздания, в центре которой - развивающийся человек, ребенок. Он перенес в детский сад все, что маленькие дети делали в детской, в саду, на улице. Он исповедовал следующие принципы: жизнь детей заключается в игре; им врожденно чувство общественности; дети любят рассказы и пение, животных и цветы; они непорочны, и наказывать их нельзя.*

За свое нововведение Фребелю пришлось бороться. В его время в Германии существовали школы для маленьких детей (Kleinkinderschulen), где крошки часами вязали чулки, учили наизусть катехизис и проводили время в мертвенном молчании. Фребелевские детские сады как противовес существующей системе навлекли на себя немилость духовенства, а затем и правительства. В 1851-1860 детские сады были официально запрещены, им пришлось маскироваться под видом семейных кружков. Их работников ласково именовали садовниками и садовницами. Аделаида Симонович постепенно отошла от системы Фребеля и обратилась к идее народного воспитания, предложенной Константином Ушинским. Она автор методических разработок по родиноведению, подвижным играм и гимнастике, рассказыванию, рисованию и выкладыванию, конструированию, вырезыванию, плетению, считала необходимым привлекать детей к выполнению некоторых обязанностей (например, к дежурствам), приучать к взаимопомощи и товариществу, к ограничению своих желаний. «Детская садовница» должна быть образованна, энергична, бодра, весела, строга, но не злопамятна, взыскательна, но не придирчива.

ВНУТРЕННИЙ ВЗОР

Она научила слепых детей видеть прекрасное

Она сделала, казалось бы, невозможное. Научила слабовидящих и абсолютно слепых детей чувствовать цвет, форму, композицию. Создавать авторские произведения искусства. Ангелина Евгеньевна Платова - в прошлом учитель рисования в ГОУ «Грязовецкая специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат 3-го вида»

- сама разработала и воплотила в жизнь уникальную методику обучения изобразительному искусству детей-инвалидов по зрению. Сейчас она на заслуженном отдыхе и общается со своими выпускниками в интернете.

Не боги горшки обжигают

Каждое слово этой величавой женщины завораживает. Его ловишь на лету, боясь упустить что-то важное. А между тем, Ангелина Евгеньевна - человек очень скромный, о себе говорит совсем немного, мол, стаж педагогической деятельности 53 года, из них 17 лет проработала в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей. Вскользь добавляет, что не училась в классической художественной школе, не заканчивала специализированных учебных учреждений. Зато о своих подопечных готова рассказывать часами. «Знаете, надо проникнуть в их суть». Казалось бы, невозможно приобщить слепых и слабовидящих детей к изобразительному искусству. Вот к музыке - да, но к рисованию... Жизнь показала, что невозможное возможно. Уже через полгода, после того как Ангелина Евгеньевна взялась за дело, в Грязовце была организована первая выставка работ воспитанников интерната. Главное, что нужно было сделать учителю, - внушить детям, что каждый из них что-то может. «Остальное приложится. Ведь не боги горшки обжигают».

«Я давала каждому из слабовидящих детей картинку. Кому-то доставался грибок, кому-то - фрукт. Их надо было нарисовать. Что дети могли, то и начали делать», - вспоминает Ангелина Платова. Через год состоялась еще одна выставка художественных работ детей-инвалидов. После этого учительницу рисования стали приглашать на работу в другие школы, но она не изменила любимому коллективу единомышленников. «Здесь удивительный коллектив, сплоченный. Самоотверженные и потрясающие люди. Очень отзывчивые, всей душой любят детей», - отзывается о коллегах педагог. На второй год на одном из областных конкурсов для детей-инвалидов картины ребят из Грязовецкой школы-интерната заняли первое место. С подарками, довольные и счастливые, победители вернулись домой. Назрела необходимость заниматься на более профессиональном уровне, не очерченном границами урока. Так в интернате появилась художественная студия. Выставки устраивались ежегодно. На одну из них приехали американцы. 46 работ перекочевали в Америку. Работы учеников Платовой есть в Голландии, Бельгии, Санкт-Петербурге, в Вологде и Москве (в Государственной думе).

И все же они рисуют

Одновременно работала и со слабовидящими детьми, и с незрячими. Никаких пособий по изобразительному искусству в школе не было. Алгоритм уроков рисования разработала сама, опираясь на опыт, знания и интуицию. «Слабовидящие в больших очках с толстыми линзами хоть что-то видят. Я расчерчивала лист бумаги, расставляла краски и под каждой из них писала название: голубая, синяя, красная. Дети читали и, не различая краски глазом, использовали их по назначению. Совсем слепым давала специальные приборы. Правда, они были сверхустаревшими, но это хоть что-то, что могло помочь в работе. Вырезала из картона фигурки - лошадки, деревья, грибы. Штихелем на вощеной бумаге школьники их обводили по контуру. Если дом расположен близко, учила я рассуждать ребят, значит, он размером побольше. Если далеко - маленький. Так формировалось пространственное воображение».

На старых приборах работать стало неинтересно. Тогда Платова придумала следующее. Заказала для каждого ребенка по коробке пластилина, в каждой было 18 цветов. Брала лист бумаги, расчерчивала его, и дети иглами, используя азбуку для слепых, со слов учителя подписывали цвета пластилина. В верхнем ряду располагались холодные цвета, в нижнем - теплые тона. Параллельно на бумаге ребята пальчиком пробовали цвет. Это было не самым сложным. Поначалу она давала ученикам небольшие формы. Для пробы вырезала из картона фигурки овощей, фруктов, грибов, цветов. Дети составляли из них композиции. Чтобы незрячие ученики понимали, как в жизни выглядят изображаемые ими предметы, учитель вкладывала в руки муляжи - яблоки, груши и даже чучела уток из кабинета биологии. «Вскоре моим ученикам захотелось большего. Мне же было и радостно, и сложно одновременно». Так и шли занятия. Слабовидящие ребята стояли за мольбертами, слепые - сидели за столами, выполняя с помощью пластилина на листах ДВП интересные работы. Состоялась еще одна городская выставка. Под экспозицию работ незрячих ребят был отведен целый зал. Андрей Упадышев, Лена Щур, Руслан, Вика... Их имена до сих пор в памяти учителя.

Урок на пальцах

«Мы делали так с учеником. Выкладывала перед ним картинку, картон или лист ДВП. Но он-то не видит! Говорила примерно следующее: «Посмотри своим внутренним взором: небо голубое. С фиолетовым отливом. Внизу желтое. Вот линия горизонта». Ребенок под руководством педагога брал нужные цвета пластилина, смешивал, если необходимо, и наносил на лист. Сначала жгутиком вылеплял контуры предметов. «Сверху небо, внизу вода, а между ними просматриваются леса, - продолжался урок. - Светлую краску перетягиваем вверх, кверху тянем розовую. Представь внутренним взором на закате лес, небо синеет». И неровными мазками ученик имитировал лес. Делали незрячие ребята композиции и сложнее. Например, «Кони в ночном».

«Небо темно-синее. Бери нужный пластилин, Руслан, - приглашал к творчеству учитель. - Как ты считаешь, что на небе может быть?» - «Луна, звезды». - «Вкрапляем крохи белого. Потом принимаемся за зеленый пластилин, обозначаем лес». По замыслу нужно изобразить пасущихся коней и сидящих у костра ребятишек. Ангелина Евгеньевна вырезала фигурки изобразительных персонажей. «Руслан, представь: лошадки далеко. Поэтому и их фигурки будут маленькими. Один конь расположился поближе, голову опустил в траву. А три совсем близко. А теперь вообрази, что ты у костра. Что для него нужно?» - «Поленья, огонь». - «Верно. Полешки какие? Меньше твоего мизинца. На огонь бери желтый, белый и оранжевый пластилин, эти цвета понадобятся для оттенков огня». Ученик изображал на картине костер, брал в руки фигурки детей. Сначала прикладывал их к нужному месту на поверхности и штихелем обводил. Затем брал каждую фигурку в руки, растирал на ней нужный цвет. Голову раскрашивал светлыми тонами, выбирал цвета для штанов и рубах. После этого размещал фигурку на нужном месте и вдавливал в картину. Изображение получалось свое, авторское.

Слабовидящие ребята, приобретя основные навыки, работали более-менее самостоятельно, потом стали помогать своим невидящим сверстникам. «Ты пока растягивай небо; как только закончишь, позовешь, - переходит учитель от ученика к ученику. - Куда посадишь дерево? Надо дать контраст, иначе не будет воздуха в пространстве. Нужен контраст - как белое и черное». Дети творчески развивались и осваивали более сложные композиции. Андрей Упадышев выполнял работу «Зима в лесу». Композиция интересная, но сложная. «Смотри, на заднем плане темные деревья», - подсказывает учитель. Мальчик раскатывал пластилин, изображал стволы и ветви деревьев. «Я беру его за руку: «Ствол дерева с твой пальчик. Внизу широкий, вверху тонкий». Этот мальчик раньше был зрячим, поэтому объяснять легче. К сожалению, работы из пластилина сложно сохранить, - сожалеет Платова, - но они удивительны по своему содержанию».

Дело мастера

«Слабовидящими я своих ребят больше не считала. Передо мной были ученики, которые хотят работать. На каждое занятие приходило много детей. Они работали самоотверженно, увлеченно, с удовольствием. Через несколько месяцев входили во вкус. Я беседовала с ними об искусстве. Они, как подмастерья классических художников, изучали, как правильно выполнить грунтовку (подготовка материала к работе), сделать подмалевок (первоначальная заливка цветом белых мест). Они знали и номера кистей, и как правильно приступить к работе. Даже «мелкота» увлеченно трудилась. А мои слабовидящие художники выступали в качестве консультантов для незрячих».

«Ребята, пора брать авторские работы», - однажды сообщила своим выдающимся ученикам Ангелина Евгеньевна. И предложила слабовидящим перейти к написанию пейзажей. «Сейчас художники меньше работают на пленэре. Состояние природы непросто уловить. К примеру, солнце освещает предмет, а через минуту оно уходит, и картина меняется. Нынче многие прибегают к помощи цифровой техники, мы тоже стали использовать ее возможности. Снимали хорошие виды, на ДВП делали копии с удачных фото, с интересных журнальных снимков, но не копировали картины. Превратить цветное фото в произведение искусства - дело мастера». В методическом кабинете школы-интерната собраны лучшие произведения воспитанников, чьи работы на некоторых конкурсах оценивали выше, чем картины учащихся художественной школы. Приехавшие однажды кураторы из Москвы, увидев урок изобразительного искусства, были сильно удивлены. «Вы знаете, до этого дня мы считали, что в России есть только один педагог, разработавший собственную методику обучения рисованию незрячих и слабовидящих детей. Мы заблуждались», - услышала в свой адрес учитель Платова.

А еще она преподавала основы кроя, моделирование и художественное оформление

одежды. Дети не могли не любить своего учителя рисования, исповедующего принцип: никоим образом не заронить в детей мысль, что они чем-то отличаются от других. «Ребята, вам просто придется немного сложнее в жизни», - говорила она подопечным. Искусство стало их спутником жизни, а для некоторых и точкой опоры. Один из учеников Платовой рисует картины на заказ. Одна из учениц делает витражи. Несколько учеников поступили в художественные училища. Воспитанники не забывают учительницу, научившую их видеть прекрасное внутренним взором. Звонят, приезжают в гости, пишут письма. Общаются в одной из социальных сетей, Ангелина Евгеньевна открыла там свою страничку. «Говорят, Вологодчина - святая земля. Я благодарна судьбе, что мне выпало здесь жить и работать именно в этой школе».

ОБУЧЕНИЕ ШЛЕПКОМ

«Ребята, на меня внимание. На какую толщину выставляем полутерок? Сколько миллиметров даем? Для того, чтоб нам установить полутерок и правило для провешивания, мы маячок делаем - берем в руки сокол и мастерком набрасываем раствор».

За словами и действиями маленькой женщины завороженно следят с десяток пар глаз. Под умелыми руками мастера производственного обучения вологодского профтехучилища №29 Зои Модиной неказистая на взгляд кирпичная кладка превращается в красивую ровную поверхность. Зоя Николаевна обучает подростков премудростям рабочего ремесла. «Важно, чтобы шлепок был в виде следа медведя. Не так, чтоб растекся по всей стеночке. Шлепочки должны быть одинаковыми, и их как бы стелить надо. Следующее, что нужно делать, - разравнивать. Но ведь не разровняешь, если раскидаешь по всей стене. Берем полутерок (деревянный инструмент для выравнивания стены), сухой не приставляем. Смачиваем кисточку водой и проводим ею по дереву», - продолжает практическое занятие мастер, наглядно раскрывая секреты профессии штукатура. Например, если у штукатура нет под рукой уровня (инструмент для проверки угла), можно ориентироваться на глазок по дверным и оконным проемам, которые всегда выполнены ровно.

Она с юности мечтала работать с детьми. Родилась в деревне. В семье было пятеро детей. После восьмилетки неожиданно для себя и окружающих решила стать строителем. «Председатель колхоза спрашивает у меня: «Ну, на кого Зоя пойдешь учиться?» - «На строителя». - «Как же, Зоя, ты такая маленькая, до потолка раствор-то не докинешь». - «Докину. Глядишь, научат правильно набрасывать». Старшая сестра отвезла девушку в город, где Зоя поступила в 29-е училище на специальность штукатура-маляра. Группа состояла в основном из девчонок: на тридцать человек трое парней. «И до сих пор стройка держится на тех женщинах, - считает наша героиня. - Когда я училась, а после этого работала на стройплощадках, было не принято делить работу на женскую и мужскую. Делали все. Сейчас женщины стали более хрупкие».

Закончив училище в 1973 году, Зоя работала штукатуром-маляром в строительной бригаде. Вышла замуж, одна за другой родились дочери. Вернулась в профессию, возглавила бригаду штукатуров-маляров. И не оставляла надежды, что ее давняя мечта - работать с детьми - воплотится в жизнь. «Видимо, так надо было - не сразу стать педагогом. К этому я шла всю сознательную жизнь». К учительству Зоя Николаевна пришла в 47 лет. Тогда ее сократили с работы, и она искала новую. Знакомые подбрасывали различные варианты, среди которых были и довольно денежные, но мастер почему-то не спешила сделать выбор. Вдруг она зашла по старой памяти в училище поинтересоваться, нет ли какой работы. Директор предложила вакансию коменданта. Затем, учитывая богатую практику, пригласили работать мастером все в то же 29-е училище. Набрав более десяти лет назад первую группу, мастер производственных работ приступила к своим обязанностям.

«Ох, как я работала, вы знаете? Я летала, я неслась на работу. Нравилось, что я учу, что все, что я умею, я передам ребятам. Они так интересовались. Я полностью отдавала себя детям, прививая им все, что знала сама. И не уставала». Один из секретов педагогики заключается в том, чтобы пробудить в учениках интерес к предмету. «Я ребятам говорю: «Вот вас Иван Иваныч какой-нибудь пригласил сделать гараж. Если вы хотите хорошо зарабатывать, вы сделайте работу так, чтобы после этого он записал вас себе в книжечку. Придет к нему в гости Кирилл Николаевич, спросит, не знает ли тот хорошего мастера. И вот уже ваш телефон пошел по рукам. И ваши руки золотые все узнают. И всегда будете при деньгах».

Сначала ребятам дают в училище теоретические знания. Дважды в неделю они изучают производство. На первом курсе осваивают профессию штукатура, на втором приоритет отдается малярным работам. Затем предоставляется возможность дополнительно получить профессию каменщика. Учебные условия максимально приближены к рабочей реальности. Благодаря полученному гранту, в мастерских училища появилось современное оборудование.

Передавать детям навыки и умения - это самая лучшая профессия на свете, считает мастер производственного обучения. Ее ученики побеждают на конкурсах профмастерства. Она сама участвует в состязаниях среди работников профобразования. Не так давно заняла второе место по области. Через ее золотые руки и доброе сердце прошло более сотни учеников. Каждого она помнит по имени. И они не забывают женщину, давшую им жизненный старт. Приходят после армии, забегают в училище, приезжают на машинах, кто с конфетами, кто с цветами - сказать спасибо. Зовут на свадьбы, знакомят с женами, показывают фотографии детей.

«Нет жизни там, где нет стройки, объясняю я ученикам. Если краны работают, раздается «Майна!» и «Вира!» - значит, жизнь продолжается. Значит, вы не будете жить в землянках и шалашах. Учитесь, работайте - и все у вас будет. Ваша жизнь - в ваших руках».

ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ

Деревенские школьники строят избы и мастерят такую мебель, какой ни в одном модном магазине не найти.

В течение шести лет ребята из грязовецкого поселка Юрово постигают азы резьбы по дереву, секреты плотницкого и столярного дела. Из стен родной школы они выходят настоящими умельцами, способными и мебель смастерить, и дом построить. Многие, не задумываясь, выбирают профессию, связанную с обработкой древесины, и поступают учиться на плотника, столяра, краснодеревщика, резчика по дереву. «Задача уроков труда - подготовить маленького человека к жизни. Ко мне приходят пятиклассники, на глазах растут, к 11 классу становятся самыми настоящими специалистами», - говорит учитель труда Юровской средней школы Грязовецкого района Адольф Алексеевич Меновщиков, отличник народного просвещения, учитель высшей категории, член клуба «Учитель года», а пришел он в педагогику 37 лет назад.

«Не люблю, когда нет работы!» - заявил один из его учеников. Они тоже не спешат домой после уроков, а спешат к учителю на кружки: «Сделай сам», «Художественное конструирование», «Техническое моделирование». Некоторые особо увлеченные не пропускают ни дня. В рамках урочной и внеурочной деятельности дети воплощают в жизнь различные проекты: «За экологически чистый транспорт», «Мебель для дома своими руками», «Интерьер школы. Скамейки», «Школьное кафе», «Детский городок». За первый из названных проектов, представленный на областной выставке «Природа и мы», школьники из Юрова получили диплом 1-й степени и ценный приз - музыкальный центр. Они смоделировали переход автотранспорта с двигателей внутреннего сгорания на электродвигатели. Электромобили, управляемые самодельной рацией, и трасса для испытания, по которой они передвигаются, сделаны из подручных материалов.

«Материалами нам помогает колхоз имени 50-летия СССР. Все необходимое оборудование есть в учебной мастерской. Нашу школу открыли в 1979 году, и с тех пор мы не списали ни одного станка! Бережем их, ремонтируем. Некоторые приспособления сами изобрели. Вот, к примеру, шканторез», - говорит Меновщиков и предлагает испробовать эту «машинку» в действии. Я испробовала. Казалось бы, приспособление - проще некуда, да справиться с ним получилось не с первого раза. Припрятывая собственноручно изготовленный шкантик в сумку, мне пришла мысль испытать, крепко ли эти самые шканты держат детали самодельной мебели. Плюхнувшись на один из экспонатов производственной выставки, устроенной прямо в кабинете труда, - шикарный стул музейного вида, а потом на табурет благородной «внешности», убедилась: крепко! Не зря мебель для дома made in school of Jurovo пользуется спросом у местного населения. Аккуратные и прочные табуреты и подставки для цветов, журнальные столики и обеденные столы, каких ни в одном мебельном магазине не найдешь, юные плотники мастерят не только для себя, но и на заказ. А скамейки в школьных коридорах какие добротные! Тоже испытаны: и временем, и мной!

Чтобы сделать школьную столовую похожей на кафе, ребята трудились целый год.

Из дерева создали панно «Русская изба», подвески для цветов, светильники, карнизы, а их одноклассницы сшили шторы. А в кабинете труда красуется самая настоящая деревенская изба. Вернее, ее уменьшенная копия, срубленная в лучших традициях русского деревянного зодчества. Макет русской избы, представленный учениками Юровской школы на областном конкурсе «Вторая жизнь дерева», занял первое место. В течение года каждый ученик принимает участие в возведении вот такой мини-избы. Чем выше становится сруб, тем ближе деревенский учитель подводит своих подопечных к усвоению навыков традиционного строительства. Так, постепенно, возрождается деревянное зодчество. Так, незаметно, появляются на вологодской земле настоящие плотники. Десять выпускников школы работают у местного предпринимателя, который занимается производством срубов. После испытания русской избой ребятам любой ремонт по плечу. Ежегодно в июне в школе создается трудовая бригада из 10-15 школьников. Они ремонтируют полы, двери, приводят в порядок стены и цоколь здания, а если потребуется, и какое-нибудь крыльцо построят.

В 2009 году наш герой стал одним из четырех победителей областного конкурса «Учитель года», проходившего в Великом Устюге. В том же году получил грант в рамках нацпроекта «Образование». В 2010 году Адольф Алексеевич принял участие в педагогической ассамблее, посвященной открытию года учителя и состоявшейся в стенах «герценки» в Санкт-Петербурге. Делегация из Вологодской области состояла всего из четырех человек. Кроме педагога из Грязовецкого района - начальник департамента образования, ректор ВГПУ и учитель многопрофильного лицея.

Все началось в 1969 году, когда паренек с необычным именем из Кичменгско-Городецкого района поступил в педагогическое училище в Великом Устюге. Тяга к педагогике ему, выходцу из многодетной крестьянской семьи, передалась от любимых учителей из Шестаковской семилетки. Трудолюбие впитал с молоком матери. С малых лет работал в колхозе и на домашнем подворье. У супругов Меновщиковых есть внук. Не исполнилось малышу и двух лет, как дед и внук забили первый совместный гвоздь, чему мальчик был бескрайне рад, и ящик с инструментами превратился для него в самый привлекательный предмет.

КЛАСС ЗОЛОТЫХ РУК

Когда началась война, Дмитрий Зуев был шестилетним парнишкой. Ему пришлось ходить раздетым-разутым, есть вместо хлеба клеверные головки, жмых и молотые коровьи кости. Лишившись счастливого детства, Дмитрий Васильевич научился трепетно относиться к чужому детству.

Не случайно судьба привела этого человека работать в специальную (коррекционную) общеобразовательную школу №1 в Вологде. Ее посещают ребята, имеющие проблемы со здоровьем. Они, как никто другой, нуждаются в неформальной заботе. А изначально Дмитрий Васильевич вовсе не собирался становиться учителем. Получив аттестат, он поступил в техучилище, приобрел профессию автомеханика и некоторое время был занят по специальности. Жизнь его изменил преподаватель, сагитировавший бывшего подопечного вести труды в школе. Молодой человек принял предложение, и оказалось, что выбрал свое призвание, а педагогическое образование получил позже.

Ему легко удалось поладить с детьми. Ребята полюбили его, как брата, и сам он привязался к ним всей душой. Родители школьников на первых порах поглядывали на юного Зуева с сомнением: «Мол, какой из него педагог? Это же еще ребенок!» Вскоре даже самые недоверчивые мамы и папы изменили свое мнение. У нового учителя были золотые руки. Ему очень пригодились навыки автомеханика. Он и его ученики собрали буквально по запчастям полноценную машину «ГАЗ». Автомобиль был подарен школе и исправно служил не одному поколению детворы. Учитель изготовил с мальчиками все недостающее оборудование для мастерских - молотки, циркули, зубила, тиски.... Школа смогла принимать заказы на изготовление различных деталей. Заказы поступали преимущественно от двух предприятий-шефов - завода металлоизделий и вагоноремонтного завода. Для них школа производила самую разнообразную продукцию - от дверных ручек до кронштейнов. Весной шефы приглашали детей на месяц практики. Учеников Дмитрия Васильевича ценили. Им разрешали работать на станках. Труд оплачивался достойно. Школьники получали по семьдесят рублей - это почти как «взрослая» зарплата. Деньги обычно переводились на спецсчет и расходовались по усмотрению всего класса - на какое-либо оборудование или на экскурсии. Заметим, что и девочки вносили свою

лепту в общую кассу - они шили для магазинов наволочки, шторы, платья.

В наши дни труд считается второстепенным предметом в программе, а в советскую эпоху к нему относились совсем по-другому. «Когда завуч планировала расписание, она сначала проставляла в сетке труды, а потом уже - математику, биологию, химию и остальное», - вспоминает Дмитрий Васильевич. Его уроки определили судьбу многих его учеников: кто-то был отмечен во время практики и приглашен на ВРЗ, кто-то, освоив основы автомеханики, устроился в городское автобусное хозяйство. Сейчас пожилой учитель труда находится на заслуженном отдыхе. Он посвятил коррекционной школе сорок три года жизни. Воспитанники помнят своего педагога, тепло приветствуют при встрече, навещают дома. Сам он частенько заглядывает в родную школу. Его здесь принимают как желанного гостя. Директор и молодые учителя любят советоваться с ним. Они подумывают о том, что неплохо было бы возродить некоторые основы трудового воспитания - подружиться с какими-то предприятиями, внести в программу элементы профессиональной подготовки.

ШКОЛЬНАЯ МАМА

Учитель начальных классов - больше, чем учитель. Он должен обладать универсальными знаниями, чтобы ответить на все каверзные вопросы маленьких почемучек. Он должен быть в глазах малышей самым-самым-самым, как мама и папа.

Елену Чистякову дети считают своею школьной мамой. Она пошла по стопам родителей, сельских преподавателей-предметников. Девочка определилась с выбором будущей профессии, как только освоила основы чтения, письма и счета. Ей безумно хотелось поделиться с кем-нибудь полученными знаниями, и она по мере возможностей передавала их младшей сестренке. Образовательный процесс подкреплялся самодельными дидактическими пособиями, сшитыми из тетрадных листочков. У нашей героини довольно рано обнаружились организаторские способности. Ее детство прошло в последние годы существования советского строя. Она была очень инициативным октябренком, потом - председателем пионерской организации имени Юрия Гагарина, участником всех коммунарских сборов и лагерей. Одним из самых приятных школьных воспоминаний стала поездка в «Орленок», путевкой активистку наградили за победу в областном конкурсе агитбригад.

Получив аттестат, Елена поступила в педколледж (очно), а после его окончания - в ВГПУ (заочно). В студенческие годы на практике она впервые попробовала вести уроки. Молодой учительнице навсегда запомнилось занятие по природоведению. Тема - добыча каменного угля. Практикантка волновалась, спешила и потому выдала весь материал за двадцать минут. О чем дальше говорить до звонка, она не представляла. Девушку выручили подруги, подсунувшие ей какую-то книгу о полезных ископаемых. Зато об уроке изо осталась совсем другая память. Дети были в восторге от оригинальных идей молодого педагога. Они охотно представляли себя участниками морского путешествия и рисовали предполагаемые виды из иллюминатора. После практики Елена работала в Огарковской школе, а потом перешла в школу поселка Ермаково. Теперь Елена - учитель высшей категории. Некоторые коллеги называют ее кладезем педагогической мудрости. Она умеет четко планировать урок, увлекать ребят, тонко совмещать игру и познание, уверенно ведет все предметы - от математики до музыки. В прошлые годы ей приходилось даже выступать в роли физрука. Помимо постоянной нагрузки, преподает «Истоки» в 5-6 классах, возглавляет школьную профсоюзную организацию. На протяжении ряда лет энергичная учительница была лидером молодежного движения - объединений «РОСТ» и «ДОМиНО».

Свой метод она характеризует так: «Я демократ по сути. Стараюсь находить с детьми общий язык, быть заодно с ними, а не над ними». Она придает большое значение становлению личности ребенка, читает много литературы по данному вопросу, советуется с опытными педагогами через интернет и через личные знакомства. Главный научный консультант для нее - мама, кандидат педагогических наук, преподаватель и директор школы. Дочь использует в работе программу «Школа саморазвития», отчасти разработанную ее матерью, отчасти - ею самой. Программа включает курс классных часов «Азбука вежливости», «Мои праздники», «Путешествие в страну «Я», «Познай себя». В беседах дети могут раскрыться, обсудить с учителем мировоззренческие темы и проанализировать собственные действия. Елена ведет специальный «Дневник воспитательной работы». В нем она фиксирует результаты наблюдений за становлением детского

коллектива и отдельных учеников. В первом классе дети адаптируются к учебе, нормам и правилам поведения, во втором - совершенствуют навыки самоконтроля и самооценки, в третьем - вырабатывают привычку к рефлексии в социально важных видах деятельности. Личностному развитию способствует работа детей над различными проектами. Яркий пример - проект «Письма с фронта». В 2010 году второклассники изучали солдатские письма, а потом сами пробовали написать их от имени рядового или медсестры.

Многие дети откровенничают с педагогом. Типичная их беда - недостаток внимания со стороны родных. Бывает, что школьник затрудняется вспомнить, когда он в последний раз гулял с папой, не может назвать ни одного семейного праздника. Предмет «Истоки» выявляет другие проблемы. Детям нередко чужды такие слова, как искусство и храм, потому что близкие никогда не вывозили их ни в музеи, ни в святые места. Елена старается тесно общаться с родителями учеников, собрания проходят в виде ролевых и деловых игр под говорящими названиями: «Идеальный ученик», «Идеальный учитель», «Скоро в пятый класс», «Первая оценка: как к ней относиться?» Проводятся тематические беседы: о влиянии телевизора, о борьбе с бранными словами, о предотвращении агрессивных реакций. Очень эффективными бывают совместные встречи учителя, детей и членов их семей. Классный руководитель устраивает для родителей методические пятиминутки, на которых объясняет, как нужно проверять домашние задания и делать работы над ошибками. Мамы и папы порой не справляются с детскими задачками. Например, очень много сложностей у них возникает, если ребенок просит совета по разбору звукобуквенного состава слова. Не реже, чем раз в четверть, учитель возит школьников на экскурсии. В областном центре сельские школьники удостаиваются похвалы за дисциплинированность и неравнодушие. Елена довольна подопечными - они растут отзывчивыми, добрыми, самостоятельными.

ДОСТОЕВСКИЙ БОЛЬШЕ 20 МИНУТ

Лариса Маракова поступила в педуниверситет по манию судьбы. Когда выпускница школы приехала в Вологду из родного Кич.-Городка и проходила мимо ВГПУ, ей почему-то очень захотелось заглянуть в здание. Спустя несколько дней девушка сдавала вступительные экзамены на филфак.

Свой первый урок она провела в период практики. Студентке поручили познакомить шестой класс с темой «Имя числительное». Накануне особой тревоги не было: Лариса Витальевна разбиралась в морфологии замечательно; ей казалось, что ребята тоже легко усвоят очевидную информацию. Дети, вопреки ожиданиям, не расценили числительное как простую и понятную часть речи. Они едва могли одолеть громоздкие склонения наподобие «пятьюстами пятьюдесятью пятью». Практикантка сделала для себя ценный вывод на будущее: «Знать самой и объяснять детям - две большие разницы».

В 2001 году Ларису Маракову приняли в коллектив вологодской школы №33. Педагоги здесь преподавали по личностно-ориентированной системе, и их опыт стоило перенимать. Сейчас учительница сама способна послужить примером для молодых коллег. По ее мнению, учителю русского языка нужно в первую очередь помнить о том, что дети должны получать систематические знания. Задача педагога усложняется тем, что он должен не только представить классу нормы родного языка, но и научить ребят образно выражать мысли. Сегодня дети зачастую просто не слышат красивой и грамотной речи в повседневной жизни. В средствах массовой информации преобладает облегченный разговорный стиль, интернет-общение строится на специфическом арго, которое распространяется и за пределами сети. Попробуй объясни ребенку, как надо говорить по-русски, когда в магазинах продаются ученические тетради с надписью на обложке «Йа тетрадко»....

Лариса Витальевна прививает ученикам интерес к художественному языку посредством оригинальных сочинений. Темы определяются программой, а вот с формой их исполнения можно варьировать. Скажем, стандартное повествование «Как я провел лето» превращается в увлекательный творческий проект, если текст разрешается оформить как памятный альбом, проиллюстрировать семейными фотографиями, дополнить стихотворными строчками. На уроке литературы учитель должен оставлять простор для импровизации, прислушиваясь к высказываниям ребят и поддерживая их инициативу. «На литературе никогда заранее не знаешь, каким путем будет лучше прийти к основной идее». Чтобы с энтузиазмом включаться в беседу, детям не помешает знать изучаемые тексты. В любом классе находятся ребята, которые охотно и вдумчиво читают классику,

но любители сборников кратких содержаний вроде «Весь Достоевский за двадцать минут» тоже встречаются нередко. Самых упрямых удается заинтересовать сокровищами отечественной словесности посредством показа фрагментов фильмов, снятых по великим произведениям.

Ученики Ларисы Витальевны ведут читательские дневники, составляют литературные кроссворды друг для друга, периодически делают презентации по любимым книгам. Выбор детей ничем не ограничивается. Если они любят фэнтези - допустим, «Волшебника Земноморья» Урсулы Ле Гуин или «Затмение» Стефани Маера - у них есть полное право поделиться с друзьями и педагогом впечатлениями о понравившемся романе. Аргументируя свои пристрастия, школьники задумываются о литературе, а это дорогого стоит. Интересно, что в числе «свободных» презентаций часто появляются небольшие исследования по прозе очень высокого уровня. Например, одна девочка всерьез увлеклась творчеством Василия Белова. Проблемным моментом изучения литературы подчас становится поэзия. В 11-13 лет мальчики и девочки воспринимают ее со скрипом: для понимания стихотворений нужна определенная мировоззренческая база. Годам к шестнадцати ученики начинают задумываться о смысле бытия, и если в этот момент деликатно предложить им соответствующую лирику, то они смогут крепко полюбить изящную словесность.

Тетрадь V. БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Блокнот 1. НАКЛОННАЯ ПЛОСКОСТЬ

НА ДНЕ

ПОДШИВОЧКА ПОД ЛОПАТОЧКУ

Картина первая. ЗАПОЙ

«Помоги. Сделай хоть что-нибудь, я согласен на все». Опухший и небритый после двухнедельного запоя сосед дядя Коля, испуганно шарахаясь от всех, скромно поскребся в мою дверь. Он стоял босиком на полусогнутых ногах на бетонной площадке в одних спортивках, держась за косяк. За версту разило жутким перегаром. Тело 53-летнего соседа била крупная дрожь. Красные, опухшие, воспаленные глаза. Зажав рот рукой, он быстро, насколько это было возможно, метнулся к себе в квартиру. Его нещадно карало.

Замечательный сосед

Нельзя не сказать, что дядя Коля - человек хороший. К нему можно обратиться за помощью, он бросит свои дела и поможет другим. Поэтому все в подъезде дядю Колю любят. Живет он один, иногда в гости заглядывают взрослые дети и даже бывшая жена. У соседа покладистый характер, светлая голова и золотые руки, за что его ценят на работе. Только «рыло», по его собственному признанию, «поганое». Как минимум, раза четыре в год его «заносит» - он уходит в запой. Запивает по-тихому: дядю Колю никто не видит и почти не слышит. Он не дебоширит, не бьет посуду, не ругается матом на соседей. В магазин бегает тенью по стенке, стыдясь посмотреть в глаза людям. Если из квартиры доносится жалобная песня - пиши пропало, сосед ушел в запой. Как минимум, на неделю. На последней стадии дядя Коля выходит в люди. Сначала предлагает составить ему компанию, потом просит помочь выйти из запойного состояния. Так случилось и в этот раз.

«Может, помочь чем?» - спросила я соседа, после того как его немного отпустило. «В меня уж ничего не лезет, только полощет, - охрипшим голосом пробормотал он. - Алкоголик я, вот что, про себя-то я это знаю. И с чего это я завелся? Ведь не пил уже сколько. Мне лечиться надо. Отведи меня закодироваться, что ли. Может, мне в больнице где полечиться? По-настоящему, с больничным. Я так больше жить не могу. Ты уж узнай, да сведи меня куда-нибудь. Самому-то мне точно не справиться». Дядя Коля не раз выручал меня в трудные времена, и сейчас, глядя на его муки, я стала лихорадочно соображать, где можно быстренько выудить полезную информацию.

Как завязать

Я начала обзванивать платных наркологов. Удивил разброс цен: у одинаковых специалистов предлагалось за кодировку выложить от двух до пяти тысяч рублей в одном

случае и от шестисот до тысячи рублей - в другом. На том конце провода объяснили, что в случае «подороже» кодируют при помощи инъекции, «дешевле» - лекарство или капли в рот. «Чем дороже, тем больше доза, а значит, и эффективнее лечение, - пояснили по телефону, задав ряд вопросов насчет пациента. - Пусть приходит, как выходится. А если не хочет перестать пить - нечего и приходить. Никакой гарантии дать вам не можем». Если голубчик самостоятельно не может выйти из запоя, предлагалось поставить капельницу на дому стоимостью около двух тысяч рублей в среднем.

Бесплатная гарантия была фишкой другого объявления. Закодировавшись по цене 2500 или 3000 рублей при помощи капсул или капель, можете, мол, не сомневаться, что в течение года человека вовсе отвернет от спиртного. В результате прозвона меня смутили два момента. Во-первых, пресловутая гарантия. Одни давали ее на определенный срок, другие ничего не гарантировали, ссылаясь на то, что все зависит от пациента, с чем я в принципе-то согласна, но ведь хочется иметь какие-то подтверждения тому, что деньги не выброшены на ветер, не правда ли? И второй момент: насколько безопасно кодирование для здоровья? Одни уверяли, что это безопасно. Другие уходили от прямого ответа: «Кодирование на здоровье не влияет, влияет водка. При употреблении спиртного после введения лекарства, несовместимого с алкоголем, возможны тошнота, головные боли, повышение давления, покраснение кожи и более серьезные последствия, как-то: осложнения на печень, психозы, припадки». Примерно то же мне сказали и по телефону наркодиспансера. На вопрос, нельзя ли пролечить человека, больного алкоголизмом, в стационаре, ответили, что есть два варианта: платный и бесплатный. В первом случае, не сказать, что дешевом для простых смертных, на работу пациента не сообщается о его заболевании и на учете в наркодиспансере он не числится. Обычно лечение занимает три недели. Во втором случае, нужно получить направление на Набережной VI Армии. Но после лечения пациент в течение трех лет должен находиться на диспансерном учете у наркологов, что накладывает определенные обязательства и ограничения, к примеру, на предмет ношения оружия и получения водительских прав.

Выяснилось также, что помимо лекарственного лечения алкоголизма, возможны и другие методы. В частности - гипноз. Стоимость - порядка тысячи рублей за сеанс. Курс лечения - около 10 сеансов в зависимости от индивидуальных особенностей. «Гипноз, как и кодировка, опасны чем? - пояснили по одному номеру. - Уходит время. Человек стареет, болезнь продолжается. Не устраняются причины, по которым человек употребляет спиртное». Там же предложили другой метод - реабилитацию. И пояснили вот что: «Эта технология применяется во всем мире, но способ не самый дешевый. Речь идет об устранении причин, вызывающих тягу к алкоголю. Этот метод для тех, кто по-настоящему хочет бросить пить. Но согласитесь, прежде чем что-то отнять, человеку нужно взамен что-то предложить. Мы предлагаем научить человека жить трезво и радостно - взамен пагубного пристрастия. В течение трех месяцев проводятся тренинги, на которых человек учится у таких же людей, как он сам, - бывших алкоголиков, не пьющих вот уже 7, 10 и более лет. Он по-новому взглянет на свою жизнь. Это программа наподобие «12 шагов». Бросить пить особенно сложно для тех, кому за 50, но в случае сильного желания бросить и волевой работы над собой, это вполне возможно. На тренингах прорабатываются ситуации, как отказаться от выпивки в гостях, в коллективе». Стоимость трехмесячного курса реабилитации - 15 тысяч рублей, в Москве и Питере - значительно выше. Именно этим способом обычно избавляются от болезненной тяги наркоманы, алкоголики, игроманы. Так рассказал голос в трубке.

Последний метод показался мне более убедительным. С его помощью я и предложила дяде Коле начать бороться с недугом. Но бедного соседа так потряхивало с великого перепою, что он был настроен на быстрые способы решения проблемы. Тем более, что воспитанный еще в советское время сосед ни при каком раскладе не захотел распахивать душу перед кем-то, пусть даже и себе подобным. Сама мысль о прилюдном обсуждении его проблем коробила мужчину. Поэтому мы решили пойти традиционным путем - закодироваться. Почему традиционным? Потому, что, как оказалось, дядя Коля кодировался не однажды. Иногда выдерживал срок (если тот был небольшим), иногда срывался. Как-то раз ему удалось продержаться «на сухую» год и два месяца - рекорд. Сосед лелеял надежду, что именно в этот раз все получится. Вера в это подогревалась плохим самочувствием. Был в его честном стремлении завязать и корыстный мотив: Николай прогулял несколько рабочих смен, и позвонившие с завода коллеги дословно передали ему слова кадровика: «Или пусть кодируется и приносит справку об этом, или уволен». В общем, взвесив все, дядя Коля попросил отвести его к наркологу. Кое-как приведя себя в

божеский вид, он, повиснув на моем плече, посеменил по ближайшему к нашему дому адресу.

Исповедь алкоголика

Двадцать пять минут, в течение которых мы добирались до спасительного кабинета, показались болезному вечностью. «И как ты, дядь Коля, до жизни такой докатился?» - не переставала дивиться я. И сосед поведал свою историю. В общем-то, мало чем отличающуюся от историй тысяч людей. С позволения нашего героя, привожу ее дословно:

«Все началось лет в 15. Мы с ребятами на танцы начали ходить, куда не принято было без бутылочки являться. Обязательно с собой пузырь «Агдама», портвейна или «Золотой осени». Ее мы называли «Гнилая осень». Как сейчас помню, стоила рубль две копейки, самое дешевое вино было. Перед танцами в подвальчике бутылочку раскатаем - для куража, для веселья. Курить - не курил, хотя многие курили к тому времени. С танцев пошли - покуролесили, выходит, еще повод нашли. Дрались район на район. Вчера Ковырино с Кувшиновым, завтра - центральный район с Заречьем. Потом на мировую посидим, по стакашку. Дальше служба в армии. Ну, на службе насчет спиртного тишина, конечно. Если у кого была возможность - пришлют в баночке консервной или грелочке винишка, тогда радость на всех. Как из армии пришел - месяц не просыхал. Там уже пили по-настоящему. Здесь встречают с бутылкой, там - в общагу к девчонкам, в гости по друзьям, по району - все с бутылкой. На танцы так часто уж не ходил - там молодяжка командовала. Компашки уже собирались по-взрослому. Не с одной бутылочкой, а с пятью.

На работе - рабочие коллективы. Проставы: за вступление, за отпуск, за увольнение, за рождение детишек - за «лапоточки». Нормально гуляли. Помню, когда родилась дочка, принес целый дипломат - 10 бутылок водки и стаканчик. Сорвал работу смены. Потом продолжали пить в складчину. Весь цех гудел неделю. Бригада молодая - соберемся, сходим в кабак. На всю бригаду снимали кафе или отправлялись на природу. Под шашлычки, закусочку посидим, попоем под гитару. Вся наша молодежная бригада обзавелась семьями. Стали ходить друг к другу в гости. У нас по-русски как? Без бутылки за стол не сядешь. Застолья дружеские, компанейские, по поводу и без повода. Новый год, Масленица, 8 марта и просто выходной.

В стране ввели талоны на водку. Тут уж стали пить и те, кто не пил, - а чего талонам пропадать? Пошла спекуляция талонами, их и водку можно было достать у бабушек, у таксистов, у цыган. Без талонов продавалось лишь шампанское да коньяк, и расходилось в лет. На прилавках было не найти огуречного лосьона. Он вкусный - пьешь, и свеженьким огурчиком закусываешь будто. Повсюду появились самогонные аппараты. От простеньких конструкций из чайника и скороварки до более сложных - с очистными устройствами и змеевиками. 90-е были лихие и голодные. «Колбасные» поезда. Приходилось приторговывать самогоном из-под полы. И хотя самогонка шла по цене водки, ее брали лучше, поскольку водка пошла паленая, люди травились со смертельными исходами. А самогоном если и отравишься, можно самогонщику и в лоб дать. В общем, пили. На мясокомбинате, помню, мужики на спор переплывали отстойники - канализационные пруды.

И начал я терять помаленьку человеческий облик. На работе стал коситься управляющий - все-таки я был бригадиром. Поначалу пальчиком грозил: давай прекращай это дело. Незаметно упала производительность бригады. Домой стал приходить позже, приводил компании. Сначала друзей с работы, потом кто под руку попадется. Жене, конечно, не нравилось. Сначала молчала, потом пыталась поговорить. Ответ один был: пьяному не говори, пьяный я дурак, а трезвому тоже не говори, трезвый я и сам все понимаю. А потом это все перемешалось, стал просто дурак. Начал поднимать руку на жену. Семья развалилась. Развелись, разъехались. Не раз по пьяной лавочке получал и по голове: то за кого-то обиженного заступлюсь, то сам на рожон лезу, то подскочат хулиганы, то попаду в такие гости, что оттуда уходишь с вывороченными карманами. Нашел другую работу. Она от предыдущей мало чем отличалась: похмелье с утра, пьянка в обед и к вечеру на рогах. Про себя-то я считал: вот хочу - так пью, не хочу - могу и не пить. На работе отношение такое - мужик работящий, а горлышко дырявое. Но держали 10 лет. Самому такая жизнь опротивела. Надоело до того, что пошел в первый раз кодироваться. Лет 7 назад.

Закодировали на год, не пил месяца три. Потом случилось несчастье дома. Сорвался, выпил и ушел на неделю в запой. И опять по накатанной-наклонной - то пью, то не пью.

Меня с работы попросили. Устроился на другую по смежной специальности. Отработал на новом месте год. Работа престижная, замечательный коллектив. Подошел отпуск, получил хорошие отпускные. Чем не повод? Прокутил. На работу вышел мятый, как промокашка, да день прогулял. А железная дорога ждать не будет. Был вынужден уволиться по собственному желанию. Устроился на завод. Пришел - кому я уже нужен под полтинник. Взяли с испытательным сроком. Через месяц «влетел», сын вернулся с армии - повод. На работе прокатило. Дальше даже повысил квалификацию, получил новую специальность, хотя не раз еще срывался. Так и живу потихоньку. И что интересно, отказаться от выпивки я могу. Частенько сижу в компаниях, где пьянка с самого утра. Могу посидеть, поговорить и не выпивать. Но вдруг в обыденной жизни наступает какой-то момент, что я чуть-чуть позволяю себе употребить - и срываюсь, пью до упору и отвращения, до «не могу» - неделю, две. А когда наступает отвращение, я уже ничего не хочу, меня карает. Иногда вытаскивают родные, иногда выхаживаюсь сам. Больше у меня нет никаких сил. Надо искать выход. Решил кодироваться. Не знаю, поможет или нет, но хочется надеяться, что поможет. Если кому-то смог бы пригодиться мой совет, я бы сказал одно: не пейте».

Картина вторая. ЗАВЯЗКА
Репортаж из кабинета нарколога

В частной клинике, куда мы пришли по объявлению в газете, дядю Колю-алкоголика встретили приветливо. Едва взглянув на его понурую опухшую физиономию, сразу же усадили за процедурный столик, начали измерять давление, расспрашивать о самочувствии.

Катенька и другие

«Как зовут? Коля? Сколько дней трезвости? Третий только пошел? Какое давление высокое! И полное нарушение пульса. Нужно бы сделать капельницу, почистить организм», - вещала доктор в белом халате. «Я и так уж столько воды перепил», - слабо сопротивлялся мой сосед, успевший заметить на стенде стоимость процедуры - 1800 рублей. Но самостоятельно бороться с недугом он уже не мог и вручил себя специалистам. «Пить воду после двухнедельного запоя - это не то. Нужно вывести токсины. Тем более что у вас меньше трех суток трезвости. Посмотрите вон на тех людей - они уже восемь дней не пьют». Рядом за другим процедурным столиком сидели мужчина с женщиной, бодренько что-то обсуждая друг с другом. Сергей и Вера. Обоим на вид до сорока. Услышав, что речь о них, парочка дружелюбно повернулась к врачу, хлопотавшей около дяди Коли. «Вам ведь значительно лучше, уже выходились? - обратилась к ним она. - Вы уже и спите крепко. А мальчик, - она кивнула на 53-летнего дядю Колю, - у нас не спит. Сейчас мы его полечим».

В это время в кабинет заплетающейся походкой вошла изможденная женщина с припухшим лицом и невнятно произнесла: «Мне бы укольчик горячий». - «Проходи, Катенька. Что, опять не выдержала - сорвалась?» Та обреченно кивнула. Похоже, она здесь постоянный клиент. «Катюш, а может, капельницу поставить?» - «Не, капельницу мне уже сделали, я на дом вызывала». Катей занялась медсестра. После укола и рекомендаций врача женщина покинула кабинет. Оглядевшись в коридорчике, я обнаружила еще одну пару - прилично одетых мужчину и женщину. Может, не к наркологу, к другому врачу, подумала я и ошиблась. Как выяснилось позже, это жена привела мужа на кодирование. Сил не стало больше терпеть, запои у Алексея начали доходить до трех недель. Когда врач освободилась на несколько минут, я решила выяснить несколько волновавших меня вопросов.

«Что лучше выбрать для кодирования: капли, инъекции или еще что?» - «Как врач решит, который будет проводить диагностику. Скорее всего, под лопаточку будем ампулу загонять. Только подшивочку в его случае можно сделать - у него срок трезвости лишь три дня. А вообще лекарство подбираем после диагностики в зависимости от степени поражения мозга. Мы предлагаем препарат, а срок выбирает сам человек». - «Кодирование для здоровья вредно?» - «Вредно пить. Мы предлагаем антибиотик для мозга. Человек длительное время злоупотреблял алкоголем - у него воспален мозг. Воспаление в мозгу держится до месяца. Его-то и надо вам полечить. Для сравнения: допустим, некто заболел пневмонией, ему назначают антибиотик, и если он откажется лечиться, пневмония перейдет в хроническую форму и приведет к сердечно-легочной недостаточности, а то и

к смерти в конечном счете. Точно так же и здесь. Если не вылечить мозг, он будет постепенно отмирать. Алкоголизм, как и любое другое хроническое заболевание, требует лечения». - «Последствия-то кодирования, говорят, могут быть для здоровья печальными». - «Естественно, возможна серьезная реакция организма на лекарство, несовместимое с алкоголем». - «На стенде написано, что в любое время можно прийти и ввести антидот - лекарство, нейтрализующее кодировку. Это так?» - «Да, мы не имеем права отказать. Ситуации бывают разные. Особенно когда люди уезжают за границу. Там шведский стол, спиртное без ограничений, отказаться трудно. А так, приняли раскодирующий препарат, съездили, вернулись - опять пролечились. И нет проблем. Лечиться надо правильно. Да вам сейчас другой специалист подробнее расскажет. И лекарство правильно подберет».

Вопросы на завязку

Дядю Колю, с чувством заметного облегчения после капельницы, и его товарищей по несчастью Сергея и Веру, а также Алексея, приведенного супругой, пригласили на беседу к наркологу. Предстояло пройти компьютерное обследование. Позже к ним присоединился и высокий статный мужчина до сорока, Иван. Глядя на него, ни за что не подумаешь, что человек злоупотребляет. «Ну, ребятки, кто лечился раньше, кто нет? Кто на сколько кодировался? У кого сколько дней трезвости?» - как к малым детям, обратилась врач к пациентам. Судя по ответам, впервые пришел кодироваться только Алексей. Остальные кодировались на разные сроки. Кто-то полностью выдерживал срок, кто-то срывался, недотягивая нескольких месяцев до заветной даты. «Сейчас нам предстоит провести диагностику мозга. Вы должны понимать, насколько разрушен мозг алкоголем. Нам это нужно знать, чтобы правильно подобрать лекарство. Ну, что ж, поехали».

На экране начали появляться вопросы. В числе первых: сколько времени злоупотребляете спиртным? Это единственный вопрос, на который все ответили одинаково: более 10 лет. На вопрос, сколько дней обычно длится запой, ответы разнились: от 2 дней у единственной дамы до трех недель у Алексея. «Нормально», - смущенно улыбаясь, пояснил он. «Лешенька, нормально, что вы не умерли в этом запое. Ребята, мы только что были на адресе, мужчина был мертвецки пьян. Ничем помочь не могли. Нельзя в такие запои уходить - можете погибнуть. Вам сколько лет, Леша? 40 лет. Коля на сколько дней уходит в запой?» - «На 12-14», - стыдливо произнес дядя Коля. Он в этой компании самый запущенный пациент: и по возрасту, и по стажу злоупотребления. «То есть, ребята, признаваясь в запоях, вы подчеркиваете, что ваш мозг болен, - подытожил доктор. - Чтобы человек ушел в запой, пусть, как Вера, всего на два-три дня, в мозгу должен сформироваться алкогольный центр».

Следующий вопрос касался поводов к выпивке: выискивают ли их больные или пьют только по праздникам? Ответы разные. Черту подвел дядя Коля: «Пью по поводу, а повод нашелся - все и покатилось». - «Умеете ли говорить слово нет?» - на экране компьютера появляется очередной вопрос. «Повод есть, и я не сопротивляюсь», - наиболее популярный ответ. «Понятно. Сейчас мы говорим о психологической зависимости и умении стукнуть себе по руке со стаканом». Практически все опрашиваемые склонны к продолжению увеселительных мероприятий после принятия на грудь первых ста грамм. «Ночью спиртного не хватило - пойдете покупать?» - «Ой, нет, я из дому ночью ни ногой», - заулыбалась Вера. Зато Иван с дядей Колей, если «в нос попало», готовы к ночным прогулкам. «Эта информация - для вас, ребята, - обратилась к ним доктор. - Мы только что вернулись с совещания наркологов, где впервые сидели милиционеры. Дикий грабеж и убийства пьяных людей по ночам. Такого, говорят, никогда не было. Понятно, что легко с пьяного снять одежду, а заодно и покалечить. Не вставайте на пути у бандитов!»

Получается ли контролировать дозу алкоголя или нет? Каковы вы в состоянии алкогольного опьянения, появляется ли сонливость? Ответы на эти вопросы свидетельствовали о поражении той или иной части мозга. После вопроса, сколько спиртного нужно, чтобы напиться, испытуемые оживились. Ответы разные: бутылка вина, бутылка водки, литр водки. «Литр водки - это смертельная доза для человека, чтоб вы понимали. Почему сейчас так много мужчин умирают от рака? Потому, что отравляют свой организм. Мы только что были на совещании, где констатирована эпидемия рака в России, имеющая причиной массовое мужское пьянство в больших дозах». - «Смотря чего пить», - уверенно заявил один из присутствующих мужчин. «Без разницы, что пьете. Печень переваривает только 100-200 граммов, хоть пейте самую дорогую водку. Больше 100-200 граммов - это уже яд».

Имеются ли нарушения сна после выпивки? - следующий вопрос. Большинство признало сон проблемой. «Ребята, почему я подробно расспрашиваю про сон? Мы только что были на адресе, где мужик кипяток себе в рот залил. Если сон нарушается, то в любую секунду жди психических отклонений. Ведь нарушение сна - это нарушение процессов в подкорковых зонах. Дальше жди галлюцинаций. И что еще мозг выкинет - неизвестно. Мозг того человека выдумал, будто бы у него из рта черви выползают. И с третьего приступа он нахлебался кипятку. Настолько страхи были велики, что он решил убить этих червей, не понимая, что этим убивает себя. Поэтому будьте друзьями наркологов. И не на три месяца надо кодироваться, а на больший срок. Губы вон все синие, вам надо на три года уже. Иначе ведь - последствия», - последние слова адресованы дяде Коле. «За этим и пришел», - понурив голову, согласился тот. «Правильно, умница».

«Похмельный синдром у кого сколько длится?» Практически все сказали - сутки. Исключение - мой любимый сосед: от 2 до 5 суток. «Это говорит о плохой работе печени и сердца, чтоб ты понимал, что находишься на самом краю». Бывают ли потери памяти при употреблении алкоголя? Памятью недовольны все. «Вот, ребята, чтоб вы понимали, это говорит о страшнейшем поражении височных долей мозга. А за счет чего? За счет передозировки. Происходит накопление ядовитых веществ. А куда этот яд проникнет - никому неведомо. Проник в височные доли - разрушил центр памяти, и у человека полностью выскочила из головы важная информация. Вплоть до полной потери памяти. Вот откуда на улицах появляются люди, не помнящие себя».

Последний вопрос касался желания или нежелания выходить на работу при употреблении спиртного. Нежелание появляться на работе, прогулы - еще один повод к выпивке. В ходе тестирования выяснилось, что легкая степень алкоголизма лишь у Веры, и то благодаря ее природному здоровью. Любая другая при ее образе жизни и тяге к спиртному уже давно бы покатилась по наклонной, но Верочка пока держится. У мужчин компьютер выдал среднюю стадию алкоголизма. Различия - по степени тяжести. Тяжелая степень - лишь у дяди Коли. Это пограничная линия. Если больной займется своим здоровьем - возможно улучшение, если нет - деградация личности, необратимые изменения. Сосед заметно расстроился.

Отрезвляющая лекция

После диагностирования специалист провел небольшую лекцию, наглядно показав на анатомической карте, как воздействует алкоголь на мозг человека:

«Итак, мы одни из немногих в Вологде, кто работает с имплантатами. Поэтому после кодирования у нас происходит совсем немного срывов. В каждый шприц входит по два лекарства. Первое - это сильный антибиотик, а второе - клей. С помощью клеевого вещества и вводится лекарство в мозг. Сейчас мы разберем, что такое алкоголизм в целом. Я сообщу вам ту информацию, какую вы должны рассказывать своим детям. Дети есть? Вот. Только что отсюда ушли дед, папа и внук - все больны алкоголизмом. Такого в вашей семье не должно быть. Внуку 17 лет, но уже пришел к нам на кодировку. Почему? Вы выпиваете не потому, что вы плохие люди. И этот 17-летний внук начал выпивать не потому, что плохой, а потому, что унаследовал ген алкоголизма. Что такое ген? Слушайте внимательно и рассказывайте это своим детям. Научите ваших детей и внуков бояться водки. Смотрите. Вы выпиваете 50 граммов водки. И я выпиваю 50 граммов. Вся водка оседает сначала в желудке. Дальше по кровеносной системе - в мозг. К вам водка пришла в мозг и ко мне пришла в мозг. Но у меня нет алкогольного центра. Она благополучно походила и через час вышла с мочой. Я не пью не потому, что я хорошенькая. Меня спроси: а у тебя в роду были пьющие? Да, были, но ген алкоголизма обошел стороной. Зато у меня отцовский порок сердца, и я каждый год лечусь у кардиолога. Мы наследуем болезни наших предков.

Итак, к вам, ребята, водка пришла, а здесь находится голодный зверь - алкогольный центр, вот в этой железе. Компьютер нам нужен, чтобы понять, как далеко зашел воспалительный процесс. У Веры легкая степень заболевания - это где-то на 30 процентов. При 10-летнем стаже злоупотребления для женского организма - вообще-то это удивительно. У детей с геном алкоголизма, как только в организм начинает поступать спиртное, происходит быстрое разрушение этой железы и формирование алкогольного центра. А что дальше? Дальше этот голодный зверь начинает быстро перерабатывать спиртное и вырабатывать гормоны радости наркотического происхождения, что доказано наукой. Ученые вскрывали трупы пьющих людей и делали срезы мозга. На срезах найден морфий - наркотическое вещество. Таким образом доказано, что вторая стадия алкоголизма

- наркоманическая, хоть вы наркотики не употребляете. Наркотик формирует в мозге алкогольный центр, и именно наркотик порождает сумасшедшие гормоны радости, морфиновые, наркотические. Вот вы выпили и я. Я получила алкогольное опьянение, а вы - наркотическое. Вам понятно?

Лешенька, почему вам хочется целые три недели подряд принимать спиртное? Потому, что вашему мозгу нравится наркотическое опьянение, он его снова хочет заполучить. И чем больше эта железа поражена, тем больше хочется опьянения. Поэтому очень прошу: не становитесь 100-процентными наркоманами. Иначе будете или ежедневно выпивать, или вскроете себе вены. Нет другого пути, вы это должны понять. Ведь дальше воспалительный процесс не останавливается. Он идет в лобную долю, разрушая память. Вы видели, как бомжи ходят? Их искренне жаль. Не разрушайте лобную долю. Если печень переваривает только 100-200 граммов алкоголя, а поступает в организм литр, то 800 граммов превращаются в сильнейший яд, который содержит и ацетон, и уксус, и кетоны - целый комплекс ядовитых веществ, поступающих в лобную долю мозга, разрушая ее. И если у человека нет семьи, способной ему помочь, я уже знаю, что он потерян. Лобная доля погибает, и человек сам уже не может себя из запоя вывести. Он пьет, пока не умрет. Поэтому будем делать имплантаты.

Это препараты на клею. Они не могут самостоятельно выйти из организма в течение обозначенного срока. И если кто-то из вас сделает кодировку на большой срок, а в течение этого времени произойдет стрессовая ситуация, и вы не сможете удержаться от выпивки, - приходите к нам. Есть лекарство антидот, оно выводит несовместимое с алкоголем вещество из организма. Хоть сами приходите на укол, хоть родственников присылайте за лекарством, но, по крайней мере, избежите такого страшного диагноза, как шизофрения. За год на учет с таким диагнозом поставлено 700 тысяч человек по стране. Мужчины, особенно для вас страшно злоупотребление спиртным при кодировании. Возможно резкое поражение внутренних органов и снижение потенции вплоть до полной импотенции. Теперь проходите на кодировочку и решайте, на какой срок».

Процедура

Дядя Коля решительно настроен бросить пить, поэтому решает закодироваться на год. Врач подбирает ему дозу лекарства, набирает в шприц и берет немного крови из вены, затем делает укол под лопатку, смазав место прокола йодом. Дядя Коля громко ойкнул: «Ой, будто ножом надрез сделали». Наложив на место прокола повязку, специалист дал указание в течение двух дней не мыться и не снимать повязку. Позже, осмотрев дома место прокола, мы обнаружили лишь след от укола - никаких надрезов не было.

«Закодировались на год, но лучше о спиртном не вспоминайте всю оставшуюся жизнь, - напутствует врач. - Будет действовать лекарство, и будете жить параллельно с алкогольным центром. Первое время можно принимать вот этот антидепрессант. Он успокаивает психику». - «Другие на работе пьют каждый день, и ничего», - дядя Коля не может отойти от услышанного. «Это очень тяжелая стадия. Такие к нам, возможно, никогда и не придут. На капельницы восстановительные не хотите походить? Мы добавляем препараты для восстановления печени, сосудистые препараты. Пять капельниц хотя бы нужно поставить. 350 рублей за одну. Тем более что компьютер выдал у вас тяжелое поражение - 50-70 процентов». - «Хоть бы помогло. А то у других врачей кодировался, там дражже с горошинку дали, все равно потом запил».

«Все зависит в первую очередь от вас самих. «Горошинки» у других помогают на начальных этапах - до 20 процентов поражения. Когда поражение от 50 до 70 процентов, как у вас, конечно же, нужен более сильный препарат. Это как при воспалении легких: если маленький участок поражен - достаточно пенициллина, а когда пол-легкого воспалено - нужны антибиотики посильнее. Введенное вам лекарство полностью блокирует алкогольный центр в течение месяца. Оно постепенно попадает в мозг, оттуда по кровеносной системе начнет блокировать рецепторы. Они у вас находятся в постоянном возбуждении. Лекарство оседает на кончиках этих рецепторов, начинает их лечить. В течение года они полностью успокаиваются и усыпают. И вы параллельно станете жить с этим спящим алкогольным центром. Закончится кодировка - он так же будет спать. Но стоит вам только выпить чуть алкоголя, рецепторы тут же проснутся, тут же начнут перерабатывать алкоголь и выработают морфий. Мозг получит дозу и запросит: дай! Все. И ваша рука потянулась к рюмке». - «Пока не пьешь, ничего. А вот в нос попало - и все», - оправдывается дядя Коля. «Полечились, успокоились и пить забыли», - резюмирует доктор.

Дядя Коля получил листочек, где были указаны все проведенные процедуры, включая кодировку. Он расписался в том, что «ему известно, что потребление спиртных напитков грозит развитием тяжелой интоксикации» и что согласие на такую меру (безоговорочный отказ от алкоголя и установка на трезвость) от него получено.

Из кабинета нарколога мы вышли в раздумьях. Дядя Коля ошарашен информацией о состоянии собственного здоровья, я - масштабами проблемы. Пока не сталкиваешься с этим непосредственно - не замечаешь, сколько вокруг людей, чей организм отравлен алкоголем. Подсчитали финансы: капельница - 1800, препарат, блокирующий алкогольный центр на 12 месяцев, - 2800. Плюс 500 рублей за компьютерную диагностику. «Лишь бы помогло. Как хорошо не пить! Все, с сегодняшнего дня начинаю новую жизнь», - мечтательно произнес сосед, в который раз надеясь не столько на себя, сколько на чудопрепарат. «Все зависит только от вас и вашего желания бросить пить», - автоматически откликнулась я.

MEMENTO MORI

ПЕТЛЯ

Каждый человек хотя бы раз в жизни испытывал желание уйти из нее, заметил классик. Психологи согласны с этим утверждением: многие люди склонны к суицидальному поведению в какой-либо период своей жизни.

Как расценивать суицид: как способ ухода от проблем, брошенный вызов, шантаж окружающих? Как быть, чтобы ненароком не сорваться и не наложить на себя руки, когда жить невмоготу? Как уберечь близких от попытки самоубийства? Это не праздные вопросы. Публикация «Петля» содержит несколько реальных историй, завершившихся попыткой суицида и случившихся в Вологде. Изложение перемежается комментариями, подготовить их нам помогла медицинский психолог Вологодского областного центра планирования семьи и репродукции Ольга Борисовна Духова.

История первая. БОЛЬ

Отец Галины был домашним тираном. Не трогал дочерей, но по полной отрывался на их матери. «Помню такую картину. Захожу на кухню, мать вся в крови лежит. Из раны на голове течет кровь. Бросаюсь к маме, полотенцем обтираю кровь, не успеваю его выжимать, как оно снова мокрое. Вызываю «скорую». В таких случаях должны заводить уголовное дело, а мать в больнице говорит, что стукнулась головой о батарею. И так каждый раз. То ли она так любила отца, что терпела, то ли боялась». Однажды все-таки уголовное дело на отца завели. Галина убеждала мать довести начатое до конца. Но та, давая показания, сказала, что прощает мужа. Последнее слово оставалось за Галиной. Мать уговорила дочь не свидетельствовать против отца. Вроде бы отец раскаивался. Галя поступила так, как просила мать. Суд не привлек отца к уголовной ответственности. Его раскаяния хватило на месяц.

Выход из тупика. *Домашнее насилие - одна из ситуаций, которая может закончиться самоубийством. Как правило, она носит затяжной характер, циклически повторяясь. Если круг насилия не прерывается, то со временем ощущение беспомощности, жизненного краха, невыносимой психической и физической боли, в конце концов, способно привести к суициду. Суицид в данном случае - это выход из тупикового положения.*

Вспоминая о том страшном дне, Галина не может сдержать слез. Она с подругой возвращалась с работы. Подруга уговорила зайти в магазин. Бесцельно прослонявшись минут 15 возле прилавков, девушки пошли домой к Галине. Открывая двери, 18-летняя девушка почувствовала что-то неладное. Вошла в дом - тишина. Заглянула в спальню к родителям - на диване спал пьяный отец. Вбежала в комнату к сестре: «Где мама?» - «В ванной». - «Давно?» - «Да».

«Мама, мама, открой!» - она яростно стучала в дверь, не слыша ответа. Вместе с сестрой они выломали дверь. Дальше воспоминания - как в тумане. Девчонки втроем срезали веревку, на которой висело тело родного человека. В ожидании «скорой» делали искусственное дыхание. Прибыв, врачи безуспешно пытались оживить маму. Врачебный вердикт: «Если б минут на пятнадцать пораньше, можно было бы спасти». Потом были похороны, их помогли организовать мамины знакомые. Галину, как сомнамбулу, водили

по каким-то конторам, совали какие-то бумаги для оформления. «Помню боль, и ничего больше. Боль, одна лишь боль», - в глазах снова блестят слезы.

Галина долгое время корила себя за те роковые 15 минут топтаний у прилавка. И перебирала в уме возможные варианты событий, пока не поняла: «Она все просчитала: и то, что я не смогу помочь, и то, что не оставлю младшую сестру одну, подниму ее, - говорит Галина. - Я очень долго в душе вынашивала обиду на мать: мне казалось, что она поступила очень эгоистично, взвалив на меня в 18 лет такую огромную ответственность. Ладно, я была бы чуть старше. И только спустя много лет я начала пытаться понять поступок матери, разобраться в причинах: почему же она поступила именно так, отбросив другие способы освобождения от страданий?»

Переход за грань. *В определенных ситуациях даже у морально устойчивого и волевого взрослого человека этические принципы могут как бы выключиться и терять силу фактора, регулирующего поведение. Похоже, чувство долга перед детьми длительное время удерживало от суицида несчастную женщину, жившую с насильником-мужем, но в конце концов была перейдена грань: дети выросли. Для близких человека, покончившего с собой, это - тяжелое испытание, психологическая травма, сопровождаемая очень сложными и глубокими переживаниями. В числе типичных реакций - злость, обида, гнев на то, что самый близкий человек так поступил, решил уйти из жизни, бросив детей на произвол судьбы. Другая типичная реакция - глубокое чувство вины. Со временем люди осознают, что были определенные сигналы о грозящем бедствии и что несчастный самоубийца как-то обращал их внимание, просил о помощи. Но сигналы были не так восприняты или проигнорированы. В данном случае они вряд ли были адресованы детям. Человек, который должен сам заботиться о собственных детях, вряд ли воспринимает их как тех, на кого можно опереться.*

«Как я жила после похорон матери? Бродила по улицам, ходила на работу. Пустота и боль. Дико болела голова. Необъяснимое чувство страха. По ночам снились кошмары, мучила бессонница. В ужасе засыпала и в ужасе просыпалась. Слезы и отупляющее желание ничего не делать, никуда не ходить, свернуться калачиком и спрятаться в самой себе». Отец продолжал спиваться, не вылезая из своей комнаты. Очень помогла подруга, которая терпеливо выслушивала Галину. Родители подруги помогли оформить опекунство над сестрой, чтобы получать деньги на жизнь. Мать подруги порою жестко разговаривала с Галиной, встряхивала ее: «Ты сильная, справишься. Возьми себя в руки». Иногда подруга костерила за внешний вид и запущенный дом: «Ты же девушка, так выглядеть нельзя. Ты хозяйка, немедленно принимайся за уборку».

Было стыдно, и приходилось шевелиться, что-то делать. Появились приятели, которые звали выпить, - два соседских парня, только что вернувшиеся из армии. «Спиртное отвлекало. Когда я напивалась, приходило чувство равнодушия к случившемуся. Но это был временный эффект. Назавтра становилось еще горше и хуже. Через некоторое время я стала понимать, что иду по какой-то не той дороге. Это не выход. Вполне спилась бы, если б не мой упертый характер. Взяла и резко покончила с выпивкой. Но голова почему-то болела все сильнее и сильнее. Я не понимала, что со мной, пошла обследоваться, серьезных проблем со здоровьем не обнаружили. Но все равно появился страх, что я серьезно больна и скоро умру. Кто-то посоветовал сходить к психологу. С его помощью я избавилась от этого страха, голова перестала болеть. Жизнь сама помогала пережить горе. Бабушка писала письма, мол, жалко так вас, внученьки, как вам тяжело, но сама ни разу не догадалась чем-то помочь. Материально порой приходилось очень тяжко. Сестра училась, я много работала. Соседка, которая дружила с матерью, однажды вынесла кусок засохшего черного хлеба, мол, как вы без мамы, возьми, поди, голодные сидите. Нет чтоб позвать к столу или помочь деньгами».

Соседи по подъезду долго смотрели на двух девчонок так, как будто ждали, что без материнского присмотра те сопьются и ударятся во все тяжкие. Чувство «вопреки» подхлестнуло Галину: «Мне в тот момент казалось, что я назло переживу трудности. Как же мне было плохо! Только спустя два-три года душевная боль отступила. Жизнь потихоньку стала настраиваться на лад». Галя простила мамин поступок.

Понять и простить. *Людям, пережившим уход близких из жизни «по собственному желанию», остается только простить их. Но простить бывает трудно. Чтобы простить, нужно понять. Но нелегко понять всю глубину страдания, толкающего в петлю. Чтобы понять, требуется время.*

История вторая. ДУРЬ

«Есть разные способы ухода. Ты можешь просто выйти из комнаты, можешь уехать из города, а можешь думать, что ты стер себя с лица земли», - рассказывает Мария. Сегодня это образованная молодая женщина, воспитывающая дочь, работающая в очень приличном месте. Этого всего могло бы и не быть, если б суицидальная попытка Марии в 18-летнем возрасте оказалась завершенной.

«Мне было интересно заглянуть за эту грань. Никаких социальных предпосылок к уходу из жизни не было, я только что переехала в другой город к родственнице, жила с ней в общежитии, готовилась к поступлению в вуз. Друзей пока не было. Ходила по улицам, гуляла. Не тосковала по своему городу, одиночества не испытывала. Вот чего-то настоящего не хватало. Я жила воспоминаниями о прошлом и фантазиями о будущем. В общем, не сказать, что жизнь мне сильно нравилась, но и не тяготила. Что касается мыслей о сведении счетов с жизнью, у меня это давно началось, еще в школе. Я не боялась смерти - я к ней стремилась, как это ни странно звучит. Стою, например, у окна (мы жили на 8-м этаже), смотрю вниз - и асфальт тянет. И просто сознание отключается, когда долго стоишь смотришь. Это, может, подростковые какие-то сдвиги были. Потом вдруг осознаешь, что уже сидишь на подоконнике, свесив ноги наружу. И уже готова лететь. И при этом понимаешь, что такое желание не кончится хорошо - дальше асфальта не улетишь. Какая мысль останавливала? А такая: кто книги сдаст в библиотеку? Полет откладывался. Слишком уж я ответственная.

К самоубийству я подготовилась заранее: надо лететь! Сдала книги в библиотеку, «подчистила» все. Разузнала насчет способов суицида. Такие, где много крови, отмела сразу: не хотелось родственницу после моей смерти загружать мытьем полов. Достала нечестным путем сильнодействующие психотропные таблетки. Назначила день. В тот вечер должен был идти фильм «Игла». Получалось, что посмотреть не успею. Зачем мне «Иглу» перед смертью смотреть, я не понимала, но день ухода перенесла. Когда он настал, я выпила многократную дозу лекарства, легла спать. Следующие двое суток я не помню. Я куда-то ходила, с кем-то общалась. А потом начались галлюцинации. Мне мерещились вампиры в шкафу и мертвые дети на диване, это было страшно. Я обратилась к соседям. Они, медики по образованию, выспросив у меня подробности и заподозрив неладное, вызвали «скорую». Меня увезли в психиатрическую больницу.

Когда в больницу приехала мама, я посмотрела ей в глаза, в душе что-то дрогнуло: ей-то за что? На отделении было много суицидниц, в основном бытовых. Они пытались уйти из жизни из-за несчастной любви, домашних неурядиц. Мне показалось, что такая ерунда не стоит ухода. Уходить - так из идейных соображений, думала я. Себе подобных в больнице я не встретила. Потом я переехала от родственницы, устроилась на работу. Повышая свой духовный уровень, я пришла к мысли: ради чего все это было? Когда испытывала счастливые переживания, ловила себя на мысли: от чего я вообще уходила? Как много я могла потерять! Этого не узнала бы, того не попробовала, с такими людьми не пообщалась бы. Сейчас я расцениваю свой поступок как урок. Никому не советую повторять. Я научилась больше ценить жизнь. И уверена, что впредь такого не сделаю. Думаю, меня, что называется, отвело в тот раз. Сейчас я знаю, что выходов много. Если ты их не видишь, это не значит, что их нет».

Заглянуть за грань. *Такое поведение характерно для подростков. Это такой период, когда острота переживаний, быстрота реакций, импульсивность могут иметь очень высокую степень. В таком возрасте интересно переступить через грань. Это не проявляется в конкретных и прямых высказываниях, а проявляется в стиле поведения. Кто-то безумно гоняет на мотоцикле с явным риском для жизни. Кто-то выбирает опасные приключения. При этом юные особы не озабочены тем, чтобы оценить риск и сделать выбор. Повышает риск суицида реакция группировки. Подростку важно быть в своей «стае», где зачастую исповедуются ценности не лучших молодежных субкультур. Это не общечеловеческие ценности, но для подростка они имеют довлеющее значение. И если смерть входит в систему ценностей субкультуры, это может подтолкнуть к попытке суицида. Может подтолкнуть и желание острых ощущений, а также ощущение собственной значимости: я все могу, в том числе убить себя. Этакая патологическая форма уверенности в себе. Со временем, если судьба оберегла от неверного шага, такие мысли осознаются как ошибка. Самая надежная профилактика в таких случаях - это, во-первых, система эмоционально значимых взаимоотношений с разными людьми, начиная с членов семьи. Даже если подросток оказывается в своей «стае», это не становится для*

него довлеющим настолько, чтобы перекрыть все остальное. Во-вторых, важно, чтобы взрослые, особенно родители, умели распознавать чувства подростка, его состояние.

История третья. ШАНТАЖ

Лиля вряд ли могла когда-либо предположить, что ее жизнь превратится в такой кошмар. Отношения с мужем не заладились, как бы она ни старалась: встречала мужа с работы, готовила вкусный ужин, расспрашивала о делах, подбадривала при неурядицах. Пыталась разговорить, предлагала пойти к психологу для решения семейных проблем. Тот обвинял ее во всех смертных грехах, был вспыльчив и неуправляем в гневе. Лиля, имея на руках двухлетнего сынишку, умудрялась не только следить за хозяйством и ходить на работу, но еще и продолжать учебу. Сил на скандалы стало не хватать. Устала. Когда силы вконец иссякли, женщина, забрав сына и оговорив время и место встреч мужа с ребенком, переехала жить к подруге.

Ночью в трубке раздался пьяный голос: «Жить без вас не смогу. Если не вернешься, я повешусь». На последние деньги вызвав такси, Лиля через весь город примчалась к мужу. Последовали его обещания, что все будет хорошо, если она вернется. Вернулась, но ожидания не оправдались. Снова расстались. Снова угрозы покончить с собой. Лиля старалась не принимать их всерьез, но постоянно испытывала чувство вины. Однажды супруг, предварительно позвонив жене и своим родителям, попытался привести угрозы в исполнение. Первыми успели родители и достали сына из петли. Во всем обвиняли Лилю, уговаривали вернуться к их сыну. После больницы тот часто звонил по пьянке и то жалостью, то угрозами уговаривал жену вернуться, утверждая, что без семьи он не сможет жить. И женщина вернулась: «Я больше не могу терпеть эти ночные кошмары, чувствовать себя виноватой. Все-таки это отец моего ребенка, сын очень любит его. И я никогда не простила бы себе, если б муж ушел из жизни. Он обещал сделать все, чтоб сохранить семью. Пока старается».

Шантаж петлей. *Это так называемый суицид-шантаж. И как любой суицид, он может плохо закончиться. Человек может «переиграть». Не надо думать, что это сознательный шантажист, который все хладнокровно рассчитал, но он, как правило, бессознательно делает все так, чтобы его успели спасти. Если ситуация не меняется, шантажист норовит повысить степень психологического давления, и при этом повышается вероятность того, что попытка суицида окажется завершенной. Все досконально просчитать невозможно.*

КОНТРАСТНЫЙ СНИМОК

СЧАСТЬЕ БЕЗГРАНИЧНО

На почетном месте в квартире Мелехиных висит большая картина - солнечный пейзаж. Наталья Мелехина написала его в память об одном радостном моменте.

В ясный осенний день группа вологжан, относящихся к категории, называемой людьми с ограниченными возможностями, поехала по грибы на автобусе, предоставленном обществом инвалидов. Наталья выбралась на природу, чтобы немножко развеяться. Она побродила по лесу и решила передохнуть. Вернулась в автобус, стала шуршать свертками, доставая припасенную снедь. Шорох разбудил молодого мужчину, задремавшего на сидениях сзади. Женщина предложила ему разделить с нею дорожный обед. Завязалась беседа. Прогулку Наталья и Валерий продолжили вместе. Было это в 2000 году, а в 2001 влюбленные поженились. С тех пор у них начали сбываться мечты.

У Мелехиных была квартира в ветхом доме, и они надеялись получить от государства более комфортное жилье: встали в соответствующую очередь и настроились на ожидание. Пока шло время, супруги надумали обзавестись дачей. Купили земельный участок, и строительство закипело. Что-то Валерий сделал своими руками, что-то при помощи нанятой бригады плотников. В 2006 году - как раз на деревянную свадьбу - муж и жена подарили себе летний домик. А квартира... В год очередь продвигалась на десять человек. Перед ними в списке - пятьсот претендентов. Наталья и Валерий взяли да и подали в суд, воспользовавшись таким правом. И суд удалось выиграть, и вот пара отметила новоселье. Они увлечены обустройством семейного гнездышка, планируют повесить люстру в комнате, поставить гарнитур на кухне.

Потом 37-летние муж и жена стали студентами. Наталья с детства любила рисовать. В юности она закончила вологодское училище №15 по специальности художник и до-

вольно долго расписывала под хохлому сувениры и посуду. Для души писала пейзажи и натюрморты. Среди ее картин есть и один, весьма удачный, портрет, нетрудно догадаться, что на нем изображен Валерий. Совершенствовать мастерство ей помогает учеба в заочном московском народном институте искусств. Валерий учится в международной академии бизнеса и новых технологий, чтобы получить диплом экономиста. Тогда у него появится возможность найти более денежную работу, чем работа хозяином двора, по его выражению, то есть дворником.

Семья становится настоящей, когда муж и жена превращаются в папу и маму. Медики отсоветовали Наталье рожать - от родов у нее могло случиться обострение болезни суставов, которой женщина страдает с четырнадцати лет. Мелехины решили взять на воспитание ребенка из детского дома. Это желание исполнилось не сразу. У Натальи - первая группа инвалидности (полиартрит), у Валерия - третья (общая инвалидность по нескольким заболеваниям - дерматит, аллергия на многие продукты). Сами они не считают себя людьми с ограниченными возможностями, но им предстояло доказать свое право на создание приемной семьи, и вот опять мечта сбылась. В доме Мелехиных наконец-то появилась маленькая девочка. Она быстро привязалась к Наталье и Валерию. «Сначала говорила, что я - дядя, а теперь вот папой называет», - улыбается Валерий, держа довольную малышку на коленях.

Есть и живой символ уюта в доме - это Алекс, добродушный пекинес. Наталья давно мечтала завести собаку такой породы, но не могла позволить себе это - уж больно дорого стоят чистокровные щенки. Алекс стал еще одним подарком судьбы. Наверное, судьба расщедрилась за умение терпеть и сострадать. Супруги взяли пса из общества помощи животным. Он перенес травму - был серьезно поврежден глаз. Прежние хозяева не захотели возиться с больным питомцем и сдали его на усыпление. Мелехины выходили Алекса. Теперь он - четвертый член дружной семьи.

P.S. *После показа фильма Марии Таранченко об этой паре («Два крыла») в зале несколько минут стояла тишина, а потом раздались аплодисменты.*

ПАТРОНАЖ

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Один день социального работника

Утро социального работника Ларисы Морозовой обычно начинается с посещения магазина. Когда я встретилась с ней, она уже закупила несколько пакетов продуктов. «Так-то у меня сегодня три адреса, но если вы не против, зайдем сейчас по пути еще на один. Хочется там бабушку побаловать, она рыбки принести просила, да еще ей пирожков куплю».

Лапушка моя

Единственный ключ от дверей - у соцработника. Подопечная не выходит из дома, а родных у нее в Вологде нет. Замужем не была, дети не родились. Родители умерли. Есть один близкий человек в Москве, младший брат, но он и сам уже старик, часто приезжать не может. «Галина Григорьевна, доброе утро! Как спалось?» - «Сегодня, лапушка, не очень». - «Давайте-ка я вам бок помажу». - «Да, может, ничего, так пройдет...» Лариса, не обращая внимания на слабое сопротивление клиентки, берет с тумбочки мазь. Пожилая женщина мучается полиартритом, лет десять не может обходиться без посторонней помощи, но до сих пор стесняется принимать чужую заботу: утруждать. Несмотря на свою немощность, сама готовит обед. Иногда от этого соцработнику только сложнее - приходится днем лишний раз забегать и поднимать упавшую старушку с пола.

Галина Григорьевна делится новостями: «По радио передавали, в Москве смерч был, как же я перепугалась. Думаю, как там брат? Все ли ладно?» Брат обещал приехать к дню рождения сестры, она ждет его, как ребенок подарка. Ей очень одиноко. В последние годы больной временами начали грезиться какие-то существа в углах комнаты. С нею обязательно нужно хоть немного побеседовать. Разговор завязывается сам собой. Он интересен и подопечной, и социальному работнику. Обе - женщины, обе - хозяйки. Галина Григорьевна рассказывает, чем она будет фаршировать рыбу, когда сегодня соберется с силами и встанет. Лариса рассказывает свои кулинарные секреты. Долго задерживаться нельзя - помощи ждут другие люди. «Вечером позвоните обязательно, скажите, как здоровье!» - «Позвоню. Ларочка, ты у меня ангел-хранитель прямо!»

Никого не надо, кроме Ларисы

Владимир Николаевич еще не стар, ему около пятидесяти. Из этих пятидесяти лет Лариса навещает его двадцать. Мы встретили его у киоска «Овощи-фрукты». Он обычно приходит сюда сам, постукивая белой тросточкой под ногами. Вон он занял очередь в ряду домохозяек. Солнечный день, а Владимир Николаевич в шапке, она низко надвинута на незрячие глаза. На ногах - также не по погоде - резиновые сапоги. «Здравствуй! Зря в сапогах. Луж сегодня нет», - приветствует Лариса. «А у меня есть. Я всю жизнь по лужам иду», - угрюмый ответ. Трудно найти подход к этому человеку. Судьба с детства не баловала его.

Родился на один глаз слепым. Рассказывает, что пьяный отец бил беременную мать, из-за того и беда. Родители вовремя не озаботились здоровьем одного из восьми детей, и мальчик ослеп полностью. Жили в глухой деревеньке под Котласом. В молодости Владимир очень стеснялся своей слепоты. Чуть было не запил: пьяному легче почувствовать себя наравне со всеми. Другой путь в жизни ему помогла найти школа для слепых. Там он открыл в себе любовь к музыке. Впоследствии любимое увлечение даже стало работой - ездил в молодости по детским лагерям музыкальным руководителем, играл на аккордеоне, духовых инструментах. Не спился. Переселился в Вологду, порвал все контакты с родней и твердо решил, что доверять в жизни будет только себе и рассчитывать только на себя.

Лариса помогла Владимиру Николаевичу заплатить за продукты. Сегодня ему больше никакая помощь не нужна. Социального работника можно отпустить на следующий адрес, где сегодня больше дел. Я пошла проводить слепого. По дороге он рассказал, как несколько лет судится с одним санаторием. Взял путевку, поехал без сопровождения, а там его отослали обратно, заявив, что в помещениях нет бордюров для слепых, как и опознавательных знаков. По возвращении в Вологду принялся готовиться к судебному делу зло и обстоятельно. Написал жалобы во все инстанции, насобирал стопку отказов. Рассуждает: «Вот нам в школе для слепых внушали, что люди - хорошие, а по жизни среди людей и зверей много».

Он остановился у дверей ветхого двухэтажного здания - бывшего общежития для слепых. За дверью - густая темнота огромного коридора. Я почувствовала, каково это - не видеть. Здесь незрячий ориентировался лучше, чем я. Он живет один на этаже, все соседи съехали. А он не спешит, пишет жалобы, отстаивая свое право на качество выложенной плитки в предложенном новом жилье, на ровную дорогу и ориентиры во дворе. В пустом старом доме говорит не выключенное радио, будто ждет хозяина.

«Владимир Николаевич, что еще делает для вас Лариса?» - «Готовить иногда помогает. Лук, например, я чищу, а картошку - плохо. Глазки не могу вырезать. Пол мести терпеть не могу. Зато мою сам. Стираю тоже сам». С ним Ларисе иногда трудно. Он бывает грубоват, замкнут. Но за двадцать лет общения они крепко привыкли друг к другу. В книге отзывов, которую мне довелось посмотреть, от имени слепого записано: «Ларисой доволен, никого другого мне не надо». Я собралась уходить. Владимир Николаевич меня останавливает и подводит к большому шкафу. Шкаф доверху набит коробками с грампластинками. Владимир Высоцкий, Муслим Магомаев, вся эстрада 60-х, подборка классики. Безумно жаль, что сейчас уже нет проигрывателей, на которых можно крутить эти пластинки.

Страшно, когда не можешь читать книги

Лариса в фартуке с английскими надписями, с прихваткой, украшенной узором «Mom's are special», варит обед у Клары Владимировны. Та сидит рядом на табуретке, седая, притихшая, будто в чем-то виновата. Пожилая учительница иностранного языка очень болезненно переживает старость. В восемьдесят лет она перенесла инсульт и потеряла возможность свободно ходить. Теперь - еще страшный удар: глаукома и катаракта. Клара Владимировна не одинока, ее довольно часто навещают дети, и сегодня был сын, просятся в гости прежние коллеги. Но женщина сама сознательно ограничивает себя в общении - считает, что с ней неуютно. Она думает так совершенно напрасно, потому что уже через пять минут разговора я вижу, что передо мной замечательный собеседник, широко эрудированный, с тонким умом.

Беседа зашла об особенностях поэтики Гумилева. Именно его стихи Лариса читает клиентке в последнее время. Сегодня я заменила Ларису в этом деле, она ушла в комнаты мыть окна. Декламирую «Жирафа». Каждая встреча социального работника и Клары Владимировны непременно должна сопровождаться чтением. Клара Владимировна не

просит, но у нее такое счастливое лицо, когда она слышит художественный текст. «Как это страшно, когда не можешь читать книги! - признается она и добавляет: - Вас не раздражает?» - «Что?» - удивляюсь я. «Капает из крана». Тут только я заметила: кап-кап-кап - отмеряется каждая секунда. Попыталась закрыть кран наглухо и не смогла. «Прохудился, надо менять».

Обед на столе, но Клара Владимировна стесняется есть при нас. Уже в прихожей слышим: «Привет Галине Николаевне передайте!» «Они у меня все заочно знакомы», - пояснила Лариса. Отправляемся к Галине Николаевне.

Только ты меня не бросай

Галина Николаевна живет теперь далеко, полагалось бы назначить к ней другого соцработника, но она и слышать об этом не хочет. За восемь лет знакомства Лариса стала для нее самым родным человеком. «Если ты уйдешь от меня, я повешусь!» - чуть не заплакала клиентка, когда зашла речь о другом сотруднике социального центра. Она сердечница, ей противопоказаны лишние тревоги. Добродушная без меры и очень наивная. В пятьдесят пять лет эта женщина миловидна. «Куколка моя фарфоровая, - нежно называет ее Лариса. - Полсердца с ней оставила. Черная полоса у человека в жизни».

Родилась в деревне, после замужества жила в Вологде. Рожать ей врачи категорически запрещали, а она не стала никого слушать, очень хотелось ребеночка. Чудом выжила в родах. Вырастила сына. Сейчас ему 33 года. В возрасте Христа он ведет себя далеко не по-христиански - к матери не является с незапамятных времен, гуляет, хулиганит в городе. Недавно вместо блудного сына пришел незнакомый молодой человек. Заявил, что будет здесь жить. Оказалось, сын отдал ему свою долю квартиры за долги. Из родного дома пришлось выезжать в «деревяшку». Беда не приходит одна. Вскоре умерла мать. Муж совсем ударился в пьянство, к которому был склонен давно. Сама Галина Николаевна получила травму - сломала бедро. Нелегко было Ларисе вытаскивать Галину Николаевну из тоскливого настроения. Социальный работник красила ей волосы, приносила красивую домашнюю одежду, футболки и бриджики. Подопечная ожила.

Нас она встретила на костылях. И правда - фарфоровая куколка. Миниатюрная, симпатичная, лицо детское. Вежливо предложила мне тапочки, они оказались совсем малы. Лариса достает из сумки лекарства. Охая над ценами, женщины вместе считают расход. Договорились, что на той неделе будут оформлять льготы на новую квартиру. Сегодня тоже работа есть - развесить постиранное белье. Болтая с Ларисой, Галина Николаевна несколько раз напомнила ей: «Ты меня не бросай!» - «Не брошу! - отозвалась та с немножко грустной улыбкой. - Куда же я от вас? Вы же мне все свои». Лариса Морозова работает ангелом-хранителем всю жизнь и не считает свой труд чем-то возвышенным, благородным, для нее он прост, и оттого хочется громче сказать ей спасибо.

ИНТЕРНАТ

САНИТАРОЧКИ

Репортаж из богоугодного заведения

«Самое главное правило - правило общежития. Бабушки и ругаются, и мирятся. Бывает, обидятся друг на друга, надуются, не разговаривают. Что маленькие дети. Приходится их мирить, уговаривать», - рассказывает Ольга, 27-летняя санитарка геронтологического отделения Октябрьского дома-интерната, что в Молочном под Вологдой.

«Оль, может, помочь надо?» - спрашивает Ольгу напарница по смене Валентина Васильевна. «Справлюсь. Я уже Раю переодела». Рая - лежачая больная. Санитарки отправились на уборку палат. На геронтологическом отделении проживают люди в возрасте от 60 и старше. Три медицинских поста. В каждом около 20 палат, их нужно хорошенько убрать, вынести горшки, кое-где перестелить постели, подмыть, переодеть и перевернуть лежачих. В интернате проживают около 400 человек. В штате 60 санитарок.

В палату, неспешно передвигая ноги в черных бурках, заходит седая женщина. Подол ее платья неровно забран вверх. «Что случилось опять?» - ласково спрашивает Ольга. «Да короткое чего-то платье». - «Да опять, поди, его подпоясала». - «Нет, не подпоясалась», - упрямится женщина. Санитарки уже знают: если та вбила что-то в голову, переубедить сложно. «Ну, иди давай, я тебе платье найду поприличнее. Подлиннее платье тебе найду-у, - почти кричит Ольга бабушке на ухо. - А это брось, я его у тебя заберу». Поддерживая старушку, санитарка помогает ей заново переодеться. Белье для пожилых

«казенное», как любят выражаться бабушки. Но платья-халаты, сшитые на собственном производстве, разные - по фасону и расцветке. Поэтому ощущения одинаковости не возникает.

«Многие бабушки у нас плохо слышат. Я и с глухими, и с немыми научилась разговаривать». Ольга начинает выносить горшки. Протирает стены, чистит раковину, вытирает пыль, намывает полы, между делом общаясь со старушками. Проверяет, не пора ли менять памперс у Раечки. «Клавдия, у тебя родственники есть?» - интересуется Ольга. «Нету, милая, никого. Племянники есть». - «А недавно-то кто был?» - «Племянник, с женой, значит. О, господи, лежу и думаю, что это смерть не идет, долго ли ждать?» - «Ну, не дело какое говорите», - упрекнула Ольга. «Живи да живи, пока тянешь. Все умрем», - произнесла бабушка Рая. «Теперь племянник этот в армии служит, лейтенант уже. Вот и письма жду», - добавила Клавдия. «А ты говоришь: умирать охота. Письма ждешь - умирать некогда», - отозвалась Ольга. «Оленька, - тихо позвала бабушка Рая. - Скажите мне, пожалуйста, почему это я лежу без платья?» - «Дак ты лежишь все, тебе платье и не надевают». - «Я, может, на свидание к кавалеру пойду или поправлюсь», - хитровато прищурясь, возразила Рая. «Хорошо, что-нибудь придумаем. Ты, главное, поправляйся, Раюша». Надраив на совесть комнату, перешла в другую палату.

«Здравствуйте, бабушка Поля». С Полей в комнате две соседки. «Оля, тазик вынеси». «И у меня вынеси». - «Чего это вас так разобрало-то? Медсестре, может, сказать? Сейчас вынесу у вас горшочки». На одной из тумбочек сложены коробочки. Ольга осторожно вытирает под ними пыль. «У многих бабушек синдром Плюшкина: все тащим, все складываем, ничего не выкидываем. А нас ругают за хлам в палатах. Спорить с бабушками бесполезно. Временами проводим рейды. Сестру-хозяйку берем, медсестру и подвергаем изъятию бережно хранимые майонезные стаканчики и фантики от конфет. Бабушки очень расстраиваются, ругаются. Будто их ограбили. И смех, и грех. На психоневрологическом отделении не разрешается хранить всякий мусор. А нашим старушкам мы не можем запретить. Считается, что на нашем отделении бабушки разумные. Вот и захламляются тумбочки».

Работают санитарки по 12 часов два дня через два. Самый трудный день - банный: среда. «Неважно, отработала ты только что в ночь или две смены накануне, каждая санитарка обязана выйти в среду к восьми часам на работу. Те бабушки, которые способны помыться сами, моются в душе. Большинство возим на первый этаж на каталках или колясках. По очереди двое человек моют подопечных, остальные их доставляют, переодевают, перестилают постели. Они все тяжелые, особенно лежачие. Домой приходишь - ноги гудят».

Очередная комната. «Здравствуйте, Нина Семеновна. Я к вам полы мыть пришла». - «Ой, молодец. Это Оленька?» - Нина Семеновна не видит. «Оленька, Оленька». - «Ой, ты у меня самая хорошая работница». - «Не хвалите, а то зазнаюсь». - «Нет, должны к нам так и относиться. Ведь мы люди старые. Жизнь прожили». Нина Семеновна охотно рассказывает о себе: «Я на другом отделении с мужчиной жила. Здесь познакомились. Замуж вышла. А он помер в конце концов. Он знал, что я слепая. Пришел: «Нина Семеновна, пойдем ко мне». Ой, мы пошли с ним расписались. Вместе в одной комнате жили. Хорошо жили, мирно и дружно. И он меня сделал мил-ли-о-нер-шей. У него дом был, баня новая. Я ездила с ним. Дровяник под шифером. Дом хороший, пятистенок, девять окон по переду и огород, деревья яблочные. А ягод! Он дом продал, а деньги - мне. И я в церковь много отдала. Каждое воскресенье ко мне приходят милосердники. Они тут недалеко. Я им пенсию отдаю. Я получаю пенсию хорошую».

В коридор выглянул мужчина. Прошел в одну из палат. «В гости пошел, к Евгении», - констатировала Ольга. Осторожно постучавшись в дверь, спрашиваю разрешения войти. Евгения Ивановна с Сергеем Ивановичем смотрят телевизор. Им обоим по 76. Она попала сюда из интерната грязовецкого, он - из череповецкого. У обоих за плечами семьи, но оба остались одни. «Расписанные мы с ним были, да вот развелись, - пояснила Евгения Ивановна. - Комнаты на двоих не дают, дак что? Он в одном месте жил, а я на третьем этаже с женщинами. Пойдет курить или в туалет - надо бежать в другое крыло. А оттуда приходит выпивши. Ну, вот так и вышло. И тут умудрились поссориться». - «Ну, дак ежели с компанией, почему не выпить? - улыбается Сергей Иванович. - Раз не разрешают здесь, так втихаря на улице. А она и на пушечный выстрел меня выпившего не подпускает. Здесь вообще-то есть, что семьями живут. Особенно молодые инвалиды-колясочники. Их три пары. Но я так скажу: настоящей семьи ни у кого нет. Только что вдвоем веселее. Вот я сюда в гости и хожу, а куда еще-то?»

На соседнем отделении, где у постояльцев получше со здоровьем, оживление. Они рассаживаются в холле у окошка. Посудачить, посплетничать, пока санитарка Валентина Васильевна моет комнаты. Интересуюсь, как живется. «Хорошо, дома давно бы уж померли, - улыбаясь, отвечает 84-летняя Анна Федоровна. - У меня тазобедренные суставы повреждены. Еще сахарники (диабетики) мы. Кома была, я две недели не могла говорить. Я из Междуречья. У меня подруга сначала сюда приехала, потом и меня вызвала. Я жила в казенной квартире, леспромхоз у нас был. Жила одна, ходить не смогла совсем, сюда и попала. Передвигаюсь только на коляске. Соседка ездит иногда проведывать. А родных никого нет. Брат на Украине жил, так помер уже. А племянники не ездят. Что еще сказать? Санитарочки у нас молодцы. Полы моют, в баню нас возят. Белье меняют на кроватях. С нами занимаются. Кино каждый день кажут, концерты бывают, дни рождения справляем. Есть культработник, в клубе столы собираем с угощением. Ой, живем хорошо. По дому не скучаю. Теперь нечего об доме скучать». Одиноки и 85-летние ровесницы Марина Николаевна и Раиса Петровна. «Как живем? - переспрашивают. - Так-то ничего, но все уж приелось. Сил нет. В основном только на коридор ходим да на веранду воздухом дышать».

Блокнот 2. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

ЗАПИСКИ УПРАВДОМА

Кадры из жилищно-коммунального сериала

Некогда я смеялся над намерением Остапа Бендера пойти в управдомы, а зря. Случилось так, что я сам стал управдомом, точнее, председателем жилищного кооператива, а потом председателем товарищества собственников жилья.

Первые дни председательства ознаменовались тревожными звонками жильцов. Они что-то все время требовали, кричали, угрожали. Довели до слез мою жену. Вспомнился булгаковский управдом Никанор Иванович: «Поесть спокойно не дадут. Не пускай никого, меня нету, нету». За мной была устроена настоящая охота: жильцы звонили домой, жаловались на холодные батареи супруге, принимали моего сына за председателя, то есть за меня, и ругали его на чем свет стоит за неработающий лифт. «Расстреливать таких председателей надо на месте!» - вопили в трубку мои подопечные. Выходить из квартиры было страшно. На заседании правления кооператива я признался, что боюсь не справиться с миссией и попросил членов правления проявить свои способности в вопросах домоуправления. Они откликнулись. Было решено организовать управление домом по секторам. Один член правления взял под контроль благоустройство придомовой территории. Другой вызвался быть мастером и контролировать всю техническую работу в доме. Третий взялся следить за казначеем и так далее.

На что жалуетесь

Неизвестно почему, но наш офис, оборудованный в подвале, крайне смущал некоторых жильцов. Особенно агрессивные граждане именовали его гитлеровским бункером, а правление - недобитыми фашистами, дескать, засели тут и издеваются над людьми, как в концлагере, морозят, отключают лифты, не прибирают в подъездах. Мы стойко сносили нападки, понимая, что сами выбрали участь быть крайними во всех коммунальных проблемах. Основные силы были брошены на замену кранов и труб. Обследование домового хозяйства показало, что систематически этой работой долгое время никто не занимался. Технические ошибки в прокладке труб на чердаке привели к нарушению циркуляции, и при включении горячей воды из кранов долго текла холодная. Большую проблему представляли воздушные пробки в системе отопления. Зимой батареи не грели, как хотелось бы. За лето эти недостатки были устранены. Горячая вода потекла, как надо, батареи жарили, словно раскаленная сковорода. Жильцы поуспокоились. Казалось бы, живи и радуйся, но тут на наш дом свалилась очередная напасть - массовые евроремонты. Один такой ремонт закончился скандалом. Дело было в начале зимы.

Как обычно, в приемный день я спустился в офис, находящийся в подвале нашего дома. Все были на месте: паспортист, бухгалтер и мастер. В подвале скопились возмущенные люди. Они что-то кричали о мерзнущих детях, отсыревших стенах и холодных батареях. Казалось, еще минута - и дело закончится погромом. «А вот и господин председатель пожаловал!» - выкрикнул кто-то из толпы. Жильцы угрожающе двинулись в мою сторону. «Что случилось?» - поинтересовался я. «У нас опять батареи плохо греют, а вы

тут в подвале сидите и ничего не знаете!» - «Позвольте, как же я мог знать прежде о холодных батареях, если вы мне только что об этом сообщили. Прошу сделать письменное заявление». - «Что вы тут бюрократию разводите!» - «Это не бюрократия, юридически я обязан реагировать по письменной жалобе жильцов». По словам жильцов, проведших собственное расследование, причиной замерзания послужил евроремонт. Люди купили квартиру на пятом этаже, и захотелось им жить по-человечески. А для этого потребовалось спрятать батареи в стеновую нишу, туда же замуровать и трубы. Я незамедлительно собрал правление, и мы отправились осматривать проблемную точку.

Дверь открыла миловидная молодая женщина. «Анна», - представилась она, хлопая длинными ресницами. «Мы тут по жалобе ваших соседей», - произнес я. «Проходите, пожалуйста, вот в ту комнату», - указала женщина изящной рукой в сторону спальни. В квартире шел ремонт. Пока только спальня была отремонтирована. Она чем-то смахивала на будуар императрицы. То, что я увидел, повергло меня в шок. Трубы, идущие к батарее и от нее, клубками змей извивались в стеновой нише и прятались в потолочных гипсокартонных изысках. Мы насчитали около шести изгибов в соединениях пластиковых труб. Между тем, обычная система отопления изгибов практически не допускает. Да и внутренний диаметр труб вызывал подозрение. «Мне строители говорили, когда переделывали батареи, что все будет нормально», - запричитала хозяйка. «Прочтите правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда, и тогда вы поймете, что действия строителей по переделке системы отопления, а точнее, общего имущества дома, неправомерны по определению», - сказал я. Последовала многодневная эпопея дебатов с бригадиром строителей, но в конце концов справедливость восторжествовала. Однажды зазвонил мой мобильный телефон. Это была Анна. Она сказала, что строители все исправили. Это был хороший подарок к Новому году.

Домовая коммуна

Каждое утро я задаю себе один и тот же вопрос: зачем я согласился стать управдомом? Когда знакомые узнают, что я управдом, в их глазах читается другой вопрос: что, лучше работы не нашлось? Жильцы пуще всего боятся, что управдом их обворует. Поменял он, к примеру, в подвале трубы - железные на пластиковые. Активисты тут как тут. Спрашивают, почему трубы без скидок приобретались? Скидки, мол, дают все магазины на крупную партию товара. «Слышали, председатель-то зарабатывает четыре тысячи, а недавно новую машину себе купил, «мершедеш», - судачат старушки на лавочке, а тот отродясь за руль не садился. Что и говорить, должность управдома публичная и предполагает пристальное внимание к его персоне. Чтобы он, как говорится, не расслаблялся, домовые активисты наблюдают за ним, как за товарищем Горбунковым из «Бриллиантовой руки», отдыхавшим за границей. Если вы управдом, то лучший ваш имидж - фуфайка, тюбетейка, велосипед.

В нашем кооперативе люди работали по совместительству. Главное, чтобы жили в нашем доме. Почему главное? Да потому, что кооператив - это соседская община с круговой порукой. Это когда все отвечают за одного. Поэтому самые важные решения принимаются всем миром, на общем собрании, на нем же выбирают правление. И можете быть уверены, случайному гражданину с улицы жильцы нашего дома бразды правления не доверят. Это суть самоуправления. Дом принадлежит нам, мы и должны им управлять, хорошо или плохо, ни на кого не рассчитывая. Но вот закавыка. Как заметил сатирик Райкин, мы делаем вид, что платим, они делают вид, что работают. Однажды уборщица второго подъезда заявила, что кооператив обязан ей платить в два раза больше. На вопрос, чем она отличается от трех коллег, получающих за такую же работу тысячу рублей в месяц, уборщица пояснила, дескать, мы должны руководствоваться МРОТом. «А не то я вас всех сдам за ущемление моих прав». Пришлось расстаться с уборщицей и повесить объявление, не желает ли кто убирать второй подъезд за тысячу рублей. Желающих не нашлось, и подъездные активисты стали сами убирать свой подъезд, как в советские времена, не жить же в грязи.

Проблема с оплатой труда людей с метлой и тряпкой - весьма щекотливая. «Как платите, так и подметаем», - огрызаются они на замечания. В уборщицы идут люди социально обделенные. Встречая меня, они повествуют о своей тяжкой доле, а что управдом может поделать? Вопрос о повышении зарплаты проходит с большим скрипом на общем собрании жильцов. Те не хотят понимать, что размер оплаты - это степень уважения к труду человека. Зарплата уборщиц обсуждается на собраниях до хрипоты несколько часов. Жильцы не внемлют слезам уборщиц. При этом никто из них самих «за копейку»

убирать подъезды не намерен. Другое дело - упрекнуть управдома насчет грязи в подъезде. Если при утверждении сметы расходов речь идет о миллионах рублей, то обсуждение займет несколько минут, по причине того что миллионы для жильцов сумма абстрактная, а ставка уборщицы (тысяча рублей) им понятна, они такие купюры носят в своих кошельках. И с дворниками та же история. Получают они полторы тысячи. Говорят, что мало, а потому убирают только со стороны подъездов, а с обратной стороны дома не убирают. Прав, прав был профессор Преображенский насчет разрухи в головах.

В поисках константы

Однажды после субботника в подвале была пирушка. Разговор зашел о том, что все в жизни держится на постоянных величинах - константах. Вот, например, работа управдома - это константа, обеспечивающая порядок в доме. Мнения разделились. «Друзья мои, - произнес начальник штаба субботника юбилейным голосом, - работа в России не может являться константой. Вот мой сосед по площадке трудился на заводе, а теперь он безработный, денег взаймы просит. Ну, и как можно считать работу константой?» Высокий жилец из второго подъезда высказал свою позицию: «Господа, будем считать константой нормативную составляющую - литр». - «Или квадратный метр», - подсказал сосед. Жилец из третьего подъезда вступил в пикировку: «Не согласен. Мы все знаем, как при разработке нормативов постоянная величина превращается в переменную. Так что не надо тут заливать! Квадратный метр - тоже неудачный пример». Я поделился своими соображениями: «Говорят, в одну и ту же реку нельзя войти дважды, но почему тогда одни и те же люди избираются в правление кооператива из года в год, несмотря на то что их критикуют на чем свет стоит? Объясняется это тем, что больше ни у кого из жильцов не возникает желания управлять домом. Причина указывается уважительная - нехватка времени. Отсюда вывод. Константой следует считать нехватку времени». Софистика, внебрачная дочь философов и адвокатов, не раз выручала меня в диспутах с жильцами. Но на одном из приемов из-за своих мудрствований я чуть не пострадал. Дело было так.

«Что будем делать с затопившими меня соседями?» - влетев в подвальный офис, поинтересовался жилец из первого подъезда. Я спросил, дескать, вы уверены, что вас затопили соседи сверху, или это ваши ощущения? И пояснил, мол, Джордж Беркли утверждает, что окружающие нас предметы не существуют объективно, а реальны лишь ощущения. Смекнув, что принимать меры управдом не собирается, нервный жилец так разволновался, что схватил со стола перекидной календарь с подставкой и угрожающе закричал: «Как сейчас двину этим несуществующим предметом тебе по чайнику, посмотрим, какие ощущения будут реальными!» Ясно дело - психический. «Альберт Энштейн доказал относительность вашей проблемы, - обнадежил я агрессора. - Повременим денька два-три, высохнет ваш потолок, тогда и ремонта не надо. А за вами, кстати, должок за коммунальные услуги. Когда платить будете?» - «Вы же сами говорите, мол, реальны только ощущения, значит, долги не существуют», - вставил шпильку жилец, чем поверг в раздумья нашего бухгалтера. «Это не я придумал, а Беркли». - «Вот пусть он и платит! - вновь разозлился жилец, а потом почему-то поинтересовался, из какого подъезда этот Беркли. - Поговорить бы с этим гадом, чтоб людям головы не морочил».

Сады Семирамиды

«Письмо - это обнаженная душа человека», - сказал Мопассан. Мой управдомовский почтовый ящик набит корреспонденцией, словно банка шпротов. Коммунальные службы не забывают обо мне. Ну, и где тут обнаженная душа? Враки это все. У них, юридических лиц, одни деньги на уме, а где их прикажете взять, когда задолженность жильцов перед кооперативом составляет четыреста тысяч целковых. У десяти жильцов долг - от 30 до 40 тысяч. По мнению платящего большинства, виноват во всем управдом, дескать, он не оказывает на неплательщиков давления. В результате не ремонтируются подъезды и сантехническое оборудование. А должники ходят, ухмыляются и в ус не дуют. Из-за неплатежей дом напоминает здание, описанное в «Двенадцати стульях». Помните? «Это была старая, грязная гостиница, превращенная в жилтоварищество, укомплектованное, судя по обшарпанному фасаду, злостными неплательщиками». Злостный должник представлялся мне персонажем бессмертного произведения: то беспечным Авессаломом Изнуренковым, уязвлявшим управдома своими остротами, то запойным дворником Тихоном, то гробовых дел мастером Безенчуком, голодающим по причине низкой смертности горожан. Но оказалось, что нынче должник совсем не таков.

Ходить по чужим квартирам, признаться, мне никогда не доставляло удовольствия, тем более вышибать с людей деньги. Именно по этой причине я не стал судебным при-

ставом. Но надо было что-то делать. Нашел в списке самую нехорошую квартиру, за которую вот уже год никто не платил, словно там никто не живет. А соседи утверждают, что слышат и видят признаки жизни: юлой крутится электросчетчик, с завидной регулярностью слышится урчащее сопрано канализационного стояка.

На звонок в дверной проем просунулась голова коварной гражданки с внешностью пушкинской музы. По глазам девушки было видно, что она из-за моего визита не дописала письмо Онегину. Вот, говорю, пришел поинтересоваться насчет вашей задолженности кооперативу. «Ах, ах! - запричитала особа голосом доброй феи. - Только сейчас об этом самом подумала. Проходите». Попав в квартиру злостного должника, я вдруг осознал, что в моей жизни этого недоставало. Квартира напоминала великолепием султанский дворец в Стамбуле, вкусом - усадьбу князя Кочубея. По центру гостиной из чрева мифического создания бил фонтан, трепетно трогая смычком воды виноградную лозу богемского хрусталя, свисающую люстрой с потолка.

Видел я царские дворцы, бывал на развалинах афинских храмов, глотал пыль родины мальтийских рыцарей, посещал замки знаменитых испанских вельмож, бродил по венецианской площади святого Марка, приглянувшейся голубям. Но такого я еще не видел (если учесть, что это обычный многоквартирный дом в Вологде). Лоджия, совмещенная со спальней, представляла собой сад камней. Причудливые глыбы, предназначенные для сауны, были выложены с китайской трепетностью. Они напоминали о вечности и незыблемости мироздания. Слева от спальни располагался зимний сад. Причудливые тропические растения тянулись к искусственному солнцу. Пьянящий запах невиданных цветов, застенчиво выглядывающих из потолочных ниш, напоминал о царице Семирамиде. Я задал несколько эстетических вопросов насчет антуража, потом как бы невзначай напомнил о долге и откланялся. Вы не поверите, но вскоре на счет кооператива стали поступать деньги от самого злостного неплательщика. Для этого надо было просто навестить жильца. «Открой секрет, что ты там наговорил?» - выпытывали у меня члены правления. «Я разбудил в человеке дремавшую совесть», - загадочно произнес я.

Потом я разнес по почтовым ящикам других должников письма со следующим текстом: «Уважаемые жильцы, стали известны имена победителей конкурса «Долг платежом красен». Участие в нем приняли ваши соседи, задолжавшие от десяти тысяч рублей и больше. Долги с интервалом в 10 тысяч рублей были разделены на номинации. Победителями стали десять участников». Вы не поверите, но после этого в один из приемных дней в подвальном офисе, как сговорившись, собрались почти все злостные неплательщики и стали упрашивать предоставить им рассрочку в связи с трудным материальным положением. А еще просили, чтобы их больше не называли победителями никаких конкурсов. «Не может быть!» - недоумевал наш бухгалтер, вскоре увидев по документам лавинообразное поступление средств на банковский счет.

Для ясности дела

В начале года в нашем кооперативе устраивается отчетное или отчетно-выборное собрание. Подготовка к нему напоминает предвыборную кампанию. Избирательный округ - дом. Члены кооператива - электорат, правление - предвыборный штаб, а председатель - кандидат в депутаты. Необходима пропагандистская работа: жильцов надо убедить в том, что правление под руководством председателя ведет парусник верным курсом и что казна не растаскивается по норам корабельными крысами. Здесь требуется прозрачность в бухгалтерии и ясность в мыслях. Тут лучшее оружие пропаганды - выпуск домовой газеты.

Достаточно восьми полос формата А-3. Название газеты может совпадать с названием кооператива. На первой полосе уместно слово председателя, пусть он изложит свой стратегический взгляд на ЖКХ. Не помешает фото дома, да и управдома, а то не все жильцы знают его в лицо. На второй полосе - список членов правления и ревизионной комиссии, штатное расписание с окладами, объявление о субботнике, график приема жильцов и т.д. Третья-шестая полосы должны быть заняты отчетами членов правления, бухгалтера, паспортиста (с их фотографиями). В статьях не худо бы рассказать не только об успехах, но и о проблемах. Ну, и, конечно, следует опубликовать финансовый отчет с постатейным перечислением доходов и расходов. Доверия прибавит заключение ревизионной комиссии. На последней полосе целесообразно поместить ответы на обращения жильцов и справочную информацию на случай аварийных ситуаций, расценки на платные услуги, коммунальные советы.

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ДОМА

Стенограммы с жалобных мест

Не зарастет народная тропа в инстанции. Наш репортер побывал в присутственных местах, где жильцы вопрошают, жалуются и требуют.

Сцена 1. Вульгарщина

«Проходите, присаживайтесь». - «Очень приятно. Татьяна Михайловна, помните, я к вам приходила?.. Ой, вы стали блондинкой». - «Всегда была». - «Татьяна Михайловна, я пришла из-за уборки подъездов. 13 лет уборка велась, а в мае выпросила еле-еле: вымойте! Не вымыли, а помазали. Говорю: перемойте! Не перемыли. До второго этажа вульгарщина! В подъезд заходить тошно. Что толку, что сделали частичный ремонт, покрасили, где отслоилась краска. Стены в ажуре, а пол в позоре. Мы участвовали в ремонте, смывали старую побелку при помощи жердей, это же египетский труд. А дама из компании - высокомерная, не найти с ней ничего общего. Вульгарщина! Пришлите инспектора. Когда он придет?» - «Пока не знаю». - «Не знаете! А мы будем в грязи жить?» - «У нас 12 инспекторов на всю область. У них каждый день расписан вперед на две недели. Как появится окно...» - «Да не будет окна! Пойду к губернатору». - «Уборщицы губернатору не подчиняются. Сходите сначала к директору компании». - «Да, директор - человек положительный, тактичный, душевный. Человек слова и дела. Поговорю с ним завтра. Но, Татьяна Михайловна, такого лицемерства не должно быть!» - «Какого лицемерства?» - «Такого наглого! Я ведь каждый день смотрю, в подъезде убирали или нет». - «А почему я коммунальщикам не должна верить?» - «Незачем с коммунальщиками любезничать, надо с ними в рупор говорить. Два этажа вульгарщины! И за что мы деньги платим! Не будем платить, бойкот объявим. В газету напишу». - «Терпение, я пришлю инспектора». - «Главное, запишите, - подметать влажным веником! И еще. Дайте предписание соседу, который хлопает дверью. Он один в подъезде хлопает своей дверью - валится краска». - «Такое предписание дать не можем, но поговорим». - «Спасибо. И тогда, Татьяна Михайловна, досаждать больше не буду; если что наболит - пойду в редакцию».

Сцена 2. Конденсат

«Товарищи дорогие, перестаньте меня топить! А уж с остальным я как-нибудь разберусь». - «Кто вас затопил?» - «Меня топят четыре этажа». - «Это как?» - «Я не знаю, кто меня топит». - «А управляющая компания акты о протечках составляет?» - «Пишут: конденсат. Физику помню и слово конденсат не забыла. Если нигде вода не течет, конденсата не бывает. В 2006 году я судилась, когда меня залили гадостью. Везде пятна остались в виде цветочков». - «У вас в квартире что-нибудь подтекает? Краны, унитаз?» - «Нигде не каплет. Но у меня стоят везде пластиковые поддоны. На всякий случай: а вдруг... Проверю - сухие. Не знаю, что делать. В моем понимании, это не конденсат, а от соседей течет. Вызвала как-то экстренку. Пришел молодой человек, ни значков, ничего - кого впустила? Посмотрел: «Течет? Ну не заливает же!» Предложила отключить воду. Думала, если ее отключат, соседи зашевелятся-забегают, но я просчиталась. И вентиляцию приходили проверять разные люди (при неисправной вентиляции может образовываться конденсат - прим. авт.). Попросили газетку, потом спичечки; туалет, ванную, кухню обошли. Интересно получается, один заявил, что вентиляция не работает, другой сообщил, что работает, причем хорошо. Вот я и жду, кто ко мне придет в очередной раз». - «Ждите инспектора. Будем искать причину. Обследуем все квартиры по вашему стояку». - «Все квартиры сдаются». - «Все?» - «Да. В них без прописки живут. Друг к другу мыться ходят! А еще у нас появился новый жилец. Он приварил интернет, и как его включает, так все - телевизор не работает. Все забивает этот интернет! Может быть, опять за счет меня? Но это уже вторая проблема. Главное, чтобы не топили. Ведь ежели нигде вода не течет, конденсата не бывает!»

Сцена 3. Заборчик

«Хочу узнать, как наши дела. У нас уголочек (цветник). Дворники помогли сделать. Нужен заборчик. Подавали заявку. Так вот как?» - «Ваша заявочка принята, заборчик у вас будет». - «Ой, спасибо, хорошая компания! Ой, слава тебе, господи! Нам бы маленько отгородиться от всего этого ада: машины все к нам, мусор весь к нам. И чтобы вокруг песочницы было огорожено. А еще спасибо дворнику, он нам камень подвинул, а то в час пик машины через двор потоком шли». - «Спасибо за хороший отзыв о дворнике. Слышали недавно другое». - «Это потому, что некоторые люди - нахалы! Тот, кто вам сказал,

- бессовестный человек! Ему все вокруг не нравится. И деревья тоже мешают. Никому не верьте! Она (дворник) ходит каждый божий день, а мы по возможности помогаем. Мы очень стараемся. Мы рады бы и скамеек наставить. А вдруг человеку плохо? А вдруг кому отдохнуть надо - кто на вокзал, кто с вокзала. Но не надо, ночью будет спать невозможно, и так толпы пиво под окнами распивают. Нам будет капут. Уже ставили три скамейки. Было что-то страшное. А еще американцы в соседнем доме квартиру снимали, себя вели безобразно. Я им сказала, что уже поздно шуметь, так они и поняли». - «Значит, пока только заборчик?» - «Да, только заборчик. Вот, правда, мы просили администрацию двор заасфальтировать, и нас ведь неплохо приняли, хорошо поговорили, а потом приключилась беда, я уехала, и на собрание никто не явился. Но комиссия пришла посмотреть, головы опустили, стыдно, похоже, стало, такое безобразие у нас во дворе. Вот такие дела. А когда все цветет, у нас красотища. Цветы у нас весь город ворует. Нам бы заборчик».

КОММУНАЛКА

Записки жильца

Детство и юность я провела в большой благоустроенной квартире. Ее окна упирались в общежитие, откуда всегда лилась музыка и слышалось разноголосие. К тому же напротив проживал друг нашей семьи, дядя Витя, каждый год перевоплощавшийся в деда Мороза. Он приносил с собой праздник. Казалось, прямо оттуда. Я считала, что в общежитиях, как и в коммуналках, люди живут весело и дружно, жизнь протекает, как вечный праздник. Вечерами, глядя в окно, мечтала жить в таком доме.

«Мечты сбываются», - с иронией подумала я, восемь лет тому назад приближаясь к своему новому жилищу в Вологде - коммуналке в старом деревянном здании барачного типа. На пятнадцать комнат - одна кухня, две туалетные кабинки, одна ванная, приспособленная для стирки белья, она же душевая. Этому дому повезло - после давнего-предавнего капремонта в нем было централизованное отопление и горячая вода, чего не скажешь о многих других «деревяшках». Комната в коммуналке, да еще в целых двадцать квадратов, - ощутимое счастье для молодой семьи. Как же, с первых дней создания новой ячейки общества жить отдельно от родителей - об этом можно только мечтать. И вот мечты становились реальностью.

Коридорный порядок

На коридоре сидели соседки и, переглядываясь, замолкали нам вслед: новые соседи - новая тема для разговоров. Это сейчас я понимаю, что, вызнавая у нас что-то новое, они тут же делились друг с другом информацией, словно подпитываясь чужими историями. Сарафанное радио работает здесь как нигде. Тогда же интерес к своей персоне я расценивала как предложение подружиться и отвечала на все вопросы, заданные с дружелюбной, как мне казалось, улыбкой. Я совсем не думала, что каждое мое слово может обернуться против меня.

Соседки объяснили нам, новым жильцам, что нужно время от времени бороться с грязью в общих местах. Дежурить - значит убирать общие туалеты, мыть коридор, кухню, чистить раковины и подметать лестницу. Делать это надо столько дней, сколько человек проживает в комнате. Мы еще застали те времена, когда дежурство передавалось, словно пост. Принимающий шел в туалет и на кухню, придирчиво рассматривал поверхности. С годами этот ритуал упростился. Никто уже не ворчал по поводу небрежно сданного дежурства, просто перевешивали табличку-напоминалку. А вот мой сосед вспоминал, как в стародавние времена одна из соседок, которой боялись всей коммуналкой, сидела с белым платком в руках все время, пока сдавалось дежурство, и этим платком проверяла, насколько чисто убрано.

Между собой мы распределили обязанности не так, как это было принято у соседей: мальчики - курят, девочки - надраивают поверхности. Современному мужчине не нужно колоть дрова, носить воду, топить печь. По хозяйству остается разве что мусор вынести. Дежурства выпадали раз в полтора-два месяца, прибираться в комнате приходилось гораздо чаще. Глава семейства, всеми фибрами души не любивший блюсти чистоту, великодушно предложил: он берет на себя уборку общих мест, но при этом не касается домашних дел, которые ложатся на мои плечи. На том и порешили. Муж взялся за уборку. Пару раз из вежливости соседки его дружно хвалили, несмотря на то что убирался он, положа руку на сердце, так себе, хотя и очень старался.

Мужик, приводящий в порядок общие места, был в новинку. Иногда он забывал про то, что подходила очередь, - соседи не дремали. И вот однажды в двери раздался стук. Он означал конец соседскому терпению. Минут за двадцать до этого соседки что-то бурно обсуждали на коридоре. Слышимость сквозь тонкие стены отличная, поэтому мы вкратце уже знали, чем обернется встреча с незваными гостями. Вызвав на коридор менее сильного противника из нас двоих, то бишь меня, они бросились в атаку: «Вот ведь ваша очередь, а коридоры не убираются!» - «Вы же знаете, что не я этим занимаюсь». - «А почему ты не прибираешься, как мы?» - «Почему это должна делать я?» - «Но мы же девочки!» - наступала одна из них, кстати, моя ровесница, весь последний месяц буквально набивавшаяся в подружки и за глаза осуждавшая тех, с кем сейчас стояла у моих дверей. «Девочки - еще не значит, что прибираемся лучше мальчиков». - «Но как так? Виданное ли дело - мужик с тряпкой в руке?»

Между прочим, многие из соседок, осуждавших меня в тот вечер, переняли мой опыт. Не знаю, каким способом удалось им уговорить своих благоверных, но «мужик с тряпкой» больше удивления не вызывал. К сожалению, со временем обстоятельства изменились, пришлось браться за помывку мест общего пользования самой. В такие минуты я представляла, что выполняю самую важную миссию на земле - спасаю мир от грязи, и эта работа не казалась такой ужасной.

В сказку попали

Большая глава моей коммунальной жизни связана с появлением ребенка. Если опустить радостные эмоции, то в сухом остатке останется вынужденное многочасовое нахождение в одних и тех же коммунальных стенах с одним и тем же кругом лиц. И маршрут с пеленками: комната - ванная - комната. Занимать очередь в ванную, чтоб постирать, приходилось за час. Невозможно вычислить, уснет или проснется ребенок к тому времени, когда освободится ванная. Постирушки я рассчитывала закончить к тому времени, когда большинство соседей вернутся с работы, но это не всегда удавалось, что вызывало вспышки недовольства у других обитателей дома, к слову сказать, также вырастивших здесь своих детей.

Шли годы, малыш подрастал. Топающие шаги маленького человечка не умиляли соседей, как меня саму когда-то беготня чужих детей. И это понятно, у каждого свой распорядок дня, работа по сменам, а то, что несколько лет назад их дети точно так же носились по коридору, уже забыто. Пришлось научить малыша распознавать, кто добрый, кто злой. Маленькие дети наших знакомых полюбили бывать у нас в гостях. «Я скажу тебе по секрету, что это настоящая баба Яга, - показывала я из-за двери одну соседку, не переносившую не только детей, но и людей вообще, - поэтому пока она здесь ходит, на коридор лучше носа не показывать. И вообще - мы в сказку попали», - так обозначались правила поведения для ребенка, впервые пришедшего в гости к нам. Бывалые уже знали, что здесь весело. Как только баба Яга забиралась восвояси, на коридоре можно было тихонько играть с ребятами, проживавшими здесь.

Меня всегда удивляло, что у сына коммунальные неудобства не вызывали негативных эмоций. Из гостей он всегда просился в «свой деревянный дом». То, что ребенку до 7 лет приходилось ходить на горшок, носить посуду для мытья через полкоридора, ждать, пока освободится духовка или ванна, воспринималось им как должное. Наверное, дети по-другому видят жизнь, вообще не беря в голову то, что портит ее нам, взрослым.

Про себя я окрестила местных кумушек, целый день обсуждавших соседей, «коммунальными женщинами». У них как будто не было своей жизни - лишь коммунальная. В порядке вещей для них разругаться между собой в пух и прах, а на другой день болтать, как закадычные подруги. Они все время объединялись против кого-то и могли встать стеной на защиту паренька из своих, когда кто-то из пришлых пытался устанавливать свои права. Вдруг я заметила, что за год сидения в декрете я становлюсь одной из них - такой же склочной и скандальной. По приходе второй половины с работы начинаю в красках описывать перипетии коммунальной жизни за день... С этим надо было что-то делать. Раз в неделю стала ходить в студию по интересам, благо с ребенком было кому посидеть. Устроилась на неполный рабочий день. Заняв себя делом, я перестала обращать внимание на назойливость соседок.

Не забыть соседку, больно любившую спиртное и мужчин. Она совмещала то и другое, а когда кончалось первое, становилось ненужным и второе. Очередного кавалера дама под предлогом покурить выставляла в коридор в одних спортивных штанах и тапочках, закрывала за ним дверь и заваливалась спать. Реакцию брошенных на произвол

судьбы мужиков соседи по коммуналке за много лет выучили наизусть: сначала робкие стуки в закрытую дверь, затем уговоры, переходящие в угрозы, непрекращающийся долбеж в двери и уже угрозы в адрес соседей. Затем вместе с соседями уговаривали вернуть вещи. Ни общее порицание, ни милиция так и не утихомирили женщину.

Нет худа без добра

Через полгода у меня сложилось впечатление, что в коммуналке живут несчастные люди. Одни спились, другие могли в свое время заработать жилье, но не стали напрягаться. Исключение, по моему мнению, составляли студенты, снимавшие здесь комнату, и молодые семьи, имевшие хоть и призрачную, но все-таки надежду выбраться отсюда. Почему несчастные? Семейных пар на коридоре было совсем немного. В основном женщины с детьми. Или престарелые люди. Как я убедилась на личном опыте, коммунальная жизнь сильно влияет на семейные отношения. Невозможно вдвоем приготовить ужин. Обязательно какая-нибудь из соседок начнет толкаться и ворчать. Под косыми взглядами хочется поскорее забраться в норку и не высовываться. Пуще всех бед - неусыпный контроль. Тотальный контроль за всем, что происходит: кто заходил, во сколько, чем занимались, какую песню пела ребенку, к чему достала свой старый баян, почему не смогла успокоить ребенка ночью, да что вы там все стучите... Никакой личной жизни. Все эти люди каждый день принимают в ней самое непосредственное участие. Ты видишься с ними, когда идешь умываться, мыть посуду, готовить...

За восемь лет обитания здесь я стала раздражительной, искала малейший повод вырваться отсюда. Научилась так же ловко, как соседки, решать вопросы с помощью покрикивания и возмущения. Я стала своей в коммунальной среде, я пережила состояние «коммунальной женщины», заразилась вирусом несчастья, но, к счастью, мне удалось вовремя бежать. На выходе из коммуналки я имею богатый жизненный опыт и неполную семью в составе меня и моего сына.

И все-таки, оглядываясь назад, я прихожу к мнению, что жить в коммуналке - это одно счастье, а не жить там - другое. Там я действительно была счастлива. В нашей комнате всегда было много гостей. Порой ночевали вповалку на полу, на придвинутых друг к другу спальнике и матрасе. Здесь родился и превратился в школьника мой ребенок. У него даже есть такое качество коммунальное, которое я называю «врожденный коммунизм». Он с детства «свойчатый» - везде чувствует себя свободно, как дома. И этому мы во многом обязаны многолюдной коммуналке. Там, несмотря на ссоры, реально помогут в трудную минуту. Только там можно, не выходя из дома, получить консультацию медсестры, сделать прическу или подстричься у профессионального парикмахера, подобрать эскиз или сшить наряд у швеи, сэкономить на репетиторе по русскому, полюбоваться на работы ручной резьбы из первых рук. Кто только не пожил на коридоре на моей памяти.

В коммуналке я научилась ругаться (это умение мне порой пригождается в жизни), направлять в мирное русло энергию алкоголиков, определять по людям, кто есть кто. Сейчас, иногда даже на отдыхе в скромном пансионате на юге, нет-нет, да и подумаю, как бы вели себя милые улыбчивые соседи по лежаку, будь то не пансионат, а коммунальная квартира. И тут же безошибочно определяю, кто из них неформальный лидер, кто подстрекатель, кто запил бы по-черному... Ведь жизнь, она одна большая коммуналка.

ТРУЩОБЫ

ЖИВОЙ УКОР

«Влада, Олеся, вы куда? Настя, а ну домой! Никита, и ты туда же?» - двери одной из комнат распахиваются, оттуда, смеясь, друг за другом выскакивают три девочки, старшей из которых не больше десяти. В проеме появляется трехлетний малыш. Он удивленно выглядывает в коридор.

«Вот разве детей в четырех стенах удержишь? Им же все любопытно, - следом за малышом появляется Светлана, мама ребятишек. - Хотя каждый раз, как они на коридор выбегают, становится жутко: все кругом такое ветхое. Несколько лет назад чердак прогнил, провалился. Вроде б отремонтировали его немного, потолок зашили, а все равно страшно». Обычный день вологжанки Светланы начинается в шесть утра с похода на общую кухню. Поставить большое ведро на газ, нагреть воды, чтоб семье умыться. Отправить мужа на работу, Андрея и Владу в школу, младших девочек отвести в детский сад. Маленький Никита пока еще остается дома. Затем по заведенному распорядку: помыть посуду, опять нагреть воды - постирать. Еще ведро - прибраться в комнате. А там

уж пора приниматься за готовку. Круг комната-кухня-ванная-комната - маршрут передвижения в течение дня. Хорошо, что дети уже подросли. Как вырастить ребенка в экстремальных условиях - это Светлана знает не понаслышке.

«Вот ванночки висят на стенах. Приходится, чтоб помыть детей, греть на кухне воду и носить ведрами в комнату, - рассказывает Светлана. - А белье стирать на семью из семи человек? А полоскать-то? В одних перчатках - невозможно, надо тройные надевать, как зимой при стирке в проруби. Сушим белье кто где. Я на чердаке развешиваю. Каждый раз иду туда и боюсь, что провалится. От сквозняков я то с одним на больничном, то с другим. И не я одна здесь такая. Почти в каждой комнате на этаже дети». «У нас на этаже 13 хозяйств на 15 комнат. В каждой семье - где двое, где трое, есть и пятеро детей», - к разговору на коридоре присоединяются соседки, пенсионерка Валентина Федоровна и Наталья Ювинальевна. Последняя живет в этом доме с 1986 года. Растит двоих сыновей. Один уже работает, второй ходит в школу. «Дом-то 36-го года постройки. Все на ладан дышит: полы проваливаются, крыша течет, канализация не уходит, газовые плиты еле пыхтят, а конфорки - в кармане каждый свою носит. И никому до нас дела нет!» «Сами моемся кто по знакомым, кто в бане. Детей моем дома в тазиках и ванночках. Жилье это ни продать, ни приватизировать, ни обменять. Так и живем. Вот в таких условиях». «Даже друзей в гости не пригласишь - стыдно», - вставил слово юноша Сергей. «Куда мы только не обращались! Ведь у нас столько детей в доме! На втором этаже около двадцати, да на первом около десяти».

Последовала экскурсия по местам общего пользования на втором этаже. В кухне - старые плиты без конфорок. По стене пролегла глубокая трещина. Потолок - в подтеках. Пол просел настолько, что, того и гляди, провалишься вниз. Посещаем туалет. Около раковины в полу дыра. Окна заколочены, из них сильно дует. Несмотря на то что жильцы стараются следить за чистотой в «общих местах», регулярно передавая друг другу дежурство, - в туалете стоит сильный запах. Канализационные трубы - отдельная песня и боль этого дома. «У нас туалеты как-то разрыли. Оказалось, трубы все давно сгнили. Менять не стали, сказали, мол, нет смысла. Все зарыли обратно. Получается, труб как бы и нет. И теперь как только оттает земля, все лето эта вонь из-под земли выходит. Под дом течет». «У нас еще что, а вот на первом этаже без противогаза в туалет заходить опасно».

Спускаемся вниз. Действительно, в уборную невозможно зайти, хотя внутри все добросовестно вымыто жильцами. Сквозь щели бревенчатых стен не на шутку сквозит. Над кабинками старательно приколочена рейками черная полиэтиленовая пленка. Тем не менее, пол сырой. «Если сверху в туалет сходят, здесь течет так, что хоть с зонтиком по нужде ходи, - присоединяются к нам соседи с первого этажа Геннадий и Евдокия Ивановна. - Можно ходить только в одну кабинку, потому что в остальных двух течет до невозможности». «Этот запах вообще ничем не истребить. Что только не пробовали! Вообще, что могли, мы постарались своими силами исправить. Ребята вот пленку натянули, окна фанерой заколотили. Но все это мелочи, ведь дом разваливается на глазах».

Пол на кухне первого этажа разломан, плиты извело так, что вымыть посуду, стоя на нем около раковины, становится рискованным. Трубы проржавели. Стены в жутких потеках и трещинах. Поднимаешь голову вверх - на потолке тоже трещины и оголенные доски, сгнившие до черноты. Нет-нет, да и пробежит по коридору крыса или мышь. Двери на этажи на замок не закрываются, так что посторонние легко могут проскочить в дом. На первом этаже гораздо холоднее, чем на втором. В одной из комнат, по словам соседей, в зимние морозы температура не поднимается выше семи градусов. «С той стороны открыта канализация. Даже фундамента нет. У меня у снохи в комнате дыры с улицы. Холодища. В морозы даже в пальто замерзают».

Кое-кто считает, будто бы в подобных деревянных бараках живут опустившиеся люди: алкаши, безработные, бывшие зеки, выселенцы за долги. Правды в таком мнении не больше, чем в отношении любого дома. В аварийных «деревяшках» живут люди, не имеющие материальной возможности отсюда выбраться. Это многодетные семьи, для которых нереально накопить денег или связать себя грузом ипотеки, а снимать жилье - удовольствие не из дешевых. Это молодые семьи с маленькими детьми, сводящие концы с концами, потому что жена в декрете, а еще надо помогать родителям. Это и те, кто всю жизнь стоял в очереди на квартиру, но в один прекрасный день надежды рухнули, да и очередь эта, как известно, продвигается очень медленно. Да мало ли жизненных ситуаций, когда рассчитывать на другое жилье не приходится?

На Пригородной, 2 в трех десятках комнат проживают обычные семьи с детьми, всячески пытающиеся обустроить быт в условиях, непригодных для проживания. Обраща-

ясь со своими проблемами во всякие инстанции, они часто слышат: другие живут еще хуже. Согласитесь, логичнее другая точка зрения, а именно: другие живут лучше, из чего и надо исходить в решении проблемы аварийного жилфонда. Влада, Олеся и Настя, шумно промчавшись по коридору, вбегают в комнату. У порога их радостно встречает маленький Никита. Только у мамы почему-то глаза грустные-грустные. «Мамочка, скоро мы отсюда уедем, ведь правда?» - шепчет на ушко Влада.

ДОМ БУРГОМИСТРА

«Так и представляю себе, как гид, сопровождая туристов по набережной реки Вологды, рассказывает: «Это район старой Вологды, где люди живут, как до революции: без водопровода, отопления, канализации, топят печь», - начинает свой рассказ жительница дома 1 на Бурмагиных Ирина Петровна.

Она живет в этом доме почти сорок лет. Самому же дому уже за сто. Он пережил революцию, две войны, три пожара, не одну смену государственного строя. Ветры перемен и время наложили свой крепкий отпечаток на дом. Вовсе не «убитый» с виду, он «старик» изнутри. Фундамент местами разрушился, балки подгнили, под крышей спрятались обугленные пламенем пожаров бревна. Крыша течет, деревянные перекрытия покрылись плесенью и грибком. В полу щели, пол давно просел. Если распахнуть окно, из сгнивших рам открывается отличный вид на набережную. От бесконечных переделов, то в коммуналку при советском строе, то в отдельные квартиры ближе к нашему времени, дом устал. От прежнего величия остались только стены, местами покалеченные огнем. Краска не смогла зарубцевать эти раны, на месте ожогов проглядывают темные пятна. Эти стены могли бы о многом рассказать, умей они говорить. Дом на Бурмагиных, 1 ведет свою историю с 1907 года. Он был построен для бургомистра Четыркина. Когда-то здание украшали арочные окна, а согревали изнутри печи в изразцах. Рядом с домом находилась привратницкая, где когда-то жила бабушка мужа Ирины Петровны Евстолия Ивановна. Позже баба Толя, как ее называли родные, продавала билеты в цирке, располагавшемся поблизости с домом. По доброте душевной пропускала бесплатно местных мальчишек на представление. Среди них был и Игорек, будущий Герой Советского Союза Игорь Каберов.

Баба Толя дожила до 92 лет. Знавала не только бургомистра и героя Советского Союза. Рассказывала, будто как-то пила чай со Сталиным в числе других ссыльных. Но вернемся к дому. После революции он был переделан под коммунальные квартиры. Небольшой коридор, соединяющий комнаты, общая кухня. Со временем семьи стали занимать по две-три комнаты, в итоге образовалось несколько квартир. В администрации города, рассказали жильцы, считается, что это семиквартирный жилой дом. Однако в нем есть две квартиры под №5, две под №7, одна из которых почему-то располагается на первом этаже. Жильцы не обращают внимания на эти арифметические неточности. Главные их неудобства связаны с удобствами. «У нас зимой занавески ходуном ходят и развеваются от ветра, дующего сквозь щели. Сколько дров уходит за зиму - не пересчитать. Спим под тремя одеялами. Углы промерзают насквозь», - рассказывает Ирина Петровна. «А мы на втором этаже живем, у нас постоянно с крыши по стенам протекает вода, все время носимся с тазиками и ведрами. Сторожим, чтоб вода на проводку не попала», - подхватывает соседка Наталья Митрофановна. «Туалет в доме один на два этажа, да и тот холодный - выгребная яма. Несколько лет назад окончательно сгнил и провалился. Восемь лет мы околачивали пороги инстанций, добивались, чтоб его отремонтировали. Восемь лет были вынуждены ходить на ведра. Степень износа дома больше 80 процентов. К 860-летию города фасад покрасили, но это не защищает дом от разрушения».

Чтобы не быть голословными, женщины предложили мне лично убедиться во всем путем экскурсии по дому. Вместе с мужем Натальи Митрофановны пришлось, не без риска, забираться на чердак. Туда давно уже никто не залезал, поскольку жильцы боятся обрушения. Под крышей, то тут, то там отсвечивающей довольно приличными прорехами, - обгоревшие балки. Михаил Иннокентьевич, осветив их фонариком, показал, где было возгорание. В углу одно почерневшее бревно отходит от другого, поэтому скреплено скобой. Дерево обвито плесенью, местами на нем выросли грибы. «Вот тут вода протекает с чердака в нашу квартиру. Как стекает на эти бревна - непонятно, но с тазиками и ведрами в квартире мы не расстаемся». Печная труба на чердаке тоже требует ремонта. Спустившись на второй этаж и задрав голову, разглядываю потолок. Несмотря на пестрый рисунок обоев, на них нетрудно различить огромные коричневые пятна. В ко-

ридоре пятна от протечек еще больше выражены.

Спускаемся на первый этаж. В коридоре хлопьями свисает с потолка штукатурка. В щели дует. Заглядываем в одну из квартир. В комнате шумит стиральная машинка. «Стирка белья - целый ритуал, - поясняет Ирина Петровна. - Сначала нужно принести с колонки на Маяковского ведер 20 воды, нагреть их на привозном газу либо при помощи электрического кипятильника. Постирать машинкой или руками. А затем нужно идти полоскать. Это настоящее испытание. Плотов на реке теперь уж не ставят, поэтому полоскать мы ходим на колонку. И прямо в самом центре Вологды, порою на глазах у туристов, в любое время года полощем свое белье. В морозы, случалось, вода в колонке замерзала - что уж про наши руки рассказывать. Вода стекает в сторону жилого дома, чьи жильцы нас несколько раз пытались прогонять, писали жалобы».

Вместе с Ириной Петровной и Натальей Митрофановной берем ведра и проделываем путь от дома до колонки и обратно. «По этой узенькой дорожке надо ежедневно по воду ходить. Зимой наметает сугробы. Вот все смотрю, чтоб об этот железный выступ головой не задеть», - говорит Ирина Степанова. «На семью из пяти человек, - продолжает ее соседка, - каждый день требуется ведер 15 воды: чтоб и умыться хватило, и на приготовление еды, и посуду вымыть. Да еще малыш у дочери. Сколько воды нужно ребенка помыть! Хорошо, мужья помогают ведра таскать». На обратном пути осматриваем двор. За забором располагается пожарная часть. «Там и горячая вода есть, и сауна, все удобства, - наперебой перечисляют мои провожатые. - Соседний дом на Маяковского с удобствами, а до нас почему-то сети не дошли». Выгребная яма, пока во дворе сухо, выглядит убранной. Женщины уверяют, что весной и в дождливую осень весь двор буквально плавает в нечистотах. Кстати, когда-то на месте выгребной ямы находился фонтан. Летом в дни массовых городских гуляний двор тоже «плывет», но уже по другой причине: из-за отсутствия общественных туалетов и обилия подвыпивших отдыхающих. Откуда-то сверху из разбитых окон слышится музыка. «Это соседи наши неспокойные. Все гуляют да пьют. Страшно даже ненадолго оставлять дом. Глядишь, уснут с зажженной сигаретой. Огня особенно боимся». С невеселыми мыслями покидала я дом бургомистра. Выйдя на улицу, наткнулась на группу туристов. «Мы находимся в историческом центре города», - говорила экскурсовод.

Из письма государству: *«Мы проживаем по адресу: г.Вологда, Бурмагиных, дом №1. Наш дом построен в 1907 году. Находится в самом центре города. Мимо нас постоянно проезжают туристы. Прогуливаясь по набережной, заходят во двор. Снимают дом на камеру. И очень удивляются, что в областном центре люди все еще живут в таких условиях... Описывать все прелести своего житья не будем, сами понимаете, если деревянному дому сто лет. Некоторые люди живут с удобствами и жалуются, а нам каково? Каменный век. Стыдно».*

ПЛЕН ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В районе исторического центра Вологды более 40 процентов домов - аварийные, износ которых превышает 75 процентов, говорят коммунальщики.

Деревянные дома расположены большей частью на улицах Маяковского, Засодимского, Бурмагиных, Благовещенской, на проспекте Победы. На Бурмагиных, 38 красуется самый старый жилой дом в Вологде. Ему около двухсот лет. Дом на Благовещенской, 51-а - 1902 года постройки, на проспекте Победы, 34 - 1900-го, 32, 38 и 40 - 1917-го, на Воровского, 92 - 1913-го, на Кирова, 77 - 1915-го, Маяковского, 10 - 1914-го, Маяковского, 11 - 1917-го. Список можно продолжить. Большинство старых домов признаны непригодными для проживания. Необходимо расселять ветхий жилфонд, но у города нет такой возможности: бюджет не тот.

Дом на Ударников, 33 - один из типичных представителей аварийного жилфонда и заложник обстоятельств. Он скромно приютился на самом краю микрорайона. За ним - железная дорога. Впереди - начатое строительство дороги на Лукьяново. Во дворе старые погнутые качели и заброшенная песочница. Когда-то здесь было много детей. Неподалеку заваленная разным хламом помойная яма, дальше - болотина. Окна в доме, построенном еще в тридцатые годы, заколочены. Двери в оба подъезда закрыты на замок.

В некогда восьмиквартирном доме на Ударников, 35 теперь живут лишь две семьи. Пока дети на работе, а внуки на учебе, за домом присматривают Ираида Валентиновна и Капитолина Анатольевна. Обеим за семьдесят. «Соседи - кто умер, кто уехал. Крыша

дома постоянно протекает, местами и толи на ней нет. Ураганом все провода пообрывало. Печку протопить невозможно. Потолки в квартирах обваливаются, проводка замыкает. Нет ни воды, ни канализации», - рассказывает Ираида Валентиновна. «Вот начнут строить дорогу, и вас расселят», - немало подобных обещаний слышали жильцы и терпеливо ждали. Три года назад место за домом, где были огороды, распахали. Стройка закипела, а потом затихла. Расселения не случилось. Жильцы обивают пороги инстанций. В 2007 году дом признали непригодным для проживания. «А до этого мы 25 лет стояли в аварийной очереди. В прошлом году подали иски в суд, суд приказал: расселить немедленно. Но жилья пока так и не получили, - рассказывают соседки. - А теперь и вовсе нас за бомжей принимают. Вопрос задают: мол, что вы за люди, раз в свое время квартиры получить не могли? Да мы жили хорошо! Нам здесь очень нравилось. Здесь хоть и центр города, но тихо и спокойно - зона отдыха».

Капитолина Анатольевна, всю жизнь проработавшая на железной дороге, в свое время переехала сюда из Лосты, из благоустроенной квартиры. «Все за ребятишек боялась, моста в те годы не было, очень опасно через линию ходить. Вот и поменялись. Все трое парнишек здесь и выросли». 45 лет отработала на производстве и Ираида Валентиновна. В этом доме родилась ее дочь, которая живет тут и по сей день, здесь же растет и внучка-школьница.

По шаткой лестнице поднимаемся на второй этаж. На лестничной площадке аккуратно сложены дрова. «Вот сами дрова заготавливаем. Конечно, две тысячи дают на это дело. А пять тысяч один воз стоит. Возом тут и делать нечего, - говорит Капитолина Анатольевна, открывая двери. - Вот кухня, но зимой в ней не появляемся, потому что все протекает и потолок рушится. Печку на кухне не топлю, потому как труба упала. В спальне печь топим, а готовим на электроплитке. В этой комнате не живем вообще - потолок рухнул». В туалете, коридоре и на кухне свет включать нельзя - непременно заискрит прохудившаяся проводка. В жилых комнатах чистота и порядок. Хозяева пытаются создать уют в полуразрушенном доме. В соседнем подъезде в квартире Ираиды Валентиновны проблемы те же: потеки на стенах, разрушающиеся стены и потолок, прохудившаяся печь. «И туалета фактически нету. Отходы вровень со стульчаком, никуда ничего уже не уходит. Все негожее, все завалилось. Вся гадость идет вниз. На чем живем-то, - вздыхает пенсионерка. - Воду с колонки носим. Белье эдак и стираем, на колонке полощем. Мыться к знакомым ходим, баня-то стоит больше сотни рублей».

В гостях у Ираиды Валентиновны бывшая соседка Люция Константиновна. В недалеком прошлом она жила в точно таком же разваливающемся деревянном доме, расположенном по соседству на Ударников, 33. Ей как ветерану труда, отработавшему не один десяток лет на вагоноремонтном заводе, дали комнату в общежитии. В аварийном доме остался жить сын со своей семьей. Теперь они единственные обитатели. Елена, сноха Люции Константиновны, провела меня в дом. В комнатах следы разрушений, заботливо прикрытые жильцами. В соседние квартиры страшно заглянуть - там обрушившиеся балки потолка и зияющие дыры в полу. «Мои дети родились и выросли в этом доме, им уже больше двадцати лет, - говорит Елена. - Сами окна заколачиваем, чтобы бичи не пролезли, сами газ привозим, дрова заказываем. Стыдобища перед людьми. Нас по суду должны расселить, но уже не верится, что когда-то мы отсюда уедем. Нам говорят: люди, бывает, еще хуже вашего живут. Да куда уж хуже?»

РУХНУВШЕЕ СЕРДЦЕ

По праздникам на общей кухне жильцы деревянной коммуналки, что на Дзержинского, 2 в Вологде, устраивали совместные застолья. Будни шли своим чередом: кто-то варил борщ, скворчала на сковороде картошка. Женщины обсуждали рецепты, перемывали соседям косточки, вступали в перепалку, а потом мирились. Тут же, на кухне. Она была сердцем коммунальной вселенной. А когда это сердце перестало биться, ухнув вниз, старый, истерзанный временем барак начал окончательно разрушаться.

Зима. На торцевой стене деревянного здания, словно слезы, застыли струи воды, просочившейся сквозь бревна. В подъезде парит, в темноте приходится двигаться наугад, даже не на ощупь, поскольку до держащихся на честном слове перил невозможно дотронуться. Они противно липкие от вечной влаги. Пар с этой стороны дома исходит от помещения, в каких обычно находится тепловой узел. Моя собеседница, жительница этого дома, уверенно движется на второй этаж, и пар ей не помеха: «Только один плюс - все хоть потеплее в доме будет». В комнатке Антонины Ивановны не жарко, несмотря на

предпринятые ею меры. «У меня «салофанкой» и покрывалом окно завешано, да еще и занавески. Я окно не открываю. Вот тепло было - приоткрыла форточку, а то дышать уже нечем». На полу старенькая электроплита - вот и вся «полевая» кухня.

Она ведет меня по давно остывшему коридору - большинство радиаторов срезаны из-за постоянных прорывов. В помещение, бывшее хлебосольной кухней, заходить опасно. Словно игрушечная, повисла на стене плита, застряли шкафчики. Перекрытия кухни обрушились несколько месяцев назад. К счастью, никто не пострадал. Обвал произошел днем, когда большинство обитателей коммуналки были на работе. А кухня на первом этаже не функционировала уже давно. «У нас как рухнула кухня, так все вокруг стало рушиться, - рассказывает Антонина Ивановна. - Сначала кухня обвалилась полностью. Первый раз в своей жизни такое видела. Потом замерзли трубы. Два месяца без воды сидели. Два месяца ходили на улицу все выливать. Потом, видимо, потеплело, поотаяло, вода пошла. Так теперь внизу прорвало - льет напропалую. Можно вызвать водоканал, но приедут - все отключат». Идти до колонки не так уж близко. Хорошо, что жители соседнего барака вошли в положение и разрешили брать воду в их доме. «Нам, кто проживает в этом доме постоянно, администрация города предлагает жилье в маневренном фонде, то есть временное. Предложения разные. Кому предложили на другом конце города дом без удобств: печку топить, воду носить, туалет на улице. Да еще и на работу придется ездить за тридевять земель. Человек, думаешь, согласится? Или предлагают комнату в общаге, где вода с перебоями. А зачем я отсюда поеду в такое же место?»

В ванной ледяное царство в результате нескольких прорывов. «Надо же, я только-только белье отполоскала», - вылавливает лед Марина. Вот уже на протяжении нескольких лет она ютится в комнате, куда пустили пожить знакомые. Женщина развешивает на веревке платьишки дочки-дошкольницы. Марина давно привыкла терпеть неудобства. Она стойко переносит коммунальные тяготы. «Я никак не думала, что кухня рухнет первой, - рассказывает еще одна соседка. - Дом давно начал приходить в негодность: в соседней комнате подтеки, у Е. подпорка стоит, чтобы крыша не рухнула, у К. почти упал потолок в комнате - дали временное жилье». На первом этаже кухня и туалеты не работают уже несколько лет. Сначала жильцы ходили к верхним соседям по нужде, но когда последние поняли, что делить дежурство в общих местах «нижние» не намерены, запретили заходить к ним. Сейчас на втором этаже в рабочем состоянии лишь один туалет. Жители запирают его на ключ от непрошенных гостей. Соседи снизу, а их осталось в доме человек шесть, вынуждены ходить на ведро. Нетрудно догадаться, куда выливают его содержимое. На двор».

В феврале 2008 года дом признан непригодным для проживания. Несколько человек получили комнаты в маневренном фонде. Переехавшие жильцы не теряют право на получение жилплощади вне очереди, вот только таких же внеочередников в городской очереди хватает. Не все жильцы верят в то, что, согласившись на временный переезд, они когда-то обретут благоустроенную жилплощадь. «Мы, наверное, с соседом будем самые последние, кто отсюда выедет. Выедем в халупы, да так, боюсь, и останемся в тех халупах. Поэтому переезжать не спешу», - говорит человек, живущий там, где жить нельзя.

УНИЗИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

«Если бы вы знали, как унизительно жить в таких условиях, - разводит руками 60-летняя Анна Егоровна, проживающая в одном из аварийных деревянных бараков в Вологде. - Качество жизни никакое».

Интеллигентная женщина, всю жизнь занятая в сфере культуры, имеющая за плечами столичное образование, даже после выхода на заслуженный отдых вынуждена практически все время проводить на работе: в деревянном жилище нет даже туалета, не говоря о других удобствах. С виду вполне уютная комната, где каждая вещь на своем месте. От торшера исходит неяркий свет. Полка с книгами, шкаф для одежды, кровать, стол, музыкальный проигрыватель, телевизор - вот и вся нехитрая обстановка. Сюда Анна Егоровна приходит только переночевать. И так уже много-много лет. Почти тридцать лет назад ей предложили работу в одном из учреждений культуры, пообещав обеспечить впоследствии благоустроенным жильем. Временно устроили жить в коммунальной квартире в деревянном бараке, который в свое время строили солдаты как временное жилье. На деле вышло, нет ничего более постоянного, чем временное. «Я как увидела туалет с торца здания с выгребной ямой, ну, думаю, я туда не пойду. Но оказалось, счастье иметь и такой туалет. Сейчас вон что и есть - так эта маленькая кабинка на улице».

В надежде на скорый переезд прошли годы. В течение десяти лет Анне Егоровне приходилось жить бок о бок с соседями, мечтавшими присоединить ее комнату к своей жилплощади. «Это был ад кромешный. Дети за стенкой растут, соседям надо расширяться. Им нужна была моя комната, и они хотели выжить меня. Мне было морально тяжело. После работы до позднего вечера я нарезала круги вокруг дома и только в темноте пробиралась в свое жилище. Старалась реже появляться на кухне, а потом и вовсе перестала туда выходить. Но тогда я была моложе. Сейчас никаких сил бороться с жизненными обстоятельствами не осталось». Спустя годы соседи по коммуналке съехали, напоследок срезав газовые баллоны. Частично разъехались и другие жильцы. Оставшиеся начали занимать освободившиеся площади. Соседи с одного торца дома будто бы невзначай пригородили общий туалет к своей жилплощади. Их примеру последовали жильцы в противоположном подъезде. Так Анна Егоровна и жители еще трех квартир оказались в прямом смысле отрезанными от пусть и примитивных, но все-таки удобств. «В доме проведена вода, так что в торцевых квартирах есть и ванная, и душ и даже установлены стиральные машинки-автоматы, поскольку имеется возможность сливать воду в выгребную яму. А мы, проживающие в середине дома, вынуждены жить без удобств».

В комнате потрескивают стены. Это особенно чувствуется, когда по дороге проезжает транспорт - здание ходуном ходит. Щели и трещины ползут по стенам к потолку. Пол проседает. Проводка, того и гляди, заискрит. «Провода трещат. Нужно сварить кашу - выключаю свет. Нельзя создавать нагрузку. Обедаю на работе. Там я фактически и живу. Раньше в стиральной машинке белье крутила. Сейчас включать нельзя. Да и полоскать негде. Я не могу включить верхний свет - вынуждена освещать комнату небольшим светильником». Анна Егоровна набирает в импровизированной ванной комнате несколько пятилитровых бутылей воды. Этого запаса ей хватает на хозяйственные нужды на неделю. Лишний раз в подсобное помещение женщина не заглядывает - чего доброго, обрушится. Кран подтекает, поэтому под ним все время стоит банка. Умывается на кухне. Здесь же в блюде моет посуду. Сама моется в общественной бане. «Пока работаешь - все вроде ничего. Но я уже устала, подумываю об уходе с работы. А что я тут буду делать? Готовить негде, мыться и стирать негде, с туалетом проблемы».

Вот уже 22 года Анна Егоровна стоит в очереди нуждающихся в жилье. В этом году в списке она числится под номером 101. Два года назад женщине посоветовали подать документы на внеочередное предоставление жилья, поскольку дом признан непригодным для проживания. Но ввиду отсутствия свободного муниципального жилфонда, из внеочередников тоже образуется очередь. Каждый год нуждающиеся должны проходить перерегистрацию. Так ежегодно на протяжении 22 лет поступает и Анна Егоровна. Очередь, говорят, продвигается по паре человек в год.

К СЛОВУ

АПОЛОГИЯ КОММУНАЛЬНЫХ БЛАГ

Коммунальные блага относятся к ряду весьма существенных благ цивилизации наряду с такими благами, как, например, медицинское обслуживание и всеобщее образование.

Вряд ли кто-то станет спорить, если мы скажем, что главное из коммунальных благ - это крыша над головой: жилище. Упомянем и другие жизненно важные. Это вода, тепло, электричество, газ. С учетом утилизации мусора получим, пожалуй, полный комплект основных коммунальных благ. Можно пополнить список, вспомнив, к примеру, об общественном транспорте, но ограничимся означенным перечнем. Организм по имени город хватит паралич, если его лишить перечисленных ресурсов, чью жизненную важность трудно переоценить. Они нужны, как воздух и как хлеб насущный, хотя, как говорится, не хлебом единым. Неудивительно, что население так нервно реагирует на перебои с водой и теплом, ведь это все равно что нехватка кислорода, однако не худо бы горожанам понимать, что вода и тепло в их домах - это не манна небесная, а продукты производства коммунальных предприятий.

Один грек первым пытался сформулировать, что такое добро. Если б он составил компанию нашим репортерам, собравшим материал в рубрику «Квартирный вопрос», он узрел бы воочию, что добро - это крыша над головой, желательно не дырявая, ну, не только она, но согласитесь, жилище - это великое благо, да и другие коммунальные блага в нашем списке несопоставимы по степени жизненной значимости, ну, например, с ка-

ким-нибудь мобильным телефоном, без которого еще десять лет назад все прекрасно обходились, а нынче не мыслят существования без этой чудной безделицы. И заметьте: плата за мобильную связь соизмерима с платой за свет или воду, при несоизмеримости жизненной важности сопоставленных благ. Предсказуемо возражение, мол, некорректное сравнение, дескать, без мобильной связи нынче никуда. В комплект аргументации подобных возражений можно добавить ссылки на такие блага цивилизации, как капли от насморка и, пардон, туалетная бумага, без чего сегодня никто не обходится, так что страшно подумать, а чем же люди веками и еще лет двадцать назад (в России) вместо этого пользовались.

Мы будем ближе к истине, если потрудимся отличать первостепенные блага от второстепенных, характеризующих рост благосостояния общества. Современная цивилизация имеет в числе своих основных признаков, например, компьютеризацию, да и, если угодно, мобильную связь, но скажите-ка, что вы предпочтете, если вдруг окажетесь перед выбором: жить в тепле, с водой и светом или жить без всего этого, зато с навороченным мобильником и компом? Эти штуки, кстати заметить, не работают без электричества. Сопоставляя цену различных по значимости благ, мы сталкиваемся с одним из парадоксов цивилизации, да и вообще жизни, а именно: то, без чего можно обойтись, стоит в деньгах не меньше или много больше того, без чего нельзя обойтись. Как говорили встарь, была бы крыша над головой, да кусок хлеба, да было бы чем прикрыться - вот и весь минимум, необходимый для поддержания жизни, правда, только с материальной стороны, ибо есть еще духовная сторона жизни и есть духовные ценности, которые будут поважней материальных, хотя сильно зависят от наличия этих последних, особенно что касается жилища, весьма дорогостоящего, хоть впрочем, скромный домик в деревне не сравнить по цене с городской квартиркой, да только вот кто же нынче хочет жить скромно, да еще и в деревне.

Упомянутое всеобщее образование - это великое благо духовного порядка. Лучше вырасти в неблагоустроенном жилище, чем с тремя классами начальной школы. Впрочем, не будем утверждать категорически, некоторые предпочли бы обратное. Укажем на тот же парадокс в свете принципа бесплатного школьного образования. Оно бесценно, но должно даваться безвозмездно как дар, в чем общество кровно заинтересовано, дабы, чего доброго, не превратиться в первобытную орду. Парадокс в том, что чем больше добро, тем меньше должна быть его цена в денежном эквиваленте, сводясь или к нулю, или к символической плате, потому что добро не измеряется в деньгах. Теперь заметим, что советская Россия бежала впереди паровоза истории, продвигая принцип бесплатного предоставления жилья гражданам и символической платы за коммунальные услуги, хотя они очень дорогостоящи, с какой стороны ни взгляни, хоть со стороны их жизненной значимости, хоть с чистой экономической стороны, с которой исчисляется так называемый экономически обоснованный тариф, долженствующий покрывать затраты коммунальных предприятий, иначе те вылетят в трубу. Штука, как известно, в том, что благой принцип советского ЖКХ, состоявший в почти безвозмездном обеспечении граждан коммунальными благами, вступил, как и вся советская система, в противоречие с естественными законами экономики. Рынок предполагает прибыльность, а не убыточность всякого хозяйства. Коммунальным предприятиям нужно получать прибыль, дабы нормально функционировать и модернизироваться, ну, а прибыль и затраты забиты в тариф, вот он и кусается.

Всегда и во всем надо стремиться к идеалу как к норме жизни, отклонения от коей ненормальны, зашкаливая за некоторую терпимую грань, причем двояким образом, например, как роскошь и нищета. А в идеале-то, в чем и парадокс, коммунальные блага, пожалуй, должны быть бесплатными, как и всеобщее образование, или предоставляться за символическую плату, прямо как в советское времечко. Они должны иметься у граждан как дар, входящий в состав дара жизни, прежде всего что касается обеспечения конституционного права на жилище. Жилищный вопрос - государственный вопрос. Государство, в котором он не решен и запущен, не может называться цивилизованным.

Алексей НИКОЛАЕВ

УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА

Сказание о пренеприятнейшем происшествии с касательством до теории и практики журналистики купно с тезисами к реформе провинциальной прессы, антитезисами и выстраданными сентенциями

(Опубликовано только в электронной версии ВЛ)

Оглавление

Банальная прелюдия
Трюизмы: 1. Откуда пошла четвертая власть. 2. Почему слово свободно, глупость похвальна и правда свята. 3. Что общего между правдой и искусством. 4. Что делать в творческой профессии. 5. Зачем разделение труда. 6. Чему учит школа. 7. Когда количество переходит в качество.
Панно I. Писчая артель
Фрагменты: 1. Творческий вакуум. 2. Идея газеты. 3. Рекламный хомут. 4. Как два корреспондента прокормили весь обоз. 5. Петля самоокупаемости. 6. Тематический заказ. 7. Портфельная дыра. 8. Целина. 9. Черная работа. 10. Горе от квалификации. 11. Добро пожаловать в машину. 12. Перьевые розги.
Панно II. Исход
1. Выживание путем размножения. 2. Игра в куклы. 3. Новые Васюки. 4. Игра в бисер. 5. Защита от дурака. 6. Изгнание беса. 7. Горечь и злость. 8. Фигура сеятеля. 9. Цензор и/или редактор. 10. Тень цензуры. 11. Топор цензуры. 12. Редактор и/или директор. 13. Площадь свободы. 14. Творческий потенциал. 15. Запас вдохновения. 16. Цена нетленки.
Панно III. Сизифов труд
Фрагменты: 1. Гужевая конструкция. 2. Вдохновляющий инструмент. 3. Концы с концами. 4. Государственный заказ. 5. Расклад под сверхзадачу. 6. Дело техники. 7. Бобчесть и добчесть. 8. Тренерская установка. 9. Чудо в перьях. 10. Утешительный диагноз. 11. Тупиковый потолок. 12. Штамповальный рок.
Панно IV. Public relations на местах
Фрагменты: 1. Конкурентная среда. 2. Гравитация профессии. 3. Любовь к губернатору. 4. Образ губернатора. 5. Столбцы софитов. 6. Одни курьеры. 7. Народное СМИ.

Я сильно извиняюсь, но придется начать с прелюдии из прописных истин, потому как они фундаментальны вообще и в журналистике тоже, а между тем, в эту профессию битком набился люд, как будто и не слыхивавший об скрижалях, ладно б только молодежь, закоперщики-то уж лысину натерли, а хоть кол на ней теши. Впрочем, иной в нашем писчем деле сведущ не более щенка или же нуля с круглое яйцо, а лысые ему в рот глядят, как папе римскому, вот тебе, бабушка, и яйца, которые курицу не учат. Ей-ей, мне крайне неловко от нужды прибегнуть к патетическому зачину, вместо того чтоб сразу излагать, что стряслось, и подкрепить рисунками, а стряслось ужасное, как увидите на панно, иначе б я не стал вас в изрядных числом и казусом подробностях информировать о пренеприятнейшем происшествии, случившемся в некотором классическом роде на новый манер. Манер-то вроде бы как и старый, но, как говорят газетчики, на выворотке. Это не то чтоб шиворот-навыворот, а как бы то же самое с новым смыслом и в прямом значении иноска-

зания. Да-да, вы не ослышались, и такое бывает в России. Чтоб сразу стало понятней, о чем это я, и по ходу мыслей становилось все понятней, я задам вам вопрос драматического свойства: а кто высек унтер-офицерскую вдову? Известно и ребенку, она сама себя высекла, но не в прямом значении иносказания, то бишь вдовую сиротину кто-то высек и выразился об этом фигурально: она сама себя высекла. А теперь представьте себе, что вдова взаправду себя высекла, вот это и будет прямым значением того же иносказания, и вот об этом-то мое сказание, но сперва не худо бы обозначить основную мысль, она еще красной нитью называется. Чтоб вы ее ухватили и потом не упускали, а также следуя народной мудрости, перефразированной в тезисе 1, я напомню кой-какие прописные истины, право, трюизмы, банальности, школярская азбука, преданье старины, которое свежо, да верится с трудом.

Тезис 1. *Все оригинальное - это хорошо забытое банальное.*
Антитезис. *Хорошо забытое трудно вспомнить.*
Сентенция 1. *Не оригинальничай, коли память отшибло.*

БАНАЛЬНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Трюизм 1. Откуда пошла четвертая власть

Печатное слово, собственно говоря, без фигур, есть духовная пища, призванная оказывать полезное, а не вредное с душком, влияние на сознание читателя и укреплять оное на почве базовых ценностей, чтоб народ не шатался, как пьяный, от бредовых идей и умы не засорялись брехней, в лучшем случае легкомысленной, а в худшем криминальной типа кандального агитпропа, подставившего полмира под молох террора и войны, помутив разум народов и не самых отсталых. Газетная пачкотня, похожая на журналистику не больше, чем кикимора на мадонну, но крылатая пуще всего летающего, делится, в том числе, на политизированную и аполитичную. Препаршивейший пример первой только что напомнен и очевиден постфактум, когда сосчитаны жертвы и тайное сделалось явным от прозрения и прекращения массового помешательства. Аполитичная печатная продукция представляется безопасней для употребления при идентификации добра и зла в словесном посеве, но все издания до единого, включая сугубые рекламные, имеют право быть, выполняя общественно полезную функцию. Иначе зачем им быть, скажите на милость, коли они бесполезны или мерзопакостны? Тематические издания, держащиеся поодаль от политики, какие-нибудь садово-огородные, сидят в выгодной нише и могут позволить себе свести понятие профессионального долга к поставкам утилитарной информации недурственного качества на радость потребителям, но это не журналистика, а пользительное приложение к ней. Журналистика - это государственное дело и народное достояние. Имея назначение, как у зеркала, она призвана показывать гражданам, в каком государстве те живут, дабы они могли зряче, благодаря освещению, называемому СМИ, а не вслепую впотьмах, осуществлять народовластие, располагая информацией, потребной для пользования гражданскими правами и исполнения гражданских обязанностей, а также для того, чтоб никто там наверху не оставался без присмотра, потому что не только дети балуются и шкодят, когда никто не видит. Принцип объективности, эквивалентный принципу правдивости, - это первая скрижаль журналистики, согласно ее зеркальной канонике и миссии. Сие осветительное ремесло есть искусство, расцветающее в условиях свободы слова, состоящей не в том, чтобы болтать, что в голову взбредет. При тоталитаризме журналистика подцензурна и обращена в рабство. При демократии она вступает в права четвертой власти на службе у народа вдобавок к классической триаде властей, законодательной, исполнительной и судебной. Сия добавочная власть есть власть печатного слова, обладающего страшной силой, прямо как красота, отличаясь такими же колдовскими свойствами. Чары печатного слова сильней законодательных установлений, правительственных постановлений и судейских вердиктов. С помощью газеты можно разрушить, создать и сохранить государство, зачаровав народ.

Тезис 2. *Журналистика есть служение народу и государству.*
Антитезис. *Служить бы рад - прислуживаться тошно.*
Сентенция 2. *Карету заменяют вентилятор и активированный уголь.*

Трюизм 2. Почему слово свободно, глупость похвальна и правда свята

Слово - это мысль. Слово свободно, ибо свободна мысль. Парадоксально, но нет несвободного слова, как нет несвободной мысли. Вот, правда, есть заткнутые рты, а из разинутых ртов частенько вылетает такая ересь, что общественно полезен бывает кляп, если вставлен в законном порядке, как при народовластии, а не в беззаконном, как при тирании. Проницательный читатель знает, в чем тут штука, его на банальной мякине не проведешь. Штука, во-первых, в том, что мысли делятся на верные и ошибочные. Это настолько банально и даже естественно, что один умный человек из Роттердама решил воздать похвалу глупости, и та вошла в хрестоматию. Ведь кабы не глупость, неоткуда было бы взяться лжи, а не будь лжи, не с чем было бы сравнить правду, и ей неоткуда было бы взять свою святость, она была бы чем-то тривиальным, о чем можно забыть и не вспоминать, как будто ее, правды, и вовсе нет ни на земле, ни выше. Ложь - это самый тяжкий профессиональный грех в журналистике. Всякая ложь, если копнуть, коренится в глупости, но не всякая глупость, слетевшая с языка, есть ложь. Мало ли премилых глупостей мы, люди, выделываем на дню, а за жизнь - не счесть. Совсем не глупить, да и не тупить, ни у кого не получится, потому как и на мудреца довольно простоты. Печатную ложь не надо путать со всякими глупостями, ляпнутыми от легкомыслия, бездарности и профнепригодности, что имеет место в любой профессии. Ложь есть зло и источник зла. Пример - геббельсовский агитпроп. Но заметьте, даже Геббельс, может, не такой уж и врун, хотя подлец редкостный и заядлый, ибо стопроцентный лжец - это тот, кто сознательно и расчетливо вводит вас в заблуждение, отдавая себе ясный отчет в том, что привирает, а оголтелые агитаторы и пропагандисты (их сейчас пиарщиками зовут) нередко малость того, тронутые и взвинченные, ну, сумасшедшие, что возьмешь, сами не знают, чего мелют, да и нечего уши развешивать. Незнание вины, однако, правду говорят юристы, не снимает ответственности, в связи с чем и в народе правду говорят: ври-ка поменьше. Иносказательно это звучит наоборот: ври больше! Смысл тот же, мол, хватит врать, но агитпроп по привычке или по инерции, что ли, следует этой народной мудрости в буквальном значении с энергией восклицательного знака.

Тезис 3. *Свобода слова - это поле боя с чудищами, порождаемыми сном разума.*
Антитезис. *Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй.*
Сентенция 3. *Отступать некуда, позади дурдом.*

Трюизм 3. Что общего между правдой и искусством

Газеты врут меньше, чем склонны думать их читатели, принимая за ложь (преднамеренный обман) банальный вздор и бред, какой свойственно с той или иной периодичностью нести каждому из нас, например, в пылу эмоций. Газета, однако, это не место для вздоров и бредней, а место для обнародования произведений особого искусства, называемого журналистикой и несовместного с чепухой, против чего лучшим средством является талант к журналистике, уберегающий автора от профессиональных грехов и ошибок. Но безгрешен лишь Христос и не ошибается тот, кто ничего не делает и вообще не живет. Во избежание, как говорят газетчики, ляпсусов и косяков, требуется высокоорганизованный механизм, именуемый редакцией и функционирующий в соответствии с профессиональными принципами журналистики, а первый в их числе, как уже напомнено выше, - принцип объективности, равнозначной правдивости. Недаром печатные издания воспринимают как самую лестную похвалу в свой адрес, когда читатель называет их правдивыми, но правду возвещает не тот, кто угождает читателю и попадает в унисон с образом мыслей читателя, не всегда высоким, правильным и праведным. Правду глаголет тот, кто знает правду и умеет облечь ее в слово, при этом ничего не переврав и не приврав от себя, по обыкновению заправских правдорубов, кинувшихся сломя голову резать правду-матку после отмены цензуры, повыплевывав кляпы и совсем потеряв страх, посеянный 58-й статьей и пожатый в словесном поносе 90-х. Всю правду знает только бог. Или кто-то еще? Хотелось бы взглянуть, пусть покажется, а впрочем, нагляделись на формалиновых богов. Раз всей правды человек знать не может, стало быть, он может знать лишь часть правды, о чем полезно вспомнить и тогда, когда ты, уж кажется, знаешь всю правду о своем предмете или о событии, чьим очевидцем стал. Повествуя о том, что увидел собственными глазами и услышал собственными ушами, репортер вроде бы говорит сущую правду, если только не лепит отсебятину, но словесный снимок события, даже сделанный с фото-

графической точностью, - это часть правды, а вся правда заключена в значении события, высвечивающемся в контексте множества взаимосвязанных событий, так что вне контекста смысл события останется за кадром или исказится, как в кривом зеркале. Дело репортера - вести хронику событий, изыскивая верный ракурс съемки, правильный способ подачи материала и именно тот угол зрения, под каким события видятся в истинном свете. Это целое искусство. Оно зовется журналистикой, вполне расцветает в свободной стране и в ней же является полноценной профессией как труд на благо общества: создание благ социальной значимости, в чье число входит информация.

Тезис 4. *Журналистика есть профессия как искусство и миссия как профессия.*
Антитезис. *Миссия невыполнима без жертв искусству.*
Сентенция 4. *Журналистику губит дисбаланс жертв искусства и аборта.*

Трюизм 4. Что делать в творческой профессии

Миссия журналистики выполняется как профессиональный ответ на два вопроса: о чем писать и как писать? На оба имеются ответы в теории журналистики, подкрепленные писчей практикой веков и континентов. Претворение теории в жизнь зависит от двух ресурсных основ печатного издания: кадровой и финансовой. Деньги вылетают в трубу и кадры заняты не тем, чем надо, если в редакционной политике превалируют какие угодно задачи и цели, кроме творческих, раз уж журналистика есть творческая профессия. Сбор, обработка и подача информации - это система производства творческой продукции, являющейся таковой как совокупность авторских текстов, отвечающих ряду профессиональных требований, а если не отвечающих, то место этим произведениям в урне, а не на страницах газет и журналов. В узком смысле слова, информацией, на профессиональном языке, называется новостной блок: лента новостей: хроника событий. Жанровый спектр журналистики пошире новостного формата, куда ее не впихнешь, как бы того ни хотелось новостийщикам с информационщиками, но в широком смысле слова, если угодно, можно считать информацией все, что мастерится на печатных полосах и в эфире. Жанры журналистики - это способы информирования читателя о том, что происходит вокруг: приемы и методы отражения окружающей действительности. Репортер - ходячее зеркало. Станет кривым и мутным зеркалом тот, кто наловчился лишь быстро строчить опись объектов, попавших в глазное яблоко на месте событий. Пишу, что вижу и что слышу, гласит фундаментальный принцип репортерства, но кто не отличает творчество от статистики, тот подслеповат и глуховат. Перо - это кисть. Даже колонка кратких новостей должна рождаться в редакции как изящное движение кисти по холсту и быть ожерельем маленьких творческих находок с безупречной литературной формой, снабженных остроумными заголовками, продуманными рубриками и другими элементами искусства подачи информации. Коль скоро профессия называется творческой, то что же в ней делать, кроме творчества? Нет, это уже слишком, воскликнете вы, хватит уже трюизмов, ближе к делу! Вот к нему-то самому мы и приблизились впритирку. Пренеприятнейшее происшествие, о коем мое сказание, связано с тем, что кое-где на местах дух творчества учуешь, только повернув нос против ветра, а большинство носов держатся по ветру, и ветер дует так, что и духу творчества грозит не оставить, выметая из редакций застрявших там по милости банальных представлений о профессии. Прямо беда. Нужна срочная реформа местной прессы, иначе полный ей каюк и стерилизация. Речь идет о Вологодской области. Надо полагать, тутошняя ситуация не является уникальной, отличаясь типическими чертами, которые можно экстраполировать на другие регионы.

Тезис 5. *Редакция есть творческая мастерская и епархия мастеров.*
Антитезис. *В любой епархии пиарщики водятся.*
Сентенция 5. *Каков поп, таков и агитпроп.*

Трюизм 5. Зачем разделение труда

С позволения, я лапидарно коснусь банальных азов газетного дела, общеизвестных где-нибудь в границах МКАДа, но речь-то не о столице нашей родины, там все не так и не такое, будь оно хорошее или плохое, а большинство граждан РФ, напомню, замкадыши, в чем я не вижу повода пичкать их дрянной печатной продукцией. Классическая газета - это весьма внушительное предприятие, мало похожее на нынешние провинциальные га-

зетенки со штатом перьев, пересчитываемых по пальцам одной руки и строчащих в темпе скаковых лошадей, стремглав покрывая печатную площадь и не беря в голову (недосуг), куда они и зачем несутся, закусив удила. Отбросим сервисные службы и скажем два слова о надлежащей организации творческого цеха. Он может включать в себя десятки отделов, каждый со своим редактором и авторским составом, штатным и внештатным. К основным относятся отделы экономики, политики, культуры, науки, образования, здравоохранения и так далее, соответственно пестроте сфер общественного устройства. Редакционные отделы - это специализированные мастерские и лаборатории в составе производственного цеха, занятые изготовлением тематической продукции. Разделение труда по тематике (специализация) - основа основ газетного дела. Знание темы - каноническое требование к текстам по теме, принимаемым к печати, а тему лучше знает тот, кто на ней специализируется. Творческая нива каждого отдела - это широкий, глубокий и пестрый тематический пласт, в который нужно годами вгрызаться, дабы с полным правом писать в газету по профильной тематике, например, медицинской. Необязательно иметь медицинское образование, чтобы освещать обстановку в здравоохранении, но обязательно, как говорят газетчики, быть в теме, то есть иметь не поверхностное и смутное, а ясное, доскональное, исследовательское понятие о специфической сфере, куда ты осмелился залезть, дабы зеркально, а не завирально, отразить ее устройство, проблематику и текучку. За редкими и случайными исключениями, профессиональное владение темой не встречается на страницах местной прессы. В ней на корню похерена творческая специализация. Отделы если где-то еще есть, то лишь на кабинетных табличках в порядке кажущейся видимости. В устройстве здешних карликовых редакций не предусмотрен упомянутый элемент журналистики, за вычетом коего она фатально деградирует в пустопорожнюю болтовню обо всем и ни о чем без смысла и понятия по темам, затрагиваемым походя, бессистемно, наскоком и на бегу как что-то, случайно попавшееся под ноги во время рысканий по другим делам, не связанным с профессией.

Тезис 6. *Газетное дело - индустриальное производство, а не кустарное и не артельное.*
Антитезис. *Индустрия начинается с артели.*
Сентенция 6. *Были б менестрели в писчей артели.*

Трюизм 6. Чему учит школа

Вместе с неискупленными грехами советская пресса оставила после себя школу журналистики благодаря тематической специализации, ставшей прибежищем творчества, отысканным пером, строчащим силою таланта совсем не так, как ему указывают надсмотрщики. Талант - это такая изворотливая штучка, которая, когда ее используют, изворачивается так, что сама использует своих эксплуататоров в творческих целях, а еще он, талант, имеет обыкновение фонтанировать произведениями искусства как раз тогда, когда его прессуют, чему образцовый пример являют сатирические жанры слова. Мертвые души и Ревизор - это свободное слово о том, о чем запрещено говорить, правда, не так строго, как при советской власти, но и при ней сатира изловчалась прошмыгнуть на сцену, на экран и на печатную страницу, как тот маг, загипнотизировавший стражей в застенке и в цитадели террора. Возможно, лучшее, что оставила советская пресса в наследство преемнице, - это фельетон, но наследие оказалось невостребованным, жанр фельетона умер как искусство без цензурной стимуляции и деградировал в чернушное зубоскальство. Провинциальная пресса, угодившая в новый хомут, нуждается в эзоповом языке, но новая поросль перьев не умеет на нем говорить и не хочет учиться, предпочитая приспособленчество бездарного пошиба. Во всех видах искусства его лучшим хранителем является школа искусства, создаваемая мастерами и представленная творческими традициями, запечатленными в образцах, на которые равняется очередная плеяда, принимающая эстафету, дабы создать нечто оригинальное, новаторствуя не на пустом месте. Достойна упоминания производственная тематика, распаханная газетчиками в общем русле советского искусства, состоявшегося как искусство вопреки идеологической дури, хотя и носившего ее крепкую печать. Огромная печатная площадь, отводившаяся под рабоче-крестьянскую тематику, а ныне сжавшаяся, как шагреневая кожа, до ничтожного процента, не могла не получить талантливого заполнения, потому что бездарь, держащая перо, как палец в носу, размазывая сопли по бумаге, всей армией тупых штыков тычет мимо творческих целей и неспособна выполнять творческие задачи, да еще такие масштабные, как отражение трудового подвига народа. Тут не отделаешься вестями с полей и цифирью о

надоях и тоннах на-гора по шпаргалке показушной отчетности. Надобно подойти к корове и спуститься в шахту, сварганить живенький репортажик с места дойки и из забоя, а здесь-то, на месте событий, и вступают в силу каноны искусства журналистики. Даже бездарный бумагомарака, посланный в деревню за репортажем, привезет, нет, не репортаж, это громко сказано для бумагомараки, но нечто вроде школьного сочинения, из чего искусный редактор слепит, по крайней мере, информашку, годную на подверстку. Газетчик с репортерской жилкой, посланный туда же, будет исподволь повиноваться не редакторским установкам на дорожку, а репортерскому чутью и поведет себя, как ищейка, дознаватель, следопыт и художник. Он сунет любопытный нос, куда можно и нельзя, каждый встречный станет источником информации, все объекты окажутся предметами изучения, все документы войдут в досье по теме, в шкуру каждого героя репортажа постарается влезть репортер, вжиться в образ, дабы получить право говорить от лица своих героев. В советскую эпоху редакционная политика была сильно сориентирована на деревенскую тематику, поэтому априори, не ходя в архив за подшивкой, можно ожидать, что по этой тематике сама собою выпестовалась школа журналистики как островок свободы творчества. Какова бы ни была старая школа, она была, причем повсеместно, а вот новая школа заметна лишь в столичных рассадниках журналистики, аж черная зависть берет, но не в провинции, во всяком случае не на Вологодчине, нет тут никакой школы, нива свободы слова поросла бурьяном. Школа - это не там, где дистрофические редакционные портфели наполняются с колес текстами с уровнем грамотности пятого класса старорежимной средней школы, а газетное дело подшито к делу, известному как public relations. Слыхали о таком? Это не то чтоб агитпроп, да дело-то хорошее, вот только какое-то пропащее на местах и провальное, как партия в Васюках, я чуть позже расскажу вам, как тут ходят пешкой гроссмейстеры и фигуры тырят, у меня все ходы записаны.

Тезис 7. *На месте исчезнувшей школы возникают Авгиевы конюшни.*
Антитезис. *Новая школа возникает на месте Авгиевых конюшен.*
Сентенция 7. *И по уши в дерьме есть место подвигу.*

Трюизм 7. Когда количество переходит в качество

Потребности малонаселенной провинции в информации по местной тематике удовлетворит одна полноценная газета с профильными приложениями и корпунктами в районах. Лучше одна добротная вещь, чем десять ее жалких подобий, неспособных в принципе выполнять ее функцию ни порознь, ни гуртом. Нет, если вы богаты, как мегаполис, создавайте десять высококлассных аналогов, но учтите, кадровый потенциал земли пропорционален численности туземцев. Для маленькой Вологды с трехсоттысячным населением, да и для всего региона с населением в миллион, хватило бы одной газеты, организованной, как надо, а не так, как ворох местной периодики, включая некоторые, на удивление, приличные (с учетом бедственных условий) журналы, чьим оптимальным статусом был бы статус приложений к региональной газете классического типа. Главный ресурс на газетном производстве - пишущий ресурс. В основном он скрыт в потенциале, отчасти влача удел невостребованных профессионалов, отчасти пропадая втуне, как зерно, загнившее в заброшенной почве, а отчасти распылен по мелкокалиберным редакциям. Чтобы количество перешло в качество, надо сосредоточить малочисленные профессиональные кадры в одной редакции, а при их распылении не жди другого эффекта, кроме противоположного, прождешь до второго пришествия. Все местные издания - карликовые в профессиональном отношении, независимо от тиражей и толщины. Каждое из них меньше всего озадачено миссией журналистики, потому что все они пыхтят на ладан, как паровозы под бомбежкой, сшибая угольку на паперти, лишь бы небо коптить, все они перемрут не сегодня завтра, ни у одного нет будущего в том виде, в каком они цепляются за свое убогое существование, суетливо изыскивая источники финансирования, которые сводятся в провинции к триаде: доходы от продажи тиража - доходы от рекламы - бюджетное финансирование по госзаказу на оказание информуслуг. О прочих вариантах не стоит и упоминать. Первая указанная статья доходов сейчас может прокормить только раскрученное желтое издание, специализирующееся на сплетнях из жизни попсы. Это довольно невинный вид желтой прессы, но это не журналистика, а разновидность бизнеса на печатном ширпотребе, как, например, бизнес на кроссвордах, пользующихся таким же спросом, как и сплетни. Классических желтых газет (не путать с классическими газетами) здесь нет, есть что-то в бледно-желтых тонах с легким дурным запашком, не шибко

бьющим в ноздри. В России исчерпан уж и серебряный век желтизны, не говоря о золотом, пришедшемся на 90-е, когда народ толпился у газетных киосков. Что касается рекламных доходов, в сегодняшнем раскладе они способны поддерживать штаны и юбки штата только узкопрофильных изданий. Для провинциальных газет широкого профиля, адресованных массовому читателю, самым лакомым ныне является третий из названных источников финансирования - бюджетный. Не скажу точно, сколько это на Вологодчине, но в последние годы оглашалась сумма не меньше полусотни миллионов рублей в год на все местные СМИ, включая телевидение. Если поделить поровну, это все равно что раздать нищим как милостыню производственный капитал, предназначенный не для проедания, а для инвестирования в развитие журналистики и в производство печатной продукции, разумеется, качественной. Поставлять качественную продукцию на региональный рынок периодики способна только полноценная региональная газета, которой нет, как будто и не надо, и создание которой равнозначно реформе местной прессы. Вот это и есть основная мысль сказания, а чтобы она приобрела надлежащую убедительность, я обрисую картину в характерных штрихах, эквивалентных аргументам, для чего я поведаю поучительную быль о двух вологодских еженедельниках и с тем приглашаю вас проследовать за мной в святая святых - в редакцию.

Тезис 8. *Редакция - это храм, а не торговая лавка.*
Антитезис. *Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.*
Сентенция 8. *Скорее найдутся изумруды у Келлера, чем вдохновенье на базаре.*

Панно I. ПИСЧАЯ АРТЕЛЬ

Фрагмент 1. Творческий вакуум

Мне довелось управлять редакцией Коммунальной газеты около четырех лет с октября-2007 и Местной газеты в течение трех лет (первый год больше номинально) от ее основания в декабре-2008 по декабрь-2011. Оба еженедельника придуманы и основаны другим человеком, известным в местной профессиональной среде и обладающим завидными способностями по части генерации проектов. Надо было проявить изрядную изобретательность, чтобы из ничего создать профильное издание, посвященное коммунальной проблематике и не имеющее аналогов в других регионах страны. Коммунальная газета зарегистрирована в феврале-2006. Прежде чем попасть в мои руки, она, благодаря способностям своего создателя, фактически совмещавшего роли директора, редактора и автора (что не диво в карликовых провинциальных изданиях), обрела финансовый базис, необходимый и достаточный для выхода в том формате, в каком уж уродилась. В творческом отношении она имела, скажем так, еще более бледный вид, чем другие вологодские газеты. Первой задачей было резко привести издание к общегородскому профессиональному уровню, что весьма трудоемко, но не так сложно, ввиду неблестящей высоты оного уровня, сложнее его заметно превзойти и стабильно удерживать творческое превосходство или паритет на длинной дистанции, при этом еще крепче удерживая читателя и располагая минимальными, просто смехотворными, силами и средствами для выполнения этой максимальной в данном раскладе задачи, о чем-то более серьезном там нечего было и думать. В штате принятой газеты я обнаружил (просьба не смеяться, ибо это грустно) ровным счетом два корреспондента, а увидев, чем они заняты, стало вдвойне грустно. Ну, что ж, в сутках 24 часа, выходных нет, есть пустая печатная площадь, и она должна быть заполнена так, чтобы потом не было мучительно стыдно, вспомнив, под чем стояло твое имя. В развитых изданиях нет вопроса, чем место забить. В недоразвитых провинциальных газетах, в силу нехватки перьев, такой вопрос является приводным ремнем в редакционном механизме, засим функционирующем за обыкновение в режиме аврала и сопутствующей нервотрепки, вредных в любом деле и особливо в творческом. С авралом следовало покончить сразу и на корню, вместе с тем решив проблему зияющих пустот в полномера в день верстки. Это реально, невзирая на кадровый дефицит и другие проблемы, а вот работа с колес - это рок карликовых изданий.

Тезис 9. *Газета не терпит пустоты.*
Антитезис. *Пустоту не заполнишь затычками.*
Сентенция 9. *Скажи спасибо, что не заткнут рот.*

Фрагмент 2. Идея газеты

К весне-2008 12-полосник стал 16-полосником, заполняемым авторскими материалами и рекламой, без телепрограммы. 16-полосный объем КГ сохраняла до удара, нанесенного кризисом по ее финансовой основе и поставившего газету перед перспективой закрытия. Это была рекламная основа, причем весьма специфическая, подведенная изобретательным директором под свое печатное изобретение. Под знаком реформы ЖКХ, задевающей за живое всех, и под ее фанфары, непременные в России, этот парень ухитрился протолкнуть в кулуарах городской власти (точнее, комитета ЖКХ) весьма ценную, я бы даже сказал, государственную, ибо вполне отвечающую социальной миссии прессы, идею информационной поддержки реформы посредством создания профильного издания, призванного популярно разъяснять происходящее народу, озлобленному на коммунальщиков и на государство, решившее уйти с рынка, отдав ЖКХ в частные руки. Если б Ленин явился сегодня, он кинулся бы раскачивать лодку, вцепившись в борт багром квартирного вопроса, и вывел бы на улицы насельников аварийных трущоб, обратив их фаталистическое смирение в мятежную ярость. В качестве контрмер государству ничего не оставалось бы и не остается, как предпринять реформу ЖКХ. Скажите-ка, по какую сторону баррикад должна быть пресса после всего того, что мы получили в двадцатом веке в результате русского бунта? Пресса должна, в том числе, вскрывать язвы и бичевать пороки общества, а в коммуналке болячка на болячке и солью присыпана, но я не думаю, что миссия прессы состоит в том, чтобы придавать коммунальщикам образ врагов народа и представлять антинародными деяниями жилищную политику государства и реформу ЖКХ, вместо того чтобы обеспечить государству информподдержку начинаний, долженствующих принять оптимальный вид и возыметь действенность за счет совместных усилий различных социальных институтов, включая СМИ. Поэтому, принимая КГ, я сказал ее основателю: идея Коммунальной газеты гениальна. А про себя подумал: идея-то дельная, да грош ей цена, коли бездарно осуществлена на деле. Мало ли загублено хороших идей и настрогано пустых деклараций.

Тезис 10. *Газета начинается с текста. Все - ничто, текст - все.*
Антитезис. *Газете предшествует идея и осмеченный проект.*
Сентенция 10. *Хана газете, если идея газеты - бизнес-план.*

Фрагмент 3. Рекламный хомут

Хитроумный создатель нового издания был не идальго, а директор и первым делом изобрел схему финансового обеспечения проекта, которая была бы разводом на деньги в стиле пиар-кампанейщины, кабы не социальный смысл предприятия, пускай больше декларативный на первых порах. США родились из Декларации независимости, а Вологодская коммунальная газета - из декларации своей необходимости горожанам и коммунальным предприятиям города, чьи шансы благополучно пережить реформу ЖКХ повышались при информационной поддержке, оказываемой профильным изданием. Поверил кто в это или нет, мне неведомо, но схема сработала. Городской комплекс ЖКХ находился тогда, по сути, в прямой административной зависимости от комитета ЖКХ, и достаточно было обращения его начальника к начальникам коммунальных предприятий, чтобы те поддержали "свою газету" материально, заключив с ней договора на рекламно-информационное обслуживание, в чем и фишка, простая, как все хитроумное, но во что это сначала вылилось на страницах газеты, ее создатель вспоминал со слезами на глазах от смеха. Читатель наслаждался чем-то, похожим на сборник докладных записок с перечислением проделанных работ построчно и прилаженных деталей поштучно, вплоть до последней завинченной гайки, ее диаметра и других параметров, кроме разве что резьбы, ведь массовой аудитории интересней знать, крепко ли держит гайка, а не в какую сторону она закручивается. Когда я принимал КГ и осведомлялся насчет специфики ее организации, мне показали пальцем на стену, где висела какая-то табличка. Это был фантастический документ, содержавший перечень постоянных рекламодателей КГ, десятка два-три, с указанием дат выхода рекламных статей и их объема, в полполосы или в полосу. Это ж надо было такое провернуть, подумал я, сам не умея добывать деньги на печатные издания. Зело дивясь директорской смекалке, я ощутил хомут на шее и браслеты на руках. Все годы своего редакторства в КГ, а потом и в МГ, я тщился сбросить кандалы и ослабить ярмо рекламной и прочей заказухи на перьях.

Тезис 11. *Реклама - это кормилица журналистики, пожирающая ее.*
Антитезис. *Реклама - это тоже искусство в умелых руках.*
Сентенция 11. *Чтоб не быть съеденной, журналистика должна приручить рекламу.*

Фрагмент 4. Как два корреспондента прокормили весь обоз

Отдельной графой в настенной табличке значились ответственные лица, делившиеся на производителей публикаций, обеспечивающих рентабельность предприятия, и на стригущих проценты с рекламных доходов, говоря прямым текстом, ибо все основные рекламодатели, говоря тем же текстом, были халявными для рекламных агентов, найденными не ими самими, а директором с помощью так называемого административного ресурса. Ума не приложу, с чего вдруг ему взбрело установить сей дикий порядок, раздав рекламодателей в кормление рекламщикам с царской щедростью, как волости боярам. Корреспонденты ишачили на барщине, строча рекламные статьи, поглощавшие все их рабочее время и оплачивавшиеся построчно, как и прочие материалы, по единой ставке гонорара, а не по процентной ставке, как в других редакциях города по заведенному общему порядку (обычно в размере 10 процентов от суммы договора). Основными рекламодателями КГ всегда были коммунальные предприятия, со временем проникшиеся пониманием необходимости КГ для них самих и для населения, а это понимание способствовало внедрению творческих элементов в технологию подготовки материалов, публиковавшихся на правах рекламы и сильно нуждавшихся в креативе, дабы не быть тупо отрабатываемой заказухой, отвратной для читателей и бесполезной для рекламодателей. Работа рекламных агентов сводилась к выставлению счетов по факту публикаций и отслеживанию расчетов, что в нормальной редакции входит в функции бухгалтерии, а тут рекламщики получали за это 15 процентов от сумм, проходивших по договорам, плюсом к окладу. Не заглядывая в бухгалтерскую ведомость, можно сказать по смете без боязни сильно ошибиться, что в среднем каждый из четверых рекламщиков греб не меньше 40 тысяч рублей в месяц, кто-то побольше, кто-то поменьше, тогда как два корреспондента КГ получали в роли рекламных рабов около 10 тысяч каждый за черную работу, трудно совместимую с творчеством. Самый высокооплачиваемый работник творческого цеха, главный редактор, имел оклад 20 тысяч. Подобная диспропорция порочна и абсурдна, учитывая специфику предприятия с соответственным делением работников на две категории, а именно, во-первых, на тех, кто относится к производственному цеху и занят изготовлением основной продукции предприятия (публикаций), во-вторых, на тех, кто относится к сервисным службам, выполняющим вспомогательные функции, в редакции это директорат, рекламный отдел, бухгалтерия, служба распространения и доставки. По справедливости, коль уж основной трудовой деятельностью на этом производстве является написание текстов, то и самую высокую зарплату в редакции должен получать тот, кто их пишет, - корреспондент, разумеется, если он хорошо справляется со своими обязанностями, а если плохо, то и поощрять не за что (повышенным гонораром), хоть бы с него три шкуры спустили эксплуататоры, пользуясь тем, что тот добровольно подписался на рабскую долю, мол, неча на кучера пенять, коли сам сунул рожу в хомут. Как-то один мой знакомец на вопрос, как жизнь, сообщил, что устроился рабочим в фирму, подвизающуюся на ниве деревообработки. В фирме есть директор, бухгалтер, менеджер по сбыту, компьютерщик и один рабочий у станка. Не на двоих, как в сказке, а на четверых генералов пашу за 15 тыщ, резюмировал рабочий. Посмеялись. Вот так и два голодных корреспондента, как ломовые лошади, тащили воз рекламной текстовухи с веселой толпой сытых обозников сверху. Директор писчей артели сам был ломовой лошадью и на своем хребте вытаскивал предприятие, но газета - это не лесопилка, эксплуатация авторов равносильна подавлению их творческих способностей, это просто нерационально и бесперспективно, газеты нет как таковой, есть одно название и уродливое подобие газеты там, где авторы заняты чем угодно, кроме журналистики. По этой же причине, несправедливость в распределении фонда зарплаты - это не самое скверное в газете. Куда хуже, когда скверна она сама. Плохая газета не имеет права на существование, и в этом случае без разницы, сколько кому перепадает от редакционных доходов.

Тезис 12. *Карликовая редакция - это езда на лошадях в космический век.*
Антитезис. *Кто везет, на том и едут.*
Сентенция 12. *Хочешь сдвинуть с места воз, впрягайся в общую упряжку.*

Фрагмент 5. Петля самоокупаемости

Главная проблема КГ состояла не в том, что корреспонденты получали мало денег, а в том, что самих их было мало и что мало был задействован их творческий потенциал, обреченный оставаться нераскрытым при отсутствии соответственных условий, а задача по их созданию сильно осложнялась производственной необходимостью гнать вал рекламных текстов ради обеспечения рентабельности издания. Газета попала в ловушку самоокупаемости и в удавку рекламного строчкогонства ради выживания. В 2008 году доходы от рекламы были, считай, единственным источником финансирования КГ, не приносившим прибыли, но позволявшим свести концы с концами, впрочем, не в ноль, а с некоторым минусом, судя по долгам, накопленным предприятием к концу года. Суммой по контракту с ЗСО можно пренебречь, это капля в смете КГ, а смета составляла что-то около 650 тысяч рублей в месяц и покрывалась, во-первых, доходами от постоянной рекламы в газете (по моим подсчетам, это 450-500 тыщ в месяц в среднем), во-вторых, доходами от рекламных проспектов, буклетов, календарей. Изготовление этой мишуры отнимало немало сил и времени у творческого коллектива редакции, слишком маленького, чтобы побочное производство не мешало развивать основное производство - газету. Учредителем и издателем КГ, а потом и МГ, выступал Вологодский издательский центр (ООО). В числе печатной продукции центра в 2008 году фигурировали еще и два глянцевых профильных журнала, прибыли не приносивших, по моим данным, но и убытка, кажется, тоже. Это Лесной журнал и Деловой клуб. Выходили раз в два месяца. Смета одного номера составляла что-то около 250-300 тысяч рублей и покрывалась опять-таки рекламой, добывавшейся рекламщиками тут уж больше трудовым образом, чем халявным, как в КГ. Эти два прицепа к локомотиву, каким была Коммунальная газета по отношению к прочим изданиям центра, тоже несколько тормозили ход локомотива в информационном пространстве, где успешная экспансия возможна только за счет творческого развития редакции, но главным образом оно сдерживалось рекламной кабалой пера. Для рентабельности требовалось, помнится, не менее пяти полос рекламы в каждом номере. Изначала почти весь объем рекламы составляла текстовуха, да плюс буклеты. Это кошмар, это убийственно для журналистики. Да столько и не вытащить двумя перьями, они закрывали не больше трех полос рекламы в среднем, им помогал пишущий директор (провинциальный феномен похлеще пишущего редактора) и еще кое-кто вне штата. Текстовой рекламой, газетной и буклетной, концы с концами не сводились, хоть удавись в этой петле. Я поменял рекламную политику, потребовав от рекламщиков круто увеличить объемы модульной рекламы, пришлось голубушкам маленько напрячься в приказном порядке, и гляди-ка ты, я не сразу поверил глазам своим, увидя, какие проворные ноги не только в строевом писчем цехе, но и в сибаритском рекламном отделе, было за что похвалить перед строем рекламщиков, героически пошустривших на благо родной газеты. Весной-2008 пропорция текстовой и модульной рекламы кардинально изменилась, к маю рекламными модулями заполнялось до пяти полос в номере, а в дальнейшем - около четырех как норма. Объемы рекламной текстовухи, будь она проклята, упали до полутора-двух полос в номере и ниже, что не замедлило положительно сказаться на качестве газеты, ибо высвобожденные силы были брошены в творческий прорыв, заключавшийся в распахивании непаханых тематических нив, таких, например, как регулярные репортажи из мест, непригодных для проживания, бишь, из аварийного жилья. Это одна из творческих фишек КГ, способствовавших завоеванию широкой аудитории посредством чистой журналистики.

Тезис 13. *Энергия творчества обратно пропорциональна энергии борьбы за выживание.*
Антитезис. *Жизнь - борьба и не только за выживание.*
Сентенция 13. *Есть много удавок, заставляющих вести репортаж с петлей на шее.*

Фрагмент 6. Тематический заказ

Строго говоря, реклама - это чистый рыночный заказ на информацию о товарах и услугах. На изготовлении этой информации специализируются всяческие рекламные фирмы, в том числе сугубо рекламные газеты. Это не есть журналистика, это есть рекламный бизнес, который на рынке периодики естественным образом должен входить в структуру печатных изданий, внося свою лепту в их финансовый базис, что в интересах и изданий, и рекламодателей, ибо продукция и первых (информация), и вторых (товары и услуги)

адресована одному и тому же получателю: народу. Реклама в газетах и журналах делится на изобразительную (модульную) и текстовую. Вторая вполне отвечает смыслу слова реклама, когда является не более, чем информацией о товарах и услугах. Выше термин текстовая реклама употреблен совсем в другом смысле и по отношению не к рекламе, в собственном смысле этого слова, а по отношению ко всем статьям, на газетном сленге гуртом презрительно именуемым текстовухой и заказухой как авторские тексты, изготавливаемые на заказ по договорам на рекламно-информационное обслуживание, заключаемым с заказчиком по требованию Закона о рекламе, если этот заказчик является коммерческим предприятием, а в статье освещается его деятельность, хотя это освещение может не иметь ничего общего с рекламированием товаров и услуг, будучи, например, репортажем о трудовых буднях предприятия или очерком о тружениках с Доски почета. Это есть журналистика, а не реклама (если это хороший репортаж и дельный очерк). Проблема в том, чтобы совместить журналистику с необходимостью угодить заказчику, статья должна ему понравиться, иначе он не заплатит. Эту проблему всю дорогу и решали основные авторы Коммунальной газеты и преуспели в этом получше всех в городе по тематике КГ, благодарю знанию темы (специализации), но, как ни крути, писание на заказ под значком рекламы, даже если автор в совершенстве овладел этим ремеслом при помощи творческих фишек, позволяющих не изменять профессии, угождая рекламодателю, находится в кое-каком изначальном противоречии со свободой творчества и всякий раз является поиском способа разрешить это противоречие. Видите ли, в чем штука. Когда некто заказывает Моцарту Реквием, заказ заведомо подразумевает свободу творчества и состоит в тематическом задании, выполняемом Моцартом, как он считает нужным. Тематический заказ как творчество на заданную тему не только имеет место в журналистике, но и является в ней общим местом как работа авторов по редакционным заданиям, но у текстов рекламного характера такая специфика (угодливая), что творческое "я" подвергается насилию, настраиваясь на песенный и песенно-басенный лад, и вполне естественно, что авторы с выраженной творческой индивидуальностью норовят увиливать от рекламной текстовухи как от презренной и черной работы, независимо от ее гонорарного измерения. Редактор должен обладать высокой чувствительностью к тонкой душевной организации подвластных ему индивидуумов и изыскивать оптимальную схему распределения ролей между авторами по редакционному плану, гармонирующую с их личностными особенностями, подчас невероятными. Рекламная заказуха - это далеко не самое большое насилие над авторами, тем более что всегда находятся те, кто с удовольствием подвизается на этом поприще при сходной цене, так что в иных редакциях даже возникает драчка за заказуху, а эта цена (двойной гонорар) в начале 2009 года была наконец установлена в КГ (и МГ) посредством кое-каких резких движений ради торжества справедливости и водворения надлежащего порядка в редакционном процессе, но вал рекламной текстовухи неминуемо портил газету, поглощая творческие резервы и, как ни извернись, являясь слабым местом в газете на предмет содержания, а там, в содержании, и без того было полно слабых мест, непочатый край для творческой модернизации, а тут - реклама, реклама, реклама, да чтоб она провалилась, чертова кормилица, пожирающая кадровый ресурс, как молох, и возразить нечего (директору), и потребовать не с кого, когда все заняты рекламой, а этих всех - раз-два, а третий - парламентский корреспондент, отрабатывавший другой заказ - на освещение деятельности ЗСО. Так недолго и чувство юмора потерять, и тогда списывай себя в утиль.

Тезис 14. *Не заказ превращает редакцию в торговую лавку, а его исполнение.*
Антитезис. *Самочувствие в петле самоокупаемости зависит от характера заказа.*
Сентенция 14. *От удушья может спасти капелька юмора на кончике пера.*

Фрагмент 7. Портфельная дыра

В конце 2007 - начале 2008 КГ была 12-полоской с череповецкой 4-полосной вкладкой, вставлявшейся в типографии вместо полос с вологодской тематикой: плохая идея, обеднявшая и без того слабенькое содержание газеты, но реализованная в русле здравой экспансии КГ в Череповце. Коммунальная газета была бесплатной в целях охвата максимальной аудитории и распространялась в местах скопления людей вроде крупных торговых центров. Тираж обычно не падал ниже 20 тысяч экземпляров, в лучшие времена (2008 год) составлял много больше и уходил со стоек за день, максимум два, увеличить тираж и шагнуть в районы мешала экономия. В Череповце распространялось около 10 тысяч экземп-

ляров. Череповецкую вкладку делал тамошний внештатный автор в единственном числе. Четыре полосы в неделю - это запредельный объем для одного пера, чтобы ожидать и требовать высокого качества текстов. К весне-2008 я настоял на упразднении иррациональных сменных полос вместе с превращением 12-полосника в 16-полосник. Череповецкий блок был ужат до трех и даже двух полос для пресечения фатального строчкогонства, вредящего качеству. Я принял газету со следующим раскладом в наполнении 12 полос (не считая череповецкой вкладки). Штатные корры закрывали вдвоем максимум три полосы, в основном кормящей рекламой, около полосы ухитрялся строчить директор, совмещая это со множеством других обязанностей, дизайн первой полноцветной страницы был не обременен текстом, последняя полноцветная страница кое-как заполнялась рекламными модулями с регулярными дырами разного калибра, около половины полосы занимали внутри газеты черно-белые рекламные модули. В остатке имеем в редакторском портфеле дыру размером около пяти с половиной полос в среднем - изрядный простор для редакторской фантазии, а также для пера, редактор-то взят как пишущий, что обычное дело в провинции и порочная практика. За счет этаких портфельных пустот, да и безотносительно к оным, редакторы кустарно-артельных газет имеют обыкновение пробавляться гонорарчиком, начисляя его самим себе плюсом к окладу и с этой неприкрытой целью строча что ни попадя, а то и тиская под псевдонимами надерганную из интернета инфу, в ущерб исполнению своих прямых обязанностей, надлежащее исполнение коих поглощает все рабочее время и без писанины, норовя поглотить еще столько же, по велению профессии. Пишущий редактор - это провинциальная аномалия и роскошь, позволительная только в высокоорганизованных редакциях, функционирующих, как компьютер, а не как упряжка лошадей, нарезающая круги в борьбе за выживание.

Тезис 15. *Журналистика сводится к нулю, сводясь к затыканию дыр.*
Антитезис. *Свободная газетная площадь - простор для творчества.*
Сентенция 15. *Чтоб не оказаться затычкой, держи выше голову.*

Фрагмент 8. Целина

В неделе 7 дней. Вторник - день верстки, вычитки и сдачи номера в печать. Остается шесть дней. Для ликвидации портфельной дыры их можно использовать так. В среду рано поутру ты отправляешься, например, на водоканал за живым репортажем и весь день путешествуешь с аварийкой, а вечерком, скажем, присутствуешь на совещании коммунальщиков в городской администрации или наведываешься по адресочку, указанному в жалобе, поступившей в редакцию от жильцов. Вечер не должен пропасть впустую, пятки жжет пустой портфель под материалы очередного номера, и если с темнотой наступило и бестемье, садись за эпос об аварийной бригаде. В четверг в первой половине дня ты, скажем, посещаешь городскую думу, где принимаются важные для городского хозяйства решения. Во второй половине дня отправляешься в тепловую инспекцию побеседовать с ее начальником и покрутиться с ним по адресам, дабы вникнуть, чем занимается эта коммунальная структура, а потом посвятить в это читателей. Две темы за день - это неплохо, вечером можно не напрягаться в поисках третьей, если сама не нарисуется, к примеру, в результате звонка из комитета ЖКХ. В пятничном плане, например, значится: интервью с начальником жилищной инспекции, визит к открытому колодцу, куда провалился горожанин с травматическими последствиями, сбор информации по этому факту, а вечерком - присутствие на общем собрании жильцов для расследования на месте по сигналу о конфликте интересов. За три дня можно нарыть и больше, но не всегда тема прет, хотя в этой профессии отлично срабатывает поговорка: на ловца и зверь бежит. В субботу и воскресенье, во-первых, отписываешься по темам, отчасти в номер, отчасти про запас, ибо не знаешь, выдастся ли грядущая неделька богатой на тему, а каждый номер должен быть содержательным, это дело профессиональной чести, и желателен гвоздь, остальное собьешь и выкрутишь на нем. Раз уж прочие штыки задействованы на других позициях и не отличаются высокой боеспособностью, сам окапывайся на главном плацдарме (творческом), чтобы потом подтянуть туда подкрепления, и поступай, как командир, который подходит к перекладине, показывает подъем переворотом и говорит солдатам: делай, как я.

Тезис 16. *Перо - плуг, газетная полоса - нива.*
Антитезис. *А кто пахать будет?*
Сентенция 16. *В газете понимаешь роль механизации в сельском хозяйстве.*

Фрагмент 9. Черная работа

В субботу и воскресенье, во-вторых, следовало отвести время на обработку материалов, уже сделанных в номер корреспондентами. Работа с авторскими текстами, будучи элементом работы с авторами, - это святая обязанность редактора и искусство. При дефиците профессиональных кадров это еще и черная работа, поглощающая рабочее время, как прорва. Не называйся редактором, если неспособен оценить авторский текст разом со всех точек зрения, подразумеваемых искусством редакторского дела и корректируемых с учетом производственной необходимости, как прицельные установки при беглом огне по площадям. Не называйся редактором, если не умеешь поправить слабый текст так, чтобы он стал сильным, органично вписавшись в номер. Не называйся редактором, если тебя тошнит от чужих текстов, с коими надлежит обращаться с любовью и с осторожностью хирурга, памятуя о принципе не навреди, чтя авторскую индивидуальность и держа в уме аргументацию для каждой поправки, вплоть до тире, замененного двоеточием или запятой. Не жалей ни времени, ни себя, формируя номер из того, что есть, и если не из чего, стань гончаром и вылепи таки пригодное в печать изделие из бесформенной глины, дорожи каждым авторским текстом, нет дрянных авторов и авторских текстов, есть дрянные редактора, будь незримым соавтором своих корреспондентов, радуйся их творческим находкам, печалься неудачам, приложи руку к их текстам так, чтобы они без поучений и лекций заметили свои промахи и почувствовали вкус печатного слова, сказанного ими самими. Подготовка текстов к печати - процедура трудоемкая, многогранная и филигранная, но когда накрывает лавина стенографического сырья, тут уж не до филиграни. В 2009-2011 годах Коммунальная газета размещала по контракту с мэрией Череповца до четырех полос инфы, поставлявшейся тамошней информ-структурой типа пресс-службы при муниципалитете. Не скажу, что эти ребята и девчата совсем лишены дара слова, то есть немые, ничего не умея, кроме как бегать наперегонки по траекториям передвижения представителей местной власти, но ноги у них лучше рук. Почти целого дня, который я мог позволить себе отвести на подготовку присланных текстов к верстке, хватало только-только, чтобы привести эти на диво особенные произведения к нормам русского языка и к заголовочному стилю КГ с рубрикатором. Смею уверить, целые годы еженедельно, как заведенный, я делал эту муторную, но священную, ибо редакторскую, и невидимую работу с великой любовью, дорожа каждым, самым, казалось бы, никчемным, но авторским, добытым ножками, пускай не ручками, а не воровато слитым из сети, текстом и относясь с трепетной нежностью к авторской индивидуальности, которой там, как правило, не было, так вот и надо было придать что-то этакое, например (верное средство), при помощи неожиданного заголовка и многозначительной рубрики к мелкокалиберной пустышке, и если под конец меня стало поташнивать от этого, то по другим причинам, изложенным ниже. Когда времени в обрез, а его на артельном конвейере не вдоволь, остается довольствоваться обработкой на скорую руку и приведением в божеский вид нередко такого безобразия, за какое, по всей строгости, надо бы руки отрывать и взашей гнать, да только вот перья в провинции на вес золота, и нередко тот, у кого по русскому языку двойка, - кадр более ценный как добытчик нужной информации, чем тот, кто обладает литературными способностями. Двоих корреспондентов, не хвативших с неба звезд, зато честно тянувших лямку, а потом расписавшихся, войдя во вкус творчества, и распахавших основную тематику КГ, я не променял бы на четверых местных мастеров, симулирующих от черной работы разного рода, чего в газете невпроворот. Журналистика - живопись, но Авгиевы конюшни с одними художниками не разгребешь. Нужны рабочие пчелы и лошадки, и первая редактор. Было бы, ради чего и на какой ниве порхать и пахать.

Тезис 17. *Чем больше в газете черной работы, тем меньше журналистики.*
Антитезис. *Черной работы мало не бывает.*
Сентенция 17. *Есть места, где квалификация дает почувствовать себя гастарбайтером.*

Фрагмент 10. Горе от квалификации

В субботу и воскресенье, в-третьих, требовалось сделать заготовки для закрытия малых прорех, а не худо иметь в запасе и пакет материалов для закрытия больших пустот размером с полосу. Это отличается от затыкания дыр и сильно. Пожарная папка для больших площадей была весьма трудоемка и содержала полезную информацию по профиль-

ной тематике КГ типа адаптированных для читателя нормативных документов и популяризации государственных программ из области жилищной политики и реформы ЖКХ. Что касается оперативных заставок на подверстку мелкого калибра, казалось бы, чего уж проще, да вот квалификация все усложняет. Провинциальные газеты заляпаны воровскими затычками, практикуемыми с отсутствием чувства профессионального стыда, зато с мастерским видом, дескать, чего париться, слил из сети первую попавшуюся инфу, как воду из уличной колонки, тяп-ляп, и готово. Любая обнародованная информация - это общее достояние, но журналистика заключается в изготовлении собственной информации, а не в использовании чужой, что позволительно только с веским основанием, например, если доступ к ней ограничен для читателей твоей газеты, меж тем как она важна и вписывается в номер по смыслу, скажем, в раскрытие затронутой темы на подверстке. В Коммунальную газету вполне вписалась бы постоянная подборка новостей федерального масштаба типа сообщений о новшествах в жилищном законодательстве и передовом опыте регионов, но я редко практиковал такую подборку, потому что органично она вписалась бы в состав новостного блока, профессионально сколоченного на местной тематической базе, а полноценная служба новостей была непозволительной роскошью для КГ, в чьем штате отродясь не бывало больше трех постоянных перьев, целесообразней было задействовать их на всю катушку для разработки фундаментальной тематики, придающей газете лицо и делающей ее весомой, содержательной, серьезной, компетентной. Контур номера вырисовывался в выходные дни и принимал окончательный вид в смакетированных для верстки полосах к концу понедельника, занятого отчасти работой в качестве автора, отчасти редакторской работой по формированию номера, завершавшейся у той черты, за какой стремится к нулю вероятность аврала в день верстки, обычно около десяти вечера. В режиме описанной рабочей недели долго не протянешь. Мне понадобилось четыре месяца, чтобы напрочь сбросить с плеч писанину и заниматься впредь исполнением редакторских обязанностей, наладив конвейер авторских текстов, сделанных теми, кто и должен их делать, - корреспондентами, коих стало трое в начале 2008, и эта троица обеспечивала содержательность КГ на длинной дистанции и на профессиональном уровне не ниже общегородского.

Тезис 18. *Собственная информация пропадает вместе с квалификацией, и наоборот.*
Антитезис. *Квалификацию на верстку не отдашь.*
Сентенция 18. *От квалификации горе, как от ума.*

Фрагмент 11. Добро пожаловать в машину

Газета - это конвейер: печатная машина, до боли напоминающая типографскую машину, штампующую тираж, вылетающий на лоток, мельтеша в глазах. Экземпляры сливаются в ленту, и в ленту сливаются во времени номера, как кинокадры, фрагменты, эпизоды, каждый из которых запечатлен во всех деталях только в голове режиссера-постановщика. Вот так и редактор держит в уме каждый номер газеты, как кусочек длинной пленки. Во вторник вечером, подписывая номер в печать, я созерцал типографский станок, выстреливающий тираж, как механический символ редакции и, наблюдая за действиями бригады типографских рабочих, ловил себя на мысли, что они свободнее меня, они стоят у станка, а я вмонтирован в машину, я часть механизма и чувствую это, аж косточки иной раз хрустят. Правда, редактор - это тот, кто собственноручно создает машину, чьей частью является. Какую машину ты сам создашь, та и сделает тебя одной из своих шестеренок, и лучше быть шестеренкой, чем шестеркой, соответственно машине, которую сотворил ты сам, и не кивай на плен обстоятельств, связывавших тебе руки. Если твоими руками снято дрянное кинцо, кто же тут первая дрянь? Тот, кто отвечает за все в газете и называется редактором. Не называйся редактором, не разумея, что машина, которую создаешь ты сам, - это тоже шестеренка и машина в машине общества, долженствующая хорошо фурычить на благо общества, а не во вред и не вхолостую, лишь бы свести концы с концами и прокормить редакционный штат. Журналистика - это не способ прокормиться, а профессиональная миссия, вот так же, как, к примеру, медицина. Врач исполняет клятву Гиппократа не потому, что ему за это платят, а потому, что он врач, то есть тот, кто владеет искусством врачевания и дает торжественное обещание (профессиональный обет: клятву) надлежаще исполнять профессиональный долг, применяя на практике искусство врачевания как дипломированный специалист и мастер своего дела. Его заработок не есть причина для соблюдения присяги на верность призванию, а есть

одно из условий, необходимых для того, чтобы призванный к врачеванию, не ломая голову над тем, где бы раздобыть деньжишек детишкам на молочишко, мог посвятить себя профессиональной миссии. И заметьте, к операционному столу не подпустят субъекта, который не является специалистом, выученным в мединституте и закрепившим знания на практике. А вот в прессе какие только неучи и охламоны не подвизаются, строча в газету все что угодно по сходной цене. Вы можете представить, чтобы больница набирала хирургов с улицы, а те охотно хватали бы скальпель и бежали оперировать, потому что им за это обещали заплатить? А в провинциальных газетах таков обычный порядок вещей, перо горазд схватить любой праздношатающийся, и быстро освоив какой-нибудь пиар, не требующий ни таланта, ни мозгов, через полгода он будет тебя учить искусству газетного дела, а там, глядишь, и главным редактором будет, и выше бери - пиарщиком, хоть впрочем, типичный пиарщик пера в руках не держал за ненадобностью. Представьте себе хирурга, никогда не бравшего в руки скальпель за ненадобностью и рассказывающего хирургам, как надо оперировать. В провинциальной прессе такой номер проходит из-за отсутствия школы и машины, кующей профессиональные кадры. Такой машиной является классическая газета, которой здесь нет. На местном рынке СМИ тарахтят, как картинги, примитивные механизмы, и если тебе дали в руки одну из этих тарахтелок, скажи спасибо и на том и займись ее усовершенствованием, уж насколько позволяет проектная конструкция.

Тезис 19. *В журналистике не хватает клятвы Гиппократа.*
Антитезис. *Профессиональную этику никто не отменял.*
Сентенция 19. *Беспринципность - конструктивный принцип примитивных газет.*

Фрагмент 12. Перьевые розги

Вы уже догадались, что унтер-офицерская вдова в сказании - это местная пресса в едином образе и целокупной аллегории. Она имеет такой же сиротский и пришибленный вид, и некому за нее заступиться, а самой ей постоять за себя не с руки, зато с руки высечь саму себя в прямом значении иносказания, да еще и с огоньком в манере совка голимого. Если вы спросите, а каков был унтер-офицер и каким макаром преставился, я отвечу, что об том унтере и макаре предание и в старозаветном исходнике умалчивает, как будто это не суть важно, не имея касательства к делу, хоть бы того унтера и вовсе не было, словно речь идет о некой урожденной вдове, овдовевшей еще до своего появления на свет, то бишь уродившейся путем порочного, так сказать, зачатия. Если возможно непорочное зачатие, то возможно и обратное явление. В России все может быть, мало ли у нас несусветных чудес, каких боле нигде не бывает, только у нас. Признаться, меня тоже любопытство берет, а был ли унтер. Почему об нем ни-ни предание? Не подвох ли тут и многосмысленная загадка с сентенцией? Всякой вдове все ж полагается не урождаться, а становиться вдовой. Ежели без мистики и фантастики, то унтер был, как пить дать, был, да сплыл. Да может, он никуда и не делся, а просто бросил унтершу, сказав ей, мол, считай, что я умер, а она так и подумала, в чем, кстати, ничего удивительного нет. Спросите любую разведенную, а где бывший, ответят через одну: он умер для меня. Вот и гадай, почему об унтере молчит предание. Хотите знать, какая мысль меня однажды посетила насчет таинственной фигуры? Но это всего-навсего версия, пожалуйста, не растреплите, будто бы я утверждаю. Как-то раз мне почудилось, что унтер-офицер - это губернатор, только он об этом и не догадывается, потому как такая аллегория не входит в его должностные полномочия, назначен-то он или выбран не унтером, а губернатором. Вот и молчит предание. В конце концов, оно не об унтере, а об унтер-офицерской вдове, так что лучше на кофейной гуще не гадать, держась первоисточника и казуистического факта, приключившегося на новый лад в староклассической манере. Вдова сама себя высекла, вот в чем заключается пренеприятнейшее происшествие. Унтер тут не при делах, будь он губернатор и хоть кто, а хоть кто - это, как вы понимаете, пиарщики. А хорошо ли вы понимаете, почему я выгораживаю загадочную фигуру, на чей счет неспроста молчок в предании. Дело в том, что демократия, даже наша, устроена так, что если кто-то сверху вздумает вас высечь, хоть в переносном, хоть, тем более, в прямом смысле, вы имеете законную возможность не даться и громко возмутиться, так что вельможный наглец, скорей всего, отстанет, вспомнив, что кнут еще при царях запрещен. Ежели, однако, вам приспичит посечь самого себя, вам не только не запретят, но еще и розги, по старорежимной привычке, в руки всучат, а они имеют вид перьев на писчем поприще, издревле применяемых для порки жертв двоя-

кого типа: тех, что назначены начальством как козлы отпущения, и тех, что выбраны самим автором для экзекуции, различаясь, кроме того, как нашкодившие и невинные, одним поделом, а другие без вины страдают от напраслины с пера чернушников, зубоскалов и скалозубов. На поверхностный взгляд, перьевые розги прохаживаются исключительно по чужим спинам и лицам, но они так хитро устроены, что стоит сфальшивить экзекутору, покривить душой, приврать, сбрендить, понести чушь собачью, и он попадет себе по роже, чувствительно или нечувствительно в зависимости от степени стыдливости рожи и профессиональной пригодности ее обладателя. И вообще всякая пачкотня газетной бумаги, не имеющая ничего, кроме типографской краски, общего с журналистикой, отражается на лице бумагомараки постыдным образом, чует он то или хоть бы хны. Думаю, я исчерпывающе пояснил аллегорию вдовы и название сказания, но если кто не очень понял, как это она таки сама себя высекла, я напомню, что высечь, унизить и опозорить - это одно и то же, в том числе в отношении себя самого. Засим эквивалентен порке всякий людской позор, включая профессиональный и в составе оного тот, какого мы, опозорясь, не сознаем, пребывая в некой инфантильности, либо потеряв стыд и приобретя бесстыжую рожу, либо в силу низменной квалификации и другого рода профнепригодности и так далее. Если вас никто не позорил, а вы сами опозорились, облажались и обделались, это значит, что вы сами себя высекли.

Тезис 20. *Упадок газетного дела - это профессиональный позор.*
Антитезис. *Газетное дело - индустрия, невозможная без инвестиций.*
Сентенция 20. *Нищие сраму не имут.*

Панно II. ИСХОД

Фрагмент 1. Выживание путем размножения

Проектная конструкция позволяла за полгода создать 16-полосный еженедельник, наполовину полноцветный, популярный в аудитории старшего возраста, с тиражом 26 тысяч экземпляров и в основном с профильной тематикой, соответственной названию КГ. В номере оставалось в среднем до шести свободных полос, это немало для творческих дерзаний, мало было перьев, так что дерзания сопровождались терзаниями. На каждого из трех штатных корреспондентов приходилось больше двух с половиной полос в номере, учитывая текстовую рекламу, да плюс буклетная продукция. Это неслабая нагрузка, существенно поднявшая авторские заработки, в среднем до пятнадцатки, и способствовавшая творческому росту авторов в сочетании с предоставленной возможностью заниматься чистой журналистикой на целых шести полосах, но чем выше нагрузка, измеряемая объемом писанины в единицу времени, тем меньше шансов проделать творческий виток в развитии газеты, дай бог удержать качественный уровень, приемлемый в данном месте в данное время и возможный при имеющихся силах и средствах без приложения сверхусилий, щадя личный состав, а не щадит его плохой командир. Удержание профессиональной планки, не шибко высокой, но и не низкой здесь и сейчас, стало, собственно, основной заботой на всей дистанции моего редакторства в КГ, а потом и в МГ, за исключением второй половины 2009 года, особой в истории КГ, и не считая мер, потребовавшихся для модернизации редакционной машины с появлением второй газеты, а появилась она так. В конце 2008 года кризис столкнул Коммунальную газету в долговую яму размером больше миллиона рублей в виде долгов перед типографией и по зарплате. Доходы от рекламы упали где-то наполовину. Модульная реклама устремилась к нулю. В первой половине 2009 года отчаянные и небезуспешные попытки вернуть рекламодателей выражались в клепании текстовухи основными перьями КГ до трех и больше полос в номер. Это походило на агонию, трезво оценивая ситуацию и находясь в трюме с матросами, заделывающими пробоину, в то время как на капитанском мостике учинилась суетня и неразбериха вдобавок к вечной толкотне лезущих к штурвалу слева, с гор и из обоза. За что я люблю тех, кто способен конструировать издания, пускай даже никому ненужные, так это за их изобретательность как деловую разновидность творчества. Когда корабль просел, хитроумный основатель КГ, получше всех понимая, что стряслось, выкинул еще один проектный фортель. Он исхитрился придумать буксир для тонущего корабля, использовав кое-какое лобби в областном правительстве и протолкнув в кулуарах тараном идею новой газеты, названной им же Местной газетой, соответственно ее адресации к аудитории на местах с охватом всех районов региона и двух главных городов - Вологды и Череповца. Первый

номер МГ вышел в декабре-2008, а финансирование под нее из казны было обещано на вторую половину 2009-го. Перед редакцией стояла задача в предстоящие полгода не сползти глубже в долговую яму, а к концу года выкарабкаться из нее, при этом сохранив раскрученную КГ и раскрутив новоявленную МГ. Основатель обеих газет покинул директорский пост, нашелся новый директор, старый отправился на госслужбу в чине помощника начальника департамента и обещал осуществлять оттуда дружественный патронаж родных газет, но там какая-то, шут ее знает, откуда вылезшая, пиарщица оттерла парня, вознамерившись устроить в редакции кукольный театр, по некоему праву типа наглости варваров, да не тут-то было, нарвалась кошечка на ежа вместо воробушка. Это анекдотический эпизод, но не столько потешный, сколько историчный как выпуклый штрих к портрету унтер-офицерской вдовы.

Тезис 21. *Карликовые издания размножаются за счет примитивности конструкции.*
Антитезис. *Великаны тоже бывают примитивными, господствуя в стиле динозавров.*
Сентенция 21. *Всех переживет, кто не знает разницы между жизнью и выживанием.*

Фрагмент 2. Игра в куклы

Массовики-затейники, устраивающие пиар-шоу на местах (в провинции), ставшее уже феерией, входя в постоянный репертуар театра марионеток, делятся на аборигенов и бродячих артистов. Первые кучкуются в стиле старорежимного худсовета, мудро подсказывая, а то и выдумывая, репертуар, сценаристику и режиссуру, вторые наезжают, можно было бы сказать, на манер старинных скоморохов смешить народ и верховодить местной пиар-компанией и пиар-кампанией, но это было бы смешно, если бы не было так бездарно и вредно для государства. Некоторые гастролеры задерживаются надолго, засев в таинственных пиар-штабах, а есть и такие залетные, которые гнездятся в местных структурах власти в непонятных чинах, пробавляясь персональным пиар-затейничеством типа имиджмейкерства вроде парикмахерства и черт их знает чем еще, даже, кажется, советничеством, не удивляйтесь, вы в России, на родине Чичикова и Хлестакова. Одна гастролерша, угнездившаяся в туземном правительстве (областном), вздумала, знать не знаю, с чего, такое впечатление, что от скуки и безделья, развлечься игрушкой в виде областной газеты широкого профиля с тиражом 35 тысяч экземпляров. Вы держали в руках подобную вещицу? Уверяю вас, это не детский конструктор, развивающий моторику младенцев, и не аксессуар из дамской сумочки, но для пиарщицы, с какой-то радости взявшейся выступить кулуарной кураторшей печатного издания, оно было чем-то в указанном роде. Прелестное дитя, ей-богу, только вся прелесть в обескураживающем и обезоруживающем невежестве с фырканьем, на что и сказать-то нечего. Посудите сами. Приходит в редакцию некая особа с высокопоставленным видом и, принявшись исполнять роль самозванного куратора навроде цензора, спотыкается мозгой на первой же фразе в газетной статье, запнувшись извилиной за незнакомое слово, и с вельможным недоумением вопрошает редактора, пуча глазки: что такое година, какая година, что еще за година, есть такое слово, что ли? Ладно бы гадина, а то година, напишут же писарчуки, щелкоперы, за ними глаз да глаз, а то строчат, что хотят, цензуры на них нет и редактора хорошего, не такого, как этот, весь из себя, что и есть, прислуга оборзевшая, нужен такой редактор, чтоб на лету схватывал, чего ему говорят, ну, на цыпочках не надо, не совок уже, но чтоб знал свое место и понимал, что он никто и звать никак, наемный поденщик и исполнитель проплаченного заказа, кормящийся с руки, а этот, чего доброго, палец откусит, ишь напрягся, не по нутру хозяйская милость, и чего его тут держат, нет других редакторов, что ли, да лучше уж никакого, чем такой проблемный, да и зачем вообще редактор в газете, чем он, собственно, занимается, писарчуки нужны, это понятно, кто-то должен строчить заказуху, а редактор на кой ляд? Читать мысли пиарщиков мало удовольствия, но благовоспитанно и сочувственно крепясь, чтоб не прыснуть и не уязвить неделикатным смешком фантастическое создание, от коего зависела участь издания, редактор вежливо раскрыл словарное значение слова година, а вы бы что сделали на его месте? По чести, следовало бы с порога попросить удалиться вон это чудо природы без церемоний, диктуемых правилами хорошего тона, и невзирая на половую принадлежность, но судьба газеты превыше гнева и скорби, щемящих сердце, когда всякий спустившийся с гор каблук норовит втоптать в грязь ростки печатного слова, пробивающиеся вопреки гнетущей атмосфере. В прессингующей обстановке редактор должен стать стеной, за которой творческий коллектив редакции может чувствовать себя комфортно, как в убежище и закрытой оранже-

рее, занимаясь цветочным делом (творчеством), но вместе с тем, смотря по тактической и стратегической необходимости, редактор должен уметь идти на компромиссы, хорошо чувствуя, однако, грань, по ту сторону коей компромисс равносилен сделке с дьяволом. Ради родной газеты я готов иметь дело хоть с чертом, сказал я господину, нарисовавшемуся вскоре в пару госпоже положения, но тот, видно, белены объелся, и ему приблазнилось, будто бы я собрался стать куклой на веревочках.

Тезис 22. *Public relations - тонкое дело не для невежд.*
Антитезис. *Чем тоньше дело, тем шире лаз для демагогов и пролаз.*
Сентенция 22. *Две русские беды, дураки и дороги, измеряются шириной дороги дураков наверх.*

Фрагмент 3. Новые Васюки

Пиарщице очень хотелось собственноручно поиграть в управление массовым сознанием посредством подвернувшейся газеты, но игрунья была полной простофилей, не ведая, как играют в эту игру, и сделала звонок другу, поднаторевшему на поприще промывки мозгов чужими руками. Кажется, в феврале или марте-2009 коллективу редакции был представлен экзотический фрукт, гроссмейстер ньюсмейкерства, инженер электорального сознания, специально выписанный аж из первопрестольной, уж не знаю, за чей и жирный ли харч и на каких вообще основаниях. Гастролер, шабашивший в разных регионах, а в тот момент в Москве, подписался, как он выразился, помочь в организационных вопросах и в создании новой газеты, уже регулярно выпускавшейся на творческой базе КГ, усиленной несколькими перьями для МГ. Пиарщик был наездами по выходным, в общей сложности около десятка раз в течение весны. Я сказал упавшему с горы помощнику: хочешь помочь, окей, завтра же я готов представить смету с обоснованием расходных статей, найди деньги под смету, укомплектуем штат и сделаем шикарную газету. Гроссмейстер юмора не понял. А первым делом я спросил бродячего артиста, писал ли он когда-либо статьи в газету или журнал, нельзя ли взглянуть и знает ли редакторское дело. Что за вопрос! Не по адресу. Это, если хотите, парадокс, но больше похоже на абсурд и подкоп под государство. Вопрос-то в яблочко, редактор спрашивает о профессиональных навыках всякого, кто хочет поучаствовать в редакционном процессе. Профессионалы в этом, как и в любом другом, деле с полуслова находят общий язык и не учат друг дружку, а учатся друг у дружки, перенимая опыт, но то-то и оно, что это профессия не пиарщиков, они в ней круглые нули, они не в ней, а над ней и около нее, по случаю государственной потребности в public relations, информподдержке и рабочем посредничестве между властью и прессой для наилучшего выполнения той и другой своих миссий. Партнерский контакт государства с прессой должны налаживать способные к этому менеджеры, хорошо бы выходцы из писчего цеха, начинавшие корреспондентами и выросшие в редакторов, потому что осмысленный вход в сферу периодической печати лежит через твердую мозоль на плече, натертую корреспондентской лямкой и редакторской. Ни о каких таких лямках и мозолях гроссмейстер не ведал ни слухом, ни духом, но любезно согласился давать выездные уроки газетчикам, состоявшие, во-первых, в бреднях, отчасти очковтирательских, составляющих ремесло агитпропа, отчасти детских, ввиду незнания газетного ремесла, а с тем и неспособности оценить катастрофическую ситуацию, в какой карликовая редакция силилась производить качественный продукт на грани выживания, а тут еще помощничек. Пришлось, в конце концов, обойтись с бродячим гроссмейстером неласково, прежде по-людски попросив: хочешь помочь - не мешай, вали в другие Васюки. Во-вторых, кукловод, решивший просветить васюкинцев в том, в чем сам ни бельмеса, давал домашние задания, прямо как школьный учитель, только без диплома. Это не передать, это надо пережить, это не двенадцать стульев, а двенадцать в квадрате, и каждый с брильянтами. Пора бы пиарщикам расширить сферу влияния и взяться, например, за хирургов, поучив уж и тех, как держать в руках скальпель, а то ведь режут и не знают, как режут, зачем режут, кого режут. В-третьих, пиарщик, если изыскивал время, просматривал сверстанные полосы МГ, отосланные по электронке, и сообщал по телефону ценнейшие соображения по поводу целесообразной перестановки местами или переделки некоторых фраз, отчего номер, не сказать, что преображался, для чего надо переставить и переделать сотни фраз или написать другие статьи, но иногда, уж поверьте на слово, если невдомек, о чем я, одна-единственная поправка может существенно улучшить бледненький номер, например, если бездарный заголовок на первой полосе заменить на блестящий, только вот столь тонкий

элемент газетного дела, как заголовочный стиль, не каждому и мастеру-то по плечу, а с пиарщиков что возьмешь, откуда им знать, что откуда берется и какую роль играет в газете, но гляди-ка ты, шуруют пешкой е-два - е-четыре на всех досках нахрапом, других ходов не зная, но и в затылке не почесав. И думаете, быть им битыми? Уйдут меж струями, когда гром грянет и мужик перекрестится, играют-то чужими руками, вот ведь в чем фортель.

Тезис 23. *Для обратной связи с народом государству нужна прямая связь с прессой.*
Антитезис. *А пресс-службы на что?*
Сентенция 23. *Если гора не идет к Магомету, Магомет обходится без пиарщиков.*

Фрагмент 4. Игра в бисер

Домашние задания были таковы: составить для каждого еженедельника концепцию и тематический план по жесткому макету. Бродячий гроссмейстер, видно, понахватался в странствиях вершков и имел отдаленное представление о жестком макете, а как макет реализуется на практике, пиарщику знать ни к чему. В условиях чудовищного дефицита перьев и при работе с колес на износ можно только мечтать о работе по жесткому макету, как о земле обетованной и исходе из египетского рабства, но это известно лишь живым частям редакционной машины, имеющей ветхозаветную конструкцию. Слава богу, в редакции нашлось кому разводить детский сад в новой газете в компании с пиарщиком и пиарщицей, и я с изрядным облегчением сбросил бремя ответственности за издание, еще ничего собой не представлявшее, не имея ни лица, ни системной творческой основы, но отдать на поругание Коммунальную газету было бы плевком в душу себе и тем, с кем бурлачил в одной упряжке. Гастролеры получили кукиш в кармане и в нос вместо второй игрушки. На представленную концепцию КГ гроссмейстер смотрел, как кучерявый на новые ворота. Это была фига в нос: накося выкуси. В разделе о задачах и целях издания я не отказал себе в удовольствии попотчевать беса, шастающего по храмовой территории, крестным знамением в виде святых принципов журналистики, сведенных в пятерицу: объективность - правдивость - этичность - компетентность - полезность. Я б не поленился детально их развернуть и популярно объяснить, почему их так трудно осуществить на практике, но метать бисер имеет смысл ровно такими горстями, какие помогают держать пиарщиков подальше от алтарей во избежание превращения оных в отхожие места. Вы думаете, только кривую ухмылку вызовет у пиарщика определение основной цели газеты как профессиональной деятельности во благо народа и раскрытие определения по пунктам в профессиональных терминах? Это вызовет еще и некоторое замешательство, как бывает, когда тебя застали врасплох и когда ситуация выходит из-под контроля. Пока гроссмейстер, решивший сделать из тебя и твоей редакции куклу, сивку и шлюху, раскидывает мозгами, как это лучше обтяпать и как вообще с тобой быть, ты выигрываешь время для маневра, а если особо не поманеврируешь, просто тяни время, стараясь не делать резких движений и делая в паузе то, что считаешь нужным и должным, а не то, что тебе велит всякая бестолочь, норовящая привязать веревочки к твоим рукам и защелкнуть на них браслеты. Если у тебя хватит терпения раз за разом увертываться от цепей, терпения не хватит у тех, кто хочет заковать тебя в кандалы, плюнут и сгинут, но не факт, могут впиться такие пиявки, что не отвалят, пока всю кровь не высосут.

Тезис 24. *Пиар-кампанейщина - медвежья услуга государству.*
Антитезис. *Каковы слуги, таковы и услуги.*
Сентенция 24. *Подняться о-го-го, не умея ничего, уметь надо.*

Фрагмент 5. Защита от дурака

Центральное место в набросанной концепции КГ занимала тематика с делением на узкую и широкую. Процитируем документ как пример защиты газеты от дурака: "Тематика узкого профиля задана проблематикой ЖКХ и делится на основные разделы, соответственно структуре ЖКХ и его проблемам прежде всего в трех измерениях: законодательном, жилищном, производственном. **1). Правовой тематический раздел.** Круг тем по разделу задан основными законодательными документами, регулирующими это хозяйство: Жилищный кодекс, Закон о приватизации, постановление правительства РФ о правилах предоставления коммунальных услуг и т.д. Основной темой в рамках раздела

является реформа ЖКХ, разъясняемая на страницах газеты. Надо заметить, что, например, вопросы управления жилфондом, постоянно поднимаемые в газете, относятся сразу к трем тематическим разделам. То же касается многих публикаций. В чистом виде правовая тематика представлена в КГ, например, под рубрикой "Квартирный вопрос" с постоянным заголовком "Жилищная правда" и с подзаголовком "Заметки с юридической консультации". При КГ функционирует бесплатная юридическая консультация для народа по вопросом жилищного и земельного законодательства. Вопросы и ответы, прозвучавшие на приеме, регулярно публикуются, и тем самым выполняется просветительская миссия газеты в правовом аспекте, как и под рубриками "Правовое просвещение", "Прокурорский надзор", "Правовая база ЖКХ" и другими. Но вообще просветительскую миссию КГ выполняет во всех публикациях, касающихся реформы ЖКХ, управления жилфондом и общей организации городского ЖКХ. К этому разделу относится также освещение деятельности представительных органов: городской думы под рубрикой "Жилое и дума" и ЗСО под рубрикой "Областной парламент". **2). Жилищный тематический раздел.** Тематика по разделу имеет ядром спектр проблем жилищного фонда. Основные подразделы: вопросы управления жилфондом; капитальный ремонт жилфонда и ликвидация аварийного жилья; рынок недвижимости; коммунальные тарифы и субсидии; жилищная политика и жилищные программы. Типовые рубрики: "Управление жилфондом", "Кто в доме хозяин", "Дайте дому шанс", "Квиток", "Расплата по счетам", "Аварийный жилфонд", "185-й закон", "Хождение в народ" и проч. Поскольку фундаментальной целью коммунального хозяйства является обеспечение конституционного права на жилище и нормальных жилищных условий, постольку к этому разделу относится освещение вопросов управления всей системой ЖКХ на уровне горадминистрации и областного правительства. **3). Производственный тематический раздел.** Подразделы: ресурсоснабжение города; содержание жилфонда; благоустройство; строительство. Тематика первого подраздела посвящена жизненно важным вопросам обеспечения города основными коммунальными благами: водой, теплом, электричеством, газом. Соответственные рубрики: "Как пить дать", "Погода в доме", "Сектор газа", "Да будет свет". Под этими и смежными рубриками газета показывает, как устроен механизм коммунального хозяйства, чему также посвящена общая рубрика "Анатомия коммунального хозяйства", отведенная под аналитические материалы, рассказывающие об основах ЖКХ, и под проблемные материалы, касающиеся функционирования систем водоснабжения, теплоснабжения, энергоснабжения, газоснабжения. К подразделу содержание жилфонда относятся материалы на тему непосредственного обслуживания жилфонда, чем занимаются подрядные коммунальные предприятия и управляющие компании, частные и муниципальные. Подраздел благоустройство охватывает обширную тему ремонта городских улиц и дворов, а также тему уборки и утилизации мусора. Подраздел строительство посвящен проблемам градостроительства, генплана, архитектуры, комплексной застройки, коммунальной инфраструктуры, муниципальной недвижимости, отведения земли под застройку и т.д. Тематика узкого профиля, как видим, не так уж узка и составляет тематическое ядро КГ как профильной газеты, а по объему занимает больше половины печатной площади. По-видимому, было бы целесообразно установить 50-процентный барьер для тематики, определяемой как узкая, а другую половину отдать под тематику широкого профиля с акцентом на социальной и бытовой стороне поднимаемых проблем по сленговой формуле: коммуналка и социалка - две сестры. Такие социальные объекты, как больницы, школы, детсады, детдома, - это одновременно коммунальные объекты, чья проблематика (к примеру, износ и ремонт конструкций) носит социальный характер и затрагивает интересы широких слоев городского населения, с одной стороны, а с другой стороны, интересы маленького человека и отдельных групп, находящихся в стесненных условиях. Более показательный пример: насельники аварийного жилфонда (около 6 тысяч человек в 300-тысячном городе) ютятся в условиях, непригодных для проживания, сам факт наличия аварийного жилфонда в 21-м веке представляет собой острую социальную проблему, тождественную коммунальной проблеме. Вообще всегда, когда мы затрагиваем острые коммунальные темы, они сами собой приобретают социальное звучание как болевые точки. Вопрос: как об этом писать, не впадая в желтизну и чернуху? Это вопрос профессиональной технологии. Укажем еще на такие элементы широкой тематики КГ, как быт, общежитие людей, соседские отношения. В этой связи показательна резонансная серия публикаций под рубрикой "Коммунальный сериал" и под постоянным заголовком "Записки управдома". Публикации такого рода повышают читабельность газеты и способствуют завоеванию читательской любви наравне с живыми репортажами из гущи народной, с места народного нетерпения и с

фронтов коммунальных работ. **Жанровые приоритеты:** КГ завоевала широкую аудиторию и вошла в обойму лидеров местного рынка СМИ за счет репортажных и проблемных материалов. На них делается ставка. Главное требование к корреспондентам: нацеленность на гвозди репортажного и проблемного характера. Сверхзадача в том числе и для рекламных материалов - делать рекламу в репортажном и проблемном ключе, ибо основная текстовая реклама в КГ - профильная и позволяет применять эти жанры, например: репортаж с собрания жильцов в рекламе управляющей компании, проблемы городских систем тепло- и водоснабжения в рекламе ресурсоснабжающих организаций, репортаж с места прорыва под рубрикой "Фотография рабочих будней" в рекламе тех же предприятий, проблемы неплатежей, износа сетей, законодательных прорех и т.д. Проблемный материал, сделанный грамотно, не есть негативный, а есть позитивный материал, ибо он, как минимум, высвечивает зло, подлежащее искоренению, как максимум, показывает способы борьбы со злом и тем самым работает во благо. Ввиду острого кадрового дефицита, установка на поиск интересных и серьезных тем, постоянно присутствующая в профессиональной мотивации корреспондентов КГ, нацеленность на репортаж, на проблему, на гвоздь, - это отзовется гораздо большим КПД в содержательном наполнении газеты, чем планирование и квотирование тематики по технологическим шаблонам. При работе с колес тематику невозможно квотировать и загнать в жесткий макет". Отбиваясь от пиарщиков, не играй по их правилам, а играй по правилам журналистики, по ним нестыдно и проиграть.

Тезис 25. *Редакционная политика красна государственным мышлением, а не пиаром.*
Антитезис. *Пиар не красит, а приукрашивает, но не так, как искусство.*
Сентенция 25. *В пиарщике погиб художник, увидев прекрасное в пиаре.*

Фрагмент 6. Изгнание беса

К концепции прилагались жесткий макет и рубрикатор с распределением тематики по тридцати основным рубрикам и с указанием их периодичности и объема. Пиарщик посмотрел на выполненное домашнее задание, как учитель на сочинение ученика не по теме. По представлениям пиарщика, основное содержание газеты, хоть профильной, хоть не профильной, должны составлять, во-первых, само собой разумеющийся пиар башляющих заказчиков, коих еще надо найти, что в планы гроссмейстера не входило, а во-вторых, желтушная, пустопорожняя и развлекательная белиберда, как-то: кроссворды, анекдоты, расширенные анонсы с картинками к телепрограмме, байки о житье-бытье известных персон, чьи имена на слуху, и всякая прочая чушь, в основном сливаемая из интернета лоботрясами. Этим и была напичкана МГ под высокотехнологичным руководством приглашенного маэстро, чьи попытки надругаться таким же образом над КГ увенчались изгнанием нечистого духа из святого места. Каюсь, нервы сдали не в первый и не в последний раз, гроссмейстер услышал о себе прямым текстом много такого, чего не подозревал за собой, и больше я не имел радости получать бесплатные уроки у мэтра пиар-технологий, он улетел на роскошном авто, как на пропеллере Карлсон, который живет на крыше, и не обещал вернуться. На следующий день я изъявил директору свою готовность очистить занимаемый пост по первому намеку, тот был отлично осведомлен об изгнании беса и слегка обескуражен. Он принял предприятие с кабальными долгами и только и думал, как заделать финансовую пробоину. Умолчу, откуда взялся новый директор, важно не это, а то, что он, попав в самое пекло, как кур во щи, с честью справился со своей ролью, хотя в предыдущей директорской практике не имел ни малейшего касательства к прессе, и ему было непросто разобраться, кто прав, главный редактор или пиарщики, насевшие на редакцию с какими-то рекомендациями, не имевшими, что для него особо важно, денежного эквивалента в статьях дохода. Я пару раз говорил ему: хотите знать, что происходит и кто тут кто, - проще простого, вот мой рабочий стол, посадите сюда пиарщика вместе с пиарщицей на несколько дней, пусть планируют редакционную работу, дают задания корреспондентам, обрабатывают тексты, что можно делать и не находясь в редакции, придумывают заголовки, макетируют полосы, пусть смастерят и выпустят в свет хотя бы один номер, продемонстрировав дурачью образец, пусть этот лектор на деле покажет, что он несет. Директор, не будь дурак, эту мыслишку-то и протолкнул в кулуарах, откуда дул ветер, поднявший бурю и просвистевший все уши в редакции, развесив на них лапшу длинней спагетти. Гроссмейстер сказался занятым и не нашел времени для одного мастер-класса, найдя время на десять учительских вояжей из Москвы. Теперь вы видите, что

это за фрукт, говорю директору. Теоретик, сказал на это директор, что в его устах означало: фуфло. И вот вопрос встал ребром: сдать главреда или, как говорится, всегда успеется. Кабы видел замену, может, и сдал бы, не в тот, так в другой раз, но с чистой директорской (хозяйственной) точки зрения, такой подарок пиарщикам был бы проявлением бесхозяйственности, и он его так и не сделал, даже когда я сам кинул заявление, в сердцах на него, директора, два года спустя, когда судороги редакции в долговой яме позабылись и редакционная машина строчила, как пристрелянный калаш, отлаженная в начале 2010 под выпуск двух еженедельников. После изгнания беса трения с пиарщиками, возникавшие время от времени, не носили разрушительного характера. О чем это говорит? О том, что главное, чтобы пиарщиков не было в редакции. Если зачастят в гости, мой добрый совет, произнесите громко, осенясь крестным знамением: изыди, нечистая сила! - и спокойно работайте.

Тезис 26. *Пресса беззащитна, если не может защитить сама себя.*
Антитезис. *Самозащита срабатывает под защитой прессы государством.*
Сентенция 26. *Бесы вселяются в прессу через редакцию и сваливают тем же путем.*

Фрагмент 7. Горечь и злость

Я не знаю точно, с какого перепугу моя редакция попала под цензорский прессинг гастролеров, но сбросить цепи оказалось возможным посредством всего-навсего редакторского бунта, о коем не все знали и внутри редакции, не говоря уж о широкой огласке, и я подумал, что если б все редактора сообща взбунтовались, кукловодская камарилья осталась бы без работы и, словно заслыша крик петуха, испарилась бы через те же щели, откуда повылазила. Да кабы еще и творческие коллективы редакций поддержали главредов, воздух в провинции мог бы стать заметно чище. Вы спросите, раз всем осточертело бесчинство агитпропа, то почему же в эпоху свободы слова, гарантированной государством, коллективы редакций позволяют превращать себя в кукольный театр? Вы, наверное, подумаете, что дело просто в малодушии и куске хлеба, добываемом пером. Это есть, чего греха таить, но это не решающий фактор, это обыденная людская психология, вся штука в отсутствии высокотехнологичной системы, вырабатывающей профессиональную психологию. Беда в том, что здесь нет ни одной полноценной редакции, организованной, как надо, а вот в Москве или Европе дело поставлено высоко, и там такие номера, как в Вологде, у пиарщиков не пройдут. Замечу, что есть третье среднее между пиарщиками и газетно-журнальной братией. Представители этой буферной прослойки кое-что смыслят в журналистике, в силу той или иной причастности к ней, но отличаются деформированным профессиональным сознанием. Это ренегаты, променявшие журналистику на пиаркампанейщину. С ними не только можно, но и нужно находить общий язык в профессиональных интересах и в расчете на то, что они не такие уж и ренегаты, а просто малодушничают на приспособленческий манер, в душе желая делать совсем не то, что они обтяпывают, пристав к стану пиарщиков. Они способны приносить пользу на поприще, называемом public relations в положительном значении термина, а не отрицательном, в каком слово пиар стало в России уже таким же презренным клеймом на журналистике, как и прозвище второй древнейшей, а пиарщикам хоть бы что и хоть моча в глаза, все божья роса, лишь бы при дворе и в свите околачиваться. Вообще говоря, жадною толпой стоящие у трона - это штрих к исторической картине, воспринимай это как некрасивость в красивом пейзаже родины, но подчас все ж обидно за державу, хочется бросить кой-кому в лицо железный стих, облитый горечью и злостью, праведной или спортивной. Интересно, зубрили ли в школе массовики-затейники процитированное стихотворение, не теряющее актуальности. Мне запомнилось, как я с чувством читал его у доски, так что учительница растрогалась, а класс замер, внемля пламенным строчкам, протестующим против насилия над печатным словом. И вот, столкнувшись нос к носу с этим насилием в модерновой форме, я хорошо понимаю, откуда у моего соотечественника взялись эти горечь и злость. Есть, однако, существенная разница: никто не стоит ни у барьера, ни на ковре. Унтер-офицерская вдова сама себя обижает, терпя в своей епархии пиар-компашку, ведущую себя, как женихи в доме Пенелопы.

Тезис 27. *Журналистику освобождает профессиональная психология.*
Антитезис. *Раб выдавливается с пера по капле.*
Сентенция 27. *Клеймо второй древнейшей сотрет стиральная машина.*

Фрагмент 8. Фигура сеятеля

Бунт, лишенный под собой эволюционной платформы, ни к чему не приведет и, скорей всего, как водится, обернется какими-нибудь другими порочными явлениями, возможно, еще более скверными, ну, например, в виде возврата к оголтелой чернухе, чуть не угробившей в 90-х годах новорожденное демократическое государство. Прошу не расценивать мои чувства к пиарщикам как революционный манифест и призыв вешать гроссмейстеров на позорных столбах, а расценивать как гражданственный тон, оттеняющий главную мысль сказания - мысль о необходимости реформы провинциальной прессы. Если этой реформе может способствовать бунт, то я бы назвал это бунтом пера, имеющим эволюционную суть и состоящим не в чернухе и поносительстве властей, а в сбрасывании с пера всех и всяческих хомутов посредством изыскания способов заниматься чистой журналистикой при любой степени допуска и доступа к газетной полосе. В газете всегда есть свободные полосы, не занятые плановой текучкой, - это чистая площадь свободы, бери перо и будь свободен, как свободен живописец, берущийся за кисть. Вот холст - пустая страница в газете, создай картину пером, никто не мешает, а вот это-то самое трудное, ибо свобода слова не есть свобода чесать языком, а есть свобода творчества и возможность создавать произведения искусства, в данном случае искусства журналистики. Такая возможность всегда имеется в газете, причем решительно на всех полосах, правда, на заказных в меньшей степени, чем на других. Когда я слышу авторские стоны, дескать, перекрыли кислород, не дают писать, мне вспоминается монументальная фигура сеятеля и ключевое изречение ее создателя, обращенное к подмастерью: я хочу спросить вас как художник художника - вы рисовать умеете? Трудней всего реализовать свободу слова и творчества в газете как раз тогда, когда она тебе дана, ты просто не знаешь, что с ней делать, если этого не знают твои авторы и если их катастрофически не хватает, так что и самого бездарного из них полюбишь, как родного, а тех, что поспособней, будешь на руках носить, хотя иной раз следовало бы высечь ремнем не через подушку и не иносказательно кое за что. Всякий раз, заглянув в пустой портфель, я испытывал страх перед вероятностью превращения очередного номера в кинофрагмент с потешной фигурой сеятеля, представшей с палубы народу, встречавшему кульпросвет и агитпроп на берегу.

Тезис 28. *Классическая газета - незаменимая кузница кадров.*
Антитезис. *Кадры решают все, когда ничего не решают деньги.*
Сентенция 28. *Все решает явление сеятеля народу.*

Фрагмент 9. Цензор и/или редактор

В наше время набраться такой наглости, чтобы выступить в роли самозванных цензоров, могут только круглые невежды и неучи, каким-то боком получившие власть над изданием. По определению цензуры как тиранического и самодурского контроля за печатным словом (в противоположность законодательному запрету общественно вредной информации), термин цензура имеет сугубый отрицательный смысл, какой обычно и подразумевается при употреблении этого слова, иначе речь идет о чем-то другом, а не о цензуре. Редактор может сказать корреспондентам: я ваш цензор. Это метафора: образное выражение и смысловое уподобление. Смысл метафоры в том, что редактор подобен цензору, осуществляя контроль за содержанием газеты, но в противоположность цензору, редактор имеет на то право, заключенное в искусстве редакторского дела и эквивалентное обязанности, и только тот, кто владеет этим искусством, полномочен исполнять обязанность, состоящую в контроле за авторской деятельностью, включая правку текстов. Никто, кроме редактора, не имеет права командовать авторами и обращаться с их текстами по своему усмотрению, и сам редактор лишен такого права, если он только по должности и штатной ведомости редактор, а на деле неспособен организовывать авторскую работу и осуществлять принцип: не лезь в авторский текст, если в результате тот не станет лучше. Хороший редактор подобен цензору метафорически и лишь по форме (с виду), но не по сути дела, а вот плохой редактор в буквальном смысле слова и по существу дела уподобляется душителю свободы слова и насильнику над творческим "я", именуемому цензором, и наоборот, всякий, кто норовит выступить цензором, входит в образ профнепригодного редактора, что и сделали гастролеры с наглостью варваров, граничащей с детской наивностью. В пору было прослезиться от умиления, услышав однажды, как пиарщица с тро-

гательной искренностью произнесла кое-кому: я ведь хочу, чтобы газета была лучше. Если б пиарщица получила власть над горбольницей, не думаю, что она стала бы ходить в операционную руководить хирургами во время операции, приговаривая: я ведь хочу, чтобы операция прошла лучше. А вот в редакцию ходила (пока не надоело), возымев инфантильное желание поиграть в куклы на недетском производстве.

Тезис 29. *Главный редактор - высшее должностное лицо на производстве печатного слова.*
Антитезис. *Высший статус в любом искусстве - статус мастера.*
Сентенция 29. *Судья редактору корреспондент как мастер мастеру.*

Фрагмент 10. Тень цензуры

Хуже, когда цензура или ее тень проникает в редакцию не извне, а изнутри. Типичный случай внутриредакционной цензуры или ее тени представляет фигура директора или учредителя издания. Тенью цензуры я называю различные ее скрытые формы. В полноценной редакции отношения редакции с учредителем регулируются типовым уставом издания, запрещающим учредителю осуществлять цензуру и определяющим главного редактора как высшее должностное лицо в редакции, а директор - это менеджер на хозяйстве, подчиненный если не главреду, то учредителю. В местных редакциях устав, наличествующий де-юре, по требованию Роскомнадзора, - это бумажка, не имеющая никакой силы, де-факто дело обстоит не по уставу, а с точностью до наоборот: главный редактор подчиняется лицам, распоряжающимся деньгами, а это директор и учредитель, они и примеряют порфиру внутриредакционных цензоров, только не государственного, а корпоративного пошиба как работодатели и благодетели, обеспечивающие кусок хлеба наемным писарчукам, норовя держать их вкупе с главредом как пастухом за рабочую скотинку, нанятую отрабатывать какой-нибудь заказ. Новый директор издательского центра, выпускавшего КГ и МГ, первый год (2009-й) держался с творческим коллективом весьма демократично и говорил на общих планерках: я ничего не смыслю в вашем деле и оцениваю ваши статьи чисто как читатель, извиняйте, если что не то ляпну. Браво! Многие редакции могли бы позавидовать. Но за год подначитался и стал оценивать статьи не как читатель, а как хозяин, обнаружив поползновения к настоящей цензуре в обеих ее технических ипостасях: предварительной (допечатной) и оценочной после выхода тиража. Не тут-то было. Директорская цензура грозила гиблыми поломками редакционной машине, требовалось пресечь оную на корню, для чего надо было выстроить отношения с потенциальном цензором так, чтобы тот и не заметил, что ему не дают осуществлять хозяйский контроль за содержанием изданий и авторской работой. Антицензурный конфликт между редактором и директором, в данном случае выступавшим еще и учредителем, - это кризис и тупик с выходом по двум вариантам: замена непослушного редактора послушным либо некое компромиссное решение, исключающее цензуру. В рассматриваемой ситуации компромисс не мог представлять собой разовое решение к обоюдному удовольствию типа какого-нибудь соглашения сторон и представлял собой перманентное, длившееся два года, пребывание сторон в компромиссных отношениях, периодически претерпевавших дестабилизацию в виде скачков давления цензурного толка, напарывавшихся на антицензурную реакцию, с дальнейшей стабилизацией благодаря преобладавшей взаимной лояльности, и так по кругу, как циклический процесс: тишь-благодать - вдруг нажим (критическое обострение) - ответная реакция - стабилизация (тишь-благодать). Это мало походило на холодную войну и маневры затаившихся врагов, зато сильно напоминало семейные дрязги по варианту самодурства главы семейства по отношению к домочадцам.

Тезис 30. *Только слово творческого коллектива имеет силу против слова редактора.*
Антитезис. *Учредителю надо дать первое слово, иначе сам возьмет.*
Сентенция 30. *Идеальный учредитель газеты - немой.*

Фрагмент 11. Топор цензуры

Когда на втором году сдерживания цензурных поползновений я перешел границу, подразумеваемую компромиссом, и бросил на стол заявление об уходе, директор не подписал и произнес с неподдельной сердечной досадой, похожей на отцовскую обиду: "Мне и слова уже нельзя сказать, даже мнение свое не высказать, ты хочешь, чтобы я не лез

вообще ни во что в твоей епархии. Ладно, не буду я больше читать газеты, нечего носить мне сверстанные полосы, делайте, что хотите, художники". Что на это сказать? "Да нет же, ну что вы, да зачем же так, да я ж всегда прислушивался к вашему мнению, слово директора - закон, разве ж я когда-то не выполнял директорских указаний, да посмотрите, машина фурычит, как швейцарские часы, без сбоев и катаклизмов, все денежные контракты выполняются безукоризненно, реклама отрабатывается в лучшем виде, корреспонденты порхают, как пчелки, собирая звонкий мед в кубышку бухгалтерии, чтоб директор был доволен и не хворал, а вспомните, как полтора года назад сердчишко прихватило от проваливавшегося первого контракта с правительством. Без ляпсусов, однако, газеты не бывает, не косячит, кто ничего не делает, вы карандашиком подчеркните, что покоробило, и будет исправлено. Но понимаете, зарубать авторские статьи - это самая крайняя мера. Автор - это тонкая организация, он художник, нельзя сапогом давить на творческое "я", оно зачахнет, перестанет плодоносить и вкладывать душу в текст, станет гнать лажу, симулянтские отписки, мол, нате, вот вам ваша заказуха и не требуйте от меня ничего выдающегося. А мы же хотим создать лучшие издания на местном рынке СМИ, не так ли, надо держать марку, а не тупо отрабатывать заказ. У нас подобрался отличный творческий коллектив, способный выполнять задачи повышенной сложности, да эти ребята и девчата горы свернут, если их ценить, холить и лелеять, но они же провалят простейшее задание, если держать их за быдло и за рабочую скотину, ругая на планерках и снимая с печати не понравившиеся статьи. Газету из одних шедевров не сделаешь, работоспособный коллектив из одних мастеров не сколотишь, все статьи не перепишешь, за каждым ляпсусом не уследишь, надо снисходительно относиться ко многим авторским огрехам, а не гнобить за всякую корявую фразу. Вы карандашиком-то подчеркните то, что не понравилось, но зачем же статьи-то зарубать". Впервые взяв топор, чтоб вырубить написанное пером, директор был вельми удивлен, напоровшись на ожесточенное сопротивление редактора, как будто тот Москву защищал от фашиста. Не понимая, из-за чего скандал, подумаешь, писульку какую-то зарубил, он попросил объяснить, почему я настаиваю на публикации плохой статьи, мол, давай, отстаивай свою точку зрения, докажи, что ты прав, и услышал следующее: "Вы считаете, что статья плохая. Что ж, всякий вправе оценивать статьи в газете, как ему покажется. Возражать каждому читателю бессмысленно, но директору я возражу в виде исключения. Я считаю, что статья хорошая. Налицо противоположные оценки, и судьба публикации попадает в зависимость от моего красноречия, с чьей помощью я должен убедить директора в необходимости публикации. И так всякий раз, когда ему не понравится какая-либо статья. Нет уж, увольте и имейте в виду, что все до единой статьи, включенные в сверстанные полосы, представляемые вам на читку с утречка в день сдачи номера в печать, входят в номер не с бухты-барахты, не от фонаря и не от балды, а потому, что я нахожу их пригодными для публикации и лично подготовил их к печати в порядке исполнения своих редакторских обязанностей, а решив снять эту и любую другую статью с печати, вы должны снять и меня с должности за профнепригодность". Из тирады следовало, что не редактору, а директору надлежит отстаивать свою точку зрения, взявшись за топор. С этим он вряд ли согласился, но за все годы зарубил не больше пяти статей, причем с обезоруживающей аргументацией против них как содержавших подставу.

Тезис 31. *Где Цербер цензуры сорвался с цепи, там царство мертвых.*
Антитезис. *Зачаровав Цербера своим искусством, Орфей вывел Эвридику из Аида.*
Сентенция 31. *Церберу - цепь, Орфею - Эвридика, искусство - народу.*

Фрагмент 12. Редактор и/или директор

От топора цензуры, внешней и внутренней, удалось увернуться, а вот тень ее была неистребима с обеих сторон в качестве скрытой цензуры оценочного толка, тяготящей необходимостью работать с оглядкой на предсказуемое мнение о газете лиц, от коих зависит судьба газеты и чьим мнением нельзя пренебречь. Изнутри это директор, а извне это заказчики платных публикаций, составлявших львиную долю авторских статей, больше 60 или даже 70 процентов, в каждом номере КГ и МГ в среднем. При кадровом дефиците это кошмарный вал, убийственный для журналистики, но альтернативы для обоих изданий отсутствовали, кроме одной: закрыть их. Вал заказухи был проблемой, на порядки более сложной относительно проблемы скрытой цензуры. Угнетала тень цензуры больше изнутри, хотя выражалась, смешно сказать, всего-навсего в критике содержания газет со

стороны директора, сводившейся к чепуховым придиркам, а тот и не подозревал о разрушительности своего заядлого критиканства, отбивавшего охоту прилагать усилия и, тем более, сверхусилия для усовершенствования изданий. Ограничусь таким примером. По поводу одной публикации директор вдруг расшумелся, как никогда, как шлея под хвост, как не с той ноги встал и как в душу плюнули, да потом еще и обиделся на то, что его мнением пренебрегли, статью не только не сняли с печати, но еще и вынесли на первую полосу, а в конце года, вот ведь казус, эта публикация стяжала приз на областном конкурсе журналистики, тут уж крыть нечем критикану, мол, извиняйте, ребята, был не прав. Да ладно, чего уж там, бывает, все мы люди, каждому может что-то привидеться, но видите ли, в чем штука, если кому-то всю дорогу что-то мерещится, а этот кто-то обладает начальственным статусом в редакции, это чревато превращением газеты в ловлю глюков начальства и в изложение начальственных бредовых видений на газетных страницах в приказном порядке. Директору было просто скучно сидеть на хозяйстве, и он, поддавшись хозяйскому искушению, вторгался в творческий цех подирижировать, будто слон в оркестровую яму, и возникала морока, как от пиарщиков. Дар убеждения - это слабая защита при атаке слонов, тут нужна македонская фаланга, и если творческий коллектив редакции не таков, чтобы выстроиться в фалангу, редактору остается или бежать, или быть подмятым, или стать дрессировщиком слонов. Это цирк, ей-богу, но веселого мало, зная, что однажды будешь раздавлен.

Тезис 32. *Верховная власть в редакции принадлежит творческому коллективу.*
Антитезис. *В редакции есть правительство - редакторат, а за ним теневой кабинет.*
Сентенция 32. *Четвертая власть - копия своего государства.*

Фрагмент 13. Площадь свободы

Во второй половине 2009 года в Коммунальной газете образовалась небывалая ни до, ни после площадь свободы по объему и тематике, как будто наступил момент истины, мол, покажите, ребята и девчата, на что вы способны, когда никто и ничто не вяжет вам руки, - творите, что хотите, в режиме чистой журналистики и потом не говорите, что кто-то затыкал вам рты. Это случилось в связи с потерей рекламодателей, по милости кризиса, с вытекающей сменой финансовой политики редакции, ориентированной впредь на добычу госзаказов, что оказалось возможным благодаря появившемуся у редакции лобби в областном правительстве. Отныне реклама приносила не больше четверти доходов в бюджет издательского центра. Рекламная удавка на пере ослабла вчетверо, это большое послабление, вот только перо попало из огня да в полымя - в хомут контрактов на оказание информационных услуг, но это произошло не мгновенно, а с затяжной паузой, занявшей лето и захватившей осень, когда Местная газета приступила к отработке первого контракта с правительством области. Воспользовавшись моментом, я протолкнул в сознании директора, еще не изъеденном червями хозяйских замашек, идею творческого эксперимента на свободных полосах КГ, заключавшегося в превращении профильного издания в газету широкого профиля с неограниченной тематикой и с приоритетной фишкой в виде публикаций, вызывающих повышенный интерес у широкого читателя, но без всякой желтизны. Заручившись санкцией на полную свободу творчества, я на часок застыл в позе скульптуры мыслителя: вот он, капкан свободы, он защелкнулся, аж клацнуло где-то в сознании, на уровне понимания главных вещей, ты сбросил вериги заказухи, но в них ты был свободней, имея оправдание, с той или иной примесью лукавства перед самим собой, дескать, попробуйте-ка сами, критиканы, не обделаться на моем месте детским поносом и сделать приличную газету со связанными руками, а теперь тебе не на что пенять, кроме дефицита перьев, но эта отмазка не прокатит, если ты не сможешь раскрыть и на полную катушку задействовать их нераскрытый творческий потенциал, вот тебе полномера свободной площади в 16-полоснике за вычетом четырех под телепрограмму, первой под дизайн и трех под присылаемую череповецкую заказуху, требующую лишь обработки и неспособную испортить номер при надлежащей обработке, тематические рамки узкого профиля отброшены, цензура подавлена, ты свободен, так почему же ты не рад, не откупориваешь шампанское и, вместо того чтобы праздновать свободу, судорожно соображаешь, что с ней делать, ощущая камень на душе и на хребте, придавивший пуще цензурного пресса, это бремя свободы, неси и не говори, что не свободен.

Тезис 33. *Свобода печатного слова есть свобода творчества.*
Антитезис. *Под знаком свободы творчества процветает графоманство.*
Сентенция 33. *Творчество процветает под сенью школы искусства.*

Фрагмент 14. Творческий потенциал

В ружейной пирамиде было два испытанных штыка и один необстрелянный, но подающий надежды, прочий арсенал не в счет по раскладу. Два опорных пера не имели опыта свободного творчества и не блистали талантом. Это рабочие пчелы и лошадки, их я люблю, как родных, сам такой, без них не создать машину, не наладить конвейер и не разгрести Авгиевы конюшни, но теперь от них требовалось то, чего они не умели делать и должны были научиться в сроки, сжатые до нулевого интервала, круто развернувшись на марше и метнувшись в указанном направлении занимать новый плацдарм, чтобы прыгнуть там выше головы. И смотри-ка ты, ведь прыгнули, да еще и мигом во вкус вошли, с необходимым энтузиазмом и настоящим вдохновением принявшись распахивать репортерскую тематику в режиме свободного творчества, не сказать, что повизгивая от удовольствия, но однажды я услышал из уст своих лучших кадров: какое счастье - спокойно работать по творческому плану, составленному самим собой, самостоятельно и сообща отыскивать темы и планомерно их разрабатывать без спешки, с чувством, с толком, с расстановкой, когда ничто не давит, кроме одного-единственного императива - написать хорошую статью. А поначалу поджилки тряслись и в глазах стоял туман непонимания, чего от них хочет редактор, вдохновлявший на подвиги примерно в таком духе: "Ввяжемся в драку, а там поймете, чего я от вас хочу. Начнем с простой схемы: выбираем репортерский объект, внедряемся, пребываем там чем дольше, тем лучше, и отписываемся по принципу зеркала: пишу, что вижу и что слышу. Внедрение - важный элемент. Везде наследила желтая пресса. Где ступила нога чернушника, там от нашего брата шарахаются, как от чумы. Надо завоевать доверие, а оно завоевывается отличными статьями, куда вложена частица нашей души и любовь к нашим героям. Везде, где мы были, кроме сомнительных местечек, должна остаться о нас добрая память и открытые двери для нас, а желательно еще и заполучить на месте репортажа постоянный источник информации. Внедрение на объект проделывается в зависимости от типа объекта и других исходных данных. Берем, например, роддом. Шикарный объект, кладезь разнопланового материала. Задача - сделать панорамный репортаж изнутри с установкой показать благое предназначение объекта и миссию тамошних профессионалов, они-то и есть главные герои репортажа, и их доверие мы должны заслужить, дабы они не убоялись пустить нас в святая святых и потом еще спасибо сказали. Для начала делаем очерк о ком-нибудь из них, рекомендованном главврачом, а заодно берем интервью у главврача, не забыв успокоить, что ни одна строчка не проскочит в печать без визы героев наших публикаций в порядке предварительного просмотра статей. Следующий этап - дежурство на объекте, желательно не одноразовое, а поочередно в нескольких структурных отделениях, начиная дежурством в приемном покое и кончая присутствием на родах, куда сразу нас, конечно, не пустят, но куда не может не стремиться репортер, делая панорамный снимок изнутри. Решайте меж собой, кто в роддом, и вперед". Так в Коммунальной газете появилась серия публикаций из роддома и началась эпоха свободного творчества, длившаяся около пяти месяцев. Самому неравнодушному, как выяснилось позже, и взыскательному читателю КГ (директору) понравился новый формат газеты. Находясь под впечатлением от прочитанного в собственной газете, он не скупился на похвалу, как потом на хулу, на пятничных планерках, учрежденных для обсуждения вышедших номеров. По отношению к работодателю, от чьего мнения слишком многое зависит, мало помогает сентенция: хулу и похвалу приемли равнодушно. Репортаж с родов пронял его так, что он, цитирую, сам тужился, как роженица, читая статью. Я не преминул воспользоваться для дела благодушным настроем директора и провел важную поправку к положению о гонораре, предложив в два с половиной раза поднять гонорар за гвоздевые публикации, выносимые на первую полосу, дабы простимулировать авторов к ковке гвоздей, необходимых для удержания газеты на уровне. Нововведение прошло без звука в условиях долговой ямы, когда задержка зарплаты достигала двух месяцев, а вот в последующие годы, когда финансовая пробоина в борту была заткнута, но директор издательского центра стал вести себя, как хозяин торговой лавки, гонорарный фонд, наряду с табу на цензуру, стал одной из двух позиций, требовавших обороны до последнего патрона, как Сталинград, который сдать - все равно что оголить тылы и сделать бессмысленным дальнейшее сопротивление.

Тезис 34. *Редакция - это машина, раскрывающая творческий потенциал.*
Антитезис. *Машина, состоящая из людей, превращает их в машины.*
Сентенция 33. *Профессионал - это тот, кто слился с машиной в свободном полете.*

Фрагмент 15. Запас вдохновения

Лучшие статьи, написанные за всю историю КГ, созданы в период творческого эксперимента, два года спустя некоторые из них в переработке вошли в сигнальный номер журнала Провинциальный репортер на правах нетленки, подлежащей сохранению в анналах местной журналистики (см. №11 журнала Вологодская литература, №1 ПР, журнал в журнале, тетрадь I "Начало начал", тетрадь II "Скрытая камера" и тетрадь V "Бедные люди", блокнот 1 "Наклонная плоскость"). Когда срок эксперимента истек, я вздохнул не столько с горечью, сколько с облегчением, и объясню, почему. Дабы быть профессиональной и плодотворной, вся редакционная работа должна быть поставлена на системную основу и обеспечена необходимыми ресурсами, в чьем числе, повторяю для глухих (хозяев изданий), основным и решающим является пишущий ресурс: корреспондентский штат: авторы. Поскольку местная пресса в упадке, на сером фоне одно-единственное перо, если оно золотое и выносливое, может вытащить тоненький еженедельник на содержательный уровень не бледней конкурентов, будь те толщиной хоть с таблоид, потому что жирность провинциальных газет создается за счет чего угодно, кроме журналистики, а рабочая площадь под авторские тексты, как правило, уложится полосок в восемь, ну, в десять, ну, в двенадцать, ладно, аршинным кеглем и с интерлиньяжем с палец. Штука-то в любом раскладе сводится к качеству основных материалов номера, обеспечивающих сколько-нибудь приличный профессиональный уровень газеты и умещающихся обычно даже не на восьми, а на четырех, а то и меньше, полосах как содержательный костяк, за вычетом коего остается пустышка, чем толще, тем больше пустопорожняя. Оный содержательный костяк может обеспечить и одно перо, но на короткой дистанции. В режиме беглого огня всякий быстро испишется, прицел собьется, снаряды посыплются мимо целей. То же самое произойдет и с малочисленной авторской командой при перегрузках, что и случилось под конец творческого эксперимента в КГ, вдохновение иссякло, творческий порыв угас, затребовав восстановительной паузы. Примитивный механизм артельной редакции лишен конструктивных преимуществ индустриального газетного производства с укомплектованным штатом и с возможностью гармонично распределить нагрузку, в согласии с принципом специализации, подразумевающим, в том числе, работу в режиме свободного творчества. Вдохновенный звон, воздвигнутый в редакции ковкой гвоздей в Коммунальную газету летом-2009, затих бы и сам собой к середине осени, когда в брошенной на произвол пиарщиков Местной газете возникла проблема с выполнением правительственного контракта и вызвала у директора сердечный приступ, бедняга извелся на нервах, увидев, что заключить денежный контракт - это полдела, надо еще его грамотно отработать, чтобы на счет упали освоенные по договору деньги. Потребовались экстренные меры по перестройке всей редакционной работы под государственный заказ. Тут не до экспериментальных изысков. КГ вернулась в обкатанный формат профильного издания.

Тезис 35. *КПД редакционной машины прямо пропорционален вдохновению.*
Антитезис. *КПД любой машины заложен в ее проектной конструкции.*
Сентенция 35. *Редакция с не вдохновляющей конструкцией - это мусорный контейнер.*

Фрагмент 16. Цена нетленки

Писчая артель обречена проектом крутиться на отработке разнообразной заказухи, как белка в колесе, чтобы выжить и крутиться. Если перед ней поставить творческие задачи, это будут сверхзадачи, не предусмотренные проектной конструкцией и превращающие колесо для белок, бессмысленно крутящих его вхолостую, в кузнечный цех, где надо молотом махать, выковывая изделия, отвечающие требованиям кузнечного ремесла. С усложнением задач и изделий повышается нагрузка на кузнецов. Независимо от своей квалификации, при максимальной нагрузке, измеряемой числом выковываемых изделий в единицу времени, они быстро превратятся в штамповальные машины, во избежание чего надо укомплектовать штат молотобойцев хотя бы по минимуму, необходимому для

кузнечного производства, если уж о надлежащей комплектации остается только мечтать по двум причинам: во-первых, ввиду дефицита кадров на рынке труда, все задействованы в других местных изданиях, а во-вторых, в силу ограниченного фонда зарплаты, скудного соответственно доходам предприятия, с одной стороны, и по произволу директора, с другой стороны, установившего низкий потолок расходов на творческий цех, проводя политику жесткой экономии, и поди докажи человеку, с переменным успехом норовившему превратить редакцию в торговую лавку, что и с чистой торговой точки зрения, экономить на пишущих кадрах, производящих основную продукцию предприятия, надо в последнюю, а не в первую очередь. Легче на рынке выторговать семгу по цене кильки, что, кстати, ухитрялся проделывать этот человек, причем во благо предприятия, а не в свой карман, но газета - это не килька и даже не семга, а он мне говорит: "Вот ты оцениваешь авторскую статью по своим редакторским понятиям, а я смотрю, с какой стати я буду платить за нее гонорар. Вопросов нет, если это заказной материал, контрактный или рекламный, а к другим материалам возникает вопрос, почему я вообще должен за них платить, особенно если они мне не нравятся. Свободным творчеством пусть твои художники занимаются в другом месте, иначе с каких шишей я покрою расходы редакции, остается закрыть газеты, да и все, если художники будут рисовать в свое удовольствие". Железный аргумент. Попробуйте возразить. Держу пари, надоест с первого же раза. Кратковременная эпоха свободного творчества осталась в прошлом, когда звучали речи вроде процитированной, и можно было с чувством морального удовлетворения и легкой ностальгии вспомнить о ней как о земле обетованной, пускай утраченной, но она никуда не исчезла, она существует, вот только ушла из-под ног, и в один прекрасный день она будет вновь обретена, пусть не тобой, а другими, просто делай то, что от тебя зависит, чтобы приблизить прекрасный день.

Тезис 36. *Реформа местной прессы - это исход журналистики из рабства.*
Антитезис. *Обетование сверху исполняется вместе с обетами снизу.*
Сентенция 36. *Сама профессия - обет, да закрыта на обед.*

Панно III. СИЗИФОВ ТРУД

Фрагмент 1. Гужевая конструкция

В начале 2010 года реконструированная машина, напоминающая гужевой транспорт относительно полнокомплектных редакционных механизмов, имела следующие технические характеристики. Основная продукция: два еженедельника объемом 12 полос каждый, один тиражом 22 тысячи (КГ), другой - 35 тысяч экземпляров (МГ), первый - с четырьмя полноцветными страницами, второй - черно-белый с добавкой синьки. Пару раз в год выпускались рекламные проспекты с доходностью в две-три сотни тысяч рублей каждый, а под Новый год еще кое-какая доходная мишура. Зона распространения КГ - Вологда и Череповец с делением тиража примерно пополам, немножко забрасывалось в некоторые другие крупные населенные пункты. МГ покрывала всю область, распространяясь во всех райцентрах, а также в Вологде и Череповце, с пропорциональным делением тиража между пунктами доставки. В районах Местная газета не имела конкурентов и господствовала в информационном пространстве глубинки, потому что там больше никто не производил экспансию, для чего требовалось выбрать бесплатный способ распространения, печатать достаточный тираж и иметь свою службу доставки. Три автомобиля издательского центра курсировали по области, развозя тираж. Своя доставка - дорогостоящая необходимость, не скажу точно, но вряд ли сильно погрешу, оценив эту статью расходов в пятую часть сметы. Несколько побольше стоила типографская печать. Не суть, если я малость ошибусь в цифрах, тут любопытны их соотношения и общая картина. Смета центра превышала миллион рублей в месяц, что-то около 1,1 или 1,2 млн. Половину можно смело отнести на зарплату, включая налог, то есть чистыми на руки фонд зарплаты составлял на треть меньше. Весь штат насчитывал не менее 22 единиц и делился примерно пополам между творческим цехом и сервисными службами, относя к последним директора, замдиректора, главбуха, юриста, трех водителей и трех рекламщиков. В творческом цехе пишущая братия насчитывала 8-9 перьев под командой главного редактора, под чьим началом также были двое на верстке и корректор, находившийся за штатом. Редакторат, включающий в нормальной редакции немало штатных единиц типа замов главреда и редакторов отделов, был усечен донельзя, как и корреспондентский штат. В штатном расписании

фигурировали два выпускающих редактора, соответственно двум газетам, с существенно повышенными окладами относительно корреспондентских ставок, но было невозможно освободить обоих от писанины, и лишь выпускающего редактора МГ, по требованию производственной необходимости, я загрузил редакторской работой, так что тот поначалу имел страдальческий вид, прочувствовав, в чем она состоит, а потом ничего, притерпелся. За вычетом этого штыка, на полной загрузке были задействованы 7-8 перьев, большинство на минимальном окладе - 5 тысяч, по принципу: зарабатывай пером, то есть гонораром за статьи плюсом к окладу. Круг внештатных авторов сформировать не было возможности. Авторы зарабатывали в среднем 15 тысяч, с колебаниями в диапазоне от 10 до 20, в зависимости от трудовой активности, при большом усердии имея возможность получать больше главреда, всегда имевшего оклад 20 тысяч, кроме второй половины 2011 года - 22. Это похоже на уравниловку, но это было осуществлением на практике двух принципов: газету делает тот, кто пишет, и зарабатывает пером. А то иной главред гребет в разы больше репортеров, а от него один вред. Оные принципы были реализованы только внутри творческого цеха, где средний заработок не превышал заработка сервисных работников, в полтора-два раза уступая заработку рекламщика, что несправедливо и иррационально, но фатально, если хозяева газеты сидят на хозяйстве, как в торговой лавке.

Тезис 37. *Долой эксплуатацию корреспондентов как писчих лошадей!*
Антитезис. *Куда смотрит профсоюз?*
Сентенция 37. *Оценив писчий ресурс в лошадиных силах, увидь в нем Пегаса.*

Фрагмент 2. Вдохновляющий инструмент

Не считая текстовой рекламы, гонорарный фонд под авторские тексты и снимки в обеих газетах вкупе в 2010 году составлял около 59 тысяч рублей среднемесячно и колебался из месяца в месяц, в связи с построчной системой расчета гонорара. От колебаний в большую сторону директор хватался за сердце и шумел на редакторат: вы меня разорите, понаписали! Во избежание собственных нервных припадков в 2011 году он решил установить фиксированный размер гонорарного фонда. После препирательств, как на базаре, сошлись на 56 тыщах в месяц с условием, что рекламная текстовуха оплачивается отдельно, ибо гонорар за нее, по общепринятому логичному порядку вещей, подобает включать в расценки на рекламу, чего никак не хотел понимать директор, ни Цицерон, ни Демосфен не убедили бы, а и не надо, потому как ему приходилось брать в расчет то обстоятельство, что ругаться с редактором вредно для здоровья и портит аппетит. Да ну его, этого упертого, заключил директор, пусть будет по-евонному на этот раз, может, он и прав, раз так уперся. Указанный размер гонорарного фонда нерационален и смешен, учитывая, что это меньше пяти процентов от сметы, покрывавшейся главным образом путем изготовления контрактных публикаций, поощряемых гонораром как основным инструментом стимулирования добросовестной работы корреспондентов, тем более если большинство из них посажены на минимальный оклад. Система гонорара, какую я застал в КГ в 2007 году, сводилась к фиксированной ставке для всех текстов - 2,5 рубля за строку длиной в 27 символов с пробелами. Чтобы заработать десятку плюсом к пятерке минималки, корреспонденту КГ надо было строчить, как пулемет, около двух с половиной полос в номер или трех, смотря по плотности текста на полосе, а она была высокой при мне (в среднем около 9-10 тысяч знаков без пробелов на полосе формата А-3) в целях обеспечения максимальной содержательности газеты при минимальной полосности. В годину кризиса была введена ступенчатая шкала гонорара: 5 рублей за строку для лучшего материала в номере (первополосного), 4 - для рекламных материалов, 2 - для прочих. Это довольно примитивная система материального стимулирования пера, и как только представилась возможность ее усовершенствовать, так сразу я и провернул столь важное дельце. Вот тебе 56 тысяч в месяц, сказал директор, и дели их, как хочешь, что я и сделал, поделив авторские материалы на шесть категорий в системе поощрений по критериям качества текстов, количества, трудоемкости и с учетом выполняемых редакцией задач, дабы они получше выполнялись с гонорарным подогревом, а также ради торжества справедливости, уж в тех рамках, в какие она загнана. Не продается вдохновенье, но есть вдохновляющий инструментарий, подталкивающий к творчеству и творческому соревнованию посредством призов и лавров.

Тезис 38. *Пишущие кадры деградируют, используясь как неквалифицированная рабсила.*
Антитезис. *Квалификация - внеплановая и не осмеченная роскошь в провинции.*
Сентенция 38. *Невостребованный дар утешает гонорар.*

Фрагмент 3. Концы с концами

Себестоимость МГ превышала себестоимость КГ в соотношении примерно три к двум в смете, а то и больше, но и покрывалась смета в основном за счет доходов МГ. Можно сказать, что в 2010-2011 годах МГ была рентабельной, а КГ нерентабельной, создавая дыру в бюджете объединенной редакции, но синтез двух газет в одну побольше и покачественней, целесообразный с профессиональной точки зрения, не представлялся возможным. За счет чего покрывалась смета? Во-первых и в-главных, за счет отработки на страницах МГ техзадания по основному контракту с правительством суммой в 4,5 миллиона рублей на год, а точнее, на 11 месяцев, потому что в январе редакция уходила в неоплачиваемый отпуск, в связи с паузой, потребной на перезаключение договоров. Еще полтора миллиона МГ осваивала по договорам с тем же правительством на выполнение тематических проектов, ежегодно выставляемых на открытый конкурс в порядке поддержки местных СМИ с финансовым обеспечением из упоминавшейся бюджетной кубышки, распределяемой комитетом информационной политики, львиная доля достается паре привилегированных СМИ, куда МГ не входила и оказалась в роли бедной родственницы, выклянчившей подачку с чужого стола. Делим 6 миллионов на 11 месяцев, получаем около 550 тысяч в месяц. Это полсметы. 120 тысяч в месяц приносила Коммунальная газета по упоминавшемуся контракту с череповецкой мэрией (точнее, с ее информ-структурой). В 2010 году оба издания освещали деятельность областного парламента примерно за 30 тыщ в месяц вдвоем, в следующем году сей финансовый источник ужался до 12-тысячного ручейка. Имеем около 700 тысяч в месяц по договорам на информобслуживание. Откуда брались еще около 400, если не больше? Главным образом - по рекламным договорам, имевшим двоякое происхождение. По моим прикидкам, около 250-300 тысяч среднемесячно нарабатывал рекламный отдел, включая рекламу в газетах и буклетах. Оставшуюся брешь, в годовом измерении достигавшую размеров в мильончик-другой, заделывал директор с помощью кое-каких рычагов, вот за что ему честь и хвала.

Тезис 39. *Журналистика, сводящая концы с концами, - конченная журналистика.*
Антитезис. *Она-то и процветает в провинции.*
Сентенция 39. *Не все кончено, пока не прикончены последние из могикан.*

Фрагмент 4. Государственный заказ

На протяжении двух с половиной лет основной задачей редакции было профессиональное исполнение правительственных контрактов на страницах Местной газеты. Профессиональное - значит творческое и талантливое, а не безмозглое и лизоблюдское, лишь бы деньги освоить, причем народные, и зарплатишку получить. По моей оценке, относительно профессионального идеала творческая задача, а точнее, сверхзадача, выполнялась процентов на пятнадцать и меньше с ужесточением строгости суждения, а исходя из имевшихся сил и средств - процентов на семьдесят. Можно было выжать из перьев и стопроцентный КПД, но это все равно что загнать лошадей, приноровившихся в щадящем режиме вытаскивать техзадание по государственному заказу, имевшему две ипостаси: основной контракт и тематические проекты. Что касается последних, в 2010 году их было три на полмиллиона рублей каждый, они назывались "Лицом к учителю" (тема педагогики с акцентом на фигуре учителя), "Никто не забыт, ничто не забыто" (тематика, приуроченная к 65-летию Победы), "Потенциал развития" (сельская тематика с акцентом на возрождении деревни). В 2011 году МГ осваивала пять годовых проектов на те же полтора миллиона вкупе: "Потенциал развития" (дубль), "Великий и могучий" (тема русского языка в государственном, социальном и воспитательном ракурсах), "Семейные ценности" (их пропаганда и демонстрация на примерах героев публикаций), "Здоровый образ жизни" (пропаганда ЗОЖ), "Добро пожаловать" (туристическая индустрия и бренды Вологодчины). Заметьте, тут не пахнет насилием над печатным словом, налицо творческие задания по тематике, долженствующей и без всякого госзаказа занимать достойное место в редакционной политике, язык не поворачивается назвать это заказухой. Возделывать озна-

ченные тематические нивы - прямой долг прессы, призванной, не жалея печатных площадей, пропагандировать базовые ценности, так вот то-то и оно, что краеугольная тематика, долженствующая составлять содержательное ядро газеты, по причинам, исчисляемым в нашем сказании, вытесняется с газетных полос всякой белибердой и находит местечко в качестве заказухи, за обыкновение отрабатываемой бездарно как халява, вдохновенье-то не продается, а бездарную рукопись отчего ж не всучить, коли берут. Спасибо за сей госзаказ, облагораживающий пиар-кампанейщину и действительно нужный государству, но дело он не исправит и журналистику не спасет, а спасет и исправит появление полноценной региональной газеты, располагающей ресурсами для систематической, перманентной, талантливой разработки всех тематических пластов, подразумеваемых газетным ремеслом без техзаданий извне. Государство подает местной прессе милостыню, чтоб та соизволила мало-мальски исполнять свой профессиональный долг. Куда дальше деградировать?

Тезис 40. *Деградированная пресса - социальный паразит.*
Антитезис. *Сытый паразит безопасней голодного.*
Сентенция 40. *Хочешь победить паразитов, начни с себя.*

Фрагмент 5. Расклад под сверхзадачу

В 2010 году МГ выполняла правительственный заказ по расценкам, помнится, около 26 тысяч рублей за полосу, в 2011-м - 29,6. Полтора миллиона дели на 26, затем на количество недель (номеров) в 11 месяцах, и получишь средний объем отработки в номере по указанным проектам вместе взятым, это около полутора полос с некоторым запасом (и с вариативным распределением объема по разным номерам). Расчет для основного контракта (на 4,5 млн): около четырех полос в номере с небольшим запасом. Итого пять с половиной полос, считай, шесть и больше, для подстраховки, а то директор шкуру спустит, если комиссия, проверяющая в конце месяца соответствие публикаций техзаданию, забракует некоторые и урежет сумму оплаты оказанных информуслуг. По контракту с ЗСО, с расценками значительно пониже, объем отработки в 2010 году составлял около трети полосы на один номер МГ. Итого, в среднем 6 полос или 6,5 вынь да положь на верстку каждого номера по контрактам. Несильно ошибусь, добавив, что в среднем около полосы текстовой рекламы и около половины полосы модульной рекламы приходилось на номер. Модульная реклама в основном заверстывалась в телепрограмму, занимавшую две последние полосы. Две основные публикации каждого номера МГ начинались на первой странице, но наполовину она отдавалась под оформительские элементы. Итак, мы только что насчитали в составе 12-полосника 10 полос, отведенных под контрактные материалы (7, включая первую), под текстовую рекламу (1) и под телепрограмму с модульками (2). Остается 2 полосы под статьи, написанные не на заказ, а на свободную тему. Каково? Только стрелянный газетчик смекнет, что означает сей чудный расклад и каково оно, сварганить машину, бесперебойно выстреливающую указанные объемы на заказ, выполняя еще и сверхзадачу, состоящую в том, чтобы газета была небездарной, читабельной, содержательной, популярной, а в ружейной пирамиде пять-шесть штыков, потому что два-три пера (два на постоянной основе) закрывали около пяти полос в Коммунальной газете (за вычетом первой оформительской, последней под модульную рекламу, полутора под телепрограмму и трех-четырех череповецких). Печатная площадь, отведенная под тексты, как правило, на 95 процентов (за вычетом, например, практиковавшихся время от времени колонок инфы, подготовленной по пресс-релизам) заполнялась авторскими материалами, сделанными своими руками, а не чужими, и добытыми своими ногами, сновавшими по всей области, создавая из номера в номер географию, как говорят газетчики. Норма на перо - около двух полос в номер в среднем. Тут можно, но сложно не превратиться в штамповальный автомат.

Тезис 41. *Газета, сконструированная под штамповку на заказ, погрязнет в штампах.*
Антитезис. *Избегание штампов - это и есть искусство.*
Сентенция 41. *То-то все избегались на штамповке с видом жертв искусства.*

Фрагмент 6. Дело техники

Взглянем на техзадание по основному контракту. Заказано, цитирую: "Оказание информационных услуг по подготовке и размещению информационно-аналитических материалов о деятельности правительства Вологодской области и органов государственной исполнительной власти Вологодской области в областном периодическом печатном издании. Информационно-аналитические материалы: информирующие население области о деятельности губернатора, органов государственной исполнительной власти области; разъясняющие населению политику органов государственной исполнительной власти в политической, экономической и социальной сферах; выявляющие проблемы в реализации государственной политики на территории области и в жизни области в целом, а также показывающие способы разрешения конфликтных ситуаций в ходе реализации государственной политики на территории области; освещающие события, явления и мероприятия в сфере культуры, истории и т.д., проходящие с участием губернатора и представителей органов государственной исполнительной власти области; информирующие население об общественно-значимых и текущих событиях на территории области и за ее пределами, происходящих с участием губернатора и представителей органов государственной исполнительной власти области". Если вы подумали, что вот это и есть кандалы пиар-заказухи на пере, вы заблуждаетесь. Это есть ограниченная площадь свободы, а именно ограниченная техзаданием, обозначившим тематическую ниву творчества. В этом контрактном задании столько свободы, что не унести. Уточняю: не унести впятером-вшестером при преобладании кадров средней руки в команде, а вот вдесятером, да если все, как на подбор, матерые газетчики, орудующие пером, как фехтовальщик шпагой, по этому контракту можно сделать недурственный еженедельничек, при условии, что пиар-компания покурит в тамбуре, очистив машинное отделение. Некомплект перьев, не отвечающий производственной необходимости количественно и качественно, - это катастрофический фактор, но первое, что должен уметь редактор, - это работать с авторами и из любого кадрового материала сколачивать творческий коллектив. Твои кадры - богатство в твоих руках. Можно его разбазарить, зарыть в землю, пустить по ветру, швырнуть в мусорный контейнер, сунуть в свой карман, отдать на разграбление хозяевам издания и положения, сдать как реквизит в кукольный театр, выгнать, как стадо овец, на пастбище заказухи щипать травку гонорара, блея под свист пастушьего бича и млея под пастушью свирель, а можно вложить его в производство печатного слова, вдохнуть в него вдохновение, превратить в плодоносящую ниву и цветущий сад творческих индивидуальностей. Правительство, чью деятельность предписывал освещать контракт, - это управленческий аппарат. Покажи с фотографической точностью, как устроен и функционирует этот механизм в его живой связи с системами общественного организма, держа последний на первом плане как сферу ответственности слуг народа, - и наилучшим образом выполнишь процитированное техзадание. Нет никакой нужды разводить пиар-кампанейщину, надо рассматривать заказчика как источник информации и как репортерский объект, куда следует предпринять глубокое внедрение и куда не так-то просто внедриться, да и на порог не пустят без приглашения, а тут тебе и приглашение, и мандат в виде госзаказа, открывающего, если уж не все двери, то многие, коли настойчиво постучаться. Правительство - это информационный Клондайк и место получения доступа во все места, куда посторонним вход воспрещен. Стоя одной ногой в правительстве, можно другой ногой мгновенно открыть большинство закрытых дверей, и за каждой найдется интересная темка и проблемка, только успевай брать на карандаш, был бы карандаш хорошо заточен, уж какой есть в редакции, но и тупенький сгодится для добычи, как говорят газетчики, фактуры, вот, правда, замучаешься извлекать чистую породу из нарытой неловким пером руды. Перво-наперво требуется наладить конвейер, поставляющий тексты на монтажный стол, где изготавливается номер из груды заготовок, зачастую малопригодных в печать, но хоть тресни, а выдай на выходе печатный продукт, приемлемый в двух отношениях: творческом (как журналистика) и финансовом (как заказ). Теоретически одно другому должно не только не мешать, но и способствовать в порядке творчества на заданную тему. Моцарт и не думал про Реквием, заказчик надоумил. Так и здесь, заказчик тему подбрасывает, и если на практике чаще пазгается какофонический реквием по журналистике в виде пиар-туфты, значит, что-то мешает исполнителям вдохновиться либо они вконец профнепригодны.

Тезис 42. *Выполнение техзадания по госзаказу - дело техники.*
Антитезис. *Деградированная журналистика - это сломанная техника.*
Сентенция 42. *Госзаказ без реформы - болтовня для проформы.*

Фрагмент 7. Бобчесть и добчесть

Рациональное использование имевшихся творческих сил при наладке конвейера с нуля изначала делилось на два русла с задействованием их, во-первых, по плану правительственных мероприятий с предусмотренным доступом для прессы, во-вторых, по редакционному плану, вырабатываемому в порядке свободного выбора тематики в рамках контрактного задания. В первом русле особняком струился поток обязаловки, спущенной областным комитетом информационной политики. Это правительственная структура. Кстати, оцените, как звучит: комитет информационной политики! По громкому звучанию надо думать, там, не иначе, засели мэтры и легенды местной журналистики, хорошо осведомленные о бедственной ситуации в ней и ночей не спящие, вырабатывая тактику и стратегию спасения пишущей братии уже как таковой, ведь та вот-вот совсем разучится писать, а чтоб не разучилась, надо экстренно создавать цитадель журналистики и кузницу писчих кадров в виде классической газеты, о чем как о какой-то новости толкует автор этих строк, как будто без него там не знают, что такое газета, как она вообще выглядит, а главное, как она должна выглядеть, как надо писать, о чем писать и на кой ляд писать, на то ведь они и специалисты по части информационной политики, то есть по части разруливания пропащей ситуации, сложившейся в информпространстве региона. Есть кому по должности (на государственной службе) позаботиться об унтер-офицерской вдове, не дать пропасть сиротине и засечь саму себя до смерти, но видимо, спасительная реформа, во избежание душевных волнений и сплетен в профессиональной среде, разрабатывается под большим секретом и разразится в срок как тщательный сюрприз, а пока из комитета летят депеши и молнии в ангажированные СМИ (а не ангажированы только такие хитрецы, каких уж нет или далече) с предписанием пошустрить по прилагаемому списку официальных мероприятий, выделенных как особые в текучке. Поспешу вас разуверить, если вам послышалось, будто бы кто-то кого-то заставляет отрабатывать обязаловку тупо, бездарно и раболепно, совсем напротив, приветствуется творческий подход с высеканием искры божией не копытом, но видите ли, как-то так у нас в России издревле само собою получается, что ежели обязаловка, то всенепременно в ее осуществлении ощущается что-то безумное, какая-то, право, туповатость и пришибленность, что ли, проявляемая, ну, без искры той напрочь, зато с таким, знаете, мельтешением, похожим на подобострастие, и с ретивостью на манер суетни Бобчинского и Добчинского. Ну, вот что ты будешь делать с этой бобчестью и добчестью на месте профессиональной чести, в крови это, что ли? Не знаю, может, это в молоке родины-матери, но что-то тут еще, в данном случае, примешано, и я даже скажу, что именно: отсутствие школы, неумение писать и нежелание учиться. Перо, заскорузлое в голимом пиаре туфтового пошиба, ничего другого не умеет, не научили, и не так-то просто научить и переучить, хоть сутками лекции читай по теории журналистики и тыкай носом в образцы, пиши-де вот так на ту же тему и о тех же персонах, можно лучше, хуже нельзя. Не тут-то было, если автор сам не чует и не разумеет, чем отличается пиар-туфта от журналистики, и надо его задействовать в машине так, чтобы он сам, без нотаций, учуял это и уразумел в процессе выполнения подходящих заданий, заняв свое место в упряжке, комфортное для него и функционально полезное как участок фронта работ, выполняемых всем коллективом. Редактор должен аккуратно, как с садовым растением и музыкальным инструментом, обращаться с авторским самолюбием даже при отсутствии творческой индивидуальности, иначе она и не прорежется, и ты так и не увидишь красоты ее цветения, а так хочется. Если же не хочется, то с чего это ты вдруг назвался редактором? Однажды ты вздрогнешь, читая авторский текст, сердце замрет, как будто заслыша пение ангелов или же Орфея, зачаровавшего Цербера, вот оно, то, чего ты так ждешь от своих авторов, не зная толком, как их вдохновить вот именно к этому, что вдруг само собою, нежданно-негаданно, начинает у них получаться с подачи лучшего учителя по имени практика, если только в машине предусмотрена, а не исключена, свобода творчества для всей тематики.

Тезис 43. *Профессиональная честь - лучшая защита профессии.*
Антитезис. *Профессиональная честь сама нуждается в корпоративной защите.*
Сентенция 43. *Отмоемся, братцы, в большой корпорации.*

Фрагмент 8. Тренерская установка

Производственная необходимость заставляла гонять корреспондентов до сверкания пяток по правительственным мероприятиям, в чьем числе много рабочих совещаний, открытых для прессы. "Постарайтесь не делать бездумных и графоманских отписок, - напутствуешь личный состав на общей планерке, слабо веря в исполнимость напутствия, - попытайтесь ухватить суть услышанного, вникнуть в тему и вгрызться, как вгрызается прилежный ученик в школьный предмет. Потщитесь раскрыть тему умно, талантливо, с пониманием, о чем сам же пишешь, а не отбыть номер, отстрелявшись в молоко, бездарно и дуроломно, как строчкогонный автомат. Нет скучных и неинтересных тем, есть скучные и неинтересные тексты с нераскрытой темой. Каждая статья в газете должна быть произведением искусства журналистики, представляемым на суд читателя и оставляющим полезный след в читательском сознании. Мы работаем не для правительства, а для народа. Мы слуги народа, как и наш заказчик, правительство. Жесткие рамки контрактного задания - это рамки свободы творчества, в коих мы как профессионалы не должны гнать лажово-туфтовый пиар, никому не нужный, ни властям, ни народу, ни нам, а должны исполнять высший заказ, состоящий в талантливом написании статей на заданную тему не по указке каких-то пиарщиков, а по канонам нашего ремесла, родственного литературе как отражение жизни пером. Мы должны писать так, чтобы нам не было стыдно за нашу писанину и нашу газету". Подобная тренерская установка похожа на пафосное заклинание, излишнее для профессионалов и звучащее экзотической демагогией в ушах, чей обладатель не подозревает или плохо себе представляет, что значит написать хорошую статью в газету, каких трудов это стоит и какой кровью дается, у директора уши вяли от речей типа процитированной, спонтанно раздававшихся отнюдь не на каждой пятничной планерке, но с некоторой периодичностью. Машина, производящая печатное слово, и сама работает на топливе по имени слово. Какое слово ты скажешь частям машины, такое топливо и зальешь в бак. А тому, кто, быстро наловчившись торговать газетной площадью, взял моду оценивать как товар и то, чем она занята, мне хотелось всучить в руки перо и заставить изготовить этот товар с таким напутствием: вот тебе редакционное задание, голубчик, чтоб завтра было готово, провалишь - шкуру спущу, руки в локтях согнуть - бегом марш. А еще мне иногда хотелось сверстать номер без заголовков, сунуть директору в нос и сказать: крайний срок сдачи номера в печать - пять вечера, к четырем чтоб заголовки были придуманы, да чтоб каждый цеплял глаз, как афоризмы Ларошфуко, и шевелил уши, как начало Пятой симфонии, схалтуришь - не взыщи, дружок, это чтоб ты знал, чего стоит то, чем торгуешь. Вот ведь казус, директор-то, собственно, не должен был этого знать, а должен был торговать печатной площадью, что он и делал с похвальной ловкостью, знай приговаривая: площадь продана, а иначе с чего я вам, художникам, буду гонорар платить, так что нечего тут мне лапшу вешать и воду лить, как эти, как их, пиарщики, хотите кушать, вот фронт работ, ноги в руки, кисточки в зубы - и рисуйте, рисуйте, художники.

Тезис 44. *Печатное слово в виде информационных услуг - это картина в раме.*
Антитезис. *Вот и получается галерея сеятелей кисти комбинаторов.*
Сентенция 44. *Заставь дурака богу молиться, вот тебе и агитпроп.*

Фрагмент 9. Чудо в перьях

Риторика риторикой, а практика практикой. Требуется длинный ряд условий, благоприятных для осуществления на деле высоких помыслов и творческих установок. В тундре пальмы не растут, кроме как в числе тамошних миражей. Каково же будет ваше удивление, если вы вдруг набредете в тундре на тропическую красавицу и собственными руками, привыкшими напарываться на колючки, наберете пригоршню фиников, пробуя на зуб, не мираж ли? Вот такое диво случилось, когда одно из перьев, строчивших в МГ, молодое и неопытное, но зато еще неиспорченное и сразу подававшее надежды, принялось плодоносить талантливыми статьями, как экзотическими сластями, вточь в духе риторики из предыдущего фрагмента. Не припомню редакционного задания, выполненного бездарно и провально этим пером, создававшим творческий продукт из ничего и из всего, к чему оно прикасалось, словно волшебная палочка, не теряя чудодейственных свойств в режиме сверхнормативной нагрузки на длинной дистанции, работоспособность исключительная, боеспособность высокая, в огонь и воду по звуку трубы, ни намека на симу-

лянтство, свойственное газетной братии. Кабы еще парочку таких же в строю, можно было бы поэкспериментировать на более высоком творческом уровне, нежели позволял расклад. Если вы спросите, не оговорился ли я, запросив только парочку аналогичных штыков, я отвечу, нет, не оговорился, ввиду ограничения, наложенного директором на их общее число. Перьев много не бывает, а искрометных тем паче, но видите ли, есть фактор творческой индивидуальности и ее психологизма. Нельзя насиловать творческое "я" заданиями, отвратными для него, это нерационально и негуманно. Не надо далеко за примером ходить, автор этих строк ни за какие коврижки не подсел бы на рекламу, по причине своей авторской и психологической несовместимости с рекламным пиаром и копирайтерством, и потому за всю практику случайно написал лишь одну статью, опубликованную на правах рекламы, да и то ничего рекламного не было ни в задании, ни в тексте на тему индустриализации региона. В числе задач, стоявших перед объединенной редакцией КГ и МГ и продиктованных финансовой недостаточностью, было невпроворот таких, для выполнения каких требуются не столько творческие способности, сколько свойства, присущие тяжелой военной технике и банному листу, авторские кадры в этом роде имелись в редакции, проходя тараном сквозь стены, мертво прилипая к скользким поверхностям и клешнями загребая капиталоемкую информацию в любых объемах по сумме договора. Насчет качества текстов тут уж прости, читатель, искупим на других полосах, иначе прощай. Только вот если в каждом номере 70 процентов заказухи, ни творческих сил, ни места для их приложения может и не остаться. Можно прыгнуть выше головы на короткой дистанции и повторять акробатический этюд с паузами, но это сизифов труд. Толкаешь камень в гору, потом он скатывается, и цикл повторяется. Однажды прыжковая нога подвернется, и останется зафиксировать камень посередине склона, удерживая газету на творческом уровне средней руки. В срок и это надоест.

Тезис 45. *Кустарно-артельное газетное производство - это профессиональные галеры.*
Антитезис. *Добровольная каторга - разновидность мазохизма.*
Сентенция 45. *Не хочешь сломаться, готовься к побегу, когда третьего не дано.*

Фрагмент 10. Утешительный диагноз

Теоретически и в принципе, организация редакционной работы под государственный заказ не противоречит социальной миссии газеты, если только сам этот заказ сформулирован без противоречий с ней, но штука в том, что госзаказ будет разбазариванием казны, если он отдан изданию, неспособному профессионально его выполнить. Как должностное лицо, несущее всю полноту ответственности за газету, я мог успокоить свою совесть, мол, другие тут, с точки зрения журналистики, не лучше Местной газеты сделают ту же работенку, но вот вопрос: а зачем вообще на нее подписываться, зная, что это сизифов труд? Если ситуация здесь и сейчас такова, что служить профессии - все равно что толкать сизифов камень, и если исключить вариант ответа, который я называю профессиональным ренегатством, остается два приемлемых ответа на поставленный вопрос: либо уйти из профессии, либо делать сизифову работу, пока хватает духу и терпения. Согласно смыслу этого выражения, сизифов труд - напрасный труд, бесполезные усилия, тщетные старания, но скажите-ка, напрасны ли усилия тех, кто выхаживает безнадежного больного? Чтоб параллель была прямей, добавлю, что этот больной безнадежен потому, что помещен в условия, не способствующие выздоровлению, сколько ни ходи за ним, можно добиться лишь улучшения состояния за счет усердного ухода, а для выздоровления требуется квалифицированная медпомощь. Применительно к отдельному изданию аналогию можно понимать буквально, как она только что сформулирована, а если в качестве больного рассматривать в целом местную прессу, то надо добавить, что пациент попал в лапы шарлатанов (пиарщиков), кои не лечат, а калечат и вконец залечат, если не оградить больного от забот этих инородных целителей, но и бросать на произвол судьбы его нельзя, сам не оклемается, околеет, как пить дать, без реформы сверху, а снизу и геракловы усилия будут сизифовыми. А перво-наперво надо поставить диагноз. Относительно нормы профессионального здоровья он неутешительный, но можно утешиться, памятуя о дурдоме, где держали страну 70 лет при помощи агитпропа. Видно, в провинции произошел легкий рецидив агитпроповского сумасшествия или же затянулись остаточные явления, да мало ли какая дурь у нас в России может учиниться и с чистого листа на ровном месте, не читайте местных газет, да и все. Но то-то и оно, что народ как раз местную прессу и читает, отчего она имеет государственное значение, и негоже ей ни с ума сходить, ни ходить по

рукам пиарщиков, им-то что, поматросили и бросили, а государству с того никакого резону, срам один перед всем честным народом и цивилизованным миром. Нигде теперь так, как у нас в провинции, не попустительствуют в отношении прессы, понимая, что она четвертая власть, даденная свыше в комплект остальным трем, и ежели государство не укрепит ее природный статус, то больше потеряет, чем возьмет, опять какой-нибудь бардак в государстве учинится, а никто и не заметит, потому как некому будет осветить безобразия. Пора государству прикрикнуть на пиарщиков и пригвоздить в штабах и комитетах агитпропа директиву под ликами святых: руки прочь от зеркала, перекурите, а то себя не вижу! Найдется еще щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит, да сверху припишет: неча на зеркало пенять, коли кривое любо.

Тезис 46. *Отдавая прессу на откуп пиарщикам, государство попадает в комнату смеха.*
Антитезис. *Кривое зеркало кривую рожу прямит.*
Сентенция 46. *Найдется щелкопер, дразнилка, агитпроп передразнит.*

Фрагмент 11. Тупиковый потолок

В свой творческий потолок Местная газета уперлась осенью-2010, когда был сделан репортаж из деревни, занявший 12 полос и состоявший из 20 статей, распределенных по трем номерам подряд (см. журнальную версию в №11 ВЛ, №1 ПР, журнал в журнале, тетрадь III "Родина", блокнот 1 "Хождение в народ", "Деревня", портрет сельского поселения, панорамный снимок в пяти ракурсах). Не такой уж шедевр, при строгой оценке, требующей досконального знания и глубокого раскрытия темы, это снимок пером а-ля этюд и набросок на пленэре, но ничего подобного в местной прессе не делалось и близко по профессиональному уровню за последние двадцать лет, нива сельской тематики лежит впусте, никто ее не распахивает, корреспондент на селе нынче - сладкоголосый певчий в свите чинных персон, перерезающих ленточки под фанфары пиар-кампанейщины с забубенной помпой. Любопытно заметить, что "Деревня", выдвинутая на областной репортерский конкурс, не удостоилась никакой оценки жюри, догадайтесь, кто оценивал. В 2011 году благосклонность жюри возросла, и МГ стяжала на областных конкурсах побольше призов, чем в 2010-м, только вот все призовые публикации МГ вместе взятые на голову ниже "Деревни". Что ж, лучшее - враг хорошего, но ничего хорошего не жди там, где не замечают лучшего. Перед МГ, доминировавшей в вологодской глубинке, стояла сверхзадача по освоению деревенской тематики на системной основе. По моей оценке, задача выполнялась процентов на 20 относительно потенциала МГ, оставшегося нераскрытым в сельской плоскости в основном из-за контрактных перегрузок, придавивших перья. Да еще и директора убеждай с пеной у рта в необходимости распахивания деревенской тематики не под заказушные фанфары, а надлежащим образом, как того требует профессия. Спрашивает: "Деревня" заняла 12 полос, за которые никто не заплатит, объясни, кому и зачем она нужна? Зацените символичность вопроса: кому и зачем нужна деревня? Если вам не доводилось объяснять сто раз одно и то же, когда вас не хотят понимать, вам повезло, ваш лоб не болит от битья о стенку, но зацените, как поставлен вопрос о смысле профессиональной деятельности: зачем делать то, за что никто не заплатит? Видите ли, какой тут подвох и капкан, на сей вопрос можно ответить, только объяснив, что заплатят таки, потому как газета, становясь лучше, качественней, профессиональней, популярней, повышает свою привлекательность для размещения всяческих заказов на своих страницах, но объяснив это, вы отвертитесь лишь частично, выговорив себе свободу рук лишь на время, дабы использовать его для дела. Вопрос будет бесконечно всплывать, клацая клешнями раскрытых наручников, и вы не сможете бесконечно изворачиваться ужом на сковородке, отвечая на него в том же духе, потому что вопрос дурацкий, и вас делают дураком и загоняют в угол, заставляя вечно отвечать на дурацкие вопросы и тратить на это 50 процентов энергии, вместо того чтобы делать свое дело со 100-процентным КПД. Вы плюнете, наконец, и приспособитесь делать дело, избегая дурацких вопросов, но КПД упадет, потому что вы загнаны в угол, тупик и капкан, где трепыхаетесь, делая сизифову работу, которую никто и не заметит, потому как иное не предусмотрено ответом на грибоедовский вопрос: а судьи кто?

Тезис 47. *Низкий профессиональный уровень местной прессы поддерживается сверху.*
Антитезис. *В верхах маниловщина, когда профессиональные низы безмолвствуют.*
Сентенция 47. *Белки крутят колесо до потери профессионального сознания.*

Фрагмент 12. Штамповальный рок

2010-й год был годом творческого становления и развития для МГ, а 2011-й - годом удержания достигнутого уровня без шансов подняться выше. КГ достигла потолка во второй половине 2009 года, а дальше - сизифов труд по удержанию планки, позволяющей не пунцоветь за газету. Посредством установления рабочих контактов с рядом департаментов тематические акценты в выполнении основного контракта были смещены на проблематику курируемых ими сфер, и содержательным ядром МГ стало освещение функционирования общественного организма и разработка тематики, характерной для его системных сфер: экономика, здравоохранение, образование, социалка, муниципальные дела, ситуация на селе и так далее. Достаточно было при этом обозначить патронаж властей, например, взяв в рассмотрение какую-нибудь правительственную программу, чтобы заниматься журналистикой в рамках контракта по проблематике данной сферы, а не наведением блеска на пуговицах мундиров ее аппаратных кураторов, однако народ должен знать их в лицо и получать информацию из первых уст. Этой информации, по правде сказать, был перебор в МГ в ущерб глубине и обстоятельности разработки тем, затрагивавшихся больше по верхам и второпях, без аналитических изысканий и без заострения внимания на проблемах и путях их решения. Для этого-то и нужна тематическая специализация, о чем можно только мечтать, гоняя пятерых по всей области с задачей закрыть по 2 полосы на брата в неделю текстами, приемлемыми в двух отношениях: как журналистика и как госзаказ. Специализация тут сводится к оптимальному распределению заданий между корреспондентами, в зависимости от того, у кого что лучше получается, и как ни крути, щадя людей, они были обречены, крутясь, как белки в колесе, превращаться в штамповальные аппараты, а вместе с ними был обречен превращаться в автомат и тот, кто монтировал номер из груды заготовок в темпе аллегро. Каждый номер мог быть лучше по ряду важных параметров, таких, в частности, как литературное качество текстов и заголовочное выражение лица газеты. Над тем и другим должны корпеть отдельные умельцы, дабы газета не была безликой и безграмотной поделкой, сляпанной грамотеями, коим надо брать уроки русского языка и осваивать азы на стажировке в нормальной газете, а ее-то здесь и нет. Спрашивается, что лучше: ворох ненормальных газет, корчащихся в судорогах выживания, или одна нормальная, которую можно создать, сосредоточив в ней кадры, распыленные в творческом вакууме?

Тезис 48. *Создание классической газеты равносильно реформе местной прессы.*
Антитезис. *Индустриальная монополия бывает хуже кустарщины.*
Сентенция 48. *Искусство - это монополия мастеров.*

Панно IV. PUBLIC RELATIONS НА МЕСТАХ

Фрагмент 1. Конкурентная среда

Когда я слышу, что на провинциальном рынке периодики, как и на столичном, должны присутствовать разные местные издания и конкурировать за читателя, меня жалость берет к читателю. Это все равно что изъять с продовольственного рынка качественные продукты, оставив низкий сорт вперемешку с тухлятиной, и сказать: нате, граждане, конкурентоспособный продукт, а переблевавшись, не обессудьте, другого нет. С телевидением та же песня со своими интонациями, накладными для казны. Вопрос к здравомыслию: зачем выкармливать или подкармливать несколько местных каналов, тарахтящих на одинаково низком профессиональном уровне относительно ЦТ? Уровень ЦТ - запредельный для регионов, но зачем же деньги-то народные на ветер швырять, сделайте один канал получше, чем содержать аналоги похуже, идентичные по функциональности и неспособные вступить, как центральные телеканалы, в творческое соревнование, завоевывая аудиторию высоким качеством и разнообразием программ, если не брать в расчет сомнительные приемы вроде желтизны. Обращаясь к элементарному здравомыслию, дабы следом обратиться к государственному мышлению, не премину поставить вопрос и так: как вы думаете, Толстой и Достоевский - конкуренты или нет? Если да, то в чем, собственно, выражается конкуренция меж классиками? Может быть, они дерутся за читателя на небесах и дрались на земле при жизни? Это вряд ли. Классики и их произведения дополняют друг дружку и одинаково нужны человечеству, удовлетворяя разным вкусам и запросам

и сосуществуя в культурном поле без антагонизма меж собой. Мастера конкурируют в сфере творчества в порядке творческого соревнования, стремясь превзойти друг дружку в мастерстве, а конкуренция их произведений на рынке вторична и имеет право быть потому, что шедевры одинаково достойны внимания читателя как высококачественная духовная пища, идущая на пользу получателю, в отличие от низкосортного чтива, коим недолго и отравиться. Конкурентная среда в сфере периодической печати возникает при наличии как минимум одной газеты классического образца, за вычетом которой имеем брошенную ниву, где вне конкуренции бурьян и репейник.

Тезис 49. *Мерило местной прессы - столичный уровень журналистики.*
Антитезис. *Резон есть прибедняться, мол, где нам с Москвой тягаться!*
Сентенция 49. *Бранить Москву ума хватает, а как до дела - мы провинциалы.*

Фрагмент 2. Гравитация профессии

Любая профессиональная сфера приходит в упадок с исчезновением мастеров, держащих на высоте свое ремесло и создающих школу как кузницу кадров и как центр притяжения талантов, раскрывающихся на ниве профессиональной деятельности и занимающих свое место, словно орбиту в поле гравитации. В большинстве профессий практика неотделима от теории, постигаемой посредством обучения. Лучшая наука - практика, но вход в профессию обычно лежит через получение профессионального образования. К этому правилу есть поправки, особо заметные в творческих профессиях, где решающим фактором является природный дар, талант, способность к творчеству, например, к писательству. Толстой и Достоевский не заканчивали литинститут. За отсутствием литературного таланта шансы индивида стать писателем стремятся к нулю. Писательский талант - это высокоразвитый дар слова, он же дар речи. Даром речи обладают все люди, но не каждому дано создавать шедевры слова и просто добротные в литературном отношении тексты. Искусство слова - это не только изящная словесность (литература). Журналистика - это тоже искусство слова. Для овладения им не помешает закончить журфак или филфак, но главная формула освоения творческой профессии: природные данные плюс практика. Творческие способности нередко бывают скрытыми и нераскрытыми, так что их обладатель может и не подозревать, как он богат, практика выявляет способности и, задействуя их, обеспечивает становление профессионала. На всяком производстве, и газетном тоже, молодые кадры должны осваивать ремесло под началом мастеров. Если редакцией управляют ренегаты, пиарщики и торговцы печатной площадью, то мастера там если и есть, то со связанными руками и заткнутыми ртами, а редакция превращена в торговую лавку, и младая поросль учится не журналистике, а торговле собой и приспособленческому попаданию в струю пиар-кампанейщины и прочей заказухи на подпевке, подтанцовке и на пастбище, оглашенном ржанием, мычанием, блеянием и прочими утробными звуками, несовместными с профессиональным достоинством, а оно-то и отсутствует в связи с отсутствием школы, воспитывающей его вместе с привитием профессиональных навыков и умений. Мастер и под прессом цензуры не будет гнать полную лажу, это ниже его достоинства. И нет таких ренегатов в этой, как и любой, профессии, какие совсем уж перестали уважать и ее, и себя, держа нос по ветру. Дела в местной журналистике плохи, но не настолько, чтобы отсутствовал кадровый ресурс, необходимый для перемен, он имеется, но рассредоточен на вольных хлебах и по карликовым редакциям. Малонаселенная провинция, однако, вряд ли обладает изобильным творческим потенциалом, включая латентный, незадействованный, и тот, что нерационально задействован и распылен в регионе, подобно космической пыли, лишенной гравитационного центра. Укомплектуй редакцию профессиональными кадрами, и получишь термоядерное топливо, в пылевом облаке вспыхнет звезда и высветит убожество кустарно-артельных карликов. Вас волнует их судьба? Волнуйтесь не за народные деньги, отпущенные на поддержку СМИ как производственный капитал.

Тезис 50. *Инвестиции в журналистику - первый приоритет в информполитике региона.*
Антитезис. *Это крамола, там первый приоритет - образ губернатора.*
Сентенция 50. *Губернатор обойдется без образа, не шоумен.*

Фрагмент 3. Любовь к губернатору

Пиарщики произошли от термина public relations. Ежели кто думает, что термин переводится как кукловодство, или шарлатанство, или самозванство, или же как теневой кабинет, подменяющий редакторат, поспешу разуверить. Ничего подобного. И не подумайте, хуже того, будто бы пиарщики обращаются с пишущей братией, как Сидор со своей козой в советской манере, ничуть не бывало, все обставлено демократично, елейно, бесцензурно, запанибрата, пиарщики величают журналистов коллегами, видимо, полагая, возможно, даже искренне, что делают с теми одно дело: журналистику. Какова она, подобная "журналистика" (не забудем закавычить), читатель и сам прекрасно видит и слышит, замучавшись стряхивать с ушей лапшу длинней спагетти. Пару слов о том, откуда берется длинная туфта на местах. В здешний комитет информполитики время от времени приглашаются главреды посовещаться. На повестке, само собой, фундаментальные и скрижальные вопросы информационной политики региона, негоже ведь дергать по пустякам главных (после пиарщиков) ньюсмейкеров. Основной комитетчик - молодой пострел, неведомо из какой щели вылезший на крышу мира, но свой в доску, с подвешенным языком и с угощением, только что портвейн не разливает. Больше всего парня волнует, сами понимаете, губернатор, потому как губерния без губернатора - это как царство без царя в голове или как РФ без президента, ежели рассудить по конституционному устройству. Понятно, что молодой, да ранний вождь ведомства, призванного осуществлять public relations в областном масштабе, носил губернатора в сердце своем и переживал за него, как за отца родного, даже казалось, что тот и есть его отец. И такое впечатление, что и у остальных местных пиарщиков, а также у многих других госслужащих, отец, знаете, кто? Губернатор. Это, конечно, кажущаяся видимость и видимая кажущность, потому как слишком уж много их и губернатор-то сменный, а сменных отцов не бывает, но уж так они любят губернатора, как будто он-то и произвел их на свет. Эти дети лейтенанта Шмидта пишут слово губернатор с большой буквы, хотя даже слово царь, по нормам русского языка, пишется с маленькой буквы, выходит, губернатор для них выше царя, а выше царя в сердце человеческом только отец, земной али небесный. Ладно бы только в ихнем делопроизводстве губернатор писался с большой "г", так ведь из-за этой беззаветной любви и в прессу проскочила любвеобильная, но безграмотная манера, да и сама собою привязываясь к перу, как бес к праведнику и блоха к хвосту, так что и некоторые мои авторы, забывая крепкий редакторский наказ писать по-русски, нет-нет, да и напишут машинально губернатора с большой "г". Хорошо, мой корректор поднаторел на ловле блох, да и я не зевал, а то б читатели, чего доброго, подумали, что и я отпрыск, а вот и нет. Почувствовать, как велика бывает любовь к губернатору, можно также, глядя в расширенные зрачки некоторых глаз, посаженных над пуговицами мундира и поверх шинели Акакия Акакиевича. Зрачки увеличивались потому, что их обладатели наталкивались на уменьшенного губернатора, как будто пониженного чином или даже разжалованного, упоминаясь с маленькой "г" в статье, подготовленной с их участием и представленной им на допечатное согласование во избежание ляпсусов. Главный ляпсус поблескивал в глазах маленькой "г", обложенной лепестками букета чувств, как-то: изумление, недоумение, стыд, виноватость, легкий испуг, протест и мольба, мол, ну пожалуйста, напишите губернатора с большой "г", ну что вам стоит, да не убудет с русского языка, ну как вы не понимаете, это же святое, как отец, читалось в глазах. Наказ корреспондентам на этот случай был таков: требования учтиво отклонять, на уговоры не поддаваться, стоять на маленькой "г" до последнего, а если уж никак, то и солгать во спасение родной речи, пообещав большое "г", а потом все свалив на редактора с корректором. А некоторые еще очень просили добавить отчество, не умея взять в толк, как можно величать губернатора в газете лишь по имени и фамилии, а то и только по фамилии, что уж совсем невежливо в любящих глазах.

Тезис 51. *Никакой государственный служащий не нуждается в пиаре.*
Антитезис. *Народ должен знать, кто и как управляет государством.*
Сентенция 51. *Если все по протоколу, будет больше по приколу.*

Фрагмент 4. Образ губернатора

Как известно, чем больше любовь, тем безрассудней. Нездешняя любовь к губернатору порождает безумие, она маниакальна, пиарщики бредят губернатором и святят его даже больше отца, примерно как попсу фанаты. Любовь подвигает пиарщика ревностно про-

сить и ревниво педалировать, чтоб губернатор не сходил с газетных полос и телеэкрана, как будто он там живет, как артист на сцене, не выходя из образа, видимо, чтоб он поселился и в сердцах, как народный артист и запавший в душу народную главный герой ненадоедающей киноленты типа Ивана Васильевича, меняющего профессию. Создать в умах и заронить в сердца яркий и незабываемый образ губернатора - это бредовая идея, но понятная, ведь она продиктована лучшими чувствами к дорогому и близкому человеку, вот не очень понятно, как ее осуществить, да и зачем, собственно. Тут нужна голливудская режиссура и не помешал бы актерский талант у губернатора, а ему по должности полагается иметь совсем другой дар - политический: управленческий: менеджерский, согласно хотя бы переводу слова политика с латинского (искусство управления государством). Губернатор - государственный человек и слуга народа, его дело - служить государству и народу за аппаратным пультом, а не в образ входить на СМИшных подмостках, срывая овации и меняя профессию, как Иван Васильевич. Нелегка задача у пиарщика - заразить народ фанатизмом и любовью к губернатору, искусно вставив его в информационный образ, внушающий нежные чувства. Публику уже не проведешь, стоит сфальшивить, и полетят в губернатора помидоры, как пить дать, если не сразу, то под занавес, помните ведь, что в итоге сталось с прежними отцами народов, влезшими в сердца посредством агитпропа. Пиарщикам как будто и дела нет до исторических провалов аналогичных спектаклей, гнут в том же бутафорском духе. Номера с ходячими памятниками, всенародно любимыми, еще проходят только в Пхеньяне, а в других местах уже и Голливуд не впихнет слугу народа в образ отца народа, народ не тот, выйдет цирк, который уехал, а клоуны остались. Пиарщики, не будь совсем дураки, берут в расчет, что народ не тот, отказавшись от приемчиков вроде создания заоблачной дистанции между народом и правителем, помещенным на седьмом небе в ангельском окружении приспешников и с нимбом с радугу, но кому еще непонятно и без пиарщиков, что надо стоять вровень с народом, втираться в толпу, не бронзоветь, носить корону, как кепку, и засучить рукава не только в камеру для показухи, а и взаправду по должности. Как же пиарщикам зарабатывать на хлеб с вологодским маслом и икрой не мойвы, если и без них яснее ясного, что создать себе образ государственного деятеля сегодня можно, только став им на деле? Э, фокус в том, что народ - это электорат. Чуете золотую жилу? Тут целое Эльдорадо.

Тезис 52. *Чем театральней выглядит губернатор, тем меньше он выглядит губернатором.*
Антитезис. *Чем больше роль, тем трудней ее сыграть.*
Сентенция 52. *Хорошо играет тот, кто играет свою роль и не слушает пиарщиков.*

Фрагмент 5. Столбцы софитов

Какой там еще народ, нет никакого народа, и граждан нет, есть электорат, и на смену народной любви пришла электоральная, состоящая в фиксации массового сознания на объекте пиара по принципу рекламы: чем чаще на глаза попадается рекламируемый предмет, какой-нибудь бытовой прибор, например, тем больше вероятность, что его предпочтет потребитель, да, глядишь, и полюбит. Если этот предмет и впрямь высокого качества и вне конкуренции, относясь к разряду лучшего и первосортного независимо от рекламных презентаций, то его экспансия на рынке и в сознании потребителя не представляет собой ничего зловредного, но губернатор все-таки не бытовой прибор и в настоящее время назначается у нас, а не выбирается. На кой ляд его рекламировать? Пусть выполняет свой государственный долг, в чем пресса не только может, но и должна оказать ему информационную поддержку, например, разъясняя населению суть и необходимость проводимых реформ, зачастую болезненных и потому непопулярных. В этом нет ничего похожего на рекламирование губернатора (пиар), и вообще, освещение в прессе деятельности первого лица, как и его команды, - это банальная вещь, сводящаяся к информированию населения о том, чем, собственно, занят губернатор и как он отрабатывает на службе у народа свой оклад, значительно превышающий среднюю зарплату. Фанаты губернатора (пиарщики) смотрят на него совсем иначе влюбленными глазами, а именно как на объект пиара, долженствующий, по их сценарию, монументально довлеть и выситься на первом плане электорального сознания в огнях рампы и софитов, а все остальное, всевсе, ей-богу, происходящее в жизни и существующее в природе, - это у них фон, задний план, размытый горизонт, декорации и полумрак за авансценой. Сценарий реализуется как ежедневная пиар-кампания, разводимая по списку мероприятий с участием губернатора, например: в 9.00 губернатор посещает строящийся городской объект, в 12.00 подпи-

сывает важный для области документ, в 14.00 заслушивает глав муниципальных образований о ситуации на местах, в 17.00 присутствует на торжественном чествовании работников образования. В этот же день есть куча других событий и мероприятий, но губернаторские, как вы понимаете не хуже главредов, в приоритете для освещения, а их освещение, как вы догадываетесь (а уж главреды и подавно), будучи комитетским заказом или просьбой, которую трудно отклонить, дружа с хлебным комитетом, должно быть чем-то вроде театрального прожектора, направленного, вы поняли, на кого, на любимого и дорогого. Тональность, стиль, построение публикаций могут быть какими угодно, мол, креативьте, креативьте, вы же мастера пера и штатива, никто не велит сглаживать зазубрины и умалчивать о язвах, расковырянных на мероприятиях, особенно если губернатор публично выпорол глав, запустивших ситуацию на местах, и отчехвостил строителей, сорвавших сроки. Главное - луч софита, световой столбец, создающий на сцене, погруженной осветителями в полумрак, знаете, такой яркий кружок, в коем хорошо видна залу фигура выступающего, а больше никого и ничего не видать, а и не надо, по комитетскому (читай: государственному) заказу и в согласии со скрижалями информационной политики региона. Не подумайте, будто бы мое вольное переложение госзаказа сего и сей информполитики взято с легким припуском гротеска прямо из уст застрельщика местного пиара, при всем своем краснобайстве пиарщики этакими метафорами не оперируют, но по существу дела я ни грамма не приврал, клянусь губернатором. Не премину добавить, тут уж хотите верьте, хотите нет, больше всего мне обидно в этом контексте (губернаторском) даже не за журналистику и не за державу, а за губернатора, и, думаю, не мне одному, не я же один тут чувствительный такой выискался, другим, поди, обиднее моего, телевизионщикам, например. Те, кто еще в здравом уме (а не все же спятили), явственно ощущают, что этакий пиар попахивает шизой, и в душе плюются и отплевываются, отдавая кесарю кесарево, а пиарщикам пиарщиково. Как там у Пушкина? Пиарщик ждет уж рифмы розы - да на, возьми, вот тебе образ губернатора. Вы как знаете, а мне жаль губернатора, хотя вдову таки жальче, не попса же он, в самом деле, а государственный человек, ставший жертвой безрассудной любви и public relations в постановке гроссмейстеров, суетящихся в свите, как Бобчинский с Добчинским и как портные из сказки Андерсена про новый наряд короля.

Тезис 53. *Пиар первых лиц производит обратное впечатление.*
Антитезис. *Антиреклама тоже реклама.*
Сентенция 53. *От пиара и кошмара надо проснуться.*

Фрагмент 6. Одни курьеры

За два с половиной года работы МГ по госзаказу редакция не могла добиться от этих портных помощи в организации интервью с губернатором, чтоб дать ему помудрей высказаться не в балаганной обстановке. Показуха, помпа и фанфары - таков стародавний, практикуемый со времен фараонов, реквизит агитпропа, включая показательную порку Акакия Акакиевича и назначение козлов отпущения в связи с обстоятельствами, какими нельзя похвалиться с помпой под фанфары. Из недели в неделю кавалькада СМИ - хвостом трубой за губернатором, только пыль в глаза столбом. Летят гонцы во все концы возвестить о перерезанной ленточке, как тридцать пять тысяч курьеров. Можете представить себе, по улицам курьеры, курьеры, курьеры. Делать газеты на уровне некому, потому что в редакциях одни курьеры, озадаченные не журналистикой, а тараканьими бегами от ленточки к ленточке. Гляди-ка ты, стройка кипит, а то б с чего губернатор не выпускал ножниц из рук, только успевая ими щелкать. Угадайте, как выглядят рычаги управления регионом. Крест-накрест с кругляшками для пальцев. Правильно: ножницы. Знай себе стриги красные ленточки с помпой под фанфары. Но как же, вы думаете, при этом должен выглядеть в народных глазах губернатор? Какой же образ создали гроссмейстеры? Какое платье сшили портные? У вас нет такого чувства, что в земле русской произошло нашествие кротов, подтачивающих основы государства? Это не бросается в глаза, потому как под землей невидно, но о подрывной деятельности можно догадаться по дыркам и характерным извержениям землицы вокруг них на поверхности. Заслышав пустопорожнее словоизвержение в СМИ в забубенном стиле пиар-кампанейщины, вы, скорей всего, пропустите это мимо ушей и просто стряхнете с них лапшу, но вслушавшись, вы должны почуять, что что-то тут нечисто, кто-то невидимый рылом роет землю и руководствуется, скорее, роющим инстинктом, чем государственным мышлением. Агитфеерию пропбута-

фории пиарщики с чего-то называют информационной политикой со ссылками на необходимость политической стабильности, хочется верить, да эффект-то обратный, обваливается рейтинг объектов пиара в электорате и рухнет до нуля в один прекрасный день. Хорошо хоть, в столице журналистика сидит в профессиональной цитадели, какую пиарщики голыми руками не возьмут и носом не подроют, подкапываясь в границах МКАДа, но большинство граждан РФ оттоль далече, и что важно, многие из них читают местные газеты, во всяком случае бесплатные, да еще и от корки до корки. В районах машину с тиражом МГ читатели встречали на дороге, вточь как хлебовозку насущную, прибывающую в деревню в назначенный час, и журили водителя за задержку, да и в городе выхватывали газету из рук, когда тот нес пачку от машины до стойки. Подавляющее большинство читательской аудитории в провинции является активным электоратом. Это старшее поколение. Оно по-прежнему склонно верить печатному слову, но это не значит, что можно бесконечно злоупотреблять его доверием, заставив все СМИ дуром дудеть в одну дуду, однажды доверие лопнет, и управляемый электорат станет неуправляемым, а пиарщики умоют руки, ведь они подрывают основы чужими руками. Они скажут: ну что же поделать, раз пишущая братия так бездарна, неспособна вести пиар-кампанию с креативчиком и лишена государственного мышления, лишь бы деньжат сшибить на заказухе. И возразить-то будет нечего, потому что так оно и есть на местах, а что написано пером, не вырубишь топором. С бродячих ньюсмейкеров какой спрос? Трали-вали, проголосовали, тили-тили, и свалили, конец гастролей, сдирай афишу, вот вам от мудрейших public relations, коли своего ума нет. А кто высек унтер-офицерскую вдову? Помилуйте, господа хорошие, современники и потомки, она сама себя высекла. Так уж и сама? Самее некуда, потому как свобода слова разрешена и цензура запрещена. Неча Соней Мармеладовой глядеть, коли за конфету по рукам пошла.

Тезис 54. *Показуха хуже чернухи, та подпинывает к делу, а эта к имитации.*
Антитезис. *Показуха и чернуха - Сцилла и Харибда журналистики.*
Сентенция 54. *Где наша не пропадала, проскочим меж строчек.*

Фрагмент 7. Народное СМИ

Почему я говорю о газете классического формата как о чем-то приоритетном в информпространстве провинции? Во-первых, потому, что до сих пор, как это ни странно, читающая аудитория на местах явно предпочитает газеты, причем местные, а не центральные, в числе всей печатной продукции, а местное телевидение (повторю с скобках: местное), уже в силу своей дороговизны, покамест и близко не конкурент газете по всем параметрам, исключая видеоряд да новостную оперативность, если газета не ежедневная. Газета на местах - это, я бы сказал, народное СМИ. Народ читает газеты, это надо брать в расчет как важный факт и надлежаще учитывать в той самой информационной политике, для выработки которой есть целый комитет, да толку нет. Местная пресса профессионально слаба, как дистрофик, дунь - и дух вон, зато комитетская пиар-кампанейщина цветет и пахнет, зашкаливая за все рамки здравомыслия, благоразумия и приличий, сея в народе обратное отношение к объектам пиара и роя антигосударственный подкоп, а на деньги чьи? В пору уже прищучить комитет за нецелевое прожигание народных сбережений, а законодательному собранию придумать формулу, по которой ассигнования будут плодоносить как производственный капитал, но не будут ни милостыней убогим, ни костью злым собакам, чтоб хвостом виляли, не скаля зубы, ни караваем для одного с сошкой и семерых с ложкой. Ввиду отсутствия мощной региональной газеты, призванной быть основным СМИ региона, самым рациональным вложением СМИшных денег будет создание такой газеты. Я называю ее основным СМИ применительно к условиям нынешней провинции, чьи потребности в информации по местной тематике невозможно обеспечить сполна каким-либо иным образом, кроме как посредством классического печатного издания по имени газета. Речь идет о машине, соотносящейся с карликовыми редакциями как индустрия с кустарями и артелями. Мелкокалиберное производство имеет право быть в сфере печати, как и в других производственных отраслях, но если на рынке печатной продукции присутствует одна кустарщина, это каменный век. Ежели кто из местных полагает, что я сгоряча преувеличиваю, пусть посетит с экскурсией редакции крупных московских изданий, хотя достаточно взять в руки образцы тамошней прессы и тутошней. Небо и земля по всем характеристикам. Большая разница, способная сильно насмешить заезжих профи, связана не столько с параметрами кадрового ресурса на местах,

количественными и качественными, сколько с его иррациональным и эксплуататорским использованием. Соорудите машину, персонал наскребется. Кадры, включая лучшие, имеют свойство растворяться в пространстве, как невидимки, прозябая в потенциале, когда они не востребованы, и вынырнут, как из-под земли, стоит появиться механизму, притягивающему таланты. Где нет индустрии, там промышляют кустари и их артели, более или менее способные клепать печатный продукт. Одна такая артель увековечена в этом сказании. В полномасштабном виде региональная газета классического формата - это ежедневник с приложениями типа пухленького еженедельника и профилированных журналов в структуре медиа-холдинга, имеющего становым хребтом газету. В облегченном варианте, выбираемом на старте, смотря по финансовым и кадровым ресурсам, не имеет значения многое из того, что важно на высоких ступенях развития издания. Если стартовый капитал невелик, тут не до скорострельности станка и не до разнообразия станочных изделий. Главное, сконструировать и запустить станок, позволяющий персоналу заниматься журналистикой в точном смысле слова и делать газету, а не фиговый листок для статуй и голых королей. Пусть это для начала будет еженедельник, но с укомплектованным штатом и специализированными отделами, профессионально разрабатывающими каждый свою тематику, это обязательно, без этого нечего и толковать о реформе местной прессы. Если таких азов кто-то тут не разумеет, ниже некуда катиться. Реформа - это, может быть, громко звучит, в силу масштабного смысла слова, но будет настоящей реформой появление здесь газеты, в чьей редакционной структуре имеются и функционируют на приемлемом профессиональном уровне служба информации, отделы экономики, образования, здравоохранения, культуры и так далее, укомплектованные специалистами не по части балабольства. Полноценная редакция подобна научно-исследовательскому центру, собирая и обрабатывая информацию с получением на выходе сборника квалифицированных статей, только не научных, а газетных, предназначенных для широкой аудитории и специализированных по тематике, соответственно сферам исследования. На высокой ступени своей эволюции региональная газета должна быть рентабельной, имея в виду прежде всего две статьи доходов: от розничных продаж, подразумевая немаленький тираж, и от рекламы, подразумевая господство газеты и ее приложений на местном рынке рекламы, весьма капиталоемком и ныне раздербаненном варварским образом в ущерб журналистике, а не в помощь как ее естественная финансовая подпорка, предусмотренная самой природой рынка печати. Эта подпорка выдернута из-под провинциальной журналистики, распихана по карманам и кормит ловких ребят, использующих журналистику в качестве лавочного инструментария, а журналистов как рабсилу на штамповке ширпотреба, а кое-кто и без услуг пишущей братии отхватил жирный кусок, оказавшийся бесхозным и лежащим на дороге. В таком областном центре, как Вологда, кроме госзаказа (имея в виду любую форму бюджетных ассигнований), сегодня больше не на что рассчитывать как на основной источник инвестиций в региональную газету. Мировая демократия в целом, а наша тем паче, еще не настолько развита, чтобы государственный заказ был идеальным способом решения финансовых проблем журналистики, но государственный не значит закабаляющий, а если значит, то это, скорее, нечто антигосударственное в свободной стране, подрывающее основы, в чьем числе фигурирует свобода слова. Выше по тексту приведен пример узкотематического госзаказа для Местной газеты. Если тематику госзаказа расширить, соответственно предназначению журналистики и газеты широкого профиля, получим неограниченное поле свободы, в коем перо свободно не меньше, чем в так называемых независимых СМИ, называемых так потому, что они независимы от казны, но это еще не значит, что перо там не вставлено ни в какие рамки и не прижато никоим прессом, заказушным, цензурным и прочим. Достаточно какого-нибудь директора над редактором и достаточно плохого редактора без всякого директора, чтобы свобода слова и творчества была подавлена на страницах издания. И вообще, свобода слова - это бремя, и только там, где его несут, она является фактом, а не фикцией и декларацией.

Тезис 55. *Региональная газета - основное СМИ региона.*
Антитезис. *А какая сентенция в том, что на местах четвертая власть - что пятое колесо?*
Сентенция 55. *Доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет.*